ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ

АКАДЕМІИ.

ГОДЪ II.

КІЕВЪ.

Въ типографіи Кіево-Печерской Лавры.

1838 года.

УКАЗАНІЕ

СТАТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ВОСКРЕСНОМЪ ЧТЕНІИ ЗА 183$\frac{8}{9}$ ГОДЪ.

N. 1.

Стр.

Пасха есть праздниковъ праздникъ, и торжество торжествъ. Изъ слов. на Пасх. св. Григорія Нисскаго. 1.

Упремъ упренію глубоку и пр. 3.

Слово къ сельскимъ прихожанамъ въ день св. Пасхи. 6.

Вечерня Пасхи. 9.

N. 2.

Выписка изъ 45 Бес. на Еван. отъ Іоан. св. Златоуста о воскресеніи и судѣ. 11.

Вѣра, сомнѣніе и невѣріе! 13.

Рѣчь, по обновленіи храма въ мѣстечкѣ Черноострові, произнесенная Преосв. Кирилломъ Архіепископомъ Подольскимъ. 17.

N. 3.

Св. жены Мироносицы. 19.

Предъизображеніе безсмертія въ состояніи сна. 21.

Слово на освященіе храма во имя Михаила 1-го Митрополита Кіевскаго. 25.

N. 4.

Преполовеніе. 27.

Чувствованія Христіанина весною. 33.

Нова небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ и проч. (2 Пет. 3, 13).— 36.

N. 5.

Милосердіе Божіе къ раскаявающемуся грѣшнику (св. Златоуста) 37.

Любовь Христова. 38.

Жена Самарянка. 42.

Любовь къ ближнимъ. 44.

N. 6.

Вознесеніе Господне. 45.

Извѣстіе о Благочестивомъ, въ день св. Пасхи, приношеніи для Кіево-Печерской Лавры Благочестивѣйшаго Государя ИМПЕРАТОРА. 48.

Размышленіе, изъ воскреснаго Евангелія, о бѣдствіяхъ человѣчества. 51.

Тогда не постыжуся и пр. (Псал. 118, 5.) 54.

Сила примѣра. —

N. 7.

Стр.

Св. Златоуста. Не должно предаваться неумѣренному сѣтованію о скончавшихся. 55.

Преп. Пахомій Великій, 59.

Мужество Христіанки. 62.

N. 8.

Цѣль и плоды сошествія св. Духа. 63.

И пришедъ онъ (Духъ св.) *обличитъ міръ о грѣсѣ, и о правдѣ и о судѣ.* (Іоа. 16, 8). 65.

Что есть Религія? 66.

О вечернемъ Богослуженіи въ день Пятидесятницы. 67.

И сядетъ разваряя и очищая, яко сребро (Малах. 3, 3). 69.

N. 9.

Недѣля всѣхъ Святыхъ. 71.

Вечерняя пѣснь: *Свѣте тихій...* 73.

Слово на память св. Муч. Макарія Митрополита Кіевскаго. 74.

Примѣчаніе для моралистовъ. 77.

Окованные сердцемъ въ мудрости (Псал. 89, 12). 78.

N. 10.

О постѣ. 79

Слово въ недѣлю всѣхъ Святыхъ. 85.

N. 11.

Слово Божіе есть пища духа. 87.

Слово въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, произнесенное въ Кіевской, что на Щекавицѣ, кладбищенской Церкви, во имя всѣхъ Святыхъ. 91.

Примѣры, какъ далеко простираешся даръ чудотворенія. 93.

Размышленіе изъ воскреснаго Евангелія. 94.

N. 12.

Что есть Икона? 97.

Виноградная лоза и вѣтви. 98.

Проповѣдникъ покаянія изъ другаго міра. 105.

N. 13.

Краткое начертаніе жизни св. Апостола Павла. 107.

Посольство отъ Іоанна крестителя къ І.

Стр.

Христу. 110.
Слово въ недѣлю всѣхъ Святыхъ, сказанное въ Кіевской, что на Щекавицѣ, кладбищенской Церкви во имя всѣхъ Святыхъ. 112.
Въ сердцѣ моемъ скрыхъ и проч (Псал. 118, 11.) 116.

N. 14.

О посланіи Ап. Павла къ Римлянамъ. 117.
Петрова лѣствица духовн. совершенства. 120.
Характеръ св. Апостола Павла. 122.
Не судите, да не судими будете (Матѳ. 7, 1). 123.
Засохшее дерево. —

N. 15.

Препод. Антоній Печерскій. 125.
Слово на освященіе Соборн. храма въ Г. Проскуровѣ. 128.
Окрыляющая сила молитвы. 131.
Примѣчательное изреченіе. 132.

N. 16.

Воспоминаніе св. шести Вселенскихъ Соборовъ. 133.
Древніе Аскеты, или подвижники. 136.
Христіанская простота. 141.

N. 17.

Св. Златоуста о томъ, что все мірское тлѣнно и ничтожно. 143.
О томъ, что мірская слава ничтожна. 144.
Св. Іустинъ Муч., 1-й Философъ Христіанскій. —
Источникъ истиннаго счастія въ чистомъ сердцѣ. 147.
Молящійся Царь. 150.

N. 18.

Выписка изъ Синаксаря на происхожденіе честнаго и животворящаго Креста Господня. 151.
Вступительная бесѣда къ еженедѣльному изъясненію Евангелія по сказанію четырехъ Евангелистовъ. 154.
Уединеніе. 158.

N. 19.

Св. Іоанна Златоуста о томъ, что мы все должны дѣлать не для своей, но для общей пользы. 159.
О Богопочтеніи. 163.
О преображеніи Святыхъ. 164.
Чей мы? 166

Стр.

N. 20.

Смерть праведныхъ. 167.
Ангелъ Хранитель. 168.
Почему сокрыта отъ насъ жизнь будущая? 170.
Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? (Рим. 8, 35) 174.
Смиреніе вѣнецъ добродѣтелей. —

N. 21.

Ученіе св. Писанія о грѣхѣ. 175.
Поученіе о братолюбіи. 177.
Истинный Христіанинъ есть лучшій подданный. 179.
Вѣра и знаніе. 181.

N. 22.

Изъ Златоуста о томъ, какъ Христіанамъ должно обращаться съ невѣрными. 183.
Жизнь Христіанина во Христѣ. 185.
Не одолжайте совѣтами Господа Бога нашего (Іудиѳ. 8, 16). 188.
Мученическая смерть Фивіи Перпетуи и Фелицишаны. 189.
Изъ устъ младенецъ совершилъ еси хвалу. 192.

N. 23.

Изъ св. Златоуста: жизнь поселянъ. 193.
Св. Столпники. 195.
Празднословіе. 200.
Когда сонъ бываетъ легче и пріятнѣе? 202.

N. 24.

О посланіи св. Ап. Павла къ Ефесеямъ. 203.
Слово въ день всемірнаго воздвиженія честнаго Креста Господня. 207.
Горе сшивающимъ возглавійцы и пр. (Езек. 13, 18). 212.

N. 25.

Праздникъ Воздвиженія честнаго Креста 213.
И сущихъ насъ мертвыхъ и пр. (Еф. 2, 5. 6.) 217.
Вѣра и знаніе. 221.

N. 26.

Софія и ея дщери: Вѣра, Надежда и Любовь. 223.
Истолковательная бесѣда 1-я на Евангеліе. 225.
Примѣръ нестяжательности. 230.

N. 27.

Покровъ пресвят. Богородицы надъ Россіею. 231.
О молитвѣ Іисусовой. 235.
Яко узрю небеса дѣла перстъ и пр. (Псал. 84) 237.
Расточи гордыя и пр. (Лук. 1, 51). 238.

Стр.

N. 28.

Св. Василія В. о лихоимствѣ. 239.
Поученіе изъ Евангелія въ недѣлю 20 по Пятидесятницѣ. 242.
Развалины. 245.

N. 29.

Изъ св. Димитрія Ростов. о воспитаніи дѣтей. 247.
Его же о долгѣ матерей кормить дѣтей собственнымъ млекомъ. 248.
Примѣры обращенія послѣ вел. грѣхопаденій. 249.

N. 30.

Св. Златоуста изъясненіе Церкви. молитвы. благословенъ Богъ питаяй мя и пр., читаемой при трапезѣ. 255.
Слово на день Казанскія иконы пресвятыя Богородицы. 258.
Истинно благородный купецъ. 262.

N. 31.

Мысли св. Отецъ о молитвѣ. 263.
Какъ первенствующ. Христіане проводили день воскресный? 266.
Слово въ день празднества преблагословенной Владычицѣ нашей Богородицѣ, чудотворныя ради иконы Ея Казанскія за избавленіе Москвы отъ Литвы. —
Осень. 269.

N. 32.

Небеса повѣдаютъ славу Божію. Изъ Св. Златоуста. 271.
Обряды Хр. погребенія въ древности. 273.
Чудодѣйственная сила Покаянія. 277.
Кто есть побѣждаяй міръ и пр. (1 Іоан. 5, 5). 278.

N. 33.

Изъясненіе вел. Екшеніи. 279.
Слово въ день собора Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ Силъ. 282.
Покаяніе разбойника. 287.
Притча одного великаго Старца. 288.

N. 34.

Черты изъ жизни и характера Богоматери, по указанію св. Писанія. 289.
Слово на день Собора Архангела Михаила. 291.
Звѣздное небо. 294.
Притча св. Ефрема. 296.

Стр.

N. 35.

Поклоненіе пр. Богородицѣ. 297.
Андрей первозванный. 298.
Чему поучаешь осень? 301.
Что неподражаемо для діавола? 306.

N. 36.

О чтеніи и слушаніи слова Божія. 307.
О древнихъ праздникахъ въ честь св. Мучениковъ. 309.
Слово въ день св. Великомуч. Варвары. 313.
И молиша Его много и пр. (Марк. 5, 10—12). 315.

N. 37.

Св. Златоуста о томъ, что не должно соблазнять ближнихъ. 317.
Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. 319.
Отчасти разумѣваемъ. 323.
Нѣсколько чертъ изъ жизни преосвященнаго Тихона I., Епископа Воронежскаго. 324.
Притча. 326.

N. 38.

Св. Пророкъ Аггей. 327.
Царскіе Часы предъ праздникомъ Рождества Христова. 329.
Обозрѣніе временъ Церкви подзаконной. 331.
Слово на избраніе изъ дворянства судей для Кіевской Губерніи. 335.
Притча препод. Арсенія. 338.
Что есть смерть? —

N. 39.

Богослуженіе на Рождес. Христово. 339.
Слово въ день Рожд. Христова и въ воспоминаніе избавленія Церкви и державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними 20-ти языкъ. 343.
Съ нами Богъ! 347.

N. 40.

Тайна счастливой жизни. 349.
Таинство обрѣзанія. 350.
Поклоненіе І. Христу Волхвовъ и бѣгство Его во Египетъ. 351.
Императоръ Валентъ и Василій Вел. 358.
Проповѣдь новаго года. 360.
Сколько тебѣ лѣтъ? 362.

Стр.

N. 41.

Проповѣдь І. Крестителя и крещеніе отъ него Іисуса Христа. 365.
Водосвященіе. 369.
Новый годъ. 372

N. 42.

Мысли Отцевъ о чтеніи слова Божія. 375.
Божественное младенчество и отрочество Іисусово. 378.
Архидіаконъ Стефанъ. 382.
Аще предамъ тѣло мое, во еже сожещи е и проч. (1 Кор. 13, 3.) 385.
Христіанская нестяжательность. 386.

N. 43.

Нынѣ отпущаеши раба твоего. 387.
Притча о блудномъ сынѣ. 389.

N. 44.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ изгнаніи. 399.
Слово въ недѣлю сыропустную. 406.
Три друга. 410.

N. 45.

Срѣтеніе Господне. 411.
Слово о постѣ 1-е. 416.
Вступленіе въ Вел. постъ. 421.
Аминь глаголю вамъ, яко никто же есть иже оставитъ домъ и проч. (Лук. 18, 29, 30). 424.
Покаяніе всегда спасительно. —

N. 46.

Чудо отъ образа Спасителева. 425.
Церковное употребленіе Анаѳемы. 427.
Слово 2-е о постѣ. 430.
Слово по причащеніи св. Таинъ. 434.
Стадо овецъ и дикія козы. 436.

Стр.

N. 47.

Похвала св. Отцевъ Псалтири. 437.
Древнее употребленіе св. Четыредесятницы. 440.
Слово 3-е о постѣ. 443.
Милуяй нища взаимъ даетъ Богу. 447.
Почему праведные иногда умираютъ злою смертію, а грѣшники доброю? 448.

N. 48.

Церковное употребленіе пятикнижія Моисеева. 449.
Крестъ училище покаянія и благочестія. 454.
Слово о исповѣди. 457.

N. 49.

О книгѣ Притчей. 463.
Слово предъ исповѣдію. 466.
Слово о причащеніи 1-е. 469.
Да исправится молитва моя и пр. 473.

N. 50.

Искушеніе І. Христа въ пустынѣ отъ діавола. 477.
Молитва св. Ефрема. 482.
Слово о причащеніи 2 е. 485.
Понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ и проч. (Матѳ. 25, 40). 490.

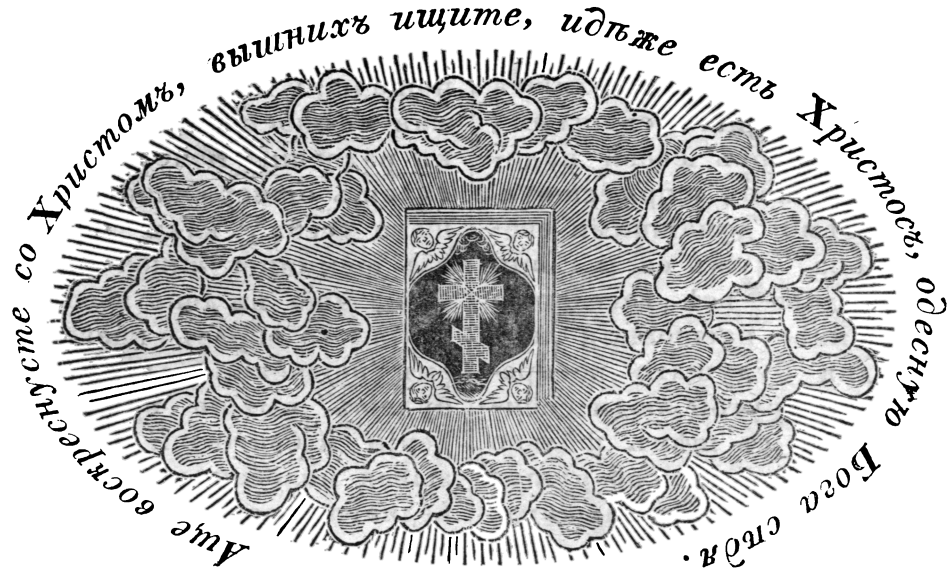
N. 51.

Праведный и многострадальный Іовъ. 491.
Аллилуіа. 496.
Св. Іосифъ, какъ образъ І. Христа страждущаго и прославляемаго. 499.
Часы великаго пятка. 500.
Слово по причащеніи св. Таинъ. 503.

N. 52.

Св. Златоуста о великой (страстной) седмицѣ. 505.
Богослуженіе великой субботы. 506.
Слово въ день Благовѣщенія. 510.
Іуда предатель. 514.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 1. НЕДѢЛЯ СВЯТЫЯ ПАСХИ. АПРѢЛЯ 3. 1838.

Апостолъ, Дѣян. 1, 1—8. Евангеліе Іоан. 1, 1—17.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ, СМЕРТІЮ СМЕРТЬ ПОПРАВЪ И СУЩИМЪ ВО ГРОБѢХЪ ЖИВОТЪ ДАРОВАВЪ.

ПАСХА ЕСТЬ ПРАЗДНИКОВЪ ПРАЗДНИКЪ, И ТОРЖЕСТВО ТОРЖЕСТВЪ (*)

Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вѣ онь! (Псал. 117, 24.) Возвеселимся не въ ликованіи и шумныхъ забавахъ, но въ богоугодныхъ размышленіяхъ. Нынѣ вся вселенная, какъ одно семейство, собравшееся вмѣстѣ для одного святаго дѣла, — какъ бы по данному знаку, единодушно, обращается къ молитвѣ. Не видно путниковъ на дорогѣ; менѣе мореплавателей на морѣ; земледѣлецъ, оставляя плугъ и заступъ, украшается праздничною одеждою; не слышно пированій въ корчемницахъ; исчезли шумныя собранія, какъ исчезаетъ зима при появленіи весны; безпокойства, смятенія и бури житейскія замѣнились тишиною праздника. Бѣдный одѣвается какъ богатый; богатый украшается блистательнѣе обыкновеннаго; старецъ, подобно юношѣ, спѣ-

(*) изъ Слова на Пасх. Св. Григ. Нисскаго.

шитъ участвовать въ общей радости; и больной превозмогаетъ болѣзнь свою; дитя, перемѣнивъ одежду, торжествуетъ чувственно, поелику не можетъ торжествовать духовно; дѣвственница веселится душею, поелику видитъ свѣтлый, торжественный залогъ своей надежды; мать семейства, торжествуя, радуется со всѣми домашними своими,— и сама она, мужъ ея и дѣти, слуги и домочадцы— всѣ веселятся вкупѣ. По истинѣ, настоящій день есть образъ дня будущаго воскресенія: въ тотъ и другой люди собираются вмѣстѣ; съ тѣмъ только различіемъ, что тогда соберутся всѣ,— нынѣ собираются по частямъ. Но, что касается радости и веселія, по всей справедливости можно сказать, что настоящій день радостнѣе будущаго: тогда по необходимости будутъ плакать тѣ, коихъ грѣхи обличатся; нынѣ, напротивъ, нѣтъ между нами печальныхъ. Нынѣ и праведникъ радуется, и неочистившій свою совѣсть надѣется исправиться покаяніемъ. Настоящій день отъемлетъ всякую скорбь, и нѣтъ человѣка, такъ печальнаго, который не находилъ бы утѣшенія, въ торжествѣ праздника. Нынѣ освобождается узникъ, должнику прощается долгъ, рабъ получаетъ свободу, по благому и человѣколюбивому установленію Церкви,— не съ бесчестіемъ и заушеніями, не ранами освобождается отъ ранъ (какъ это бываетъ на языческихъ празднествахъ, гдѣ рабъ, выставляемый на возвышенномъ мѣстѣ, стыдомъ и посрамленіемъ искупаетъ свою свободу), но отпускается съ честію, какъ это знаете вы сами; нынѣ и остающійся въ рабствѣ получаетъ отраду. Если бы даже рабъ сдѣлалъ много проступковъ, не стоющихъ извиненія и пощады; и тогда господинъ его, уважая святость дня, располагающаго къ радости и человѣколюбію, пріемлетъ отверженнаго и обесчестившаго себя, какъ Фараонъ извелъ изъ темницы виночерпія; ибо знаетъ, что въ день всеобщаго воскресенія, во образъ коего мы чествуемъ настоящій день, онъ и самъ будетъ имѣть нужду въ снисхожденіи и благости Господа; и, оказывая милость нынѣ, ожидаетъ праведнаго воздаянія въ тотъ день. Услышьте меня, господа, примите слово мое, какъ благое; не постыдите мене предъ рабами, будто я ложно восхваляю день сей; облегчите скорбь душъ угнѣтенныхъ, какъ и Господь свободилъ тѣло наше отъ смерти; даруйте честь не имѣющимъ чести, обрадуйте изнуренныхъ скорбію, ободрите упадшихъ духомъ, дайте насладиться свѣтомъ заключеннымъ въ домахъ вашихъ; пусть для всѣхъ цвѣтетъ красота праздника, какъ благоухающій цвѣтъ! Если день рожденія земнаго Царя отверзаетъ двери темницъ; то ужели день славной побѣды Христовой не утѣшитъ скорбящихъ?— Бѣдные! почтите день сей, питающій васъ! больные и увѣчные, почтите день сей, врачующій ваши болѣзни! *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!*—

Утренюемъ утренюю глубоку, и вмѣсто мура пѣснь принесемъ Владыцѣ, и Христа узримъ правды солнце, всѣмъ жизнь возсіяюща.

Кан. Пасх. Пѣсн. 5. Ирм.

Утро есть одно изъ тѣхъ восхитительныхъ явленій, которыя сами собою располагаютъ душу къ святымъ помысламъ, къ благоговѣйнымъ чувствамъ. Жизнь природы утромъ бываетъ полнѣе и благотворнѣе, и ею съ наслажденіемъ упиваются всѣ дышущія и растущія творенія Божіи. Солнце, о которомъ древніе говорили, что оно, передъ зарею, купается въ волнахъ океана, дабы на утро явиться прекраснѣе и величественнѣе, въ тихихъ, еще нераскаленныхъ, лучахъ своихъ проливаетъ потоки силъ эѳирныхъ на міръ земный, ослабѣвшій отъ полуночнаго перелома. Тогда голосъ птички бываетъ радостнѣе, запахъ цвѣтка благоуханнѣе, вѣяніе воздуха свѣжѣе и пріятнѣе. Тогда и человѣкъ бываетъ здоровѣе, сильнѣе, способнѣе къ тому, чтобы изыти на дѣло свое и на дѣланіе до вечера; поутру онъ даже бываетъ выше ростомъ, по замѣчанію одного естествоиспытателя. Вообще утро для видимаго міра есть родъ нѣкоторой физической Пасхи, ежедневно повторяемой, когда проснувшіяся созданія утренюютъ къ своему Создателю, подобно душѣ Псалмопѣвца.

Не удивительно, если въ тоже самое время, въ которое совершаются благодѣтельныя дѣйствія природы, нерѣдко совершались и совершаются благодѣтельныя дѣйствія Промысла. Въ Библіи находимъ много весьма замѣчательныхъ происшествій, случавшихся утромъ. Было утро самое пріятное, какое бываетъ на востокѣ, когда отецъ вѣрующихъ пошелъ на гору Морію съ своимъ единственнымъ Исаакомъ для принесенія его въ жертву — (Быт. 22, 3.). Было утро, когда онъ же смотрѣлъ на пламя Содома и Гоморры, откуда спасался племянникъ его Лотъ (— 19, 28.). Утромъ, Патріархъ Іаковъ возлилъ елей на тотъ камень, на которомъ онъ спалъ и видѣлъ во снѣ чудную лѣствицу (— 28, 18— 22.). Утромъ сыны Израилевы воспѣли достославную пѣснь Богу, спасшему ихъ отъ Египтянъ, и берега Чермнаго моря оглашались ликами Маріамъ пророчицы и всѣхъ женъ Еврейскихъ (Исх. 14, 24— 32. 15, 1— 28.). Утромъ, Моисей создалъ жертвенникъ Богу въ пустынѣ Синайской,— принесъ на немъ жертву и отправился на Синай для полученія скрижалей Завѣта (Исх. 24, 4— 18.). Въ раннее утро пѣвецъ Израилевъ любилъ воспѣвать имя Всевышняго и возвѣщать заутро милость Его (Псал. 91, 2. 3.). Въ раннее утро онъ пѣлъ свой трогательный 56-й псаломъ и восклицалъ: *востани слава моя, востани псалтырю и гусли! востану рано: исповѣмся тебѣ въ людехъ, Господи, воспою тебѣ во языцѣхъ.* Возросшій въ пустыняхъ Виѳлеемскихъ и въ пустынѣхъ получившій даръ священнаго пѣснопѣнія, онъ, лучше другихъ, умѣлъ цѣнить вдохновительныя явленія міра; лучше другихъ понималъ важность и красоту утренней природы; а потому первый звукъ, первую пѣснь хвалы и благодарности, послѣ ранняго пробужденія, спѣшилъ нерѣдко посвящать Творцу и Избави-

телю своему; становился священникъ природы, и призывалъ всю тварь къ хваленію Владыки ея (Псал. 148.). Кто внимательно слушалъ утренніе Псалмы Давида въ нашихъ храмахъ: тотъ могъ ощущать, что для священныхъ пѣснопѣній нѣтъ лучшаго времени, какъ утро.— Какъ должно быть прекрасно и восхитительно первое утро первозданнаго, когда онъ, введенъ былъ въ рай, какъ въ чертогъ Божій, и увидѣлъ всю красоту и великолѣпіе міра Божія, еще нерастлѣннаго грѣхомъ! Но того утра никто изъ насъ не запомнитъ; чувствъ первозданнаго никто не постигнетъ; торжественности, въ которой явилась вселенная, до появленія въ ней грѣха, никто не представитъ себѣ.

Между тѣмъ было на землѣ еще одно утро, ближайшее къ намъ по воспоминанію, и важнѣйшее всѣхъ другихъ по всемірнымъ дѣйствіямъ того событія, которое послѣдовало въ это святое и свѣтоносное утро. Разумѣемъ воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, совершившееся съ полночи на утро. Теперь уже не Авраамъ возвращается съ горы Моріи,— радуясь за своего Исаака; но возстаетъ изъ гроба Искупитель міра, принесшій себя въ жертву за грѣхи наши, и воставшій за оправданіе наше (Рим. 4, 25.). Не одни сыны Израилевы славятъ избавленіе свое отъ рабства Египетскаго; но все человѣчество торжествуетъ свободу отъ власти сатаны. Не Давидъ воспѣваетъ пѣснь хвалы и благодарности за спасеніе себя одного; а сонмы узниковъ, освобожденныхъ изъ ада, идутъ къ свѣту веселыми ногами, Пасху хвалящe вѣчную. Утро воскресенія Христова, въ существѣ было, есть и будетъ такимъ праздникомъ, въ который благодатные сыны Адама втораго *смерти празднуютъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало, и играюще поютъ виновнаго, единаго благословеннаго.*

Св. Церковь, желая, сколько можно, глубже начертать въ памяти нашей и полнѣе раскрыть для насъ спасительныя дѣйствія воскресенія Господня, отличаетъ утреннюю службу Пасхи особыми торжественными обрядами и священнодѣйствіями.

Кому изъ истинновѣрующихъ не желалось бы, хотя мысленно, стать у гроба своего Искупителя въ ту минуту, когда изъ него, какъ изъ чертога, исходитъ Побѣдитель ада и смерти? Церковь удовлетворяетъ сему благочестивому желанію, изводя насъ внѣ храма, и поставляя передъ западными вратами,— заключенными на нѣсколько мгновеній. Отъ гроба возсіяло наше Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ, и, дѣйствіемъ Его воскресенія, пролились во вселенную потоки свѣта духовнаго. Вещественное выраженіе этой истины мы видимъ во множествѣ свѣтильниковъ, которыми освѣщенъ храмъ, и которые имѣютъ въ рукахъ своихъ молящіеся во храмѣ, въ утро Пасхи.— Духъ Божій носился надъ бездною перваго міра (Быт. 1, 2.), и давалъ ему жизнь и силу. Животворящій Духъ носится и надъ бездною нравственнаго міра, изливается *на всяку плоть,* созидая царство благодати, основанное и утвержденное воскресеніемъ Искупителя. Видимый об-

разъ сего изліянія мы можемъ усматривать во множествѣ Ѳиміама и въ частомъ кажденіи, совершаемомъ при утренней службѣ св. Пасхи; можемъ усматривать, что въ нареченный и святый день Господень въ великомъ обиліи изливаются на вѣрующихъ дары благодати, и храмъ наполняется славою подобно тому, какъ въ видѣніяхъ древнихъ пророковъ наполнялся онъ дымомъ (Иса. 6, 4. Езек. 10, 3. 4.).— *Егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша мя гласомъ великимъ вси Ангели мои*, вѣщалъ нѣкогда Господь Іову сквозь бурю и облака (Іов. 38, 1. 7.). Могли ли Ангели не пѣть и тогда, когда воскресъ Искупитель и возсоздатель міра, воскресившій съ собою человѣковъ— братьевъ ихъ? Когда и роду человѣческому естественнѣе пѣть и прославлять Господа и свою судьбу, какъ не въ то время, какъ онъ, дѣйствіемъ воскресенія Христова, пробудился къ новой жизни послѣ долгаго и тяжкаго сна смертнаго? По этому Церковь всю утреннюю службу св. Пасхи превратила въ одну, почти непрерывную, пѣснь, отъ начала до конца исполненную торжественныхъ и радостныхъ звуковъ. Въ этой пѣсни вы не услышите горестныхъ воспоминаній о грѣхѣ, ни о судѣ, ни о наказаніяхъ,— воспоминаній, столь обыкновенныхъ въ прочихъ Церковныхъ пѣсняхъ. Здѣсь все и всѣ приглашаются къ одному духовному веселію, къ хвалѣ, къ благодарности,— и небо, и земля, и преисподняя,— какъ будто бы Церковь уже перестала быть воинствующею, а сдѣлалась торжествующею на небесахъ, которыхъ образъ представляетъ она въ отверзтыхъ вратахъ алтаря.— Одинъ изъ трогательнѣйшихъ обычаевъ, совершаемыхъ въ пасхальное утро, есть всеобщее цѣлованіе. Такой обычай и самъ по себѣ важенъ, и можетъ давать веселое и торжественное расположеніе духу; но онъ еще важнѣе по тому значенію, которое Церковь соединяетъ съ нимъ. „Обычное содѣваемъ цѣлованіе, говоритъ она, радость образующе, егоже естество наше милосердія ради милости Божія обогатися: такожде и вражды разрушеніе, и еже съ Богомъ соединеніе и съ самѣми Ангелы показующе (Синакс. Пасх.)“.— Это Христіанское лобзаніе указуетъ на то блаженное время, когда во всей вселенной воцарится одна любовь; когда земля и небо сольются въ міръ единый, когда Ангелъ небесный и странникъ земной, какъ бы послѣ долгой разлуки, встрѣтятся въ союзѣ мира Божія, когда люди всѣхъ странъ и вѣковъ стекутся вмѣстѣ предъ лицемъ общаго Отца человѣковъ, дружески привѣтствуя себя, и въ языкѣ человѣческомъ не будутъ знать иныхъ словъ, кромѣ словъ святой любви и братства. *Другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе! и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ.*

Христіане первыхъ временъ живо ощущали спасительныя дѣйствія воскресенія. Мироносицъ Ангелы привѣтствовали съ утромъ воскресенія; и самъ воскресшій Господь нашъ говорилъ имъ: *радуйтеся!* (Матѳ. 28, 9.). О, еслибы я могъ нынѣ воскресить всѣхъ умершихъ, въ царственномъ восторгѣ восклицалъ одинъ изъ знаменитыхъ Императоровъ Греціи, тронутый величіемъ праздника Пасхи. Древніе подвижники на всю четыредесятницу уходили изъ общежитій въ

глубокія пустыни; очищали себя строгимъ постомъ и покаяніемъ для радости воскресенія Господня; иногда въ теченіе сорока дней не вкушали пищи: но къ утру Пасхи возвращались въ обители, дабы совокупно праздновать сей свѣтоносный праздникъ. Какова долженствовала быть радость ихъ, когда они встрѣчали утро Пасхи! Самые строгіе изъ нихъ, на это время, оставляли обычную строгость поста и безмолвія, и позволяли себѣ нѣкоторыя удовольствія. Св. Пахомій въ день Пасхи приготовлялъ зелень съ масломъ вмѣсто сухаго хлѣба, который обыкновенно употребляли Египетскіе пустынники. Св. Антоній въ Пасху надѣвалъ подрясникъ изъ пальмовыхъ листьевъ, доставшійся ему отъ св. Павла, перваго пустынножителя. Св. Аѳанасій наряжался въ мантію, отказанную ему св. Антоніемъ. И въ наше время можно видѣть людей, простыхъ сердцемъ, которые трепещутъ отъ восхищенія, которые съ радостными слезами осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ при торжественномъ пѣніи *Христосъ воскресе;* которые, съ неизъяснимымъ добродушіемъ, готовы обнять всѣхъ, когда начинается всеобщее цѣлованіе утромъ Пасхи.

Будемъ же и мы въ Христіанской простотѣ *утреневать утренюю глубоку, и вмѣсто мира пѣснь принесемъ Владыцѣ, и Христа узримъ правды солнце, всѣмъ жизнь возсіяюща.* Будемъ помнить и то, что каждое обыкновенное утро наше есть родъ Пасхи, которую Владыка жизни и смерти ежедневно даруетъ намъ по своему милосердію; каждое пробужденіе наше отъ ночнаго сна есть видъ всеобщаго воскресенія, послѣ котораго воскресшій Спаситель позоветъ вѣрныхъ своихъ хвалить вѣчную Пасху!

СЛОВО

КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ ВЪ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Еслибы кто, незнающій таинствъ святой вѣры нашей, прибылъ нынѣ къ намъ, православные Христіане, и услышалъ торжественный и цѣлодневный звонъ при храмѣ нашемъ, увидѣлъ насъ радостно объемлющихъ и лобызающихъ другъ друга и, въ лучшихъ одеждахъ, собирающихся въ одномъ мѣстѣ — здѣсь, во храмѣ Божіемъ; еслибы позволено было ему войти и сюда, и онъ увидѣлъ бы множество свѣтильниковъ, здѣсь горящихъ, услышалъ бы и радостныя пѣснопѣнія Церкви: то что подумалъ бы онъ о насъ? Подумалъ бы, что или самъ возлюбленный Царь нашъ удостоилъ посѣтить убогое селеніе наше, или мы торжествуемъ какую нибудь славную побѣду надъ врагами отечества нашего, или, можетъ быть, получили новую и великую милость отъ Царя — Отца нашего, и потому такое радостное и многолюдное собраніе у насъ, потому столь свѣтло торжествуемъ мы. Что же сказали бы мы такому человѣку, еслибъ онъ вопросилъ насъ о причинѣ нашей необычайной радости? — Что другое, возлюбленные братія, какъ не то, что нынѣ стократно повторяемъ мы и въ Церкви и въ домахъ и на улицахъ? Христосъ Воскресе! говоримъ мы.

Что значитъ, спроситъ испытующій, это— Христосъ воскресе?

Дѣйствительно, скажемъ мы, великій Царь, Царь Царей и Господь господей, удостоилъ нынѣ насъ своимъ посѣщеніемъ; нынѣ тотъ день, въ который Спаситель нашъ, Единородный Сынъ Божій, пострадавшій и умершій за грѣхи наши, расторгъ узы смерти, возсталъ изъ гроба и явилъ себя своимъ вѣрнымъ. Господь явился святымъ Мироносицамъ и Апостоламъ, а чрезъ нихъ явился Онъ и всѣмъ намъ. Какимъ образомъ явился и всѣмъ?— Богочеловѣкъ, по воскресеніи своемъ, посѣтилъ первенцевъ Церкви своей не какъ человѣкъ простой, который придетъ, отойдетъ, и не останется и слѣда его; Господь нашъ, явившись Апостоламъ, оставилъ имъ Духа Святаго, даровалъ свою силу и премудрость Божественную, которыми они послѣ побѣдили міръ, въ концы вселенныя пронесли имя Христово и явили всѣмъ Воскресшаго Господа. Потому и мы, хотя не видимъ Его очами тѣлесными, но, наученные православно вѣровать въ Него, видимъ очами душевными, и такимъ образомъ, по словамъ божественнаго Апостола Петра, *не зряще, вѣрующе же, радуемся* о воскресшемъ Спасителѣ нашемъ *радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. 1, 8.).

Справедливо и то, что мы нынѣ торжествуемъ славную побѣду надъ врагами.— Надъ какими врагами? какую побѣду?— Надъ врагами изъ всѣхъ враговъ люттѣйшими, надъ врагами всего рода человѣческаго— грѣхомъ, смертію и діаволомъ. Грѣхъ отнялъ у человѣка истинную жизнь, лишилъ его любви и милости Божіей и подвергъ его смерти: *грѣхъ бо міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде* (Римл. 5, 12.). И какая смерть? смерть и тѣла и души. Грѣхъ предалъ человѣковъ во власть діавола, который увлекалъ всѣхъ ихъ въ погибель вмѣстѣ съ собою, потому что, получивъ доступъ къ зараженнымъ грѣхомъ, онъ легко и свободно помрачилъ умъ ихъ невѣріемъ и суевѣріемъ самымъ гибельнымъ, какое у язычниковъ, и развращалъ сердце страстями самыми постыдными и зловредными. Кто могъ побѣдить такихъ люттыхъ враговъ рода человѣческаго? Никто изъ человѣковъ;— потому что всѣ они со грѣхомъ родятся, со грѣхомъ живутъ и со грѣхомъ же, безъ благодати Христа Спасителя, умираютъ. Одинъ только могъ побѣдить враговъ нашихъ, и— побѣдилъ. Безгрѣшный и всесвятый Сынъ Божій, содѣлавшійся для насъ человѣкомъ, принялъ на себя всю тяжесть грѣховъ нашихъ и вознесъ ее на Крестъ; своею смертію умертвилъ нашу смерть, и своею силою Божественною разрушилъ Царство діавола. *Смертію*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *упразднилъ* Сынъ Божій *имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и избавилъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ* (Евр. 2, 14. 15.). Теперь, мы вѣрующіе, если только истинно вѣруемъ въ Господа нашего Іисуса Христа, уже не въ царствѣ грѣха діавольскомъ, а въ Царствѣ благодати Христовомъ: грѣхъ царствовалъ во смерть, а благодать царствуетъ правдою въ жизнь вѣчную, Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ (Римл. 5, 21.).

Наконецъ предметъ торжества нашего составляютъ и многія, величайшія милости, дарованныя намъ Царемъ небеснымъ. Не величайшая ли уже милость то, что Господь и Богъ нашъ благоволилъ пріобщиться естеству нашему и содѣлалъ насъ своею брапіею по плоти? но Онъ еще болѣе сдѣлалъ для насъ: предавши себя по человѣчеству мученіямъ и крестной смерти для очищенія грѣховъ нашихъ и для избавленія насъ отъ муки и смерти вѣчной, какихъ даровъ и милостей Божіихъ не заслужилъ Онъ намъ? Изъ враговъ Божіихъ мы, по вѣрѣ въ Сына Божія, сдѣлались чадами Божіими: *врази бывше, примирихомся Богу смертію Сына Его* (Римл. 5, 10.), и Онъ — примиритель и ходатай нашъ предъ Отцемъ небеснымъ — *даде намъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его* — (Іоан. 1, 12.). Мы были отверженные, подъ гнѣвомъ и клятвою предъ Богомъ: нынѣ, по благодати Спасителя, содѣлались близкими къ Богу и Святымъ Его: *не ктому*, говоритъ Апостолъ, *странни и пришелцы, но сожителе Святымъ и присніи Богу* (Еф. 2, 19.). Отъ Его всещедрой благодати получили мы святѣйшія и животворныя таинства, отъ Него *вся намъ Божественныя силы, яже къ животу и благочестію подана; имъ честная намъ и великая обѣтованія даровашася, да сихъ ради будемъ божественнаго причастницы естества, отбѣгше яже въ мірѣ, похотныя тли* (2 Петр. 1, 3. 4.).

Вотъ что значитъ наше всерадостное: Христосъ воскресе!

И это самое изображаетъ нынѣ намъ св. Церковь наружными дѣйствіями торжества своего. Ты слышишь, возлюбленный, часто повторяемый здѣсь гласъ: Христосъ Воскресе! не чувствуешь ли ты при семъ, что Христосъ, Царь и Господь нашъ, съ нами, что Онъ, полный любви и вѣчной жизни для насъ грѣшныхъ, и къ намъ приходитъ, къ нашимъ сердцамъ, и хощетъ явить въ насъ свою божественную славу? Ты видишь здѣсь праздничное благолѣпіе, видишь, что Церковь, отложивъ ризы скорби и сѣтованія, облеклась въ одежды свѣтлыя, торжественныя: не воспоминаешь ли ты Ангеловъ, въ бѣлыя ризы облеченныхъ и возвѣщающихъ Воскресеніе Побѣдителя смерти и ада? не такой ли свѣтлый видъ приличенъ торжествующимъ побѣду? Ты видишь еще, что святыя врата Царскія отверсты въ храмѣ на всю седмицу св. Пасхи: не представляетъ ли это намъ, что Крестомъ Господа нашего отверзлись намъ двери милосердія Божія, и что самое небо уже не заключено для насъ вѣрующихъ?

Видите, Бр., какъ хорошо и прилично св. Церковь изображаетъ наружными знаками внутреннее значеніе настоящаго праздника. Такъ же хорошо и прилично должны изображать то и мы внѣ храма, въ домахъ нашихъ. Въ домахъ и на улицахъ, привѣтствуя другъ друга, мы повторяемъ гласъ Церкви: Христосъ воскресе! и слышимъ въ отвѣтъ: воистину воскресе! Это весьма хорошо и очень прилично святому торжеству! Но судите сами, хорошо ли послѣ сего услышать, въ домахъ или на торжищахъ, шумъ и кликъ безчинія, буйныя пѣсни мірскія? — Не хорошо, не прилично, весьма оскорбительно для столь великаго и

святаго праздника Христова! Мы украшаемъ себя нынѣ, для праздника, лучшими одеждами; въ самыхъ домахъ нашихъ нынѣ болѣе чистоты и опрятности, нежели въ другое время: и это хорошо, потому что означаетъ нашу радость о Господѣ, означаетъ то, что мы ради небесному Гостю и готовы принять Его и въ домы и въ сердца наши. Но что будетъ значить, если мы, украсивъ себя для праздника, выдемъ на гульбища; заведемъ безчинныя игры и плясанія, а въ домахъ дадимъ мѣсто непомѣрнымъ пированіямъ и піянству? То, что мы ради не празднику, а праздности, не Гостя небеснаго угощаемъ, а призываемъ къ себѣ тѣхъ враговъ, которыхъ Онъ побѣдилъ и отогналъ отъ насъ. Что же дѣлать намъ, скажете, какъ провесть цѣлую недѣлю праздника? Отверстыя на всю седмицу св. Царскія двери во храмѣ да научатъ насъ, какъ проводить намъ праздникъ. Господь отверзъ намъ двери благодати и милости своей: отверземъ и мы двери душъ нашихъ ко Господу, и будемъ чаще молиться и во храмѣ и въ домахъ нашихъ; отверземъ сердца наша и другъ ко другу,— пойдемъ ко врагамъ и примиримся съ ними, пойдемъ къ скорбящимъ и плачущимъ и утѣшимъ ихъ, посѣтимъ болящихъ, призримъ и напитаемъ нищихъ, безчинствующихъ воздержимъ и усовѣстимъ, піянствующихъ возвратимъ къ жизни трезвой и воздержной. Словомъ: во святыхъ дѣлахъ проведемъ святѣйшій праздникъ. Такъ должно и такъ прилично изъявлять намъ духовную радость нашу о Господѣ! Такъ научаетъ насъ праздновать и святый Апостолъ Павелъ: *да ходимъ* говоритъ, *благообразно, не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію* (Римл. 13, 13.); *да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8.). Аминь.

ВЕЧЕРНЯ ПАСХИ.

Послѣ столь многихъ и торжественныхъ впечатлѣній, которыя наполняютъ душу въ первый день Воскресенія, начиная съ первыхъ звуковъ божественной пѣсни: Христосъ воскресе,— мирно и величественно наступаетъ вечеръ дня сего.— Въ это время, Церковь опять собираетъ чадъ своихъ, въ память того святаго собранія, которое имѣли Апостолы въ Іерусалимѣ, въ самый день Воскресенія Христова, *сущу поздѣ*. Но не страхъ и недоумѣніе волнуютъ теперь сердца вѣрныхъ, какъ нѣкогда волновали сердца Апостоловъ, а *гласъ радованія и спасенія* повсюду слышится *въ селеніихъ праведныхъ* (Пса. 117, 15). Взоръ Христіанина, въ предшествовавшіе дни прискорбно встрѣчавшій только Голгоѳу и Крестъ, отрадно покоится теперь на упраздненномъ гробѣ Спасителя, изъ котораго сіяетъ для человѣка и новая жизнь и новое блаженство, и звучно раздается надъ сокрушенными врагами: грѣхомъ, смертію и адомъ, побѣдный гимнъ: *Кто Богъ великій яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ творяй чудеса!* (Прокименъ пасхальной вечерни). Словомъ: все дышетъ теперь тою свѣтлою, не земною радостію, которую нѣкогда духомъ предвидя Пророкъ, восклицалъ: *сей день его же сотвори Господь, возрадуемся и воз-*

веселимся вѣ онь (Псал. 117, 24.). И среди сихъ торжественныхъ минутъ всеобщаго веселія, Церковь благоговѣйно внемлетъ словамъ Божественнаго Іоанна о первомъ явленіи ученикамъ воскресшаго Господа:

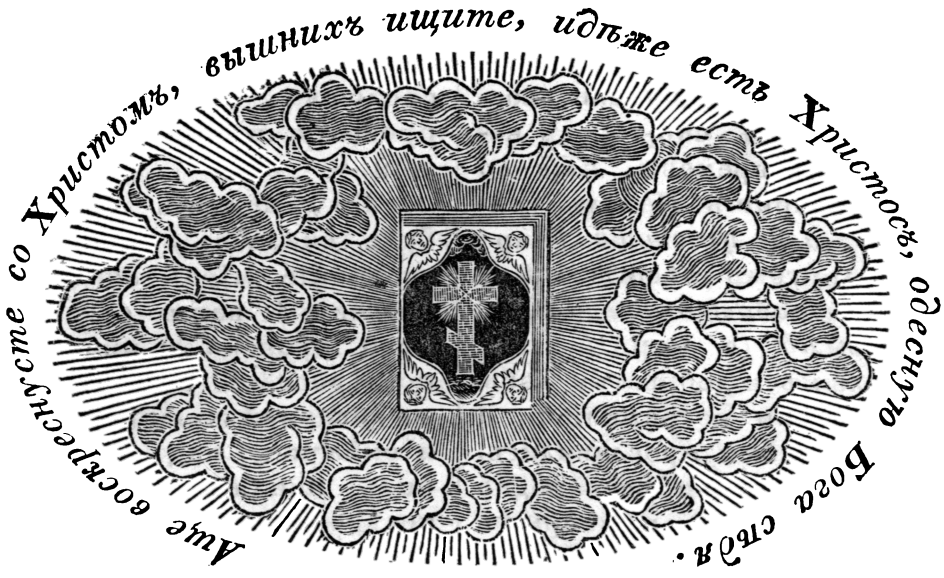
„Сущу поздѣ въ день той, во „едину отъ субботъ, и дверемъ за„твореннымъ, идѣже бяху ученицы „Его собрани страха ради Іудейска, „пріиде Іисусъ и ста посредѣ ихъ „и глагола имъ: миръ вамъ! и сіе „рекъ, показа имъ руцѣ и нозѣ и ребра „своя. Возрадовашася убо ученицы, видѣв„ше Господа. Рече же имъ Іисусъ „паки: миръ вамъ! якоже посла Мя „Отецъ и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ „дуну и глагола имъ: пріимите Духъ „Святъ, имъ же отпустите грѣхи, „отпустятся имъ, и имъ же держите, „держатся.“

Господь, воскресшій въ славѣ, во всемъ величіи Сына Божія, и получившій теперь отъ Отца всякую власть на небеси и на землѣ, является также полнъ любви и снисхожденія къ людямъ, какъ и прежде, также кротокъ и милосердъ, какъ и во дни земнаго служенія своего роду человѣческому, также помнитъ своихъ, утѣшаетъ ихъ и ободряетъ. Онъ называетъ женъ по имени, удостоиваетъ учениковъ своихъ названія братьевъ, и теперь, являясь, не дѣлаетъ имъ ни одного упрека, ни одной укоризны, хотя они и измѣнили Ему во время Его страданій и смерти. „Миръ вамъ, небойтеся, радуйтеся“— вотъ тѣ слова, которыми Спаситель, по воскресеніи, привѣтствовалъ друзей своихъ.

Симъ явленіемъ окончился тогда первый день Воскресенія Христова, который для насъ долженъ быть столько же важенъ, сколько древняя суббота для Іудеевъ: ибо какъ тамъ, по сотвореніи вселенныя, Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ; такъ и здѣсь единородный Сынъ Божій, совершивъ дѣло смотренія Божественнаго и обновивъ смертію и воскресеніемъ своимъ грѣховное естество человѣческое, почилъ въ эту,— едину отъ субботъ,— отъ трудовъ и страданій, подъятыхъ имъ для спасенія рода человѣческаго. Почему, у Христіанъ, день сей и заступилъ мѣсто Іудейской субботы.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 16, Марта 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 2. НЕДѢЛЯ АНТИПАСХИ. АПРѢЛЯ 10. 1838.

Апостолъ, Дѣян. 5, 12—20. Евангеліе Іоан. 20, 19—31.

Величаемъ Тя живодавче Христе, насъ ради во адъ сшедшаго, и съ собою вся воскресившаго.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА
о воскресеніи и судѣ. (*).

Іудеи не получили никакой пользы отъ того, что Христосъ многократно напоминалъ имъ о Воскресеніи: постараемся по крайней мѣрѣ мы воспользоваться этимъ. Когда родится въ насъ пожеланіе на неправедный прибытокъ, или на хищеніе, или на другое какое-либо худое дѣло; будемъ тотчасъ приводить себѣ на мысль послѣдній день и воображать страшное судилище. Такая мысль сильнѣе всего можетъ обуздать порочное стремленіе. Будемъ говорить всегда и другимъ и самимъ себѣ: мы Воскреснемъ и страшное судилище ожидаетъ насъ. Будемъ такъ говорить, когда увидимъ человѣка тщеславнаго, гордящагося настоящими благами: это напомнитъ ему, что всѣ блага его здѣсь останутся. Будемъ такъ говорить, когда увидимъ сѣтующихъ и малодушествующихъ: это покажетъ имъ, что всѣ несчастія должны имѣть ко-

(*) Изъ 45 Бес. на Евав. отъ Іоан.

нецъ. Будемъ повторять сіи слова лѣнивымъ и празднолюбивымъ: онѣ вразумятъ ихъ, что должно будетъ дать отчетъ за лѣность; онѣ лучше всякаго лѣкарства могутъ уврачевать нашу душу;—ибо будетъ воскресеніе, и притомъ скоро, въ непродолжительномъ времени. *Еще бо мало елико,* говоритъ Павелъ, *грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. 10, 37.); и въ другомъ мѣстѣ: *всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. 5, 10.), то-есть, и злымъ и добрымъ, дабы первые предъ всѣми посрамились, а послѣдніе предъ всѣми прославились. Ибо какъ земные судьи всенародно и злыхъ наказываютъ и добрыхъ награждаютъ; такъ будетъ и на судѣ Христовомъ, дабы посрамленіе однихъ и слава другихъ отъ того увеличились. Станемъ представлять это ежедневно. При такомъ представленіи, ни одна изъ настоящихъ тлѣнныхъ вещей не въ состояніи будетъ привязать насъ къ себѣ: *видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. 4, 18.). Итакъ, станемъ говорить непрестанно и самимъ себѣ и другимъ: будетъ Воскресеніе, будетъ судъ и изслѣдованіе поступковъ нашихъ. Пусть говорятъ это и тѣ, которые допускаютъ судьбу; они тотчасъ освободятся отъ сей заразительной болѣзни: ибо, если будетъ Воскресеніе и судъ; то нѣтъ судьбы, хотя многіе утверждаютъ противное и состязаются о семъ. Но я стыжусь доказывать Христіанамъ, что будетъ Воскресеніе; ибо кто имѣетъ нужду въ доказательствахъ на это и не совершенно увѣренъ, что все въ мірѣ бываетъ не понеобходимости, не безъ причины и не случайно, тотъ уже не Христіанинъ. Посему прошу и умоляю: очистимъ себя отъ всякаго зла и употребимъ всѣ средства, чтобы получить намъ прощеніе и оправданіе въ день судный.—

Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: „когда же будетъ скончаніе міра? когда будетъ Воскресеніе? вотъ сколько уже времени прошло, и ничего такого не послѣдовало!“ будетъ, повѣрьте. Тоже говорили жившіе предъ потопомъ, и смѣялись надъ Ноемъ; но наступилъ потопъ и поглотилъ всѣхъ невѣровавшихъ; спасся одинъ вѣровавшій. И современники Лотовы не ожидали пораженія отъ Бога, доколѣ огненные вихри и молніи, низпосланные съ неба, не истребили всѣхъ. Бѣдствія, постигшія тѣхъ и другихъ, не имѣли предваритель-ныхъ признаковъ, но послѣдовали тогда, когда они ѣли, пили и упивались. Такъ и Воскресеніе послѣдуетъ не съ предвѣстіями какими либо, но постигнетъ насъ среди благоденствія. Посему-то Павелъ говоритъ: *егда рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати* (1 Сол. 5, 3.). Это такимъ образомъ устроилъ Богъ для того, что бы мы всегда были готовы и въ самой безопасности не предавались безпечности.— Но, ты не вѣришь, что будетъ воскресеніе и судъ?— Ты ли не признаешь этого, когда и бѣсы признаютъ? *Пришелъ еси сюда,* взыскали

они, *прежде времени мучити насъ* (Мат. 8, 29.). Если они говорятъ, что будетъ мученіе; то, безъ сомнѣнія, знаютъ и то, что будетъ судъ, истязаніе и казнь.— Раздражая Бога худыми дѣлами, не станемъ раздражать Его еще невѣрованіемъ въ воскресеніе. Христосъ, какъ въ иныхъ случаяхъ, такъ и въ этомъ, есть начатокъ нашъ; почему и называется первороженнымъ изъ мертвыхъ. Если бы не было воскресенія; то какъ бы Онъ могъ быть первороженнымъ? Тогда бы не было никого изъ мертвыхъ, слѣдующаго по немъ. Съ другой стороны, если нѣтъ воскресенія, то какъ исполнится правда Божія? Весьма многіе нечестивцы благоденствуютъ, а добрые утѣсняются и жизнь свою оканчиваютъ въ горести. Гдѣ каждый изъ нихъ получитъ возмездіе, если нѣтъ воскресенія? Всѣ благочестиво живущіе вѣруютъ воскресенію, и ежедневно во время молитвы произносятъ оныя святыя слова: *да пріидетъ царствіе твое!* (Мат. 6, 10.). А кто не вѣруетъ? тѣ, коихъ пути осквернены и жизнь нечиста, какъ говоритъ пророкъ: *оскверняются путіе его на всяко время, отъемлются судьбы твоя отъ лица его* (Пс. 9, 26.). Да и не можетъ вѣрить воскресенію тотъ, кто ведетъ порочную жизнь; напротивъ тѣ, которые не сознаютъ за собою ничего худаго, готовятся, желаютъ и надѣются по воскресеніи получить воздаяніе. Не станемъ раздражать Господа и будемъ внимательны къ словамъ Его: *убойтеся могущаго и душу тѣло погубити въ геенну* (Мат. 10. 28). Если будемъ бояться этого; то сдѣлаемся лучшими и, избавившись отъ погибели, удостоимся небеснаго царствія, коего да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа!

ВѢРА, СОМНѢНІЕ И НЕВѢРІЕ.

Аще не вижу на руцѣ Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры.

Іоан. 20, 25.

Въ первый вечеръ, по воскресеніи Господа, Ап. Ѳома не былъ вмѣстѣ съ прочими Апостолами, сподобившимися видѣть Воскресшаго. Съ радостнымъ восторгомъ говорили ему ученики: мы видѣли Господа! разсказали, что дѣлалъ Спаситель, что говорилъ и какъ показалъ себя имъ. Но Ѳома, или думая что они обольщены мечтою, или предполагая, что явившійся имъ былъ кто-нибудь другой, подобный Господу, а не самъ Господь, отвѣчалъ: „если я не увижу на рукахъ его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ бокъ Его, не повѣрю.“

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ѳомѣ былъ въ этомъ случаѣ недостатокъ вѣры. Не смотря на увѣренія учениковъ, правдивость которыхъ была ему извѣстна, и которые не могли обмануться при видѣ Іис. Христа, котораго знали очень хорошо,— онъ не вѣритъ ихъ свидѣтельству. Самъ Господь послѣ обличилъ его въ недостаткѣ вѣры (Іоан. 20, 27.). Да научитъ насъ эта погрѣшность одного изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Христовыхъ— непогрѣши-

тельно и надлежащимъ образомъ вѣровать.

Вѣра есть первый путь ведущій къ истинѣ. По этому пути идетъ весь родъ человѣческій. Дѣти своими первыми познаніями и первымъ раскрытіемъ разума одолжены вѣрѣ, какую имѣютъ къ словамъ своихъ родителей и наставниковъ. Дѣти не могутъ сами собою изслѣдывать истины, а потому естественно довѣряютъ тѣмъ, которые опытнѣе ихъ и старше. Мы всѣ были дѣтьми. Мы приняли, по вѣрѣ къ свидѣтельствамъ, почти все, что знаемъ о мірѣ, насъ окружающемъ, и о вѣкахъ, которые уже не существуютъ. Вышедши изъ дѣтства, получивъ сами возможность различать истину отъ лжи, мы однакожъ продолжаемъ допускать вѣрою многое, чего изслѣдывать сами мы не имѣемъ времени и случая. И что было бы, еслибъ мы захотѣли только то принимать за дѣйствительное и истинное, о чемъ свидѣтельствуютъ наши чувства? намъ надлежало бы тогда отказаться отъ большей части нашихъ познаній и понятій. Отвергнувъ опыты вѣковъ, намъ предшествовавшихъ, мы возвратились бы въ невѣжество дѣтства. Самый просвѣщеннѣйшій и даровитый умъ не можетъ имѣть ни столько познаній, ни столько времени въ этой жизни, чтобы могъ самъ оцѣнить вѣроятность всѣхъ произшествій, разсмотрѣть всѣ предметы. Потому и онъ необходимо долженъ пользоваться знаніемъ другихъ, и слѣд. руководствоваться вѣрою.

Впрочемъ и на пути вѣры, какъ на всякомъ другомъ, должно идти съ осторожностію, чтобы не впасть въ заблужденіе *легковѣрія*. Прежде всего нужно обращать вниманіе на то, достоинъ ли вѣроятія тотъ, кто разсказываетъ намъ о произшествіи; могъ ли онъ хорошо знать то, что утверждаетъ; характеръ его ручается ли за его правдивость, и не обольщенъ ли онъ какою страстію?

Примѣръ Ап. Ѳомы, повидимому, показываетъ эту осторожность. Онъ не вдругъ повѣрилъ первому извѣстію о столь важномъ и необыкновенномъ произшествіи — о Воскресеніи изъ мертвыхъ своего Учителя. Но, когда всѣ друзья Ѳомы, люди благочестивые и добродѣтельные, и не мечтатели, свидѣтельствовали истину Воскресенія Христова, то онъ явно преступилъ границы одной осторожности, когда столь упорно отвергалъ свидѣтельства самыя искреннія и добросовѣстныя. Еслибъ Господь въ послѣдствіи не явился ему лично; то, какъ можно заключать изъ словъ Ѳомы къ соученикамъ, онъ не повѣрилъ бы воскресенію Спасителя. Онъ не хотѣлъ вѣрить никакому свидѣтельству, кромѣ свидѣтельства собственныхъ чувствъ своихъ: *если не увижу, если не осяжу*. Здѣсь опять урокъ для насъ. Какое и когда дозволено сомнѣніе?

Сомнѣніе умѣренное дозволено, и даже есть весьма нужное средство къ пріобрѣтенію познаній точныхъ. Многія, сообщаемыя намъ, познанія происходятъ отъ нечистаго источника, иныя заключаютъ противорѣчіе въ самихъ себѣ, другія противорѣчатъ уже познаннымъ нами, несомнѣннымъ истинамъ. Въ такихъ случаяхъ не льзя не усумниться; здѣсь сомнѣніе есть средство обезопасить себя отъ заблужденій и сохранить душевный миръ. Но

вотъ въ чемъ видно прирожденное и господствующее зло въ природѣ человѣческой: люди часто не умѣютъ соблюдать надлежашей мѣры въ сомнѣніи. Будь одно только, несущественное, обстоятельство сомнительнымъ: они, отвергаютъ все произшествіе. Если нѣтъ основанія къ сомнѣнію: они его вымышляютъ. Потомъ простираются еще далѣе, и сами себя спутываютъ такими софизмами и тонкостями, что теряютъ и умъ и присутствіе духа. Наконецъ утомленные, и не находя покоя, доходятъ до того, что отчаяваются во всемъ, сомнѣваются въ существованіи всего добраго, справедливаго и истиннаго; словомъ, упадаютъ въ бездну *скептицизма*,— сомнѣнія всеобщаго, всеобъемлющаго, но совершенно ничего не содержащаго. Это болѣзнь души, и болѣзнь самая мучительная; для освобожденія себя отъ нея нерѣдко употребляютъ самыя отчаянныя мѣры: иной оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ, другой обращается въ другую крайность,— дѣлается мечтателемъ и до нелѣпости суевѣрнымъ. Такъ справедливо то, что человѣкъ, котораго сердце двоится, бываетъ не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ (Іак. 1, 8.). Но представимъ, что или природный умъ, довольно сильный и горделивый, или сообщество, которымъ сомнѣвающійся окруженъ, или другія обстоятельства не допустятъ его до крайностей отчаянія, и ребяческаго суевѣрія: тогда онъ низвергается въ другую погибельную бездну— невѣрія.

Нѣкоторые думаютъ, что Ап. Ѳома былъ въ этомъ состояніи— невѣрія. Это несправедливо: онъ только сомнѣвался, потому что боялся быть обманутымъ въ дѣлѣ, столько для него и для всѣхъ важномъ. Это не было собственно невѣріе; это только медленность вѣры. Правда, Ѳома переступилъ уже надлежащую мѣру сомнѣнія; но не былъ ли онъ извинительнымъ? Сердце его еще обливалось кровію, оплакивая потерю своего Спасителя, котораго любилъ ученикъ какъ друга и какъ отца. И вотъ, при такомъ расположеніи духа, Ѳома слышитъ извѣстіе столь неожиданное. Нельзя было не чувствовать сильной горести тому, чьи мечтанія о блаженномъ царствѣ Мессіи на землѣ столь печальнымъ образомъ разсыпались, при видѣ Іисуса, какъ преступника, влачимаго на судилище и на казнь. И вотъ говорятъ Ѳомѣ, что Іис. Христосъ расторгъ узы смерти, что Онъ съ торжествомъ изшелъ изъ своего гроба и явилъ себя ученикамъ своимъ. Если Іисусъ,— могъ думать Ѳома,— былъ Мессія, предназначенный царствовать надъ міромъ; то для чего Онъ допустилъ себя взять, обезчестить, распять? Но съ другой стороны, если Іисусъ не былъ Мессія; то какъ Онъ могъ восторжествовать надъ смертію? Ѳома не пожалѣлъ бы никакихъ пожертвованій, чтобъ только совершенно увѣриться въ столь радостной, неожиданной для него вѣсти. Не такъ сомнѣвается невѣріе; не таковы чувства настоящаго невѣра.

Невѣріе не ищетъ и не желаетъ вѣры, почитая ее низкимъ средствомъ для успокоенія духа. Невѣръ отвергаетъ то, чему другіе вѣрятъ, отвергаетъ не изъ боязни, чтобъ не обмануться, а потому только, что такъ вѣрятъ другіе, отъ которыхъ онъ желаетъ отличить себя. Невѣріе не убѣждается доказательствами и свидѣтельствами

не только обыкновенными, но и чрезвычайными. Невѣръ не повѣритъ, хотябы кто возталъ изъ мертвыхъ и свидѣтельствовалъ (Лук. 16, 31.). Невѣріе не питаетъ любви ни къ Богу ни къ добродѣтели; для невѣра почти не нуженъ Богъ, и нѣтъ для него добродѣтели. Это невѣріе есть совершенное разстройство и превращеніе силъ душевныхъ; это безуміе, которое говоритъ въ развращенномъ сердцѣ: нѣтъ Бога, нѣтъ откровенія, нѣтъ религіи. Это нечувствительность, глубокій сонъ, оцѣпененіе совѣсти, которая позволяетъ ненаказанно безумствовать разуму, и злодѣйствовать страстямъ. И долголи можетъ продолжаться столь гибельное состояніе?— долгодѣ, пока сильными, потрясающими душу въ самомъ ея основаніи, средствами, не возбудится совѣсть невѣрующаго. Но тогда какой страшной борьбѣ должно открыться въ душѣ такого человѣка! благо ему, если, по милосердію Спасителя грѣшниковъ, одержитъ въ немъ побѣду начало доброе и разрушитъ громады зла, устроенныя невѣріемъ; но горе, вѣчное горе тому, кто падетъ подъ бременемъ золъ своихъ и впадетъ въ отчаяніе— въ это состояніе духовъ отверженныхъ!

Нѣтъ, Ап. Ѳома не былъ такимъ невѣромъ. Посмотрите, какъ скоро исчезаетъ временное затмѣніе его вѣры, когда является предъ нимъ Тотъ, кто былъ и свѣтомъ и жизнію для души его. Въ осмый день, по воскресеніи, Господь снова является въ собраніе учениковъ своихъ. Ѳома видитъ Его, и не вѣритъ глазамъ своимъ. Но Богочеловѣкъ обращается къ нему съ тою любовію, которая свойственна Спасителю міра; простираетъ къ нему рѣчь, исполненную силы потрясающей сердце: „подай перстъ твой сюда; посмотри на руки мои; подай руку твою, и вложи въ бокъ мой, и не оставайся въ невѣріи, но вѣрь. (Іоан. 20, 27.). Въ эту минуту всѣ понятія Ѳомы внезапно измѣнились; всѣ сомнѣнія разсыпались; міръ и жизнь представились ему въ новомъ свѣтѣ. Изумленный, съ восторгомъ радости, онъ воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой!“

„Блаженны невидѣвшіе и увѣровавшіе,“ сказалъ убѣжденному Ѳомѣ Господь. Блаженны невидѣвшіе и увѣровавшіе, говоритъ Онъ и всѣмъ послѣдователямъ своимъ.— Пребываетъ ли это блаженство въ душѣ моей?

Было время, когда и моя вѣра колебалась, потому что я не умѣлъ ни видѣть ни познать Тебя, Боже, Спаситель мой! какъ Ѳома, желалъ бы я тогда вложить персты мои въ язвы твои, и руку мою въ отверстый бокъ твой. Сомнѣніе дѣлало меня несчастнымъ; душа моя не находила себѣ подкрѣпленія и утѣшенія. Но духъ Твой сошелъ въ сердце мое, и воспламенилъ его святымъ огнемъ своимъ. Сомнѣнія мои разсыпались предъ свѣтомъ откровенія твоего, какъ утренніе пары предъ восходящимъ солнцемъ; вселенная явилась очамъ моимъ въ небесной свѣтлости; я позналъ мое назначеніе и мое мѣсто въ безмѣрности существъ. Ты привелъ меня въ объятія Отца небеснаго, и я въ священномъ восторгѣ воскликнулъ съ Ѳомою: Господь мой и Богъ мой!

РѢЧЬ

По обновленіи Храма въ мѣстечкѣ Черноостровѣ, произнесенная Преос. Кирилломъ, Архіепископомъ Подольскимъ 1837-го года, Маія 18-го дня.

Буди благословенъ Господь, сподобившій меня соутѣшиться общею любовію на мѣстѣ семъ!

Посѣщая здѣсь въ первый разъ храмъ Божій, и радуясь о благолѣпіи дома молитвы, въ коемъ приносится жертва Богу, по чину западныя Церкви, не могъ въ тоже время не скорбѣть я духомъ своимъ, по чувству ревности ко славѣ Божіей, взирая на скудость православнаго храма, въ коемъ также приносилась жертва Господу въ собраніи многихъ чадъ вѣры, но съ сердцемъ сокрушеннымъ о его бѣдности. Могу ли же нынѣ не изъяснить чувства радости, когда Господь, при семъ второмъ посѣщеніи, сподобляетъ меня по желанію сердца, зрѣть святыню Его обновленную, украшенную, и принести безкровную жертву живущему на небесахъ въ духѣ радованія? Отъ избытка сердца принося благодареніе Господу, увѣнчавшему святое свое дѣло успѣхомъ, я имѣю долгъ предъ лицемъ Церкви свидѣтельствовать признательность именитому виновнику настоящей нашей радости, испытанному вождю благороднаго сословія Подольскія области, показавшему собою примѣръ усердія Христіанскаго въ обновленіи и благоукрашеніи святаго сего храма. Да благословитъ его самъ Господь всещедрою Десницею, для коего отверзъ онъ нескудно доброхотную руку свою, и да воздастъ ему сугубо за земное небеснымъ, за временное вѣчнымъ!

Любовь ко храму Господню, сколько сама въ себѣ благопріятна и благоугодна Богу, столько же поучительна въ лицѣ господъ для ихъ подвластныхъ. Благопріятна Господу;— ибо она есть несомнѣнное свидѣтельство истиннаго богопочитанія. Кто не попускаетъ дому Божію оставаться въ запустѣніи и обнаженіи отъ всякаго подобающаго велелѣпія, тотъ очевидно вѣруетъ, что Всевышній живетъ и въ видимыхъ храмахъ по обѣтованію, тотъ благоговѣетъ предъ величіемъ славы Его и желаетъ быть близкимъ Господу, привлечь къ себѣ Его милость и благословеніе; тотъ, подъ сею вещественною красотою, желаетъ изобразить ту неизглаголанную и пренебесную славу, которою сіяетъ *живущій во свѣтѣ неприступнѣмъ* (1 Тим. 6, 16.). Посему то и замѣтилъ св. Апостолъ, что *доброхотныхъ дателей*, пекущихся о благолѣпіи дома Его, приносящихъ Ему жертву отъ избытковъ своихъ, *любитъ Господь* (2 Кор. 9, 7.).

Попеченіе о украшеніи храма поучительно и для другихъ. Это есть лучшее употребленіе земнаго достоянія и ясное свидѣтельство признательности ко Господу, за его дары неизчетные; это есть доказательство отеческой заботливости устрояющихъ судьбу ввѣренныхъ себѣ людей о ихъ душевной пользѣ. Благоукрасители храма, какъ истинные большаго, или малаго семейства отцы, устроя не одно внѣшнее благоденствіе подчиненныхъ себѣ, ища отъ нихъ не временной только пользы, но имѣя въ виду нравственную, добродѣтельную жизнь, даютъ чрезъ то ощущать въ земной пятостной ихъ участи, сладость небес-

ной жизни, и въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ безъ воздыханія.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего такъ часто многіе владѣльцы жалуются на неповиновеніе, на оскудѣніе усердія къ исполненію обязанностей своихъ подвластныхъ? отъ того, что обращаются съ ними не какъ отцы съ семействомъ, а какъ злые дому владыки съ своими наемниками, не даютъ имъ способовъ видѣть достоинство святыя вѣры, свободно исполнять свой долгъ, утѣшаться словомъ Божіимъ, поучаться въ законѣ Божіемъ и Христіанскихъ обязанностяхъ, какъ душеспасительныхъ истинахъ, коихъ единственный наставникъ есть святая Церковь.

Не потребуется ли посему отвѣтъ предъ судомъ Божіимъ отъ тѣхъ неблагомыслящихъ и неправедныхъ властителей, кои, созидая зданія прочныя для корыстныхъ своихъ видовъ, участіе и содѣйствіе въ созиданіи и благоукрашеніи храма почитаютъ для себя дѣломъ постороннимъ, не думая, что они должны дать отвѣтъ предъ Богомъ за небреженіе о душѣ, и вѣчной судьбѣ своихъ рабовъ?

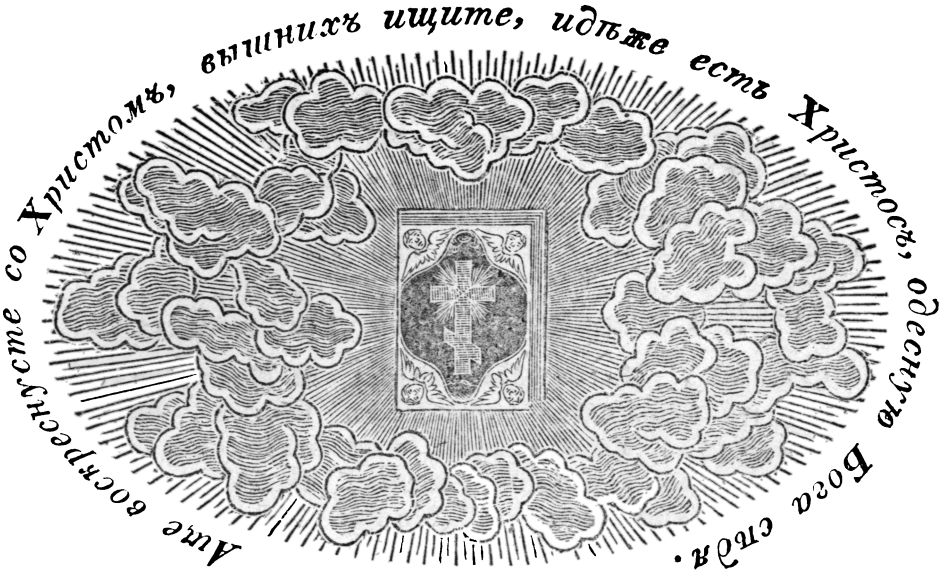
При таковой ихъ невнимательности къ святому дѣлу, могутъ ли не скорбѣть и не воздыхать о тяжкой участи своей простыя души, видя худой примѣръ въ своихъ господахъ, Бога не боящихся, къ горшему осужденію своему не рѣдко даже препятствующихъ подвластнымъ себѣ возводить очи и сердце свое горѣ, и простирать молитвенный гласъ къ Богу, утѣшителю скорбныхъ вездѣ, а паче во святѣмъ храмѣ Его, гдѣ Божественное слово и младенцевъ умудряетъ и неразумныхъ просвѣщаетъ, печальныхъ утѣшаетъ, утверждаетъ каждаго въ томъ званіи, къ коему призванъ, и среди скорбей настоящаго вѣка, укрѣпляетъ обѣтованіемъ небесной, некончаемой славы?

Какъ же по сему самому снова не обратиться къ благодѣтелю храма сего, постигнувшему существенную важность Христіанина и отца семейства, и такъ ревностно преклонившему сердце свое ко гласу державнаго Попечителя Церкви, Благочестивѣйшаго Помазанника?

Да послужитъ сей опытъ и другимъ къ подобнымъ соревнованіямъ въ дѣлѣ святомъ, и Богоугодномъ; да прославится чрезъ то паче и паче честь и достоинство исповѣдующихъ православную вѣру, а съ нею да утвердится благочестіе и преданность Престолу во всей странѣ Россійской! Человѣколюбіе же Спасителя, да низведетъ на всѣхъ сыновъ святыя Церкви богатые дары и сотворитъ причастниками царства небеснаго! Аминь.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 23 Марта 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 3. НЕДѢЛЯ СВ. ЖЕНЪ МИРОНОСИЦЪ. АПРѢЛЯ 17. 1838.

Апостолъ, Дѣян. 6, 1—7. Евангеліе Мар. 15, 43—47. 16, 1—8.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

СВЯТЫЯ ЖЕНЫ МИРОНОСИЦЫ.

I. Служеніе ихъ Господу до времени Его страданій.

Іисусъ Христосъ прохождаше сквозѣ грады и веси, проповѣдуя и благовѣствуя царствіе Божіе, и обанадесяте съ Нимъ, и жены нѣкія, яже бяху исцѣлены отъ духовъ злыхъ и недугъ, Марія нарицаемая Магдалина, изъ неяже бѣсовъ седмь изыде, и Іоанна жена Хузаня приставника Иродова, и Сусанна, и ины многи, яже служаху ему отъ имѣній своихъ. (Лук. 8, 1—3.)

II. Служеніе во время страданій Господнихъ.

Бѣху же ту *(на Голгоѳѣ)* и жены многи издалеча зряще, яже идоша по Іисусѣ отъ Галилеи служаще Ему: въ нихъ же бѣ Марія Магдалина

и Марія, Іакова малаго и Іосіи мати, и Саломія, мати сыну Зеведееву (Матѳ. 27, 55. 56. Марк. 15, 40.).

Стояху при крестѣ Іисусовѣ Мати Его,—и сестра Матере Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина. (Іоан. 19 25.)

III. Служеніе погребенію Спасителя.

Бѣ же ту *(при погребеніи тѣла Господня)* Марія Магдалина и другая Марія Іосіева сѣдяще прямо гроба, зрястѣ, гдѣ Его полагаху (Матѳ. 27, 61. Марк. 15, 47.). Жены, яже бяху пришли съ Нимъ отъ Галилеи, видѣша гробъ, и яко положено бысть тѣло Его. Возвращшися же уготовиша ароматы и миро; и въ субботу убо умолчаша по заповѣди. (Лук. 23, 55. 56.)

IV. Служеніе въ день воскресенія.

Минувшей субботѣ, Марія Магдалина и Марія Іаковля и Саломія купиша ароматы, да пришедше помажутъ Іисуса, свитающи во едину отъ суббогъ, зѣло рано, еще сущей тмѣ придоша на гробъ, носяще, яже уготоваша ароматы, и другія *(жены)* съ ними. И зѣло заутра придоша на гробъ, возсіявшу солнцу. (Матѳ. 28, 1. Марк. 16, 1. 2. Лук. 24, 1. Іоан. 20, 1.)

И глаголаху къ себѣ: кто отвалитъ намъ камень отъ дверій гроба? и воззрѣвше видѣша, яко отваленъ бѣ камень: бѣ бо велій зѣло. Тече убо *(Магдалина)*, и пріиде къ Симону Петру, и къ другому ученику, егоже любляше Іисусъ, и глагола има: взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его. (Марк. 16, 3. 4. Іоан. 20, 2.)

V. Награда за служеніе— радостію воскресенія.

Ангелы являются мироносицамъ, и говорятъ: что ищете живаго съ мертвыми? нѣсть здѣ, но воста: помяните, якоже глагола вамъ еще сый въ Галилеи. (Лук. 2 4, 5. 6.)

Самъ Господь является Магдалинѣ. Глагола ей Іисусъ: жено, что плачеши? кого ищеши? она же, мнящи яко вертоградарь есть, глагола: господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его. Глагола ей Іисусъ: Маріе! она же обращшися глагола Ему: Раввуни, еже глаголется, Учителю! (Іоан. 20, 15. 16.)

Господь является и прочимъ мироносицамъ. Егда же идяхѣ возвѣстити ученикомъ его, и се Іисусъ срѣте я, глаголя: радуйтеся! онѣ же приступлше ястѣся за нозѣ Его, и поклонистѣся Ему. (Матѳ. 28, 8. 9.)

VI. Первая проповѣдь мироносицъ о воскресеніи.

Пріиде же Марія Магдалина возвѣсти съ Нимъ бывшимъ, плачущимся и рыдающимъ, повѣдающе ученикомъ, яко видѣ Господа, и сія рече ей. (Іоан. 20, 18. Марк. 16, 10.)

И возвращшеся отъ гроба, возвѣстиша вся сія единому-надесяте, и всѣмъ прочимъ. Бяше же Магдалина Марія и Іоанна и Марія Іаковля и прочія съ ними, яже глаголаху ко Апостоломъ сія. (Лук. 24, 10.)

Предъизображеніе безсмертія въ состояніи сна.

Справедливо называютъ сонъ братомъ смерти. Во снѣ душа, освобождаясь отъ своей темницы вещественной, возвращается въ себя саму: тоже бываетъ и въ смерти.

Во снѣ тѣло, оставленное самому себѣ, сохраняетъ почти одну жизнь растительную. Оно лежитъ безъ чувства: но кровь обращается въ его жилахъ; дыханіе продолжается; всѣ части физической жизни дѣйствуютъ, какъ у растѣній. Видно, что тѣлу нужно по временамъ бывать въ этомъ уединеніи и какъбы удаленіи отъ души, которой непрестанная дѣятельность сокрушила бы тѣло и сдѣлала бы его неспособнымъ къ дѣйствованію. Удаляемая, по временамъ, отъ вліянія духа, оставляемая самой себѣ, растительность тѣла слѣдуетъ однимъ своимъ законамъ, и возобновляетъ свои силы. Оттого, послѣ покойнаго сна, мы всегда чувствуемъ возобновленіе силъ въ тѣлѣ и большую ясность въ душѣ.

Какое состояніе души, такимъ образомъ отдѣленной отъ чувствъ? она не сообщается болѣе съ предметами внѣшними посредствомъ зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса, осязанія. Но, по этому, уничтожается ли она? пробудясь, мы сознаемъ въ себѣ не другую душу, но туже самую; душа не теряетъ памяти о прежнемъ бытіи своемъ. Это значитъ, что она, уединенная отъ чувствъ, продолжаетъ свою дѣятельную жизнь, хотя не обнаруживаетъ ея видимымъ образомъ, потому что лишается тѣхъ орудій, къ которымъ она привыкла. Эту непрерывную дѣятельность души доказываютъ сновидѣнія. Состояніе сна имѣетъ свой кругъ понятій, желаній, чувствованій — независимо отъ предметовъ внѣшнихъ. Правда, рѣдко остается въ насъ живое и продолжительное воспоминаніе о томъ въ состояніи бодрственномъ. Мы однакожъ увѣрены, что душа не была безъ дѣйствія во снѣ, хотя мы и не припомнимъ, какой именно былъ родъ ея дѣятельности. Кто припомнитъ тысячи бѣглыхъ мыслей и въ состояніи бодрственномъ, пробѣгающихъ въ умѣ въ продолженіе какого нибудь часа дня? но кто, по этому, будетъ заключать, что въ этотъ часъ, когда умъ былъ, можетъ быть, самымъ дѣятельнымъ, въ немъ не было никакихъ понятій? Случается съ людьми, погруженными въ глубокое размышленіе, что они не сознаютъ того, что вокругъ ихъ происходитъ; духъ ихъ, отвращенный отъ міра чувственнаго, весь собранъ въ себѣ самомъ: кто будетъ утверждать, что, въ эти минуты размышленія, они не имѣютъ сознанія своей внутренней жизни, хотя они ничего не слышатъ ушами и не видятъ глазами своими?—Непрерывность сознанія нашего во снѣ доказываетъ и то, что мы, силою воли нашей, можемъ иногда пробуждать себя въ опредѣленный часъ.

Сознаніе не прерывается и въ обморокѣ. Внѣшняя жизнь здѣсь оста-

навливается на время; мышленіе и чувствованіе не оказываютъ себя ничѣмъ внѣшно: но мыслящее и чувствующее существо тѣмъ не менѣе сохраняетъ внутреннюю жизнь свою. Многіе, вышедши изъ обморока, сохраняютъ нѣкоторую память о представленіяхъ, занимавшихъ ихъ въ этомъ состояніи, подобномъ смерти; съ другими случается иначе. Нѣкоторые обмороки имѣютъ ту особенность, что все тѣло, блѣдное, хладное, безъ дыханія и движенія, бываетъ подобно трупу, а душа, между тѣмъ, находясь въ соприкосновеніи съ однимъ изъ чувствъ, замѣчаетъ, что происходитъ вокругъ ея, не будучи въ силахъ сдѣлать и малѣйшаго движенія жизненнаго. Это бываетъ въ каталепсіи. Вѣроятно, что въ такомъ состояніи многіе погребены были живые, съ сознаніемъ того, что дѣлали предъ ними ихъ родные и друзья, обманутые видимыми признаками смерти.

Другое явленіе приводитъ къ тому же слѣдствію: это сомнамбулизмъ или лунатизмъ. Усыпленный, въ этомъ состояніи, сначала представляется спящимъ сномъ обыкновеннымъ. Дѣятельность чувствъ прекращена; спящій не видитъ, не слышитъ, не осязаетъ. Но вскорѣ онъ пробуждается, такъ сказать, въ себѣ самомъ, не выходя изъ сна своего, который дѣлается какъ бы еще внутреннѣе. Лунатикъ слышитъ, но не ушами; видитъ, но не глазами; осязаетъ, но не посредствомъ обыкновеннаго орудія осязанія. Онъ ходитъ, говоритъ, выполняетъ разныя дѣла удивительно, часто даже съ большею осмотрительностію и ловкостію, нежели въ состояніи бодрственномъ. Въ это время, онъ воспоминаетъ въ точности то, что съ нимъ случалось, даже и то, чего не помнитъ онъ въ состояніи обыкновенномъ. Послѣ нѣкотораго времени этой сомнамбулической дѣятельности, онъ впадаетъ въ сонъ обыкновенный, и, пробудясь, нисколько не помнитъ того, что происходило съ нимъ въ его первомъ состояніи. Онъ можетъ припоминать мечты сна обыкновеннаго; но не помнитъ, что говорилъ, и что дѣлалъ онъ въ прежнемъ состояніи необыкновенномъ, и съ трудомъ вѣритъ тому, что ему пересказываютъ о томъ другіе. Будемъ ли, по этому, отвергать внутреннюю жизнь и удивительную дѣятельность духа въ сомнамбулизмѣ?— Когда лунатикъ опять приходитъ въ это необыкновенное состояніе, котораго самъ не понимаетъ, онъ воспоминаетъ все, что дѣлалъ и представлялъ въ состояніяхъ сомнамбулизма предъидущихъ, хотя въ промежуткѣ двухъ сновъ онъ нисколько не помнилъ того.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, при обыкновенномъ и необыкновенномъ снѣ, не предъизображается ли намъ жизнь души будущая?

Можетъ ли душа, безъ орудій чувства тѣлесныхъ, сознавать сама себя, имѣть представленія, понятія, желанія? этотъ вопросъ рѣшается намъ каждый день въ состояніи сна обыкновеннаго. Въ немъ, уединенная отъ чувствъ, душа продолжаетъ сознавать себя, представлять, и дѣйствовать на представляемые предметы.

Такъ ли необходима и вся органическая жизнь тѣла для жизни души нашей, что съ пресѣченіемъ первой не можетъ продолжаться и послѣдняя? На это самый удовлетворительный от-

вѣтъ въ состояніи того необыкновеннаго сна, который называютъ обморокомъ. Тогда въ тѣлѣ совершенно останавливается жизненная сила; тогда оно представляется такъ неподвижнымъ, бездыханнымъ, безжизненнымъ, что нерѣдко приготовляютъ его къ погребенію: между тѣмъ душа въ немъ живетъ, и сознаетъ все, что предъ нею дѣлается.

Но сомнамбулизмъ предъизображаетъ еще болѣе, нежели одно продолженіе жизни души безъ соединенія съ тѣломъ. Въ этомъ состояніи, душа, непостижимымъ образомъ, дѣйствуетъ на тѣло, видимо отдѣляясь отъ грубыхъ чувствъ его. Въ немъ ведетъ она совсѣмъ другую жизнь, нежели при обыкновенномъ сообщеніи ея съ міромъ чувственнымъ. Она могла дѣйствовать и воспроизводить въ себѣ представленія — во снѣ обыкновенномъ; но она можетъ еще болѣе въ этомъ необыкновенномъ снѣ: можетъ съ удивительнымъ искуствомъ дѣлать то, чего не дѣлала обыкновенно и представлять, что въ обыкновенномъ состояніи ею забыто. Не изображается ли здѣсь то совершеннѣйшее бытіе ея въ тѣлѣ, которое будетъ для нея по воскресеніи тѣлъ? — То состояніе, въ которомъ и тѣло будетъ легче, и душа будетъ дѣйствовать на него высшею силою, и когда самое продолжительное разлученіе души съ тѣломъ не уничтожитъ въ ней воспоминаній всего, что содѣлала она съ тѣломъ?

Боже духовъ и всякія плоти! У Тебя, Источника жизни, нѣтъ смерти; нѣтъ у Тебя и мертвыхъ, а всѣ предъ Тобою живы.

Такъ, Боже мой! мы только засыпаемъ, а не умираемъ. Во снѣ обыкновенномъ душа моя порывается отторгнуться отъ тѣла и войти въ міръ духовъ: во снѣ томъ, который зовемъ мы смертію, душа моя дѣйствительно отдѣлится отъ тѣла и войдетъ въ міръ сродный существу ея. Со мною послѣдуетъ нѣкогда глубокій и невозвратный обморокъ, когда духъ мой, совершенно обнаженный отъ тѣла, будетъ жить одною внутреннею жизнію своею, на долго — на сколько времени Тебѣ угодно будетъ разлучить его съ тѣломъ — надолго не имѣя власти и силы дѣйствовать на свое безжизненное тѣло. Послѣдуетъ, Господи, и то состояніе, когда, по волѣ твоей, обновленное тѣло мое опять соединится съ душею моею; когда тѣло возстанетъ изъ праха съ новою силою, душа узнаетъ его, и будетъ жить въ немъ новою, совершеннѣйшею жизнію. Владыко Господи! я всегда, во вѣки буду жить предъ очами твоими: даруй, о Всеблагій, чтобъ я во вѣки жилъ Тобою, жилъ твоею блаженною жизнію! Аминь.

СЛОВО

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА.

Во имя Михаила I-го Митрополита Кіевскаго.

Былъ ли какой-либо храмъ въ Раю земномъ? — Не было никакого. Будетъ ли храмъ въ Раю небесномъ? Не будетъ. — Зачѣмъ же устроенъ и освященъ храмъ сей? За тѣмъ, что мы всѣ теперь ни въ Раю земномъ, ни въ Раю небесномъ, а на пути отъ перваго къ послѣднему. На пути не строятъ домовъ, но устрояютъ пристанища; и вотъ мы, по Благодати Божіей, устроили нынѣ одно изъ

такихъ пристанищъ. Для кого устроили? Не для тѣхъ, кои не чувствуютъ ни какой тоски по отчизнѣ, живутъ въ семъ мірѣ, какъ бы имъ никогда не надобно было идти вонъ, а выходятъ вонъ изъ міра такъ, какъ бы никогда не слѣдовало паки возвращаться на землю живыхъ. Таковымъ на что пристанище?— Они не на пути, они дома, съ ними— все. Нѣтъ, если мы съ такимъ тщаніемъ освятили нынѣ храмъ сей, то освятили его въ пристанище и успокоеніе для тебя, душа, вѣрующая и взыскующая горняго отечества!— Среди пустыни міра, идя по тернистому пути внѣшнихъ скорбей и внутреннихъ искушеній, подвергаясь нападеніямъ отъ дальнихъ и ближнихъ, ты не разъ принуждена будешь сказать съ Давидомъ: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися!* (Псал. 119, 5.) не разъ не найдешь мѣста, *гдѣ бы подклонить главу:* (Мат. 8, 20.) тогда приди сюда, подклони ее здѣсь, у ногъ твоего Спасителя, и ты обрящешь себѣ покой и радость. Иногда умъ твой потребуетъ вразумленія отъ закона Божія: здѣсь всегда будетъ слышаться глаголъ вѣры, надежды и любве; иногда совѣсть будетъ имѣть нужду въ елеѣ и обязаніяхъ на раны: здѣсь всегда найдешь то и другое; иногда весь внутренній человѣкъ твой придетъ въ изнеможеніе: тогда тѣло и кровь Богочеловѣка, здѣсь преподаемыя, послужатъ тебѣ въ укрѣпленіе духа и тѣла. А если, возлюбленный, у тебя отверсты Благодатію *очеса* и ушеса *сердца;* (Еф. 1, 18.) то здѣсь ты можешь услышать и увидѣть то, чего не слышимъ и не видимъ мы сами, слабые служители Алтаря: можетъ быть съ Самуиломъ къ тебѣ прострется гласъ, воззывающій тебя на особенные подвиги во славу Божію и благо ближнихъ;— можетъ быть съ Василіемъ и Григоріемъ будешь свидѣтелемъ того, какъ Духъ Св. видимо нисходитъ на дары, когда мы призываемъ Его для ихъ освященія; подобно Андрею и Епифанію дастся и тебѣ зрѣть на воздусѣ Матерь Господа со всѣми Святыми, за ны молящуюся. Не буду болѣе поднимать завѣсу храма; для достойныхъ она поднимется сама собою, а для прочихъ и сего много.

Итакъ, души вѣрующія, возблагодарите вмѣстѣ съ нами Господа за освященіе сего храма: се новое пристанище для васъ на пути; новая врачебница на случай болѣзней духовныхъ; новая твердыня противу нападенія враговъ. И, чтобы вы не усумнились въ дѣйствительности сего новоявленнаго дома Божія по причинѣ недостоинства насъ, служителей его: то мы указуемъ вамъ въ семъ случаѣ не на насъ, а на великаго угодника Божія Михаила, во имя коего посвященъ храмъ сей. Онъ самъ вамъ порука за дѣйствительность служенія въ семъ храмѣ; онъ самъ приметъ ваши молитвы и вознесетъ ихъ къ престолу Благодати, когда мы по чему-либо будемъ не въ состояніи сего сдѣлать. Возблагодарите убо съ нами нынѣ Господа!—

Къ чему пригласитъ тѣхъ, кои не чувствуя тоски по отчизнѣ, ходятъ въ храмы не для храмовъ, кои и теперь пришли сюда безъ расположенія къ молитвѣ, а просто, какъ ходятъ на зрѣлище?— Если бы таковые захотѣли послушать благаго совѣта, (а должны послушать, коль скоро въ ихъ сердцахъ не погасло всякое чувство добра,) то я предложилъ бы и

имъ обратиться теперь ко Господу съ благодарностію.— За что?.. За то, что онъ, ради ихъ хладности и легкомыслія, не престаетъ вселяться своею благодатію между нами, и теперь благоволилъ видимо приближиться въ семъ Храмѣ къ нимъ самимъ. Можетъ быть и съ ними случится здѣсь тоже самое, что бываетъ иногда съ людьми, посѣщающими гостинницы на пути: видя, какъ мимоходящіе спѣшатъ идти куда-либо; и они непримѣтно располагаются идти туда же. Можетъ быть и ихъ постигнетъ здѣсь благая участь Саулова, такъ что они, подобно ему, пошедши искать заблуждшихъ ослятей, найдутъ здѣсь себѣ царство. Не удивительно, что и самъ міръ съ его благами поможетъ въ семъ святомъ дѣлѣ: онъ любитъ отводить отъ пути истиннаго, но никогда не приведетъ къ цѣли; умѣетъ возбудить жажду, но не можетъ насытить души: все обѣщаетъ, но подъ конецъ, большею частію, самъ все отнимаетъ. Тогда то, какъ дружба міра покинетъ васъ, какъ здравіе и силы измѣнятъ вамъ, какъ радости и забавы улетятъ, утѣхи и смѣхи отцвѣтутъ, и вы останетесь одни— съ немощами, съ бѣдностію, съ пустотою въ душѣ, съ язвами въ совѣсти— о тогда и для васъ кровъ дома Божія покажется раемъ на землѣ, единымъ пристанищемъ, гдѣ вы можете опочить душею, отдохнуть сердцемъ, познать, что еще не все и для васъ потеряно, что и вы еще на пути, что и предъ вами еще— цѣль!—

Всѣ убо возблагодаримъ Господа за новое его снизхожденіе къ намъ въ новоявленномъ домѣ Божіемъ. Но, помышляя о семъ снизхожденіи, не забудемъ, Брат., и о нашемъ восхожденіи ко Господу чрезъ сей видимый храмъ его.— Мы назвали храмъ пристанищемъ, но пристанище не есть домъ и должно напоминать о вѣчномъ жилищѣ; оно устрояется въ обитель покоя, но временнаго, и должно препровождать къ дальнѣйшей дѣятельности.

Итакъ, служители Алтаря Господня, по примѣру сего же Алтаря, нынѣ нами освященнаго, уготовьте и вы сердца свои въ новый престолъ Господу. Если находящіеся въ храмѣ, во время священнодѣйствія, всѣ тайно образуютъ собою херувимовъ; то вы священнодѣйствующіе, образуете собою тѣхъ изъ Херувимовъ, на коихъ непосредственно почиваетъ и чрезъ кои движится слава Господня (Іез. 1, 19.). Итакъ, помните великое назначеніе свое,— по примѣру великаго Ходатая, быть посредниками между небомъ и землею, возносить моленія о всѣхъ и низносить благословеніе всѣмъ. Пусть никто не отходитъ отсюда не просвѣщенъ, не насыщенъ, неутѣшенъ вами!—

Поющіе и чтущіе! *Пойте* и читайте *разумно!* (Псал. 46, 9.) *Да усладится* Господу не одинъ *псаломъ*, (Псал. 103, 34.) но и сердце ваше!— Помните, что читаемое и поемое здѣсь поется и читается не для услажденія бреннаго слуха, а для питанія духа безсмертнаго, что вамъ внимаютъ не одни подобные вамъ человѣки, а и Ангелы Божіи, выну пребывающіе въ Храмахъ. Слова, изходящія изъ устъ вашихъ, должны быть подобны искрамъ огня Серафимскаго для воспламененія душъ и сердецъ любовію ко Господу; и они будутъ таковыми, если сей огнь будетъ пламенѣть въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Предстоящіе и молящіеся! входите во храмъ съ благоговѣніемъ, отложивъ за прагомъ его всякое земное попеченіе, стойте со страхомъ, какъ стоятъ предъ лицемъ Царя небеснаго, молитесь съ умиленіемъ, какъ прилично молиться ищущимъ помилованія грѣшникамъ. Ибо что же, Брат., всѣ мы, кто бы ни были, какъ не осужденные на смерть преступники закона Божія?—Всѣ заслуги наши предъ Творцемъ нашимъ не состоятъ ли въ совершенномъ признаніи Его величія, и нашей нечистоты? всѣ права и всѣ надежды наши не въ одномъ ли безпрекладномъ милосердіи его? такимъ ли существамъ искать здѣсь первыхъ мѣстъ, отличаться убранствомъ и нарядами, принимать на себя величавый и презорливый видъ? здѣсь мѣсто свиданія съ Господомъ и Ангелами, а не съ земными друзьями и знакомыми; тутъ время бесѣдовать въ глубинѣ души съ Евангеліемъ и совѣстію, а не съ тѣмъ, кто стоитъ возлѣ тебя.

Требовать ли наконецъ какой либо жертвы отъ васъ, кои ходите въ храмъ не для храма?— Ахъ, отъ васъ то бы наипаче и надобно требовать ее!— Но что въ состояніи принести вы Господу?— доколѣ всемощная рука Его не коснется сердца вашего, и не сокрушитъ мѣди и желѣза, облегающихъ выю вашу;— принесите въ жертву по крайней мѣрѣ одно то, что вы приносите непрестанно міру— благоприличіе и скромность. Не пріемля здѣсь сами пользы душевной, не будьте по крайней мѣрѣ во вредъ другимъ. За чѣмъ въ семъ Раю принимать на себя образъ змѣй искусителей?— если уже Ангелы хранители ваши должны плакать, то пусть плачутъ о васъ однихъ.

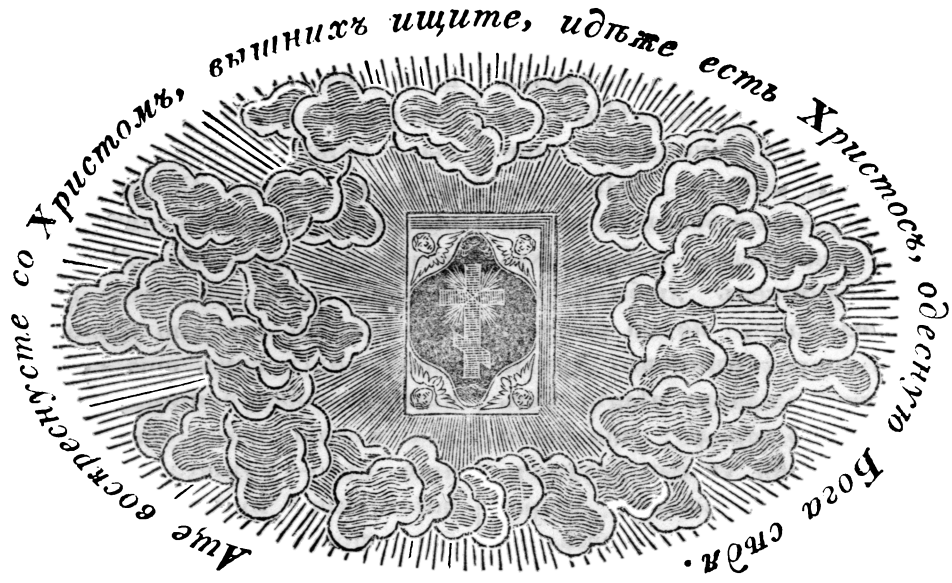
Но, Боже мой, какой совѣтъ принужденъ давать я?— такимъ ли языкомъ надлежало говорить съ сего священнаго мѣста?— но, что дѣлать, когда разсѣянность наша дошла до того, что нѣкоторые готовы домъ молитвы обращать въ вертепъ разбойниковъ; надобно спасать многихъ, когда нельзя спасти всѣхъ.

Впрочемъ, что и всѣ мы безъ благодати Божіей?— Посему, рѣшаясь достойно служить, воспѣвать, предстоять и молиться въ семъ храмѣ, мы всѣ должны паки обратить очи и сердца свои ко Господу, да даруетъ Онъ— служителямъ Алтаря духъ служенія, поющимъ и читающимъ— духъ разумѣнія и *назиданія*, предстоящимъ и молящимся— духъ страха и умиленія.

Господи и Владыко неба и земли! мы освятили благодатію твоею храмъ сей въ пристанище душъ нашихъ, но единъ Ты можешь устроить и освятить души наша въ жилище твое! Самъ убо Всесвятый, начни и соверши сіе освященіе. Употребляй, молимъ Тя, все, что нужно для сего: омовеніе ли слезами покаянія, или окропленіе росою благодати, куреніе ли отъ огня внутренныхъ испытаній, или біеніе млатомъ внѣшнихъ лишеній и скорбей:— ими же вѣси судьбами, точію освяти и спаси души наша! Аминь.—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 30 Марта 1838 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 4. НЕДѢЛЯ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ. АПРѢЛЯ 24. 1838.

Апостолъ, Дѣян. 9, 32—42. Евангеліе Іоан. 5, 1—15.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

ПРЕПОЛОВЕНІЕ.

Абіе же въ преполовеніе праздника, взыде Іисусъ въ Церковь, и учаше.

Іоан. 7, 14.

Праздникъ, о которомъ упоминаетъ дневное Евангеліе, былъ Іудейскій праздникъ Кущей, нѣкогда праздновавшійся въ Іерусалимѣ съ великимъ торжествомъ. Онъ установленъ въ память странствованія Израильтянъ въ пустынѣ, по изшествіи изъ Египта (Лев. 23, 43.); былъ третьимъ, великимъ или годовымъ праздникомъ В. З. Церкви. Какъ въ праздники Пасхи и Пятидесятницы, такъ и въ праздникъ Кущей, всѣ Евреи мужеска пола обязаны были со всѣхъ сторонъ сходиться во градъ Давидовъ.

Вникнемъ въ дѣйствія Господа нашего, совершенныя въ теченіе сего праздника. Они имѣютъ тѣсную связь съ нашимъ праздникомъ Преполовенія.

Народъ Іудейскій въ безчисленномъ множествѣ поспѣшалъ въ свою столицу; всѣ дороги наполнены были идущими и ѣдущими на праздникъ. Одинъ Спаситель не спѣшилъ въ Іерусалимъ, до времени оставаясь въ Галилеѣ. На-

родъ удивлялся, не видя Его. Гдѣ Онъ? говорили Іудеи. Имъ казалось страннымъ, что они не видятъ Того, который обыкновенно являлся тамъ, гдѣ только бывало большое стеченіе народа. Спаситель давно уже сдѣлался предметомъ народной молвы (Іоан. 7, 12.); объ Немъ всюду говорили, спорили, давали свои мнѣнія. Одни говорили: *Онъ добръ*,— это большая часть людей добрыхъ, простыхъ и бѣдныхъ, съ которыми Спаситель любилъ обращаться дружелюбно, не по обычаю своихъ гордыхъ современниковъ. Другіе съ важностію утверждали: нѣтъ, Онъ не благъ, но *льститъ народы;* это были люди, почитающіе себя умнѣе другихъ. Знатные Іерусалимскіе вообще страшились появленія Іисуса; имъ хотѣлось бы хотя одинъ большой праздникъ отпраздновать, не видавши Его. Напрасно! Спаситель вѣдалъ, кому что нужно, зналъ свое время, и являлся именно тогда, когда люди добрые имѣли болѣе причинъ видѣть Его, а злые вовсе не ожидали. Въ половинѣ праздника Онъ неожидаемо входитъ въ храмъ, гдѣ было множество народа, стекшагося слушать ученіе раввиновъ Іудейскихъ. Спаситель замѣнилъ ихъ и теперь, какъ нѣкогда въ синагогѣ Назаретской (Лук. 4, 16. 17.); Онъ и здѣсь взялъ св. Писаніе В. Завѣта, прочелъ мѣсто, положенное для чтенія въ этотъ день, или *дневную евтару*, и началъ изъяснять ее. Истолкованіе ясное, сильное, въ побѣдоносномъ духѣ древнихъ пророковъ, а не современныхъ учителей Іудейскихъ, невольно привело всѣхъ въ удивленіе, и у самыхъ завистниковъ Господа исторгало взаимные вопросы: *какъ Онъ знаетъ Писаніе, неучившись?*

Прекративши истолкованіе закона, Спаситель обратился къ собранію и сказалъ торжественно: „*Мое ученіе нѣсть мое, но Пославшаго Мя.* Какая нужда Мнѣ посѣщать ваши школы, и въ нихъ изучать смыслъ Писанія? Кто творитъ волю Бога, тотъ, безъ школы, ясно и вѣрно понимаетъ силу и духъ закона Божія. Если бы и вы творили волю Іеговы: вы тотчасъ понялибы: отъ Бога ли мое ученіе, или Я самъ отъ себя говорю? Не думайте, чтобъ трудно было узнать того, кто учитъ самъ отъ себя. Онъ всегда ищетъ собственной славы, говоритъ для хвалы себѣ: это ясный признакъ, что онъ— учитель ложный. Напротивъ кто ищетъ славы пославшему его, тотъ есть истинный учитель, и нѣтъ неправды въ немъ.“

„Онъ опять указываетъ на свое посольство отъ Бога, подумали ученые Евреи; опять упрекаетъ насъ въ этой несчастной славѣ, которой мы будтобы ищемъ себѣ.“ И въ душѣ ихъ мгновенно оживилась старая мысль объ убійствѣ. „Но если ты отъ Бога сказали нѣкоторые, обращаясь ко Христу, зачѣмъ же ты не исполняешь закона Божія, зачѣмъ не хранишь субботы?“ Тутъ указали Ему на разслабленнаго, котораго Онъ исцѣлилъ недавно въ субботу.—

„Не Я, а вы не исполняете закона,“ сказалъ кротко Искупитель. Не далъ ли вамъ Моисей закона, *не убій*, и никто изъ васъ не поступаетъ по закону?... За что вы ищете убить Меня?“ (Онъ видѣлъ тайныя мысли враговъ своихъ).

„Бѣса ли имаши? кто тебе хощетъ убити?“ отвѣчали враги Іису-

совы съ сердцемъ за то, что ихъ тайна обнаружена Сердцевѣдцемъ.

Спаситель, необращая вниманія на разгарающуюся ненависть, продолжалъ спокойно и кротко: „одно дѣло сдѣлалъ Я, и всѣ вы возмущаетесь отъ того, что Я совершилъ оное въ субботу. Вы ссылаетесь на Законъ, повелѣвающій вамъ строго хранить вашу субботу; но развѣ тотъ же Законъ не дѣлаетъ исключеній? Развѣ онъ не повелѣваетъ вамъ обрѣзывать въ субботу, и развѣ вы сами не въ субботу лѣчите болѣзнь, происходящую отъ обрѣзанія? Зачѣмъ же негодуете на Меня, когда Я исцѣлилъ не часть тѣла, но цѣлаго человѣка сдѣлалъ здоровымъ въ субботу? не привязывайтесь къ буквѣ Закона; не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ, и вы никогда не найдете противорѣчія между Закономъ и моими дѣлами.“

Нѣкоторые изъ Іерусалимлянъ, пришедшіе въ храмъ уже во время бесѣды Спасителевой, говорили между собою: „не Тотъ ли это, котораго ищутъ убить? вотъ Онъ говоритъ явно предъ всѣми; и ничего ему не запрещаютъ: неудостовѣрились ли въ самомъ дѣлѣ наши мудрые начальники, что Онъ подлинно Христосъ, Мессія?.. Но мы Его знаемъ, откуда Онъ;— а когда Христосъ придетъ, никто не будетъ знать откуда онъ.“ Между многими ложными мнѣніями раввиновъ о Мессіи было и то, что его пришествіе будетъ тайно, что онъ будетъ являться и скрываться, неизвѣстно какъ и откуда.

Спаситель громко отвѣчалъ: „хотя вы и знаете Меня, откуда Я, знаете мое незнатное произхожденіе по плоти: однако Я утверждаю, что пришелъ не самъ отъ себя. Истиненъ Тотъ, который послалъ Меня: а вы Его не знаете. Я одинъ знаю Его; потому что Я отъ Него (отъ Бога), и Онъ послалъ Меня.“

Поднялся опять шумъ; ненависть и оскорбленное ученое самолюбіе говорили: схватить Его и предать смерти! Но никто не осмѣлился наложить руки на Іисуса; ибо, замѣчаетъ Евангелистъ, еще не пришелъ часъ Его. Злоба самыхъ сильныхъ людей безсильна тамъ, гдѣ дѣйствуетъ Промыслъ Божій. Люди, болѣе правдивые и добросовѣстные, говорили между собою: „когда придетъ Мессія, неужели онъ сотворитъ больше чудесъ, нежели сколько сей сотворилъ?“ говорили—и вѣровали отъ всего сердца. Между тѣмъ волненіе умножалось; донесли Синедріону, что учитель Галилейскій опять въ Іерусалимѣ, и опять въ храмѣ. Несчастный Синедріонъ почелъ за долгъ послать слугъ— схватить и привести Іисуса. Спаситель нимало не безпокоясь о безпокойствѣ Синедріона, продолжалъ свою рѣчь: „не долго быть Мнѣ съ вами; (праздникъ Кущей совершался въ мѣсяцѣ Тисри, соотвѣтствующемъ нашему Сентябрю; а Спаситель былъ распятъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Низанѣ, соотвѣтствующемъ нашему Марту).“ Еще недолго быть Мнѣ съ вами,— и пойду къ пославшему Меня... Будете искать Меня, и— ненайдете; не дождетесь другаго Мессіи;— и гдѣ буду Я, туда вы неможете притти.“— Спаситель говорилъ такимъ образомъ о своемъ отшествіи къ Отцу; Его слова отзываются грустію той послѣдней рѣчи объ Іерусалимѣ, въ коей Онъ сказалъ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ!* Окончивши бесѣду, Онъ удалился изъ храма, и оставилъ Іудеевъ безсильной злобѣ ихъ и нелѣ-

пыми догадкамъ. „Куда онъ хочетъ итти,—говорили, вѣроятно, съ злобною насмѣшкою, а можетъ, и съ безпокойствомъ, съ угрызеніемъ совѣсти, враги Его между собою,—такъ что мы не найдемъ Его? нехочетъ ли онъ итти въ Еллинское разсѣяніе (къ Іудеямъ, жившимъ внѣ Палестины и разсѣяннымъ между язычниками, которыхъ ненавидѣли Іерусалимляне) и учить Еллиновъ?“ Что значатъ сіи слова, которыя Онъ сказалъ: „будете искать меня, и ненайдете; и: „гдѣ буду Я, туда вы не можете притти?“

Черезъ три дня, Спаситель опять явился въ народномъ собраніи; это было *въ послѣдній день великій праздника* Кущей, продолжавшагося седмь дней съ прибавленіемъ дня осмаго, въ который прекращалось торжество, и собраніе расходилось. (Левит. 23, 34. 36. 42. Неем. 8, 17. 18. 2 Мак. 10, 6.). Этотъ послѣдній день праздника совершался еще торжественнѣе перваго. Ибо симъ послѣднимъ днемъ оканчивались у Іудеевъ всѣ годовые праздники, оканчивалось и годовое чтеніе закона, почему и день назывался *радостію закона;* въ это время пѣли *великое спаси*—Осанна рабба; отсюда наименованіе дня сего *великимъ*. Замѣчательнѣйшій обрядъ сего дня, состоящій въ связи съ нашимъ Преполовеніемъ, былъ— *торжественное возліяніе воды*. При безчисленномъ стеченіи народа, Первосвященникъ выходилъ изъ храма Соломонова къ источнику Силоамскому, у подошвы Сіона; золотою чашею черпалъ оттуда чистую и свѣжую воду; при звукѣ трубъ и литавровъ возвращался въ храмъ; смѣшивалъ воду съ виномъ, и возливалъ на жертвенникъ. Народъ, во время сей церемоніи, неумолкно пѣлъ *великое Аллилуія*, т. е. шесть псалмовъ, 112—117. Раввины изъясняли обрядъ возліянія воды разнымъ образомъ; и одно изъ нихъ весьма замѣчательно. Раввинъ Леви говорилъ (спустя впрочемъ два или три вѣка по Р. Х.): откуда *черпаніе воды?* по причинѣ *черпанія или излія-нія св. Духа;* потому что говорится: почерпите воду съ веселіемъ изъ источниковъ спасенія (Исаіи. 12, 3.) (*).“

Едва совершился обрядъ возліянія воды, въ самомъ жару народнаго веселія, мгновенно увидѣли Іисуса. Онъ стоялъ на возвышеніи, и громко, какъ голосъ Ангела, воззвалъ: „кто жаждетъ, иди ко Мнѣ, и пей!“ Вы съ такимъ веселіемъ почерпаете воду изъ источника Силоамскаго: она не утолитъ вамъ жажды. Кто жаждетъ, иди ко Мнѣ, и пей,—вѣруй въ Меня! Кто вѣруетъ въ Меня: тотъ не будетъ имѣть нужды въ водѣ изъ вашихъ хилыхъ кладезей мудрости; у того самаго, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живой,—прольются струи чистаго ученія, сообщаемаго Духомъ святымъ. Спаситель указывалъ на сошествіе св. Духа; рѣчь Его была, вѣроятно, продолжительна; народъ не могъ понимать ея вполнѣ; но слова Господа текли сладостію и благодатію въ сердца слушателей. Многіе изъ народа тутъ же воскликнули: „Онъ пророкъ, точно пророкъ.“ Другіе еще болѣе сказали: „нѣтъ, не пророкъ, а самъ Христосъ—Мессія.“ Между тѣмъ почитавшіе себя ученѣе прочихъ снова начали спорить и доказывать, что Мессіи не должно притти изъ Галилеи. Отважнѣйшіе покусились было схватить Іисуса, но опять остались

(*) Лигфоотъ ministerium templi, pag. 750.

неподвижными. „А вы почему не привели Его?“ спрашивалъ Синедріонъ у служителей, посланныхъ схватить Господа.— „Потому, отвѣчали слуги, что никогда человѣкъ не говорилъ такъ,— съ такою властію и Благодатію,— какъ сей человѣкъ.“ Учености Іудейской ничего больше не оставалось, какъ только сказать обыкновенный упрекъ: „о глупцы— этотъ народъ, невѣжды въ Законѣ, проклятъ они!“ Глупая клевета на народъ, который на этотъ разъ стократъ умнѣе былъ вождей своихъ. Въ Синедріонѣ тоже завязался споръ. За Спасителя вступился было Никодимъ Князь; но многіе голоса закричали на него: „и ты ничего не смыслишь; возми, раскрой книги,— и увидишь, что пророкъ отъ Галилеи не приходитъ.“ Кончилось тѣмъ, что Фарисеи и книжники, послѣ споровъ безполезныхъ, всѣ разошлись по домамъ, недовольные собою. А Спаситель удалился на гору Елеонскую: тамъ обыкновенно молился Онъ.

Вотъ дѣла Господа нашего въ праздникъ Кущей. Церковь, установляя праздникъ Преполовенія посреди Пятидесятницы также, какъ недѣлю Крестопоклонную посреди Четыредесятницы, захотѣла начертать сіе дѣло живѣе въ памяти и сердцахъ вѣрующихъ; назначила другое время и дала своему празднеству лучшій смыслъ, нежели какой имѣло оно у Евреевъ. Преполовеніе есть средина, равно отстоящая отъ двухъ великихъ праздниковъ—Пасхи и Пятидесятницы. Церковь называетъ оное *свѣтлымъ полуднемъ*, который *свѣтится, свѣтлости обоюду имуще*, т. е. на обоихъ краяхъ Пятидесятницы блистая двумя свѣтлыми праздниками— Пасхою и Сошествіемъ св. Духа. Въ отношеніи къ Пасхѣ преполовеніе есть ея продолженіе, въ отношеніи къ сошествію св. Духа оно есть предпразднество. Посему и содержаніе службы Преполовенія составляютъ Пасха, дѣла Спасителя на праздникѣ Кущей, и сошествіе св. Духа.

На вечернемъ Богослуженіи Церковь предлагаетъ весьма трогательныя и назидательныя пареміи изъ древнихъ пророковъ, выражающія духъ праздника. Онѣ служатъ исполкованіемъ и какъ бы дополненіемъ той проповѣди, которую Спаситель говорилъ въ праздникъ Кущей. „Отъ Сіона изыдетъ Законъ, и слово Господне изъ Іерусалима, прорекаетъ Михей; и будетъ оно судіею посреди множества людей, и будетъ обличать долго народы самые крѣпкіе и могущественные.“—Этотъ Законъ и это слово есть тоже самое, о которомъ говорилъ Спаситель на горѣ Сіонской въ концѣ праздника Кущей; это— его религія, долженствовавшая, по сошествіи св. Духа, стать посредѣ вселенной, какъ свѣтлый столпъ облачный въ пустынѣ Аравійской, и свѣтить народамъ и судить. „Услышите холмы, судъ Господень,“ продолжаетъ Пророкъ, „ибо теперь судъ Господу съ Его людьми; и Іегова вступаетъ въ споръ съ своимъ возлюбленнымъ Израилемъ, и Іегова говоритъ: людіе мои, что сдѣлалъ Я вамъ? чѣмъ опечалилъ Я васъ? отвѣчайте Мнѣ: неужели тѣмъ, что Я вывелъ васъ изъ земли Египетской, что освободилъ васъ изъ дому работы, что послалъ предъ лицемъ вашимъ Моисея и Аарона? людіе мои, помяните всѣ дѣла Мои, для васъ сдѣланныя.“ Это— дополненіе и изъясненіе тѣхъ самыхъ чувствъ, съ

какими Спаситель велъ святую прю свою съ Іудеями на праздникъ Кущей; тотъ же трогательный и умилительный тонъ рѣчи.

„Тако глаголетъ Господь,— начинаетъ свое пророчество Евангелистъ ветхаго Завѣта, Пророкъ Исаія: жаждущіе, идите на воду, и ядите и пійте безъ сребра и цѣны! Народъ Мой, почерпайте воду съ веселіемъ! Народъ Мой, слушайте Меня,— и душа ваша насладится всѣми благами, и душа ваша будетъ жить вся въ благѣ. Весело выходите, съ радостію поучайтесь; ибо горы и холмы будутъ скакать, ожидая васъ въ радости; полевыя деревья будутъ вѣтвьями ласкать васъ; взойдетъ кипарисъ вмѣсто репейника, вырастетъ мирсина (цвѣты миртовые) тамъ, гдѣ прежде росла у васъ крапива. И Господь будетъ съ вами.“ Подъ образомъ воды здѣсь разумѣется благодать, которую проліетъ Духъ Божій, пришедши въ день Пятидесятницы. Можетъ быть, этотъ же самый отрывокъ изъ Пророчества Исаіи читалъ и Спаситель въ Синагогѣ Іудейской подъ именемъ дневной геенары, и отъ ней заимствовалъ поводъ предсказывать о сошествіи св. Духа; ибо раввины, изъясняя обрядъ возліянія воды, между прочимъ указывали на слова Исаіи: *почерпите воду со веселіемъ отъ источника спасенія!*

Паремія изъ притчей Соломоновыхъ живо изображаетъ Спасителя, всю Его благость, все величіе въ ту минуту, когда Онъ громогласно воззвалъ, говоря: *кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей!* Теперь это была Сама вѣчная Премудрость, которая готовила великое пиршество человѣчеству, которая высокимъ проповѣданіемъ созывала народы на чашу духовной радости, и говорила: „кто изъ васъ малосмысленъ, уклонись ко мнѣ; кому нуженъ умъ, придите, вкушайте мой хлѣбъ и пейте вино, которое я для васъ растворила. Оставьте древнюю глупость свою, ищите новаго разума, который я даю,— и вы будете живы, и вы будете мудры.“

Стихиры и каноны службы Преполовенія въ свою очередь изъясняютъ Евангеліе, выше нами предложенное; съ свойственнымъ имъ величіемъ и восторженностію, славятъ Искупителя, и молятъ Его, чтобы Онъ, *преполовившуся празднику, жаждущую душу вѣрныхъ напоилъ благочестія водами.* Ветхій обрядъ возліянія воды на жертвенникъ Соломоновъ Церковь замѣнила своимъ величественнымъ *крестнымъ хожденіемъ* на рѣки, на кладязи, и *водоосвященіемъ*. Древній Израиль, на праздникъ сѣней, жилъ въ своихъ палаткахъ душныхъ, устроенныхъ изъ зеленыхъ вѣтвей. Церковь выводитъ дѣтей своихъ подъ открытое весеннее небо, а во многихъ мѣстахъ на нивы, устланныя юною зеленью. Въ большей части селъ пространнаго отечества нашего, служители алтаря совершая молебствіе, освящая воду, въ тоже время кропятъ загоны поселянъ, и призываютъ благословеніе небесное на труды земледѣльцевъ. При семъ простой и добрый народъ Русскій, чуждый всѣхъ хитростей черни жидовской, изъ глубины души, часто на колѣнахъ, молитъ Спасителя своего о добромъ урожаѣ хлѣба. Умилительное зрѣлище представляютъ поля Русскія въ день Преполовенія! Особенно замѣчателенъ обрядъ водоосвященія въ Кіевѣ, *матери градовъ Россійскихъ*. Онъ совершается на Крещатикѣ, находящемся въ разрѣзѣ

двухъ высокихъ горъ, гдѣ Владиміръ великій, по сказаніи Лѣтописцевъ, крестилъ дѣтей своихъ, и гдѣ потому Христіанская вѣра въ первый разъ торжественно озарила наше отечество. При семъ торжественномъ Богослуженіи мысль невольно переносится къ первымъ днямъ Христіанства въ нашемъ отечествѣ. А благочестивое чувство, само собою, побуждается взывать ко Господу съ Церковію: „преполовившуся празднику, жаждущую душу мою благочестія напой водами; яко всѣмъ Спасе возопилъ еси: жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ! Источниче жизни нашея, Христе Боже, слава Тебѣ!“

ЧУВСТВОВАНІЯ ХРИСТІАНИНА ВЕСНОЮ.

Я ощущаю теплое вѣяніе ветерка, несущаго ко мнѣ благовоніе тысячи распустившихся цвѣтовъ. Рощи красуются юною зеленью; при каждомъ движеніи воздуха, сребристый дождь падаетъ съ цвѣтущихъ деревьевъ. Ручей, еще недавно скованный льдомъ, съ радостнымъ журчаніемъ течетъ подъ тѣнью зеленѣющихъ и цвѣтущихъ кустовъ, висящихъ по берегамъ его. Бабочки, какъ живыя цвѣтки, кружатся въ воздухѣ. Насѣкомыя жужжатъ въ лучахъ солнечныхъ; и жаворонки съ пѣснію несутся къ солнцу.

Гдѣ я? это ли тотъ міръ, который недавно лежалъ предо мною мертвый, покрытый саваномъ?— Тогда не слышно было гимновъ природы; тогда всеобщее молчаніе наводило уныніе на душу: но теперь всѣ голоса пробуждаются, привѣтствуя возвращеніе весны. Пѣвцы воздуха выходятъ изъ гроба зимы; ихъ радостныя пѣсни раздаются въ лугахъ и рощахъ. Ручьи и потоки, рѣки и моря, кажутся, дышатъ удовольствіемъ.— Эта жизнь всей природы, торжественно воскресающая, что иное есть, какъ не поклоненіе Вѣчной. Благости, хваленіе Господу?

Чувство Божества исполняетъ и меня, какъ всѣ творенія. Я дышу свободнѣе при сіяніи весенняго солнца, въ чистомъ и ароматическомъ воздухѣ. Роса утренняя, сходящая на лоно полуотверстыхъ цвѣтовъ, мнѣ кажется слезами радости въ очахъ природы. Сладостное чувство благоговѣнія исторгаетъ и у меня слезы; и вздохъ, исходя изъ глубины моего сердца, присоединяется ко всеобщему гимну тварей.

О Боже! гдѣ могу я созерцать живѣйшій образъ твоего величія? гдѣ, кромѣ Евангелія, могу явственнѣе читать твою премудрость и твое всемогущество, какъ въ книгѣ природы, разверстой предомною? какое время года благопріятнѣе для уразумѣнія этой книги, какъ это время возрожденія жизни? весна не есть ли праздникъ воскресенія земли? не торжественное ли это воспоминаніе природы о первыхъ дняхъ творенія, когда она, безчисленными чудесами украшенная, въ первый разъ вышла изъ твоихъ, всемогущихъ рукъ?

О еслибы я могъ, устремясь къ небу на крыльяхъ орлихъ, и пробѣгая пространства небесныя, созерцать подъ ногами моими земный шаръ, его страны, и ихъ различные виды въ правильной послѣдовательности временъ года!

Быстро несясь въ пространствѣ вокругъ солнца, средоточія, изъ котораго на безмѣрныя разстоянія разливается океанъ свѣта и теплоты,

земный шаръ, населенный столькими милліонами существъ, сотворенныхъ для счастія, движется среди эѳира, управляемый невидимою рукою, въ орбитѣ никогда неизмѣняемой. Это такъ учреждено Тобою, Верховная Премудрость, всемогущая!

Когда полушаріе, нами обитаемое, такъ склоняется къ солнцу, что лучи косвенно скользятъ по нашей поверхности; тогда все вокругъ насъ хладѣетъ, все умираетъ. Роса дѣлается бѣлымъ инеемъ; облака, вмѣсто дождя, разсѣеваютъ снѣгъ; рѣки замерзаютъ; растѣнія увядаютъ; животныя скрываются въ своихъ логовищахъ. Скоро, наше полушаріе дѣлается одною пространною пустынею, безжизненною и какъ бы забытою Творцемъ: между тѣмъ, какъ поля другаго полушарія одѣваются красотою лѣта, согрѣтыя лучами солнца, прямѣе на нихъ падающими.

Но земля безпрепятственно продолжаетъ свое теченіе вокругъ свѣтила пламенѣющаго. И вотъ она начинаетъ опять обращать свою замерзшую сторону къ источнику теплоты и свѣта. Мало помалу лучи солнца принимаютъ менѣе косвенное направленіе, и ихъ теплота становится ощутительнѣе. Снѣгъ на поляхъ исчезаетъ; рѣки, освободясь отъ своего ледянаго покрова, снова катятъ свои шумящія волны; легкая зелень просвѣчиваетъ на холмахъ и долинахъ. Весна начинается для насъ тогда, какъ поля полушарія, противоположнаго намъ, блекнутъ. А когда здѣсь она является во всемъ блескѣ; тамъ — иней и снѣгъ опушаютъ землю; здѣсь солнце разсыпаетъ свои живительныя лучи, а тамъ открывается взору одна льдистая и безплодная пустыня.

Такъ обращеніе земли вокругъ солнца приводитъ, одно за другимъ, времена года, въ порядкѣ неизмѣнномъ. Роды приходятъ и отходятъ; но законы природы неподвижны; земля обновляется ежегодно, и умираетъ чтобы опять ожить.

Еслибы одно всемогущее слово Творца остановило землю въ ея теченіи; то этого былобы довольно для погубленія живущихъ на ней тварей. Непрерывная зима со всѣми ужасами своими овладѣла бы землею. Никакая весна не возвратила бы намъ времени цвѣтенія, никакое лѣто не явило бы позлащенныхъ нивъ; никакая осень не дала бы намъ богатой жатвы. Всѣ животныя уснули бы сномъ смерти; земля сдѣлалась бы однимъ обширнымъ кладбищемъ для своихъ обитателей; и послѣдній человѣкъ, влачась одинъ среди труповъ, видѣлъ бы всеобщую гибель — во всемъ ея ужасѣ.

Но существуетъ Богъ! Ему угодно обновлять жизнь и распространять благость свою по всей вселенной. Великія колеса природы неизмѣнно вращаются, слѣдуя возбужденію, произведенному въ нихъ премудростію Божіею при началѣ вещей. Сокровенныя силы дѣйствуютъ и составляютъ пружины, поддерживающія это непрестанное движеніе. — Для чего хочу я проникнуть въ небеса, и посреди отдаленнѣйшихъ сферъ искать Руки, которая образовала міръ? Я нахожу ее близъ меня: исторія самаго послѣдняго растѣнія открываетъ мнѣ премудрость и благость Творца столь же ясно, какъ ходъ земли и солнца, и преемство времень года.

Прекрасный весенній день вызываетъ тебя на поле. Здѣсь нога твоя попираетъ царство растѣній, разнообразныхъ и неизвѣстныхъ; она давитъ нѣжные ростки, готовые распуститься. Ахъ, ты не знаешь, сколько попеченій употребила природа для ихъ сохраненія!

Осенью, старый дубъ уронилъ свои жёлуди на землю. Большая часть ихъ служитъ пищею множеству животныхъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ остались среди увядшей травы. Дерево, родившее ихъ, предъ приходомъ зимы, разсыпало здѣсь свои усохшія листья; они защищаютъ отъ стужи забытый жёлудь. Потомъ надъ этимъ лиственнымъ покровомъ ложится слой снѣга. Такимъ образомъ ростокъ желудя спитъ въ продолженіе зимы, охраняемый съ величайшею заботливостію. Ты между тѣмъ нисколько о немъ не заботишься. Для его сохраненія бодрствуетъ природа, по мудрымъ распоряженіямъ Творца. Вотъ открывается весна. Теплота, оживляющая землю, проникаетъ и внутрь жёлудя. Ростокъ разрываетъ свою оболочку; углубляетъ непримѣтный корешёкъ въ землю, умягченную снѣгомъ и дождемъ и упитанную согнившими листьями дуба, и этотъ корёшокъ уже сосетъ свою первую пищу въ нѣдрѣ земли, общей матери твореній. Оттого ростокъ принимаетъ новую силу; возвышаетъ стебелекъ, изъ котораго нѣжныя листки раскрываются къ лучамъ солнца. Посредствомъ этихъ листковъ, молодое растѣніе черпаетъ новую пищу въ воздухѣ. Оно укрѣпляется подъ вліяніемъ то солнца, то дождя и вѣтра. Ты проходишь, не замѣчая этого незначущаго произведенія. Но материнская любовь природы воспитываетъ его и заботится о немъ, какъ и о тебѣ. Презрѣнное растѣніе сдѣлается деревомъ; будетъ украшеніемъ лѣса, богатствомъ человѣка, тогда какъ тѣло твое будетъ уже прахомъ. Нѣкогда оно явитъ свою силу, свою красоту столѣтнюю; и твои правнуки будутъ покоится подъ тѣнью почтеннаго дуба, котораго стебелекъ ты попираешь теперь ногою.

Такъ Провидѣніе расположило все съ заботливостію и любовію. Такъ все связуется тѣсно; различныя части творенія воспомоществуютъ одна другой взаимно. Этотъ весенній день, освѣжающій тебя нынѣ, предусматриваетъ нужды будущаго, и напередъ заботится о твоихъ дѣтяхъ, внукахъ и ихъ потомствѣ. Такъ Христіанинъ можетъ въ каждомъ цвѣткѣ открывать неизмѣнность законовъ природы, и отъ каждаго стебелька травы направлять взоры свои къ Творцу, въ каждомъ листкѣ видѣть благость и величіе Бога.

Ужели человѣкъ, посреди толикихъ чудесъ Божіихъ, можетъ равнодушно смотрѣть на это возрожденіе красотъ весеннихъ? можетъ видѣть во всемъ этомъ неболѣе какъ средство къ питанію своего тѣла, одну смѣну декорацій и удовольствій?—Нѣтъ! я Христіанинъ; съ Богочеловѣкомъ, Іис. Христомъ, я вижу въ твореніи не простое земное зрѣлище, но могущество Божественное. Для насъ, это пробужденіе природы есть годичный праздникъ творенія міра. Таже Рука, которая извела изъ ничтожества безчисленныя чудеса творенія, изводитъ изъ льдовъ зимы великолѣпіе и блескъ цвѣтущей природы. Каждая весна есть возобновляющееся твореніе, новая свидѣ-

тельница о дѣлахъ шести великихъ дней могущества и благости Божіей.

И такъ, человѣкъ, вѣнецъ и цвѣтъ творенія Божія! присоедини свою радость и свою молитву къ гимнамъ тварей.

Отецъ міровъ! я, чадо Твое, призванное Тобою изъ ночи ничтожества ко свѣту безсмертія, дерзаю предстать предъ лице твое и принесть Тебѣ оиміамъ моего благоговѣнія. Боже благости и любви! Ты удостоилъ меня созерцать славу Твою и славословить имя Твое; Ты въ этихъ восторгахъ, при воззрѣніи на дѣла твои, даруешь мнѣ предчувствовать мое назначеніе въ будущемъ. О Боже! милосердіе твое распростерто въ небесахъ; земля и звѣзды образованы для счастія тѣхъ, которые познаютъ Тебя, и на которыхъ Ты ліешь потоки свѣта. Безчисленны міры, назначенные Тобою въ жилища существъ разумныхъ. О Іегова! какъ обширно и величественно Царство твое. Міръ во время весны своей, хоры всѣхъ разумныхъ тварей, въ трепетной радости, возносятъ къ Тебѣ молитву: *да святится имя твое!*

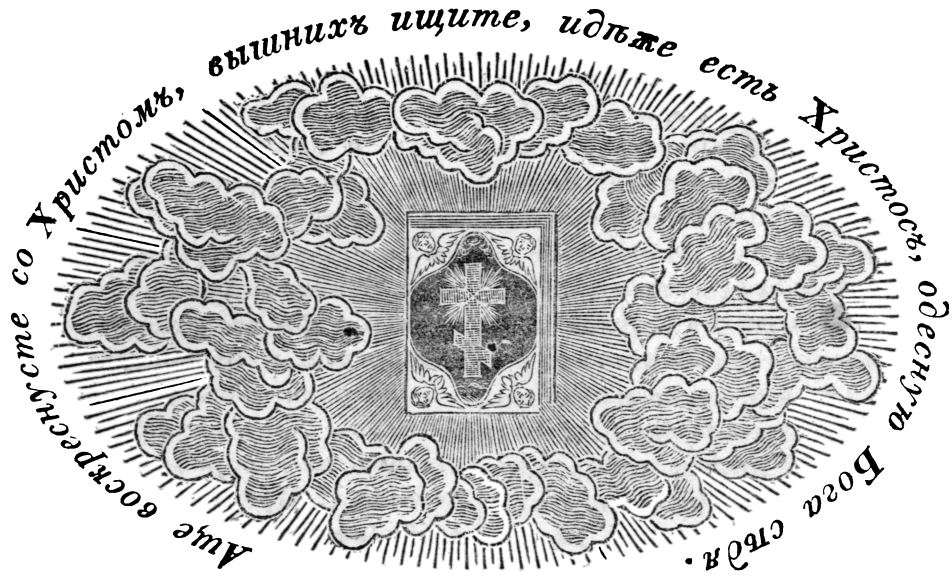
Нова небесе и новы земли по обѣтованію его чаемъ, въ нихже правда живетъ. 2 Петр. 3, 13.

И такъ нѣкогда небеса и земля будутъ новы, и будутъ жилищемъ единой правды. Не уничтожатся ли нынѣшнія небеса и нынѣшняя земля?— Нѣтъ, уничтоженія не будетъ, а будетъ то, что этиже небеса и этаже земля обновятся, чтобы вмѣстить въ себѣ правду Божію— торжествующую и славную!

Но если и небу и землѣ надлежитъ обновиться для всесвятой правды Божіей, то какъ же мы думаемъ быть сожителями этой правды, съ нашею ветхостію— грѣховною? И намъ непремѣнно нужно обновиться, быть *новою тварію* (Гал. 6, 15), нужно *отложить ветхаго человѣка, и облещись во новаго человѣка, созданнаго по Богу во правдѣ и во преподобіи истины* (Еф. 4, 22. 24.),— если хотимъ быть причастниками блаженной жизни правды и истины Божіей, на небесахъ и на землѣ *новыхъ*.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 6 Апрѣля 1838 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 5. НЕДѢЛЯ О ѡо МАРЯНЫНѢ. МАІЯ 1. 1838.

Апостолъ: Дѣян. 11, 19—26. 29—30. Евангеліе: Іоан. 4, 5—42.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

МИЛОСЕРДІЕ БОЖІЕ КЪ РАСКАЯВАЮЩЕМУСЯ ГРѢШНИКУ.

Покаяніе отверзаетъ человѣку Небо, вводитъ въ рай, побѣждаетъ діавола. Грѣшенъ ты? Не отчаявайся. Каждый день согрѣшаешь, каждый день приноси покаяніе. Съ обветшалыми домами поступаемъ мы такъ, что, когда они согниваютъ, то мы гнилыя части вынимаемъ, и застроиваемъ новыми, и никогда не перестаемъ пещися о поддержаніи ихъ. Тоже должны мы дѣлать и въ разсужденіи себя самихъ: ты сего дня обветшалъ отъ грѣха? Обнови себя покаяніемъ. „Можно ли, скажешь ты, покаявшемуся спастися?“ Совершенно можно. „Я всю жизнь провелъ во грѣхѣ; если покаюсь, буду ли спасенъ?“ всеконечно. „Откуда это, видно?“ Отъ человѣколюбія Господа твоего.— Развѣ я на твое покаяніе надѣюсь? Развѣ твое покаяніе сильно уничтожить твои пороки? Еслибы одно твое покаяніе было; ты, посправедливости, долженъ бы трепетать: но

съ покаяніемъ соединяется милосердіе Божіе; а милосердію Божію нѣтъ мѣры, и словомъ невозможно истолковать всю благость Его. Имѣетъ мѣру твоя злоба; а врачевство противъ нее не имѣетъ мѣры: злоба твоя, какова бы нибыла она, есть злоба человѣческая; а Божіе милосердіе неизреченно. Надѣйся же, что оно превыситъ злобу твою. Представь себѣ искру, падшую въ море: можетъ ли она остаться цѣла, или оттуда снова появится?—Что искра въ отношеніи къ морю, тоже и порокъ въ отношеніи къ человѣколюбію Божію,—да еще и не тоже, а гораздо менѣе. Море хотя и велико, но имѣетъ предѣлы: а человѣколюбіе Божіе безпредѣльно. Это говорю я не для того, чтобы сдѣлать васъ нерадивыми, но чтобы возбудить въ васъ живѣйшее усердіе къ покаянію (*).

ЛЮБОВЬ ХРИСТОВА.

Въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота: разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову.

Еф. 3, 17—19.

Любовь Христова такъ же вѣчна и безмѣрна, какъ самъ Богъ. Когда ты былъ еще ничто, человѣкъ! Сынъ Божій, *нарицаяй несущая, яко сущія*, уже любилъ тебя. Когда Тріединый совѣщалъ Самъ съ собою: сотворимъ человѣка по образу нашему, (Быт. 1, 26.) Онъ—образъ Упостаси Отчей, (Евр. 1, 3.) былъ—и ближайшій образъ возлюбленнаго Имъ отъ вѣчности человѣка;—ибо Отецъ предусмотрѣлъ насъ быти сообразныхъ образу Сына своего (Рим. 8, 29.);—и Творецъ: вся тѣмъ быша—въ томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ (Іоан. 1, 4.);—и уже ходатай и посредникъ между Богомъ и имѣющимъ быть человѣкомъ: ибо есть Агнецъ, закланный еще прежде сложенія міра (Ап. 13, 8.). Что былъ бы человѣкъ, естьлибъ премудрость и сила Божія, І. Христосъ, не предсталилъ самаго себя въ человѣкѣ предъ лицемъ святости и правосудія Божія?

Кто можетъ описать, какіе дары и щедроты отъ вѣчной Любви излились потомъ на воспрянувшаго уже къ жизни человѣка! Премудрость, создавшая вся, особенно утѣшалась, какъ говоритъ премудрый, любимымъ твореніемъ своимъ—человѣкомъ; вѣчный Сынъ Божій, какъ съ друзьями своими, веселился съ сынами человѣческими; (Прит. 8, 31.) и [illegible], у кого всѣ сокровища Отца были во власти (Іоа. 3, 35.), ничего не щадилъ для возлюбленнаго своего. Содѣлалъ его участникомъ собственнаго владычества, покорилъ власти его видимую природу (Быт. 1, 26.), далъ ему крѣпость—содержать всяческая (Прем. 10, 2). Въ Едемѣ претворилъ землю для него въ небо. Въ древѣ жизни сообщилъ ему безсмертіе. Одарилъ его высокою мудростію, которую и испыталъ самъ, давъ власть ему нарещи имена животнымъ (Быт. 2, 20.), подобно какъ Онъ самъ нарекалъ имена свѣту, тверди и свѣтиламъ. Но и сего было не довольно для неистощимой любви Господа. Онъ уготовлялъ человѣку высшее блаженство, хотѣлъ возвести его еще на высшій степень, дабы болѣе приблизить къ себѣ возлюбленнаго, тѣснѣе

(*) Св. Злат. Том. 2-й стр. 321. изд. Моск.

соединившся съ нимъ и обогатить и украсить его изъ полной сокровищницы вѣчности. Самое искушеніе человѣка было не безъ намѣренія сей любви. Малой требовала она заслуги отъ человѣка, дабы имѣть что-либо со стороны существа свободнаго, чтобы претворить то въ вѣчное достоинство и заслугу предъ правосудіемъ Вѣчнаго. Но, вознесенный выше всей природы чувственной, касавшійся уже высшихъ совершенствъ — низпалъ и лишился величія своего. Огорченная любовь наказала преступленіе человѣка; но бѣдствіе человѣка какъ бы еще драгоцѣннѣйшимъ содѣлало его предъ нею. Сынъ Божій обѣщался Самъ собою загладить преступленіе человѣка, искупить его цѣною самаго Себя, самаго Себя предать за него правосудію Божію. И потому среди самаго проклятія, которымъ Богъ поразилъ все сосѣшествовавшее къ прельщенію и какбы къ отнятію у Него возлюбленной Его твари, произнесено слово жизни и благословенія — утѣшительное обѣтованіе — сотрешь главу злоначальника чрезъ Божественное сѣмя жены — Искупителя нашего. Но возчувствовалъ ли человѣкъ толикую любовь Творца своего?

Родъ человѣческій болѣе и болѣе погружался во глубину золъ. Явленія милости и явленія гнѣва, откровенія и проповѣдь Пророковъ, законъ естественный и законъ писанный: все употреблялъ Спаситель и Царь человѣковъ — къ ихъ обращенію. Наконецъ, когда самыя жертвы въ рукахъ ихъ сдѣлались мерзостію предъ Богомъ, человѣколюбецъ паки приступаетъ къ Отцу своему и испрашиваетъ благоволеніе, — употребить послѣднее и величайшее средство для спасенія человѣка. Жертвы и приношеній не восхотѣлъ еси, всесожженій такожде о грѣсѣ не благоволилъ еси: се иду, еже сотворити волю твою, Боже! (Евр. 10, 5. 7.) И — иже во образѣ Божіи сый, умалилъ себе, (Филип. 2. 6. 7.) дабы возвеличить человѣка; зракъ раба пріялъ, — дабы рабу тлѣнія дать право чадства Божія; содѣлался человѣкомъ, дабы человѣка приблизить къ Божеству.

Ошелѣ вся жизнь Его была жизнь любви и благости. Девятьдесятъ девять агнцевъ оставилъ сей Пастырь добрый на вѣчныхъ горахъ Божіихъ, дабы обрѣсть едину овцу заблуждшую (Лук. 15, 4.), да будетъ едино стадо и единъ Пастырь (Іоан. 10, 16.). Здѣсь Божественный Ходатай по сѣ плачемъ жалуется на ожесточеніе человѣковъ: Іерусалиме, Іерусалиме, колѣ краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошь собираетъ птенцы своя подъ крылѣ, — и не восхотѣсте! то въ восторгѣ духа исповѣдуетъ предъ Отцемъ нѣкоторые плоды любви своей въ человѣкахъ: исповѣдаюшися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ: ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою! (Лук. 10, 21.).

Исполненный любви Божественный Наставникъ училъ съ кротостію и любовію кротости же и любви. Возмите иго мое на себе, училъ Онъ, и научитеся отъ Мене, яко кроткъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. 11, 29.) Нѣкогда Апостолы хотѣли свести огнь съ неба на весь Самарійскую, отказавшую имъ въ гостепріимствѣ: но кротній сердцемъ, Іисусъ сказалъ имъ: не вѣсте, коего духа есте вы; Сынъ чело-

вѣческій не прінде душъ человѣческихъ погубити, но спасти (Лук. 9, 54. 55.). Весь ветхій завѣтъ основывалъ Онъ на законѣ любви. И новый Его завѣтъ былъ также завѣтъ высшей любви. Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Іоан. 15, 12.). Любите самыхъ враговъ вашихъ (Лук. 6, 35.).

Тотъ, которому Серафимы покланяются съ трепетомъ, съ кротостію бесѣдовалъ съ грѣшниками, и принималъ пищу съ ними. Какъ нѣжный отецъ принималъ дѣтей въ свои объятія (Мар. 10, 16.). Все сердце свое открывалъ тѣмъ, кои могли соотвѣтствовать любви Его своею любовію. Се мати моя и братія моя, сказалъ Онъ однажды, (Матѳ. 12, 49.) указывая на учениковъ своихъ. Не кто му васъ глаголю рабы, говорилъ Онъ имъ предъ страданіемъ, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его; васъ же рекохъ други, яко вся, елика слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ. (Іоан. 15, 15.)

Господь неба и земли былъ другомъ человѣчества. Онъ всегда исполнялъ дѣла человѣколюбія, не смотря на ненависть Іудеевъ. Слѣпые прозирали, хроміи ходили, прокаженные очищались, глухіе слышали, мертвые воскресали (Матѳ. 11, 10.): всѣ чудеса Его были благодѣяніями для человѣчества. Надъ гробомъ Лазаря Онъ особенно показалъ, какъ сердце Его было отверсто къ чувствованіямъ человѣколюбія. Слезы текли изъ очей Жизнодавца, когда Онъ съ тѣмъ и пришелъ, чтобъ воскресить умершаго друга своего. И Іудеи говорили: виждь, како любляше его! (Іоан. 11, 36.)

Безгрѣшный, единый Святый и непорочный, въ молитвахъ своихъ просилъ единственно милости человѣкамъ. Да вси едино будутъ, яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ (Іоан. 17, 21.). Такъ тѣсно соединить съ собою желалъ Онъ человѣковъ!

Обозрите теперь, естьли можете, высочайшее дѣло любви Іисуса Христа. Разсмотрите, говорю, величайшія страданія Богочеловѣка, въ коихъ Онъ самъ себя принесъ въ жертву за грѣхи человѣковъ. Смотрите, въ какомъ чистомъ, вѣчномъ пламени любви пылаетъ жертва сія!

Готовясь самъ Себя предать въ руки мучителей, Онъ утѣшаетъ учениковъ своихъ, обѣщаваясь не оставить ихъ сирыхъ. Изъясняетъ имъ глубины и тайны любви своей. Въ вертоградѣ геѳсиманскомъ жаръ любви его источаетъ кровавый потъ изъ святыхъ членовъ Его. Любовь ведетъ Его на встрѣчу предателя и мучителей, и здѣсь тѣмъ болѣе обнаруживается, чѣмъ болѣе свирѣпствуетъ на Него злоба Богоубійцъ. Вы не слышите въ устахъ Его ни одной жалобы на мученія. Его любовь къ человѣкамъ превращается какбы въ жестокость противъ Его самаго. Его влекутъ на позорную казнь; жены сопровождаютъ Его съ плачемъ и воплемъ: но Божественный Страдалецъ, не о Себѣ, а о другихъ помышляющій и болѣзнующій, повелѣваетъ имъ плакать о себѣ самихъ и дѣтяхъ ихъ (Лук. 23, 28.). Его распинаютъ и поносятъ, но Онъ молится за распинателей своихъ (— 34.). Прободенный гвоздями, виситъ Онъ между двумя злодѣями: но какбы не чувствуя себя самаго, поучаетъ на крестѣ разбойника и, въ самой казни, дѣлаетъ его участникомъ Царствія Божія; раздѣляетъ любовь свою между Божественною Матерію своею и возлюбленнымъ ученикомъ своимъ (Іоан. 19, 26, 27.). Наконецъ любовь столь далеко доводитъ

Его, что Онъ оставляется Отцемъ своимъ и, растерзанная скорбію, душа Страдальца, оставляетъ изъязвленное тѣло.— Но что смерть для любви Вѣчнаго? Распятая и умерщвляемая, любовь разрывала только преграды, дабы распространиться въ широту и долготу, глубину и высоту. Аще вознесенъ буду отъ земли, говорилъ самъ Спаситель, вся привлеку къ Себѣ (Іоан. 12, 32.). Итакъ Онъ простеръ руки свои на крестѣ, дабы призвать со всей широты и долготы земли въ объятія свои человѣковъ. Любовь Его проникла и въ самыя глубины Ада, и тамъ, вѣчнымъ узникамъ, проповѣдала жизнь и спасеніе (1 Петр. 3, 19.). Сія же вездѣсущая любовь и на небесахъ, съ искупленниками своими, торжествовала побѣду свою надъ грѣхомъ и смертію.

По воскресеніи Іисусъ познается отъ учениковъ своихъ не почему иному, какъ по словамъ и дѣламъ любви Его. Марія, бесѣдуя съ Нимъ, занятая скорбію, не узнаетъ Его; но на любезный гласъ его: *Маріе*, какбы невольно отвѣтствуетъ ему: *Учителю!* (Іоан. 20, 16.). Два ученика на пути долго бесѣдуютъ съ Нимъ; сердце ихъ, возжигаемое словами любви, ощущаетъ присутствіе Господа своего: но очи ихъ держатся, да Его непознаета. Наконецъ уже въ преломленіи хлѣба, дѣйствіи, подобномъ тому, которымъ прежде Онъ установилъ между учениками своими таинственный залогъ любви— и очи ихъ отверзаются и Господь совершенно познается ими (Лук. 24, 31.). Любовь Господа испытуетъ трекратно любовь Петра, дабы простить ему трекратное отверженіе и троякимъ союзомъ соединить его съ Собою и съ паствою своею (Іоан. 21, 15—17.). Возносясь на небо, дабы ходатайствовать о насъ вѣчно предъ Отцемъ своимъ, Онъ, человѣколюбецъ, обѣщался быть всегда съ нами до скончанія вѣка (Матѳ. 8, 20.).

Такъ, Духъ любви Господа нашего и нынѣ оживляетъ тѣло свое— Св. Церковь и членовъ тѣла сего—Христіанъ. Божественный Женихъ въ мирѣ, превосходящемъ всякъ умъ, приходитъ къ возлюбленной Имъ душѣ, открываетъ ей любовь свою, даетъ обрученіе Духа въ сердцѣ ея и сочетавается съ нею таинственнымъ— неизреченнымъ— вѣчнымъ союзомъ. Какихъ не употребляетъ средствъ Спаситель, дабы обратить къ Себѣ и всѣхъ, противящихся Ему!

Неизреченный Милосердователь! Ты могъ бы единымъ маніемъ низвергнуть въ Адъ грѣшника: но Ты, не хотяй смерти грѣшника и умирающаго, милуеши всѣхъ, щадиши вся, яко твоя суть, Владыко человѣколюбче! Тѣмже заблуждающихъ помалу обличаеши, и въ нихже согрѣшаютъ, воспоминая учиши, да, премѣнившеся отъ злобы, вѣруютъ въ Тя, Господи (Прем. 11, 29. 12, 2.). Мы всечастно, болѣе и болѣе, удаляемся отъ Тебя; но Ты болѣе и болѣе преслѣдуешь насъ своею милостію во всѣ дни живота нашего. Мы страшимся Креста твоего: но въ немъ единомъ и жизнь и блаженство наше. Мы ничто предъ Тобою— бѣдны— наги— слѣпы— мертвы безъ Тебя: но не ищемъ Тебя, источниче жизни и свѣта! Ты Богъ, имѣющій животъ и блаженство въ самомъ Себѣ, но ищешь любви нашей, хощешь соединится съ нами— твореніемъ твоимъ. Ты уготовляешь намъ небесныя радости, а мы готовимъ сами себѣ геенскія мученія. Ты, какъ отецъ, печешься о насъ; а мы и не думаемъ о Тебѣ. Неистощимая бла-

гоеть: Ужели безмѣрность беззаконій нашихъ хотимъ мы противопоставить безмѣрности любви Твоей?

Душа столько возлюбленная и толико неблагодарная! Уже ли тщетно истощены всѣ средства для спасенія твоего? Обратись наконецъ къ призывающему тебя со Креста, страждущему по тебѣ благому Іисусу. Излейся вся въ слезахъ любви и умиленія. Все проститъ тебѣ любовь безконечная; ты еще содѣлаешь радость Господу твоему и составишь торжество для всего неба!

ЖЕНА САМАРЯНКА.

Возрастаніе духовной благодатной жизни, въ св. Писаніи, сравнивается съ раскрытіемъ жизни растительной (напр. Матѳ. 13, 24. 32.), а все Царство благодати уподобляется виноградному саду, насажденному рукою Божіею (Иса. 5, 1. Іоан. 15, 1.). Соображаясь съ сею главною мыслію св. Писанія, мы не погрѣшимъ, если сравнимъ самое различіе членовъ Царства Христова съ различіемъ плодовитыхъ растѣній. Въ царствѣ растительномъ есть древа, есть кустарники, и есть растѣнія колосящіяся. Одни достигаютъ зрѣлости своей въ десятилѣтія, другія въ немногіе годы, иныя даже въ одно лѣто. Такъ и въ Царствѣ благодати есть свои великія древа, плодами которыхъ питаются многіе народы и вѣка: таковы св. Апостолы и другіе великіе мужи Церкви. Но есть здѣсь и классы, питающіе семейства. Не удивительно посему, если Апостолы требовали воспитанія въ училищѣ Христовомъ столь продолжительнаго, — сравнительно съ образованіемъ нѣкоторыхъ другихъ вѣрующихъ: назначеніе учителей вселенскихъ было самое высокое; имъ надлежало быть великими и вѣковыми древами въ вертоградѣ Божіи. Не странно также и то, что нѣкоторыя души, въ училищѣ же Христовомъ, созрѣвали очень скоро: это были меньшія растѣнія въ вертоградѣ Божіи, не имѣвшія столь высокаго назначенія, какъ Апостолы. Къ числу сихъ благодатныхъ растѣній можно отнесть и упоминаемую въ нынѣшнемъ Евангеліи, жену Самарянку. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро возрасла она въ Царствѣ Божіи! Въ какое короткое время измѣнилась изъ явной грѣшницы, изъ полуязычницы, зараженной грубыми предразсудками Самарянъ, въ доспойную ученицу Христову! какъ скоро Господь наставилъ ее въ такихъ истинахъ, которыя не вдругъ открывалъ Онъ самимъ Апостоламъ!

Всего удивительнѣе кажется то, что Божественный наставникъ, вступивъ въ бесѣду съ Самарянкою при кладезѣ Іаковлевомъ, и исправляя ошибочное мнѣніе ея о Богослуженіи Самарянскомъ въ горѣ Гаризимъ, тотчасъ открываетъ ей высокую богословскую истину. Сказавъ, что истинное Богопочтеніе не привязано ни къ мѣсту, ни къ народу, Господь говоритъ женѣ: *духъ есть Богъ, и иже кланяется ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 21—24.). Едвали съ самыми Апостолами говорилъ доселѣ Господь о Богопочтеніи столь возвышенно — Но для спасенія необходимо было знать еще и другую великую истину — то, что человѣку грѣшнику необходимъ ходатай предъ Богомъ — Христосъ, и имѣть объ Мессіи понятіе чистое, истинное. И Спаситель весьма ясно открылъ себя женѣ, какъ истиннаго

Мессію. Жена изъявляетъ нѣкоторую вѣру свою въ грядущаго Мессію: *вѣмъ, яко Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ; егда той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся.* Тогда Господь прямо указываетъ на Себя: *азъ есмь глаголяй съ тобою* (— 4, 25. 26.). Но какое должно имѣть понятіе о Мессіи? чего надлежало вѣрующимъ ожидать отъ Него? и это сказано было Самарянкѣ. Она все это могла послѣ уразумѣть, когда поняла, что это за вода живая, которую подаетъ Спаситель всякому жаждущему, и которая будетъ въ пріемлющемъ ее источникомъ воды, текущей въ животъ вѣчный (— 4, 14.). Нужно ли было доказательство на то, что говорящій съ женою есть точно Мессія истинный? и это доказательство имѣла жена. Господь, въ первый разъ видящій ее, въ краткихъ словахъ изображаетъ всю жизнь ея: *пять, говоритъ мужей имѣла еси; и нынѣ, егоже имаши, нѣсть ти мужъ* (— 4, 18.). Слѣдствіемъ сего было то, что жена совершенно увѣровала въ Господа, и даже содѣлалась первою проповѣдницею о Немъ у Самарянъ: *и иде во градъ, и глагола человѣкомъ: пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ, еда той есть Христосъ?* (— 4, 29.).

Какая была въ послѣдствіи судьба этой, столь скоро измѣнившейся жены? Извѣстно, что послѣ Самарянамъ проповѣдывалъ св. Филиппъ, одинъ изъ 7-ми діаконовъ, производилъ у нихъ многія чудеса, многихъ мужей и женъ обратилъ ко Христу и крестилъ, между прочими, и Симона волхва. Узнавъ объ этомъ обращеніи, Апостолы послали къ Самарянамъ Петра и Іоанна, которые и низвели на крещенныхъ дары св. Духа,— посредствомъ возложенія рукъ (Дѣян. 8, 5— 17.). Должно думать, что обращенная Господомъ Самарянка и тогда же, безъ сомнѣнія, крещенная Апостолами, теперь, вмѣстѣ съ другими, получила Духа Святаго (который, въ видимыхъ, благодатныхъ дарахъ своихъ, явился уже по вознесеніи Господа на небо. Іоан. 7, 39.) Само собою разумѣется и то, что новый даръ Благодати, сообщенный ученицѣ Христовой, одушевилъ ее новою, пящею ревностію по вѣрѣ, и содѣлалъ ее сильнѣйшею свидѣтельницею истины Христовой. Точно такъ описываетъ намъ жену Самарянку и преданіе, изъ котораго заимствуемъ слѣдующее свѣдѣніе о ней (*)

Самарянка, бесѣдовавшая съ Господомъ при кладезѣ Іакова, при крещеніи названа самимъ Спасителемъ *Фотиніею (святозарною)*, и въ послѣдствіи совершенно оправдала значеніе своего новаго имени. Она была просвѣтительницею многихъ не только въ своемъ отечествѣ, но и въ другихъ странахъ— въ Африкѣ и въ Италіи. Вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ своимъ Іосіею, проповѣдница обращала многихъ въ Карѳагенѣ. Старшій сынъ ея, Викторъ, служилъ въ войскѣ при Неронѣ, и сдѣланъ былъ воеводою въ Италіи съ тѣмъ, чтобы онъ истреблялъ тамъ Христіанство; но, вмѣсто того онъ, какъ воинъ Христовъ, былъ покровителемъ Христіанъ и, подобно матери своей, ревностнымъ проповѣдникомъ Евангелія. Когда узналъ о томъ тиранъ Римскій, то велѣлъ представить Христіанъ и Христіанокъ предъ себя. Въ то время и Фотинія, съ пятью сестрами своими и сыномъ, явились добровольно

(*) См. Прологъ, Марш. 20.

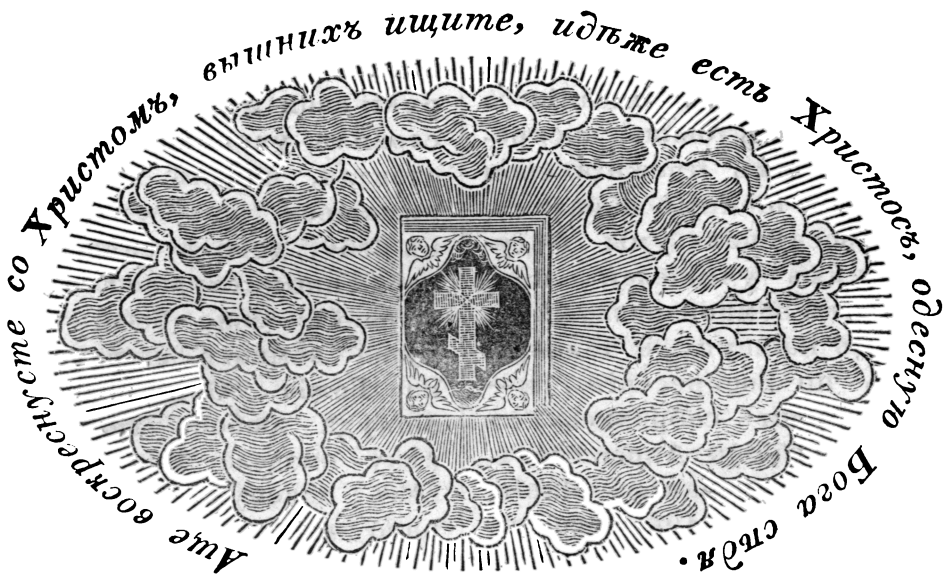
но предъ Императора, и на вопросъ его: зачѣмъ пришли вы къ намъ? отвѣчала: „для того, чтобъ научить тебя почитать Христа.“ Но она говорила съ звѣремъ а не съ человѣкомъ. Мучитель велѣлъ разбить на наковальнѣ руки святымъ: это однакожъ не сокрушило ни вѣры, ни самаго тѣла ихъ. Велѣно было отсѣчь имъ руки: но и мечь не подѣйствовалъ. Наконецъ своенравный деспотъ отдалъ святыхъ женъ во власть своей дочери: но проповѣдницы Христовы научили ее знать Христа, а съ нею вмѣстѣ многихъ рабынь ея крестили; за что подверглись новымъ мученіямъ. Когда мученицы заключены были въ темницу, то и въ темницѣ продолжали проповѣдывать Христа, и мѣсто преступниковъ обратили въ храмъ Божій. Наконецъ всѣ онѣ кончили жизнь въ различныхъ мученіяхъ. Со св. Фотиніи содрана была кожа, и тѣло ея, по повелѣнію тирана, брошено было въ колодезь. Такъ та, которая при кладезѣ оставила путь грѣха и пріяла отъ Жизнодавца жизнь новую, благодатную, въ кладезѣ же оставила и всю временную жизнь и прешла въ другую жизнь, лучшую, блаженную и нескончаемую.

Любовь къ ближнимъ.

Есть люди, которые, по слову Писанія, *не уснутъ, аще не сотворятъ зла*. Но, къ чести человѣчества, есть и такіе люди, которые не уснутъ, если не сотворятъ добра.— Въ Александріи былъ Патріархъ Іоаннъ, котораго за любовь къ бѣднымъ прозвали милостивымъ. Истощая все для облегченія участи несчастныхъ, онъ самъ оставался въ крайней бѣдности. Худая одежда, жесткое ложе съ раздранымъ одѣяломъ изъ грубой волны, составляли все его имущество. Одинъ изъ именитыхъ гражданъ Александрійскихъ подарилъ св. Іоанну одѣяло, купленное за 36 сребренниковъ, умоляя при томъ изъ любви къ нему, самому пользоваться этой дорогою вещью. Св. Іоаннъ дѣйствительно покрылся на ночь новымъ одѣяломъ: но мысль о 36 сребренникахъ, утраченныхъ на одну вещь, между тѣмъ, какъ ими можно былобы облегчить участь многихъ несчастныхъ,— безпокоила его непрестанно. Ему представлялись всѣ роды бѣдности, которымъ можно бы помочь этими деньгами, и онъ во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Какъ скоро насталъ день, Св. Іоаннъ тотчасъ же послалъ продать одѣяло, которое не давало ему покоя, и взятыя за него деньги, по обыкновенію, раздалъ бѣднымъ. Гражданинъ, встрѣтивъ одѣяло свое на рынкѣ, купилъ его въ другой разъ и опять принесъ къ св. Іоанну. Но сострадательный Пастырь въ другой разъ не рѣшился уже дѣлать опыта, и еще до вечера продалъ одѣяло и раздалъ деньги бѣднымъ, чтобъ отойти ко сну съ спокойнымъ духомъ. Наконецъ, когда усердный гражданинъ въ третій разъ принесъ тоже одѣяло; св. Іоаннъ сказалъ: „я всегда буду продавать эту, ненужную мнѣ, вещь; увидимъ, кто первый изъ насъ перестанетъ дѣлать свое.“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры, 18 Апрѣля 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 6. НЕДѢЛЯ О СЛѢПОМЪ. МАІЯ 8. 1838.

Апостолъ: Дѣян. 16, 16—34. Евангеліе: Іоан. 9, 1—38.

ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ (*).

Не долго Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по воскресеніи своемъ отъ мертвыхъ, оставался на землѣ. Совершивъ тайну смотренія божественнаго и принесши на крестѣ всемірную жертву правдѣ Божіей за грѣхи человѣка, онъ, какъ великій Архіерей, долженъ былъ внити во Святая Святыхъ,— *съ кровію вѣчнаго искупленія явиться лицу Божію о насъ*, и возсѣдши одесную Бога Отца, принять, такъ сказать, изъ собственныхъ рукъ Его ту Царственную власть, по которой *подобаетъ ему царствовати, дондеже низложатся всѣ враги подъ ногами его* (1 Кор. 15, 26.).

Еще на послѣдней прощальной вечерѣ съ учениками, Спаситель говорилъ, что Онъ скоро отойдетъ къ Пославшему его и, въ первыя минуты по Воскресеніи, тоже самое повторилъ женамъ мироносицамъ: *восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему и Богу моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Не болѣе сорока дней послѣ сего оставался Онъ на землѣ, являясь, повременамъ, ученикамъ своимъ, и бесѣдуя съ ними о царствіи Божі-

(*) Празднуемое въ четвертокъ на сей недѣли.

емъ. Евангелисты не передали намъ подробностей сихъ Божественныхъ бесѣдъ. Безъ сомнѣнія І. Христосъ въ это время окончательно устроялъ Церковь Свою на землѣ, разъяснялъ Апостоламъ писанія о лицѣ своемъ; можетъ быть, воскрешалъ въ памяти ихъ прежнія свои бесѣды съ ними, и такимъ образомъ, отверзая и просвѣщая умы будущихъ вселенскихъ учителей, приготовлялъ ихъ къ земной разлукѣ съ собою. Наконецъ наступилъ четыредесятый день по Воскресеніи, и— къ этому времени собрались въ Іерусалимѣ одинадцать Апостоловъ, и кромѣ ихъ,— по преданію—Марія, мать І. Христа, Лазарь, его сестры: Марѳа и Марія и другія св. жены, издавна преданныя Господу. Посреди сего святаго и наилучшаго собранія въ мірѣ, въ послѣдній разъ явился Богочеловѣкъ на землѣ и, между прочими наставленіями, сказалъ Апостоламъ: „не отлучайтесь изъ Іерусалима, но ждите обѣщаннаго вамъ отъ Отца, утѣшителя, о чемъ вы слышали отъ меня.“ Но ученики, несовершенно еще свободные отъ мыслей о земномъ, чувственномъ царствѣ Мессіи, и теперь снова подумали о видимомъ царствѣ Учителя своего на землѣ, и сказали Ему: Господи! не теперь ли Ты хочешь возстановить царство Израилево? Богочеловѣкъ кротко замѣтивъ имъ, что не ихъ дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ небесный предоставилъ своей власти, сказалъ: „Вы получите силу, когда сойдетъ на васъ духъ Святый и будете моими свидѣтелями въ Іерусалимѣ, и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до послѣднихъ странъ земли.“ — Послѣ сего всѣ вышли изъ Іерусалима къ Виѳаніи. Достигнувъ восточной вершины горы Елеонской (*), Спаситель простеръ руки свои и въ послѣдній разъ благословилъ учениковъ своихъ, и благословляя, началъ выше и выше подниматься отъ земли и восходить къ небу, доколѣ свѣтлое облако совершенно не скрыло Его отъ очей Апостоловъ. Это была послѣдняя минута земнаго странствованія сына Божія. Онъ вознесся на небо, откуда любовь къ падшему человѣку низвела Его на землю, и возсѣлъ одесную Бога Отца, у котораго имѣлъ славу прежде сложенія міра. Между тѣмъ Апостолы, потерявъ изъ виду своего учителя и Господа, стояли въ изумленіи и страхѣ, преслѣдуя тщетно взорами своими воздушную стезю Его. Тогда, для утѣшенія ихъ, явились два небесныхъ вѣстника, которые объявили, что Богочеловѣкъ, вознесшійся теперь на небо, нѣкогда пріидетъ опять на землю также торжественно и внезапно, какъ теперь возносился на небо. Слова сіи показали Апостоламъ, что божественный Учитель ихъ ожидаетъ отъ нихъ непраздной любви и удивленія, но Апостольской дѣятельности въ новонасажденномъ царствѣ Божіемъ на землѣ; и они возвратились въ Іерусалимъ съ радо-

(*) На этомъ возвышеніи находится нынѣ камень съ отпискомъ лѣвой стопы Спасителя. Благочестивая Царица Елена построила здѣсь небольшую часовню, съ открытымъ сквознымъ куполомъ, какъ бы недерзая преградить бренными сводами воздушной стези Богочеловѣка.

стію великою, и пребывали непрестанно въ храмѣ, въ молитвѣ и славословіи Бога, ожидая обѣщаннаго имъ ушѣшителя — Духа Святаго.

Память вознесенія Господня, въ Христіанской Церкви, освящена особеннымъ праздникомъ, установленіе котораго, по всей вѣроятности, принадлежитъ еще временамъ Апостоловъ: ибо несообразно ни съ вѣрою, ни съ любовію ихъ къ І. Христу, чтобъ они, освятивъ особеннымъ торжествомъ день Воскресенія Его, не освятили подобнымъ же образомъ памяти Его вознесенія, коего были очевидными свидѣтелями, и которое само такъ ясно свидѣтельствовало о его славѣ и Божествѣ. Такое древнее происхожденіе приписывается сему празднику уже въ такъ называемыхъ, Апостольскихъ постановленіяхъ и правилахъ, извѣстныхъ подъ именемъ правилъ Апостоловъ Петра и Павла.— Кромѣ сего, о праздникѣ вознесенія, какъ уже издавна извѣстномъ въ Церквѣ, упоминаютъ: Тертулліанъ, св. Златоустъ и Августинъ. Какъ великъ былъ еще въ древней Церквѣ этотъ праздникъ, видно, отчасти, изъ самаго наименованія его днемъ *совершенія или окончанія спасенія* „Нынѣ“, говорилъ нѣкогда св. Златоустъ, указывая на важность праздника вознесенія, „нынѣ родъ человѣческій примиренъ совершенно съ Богомъ, древняя брань и вражда потреблены и — мы, которые недостойны жить и на земли, вознесены на небо. Нынѣ наслѣдуемъ царство небесное мы, которые не стоимъ и земнаго, восходимъ на небо, наслѣдуемъ престолъ Царя и Владыки, и естество человѣческое, которому Херувимъ возбранялъ входъ въ Рай, вознесено теперь превыше всякаго Херувима“ (*) По уставу Церкви, праздникъ Вознесенія, совершаемый въ сороковой день по воскресеніи І. Христа, т. е. въ четвергъ на 6-й недѣлѣ по Пасхѣ, имѣетъ предпразднство, не такъ явное, какъ у другихъ большихъ праздниковъ,— по причинѣ бывающаго въ сей день отданія Пасхи, и попразднство, которое продолжается восемь дней. На канунѣ праздника умолкаютъ въ Церкви пасхальныя пѣсни и снимается съ св. престола плащаница, лежащая на немъ съ перваго дня Пасхи, какъ символъ четыредесятидневнаго на землѣ пребыванія І. Христа по Воскресеніи.

Вознесеніе І. Христа на небо представляетъ Христіанину неисчерпаемый источникъ духовной радости и утѣшенія. Правда, что для чувственнаго человѣка нашего можетъ казаться пріятнѣйшимъ, если бы Господь всегда оставался съ нами на землѣ тѣлесно, также, какъ пребываетъ теперь посреди Церкви своей духовно *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20.): но для духа, горняя мудрствующаго а неземная, вознесеніе Господне на небо есть самое лучшее окончаніе Его земнаго поприща. Оно ясно свидѣтельствуетъ о величіи лица І. Христа и Божественности его посольства и ученія, утѣшаетъ Христіанина надеждою на всемогущую помощь его и ходатайство предъ Отцемъ небеснымъ и побѣдо-

(*) Бесѣд. 35 на Вознес. Госп.

носно увѣряетъ насъ, что есть для человѣка другая жизнь, есть другой горній міръ, *идѣже предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6, 20.) *и егда животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3.) Вмѣстѣ съ симъ вознесеніе І. Христа служитъ предначертаніемъ и залогомъ будущаго славнаго пришествія его на землю. Та небошественная стезя, по которой Спаситель возшелъ къ Богу Отцу, будетъ, по обѣщанію его, еще однажды пройдена имъ въ облакахъ небесныхъ съ силою и славою многою, и — тогда всѣ достойные дѣлатели въ царствіи его, всѣ подвизавшіеся въ вѣрѣ и благочестіи, отрѣшившись отъ всего земнаго, въ прославленныхъ тѣлахъ будутъ *восхищены въ срѣтеніе Господне на воздусѣ*, и уже не разлучатся съ Нимъ, *но всегда съ Господомъ своимъ будутъ* во славѣ и блаженствѣ. (1 Сол. 4, 17.).

ИЗВѢСТІЕ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ВЪ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ ПРИНОШЕНІИ ДЛЯ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

1-го Апрѣля, въ великій Пятокъ, среди духовнаго сѣтованія и печали по Бозѣ, Кіевопечерская Лавра имѣла утѣшеніе получить знакъ особеннаго вниманія къ ней Благочестивѣйшаго Государя Императора. По высочайшей воли Его, изъ Москвы доставлено отъ лица его полное облаченіе для служенія Архіерейскаго, какъ то, кромѣ собственно Архіерейскихъ одеждъ, два облаченія Архимандритскихъ, четыре Іеромонашескихъ, шесть Діаконскихъ и четыре для прочихъ Церковнослужителей. По богатству матеріала, употребленнаго для облаченія, по изяществу вкуса, съ коимъ оно устроено, и по своей полнотѣ, облаченіе сіе займетъ почетное мѣсто въ богатой ризницѣ Лаврской. Но, святая Обитель радовалась не богатству даянія, а богатой любви къ святынѣ вѣнценоснаго Даятеля.

Не льзя было дару явиться благовременнѣе. Первый день Пасхи былъ днемъ перваго употребленія его. Въ 8 часовъ утра, въ присутствіи многочисленнаго народа, все облаченіе изнесено было изъ Алтаря и разложено въ приличномъ порядкѣ предъ мѣстными иконами. По прибытіи за симъ въ Церковь Преосвященнаго Викарія Кіевскаго, совершенъ былъ чинъ освященія Церковныхъ одеждъ: послѣ чего Преосвященный среди Церкви, а прочіе сослужащіе въ Алтарѣ, облачились въ новое облаченіе и началась Божеств. Литургія. По совершеніи ея, Преосвященнымъ Викаріемъ произнесено слѣдующее краткое слово.—

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!—

Повѣствуя о явленіи Ангеловъ при гробѣ Воскресшаго Спасителя, Св. Евангелисты замѣчаютъ, что у одного изъ нихъ одѣяніе было *бѣло, яко снѣгъ*, (Мат. 28, 3.) а у двухъ другихъ — *ризы блестящіяся* (Лук. 24, 4.). Если и для Ангеловъ, служившихъ Воскресшему Господу, при ихъ явленіи людямъ, нужно было такое одѣяніе и такія ризы; то кольми паче необходимо приличное облаченіе для Служителей Алтаря Христова. Ибо что мы въ сравненіи съ Ангелами?— Между тѣмъ предметъ служенія нашего

выше Ангельскаго. Ангелы должны были только возвѣстить о воскресеніи Господа, а мы должны не возвѣщать только о семъ Воскресеніи, а низводить Благодать Воскресшаго въ души и сердца ваши, преподавать вамъ самое тѣло и самую кровь Его. *Кто*, скажемъ словами Апостола, *кто къ симъ доволенъ?* (2 Кор. 2, 16.).

Посему-то, еще при первомъ учрежденіи чина священническаго, самъ Богъ чрезъ Моисея не только далъ уставъ Богослуженія, но и начерталъ во всей подробности правила касательно состава, вида и употребленія свящ. одеждъ. Божественный основатель Церкви Новозавѣтной не начертывалъ подобныхъ правилъ для одеждъ своихъ Служителей; ибо собственныя одежды его были совлечены съ Него и достались въ удѣлъ распинателямъ: но когда явился потомъ возлюбленному ученику своему въ видѣ великаго Первосвященника Церкви новозавѣтной, то явился облеченнымъ *въ подиръ и препоясаннымъ поясомъ златымъ* (Апок. 1, 13.); и когда показалъ ему, въ видѣніи, стоящихъ предъ престоломъ славы Его, то показалъ облеченными *въ ризы бѣлыя, и финицы въ рукахъ ихъ*. (—7, 9.) Имѣя въ виду сіе, Церковь Новозавѣтная, преимуществуя предъ ветхозавѣтною Благодатію, духомъ и истиною, никогда однакоже, подобно ей, не пренебрегала и внѣшнимъ благолѣпіемъ Богослуженія и свящ. облаченій. Особенно настоящій день, яко *праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ*, всегда отличался особенною торжественностію не только священнослуженія, но и свящ. облаченій Служителей Алтаря Христова.

И, вотъ къ сему то благознаменитому дню приспѣлъ благоименитый Даръ Августѣйшаго Покровителя и защитника Церкви! Принадлежа, по самому сану своему, къ высокому кругу Боговѣнчанныхъ Константиновъ, Ѳеодосіевъ, Іустиніановъ, онъ возревновалъ святою ревностію быть и въ числѣ благообразныхъ Іосифовъ Аримаѳейскихъ и Никодимовъ. Князи Іудейстіи принесли Спасителю смирну и алой на собственную потребу Его, яко мертва и погребаема, а Царь нашъ Емуже, но яко воскресшему и потому не имѣющему ни въ чемъ нужды, приноситъ облаченіе для Служителей Его, подобное облаченію Ангельскому.

Кто изъ васъ, Брат., не радовался уже радостію святою при одномъ услышаніи о семъ дарѣ Царевомъ?—Кто и изъ всѣхъ сыновъ Церкви православной не возрадуется и не возблагодаритъ въ сердцѣ своемъ Благочестивѣйшаго Помазанника, услышавъ о семъ знакѣ царственнаго вниманія Его къ тому святому мѣсту, которое для всего православнаго отечества нашего есть, яко новый Іерусалимъ и Сіонъ отечественный. Но *мзда* такой любви къ благолѣпію Церкви, не у людей, а *у Всевышняго*. (Прем. 4, 15.). Не довольствуясь нашими благодарственными молитвами ко Господу о благоденствіи Августѣйшаго Даятеля, Св. Угодники Божіи, здѣ почивающіе нетлѣнными тѣлесами своими, сами пойдутъ къ Престолу Воскресшаго Господа, явятъ предъ нимъ даръ вѣры и любви Царевой, и испросятъ за него *благодать возблагодать* (Іоан. 1, 16.).

Для полноты торжества нашего желалось бы одного— видѣть нынѣ среди насъ Христолюбиваго Архипастыря нашего, самаго воздѣвающимъ въ новомъ

облаченіи преподобныя руки свои къ Престолу Царя царей. Но, бывъ столько разъ свидѣтелями его умилительнаго служенія въ семъ Храмѣ, мы увѣрены, что онъ отстоя отъ насъ плотію, духомъ теперь съ нами, что руки и сердце его воздѣты теперь въ благодарственныхъ молитвахъ ко Господу за Благочестивѣйшаго Монарха, за Отечество и за паству свою.

И такъ, ничто да не препятствуетъ радости нашей: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!* (Псал. 117, 24.). Возрадуемся о Царѣ небесномъ, который, яко женихъ отъ чертога, изшелъ нынѣ отъ гроба своего. Возвеселимся о Царѣ земномъ, который, подобясь вѣрному другу женихову, поспѣшилъ ознаменовать сіе изшествіе даромъ вѣры и любви своей.

Но, радуясь сею сугубою радостію, не забудемъ, Брат., что есть еще одно царственное облаченіе, въ которое надобно облечись уже не однимъ служителямъ Алтаря, а всѣмъ вѣрующимъ во имя Распятаго и воскресшаго Господа, который всѣхъ истинныхъ послѣдователей своихъ, по свидѣтельству тайновидца, *сотворилъ есть Іереи Богу* (Апок. 5, 10.). Это тѣ драгоцѣнныя ризы, о коихъ написано: *побѣждаяй облечется въ ризы бѣлы, и исповѣмъ имя Его предъ Отцемъ моимъ и предъ Ангелы Его.* (— 3, 5.) Есть царское облаченіе, коимъ каждый истинно вѣрующій украшенъ уже и здѣсь, въ продолженіи земнаго странствованія. Это оное Божественное облаченіе, о которомъ нынѣ въ слухъ вашъ возглашала св. Церковь: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.*— (Гал. 3, 27.) *Блаженъ бдяй и блюдый* сій *ризы своя, да не нагъ ходитъ!* (Апок. 16, 15.) Блаженъ, кто, и не соблюдши первой чистоты, умѣлъ покаяніемъ и вѣрою *убѣлить* ихъ паки *во крови Агнчей!* (— 7, 14.) Но стократъ несчастенъ тотъ, кто не умѣлъ ни сохранить, ни возвратить благолѣпнаго *одѣянія души своея.* Таковый обрящется нагъ въ тотъ великій день всеобщаго воскресенія, когда надобно будетъ начать праздновать Пасху уже не временную, а вѣчную.

Да сохранитъ Господь отъ сей ужасной наготы всѣхъ насъ благодатію своею и молитвами св. Угодниковъ своихъ, здѣ нетлѣнно почивающихъ! Аминь.

За симъ совершено было благодарственное молебствіе о здравіи и благоденствіи Благочестивѣйшаго Государя Императора, который среди обширныхъ и неусыпныхъ трудовъ во благо многочисленныхъ народовъ, ввѣренныхъ Провидѣніемъ его державному попеченію, не оставляетъ обращать отеческаго взора и на смиренныя обители, въ коихъ отъ лѣтъ древнихъ неугасимо теплится свѣтъ Христовъ.

Въ новомъ облаченіи совершена была въ большой Лаврской Церкви и вечерня Пасхальная, которая, какъ извѣстно, отличается особенною торжественностію. Предъ окончаніемъ ея, Преосв. Викаріемъ паки произнесено было къ многочисленному народу, приличное свѣтлому дню, слово о томъ, какіе дары и мы всѣ можемъ и должны приносить воскресшему Господу.—

РАЗМЫШЛЕНІЕ,

ИЗЪ ВОСКРЕСНАГО ЕВАНГЕЛІЯ, О БѢДСТВІЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися?

Іоан. 9, 2.

Сколько есть несчастныхъ въ мірѣ, родившихся уже несчастными, о которыхъ также можно спрашивать: за чьи грѣхи они родились такими?

Есть не только слѣпорожденные, но и глухонѣмые отъ рожденія, хромые, безрукіе, и съ другими жалкими недостатками тѣлесными. Есть люди, страдающіе болѣзнями наслѣдственными, на прим. чахоткою, падучею болѣзнію: сѣмена родительскихъ болѣзней скоро раскрываются въ дѣтяхъ и наполняютъ жизнь послѣднихъ страданіями, нерѣдко ужасными. Есть также и душевныя болѣзни, съ которыми родятся несчастные, на прим. слабоуміе и звѣрскія наклонности. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ сихъ, и другихъ, несчастнорожденныхъ страдаютъ за грѣхи своихъ родителей. Испорченная уже грѣхомъ природа перешла отъ родителей къ дѣтямъ, и бѣдные, по нашему сужденію, совсѣмъ невинно терпятъ казнь, заслуженную другими. — Боже! какая великая отвѣтственность на родителяхъ, которыхъ грѣхи производятъ столь ужасныя послѣдствія для ихъ потомства!

Сколько также видѣлъ я и такихъ несчастливцевъ, которые, хотя не родились съ своими болѣзнями, но получили ихъ безъ всякой, какъ мнѣ казалось, вины своей. Узнавъ о причинѣ болѣзни кого нибудь изъ нихъ, — которая часто была или одна неосторожность, или непредвидѣнный несчастный случай, — я спрашивалъ: Господи! за что такъ строго наказывается этотъ несчастливецъ, который несравненно меньше имѣетъ грѣховъ, нежели я?

Я видѣлъ людей, у которыхъ, или въ груди или въ шеѣ, былъ аневризмъ — болѣзнь опаснѣйшая и неизлечимая. Имъ нельзя было говорить громко, нельзя было сдѣлать и другаго сильнаго движенія; потому что такое движеніе моглобы въ одно мгновеніе разорвать раздутую въ нихъ жилу, а съ нѣмъ вмѣстѣ и прервать жизнь ихъ. Они не знали, когда придетъ это ужасное мгновеніе, но могли ожидать его ежечасно. Я видѣлъ и внезапную смерть сихъ страдальцевъ. Я спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и узналъ, что причиною болѣзни ихъ были, большею частію, непредвидѣнные случаи, на прим. паденіе съ лошади или изъ экипажа. Милосердый Господи! ты избавилъ меня отъ такихъ ужасныхъ страданій: но не заслуживаю ли я, по грѣхамъ моимъ, еще ужаснѣйшей казни?

Я видалъ еще страдавшихъ отъ другихъ болѣзней внутреннихъ, острыхъ, — отъ воспаленій, отъ каменной болѣзни, отъ истерическихъ и епилептическихъ припадковъ. У многихъ изъ нихъ я не находилъ и десятой доли тѣхъ тяжкихъ грѣховъ, которые тяготятъ мою совѣсть. Нѣкоторые подвергались симъ болѣзнямъ, въ мірскомъ смыслѣ, совершенно невинно. Такъ я зналъ страждущихъ епилепсіею отъ чрезмѣрной чувствительности ихъ, которая немогла перенесть какого-нибудь страха или сильной пе-

чали. Страданія такихъ людей наводили на меня ужасъ. Боже мой! не дай мнѣ испытать на себѣ такихъ мученій: но чѣмъ же я лучше другихъ?

Упомяну еще одинъ случай. Я видѣлъ человѣка, пораженнаго страшною и отвратительною болѣзнію рака. Ужасная болѣзнь источила все лице несчастнаго, обнажила зубы его и челюсти. Увидѣвъ, въ первый разъ, это страшное тлѣніе въ живомъ человѣкѣ, я затрепеталъ отъ ужаса. Увидѣвъ въ другой и третій разъ, я спросилъ страдальца: не знаетъ ли онъ за собою какого-нибудь тяжкаго грѣха? Простодушный крестьянинъ со слезами сознался мнѣ, что другихъ тяжкихъ грѣховъ онъ за собою не знаетъ, кромѣ того, что онъ нѣкогда, еще въ молодыхъ лѣтахъ (несчастному было уже около 60 лѣтъ), занимался извозомъ вина и примѣшивалъ въ вино воду.— Не ужели за одинъ этотъ грѣхъ такое наказаніе? но не въ тысячу ли разъ большей казни стоимъ мы, когда не вино съ водою, а истину съ лестію или ложью смѣшиваемъ?—

Сколько видѣлъ я и другихъ несчастныхъ! Ими наполнены общественныя больницы, домы умалишенныхъ, богадѣльни; они встрѣчаются намъ на торжищахъ и при храмахъ: а сколько ихъ еще таится гдѣ нибудь подъ соломенными кровлями! жизнь ихъ часто гораздо бѣдственнѣе, нежели тѣхъ, которые всѣмъ извѣстны. Всегда, когда видишь сихъ страдальцевъ приходитъ на мысль и вопросъ: за что страдаютъ они? и другой вопросъ: отчего же я, и другіе подобные мнѣ грѣшники, такъ мало испытываютъ страданій!

Быть можетъ, смотря на меня и подобныхъ мнѣ счастливцевъ, люди благочестивые и добродѣтельные спрашиваютъ съ псалмопѣвцемъ: *доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся?* (Псал. 93, 3.) *Въ трудѣхъ человѣческихъ не суть, и съ человѣки не пріимутъ раны* (Псал. 72, 5.). Или съ Пророкомъ Іереміею: *что яко путь нечестивыхъ спѣется? угобзишася вси творящіи беззаконія?*— о нѣкоторыхъ счастливцахъ— отъ рожденія и по самому рожденію— можно еще спросить: кто заслужилъ, они ли или родители ихъ, то, что они такъ счастливы?

Гдѣ рѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ?

Св. псалмопѣвецъ нашелъ рѣшеніе своего вопроса въ святилищѣ Божіи. *И непщеваховъ* (размышлялъ) *разумѣти; сіе трудъ есть предомною, дондеже вниду во святило Божіе, и разумѣю въ послѣдняя ихъ* (Псал. 72, 16. 17.). Такъ! въ послѣднихъ минутахъ грѣшника, нынѣ повидимому счастливаго, рѣшеніе судьбы его. И здѣсь послѣдняя его бываютъ часто разрушеніемъ всего мнимаго счастія, которымъ онъ думалъ наслаждаться вѣчно. Но окончательное возмездіе нераскаянному грѣшнику въ послѣднемъ изъ послѣднихъ— въ вѣчности!

Что же сказать о несчастливцахъ, по мнѣнію нашему, невинныхъ? Не можемъ сказать о всѣхъ того же, что сказано въ Евангеліи о слѣпорожденномъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его*;— потому что очень извѣстно, какъ многіе страдаютъ, или за пороки родителей своихъ, или за свои грѣхи, которые они иногда не почитаютъ грѣхами. Но то, что прибавилъ Спаситель, говоря о слѣпорожденномъ, можно ска-

зать и о всѣхъ, такъ называемыхъ, невинныхъ страдальцахъ: *да явятся дѣла Божія на нихъ*. Какое именно дѣло Божіе должно явиться на томъ или другомъ,— это или совсѣмъ не дается знать намъ, или узнаемъ о томъ чрезъ многіе годы страданій. Кто зналъ, какое дѣло Божіе хочетъ явиться на невинномъ Іосифѣ, когда онъ преданный въ Египетъ, томился тамъ въ темницѣ? Кто могъ предвидѣть, что будетъ послѣ съ Іовомъ, когда онъ отъ чрезмѣрной болѣзни проклиналъ день рожденія своего, сидя на гноищи, покрытый ужасными струпами? Иногда совсѣмъ не узнаемъ особенной цѣли божественнаго провидѣнія: что изъ того? не знаемъ ли мы, не должны ли быть совершенно увѣрены въ томъ, что всѣмъ распоряжаетъ премудрость и благость Божія? что безъ воли Отца небеснаго не падаетъ и власъ главы нашей? что Всемогущій и Всеблагій можетъ и изъ зла нашего извлекать, для насъ же или для другихъ, величайшее благо?— Иногда Господь лишаетъ кого-нибудь зрѣнія, но просвѣщаетъ душевныя очи его: не лучшее ли это благо? Иногда посылаетъ человѣку разслабленіе тѣлесное, но страданіемъ укрѣпляетъ духъ его: не драгоцѣннѣе ли это здоровья тѣлеснаго? Поставивъ человѣка въ самомъ бѣдственномъ состояніи, заставляетъ его самаго чаще обращаться къ милосердію Божію; а другимъ даетъ случай оказывать несчастному собрату человѣколюбіе: не дороже ли это всѣхъ богатствъ и сокровищъ міра? Отнявъ у него нѣкоторые члены или употребленіе ихъ, Господь полагаетъ преграду многимъ тяжкимъ преступленіямъ, которыя, можетъ быть, непремѣнно пали бы на совѣсть нынѣшняго несчастливца, еслибъ онъ былъ по всему здоровымъ. И сколько можетъ быть другихъ благъ, которыхъ всеблагій Отецъ небесный достигаетъ посредствомъ нашихъ бѣдствій?— По увѣренію слова Божія, добродѣтельный и терпѣливый Христіанинъ тѣмъ болѣе обновляется во внутреннемъ человѣкѣ, чѣмъ болѣе тлѣетъ во внѣшнемъ, и легкое страданіе производитъ для него въ величайшемъ преизбыткѣ вѣчную славу (2 Кор. 4, 16. 17.).

Не это смущать насъ должно, что видимъ страданія людей, повидимому, невинныхъ: христіанинъ долженъ даже радоваться такимъ страданіямъ, когда они его постигаютъ. Справедливѣе возмущаться духомъ тогда, когда мы сознаемъ въ себѣ множество согрѣшеній, а между тѣмъ не терпимъ здѣсь наказаній отъ Бога. Ахъ! можетъ быть, потому мы такъ и счастливы здѣсь, что лучшаго блага — въ вѣчности — недостойны. Быть можетъ, правосудіе Божіе находитъ уже насъ недостойными здѣшнихъ очистительныхъ наказаній, или неспособными къ очищенію; быть можетъ мы уже не дѣти, а, по выраженію Апостола, *прелюбодѣйницы*, когда остаемся *безъ наказанія, емуже причастницы быша вси* (Евр. 12, 8.) истинныя чада, и, пріявъ благая въ здѣшней жизни, должны ожидать самой плачевной участи — въ будущей!— Всесвятый и преблагій Господи! твое снисхожденіе ко мнѣ въ этой жизни да не отяготитъ мученій моихъ въ вѣчности! Нѣтъ, Боже мой, лучше здѣсь потерплю, что угодно всесвятой волѣ твоей, но помилуй меня на страшномъ судѣ твоемъ!

Тогда непостыжуся, внегда призрѣти ми на вся заповѣди твоя. Псал. 118, 5.

Подлинно, человѣкъ тогда только можетъ быть пріятенъ Богу, когда онъ добродѣтеленъ истинно; а истинно добродѣтеленъ онъ тогда, когда добродѣтеленъ весь, всегда и во всемъ.

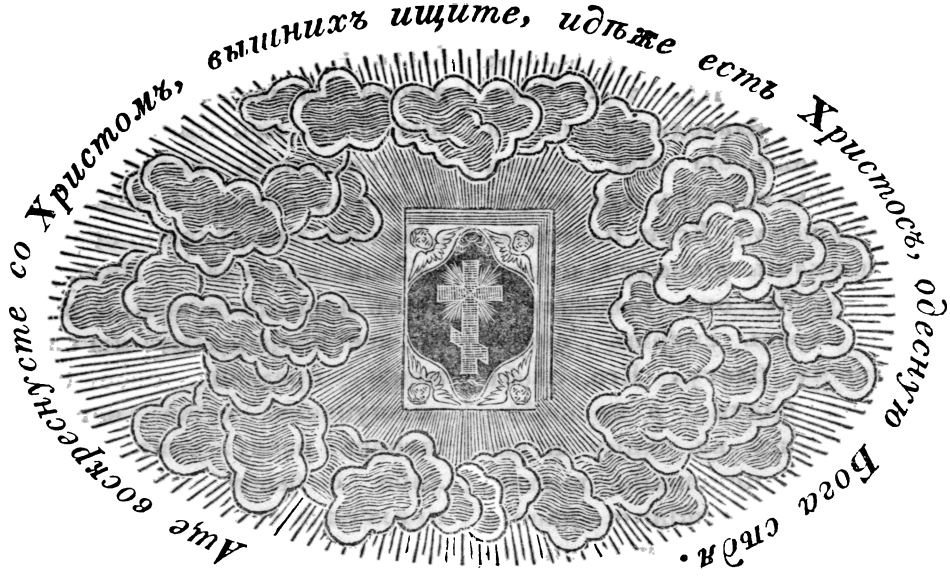
Но когда же будетъ это вожделѣнное *тогда?* гдѣ взять такой добродѣтели? Кто въ состояніи исполнить весь Законъ?— Хорошо, по крайней мѣрѣ, если человѣкъ хотя *призираетъ на вся заповѣди*, чувствуетъ себя обязаннымъ ко всякому благому дѣлу, прилагаетъ стараніе быть непорочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, не почитаетъ для себя позволеннымъ ничего, противнаго закону: хорошо и это!— А прочее,— многое еще, очень многое— содѣлаетъ самъ Господь и Его благодать всемощная—для тѣхъ, которые *призираютъ*, неуклонно смотрятъ, *на всѣ заповѣди* Его.

СИЛА ПРИМѢРА.

Нѣкто Пахомій, юноша изъ язычниковъ, вступивъ въ военную службу подъ знамена Константина Великаго, намѣревавшагося сражаться съ Максентіемъ, шелъ въ Армію съ другими своими товарищами— новообращенами. На пути онъ и его товарищи должны были остановиться, уже въ сумерки, въ одномъ городѣ. Не успѣли войти въ него, какъ тотчасъ ихъ окружаютъ нѣсколько человѣкъ, которые не только принесли все нужное для подкрѣпленія усталыхъ и голодныхъ, но старались еще воодушевить ихъ разными совѣтами. Такое радушіе не могло не возбудить въ юной душѣ изумленія и любопытства, и Пахомій съ нетерпѣніемъ желалъ знать: „что это „за люди, которые съ такимъ участіемъ заботятся о всѣхъ ихъ нуж„дахъ?“ Ему отвѣчали, что это Христіане, люди— вообще ко всѣмъ милосердые, тѣмъ болѣе къ страннымъ. „У нихъ своя, совершенно отличная „отъ Греческой и Римской, вѣра во „имя Іисуса Христа, котораго они „почитаютъ Сыномъ Божіимъ и отъ „котораго ожидаютъ себѣ награды „за всякое доброе дѣло въ будущемъ „мірѣ.“ Это такъ глубоко тронуло сердце юнаго Пахомія, что онъ тотчасъ далъ въ душѣ своей обѣтъ: посвятить всю жизнь Іисусу Христу, ежели Богъ благоволитъ сохранить его отъ предстоящей на войнѣ опасности. Война окончилась; Константинъ великій одержалъ рѣшительную побѣду надъ своимъ соперникомъ—Максентіемъ: Пахомій остался цѣлъ и невредимъ. Большая часть воиновъ Константиновыхъ была распущена, а съ ними и Пахомій долженъ былъ снять доспѣхи воинскіе. Нимало не медля онъ поспѣшилъ ближе и короче познакомиться съ Христіанами. Получивъ нужное наставленіе въ истинахъ Христіанскихъ, онъ тотчасъ, принялъ св. Крещеніе, и остальное время жизни провелъ, какъ воинъ Царя небеснаго.

Кіевъ Въ Типог. К. Іавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 26 Апрѣля 1838 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Кол. 3, 1.

№ 7. НЕДѢЛЯ СВ. ОТЕЦЪ, ИЖЕ ВЪ НИКЕИ. МАІЯ 15. 1838.

Апостолъ, Дѣян. 20, 16—18 28—36. Евангеліе Іоан. 17, 1—13.

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

Не должно предаваться не умѣренному сѣтованію о скончавшихся (*).

Для чего ты предаешься не умѣренному сѣтованію? Смерть есть сонъ: что̀жъ ты плачешь и рыдаешь? Если бы это дѣлали язычники, то и ихъ надлежало бы почитать достойными смѣха. Какое же будетъ имѣть извиненіе вѣрующій, и вмѣстѣ поступающій такъ не прилично? Какого прощенія могутъ ожидать себѣ тѣ безразсудные, которые предаются стенанію объ умершихъ послѣ того, какъ воскресеніе мертвыхъ столь ясно доказано въ продолженіе многихъ вѣковъ? Язычники ничего невѣдаютъ о воскресеніи, однакоже находятъ способы утѣшать себя, и говорятъ: „терпи великодушно, потому что случившагося съ тобою не можешь ни перемѣнить, ни поправить.“ Ты постоянно слушаешь правила высшей, полезнѣйшей философіи: и тебѣ не стыдно предъ язычниками, когда ты поступаешь безразсуднѣе ихъ? Мы не говоримъ тебѣ: терпи великодушно потому, что нельзя перемѣнить случившагося; нѣтъ,— мы говоримъ: „терпи великодушно потому, что умершій

(*) Въ субботу на сей недѣли совершается въ Церкви поминовеніе о всѣхъ скончавшихся.

твой непремѣнно воскреснетъ. Спитъ дитя, а не умерло; покоится, а не погибло.“ Не слышишь ли, что вѣщаетъ тебѣ псаломъ: *обратися, душе моя, во покой твой, яко Господь благодѣйствова тя* (Псал. 114, 7.)? Богъ называетъ смерть благодѣяніемъ, а ты плачешь? Чтожъ бы ты дѣлалъ тогда, когда былъ бы врагомъ и не доброжелателемъ умершему? Если плакать, такъ надобно плакать діаволу: пусть онъ плачетъ, пусть онъ рыдаетъ о томъ, что мы чрезъ смерть стремимся къ высшему благу. Его злобѣ приличенъ такой плачь, а не тебѣ, котораго призываютъ къ вѣнцу и покою. Смерть есть пристань тихая; разбери, какими несчастіями наполнена жизнь настоящая; подумай, сколько разъ ты самъ проклиналъ ее. Теперешнее положеніе жизни дѣлается хуже и хуже; но и прежде, искони, ты получилъ на свою долю не малое осужденіе. Ибо сказано въ Писаніи: *во болѣзнехъ родиши чада* (Быт. 3, 16.) еще: *во потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (—19); и еще: *во мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 32.). О жизни будущей ничего подобнаго не сказано, а говорится напротивъ: *отбѣже болѣзнь, и печаль, и воздыханіе* (Исаі. 35, 10.); и въ другомъ мѣстѣ: *отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ, и Іаковомъ* (Матѳ. 8, 11.). Говорится о духовномъ чертогѣ брачномъ, о свѣтлыхъ свѣтильникахъ, о преставленіи на небо. Чтожъ ты стыдишь покойника? За чѣмъ на другихъ наводишь страхъ и трепетъ смерти? Зачѣмъ подаешь многимъ поводъ роптать на Бога, будтобы Онъ сотворилъ великія бѣдствія? Особенно, для чего ты, послѣ сего, созываешь нищихъ, просишь священниковъ молиться за умершаго? Ты говоришь: „для того, чтобъ скончавшійся отшелъ къ покою, чтобъ Судія былъ милостивъ къ нему.“ Такъ объ этомъ ты плачешь и стенаешь? Слѣдственно ты самъ противъ себя возстаешь и вооружаешся, когда подымаешь бурю на того, который отошелъ къ покою. „Чтожъ мнѣ дѣлать, скажешь ты? Такова моя природа.“ Вина не въ природѣ, не въ порядкѣ вещей, а въ насъ самихъ; мы все извращаемъ; мы слишкомъ изнѣжены, предаемъ свое благородство и поступаемъ хуже невѣрныхъ. Какъ теперь разсуждать съ другимъ кѣмъ либо о безсмертіи? Какъ язычника привести къ вѣрѣ въ безсмертіе, когда мы Христіане больше язычника боимся и ужасаемся смерти? Многіе язычники, невѣрившіе безсмертію, по смерти дѣтей своихъ, надѣвали на себя вѣнцы и бѣлыя одежды, дабы чрезъ это пріобрѣсть настоящую славу. А ты напротивъ и ради будущей славы не перестаешь плакать и стенать какъ женщина!..

Ты не имѣешь теперь наслѣдника, не имѣешь преемника своему имуществу? Но чего ты лучше хочешь: чтобы сынъ твой былъ наслѣдникомъ твоихъ имѣній, или небесныхъ? Чего ты лучше хочешь: того, чтобъ покойникъ принялъ твои сокровища, которыя онъ долженъ однако же оставить, спустя нѣсколько времени, или того, чтобъ онъ получилъ блага вѣчныя и неизмѣнныя? Онъ не былъ твоимъ наслѣдникомъ, за то Богъ сдѣлалъ его своимъ; не былъ снаслѣдникомъ братьямъ своимъ; за то сталъ снаслѣдникомъ Христу. „Кому я покину одежды,— скажешь ты?— Кому домы, кому слугъ и поля мои?“

Ему же, и гораздо безопаснѣе, чѣмъ когда бы онъ живъ былъ; препятствій ни какихъ нѣтъ. Если варвары вмѣстѣ съ умершимъ обыкновенно сожигаютъ его имущество: то гораздо приличнѣе тебѣ отослать къ твоему покойнику вещи, ему принадлежащія,—не для того, чтобъ онѣ обратились въ пепелъ, какъ у варваровъ, а для того, чтобъ облечь умершаго большею славою; для того, чтобы загладить грѣхи, если онъ отошелъ туда грѣшникомъ; чтобы умножить его награду, если онъ скончался праведникомъ. Тебѣ сильно хочется видѣть его? Живи его жизнію, и ты скоро насытишь взоръ свой видѣніемъ священнымъ. Сверхъ сего подумай и о томъ, что если ты не послушаешься нашихъ убѣжденій, то убѣдитъ тебя само время. Только ты уже небудешь имѣть тогда ни какой себѣ награды; ибо утѣшеніе будетъ зависѣть не отъ тебя, а отъ продолжительности времени. Напротивъ, если ты теперь рѣшишься любомудрствовать, то получишь двѣ величайшія выгоды: во первыхъ себя освободишь отъ угнѣтающей тебя печали, во вторыхъ отъ Бога получишь блистательнѣйшій вѣнецъ; ибо кротkое перенесеніе бѣдствій гораздо многоцѣннѣе и милостыни и другихъ дѣлъ. Разсуди, что самъ Сынъ Божій умеръ; что Онъ умеръ за тебя, а ты умираешь за себя только. Сказалъ Онъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ мене чаша сія* (Матѳ. 26, 39.), и поскорбѣлъ, и попечалился, однако же не благоволилъ уйти отъ смерти; напротивъ Онъ подъялъ ее послѣ многихъ страданій; претерпѣлъ не простую смерть, а самую безчестную; прежде смерти претерпѣлъ биченіе, прежде биченія ругательства, насмѣшки, поношенія, тебѣ подавая уроки—все переносишь великодушно. Запо по смерти, по ошложеніи тѣла, Онъ опять принялъ свое тѣло съ большею славою, и симъ подалъ тебѣ найлучшія надежды. Если ты почитаешь все это достовѣрнымъ, не проливай слезъ. Если же плачешь, то, опять повторяю, какъ можешь увѣрить язычниковъ, что самъ ты вѣруешь?

Но тебѣ все еще кажется нестерпимымъ твой скорбный случай? Такъ и по этому самому не должно плакать объ умершемъ: онъ умеръ; слѣдственно свободенъ отъ тѣхъ скорбей, кои ты терпишь. Итакъ незавидуй ему, небудь зложелательнымъ; ибо просить смерти себѣ отъ того, что онъ прежде времени скончался, плакать о томъ, почему онъ не живетъ, чтобъ страдать подобно тебѣ, значитъ быть завистливымъ и зложелательнымъ. Не о томъ помышляй, что онъ не возвратится въ твой домъ, а о томъ, что ты, спустя нѣсколько времени, пойдешь къ нему. Не то представляй, что онъ не придетъ къ тебѣ сюда, а то, что все видимое здѣсь, не останется такимъ, каково есть, напротивъ все преобразится. Небо, земля, море,—все перемѣнится; тогда и ты получишь своего сына въ большей славѣ. Если онъ умеръ грѣшникомъ; то для него пересталъ грѣхъ: (ибо Богъ не восхитилъ бы его прежде покаянія, когда бы видѣлъ, что онъ перемѣнится); еслиже онъ скончался праведникомъ; то теперь безопасно обладаетъ небесными благами. Явно, что слезы твои, не суть слезы любви, а слезы не разумной страсти.

Ибо если бы ты любилъ покойника; тебѣ надлежало бы радоваться и веселиться, что онъ избавился отъ волненій настоящей жизни. Скажи мнѣ, что такое въ этомъ свѣтѣ? Что тутъ необычайнаго и новаго? Не одно и тоже ли каждый день постоянно обращается предъ нашими глазами? День и ночь, ночь и день; зима и лѣто, лѣто и зима,— и больше ничего; все тоже и всегда тоже; одно только бываетъ не обычайно, бываетъ по временамъ новѣе,— это бѣдствія. И неужели бы ты хотѣлъ, чтобъ твой сынъ ежедневно исчерпывалъ эти бѣдствія? Неужели хотѣлъ чтобы онъ остался здѣсь болѣть, плакать, бояться, трепетать, однѣ несчастія терпѣть, а другихъ страшиться? Ты не имѣешь права сказать, чтобы плывущій по широкому морю житейскому могъ быть свободнымъ отъ горести и отъ заботъ. Къ сему прибавь и то, что онъ у тебя родился не безсмертнымъ; что если бы не скончался теперь, такъ умеръ бы спустя не много послѣ. Ты не успѣлъ на радоваться здѣсь на него? Нарадуешься, насладишься имъ тамъ. Но тебѣ здѣсь, а не тамъ хочется видѣть его? Что мѣшаетъ? Можно и здѣсь, если здраво разсудишь; ибо упованіе будущаго свѣтлѣе самаго созерцанія. Если бы сынъ твой былъ при Царскомъ дворѣ, ты не домогался бы видѣть его отставшимъ отъ двора, слыша, что онъ находится тамъ въ великой чести: теперь ты видишь, что онъ достигъ гораздо лучшей участи; за чѣмъ же малодушествуешь, что онъ разстался съ тобою на короткое время? Вмѣсто сына остался у тебя супругъ. Или ты не имѣешь мужа? Такъ имѣешь Утѣшителя, Отца сиротъ, и Судію вдовицъ. Послушай, какъ Павелъ ублажаетъ вдовство, и говоритъ: *истинная вдовица,— и одинокая, надѣется на Бога* (1 Тим. 5, 5.). Она тѣмъ опытнѣе и достопочтеннѣе явится, чѣмъ больше покажетъ терпѣнія. И такъ неплачь о томъ, что можетъ увѣнчать тебя; ибо ты дала за себя залогъ, когда представила то, что было тебѣ ввѣрено. Небезпокойся, положивши свое сокровище въ нетлѣнную сокровищницу. Еще повторяю, если ты хорошо поймешь, что такое настоящая жизнь, и что будущая, что все здѣсь паутина и тѣнь, а тамъ все неизмѣняемо и безсмертно; то не будешь уже имѣть нужды въ моемъ словѣ. Теперь дитя твое изъято отъ всякихъ перемѣнъ; а оставайсь здѣсь, оно было бы либо доброе, либо и недоброе. Не видишь ли, сколько есть родителей, которые отказываются отъ собственныхъ дѣтей; и сколько есть такихъ, которые по неволѣ принуждены бываютъ держать ихъ дома, не смотря на то, что сіи дѣти хуже отверженныхъ.

Соображая въ умѣ своемъ все, мною сказанное, да научимся любомудрію; ибо такимъ образомъ и умершему будемъ пріятны, и отъ людей заслужимъ хвалу, и отъ Бога получимъ великую награду за наше терпѣніе, и вѣчныхъ благъ достигнемъ. О если бы всѣмъ намъ получить ихъ по Благодати и человѣколюбію Господа нашего І. Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

(Изъ 31 Бесѣды на Матѳ. по Монтф. Том. 7, стр. 361 - 364.).

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАХОМІЙ ВЕЛИКІЙ (*)

Истинно велики тѣ, которыхъ *великими* называетъ св. Церковь. Они велики по своимъ подвигамъ въ служеніи Богу и ближнимъ, велики по чрезвычайнымъ дарованіямъ духовнымъ, велики и по той пользѣ, какую принесли они Церкви и человѣчеству. Между ними считается и воспоминаемый нынѣ Святый Пахомій, учредитель правильнаго общежитія иноческаго.

Сынъ родителей языческихъ въ Ѳиваидѣ, Пахомій еще въ младенчествѣ являлъ въ себѣ предзнаменованія великаго служенія своего Господу. Когда давали младенцу идоложертвенныя яства, онъ не могъ питаться ими, а извергалъ ихъ вонъ; а когда родители приводили его въ капище идольское, то самый оракулъ умолкалъ въ присутствіи того, кого Промыслъ уготовлялъ быть органомъ славы Христовой и побѣдителемъ козней діавольскихъ. Двадцати лѣтъ Пахомій поступилъ въ войско Константина Великаго, ополчавшагося тогда противъ тирана Максентія. Но на пути къ мѣсту служенія земнаго, молодому воину указано было высшее служеніе небесное. Въ городѣ Оксиринкосѣ, наполненномъ Христіанами, онъ узналъ добродѣтели исповѣдающихъ Христову вѣру, которые принимали воиновъ съ любовію, покоили ихъ и питали, и, возъимѣвъ самое высокое мнѣніе о Христіанствѣ, тогда же далъ обѣтъ Богу, что если угодно будетъ Ему сохранить его на войнѣ и просвѣтить свѣтомъ своей истины, то онъ всю жизнь и всѣ силы свои посвятитъ на служеніе Іис. Христу. По возвращеніи съ войны, онъ дѣйствительно вступилъ въ это служеніе: крестился и вскорѣ потомъ удалился въ пустыню, гдѣ принялъ иночество у одного благочестиваго и строгаго отшельника, Паламона. Здѣсь, по примѣру наставника, Пахомій умерщвлялъ плоть свою трудами и строжайшимъ воздержаніемъ, а духъ питалъ молитвами и благочестивыми размышленіями. Потомъ, особеннымъ откровеніемъ, позванъ былъ на высшее служеніе Богу. На Нильскомъ острову Тавеннѣ ему сказано было устроить монастырь; Ангелъ явился ему, облеченный въ одежду инока, показывая тѣмъ образъ, въ который долженъ Пахомій облекать вступающихъ въ монастырь, и далъ ему нѣсколько правилъ иноческаго общежитія. Сколько потомъ долженъ былъ страдать будущій вождь избранныхъ воиновъ Христовыхъ, — отъ нападенія и искушеній невидимыхъ враговъ спасенія! но укрѣпляемый вышнею помощію онъ препобѣдилъ всѣ козни вражіи, и тогда уже началъ принимать приходящихъ къ нему и облекать ихъ въ иноческій образъ. Сдѣлавшись начальникомъ и вождемъ подвижниковъ, онъ былъ вмѣстѣ и примѣромъ имъ въ трудахъ, въ постничествѣ и въ послушаніи. Самъ готовилъ трапезу, самъ копалъ и насаждалъ въ вертоградахъ, служилъ больнымъ, исполнялъ даже должность привратника, и другія самыя низкія должности, въ монастырѣ своемъ. Научая такимъ образомъ иноковъ послушанію и смиренію, Святый Игуменъ не хотѣлъ даже и того, чтобъ кто нибудь изъ нихъ, не имѣвшій еще пресвитерскаго сана, дѣлался пресвитеромъ, боясь, чтобы

(*) Память его 15-го Маія.

и этотъ духовный санъ не питалъ въ нихъ честолюбія, не подавалъ повода превозноситься предъ другими. Въ монастырѣ его исправляли Богослуженіе пресвитеры, приглашаемые для того изъ ближайшихъ селеній. Съ умноженіемъ числа братій, съ размноженіемъ самыхъ монастырей, которыя получили основаніе и уставъ отъ св. Пахомія и состояли въ его вѣдѣніи, возрастали и труды и подвиги великаго отца и наставника спасаемыхъ. Сколько нужно было мудрости, терпѣнія и трудовъ тому, кто управлялъ тысячами иноковъ съ различными характерами, то еще начинающихъ, то требующихъ высшихъ подвиговъ, младенцевъ неопытныхъ, юношей слишкомъ поспѣшныхъ и горячихъ, и мужей, уже утвержденныхъ въ духовной жизни! Св. Пахомій, подобно Ап. Павлу, умѣлъ быть всѣмъ для всѣхъ. Для опытныхъ былъ образцемъ совершенства высшаго, для неопытныхъ снисходительнымъ отцемъ и наставникомъ; однихъ обуздывалъ строгостію, другихъ привлекалъ къ духовнымъ подвигамъ отеческою ласкою и утѣшеніемъ. Особенно снисходителенъ и милостивъ былъ св. Старецъ къ начинающимъ. Это, говорилъ онъ, новонасажденные древа, которыя требуютъ частаго отребленія и бдительнаго охраненія, пока не укоренятся совершенно.— Такимъ образомъ истинная духовная любовь къ братіи, смиреніе и самоотверженіе, и пламенная ревность о славѣ имени Христова всегда одушевляли Преподобнаго и содѣлали его совершенно достойнымъ имени *Великаго* Отца.

Великимъ добродѣтелямъ Святаго соотвѣтствовали и великія духовныя дарованія. Одержавъ многочисленныя побѣды надъ своими страстями и надъ духами злобы, Преподобный Пахомій могъ безвредно наступать и на вещественныхъ зміевъ и скорпіоновъ; самые крокодилы повиновались ему и переносили его чрезъ рѣку. Имѣя великую духовную опытность, онъ могъ непогрѣшительно различать явленія духовнаго міра, льстивыя и нечистыя, отъ истинныхъ и чистыхъ. Такъ нѣкогда явился ему діаволъ въ образѣ свѣтломъ и называлъ себя Христомъ. Святый разсуждалъ съ собою такъ: это не можетъ быть явленіемъ Спасителя, потому что Его явленіе исполняетъ сердце радостію, заставляетъ умъ забывать всѣ земные помыслы и обращаетъ его весь къ созерцанію небеснаго явленія, а явленіе настоящее производитъ во мнѣ нѣкоторую боязнь и смущеніе: и тотчасъ, назвавъ ложнаго христа діаволомъ, отогналъ прочь искусителя. Испросивши себѣ у Бога даръ непрестаннаго бодрствованія, Преподобный видѣлъ даже явно козни невидимыхъ враговъ. Какъ вождь спасенія для многихъ тысячъ, онъ имѣлъ и чрезвычайный даръ сердцевѣдѣнія. Даръ исцѣлять болѣзни также не былъ ему чуждымъ. Такъ, положивъ себѣ за правило никогда не бесѣдовать съ женщинами, онъ исцѣлилъ одну кровоточивую, которая, не смѣя явиться предъ лице Святаго, прикоснулась къ его одеждѣ, когда шелъ онъ въ церковь. Въ другой разъ просили его исцѣлить одну бѣсноватую дѣвицу. Святый велѣлъ принести къ себѣ ея одежду, и когда это было исполнено; то прозорливый старецъ сказалъ отцу дѣвицы, что эта одежда не принадлежитъ его дочери, потому что оде-

жда по виду дѣвическая, а дочь его не дѣвица, она живетъ блудно, и за то страждетъ бѣснованіемъ. Когда дочь созналась въ грѣхѣ своемъ и оставила его; тогда Преподобный послалъ ей благословенный имъ елей, и помазаніемъ сего елея исцѣлилъ бѣсноватую. Весьма замѣчательно еще, что св. Пахомій имѣлъ и даръ языковъ, который въ его время (въ 4-мъ вѣкѣ) давно уже оскудѣлъ и былъ чрезвычайно рѣдкимъ. Однажды онъ имѣлъ надобность бесѣдовать съ однимъ инокомъ, который не зналъ Египетскаго языка, а говорилъ только на Греческомъ и Латинскомъ. Великій отецъ обратился съ молитвою къ Богу, получилъ даръ языковъ, и сталъ бесѣдовать съ инокомъ на знакомыхъ ему языкахъ такъ совершенно, что бесѣда его, какъ увѣрялъ инокъ, была лучше краснословія самыхъ схоластиковъ. Должно наконецъ упомянуть и о дарѣ пророческомъ, который иногда открывался въ Преподобномъ для блага братій. Каково будетъ состояніе ихъ, помышлялъ Святый, послѣ смерти моей? и Господь показалъ ему, въ видѣніи, иноковъ въ глубокомъ и темномъ рву, изъ котораго нѣкоторые, только съ великими усиліями, освобождались. Это весьма опечалило отца иноковъ, и онъ сталъ прилежно молиться о сохраненіи вѣры и добродѣтели монаховъ. Тогда Господь, утѣшая вѣрнаго раба своего, открылъ ему, что и по смерти Преподобнаго многіе иноки будутъ исходить изъ темнаго рва на свѣтъ, и нѣкоторые будутъ даже выше настоящихъ подвижниковъ, потому что преуспѣютъ, не имѣя такого руководителя, каковъ былъ св. Пахомій.

Послѣ сего можно судить, какое великое благо для Церкви произошло отъ подвиговъ великаго отца отцевъ. Учрежденіе правильнаго общежитія въ монастыряхъ было благодѣтельно какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего Христіанства. Преподобный Пахомій далъ обителямъ постоянныя правила, поставилъ въ нихъ болѣе опытныхъ наставниками и руководителями прочихъ иноковъ, опредѣлилъ различныя послушанія: оттого духовная пустынная жизнь сдѣлалась болѣе цвѣтущею и плодоносною, точно также, какъ благоустроенный садъ, въ которомъ все на своемъ мѣстѣ поставлено и надлежащимъ образомъ охраняется и питается искусною рукою садовника, бываетъ плодоноснѣе, нежели садъ не устроенный. Отъ обители Тавенской произошли многія другія, еще при жизни Преподобнаго, такъ что, при концѣ его жизни, въ первой считалось 1400, а во всѣхъ обителяхъ, признававшихъ его отцемъ своимъ, до 7000 монаховъ. Но и другіе учредители монастырей старались подражать монастырямъ св. Пахомія, а нѣкоторые испрашивали у него и настоятелей для своихъ обителей. Такъ Епископъ города Панополя, Уаръ, желая устроить въ своемъ градѣ обитель, просилъ совѣтовъ и наставленія у святаго основателя монастыря Тавенскаго и испросилъ у него игумена для новой обители въ Панополѣ. Сколько свѣта жизни изъ глубины монастырей Святаго пролилось въ самые города и селенія! Въ тѣ времена, когда среди Христіанъ жило еще много язычниковъ, особенно въ Египтѣ, исполненномъ самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій, правильная жизнь иноческая должна была производить повсюду благотворнѣйшія

дѣйствія. Обители св. Пахомія были не только самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ пороковъ и соблазновъ языческихъ, но и наилучшею врачебницею для заражавшихся этою язвою. Святость жизни и благотворныя чудеса Преподобнаго привлекали къ нему многія души, страждущія духовными болѣзнями, кои, получивъ отъ него врачевство, дѣлались для другихъ примѣромъ покаянія и добродѣтельной жизни. Ничто также столько не побуждало самыхъ язычниковъ обращаться къ христіанской Вѣрѣ, какъ примѣрная, добродѣтельная жизнь христіанъ, которой они преимущественно удивлялись въ иноках св. Пахомія. Такъ вертограды Божіи, насажденныя имъ, оплодотворяли и безплодные лѣса язычниковъ!

И такъ, если по слову Господа, велій въ Царствіи его тотъ, кто сотворитъ и научитъ (Матѳ. 5, 19.); то Пр. Пахомій, и словомъ и примѣромъ своимъ научившій и воспитавшій столько тысячъ, истинно достоинъ имени *Великаго*.

Мужество Христіанки.

Христіанство дѣлаетъ неимовѣрно мужественными не только мужей но и слабыхъ женъ. Вотъ одинъ, изъ безчисленнаго множества примѣровъ.— При Императорѣ Римскомъ Валентѣ, послѣдователѣ еретика Арія, было множество православныхъ Христіанъ въ городѣ Едесѣ, въ Месопотаміи. Императоръ — жестокій врагъ правовѣрныхъ — приказалъ, по обычаю, запереть и запечатать у нихъ всѣ храмы. Но вѣрные сыны Церкви по Воскреснымъ днямъ собирались внѣ города и тамъ совершали свое Богослуженіе. Императоръ, подущенный еретиками, приказалъ умертвить всѣхъ, если еще соберутся внѣ города. Городскій Префектъ Модестъ тайно предувѣдомилъ православныхъ о предстоящей имъ опасности, совѣтуя не дѣлать впредь никакихъ собраній. Въ слѣдующій воскресный день, къ крайнему удивленію Модеста, собраніе православныхъ было такъ многочисленно, какъ никогда еще небывало. Префектъ получилъ приказъ немедленно отправиться туда съ войскомъ, чтобъ предать смерти мужественныхъ исповѣдниковъ православной Вѣры. Проходя по городу онъ увидѣлъ бѣдную женщину, которая, держа на рукахъ малолѣтнаго сына, съ поспѣшностію выбѣжала изъ дома, оставивъ не запертыми двери, и торопливо пробѣгала ряды воиновъ. Модестъ приказалъ остановить ее. „Куда ты бѣжишь такъ поспѣшно?“—спросилъ префектъ. „Спѣшу поспѣть туда, отвѣчала женщина, гдѣ собрались православные.“ „Развѣ ты не знаешь, что я посланъ предать смерти всѣхъ, кого застану тамъ?“ „Знаю— сказала женщина; для того-то я и спѣшу, чтобъ не опустить случая потерпѣть мученичество.“ „На что же несешь съ собою малолѣтняго сына?“ „Чтобы и онъ былъ участникомъ того же блаженства“— отвѣчала мужественная Христіанка, и съ поспѣшностію побѣжала впередъ. Модестъ, пораженный такимъ мужествомъ, тотчасъ возвратился во дворецъ, и убѣдилъ Императора отмѣнить свой жестокій приказъ.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры, 27 Апрѣля 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 8. НЕДѢЛЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ. МАІЯ 22. 1838.

Апостолъ: Дѣян. 2, 1—11. Евангеліе: Іоан. 7, 37—52. 8, 12.

ЦѢЛЬ И ПЛОДЫ СОШЕСТВІЯ СВ. ДУХА.

I. Для Апостоловъ.

И азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ (Іоан. 14, 16.). Утѣшитель же, Духъ святый, егоже пошлетъ Отецъ во имя Мое, той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ (—14, 26.); наставитъ вы на всяку истину: не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. Онъ Мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ. (Іоан. 16, 13. 14.)

Яко Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ святымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ (Дѣян. 1, 5.); пріимете силу, нашедшу святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли. (—1, 8.)

И исполнишася вси Духа свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати (—2, 4.).

II. Для всей Церкви.

Возшедъ на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, и даде даянія человѣкомъ. Сшедый, той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая. И той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе Тѣла Христова (Еф. 4, 8. 10—12.). Комуждо же дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томже Дусѣ; другому же вѣра, тѣмже Духомъ; иному же дарованія исцѣленій, о томже Дусѣ; другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ. (1 Кор. 12, 7—11.)

III. Для каждаго вѣрующаго.

Знаменастѣся Духомъ обѣтованія святымъ, иже есть обрученіе наслѣдія нашего, во избавленіе снабдѣнія, въ похвалу славы Его (Еф. 1, 13. 14.).

Или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ святаго Духа суть, егоже имате отъ Бога, и нѣсте свои? (1 Кор. 6, 19.) Созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ (Еф. 2, 22.). О семъ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ Богъ, отъ Духа, егоже далъ есть намъ (1 Іоан. 3, 24.).

Общеніе святаго Духа со всѣми вами (2 Кор. 13, 13.); вси единѣмъ Духомъ напоихомся. (1 Кор. 12, 13.)

Не пріясте духа работы паки въ боязнь; но пріясте Духа сыноположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче! Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Начатокъ духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ, всыновленія чающе избавленія тѣлу нашему. И Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ: о чесомъ во помолимся, якоже подобаетъ не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи неизглаголанными. Испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ. (Римл. 8, 15. 16. 23. 26. 27.)

IV. Для міра.

И пришедъ Онъ (*Духъ св.*) обличитъ міръ о грѣсѣ, и о правдѣ и о судѣ. О грѣсѣ убо, яко невѣруютъ въ Мя; о правдѣ же, яко ко Отцу моему иду, и ктому не видите Мене; о судѣ же, яко князь міра сего осужденъ бысть. (Іоан. 16, 8—11.)

Егда же пріидетъ Утѣшитель, его же Азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о Мнѣ (Іоан. 15, 26.).

И пришедъ Онъ (Духъ св.) *обличитъ міръ о грѣсѣ, и о правдѣ, и о судѣ.*

Іоан. 16, 8.

Послѣ того, какъ совершена искупительная за насъ жертва и уготовлено врачевство растлѣнному роду человѣческому, надлежало еще силу искупленія ввести въ насъ и божественное врачевство приложить къ человѣчеству. Необходимы были опять чрезвычайныя божественныя средства, чтобы привлечь міръ къ истинной вѣрѣ, убѣдить его въ совершенствѣ правды Христовой и въ томъ, что единственно чрезъ крестъ Богочеловѣка возможно спасеніе. И вотъ для сего является въ мірѣ Духъ Святый, и вразумляетъ міръ невѣрующій *о грѣхѣ* невѣрія, міръ надѣющійся на свою правду о *правдѣ* Іис. Христа, ходатая нашего предъ правдою Божіею, міръ, преданный князю тьмы, объ *осужденіи* сего князя, и въ ничтожествѣ его силы предъ божественною силою Владыки царства благодатнаго (Іоан. 16, 9—11.).

Какъ совершается это вразумленіе міра?

Благовѣстники вѣры, вооруженные силами чудесъ и слова Божія, побѣждаютъ и невѣжество и мудрость міра; буіи міра посрамляютъ премудрыхъ, немощные міра — крѣпкихъ (1 Кор. 1, 27.). Такъ вразумляется міръ о грѣхѣ невѣрія и ведется къ вѣрѣ. Вразумляемые такимъ образомъ, или, *вѣруя*, обращаются къ *правдѣ* Христовой, и избѣгаютъ *осужденія* постигающаго князя тьмы; или, оставаясь въ *невѣріи*, довольствуются своею *мнимою правдою* и впадаютъ въ *осужденіе*. — Такъ Духъ св. вразумлялъ устами св. Петра народъ Іудейскій о грѣхѣ его невѣрія и о умерщвленіи Мессіи истиннаго, и *многи отъ слышавшихъ слово вѣроваша* (Дѣян. 3, 3 и д. 4, 4.). Но невѣрующіе, вразумляемые св. Стефаномъ о противленіи ихъ св. Духу, еще болѣе раздражались противъ имени Христова, и исполнили злую волю Князя тьмы. (Дѣян. 7, 51. 57. 58.)

Въ пріемлющихъ ученіе Христово, оно производитъ новыя чудеса: люди развращенные, жестокосердые, нечестивые претворяются въ благонравныхъ, кроткихъ, богобоязненныхъ Христіанъ. Такъ вразумляется міръ о правдѣ Христовой! Но вразумляемыя чада міра и здѣсь, или смиренно подклоняютъ свои выи подъ иго Христово и дѣлаются сынами Царствія небеснаго, или упорно отвергаютъ Евангеліе и погибаютъ. Слово крестное однимъ юродство, другимъ сила Божія есть; Христосъ распятый Іудеямъ соблазнъ, Еллинамъ безуміе, самимъ же званнымъ, Іудеямъ и Еллинамъ, Божія сила и Божія премудрость (1 Кор. 1, 18. 23. 24.); Евангеліе однимъ воня смертная въ смерть, другимъ воня животная въ животъ. (2 Кор. 2, 16.)

При гласѣ Евангелія замолкаютъ оракулы, сокрушаются идолы и языческіе храмы; проповѣдники его изгоняютъ именемъ Христовымъ бѣсовъ и торжествуютъ надъ всѣми кознями діавола. Такъ вразумляется міръ о судѣ надъ княземъ тьмы! Какой плодъ и сего вразумленія? одни познаютъ ничтожество своихъ идоловъ, вещественныхъ и умственныхъ, обращаются отъ области сатанины къ Богу; а съ тѣмъ вмѣстѣ пріемлютъ оставленіе *грѣховъ* и *правду* Христову, или достояніе Святыхъ вѣрою (Дѣян. 26 18.);

другіе остаются въ своей тьмѣ, которою ослѣпляетъ разумы невѣрныхъ богъ вѣка сего, во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовой (2 Кор. 4, 4.), и, помраченные смысломъ, предаются всякому грѣху, въ дѣланіе всякой нечистоты (Еф. 4, 18. 19.), въ неискусенъ умъ твориши неподобная (Римл. 1, 28.).

Вразумленіе поврежденнаго человѣчества продолжается и нынѣ, совершается и явными и тайными средствами Промысла. О грѣхѣ не вразумляютъ ли насъ внушенія совѣсти, слово Божіе и внѣшнія казни Божіи надъ нечестивыми? Лживость правды человѣческой видна въ самомъ противорѣчіи ея самой себѣ и въ худыхъ нравственныхъ плодахъ ея, а истина правды Христовой явна и нынѣ въ жизни смиренныхъ исповѣдниковъ Христіанства. Наконецъ и судъ надъ княземъ тьмы очевиденъ въ непрочности и гибели всего того, что ознаменовано печатію тьмы, и въ торжествѣ Церкви надъ всѣми ухищреніями и злобою враговъ своихъ.

Чѣмъ кончится это вразумленіе? невѣріе соберетъ свои послѣднія силы и воздвигнетъ послѣднее гоненіе на вѣру; но и вѣра покажетъ новую, высшую силу свою, и окончательно восторжествуетъ. Неправда на время только будетъ хвалиться побѣдою надъ правдою Христіанскою; слуги князя тьмы не долго будутъ блистать своимъ ложнымъ свѣтомъ, послѣдуетъ окончательное раздѣленіе овецъ отъ козлищъ, свѣта отъ тьмы. Невѣріе познаетъ свою стихію — тьму кромѣшнюю, а вѣра перейдетъ къ созерцанію вѣчнаго Свѣта. Неправда на всегда отдѣлится отъ правды, которая одна будетъ жить на новомъ небѣ и новой землѣ. Рѣшительный судъ Христовъ рѣшитъ участь каждаго на всю вѣчность!

Что есть религія?

Религія, отвѣчаютъ обыкновенно, есть извѣстный способъ нашего Богопознанія и Богопочтенія. — *Нашего*? — такимъ образомъ въ дѣлѣ религіи человѣкъ тотчасъ становится на первомъ мѣстѣ, а Богъ — на второмъ! естественно ли это? — Вмѣстѣ съ симъ, человѣкъ представляется въ семъ положеніи дѣйствующимъ — познающимъ, почитающимъ, а Богъ какъ бы страждущимъ — познаваемымъ или не познаваемымъ, почитаемымъ или не почитаемымъ. Естественно ли и это? притомъ все это весьма односторонне: гдѣ живый блаженный союзъ между Богомъ и человѣкомъ, который составляетъ существо религіи?

Итакъ посмотримъ на дѣло иначе. — Можно ли видѣть Солнце безъ солнца? и что прежде дѣйствуетъ солнце, или глазъ, видящій солнце? — такъ и духовнаго солнца — Бога нельзя видѣть безъ Бога: *во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!*

Первѣе Богъ позналъ человѣка (1 Кор. 13, 12.) и *далъ есть намъ свѣтъ* и *разумъ, да познаемъ Его* (1 Іоан. 5, 20.); *потомъ* и *потому самому* человѣкъ познаетъ Бога. Первѣе Богъ возлюбилъ человѣка (1 Іоан. 2, 10.); *потомъ* и *потому самому* человѣкъ любитъ и можетъ любить Бога. Первѣе Богъ почтилъ человѣка образомъ своимъ (Быт. 1, 26.); *потомъ* и *потому самому* человѣкъ сдѣлался способнымъ почитать Бога образомъ своимъ. Пер-

вѣс — можемъ прибавить еще теперь, — первѣе Сынъ Божій *послужилъ* намъ (Матѳ. 20, 28.); *потомъ* и *потому самому* мы можемъ *служить* Ему *въ преподобіи и истинѣ*.

Что же — послѣ сего — есть религія? — есть святой союзъ Бога съ человѣкомъ; а *потомъ* и *потому самому* блаженный союзъ человѣка съ Богомъ. Гдѣ основаніе сего союза? — въ образѣ Божіи, по коему подобное стремится къ соединенію съ подобнымъ. Чѣмъ обнаруживается религія? Богопознаніемъ, Боголюбленіемъ, Богопочтеніемъ, Богосоединеніемъ, Богоблаженствомъ. — Съ какой стороны? — со стороны одного человѣка? — Нѣтъ, и со стороны Бога, и паче со стороны Бога, нежели человѣка. —

О ВЕЧЕРНЕМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

Вечернимъ Богослуженіемъ день Пятидесятницы отличается отъ всѣхъ праздниковъ Христіанскихъ. Отмѣнный отъ другихъ составъ вечерни (въ продолженіи ея читаются особенныя молитвы съ колѣнопреклоненіемъ) и необыкновенное время совершенія ея (тотчасъ по окончаніи Литургіи) дѣлаютъ ее предметомъ особаго благочестиваго вниманія.

Не видно, чтобы въ древности, до 4-го вѣка, вечернее Богослуженіе въ день Пятидесятницы чѣмъ-либо разнилось отъ обыкновенной вечерни въ своемъ составѣ, или совершалось не въ обыкновенное время. Но и тогда оно долженствовало быть весьма значительно поразнымъ причинамъ: — вопервыхъ потому, что служило окончаніемъ великаго дня Пятидесятницы; во вторыхъ потому, что въ продолженіи его позволялось вѣрующимъ, въ первый разъ послѣ пятидесяти дней, преклонять колѣна въ молитвѣ; (*) и наконецъ потому, что съ слѣдующаго дня, (который начинается вечернею) начинались молитвы и приношенія за умершихъ, прекращавшіяся въ продолженіе четыредесятницы, какъ времени покаянія, и всей пятидесятницы, какъ времени единаго, непрерывнаго торжества. (**) По всѣмъ симъ причинамъ вечеръ Пятидесятницы издревле составлялъ въ Богослуженіи какъ бы нѣкую эпоху. Въ сіе время радость о пришествіи Духа св. естественно растворялась у вѣрующихъ сѣтованіемъ о грѣхахъ, дѣлающихъ насъ недостойными пріятія даровъ его, и съ молитвами о самихъ себѣ соединялись у нихъ молитвы о умершихъ братіяхъ и сродникахъ.

Св. Василій Великій, коему Церковь обязана столь многими Богомудрыми учрежденіями, не умедлилъ воспользоваться и сею святою особенностію вечера Пятидесятницы. Для удовле-

(*) Обычай — не полагать земныхъ поклоновъ, во время молитвы, въ дни воскресные и въ продолженіи всей Пятидесятницы (отъ Пасхи до дня сошествія Св. Духа) весьма древенъ въ Церкви Христіанской; — св. Василій Великій производитъ его отъ Апостоловъ (De Spir. Sanct. cap. 27. tom. III. pag. 54. edit. Paris. 1730.). Этотъ обычай утвержденъ потомъ 20 правиломъ Никейскаго Собора 1-го.

(**) Потому предъ вступленіемъ въ Великій постъ (въ Субботу Мясопустную) и при окончаніи пятидесятницы (въ Субботу Троицы) и установлены особенные дни поминовенія усопшихъ. Трудно объяснить, когда и какъ вошелъ обычай почти всеобщій у насъ въ Россіи — (въ Греціи его нѣтъ и донынѣ) поминать усопшихъ въ Понедѣльникъ

творенія благочестивой ревности Христіанъ совершенныхъ, и для руководства нестоль опытныхъ, онъ изложилъ общія всѣмъ чувствія въ особыхъ, приличныхъ времени, молитвахъ, и установилъ читать ихъ съ колѣнопреклоненіемъ въ продолженіе вечерни. Такимъ образомъ Вечерня сія получила тотъ видъ и составъ, который сохраняется до нынѣ. Въ послѣдствіи времени Св. Отцы Церкви, замѣтивъ въ Христіанахъ ослабленіе древняго усердія (многіе по окончаніи Литургіи, предаваясь покою, неявлялись вовсе къ вечернему Богослуженію, другіе— хотя и приходили въ храмъ, но— обремененные пищею и питіемъ— не способны были къ молитвѣ) и снисходя немощамъ ихъ, положили соединить Вечерню съ Литургіею: но, чтобъ не нарушить притомъ и торжественности великаго дня Пятидесятницы, установили совершать вечернее послѣдованіе уже по окончаніи Литургіи, которою обыкновенно заключается торжество всякаго дня въ кругу дневнаго Богослуженія.

Содержаніе молитвъ, написанныхъ св. Василіемъ, сообразно обстоятельствамъ, подавшимъ поводъ къ составленію ихъ.— Начиная, въ первый разъ послѣ пятидесяти дней отъ Пасхи, колѣнопреклоненія,— чувственное выраженіе покаянія и сокрушенія сердечнаго— вѣрующіе исповѣдуютъ предъ Отцемъ небеснымъ грѣхи свои, видятъ себя безпомощными и безотвѣтными предъ судомъ правды Божіей; но, уповая на множество щедротъ Бога— Отца и силу искупительной жертвы, принесенной за насъ единороднымъ Его Сыномъ, дерзаютъ умолять Милосердіе Божіе о прощеніи и помилованіи;— не надѣясь на свои собственныя силы, немощныя къ исполненію закона Божія, умоляютъ Господа, чтобы Онъ самъ своею благодатію защищалъ ихъ отъ насильства Діавола, приставилъ къ нимъ Ангеловъ хранителей, и всѣхъ собралъ бы въ свое царство— подъ свой благодатный кровъ (Молит. 1.).— Воспоминая о пришествіи Духа св., вѣрующіе паки преклоняютъ колѣна и обращаются съ молитвою къ Господу І. Христу, который единъ получилъ отъ Бога— Отца власть ниспосылать Духа святаго, чтобы Онъ самъ и нынѣ даровалъ имъ Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, чтобы обновилъ въ нихъ духъ правый и Духомъ своимъ Владычнимъ утвердилъ ихъ, чтобы— наставляемые Духомъ Его святымъ— сподобились творить Его заповѣди, не прельщаться тлѣнными міра сего красными, но желать воспріятія будущихъ сокровищъ (Молит. 2.).— Наконецъ, воспоминая усопшихъ въ вѣрѣ отцевъ и братій своихъ, вѣрующіе еще разъ преклоняютъ колѣна свои, умоляя Господа, имѣющаго власть жизни и смерти, чтобы Онъ,— милосердый— простивъ согрѣшенія ихъ, ниспослалъ имъ утѣшеніе, упокоилъ души ихъ на мѣстѣ свѣтломъ, мѣстѣ прохлажденія, гдѣ нѣтъ болѣзней, печали, воздыханія,— въ раи сладости, въ сообществѣ св. Ангеловъ,— чтобы воскресилъ, по обѣтованію своему, въ предуставленный къ тому день, и самыя

или Вторникъ Ѳоминой недѣли. Причиною сего обычая могло быть то, что въ Ѳомину недѣлю воспоминается, между прочимъ, сошествіе І. Христа во Адъ, или же то, что въ нынѣшнемъ уставѣ нашемъ позволяется начинать Сорокоусты по умершимъ въ продолженіи Вел. Поста— съ Ѳомина Понедѣльника. Смот. Усш, листъ. 387. на оборотѣ.

тѣла ихъ къ полному наслажденію блаженствомъ. (Молитв. 3.) (*).

Такимъ образомъ въ вечернихъ молитвахъ Пятдесятницы обняты всѣ духовныя потребности земныхъ странниковъ, шествующихъ къ Іерусалиму небесному; незабыты нужды и преселившихся отъ насъ, усопшихъ въ вѣрѣ, отцевъ и братій нашихъ; призваны въ помощь и ходатайство о насъ и прославленные члены торжествующей на небѣ Церкви; всѣ сердца Христіанскія, раздѣленныя мѣстомъ и временемъ, сливаются здѣсь въ одно благоговѣйное чувство, міръ видимый и невидимый, небо и земля вкупѣ предстаютъ лицу Божію съ слезнымъ моленіемъ о ниспосланіи милости и щедротъ на малую—почти непримѣтную въ общей совокупности мірозданія, но дорогую въ очахъ любви Божіей—землю, на грѣшныхъ, но омытыхъ уже Божественною кровію Искупителя, человѣковъ.—

Послѣ сего неучаствовать всѣмъ сердцемъ въ этомъ общемъ, по истинѣ всемірномъ моленіи, кому-либо изъ сыновъ Церкви православной было бы— не говоримъ преступленіемъ, а наказаніемъ.

И СѢДЕТЪ РАЗВАРЯЯ И ОЧИЩАЯ, ЯКО СРЕБРО. Малах. 3, 3.

Слово Божіе, раскрывая истины, самыя возвышенныя, для изображенія ихъ заимствуетъ нерѣдко черты отъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ, житейскихъ: отчего высота ихъ дѣлается удобоприступною для всѣхъ, и предметы невидимые объясняются посредствомъ видимыхъ.

Въ Дублинѣ, главномъ городѣ Ирландіи, нѣсколько благородныхъ женщинъ имѣли обыкновеніе собираться у себя, по временамъ, читать св. Писаніе, и, на основаніи мѣстъ прочитанныхъ, размышлять о разныхъ священныхъ предметахъ. Однажды такимъ образомъ обратили ихъ вниманіе 2 и 3-й стихи 3-й главы Пророка Малахіи, и были поводомъ къ разнымъ замѣчаніямъ и вопросамъ, относительно литья и очищенія драгоцѣнныхъ металловъ. Но какъ объ этомъ никто изъ нихъ ничего не зналъ; то положено, чтобы одна спросила знакомаго ей золотыхъ дѣлъ мастера. Идетъ къ нему; входитъ и, необъявляя причины своего посѣщенія, заводитъ съ нимъ разговоръ о томъ, какъ при литьѣ отдѣляется серебро отъ постороннихъ веществъ. Мастеръ объясняетъ ей это. „Но послушай, другъ мой, говоритъ она, бываешь ли ты самъ при семъ дѣлѣ?“ „Какъ же!“ отвѣчалъ онъ. „Во все время плавки, я нахожусь не отлучно при ней; постоянно смотрю въ горнило и терплю сильный огонь, пока тамъ серебро.“ Слова мастера объяснили ей прекрасное и трогательное мѣсто Писанія: *и сядетъ, разваряя и очищая яко сребро*, и сдѣлали понятнымъ приложеніе его къ дѣлу. Именно: спасеніе человѣка совершается подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ самаго Бога, подъ невидимымъ, таинственнымъ наитіемъ Духа Божія. Самъ Богъ присѣдитъ, такъ сказать, при духовномъ очищеніи и обновленіи человѣка, разваряетъ весь его составъ

(*) Къ каждой молитвѣ присовокупляется еще, сообразно времени, по одной изъ обыкновенныхъ вечернихъ молитвъ, написанныхъ также Василіемъ Великимъ.

и очищаетъ отъ всего, что чуждо разумной природѣ его, и что привзошло въ нее въ слѣдствіе несчастнаго отпаденія человѣка отъ Бога. И какихъ при этомъ не употребляетъ средствъ безконечная премудрость Божественная! Человѣческая природа упорна и жестока. Слово Божіе приписываетъ злому человѣку *чело мѣдянное* и *выю желѣзную*. Посему нуженъ тяжкій млатъ, чтобы сокрушить эту твердыню, нуженъ сильный и продолжительный огнь, чтобы разварить и смягчить ее.

Послѣ сего спрашивавшая уходитъ; но не успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ мастеръ проситъ ее воротиться и извиняется, что упомнилъ сказать объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, т. е., что объ окончаніи очищенія металловъ онъ узнаетъ по отраженію въ нихъ собственнаго своего лица. Это открыло ей новое глубокое значеніе мѣста Писанія; изъ подъ прикрытаго буквальнаго покрова проявился для ней новый духовный смыслъ. Дѣло спасенія, производимое Богомъ, тогда оканчивается, когда образъ Божій, нѣкогда сіявшій въ духѣ человѣческомъ и потомъ потемнѣнный грѣхомъ, вновь отпечатлѣвается; когда силы и способности человѣческія отражаютъ въ себѣ божественныя черты образа своего Искупителя. Но пока еще человѣкъ носитъ въ своей душѣ черты чуждаго образа, или является безъ всякаго образа: то далекъ онъ еще отъ полнаго обновленія и возрожденія, и еще много, очень много нужно трудовъ, самыхъ усильныхъ, и слезъ, самыхъ горючихъ, для духовнаго *разваренія и очищенія*. Къ словамъ мастера прибавимъ еще одно замѣчаніе. Всякой металлъ, находясь въ горнилѣ, дотолѣ движется, пока не отдѣлятся отъ него всѣ постороннія вещества; а тогда онъ устанавливается и успокоивается. Такъ и для насъ покой только во Христѣ и со Христомъ. Духъ человѣческій, побуждаемый внутреннею, ничѣмъ неудовлетворяемою жаждою, дотолѣ движется по всѣмъ направленіямъ пространства и времени, колеблется между небомъ и землею, пока не отдѣлится отъ всего нечистаго и не погрузится въ лоно любви Искупителя. Здѣсь его покой и блаженство!

Такъ, когда совершается и очищеніе цѣлаго народа, то внутреннія и внѣшнія силы дотолѣ приходятъ въ движеніе, Провидѣніе дотолѣ преводитъ его, съ мѣста на мѣсто, по пустынѣ искушеній, пока избранный имъ народъ не достигнетъ Ханаана, не успокоится въ Богѣ и святой Его религіи. *И сядетъ, разваряя и очищая, яко сребро.*

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 3, Маія 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 9. НЕДѢЛЯ 1 ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ. МАІЯ 29. 1838.

Апостолъ: Евр. 11, 33—40. 12, 1—2. Евангеліе: Матѳ. 10, 32—33, 37—38. 19, 27—30.

НЕДѢЛЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Пріидите вси вѣрніи, Святыхъ всѣхъ всеславную память во псалмѣхъ, пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, восхвалимъ,— и честно ублажающе, согласно возопіимъ: преблагій Христе Боже нашъ, тѣхъ молитвами подаждь миръ церквамъ твоимъ, побѣды на враги Христолюбивому Царю, и душамъ нашимъ велію милость.

(Служба въ нед. Вс. Св., на литіи сших. 2.)

Была недѣля всѣхъ грѣшныхъ, когда родъ человѣческій предался грѣху, и сатана торжествовалъ паденіе Адамово. И послѣ той недѣли эдемская Церковь опустѣла, земный рай былъ закрытъ, а первосвященникъ природы принужденъ былъ, не на священной землѣ, приносить жертву плача и раскаянія. Но милосердый Богъ не оставилъ падшаго созданія своего. „Яко день сей, пріиду къ тебѣ,“— сказалъ Онъ поверженному въ прахъ, кающемуся жрецу земли. „Жезломъ посѣщу неправды твои, но милости моей не отниму отъ тебя; не разорю завѣта моего,— не разорву связи моей съ тобою.“ Одно крайнее звено этой богоспасающей связи онъ подалъ человѣку еще въ раю земномъ; другое утвердилъ на престолѣ своемъ, чтобы влечь туда изгнанника. И вотъ, съ не-

дѣли паденія началась недѣля воспанія; съ того времени избранные Божіи устремились отъ земли на небо; одни спасались вѣрою въ грядущаго Мессію, другіе спасались и будутъ спасаться, до конца вѣка, вѣрою въ пришедшаго. Безчисленный сонмъ ихъ, вмѣсто эдемской Церкви, образовалъ собою Церковь небесную; и теперь, вмѣсто недѣли всѣхъ грѣшныхъ, мы имѣемъ *недѣлю всѣхъ святыхъ*. Православная Церковь наша, установивши эту благодатную недѣлю, показываетъ намъ торжество спасенія и святыни надъ паденіемъ и грѣхомъ; въ службѣ своей она выводитъ предъ очи сердца нашего цѣлые лики спасенныхъ, и все небо старается подвигнуть на молитву о насъ. „Праотецъ, Отецъ, Патріархъ, Апостолъ, Мученикъ, Пророкъ, Святителей и Преподобныхъ твоихъ, Постниковъ и Праведныхъ же, и всякаго имене, писаннаго въ книгѣ жизни, святую память совершающе, Христе Боже, всѣхъ подвизаемъ на молитву, молящеся (*),“ — такъ говоритъ Церковь въ пѣсни своей, и всѣхъ насъ призываетъ совершать память Святыхъ Божіихъ.

Мы еще не въ Церкви небесной; пойдемъ же въ земную Церковь: здѣсь услышимъ, что и мы всѣ можемъ, рано или поздо, перейти отъ земли на небо, — кто слѣдомъ Пророка и Апостола, кто слѣдомъ Мученика, кто путемъ Священника Божія, кто стезею Постника и Праведнаго. Въ день имянинъ своихъ добрый Христіанинъ идетъ, утреннею зарею, въ храмъ Божій, и тамъ проситъ помощи и защиты у Ангела Хранителя жизни своей. Въ недѣлю всѣхъ Святыхъ надобно всѣмъ Христіанамъ поспѣшать въ домъ Господень; потому что сія недѣля есть день всеобщаго тезоименитства для насъ, всемірное торжество для Ангеловъ нашихъ, для Святыхъ людей, имена которыхъ мы носимъ. Пойдемъ же въ Церковь; тамъ духовно встрѣтятъ и будутъ привѣтствовать насъ небесные братія наши, не обычаемъ мірскимъ, а благодатнымъ осѣненіемъ душъ нашихъ. Мы нечисты предъ Церковію небесною; пойдемъ въ земную Церковь, чтобы найти очищеніе и милость у Искупителя нашего. Господь въ безконечной любви своей нашелъ средство сдѣлать человѣка грѣшнаго безгрѣшнымъ. „Ты врага суща мя зѣло возлюбилъ еси,“ услышимъ мы въ церковной пѣсни на недѣлю всѣхъ Святыхъ; „Ты истощаніемъ страннымъ сошелъ еси на землю, благоутробне Спасе, послѣдняго моего досажденія не отвергся и, пребывъ на высотѣ пречистыя твоея славы, прежде безчествованнаго мя прославилъ еси“ (**). Нынѣ Церковь небесная тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, соединяется съ Церковію земною, чтобы *онебесить* ее, какъ выражаются пѣсни нынѣшней службы. Итакъ если мы грѣшны, неосвященны сердцемъ, пойдемъ въ Церковь нашу, чтобы найти тамъ освященіе. Развѣ ликъ Апостоловъ и Пророковъ, носившихъ въ себѣ Духа Божія, не испрашиваетъ намъ Духа освященія? Развѣ кровь Мучениковъ, ублажаемыхъ нынѣ, не ходатайствуетъ за насъ? Развѣ вся Церковь небесная не взываетъ вмѣстѣ съ земною: Господи, помилуй грѣшныхъ братій нашихъ? „Пріидите убо вси вѣрніи, Святыхъ всѣхъ всеславную память восхвалимъ, и согласно возопіимъ: преблагій Христе, Боже нашъ, подаждь

(*) Сѣдаленъ по 3-й пѣсни.

(**) Пѣсн. 4, 1.

миръ Церквамъ, побѣды на враги Христолюбивому Царю, и душамъ нашимъ велію милость!

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ:

Свѣте тихій, святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе! пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и святаго Духа, Бога;— достоинъ еси во вся времена пѣть быти гласы преподобными, Сыне Божій, животъ даяй; тѣмже міръ тя славитъ.

На какой нибудь изъ горъ Іерусалимскихъ,— можетъ быть, на той самой, откуда Спаситель міра передъ своими страданіями взиралъ на Іерусалимъ, при тихомъ свѣтѣ заходящаго солнца, и печально бесѣдовалъ съ учениками о близкомъ паденіи града Божія,— уединенно сидѣлъ мудрый старецъ— Патріархъ Софроній,— почему не думать, что это было такъ?— и устремлялъ задумчивые взоры на заходящее солнце Палестинское. Глубокая тишина, потухающій свѣтъ вечерній, прохладный и живительный воздухъ и другія трогательныя картины вечерней природы, которыми мудрый Софроній любилъ наслаждаться, погрузили служителя Божія въ глубокое размышленіе. Передъ нимъ лежалъ Іерусалимъ, съ которымъ соединено такъ много великихъ воспоминаній; послѣдніе лучи солнца падали по прежнему на этотъ славный городъ, но уже не освѣщали въ немъ ни храма Соломонова, ни дворца Иродова, ни крѣпкихъ стѣнъ и высокихъ башенъ Сіона. Тамъ все было мрачно и уныло, какъ уныло бываетъ въ домѣ, послѣ хозяина, который давно умеръ и никому не завѣщалъ поддерживать его. Мудрый Софроній не сокрушался о развалинахъ стѣнъ и храма Іерусалимскаго. Онъ зналъ, что изъ обломковъ ветхаго возникъ новый Іерусалимъ, который свѣтится во всемъ мірѣ и надъ которымъ сіяетъ слава Господня; ибо еще не бывши Патріархомъ, онъ съ путническимъ посохомъ обошелъ Грецію, Палестину, Сирію, Египетъ; вездѣ видѣлъ города Христіанскіе, вездѣ встрѣчалъ храмы, посвященные имени Спасителя.

И, вотъ, вечерній свѣтъ, тихо падавшій на останки древняго Іерусалима, обращаетъ мысль престарѣлаго мудреца и Святителя къ предметамъ болѣе важнымъ, чѣмъ развалины города. Какъ нѣкогда Илія *въ гласѣ хлада тонка* (3 Цар. 19, 12.) позналъ присутствіе Іеговы: такъ мудрый Софроній,— Философъ и Историкъ, витія и пѣснотворецъ, Патріархъ и святый мужъ вмѣстѣ,— въ тонкомъ свѣтѣ вечерней зари мысленно ощущаетъ прикосновеніе инаго высшаго свѣта. Солнце вещественное, склонившееся на западъ, склонило умъ Іерарха къ представленію себѣ Солнца невещественнаго,— и образъ Святыя, живоначальныя Троицы носился передъ мысленными очами его. Западъ солнца привелъ ему на память темный западъ падшаго естества человѣческаго; тихій свѣтъ заходящаго солнца, кротко обливающій усталую природу вечернюю, живо изобразилъ ему схожденіе Сына Божія къ темному человѣчеству, дабы просвѣтить и возстановить его, а съ нимъ и всю природу. Въ прохладномъ дыханіи вечерняго воздуха онъ ощутилъ образъ той благодати, которою Духъ святый, вслѣдствіе искупленія, одухотворяетъ чело-

вѣка и вселенную. Душа мудраго старца исполняется благодарнаго умиленія, и дрожащій голосъ его, голосъ преподобный, воспѣваетъ Творцу вселенной вечерній гимнъ: *Свѣте тихій святыя славы.* „О мой Спасителю Христе, Ты открывшій намъ славу Отца небеснаго! О свѣтъ тихій святыя славы, на который душевному оку нашему столь же отрадно взирать, какъ и тѣлеснымъ очамъ на тихій вечерній свѣтъ! Спасти хотя міръ, Ты приходилъ нѣкогда къ темному западу — естеству нашему; посему и мы, каждый разъ, когда достигаемъ запада солнечнаго, каждый день, когда видимъ свѣтъ вечера, поемъ Отца твоего, поемъ Тебя Сына, поемъ св. Духа, воспѣваемъ Бога Тріединаго. О Сынъ Божій, дающій жизнь намъ и всему сущему, мы должны пѣть Тебя святыми голосами, должны повергаться предъ Тобою не только при закатѣ солнца, не только при видѣ свѣта вечерняго, но и во всякое время дня и года. Ты жизнь всей вселенной; а потому и славитъ Тебя вся вселенная.“

Въ теченіе многихъ вѣковъ оглашаетъ Христіанскіе храмы эта священная пѣснь: но ни въ вѣкахъ, ни въ храмахъ не потеряла она своей свѣжести и умилительности. Кажется напротивъ, что она съ каждымъ западомъ солнца обновляется; что въ каждый вечеръ, до котораго даруетъ намъ Богъ дожить, она можетъ обновлять душу нашу святыми помыслами и чувствами. Сами ли поемъ, или слушаемъ эту пѣснь, всегда чувствуемъ какую-то благодатную сладость въ сердцѣ, нѣкія высокія предчувствія исполняютъ тогда души наши. Куда удаляется отъ насъ вечернее солнце? оно не погасаетъ; сокрывшись отъ насъ, одинаковымъ свѣтомъ озаряетъ оно другую страну земли. Такъ, безъ сомнѣнія, и наше духовное Солнце, сокрытое отъ очей нашихъ, всегда одинаково свѣтло и видимо во всей славѣ въ другомъ мірѣ, между тѣмъ какъ здѣсь око вѣры видитъ только отблескъ Его невечерняго Свѣта.

СЛОВО

На память Священномученика Макарія, Митрополита Кіевскаго (*).

Св. Давидъ, желая изобразить блаженство Праведныхъ по смерти, говоритъ, что они „*восхвалятся во славѣ и возрадуются на ложахъ своихъ.*“ — (Псал. 149, 5.) Какимъ образомъ праведные прославляются въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго, сего не дано видѣть бренному оку человѣческому. А какъ они въ радости и мирѣ почиваютъ на ложахъ своихъ, это, въ самомъ ощутительномъ видѣ, открыто для взора многихъ и многихъ. И особенно не сокрыто сіе отъ васъ, обитатели богоспасаемаго града сего! ибо не предъ вашими ли очами, отъ лѣтъ древнихъ, почиваетъ на ложахъ своихъ цѣлый сонмъ Святыхъ Божіихъ человѣковъ? О, блаженны очи ваши, кои всегда могутъ видѣть, что многіе изъ сыновъ православной Церкви сподобляются узрѣть едва единожды въ цѣлую жизнь! —

Се, и нынѣ кто собралъ насъ? единъ изъ тѣхъ, кои *восхваляются* присно, *во славѣ*, въ обителяхъ Отца Небеснаго. Куда собралъ? — къ тому ложу,

(*) Произнесенное въ Кіево-софійскомъ Соборѣ, 1-го Маія, когда св. Мощи его обносятся вокругъ храма.

на коемъ Онъ возлегъ опочить послѣ многихъ неусыпныхъ трудовъ въ вертоградѣ Христовомъ. Собралъ нынѣ; ибо нынѣ Онъ самъ, пожатый мечемъ свирѣпыхъ Монголовъ, собранъ былъ, яко зрѣлый классъ, въ житницу Отца небеснаго. Зрите, какъ мирно почиваетъ праведникъ на ложѣ своемъ! болѣе трехъ вѣковъ протекло надъ симъ ложемъ, а ложе — тоже! три разнаго рода владычества прешло надъ сею страною; а область тлѣнія ни разу не коснулась того, кто почиваетъ на семъ ложѣ! самый видъ горъ и юдолей нашихъ измѣнился, а образъ почивающаго священномученика единъ и тотъ же! — пройдутъ и еще вѣки, и, можетъ быть, тысящелѣтія, надъ симъ святымъ ложемъ; совершатся и еще, новыя и новыя, перемѣны въ судьбѣ сего града и страны, — все измѣнится вокругъ: а Праведникъ пребудетъ, яко гора Сіонъ, неподвижимъ среди устремленій потока времени, и востанетъ съ ложа своего съ большею легкостію, нежели какъ мы восстаемъ отъ сна утренняго. Такъ вѣрно исполняется надъ страдальцами за имя Христово слово Премудраго, что они *непщевани быша только во очію безумныхъ умрети, и вмѣнися вѣ озлобленіе исходъ ихъ, и еже отъ насъ шествіе сокрушеніе;* сами же они были и *суть во мірѣ; ибо предъ лицемъ человѣческимъ аще и муку пріимутъ, упованіе же ихъ безсмертія исполнено есть* (Прем. 3, 2—5.). Мечь Монголовъ, пресѣкши нить жизни Священномученика, только ускорилъ торжество его во славѣ, и, не давъ ему узрѣть здѣшняго града, на вѣки соединилъ его съ нимъ, открывъ ближайшій случай опочить здѣсь навсегда святымъ и нетлѣннымъ Мощамъ его.

Но не напочиваніе пришелъ сюда Священномученикъ! можно ли было опочивать здѣсь мирно, когда все вокругъ дышало бранію, раздоромъ и запустѣніемъ? когда отечество наше было подобно тѣлу, лишенному большей части своихъ членовъ, у коего только въ сердцѣ хранилось нѣсколько капель жизни и движенія? — когда Церковь и паства Кіевская были, яко вертоградъ не огражденный, не напоенный, *отметнувшій листвіе*, преданный на позобаніе всѣмъ звѣремъ дубравнымъ? когда самый храмъ сей, избранный въ мѣсто покоища Священномученикомъ, останавливалъ взоры одними великолѣпными развалинами, и служилъ виталищемъ не служителей алтаря, а птицъ небесныхъ? — Когда не могъ мирно почивать на ложѣ своемъ ни одинъ изъ жителей сего града, могъ ли опочивать тогда на своемъ ложѣ верховный пастырь бѣдствующей Церкви? — и не почивалъ! — свидѣтель тому чудесный огнь, видѣнный, въ тѣ бѣдственныя времена, неоднократно среди нощи между непокровенными стѣнами сего храма, и исходившій отъ гроба Священномученика. Что другое былъ сей огнь, какъ не видимое выраженіе пламенныхъ молитвъ Его къ Богу о паствѣ и Церкви своей? — какъ сильно было сіе предстательство у Господа, показали потомъ событія: ибо съ тѣхъ поръ, какъ Священномученикъ, возлегшій среди храма сего на ложѣ своемъ, началъ вставать съ него на молитву, видимо начали улегаться всѣ волны, обуревавшія корабль Церкви Кіевской. Политики дивятся нынѣ, какимъ образомъ страна здѣшняя такъ мирно могла войти паки въ составъ православнаго Отечества. Какъ ей было не

войти мирно, когда она ведома и порѣваема была къ тому неусыпными молитвами столь великихъ предстателей у Господа ?—

Теперь, когда отъ прежнихъ неустройствъ страны и Церкви Кіевской, большею частію, не осталось ничего, кромѣ печальныхъ воспоминаній; когда стѣны Храма сего, соединивъ въ себѣ древнее и новое благолѣпіе, начали свидѣтельствовать предъ каждымъ, что *нощь* сѣтованія нашего *прейде*, а *день* радости *приближися*;— теперь настало время Священномученику, не только возлечь, но и опочить на ложѣ своемъ. А мы ежегодно дерзаемъ приступать къ сему ложу, и творимъ его каждый разъ снова идти вмѣстѣ съ нами съ мѣста покоища его!.. Откуда и для чего сіе дерзновеніе?— Отъ вѣры, любви и благодарности;— для вѣры, любви и назиданія. Износя нетлѣнныя Мощи Священномученика изъ подъ крова сего Храма подъ кровъ небесный, мы хотимъ показать наше сокровище всему міру, всей обновленной весною природѣ; а обнося ихъ во кругъ храма, симъ самымъ свидѣтельствуемъ благодарственно, что Святитель былъ и есть яко стѣна и огражденіе Паствы своей. И, безъ сомнѣнія, самъ Священномученикъ, движимый отъ насъ въ св. останкахъ своихъ, не остается не подвиженъ, но вмѣстѣ съ симъ подвизается духомъ къ теплѣйшему ходатайству о насъ: ибо, хотя отцы любятъ дѣтей своихъ и молятся о нихъ, и безъ ихъ просьбъ отомъ; но любятъ такъ же, чтобы дѣти, съ своей стороны, возбуждали, чѣмъ могутъ, ихъ любовь къ себѣ.— Наконецъ мы сами, сколь ни косны на благое, но видя, какъ Угодникъ Божій оставляетъ мѣсто покоища своего и видимо шествуетъ среди насъ, невольно ощущаемъ въ сердцѣ своемъ движеніе многихъ святыхъ мыслей и чувствованій, и непримѣтно располагаемся сами идти во слѣдъ праведника путемъ его добродѣтелей къ мѣсту вѣчнаго покоя для всѣхъ.

Посему не дерзновеніе наше (оно благочестно и свято) должно занимать теперь мысль нашу, а другое, совершенно другое: возрадуется ли нынѣ о насъ Священномученикъ на ложѣ своемъ, и что узритъ онъ между нами, изшедъ изъ сего храма?— По видимому, нельзя найти времени для показанія себя предъ нимъ лучше, какъ время настоящее; ибо мы окружены священными днями: не такъ давно совершали св. четыредесятницу и покланялись страстемъ Христовымъ; потомъ праздновали воставіе Господа изъ гроба; за нѣсколько дней предъ симъ исходили на воды для принятія Благодати Божіей;— съ другой стороны готовимся торжествовать Вознесеніе Спасителя нашего на небо, ожидаемъ сошествія Духа утѣшителя: какъ среди такихъ дней и торжествъ не освятиться самимъ, не обогатиться святыми мыслями и чувствами, не удержаться отъ многихъ грѣховъ, не совершить въ такое время, хотя изъ подражанія, хотя по необходимости, нѣкоторыхъ добродѣтелей? Все это не малая порука за то, что Священномученикъ можетъ обрѣсти между нами что либо и достойное своего взора, того взора, который, просвѣтленный лицезрѣніемъ Отца небеснаго, не можетъ сносить грѣха и безчувствія душевнаго.

Но, Брат., надѣясь въ настоящемъ случаѣ, на нѣчто въ насъ благое, мо-

жемъ ли не опасаться за многое, и многое злое? Куда сокрыть намъ отъ свѣтлаго взора Священномученика такое множество бѣдныхъ, кои напрасно предстаютъ ежедневно предъ очи богачей и часто не получаютъ даже ласковаго взгляда? Куда сокрыть такое множество дѣтей, кои оставляются родителями возрастать безъ страха Божія, безъ познанія путей спасенія, оставляются ходить, куда влечетъ ихъ, наклонное ко злу, сердце человѣческое? Куда сокрыть множество распрей и ссоръ, раздѣляющихъ не только людей чуждыхъ между собою (хотя Христіане всѣ должны быть братіями), но и связанныхъ узами ближайшаго родства? Куда сокрыть корыстолюбіе и лукавство, коимъ нѣкоторые едва не превосходятъ послѣдователей Синагоги,— чувственность и нечистоту жизни, коими иные спорятъ съ поклонниками Магомета? Куда дѣвать, на сей случай, нашу холодность къ вѣрѣ и храмамъ Божіимъ, непочтеніе къ родителямъ, ропотъ противъ высшихъ, недовольство своимъ жребіемъ, душетлѣнную склонность къ разсѣянію?— Все это, Брат., узритъ Священномученикъ,— и что изречетъ на градъ нашъ? Не отвратитъ ли лица своего? Не возвратится ли съ горестію на мѣсто покоища своего?

Что же остается дѣлать, чтобы усладить для Праведника сколько нибудь настоящее торжество въ честь его?— Остается одно: вмѣсто, недостающихъ, благихъ дѣлъ окружить пока священное ложе его святыми обѣтами. Пусть каждый изъ насъ произнесетъ въ душѣ твердый обѣтъ или отстать въ честь святаго покровителя нашего града отъ какого либо грѣха, или совершить во имя его какое либо благое дѣло. Окруженный сими обѣтами, видя искренность и твердость ихъ, Священномученикъ безъ огорченія возвратится на мѣсто покоища своего, и представъ престолу Отца небеснаго скажетъ: „Господи, я зрѣлъ паству свою; она немощна, весьма немощна; но въ ней есть желаніе быть здравою: пріумножь для нея въ грядущемъ лѣтѣ благодать свою, да совершится въ ней все благое, къ коему возбудило ее мое посѣщеніе!“ Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ ДЛЯ МОРАЛИСТОВЪ.

Нравственные недостатки и грѣхи человѣческіе обыкновенно раздѣляются на три вида: гордость, любостяжаніе и плотоугодіе. Въ подтвержденіе сего раздѣленія указываютъ на извѣстное мѣсто св. Писанія, гдѣ говорится, что *все, еже въ мірѣ*, есть *похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16). Такимъ раздѣленіемъ грѣховъ на три вида весьма точно и вполнѣ обьемлется сторона зла нравственнаго въ положительномъ его видѣ; но у него есть значительная и многообразная сторона *отрицательная*. Человѣкъ бываетъ не таковъ, какимъ долженъ быть, то есть, худъ нравственно, не только дѣйствіемъ, но и бездѣйствіемъ. Дѣятельность худая и превратная— грѣхъ, и недѣятельность худая и превратная— грѣхъ. Но послѣднее, явно, ни сколько не подходитъ подъ вышеупомянутое раздѣленіе: къ какому виду отнести лѣность, уныніе, низость нравственную, самоубійство и пр.?—

Для пополненія сего недостатка, весьма важнаго въ составѣ Нравоученія, находится прекрасное указаніе въ одной молитвѣ Церковной на сонъ грядущій. Тамъ испрашивается у Господа защита и спасеніе отъ *малодушія* и *унынія*. Первое слово, съ Греческаго подлинника, выражаетъ напряженіе силъ душевныхъ превратное, и потому неестественное; а послѣднее — ослабленіе силъ — тоже превратное, и потому грѣховное. Къ симъ двумъ видамъ весьма удобно приводятся всѣ недуги душевные, подобно тѣлеснымъ, кои такъ же состоятъ въ дѣятельности силъ, или слишкомъ напряженной (стеніи), или слишкомъ умаленной (астеніи).

Сообразно сему главные виды недуговъ душевныхъ будутъ слѣдующіе:

а) Дѣятельность души болѣзненно напряженная

1) Гордость

2) Любостяжаніе

3) Плотоугодіе

б) Дѣятельность души болѣзненно угнѣтенная

1) Уныніе, низость духа

2) Нестяжательность, изъ лѣности, или расточительность безразсудная.

3) Нерадѣніе о своей жизни и самоумерщвленіе не по разуму.

Окованные сердцемъ въ мудрости. Псал. 89, 12.

Быть окованнымъ въ мудрости, по видимому, очень хорошо: оправа прекрасная! Но быть окованнымъ сердцемъ — это ужасно съ перваго взгляда. И однако же есть люди — *окованные сердцемъ во мудрости!* — Кто это? Тѣ, кои погнавшись за мудростію и познаніями, потеряли изъ виду любовь; кои холоднымъ познаніямъ, сухимъ теоріямъ, отвлеченнымъ словопрѣніямъ дали охладить свое чувство, изсушить свое сердце. Посмотрите на инаго мудреца!.. У него бездна познаній; онъ весь въ соображеніяхъ; что шагъ, то цѣль и планъ. А сердце! бѣдное сердце заключено въ этой мудрости, какъ въ темницѣ; кругомъ оковано разчетами, не смѣетъ пошевелиться для милости и сострадания.—

Такая окованность сердца есть почти неизбѣжная доля мудрствующихъ по стихіямъ міра, ибо земная мудрость, по природѣ — желѣзнаго (сидерическаго) свойства. Мудрость Небесная напротивъ даетъ движеніе, и пространство сердцу; потому что она по природѣ своей исполнена *милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17.).

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 11, Маія 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 10. НЕДѢЛЯ 2 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ІЮНЯ 5. 1838.

Апостолъ, Рим. 2, 10—16. Евангеліе Мат. 4, 18—25.

О ПОСТѢ.

„Едва провели мы нѣсколько свѣтлыхъ праздниковъ, и вотъ опять открывается намъ постъ на нѣсколько недѣль! (*) для чего столько постовъ учреждено Церковію? угодны ли они Богу? заповѣданы ли въ св. Писаніи?“ — Такъ, вѣроятно, говорятъ нынѣ люди, которымъ очень пріятно установленіе Церковныхъ праздниковъ, но непріятно установленіе постовъ. — „Заповѣданы ли посты въ св. Писаніи?“ Не только заповѣданы, но и освящены примѣрами Святыхъ и самаго Іис. Христа. Св. Отцы справедливо замѣчаютъ, что постъ заповѣданъ былъ человѣку еще въ раю. *Отъ древа еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него* (Быт. 2, 17.): это была заповѣдь поста, отъ нарушенія которой произошли всѣ несчастія человѣчества. Не постъ ли также способствовалъ продолженію жизни допотопныхъ Патріарховъ, восходившей далѣе 9-ти столѣтій? Покрайней мѣрѣ извѣстно то, что Божественное разрѣшеніе, употреблять въ пищу животныхъ, послѣдовало уже послѣ потопа (Быт. 9, 3. 4.), а до того времени благочестивые Праотцы питались, по всей вѣроятности, одними сѣменами и плодами

(*) Петрова поста нынѣ 4 недѣли и два дни.

земными. Со временъ Моисея постъ утверждается яснымъ закономъ (напр. Лев. 23, 27—32.), и является, во многихъ примѣрахъ, въ различныхъ случаяхъ, въ ученіи Пророковъ и Апостоловъ.

Краткое обозрѣніе сихъ свидѣтельствъ св. Писанія о постѣ мы представляемъ читателямъ въ слѣдующей статьѣ.

ПОСТЪ БИБЛЕЙСКІЙ.

1) Потребность поста при великихъ предпріятіяхъ.

Моисей, для принятія закона, по повелѣнію Божію, взошелъ на гору Синайскую „и бѣ тамо предъ Господемъ четыредесять дней и четыредесять нощей: хлѣба не яде, и воды не пи.“ (Исх. 34, 28. Втор. 9, 9.).

Эздра, изведши Іудеевъ изъ Вавилона и приготовляясь вмѣстѣ съ ними къ дальнѣйшему путешествію въ Іерусалимъ, собралъ ихъ близъ одной рѣки въ Ассиріи и наложилъ на нихъ постъ. При чемъ они всѣ молили Бога, чтобы Онъ присутствовалъ съ ними въ пути, охранялъ ихъ дѣтей и имущества. (1 Эзд. 8, 21.).

Когда Есѳирь рѣшилась предстать предъ Царя Ассуира, съ опасностію своей жизни, дабы ходатайствовать предъ нимъ объ отмѣненіи указа, коимъ осуждались на смерть всѣ Іудеи, жившіе въ Персидскомъ Государствѣ: то прежде исполненія сего намѣренія постилась съ своими рабынями въ продолженіи трехъ дней и ночей; и тоже самое присовѣтовала сдѣлать Мардохею и всѣмъ Іудеямъ, находившимся въ Сузѣ. (Есѳ. 4, 16.)

Пророкъ Даніилъ, приготовляясь къ приняшію важнѣйшихъ откровеній Божіихъ, налагалъ на себя постъ. Такъ онъ говоритъ: „Дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошенія въ постѣ и во вретищи и пепелѣ“ (Дан. 9, 3.): послѣ чего открыто было ему время пришествія Мессіи.

Тотъ же Пророкъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о себѣ: „Азъ Даніилъ бѣхъ рыдая три седмицы дней, хлѣба вожделѣннаго не ядохъ, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастію не помазахся до исполненія трехъ седмицъ дней“ (Дан. 10, 2. 3.). Послѣ этого открыта была ему судьба древнихъ знатнѣйшихъ царствъ.

Іисусъ Христосъ, приступая къ великому дѣлу служенія роду человѣческому, послѣ крещенія удалился въ пустыню и тамъ постился „дній четыредесять и нощій четыредесять.“ (Матѳ. 4; 2. Лук. 4, 2.).

Варнава и Савлъ, прежде нежели отправились на дѣло, къ коему призывалъ ихъ Духъ святый, приняли возложеніе рукъ съ постомъ и молитвою. (Дѣян. 13, 2. 3.).

2) Примѣры употребленія поста во время опасностей и несчастій.

Моисей, когда по сошествіи съ горы Синайской, увидѣлъ, что народъ Израильскій покланялся зла-

тому тельцу, то ходатайствовалъ за него предъ Богомъ, и для сего постился 40 дней и 40 ночей (Втор. 9, 18.).

Жители города Іависа, послѣ погребенія тѣла Саулова, постились семь дней (1 Цар. 31, 13.).

Давидъ и всѣ бывшіе съ нимъ, узнавъ о смерти Саула и Іонаѳана и о пораженіи Израильтянъ на горахъ Гелвуйскихъ, „раздраша ризы своя, и рыдаша, и плакашася, и постишася до вечера.“ (2 Цар. 1, 11. 12.).

Подобнымъ образомъ Давидъ, по причинѣ смерти Авенира, отказался отъ предложенной ему трапезы „и кляшся глаголя: яко аще не зайдетъ солнце, не имамъ вкусити хлѣба, ни иного чего“ (2 Цар. 3, 35.).

Когда Моавитяне и Аммонитяне съ великими силами напали на царство Іудейское; тогда устрашенный Царь Іосафатъ съ молитвою обратился къ Богу и наложилъ постъ на всѣхъ Іудеевъ (2 Парал. 20, 3.).

Эздра, узнавши о родственныхъ связяхъ Іудеевъ съ язычниками и предвидя опасныя отъ того слѣдствія для вѣры и нравственности, въ глубокомъ сѣтованіи „хлѣба не яде и воды не пи“ (1 Эзд. 10, 6.).

Неемія также постился, плакалъ и молился Богу, когда услышалъ о бѣдственномъ состояніи Іудеевъ, возвратившихся изъ Вавилона въ Іерусалимъ (Неем. 1, 4.).

Богъ, угрожая бѣдствіями Іудеямъ чрезъ пророка Іоиля, говорилъ: „обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и въ плачи и въ рыданіи. Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, соберите люди, освятите Церковь, изберите старѣйшины“ и пр. (Іоил. 2, 12. 15. Сн. 1, 14.).

3) Употребленіе поста во время скорби и покаянія.

Израильтяне, собравшись въ Массифаѳъ и принося покаяніе предъ Богомъ, „постишася въ той день (назначенный Самуиломъ) и рѣша: согрѣшихомъ предъ Господемъ.“ (1 Цар. 7, 6.)

Іонаѳанъ, узнавъ о покушеніи Саула на жизнь Давида, „не яде хлѣба въ день вторый мѣсяца, яко сокрушися о Давидѣ, зане соверши (злобу) на него отецъ его“ (1 Цар. 20, 34.).

Давидъ, возбужденный пророкомъ Наѳаномъ къ раскаянію, не хотѣлъ принимать никакой пищи, когда молилъ Бога о помилованіи сына своего, рожденнаго отъ Вирсавіи (2 Цар. 12, 16.).

Царь Израильскій Ахаавъ, услышавъ упреки и угрозы, сдѣланные ему пророкомъ Иліею отъ имени Божія, по случаю убіенія Навуѳея, пришелъ въ раскаяніе, растерзалъ ризы свои и постился (2 Цар. 21, 27.).

Іудеи, возвратившіеся изъ плѣна съ Неміею, при всенародномъ покаяніи постились, одѣвались во вретища и посыпали пепломъ свои головы (Неем. 9, 1.).

Давидъ, одержимый тугою душевною, по причинѣ навѣтовъ и злорѣчія враговъ, говорилъ: „покрыхъ постомъ душу мою, и бысть въ поношеніе мнѣ“ (Псал. 68, 11.).

„колѣна моя изнемогоста отъ поста, и плоть моя измѣнися елея ради.“ (Пс. 108, 24.).

Въ слѣдствіе проповѣди пророка Іоны, „вѣроваша мужіе Ниневійстіи (покаявшіеся) Богови, и заповѣдаша постъ, и облекошася во вретища отъ велика ихъ даже до мала ихъ. И проповѣдася, и речено бысть въ Ниневіи отъ Царя и вельможъ его, глаголющихъ: человѣцы, и скоти, и волове, и овцы, да не вкусятъ ничесоже, ни да пасутся, ниже воды да піютъ“ (Іон. 3, 5. 7.).

4) Свойство и принадлежности истиннаго поста.

„Не таковаго поста (какой совершали Іудеи) Азъ избрахъ, глаголетъ Господь: но разрѣшай всякъ соузъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри“ (Ис. 63, 6. 7.).

Богъ, осуждая лицемѣрный постъ Іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна Вавилонскаго, предписываетъ имъ слѣдующія, приличныя посту, добродѣтели: „судъ праведенъ судите, и милость и щедроты творите кійждо къ брату своему: а вдовицы, и сира, и пришельца, и убога не насильствуйте, и злобы кійждо брата своего да не помнитъ въ сердцахъ своихъ“ (Зах. 7, 9. 10.).

Іисусъ Христосъ, касательно поста, повелѣваетъ слѣдующее: „ты же постяся помажи главу твою, и лице твое умый: яко да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ“ (Матѳ. 6, 17. 18.).

Чтеніе слова Божія наиболѣе прилично во время поста. Пророкъ Іеремія говорилъ Варуху: „ты вниди и прочти въ свиткѣ семъ, въ немъ же написалъ еси отъ устъ моихъ словеса Господня, во уши людей въ дому Господни, въ день поста, и во уши всему дому Іудину, приходящимъ отъ градовъ своихъ, да прочтеши имъ. И бысть въ пятое лѣто Іоакима, царя Іудина, въ девятый мѣсяцъ заповѣдаша постъ предъ лицемъ Господнимъ всѣмъ людемъ во Іерусалимѣ, и всему множеству, еже снидеся отъ градовъ Іудиныхъ во Іерусалимъ. И прочте Варухъ въ книзѣ словеса Іереміина въ дому Господни“ (Іер. 36, 6. 9. 10.).

Постъ надобно соединять и съ другими добродѣтелями, какъ явствуетъ изъ словъ, сказанныхъ Ангеломъ Рафаиломъ Товиту: „Благо молитва съ постомъ и милостынею и правдою“ (Товит. 12, 8.).

5) Дѣйствіе и полезныя слѣдствія поста.

Богъ, заповѣдуя Израильтянамъ чрезъ Моисея ежегодный постъ, говорилъ: „въ мѣсяцъ седмый, въ десятый день мѣсяца, покорите души ваша (воздерживаясь отъ пищи и питія) и всякаго дѣла да не сотворите: въ той бо день помолится (священникъ) о васъ, еже очистити васъ отъ всѣхъ грѣховъ вашихъ

предъ Господемъ, и чисти будеше“ (Лев. 16, 29. 30.).

„Тогда (когда будешь совершать истинный постъ) разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія объиметъ тя. Тогда воззовеши, и Богъ услышитъ Тя, и еще глаголющу ти, речетъ: се пріидохъ! Тогда возсіяетъ во тмѣ свѣтъ твой, и тма твоя будетъ яко полудне, и будетъ Богъ твой съ тобою присно, и насытишися, якоже желаетъ душа твоя, и кости твоя утучнѣютъ, и будутъ яко вертоградъ напоеный, и яко источникъ, ему же не оскудѣ вода: и кости твоя прозябнутъ, яко трава, и разботѣютъ, и наслѣдятъ роды родовъ“ (Ис. 58, 8—11.).

Эздра говорилъ о себѣ и о бывшихъ съ нимъ Іудеяхъ: „постихомся и молихомся Богу нашему, и услыша насъ“ (1 Эзд. 8, 23. Снес. Дан. 10, 12.).

„И видѣ Богъ дѣла ихъ (Ниневитянъ, принесшихъ покаяніе съ постомъ и молитвою) яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвори“ (Іон. 1, 10.).

Богъ, чрезъ пророка Захарію, объявлялъ Іудеямъ, что, если они будутъ поститься такъ, какъ Онъ повелѣваетъ, то посты ихъ обратятся въ радость и въ празднества (Зах. 8, 19.).

Когда ученики спрашивали І. Христа, почему они не могли изгнать нечистаго духа изъ человѣка; то Онъ, приписывая это невѣрствію ихъ, между прочимъ сказалъ: „сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ“ (Матѳ. 17, 21.).

6) Случаи, ослабляющіе строгость поста.

а) *Необходимость*: „Давидъ, егда взалка самъ и сущіи съ нимъ, вниде въ храмъ Божій, и хлѣбы предложенія снѣде, ихже недостойно бѣ ему ясти, ни сущимъ съ нимъ, токмо Іереемъ единымъ“ (Матѳ. 12, 3. 4. 1 Цар. 21, 6.).

Ученики Христовы, взалкавши, рвали колосья и ѣли въ субботу, несмотря на святость сего дня; однако не были за то осуждены своимъ Учителемъ (Матѳ. 12, 1 и слѣд.).

б) *Невѣдѣніе*. Іонафанъ, сынъ Сауловъ, вопреки запрещенію Отца своего, вкусилъ меда, томимый голодомъ, и тѣмъ нарушилъ установленный имъ постъ. Это произошло отъ того, что онъ не слышалъ о запрещеніи Саула (1 Цар. 14, 27.).

в) *Время особенной радости*. Ученики Іоанновы спрашивали І. Христа: „почто мы и Фарисеи постимся много, ученицы же твои не постятся? и рече имъ Іисусъ: еда могутъ сынове брачніи плакати, елико время съ ними есть женихъ? пріидутъ же дніе, егда отъимется отъ нихъ женихъ, и тогда постятся“ (Матѳ. 9, 14. 15. Лук. 5, 33. 34.).

7) Постъ неправильный.

„Саулъ сотвори безуміе веліе въ день той (въ день побѣды надъ

иноплеменниками) и заклялюди (Израильтянъ) глаголя: проклятъ человѣкъ, иже ясти будетъ хлѣбъ даже до вечера, дондеже отмщу врагомъ моимъ: и не вкусиша людіе вси хлѣба, и изнемогоша и упрудишася зѣло“ (1 Цар. 14, 24 и слѣд.).

Іезавель, стараясь погубить Навуѳея, оклеветала его, будто онъ злословилъ Бога и Царя, и подъ симъ предлогомъ повелѣвала Израильтянамъ наложить на себя постъ (3 Цар. 21, 8. 9.).

Іудеи взывали къ Богу: „что яко постихомся и не увидѣлъ еси, смирихомъ души наша, и не увѣдѣлъ еси?“ Богъ отвѣтствовалъ имъ: „во дни бо пощеній вашихъ обрѣтаете воли ваша (дѣлаете то, что вамъ, а не Мнѣ угодно), и вся подручныя ваша томите. Аще въ судѣхъ и сварѣхъ постишеся, и біете пястьми смиреннаго: вскую Мнѣ постишеся, якоже днесь, еже услышану быти съ воплемъ гласу вашему? не сицеваго поста Азъ избрахъ, и дне, еже смирити человѣку душу свою, ниже аще слячеши яко серпъ выю твою, и вретище и пепелъ постелеши, ниже тако наречете постъ пріятенъ“ (Ис. 58, 3—5.).

Богъ говорилъ пророку Іереміи: „егда постишися будушъ (лицемѣрные Іудеи), не услышу прошенія ихъ, и аще принесутъ всесожженія и жертвы, неблаговолю въ нихъ.“ (Іер. 14, 12.)

Когда Іудеи, возвратившіеся изъ плѣна, спрашивали, должно ли и теперь поститься и плакать въ пятый мѣсяцъ, какъ дѣлали они прежде потому, что въ этомъ мѣсяцѣ разрушенъ храмъ Іерусалимскій: то Богъ, ошвѣтствуя имъ, осуждалъ наружный постъ ихъ и объявилъ, что Онъ требуетъ не столько поста, сколько благости и милосердія (Зах. 7, 3 и сл.).

Іисусъ Христосъ заповѣдалъ ученикамъ своимъ: „Егда постишеся, не будите якоже лицемѣри сѣтующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да являтся человѣкомъ постящеся. Аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою“ (Матѳ. 6, 16.).

„Аще умросте со Христомъ отъ стихій міра,“ говоритъ Апостолъ, „почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся? не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истлѣніе употребленіемъ, по заповѣдемъ и ученіемъ человѣческимъ: яже суть слово убо имуще премудрости въ самовольнѣй службѣ и смиреномудріи и непощадѣніи тѣла, не въ чести коей, къ сытости плоти“ (Кол. 2, 20—23.).

„Въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, (повелѣвающихъ) удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину. Зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо: освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою“ (1 Тим. 4, 1—5.).

СЛОВО (*)

ВЪ НЕДѢЛЮ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Вѣ домц Отца моего обители многи суть. Іоан. 14, 2.

Настоящая седьмица посвящена Церковію памяти *всѣхѣ Святыхѣ*. Куда же лучше устремить вниманіе ваше нынѣ, какъ не къ тѣмъ небеснымъ обителямъ, въ коихъ водворяются Святые? Перенесемся убо туда благоговѣйною мыслію, и, по намѣренію св. Церкви, совокупимъ духовное торжество наше съ торжествомъ всѣхъ Святыхъ, дабы Господь нашъ, прославляемый во Святыхъ своихъ на небеси, прославился въ насъ и на земли.

Что же мы, приникнувше вѣрою, видимъ въ дому Отца небеснаго?— О сколь безчисленны обители Его! Тамъ лики Ангеловъ и Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ; тамъ обители св. Праотцевъ; тамъ ликовствуютъ Пророки, Апостоли, Мученики, Преподобные, блаженные, Христа ради, Юродивые. *Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силѣ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни. Лучше день единъ во дворѣхъ сихъ паче тысячь вѣ селеніяхъ ерѣшничихъ!* Посмотримъ же нѣтъ ли и для насъ здѣсь какого-либо мѣста? О, селенія сіи такъ пространны, какъ пространно небо, какъ пространно милосердіе Отца небеснаго. Для всѣхъ достанетъ здѣсь мѣста. Однимъ токмо невѣрующимъ въ Господа нашего І. Христа и нераскаяннымъ грѣшникамъ нѣтъ и неможетъ быть мѣста въ дому Отца небеснаго. Но, дабы намъ войти въ сей пренебесный Іерусалимъ, обратимся прежде къ Святѣйшему всѣхъ Святыхъ Господу, и, поклонившись Ему вѣрою и любовію, испросимъ у Него позволеніе и благословеніе пребыть въ дому Отца Его. Вслушаемся, что глаголетъ Господь и Владыка сего великаго дома. „*Пріидите*, говоритъ Онъ, *ко Мнѣ вси „труждающіися и обремененніи, и Азъ „упокою вы. Пріидите благословенніи, „наслѣдуйте уготованное вамъ Цар„ствіе. Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ.*“ О, любезнаго и сладчайшаго гласа! Слава и благодареніе неизреченному милосердію твоему, Господи, всѣхъ призывающему, всѣхъ пріемлющему, и насъ грѣшныхъ не отвергающему! И такъ, получивши благословеніе Божіе, продолжимъ мысленное шествіе наше въ дому Отца небеснаго. Что же срѣтаетъ око вѣры нашея? Се, одесную престола небеснаго, стоитъ Царица, въ ризы златыя одѣянная и преукрашенная. Вы спросите! кто сія, яко солнце, сіяющая славою?— Се преблагословенная Владычица наша, Богородица, присно молящаяся о спасеніи нашемъ къ Сыну своему и Богу нашему. Притецемъ къ Ней, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши: потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній; не отвращи твоя рабы тщи: тя бо единую надежду имамы.— Далѣе— кто сіи, выну зрящіе лице Отца небеснаго, и непрестанно хвалящіе Его и взывающіе: святъ, святъ, святъ! Это Бр. м. суть св. Ангели— служебные духи, въ служеніе посылаемые за хотящихъ наслѣдовати спасеніе, и радующіеся о единомъ кающемся грѣшникѣ. О, какъ бы намъ не оскорбить ихъ множествомъ грѣховъ нашихъ! Воскреснемъ Бр. м.

(*) Преосв. Владиміра, Епископа Костромскаго.

чрезъ покаяніе отъ сна грѣховнаго, и воспривѣтствуемъ ихъ, сердцемъ и устами глаголя: святіи Ангели, хранители наши, молите Бога о насъ!

Потерпите Бр. м. я еще нѣсколько задержу мысль вашу въ дому Отца небеснаго, и, хотя издали, укажу вамъ, подъ руководствомъ тайновидца Господня Іоанна Богослова, на *великое множество народа, егоже изчести никто же можетъ, отъ всякаго языка и колѣна и людей и племенъ, стоящихъ предъ престоломъ Господа, облеченныхъ въ ризы свѣтлыя и бѣлыя, и вѣнцы на главахъ ихъ и вѣтви въ рукахъ ихъ.* Вы спросите: кто сіи? Это суть тѣ, кои составляютъ предметъ настоящей памяти нашей— это суть Святые, иже вѣрою содѣяша правду, получиша обѣтованія. Они были намъ подобострастны; но, съ помощію Благодати, возмогоша отъ немощи. Одни изъ нихъ за имя Іис. Христа, избіени быша, другіе же руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша. Всѣ сіи, послушествовани бывше вѣрою, подвигомъ добрымъ подвизалися, теченіе скончали, и за то увѣнчаны славою, которую уготовалъ Богъ любящимъ Его. Языкъ человѣческій не можетъ изречь того блаженства, коими наслаждаются присно сіи Святые. Единаго токмо недостаетъ къ полнотѣ блаженства ихъ, что они еще не вмѣстѣ съ нами раздѣляютъ его. О, какъ они желаютъ видѣть и насъ общниками того же блаженства и радости ихъ! Обратимся къ нимъ, Бр. м., и воззовемъ: Святіи вси! простите намъ, что мы нечистою мыслію нашею осмѣлились коснуться неприступнаго для всякой скверны жилища вашего. О, естьли бы намъ не вѣрою токмо и гаданіемъ, но любовію и откровеннымъ лицемъ сподобиться общенія съ вами! Добро намъ съ вами быти! Помолитеся о насъ ко Господу, дабы всесильною благодатію своею помогъ и намъ теченіе сея жизни совершити, и, подобно вамъ, побѣдителями грѣха явитися, вѣру соблюсти, и, вмѣстѣ съ вами, достигнуть и поклонитися Господу І. Христу.

Бр. м., сіе слабое очертаніе небеснаго Іерусалима, въ немъ же водворяются всѣ Святые, не есть одно простое воображеніе, но также истинно и существенно какъ настоящій день: ибо что есть храмъ сей, какъ не изображеніе того невидимаго и нерукотвореннаго Храма на небесѣхъ, гдѣ обитаютъ всѣ Святые? и въ семъ храмѣ имѣяй очи видѣти, увидитъ коль вожделѣнны и многочисленны суть обители Отца небеснаго для избранныхъ его. Не будемъ же увлекаться суетными прелестями міра сего, не будемъ медлить на распутіяхъ его, но потечемъ во слѣдъ Святыхъ, дабы восхитить Царствіе небесное. Тако теците, да постигнете! Аминь.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры, 18 Маія 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 11. НЕДѢЛЯ 3 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ ІЮНЯ 12. 1838.

Апостолъ: Римл. 5, 1—10. Евангеліе: Матѳ. 6, 22—33.

СЛОВО БОЖІЕ ЕСТЬ ПИЩА ДУХА.

Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изоустъ Божіихъ. Матѳ. 4, 4.

„Для чего, говорятъ, часто читать или слушать св. Писаніе? не извѣстно ли уже намъ его содержаніе? Со временемъ изучаютъ и самыя трудныя науки, а послѣ уже не имѣютъ нужды опять учиться. Для чего повторять одно и тоже? притомъ у насъ есть много другихъ занятій важныхъ, и можно, безъ чтенія Библіи, хорошо исполнять свои должности. Не найдемъ ли мы, вмѣстѣ съ пріятностію, и пользу въ другихъ разнообразныхъ книгахъ?“—

Кто бы ты ни былъ, любезный братъ, который такъ говоришь или думаешь, позволь замѣтить тебѣ, что ты или совсѣмъ не читалъ слова Божія, а повторяешь мнѣнія вольнодумцевъ, которые и сами очень мало читали Библію, или ты еще не размышлялъ о необходимости и высокомъ достоинствѣ св. Писанія. Послушай прежде тѣхъ, которые опытно дознали пользу и сладость слова Божія. Послушай на прим. царственнаго пѣвца Израильскаго, который сколько ни былъ обремененъ важны-

ми и многочисленными обязанностями, но великую часть своего времени любилъ посвящать размышленіямъ о словѣ Божіи. Воспѣвая пользу и сладость его, Царь и пѣвецъ говоритъ: „Законъ Господень совершенъ, отрада для души; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряетъ простаго. Повелѣнія Господни праведны, веселятъ сердце. Заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщаетъ очи. Страхъ Господень чистъ, пребываетъ во вѣкъ; суды Господни истинны, праведны всѣ совокупно. Они вожделѣннѣе злата и множества дорогихъ камней, слаще меда, текущаго изъ сота.“ (Псал. 18, 8—12.)

Нѣкто спросилъ одного мудреца древняго: для чего ты всегда читаешь книги о предметахъ божественныхъ и о должностяхъ человѣка, хотя ты уже читалъ ихъ нѣсколько разъ? „Другъ!“ сказалъ мудрецъ, „а для чего ты принимаешь пищу нынѣ, хотя ты принималъ ее и вчера?“ — Для того, сказалъ другой, чтобъ продолжать жизнь. — „Такъ и я читаю для того же, чтобы жить,“ отвѣтствовалъ мудрый.

Отвѣтъ прекрасный и совершенно справедливый. Какъ тѣло наше имѣетъ нужду въ ежедневномъ питаніи для своего подкрѣпленія, такъ и душѣ необходимо ежедневное же питаніе духовное. Безъ этого питанія внутренняя жизнь наша истощилась бы и испортилась. Какъ состояніе тѣла измѣняется непрестанно, такъ и состояніе духа. Онъ или укрѣпляется или слабѣетъ, возвышается или унижается. Борясь непрестанно съ предметами и обстоятельствами внѣшними, со вліяніемъ плоти и крови, онъ или побѣждаетъ или побѣждается. Посему важнѣйшій долгъ каждаго питать и укрѣплять свой духъ. Но свойственная ему пища есть слово Божіе, а не мудрость и знанія мірскія. Душа, какъ образъ Божій, должна стремиться къ своему Первообразу, а потому и почерпать начало своей жизни и усовершенствованія въ божественномъ, подобно какъ тѣло свою силу и свое возрастаніе получаетъ отъ земли, которой оно принадлежитъ и въ которую должно возвратиться.

Науки, искусства могутъ быть изучены въ нѣсколько лѣтъ, и послѣ нѣтъ нужды опять изучать ихъ. Но жизнь въ Богѣ не есть ни наука, ни искуство; ее нельзя изучить: все что можно сдѣлать здѣсь, — это поддерживать ее. И такъ не смотри на слово Божіе какъ на науку, а почитай его пищею души твоей. Быть можетъ, ты знаешь все, что заключается въ св. Писаніи, но знать только, недостаточно: это одно средство. Спроси прежде себя: живешь ли ты въ Богѣ? имѣешь ли общеніе съ міромъ невидимымъ? — Очень можетъ быть, что ты знаешь и всѣ свои обязанности къ Богу и ближнему; но знать, что должно, еще не значитъ жить сообразно съ должностію. Ты знаешь, что должно дѣлать; но дѣлаешь ли? отъ чего бываетъ, что ты не всегда то дѣлаешь? отъ того, что въ минуту, когда должно исполнить обязанность, ты имѣешь о ней понятіе сбивчивое: почему же частымъ чтеніемъ слова Божія не возбуждаешь усыпленныя понятія въ умѣ твоемъ? Обольщенія чувственности, нерѣдко, бываютъ въ тебѣ сильнѣе, нежели сознаніе должности: отчего же, когда чувственность нападаетъ на тебя съ

новымъ оружіемъ, ты не прибѣгаешь къ новому оружію духа? Одного познанія обязанностей недостаточно для того, чтобъ восторжествовать надъ порочными привычками, или господствующими въ тебѣ грѣховными склонностями: почему же не радишь ты укрѣплять и обновлять себя размышленіемъ о словѣ Божіи?

Правда, что часто читая слово Божіе, ты будешь читать одно и тоже; но Законъ Господень по этому не менѣе есть *отрада для души*, по слову Давида. Твой другъ остается для тебя всегда однимъ и тѣмъ же; но дружба его тѣмъ не менѣе имѣетъ пріятности каждодневно. Хлѣбъ, употребляемый тобою, есть пища очень однообразная; но за это ты не покидаешь ея. Тѣмъ болѣе откровеніе Іис. Христа, Его слово жизни, не должно представляться намъ скучнымъ. Напротивъ, оно-то и должно болѣе всего привлекать сердце наше. Божественная красота его не старѣетъ; сила его всегда жива и дѣйственна. Иногда, въ обстоятельствахъ трудныхъ, ты не доумѣваешь и не знаешь, что предпринять тебѣ; разумъ твой колеблется; обыкновенное благоразуміе не представляетъ никакой помощи. Но пусть тогда придетъ тебѣ на память какое либо, соотвѣтственное обстоятельствамъ твоимъ, мѣсто изъ св. Писанія, соедини размышленіе о томъ съ молитвою; и ты тотчасъ узришь новый свѣтъ въ душѣ твоей, увидишь предметы въ ихъ истинномъ видѣ, и познаешь, что должно тебѣ дѣлать. Слово Божіе есть и свѣтъ и живительная сила для души нашей.

Ты говоришь еще, что ты занятъ дѣлами жизни домашней и гражданской, и что, и безъ частаго чтенія или слушанія книгъ священныхъ, ты хорошо исполняешь свои должности. Положимъ такъ! но такъ же ли хорошо исполняешь ты обязанности къ Богу? успѣлъ ли ты для вѣчности и для жизни въ Богѣ? а вѣчность и отношенія твои къ Богу должны имѣть въ глазахъ твоихъ несравненно болѣе важности, нежели жизнь земная и всѣ отношенія твои къ людямъ. Когда ты оставишь это земное жилище, то что будетъ съ тобою тамъ — въ новой области жизни? Ты отличаешься самыми любезными качествами для свѣта, тебя здѣсь почитаютъ и любятъ; но гдѣ въ тебѣ божественное начало духовной жизни? Ахъ! оставаясь безъ питанія, безъ сбереженія, оно въ тебѣ безсильно. Слово человѣческое сдѣлало тебя искуснымъ въ дѣлахъ земныхъ: слово Божіе долженствовало приготовить тебя къ жизни небесной, — и ты не хотѣлъ внимать ему! ты говоришь: какая мнѣ нужда еще учиться? но дѣло идетъ не объ ученіи, а о жизни, о душевномъ бытіи твоемъ, которое есть плодъ слова Божія.

Ты лучше любишь читать книги свѣтскія; хорошая театральная піеса болѣе занимаетъ тебя, нежели исторія Евангельская. Ты даже утверждаешь, что все это не только доставляетъ тебѣ удовольствіе, но и приноситъ пользу нравственную, облагороживая твой вкусъ и твое чувство, открывая предъ тобою гнусность порока и красоту добродѣтели. Но, любезный братъ! можетъ ли все это быть началомъ освященія для духа? можетъ ли произвесть въ тебѣ ту благодатную жизнь, которая необходима для вѣчности? можетъ ли все человѣческое быть

началомъ божественнаго? есть ли въ тебѣ, дѣйствуетъ ли это святое начало ?— Ахъ ! сознаваясь самъ, что ты больше любишь чтеніе свѣтское, нежели священное, ты показываешь тѣмъ, что вкусъ твой въ дѣлахъ духовныхъ совершенно испорченъ, что тебѣ нужно очищать свой вкусъ, просвѣщать душевное око. А для того, чтобъ очистить духовное чувство, опять нужно чаще заниматься словомъ Божіимъ.

Жизнь духовная, питаемая и подкрѣпляемая словомъ Божіимъ, совсѣмъ другаго свойства, нежели жизнь земная; даже первая, обыкновенно, противоположна послѣдней, потому что состоитъ въ непрестанной борьбѣ съ чувственностію. Жизнь духовная даже не то, что жизнь, въ мірскомъ смыслѣ, нравственная, незазорная, честная. Мірская честная жизнь управляется не чистымъ, божественнымъ, началомъ, а страстями, только болѣе тонкими и скрытными, и цѣли ея всѣ здѣсь— на земли. Не такого свойства жизнь духовная, благодатная: въ ней главное дѣйствующее начало любовь къ Богу; ея высочайшая цѣль есть соединеніе съ Богомъ вѣчное. Сильны ли, не говоримъ, одни сочиненія эстетическія, но и всѣ нравоученія Философовъ положитъ въ насъ и раскрыть нетлѣнное сѣмя вѣчной жизни? Правда, они заставляютъ насъ гнушаться пороковъ грубыхъ, нетерпимыхъ въ образованномъ обществѣ, производятъ болѣе порядка въ нашей жизни общественной, и, такъ сказать, наряжаютъ насъ, любезными для свѣта, добродѣтелями: но это ли тотъ нарядъ, въ которомъ явиться должно на торжествѣ вѣчности? это ли начало блаженной жизни въ Богѣ? Истинное убранство на бракъ Царя вѣчнаго подаетъ одна Благодать, которой первая сокровищница есть слово Божіе. Облеченные въ брачныя одежды изъ сокровищницы Царской и тщательно сберегающіе чистоту ихъ внидутъ въ радость Господа своего, а явившіеся въ своихъ одеждахъ самодѣльныхъ— будутъ отвержены. Мудрыя дѣвы, имѣющія запасъ елея и поддерживающія огонь въ своихъ лампадахъ, будутъ допущены на торжество Царское; а юродивымъ, у которыхъ свѣтильники, по нерадѣнію ихъ, давно погасли, сказано будетъ: не вѣмъ васъ !

Заключимъ сіи размышленія словами Святѣйшаго Синода православной Церкви нашей :

„Словомъ Божіимъ все сотворено, и все сотворенное держится силою Слова Божія.

Для человѣка слово Божіе есть нетлѣнное сѣмя, отъ котораго онъ возраждается изъ естественной въ благодатную жизнь; есть хлѣбъ, которымъ онъ духовно живетъ, и вода, которою утоляетъ духовную жажду; есть свѣтильникъ, сіяющій въ темномъ мѣстѣ, пока придетъ разсвѣтъ, и заря взойдетъ въ сердцѣ, и есть самый дневный свѣтъ, то есть живое и блаженное познаніе Бога и чудесъ его во времени и въ вѣчности. Безъ слова Божія человѣкъ мраченъ, гладенъ, жаждущъ и мертвъ духовно.“(*)

(*) См. предисл. къ Нов. Зав. На слав. и Русск. нарѣчіяхъ.

СЛОВО

въ недѣлю всѣхъ святыхъ, произнесенное въ Кіевской, что на Щекавицѣ, Кладбищенской Церкви во имя всѣхъ Святыхъ.

Нынѣ Праздникъ во имя всѣхъ Святыхъ, а мы собрались праздновать его среди жилища всѣхъ — мертвыхъ! по празднику ли мѣсто?— думаю, что весьма по празднику; ибо мертвые ближе насъ къ Святымъ уже потому, что, разрѣвшись отъ узъ плоти, находятся съ ними въ одномъ и томъ же мірѣ—невидимомъ; еще ближе насъ къ Святымъ мертвые тѣмъ, что, подобно Святымъ, не грѣшатъ уже болѣе; по крайней мѣрѣ не грѣшатъ, подобно намъ грѣшнымъ. Смотря на дѣло съ сей стороны, я даже не знаю, Брат., что болѣе должно называть кладбищемъ, то ли мѣсто, гдѣ почиваютъ усопшіе, или то, гдѣ находимся мы живые. Ибо здѣсь, среди такого множества почивающихъ плотію, безъ сомнѣнія, есть не малое число живыхъ духомъ; а среди насъ, живущихъ по плоти, единъ Богъ вѣдаетъ, есть ли люди не мертвые духомъ.

Итакъ мѣсто празднованія нашего весьма по празднику; и тѣ поступили весьма хорошо, кои храмъ здѣшній, предназначенный особенно молитвамъ за умершихъ, посвятили памяти всѣхъ Святыхъ; ибо симъ самымъ души, почивающихъ здѣсь, усопшихъ, отданы подъ могущественное покровительство всѣхъ Святыхъ, такъ что каждая душа можетъ имѣть между ними особеннаго, себѣ свойственнаго, ходатая.— Благоразумно поступили, Брат., и вы, что для празднованія въ честь всѣхъ Святыхъ собрались въ такомъ множествѣ сюда, на мѣсто всѣхъ усопшихъ: ибо и Святые и мертвые внушаютъ намъ живымъ одну и туже важную истину: „смертные, живите для Бога и добродѣтели; безъ этого все, что вы ни дѣлаете, что ни пріобрѣтаете, чѣмъ ни отличаетесь, все— суета и ничтожество!“

Это говорятъ намъ, вопервыхъ, всѣ Святые. Какъ говорятъ?— самымъ образомъ жизни и званія своего. Въ самомъ дѣлѣ, Брат., въ мірѣ было много людей славныхъ и могущественныхъ, кои потрясали цѣлыя Царства и народы; много было людей богатыхъ, кои не знали числа своимъ сокровищамъ; много было мудрыхъ и ученыхъ, кои знали все отъ кедра до иссопа, отъ солнца до песчинки: и однако же мы не празднуемъ во имя ни одного изъ сихъ людей. А въ честь кого празднуемъ? въ честь тѣхъ, коихъ міръ большею частію или не зналъ, или, зная, почиталъ буіими, или даже гналъ и довелъ до смерти, изъ коихъ, по описанію Апостола, одни *каменіемъ побіени, или претрени быша*, другіе *убійствомъ меча умроша*, почти всѣ были *лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, въ горахъ, вертепахъ и пропастехъ земныхъ* (Евр. 11, 37.). Такихъ людей, а не знатныхъ, не великихъ, по мнѣнію міра, празднуемъ мы память. Что значитъ это? то, что и могущество, и богатство, и слава, и мудрость земная не составляютъ вѣчнаго достоинства человѣка, что все это значительно только до гроба, а тамъ потребно другое, совершенно другое. Что именно? то самое, за что ублажаются Святые. Это, какъ вы слышали при чтеніи нынѣшняго Апостола, это— смиреніе, терпѣніе, чистота духа и тѣла, любовь къ Богу и

ближнимъ, добродѣтель, Богоподобіе. Кто успѣетъ обогатить и отличить себя сими драгоцѣнными качествами, тотъ, хотя бы ничто былъ для міра, хотя бы ничего не имѣлъ, хотя бы всю жизнь провелъ въ презрѣніи, рабствѣ и нищетѣ, будетъ великъ у Бога, получитъ то, съ чѣмъ не сравнится никакая слава земная, никакое блаженство временное. Вотъ чему поучаютъ насъ всѣ Святые!

Это же самое внушаютъ намъ и всѣ мертвые. Какъ внушаютъ? самымъ, настоящимъ, состояніемъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте! между погребенными здѣсь немалое число такихъ, кои отличались почестями, занимали важныя мѣста, имѣли вліяніе на многихъ: подите теперь и спросите кого угодно изъ нихъ, что помогла имъ ихъ важность при смерти, защитила ли отъ болѣзней тѣла, отъ ужасовъ и томленій духа?— если бы не какой либо крестъ или камень надъ ихъ могилою, то ее нельзя было бы отличить отъ могилы самаго послѣдняго нищаго. Такъ смерть смиряетъ гордыню и величіе наше; убо чести и отличія— безъ вѣры и добродѣтели— суета! Между почивающими здѣсь такъ же немалое число людей, кои обладали великими стяжаніями, составляли зависть многихъ; подите спросите любаго изъ нихъ: что взялъ онъ съ собою изъ своихъ сокровищъ? Увы, наги всѣ пришли мы изъ утробы матерней, едва не наги отходимъ и въ утробу земли. Смерть отъемлетъ все; убо стяжанія и богатство—безъ страха Божія и дѣлъ милосердія— суета! И что, если бы какимъ-либо чудомъ дано было всѣмъ, здѣсь почивающимъ, воспать изъ гробовъ и возвратиться къ прежнимъ занятіямъ? Многіе ли возвратились бы къ нимъ? Думаете ли, что честолюбецъ снова началъ бы гоняться за честями? что сребролюбецъ опять сталъ бы погребать вмѣстѣ съ златомъ сердце свое въ сундуки? что плотоугодникъ паки пошелъ бы валяться въ блатѣ чувственныхъ удовольствій? Нѣтъ, наученные опытомъ, они всѣ думаю, и не посмотрѣли бы на то, что прежде такъ занимало ихъ; каждый поспѣшилъ бы въ уединенное мѣсто, дабы тамъ плакать о своихъ грѣхахъ и приуготовить себя къ вѣчности.

Чего не льзя уже, Брат., сдѣлать умершимъ, то весьма возможно и удобно для насъ. Пользуясь еще всѣми средствами Благодати, мы можемъ, легко можемъ очиститься отъ всѣхъ скверны грѣховныхъ, и такимъ образомъ приготовить себя къ переходу въ другой міръ такъ, чтобы вступить въ него не какъ узникамъ, преводимымъ изъ одного мѣста въ другое невольно, а какъ дѣтямъ, съ радостію возвращающимся изъ дальней страны въ домъ отеческій. Воспользуемся же, Брат., сею драгоцѣнною возможностію устроить дѣло своего вѣчнаго спасенія, воспользуемся, и возвратимся въ домы свои съ искреннею и твердою рѣшимостію жить остальное время живота нашего не для похотей плоти, не для удовольствій міра, а для Бога и добродѣтели. Это будетъ истинно великій праздникъ, не для насъ только, а и для всѣхъ Святыхъ и для всѣхъ мертвыхъ;— ибо и святые и мертвые, ничего такъ не желаютъ намъ живымъ, какъ вѣчнаго нашего спасенія. Аминь.

ПРИМѢРЫ

КАКЪ ДАЛЕКО ПРОСТИРАЕТСЯ ДАРЪ ЧУДОТВОРЕНІЯ.

Спаситель не разъ въ бесѣдахъ своихъ съ народомъ и учениками говорилъ, что *вѣрующему вся возможна,* (Мар. 9, 23.) что кто будетъ имѣть *вѣру Божію,* (Мар. 11, 23.) тотъ сотворитъ дѣла, кои Онъ творилъ, и *даже больше сотворитъ* (Іоан. 14, 12.). Несмотря на многократное повтореніе такого обѣщанія, самая величественность его, тѣмъ болѣе немощь наша, запрещали бы намъ простирать его слишкомъ далеко, если бы опыты св. Мужей не поспѣвали къ намъ въ семъ случѣ на помощь. Изъ опытовъ сихъ видно, что не смотря на величественность обѣтованія, Господь творитъ еще болѣе, нежели обѣщалъ. Нѣкоторыя изъ чудесъ, произведенныхъ св. мужами такъ изумительны, что самая отважная мысль предварительно не вдругъ могла бы представить ихъ возможность.

Такъ, намѣреніе произвести чудо есть, повидимому, самое необходимое условіе въ чудотворцѣ при произведеніи чуда: но вотъ нѣсколько примѣровъ на то, что чудеса могутъ совершаться даже безъ намѣренія совершающаго.

Одинъ простолюдинъ съ сыномъ шелъ за благословеніемъ къ Аввѣ Сисою; сынъ, будучи подверженъ болѣзни, на дорогѣ умеръ, не дошедъ до келліи Старца. Но отецъ несмутился; укрѣпившись вѣрою, онъ взялъ сына на рамена и понесъ съ собою къ Старцу. Взошедъ въ келію, онъ палъ на землю, положивъ вмѣстѣ съ собою и сына, съ тѣмъ какъ будто намѣреніемъ, чтобы Старецъ благословилъ ихъ. По принятіи благословенія, отецъ всталъ и вышелъ изъ келіи, а умершій продолжалъ лежать въ положеніи человѣка, пріемлющаго благословеніе. Старецъ воображая, что онъ лежитъ изъ усердія и по смиренію, сказалъ ему: встань, чадо, и иди вонъ за отцомъ! Мертвый дѣйствительно всталъ и вышелъ вонъ. Можно представить радость отца и сына! Но Старецъ, когда отецъ, возвратившись, разсказалъ ему о случившемся, не обрадовался, а опечалился до того, что, если бы возможно было, ему хотѣлось бы возвратить чудо назадъ. Покрайней мѣрѣ онъ взялъ обѣщаніе съ воскресшаго и съ отца его и съ учениковъ своихъ, никому не сказывать о семъ, доколѣ онъ будетъ въ живыхъ.

Можно спросить: что опечалило въ семъ случаѣ Старца? Можетъ быть, мысль, что имя его пронесутъ, яко имя великаго чудотворца, будутъ стекаться къ нему за чудесами и славить его. А можетъ быть и сожалѣніе, что онъ былъ органомъ силы Божіей, не зная того нисколько, и совершилъ чудо, такъ сказать, безъ должнаго къ нему вниманія.

Другой примѣръ.

Въ одинъ скитъ, гдѣ жилъ св. Виссаріонъ, привели бѣснующагося. Монахи много трудились надъ изгнаніемъ злаго духа, но не могли сдѣлать сего, подобно тому, какъ это случилось нѣкогда съ Апостолами. Посему единодушно было признано, что остается одно средство: просить за больнаго Авву Виссаріона. Но, какъ, думали, приступить къ нему съ сею просьбою? смиреніе св. Старца такъ велико, что онъ не пойдетъ и въ Церковь, когда услышитъ, что отъ него тамъ ожи-

даютъ чуда?“ Въ сихъ мысляхъ, вздумали употребить надъ святымъ Старцемъ святую хитрость, которая сама могла быть только плодомъ живой вѣры. Умыслили поступить такъ: ввести бѣснующагося предъ утренею въ Церковь, посадить на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стоялъ и молился Виссаріонъ, и, если можно, усыпить. Потомъ, когда придетъ Старецъ и подойдетъ къ своему мѣсту, сказать ему: отче, возбуди сего спящаго человѣка, и вели ему выйти вонъ. Какъ придумали, такъ и сдѣлали. Старецъ, полагая въ самомъ дѣлѣ, что на его мѣстѣ сидитъ и спитъ какой-либо обыкновенный, утрудившійся человѣкъ; увидя его, сказалъ со всею простотою: „встань и ступай вонъ.“ Но, простое слово сіе отозвалось великимъ дѣйствіемъ; злой духъ нестерпѣлъ силы повелительнаго слова, изшедшаго изъ устъ человѣка Божія, и тотчасъ вышелъ на всегда изъ несчастнаго; а св. Старецъ спокойно спалъ на своемъ мѣстѣ.

Какъ и чѣмъ изъяснить подобныя явленія?—Какъ ни изъясняйте, но, непремѣнно надобно предположить, что въ людяхъ, достигшихъ духовнаго совершенства и возродившихся благодатію, слово сдѣлалось такъ могущественнымъ, что, безъ ихъ сознанія, само по себѣ, духовно-вещественно, дѣйствуетъ не только надъ силами природы, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ, но и надъ духами, какъ воздѣйствовало здѣсь. Такіе люди суть какъ преисполненные сосуды Благодати, къ коимъ какъ ни прикоснись, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, извлекаешь искру огня Божественнаго.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

Изъ Воскреснаго Евангелія.

Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Матѳ. 6, 33.

Господь нашъ Іис. Христосъ изобразилъ намъ въ сихъ словахъ то, что должно быть самымъ первымъ и главнымъ предметомъ нашихъ мыслей и желаній, нашихъ трудовъ и усилій. Онъ указалъ намъ, на то, что можетъ совершенно удовлетворить нашимъ желаніямъ, и въ чемъ заключается совершеннѣйшее благо наше. Господь нашъ есть *путь, истина и животъ* (Іоан. 14, 6.). Итакъ не будемъ спрашивать пути къ счастію у людей, а научимся тому въ училищѣ нашего Спасителя. Онъ одинъ показываетъ намъ истинный путь къ счастію; Онъ одинъ научитъ насъ тому, чего и какъ искать намъ должно, чтобы обрѣсть *покой душамъ нашимъ* (Матѳ. 2, 29.). Размыслимъ внимательнѣе о словахъ Спасителя.

Ищите. Истиннаго блага повелѣвается намъ искать. Ибо, хотя Богъ всегда готовъ даровать намъ все, нужное и полезное, но насильно, безъ желанія и прошенія нашего, безъ исканія,—не подаетъ. *Просите,* говоритъ Господь, *и дастся вамъ; ищите и обрящете* (Матѳ. 7, 7.). Потому первое условіе для пріобрѣтенія истиннаго блага есть искреннее желаніе сего блага, исканіе и молитва. *Ищите:* почувствуйте нужду въ истинномъ благѣ; познайте, чего не достаетъ душѣ, чего она алчетъ и жаждетъ, и потомъ просите у Бога хлѣба животнаго и воды живой для души. Не ищутъ, чего не желаютъ; не просятъ, въ чемъ не

чувствуютъ нужды. Потому и молитва наша къ Богу должна выражать наши сердечныя желанія, а не состоять только въ словахъ, исходящихъ изъ однихъ устъ, а не изъ сердца. Желаютъ и ищутъ дотолѣ, пока не обрѣтутъ всего искомаго. Но для души, въ здѣшней жизни, нѣтъ полнаго наслажденія, нѣтъ блаженства неизмѣннаго: потому искать и молиться должно непрестанно.

Ищите прежде. Не говори: я еще молодъ; мнѣ рано думать о спасеніи душевномъ; наслаждусь прежде мірскими радостями, испытаю здѣшнія удовольствія, а потомъ, когда уже приближусь къ старости и смерти, тогда буду заниматься моимъ спасеніемъ. Не говори такъ, и отгоняй прочь отъ себя такія пагубныя мысли. Такъ говорили и думали многіе: и одни изъ нихъ не дожили до старости, и умерли въ нераскаяніи; другіе, и въ самой старости, не могли оставить грѣховныхъ привычекъ, и нисколько не исправились. Это и естественно. Къ чему привыкнешь въ юности, отъ того очень трудно отвыкать и въ старости; и трудно научиться тому въ старости, чему не учились въ юности; труднѣе начинать спасеніе въ лѣтахъ преклонныхъ, нежели въ возрастѣ цвѣтущемъ, съ сердцемъ мягкимъ, съ душею ко всему открытою. *Ищите прежде*, и прежде всего: прежде нежели будете сами пещись о своей пищѣ и одеждѣ, прежде нежели будете думать объ устроеніи своего семейства, прежде нежели изберете себѣ состояніе общественное и должность: словомъ, прежде всѣхъ,— не говорю уже о суетныхъ, излишнихъ удовольствіяхъ, но прежде — самыхъ нужныхъ въ жизни предметовъ.

Ищите, и чего?— *Царствія Божія и правды Его*. Главную цѣль нашихъ желаній мы обыкновенно называемъ *счастіемъ*, и каждый составляетъ понятіе о счастіи по своимъ склонностямъ; самые мудрые въ мірѣ не согласны между собою въ понятіи о счастіи. Но Евангеліе называетъ главную цѣль нашу *Царствіемъ Божіимъ* и *правдою Божіею;* оно же объясняетъ намъ и то, въ чемъ состоитъ Царствіе Божіе. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21.), говоритъ Господь. Не гоняйтесь за своимъ счастіемъ за моря, въ страны отдаленныя; не ищите его въ нѣдрахъ горъ; не ищите ни въ богатствѣ, ни въ почестяхъ и ни въ какихъ внѣшнихъ благахъ: оно состоитъ, во внутреннихъ, душевныхъ сокровищахъ, которыя подаются Духомъ Святымъ. Какія же это сокровища? Апостолъ называетъ ихъ праведностію, миромъ и радостію: *нѣсть*, говоритъ, *Царствіе Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. 14, 17.). Чего не достаетъ тому, кто имѣетъ въ душѣ миръ и радость, и притомъ о Дусѣ Святѣ, миръ Божій, радость духовную и святую? у него все свѣтло въ душѣ, чиста и спокойна совѣсть, довольно всѣмъ сердце; онъ на землѣ уже предвкушаетъ блаженство небесное, котораго вѣрный залогъ имѣетъ въ себѣ самомъ, потому что Духъ Святый, въ немъ живущій, есть *обрученіе наслѣдія нашего* (Еф. 1, 14.). Но главное условіе для сего внутренняго счастія, мира, и радости о Дусѣ Святѣ, или царствія Божія въ насъ, есть правда Божія. Ищите Царствія Божія и правды Божіей. Эта правда есть оправданіе, очищеніе отъ грѣховъ, отъ скверны пло-

ти и духа; это риза чистоты и святости, въ которой одной допустятъ насъ на вечерю Божію. Убѣлимъ прежде душевныя ризы въ крови Агнца Божія, Іисуса Христа; стяжимъ, живою вѣрою въ Него и покаяніемъ, Его праведность, Его святыя свойства и любовь: и тогда внидемъ въ радость Господа, тогда и миръ Божій, превосходящій всякой умъ, будетъ обитать въ душахъ нашихъ.

Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Сія вся: разумѣются блага, нужныя для жизни временной. Такимъ образомъ Спаситель не лишаетъ насъ и земныхъ благъ; Онъ только показываетъ намъ легчайшее и надежнѣйшее средство пріобрѣтать ихъ. Онъ какъ бы такъ говоритъ намъ: напрасно вы столько трудовъ и заботъ употребляете для пріобрѣтенія пищи, одежды и другихъ житейскихъ благъ; ищите прежде пищи для души, а тѣлесную пищу Богъ, и безъ усильнаго исканія, подастъ вамъ; ищите ризы оправданія душѣ, а Богъ не оставитъ безъ защиты вашего тѣла: *вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (Матѳ. 6, 32.). Что Богъ не только безъ нашихъ усилій и излишнихъ заботъ можетъ подать намъ все нужное для тѣла, но и безъ всякаго труда нашего можетъ даровать то; свидѣтельствуетъ о томъ манна, которую посылалъ Онъ избранному народу своему въ пустынѣ, свидѣтель тому Илія, который питался отъ врана, свидѣтели многіе угодники Божіи, которые многіе годы преводили въ необитаемыхъ пустыняхъ. Ужели Богъ, подающій намъ вѣчныя блага, пожалѣетъ дать намъ временныя? нѣтъ, послѣднія ничего не стоитъ Ему даровать праведнымъ: Онъ подаетъ ихъ и грѣшнымъ, *сіяя солнце свое на злыя и благія, и дождя на праведныя и не праведныя* (Матѳ. 5, 45.). Но вѣчныя блага Онъ не можетъ даровать всякому, даровать ихъ безъ нашего искания; здѣсь Онъ говоритъ: ищите, подвизайтесь, а о временныхъ благахъ напротивъ: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся* (Матѳ. 6, 28.). Впрочемъ, не думай, чтобы Спаситель хотѣлъ отнять у насъ законныя средства для пріобрѣтенія благъ земныхъ; Онъ хочетъ отсѣчь только излишнія и незаконныя пріобрѣтенія, запрещаетъ неумѣренныя желанія, непомѣрныя заботы о житейскомъ. Не жалѣйте трудовъ, нещадите ничего для снисканія спасенія: это должно быть первою и главною цѣлію нашею, а все прочее почитайте маловажнымъ; все прочее, что нужно, безъ усильнаго труда, дастся намъ. Какимъ образомъ? когда будемъ преимущественно заботиться о душѣ, то у насъ не будетъ суетныхъ желаній для тѣла, не будетъ многихъ прихотей и пристрастій, которыя умножаютъ мнимыя и ложныя потребности наши. Тогда и Богъ лучше поможетъ намъ во всемъ, и самые малые труды наши благословитъ сторичнымъ плодомъ, все устроитъ такъ, что мы не будемъ имѣть ни въ чемъ нужномъ недостатка. Вѣрно, свято и совершенно истинно слово Господа нашего: *ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ!*

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 25, Маія 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іереміи.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 12. НЕДѢЛЯ 4 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ІЮНЯ 19. 1838.

Апостолъ. Рим. 6, 18—23. Евангеліе. Матѳ. 8, 5—13.

ЧТО ЕСТЬ ИКОНА?

Икона есть слово Греческое, и означаетъ наружный видъ или образъ, такъ какъ на нашемъ Россійскомъ языкѣ всѣ святыя Иконы и называются Образами. Святая Икона есть только образъ, слабое начертаніе того лица или вида, въ какомъ угодно было Богу нѣкогда являться человѣкамъ. Напримѣръ, Пророки видѣли Бога-Отца во образѣ мужа престарѣлаго, древняго,—яко безначальнаго и безконечнаго: для того и изображается Онъ вешхимъ деньми,— въ знакъ вѣчности Его. Угодно было Богу-Сыну явиться міровi въ видѣ совершеннаго человѣка: для того Сынъ Божій и изображается всегда человѣкомъ. Снизшелъ Духъ Святый съ небесъ на крестившагося Іисуса Христа въ видѣ голубя: для того и пишется на иконахъ Духъ Святый въ видѣ голубинѣ.

Посему, Христіанинъ, взирая на святыя Иконы, и долженъ имѣть ихъ истинное чувствованіе объ нихъ, долженъ принимать ихъ не за самое Божество, а только за изображеніе, и за изображеніе не самой существенности Божества, а единыхъ тѣхъ внѣшнихъ видовъ, въ которыхъ Премудрый Богъ являлся человѣкамъ, приспособляяся къ способностямъ зрѣнія и понятія ихъ. Существо Боже-

ства не на Иконѣ, не въ древѣ, не въ краскахъ заключается, но состоитъ въ духовной, невидимой, красками неизобразимой и неописанной существенности, которая и на небеси пребываетъ и всю землю исполняетъ, которая и въ освященномъ Храмѣ присутствуетъ, и обыкновеннаго дома твоего не пренебрегаетъ. Существо Божества ни отъ кого начала не имѣетъ, никогда не перемѣняется, тѣмъ паче не тлѣетъ и не ветшаетъ, и вовѣкъ не будетъ имѣть конца: не такъ какъ святая Икона, которая и начало получаетъ отъ художника, и со временемъ перемѣняется, отъ воздуха вредится, а часто, истлѣвъ, и совсѣмъ разрушается. Существо Божества не въ одномъ Храмѣ, не на стѣнѣ и не въ переднемъ углу дома твоего имѣется, но вездѣ; Оно, яко Вездѣсущее, предъ тобою всегда, и ты предъ Нимъ на всякомъ мѣстѣ.

Слѣдовательно, и молиться должно сему Вездѣсущему Существу на всякомъ мѣстѣ;— не только тамъ, гдѣ святая Икона стоитъ, но и тамъ, гдѣ бы никакого образа Божія не было,— живо въ умѣ своемъ представляя, что Богъ, по невидимому духовному Существу своему, вездѣ есть. Да Иконы святыя не для того и поставляются въ священныхъ Храмахъ и въ домѣхъ, чтобы мы къ нимъ собственно простирали прошенія свои; но для того, чтобы мы чрезъ нихъ, яко чрезъ знаки, чрезъ наружныя указанія, слабою памятію своею воспоминали о единомъ Вездѣсущемъ Богѣ своемъ, и имѣя ихъ предъ глазами, представляли, что такъ-то находится предъ нами невидимо Самъ Богъ, самое существенное, величественнѣйшее Лице Его,— и чтобы мы съ почтеніемъ взирая на святой Образъ, и изъ почтенія преклоняя предъ Нимъ колѣна, духомъ своимъ покланялися Тому Самому Высочайшему, невидимо предъ нами предстоящему Существу, яко истинному Богу, яко Творцу, яко Вседержителю, яко Господу, и Искупителю, и съ Нимъ, какъ живымъ, какъ на насъ взирающимъ, какъ наши прошенія слушающимъ и пріемлющимъ, съ благоговѣніемъ бесѣдовали и устами и сердцемъ.

Посему, Христіанинъ, предстоя въ освященномъ Храмѣ, и съ почтеніемъ взирая на святыя Иконы, всегда отъ Образа Божія возводи мысль свою на Самаго Господа, невидимо тебѣ самымъ Существомъ Своимъ соприсутствующаго, и молись Ему, устами воспѣвая Божественныя пѣсни, тѣломъ покланяясь, а умомъ и сердцемъ предлагая внутреннія свои прошенія,— молись Ему духомъ своимъ, помня, что Богъ *есть Духъ*, Существо невидимое, *и иже кланяется Ему, духомъ и истиною*, внутренно, *достоитъ кланятися* (Іоан. 4, 24.).

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА И ВѢТВИ.

Іоан. 15, 1—6.

Сынъ. Что вы читаете, батюшка?

Отецъ. Творенія блаженнаго Кипріана.

С. Мнѣ можно послушать?

О. Слушай. *(читаетъ развернутую страницу въ твореніяхъ св. Кипріана.)* „Пойдемъ, сядемъ въ тѣни сада; тамъ сосѣднія мѣста одиноки, и даютъ намъ безмолвное убѣжище; тамъ пріятно колеблющіяся молодыя вѣтви лозъ виноградныхъ, развѣшиваясь и

перегибаясь на своихъ подставкахъ, образовали для насъ съ тобою виноградную бесѣдку съ зеленымъ лиственнымъ покровомъ“ (*).

С. Къ кому это пишетъ блаженный Кипріанъ и кого зоветъ въ виноградный садъ?

О. Онъ пишетъ къ ученому современнику своему Донату, и приглашаетъ его на святую бесѣду о *благодати Божіей*.

С. Для чего въ виноградномъ саду, а не дома бесѣдовать о благодати Божіей?

О. Для того, мой сынъ, что истины Библіи и самая Библія понятнѣе, когда читаемъ ее, смотря на природу, а природа пріятнѣе и животворнѣе для сердца, когда смотримъ на нее съ Библіею...

С. Я часто сижу съ Евангеліемъ въ саду подлѣ нашего винограда, и мнѣ такъ же кажется, что тамъ оно прилежнѣе читается. Нельзя ли и теперь почитать библіи, и поговорить о винограде, который я такъ люблю?

О. Пожалуй; станемъ смотрѣть въ Библію, и поговоримъ о томъ, чему учитъ насъ виноградъ, по ея указанію. Возми, раскрой Евангеліе отъ Іоанна, и читай 15-ю главу сначала.

С. „Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ мой виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ; и всякую приносящую плодъ очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода. Будьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, ежели не будетъ на лозѣ: такъ и вы если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ: тотъ много приноситъ плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ: тотъ извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь; и горятъ *онѣ*. Ежели пребудете....“

О. Довольно; это мѣсто весьма важно, и въ разсужденіи твоего винограда самое знаменательное во всей Библіи. Чтобъ оно не казалось тебѣ одинокимъ, я обставлю его другими мѣстами Писанія, и изъ пяти-десяти спишковъ выростетъ у насъ съ тобою цѣлый.... какъ бы тебѣ сказать?... виноградный садикъ любезнаго слова Господня.

С. Ахъ, какъ это будетъ хорошо!

О. Физическое состояніе винограда Библія изображаетъ также, какъ и Ботаника; указываетъ на его сѣмя, корень, стволъ, или стебель, вѣтви, или *розги, лѣторасли*, или побѣги, цвѣтъ и плодъ. (Езек. 17, 6-9. 19, 10. Быт. 40, 10. Иса. 34, 9.) Самое великолѣпное описаніе этого растѣнія находится въ Псалмѣ 79. Прочти.

С. „Боже воинствъ! изъ Египта перенесъ ты виноградную лозу, и посадилъ ее. Ты очистилъ для ней мѣсто, и она пустила корни свои, и заняла всю землю. Горы покрылись ея тѣнію, и отрасли ея стали, какъ Божіи кедры. Она простерла вѣтви свои до моря, и отрасли свои до рѣкъ. Почто разрушилъ Ты ограды ея, чтобы обрывали ее всѣ проходящіе путемъ? лѣсный вепрь подгрызаетъ ее, и полевой звѣрь поѣдаетъ ее. Боже воинствъ! обратися, приникни съ небесъ и зри, и посѣти виноградъ сей, сіе насажде-

(*) Бл. Кипріана посланіе къ Донату о благодати Божіей.

ніе, которое насадила десница Твоя (—8—16.)“—Не ужели такъ широко и въ такую даль растетъ виноградъ?

О. Молитвенная пѣснь Богодухновеннаго пѣвца Израилева изображаетъ, подъ видомъ винограда, состояніе народа Божія; но и обыкновенный виноградъ растетъ на Востокѣ почти также, какъ описываетъ его Псаломъ. Въ Палестинѣ онъ росъ цѣлыми рощами; одѣвалъ сады; вбирался корнями и вѣтвями на горы; съ горъ сходилъ въ долины; распилался по равнинамъ отъ рѣки до рѣки, и занималъ, какъ говоритъ пѣвецъ, всю землю обѣтованную, покоя ее своею тѣнію отъ палящихъ лучей восточнаго солнца.

С. Обѣтованная земля представляется мнѣ раемъ.

О. Да; Богъ любилъ ее,—и по Его святой волѣ росли въ ней гранаты, финики, виноградъ и другія прекрасныя произведенія земныя для народа возлюбленнаго; ея долины и равнины уподоблялись вѣчно-цвѣтущимъ садамъ. Обиліе винограда, его плодовитость, его сладкій и благовонный сокъ, *веселящій сердце человѣка,* его густая и пріятная тѣнь отъ широкихъ и пушистыхъ вѣтвей, подъ которыми сладко почивалъ старинный Израильтянинъ, и могъ, не вставая съ мѣста, доставать себѣ виноградныя ягоды,—все это составляло для народа Божія родъ земнаго Рая. По этому и Писаніе, любя весьма часто говорить о винограде, употребляетъ его для изображенія счастливой жизни Іудеевъ какъ общественной, такъ и семейной: прочти 2 Цар. 17, 11.

С. „И живяху Іуда и Израиль безпечально, кійждо подъ виноградомъ своимъ, и подъ смоковницею своею, ядуще и піюще, отъ Дана и даже до Вирсавіи, во вся дни Соломона.“

О. Данъ былъ пограничный городъ къ сѣверу, а Вирсавія—пограничный къ югу; выраженіе: отъ *Дана до Вирсавіи* означало пространство всей Іудейской земли. Прочитанный тобою стихъ описываетъ цвѣтущее славою, мудростію, силою и богатствомъ царствованіе Соломона, подъ правленіемъ коего каждый Еврей жилъ безпечально, всѣмъ довольный, сидя подъ тѣнію своего винограда, т. е. велъ совершенно счастливую жизнь общественную; наслаждался такимъ же спокойствіемъ и безопасностію, какимъ наслаждаемся мы теперь подъ мудрымъ и могучимъ правленіемъ нашего Русскаго Царя православнаго.

С. Вы сказали, что въ Писаніи виноградъ употреблялся для изображенія счастливой жизни семейной, или домашней.

О. Да; если хочешь, я слегка разверну тебѣ картину семейнаго счастія, описанную кистью винограда. Прочти нѣсколько стиховъ изъ 127 Псалма.

С. „Блаженъ ты, и благо тебѣ! жена твоя, какъ плодоносная лоза *виноградная,* посреди дома твоего; сыны твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ стола твоего. Се тако благословится человѣкъ, боящійся Господа! Благословитъ тебя Господь съ Сіона,—и увидишь ты сыновъ у сыновъ твоихъ.“

О. Видишь ли, что благословенное семейство есть садъ Господа Бога на землѣ? Отецъ и мать—плодовитыя лозы виноградныя; дѣти—вѣтви и отрасли ихъ. А когда они соберутся къ столу, смотри, какъ они хороши! они сидятъ

кругомъ, какъ оливковыя или виноградныя вѣтви,—молодыя, нѣжныя; тихо смѣются, тихо колеблются, любезно говорятъ и сладко слушаютъ. Такъ тѣсно связаны между собою, такъ дружно сплетены, какъ листья и вѣтки одного ствола на одномъ корнѣ виноградномъ. Всѣ они одинъ для другаго и одинъ въ другомъ.

С. Изъясните мнѣ, пожалуста, еще тѣ мѣста, гдѣ св. Писаніе изображаетъ подъ видомъ винограда Церковь Божію.

О. Всѣхъ мѣстъ Писанія о винограде, выражающемъ разныя состоянія Церкви, мы съ тобою теперь не можемъ перечислить; поэтому я остановлюсь только на нѣкоторыхъ. Они давно нравятся тебѣ; выбирай ихъ, по моему указанію, и читай мнѣ.

С. Книга Пѣснь Пѣсней: „Отвѣщаетъ братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя. Яко се зима прейде, дождь отыде, отыде себѣ. Цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ; гласъ горлицы слышанъ въ земли нашей. Смоковь изнесе цвѣтъ свой, виногради зрѣюще даша воню (2, 10—14)." Какія живыя слова! какъ будто живые цвѣты.

О. Да; это мѣсто прекрасно; я уже не молодъ, но когда ты мнѣ читаешь его, мнѣ кажется, что я, какъ юноша, весною прогуливаюсь въ виноградномъ саду Востока, и дышу благовоннымъ его запахомъ. Смыслъ пѣсни тебѣ понятенъ: въ ней Господь выражаетъ свою любовь и благодать къ Церкви.

С. Но мнѣ всегда бываетъ грустно, когда я читаю, или слышу, пѣснь Пророка Исаіи, въ коей Возлюбленный приноситъ такую горькую, но тихую жалобу на неплодіе винограда. „Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь,—пѣснь возлюбленнаго моего винограду моему. Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ (на высотѣ горы), на мѣстѣ тучнѣ: и огражденіемъ оградихъ его, и окопахъ, и насадихъ лозу избранну, и создахъ столпъ посреди его, и предточиліе ископахъ въ немъ, и ждахъ да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе. И нынѣ, живущіи во Іерусалимѣ, и человѣче Іудинъ, судите между Мною и виноградомъ моимъ. Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему? занеже (почему же) ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе?—Виноградъ Господа Саваоѳа домъ Израилевъ есть, и человѣкъ Іудинъ—новый садъ возлюбленный (Исаі. 5, 1—7.)" Мнѣ жаль этого человѣка Іудина, новаго сада у Возлюбленнаго; мнѣ жаль и того, что Господь милосердый ждалъ,—и ничего недождался отъ него, кромѣ худыхъ плодовъ.

О. Да, мое дитя; эта пѣснь весьма прогательна, и наводитъ глубокую грусть на всякаго человѣка съ чувствомъ. Въ ней изображена вся судьба Церкви Іудейской—и счастливая и несчастная. Господь Богъ изъ цѣлаго человѣчества выбралъ Себѣ одну семью, какая только могла быть лучшею въ испорченномъ семействѣ рода человѣческаго,—какъ изъ дикихъ виноградовъ лозу лучшей породы. Перенесъ ее, какъ орелъ на крыльяхъ, черезъ море и пустыню; посадилъ на лучшей землѣ, ибо то была земля, текущая медомъ и млекомъ; Самъ очистилъ ее отъ враговъ,—оныхъ исполиновъ, сыновъ Енаковыхъ, предъ которыми Израильтяне казались такъ малы, какъ прузи или мухи. Оградилъ Свою

семью Закономъ, обрядами, какъ оплотомъ, чтобы въ нее не врывались языческіе нравы, обычаи, нечестіе; воздвигалъ мудрыхъ вождей и правителей, которые были бы столпами благочестія; далъ Скинію и храмъ, куда люди семьи избранной долженствовали являться съ плодами добрыхъ дѣлъ, какъ зрѣлый виноградъ собирается въ точило для взятія изъ него сладкаго сока. „Ничтоже бѣ оставлено, говоритъ св. Златоустъ, но вся совершена. И законъ даде, и градъ воздвиже, и жертвенникъ устрои, и Церковь созда, и отыде, сирѣчь долготерпѣ (*).“ Но все тщетно. Ты помнишь притчу Спасителя о злыхъ дѣлателяхъ въ виноградникѣ?

С. Помню: (Матѳ. 21, 33—46. Марк. 12, 1—12. Лук. 20, 9—19.).

О. Всѣ попеченія Господа были напрасны; члены семьи Божіей постоянно отпадали, какъ сухія вѣтви винограда; а наконецъ и вся семья сдѣлалась негодною. Тогда исполнилась вторая половина пророческой пѣсни Возлюбленнаго. Читай.

С. „Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что Азъ сотворю винограду Моему: отыму ограждение его и будетъ въ разграбленіе; и разорю стѣны его, и будетъ въ попраніе. И оставлю виноградъ Мой, и къ тому не обрѣжется, ниже покопается, и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе; и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя.“—

О. Тогда домъ Израилевъ, этотъ прекрасный садъ Іеговы, былъ низвергнутъ; и тогда въ цѣломъ человѣчествѣ не оставалось уже ни одной семьи Божіей. Тогда, говорю я тебѣ, на челѣ всего человѣчества ясно можно было читать оную древнюю надпись Пророка: *вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго!* Ее и читали въ свое время. Господь съ небесъ возрѣлъ нѣкогда на сыновъ человѣческихъ, чтобы видѣть, есть ли разумѣющій, или ищущій Бога,— и сказалъ: „нѣтъ ни одного; развратны они— эти сыны человѣческіе,— гнусны дѣла ихъ (Псал. 13, 1—3.).“— Спустя долгое время Апостолъ тоже возвелъ свой ясновидящій взоръ на человѣчество;— и онъ принужденъ былъ повторить: „нѣтъ праведнаго ни одного; никто не ищетъ Бога; всѣ до одного негодны; нѣтъ добродѣтельнаго, нѣтъ ни одного (Римл. 3, 10—12).“ Куда годилось такое человѣчество?

С. Страшно подумать, какъ много человѣкъ можетъ быть грѣшенъ и неблагодаренъ, и какой гнѣвъ Божій готовитъ онъ себѣ добровольно.

О. Что́жъ ты думаешь,— Господь Богъ предалъ гнѣву своему отпадшее отъ него человѣчество? Нѣтъ; когда родъ человѣческій, какъ негодный виноградникъ, созрѣлъ для сожженія: тогда Богъ милосердый нашелъ такое средство— возобновить его, какое только Онъ одинъ могъ найти.

С. Какое это средство?

О. Сей часъ увидишь. Теперь сами собою опять встрѣчаются намъ, для объясненія, тѣже слова возлюбленнаго Спасителя, съ которыми встрѣтились мы при началѣ разговора. Повтори первый стихъ.

С. (*Читаетъ*) „Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой виноградарь.“—

О. Въ этихъ словахъ замѣть двѣ истины: 1) родъ человѣческій

(*) На Матѳ. Бесѣд. 6, 8. листк. 375.

можетъ сдѣлаться негоднымъ, какъ испортившійся и одичалый виноградъ; но Отецъ небесный никогда неперестаетъ быть виноградаремъ, т. е. зиждителемъ Церкви въ человѣчествѣ; 2) когда въ родѣ человѣческомъ нельзя уже было выбрать ни одной благородной лозы,— ни одного племени, годнаго для Церкви: тогда Сынъ Божій, истинный Богъ, дѣлается Самъ истинною виноградною лозою,— началомъ и корнемъ для новаго благодатнаго человѣчества.— Прочти четвертый и пятый стихи.

С. (*читаетъ*) „Будьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Я есмь лоза, а вы вѣтви. Кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ; тотъ много приноситъ плода: ибо безъ Меня неможете дѣлать ничего.“—

О. Здѣсь Господь нашъ представляетъ глубочайшую тайну соединенія Божества съ человѣчествомъ. Спаситель сдѣлался началомъ и корнемъ новаго человѣчества. Поэтому и всякій человѣкъ только тогда можетъ жить и хорошо дѣйствовать, когда онъ привитъ ко Христу, какъ вѣтвь къ виноградной лозѣ. Вѣтвь получаетъ жизнь отъ лозы, бываетъ зелена, свѣжа, цвѣтетъ и приноситъ зрѣлыя и прекрасныя ягоды только тогда, когда находится на доброй лозѣ: отними ее отъ этой лозы,— она увянетъ, засохнетъ, и никуда больше негодится, какъ въ огонь. Такъ точно и каждый человѣкъ; пока соединенъ со Христомъ, онъ имѣетъ подлинную жизнь,— свѣжую, цвѣтущую и красящуюся небесными доблестями: отпади онъ отъ Христа,— съ нимъ сдѣлается именно то, о чемъ Спаситель говоритъ въ шестомъ стихѣ. Читай.

С. „Кто не пребудетъ во Мнѣ; тотъ извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ. А такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь,— и горятъ.“

О. Вотъ участь людей, непривитыхъ или послѣ привитія отпадшихъ отъ возлюбленнаго Спасителя.....

С. Но скажите мнѣ, какъ люди грѣшные могутъ соединяться со Христомъ и прививаться къ Нему, какъ вѣтви къ лозѣ?

О. Прочти 2 и 3-й стихи.

С. (*читаетъ*) „Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ; и всякую приносящую плодъ очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода. Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ.“—

О. Ты слышишь здѣсь объ *отсѣченіи*, объ *очищеніи*. Это значитъ, что для привитія насъ къ истинной лозѣ нашей, къ Господу Іисусу, намъ нужно отсѣченіе, нужны очистительныя средства. Какъ прививаютъ деревья? Сперва отрѣзываютъ дикую вѣтвь, и тогда дерево какъ бы умираетъ; потомъ присаживаютъ къ нему вѣтвь садовую, которая срослись съ дикимъ пнемъ, даетъ ему свою жизнь. Тоже и съ нами: мы должны отсѣчь у себя все нечистое, умереть грѣху, и принять слово, Господомъ проповѣданное или Евангеліе, которое Онъ далъ намъ; которое очищаетъ умъ нашъ отъ предразсудковъ, суевѣрія, невѣжества; которое мы должны принять *вѣрою*, и исполнить *на дѣлѣ*. Но это не все еще: всѣ люди грѣшны, и потому за грѣхи свои всѣ должны были страдать и умереть на вѣки; Спаситель самъ исполнилъ законъ вмѣсто людей; будучи невиненъ и безгрѣшенъ,

на Себя подъялъ грѣхи всего міра; за эти грѣхи пострадалъ и умеръ, и своею кровію омылъ, очистилъ, оправдалъ людей передъ правосудіемъ Отца небеснаго: по этому мы должны облечься въ заслуги Искупителя нашего. И это не все; какъ для привитаго дерева нуженъ благотворный дождь, теплый и свѣжій воздухъ весенній: такъ и для насъ нужна благодать Божія, напаяющая сердце подобно дождю, вѣющая въ душѣ подобно тихому вѣтерку весеннему. Но и это не все: Спаситель установилъ таинства, употребляемыя нашею Церковію. Какія?

С. Крещеніе, Миропомазаніе, Покаяніе, Евхаристію и проч.

О. Вотъ въ этихъ таинствахъ есть именно та животворящая сила, которая пересозидаетъ человѣка, и прививаетъ его, какъ очищенную и свѣжую вѣтвь, къ возлюбленному Спасителю. Сколько разъ ты раждался?

С. Одинъ разъ.

О. Больше, мой сынъ. Сперва ты родился отъ насъ; но мы родили тебя грѣшнымъ,— и ты былъ, въ отношеніи къ нашему Спасителю, все равно, что дикая вѣтка. Тебя надобно было привить; это совершилось съ тобою въ таинствѣ Крещенія. Въ святой купѣли умерла, какъ срѣзанная вѣтвь, и погребена твоя грѣховная природа, которую получилъ ты отъ насъ,— и таинственно родилась новая, благодатная; тамъ, силою Духа Божія, ты *омылся, оправдался и освятился;* это твое второе рожденіе. Въ св. купѣли, ты, оправданный и освященный, невидимо встрѣтился съ возлюбленнымъ Искупителемъ,— и *сочетался* Ему, или— что тоже— привился къ Нему, какъ новая благодатная вѣтвь. Изъ утробы матерней ты вышелъ съ первороднымъ грѣхомъ; изъ св. купѣли вышелъ чистъ и невинекъ, какъ Ангелъ; и насадился въ саду Божіемъ, какъ новый виноградъ. Видишь ли способъ прививія?

С. Вижу.

О. Послѣ Крещенія надъ тобою совершено другое таинство— Миропомазаніе. Что оно сообщило тебѣ? Новорожденному, слабому сыну благодати, оно принесло тебѣ дары св. Духа, возращающіе и укрѣпляющіе тебя въ духовной жизни. Это еще тѣснѣе скрѣпило связь твою съ возлюбленнымъ Спасителемъ. На груди матери своей нашелъ ты первое успокоительное ложе, первую нѣжную пищу для своей нѣжной жизни тѣлесной. Но что значитъ молоко матери передъ тою животворящею пищею и питіемъ, которыя далъ тебѣ Христосъ твой? Я говорю о таинствѣ Причащенія, или Евхаристіи, которое совершилось надъ тобою вскорѣ по Крещеніи. Въ этомъ, несказанно важномъ для насъ, таинствѣ ты пріобщился истиннаго тѣла, истинной и животворящей крови возлюбленнаго Спасителя нашего, и сталъ Его плотію и кровію, сдѣлался причастникомъ естества Его; однимъ словомъ, ты, какъ самъ Спаситель говоритъ, въ Немъ сдѣлался пребывающимъ.

Вотъ какъ Господь нашъ прививаетъ къ Себѣ насъ, людей бѣдныхъ и несчастныхъ безъ Него! Сверхъ того, Онъ милосердый установилъ таинство Покаянія: это таинство есть какъ бы второе крещеніе для падшихъ грѣшниковъ; въ немъ истинно и глубоко кающійся получаетъ совершенное отпущеніе грѣховъ, удостоивается святыхъ и животворя-

щихъ таинъ тѣла и крови Господа Іисуса, и чрезъ то снова соединяется съ своимъ Спасителемъ, отъ котораго отпалъ было своимъ беззаконіемъ.— Покаяніе есть новое рожденіе духовное....

Кончимъ, сынъ мой; твой виноградъ подалъ намъ обширный предметъ для бесѣды о возлюбленномъ Искупителѣ нашемъ. Что-жъ ты будешъ помнить изъ ней?

С. Все, родитель мой.

О. По крайней мѣрѣ, при всякомъ взглядѣ на виноградъ, живо припоминай слова любезнаго Спасителя, и думай себѣ такъ: „Виноградная лоза держитъ на себѣ вѣтви; такъ и меня держитъ мой Спаситель, пока я невиненъ. Виноградная вѣтвь дотолѣ живетъ, пока она на своей лозѣ: такъ и мнѣ дотолѣ жить, пока я держусь моего Спасителя. Виноградная вѣтвь свѣжа, и красива потому, что отъ лозы получаетъ жизненную влагу и духъ: и я могу только тогда быть свѣжею и достойною отраслію въ саду Божіемъ, буду приносить плоды добрыхъ дѣлъ, пока ученіе моего Спасителя, Его дѣла, вся святая жизнь Его будутъ моею душею, жизнію, неизмѣннымъ правиломъ моей дѣятельности. Виноградная вѣтвь вянетъ и засыхаетъ, когда отломится отъ своей родимой лозы: изсохнетъ и моя душа и жизнь, когда я отвергну вѣру въ моего Спасителя, не послушаю Его ученія, не буду подражать Его дѣламъ.“

ПРОПОВѢДНИКЪ ПОКАЯНІЯ ИЗЪ ДРУГАГО МІРА.

Въ половинѣ прошедшаго вѣка, жили въ М.... два брата, князья Д....; нѣжнѣйшая дружба связывала ихъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. По обычаю тогдашняго времени, оба они были воспитаны за границею, именно во Франціи, въ которой развратъ и безбожіе царствовали тогда въ высшей степени. Проведши такъ нѣсколько лѣтъ, они возвратились наконецъ въ Россію, обогащенные многоразличными свѣдѣніями; но одинъ изъ нихъ не уберегъ своего сердца отъ обаянія лживыхъ учителей, которыми наполнена была въ то время Франція. Всею душею пристрастился онъ къ ихъ погибельному ученію; любимымъ чтеніемъ его были безбожныя сочиненія Французскихъ Энциклопедистовъ. Къ большему несчастію для своей души, онъ былъ назначенъ посланникомъ ко двору Прусскаго Короля, Фридриха II. Извѣстна несчастная страсть сего Государя, шутить и издѣваться надъ всѣмъ священнымъ. Вскорѣ Фридрихъ, по сходству въ образѣ мыслей, полюбилъ князя Д... и удостоилъ его своей особенной довѣренности. Можно представить себѣ разговоры и обращеніе двухъ вольнодумцевъ!— Напрасно другой братъ, остававшійся въ Россіи, старался обратить, любимаго имъ, брата на путь вѣры и благочестія, увѣряя его, что онъ находится въ заблужденіи, что безъ истинной Вѣры нѣтъ, и не можетъ быть, счастія на землѣ, что она одна утѣшаетъ насъ въ бѣдствіяхъ, обуздываетъ страсти, напутствуетъ человѣка въ лучшую жизнь, и у самыхъ дверей гроба торжествуетъ надъ ужа-

сами смерти.— Вольнодумецъ шутилъ надъ убѣжденіями брата, и, въ отвѣтъ, писалъ ему любимыя мѣста изъ Вольтера, Даламбера, Дидро и самаго Фридриха, котораго боготворилъ. Доброму брату оставалось только молиться о обращеніи заблудшаго, и — Богъ услышалъ молитву благочестиваго.

Однажды князь Д., возвратясь поздо отъ Короля и чувствуя сильную усталость, бросился на кровать и немедленно уснулъ. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то отдергиваетъ занавѣсъ у его постели, приближается къ нему, и холодною, оледенѣвшею, рукою жметъ его руку. Онъ всматривается, видитъ своего брата, хочетъ броситься въ объятія къ нему, но тотъ, устремивъ на него взоръ исполненный любви, произноситъ одно только слово: *вѣруй!* и мгновенно изчезаетъ. Изумленный князь пробѣгаетъ по всему дому, будитъ служителей, спрашиваетъ у каждаго: гдѣ братъ мой? куда онъ дѣвался? Наконецъ приходитъ къ мысли, что это была мечта; но слово: *вѣруй!* продолжаетъ раздаваться въ ушахъ его и не даетъ ему покоя. На другой день Фридрихъ узнаетъ причину печали Россійскаго Министра, смѣется надъ его видѣніемъ и успокоиваетъ его.— Однакожъ князь записалъ въ памятной книжкѣ случившееся происшествіе, означилъ число, часъ, минуту.... И каково было изумленіе его, когда первая почта изъ Россіи сообщила ему о кончинѣ брата, послѣдовавшей въ тотъ самый день и часъ, въ ту самую минуту, какъ онъ видѣлъ и слышалъ его? Живѣйшее раскаяніе заступило мѣсто пагубнаго безбожія, и истинная вѣра водворилась съ того времени въ сердцѣ отступника. „Молодые люди, говорилъ онъ часто“, возвратясь въ послѣдствіи въ Россію, „вотъ что случилось со мною! Всемогущій сжалился надъ моимъ заблужденіемъ и извлекъ меня изъ пропасти. Берегитесь попасться въ нее; не читайте книгъ соблазнительныхъ. Примѣръ мой да послужитъ вамъ поученіемъ; безъ благочестія нѣтъ счастія и на землѣ, тѣмъ паче не найдете его въ жизни будущей.“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры; съ дозволенія Дух. Цензуры 1 Іюня 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 13. НЕДѢЛЯ 5 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ІЮНЯ 26. 1838.

Апостолъ: Римл. 10, 1—10. Евангеліе: Матѳ. 8, 28—34. и 9, 1.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ЖИЗНИ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

Павелъ, по происхожденію, Еврей отъ колѣна Веніаминова (Фил. 3, 5); Римскій гражданинъ, по праву рожденія въ Тарсѣ Киликійскомъ (Дѣян. 22, 3. 25—28); по *закону*, или по особливому *толку*, Фарисей (Фил. 3, 5), къ чему приготовленъ воспитаніемъ въ Іерусалимѣ у славнаго законоучителя Гамаліила (Дѣян. 5, 34); художествомъ *скинотворецъ* (дѣлатель палатокъ) (Дѣян. 18, 3); по предопредѣленію, *сосудъ избранъ* (Дѣян. 9, 15); по духовному служенію, проповѣдникъ, *Апостолъ и Учитель языковъ* (1 Тим. 2, 7); по смиренію, *мнѣй Апостоловъ* (1 Кор. 15, 9); по трудамъ, *паче всѣхъ ихъ* (1 Кор. 15, 10).

Вскорѣ по вознесеніи Господнемъ, Павелъ сдѣлался извѣстенъ какъ гонитель Церкви Христовой. Во время побіенія каменіемъ Стефана, онъ, какъ участникъ, стерегъ одежду побивающихъ (Дѣян. 7, 58—8, 3).

Въ томъ же духѣ идя въ Дамаскъ, Павелъ былъ ослѣпленъ свѣтомъ и обращенъ гласомъ Христовымъ съ небеси; а въ самомъ Дамаскѣ пріялъ отъ Ананіи прозрѣніе и крещеніе, и содѣлался исповѣдникомъ (Дѣян. 9, 1—22).

Отселѣ былъ въ Аравіи (Гал. 1, 15—17); послѣ чего паки въ

Дамаскѣ, гдѣ испыталъ первую опасность отъ Іудеевъ и князя языческаго (Дѣян. 9, 23—25. 2 Кор. 11, 32).

По сему случаю пришедъ въ Іерусалимъ, вошелъ въ общеніе съ Петромъ и Іаковомъ, братомъ Господнимъ: но и здѣсь, раздраживъ проповѣдію Еллиновъ, отправился въ Кесарію, а потомъ въ Тарсъ (Дѣян. 9, 26—30. Гал. 1, 18—21.).

Когда основалась Церковь Антіохійская, Павелъ приглашенъ былъ Варнавою для ея утвержденія. По случаю голода, сба они были посланы отъ нея въ Іерусалимъ съ милостынею. (Дѣян. 11, 25—30.)

Послѣ сего, по торжественному воззванію отъ св. Духа, Павелъ предпринялъ изъ Антіохіи съ Варнавою *первое Апостольское путешествіе*, въ которомъ посѣщены Евангеліемъ:

Селевкія,

Кипръ, гдѣ Павелъ ослѣпивъ волхва Бар-Іисуса, обратилъ къ вѣрѣ Проконсула, Сергія Павла;

Антіохія Писидійская, гдѣ язычники приняли проповѣдь, а Іудеи воздвигли гоненіе на проповѣдниковъ;

Иконія, отнуда также междуусобіе жителей препроводило ихъ далѣе;

Листра, гдѣ Павелъ, исцѣливъ хромороженнаго, принятъ былъ за Меркурія язычниками, а отъ Іудей побитъ каменіемъ; наконецъ

Дервія съ окрестностями.

Путешествіе кончилось обратнымъ посѣщеніемъ новоучредившихся Церквей (Дѣян. гл. 13 и 14).

Распря о свободѣ Христіанъ отъ закона обрядоваго и, по сему случаю, бывшее Павлу откровеніе, вновь привели его изъ Антіохіи въ Іерусалимъ. Апостолы утвердили его ученіе Соборомъ, и признали его *Богоизбраннымъ Апостоломъ языковъ* (Дѣян. 15, 1—33. Гал. 2, 1—10).

По нѣкоторомъ времени, слѣдовало *второе путешествіе Апостольское* Павла, въ которомъ, кромѣ прежде утвердившихся Церквей, посѣщены:

Фригія,

Галатія,

Мисія,

Троада, отнуда Апостолъ видѣніемъ воззванъ въ Македонію,

Неаполь,

Филиппы, гдѣ онъ за изгнаніе *духа пытливаго* (прорицательнаго), вмѣстѣ съ сопутникомъ своимъ, Силою, біенъ и ввержень въ темницу, но токмо для того, чтобъ чудомъ молитвы привести къ Богу темничнаго стража;

Амфиполь,

Аполлонія,

Солунь, или Θессалоники, гдѣ хотя нѣкоторые изъ Іудеевъ и многіе изъ язычниковъ увѣровали, но непокорившіеся Іудеи огласили проповѣдниковъ возмутителями;

Берія, гдѣ они приняты жителями совсѣмъ усердіемъ, но преслѣдованы отъ Θесалоникскихъ Іудеевъ;

Аѳины, гдѣ Павелъ проповѣдывалъ въ самомъ Ареопагѣ, и между прочими пріобрѣлъ Діонисія Ареопагита;

Коринѳъ, гдѣ Павелъ огорченный упорствомъ Іудеевъ, но и обнадеженный въ успѣхѣ видѣніемъ, проповѣдывалъ полтора года, и гдѣ онъ вступилъ въ новое служеніе—священнаго Писателя, написавъ посланіе къ Солунянамъ. (1 Сол. 3, 6. Дѣян. 18, 5.)

Кенхреи,
Ефесъ.

Путешествіе сіе окончилось посѣщеніемъ Церкви Кесарійской, празднованіемъ праздника въ Іерусалимѣ и нѣкоторымъ отдохновеніемъ въ Антіохіи. (Дѣян. 15, 36—18. 22.)

Въ *третьемъ*, отъ Антіохіи же начавшемся, *Апостольско-мученическомъ путешествіи*, Павломъ посѣщены:

Галатія,
Фригія,

Ефесъ, гдѣ Павелъ преподаетъ крещеніе и св. Духа ученикамъ Іоанновымъ, учитъ и чудодѣйствуетъ болѣе двухъ лѣтъ, и распространяетъ славу Евангелія по всей Азіи проконсульской, и гдѣ дерзновенное употребленіе имени Іисуса Христа Іудейскими заклинателями приводитъ въ раскаяніе многихъ чародѣевъ, а корыстолюбіе Димитрія сребороковача производитъ нелѣпое противъ Христіанъ возмущеніе;

Македонія и Еллада даже до Иллирика (Рим. 15, 19), и возвратно

Троада, гдѣ Павелъ воскрешаетъ падшаго изъ окна Евтиха;
Ассонъ,
Митилинъ,
Хіосъ,
Самосъ,

Милетъ, гдѣ Апостолъ какъ бы навсегда прощается съ Пастырями Ефесской Церкви;

Конъ,
Родосъ,
Патара,

Тиръ, гдѣ Павелъ получаетъ первое извѣстіе о узахъ ожидающихъ его въ Іерусалимѣ;

Птолемаида,

Кесарія, гдѣ предвѣстіе объ узахъ съ большею ясностію повторяется Пророкомъ Агавомъ, однако не колеблетъ Павла;

Іерусалимъ, гдѣ Павелъ, нѣкогда *въ лице противуставшій Петру* за Іудейскіе обряды (Гал. 2, 11—14), самъ принужденъ совершать ихъ, и однако подвергается навѣту Іудеевъ и опасности жизни, какъ врагъ закона и осквернитель храма; но, не смотря на то, во узахъ свидѣтельствуетъ о Іисусѣ, и явленіемъ Его призывается къ подобному свидѣтельству въ Римъ. А на семъ новомъ пути видятъ Павла:

Кесарія, куда бывъ препровожденъ для сохраненія отъ Іерусалимлянъ, заклявшихся умертвить его, нѣсколько разъ изъясняетъ онъ свою невинность и свою вѣру областнымъ правителямъ, Феликсу и Фесту и Царю Агриппѣ, но производитъ въ нихъ впечатлѣніе почти только однимъ *принесеніемъ Кесаря* (апелляціею къ Кесарю);

Сидонъ,
Кипръ,
Миры Ликійскія,

Мелитъ, гдѣ онъ и, по его предсказанію и совѣту, всѣ его спутники обрѣли спасеніе съ потонувшаго корабля, и гдѣ пребываніе его ознаменовано безвреднымъ угрызеніемъ отъ ехидны и цѣленіемъ недужныхъ;

Сиракузы,
Ригія,
Потіолы; наконецъ

Римъ, гдѣ Павелъ уже срѣтается Христіанами, впрочемъ два года

проповѣдуетъ за домашнею отъ правительства стражею, въ надеждѣ совершенной свободы (Фил. 1, 25. 26) и вноситъ Евангеліе въ самый домъ Кесаря (Фил. 4, 22. Дѣян. 18, 23— гл. 28).

Отъ Рима можно полагать начало *четвертаго Апостольскаго путешествія Павлова, темнаго* въ его Исторіи. По сказанію Климента (въ посл. къ Коринѳ.), онъ былъ въ сіе время на Западѣ, такъ какъ и вѣрно намѣревался быть въ Испаніи (Рим. 15, 24). По признакамъ, находящимся въ его посланіяхъ, догадываются, что онъ посѣтилъ вновь нѣкоторыя восточныя Церкви (Филим. 22. 2 Тим. 4, 13. 20), и основалъ новую въ Критѣ (Тит. 1, 5). Возвратясь же въ Римъ къ суду, всѣми оставленъ, но укрѣпленъ явленіемъ Господа (2 Тим. 4, 16—18). Въ сіе время пиша къ Тимоѳею, онъ предсказывалъ близость кончины своей (2 Тим. 4, 6), которая послѣдовала отъ меча, въ гоненіе Нероново, не ранѣе 64-го года по Р. Х.

ПОСОЛЬСТВО ОТЪ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ КЪ І. ХРИСТУ.

Іоаннъ же, слышавъ во узилищи дѣла Христова, посла два отъ учениковъ своихъ. Рече Ему: Ты ли еси грядый, или иного чаемъ? (*)

Матѳ. 11, 2.

Что за причина сего, столь страннаго, посольства и вопрошенія? Не уже ли Іоаннъ дотолѣ не былъ еще убѣжденъ, что Іисусъ Христосъ есть обѣтованный Спаситель міра? Не уже ли могъ сомнѣваться въ семъ тотъ, который еще во чревѣ матернемъ, при недостаткѣ слова, проповѣдывалъ пришествіе Его играніемъ радости; который при крещеніи Его съ благоговѣйнымъ трепетомъ говорилъ Ему: *азъ требую тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* Который, по крещеніи Его, видѣлъ отверзшыя небеса, слышалъ гласъ Отца небеснаго: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ;* видѣлъ Духа святаго въ видѣ голубя сшедшаго и почившаго на Немъ; который нѣсколько разъ, перстомъ указуя на Него, свидѣтельствовалъ всѣмъ велегласно: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра?*

И такъ очевидно, что не для своего убѣжденія, но для увѣренія учениковъ своихъ Іоаннъ посылалъ ихъ къ Іисусу Христу съ симъ вопрошеніемъ.

Изъ повѣствованія Евангельскаго извѣстно, что ученики Іоанновы, плѣнившись Ангелоподобною святостію жизни его, и Божественною нѣкоею силою его ученія, такъ къ нему прилѣпились, что никакъ не хотѣли отстать отъ него и тогда, когда уже Спаситель Христосъ проповѣдію и чудесами своими привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Даже извѣстно, что они имѣли слабость, свойственную человѣкамъ, еще не совершившимся въ благочестіи,—завидовать славѣ Іисуса Христа, предъ которою, по мнѣнію ихъ, начинала умаляться слава ихъ учителя. Ибо они еще не знали, кто есть Іисусъ Христосъ; а потому учителя своего, по необычайной строгости жизни и по старѣйшинству, ставили выше Его. При жизни своей Іоаннъ, какъ вѣрный слу-

(*) изъ Бесѣдъ Высокопреосв. Филарета, Митрополита Кіевскаго.

житель Божій, всячески старался исправить въ ученикахъ своихъ сію, хотя искреннюю, но неумѣстную ихъ къ нему ревность, и привесть ихъ къ вѣрѣ во Іисуса Христа. Такъ, когда они, послѣ спора о семъ съ Іудеями, пришли къ нему и выразили сію ревность, говоря: *Равви, иже бѣ съ тобою обонполъ Іордана, ему же ты свидѣтельствовалъ еси, се сей крещаетъ, и вси грядутъ къ нему*— онъ имъ отвѣчалъ: *вы сами мнѣ свидѣтельствуете, яко рѣхъ: нѣсмь азъ Христосъ, но яко посланъ есмь предъ Нимъ— оному подобаетъ расти, мнѣ же умалитися* (Іоан. 3, 26— 30). Но ученики Іоанна, приписывая сіи слова глубокому его смиренію, оставались при своемъ мнѣніи. Теперь, находясь въ темницѣ, и, по откровенію Божію, предвидя близкую свою кончину, предтеча Господень, заботясь о спасеніи учениковъ своихъ, изобрѣтаетъ новое, мудрое средство къ совершенному истребленію въ умахъ ихъ излишней къ нему привязанности; дабы они послѣ смерти его, желая прославить учителя своего, не отдѣлились отъ учениковъ Іисуса Христа. Будучи увѣренъ, что Господь Іисусъ Божественною премудростію своею исправитъ погрѣшительное ихъ мнѣніе, онъ, раздѣляя съ ними немощи ихъ, подъ покровомъ собственнаго недоумѣнія, посылаетъ двухъ изъ нихъ съ симъ вопросомъ: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* Такимъ поступкомъ своимъ Іоаннъ представляетъ совершенный образецъ истинныхъ служителей слова Божія, которые не только не ищутъ славы своей, но боятся оной, и паче всего заботятся о томъ, чтобы вся слава служенія ихъ принадлежала единому Богу!—

И отвѣщавъ Іисусъ рече имъ: шедше возвѣстите Іоаннови, яже слышите и видите. Слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ, мертвіи востаютъ, и нищіи благовѣствуютъ. И блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ.

Всевѣдущій Господь Іисусъ, разумѣя мысли своего Предтечи, на необычайный его вопросъ, необычайный даетъ и отвѣтъ. Отвѣчаетъ не словами, что Онъ есть Спаситель міра, обѣщованный Отцемъ— ибо сіе соблазнило бы Іудеевъ, которые и безъ того говорили Ему: *Ты самъ о себѣ свидѣтельствуеши*,— но такими дѣлами, изъ которыхъ ученики Іоанновы должны были сами совершенно въ томъ увѣриться. Святый Евангелистъ Лука повѣствуетъ, что Спаситель *въ тотъ же часъ*, вмѣсто отвѣта посланнымъ, *исцѣлилъ многихъ отъ недуговъ и ранъ, и духовъ злыхъ и многимъ слѣпымъ даровалъ прозрѣніе*. И послѣ уже сихъ благодѣтельныхъ чудесъ, которыхъ ученики Іоанновы были очевидцами, даетъ имъ отвѣтъ: идите возвѣстите Іоанну, что слышите и видите:— слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищимъ благовѣствуется. Сіи чудныя и благотворительныя роду человѣческому дѣла, свойственныя единому Богу, какъ несомнительные признаки обѣщованнаго Спасителя міра, возвѣщены объ Немъ еще чрезъ Пророка Исаію, который говорилъ: *укрѣпитеся руцѣ ослабленныя, и колѣна разслабленная— утѣшитеся малодушные умомъ, укрѣпитеся и небойтеся: се Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ, Той пріидетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глу-*

ихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый, яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ (Исаіи 35, 4). *Духъ Господень на Мнѣ, его же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникамъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе* (—61, 1.).—Кромѣ сего, дабы совершенно истребить въ душахъ учениковъ Іоанновыхъ погрѣшительное ихъ объ Немъ мнѣніе, Іисусъ Христосъ показываетъ, что отъ Божественнаго Его всевѣденія не могутъ скрыться самыя тайныя помышленія ихъ сердца. Именно, поелику глубокое смиреніе и уничиженіе Спасителя, подъ которыми сокрывалась слава Божества Его, соблазняли какъ ихъ, такъ и прочихъ Іудеевъ, по ложному понятію міра и плоти, ожидавшихъ явленія Мессіи во всемъ блескѣ и славѣ видимаго царскаго величія;— то Онъ заключаетъ наконецъ весь отвѣтъ свой сими словами: *Блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ*, т. е. блаженъ всякой тотъ, кому глубокое смиреніе и уничиженіе Іисуса Христа во время жизни Его на землѣ и крестныя Его смерти не воспрепятствуютъ вѣровать въ Его Божество. Спасительное дѣйствіе сего отвѣта въ сердцахъ учениковъ Іоанновыхъ произвело то, что они возвратились къ своему учителю съ вѣрою во Іисуса Христа, и по кончинѣ Предтечи присоединились къ ученикамъ Его.

Блаженны и мы, кои по неизреченному милосердію Отца небеснаго съ самаго младенчества нашего принадлежимъ къ Святой и Православной Церкви вѣрующихъ въ Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа. Но блаженство сіе, къ вящшему нашему несчастію, мы можемъ потерять и лишиться наслѣдія жизни вѣчной, стяжанной намъ Божественною кровію Искупителя нашего, ежели не удержимъ до конца исповѣданія нашего не только словами, но паче дѣлами по заповѣдямъ Евангелія Его,—и святостію жизни нашея. Св. Ап. Павелъ увѣщаваетъ вѣрующихъ: *миръ имѣйте и святыню, безъ которой никто же узритъ Господа* (Евр. 12, 14). Тотъ еще слѣпъ и не прозрѣлъ умными очами, чье сердце обольщено и прилѣплено, или къ богатству земному, или къ славѣ мірской, или къ роскоши и суетнымъ наслажденіямъ вѣка сего, а не полагаетъ всего сокровища своего на небесахъ: ибо идѣже есть сокровище ваше, тутъ будетъ и сердце ваше, говоритъ Спаситель. Тотъ еще хромъ, кто не старается всѣми силами своими ходить непреткновенно въ пути заповѣдей Евангелія Господа Іисуса, а творитъ волю похотей плоти и міра. Тотъ еще прокаженъ, въ чьемъ сердцѣ гнѣздится владычество грѣховъ со всѣми скверными плоти и духа. Тотъ еще глухъ къ слышанію словесъ Божіихъ, кто въ законѣ Господни не поучается день и ночь, а повинуется пагубнымъ внушеніямъ похоти очесъ, похоти плотской и гордости житейской. Тотъ еще мертвъ, кто не умеръ грѣху, и кто еще себѣ живетъ, а не Умершему и Воскресшему за насъ Господу и Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу.

СЛОВО

въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, сказанное въ Кіевской, что на Щекавицѣ, Кладбищенской Церкви во имя всѣхъ Святыхъ.

Въ прошедшемъ году, когда мы совершали здѣсь въ настоящій день Богослуженіе и приносили молитвы и моленія о почивающихъ здѣсь усопшихъ братіяхъ и сестрахъ нашихъ, никто изъ нихъ не пришелъ къ намъ для свиданія. Какъ пришли мы къ мѣсту покоища ихъ, такъ и отошли съ него: безъ привѣта, безъ отвѣта, одни, скорби, молча. Вотъ и нынѣ принесена уже нами великая жертва за грѣхи живыхъ и мертвыхъ, уже къ концу наше молитвословіе, а изъ почивающихъ здѣсь Братій нашихъ никто не является на гласъ и молитву нашу; ихъ какъ будто никого нѣтъ дома; они какъ бы всѣ уклонились куда либо отъ своего праздника. Чтобы значило это? То ли, что мертвые не слышатъ молитвъ и воздыханій нашихъ? Или въ ихъ сердцѣ уже нѣтъ болѣе прежней любви къ намъ? Или они заняты другимъ чѣмъ-либо важнѣйшимъ, такъ что имъ не до насъ?— Нѣтъ, среди могильной тишины, неоглушаемый шумомъ житейскихъ заботъ, слухъ мертвыхъ долженъ быть гораздо тоньше, нежели у насъ живыхъ,— особенно на молитву;—въ ихъ сердцѣ болѣе любви, чѣмъ у насъ; ибо они и живутъ теперь однимъ умомъ и сердцемъ:— не можетъ быть у нихъ и занятія важнѣе молитвы; молитва для нихъ теперь тоже, что для насъ воздухъ и пища. Что же мѣшаетъ усопшимъ братіямъ нашимъ явиться къ намъ, и провести среди насъ ихъ и нашъ праздникъ?— Изъ насъ, вѣроятно, многіе желали бы сего, особенно тѣ, кои еще не осушили слезъ послѣ потери присныхъ и любезныхъ сердцу своему; думаю, что и изъ усопшихъ немалое число такихъ, кои, чтобы доставить утѣшеніе оставшимся, весьма бы захотѣли опять притти въ нашъ міръ. И однакоже ни-кто, никто неприходитъ! Мы не ходимъ къ нимъ потому, что не можемъ; безъ сомнѣнія, и они не приходятъ потому же, что не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ духу безплотному, каковы всѣ умершіе, подойти подъ чувства наши?— Грубость нашихъ земныхъ чувствъ такова, что мы не можемъ видѣть многихъ существъ, постоянно живущихъ среди насъ въ водѣ и воздухѣ, и съ изумленіемъ смотримъ, когда увеличительное стекло открываетъ намъ этотъ новый и разнообразный міръ среди насъ. Но для зрѣнія духовъ и душъ нѣтъ увеличительнаго стекла! Тутъ мѣсто не видѣнію, а вѣрѣ.

„Но, если бы угодно было Господу, скажете вы, то премудрость Его нашла бы и дала бы умершимъ средство и способъ дѣлаться для насъ видимыми и приходить въ сообщеніе съ нами.“ Безъ сомнѣнія, такъ:— но потому самому, что сего способа не дано, явно, что это не угодно Богу; а поелику неугодно Богу, то должно полагать, что это было бы вредно для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, и немного думая, видишь, что пользы изъ сообщенія живыхъ съ умершими, было бы мало, а вредъ могъ бы выходить великой. Какая польза? Утѣшеніе въ разлукѣ, успокоеніе сѣтующихъ, нѣсколько менѣе слезъ на могилу, нѣсколько пище вздоховъ?— Скажите

сами, стоитъ ли изъ сего поднимать завѣсу вѣчности и нарушать безмолвіе гробовъ?— И—кто еще знаетъ?— утѣшило ли бы насъ это свиданіе съ умершимъ? Не облились бы мы еще горчайшими слезами, узнавъ о его состояніи?— Не отравило ли бы это всей жизни нашей?— Но, положимъ, что свиданія съ умершими всегда доставляли бы нѣкое утѣшеніе: думаете ли однако же, чтобы они были безвредны? Я опасаюсь въ семъ случаѣ за многое, опасаюсь за живыхъ и за умершихъ. Всего вѣроятнѣе, во первыхъ, что сообщеніе наше съ міромъ духовъ не остановилось бы на должныхъ предѣлахъ, многіе простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь суевѣрію, гаданіямъ, волшебствамъ, а потомъ и самымъ ужаснымъ порокамъ нравственнымъ. Такому злу именно подверглись нѣкоторые изъ древнихъ народовъ, у коихъ найдены были богопротивныя средства сообщаться съ міромъ духовъ: почему Моисей подъ опасеніемъ смерти запретилъ Израильтянамъ искать сего сообщенія. Во вторыхъ, на что обратилось бы сношеніе живыхъ съ мертвыми?— Думаете ли, что предметомъ его была бы вѣра святая, любовь Христіанская, усовершеніе себя въ терпѣніи, въ смиреніи, въ кротости? Увы, и безъ сообщенія съ міромъ духовъ, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что все это сообщеніе обращалось бы, большею частію, около предметовъ недушеполезныхъ: у однихъ оно истощилось бы въ суетномъ любопытствѣ о тайнахъ міра духовнаго, знаніе коихъ нисколько не назидаетъ душу; у другихъ излилось бы въ жалобахъ на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорченія, земныя неудачи; иные попребовали бы отъ умершихъ совѣта, какъ вести свои дѣла, выполнить то или другое предпріятіе. А какъ исправить свое сердце, какъ освободиться отъ страстей, какъ приуготовиться къ вѣчной жизни на небѣ,— объ этомъ, вѣроятно, спросили бы немногіе; да и для чего спросили бы? То же, можетъ быть, болѣе изъ любопытства,— съ тѣмъ, чтобы завтра забыть то, о чемъ спрашивали нынѣ. Такимъ образомъ нравственной пользы отъ сообщенія съ міромъ духовъ мы пріобрѣли бы мало; а между тѣмъ возможность сообщенія съ другимъ міромъ непрестанно возмущала бы порядокъ нашего міра, нарушала бы правильное теченіе нашихъ дѣлъ и занятій, нашихъ мыслей и желаній. Задумали бы, напр., какое-либо предпріятіе?— Ждали бы пока можно получить о немъ мнѣніе изъ другаго міра.— И кто знаетъ, какое мнѣніе? Мертвые не всевѣдущи; нерѣдко могъ быть поданъ совѣтъ не благой, а мы увлеклись бы имъ. Наконецъ, поелику здѣшняя жизнь наполнена разнаго рода неудовольствіями; то, видя часто разверзающимися предъ собою двери вѣчности, многіе, по нетерпѣнію, стремглавъ начали бы бросаться въ другую жизнь; между тѣмъ какъ теперь, не только вѣра и совѣсть, самый мракъ гроба, своею непроницаемостію, останавливаетъ самыхъ наглыхъ и недовольныхъ своею участію.

И о мертвыхъ нельзя сказать, чтобы возможность сообщаться съ нашимъ міромъ не была сопряжена для нихъ съ опасностію. Трудно и представить, чтобы они пріобрѣли отъ сего?— знать, что и какъ бываетъ у насъ въ здѣшнемъ мірѣ, они знаютъ

и безъ того. Видѣть ничтожность и суету земныхъ дѣлъ и помышленій, это имъ виднѣе, нежели намъ. Зачѣмъ же бы они приходили къ намъ?— доканчивать свои неоконченныя дѣла? это не ихъ дѣло: иначе что значила бы смерть? Между тѣмъ, неполучая для себя пользы отъ низхожденія въ нашъ міръ, усопшіе могли бы получить вредъ изъ того. Каждый возвратъ на землю, болѣе или менѣе, а всегда земленилъ бы ихъ снова. Съ возвратомъ къ прежнимъ лицамъ и вещамъ, у многихъ оживали бы нечистыя земныя привязанности. Между тѣмъ, какъ теперь огнь плотскихъ страстей, какъ бы онѣ ни были сильны, не имѣя у мертвыхъ питанія отъ земли, обращенный на самаго себя,— тускнетъ и угасаетъ.

Такимъ образомъ благо и наше и усопшихъ Братій нашихъ, требовало, чтобы завѣса, простертая между нашимъ и ихъ міромъ, никогда не поднималась, чтобы мертвые и живые были во все разобщены, на время. И велико ли это время?— десять, двадцать, много тридцать лѣтъ. Не уѣзжаютъ ли нѣкоторые еще въ живѣ на столько времени отъ родныхъ и своихъ друзей?— въ семъ отношеніи мы всѣ живые похожи на людей, стоящихъ у великой и широкой рѣки въ ожиданіи переправы. Ладія, не могши вмѣстить вдругъ всѣхъ, непрестанно возвращается, и беретъ по нѣскольку. Но возвращаются ли тѣ, кои переправились черезъ рѣку, за оставшимися? никогда: они, обыкновенно, ожидаютъ ихъ къ себѣ на противоположномъ берегу. Такъ, конечно, ожидаютъ теперь и насъ сродники и знакомые наши обонъ— полъ бытія. Мы молились о успокоеніи ихъ послѣ ихъ плаванія, а они, вѣроятно, приносили моленія о насъ, чтобы наше плаваніе къ нимъ было благополучно и безбѣдно. Даже, можетъ быть, молились о томъ, чтобы путь жизни нашей не былъ продолжителенъ. Ибо намъ только этотъ міръ кажется такъ пріятнымъ, а настоящая жизнь наша такъ дорогою, что съ ними трудно разстаться; а для усопшихъ, можетъ быть, совсѣмъ напротивъ. Дознавъ опытомъ образъ жизни высшей и лучшей, они могутъ смотрѣть на насъ, какъ мы смотримъ на заключенныхъ въ темницѣ. Кто не пожелаетъ узникамъ скорѣйшаго освобожденія?—

Имѣя въ виду все это и тому подобное, престанемъ скучать отъ невозможности чувственнаго свиданія съ усопшими Братіями нашими. Съ духами должно быть и свиданіе духовное; а къ такому свиданію открыты для насъ всѣ пути. Это молитва за усопшихъ и дѣла любви и благочестія, совершаемыя для блага ихъ. Такое свиданіе стократъ лучше чувственнаго: и такъ пользуйся имъ; молись и благотвори за усопшаго! А молясь за усопшаго брата, готовься и самъ къ своему успенію. Ибо, долга ли и наша жизнь?— какъ ни продолжай ее въ мысляхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ надобно и тебѣ оставить этотъ міръ и все, что въ немъ, оставить на всегда, и идти въ другой міръ, идти не на день, не на годъ, а оставаться тамъ доконца міра. Какъ не подумать о семъ? какъ не готовиться къ сему? какъ не взять заблаговременно всѣхъ мѣръ, чтобы этотъ важный и рѣшительный переходъ изъ одного міра въ другой, былъ для тебя какъ можно безболѣзненнѣе и благополучнѣе? но развѣ, спросишь, въ моей власти сдѣлать самую смерть

тихою и безболѣзненною? въ твоей, совершенно въ твоей. Будетъ ли обольщать тебя пустою надеждою св. Церковь? Но, она каждый день заставляетъ тебя просить у Господа кончины мирной, непостыдной и безболѣзненной. Значитъ, такая кончина возможна для всякаго, истинно просящаго; о невозможномъ не было бы и прошенія. Но, мы вовсе не думаемъ о семъ, по истинѣ, драгоцѣнномъ правѣ прошенія, не думаемъ и о самой смерти: бояться смерти, боимся какъ нельзя болѣе; плакать и рыдать у гроба, плачемъ болѣе язычниковъ и невѣрующихъ; а готовиться къ смерти, это — какъ не наше дѣло. Живемъ какъ бы намъ никогда не умирать: оттого какъ и умираемъ? какъ бы намъ никогда не воскресать. Страхъ, стоны, вопли, ропотъ, отчаяніе: вотъ наша смерть! о вѣрѣ, о безсмертіи, о обителяхъ въ дому Отца небеснаго, о соединеніи со Святыми и съ Господомъ, — нѣтъ и воспоминанія. Такъ ли бы надлежало умирать Христіанамъ? для этого ли пострадалъ и воскресъ для насъ Господь нашъ? для сего ли дано намъ столько откровеній, столько обѣтованій, столько таинствъ? —

Станемъ же противу сего зла, возлюбленные, и опомнимся отъ нашего нечувствія. Не напрасно собрались мы нынѣ на мѣсто вѣчнаго покоя, которое, вѣроятно, приметъ въ нѣдра свои, если не всѣхъ, то большую часть изъ васъ: пусть же каждый возметъ съ собою отсюда въ напутіе память смертную; это будетъ одинъ изъ лучшихъ плодовъ нынѣшняго Праздника. А чтобы сія память не ослабѣвала, старайтесь оживлять ее частымъ посѣщеніемъ сего мѣста для молитвы и благочестиваго размышленія на гробахъ Братій вашихъ. Не смотря на то, что здѣсь всѣ мертвы и безмолвны, я увѣренъ, что вы всегда будете возвращаться отсюда живѣе духомъ. Не оставляйте, и ходя по торжищамъ и стогнамъ града, возводить сюда почаще взоры ваши. Ибо, не напрасно гора сія видима со всѣхъ концевъ града; это непрестанное напоминаніе взирающимъ о ихъ концѣ. Помните, что домъ вамъ *здѣсь, а тамъ* одно кратковременное помѣщеніе. Аминь. —

Въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса твоя, яко да не согрѣшу тебѣ. Псал. 118, 11.

Вотъ куда надобно класть Библію тому, кто, при помощи ея, хочетъ избавиться отъ проклятой привычки грѣшить! На какомъ бы почетномъ мѣстѣ она ни была поставлена, все стоитъ еще не на своемъ мѣстѣ, покуда не будетъ сокрыта въ сердцѣ. Эту истину надобно замѣтить особенно тѣмъ, кои любятъ Библію въ богатыхъ оправахъ, за золотыми рамами.

Какъ сокрывать Библію въ сердцѣ? — Прилѣжнымъ чтеніемъ ея, прилѣжнымъ размышленіемъ о ней и ея содержаніи, прилѣжнымъ наконецъ выполненіемъ того, что въ ней написано.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 8 Іюня 1858 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іереміи.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 14. НЕДѢЛЯ 6 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ІЮЛЯ 3. 1858.

Апостолъ. Рим. 12, 6—14. Евангеліе. Матѳ. 9, 1—8.

О ПОСЛАНІИ СВ. АП. ПАВЛА КЪ РИМЛЯНОМЪ.

НАДПИСАНІЕ КНИГИ.

Къ Римляномъ посланіе Святаго Апостола Павла. Надписаніе сіе должно быть сдѣлано Церковію, получившею сіе посланіе, при снятіи списка съ подлинника, или при внесеніи многихъ посланій въ одну книгу. Оно показываетъ: I. кто пишетъ, II. что и III. къ кому.

I. Писатель.

Писатель точно есть Апостолъ Павелъ, о томъ свидѣтельствуютъ:

а) ясныя слова въ самомъ началѣ посланія. (—1, 1.)

б) Всеобщій признакъ посланій Ап. Павла, о которомъ онъ самъ пишетъ (2 Сол. 3, 17.): *Цѣлованіе моею рукою Павлею, еже есть знаменіе во всякомъ посланіи; сице пишу: благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами, аминь.* Это цѣлованіе, или привѣтствіе, находится и здѣсь, въ посланіи къ Римлянамъ (— 16, 20. 21.).

в) Сходство сего посланія во многихъ чертахъ съ другими посланіями, которыя носятъ имя того же Писателя. Наконецъ

г) единогласное о семъ преданіе древней Церкви вселенской.

II. Родъ и образъ писанія.

Пишетъ Ап. Павелъ къ Римлянамъ *Посланіе* или письмо, — родъ пи-

сания почти безпримѣрный въ книгахъ Ветхаго и почти всеобщій въ книгахъ Новаго Завѣта, въ которомъ не только Апостолы, но и самъ Господь Іисусъ Христосъ отъ своего имени посылаетъ посланія къ Церквамъ (Апок. гл. 2 и 3.). И въ семъ видно примѣненіе къ духу Царства благодатнаго. Ибо владыка владомому даетъ повелѣнія, а письма пишетъ свободный къ свободному, братъ къ брату, отецъ къ сыну.

Посланія Ап. Павла къ его по духу чадамъ и къ Церквамъ, имѣютъ одни отъ другихъ болѣе или менѣе отличный видъ, подобно какъ и вообще письма къ знакомымъ и незнакомымъ. Въ однихъ болѣе дружественности, въ другихъ болѣе торжественности; въ однихъ болѣе разнообразія, въ другихъ болѣе общаго соображенія; въ однихъ видна высокая простота, въ другихъ — высота простая. Посланіе къ Римлянамъ отличается въ послѣднемъ родѣ.

III. Церковь получившая посланіе.

Пишетъ Апостолъ къ *Римлянамъ*, т. е. къ Церкви Римской.

Начало сея Церкви закрыто. Между самовидцами сошествія св. Духа на Апостоловъ были *приходящіи Римляне* (Дѣян. 2, 10). Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ тогда же содѣлались начатками Римской Церкви. Покрайней мѣрѣ самъ Павелъ замѣчаетъ, что были въ Римской Церкви Андроникъ и Іунія, прежде его увѣровавшіе во Христа, и *нарочиты во Апостолѣхъ* (Рим. 16, 7). Первыми посредниками между Павломъ и Римлянами, вѣроятно, были Акила и Прискилла, послучаю изгнанія Іудеевъ изъ Рима Клавдіемъ, ознакомившіеся съ Павломъ въ Коринѳѣ (Дѣян. 18, 1—3.), и по умилостивленіи Императора Царями Агриппою и Иродомъ, (*) пришедшіе въ Римъ прежде Павлова Посланія (Рим. 16, 3).

Какъ Іудеи жили въ Римѣ въ великомъ числѣ, то неудивительно, что ихъ въ составѣ Римской Церкви находилась великая часть (Рим. 2, 17, 7). Другую часть составляли обращенные изъ язычниковъ. (Римл. 15, 15. 16.)

Между столь противоположными стихіями въ одномъ составѣ естественно было происходить нѣкоторой борьбѣ до совершеннаго соединенія (Римл. 14, 17); и потому нужно было для обоихъ силъ такое умирительное средство, какъ настоящее посланіе.

Другія предварительныя свѣдѣнія о посланіи.

Къ составленію о сей книгѣ предварительнаго понятія представляются еще вниманію: 1) ея первоначальный языкъ, 2) время и мѣсто ея происхожденія, 3) ея мѣсто въ собраніи посланій Павловыхъ, 4) случай побудившій написать ее, 5) предметъ и цѣль ея и 6) расположеніе частей.

1) Первоначальный языкъ посланія къ Римлянамъ есть Греческій. Онъ приличествовалъ и сей книгѣ предпочтительно предъ Римскимъ, а) какъ общеупотребительный въ то время, языкъ образованной части Римлянъ и самаго женскаго пола, б) какъ языкъ наиболѣе господствующій въ мірѣ: ибо

(*) Іосиф. Флав. Древн. LXIX. гл. 6.

Посланіе долженствовало распространиться отъ Церкви Римской по вселенной.

2) Писано посланіе къ Римлянамъ въ то время, когда Апостолъ намѣревался итти въ Іерусалимъ съ милостынею отъ Македоніи и Ахаіи (Рим. 15, 25. 26), и пользовался гостепріимствомъ Гаія (— 16, 23.). И такъ это было въ Коринѳѣ (1 Кор. 1, 14), и притомъ во второе посѣщеніе Коринѳа (Дѣян. 19, 21): ибо къ сему времени приготовлена была милостыня (2 Кор. 9, 1— 4.). (*) Время по Р. Х. между 52— 58 годами.

3) Изъ сказаннаго видно, что посланіе къ Римлянамъ занимаетъ въ собраніи посланій Павловыхъ первое мѣсто не по времени своего произхожденія. Это первенство могли доставить ему: а) обширность его, б) его содержаніе, и в) наружная знаменитость получившей и распространившей оное Церкви въ сравненіи съ другими Церквами, хранительницами другихъ посланій Ап. Павла.

4.) Обстоятельства, расположившія Апостола писать къ Римлянамъ, и писать такъ а не иначе, извѣстны только по слѣдамъ ихъ, находящимся въ самомъ посланіи. Долгъ Апостола языковъ (Рим. 1, 14. 15.), встрѣчаясь съ вѣстію о возникающей въ столицѣ язычества вѣрѣ (— 8), изощряетъ желаніе Павла видѣть Римъ; но многія препятствія не допускаютъ его (9— 13.). И такъ оставалось посѣтить Римъ посланіемъ, въ ожиданіи посѣщенія личнаго. Несогласія, составляющихъ Римскую Церковь, Іудеевъ и язычниковъ,— Іудеевъ величающихся преимуществомъ избраннаго племени и язычниковъ, уничижающихъ племя отверженное, Іудеевъ, превозносящихъ Законъ и язычниковъ хвалящихся мудростію,— опредѣляютъ особеннымъ образомъ предметъ посланія, который безъ сего былъ бы Евангеліе вообще.

5) Такимъ образомъ опредѣленный предметъ сего посланія есть: показать существо Христіанской вѣры, по которому язычникъ ли то, или Іудей, ее пріемлющій, достигаетъ *оправданія Божія*, или способности къ блаженству въ Богѣ, не посредствомъ разума и мудрости естественной, ниже посредствомъ преимущества племени, обрядовъ закона и добродѣтелей, естественными силами творимыхъ, но посредствомъ единой всеобщей благодати Божіей и вѣры во Іисуса Христа, изъ которой истекаетъ любовь со всѣми чистыми струями истинныхъ добродѣтелей.— Короче: оправданіе и освященіе не въ царствѣ природы, но въ царствѣ Благодати, которое для всѣхъ отверсто, и котораго законъ есть законъ вѣры, любви и единства.

Согласно съ древними можно также назвать посланіе къ Римлянамъ— по его содержанію и послѣдней цѣли— всеобщимъ *огласительнымъ* (Катихизисъ) вселенской Церкви. Златоустъ, который приказывалъ читать его предъ собою дважды каждую недѣлю, конечно, назвалъ бы его *огласительнымъ вѣроучителей*.

6) Подробный чертежъ, или расположеніе частей въ сей книгѣ (такъ

(*) Съ сими обстоятельствами согласуется и древнее подписаніе, находящееся въ Греческихъ спискахъ посланія („къ Римлянамъ писано изъ Коринѳа чрезъ Ѳиву, Діакониссу Церкви въ Кенхреѣ"). *Кенхрея* есть имя одной пристани близъ Коринѳа. Діакониссу Ѳиву Апостолъ *вручаетъ* (представляетъ) Римлянамъ какъ сопутницу посланія. (Рим. 16, 1.)

какъ и въ большей части Св. книгъ) открыть трудно. Человѣческое слово едва вмѣщаетъ изліянія духа, Богомъ исполненнаго. Истины текутъ изъ него какъ искры свѣта, и не всегда позволяютъ слабому оку нашему слѣдовать за ихъ стремленіемъ и направленіемъ. Впрочемъ легко замѣтить въ посланіи двѣ главныя части: I. Вѣроученіе (— гл. 1— 11.) и II. Нравоученіе (— гл. 12— 16.).

Въ первой части, послѣ *введенія* въ посланіе (—1, 1— 17.), Апостолъ

а) обличаетъ язычество (— 1, 18— 2, 16.),

б) Іудейство (— 2, 17— 3, 20.),

в) излагаетъ сущность ученія Христіанскаго, или оправданіе благодатію чрезъ вѣру (3, 21— 31.),

г) показываетъ существованіе сего ученія въ Ветхомъ Завѣтѣ (— гл. 4.),

д) ограждаетъ сіе ученіе отъ злоупотребленія и ложныхъ изъясненій (гл. 6— 7.),

е) показываетъ вѣрность сего ученія, въ самомъ его дѣйствіи разсматриваемаго (гл. 8.),

ж) дѣлаетъ приложеніе того же ученія къ Іудеямъ и Язычникамъ; оправдываетъ суды Божіи въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ и изъясняетъ, что тѣ и другіе равно должны смиряться предъ даруемою Благодатію (гл. 9— 11.).

Во *второй* части содержатся

а) нравственно— духовныя правила царства Благодати (гл. 12.),

б) гражданскія правила (гл. 13, 1—7),

в) духъ нравственнаго закона (—13, 8, 10.),

г) побужденіе къ исполненію сего закона (—13, 11— 14.),

д) приложеніе нравственной части,— наставленіе Іудеямъ и Язычникамъ, относительно дѣйствій обрядовыхъ и неразсмотрительныхъ (гл. 14.).

Наконецъ слѣдуютъ три дополненія (приписки письма) къ посланію. (гл. 15, гл. 16, 1—20. и гл. 16, 21—24.)

ПЕТРОВА
ЛѢСТВИЦА ДУХОВНАГО СОВЕРШЕНСТВА.

Подадите вѣ вѣрѣ вашей добродѣтель,

вѣ добродѣтели же разумѣ,
вѣ разумѣ же воздержаніе,
вѣ воздержаніи же терпѣніе,
вѣ терпѣніи же благочестіе,
вѣ благочестіи же братолюбіе,
вѣ братолюбіи же любовь.

2 Петр. 1, 5—7.

Апостолъ Петръ исчисляетъ *семь* плодовъ вѣры, указывая на самой высотѣ древа Христіанскихъ совершенствъ— *любовь*. Каждый изъ сихъ плодовъ или производитъ послѣдующій, или способствуетъ къ его происхожденію, а каждый послѣдующій возвышаетъ или усовершаетъ предъидущій.

Вѣра раждаетъ *добродѣтель*, или нравственную силу духа. Вѣровали Апостолы, и безбоязненно проповѣдывали (2 Кор. 4, 13). Если искренно вѣруемъ, искренно и желаемъ исполнять волю Божію. Нѣтъ другаго лучшаго средства къ возбужденію воли нашей ко всему доброму. Но, съ другой стороны, одна вѣра, безъ добродѣтели, безъ стремленія ко всему доброму, весьма недостаточна: она, по словамъ Ап. Іакова, нечиста (Іак. 1, 27), недѣйствующа и даже мертва (2, 17).

Добродѣтель, освящаемая вѣрою сила воли, производитъ *разумъ*, или просвѣщенное дѣятельное знаніе, святое

благоразуміе во всѣхъ дѣлахъ, которое различаетъ добро истинное отъ ложнаго, дѣйствительное зло отъ мнимаго, Божіе отъ человѣческаго, вѣрное отъ невѣрнаго. Не разумъ производитъ добродѣтель, а добродѣтель, одушевляемая вѣрою, возжигаетъ чистый свѣтъ въ разумѣ: она есть *животъ*, въ которомъ есть и *свѣтъ*. Но что есть и добродѣтель, если нѣтъ духовнаго благоразумія? *ревность не по разуму* (Римл. 10, 2). Слѣдовательно духовное благоразуміе есть совершенство необходимое для добродѣтели.

Отъ духовнаго *разума* ближайшимъ образомъ производится *воздержаніе* отъ страстей: ибо онъ открываетъ всю лживость ихъ обольщеній и всю опасность ихъ для совершенства духовной жизни. И обратно: очищеніе сердца отъ страстей много способствуетъ къ возвышенію и утвержденію духовнаго благоразумія, подобно тому, какъ чистый воздухъ дѣлаетъ для насъ болѣе яснымъ ликъ солнца.

Научась побѣждать страсти, мы тѣмъ легче можемъ препобѣждать всѣ искушенія внѣшнія. Такимъ образомъ *воздержаніе* облегчаетъ намъ *терпѣніе*. Но и воздержаніе безъ терпѣнія не можетъ быть совершенно. Нетерпѣливость, малодушіе въ бѣдствіяхъ, сами по себѣ суть уже слабость духа, а ослабляемый духъ отвнѣ, дѣлается неспособнымъ къ побѣжденію и внутреннихъ враговъ своихъ.

Какъ очищеніе сердца отъ страстей, такъ и благодушное перенесеніе бѣдствій облегчаютъ благочестивыя упражненія Христіанина; такъ какъ, напротивъ, *печаль вѣка сего и лесть богатства подавляютъ слово* Божіе въ сердцѣ, *и оно безъ плода бываетъ* (Матѳ. 13, 22). Такъ *воздержаніе* и *терпѣніе* облегчаютъ *благочестіе*. Съ другой стороны, что болѣе можетъ дать силы нашему воздержанію и терпѣнію, какъ не благочестіе— страхъ Божій, живое упованіе на Бога? благочестивый тщательнѣе очищаетъ свое сердце, зная, что одно чистое сердце узритъ Бога (Матѳ. 5, 8); а въ бѣдствіяхъ еще болѣе укрѣпляется духомъ, не впадая однакоже въ ту крайность, къ которой хотѣли привести Стоики— въ безчувствіе.

Благочестіе, освящая сердце наше, располагаетъ его къ *братолюбію*, или производитъ любовь къ единовѣрнымъ братіямъ нашимъ. А безъ братолюбія не можетъ быть совершеннымъ и благочестіе: ибо *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть*. (Іоан. 4, 20.)

Наконецъ любовь къ Богу, одушевляя любовь нашу къ братіи, болѣе и болѣе распространяетъ ее, и производитъ *любовь* всеобщую, обьемлющую всѣхъ человѣковъ, даже враговъ нашихъ. Такая любовь есть уже верхъ совершенства (Кол. 3, 20).

Такъ раждаются, распространяются и утверждается плоды вѣры. *Сія сущая и множащаяся въ насъ не праздныхъ ниже безплодныхъ творятъ насъ въ Господа нашего Іисуса Христа познаніе* (2 Петр. 1, 8).

Если смотрѣть, съ противной стороны, на возрастаніе зла нравственнаго, то увидимъ, что оно растетъ и разрастается также по степенямъ: начинается съ маловѣрія, и оканчивается всеобщею ненавистію. Маловѣріе или суевѣріе производитъ ослабленіе нравственной силы; отсюда безразсудная дѣятельность, порабощеніе страстямъ,

малодушіе въ бѣдствіяхъ; далѣе — забвеніе Бога, недоброжелательство къ ближнимъ, потомъ злость, недоброжелательство ко всему роду человѣческому — эгоизмъ сатанинскій.

ХАРАКТЕРЪ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

Св. Павелъ рожденъ былъ для великихъ дѣяній, и, для совершенія ихъ, надѣленъ отъ Бога всякимъ дарованіемъ. Не долго былъ онъ оглашеннымъ въ училищѣ І. Христа; въ краткое время сдѣлался Учителемъ, вождемъ, Апостоломъ, и во всѣхъ родахъ служенія простеръ ревность и усердіе свое до высочайшей степени. — Какихъ качествъ Апостола и Вселенскаго Учителя не найдешь въ немъ? Надобно ли усердіе? *Помните братіе трудъ нашъ и подвигъ, нощь бо и день дѣлающе.... проповѣдахомъ вамъ благовѣствованіе Божіе* (1 Солун. 2, 9). Потребна ли кротость? *Быхомъ тихи посредѣ васъ, якоже доилица грѣетъ своя чада, моляще и утѣшающе васъ и свидѣтельствующе вамъ ходити достойно Богу* (— 2, 7). Нужна ли мудрость? *Быхъ Іудеемъ яко Іудей, да Іудеи приобрящу, подзаконнымъ яко подзаконенъ, да подзаконныя приобрящу, беззаконнымъ яко беззаконенъ... всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. 9, 20). Требуется ли любовь самая возвышенная? *Молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи и сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3). Надобна твердость? *Павелъ вълице противустоитъ* Апостолу Петру, *яко* (Петръ) *зазоренъ бѣ* (Гал. 2, 11), смѣло говоритъ предъ гордымъ прокураторомъ Римскимъ *о правдѣ и о воздержаніи и о судѣ, хотящемъ быти* (Дѣян. 24, 25). Хотите совершеннаго безкорыстія? *Не ищемъ отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ ни отъ инѣхъ, не человѣкомъ угождающе но Богу, искушающему сердца наша* (1 Сол. 2, 6). Надобно явить ревность? Духъ Павла *раздражался* (Дѣян. 17, 16), видя Аѳины наполненныя идолами. Или поддержать достоинство Апостольскаго служенія? *Тако насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1); *Добрѣе мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. 9, 15). Но сія святая кротость, сія пламенная мудрость, эта ревность и усердіе Апостольское, которыя составляютъ нынѣ честь для Христіанства, нерѣдко привлекали на св. Павла клевету, ненависть, и самыя тяжкія гоненія. Надъ нимъ исполнялось во всей силѣ предреченіе І. Христа при его обращеніи: *Азъ скажу ему, елика подобаетъ ему о имени моемъ пострадати* (Дѣян. 9, 16). Какое побужденіе къ принятію Апостольства! Въ нынѣшнее время, чтобъ побудить къ принятію какой-либо Церковной должности, говорятъ: она такія то имѣетъ выгоды, столько то приноситъ доходу; но путь Апостольскаго служенія Павлова отъ начала до конца былъ усланъ тернами. Вотъ исчисленіе выгодъ его Апостольства: *отъ Іудей пять краты четыредесятъ разъ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубинѣ сотворихъ; въ путныхъ шествіяхъ множицею: бѣды въ рѣкахъ бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ*

языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи, въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ (2 Кор. 11, 24—27). И при всемъ томъ Апостолъ языковъ всегда радовался во страданіяхъ своихъ!

Совокупивъ всѣ черты, здѣсь указанныя, во едино, мы будемъ имѣть изображеніе мужа, который весь—такъ сказать—есть ревность по Богѣ, который дѣло Божіе считаетъ своимъ собственнымъ, враговъ Божіихъ врагами своими, недовольствуется собственнымъ спасеніемъ, но хочетъ спасти весь міръ, озаритъ и его тѣмъ свѣтомъ, которымъ онъ самъ просвѣщенъ, въ одно и тоже время сокрушаетъ идоловъ, насаждаетъ Церкви, пишетъ, проповѣдуетъ, умоляетъ, грозитъ, благословляетъ и истину своей проповѣди готовъ каждую минуту запечатлѣть и запечатлѣваетъ наконецъ кровію и страданіями; словомъ: ревнитель пламенный, Пастырь совершенный, Апостолъ верховный, мученикъ до крови—и все это только слабое изображеніе Апостола Павла!

Прекрасно благодарная Церковь выразила въ пѣсни свое удивленіе необыкновеннымъ подвигамъ Апостола: *Кая темница не имѣ тебе юзника, кая же Церковь не имать тя Витію... Павле, похвало вселенныя!*

Не судите, да не судими будете.

Матѳ. 7, 1.

Анастасій Синаитъ оставилъ намъ слѣдующую поучительную повѣсть объ одномъ инокѣ:

Все время жизни своей этотъ инокъ проводилъ нерадиво и въ лѣности, не показывая никакой добродѣтели кромѣ того, что никогда никого не осуждалъ. Приближилась кончина его; игуменъ и братія сошлись къ нему для приготовленія его къ вѣчности. Къ удивленію всѣхъ, нерадивый инокъ не только не показывалъ никакого страха смерти, но еще изъявлялъ радость и благодарилъ Бога. Откуда у тебя такая радость? спросили его присутствовавшіе. И умирающій братъ, приподнявшись на смертномъ одрѣ своемъ, разсказалъ имъ свое предсмертное видѣніе. Я видѣлъ, говорилъ онъ, Ангеловъ, которые раскрыли предо мной свитокъ злыхъ дѣлъ моихъ, и спрашивали: знаю ли я все это? Я отвѣчалъ имъ: такъ! я все это знаю; но знаю и то, что съ тѣхъ поръ, какъ оставленъ мною міръ и облекли меня въ иноческій образъ, я не осудилъ человѣка и не имѣлъ ни какой злобы, а потому прошу, чтобъ на мнѣ исполнилось слово Христово: „не осуждайте чтобъ вамъ не быть осужденными, оставляйте и оставится вамъ“. Услышавъ это, Ангелы тотчасъ раздрали списокъ грѣховъ моихъ: и вотъ почему я съ радостію отхожу отъ этой жизни къ Богу. Сказавъ сіе, братъ мирно предалъ душу свою Господу.

Засохшее дерево.

Прошлою весною оно было прекрасно, и утѣшало меня какъ другъ въ одиночествѣ. Густыми и зелеными вѣтвями своими оно привѣтливо склонялось въ окно ко мнѣ, и почти осѣняло мою домашнюю икону пресвятой Дѣвы, держащей въ объятіяхъ своихъ Пред-

вѣчнаго Младенца. Оно все было облито нѣжнымъ цвѣтомъ, бѣлымъ какъ священный хитонъ новокрещеннаго; струило изъ себя жизнь благоухающую, и взглядъ на него пробуждалъ въ сердцѣ духъ молитвы. Не проходило утра и и вечера безъ того, чтобы я не останавливался предъ нимъ и не ласкалъ его взорами, рукою и сердцемъ. Часто въ глубокіе сумерки, когда вечерняя роса почивала на немъ, я прижималъ прохладные листы его къ моему челу, горячему отъ думъ,— и мнѣ было легче. Нѣкто, проходя мимо, говорилъ: „будущею весною не цвѣсти ему; оно слишкомъ много цвѣтетъ нынѣ.“ Я не хотѣлъ вѣрить словамъ прорицателя не къ добру. Напрасно я не хотѣлъ вѣрить;— теперь мое дерево не цвѣтетъ, потому что прежде цвѣло слишкомъ много; оно умерло, потому что прежде было слишкомъ роскошно жизнію. Смотрю на него, и вспоминаю слова св. Григорія Назіанзена: *и добро пѣсть добро, аще не бываетъ добрѣ* (*). Что лучше жизни? Но кто слишкомъ спѣшитъ жить, тотъ не доживаетъ своего вѣка. Указывая на засохшее дерево, садовникъ часто говоритъ мнѣ:“ надобно его ссѣчь, а на его мѣстѣ посадить другое.“ И я съ сожалѣніемъ думаю: надобно его ссѣчь! но сынъ мой съ слезами на глазахъ,— слезливы очи у сиротъ безматернихъ,— упрашиваетъ меня и говоритъ: „оставьте его; мнѣ жаль разставаться съ нимъ. Мы любили и берегли его, когда оно цвѣло и зеленѣло; будемъ любить, родитель мой, и беречь его какъ памятникъ, когда оно засохло и стоитъ въ печали. Можетъ быть, отъ корня его пойдутъ новыя отрасли“. Пусть будетъ по твоему, сынъ мой!— Богъ утѣшается праведниками, которые цвѣтутъ доблестями, какъ древо, насажденное при исходищахъ водъ; но милосердуетъ и о грѣшникахъ, которые сухи на добрыя дѣла какъ засохшія деревья. Сынъ Божій любилъ человѣка непадшаго; но еще болѣе возлюбилъ падшаго, и самъ пришелъ воздвигнуть его, и сказалъ ему: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ!* Помню еще слова св. Златоуста, великаго проповѣдника великой любви къ грѣшнику: „По истинѣ къ праведникамъ Богъ милостивъ есть: но болѣе къ грѣшникамъ свое долготерпѣніе показуетъ. И если желаеши странное услышати слово, странное вразсужденіи обыкновенія, но истинное сколько до благочестія надлежитъ, то слыши: къ праведникамъ вездѣ Богъ строгъ является, а къ грѣшникамъ благъ, и скоръ къ помилованію ихъ, и грѣшника падшаго возставляетъ, и глаголетъ ему: *Еда падаяй не востаетъ? или отвращаяйся не обратится* (Іерем. 8, 4)? Что въ мірѣ семъ богатый человѣкъ, то праведникъ у Бога: и что въ мірѣ семъ нищій, то у Бога грѣшникъ. Посему грѣшниковъ, какъ убогихъ, милуетъ: отъ праведниковъ же яко отъ богатыхъ, взыскиваетъ; онымъ убожества ради снисходитъ: а отъ сихъ, по богатству ихъ благочестія, съ великою подробностію отчета требуетъ (*).“—

(*) Слово о бѣгствѣ.

(*) О покаяніи Бесѣда 7-я.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры, 15 Іюня 1868 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 15. НЕДѢЛЯ 7 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ИЮЛЯ 10. 1838.

Апостолъ: Римл. 15, 1—7. Евангеліе: Матѳ. 9, 27—35.

ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНІЙ ПЕЧЕРСКІЙ (*).

Немногія свѣдѣнія сохранились намъ о жизни и подвигахъ перваго отечественнаго образца иноковъ въ Россіи, основателя Кіевопечерской Лавры, преп. Антонія Печерскаго. Не льзя однакожъ не замѣнить, читая сказаніе о немъ, помѣщенное въ Патерикѣ Печерскомъ, что Преподобный мужъ преходилъ разные степени духовной жизни и восходилъ отъ совершенства къ совершенству. Различаемъ слѣдующіе три періода его духовной жизни: 1. онъ былъ ученикомъ, или духовнымъ сыномъ Отцевъ Аѳонскихъ, 2. былъ наставникомъ, или духовнымъ отцемъ своихъ учениковъ въ Россіи и 3. былъ отцемъ отцевъ, наставникомъ для самыхъ наставниковъ.

1. Должно полагать, что Пр. Антоній (родившійся въ Любечѣ, нынѣ Мѣстечкѣ Черниговской губерніи) былъ просвѣщенъ Христовою вѣрою въ самыхъ юныхъ лѣтахъ (во время крещенія Россіи при св. Владимірѣ ему было около 5-ти лѣтъ) (**). Онъ могъ слышать отъ Греческихъ наставниковъ о совершеннѣйшемъ пути спа-

(*) Память его Іюл. 10.

(**) Въ Патерикѣ сказано, что пр. Антоній скончался 80-ти лѣтъ 1075 г. Слѣд. онъ родился 995 г.

сенія ;— узнать отъ нихъ и о жизни иноческой и о примѣрахъ ея въ Греціи, особенно въ горѣ Аѳонской. Потому, достигнувъ совершеннаго возраста, почувствовалъ сильное влеченіе Благодати къ вышнему званію во Христѣ Іисусѣ, отвергся міра, оставилъ отечество и въ Аѳонской горѣ принявъ иночество подъ руководствомъ опытныхъ духовныхъ Отцевъ, началъ проходить путь совершеннѣйшаго смиренія, послушанія и высокихъ духовныхъ подвиговъ. За два года предъ смертію св. Владиміра, Духомъ Божіимъ, открывшимъ волю свою Игумену, онъ призванъ былъ въ отечество, гдѣ и поселился въ горѣ Кіевской, въ пещерѣ варяжской. Но здѣсь, не думая быть наставникомъ другихъ, онъ старался болѣе утверждать самаго себя въ духовной жизни: и потому, когда по смерти св. Владиміра, наступили смутныя времена Святополка, убійцы своихъ братьевъ, смиренный Антоній почелъ обстоятельства сіи призываніемъ Божіимъ къ прежнему ученическому званію, и удалился опять въ Аѳонскую гору. Наконецъ чрезъ нѣсколько времени, когда уже въ Кіевѣ княжилъ Благочестивый Ярославъ, вторичнымъ откровеніемъ позванный и напутствованный благословеніемъ Аѳонскихъ Отцевъ, преподобный Антоній навсегда переселился въ отечество и избралъ постояннымъ жилищемъ своимъ пещеру Иларіонову (*). Здѣсь начался новый періодъ его духовной жизни.

2. Вторый періодъ жизни св. Антонія есть самый большій (онъ продолжался 40 лѣтъ); но объ немъ всего менѣе осталось свѣдѣній. Знаемъ впрочемъ, что заключенный въ земли свѣтильникъ Руской земли не горѣлъ тамъ незримо для другихъ, а привлекалъ къ себѣ свѣтомъ своимъ многихъ. Къ необыкновенному подвижнику начали приходить ищущіе спасенія; нѣкоторые оставались и жить съ нимъ въ пещерѣ, на прим. Пр. Никонъ, Іеромонахъ, Варлаамъ, сынъ одного Боляpина, и Ѳеодосій. Самъ В. Кн. Изяславъ зналъ Святаго мужа и посѣщалъ его. Сей сорокалѣтній періодъ былъ, безъ сомнѣнія, самый богатый подвигами Преподобнаго. Какъ наставникъ и руководитель другихъ, онъ тѣмъ болѣе подвизался въ молитвахъ, въ постѣ, въ трудахъ, представляя въ себѣ самомъ совершенный образецъ для иноковъ. Не много однакожъ имѣлъ онъ учениковъ своими сподвижниками. Ихъ было только 12, когда смиренный основатель пещернаго иночества восхотѣлъ служить Богу еще въ глубочайшемъ уединеніи и, оставивъ братіи Игуменомъ Пр. Варлаама, удалился въ ближайшую гору, ископавъ въ ней новую для себя пещеру (**).

3. Въ новой пещерѣ Преподобный жилъ 16 лѣтъ, до самой кончины своей. Онъ не былъ болѣе непосредственнымъ правителемъ основаннаго имъ иноческаго общества; но тѣмъ не менѣе былъ отцемъ и наставникомъ его, дѣйствуя на братій посредствомъ ихъ начальниковъ, которые въ каждомъ важномъ случаѣ испрашивали у великаго Отца наставленіе и благословеніе. Такъ, когда умножилось братій до 20-ти, Игуменъ Варлаамъ испросилъ у св. Антонія благословеніе на сооруженіе небольшой Церкви

(*) Пещеру, ископанную Священникомъ Иларіономъ, который въ послѣдствіи былъ Митрополитомъ Кіевскимъ. Это мѣсто нынѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, *Дальнимъ* Пещерамъ.

(**) Эта пещера принадлежитъ нынѣ къ *Ближнимъ* Пещерамъ Кіевскимъ.

внѣ пещеры; когда В. Кн. Изяславъ взялъ Варлаама на игуменство въ новосозданный монастырь св. Димитрія, братія получили новаго Игумена въ св. Ѳеодосіи — по благословенію тогоже св. Антонія; къ нему же прибѣгалъ и св. Ѳеодосій, прося наставленія и благословенія, когда нужно было устроить монастырь для общества, возрасшаго до 100 человѣкъ, и когда требовалось ввести въ семъ монастырѣ лучшій уставъ иноческій; наконецъ по молитвамъ же пр. Антонія уготовано было и мѣсто для великой Печерской Церкви.

Что касается до духовныхъ дарованій, которыми исполненъ былъ духоносный Отецъ Россіи Антоній, то не погрѣшимъ, кажется, если скажемъ, что въ первомъ періодѣ своей жизни — ученическомъ — онъ стяжалъ духъ страха Божія, благочестія и силы, торжествующей надъ страстями, второму періоду — учительскому — соотвѣтствуетъ духъ совѣта и разума, а третьему, высшему, таинственному, духъ премудрости и откровеній чрезвычайныхъ. Преданіе дѣйствительно говоритъ о нѣкоторыхъ откровеніяхъ Преподобному, относящихся къ этому, послѣднему, періоду его жизни. Такъ онъ предвидѣлъ и предсказалъ тремъ Князьямъ Ярославичамъ (Изяславу, Святославу и Всеволоду) пораженіе ихъ отъ Половцевъ (бывшее 1068 г.), а Симону, сыну Варяжскаго Князя, Вельможѣ Всеволодову, чудесное спасеніе между мертвыми, на томъ же сраженіи съ Половцами, а вмѣстѣ и то, что онъ Симонъ будетъ первый положенъ въ будущей великой Печерской Церкви (*).

(*) Симонъ былъ однимъ изъ первыхъ благотворителей Печерской Церкви. Онъ пожертвовалъ для нея златую цѣпь и вѣнецъ.

Прежде основанія Церкви, Преподобный испросилъ у Бога чудесное указаніе самаго мѣста: по молитвѣ Святаго мужа Богоизбранное мѣсто въ одну ночь явилось сухо, тогда какъ всѣ окрестности были покрыты росою; а въ другую ночь одно оно оросилось, между тѣмъ какъ всѣ другія мѣста были сухи. Къ откровеніямъ должно отнесть и предсмертное пророченіе Святаго Антонія: прощаясь съ братіею, онъ обѣщалъ никогда не оставлять мѣста земныхъ своихъ подвиговъ, призирать на него свыше и духовно вспомоществовать всѣмъ живущимъ въ немъ и приходящимъ къ нему съ вѣрою.

Замѣтимъ наконецъ, какое главное свойство украшало Преподобнаго и видимо было во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни. Это было глубочайшее смиреніе и совершенная нестяжательность: подобно древнѣйшимъ великимъ Отцамъ, онъ смиреніемъ стяжалъ высокая и нищетою богатая. По смиренію, онъ не хотѣлъ называться Игуменомъ, а предалъ власть свою другимъ; по смиренію, не имѣлъ и священническаго сана; по смиренію удалялся изъ уединенія въ уединеніе; терпѣливо и смиренно переносилъ гоненія, — изгоняемый удалялся, призываемый опять возвращался (**); смиреніемъ прикрывалъ и чудодѣйственный даръ исцѣленій, когда служилъ больнымъ и враче-

(**) Онъ потерпѣлъ гоненіе отъ Изяслава за посрамленіе Боярскаго сына и одного княжескаго Евнуха; въ другой разъ терпѣлъ гнѣвъ тогоже Князя по клеветамъ: нѣкоторые донесли Князю, будто Пр. Антоній благопріятствовалъ Всеславу, котораго Кіевляне поставили у себя В. Княземъ, изгнавъ Изяслава. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Преподобный удалялся въ Черниговъ, по просьбѣ Святослава, и тамъ ископалъ пещеру въ горѣ Болдиной

валъ ихъ обыкновеннымъ зеліемъ, которымъ питался. Самъ чудодѣйственный промыслъ Божій, видимо осѣняющій пещеры Кіевскія, прославляя Святыхъ явленіемъ нетлѣнія мощей ихъ,— для того, чтобъ сдѣлать очевиднѣе для насъ главную добродѣтель Пр. Антонія — смиреніе,— допустилъ нѣкоторую особенность въ отношеніи мощей его. Издревле мощи, Великаго по смиренію, Отца остаются подъ спудомъ. Преданіе сказываетъ, что многіе покушались открыть мощи его, но были возбраняемы исходившимъ отъ гроба его огнемъ.

Вотъ на какомъ камнѣ, основано у насъ зданіе житія иноческаго!— На семъ только камнѣ— на камнѣ Христіанскаго смиренія— и всякое зданіе духовной жизни бываетъ прочно, непоколебимо и свято, какъ истинный храмъ Всесвятаго Духа!—

СЛОВО (*)

НА ОСВЯЩЕНІЕ СОБОРНАГО ХРАМА ВЪ ГОРОДѢ ПРОСКУРОВѢ.

Той созиждетъ Домъ имяни моему. 2 Цар. 7, 13.

Такое обѣтованіе дано одному изъ Царей Израилевыхъ, избранному Господемъ воздвигнуть Ему во Іерусалимѣ великолѣпный храмъ, въ коемъ невмѣстимый благоволилъ обитать, и внимать приносимымъ Ему тамо молитвамъ къ прославленію величія имяни своего.

Что сказано было о Соломонѣ, то можно и должно сказать о многихъ Царяхъ Всероссійскихъ, благочестивыхъ, православныхъ. Сколько по истинѣ, начиная съ перваго просвѣтителя Богомъ благословенной Россіи, отъ лѣтъ древнихъ и до дней нашихъ, воздвигнуто великолѣпныхъ храмовъ, ко славѣ имяни Божія и Святыхъ, попеченіемъ и усердіемъ державныхъ блюстителей Всероссійскія Церкви? И сія благословенная страна, древнее достояніе державныхъ лицъ, хотя въ смутныя для Православія времена оскудѣла было въ благолѣпіи храмовъ священныхъ; но Хранящій сѣмя святое, возвративъ Церковь и страну въ первое состояніе, въ тоже время вложилъ въ сердце Помазанниковъ своихъ попеченіе о благоденствіи Церкви своея и въ семъ краю. Но кому предоставлено явить опыты ревности о созиданіи дома Господня подобно той, коею прославилось имя мудрѣйшаго изъ Царей земныхъ? кого избралъ Господь оживить охладѣвшее православіе, утвердить въ семъ краю домъ имяни своему?— Сію великую, радостотворную мысль внушилъ онъ нынѣ царствующему надъ нами Монарху. Простекая нѣкогда симъ путемъ на пораженіе невѣрныхъ супостатовъ, съ горестнымъ чувствомъ усмотрѣлъ онъ бѣдственное состояніе здѣсь православныхъ храмовъ, и немедленно изрекъ благую свою волю о созиданіи и благоукрашеніи ихъ? и се! по благости небесной настоящій храмъ есть первый памятникъ царственнаго вниманія къ возвышенію православныя вѣры, на коей, какъ на краеугольномъ камени; желаетъ утвердить онъ временное благоденствіе Церкви и отечества, и вѣчное спасеніе душъ, исповѣдующихъ имя Христово.

Можно ли не возрадоваться духомъ участникамъ настоящаго торже-

(*) произнесенное Маія 16, д. 1837 г. преосв. Кирилловъ, Архіеп. Каменец-Подольскимъ.

ства о милости къ намъ Божіей, благоспѣшившей къ совершенію дѣла Господня? не протекло пяти лѣтъ, какъ на семъ мѣстѣ полагалъ я знаменіе креста въ основаніе храма;— и нынѣ при содѣйствіи Вышняго, зданіе воздвигнуто благолѣпное, и принесена первая безкровная жертва о спасеніи благочестивѣйшаго Монарха, и всѣхъ православныхъ.

Чада Церкви и отечества, стекшіяся для принесенія благодаренія Господу, за неизчетныя его къ намъ милости, чѣмъ можемъ мы ознаменовать свою признательность къ такимъ попеченіямъ о благѣ нашемъ Царя небеснаго и земнаго?—размышленіе о сыновней вѣрности въ исполненіи обязанностей Христіанина и гражданина, есть наиприличнѣйшее настоящему торжеству слово.

Имя истиннаго сына Церкви должно быть драгоцѣнно для каждаго. Всякъ отрожденный водою и духомъ усыновленъ самому Богу, есть наслѣдникъ вѣчнаго блаженства. Но къ сожалѣнію многіе, украшаясь святымъ именемъ Христіанина, не вникаютъ въ важность званія своего, и не заботятся о снисканіи отличительнаго, постояннаго духа и свойства сыновъ Церкви.

Вѣрный сынъ Церкви, воздоенный здравымъ ученіемъ ея, долженъ познавать истины вѣры, на коихъ зиждется спасеніе его; для него должно быть священно и неприкосновенно всякое постановленіе и преданіе святыя православныя Церкви;—питая уваженіе къ другимъ исповѣданія близкимъ къ ней по духу, онъ какъ сынъ, долженъ горѣть пламенною любовію къ одной своей истинной матери, въ ея наставленіяхъ, какъ въ животворномъ илеѣ, находитъ сладкую пищу, насыщающую душу и тѣло, умудряющую во спасеніе. Безъ такого сыновняго расположенія къ своей Церкви, Христіанинъ не можетъ не заблудится, не можетъ не впасть въ предосужденіе, и не потерять должнаго уваженія къ духу обрядовъ своего исповѣданія, не можетъ не содѣлаться безразличнымъ въ отношеніи къ другимъ разномыслящимъ Христіанскимъ обществамъ, и въ тоже время хладнымъ зрителемъ или токмо слышателемъ, но не дѣятельнымъ исполнителемъ заповѣдуемаго своею Церковію.

Нѣтъ! Не такъ мыслитъ и чувствуетъ истинный сынъ Церкви. Его воодушевляетъ постоянная радость о всемъ томъ, что служитъ ко благу ея внѣшнему и внутреннему, и напротивъ смущаетъ скорбію всякое ея бѣдствіе. Такое чувствованіе произтекаетъ изъ несомнѣнной увѣренности, что обѣтовавшій создать свою Церковь на томъ Камени, коего врата адова одолѣть не могутъ, вѣренъ и непреложенъ въ осуществленіи своихъ обѣтованій, касательно временнаго и вѣчнаго блаженства вѣрующихъ такожде, какъ и по отношенію утвержденія славы дома святыни своея. А потому духъ истиннаго послѣдователя Христова не можетъ не преисполняться радостію, когда воздвигаются и украшаются благолѣпіемъ храмы Господни, умножается число вѣрующихъ, проповѣдуется съ преспѣяніемъ слово Божіе, добрые пастыри стрегутъ ввѣренное имъ стадо, бодрственно стоя на стражи своей и руководствуя къ совершенію святыхъ въ дѣлѣ служенія своего

Но не внѣшнее токмо, а въ особенности внутреннее благо Церкви, близко

должно быть сердцу Христіанина. Можетъ ли онъ быть равнодушнымъ, и не благословить Господа, когда чада единыя святыя Матери, съ попеченіемъ о внѣшней красотѣ храмовъ, соединяютъ внутреннія совершенства, содѣлываются живымъ храмомъ Божіимъ, предстоятъ благоговѣйно при совершеніи безкровной жертвы, преспѣваютъ въ познаніи Сына Божія, неослабно подвизаются въ дѣлахъ благочестія, чужды являются зависти и рвенія, блюдутъ себя отъ всякія распри и пререкословія лжеименнаго разума, увлекающаго въ сѣть свою неразумныхъ, не отдѣляются отъ единства вѣры Апостольской, отеческой, православной, а исповѣдуютъ ея уставы въ первоначальной ихъ чистотѣ и святости утверждаются въ единеніи духа, въ союзѣ мира, свидѣтельствуютъ свое званіе не именемъ и словами, но и дѣлами, исполняютъ во всемъ заповѣди Господа своего І. Христа, призвавшаго вѣрующихъ къ обѣтованіямъ не настоящаго, но грядущаго вѣка, уготовавшаго на небесахъ достойнымъ рабамъ своимъ вѣчное Царство.

Съ таковою вѣрностію къ Церкви истинный сынъ ея, соединяетъ вѣрность и къ своему земному отечеству, бывъ убѣжденъ, что общее благоденствіе отечества есть основаніе и залогъ частнаго мира и безопасности. А потому онъ утѣшается внутренно тѣмъ, что возвышаетъ и утверждаетъ счастіе родственной страны. Распространяются ли предѣлы отечества, укрѣпляется ли оно въ силѣ и могуществѣ своемъ, исполняются ли обиліемъ и богатствомъ грады и веси его, отражаются ли внѣшніе враги, нарушители общаго мира и спокойствія; процвѣтаетъ ли образованіе умственныхъ силъ и нравственныхъ; господствуетъ ли отечественный языкъ, выражающій характеръ и силу народа его, усовершаются ли полезныя искусства и промышленность, являются ли наконецъ ревностные и неусыпные блюстители закона, вѣрные исполнители воли предержащей :— все это сладко и утѣшительно для сына отечества, все это есть его собственное благо.

Такъ чувствуя всякій истинный членъ государства о внѣшнемъ достоинствѣ его, ставитъ выше всего для себя усовершеніе себя въ Вѣрѣ и Благочестіи, безусловную преданность и повиновеніе своему Государю, безкорыстное исполненіе возложенныхъ на каждаго обязанностей, ненарушимость клятвы въ общественномъ и въ семейномъ кругу, наслажденіе земными благами безъ оскорбленія чистоты нравовъ и добродѣтели.

Вотъ краткое изображеніе свойствъ истиннаго сына Церкви, и отечества! Вотъ нѣкоторые очевиднѣйшіе и существенные признаки, коими можемъ свидѣтельствовать свою признательность къ отеческому, неусыпному попеченію о насъ Благочестивѣйшаго Помазанника! Вотъ совершеннѣйшая жертва Господу въ видимомъ селеніи славы Его! Ему благоугодно токмо сердечное единомысліе молящихся, токмо неразрывное стремленіе каждаго и всѣхъ къ одной спасительной цѣли,— ревностному, благочестному, мирному прохожденію своего званія. Кто воздаетъ Божія Богови, и Кесарева Кесареви, проходитъ служеніе сына Церкви и отечества не по страху наказанія, а по совѣсти, съ радостію, а не воздыхающе; тотъ, яко вѣрный и благій рабъ

внидетъ и въ вѣчную радость Господа своего, по обѣтованію Его.

Къ Тебѣ, Господи, очи наши, яко очи рабовъ, въ руку Господей своихъ! Самъ благодатію своею укрѣпи насъ въ вѣрѣ и вѣрности къ Церкви и отечеству, напечатлѣй силу закона твоего на сердцѣ нашемъ; сотвори, да силою твоею возвеселится Царь нашъ, и о спасеніи твоемъ, возрадуется; споспѣшествуй ему ко славѣ твоей, въ созиданіи храмовъ православныхъ въ семъ краю; да съ благословеніемъ небеснымъ воздвигнутся благоуспѣшно и другія, по воли и щедротамъ Монаршимъ основанныя святыни твои, и готовящіяся къ основанію; увѣнчай благоволеніемъ своимъ всѣ пути и желанія сердца его, да прославится въ дѣлахъ Царевыхъ святое Имя твое во вѣки вѣковъ! Аминь.

ОКРЫЛЯЮЩАЯ СИЛА МОЛИТВЫ.

Говорятъ: молитва есть возношеніе мысли и сердца нашего къ Богу. Ничего нѣтъ удивительнаго, если пламенная и усердная молитва на время какъ бы разлучаетъ душу съ тѣломъ, и преставляетъ ее на небо; но нѣкоторые опыты свидѣтельствуютъ, что истинная молитва не только возвышаетъ душу, но и самое тѣло молящагося подъемлетъ иногда на извѣстную высоту отъ земли. Мыслъ, постоянно устремленная горѣ, наконецъ отнимаетъ грубую плотяность у тѣла, которое такъ тяжело у людей, не знающихъ истинной молитвы. Душа, въ сіе время, вступаетъ въ первобытныя права свои; и уже не тѣло влечетъ ее къ землѣ, а она увлекаетъ тѣло къ небу, откуда сама.

Посмотрите на это дитя, которое въ долинахъ Виѳинскихъ пасетъ домашній скотъ отца своего. Съ раннею зарею юный Іоанникій ведетъ безсловесную паству свою на пажить, и остается тамъ до глубокаго вечера. Сынъ простаго поселянина ничему не учился, ничего не знаетъ о законахъ природы; но онъ умѣетъ молиться, и въ этомъ умѣньи, самъ не зная, открываетъ тайну повелѣвать природою. Каждое утро выходя въ долину, онъ назначаетъ своему стаду опредѣленное мѣсто, простодушно говоритъ ему: „пасись здѣсь, и не ходи далѣе“;— а самъ удаляется въ пустыню, и до вечера стоитъ на молитвѣ. Когда приходитъ пора вести домой стадо, онъ находитъ его въ назначенномъ мѣстѣ; ни тигръ Азійскій, ни воръ и разбойникъ востока, не трогаютъ стада; оно всегда цѣло, стоитъ смирно, и съ покорностію ожидаетъ возвращенія своего двѣнадцати-лѣтняго владыки.

Послѣ разныхъ превратностей жизни, св. Іоанникій дѣлается отшельникомъ; проводитъ многіе годы въ разныхъ горахъ и пустыняхъ, ища безмолвія и упражняясь въ постѣ и молитвѣ. Когда онъ, подобно птицѣ небесной, одиноко обиталъ на вершинахъ горъ Контурійскихъ, ему пришла мысль отправиться въ Ефесъ, помолиться въ храмѣ св. Іоанна Богослова и поклониться гробу Евангелиста. Всталъ и пошелъ, не размышляя о томъ, что путь не извѣстенъ ему. Въ одинъ день, подъ вечеръ, онъ спрашиваетъ у проходящихъ: куда ведетъ эта дорога? „прямо къ рѣкѣ,— отвѣчаютъ путнику, страшному на видъ, обросшему власами, въ ветхомъ рубищѣ, огромнаго роста,—

прямо къ рѣкѣ, которая впереди; она теперь чрезвычайно глубока и въ разливѣ; никому нельзя переправиться черезъ нее безъ ладіи.“ Какая нужда! Іоанникій приходитъ къ рѣкѣ, садится на берегу ея отдохнуть не много, а въ полночь, вставши и помолившись, продолжаетъ путь прямо черезъ рѣку, не спрашивая, земля, или вода, подъ ногами у него. „О красныхъ ногъ, о чуднаго шествія, восклицаетъ списатель жизни Святаго!“ — Куда дѣвалась тяжесть тѣла? — ея не было въ тѣлѣ того, у котораго духъ былъ на небѣ.

Въ преклонныхъ лѣтахъ своей жизни, св. Іоанникій поселился на горѣ Олимпѣ какбы для того, чтобъ согнать оттуда всѣхъ мечтательныхъ боговъ, которыми воображеніе Греческихъ Поэтовъ заселило невинную гору. Съ восточной стороны Олимпа растилалась живописная долина, на которой былъ нѣкогда храмъ Богоматери: но теперь не оставалось и слѣдовъ его. Узнавъ, по откровенію, о преждебывшей Церкви въ долинѣ, св. Отшельникъ вздумалъ востановить домъ молитвы; пригласилъ благочестивыхъ людей, заложилъ Церковь во имя Пресвятыя Дѣвы; самъ носилъ камни и усердно помогалъ работающимъ. Когда Церковь была сооружена, св. Іоанникій приходилъ въ нее по ночамъ, и, никѣмъ невидимый, предавался самой пламенной молитвѣ. Ученикъ и подражатель его, св. Евстратій захотѣлъ однажды посмотрѣть, какъ молится наставникъ его. Въ одну ночь онъ скрылся въ углу Церковномъ, и тайно примѣчалъ, что будетъ. Ветхій днями, но ангелоподобный старецъ пришелъ въ свое обыкновенное время, благоговѣйно приближился къ алтарю; и, когда воздѣлъ руки свои къ небу, то Евстратій увидѣлъ, что вмѣстѣ съ воздѣяніемъ рукъ св. Іоанникій поднялся высоко отъ земли; стоялъ на воздухѣ, и тамъ совершалъ свою молитву. Кончилась молитва, — и праведникъ, подобно облаку небесному, опустился на помостъ храма (*).

Магнитъ притягиваетъ желѣзо, и невидимою силою держитъ его на воздухѣ: почему молитва, чрезъ многіе годы напряженно устремляющая всѣ силы души къ небу, не можетъ поднимать тѣла, утонченнаго постомъ и воздержаніемъ? сила молящагося духа уже ли менѣе силы магнита?

ПРИМѢЧАТЕЛЬНОЕ ИЗРЕЧЕНІЕ.

Одинъ философъ ходилъ (такъ пишетъ онъ самъ) по дому лишенныхъ ума для наблюденія надъ состояніемъ души сихъ несчастныхъ, кои составляютъ такую жалкую особенность въ семействѣ рода человѣческаго. Что-же услышалъ онъ изъ устъ одного мнимо-помѣшаннаго? — „Въ Адѣ, сказалъ онъ отрывисто, когда кто прибываетъ то становится тѣснѣе, а въ Раю когда является новый житель, то дѣлается просторнѣе.“

Нѣтъ нужды замѣчать, какая глубокая и важная истина скрывается въ сихъ словахъ.

(*) Чет. Мин. Ноября 4 дня.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 22 Іюня 1858 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 16. НЕДѢЛЯ 8 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ІЮЛЯ 17. 1858.

Апостолъ. Коринѳ. 1, 10—18. Евангеліе. Матѳ. 14, 14—22.

ВОСПОМИНАНІЕ

СВЯТЫХЪ ШЕСТИ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ. (*)

Святые Вселенскіе Соборы можно разсматривать не только какъ вселенскую правительственную власть Церкви, но и какъ вселенское училище вѣры и благочестія Христіанскаго.— Совершая нынѣ память шести Вселенскихъ Соборовъ, мы хотимъ указать въ нихъ нашимъ читателямъ преимущественно на это послѣднее ихъ качество. Христіанинъ, вѣрующій во едину, святую, вселенскую и Апостольскую Церковь, долженъ съ благоговѣніемъ внимать гласу вселенскаго ученія, какое преподали намъ святые вселенскіе Соборы.

Представимъ а., краткое свѣдѣніе о шести Вселенскихъ Соборахъ, б,. ихъ ученіе вѣры (сокращенно), и в,. нѣкоторыя правила касательно поведенія Христіанскаго.

I. Краткое свѣдѣніе о 6-ти Всел. Соборахъ.

Первый Вселенскій Соборъ, или *Никейскій* I. созванъ былъ, 325 г., Константиномъ В. противъ Арія, пре-

(*) Память ихъ совершается въ воскресный день, ближайшій къ 16-му Іюля. Нынѣ совершаемъ ее въ настоящую недѣлю, 8-ю по 50-дѣ.

свитера Александрійскаго, который возмущалъ Церковь своимъ ложнымъ ученіемъ о Сынѣ Божіи, отвергая Его вѣчность и единосущіе съ Богомъ Отцемъ. На семъ Соборѣ составленъ былъ Символъ вѣры. Отцевъ на Соборѣ было 318.

Второй Всел. Соборъ, или *Константинопольскій* I., созванъ былъ 381 г., при Ѳеодосіи В., противъ Македонія, Епископа Константинопольскаго, который не признавалъ Божественной личности св. Духа, а называлъ Его силою сотворенною и служебною Сыну Божію. Св. Соборъ дополнилъ Символъ Никейскій, особенно въ членѣ о св. Духѣ. — Отцевъ собрано было 150.

Третій Всел. Соборъ, или *Ефесскій*, былъ 431 г., при Ѳеодосіи II., и отвергъ ученіе Несторія, Патр. Константинопольскаго, который дерзнулъ учить, что Іис. Христосъ родился простымъ человѣкомъ, и былъ послѣ Богоносцемъ, а не Богочеловѣкомъ. На семъ Соборѣ (въ правилѣ его 7-мъ) запрещено дополнять или сокращать Символъ вѣры Никейско-Цареградскій. — Отцевъ было 200.

Четвертый Всел. Соборъ, или *Халкидонскій*, 451 г., при Имп. Маркіанѣ, осудилъ ересь Евтихія, Архимандрита Константинопольскаго и Діоскора, Патр. Александрійскаго, изъ которыхъ первый училъ, что Іис. Христосъ, имѣя Божество, не имѣлъ истиннаго человѣчества, а послѣдній былъ защитникомъ сего еретика. Соборъ состоялъ изъ 630 Отцевъ.

Пятый Всел. Соборъ, или Константинопольскій II., 553 г. составленъ былъ Юстиніаномъ. Онъ осудилъ, такъ называемыя, *три главы*, т. е. три сочиненія (Ѳеодора Мопсвестскаго, Ѳеодорита Кирскаго и письмо Ивы къ Марію Персу), которыя благопріятствовали Несторіянамъ, и — вмѣстѣ съ другими древними еретиками — Оригена, отвергавшаго вѣчность мукъ; на Соборѣ было 165 Отцевъ.

Шестый Всел. Соборъ, или Константинопольскій III., 680 г. въ Трулліи (въ Царской палатѣ), при Константинѣ Погонатѣ противъ *Моноѳелитовъ* (отрасли Евтихіянъ) или *единоволь-никовъ*, которые, не допуская въ Іис. Христѣ воли человѣческой, допускали *одну волю* Божескую. Продолженіемъ сего Собора почитается Соборъ бывшій въ томъ же мѣстѣ 691 г., при Юстиніанѣ Ринотметѣ, когда, въ дополненіе 5-му и 6-му Вселенскимъ Соборамъ, изложены были правила. Отцевъ, бывшихъ на Соборѣ, полагается 170.

II. Ученіе вѣры шести Всел. Соборовъ.

Памятникъ ученія вѣры Вселенскихъ Соборовъ есть символъ вѣры Никейско-Цареградскій, доселѣ содержимый и повторяемый въ православной Церкви, безъ всякаго измѣненія. Въ особенности

Соборъ Никейскій I. утвердилъ православное ученіе о лицѣ Іисуса Христа, какъ вѣчнаго Сына Божія, единосущнаго Отцу, второй ипостаси пресвятыя Троицы.

Соборъ Константинопольскій I. раскрылъ болѣе догматъ о св. Духѣ, какъ третьемъ лицѣ св. Троицы, исходящемъ отъ Отца и со Отцемъ и Сыномъ на равнѣ покланяемомъ и славимомъ.

Соборъ Ефесскій научилъ насъ вѣровать о Іисусѣ Христѣ, что Божество соединено въ немъ съ Его человѣчествомъ въ самомъ зачатіи Его

отъ Духа святаго и Маріи Дѣвы, и что потому пресв. Дѣва есть истинная Богородица; а Соборъ Халкидонскій научилъ, что человѣчество Спасителя нашего не было какое-либо мнимое, а истинное и совершенное, во всемъ подобное нашему, кромѣ грѣха.

На Соборѣ пятомъ Вселенскомъ подтверждено тоже ученіе, какъ и на Соборахъ Ефесскомъ и Халкидонскомъ, а сверхъ того, противъ Оригенистовъ, утверждено ученіе о вѣчности мукъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Соборъ шестый Вселенскій раскрылъ особенно ученіе о двухъ воляхъ въ Іис. Христѣ, Божеской и человѣческой, изъяснивъ, что онѣ хотя различны между собою, но одна другой непротивны, что воля человѣческая подчинена волѣ Божеской, и что какъ плоть Господа хотя обожена, но не поглощена, такъ и воля Его человѣческая обожена, но не уничтожена.

III. Правила для поведенія Христіанскаго.

Самый обильный правилами, относящимися какъ до благочинія Церковнаго, такъ и до поведенія Христіанскаго, есть вселенскій Соборъ шестый (онъ издалъ 102 правила). Подтверждая всѣ предъидущіе Соборы вселенскіе, а сверхъ того и нѣкоторые помѣстные и правила многихъ святыхъ Отцевъ древнихъ, онъ представляетъ въ себѣ всю древнюю Церковь, какъ важнѣйшій блюститель и истолкователь ея законовъ. Изъ правилъ его мы укажемъ здѣсь особенно на тѣ, въ которыхъ онъ старается очистить все общество вѣрующихъ отъ суевѣрій и пороковъ языческихъ и обратить всѣхъ Христіанъ къ жизни достойной высокаго званія ихъ.

Св. Соборъ (въ правилѣ 61-мъ) угрожаетъ шестилѣтнимъ отлученіемъ отъ св. Причащенія тѣмъ, которые занимаются волшебствомъ, гаданіями и вѣрятъ судьбѣ и случаю, а тѣхъ, которые не хотятъ оставить этого пагубнаго языческаго суевѣрія, совершенно отлучаетъ отъ Церкви (что тоже значитъ, какъ и преданіе такихъ нераскаянныхъ суевѣровъ анаѳемѣ). Подобнымъ образомъ (въ прав. 62-мъ) запрещаетъ разныя языческія празднества, между которыми упоминаетъ *о Календахъ, Вотахъ и Брумаліяхъ* (*), также народныя сходбища и пляски въ 1 день Марта, а съ тѣмъ вмѣстѣ строго осуждаетъ мужчинъ переодѣвающихся въ одежды женскія, а женщинъ — въ одежды мужскія, и безчинное употребленіе масокъ. Строго также запрещаетъ св. Соборъ (въ прав. 65-мъ) суевѣрный обычай, въ новолунія возжигать предъ домами костры и перескакивать чрезъ огонь, что сравниваетъ съ Богопротивнымъ дѣйствіемъ Манассіи, который, сотворивъ *олтарь всей силѣ небесной, провождаше сыны*

(*) *Календы* собственно значатъ первые дни мѣсяцевъ. Съ словомъ *календы*, означающемъ языческое празднество, сходна и наша *коляда*: по крайней мѣрѣ, этотъ суевѣрный у насъ обычай никакъ не лучше языческаго празднества. Валсамонъ, въ толкованіи на 62 прав. Собора Трулльскаго, упоминаетъ о бывшемъ въ его время суевѣрномъ праздновании въ первые дни Генваря, (послучаю обновляющейся будтобы въ это время луны) и еще о праздникѣ, называемомъ *Русаліи*, который совершался послѣ Пасхи „въ страпахъ внѣшнихъ“ (не наши ли это праздники *Русалокъ*?). *Воты*, по изъясненію Валсамона, значатъ праздникъ въ честь Пана, бога скотскаго, а *Брумаліи* — праздникъ въ честь Бахуса.

своя чрезъ огнь и вражаше, и волшевнія творяше, и сотвори капища, и волшебницы умножи, творити лукавое предъ очима Господнима, еже прогнѣвати Его (4 Царств. 21, 5. 6). (Языческія празднества въ новолунія, замѣчаетъ Валсамонъ, у насъ престали уже очень давно; вмѣсто того введенъ былъ въ Греціи благочестивый обычай начинать каждый мѣсяцъ молитвословіемъ и водоосвященіемъ. Прекратились говоритъ Валсамонъ, хотя еще не такъ давно, костры и жребіи, и присовокупляетъ: „о еслибы упразднились и гаданія (по полету и крику) вороновъ и воронъ и другихъ хищныхъ птицъ!“— О если бы, должны сказать и мы, упразднились и у насъ вѣрованія разнымъ примѣтамъ, гаданія на картахъ, гаданія и безчинія во время святокъ и другія, столь неприличныя Христіанамъ, суевѣрныя дѣйствія!)

Запрещаетъ св. Соборъ Христіанамъ (въ прав. 51-мъ), и зрѣлища какъ соблазнительныя, такъ и располагающія къ жестокости: шутовство, безчинныя пляски и звѣриныя охоты (*),— осуждаетъ игроковъ (прав. 50) и тѣхъ, которые употребляютъ языческія клятвы (прав. 92).

Осуждаетъ и отлучаетъ тѣхъ, которые дѣлаютъ домъ свой жилищемъ блудницъ (пр. 86); а равно и тѣхъ, которые украшаютъ себя съ намѣреніемъ прельщать другихъ, а научаетъ ихъ жить цѣломудренно и украшать не столько свою внѣшность, сколько своего внутренняго человѣка, добрыми нравами (пр. 96). Запрещаетъ мыться мужчинамъ въ одномъ мѣстѣ съ женщинами (пр. 77), имѣть какія-либо соблазнительныя изображенія (пр. 100.) и пр.

Какъ дающихъ, такъ и пріемлющихъ зелія, для изгнанія плода изъ утробы, осуждаетъ на равнѣ съ человѣкоубійцами (пр. 91).

Предаетъ анаѳемѣ тѣхъ, которые похищаютъ женъ или только вспомоществуютъ похитителямъ (пр. 94).

Наконецъ весьма нужно напоминаніе нашимъ Христіанамъ и слѣдующихъ правилъ, показывающихъ какъ должно проводить Христіанскіе праздники:

Св. Соборъ заповѣдаетъ всѣмъ Христіанамъ, во всю недѣлю св. Пасхи до недѣли новой (т. е. Ѳоминой) бывать въ Церкви, заниматься духовными пѣснопѣніями и чтеніемъ св. Писанія и наслаждаться святыми таинствами, и въ сіи дни совершенно запрещаетъ всякія публичныя мірскія зрѣлища (прав. 66).

Произноситъ осужденіе отлученія на тѣхъ, которые въ три воскресные дня, безъ крайней нужды, не будутъ въ Церковномъ собраніи (прав. 80).

(*) По изъясненію Толковниковъ, Зонараса и Валсамона, разумѣются здѣсь ораженія звѣрей.

ДРЕВНІЕ АСКЕТЫ,
или
ПОДВИЖНИКИ.

Проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже небъ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ. Евр. 11, 37. 38.

Когда стоишь передъ изображеніемъ земнаго шара: не ищи на немъ развалинъ древняго Мемфиса и Ѳивъ, ни шумной Александріи, ни славной Паль-

міры, ни суровой Спарты, ни знатныхъ Аѳинъ, или богатаго Коринѳа или роскошной Антіохіи. Тамъ совершались, конечно, великія дѣла, поразительныя событія: но въ этихъ дѣлахъ выразился только земный человѣкъ, со всѣми прелестями и блескомъ своего земнаго бытія; въ нихъ невыразился человѣкъ небесный во всей славѣ своего Богоподобнаго величія. Въ Африкѣ, въ Азіи, въ Европѣ ищи дикихъ пустынь, лѣсовъ дремучихъ, безплодныхъ скалъ, мрачныхъ вертеповъ, пропастей земныхъ,— отыскивай самыя уединенныя и безмолвныя мѣста. Тамъ— въ этихъ уединенныхъ мѣстахъ— найдешь ты подвижниковъ, людей святыхъ, людей древняго духа Христіанскаго, которые составляли свой особый міръ, ни на какіе другіе міры непохожій. Это небылъ міръ Ангельскій, потому что подвижники были люди; но это не былъ и міръ человѣческій, потому что въ подвижникахъ почти ничего не оставалось человѣческаго. Это былъ міръ, можно сказать, надземный на землѣ и въ землѣ, изумляющій величіемъ своего духа и жизни, дающій разумѣть, какую чудную силу являетъ природа человѣческая, какая власть и могущество заключена въ душѣ и тѣлѣ человѣка, когда онъ весь проникается силою благодати.

Жители этого пустыннаго міра не были великіе люди, прославляемые свѣтомъ; они не собирали дани хвалы и удивленія съ своихъ современниковъ. Пустынникъ, многострадальный, столпникъ, юродивый— вотъ имена,— незанимательныя для свѣта,— которыми они украшались. Они не отличались геройствомъ на войнѣ съ людьми; нѣтъ,— они открыли поприще брани противъ самихъ себя,— брани жестокой, не умолкавшей доконца ихъ жизни. Распять плоть со страстьми и похотьми, стать выше себя, выше своей чувственности, во чтобы то ни стало: таково было начало ихъ дѣятельности, для осуществленія котораго они ничего не щадили. Они отыскивали самыя строгія правила Евангелія; давали имъ самое обширное значеніе; старались выполнять ихъ съ непонятнымъ для насъ напряженіемъ воли, терпя всевозможныя лишенія, почитая себя мертвыми для всего, въ чемъ хотя сколько нибудь можно было обонять духъ міра и плотоугодія. „Скажи, что меня нѣтъ, что я давно уже умеръ“— отвѣчалъ одинъ подвижникъ людямъ, требовавшимъ у него свиданія. И это не была простая фраза; это была истина, которую онъ оправдывалъ дѣлами цѣлой жизни своей. Въ глубокихъ пустыняхъ древней Ѳиваиды, а равно и въ другихъ мѣстахъ, жили подвижники, которые въ теченіе тридцати, сорока, шестидесяти лѣтъ не видали ни одного человѣка, Если подъ конецъ своей жизни случалось имъ встрѣтить заблудившагося путника, они кротко привѣтствовали его, и простодушно спрашивали: „стоитъ ли еще міръ? строятся ли города? Есть ли на землѣ люди, мои братія?“— Отъ долговременнаго одиночества платье, вынесенное изъ міра, либо изъ общежитія иноческаго, спадало съ плечъ отшельниковъ; и они оставались безъ покрова подъ знойнымъ небомъ Африки, подъ холодными и сырыми ночами Азіи. Тогда на изнуренномъ тѣлѣ ихъ восходили длинные и густые волосы, служившіе имъ вмѣсто одежды, и въ то же время придававшіе человѣку необыкновенный видъ.

„Въ семнадцатый день моего путешествія по пустынямъ Египетскимъ, говоритъ св. Пафнутій, я достигъ одной высокой горы. Утомленный, я сѣлъ отдохнуть на подгоріи, и скоро увидѣлъ мужа, издалека шедшаго ко мнѣ, образомъ весьма страшнаго, кругомъ обросшаго густыми волосами какъ звѣря, и бѣлаго какъ снѣгъ; ибо онъ сѣдъ былъ отъ старости. Волосы головы и брады его были долги до самой земли, и какъ одежда покрывали тѣло его; чресла его были опоясаны листвіемъ отъ былій пустынныхъ. Отъ ужаса я востекъ на камень, случившійся на вершинѣ горы; но онъ, увидѣвши меня, кротко сказалъ: сойди ко мнѣ, человѣкъ Божій; ибо и я человѣкъ подобный тебѣ, жительствующій въ сей пустынѣ Бога ради (*).“ Этотъ мужъ былъ св. Онуфрій, одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ, и теперь послѣ шестидесяти лѣтъ въ первый разъ встрѣтившійся съ человѣкомъ. Нѣкоторые изъ пустынниковъ, опасаясь совершеннаго уединенія, жили по два и по три не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга; и такую жизнь подвижническую они называли *путемъ Царскимъ*. Въ Субботы и Недѣли они сходились въ одно мѣсто для пѣнія псалмовъ, и по цѣлымъ ночамъ стояли на молитвѣ. Если вступали во взаимную бесѣду: то вся бесѣда ихъ состояла въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ касательно внутренняго состоянія духа; всѣ разговоры ограничивались взаимными наставленіями и увѣщаніями, какъ въ такомъ или другомъ случаѣ хранить свое сердце, какъ вести войну съ искушеніями, какъ умножить труды и подвиги. Послѣ недолгихъ свиданій опять отходя на безмолвіе, они погружались въ созерцанія, съ глубокимъ и просвѣщеннымъ вниманіемъ слѣдили въ себѣ каждую мысль и чувство, каждое слово и взглядъ. Увлекаемые непреклонною силою воли ко внѣшнимъ и внутреннимъ подвигамъ, они старались достигнуть такого состоянія, чтобы ни во внутренней ни во внѣшней природѣ своей ничего не слышать, никакихъ не ощущать движеній, кромѣ одной мысли, которая бы какъ струя свѣта была неподвижно устремлена къ Богу. И такое состояніе называлось у нихъ *состояніемъ безстрастія*.

Одни изъ подвижниковъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ посвящали себя божественному уединенію; другіе, половину вѣка прожившіи въ кругу большаго свѣта, какъ бы невидимою силою увлечены въ пустыню и въ горы, и тамъ предались подвигамъ самоотверженія. Нѣкоторые только что вступили на путь, который въ мірѣ называютъ самымъ счастливымъ и блестящимъ, и вдругъ промѣняли его на путь тѣсный и прискорбный. Двое друзей, возвращаются изъ Іерусалима въ свою Сирію. Они молоды, богаты, прекрасны; одинъ изъ нихъ недавно вступилъ въ бракъ съ юною супругою, которую нѣжно любилъ; другаго ожидала въ домѣ престарѣлая мать, передъ которою сынъ благоговѣлъ. „Знаешь ли, кто живетъ тамъ,— нечаянно спросилъ Іоаннъ юнаго друга своего Симеона, изъ долины Іерихонской указывая на мѣста къ Іордану?“ — Кипожъ тамъ живетъ?

(*) Чет. Мин. Іюн. 12 дня.

сказалъ Симеонъ. „Ангелы Божіи,— отвѣчалъ Іоаннъ.“ Друзья глубоко вздохнули, отправили свою свиту впередъ, и уже не возвращались домой, а чрезъ горы Палестинскія пошли къ мертвому морю, и повели строгую жизнь подвижническую при устьѣ святаго Іордана.

Были подвижники, которые въ продолженіе сорока дней не вкушали пищи, не принимали воды; были добровольные страдальцы, которые связывали плоть свою тяжелыми веригами желѣзными; были люди терпѣливые, у которыхъ все тѣло покрывалось язвами, какъ тѣло Іова, и которые радовались въ скорбяхъ своихъ. Иные въ самый жаркій полдень выходили къ мѣстамъ болотистымъ, и тамъ отдавали пить кровь свою лютымъ мухамъ Африканскимъ - Нѣкоторые, чувствуя сильное искушеніе и готовые пасть, зажигали костеръ сухихъ вѣтвей, повергались въ огонь, спрашивали себя: горячо ли? и сами себѣ отвѣчали: горячо; помни же огнь геенскій, и бойся грѣха! Послѣ такого испытанія, они предавались съ новою силою новымъ подвигамъ. Иные по цѣлымъ годамъ стояли на столпахъ. Постомъ и трудами они до того изсушали плоть свою, что на нихъ оставалась одна кожа и кости. Когда въ обществахъ человѣческихъ усиливался развратъ и нечестіе: подвижники выходили изъ своихъ возлюбленныхъ пустынь, и являлись въ большихъ городахъ. „Иду ругаться міру,“ говорили они,— и тогда въ качествѣ юродивыхъ останавливали быстрый потокъ нечестія. Они охотно терпѣли всѣ виды униженія, посѣщали самыхъ непотребныхъ людей, искали случая встрѣтиться съ самими отчаянными грѣшниками, дабы какимъ ни есть образомъ обратить ихъ на путь покаянія.

Фанатизмъ, изступленіе, свойственное пламеннымъ жителямъ востока, скажешь ты! Мудрецъ, мудрецъ, ты неизвѣдалъ всѣхъ степеней бытія человѣческаго. Сообразно ли съ твоею Логикою почитать не естественнымъ такой образъ жизни, котораго ты не испыталъ на себѣ?... Что увлекало этихъ людей въ дикія пустыни, и заставляло предаваться жесточайшимъ подвигамъ? *Пустынныма непрестанное Божественное желаніе бываетъ*, говоритъ одна пѣснь Церковная, *міра сущима суетнаго кромѣ*. Да; подвижниковъ снѣдало желаніе Божества, это стремленіе къ вѣчной красотѣ, эта пламенная любовь къ вѣчному Свѣту и жизни, которыхъ мы, огрубѣвшіе отъ земныхъ помысловъ, не понимаемъ, но которыхъ они ничѣмъ немогли насытить. Высокая и святая любовь къ Божественному раскрывала имъ въ труженической жизни такой источникъ блаженства, что они желали бы до безконечности увеличивать свои труды и подвиги, еслибы то было возможно. „Повѣрь, сынъ мой,— говорилъ одинъ Старецъ молодому отшельнику, удивлявшемуся неимовѣрнымъ трудамъ и изнуренію, какимъ подвергалъ себя Старецъ въ глубокой старости,— повѣрь, сынъ мой: Богъ такую ревность и любовь къ служенію даровалъ душѣ моей, что я никакъ немогу вполнѣ удовлетворить ея расположенію (*)“

По мѣрѣ того, какъ умиралъ и согнивалъ внѣшній человѣкъ подвиж-

(*) Хр. Чт. 1826 г. Част. 61. стр. 11.

никовъ, въ нихъ возникалъ и укрѣплялся внутренній, божественный человѣкъ, о которомъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ. И тогда они вступали въ такое возвышенное состояніе, что не только природа видимая, но міръ ангельскій, міръ бѣсовскій, красоты рая, ужасы ада все это было видимо, и какъ бы осязаемо для нихъ. Тѣло людей Божіихъ, въ постѣ и трудахъ теряя свою грубость и земляность въ тоже время освобождалось отъ закона тяжести, свойственнаго земнымъ тѣламъ. Были Подвижники, которые ходили по водамъ съ такою же легкостію, съ какою дѣлалъ это Спаситель нашъ; поднимались на воздухъ, когда въ молитвѣ воздѣвали руки свои къ небу; могли переноситься съ одного мѣста на другое съ такою же быстротою, съ какою совершается подобное явленіе въ мірѣ ангельскомъ. Для тѣхъ, которые достигали высшей степени совершенства, не существовало ни пространства, ни времени. Они видѣли событія, происходившія на весьма дальнемъ разстояніи отъ нихъ; сообщали другъ другу взаимныя мысли и чувства, когда одинъ изъ нихъ жилъ и молился въ отдаленныхъ краяхъ Африки, а другой въ то же время предавался благочестивымъ занятіямъ въ Азіи или Европѣ. Они видѣли тайныя и сокровеннѣйшія движенія въ душахъ людей, предсказывали будущее; и эта удивительная способность видѣть невидимое называлась у нихъ даромъ *прозорливости*.

Св. Подвижники не были естествоиспытателями въ такомъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ понимаютъ это слово; но были владыками природы. Они не искали началъ вселенной, не дѣлали химическихъ разложеній, не изобрѣтали машинъ, чтобъ уловить нѣкоторыя силы естества; вмѣсто этихъ ученыхъ трудовъ они глубоко постигали тайную силу словъ, сказанныхъ Господомъ: *Аще имате вѣру яко зерно горушно, рцете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Матѳ. 17, 20). И точно, для нихъ ничего не было невозможнаго. По ихъ могучему слову двигались или разступались горы, когда это нужно было; раскрывалось или смыкалось небо; утихали бури и волны моря; какъ смиренные агницы, свирѣпые львы спокойно ложились у ногъ ихъ; пустынныя лани приходили просить исцѣленія отъ своихъ болѣзней; крокодилы Нильскіе смиренно давали имъ путь черезъ Нилъ; ядовитые скорпіоны степей Ливійскихъ не смѣли уязвлять ихъ. Птицы небесныя часто приносили имъ пищу; камни источали живую воду для питья; дикіе утесы или песчаныя удолія покрывались для нихъ цвѣтущими и плодовитыми деревьями.

Чѣмъ уединеннѣе, чѣмъ дальше древній Аскетъ становился отъ грубой вещественности: тѣмъ ближе подходилъ онъ къ міру духовному; и здѣсь-то открывались ему такіе виды, которыхъ никакое перо неможетъ изобразить. Когда Христіанство боролось съ язычествомъ; когда люди старались оспоривать побѣду только у людей: въ то время подвижники избрали своимъ правиломъ слова Апостола Павла, которыя имѣли у нихъ самый буквальный смыслъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ;* и повели

огненную брань съ силами тьмы.

Но въ этомъ великомъ терпѣніи, въ этихъ непостижимо трудныхъ подвигахъ противъ царства тьмы, св. Аскеты подкрѣпляемы были духами инаго рода, которыхъ наши святыя книги называютъ *вторыми свѣтами* послѣ перваго Свѣта несозданнаго— Бога. Такъ, міръ Ангельскій окружалъ и закрывалъ подвижниковъ собою. Нѣтъ такихъ сильныхъ чувствъ, нѣтъ пламенной любви и глубокой дружбы на землѣ, которая могла бы объяснить намъ тѣсную и можно сказать нѣжную связь между Ангелами и древними Аскетами. Ангелы являлись имъ и во снѣ и на яву; сопровождали ихъ на пути, иногда приносили пищу или подкрѣпляли изнуренное тѣло своимъ прикосновеніемъ; молились вмѣстѣ съ подвижниками. Часто свое небесное пѣніе сливали съ трепещущимъ голосомъ престарѣлаго пустынника; восхищали духъ его на небо и показывали красоты рая; совокупно сражались съ бѣсами; одобряли вначалѣ подвиги, вѣнчали по окончаніи. Если одинъ подвижникъ, утомленный борѣніемъ, забывался легкимъ сномъ: тогда другой видѣлъ, у изголовья его, Ангела въ образѣ юноши не описанной красоты, вѣявшаго надъ спящимъ. Если не было возможности— въ обыкновенномъ храмѣ пріобщиться животворящихъ таинъ тѣла и крови Господней: Ангелъ Господень приносилъ чашу Божественную. Если пустынникъ унывалъ: Ангелъ приносилъ ему вѣтвь мира и благословеніе изъ Рая Божія. Какой тяжелый трудъ земной могъ быть тяжелъ для подвижника, когда онъ совершался на виду и въ сообществѣ съ столь прекрасными друзьями, каковы были Ангелы? А что сказать о неизреченномъ утѣшеніи благодати, которая лилась иногда на св. Подвижника рѣкою, такъ что отъ полноты восторга онъ восклицалъ: „удержи волны благодати твоея?“

Таковы были тѣ о которыхъ сказалъ святый Апостолъ Павелъ: „они были люди, которыхъ небылъ достоинъ весь міръ!“—

Христіанская простота.

Къ св. Антонію Великому пришелъ однажды поселянинъ и сказалъ: „Отецъ, я хочу быть инокомъ.“ Не можешь, отвѣчалъ Антоній; тебѣ уже около 60 лѣтъ; иди лучше опять въ свою деревню, и работай благодаря Бога. „Отецъ, сказалъ поселянинъ, если ты меня чему научишь, я то сдѣлаю.“ Я сказалъ тебѣ, что ты старъ, и не можешь понести трудовъ монашескихъ; иди отсюда,— отвѣчалъ Антоній, затворилъ свою келлію и три дня не выходилъ изъ ней. Поселянинъ остался подлѣ келліи. Въ четвертый день Антоній принужденъ былъ выйти и сказалъ: иди отсюда, старецъ; ты безпокоишь меня. „Умру здѣсь, а не пойду, простодушно отвѣчалъ поселянинъ.“ Антоній видя, что пришлецъ уже четвертый день пребываетъ безъ пищи, подумалъ въ себѣ: онъ умретъ съ голоду, и на моей душѣ будетъ грѣхъ. Онъ принялъ старца къ себѣ и сказалъ: можешь спастись, если будешь послушливъ. „Отецъ, отвѣчалъ поселянинъ, что скажешь ты, я готовъ сдѣлать.“— Стой здѣсь, сказалъ Антоній, и молись до тѣхъ поръ,

пока я приду къ тебѣ. Старецъ простоялъ семь дней и ночей на молитвѣ неподвижно какъ свѣча. Антоній принесъ ему финиковыя вѣтви сухія, и сказалъ: плети вервь, старецъ, вотъ такъ. Онъ плелъ съ утра до вечера и свилъ вервь въ 15-ть лактей длиною, съ великимъ трудомъ, потому что вѣтви были упруги, какъ желѣзные прутья.— Дурно сплелъ, сказалъ Антоній; расплети, и снова плети. Старецъ расплелъ, и опять началъ плесть. Не хочешъ ли ѣсть, спросилъ Антоній у старца, седмь дней не принимавшаго пищи. „Какъ ты хочешь, отвѣчалъ поселянинъ.“ Они сѣли за скудную трапезу, состоявшую изъ хлѣба и воды. Ѣшь больше, сказалъ Антоній; ты не привыкъ къ длинному посту. „Если ты, Отецъ, будешъ ѣсть больше, то и я, отвѣчалъ старецъ.“ Для меня довольно, сказалъ Антоній; я Монахъ. „И для меня довольно, отвѣчалъ старецъ; ибо и я хочу быть монахомъ.“ Антоній подвергалъ многимъ испытаніямъ послушливость поселянина; а онъ всѣ выдержалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ: *не поскорбѣ, ни смутися, ни возропта, ни проклѣвися.* „Во имя Господа Іисуса ты уже инокъ совершенный, сказалъ Антоній; теперь живи особо, въ недальней отъ меня пещерѣ.“— И жилъ. Однажды привели къ св. Антонію бѣсноватаго и просили исцѣлить больнаго. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Антоній; и пошелъ съ больнымъ къ поселянину и сказалъ: изгони злаго духа. Поселянинъ сказалъ: „Отецъ, а ты почему не изгонишь?“ У меня есть другое, нужнѣйшее дѣло, отвѣчалъ Антоній,— и оставилъ больнаго у Старца. Старецъ молился и сказалъ бѣсу: „Отецъ Антоній велитъ тебѣ изыти.“ Діаволъ отвѣчалъ: не пойду. Старецъ въ простотѣ сердца сказалъ: „или ты изыди, или я пойду возвѣщу Христу моему; тогда тебѣ горе.“ Бѣсъ не исходилъ. Старецъ разгнѣвался, въ самый жаркій полдень сталъ подъ открытымъ небомъ на камень, раскаленный подобно печи, и сказалъ: „Господи Іисусе, ты видишь, что не сойду съ сего камня, хотя бы мнѣ пришлось умереть здѣсь; не вкушу хлѣба и воды, пока ты услышишь меня, и изгонишь бѣса.“ Тогда бѣсъ, понуждаемый невидимою силою, съ великимъ воплемъ оставилъ больнаго. Такъ Старецъ своимъ смиреніемъ и простотою побѣдилъ люттѣйшаго изъ злыхъ духовъ. Этотъ старецъ былъ— *Павелъ препростый*.

(Чет. Мин. Окт. 4 дня.)

Кіевъ. Въ Типог. К.-Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 29 Іюня 1853 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 17. НЕДѢЛЯ 9 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ІЮЛЯ 24. 1838.

Апостолъ: 1 Коринѳ. 3, 2—16. Евангеліе: Матѳ. 14, 22—24.

СВ. ЗЛАТОУСТА

О ТОМЪ, ЧТО ВСЕ МІРСКОЕ ТЛѢННО И НИЧТОЖНО (*).

Какая польза отъ временныхъ удовольствій? нынѣ они есть, а завтра нѣтъ ихъ; нынѣ блестящій цвѣтъ, а завтра развѣваемый прахъ; нынѣ горящій огнь, а завтра хладный пепелъ. Но духовныя блага не таковы: они всегда блистаютъ и цвѣтутъ, и съ каждымъ днемъ становятся прекраснѣе. Богатство духовное никогда не погибаетъ, никогда не измѣняется, никогда не оскудѣваетъ; не причиняетъ заботъ, не производитъ зависти и клеветы, не погубляетъ тѣла, не повреждаетъ души, не возбуждаетъ вражды, не навлекаетъ ненависти: все это свойственно только богатству временному. Слава духовная не производитъ ни гордости, ни кичливости; никогда не умолкаетъ, никогда не помрачается. На небесахъ покой и веселіе непрерывны, неизмѣнны и безконечны; ибо не имѣютъ ни мѣры, ни предѣла.— Умоляю васъ, будемъ желать небесной жизни. При такомъ желаніи, мы ни во что вмѣнимъ земное, все презримъ и отвергнемъ; и даже, если бы стали намъ

(*) изъ 44 Бесѣд. на Ев. Іоан.

предлагать для жилища царскіе чертоги: то, въ надеждѣ на будущее, мы и отъ этого откажемся; хотя, по видимому, такая честь составляетъ верхъ счастія. Для тѣхъ, которые любятъ небесныя блага, и это мало, не значительно и ничтожно: ибо все, имѣющее конецъ, не вожделѣнно; все, что прекращается, что нынѣ существуетъ, а на другой день исчезаетъ, хотя бы это было что нибудь весьма великое, кажется очень малымъ и презрѣннымъ. Итакъ будемъ искать не того, что убѣгаетъ, истощается и погибаетъ, но того, что пребываетъ постоянно.—

О ТОМЪ, ЧТО МІРСКАЯ СЛАВА НИЧТОЖНА (*)

Научимся, возлюбленные, презирать человѣческія почести и не станемъ искать ихъ. Намъ предоставлены почести большія, въ сравненіи съ коими чести человѣческія суть ноже, что безчестіе, посмѣяніе и поношеніе. Какъ богатство земное, въ сравненіи съ небеснымъ, есть нищета, и временная жизнь, въ сравненіи съ вѣчною есть смерть; ибо сказано: *остави мертвыя погребсти своя мертвецы* (Лук. 9, 60): такъ и слава земная, въ сравненіи съ небесною, есть стыдъ и посмѣяніе. Не будемъ же гоняться за нею. Если тѣ, отъ которыхъ мы получаемъ ее, ничтожнѣе тѣни и сновидѣній; то тѣмъ болѣе — самая слава. *Слава человѣка яко цвѣтъ травный* (1 Пет. 1, 24); а что слабѣе цвѣта травы? Но, хотя бы она была и постоянна, какая отъ ней польза для души? нѣтъ никакой. Напротивъ, она причиняетъ еще величайшій вредъ; ибо дѣлаетъ насъ рабами, худшими невольниковъ, и притомъ рабами не одного господина, а двухъ, трехъ и болѣе, изъ которыхъ каждый даетъ намъ свои приказанія. Не лучше ли быть свободнымъ, нежели рабомъ, или быть свободнымъ отъ рабства человѣческаго и поработить себя Богу?— ты желаешь славы? желай, но славы безсмертной. Слава сія блистательнѣе и болѣе пользы приноситъ; ибо люди заставляютъ тебя угождать имъ на счетъ твой, а Христосъ воздаетъ сторицею за пожертвованія для Него, и присовокупляетъ къ тому жизнь вѣчную. Итакъ что лучше? на землѣ быть прославляему или на небѣ? отъ людей или отъ Бога? со вредомъ или съ пользою? получить вѣнецъ на одинъ день или на безконечные вѣки?—

(*) Изъ 12 Бесѣд. на Ев. Іоан.

СВЯТЫЙ ІУСТИНЪ МУЧЕНИКЪ, ПЕРВЫЙ ФИЛОСОФЪ ХРИСТІАНСКІЙ.

Во второмъ столѣтіи, по пришествіи Господа на землю, Христіанство успѣло уже распространиться по всѣмъ почти странамъ Римской Имперіи и имѣло поборниковъ во всѣхъ сословіяхъ народныхъ; а вмѣстѣ съ распространеніемъ возникали въ немъ новыя отношенія къ язычеству и новыя потребности внѣшнія. Доколѣ враги Христіанства вооружались противъ него однимъ мечемъ; до тѣхъ поръ и Учители Христіанскіе довольствовались про-

стымъ изложеніемъ Богоданнаго ученія; а любомудріе, школьной языкъ и витійство оставляли въ удѣлъ тѣмъ, которые посвящали себя наукамъ. Но чѣмъ болѣе умножалось число послѣдователей Христовыхъ, и въ особенности въ просвѣщенныхъ странахъ Рима и Греціи; тѣмъ естественнѣе и необходимѣе становилось Учителямъ Церкви принимать, по обстоятельствамъ, новый способъ изложенія, и храня одинъ и тотъ же духъ и сущность ученія, соединять съ млекомъ простоты и безыскуственности и твердую пищу умозрѣнія — примѣнительно къ мѣсту и времени.

Съ одной стороны сами Язычники видѣли уже, что Христіанство выше и могущественнѣе всѣхъ ужасовъ мученій, что послѣднія только питаютъ его духъ и силу; и потому старались противупоставить ему преграду и со стороны внутренней — умозрѣнія и софизмы Философовъ. Лжеименные мудрецы стали сводить въ одно цѣлое, возвышать и очищать ученія и преданія всѣхъ извѣстныхъ народовъ, дабы совокупностію всѣхъ вѣрованій противуборствовать одинокому, но всесильному по силѣ Божіей, ученію Евангельскому. Злонамѣренность ихъ была тѣмъ опаснѣе, что они старались ослѣпить другихъ блескомъ своего краснорѣчія и знаній, и что юношество Христіанское, по недостатку училищъ Христіанскихъ, посѣщало школы языческія, гдѣ, при всей бдительности Пастырей и родителей, могло съ добрымъ получать и злое. Посему самое благо Церкви требовало и отъ чадъ благодати, особенно отъ Учителей Вѣры, нѣкотораго знакомства съ знаніемъ, съ наукою, съ любомудріемъ, дабы съ большимъ успѣхомъ противостоять нападеніямъ враждебной мудрости языческой.

Но и безъ этой вражды и ненависти, съ какими первоначально мудрость естественная возстала противъ Христіанства, послѣднее не могло оставить безъ вниманія первой. Христіанство, по намѣренію своего Божественнаго виновника, должно очистить и освятить всего человѣка со всѣми его силами и способностями, положить печать небесную на всѣ его помыслы и желанія. Но разумъ, въ ряду естественныхъ силъ души, дарованныхъ Богомъ, занимаетъ высокое мѣсто; и стремленіе къ истинному вѣдѣнію ему естественно. По этому и назначеніе Христіанства само по себѣ, безъ всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, составляло достаточное побужденіе къ принятію, съ продолженіемъ времени, знанія подъ кровъ вѣры, къ очищенію и освященію человѣческаго любомудрія благодатнымъ ученіемъ Евангелія. А для того нужны были чистые, свѣтлые органы, которые могли бы и сами принимать и сообщать другимъ духъ истинной Богосвѣтлой мудрости; нужны были такіе учители вѣры, которые облекая истины ея въ формы, сообразныя съ самымъ высшимъ разумѣніемъ и самыми глубокими понятіями наставляемыхъ, сами однакоже не удалялись бы въ иное благовѣствованіе и, подъ видомъ ученія здраваго, не выдавали бы произволовъ собственнаго сердца. И вотъ преемственный рядъ сихъ великихъ учителей вѣры предначинается св. мученикомъ Іустиномъ Философомъ!

Св. Іустинъ родился въ Самарійскомъ городѣ Сихемѣ, называвшемся въ то время Флавіею Неаполемъ. Будучи

по происхожденію Грекъ, онъ и воспитанъ былъ въ Еллинскомъ язычествѣ. Въ тогдашнія времена люди, желавшіе получить лучшее образованіе, обыкновенно посѣщали школы философскія, изъ коихъ каждая преподавала науки въ духѣ какого нибудь знаменитаго Философа. Слѣдуя такому обычаю и внутреннему расположенію къ любомудрію, Іустинъ, послѣ занятій Поэзіею, Краснорѣчіемъ и Исторіею, рѣшился посвятить всего себя Философіи. Съ этою цѣлію сталъ онъ посѣщать школу Стоическую. Стоики пользовались въ то время большимъ уваженіемъ; но, грубые въ ученіи о Богѣ и высокомѣрные въ наукѣ нравственной, не могли остановить на долго благочестиваго вниманія. Духъ Іустина, по собственному его сознанію, стремился къ чему то высшему, „невещественному.“ Слѣдуя сему влеченію, Іустинъ перешелъ къ Перипатетикамъ; потомъ хотѣлъ вступить въ школу Пиѳагорейцевъ, желая найти у тѣхъ и другихъ то, чего не могъ обрѣсть въ стоическомъ Портикѣ. Но корыстолюбіе послѣдователей Аристотеля, и большія требованія Пиѳагорейцовъ побудили его оставить тѣхъ и другихъ и идти къ Платоникамъ. Ученіе Платона не имѣло, по возвышенности, равнаго во времена языческія; и въ немъ-то Іустинъ думалъ наконецъ найти совершенную мудрость и тотъ идеалъ истины, къ коему такъ долго стремился. Его восхищало знаніе существъ безтѣлесныхъ и созерцаніе идей; онъ думалъ, что будетъ созерцать самаго Бога, въ чемъ была цѣль Платоновой Философіи. Но высота, казавшаяся окончательною въ глазахъ Іустина, составляла только послѣднюю степень въ лѣствицѣ приуготовленія, по коей Промыслъ Божій руководилъ его къ новой жизни. Однажды Іустинъ вышелъ, по обыкновенію своему, за городъ, на уединенный берегъ моря, дабы свободнѣе предаться любимымъ размышленіямъ. Вдругъ тамъ, гдѣ доселѣ наслаждался полнымъ уединеніемъ, встрѣчаетъ, къ удивленію своему, украшеннаго сѣдинами старца. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и долговременнаго разговора о Богѣ, старецъ внушаетъ Іустину, что разумъ самъ по себѣ не можетъ познать Бога. Іустинъ колеблется въ истинѣ мудрствованія своего и своихъ предшественниковъ, — дерзаетъ возражать; но, — длинные ряды умствованій, опровергаемые Богомудрымъ старцемъ, рушатся одинъ за другимъ; — наконецъ остается одно сознаніе тщеты естественнаго разума и непреодолимое желаніе истиннаго Боговѣденія. Гдѣ же могу я найти истину и учителя истины? вопрошаетъ смущенный философъ. Старецъ возвѣщаетъ ему, что Учитель истины есть Духъ святый, что тайны Богопознанія и всѣ нужныя для человѣка истины открыты чрезъ Богодухновенныхъ Пророковъ, предвозвѣстившихъ пришествіе въ міръ Сына Божія, что писанія ихъ существуютъ до нынѣ, и отъ нихъ единственно можно пріобрѣсть познаніе истины, при помощи Божественнаго свѣта. „Молись Богу,“ — такъ заключилъ старецъ бесѣду свою, — дабы Онъ отверзъ тебѣ врата свѣта“ — и съ сими словами удалился. Кто бы ни былъ сей старецъ, только бесѣда его оставила сильное впечатлѣніе въ душѣ Іустина. Съ того времени въ немъ возбудилась пламенная любовь къ Пророкамъ и Апостоламъ; чтеніе ихъ писаній сдѣлалось для

него единственнымъ занятіемъ, и мало по малу приготовляло его къ принятію Христіанства. Еще смущали его постыдные клеветы на Христіанъ, измышленныя язычниками. Но пристальный взоръ на образъ жизни и нравы Христіанъ, безтрепетность и твердость, съ какими переносили они всѣ ужасы мученій, разогнали всѣ сомнѣнія и тѣмъ болѣе усилили его любовь къ нимъ, къ ихъ ученію и правиламъ жизни. Все было уже предуготовано и совершено;— оставалось вступить въ дѣйствительный союзъ съ Христомъ— и воды крещенія пріяли Іустина на 30-мъ году его жизни, около 133 года по Р. Х.

По принятіи крещенія, Іустинъ посвятилъ славѣ имени Божія и благу Церкви все, что имѣлъ лучшаго— свои дарованія и познанія. Желая научиться у мужей Апостольскихъ и научить другихъ, онъ обходилъ разныя страны; наконецъ прибылъ въ Римъ, гдѣ всего болѣе могло открыться поприще для его любви къ новымъ братіямъ о Христѣ Іисусѣ. Здѣсь онъ открываетъ училище Христіанское, поражаетъ ересь Маркіона и клеветы на Христіанъ Крискента, Циническаго Философа. Гоненіе на Христіанъ, воздвигнутое въ то время, побуждаетъ Іустина стать предъ лицемъ Владыки Рима за Христіанъ,— и является Апологія Іустина. Голосъ гонимой правды касается сердца Императора, и гоненіе остановлено; Христіанамъ на равнѣ съ другими дарована свобода вѣроисповѣданія. Іустинъ спѣшитъ съ отрадною вѣстію въ Азію, гдѣ наиболѣе свирѣпствовало гоненіе; объявляетъ правителямъ повелѣніе Императора; — и, возстановивъ тишину въ Церквахъ Азійскихъ, остается на долго среди Ефесскихъ Христіанъ. Ревность ко благу Церкви снова вызываетъ его на новые подвиги въ Римъ, гдѣ онъ представилъ Императору вторую Апологію Христіанъ. Но это былъ послѣдній зовъ Господина вертограда, глашавшій неутомимаго дѣлателя къ мѣсту вѣчнаго покоя. Присутствіе высокаго мудреца Христіанскаго въ Римѣ возобновило прежнюю зависть и злобу Крискента лже-Философа. Онъ оклеветалъ Іустина, какъ вождя Христіанъ, какъ человѣка опаснаго для Имперіи и Боговъ отечественныхъ (*), и предалъ Римскому суду, который въ отношеніи къ Христіанамъ ненаблюдалъ тогда никакой справедливости. Въ слѣдствіи сего вскорѣ смерть мученическая увѣнчала свѣтую и дѣятельную жизнь праведника. Св. Церковь опредѣлила праздновать память его въ первый день Іюня.

ИСТОЧНИКЪ ИСТИННАГО СЧАСТІЯ ВЪ ЧИСТОМЪ СЕРДЦѢ.

Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Матѳ. 5, 8.

Отецъ небесный всѣхъ насъ призвалъ къ счастію, и здѣсь еще, на земли, мы можемъ имѣть предчувствіе сладостей небесныхъ. Но главный источникъ нашихъ радостей и нашихъ мученій въ собственномъ сердцѣ нашемъ, въ нашихъ добродѣтеляхъ и порокахъ.

Блаженъ, кто хранитъ сердце свое по всему безукоризненнымъ и не попускаетъ, чтобъ какая либо страсть

(*) Аполог. 2 гл. 3.

возобладала имъ! Душа его есть убѣжище того мира, о которомъ рѣдкіе имѣютъ понятіе, котораго источникъ божественъ.

Припомните себѣ прекрасное весеннее утро, которое провели вы посреди красотъ возраждающейся природы. Вы прогуливались въ тѣни деревъ, которыхъ нѣжную зелень позлащало солнце; тихій и легкій вѣтерокъ колебалъ безчисленные цвѣтки испещрявшіе лугъ; капли росы, висѣвшія на растеніяхъ, казались слезами радости блистающими въ очахъ Природы, чувствительной къ благости Творца своего; ручей, выходящій изъ горы, потокъ, едва удерживающійся въ брегахъ своихъ, отдаленныя стенанія густаго лѣса, сливали свою дикую гармонію, между тѣмъ какъ въ воздухѣ и на вѣтвяхъ деревъ раздавались пѣсни тысячи пернатыхъ. Что испытывали вы тогда въ себѣ самихъ? Невыразимый восторгъ не електризовалъ ли вашего сердца? Въ сладостной задумчивости вы чувствовали облегченіе тягостей жизни; вы желали свой голосъ слить съ голосами наполняющими воздухъ, свой плачь смѣшать съ слезами природы; вы хотѣли бы тогда обнять весь міръ своею любовію.

Быть можетъ ты сидѣлъ нѣкогда на вершинѣ горы, въ низу которой лежали молчаливыя распростертыя долины, зеленые луга, смиренныя хижины. Прекрасные виды отражались въ душѣ твоей. Ты забывалъ свои домашнія дѣла; никакое печальное воспоминаніе не возмущало твоего покоя; никакая страсть не волновала сердца. Ты говорилъ самъ себѣ: какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ это состояніе продолжилось навсегда!

Это было кратковременное предчувствіе неба, какое дается иногда и сердцамъ неспокойнымъ, чтобъ они, собравшись въ себѣ, размыслили объ источникѣ постояннаго счастія. Это образъ того Божіяго мира, который исполняетъ мудреца добродѣтельнаго, истиннаго ученика Іис. Христова.—Ты былъ счастливъ, потому что въ тѣ минуты ты *забывалъ себя самаго*, освободясь отъ земныхъ желаній, возмущавшихъ чувства твоего благочестія, и удалившись въ твое внутреннее жилище.

Но горе тому, кто для того, чтобъ наслаждаться жизнію, долженъ *забывать самаго себя!* Это доказываетъ, что на сердцѣ его тяготѣютъ многія вины, многія заботы, привлеченныя его суетностію, его непостоянствомъ, его похотѣніями и нечистыми склонностями; что мудрость не управляетъ ни его дѣятельностію ни его ощущеніями, и что онъ самъ себя предаетъ въ добычу нуждыхъ и безплодныхъ мученій.

Истинный Христіанинъ не имѣетъ нужды забывать себя для снисканія душевнаго мира. Напротивъ, онъ тогда всего болѣе бываетъ счастливъ, когда душа его, обращаясь на саму себя, видитъ свои отношенія къ Отцу небесному и къ Спасителю человѣковъ. Онъ живетъ въ Богѣ, и Богъ живетъ въ немъ. Великъ ли онъ или малъ, бѣденъ или богатъ, хвалимъ или презираемъ, онъ обладаетъ внутри себя неизмѣннымъ счастіемъ.— Блаженны чистые сердцемъ; ибо они увидятъ Бога и уже предвкушаютъ блага небесныя.

Каждый возрастъ жизни имѣетъ свои часы, истинно небесные. Въ

младенчествѣ есть свой эдемъ; въ юношествѣ свои дни райскіе. Но и въ самомъ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ видитъ иногда, сквозь пыль земной жизни, лучь свѣта прорывающійся изъ лучшаго міра.

Ты былъ свидѣтелемъ, или слышалъ отъ другихъ, какъ человѣкъ добродѣтельный, жертвовавшій всѣмъ благу общему, но долгое время преслѣдуемый врагами, презираемый, безчестимый, избѣгъ всѣхъ сѣтей ему разставленныхъ, увѣнчанъ справедливою честію и уваженіемъ отъ всѣхъ сограждан. Припомни то благородное чувство, которое произведено было въ тебѣ этимъ торжествомъ невинности; ту тайную радость, которая исполняла тебя тогда, какъ бы ты былъ самъ оправданъ, и сладкія слезы, которыя въ то время лились изъ глазъ твоихъ. Ты раздѣлялъ предчувствіе небеснаго сѣтѣмъ, кому отдана была справедливость; любовь къ добродѣтели воспламеняла тебя, и ты чувствовалъ въ сердцѣ своемъ текущій источникъ истиннаго счастія. Почему не рѣшился ты остаться навсегда такимъ, какимъ былъ въ сіи минуты святаго воодушевленія?

Видѣлъ ли ты младенца въ объятіяхъ счастливой матери? имѣешь ли ты понятіе о ея счастіи въ то время, когда дитя ея, цвѣтущее красотою и здоровьемъ, улыбается ей, когда она въ молчаніи, движимая святою любовію, наклоняется къ своему ангелу?— Испытывалъ ли ты радость отца, при первомъ воззрѣніи на новорожденнаго сына, при видѣ первой его улыбки, при слышаніи первыхъ словъ его, или когда онъ видитъ его въ цвѣтѣ здравія растущимъ мудростію и благодатію? Все золото міра не стоитъ удовольствія сихъ блаженныхъ минутъ! Но какая непреодолимая сила влечетъ сердце наше къ милому дитяти? Не внѣшнія выгоды, не плоть и кровь, плѣняютъ насъ въ немъ; но небесная невинность, сіяющая въ его взорахъ; мы уважаемъ въ немъ чистоту сердца, еще неосквернennаго зломъ. Въ сообществѣ чистаго и простаго дѣтства мы сами дѣлаемся болѣе чистыми, благородными и мудрыми; мы стыдимся показаться предъ нимъ съ нашими недостатками. Поистинѣ, обращаясь съ дѣтьми, мы можемъ часто болѣе научиться, нежели въ сообществѣ людей знаменитыхъ. „Оставите дѣтей приходить ко Мнѣ,“ сказалъ Господь, „таковыхъ бо есть царствіе небесное!“

Такъ! были минуты для тебя, когда ты наслаждался чувствами небесными. Онѣ были лучшими въ твоей жизни, потому что тогда ты самъ дѣлался лучшимъ: почему не остался ты такимъ доселѣ, какимъ былъ тогда? Почему ты сдѣлался невѣрнымъ самому себѣ?

Почему? потому что міръ опять подчинилъ тебя своему владычеству, обѣщая тебѣ счастіе, котораго не можетъ дать; потому что, переставъ самъ себѣ принадлежать, ты подчинилъ себя игу, подъ которымъ не найдешь себѣ мира. Можетъ быть ты молилъ Отца небеснаго очистить сердце твое и даровать тебѣ св. Духа. Но едва кончилась твоя молитва, какъ ты воспылалъ гнѣвомъ противъ своего ближняго, оставилъ несчастнаго безъ утѣшенія, съ жадностію началъ собирать незаконныя богатства. Что доставили тебѣ твои заботы и безпокойства? Можетъ быть, больное тѣло, которое совсѣмъ не позволитъ тебѣ наслаждаться тѣмъ, чѣмъ ты обла-

даешь; можетъ быть, нѣсколько благъ болѣе, но тѣмъ менѣе счастія; можетъ быть, должность, которая подвергаетъ тебя преслѣдованіямъ зависти и безпокойству отвѣтственности. Это ли предчувствіе неба? Осмѣлишься ли ты сравнить все это съ тѣми чувствованіями, какія наполняли сердце твое въ тѣ блаженныя минуты, когда ты имѣлъ чистое сердце, свободное отъ страстей и суетныхъ заботъ?

Припомни прекрасные часы твоей жизни, и познай причины, приведшія ихъ къ тебѣ. Не убранства твои, не чины, не роскошь даютъ тебѣ предвкушать блага небесныя, а чистота сердца. Оставь же стези ложныя, и вступи на единственный путь, могущій привести тебя въ твой рай. Научись жить въ Богѣ съ простотою дѣтскою; сохраняй сердце отъ нечистыхъ желаній; навсегда предайся Тому, кто печется о насъ лучше, нежели мы сами. Откажись прежде всего отъ тѣхъ желаній, которыя наиболѣе отнимаютъ у тебя спокойствія; преодолѣвай съ твердостію недостатки твоего характера и поведенія; менѣе слушайся своихъ склонностей, а болѣе будь внимателенъ къ потребностямъ твоего ближняго; защищая свои законныя права, не нарушай и малѣйшихъ правъ твоихъ братій. Чтобъ день ото дня дѣлаться тебѣ лучшимъ, научись познавать волю Іис. Христа и смыслъ Его заповѣдей. Небесная мудрость покажетъ тебѣ путь къ Едему изъ котораго ты изгнанъ. Ты найдешь Бога, и, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, будешь обладать миромъ и счастіемъ, котораго никто не можетъ отнять у тебя. Блаженны тѣ, которые имѣютъ чистое сердце: ибо они Бога узрятъ!

Молящійся Царь.

Густавъ Адольфъ, Король Шведскій, стоя лагеремъ подъ Вербеномъ, проводилъ въ своей палаткѣ много часовъ одинъ, никого не приказывая къ себѣ пускать. Любимецъ его, который долженъ былъ извѣстить его о весьма важномъ дѣлѣ, осмѣлился поднять занавѣсъ и посмотрѣть въ палатку. Въ это время Король стоялъ на молитвѣ. Лишь только онъ хотѣлъ удалиться, какъ былъ замѣченъ Королемъ и получилъ повелѣніе войти. „Ты, вѣрно, удивляешься, сказалъ Монархъ, видя меня въ такомъ положеніи, когда столько тысячъ моихъ подданныхъ о мнѣ молятся? Знай же, что никто въ мірѣ не имѣетъ столько нужды въ молитвѣ за себя, какъ тотъ, кто никому, кромѣ Бога, не обязанъ давать отчета въ своемъ поведеніи. Ибо никто на землѣ не подверженъ, болѣе его, соблазнамъ и обаянію духа времени и духа злобы.“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 6 Іюля 1858 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 8, 9.

№ 18. НЕДѢЛЯ 10 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ИЮЛЯ 31. 1838.

Апостолъ. 1 Коринѳ. 4, 9—16. Евангеліе. Матѳ. 17, 14—23.

ВЫПИСКА ИЗЪ СИНАКСАРЯ

НА ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ (*).

Настоящій праздникъ происхожденія честнаго Креста Господня установленъ во времена Греческаго Царя Мануила и Россійскаго В. Князя Андрея Георгіевича (**), послучаю побѣды, которую одержали они, при видимой помощи Божіей, силою Креста Господня, первый надъ Срацинами, а послѣдній надъ Болгарами.

Въ полкахъ В. Князя Андрея всегда была икона Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ, Іисусомъ Христомъ, и Святый Крестъ, кои два Пресвитера носили въ священныхъ облаченіяхъ. Когда надлежало начинать сраженіе, В. Князь прежде со слезами молился предъ св. Иконою, и причащался св. Таинъ, а, по его примѣру и повелѣнію, съ колѣнопреклоненіемъ молились и всѣ воины; а потомъ уже, цѣловавъ икону и Крестъ, всѣ небоязненно выходили противъ враговъ. Такъ приготовившись и на сраженіе съ Болгарами, и одержавъ побѣду надъ ними 1 Августа, они, возвратясь въ станъ свой, сподобились вѣдѣть чудес-

(*) Чет. Мин. Авг. 1.

(**) Боголюбскаго, въ 12-мъ вѣкѣ. Имп. Мануилъ Комнинъ Царствовалъ съ 1143 до 1180 г.

ное знаменіе помощи Божіей: свѣтлыя лучи исходили отъ иконы Спасителя и Богоматери и покрывали свѣтомъ своимъ все ополченіе. Это видѣніе воодушевило еще большимъ мужествомъ Россійское воинство, такъ что оно обратившись опять противъ враговъ, совершенно разсѣяло ихъ силу, и покорило Россіи города ихъ. Въ послѣдствіи оказалось, что и Императоръ Мануилъ, вышедши съ войскомъ противъ Сарацынъ, въ тотъ же день (1 Августа), видѣлъ подобное знаменіе отъ иконы Спасителя и Богоматери и отъ св. Креста, и также одержалъ побѣду надъ врагами. Въ воспоминаніе сего-то славнаго посѣщенія Божія, оба государя, по сношеніи одинъ съ другимъ и по совѣту съ своими Архіереями, установили празднество въ 1-й день Августа, повелѣвъ, въ этотъ день износить отъ Алтаря святый крестъ, полагать его среди Церкви для поклоненія Христіанамъ, и совершать водосвященіе. Праздникъ названъ *происхожденіемъ честнаго Креста* потому, что въ это время крестъ съ святыми иконами бываетъ износимъ на рѣки, колодези и источники.

И такъ будемъ, Бр., праздновать славя и благодаря Спасителя нашего и Бога, Іис. Христа, и пренепорочную Матерь Его, и благоговѣйно почитая честный Крестъ; да празднуемъ же благочестиво и Богоугодно, сохраняя миръ и любовь между собою, благотворя бѣднымъ, со страхомъ Божіимъ и удаляясь всякаго злаго дѣла, дабы, угодивъ Богу, сподобиться намъ и вѣчнаго празднованія со всѣми святыми, послѣ того, какъ явится на небеси знаменіе Сына человѣческаго — честный Крестъ Господень, будетъ предшествовать судіи живыхъ и мертвыхъ, свѣтомъ своимъ возвеселитъ праведныхъ, и, по совершеніи суда, пойдетъ предъ ними въ царство небесное. Да удостоитъ Всеблагій Господь и насъ грѣшныхъ ликовствовать тогда со святыми, — по молитвамъ пречистой Дѣвы Богородицы. Аминь!

О ДРЕВНОСТИ ПРАЗДНИКА

въ честь Св. Мучч. Маккавеевъ.

Праздникъ въ честь ветхозавѣтныхъ Мучениковъ, называемыхъ Маккавеями (относящихся ко временамъ маккавейскимъ) явился въ Христіанской Церкви еще въ первыхъ вѣкахъ ея. Можно утвердительно сказать, что сіи Мученики, послѣдніе въ исторіи В. Завѣта, получили торжественное воспоминаніе у Христіанъ прежде прочихъ ветхозавѣтныхъ святыхъ, и даже вмѣстѣ съ первыми Мучениками Церкви новозавѣтной. Это можно видѣть 1. изъ всѣхъ древнѣйшихъ мѣсяцеслововъ, какъ Греческихъ такъ и латинскихъ, которые всѣ 1 Августа указуютъ праздникъ Святыхъ Мучениковъ Маккавеевъ (*); 2. изъ того, что въ древней Церкви Христіанской посвящены были храмы Мученикамъ Маккавеямъ, напр. въ Антіохіи, (о которомъ упоминаетъ, Августинъ въ одномъ словѣ своемъ), также въ Римѣ, Ліонѣ и въ другихъ

(*) Въ одномъ, древнѣйшемъ Латинскомъ Мѣсяцесловѣ, напечатанномъ въ Acta sanctorum 7 Іюня p. 178, означены только 6 особенныхъ Мучениковъ: св. Петръ и Павелъ, Винцентій, Лаврентій, Ипполитъ, и Стефанъ. а между тѣмъ 1 Авг. показаны и Мученики Маккавеи.

мѣстахъ (а); 3. особенно же изъ бесѣдъ Отцевъ, прославлявшихъ память ветхозавѣтныхъ Мучениковъ Маккавеевъ. Нѣкоторые изъ Отцевъ упоминаютъ объ нихъ вообще какъ о святыхъ примѣрахъ для Христіанъ, напр. св. *Кипріанъ* (б) и св. *Амвросій* (в); а нѣкоторые воспоминаютъ ихъ именно какъ предметъ Христіанскаго праздника. Такъ св. Григорій Назіанзенъ въ одной рѣчи своей говоритъ (г): „что „же Маккавеи? (ибо въ честь ихъ „совершаемъ нынѣ праздникъ) которые хотя у многихъ не почитаются, „какъ подвизавшіеся не послѣ Христа, „но достойны почитанія у всѣхъ, потому что они оказали мужественный духъ, защищая законы и постановленія отеческія.“

Св. Златоустъ произнесъ три слова въ честь Мучениковъ Маккавеевъ въ самой Антіохіи (гдѣ полагаютъ и мѣсто мученія ихъ). Въ первомъ между прочимъ читаемъ слѣдующее: „какъ „прекрасенъ торжествующій градъ „нашъ! сколь блистательнѣе день сей „цѣлаго года! не потому, чтобы солнце „изливало нынѣ свѣтлѣйшіе обыкновеннаго лучи на землю, а потому, „что свѣтъ Святыхъ Мучениковъ „сильнѣе молніи освѣщаетъ весь градъ „нашъ. Ибо они тысячи солнцевъ блистательнѣе и свѣтлѣе великихъ свѣтилъ“... Августинъ въ одной рѣчи (д) на память Мучениковъ Маккавеевъ говоритъ: „сей день торжественнымъ для „насъ содѣлала слава Маккавеевъ, которыхъ дивныя страданія, когда они „читались, мы не только слышали, но „и видѣли и созерцали“. Далѣе доказываетъ, что сіи Мученики были, хотя не по имени, но на самомъ дѣлѣ Христіанами, и упоминаетъ о Храмѣ, посвященномъ имъ въ Антіохіи.

Нетрудно объяснить, почему Христіанская Церковь почитаетъ св. Мучениковъ ветхозавѣтныхъ. Имѣя одно основаніе вѣры съ Церковію ветхозавѣтною, она почитаетъ и святыхъ В. Завѣта своими Святыми, — совершившимися Благодатію тогоже Спасителя человѣковъ, который основалъ Церковь Новаго Завѣта. Но почему праздникъ въ честь Мучениковъ Маккавеевъ явился такъ рано? причиною сего можно полагать то, что древняя Христ. Церковь, торжествовавшая, какъ извѣстно, сначала память однихъ Мучениковъ и чтеніемъ о подвигахъ ихъ утверждавшая чадъ своихъ въ вѣрѣ и благочестіи, скорѣе всего могла обратиться къ исторіи св. Мучениковъ Маккавеевъ — потому, что сію исторію она имѣла между книгами св. — Писанія (во 2-й кн. Маккавейской). „Не являютъ ли они (Мученики Маккавеи), говоритъ св. Кипріанъ, доказательства великой добродѣтели и „вѣры, и своими страданіями не увѣщаваютъ ли насъ къ торжеству „мученичества? (*) — Торжество въ „честь Мучениковъ есть торжество вѣры и добродѣтели и, во времена гоненій, было утѣшеніемъ и ободреніемъ для вѣрныхъ.

(а) Acta sanctorum 1 Aug. p. 8.
(б) На прим. L. de exhortacione martirum, c. 9.
(в) На пр. L. 1. offic. c. 41.
(г) Oral. 22. T. 1. edit. Bill.
(д) Serm. 300. Памяти тѣхъ же Мучениковъ посвящено, Serm. 301.

(*) L. IV. ep. 6.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ БЕСѢДА (*)

КЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОМУ ИЗЪЯСНЕНІЮ ЕВАНГЕЛІЯ, ПО СКАЗАНІЮ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Азъ есмь свѣтъ міру, ходяй по мнѣ не имать ходити во тьмѣ, (Іоан. 8, 12) глаголетъ Господь Іисусъ Христосъ. Во истинну, Братіе, сладчайшій Спаситель нашъ есть свѣтъ и міра духовнаго — невидимаго, и міра стихійнаго — видимаго и вѣка настоящаго, и вѣка грядущаго. Отъ его присносущнаго свѣта озаряются сонмы Ангеловъ, блаженныхъ жителей блаженнаго міра духовнаго. Онъ даетъ имъ и жизнь, и премудрость, и сладчайшее чувство всецѣлой, пламенной любви къ Богу, приснотекущему источнику радости и блаженства.

Когда еще полагаемы были основанія неба и земли, когда еще тьма покрывала бездну, Онъ рекъ: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3). Онъ поставилъ на тверди небесной солнце, освѣщающее вселенную, которое есть только слабый отблескъ Его присносущнаго свѣта. Онъ премудростію своею образовалъ перваго человѣка, превосходнѣйшее рукъ своихъ дѣло, вѣнецъ всѣхъ дѣлъ своихъ, и въ лице его *вдунулъ дыханіе жизни* (Быт. 2, 7), а вмѣстѣ съ симъ сообщилъ ему лучи своего Божественнаго свѣта.

Ходя во свѣтѣ его, невинный человѣкъ зрѣлъ Бога въ себѣ самомъ, въ образѣ его, по которому онъ сотворенъ; (Быт. 1, 27), зрѣлъ Бога въ чистомъ свѣтоносномъ сердцѣ своемъ, такъ ясно, какъ въ чистомъ зеркалѣ ясно созерцается лице смотрящаго; проникалъ природу вещей такъ точно, такъ глубоко, что однимъ взоромъ нарекъ имена всѣмъ животнымъ (Быт. 2, 19), сообразныя ихъ свойствамъ. Доколѣ прародитель нашъ ходилъ вѣрно во свѣтѣ заповѣдей Сына Божія, дотолѣ тьма несмѣла прикоснуться ему. Уклоненіе его отъ сего свѣта произвело ужасное его паденіе изъ блаженной области свѣта въ нещастную и гибельную область тьмы.

Но присносущный и безпредѣльный *свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ* (Іоан. 1, 5). Источникъ свѣта, единородный Сынъ Божій къ падшему во тьмѣ простираетъ правосудномилосердый гласъ свой. Въ смиренномъ и сокрушенномъ сердцѣ его возжигаетъ свѣтоносный лучь вѣры въ обѣтованнаго Спасителя, въ благословенное сѣмя жены, въ себя самаго Сына Божія и Сына Дѣвы, который явленіемъ своимъ *сотретъ главу* (Быт. 3, 15) змія обольстителя, сокрушитъ царство князя тьмы Діавола, и нещастныхъ плѣнниковъ его изведетъ *изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 9).

Ходящіе во свѣтѣ вѣры въ сіе первоевангеліе Господа, обѣтованнаго Спасителя міра, древніе святые Патріархи безпрекословенно переходили изъ области тьмы въ блаженныя обители свѣта.

Во свѣтѣ семъ ходилъ предъ Богомъ Енохъ, и, не вкусивъ смерти, пре-

(*) произнесенная Высокопр. Филаретомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, въ бытность его Архіепископомъ Казанскимъ.

ложенъ на небо въ присносущное царство свѣта (Быт. 5, 24).

Во свѣтѣ семъ ходилъ Ной, и среди всеобщаго развращенія, среди сѣни смертной, и самъ спасся и останки рода человѣческаго спасъ отъ потопа въ ковчегѣ (Быт. 7, 1).

Во свѣтѣ семъ ходилъ Авраамъ, и среди глубокой тьмы идолопоклонства, свѣтомъ Господнимъ руководимъ и воспитанъ, сотворился Отцемъ вѣрующихъ всѣхъ вѣковъ (Быт. 12, 1—3).

Живоносною силою свѣта сего просвѣщенный Моисей изъ темной области Египта извелъ Церковь Божію—избранный народъ Израильскій (Исх. 13, 14). Сіяніемъ сего свѣта въ столпѣ облачномъ провелъ его чрезъ мрачную пустыню до земли обѣтованной (Исх. 16, 19. 20). Во свѣтѣ семъ глаголалъ съ Богомъ *лицемъ къ лицу* (Исх. 33, 11), какъ *другъ съ другомъ*, и законъ Божій, изглаженный изъ растлѣнныхъ сердецъ человѣческихъ, покрытый мракомъ беззаконій всѣхъ сыновъ Адама, извелъ во свѣтъ, и, рукою Господа начертанный на *скрыжалѣхъ каменныхъ* (Исх. 34, 1), даровалъ Церкви, да освѣщаетъ шествіе ея, среди мрачной области вѣка сего, въ вѣчное жилище свѣта.

Озаряемые свѣтомъ симъ Богодухновенные пророки обличали тайная сердецъ человѣческихъ, проникая во мракъ отдаленныхъ будущихъ временъ, и содѣлались *свѣтилами, сіяющими въ темномъ мѣстѣ* (2 Петр. 1, 19). суемудрія сыновъ вѣка сего.

Но всѣ сіи свѣтила, свѣтившія не своимъ, но заимственнымъ свѣтомъ, были только зарею, предшествовавшею явленію на земли самаго солнца правды, Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа. *Сый сіяніе славы и образъ ипостаси* (Евр. 1, 3). Бога Отца, пришелъ Онъ на землю, покрытую мракомъ грѣха; по неизреченному человѣколюбію своему, лучи неприступнаго свѣта Божества своего сокрывъ подъ смиренною одеждою плоти человѣческой. На *сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной* (Матѳ. 4, 16). излилъ кроткое и благотворное сіяніе свѣта своего, проповѣдуя самъ Божественными устами своими Евангеліе Царствія Божія во всѣхъ странахъ земли израильской. Совершивъ на земли спасеніе рода человѣческаго крестною смертію, и Божественнымъ руководствомъ своимъ приготовивъ достойныя сосуды своего свѣта—учениковъ и Апостоловъ, по преславномъ воскресеніи съ прославленною плотію своею, паки взошелъ ко Отцу, и сокрылся въ облакѣ неприступнаго свѣта Божества. *Возсѣдши одесную Престола величествія на Небесныхъ* (Евр. 1, 3), излилъ живоносныя лучи Божественнаго свѣта въ чистыя сердца Апостоловъ, яко достойныя онаго пріятелища,ославъ имъ Духа святаго, превѣчно исходящаго отъ Отца свѣтовъ. И сіи свѣтоносніи орли, облеченные силою свыше, сколь многія и сколь далекія прошекли страны, по всюду разливая сіяніе свѣта Христова! И Церковь, созданная на твердомъ камени исповѣданія Христова, имѣющая главу и Царя своего Господа силъ и Царя славы, не восторжествовала ли силою и свѣтомъ его надъ всѣми силами и кознями князя тьмы? *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8). Свѣтоносное слово Евангелія его проповѣдуется во всѣхъ языкахъ, и проповѣстся доскончанія вѣка— доколѣ Онъ

самъ— свѣтъ истинный— паки пріидетъ судити живыхъ и мертвыхъ— изведетъ въ явленіе тайная сердецъ— сокрушитъ въ конецъ главу змія, князя тьмы— и сыновъ тьмы отдѣлитъ на вѣки отъ сыновъ свѣта.

Тако Господь и сладчайшій Спаситель нашъ Христосъ есть свѣтъ и міра духовнаго, и міра стихійнаго, и вѣка настоящаго— Онъ же есть свѣтъ и вѣка грядущаго.

Христіане! И насъ Господь по неизреченному милосердію своему призвалъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ; и насъ водою крещенія и живоноснымъ словомъ своимъ возродилъ въ сыновъ свѣта. Но чтобы истинно быть таковыми и имѣть сообщеніе съ Богомъ, должно ходить вѣрно во свѣтѣ заповѣдей его. Святый Апостолъ Іоаннъ Богословъ весьма выразительно говоритъ: *Сіе есть обѣтованіе, еже слышахомъ отъ Господа, и повѣдаемъ вамъ: яко Богъ свѣтъ есть, и тмы въ Немъ нѣсть ни единыя. Аще речемъ: яко общеніе имамы съ Нимъ, и во тмѣ ходимъ, лжемъ, и не творимъ истины. Аще ли же во свѣтѣ ходимъ, якоже самъ Той есть во свѣтѣ, общеніе имамы другъ ко другу, и кровь Іисуса Христа Сына его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 5—7). А всякой тотъ во тьмѣ ходитъ, кто не слѣдуетъ неуклонно во всѣхъ путяхъ жизни своея свѣтоноснымъ стопамъ Спасителя и Господа нашего; всякой тотъ во тьмѣ ходитъ, кто или незнаетъ святѣйшей и достоподражаемой жизни и живоносныхъ словъ Іисуса Христа; или и знаетъ, но лучше хочетъ слѣдовать темному образу міра сего лукаваго и прелюбодѣйнаго, и внушеніямъ страстей растленнаго сердца своего, нежели ходить во свѣтѣ заповѣдей Господнихъ. *Ходяй по Мнѣ*, говоритъ Спаситель *не имать ходити во тьмѣ*. Жизнь и слова Іисуса Христа въ мірѣ духовномъ— нравственномъ суть тоже, что солнце въ мірѣ стихійномъ. Пусть престанетъ свѣтить солнце— что тогда будетъ? глубокая непроницаемая тьма покроетъ всю землю, и ни одно животное, ни одно растеніе не можетъ жить. Такъ точно когда въ душахъ нашихъ не свѣтитъ солнце правды Іисусъ Христосъ, что остается для нихъ? тьма грѣховная и смерть. *Ходяй по мнѣ*, глаголетъ Спаситель, *не имать ходити во тьмѣ— но имать свѣтъ животный* (Іоан. 8, 12.). Тѣ только ходятъ во свѣтѣ, которые для ума своего не имѣютъ другаго свѣта, кромѣ свѣта Христова— которые для сердца своего не имѣютъ другаго правила, кромѣ заповѣдей любви его; которые для жизни своей не имѣютъ другаго наставленія, кромѣ образа святѣйшей жизни его— которые не совратимыми очами въ подвигѣ благочестивой и добродѣтельной жизни своей взираютъ *на Начальника и Совершителя вѣры Іисуса* (Евр. 12, 2). Но Іисусъ Христосъ вознесся отъ земли на небо. Облакъ сокрылъ Его и отъ чистыхъ очей возлюбленныхъ учениковъ его. А отъ насъ грѣшныхъ сверхъ того сокрываетъ сего густой облакъ соблазновъ міра сего лукаваго, облакъ собственныхъ заблужденій ума и сердца, облакъ темныхъ внушеній князя тьмы, врага спасенія нашего, который не дремлетъ, но по словамъ Апостола, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8)— тьма грѣховная покрываетъ насъ.

Но удивимся неизреченному милосердію Господа Спасителя нашего! не изсякаемый источникъ свѣта, какъ во тьмѣ всѣхъ вѣковъ свѣтилъ, такъ и во тьмѣ нашего времени свѣтитъ. Свѣтитъ всѣмъ, которые самопроизвольно не отвращаютъ и не закрываютъ очей своихъ отъ сіянія его— глаголетъ всѣмъ, которые своевольно не затыкаютъ ушей сердца своего отъ слышанія живоносныхъ словесъ его— и нынѣ *овцы* его *гласа* его *слушаютъ* (Іоан. 10, 27.). Онъ вознесся на небо— но оставилъ намъ сокровище своего свѣта, Евангеліе Духомъ святымъ написанное Апостолами его— съ неба послалъ намъ такой даръ, котораго драгоцѣннѣе не могла изобрѣсть безпредѣльная любовь Его къ Церкви своей: въ семъ Евангеліи и жизнь Его, и дѣла Его, и страданія и смерть Его, и все строительство спасенія нашего, и заповѣди Его такъ полно, и такъ точно начертаны, что мы ничего не можемъ желать болѣе ко спасенію нашему.

Но замѣтьте, Братіе, что Евангеліе есть *сокровище*— (Матѳ. 13, 44.) такъ называетъ его самъ Спаситель;— а всякое сокровище и земное глубоко сокровенно въ нѣдрахъ земли. Простые камни повсюду обрѣтаются на земной поверхности— и ихъ безъ труда можно брать и употреблять въ свою пользу. Но злато и сребро и другія драгоцѣнныя вещи сокрыты глубоко, и чтобъ ископать ихъ и воспользоваться ими, потребенъ великій трудъ— такъ и Евангеліе есть сокровище духовное. Чтобъ уразумѣть его, чтобъ найти сокровенную въ немъ манну для души своей, чтобъ истинно напитать сердце свое сею живоносною пищею, потребно любострудное, благоговѣйное и внимательное поученіе въ немъ.

Стяжанія сего то сокровища свѣта желаю вамъ, возлюбленніи въ Господѣ братіе,— и, симъ пастырскимъ желаніемъ побуждаемый, призвавъ въ помощь Господа Спасителя, принялъ намѣреніе излагать, по возможности, то, что четыре Святыхъ Евангелиста написали въ Богодухновенныхъ книгахъ своихъ. Бесѣды мои будутъ предлагаться въ храмѣ въ каждый воскресный день, какъ такой, который самъ Богъ освятилъ, и отдѣлилъ на служеніе ему и на поученіе въ законѣ Его.

Приступая къ сему важному подвигу, я неимѣю нужды убѣждать васъ ко вниманію бесѣдъ моей.— Будучи совершенно увѣренъ въ благочестивой любви вашей къ словесамъ Господа Іисуса, единаго прошу отъ благочестія вашего,— споспѣшествовать мнѣ молитвами вашими, *да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія Христова*, (Ефес. 6, 19). Аминь.

Не пецытеся объ утріи.

Одинъ садовникъ, по имени Іоаннъ, милостивъ былъ къ бѣднымъ, и всѣ избытки отъ трудовъ своихъ раздѣлялъ неимущимъ. Но вдругъ пришло ему на мысль: что, если я состарѣюсь, или сдѣлаюсь боленъ и не въ состояніи буду работать? гдѣ я возму тогда пищу и одежду?— Онъ началъ отлагать по нѣскольку денегъ и собирать про всякой случай. Сребролюбіе мало по малу овладѣло душею Іоанна: нищіе были уже забыты; онъ помнилъ только

о своемъ сундукѣ, который уже наполнился сребренниками. Для уврачеванія душевнаго недуга Господь посѣтилъ Іоанна болѣзнію тѣлесною: у него въ ногѣ открылась рана, которая день отто дня становилась опаснѣе. Врачи одинъ за другимъ являлись къ ложу страдальца; а любезные сребренники одинъ за другимъ улетали изъ сундука Іоаннова: сундукъ мало по малу опустѣлъ; а растравленная рана оставалась неизлечимою. Наконецъ одинъ искусный врачь объявилъ Іоанну, что онъ долженъ лишиться ноги; иначе согніетъ все тѣло. Іоаннъ рѣшился на слѣдующій день вытерпѣть необходимую операцію. Но въ продолженіи ночи, размышляя о своей участи, обратился съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ помянувъ прежнія дѣла милосердія, простилъ ему грѣхъ сребролюбія. Въ отвѣтъ на молитву явился ему Ангелъ Господень и сказалъ: гдѣ твои сребренники, Іоаннъ, которыя ты собралъ? „Согрѣшилъ я, Господи, отвѣтствовалъ страдалецъ, прости мнѣ грѣхъ мой.“ Ангелъ прикоснулся къ ногѣ Іоанна, и она тотчасъ исцѣлѣла. Съ разсвѣтомъ дня Іоаннъ отправился, по прежнему, работать въ своемъ саду, и съ того времени — въ предупрежденіе всякаго несчастія — избытки трудовъ своихъ отдавалъ взаимъ Богу чрезъ руки бѣдныхъ.—

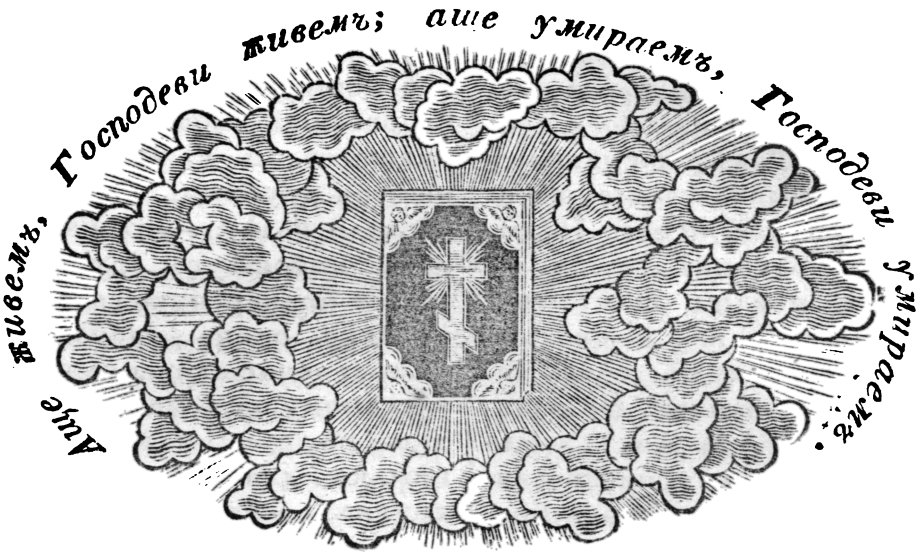
Уединеніе.

Скажи мнѣ, спросилъ нѣкто своего, уже углубившагося въ благочестіи, друга, отъ чего иные любятъ уединеніе и ищутъ его, а другіе не терпятъ его и убѣгаютъ? Къ одной и той же вещи откуда такое противное расположеніе въ людяхъ?

„Когда нѣтъ во кругъ тебя шума,“ отвѣчалъ онъ, „тебѣ слышно, если кто стучится къ тебѣ въ дверь. Почему если ты ждешь друга или благодѣтеля, то всячески желаешь освободиться отъ шума, чтобы въ тишинѣ слышать первое его толкновеніе и спѣшишъ къ нему на встрѣчу; а если не друга или грознаго судію, то ты желалъ бы, чтобы шумомъ заглушили тебѣ несносный стукъ.— Но самъ Богъ изрекъ однажды въ слухъ всего человѣчества: *се стою при дверехъ и толку!* (Ап. 3. 20.) Почему, для кого Богъ есть Богъ любви, и кто самъ любитъ Его, тотъ бѣжитъ отъ шума суеты мірской въ уединеніе: тамъ, когда святая и таинственная тишина осѣняетъ и обьемлетъ его, ему слышно, какъ ударяетъ въ двери сердца его Богъ любви. Напротивъ кто въ совѣсти своей сознаетъ, что Богъ для него есть Богъ суда, и кто не любитъ Его, тотъ бѣжитъ изъ уединенія, чтобы шумомъ свѣта заглушить несносные удары перста Божія: тамъ, когда чувства его оглушаются быстрымъ движеніемъ вещей мірскихъ, разумъ омрачается чашею удовольствій свѣта, ему не слышно, какъ стучится въ двери сердца его грозный судія, или тяжкій посѣтитель.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 6 Іюля 1838 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 19. НЕДѢЛЯ 11 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. АВГУСТА 7. 1838.

Апостолъ: 1 Коринѳ. 9, 2—12. Евангеліе: Матѳ. 19, 16—26.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О ТОМЪ, ЧТО МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ДѢЛАТЬ НЕ ДЛЯ СВОЕЙ, НО ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ.

Христіанинъ! хотя бы ты воздерживался отъ пищи и вмѣсто ложа спалъ на землѣ; хотя бы даже вкушалъ пепелъ и всегда плакалъ: несмотря на это, ты ничего важнаго не дѣлаешь, когда не печешься о пользѣ ближняго. Великіе и славные ветхозавѣтные мужи всего болѣе объ этомъ заботились. Разсмотри со вниманіемъ жизнь ихъ,—и ты увидишь, что всѣ они старались только о выгодахъ ближняго, оставляя безъ вниманія свои собственныя,—за что особенно и прославились. Моисей, напр., много совершилъ чудесъ и знаменій: но ничто не сдѣлало его такъ великимъ, какъ тотъ приснопамятный гласъ, коимъ онъ взывалъ къ Богу: *аще оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще ли же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси.* Такъ говорилъ и Давидъ: *азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? да будетъ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего.* Подобно сему и Авраамъ, ради пользы ближняго, отказываясь отъ собствен

ныхъ выгодъ, подвергалъ себя для того различнымъ бѣдствіямъ, и молилъ Бога о людяхъ, совершенно для него чуждыхъ. Вотъ почему прославились сіи святые мужи! Смотри же какой понесли вредъ тѣ, кои заботились единственно о своихъ выгодахъ! Такъ племянникъ Авраама, когда услышалъ отъ него: *аще ты на десно, азъ на лѣво* (Быт. 13, 9), и когда, получивъ землю по выбору, началъ искать тамъ своей только пользы, то не только не нашелъ ея, но и самъ едва несгорѣлъ вмѣстѣ съ землею, на которой жилъ, между тѣмъ какъ земля Авраамова осталась неприкосновенною. Такъ и Іона—пока пренебрегалъ выгодой ближнихъ для своей собственной,—подвергался опасности погибнуть (ибо между тѣмъ какъ городъ устоялъ, онъ обуревался волнами и погруженъ былъ въ море): когда же сталъ искать пользы другихъ, тогда нашелъ и свою. Равнымъ образомъ и Іаковъ за то, что не искалъ собственной пользы въ стадахъ, пріобрѣлъ великое богатство. Подобно имъ, на конецъ, и Іосифъ, поелику заботился о пользѣ своихъ братій, то нашелъ вмѣстѣ и свою пользу. Ибо когда отецъ его посылалъ къ братьямъ, то онъ не говорилъ ему: „къ чему это? развѣ ты не знаешь, что они готовы разстерзать меня за мои сновидѣнія, что я сталъ въ глазахъ ихъ преступникомъ за истолкованіе сновъ и виновнымъ за любовь твою ко мнѣ? чего же они со мною не сдѣлаютъ, когда схватятъ меня на полѣ?“ Іосифъ не только не сказалъ, но и не подумалъ даже ничего подобнаго, поставляя услугу братьямъ выше собственной безопасности. Не велики ли и эти всѣ поступки? но дѣла Павловы еще превосходнѣе. Ибо всѣ поименованные праведники, пренебрегавшіе собственными выгодами, участвовали въ злоключеніяхъ вмѣстѣ съ другими; но Павелъ сдѣлалъ гораздо болѣе:—онъ не только страдалъ вмѣстѣ съ другими, но и рѣшился подвергнуться крайнимъ бѣдствіямъ одинъ, дабы другихъ содѣлать счастливыми.—Отказаться же самому отъ счастія, чтобы страдать съ другими, и страдать одному только для блага и безопасности другихъ,—не одно и тоже. Въ первомъ случаѣ хотя и много значитъ перемѣна собственнаго благополучія на злополучіе въ пользу ближняго, но здѣсь доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе то, что имѣешь участниковъ въ несчастіи: а рѣшиться для блага другихъ одному только, на всѣ скорби и лишенія,—это свойственно только душѣ чрезвычайно мужественной, душѣ—Павловой. Этого мало: Апостолъ превзошелъ всѣхъ, о коихъ мы упомянули выше, не только симъ, но и другимъ, еще важнѣйшимъ преимуществомъ. Такъ Авраамъ и другіе св. мужи подвергались бѣдствіямъ одной настоящей жизни и всѣ рѣшались умереть только временною смертію: напротивъ Павелъ, для спасенія другихъ, желалъ лишиться славы будущей. Я могу представить тебѣ и третье его преимущество. Какое? то, что многіе, хотя и защищали своихъ ближнихъ отъ притѣсненій, но защищали ихъ потому, что они

ввѣрены были ихъ смотренію: слѣдовательно, они дѣлали тоже, что сдѣлалъ бы и отецъ, который долженъ защищать своего сына, не смотря даже на его порочность и развращеніе. Между тѣмъ Павелъ желалъ быть отлученнымъ отъ наслѣдія жизни вѣчной за тѣхъ, кои не были ввѣрены его попеченію:— ибо онъ посланъ былъ къ язычникамъ. Постигаешь ли теперь величіе души Апостола и высоту его мыслей, превышающую самое небо? подражай же ему съ ревностію; а если не можешь подражать ему, то подражай, покрайней мѣрѣ, представленнымъ отъ насъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ. Ибо и ты тогда только найдешь свою пользу, когда будешь искать пользы ближняго. Еслиже ты лѣнишься прилагать попеченіе о братѣ, то не забудь, что иначе и спастись не можешь:— а потому старайся о немъ и о дѣлахъ его хотя для самаго себя. Но ты, можетъ быть, желаешь убѣдиться въ этомъ примѣрами, взятыми изъ круга вещей обыкновенныхъ. Представь же себѣ, что загорѣлся чей нибудь домъ, и сосѣди, заботясь только о себѣ самихъ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить на помощь ближнему, не только несдѣлали этого, но еще изъ опасенія, чтобы въ отсутствіе ихъ кто либо не произвелъ у нихъ хищенія, запершись остались бы дома: какъ бы они были за это наказаны! огонь, распространившись, сожегъ бы все ихъ имущество,— и они лишились бы своихъ выгодъ за то, что не позаботились о выгодѣ ближняго. Богъ, желая соединить между собою всѣхъ людей, подчинилъ дѣла наши такой необходимости, что съ пользою одного тѣсно сопряжена польза другаго, и этимъ-то поддерживается весь порядокъ міра. Такъ, еслибы кормчій, во время бури, презрѣвъ безопасность плывущихъ съ нимъ, началъ заботиться только о безопасности собственной, то онъ вдругъ погубилъ бы и себя и другихъ. Да и прочія искуства, еслибы имѣли въ виду только собственныя выгоды, то, при такомъ ихъ состояніи, ни наша жизнь, ни даже они сами не могли бы устоять. По этому и земледѣлецъ такое сѣетъ количество хлѣба, какое было бы достаточно не для него только одного,— потому, что иначе онъ давно погубилъ бы и себя и другихъ,— но при посѣвѣ всегда имѣетъ въ виду пользу и людей стороннихъ. Также и воинъ не для того на войнѣ подвергается опасностямъ, чтобы спасти одного себя, но чтобы доставить безопасность цѣлымъ обществамъ. Подобно и промышленникъ столько старается добыть товаровъ, чтобы достало и для него и для многихъ другихъ. Возразятъ, что „каждый поступаетъ такимъ образомъ потому, что имѣетъ въ виду свою пользу, а не мою: ибо каждый старается объ этомъ для пріобрѣтенія, или денегъ, или славы и безопасности, а потому, заботясь о собственныхъ выгодахъ, онъ ненамѣренно вмѣстѣ съ этимъ доставляетъ ихъ и мнѣ:“ но тоже самое хочу сказать и я, и давно желалъ бы слышать отъ другихъ; да и слово это составлено мною для того единственно, дабы показать, что

ближній твой тогда только находишь свою пользу, когда имѣешь въ виду и твою. Поелику люди никогда не стали бы искать выгодъ ближняго, еслибы не были принуждены къ тому необходимостію: то Богъ и устроилъ все такъ, что не иначе возможно достигнуть своей пользы, какъ только при посредствѣ выгодъ, доставляемыхъ другимъ. Правда, что и такое уже содѣйствіе пользѣ ближняго будетъ дѣломъ человѣколюбія: но къ этому должно побуждать насъ не одно только человѣколюбіе, а вмѣстѣ и желаніе угодить тѣмъ Богу. Ибо кто сего не имѣетъ, тотъ не только спастись не можетъ, но хотя бы онъ занимался самимъ высокимъ любомудріемъ и пренебрегалъ все преходящее,—не будетъ имѣть, однакожъ, никакого дерзновенія предъ Богомъ. Изъ чего это видно? изъ слѣдующихъ словъ блаженнаго Павла: *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, воеже сожещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. 13, 3). Видишь ли, чего онъ отъ насъ требуетъ? хотя бы раздавшій свое имѣніе искалъ не своей пользы, а ближняго: но сего, говоритъ, не довольно, а желаетъ, чтобы мы поступали въ такомъ случаѣ съ искренностію и великимъ состраданіемъ. Ибо Богъ для того и заповѣдалъ это, чтобы привесть насъ въ союзъ любви. Еслиже Онъ въ дѣлѣ человѣколюбія требуетъ отъ насъ такой великой мѣры, а между тѣмъ мы не исполняемъ онаго и въ меньшей: то чѣмъ мы оправдимся предъ Нимъ? „Почему же, возразишь ты, Богъ говорилъ Лоту чрезъ Ангеловъ: *спасая, спасай свою душу*“ (Быт. 19, 16)? но когда онъ сказалъ это, и для чего, объяви мнѣ? Онъ сказалъ это въ то время, когда уже была опредѣлена казнь; не тогда, когда надлежало исправляться, а когда люди были осуждены на погибель и страдали неисцѣльными болѣзнями, когда старцы наравнѣ съ юношами предались одинакимъ постыднымъ страстямъ, такъ, что имъ надлежало уже сгорѣть:—это сказано было въ тотъ день, когда молніи уже готовы были упасть на нихъ;—кратко,—Богъ сказалъ это, имѣя въ виду не порокъ или добродѣтель, но казнь имъ опредѣленную. Разсуди же, что надлежало тогда дѣлать Лоту? уже ли онъ, оставшись въ Содомѣ, долженъ былъ подвергнуться наказанію и погибнуть безъ всякой пользы? но это было бы крайнее безуміе. Почему и я не совѣтую подвергать себя злополучію напрасно, вопреки воли Божіей; но когда человѣкъ предается пороку, тогда нужно подвергнуться и бѣдствіямъ, лишь бы его исправить. Если хочешь, то дѣлай это ради ближняго; а если не хочешь, то, покрайней мѣрѣ, для своей пользы. Первое конечно лучше: но если ты не достигнулъ еще такой высоты, то дѣлай это хотя для самаго себя. Пусть никто не ищетъ одной своей пользы, если только хочетъ найти ее.

Изъ 25 бесѣды на 1 Кор. по Монтф. Том. 10, стр. 223—227.

О БОГОПОЧТЕНІИ.

Всѣмъ обязанъ я Тебѣ, Боже, потому что все получилъ отъ Тебя, обязанъ даже и самымъ бытіемъ, которое столько облагодѣтельствовано Твоею десницею! О безпредѣльная благость, я одолженъ Тебѣ всѣмъ! Чѣмъ же воздамъ Тебѣ за все это? Въ моихъ благахъ Ты не имѣешь нужды; они истекаютъ отъ Тебя: Ты меня надѣлилъ ими всещедрою рукою Твоею. Даже, когда я владѣю ими, и тогда они остаются болѣе Твоимъ благомъ, нежели моимъ; потому что я самъ существую только Тобою. Я пользуюсь ими какъ заемными, но собственно обладаешь ими Ты. Они немогутъ небыть Твоею собственностію: всякое благо необходимо заключается только въ Тебѣ. Итакъ, что воздамъ Тебѣ? У меня одно только, что свободно могу принести Тебѣ: это я самъ. Но и это *я* мое не менѣе Тебѣ принадлежитъ, какъ и все прочее. Что же дамъ Тебѣ я, получившій все отъ Твоей десницы? О вѣчная любовь! Ты требуешь отъ меня одного — свободнаго желанія моего сердца: — Ты оставилъ мнѣ волю свободную съ тѣмъ, дабы я могъ самъ избрать и принять съ охотою ту неизмѣняемую зависимость, съ которою я долженъ предавать всегда свое сердце въ Твою десницу Ты хочешь только, чтобы я желалъ того порядка, который составляетъ счастіе всей твари; но чтобы заставить меня хотѣть того, Ты представляешь мнѣ извнѣ всѣ пріятности, дабы содѣлать его для меня привлекательнымъ, а сверхъ того Ты проникаешь сладостнымъ дѣйствіемъ благодати Твоей въ глубину моего сердца, чтобы возбудить его и заставить меня полюбить то, что столько заслуживаетъ любви.—

Помыслимъ, который Тебѣ приносятъ люди, есть для Тебя ничтожное куреніе; Ты не нуждаешься ни въ тукѣ ни крови жертвъ ихъ; самыя богатыя ихъ приношенія слишкомъ бѣдны для Тебя, и они болѣе благо Твое, нежели ихъ: ихъ самыя похвалы не что иное какъ лесть, если они не кланяются Тебѣ духомъ и истиною. Только любовію можно служить Тебѣ. Внѣшніе знаки тогда имѣютъ свою цѣну, когда они происходятъ отъ сердца: но существенное служеніе тебѣ состоитъ въ чистой любви, и твое царство находится всецѣло внутрь насъ; напрасно будемъ искать его во внѣшности О Любовь! Тебя любить, составляетъ все. Кто нелюбитъ Тебя, тотъ безчувственъ и не начиналъ еще жить истинною жизнію.

Но это почтеніе любви должно ли сосредоточиться въ моемъ сердцѣ такъ, чтобы не обнаруживалось никогда никакимъ внѣшнимъ знакомъ? Нѣтъ! если я истинно люблю, то немогу не выражать моей любви. Любовь желаетъ не только сама любить, но желаетъ заставить любить и другихъ. Могу ли я видѣть прочихъ людей, коихъ Богъ сотворилъ подобно мнѣ— для себя одного, и оставить ихъ въ невѣденіи Его?

Богъ соединилъ людей вмѣстѣ въ общество, гдѣ они должны любить одинъ другаго и вспомоществовать другъ другу, какъ дѣти одного семейства, у коихъ одинъ отецъ. Всякой народъ составляетъ вѣтвь того безчисленнаго семейства, которое разсѣяно по лицу всей земли. Любовь къ этому общему Отцу должна быть ощутительна, явна и

неизмѣняема, должна господствовать во всемъ обществѣ возлюбленныхъ дѣтей Его. Всякой изъ нихъ долженъ постоянно говорить объ Немъ своимъ дѣтямъ: познайте Господа, который есть вашъ Отецъ!.— Дѣтямъ Божіимъ должно въ слухъ всѣхъ говорить о благодѣяніяхъ Отца небеснаго, прославлять Его, возвѣщать о Немъ незнающимъ Его, напоминать забывающимъ Его. Они для того и живутъ на земли, чтобы познавать Его совершенства и исполнять Его волю, чтобы сообщаться другъ съ другомъ симъ знаніемъ и небесною любовію. Что произошло бы, если бы это семейство имѣло общеніе во всемъ прочемъ, а не имѣло его въ отношеніи къ почтенію одного столь благаго Отца? И такъ нужно, чтобы они имѣли общеніе касательно Богопочтенія; т. е. всѣ люди должны другъ друга наставлять, утверждать, любить для того, чтобы благоугождать общему Отцу.— Основаніе Религіи не состоитъ въ какой-нибудь внѣшней церемоніи, по тому что она всецѣло заключается въ познаніи истины и въ любви къ верховному благу; но эти внутреннія чувствованія не могутъ быть искренни, если не будутъ сообщаемы другимъ чрезъ чувственные и извѣстные знаки. Недостаточно того, чтобы познать Бога: нужно обнаруживать это знаніе, и стараться о томъ, чтобы никто изъ братьевъ нашихъ не имѣлъ несчастія оставаться въ невѣденіи о Немъ, или забвеніи Его. Эти чувственные знаки почтенія и составляютъ то, что называется обрядами Богопочтенія.

И такъ вотъ основаніе Богопочтенія наружнаго въ самомъ Богопочтеніи внутреннемъ! Родъ человѣческій не можетъ познавать и любить своего Творца, не показывая, что онъ любитъ Его, не желая заставить другихъ любить Его, не выражая этой любви съ великолѣпіемъ, сообразнымъ величію того, кого любитъ, и наконецъ не возбуждая себя къ любви дѣлами самой же любви.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ СВЯТЫХЪ.

Слово Божіе увѣряетъ насъ, что послѣ всеобщаго воскресенія *праведники просвѣтятся яко солнце, во царствіи Отца ихъ* (Матѳ. 13, 43), и что не только души, но и тѣла ихъ прославятся подобно тому, какъ прославлено человѣчество Іис. Христа. Господь, говоритъ Ап. Павелъ, *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 21), и *якоже облекохомся во образъ перстнаго, облечемся и во образъ небеснаго* (1 Кор. 15, 48). Тѣло славы Господа нашего, какъ показало преображеніе его на Ѳаворѣ, сіяло такимъ свѣтомъ, который проницалъ и всѣ одежды Его: *просвѣтися лице Его яко солнце, ризы же Его быша бѣлы, яко снѣгъ* (Матѳ. 17, 2). Подобное нѣчто, безъ сомнѣнія, будетъ и съ тѣлами праведныхъ въ царствѣ славы: и они будутъ сіять свѣтомъ. Но какимъ? конечно, не нашимъ, земнымъ или солнечнымъ. *Градъ Божій не требуетъ солнца и луны, да свѣтятъ въ немъ: слава бо Божія просвѣти его и свѣтильникъ его—Агнецъ* (Ап. 21, 23). И такъ это свѣтъ славы Божіей, свѣтъ духовный, но тѣмъ не менѣе видимый, свѣтъ духа выражающійся чувственно, господствующій надъ всѣмъ-

чувственнымъ, проницающій и одухов-ляющій все вещественное.—Жизнь духовная, въ высочайшемъ торжествѣ своемъ надъ жизнію естественною, выражается свѣтомъ, подобно тому, какъ и въ природѣ, господствующая надъ планетами сила солнца обнаруживается свѣтомъ же.

Можетъ ли этотъ духовный свѣтъ быть видимъ и здѣсь, на земли,— въ тѣхъ, которые при непрестанномъ сообщеніи духа своего съ Богомъ стяжали жизнь небесную? Не только преображеніе Господа, но и примѣры нѣкоторыхъ Святыхъ доказываютъ, что этотъ свѣтъ можетъ проявляться и въ нашей земной природѣ, можетъ быть видимъ при самомъ солнечномъ свѣтѣ нашемъ, хотя онъ, для нынѣшняго чувственнаго зрѣнія нашего, большею частію невыносимъ и даже страшенъ. Такъ, когда Моисей, послѣ 40 дневной бесѣды своей съ Богомъ на Синаи, сошелъ съ горы, то народъ не могъ смотрѣть на прославленное лице его: *и бяше прославленъ зракъ лица его, и убоящеся приступити къ нему* (Исх. 34, 30), такъ что Боговидецъ долженъ былъ возлагать покровъ на лице свое, когда нужно было говорить къ народу. Явленія Ангеловъ, всегда почти сопровождавшіяся явленіемъ необыкновеннаго сіянія, доказываютъ тоже видимость духовнаго свѣта. Весьма вѣроятно, что и св. Первомученикъ Стефанъ имѣлъ отблескъ сего же свѣта на лицѣ своемъ, когда *воззрѣвше нань вси сидящіи въ сонмищѣ, видѣша лице его яко лице Ангела* (Дѣян. 6, 15).

Представимъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ изъ жизни другихъ Святыхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ Святыхъ постоянно видѣнъ былъ отблескъ внутренняго свѣта ихъ. Такъ о святителѣ Николаѣ чудотворцѣ пишется, что „зракъ его былъ яко Ангела Божія, благодатію Божественною сіяющъ, и исхождаше нѣкая отъ лица его, аки отъ Моисеева, пресвѣтлая луча, отъ видѣнія же его многая польза бываше на него зрящимъ;“ (а) а о Преп. Памвѣ говорится, что Богъ столько прославилъ его, что братія не могли смотрѣть на лице его отъ славы, которая въ немъ сіяла (б). Въ другихъ Святыхъ необыкновенный свѣтъ являлся только въ особенныхъ случаяхъ, какъ то: 1. при посвященіи нѣкоторыхъ Святителей, 2. во время молитвы и 3. при кончинѣ.

1. Когда посвящаемъ былъ въ Епископа Св. Григорій Омиритскій, то лице его измѣнилось и казалось свѣтовиднымъ и пламенѣющимъ, а сверхъ того отъ ризъ его исходилъ какъ бы дымъ благовоннаго куренія, и исполнилъ всю Церковь (в). Подобное явленіе было въ Іерусалимѣ, при посвященіи св. Ѳеодора, Епископа Едесскаго. О немъ пишется, что по рукоположеніи Святый „бысть яко Ангелъ Божій, лицемъ свѣтло сіяющъ, весь Богоносенъ, обильнѣйшую Духа Святаго благодать пріяти сподобившійся“ (г).

2. Изъ многихъ примѣровъ свѣтоносной молитвы, представляемъ два слѣдующіе: Одинъ братъ пришелъ къ Преп. Аѳанасію Аѳонскому, въ то время, когда святый молился, и, посмотрѣвъ въ окно его келліи, увидѣлъ лице молящагося подобное пламени; потомъ, отступивъ и пождавъ нѣсколько, опять посмотрѣлъ, и увидѣлъ не только лице Святаго блистающее, но и всего его

(а) См. Чет. Мин. Дек. 6.
(б) Чет Мин. Іюл. 18.
(в) Декабр. 19.
(г) Іюл. 9.

окруженнаго какъ бы пламенемъ (а). Такой же пламенный видъ имѣлъ и Преп. Арсеній В., когда молился. (б)

3. При концѣ жизни многіе изъ Святыхъ сіяли необыкновеннымъ свѣтомъ, отражая въ лицѣ своемъ зарю блаженства вѣчной жизни. Особенно примѣчателенъ слѣдующій случай, описанный въ житіи преп. Сисоя Великаго. Предъ блаженною кончиною своею, онъ необыкновенно просвѣтился въ лицѣ, и сказалъ окружающей его братіи: вотъ авва Антоній пришелъ!— Потомъ, нѣсколько помолчавъ, опять сказалъ: вотъ пришелъ ликъ Апостольскій!— Чрезъ нѣсколько минутъ лице его просвѣтилось еще болѣе; онъ началъ бесѣдовать съ невидимыми лицами, и сказалъ братіи, что святые Ангелы пришли взять душу его, и онъ молитъ ихъ, чтобъ они оставили его еще на нѣкоторое время для покаянія. Наконецъ лице святаго старца сдѣлалось столь свѣтлымъ, что предстоящіе ужаснулись. Тогда Преподобный сказалъ: се Господь приходитъ!.. и отошелъ духомъ своимъ на небо (в).

Ап. Павелъ описывая различные степени прославленія Святыхъ въ вѣчности, сравниваетъ ихъ съ свѣтилами небесными: *ина*, говоритъ, *слава солнцу, ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. 15, 41). Извѣстно же, что нѣкоторыя звѣзды имѣютъ столь яркій свѣтъ, что видимы бываютъ нѣсколько времени и при солнцѣ. Дивно ли, что и Святые, которые, въ другой области жизни, должны сіять подобно великимъ свѣтиламъ, сіяли и подъ нашимъ солнцемъ?— Солнце наше собственно затемняетъ только наши очи для свѣта духовнаго, а самыхъ духовныхъ свѣтилъ затмить не можетъ, такъ какъ не затмѣваетъ оно и звѣздъ, сіяющихъ незаимствованнымъ отъ него свѣтомъ, а только ослабляетъ наше зрѣніе и дѣлаетъ его неспособнымъ къ принятію тонкаго свѣта ихъ.

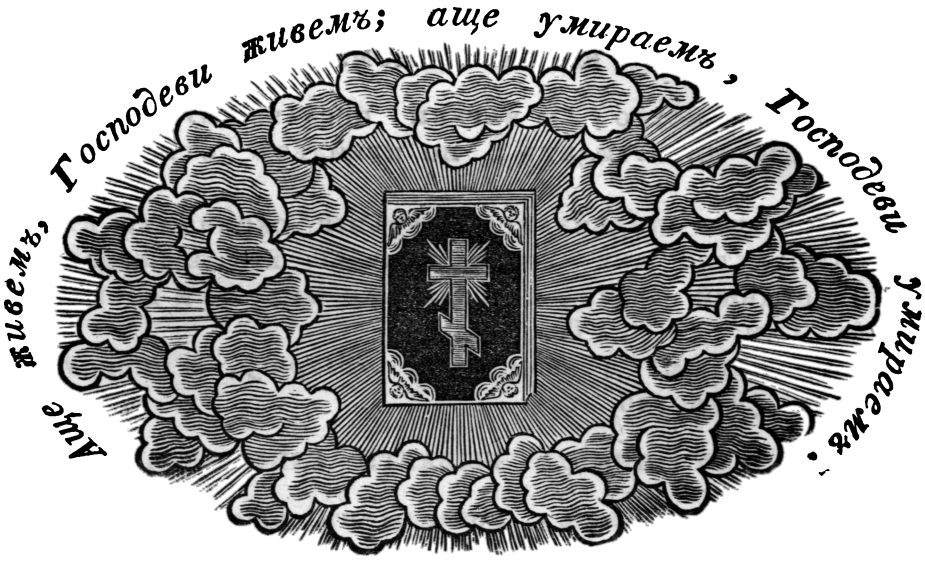
(а) Чет. Мин. Іюл. 5.
(б) Чет. Мин. Маія 8
(в) Чет. Мин. Іюл. 6.

Чей ты?

Такъ обыкновенно спрашиваемъ мы незнакомца, намъ встрѣтившагося. И также обыкновенно слышимъ отвѣты: „такого— то господина слуга; или такого—то отца сынъ!“ Чьи мы? спросимъ сами себя, братіе— Христіане! „Слуги Христовы! сынове Вышняго.“ Титла,— предъ коими всѣ земные— ничто.— *Но иже Христовы суть*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ; *плоть распяша со страстьми и похотьми*, (Гал. 5, 24.). Вотъ признакъ истинныхъ, вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ! приходится ли онъ къ намъ? размыслимъ. Если нѣтъ; если мы живемъ по плоти— покоряемъ плотскимъ страстямъ, всегда беззаконнымъ: то въ насъ не можетъ быть Духа Христова. *Аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Его̀въ* (Рим. 8, 9.). Св. имя— *Христіанина* одно, безъ Христіанскихъ дѣлъ, не даетъ права быть чадами Божіими.—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 18 Іюля 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцовъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 20. НЕДѢЛЯ 12 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. АВГУСТА 14. 1838.

Апостолъ. 1 Коринѳ. 15, 1—11. Евангеліе. Матѳ. 19, 16—26.

СМЕРТЬ ПРАВЕДНЫХЪ

I. Драгоцѣнна въ очахъ Божіихъ.

Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его (Псал. 115, 6). Касаяйся васъ, яко касаяйся въ зѣницу ока Его (Зах. 2, 8). Хранитъ Господь вся любящія Его (Псал. 144, 20).

II. Не страшна, а вожделѣнна.

Аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси (Псал. 22, 4). Желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти (Фил. 1, 23).

III. Не потеря, а пріобрѣтеніе.

Мнѣ еже жити, Христосъ, и еже умрети, пріобрѣтеніе есть (Фил. 1, 21). Непщевани быша во очію безумныхъ умрети, и вмѣнися озлобленіе исходъ ихъ, и еже отъ насъ шествіе, сокрушеніе: они же суть въ мирѣ.

Иво предъ лицемъ человѣческимъ аще и муку пріимутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено, и вмалѣ наказани бывше, великими благодѣтельствовани будутъ (Прем. 3, 2—5). Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. 14, 13).

IV. Дверь къ блаженному безсмертію.

Слушаяй словесе моего, и вѣруяй пославшему Мя, имать животъ вѣчный, и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ (Іоан. 5, 24).

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его (2 Тим. 4, 7. 8).

Бысть умрети нищему *(праведному Лазарю)*, и несену быти Ангелы на лоно Авраамле (Лук. 16, 22).

V. Почему иногда бываетъ слишкомъ рано?

Благоугоденъ Богови бывъ, возлюбленъ бысть, и, живый посреди грѣшныхъ, преставленъ бысть; восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его. Скончався вмалѣ, исполни лѣта долга: угодна бо бѣ Господеви душа его; сего ради потщася отъ среды лукавствія. Осудитъ же праведникъ умираяй живыхъ нечестивыхъ, и юность скончавшаяся скоро долголѣтную старость неправеднаго (Прем. 4, 10. 11. 13. 14. 16).

Ангелъ хранитель.

Блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ; глаголю бо вамъ яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго.

Матѳ. 18, 10.

И такъ, кромѣ бодрствующаго надъ человѣкомъ промысла Божія, есть у него другой хранитель и наставникъ,— другой, такъ сказать, частный промыслъ, назирающій его на всѣхъ стезяхъ жизни.— Св. Писаніе ясно говоритъ намъ, что служебные духи посылаются въ міръ для хотящихъ наслѣдовать спасеніе и что у дѣтей есть Ангелы, которые выну видятъ лице Отца небеснаго. Но, если нѣжный возрастъ младенческій, произрастающій въ счастливомъ невѣденіи зла и окруженный всѣми попеченіями любви родительской, имѣетъ нужду въ невидимомъ пѣстунѣ духовномъ: то не болѣе ли должны имѣть потребности въ немъ другіе возрасты человѣка, подверженные несравненно большимъ опасностямъ, особенно со стороны исконнаго врага— человѣкоубійцы?— Занятые всегдашними попеченіями о земномъ и тлѣнномъ, мы, по большей части, не примѣчаемъ, или же не хотимъ примѣчать благодѣтельнаго присутствія при насъ сихъ не-

видимыхъ хранителей,—даже болѣе,—быть можетъ, отдаляемъ ихъ отъ себя на долгое время порочною жизнію: но если бы, по молитвѣ какого нибудь Елиссея, открыты были наши духовныя очи; мы конечно узрѣли бы цѣлыя тысячи и тмы Ангеловъ, исполняющихъ велѣнія Божія во вселенной—увидѣли бы сихъ *служебныхъ духовъ, посылаемыхъ въ міръ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14). Тѣ, кои, отрѣшившись отъ всего земнаго и тлѣннаго, жили на землѣ для неба, сподоблялись еще въ сей жизни чувственнаго и почти дружескаго общенія съ своими Ангелами хранителями: таковы всѣ тѣ великіе подвижники, коихъ Церковь именуетъ собесѣдниками Ангеловъ. Ангелы видимо руководствовали ихъ, указывали имъ на опасности, предохраняли ихъ отъ искушеній врага, молились и бесѣдовали съ ними.

Безъ сомнѣнія въ подобной же близости съ Ангелами можетъ находиться и всякой Христіанинъ, коего умъ и сердце устремлены горѣ и исполнены благочестія и страха Божія. Ангелъ Господень, по словамъ Пророка, ополчается окрестъ такихъ людей и избавляетъ ихъ отъ всякаго зла (Псал. 33, 8). Исторія Товита и его благочестиваго семейства служитъ очевиднымъ доказательствомъ сего. Но когда человѣкъ, потерявъ страхъ Божій, отдается во власть нечистыхъ страстей: тогда дружеская связь между имъ и его Ангеломъ хранителемъ, по необходимости, должна разорваться: *ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6, 14.)? Ангелъ свѣта неможетъ быть соучастникомъ дѣлъ тьмы: онъ отдаляется тогда отъ человѣка, и—вотъ почему большая часть людей не примѣчаютъ его присутствія; его—нѣтъ уже при нихъ! Иной руководитель заступаетъ его мѣсто,—тотъ самый, котораго Спаситель называетъ отцемъ лжи и человѣкоубійцею изъ начала (Іоан. 8, 44). Такъ мы знаемъ изъ св. Писанія, что когда Духъ Божій отступилъ отъ Саула, его мѣсто занялъ духъ лукавый, доведшій сего несчастнаго Царя до самоубійства и погибели.

Но если мы почитаемъ великимъ несчастіемъ потерю земныхъ друзей, которымъ обязаны образованіемъ и лучшими минутами нашей жизни: то не сугубое ли несчастіе для человѣка отдалить отъ себя лучшаго друга въ жизни—своего Ангела Хранителя и перейти подъ вліяніе духа злобы, непріязненнаго къ человѣку изъ начала? Такая измѣна сопровождается не одною только нравственною погибелью человѣка въ этомъ мірѣ; нѣтъ! она простирается и въ вѣчность. Своевольно разорвавъ связь дружества съ Ангеломъ хранителемъ въ этой жизни, мы не можемъ уже надѣяться на его помощь въ будущей.—Первый привѣтствуя вхожденіе наше въ міръ сей, онъ же вѣроятно и первый встрѣтитъ насъ по переходѣ нашемъ въ вѣчность. Тогда вмѣсто дружескаго участія и ходатайства за насъ предъ судилищемъ Божіимъ, мы найдемъ въ немъ только обличителя и свидѣтеля нашихъ беззаконій.

Спаситель нѣкогда заповѣдывалъ людямъ посредствомъ благоразумнаго употребленія мірскихъ благъ обезпечивать свою будущность на небѣ: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы*. (Лук. 16, 9). Еще

благоразумнѣе должно пользоваться благами небесными, здѣсь намъ ниспосылаемыми: надобно на землѣ сотворить себѣ другами Ангеловъ хранителей, да егда оскудѣемъ мы отъ этой жизни, они пріимутъ насъ на небѣ въ свои кровы.

ПОЧЕМУ СОКРЫТА ОТЪ НАСЪ ЖИЗНЬ БУДУЩАЯ?

Еслибы мы могли знать, что съ нами будетъ по смерти! — такъ часто говорятъ смертные, помышляя о будущей судьбѣ душъ своихъ; — еслибъ мы имѣли понятіе о состояніи души за гробомъ, о жилищѣ ея тамъ, о ея радостяхъ и скорбяхъ!

Такія желанія большею частію происходятъ отъ одного празднаго любопытства. Легко успокоивать себя вѣрующему, который знаетъ, что придетъ день, когда тайны будущаго будутъ намъ открыты и мы будемъ знать все, что нужно знать намъ. Но любопытство тѣмъ не довольствуется, и тщетно теряется въ своихъ догадкахъ, тщетно осаждаетъ врата вѣчности, силясь исторгнуть у нея тайну: мракъ, которымъ Богъ покрылъ неизвѣстную область будущаго, непроницаемъ, никто изъ умершихъ не выходилъ изъ гроба для того, чтобъ открыть намъ тайны міра духовъ.

Да удалится отъ меня праздное любопытство! открывающій предметы небесные есть одинъ — Господь Іисусъ Христосъ: вотъ мой свѣтъ, моя путеводная звѣзда! Господь обѣщалъ намъ безсмертіе, но неблаговолилъ изъяснить состояніе душъ по смерти. Онъ научилъ, что душа вѣрующаго, освободясь отъ узъ тѣла, идетъ въ мѣсто блаженства; потому и сказалъ разбойнику, раскаявшемуся на крестѣ: днесь со мною будеши въ Раи (Лук. 23, 24.). Онъ научилъ, что настоящая жизнь для души есть приготовленіе къ вѣчности, что и здѣсь уже мы граждане неба, что Царствіе Божіе состоитъ не во внѣшнихъ знакахъ, а въ добродѣтельныхъ чувствованіяхъ по вѣрѣ, и что оно *внутрь насъ есть* (Лук. 17, 21). Онъ открылъ намъ, что въ будущей жизни каждому воздастся по его мыслямъ, словамъ и дѣламъ (Матѳ. 25, 34—56.). Вотъ что всего нужнѣе знать намъ о нашемъ будущемъ назначеніи. А впрочемъ Апостолъ говоритъ: мы здѣсь *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7).

Если бы полезно было для человѣковъ прозрѣвать во глубину вѣчности; то Богъ, конечно, даровалъ бы имъ къ тому способность. Но не угодно было Премудрости Божіей даровать намъ такой способности: значитъ, что нѣтъ необходимости знать намъ судьбы духовъ въ нѣдрахъ вѣчности. Всякое пустое любопытство въ такомъ случаѣ означаетъ недостатокъ довѣренности Христіанина къ премудрости и отеческой любви Божіей. Будемъ увѣрены, что знаніе того, что сокрываетъ отъ насъ Господь, было бы для насъ зломъ, что Онъ многое сокрываетъ отъ насъ для нашего же блага, подобно тому, какъ умные родители скрываютъ отъ дѣтей своихъ то, что можетъ быть съ пользою открыто имъ только въ возрастѣ болѣе зрѣломъ.

Но какъ ни ограниченно наше разумѣніе относительно судебъ Всевыш-

няго, мы однакожъ можемъ видѣть нѣкоторыя причины, по которымъ сокрыто отъ очей нашихъ зрѣлище вѣчности.

Вопервыхъ понимаемъ, что чѣмъ менѣе видимо намъ блаженство вѣчности, тѣмъ добродѣтель наша можетъ быть чище и безкорыстнѣе.

Добродѣтель, какой требуетъ отъ насъ Іис. Христосъ, не есть средство пріобрѣтать нѣкоторыя выгоды, это не расчетъ благоразумія: это любовь къ совершенству, имѣющая цѣль въ себѣ самой. Вы должны быть совершенны; говоритъ Іис. Христосъ, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Мат. 5, 48.); совершенны безъ видовъ корыстныхъ, не унижая добродѣтели до хитрой расчетливости, не ища цѣны совершенства внѣ самаго совершенства.

Раздавать милостыню изъ славолюбія; избѣгать вражды, чтобъ только жить пріятнѣе; помогать другимъ, чтобъ и отъ нихъ получить взаимную помощь; служить обществу для того только, чтобъ пріобрѣсть себѣ почетное имя; оказывать себя благосклоннымъ ко всякому, чтобъ нравиться людямъ: это ли собственно добродѣтель Христіанская? нѣтъ, это только благоразуміе, расчетливость для пріобрѣтенія себѣ большихъ выгодъ цѣною небольшихъ пожертвованій. *Аще любите любящихъ васъ, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творятъ? и аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите? не и язычницы ли такожде творятъ?* (Мат. 5. 46. 47.) — Избѣгать зла изъ страха наказанія: это опять благоразуміе, а не добродѣтель. Если кто не крадетъ потому только, что боится суда, назовется ли добродѣтельнымъ? кто поручится за его вѣрность, еслибъ не было ни темницъ ни казней? Такъ и тотъ, кто не грѣшитъ только по страху геенны, не есть еще истинно благочестивый; кто дѣлаетъ добро для одной награды въ жизни будущей, не имѣетъ еще совершенной святости, къ какой хочетъ привесть насъ Іис. Христосъ.

И такъ не милость ли это Божія, что отъ насъ сокрыта вѣчность? такимъ образомъ не видя предъ собою сокровищъ небесныхъ, ни всѣхъ ужасовъ геенны, и ходя здѣсь въ примракѣ вѣры, мы можемъ быть болѣе свободны отъ любви къ Богу наемнической и отъ страха рабскаго.

Вовторыхъ должно замѣтить и то, что, хотябы и раскрыта была намъ жизнь будущая, мы не могли бы, въ нынѣшнемъ состояніи, понять ея. Какъ уразумѣть предметы небесные находящемуся въ тѣсномъ кругу вещей земныхъ? какъ чувствами обнять духъ? съ чѣмъ будемъ сравнивать то, чего не видало око, не слыхало ухо, и что на сердце человѣку не восходило? (1 Кор. 2, 9.)

Еслибы кто захотѣлъ описать, слѣпому разнообразныя красоты какого нибудь мѣстоположенія, наприм. величіе горы, орошаемой при подошвѣ свѣтлыми струями рѣки и вѣнчаемой на вершинѣ облаками, позлащенными заходящимъ солнцемъ: въ какихъ словахъ далъ бы онъ понятіе объ этой чудной картинѣ тому, кто никогда не видѣлъ свѣта? Но мы, въ отношеніи къ чудесамъ будущаго, не тоже ли, что слѣпые отъ рожденія? — Одни небожители отверстыми очами видятъ предметы небесные. Еслибы кто изъ

нихъ явился намъ, чтобы разсказать о красотѣ безчисленныхъ обителей въ дому Отца небеснаго, описать состояніе душъ небесныхъ, свободныхъ отъ узъ земныхъ: могли ли бы мы соединить ясныя понятія съ ихъ словами?— Слѣпой, слыша непонятное для него описаніе красотъ природы, впадаетъ въ большее уныніе и скорбь. И наши сердца исполнились бы глубокою скорбію, когда бы мы услышали описаніе счастія, ни съ чѣмъ у насъ несравненнаго. Какъ скучными показались бы намъ тогда всѣ радости, которыя даруетъ намъ Богъ для услажденія здѣшней жизни!— Такъ! Богъ премудро устроилъ, сокрывъ отъ насъ сіяніе жизни будущей. Это сіяніе не для нашихъ слабыхъ очей; оно было бы намъ въ тягость, при настоящемъ устройствѣ чувствъ нашихъ и въ порядкѣ этой жизни.

Въ третьихъ должно припомнить обыкновенную нетерпѣливость нашу, съ которою мы желаемъ какъ можно скорѣе получить слишкомъ извѣстное, и близкое къ намъ благо. Еслибы блаженство небесъ было предъ нами открыто, то сколько людей поспѣшило бы къ нему всякими неправильными путями! сколько страдальцевъ, для того, чтобъ скорѣе насладиться благами другой жизни, забыли бы долгъ свой и самовольно оставляли бы міръ настоящій! Богу угодно, чтобъ мы до конца выполнили наше назначеніе земное, чтобъ не сходили съ этого поприща иначе, какъ прошедши его все и прошедши съ пользою. Потому-то Онъ поставилъ, какъ стража, предъ вратами вѣчности страхъ, молчаніе смерти и непроницаемый мракъ будущности.

Что бываетъ съ мореплавателями, когда они завидятъ берега отечественные? они забываютъ тогда всѣ дѣла и труды свои; каждая минута имъ кажется днемъ; они забываютъ самый порядокъ своей службы на кораблѣ и думаютъ только о томъ, чтобъ какъ можно скорѣе соединиться имъ съ своими родными, съ своими друзьями и знакомыми, давно ихъ ожидающими. Такъ забыли бы все и мы, моглибъ забыть самыя священныя обязанности наши, еслибъ мракъ будущаго не закрывалъ отъ насъ счастія вѣчности и жилища небеснаго.

Итакъ будь покойна, душа моя, и благодари Господа за то, что Онъ преждевременно не открываетъ тебѣ таинственнаго будущаго. Тихо и терпѣливо ожидай конца странствія твоего на земли. Будь увѣрена, что всеблагій Отецъ твой умѣетъ вознаградить вѣру и терпѣніе твое, что Онъ стократно и тысящекратно воздастъ тебѣ за все, чѣмъ ты здѣсь жертвуешь ему изъ любви и послушанія всесвятой волѣ Его. Тамъ съ радостію встрѣтишь ты тѣхъ, которые здѣсь составляли твою радость, и которыхъ потерю ты оплакала. Только идя неуклонно по указанному тебѣ пути, неся крестъ свой; укрѣпляй силы свои святостію слова Божія, и, одушевляемая духомъ Господа Іисуса Христа, слѣдуй Его внушенію, исполняйся тѣми святыми свойствами, которыя одни содѣлаютъ тебя гражданкою небесною и достойною блаженнаго безсмертія. Помни слово Господа: *буди вѣренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10).

Павелъ Ѳивейскій— первый пустынножитель Христіанскій.

Въ то время, какъ огнь и мечь, направленные свирѣпымъ Декіемъ противу Христіанъ, долженствовали повидимому совершенно истребить Церковь Божію на землѣ, промыслъ Божій, сокровенно отъ князей вѣка сего, полагалъ основаніе будущему величію и твердости ея: въ обширныхъ пустыняхъ Ѳиваиды возникало сословіе пустынножителей, которому назначено было Промысломъ довершить истребленіе язычества, даровать Христіанству образцы самыхъ высокихъ добродѣтелей и ненарушимо передать вѣкамъ грядущимъ православіе первобытной Церкви Апостольской.

Сынъ богатыхъ родителей, съ юности обученный всей премудрости земной— Павелъ, названный впослѣдствіи отъ своего мѣстопребыванія Ѳивейскимъ, оставивъ общества людей, по слѣдамъ Иліи и Іоанна, удалился, во время гоненія Декіева, въ пустыню. Ведомый Духомъ Божіимъ, онъ прошелъ чрезъ всю пустыню Ѳиваиды и поселился наконецъ при подошвѣ одной горы въ пещерѣ, какъ будто нарочно уготовленной для его подвиговъ. Здѣсь-то, среди дикой и мертвенной природы, въ бесѣдѣ съ Богомъ и Ангелами, въ слезахъ и молитвѣ, провелъ сей новый Илія около девяноста лѣтъ, не видя во все это время ни одного человѣка; и безъ сомнѣнія его глубокое самоотверженіе осталось бы неизвѣстнымъ міру, если бы Промыслъ самъ не поставилъ на свѣщницѣ сего великаго свѣтильника, который добровольно сокрылъ себя подъ сосудомъ (Матѳ. 5, 15).

Въ тойже пустынѣ Ѳиваидской, вдалекѣ отъ пещеры Павловой, съ давнихъ лѣтъ сокрылся отъ міра другой любитель безмолвія и уединенія— Антоній; вскорѣ другіе пожелали молиться со святымъ старцемъ и руководствоваться его наставленіями въ жизни духовной и такимъ образомъ вокругъ него возникла первая иноческая обитель. Тогда искусительная мысль— что жизнь ихъ есть совершеннѣйшій образецъ самоотверженія— возникла въ душѣ Антонія; но откровеніе Божіе увѣрило его въ противномъ, и старецъ пошелъ искать высшаго образца жизни иноческой. Давно отрекшійся отъ міра и людей, Павелъ долго нехотѣлъ являться и Антонію; наконецъ убѣжденный его настоятельною мольбою и слезами, открылъ входъ въ свою пещеру и привѣтствовалъ Антонія его именемъ, хотя дотолѣ никогда съ нимъ не видѣлся. „Чувствую, говорилъ онъ „ему, что приближилось время отъ„шествія моего изъ сего міра; Богъ „обѣщалъ мнѣ послать тебя и послалъ „для того, чтобы погребсти меня здѣсь, „гдѣ прожилъ я столько лѣтъ одинъ: „теперь возвратись въ твою обитель, „и принеси для покрытія моего грѣш„наго тѣла плащъ, подаренный тебѣ „Александрійскимъ Епископомъ Аѳанасіемъ.“ Съ скорбію и слезами Антоній разстался со св. Старцемъ и, возвратившись домой, на всѣ вопросы учениковъ своихъ отвѣчалъ только восклицаніями: бѣдный грѣшникъ! я нестою имени пустынника; я видѣлъ Илію, я видѣлъ Іоанна въ пустынѣ, я вѣдѣлъ Павла въ Раю!

Утромъ слѣдующаго дня, Антоній въ духовномъ видѣніи видѣлъ Павла восходящимъ на небо среди лика Ангеловъ, Апостоловъ и Пророковъ: однако спѣшилъ

исполнить его волю; проникнувъ въ пещеру, онъ нашелъ св. Старца колѣнопреклоненнымъ; но духъ его отлетѣлъ уже къ Богу,— Старецъ и умеръ, какъ жилъ— среди молитвы. Львы пустынные изрыли для него могилу: въ сообществѣ ихъ, незримо отъ людей, Антоній погребъ великаго и перваго пустынножителя Христіанскаго, и передалъ впослѣдствіи повѣсть о немъ братіи своей въ наставленіе.

Павелъ Ѳивейскій умеръ въ 341 году по Р. Х. Онъ не основалъ ни одной обители и не оставилъ никакихъ правилъ для отшельниковъ: но его примѣръ, его равноангельная жизнь дѣйствовали сильно на Христіанъ. Вскорѣ пустыни Ѳиваиды и Палестины покрылись обителями и процвѣли подвигами Антонія, Макаріевъ, Ѳеодосія, Евфимія, Саввы и многихъ другихъ.

Кто ны разлучитъ отъ любве Божія?

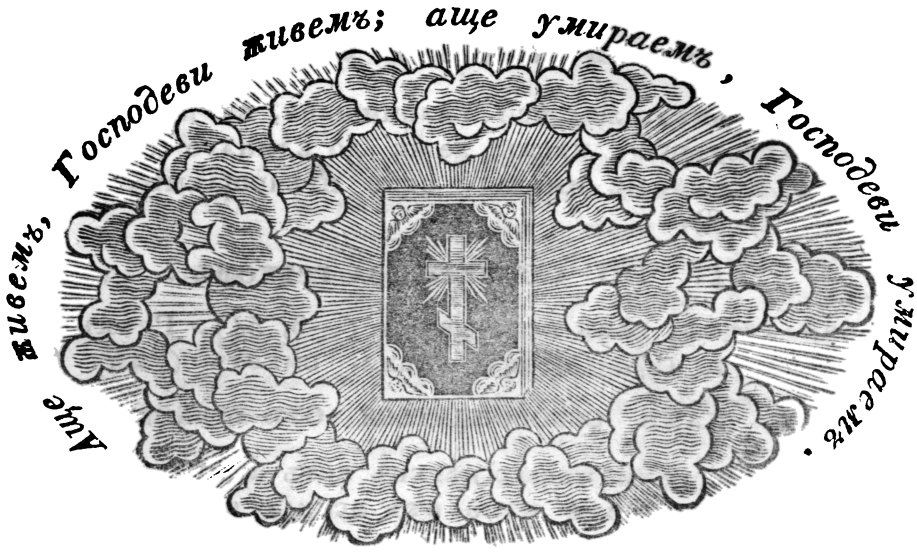
Когда Императрица Евдокія, озлобленная проповѣдническими обличеніями Іоанна Златоустаго, искала погубить его; онъ въ письмѣ къ Кириаку, своему священнику, слѣдующими словами засвидѣтельствовалъ свою вѣрность пастырскому служенію и твердость въ вѣрѣ: „Если Императрица повелитъ меня перепилить, пусть распилитъ; тоже было и съ Исаіею. Если захочетъ бросить меня въ море, пусть броситъ; я вспомню объ Іонѣ. Если ввергнетъ въ огненную пещь: я знаю трехъ отроковъ. Предастъ дикимъ звѣрямъ на растерзаніе? былъ преданъ имъ и Даніилъ во рвѣ львиномъ. Захочетъ отсѣчь голову? я буду имѣть въ томъ сообщникомъ Іоанна. Побить камнями? я найду ободреніе въ Стефанѣ. Захочетъ отнять всѣ блага и имущества? пусть отниметъ все: нагъ изыдохъ изъ чрева матере моея, нагъ и отыду. *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или глады, или нагота, или бѣда, или мечъ? во всѣхъ сихъ преподѣждаетъ за возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 35.).

Смиреніе вѣнецъ добродѣтелей.

Братъ спросилъ у одного Старца, какъ ему вести себя, чтобы спастись? Старецъ отвѣчалъ: „моли Бога, чтобы Онъ вложилъ въ твое сердце скорбь и смиреніе. Не осуждай никого. Убѣгай общества молодыхъ и легкомысленныхъ людей обоего пола. Удаляйся обращенія съ вольнодумцами. Не надѣйся на себя; будь осмотрителенъ и скроменъ въ рѣчахъ. Храни умѣренность въ пищѣ и питіи, а особливо въ употребленіи вина. Не входи безъ нужды въ споры. Кто говоритъ тебѣ правду, кротко изъявляй свое согласіе; если не справедливо, не вдавайся съ состязаніе, а замѣть только: не такъ.“—Чувствую справедливость твоихъ словъ, возразилъ братъ, но какъ научиться всему этому?— „смиреніемъ,“ отвѣтствовалъ Старецъ— и умолкъ.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 20 Іюля 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцевъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 21. НЕДѢЛЯ 13 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. АВГУСТА 21. 1838.

Апостолъ: 1 Кор. 16, 13—24. Евангеліе: Матѳ. 21, 33—42.

УЧЕНІЕ
СВ. ПИСАНІЯ О ГРѢХѢ.

I. ЧТО ЕСТЬ ГРѢХЪ?

Грѣхъ есть беззаконіе; всякъ творяй грѣхъ и беззаконіе творитъ (1 Іоан. 3, 4). Всяка неправда грѣхъ есть (5, 17).

II. КТО ПЕРВЫЙ ВИНОВНИКЪ ВСЯКАГО ГРѢХА?

Творяй грѣхъ, отъ діавола есть; яко исперва діаволъ согрѣшаетъ (1 Іоан. 3, 8).

III. КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ГРѢХЪ ВОШЕЛЪ ВЪ НАШЪ МІРЪ?

Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша (Рим. 5, 12).

IV. Какъ нынѣ происходитъ грѣхъ?

Кійждо искушается, отъ своея похоти влекомь и прельщаемь. Таже похоть, зачеши, раждаетъ грѣхъ (Іак. 1, 14. 15).

V. Есть ли человѣкъ безъ грѣха?—

Нѣсть праведенъ никто же: вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго (Рим. 3, 10. 12). Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ (1 Іоан. 1, 8).

VI. Что слѣдуетъ за грѣхомъ?

Всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха (—8, 34). Грѣхъ содѣянъ, раждаетъ смерть (Іак. 1, 15). Оброцы грѣха, смерть (Рим. 6, 23).

VII. Какъ освобождаться отъ грѣховъ?

Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды (1 Іоан. 1, 9). Аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведника. И той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и всего міра (—2, 1. 2).

VIII. Всякой ли грѣхъ можетъ быть прощенъ человѣку?

Всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ, а иже на Духа хула не отпустится человѣкомъ (Матѳ. 12, 31). Аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти, да проситъ, и дастъ ему животъ (1 Іоан. 5, 16).

IX. Въ Богѣ, или въ человѣкѣ причина, почему нѣкоторые грѣхи не отпускаются?—

По жестокости твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. 2, 5),— дающаго отмщеніе невѣдущимъ Бога и непослушающимъ благовѣствованія Господа нашего Іисуса Христа: зане любве истины не пріяша, во еже спастися имъ (2 Сол. 1, 8. 2, 10).

X. Грѣшитъ ли умышленно истинный христіанинъ?—

Всякъ, иже въ Немъ пребываетъ, не согрѣшаетъ; всякъ согрѣшаяй, не видѣ Его, ни позна Его. Всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ, яко сѣмя его въ немъ пребываетъ: и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть (1 Іоан. 3, 6. 9).

Слѣды нерукотвореннаго образа Божія въ человѣкѣ.

Самый растлѣнный человѣкъ можетъ находить въ себѣ слѣды первобытнаго образа Божія.

Онъ любитъ жизнь, (хотя, по невѣжеству, не духовную, а чувственную,) и желалъ бы продлить ее на всю вѣчность;

Любитъ истину, хотя токмо умозрительную;

Ненавидитъ неправду, хотя въ другихъ;

Любитъ похвалу, хотя безъ заслуги;

Завидуетъ добродѣтели и славѣ другихъ;

Боится и невольно уважаетъ мудрѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ;

Ничемъ земнымъ и временнымъ не удовлетворяется совершенно;

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываетъ величайшее самоотверженіе и идетъ на самую смерть небоязненно.

ПОУЧЕНІЕ. (*)

Братолюбіе да пребываетъ между вами. Евр. 13, 1.

Гдѣ же и быть братолюбію, какъ не во святой, чадолюбивой Христовой Церкви, между чадами ея, между братіями, между нами? мы связаны узами естества, связаны узами благодати: какъ же намъ не любить другъ друга любовію чистою, святою, благожелательною? мы имѣемъ единаго всеблагаго Отца — Бога, единую матерь — Церковь, чаемъ единаго наслѣдія, управляемся единымъ закономъ: какъ же намъ не любить другъ друга? Братіе о Господѣ! *Братолюбіе да пребываетъ между нами* нынѣ и присно, тѣмъ паче, чѣмъ многоцѣннѣйшія и многообильнѣйшія блага приноситъ намъ братолюбіе.

Взаимная братская любовь дѣлаетъ сладчайшими тѣ радости, кои Господь намъ посылаетъ. Ближній радуется моей радости, я радуюсь радости ближняго. Чувство радости бываетъ и живѣе и сильнѣе. Радуюсь я, что Богъ простилъ мнѣ какое-либо прегрѣшеніе; обрѣтаю душу мою, яко драхму погибшую. Стекаются ко мнѣ други и знаеміи о Господѣ, т. е. ищущіе спасенія, сорадуются мнѣ и радости моей придаютъ новую силу, новую жизнь. Ближній мой удостоился какого-либо дара благодатнаго. Его сердце играетъ, ищетъ сердца движимаго единымъ чувствомъ. Притекаю я на радость его, и его торжество становится живѣйшимъ.

Взаимная братская любовь облегчаетъ скорби, коимъ подвержена жизнь наша, услаждаетъ горести, коими исполнено бываетъ сердце наше. Меня постигаетъ искушеніе; печаль объемлетъ душу мою; горесть стѣсняетъ мое сердце: предъ кѣмъ излить чувства сердца, скорбію исполненнаго? какъ много можетъ облегчить душу благій совѣтъ, ближнимъ поданный? какъ много можетъ одно сострадательное участіе усладить горесть нашу? какъ легко можетъ уврачевать язвы сердца цѣлебный елей братской любви? Тѣ, коихъ сердца испытывали какія-либо горести жизни, опытно знаютъ, какъ дорого утѣшеніе, ближнимъ приносимое. Дорога милостыня во время скудости: дорого утѣшеніе — во время

(*) Преосв. Иліодора, Епископа Курскаго и Бѣлградскаго.

скорби. Поелику же скорби по тѣлу и душѣ почти безпрерывны: то какъ дорого должно быть для Христіанина братское общеніе, услаждающее горести жизни?

Взаимная братская любовь подкрѣпляетъ духъ нашъ въ борьбѣ со врагами спасенія нашего. На каждаго изъ Христіанъ нападаетъ многочисленное полчище враговъ: то плоть искушаетъ вожделѣніями, то міръ бросаетъ стрѣлы клеветы и зависти, то духъ злобы воздвигаетъ на него бурю скорбей. Въ сей опасной борьбѣ колико нужна помощь ближняго? коль потребно общеніе любви? *Братъ отъ брата помогаемъ* стоитъ, *яко градъ твердъ и высокъ* (Притч. 18, 19). Если и враги соединяются въ брани противъ избранныхъ Божіихъ: то какъ же избраннымъ Божіимъ чуждаться общенія и взаимнаго подкрѣпленія въ духовной брани противъ враговъ? Оружіе любви есть оружіе непреодолимое: кому же оно и сродно, какъ не тѣмъ, кои связаны любовію Христовою? Избранные Божіи, исходя на брань съ непріязненными силами ада, подъ водительствомъ Господа любви, съ крѣпкимъ оружіемъ любви, несомнѣнно бываютъ побѣдителями, несомнѣнно пріемлютъ вѣнцы нетлѣнные. Братіе! *братолюбіе да пребываетъ между нами*, дабы и мы въ день люта искушенія могли бодренно спать противу лукаваго и *угасити* водою любви *стрѣлы злобою разженныя* (Ефес. 6, 16).

Взаимная братская любовь благополезна и тогда, когда кто-либо изъ насъ впадаетъ въ прегрѣшеніе, и тогда, когда мы преуспѣваемъ въ подвигахъ вѣры и благочестія. Совратишься ли съ пути истины? Ближній укажетъ тебѣ стезю правую, стезю къ Богу. Падешь ли? благожелательный ближній поможетъ тебѣ возстать и принести покаяніе. Овладѣетъ ли сердцемъ твоимъ какая либо постыдная страсть такъ, что возложитъ на тебя, яко на плѣнника, тяжкія оковы рабства? Кто поможетъ расторгнуть оковы, отягощающія безсмертный духъ твой, если не благожелательный ближній? Ты въ подвигѣ добродѣтели пребываешь. Не дѣлается ли легчайшимъ трудный подвигъ добродѣтели, когда ты имѣешь сподвижниковъ? Не болѣе ли любезною становится добродѣтель, когда любовію къ ней плѣняются и мужи и жены, богатые и бѣдные, знатные и незнатные? Не привлекательнѣе ли бываютъ вѣнцы благочестію уготованные, когда чаще о нихъ разглагольствуютъ, когда къ исканію ихъ другъ друга возбуждаютъ?

Сообщая ближнему сокровище благихъ помышленій и чувствій, а равно пріемля отъ ближняго тожде сокровище, ты умножаешь и въ себѣ и ближнемъ *богатство духа — нетлѣнное, неувядаемое* (1 Петр. 1, 4.), снискаваешь и мудрость и крѣпость, яже отъ Духа святаго есть, умудряешься во спасеніе. Какое же благо выше спасенія души? Спасеніе души есть высочайшее наше благо: но сему способствуетъ общеніе Христіанской любви. Гдѣ братолюбіе пребываетъ: тамъ каждое благое намѣреніе, на пользу общества и Церкви, вѣнчается счастливымъ успѣхомъ. Не отъ добраго ли согласія мирныхъ гражданъ утверждаются престолы Царей, процвѣтаютъ царства, благоденствуютъ народы? Не отъ добраго ли общенія любви

чадъ святыя Церкви успѣшно созидаются святые храмы во славу всесвятаго имени Божія, украшаются благолѣпіемъ? Братіе! *святое братолюбіе да пребываетъ между вами. Приходяще къ камени живу*— Іисусу Христу—*и сами зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Петр. 2, 4. 5.)—вѣрою и любовію. Умоляю васъ братскою любовію, держитеся единаго ученія вѣры, единаго правила Христіанской любви, единаго Христа, единой Церкви. Бываютъ ли счастливы дѣти своевольные? уклоняющіеся отъ Церкви подъ разными предлогами суть дѣти своевольныя. Какого же можно ожидать плода отъ ихъ своеволія? гдѣ разрывается союзъ Христіанской любви: тамъ всякое нестроеніе. Гдѣ водворяется своеволіе: тамъ всякое зло неизбѣжно.

Братіе! по долгу и чувству любви Христіанской будемъ молитися объ обращеніи на путь истины тѣхъ, коихъ лукавый увлекъ на стезй неправомыслія, а сами да сохраняемъ единомысліе между собою, и *Богъ мира утвердитъ насъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ благѣ* (2 Сол. 2, 17). *Лучше*, несравненно лучше, *примѣститися*, по волѣ Владыки, *въ дому Его, нежели жити въ селеніяхъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 11.) по своеволію. Безопаснѣе, несравненно безопаснѣе, почивать на лонѣ матери—православной Церкви, итти путемъ, который Святые Отцы проложили, нежели вымышлять покоище внѣ Церкви, итти по стремнинамъ, ведущимъ къ пагубѣ. Аминь.—

ИСТИННЫЙ ХРИСТІАНИНЪ ЕСТЬ ЛУЧШІЙ ПОДДАННЫЙ.

Десять было, особенно кровопролитныхъ, гоненій на Христіанъ при языческихъ Императорахъ Римской Монархіи; но ни къ одному изъ сихъ гоненій не подали повода сами Христіане—своимъ преступленіемъ, либо непокорностію свѣтской власти.—Напротивъ, Христіане были самыми вѣрными, совѣстными и миролюбивыми подданными.—Они съ величайшею строгостію соблюдали государственныя постановленія; и только тогда, когда имъ приказывали отрекаться отъ Христіанской вѣры, преклонять колѣна свои предъ идолами и имъ молиться, говорили: „лучше повиноваться Богу, нежели людямъ.“

Во время гоненій, Христіанъ приводили въ судилища, поставляли предъ правителями и даже Царями.—Отъ нихъ требовали объясненія вразсужденіи ихъ вѣры, и они безъ страха отвѣчали: „мы Христіане, мы служимъ единому, вѣчному Богу; а ваши боги—мертвыя массы, и не имѣютъ ни жизни, ни силы.“ Ихъ изгоняли; а они говорили: „весь міръ для насъ—страна чуждая; одно небо—наше отечество“.—Ихъ покушались преклонить на свою сторону лестными обѣщаніями; а они говорили: „что лестнѣе, какъ возвѣщать хвалу Господа и славить имя Его?“ Имъ грозили ужаснѣйшими муками; а они возражали: „мы все сіе побѣждаемъ силою возлюбившаго насъ; ибо увѣрены, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начальства, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не разлучатъ насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ

(Рим. 8, 37—39)." Ихъ осуждали на смерть; а они благодарили Бога, что сподобились отдать жизнь свою за Его славу. Посему-то св. Кипріанъ взываетъ къ нимъ такъ: „подлинно, вы вѣрные свидѣтели Евангелія, истинные исповѣдники Христовы; вы на Его корнѣ возросли, на Его камнѣ основались, и твердо стоите на немъ.

Какъ совѣстно первые Христіане исполняли обязанности свои къ Богу, и своей святой, открыто исповѣдуемой, вѣрѣ; такъ же совѣстно подчинялись они и распоряженіямъ мірскаго правительства.—Они скорѣе соглашались терпѣть несправедливости отъ судей, нежели уничиженіемъ законовъ страны подать соблазнъ другимъ.— Они погашали всякое чувство возмущенія въ своихъ собственныхъ сердцахъ, и въ сердцахъ своихъ ближнихъ. Первые Христіане представляютъ намъ превосходнѣйшіе образцы терпѣливаго повиновенія власти— даже строптивой и неправосудной.— Они молились за Императоровъ— Язычниковъ, за Тиверія, Калигулу, Нерона, за сихъ (всѣхъ вмѣстѣ) кровожаднѣйшихъ чудовищъ; ибо они непрестанно помнили то, что написалъ Ап. Павелъ къ Римлянамъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога (Рим. 13, 1). Св. Іустинъ мученикъ въ первомъ письмѣ своемъ къ Императору Антонину, писанномъ въ защиту Христіанъ, выражаетъ сіи кроткія чувства слѣдующими словами: „Императоръ!— ты во всей Имперіи своей не имѣешь людей, болѣе миролюбивыхъ, какъ Христіане, коихъ вѣра учитъ, что отъ всевидящаго ока не можетъ укрыться ни доброе дѣло, ни злое, что за первое они должны ожидать вѣчнаго блаженства, за послѣднее— вѣчнаго наказанія.— Мы кланяемся единому Богу; но въ прочихъ дѣлахъ охотно повинуемся и вамъ.— Императоръ! мы признаемъ васъ владыками міра, и молимъ Бога, чтобы Онъ, съ величайшимъ могуществомъ, сообщилъ вамъ и лучшій способъ управленія."

Отличныя добродѣтели первыхъ Христіанъ тѣмъ удивительнѣе, что они стоятъ въ рѣзкой противоположности съ господствующими пороками и развращеніемъ тогдашняго времени.— Такова особенно была искренняя, братская любовь Христіанъ, коей не могли понимать холодные и своекорыстные язычники.— „Для нихъ удивительно, сказалъ одинъ изъ современниковъ, какимъ образомъ одинъ готовъ умереть за другаго; ибо они привыкли ко взаимной ненависти".— Поелику въ сіе время наводило большой страхъ все, что могло заключать въ себѣ политическую цѣль; то язычники опасались, чтобы религіозныя связи Христіанъ не послужили предлогомъ къ государственному перевороту, опасались тѣмъ болѣе, что для нихъ непонятно было, какъ чужестранецъ, при первомъ появленіи своемъ въ какомъ либо мѣстѣ, будучи извѣстенъ только какъ Христіанинъ, не только имѣетъ входъ ко всѣмъ Христіанскимъ фамиліямъ, но и находитъ у нихъ ласковый пріемъ себѣ, какъ братъ.—

Вопреки такому опасенію, Тертулліанъ, въ защитительномъ письмѣ своемъ къ Императорскому Намѣстнику въ Африкѣ, описываясь о Христіанахъ лучшимъ образомъ, говоритъ: „Мы молимся о благополучіи Императоровъ вѣчному, истинному, живому Богу, коего милости самимъ Императорамъ надлежало бы искать болѣе, нежели милости тѣхъ, которыхъ они именуютъ

богами. Молимся съ открытою головою, съ подъятыми горѣ руками и очами; — ибо мы нестыдимся; — безъ предварительно написанныхъ словъ, — ибо наша молитва сердечная, — мы непрестанно молимся о царѣ, о его долгоденствіи, о спокойномъ царствованіи, о домашней безопасности, о мужествѣ его воинства, о вѣрномъ совѣтѣ, о повиновеніи народа, о мирѣ и спокойствіи всего міра, и о всемъ томъ, что можетъ содѣлать счастливымъ народъ, какъ и Царя. — Просить сего я могу единственно у Бога, который, знаю, силенъ исполнить мое прошеніе, и, надѣюсь, исполнитъ оное, потому что я Его слуга, Ему одному покланяюсь, и въ служеніи Ему готовъ положить животъ свой. — Въ то время, какъ наши руки воздѣты къ Богу, пусть когти дикихъ звѣрей разтерзаютъ, ихъ ноги разтопчутъ всѣхъ насъ; пусть мы будемъ распяты на крестахъ, или сдѣлаемся пищею огня; пусть мечъ пронзитъ сердца наши; — молящійся Христіанинъ все сіе претерпитъ съ радостію. Какъ? — не уже ли вы, великодушные Властители! не уже ли вы захотите умертвить добраго подданнаго, который молится Богу за Царя? — Если бы вы помыслили, съ какою совѣстностію и вѣрностію Христіане платятъ свои оброки и подати, и какой великой ущербъ, распоряжаясь оными, дѣлаютъ общественной казнѣ, чрезъ свои ложныя донесенія, ваши служители; то вы не брали бы и въ разсчетъ того, что государство теряетъ изъ храмовыхъ доходовъ чрезъ распространеніе Христіанства. — Образъ Императора — на монетѣ — принадлежитъ Императору; а образъ Божій въ человѣкѣ — принадлежитъ Богу. — Мы ни въ чемъ такъ мало не учавствуемъ, какъ въ дѣлахъ государственныхъ. — Мы питаемъ вѣру свою наипаче словомъ Божіимъ, мы возлагаемъ свою надежду на Бога; мы соединены въ единое тѣло единымъ союзомъ вѣры, надежды и любви". — Можно бы привесть и еще болѣе свидѣтельствъ подобнаго рода; но на сей разъ мы довольствуемся приведенными, и просимъ Бога, да даруетъ Онъ и намъ, какъ нѣкогда первымъ Христіанамъ, силу доказать вѣру свою дѣлами своими, дабы и намъ было сказано въ оный великій день: Хорошо, добрый и вѣрный рабъ! ты былъ вѣренъ въ маломъ, — я поставлю тебя надъ многимъ; войди въ радость Господа твоего (Матѳ. 25, 21)!

ВѢРА И ЗНАНІЕ.

СВИДАНІЕ 1-е.

З. Здравствуй, почтенная старица! каково поживаешь?

В. Моя жизнь проста: вѣрую и существую.

З. Нехудой силлогизмъ за триста лѣтъ назадъ.

В. Единственный и на три тысячи лѣтъ впередъ.

З. Мы съ тобою, какъ ни увидимся, такъ и заспоримъ.

В. Вольно идти всегда напротивъ.

З. Да такъ лежитъ дорога.

В. Богъ знаетъ, такъ ли... А когда такъ, то помолиться бы съ Давидомъ и сказать: *путь неправды отстави отъ мене!*...

З. Что ты говоришь?

В. Я желаю тебѣ, чего пожелала бы твоя мать родная.

З. Далеко намъ до родства.

В. Незавидный признакъ знанія, когда

дѣти забываютъ матерей.

З. Что ты этимъ хочешь сказать?

В. Ничего болѣе, какъ напомнить о твоемъ происхожденіи.

З. Моемъ происхожденіи? Да что оно имѣетъ съ тобою общаго? Ты вѣра, а я знаніе!—

В. Знаю, что ты—знаніе: однакожъ скажи пожалуй, кто твой родитель?—

З. Мой родитель!.. Да къ чему это?— Я, говорятъ, произошло отъ сомнѣнія

В. То-то: *говорятъ!* ты уже ничего не видя— а вѣруешь.

З. Чтожъ, когда такой законъ природы, что нельзя быть гостемъ на своихъ родинахъ.

В. Опять вѣра, только въ другомъ видѣ...

З. Полно шутить.

В. Да развѣ ты боишься вѣры?—

З. Не то, что боюсь; но и любить не за что: вѣра—уничтожаетъ меня.

В. Скажи лучше, даетъ тебѣ жизнь.

З. Благодарю покорно—жизнь отъ вѣры!—

В. Чтожъ, если я скажу, что и родительница твоя была—подобная мнѣ—вѣра же

З. Вѣра?..—Вѣра?—Послѣ этого, или я—невѣжество, или ты—невѣріе.

В. Можетъ быть и такъ (въ половину).

З. Да на чѣмъ ты основываешь (если основываешь) свой парадоксъ?—

В. У меня нѣтъ парадоксовъ: я вѣрую и утверждаю.

З. Знаю, что это твое повѣрье. Но, какъ же знаніе отъ вѣры?

В. Знаніе, знаніе!— давно ли ты стало знаніемъ?—

З. Съ тѣхъ поръ, какъ знаю!—

В. А вдругъ ли ты все узнало?

З. Разумѣется не вдругъ.

В. Стало быть начало знать съ малаго?—

З. Да.

В. Съ самаго меньшаго?

З. Да.

В. Съ. А и Б?—

З. Да.

В. А почему ты узнало, что А есть А, а Б есть Б?—

З. Такъ сказывалъ учитель.

В. Хорошо: но за чѣмъ же ты этому повѣрило? Учитель ведь не доказывалъ тебѣ этого?

З. Нѣтъ.

В. А ты, Знаніе, вдругъ и повѣрило?

З. Какъ же не повѣрить? иначе я ничему бы не выучилось, и ничего бы не узнало.

В. Совершенная правда. Но смотри же теперь само, видишь ли—откуда ты?

З. А, такъ это ты хотѣла сказать, когда причиталось мнѣ въ родню?—

В. Между прочимъ и это.

З. Пожалуй, я не прочь отъ тебя: только не упреждай моего сужденія.

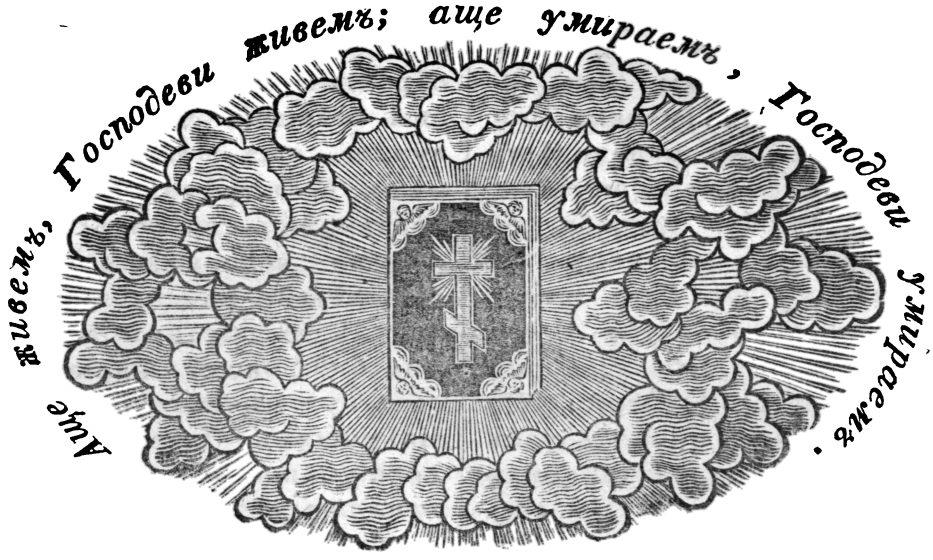
В. Думай, сколько хочешь: вѣра никогда не спѣшитъ, и не навязываетъ знанія: только помни, что *знаніе отъ вѣры, и безъ вѣры нѣтъ и не можетъ быть знанія*.

З. Не спорю покамѣстъ.—

В. Довольно же напервой случай: прощай!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 27 Іюля 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцовъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 22. НЕДѢЛЯ 14 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. АВГУСТА 28. 1838.

Апостолъ: 2 Коринѳ. 1, 2—24. 2, 1—4. Евангеліе: Матѳ. 22, 1—14.

ИЗЪ ЗЛАТОУСТА.

О ТОМЪ, КАКЪ ХРИСТІАНАМЪ ДОЛЖНО ОБРАЩАТЬСЯ СЪ НЕВѢРНЫМИ.

Спросишь: ужели не должно ненавидѣть враговъ и язычниковъ? конечно должно ненавидѣть, но не ихъ, а ихъ ученіе, не человѣка, но порочное дѣйствіе и развращенную волю. Человѣкъ есть твореніе Божіе, а заблужденіе происходитъ отъ діавола. И такъ, не смѣшивай твореній Божіихъ съ дѣлами діавольскими. Іудеи поносили, оскорбляли Христа и приписывали Ему множество пороковъ, но ненавидѣлъ ли ихъ Павелъ,—Павелъ, который любилъ Христа болѣе всѣхъ? нѣтъ! на противъ, онъ любилъ ихъ и болѣе всего объ нихъ заботился. Такъ онъ говорилъ: *Благоволеніе и молитва моя къ Богу по Израили есть во спасеніе* (Рим. 10, 1). *Молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 3). И Іезекіиль, видя Іудеевъ убиваемыхъ, говорилъ: *Увы мнѣ Господи! потребляеши ты останки Израилевы* (Езек. 9, 8). Моисей тоже умолялъ Бога о Израили: *аще убо оставиши имъ грѣхи, остави* (Исх. 32, 32). Что касается до Христіанъ, то отъ нихъ требуется еще высшее любо-

мудріе. Такъ, когда ученики просили, І. Христа, чтобы огнь, какъ нѣкогда во времена Иліи, сошелъ на весь, непринявшую Спасителя; то Христосъ отвѣчалъ имъ: *невѣсте, коего духа есте вы* (Лук. 9, 25). Въ прежнее время Іудеямъ повелѣно было не только ненавидѣть нечестіе, но и самихъ — нечестивыхъ, съ тою цѣлію чтобы дружба съ ними не послужила поводомъ къ беззаконію. Потому-то Богъ запрещалъ родственныя и другія связи съ язычниками и со всѣхъ сторонъ оградилъ отъ нихъ Іудеевъ. Но теперь, поелику Богъ привелъ насъ къ высшему любомудрію, и устранилъ оную опасность; то повелѣваетъ принимать и ущѣпать ихъ. Ибо отъ нихъ мы неполучаемъ вреда, а имъ доставляемъ пользу.

Если ты будешь ненавидѣть: то какъ можешь обратить заблуждающаго, какъ будешь молиться о невѣрномъ? А тебѣ надобно молиться о немъ: ибо послушай, что говоритъ Павелъ: *Молю прежде всѣхъ творити моленія молитвы, прошенія благодаренія зався человѣки* (1 Тим. 2, 1). Но всякому извѣстно что тогда не всѣ были вѣрные. Далѣе, *за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть:* но и они были тогда беззаконны и нечестивы. Потомъ, излагая причину молитвы, доказываетъ: *сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити.* По той же причинѣ Павелъ не хотѣлъ, чтобъ бракъ былъ расторгаемъ, когда язычница выходила въ замужство за вѣрнаго. А что ближе мужа къ женѣ? *будутъ*, говоритъ Писаніе, *два въ плоть едину* (Быт. 2, 24). Если же мы будемъ ненавидѣть нечестивыхъ: то, простираясь далѣе, станемъ ненавидѣть и грѣшниковъ, а такимъ образомъ болѣе и болѣе отдѣлимся отъ большей части братій, или лучше, отъ всѣхъ. Нѣтъ, — никого нѣтъ безъ грѣха. Если уже должно ненавидѣть враговъ Божіихъ: то должно ненавидѣть не только нечестивыхъ, но и грѣшниковъ; въ семъ случаѣ мы будемъ хуже звѣрей, и подобно оному Фарисею, по гордости, будемъ отвращаться отъ всѣхъ. Напротивъ Павелъ не такъ велѣлъ поступать, но заповѣдывалъ: *вразумляйте безумныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (1 Сол. 5, 14). Спросишь ты, какъ же онъ говоритъ: *Аще кто не послушаетъ словесе нашего, посланіемъ сего назнаменуйте и не примѣшайтесь ему?* (1 Сол. 3, 14). Правда это сказано о братіяхъ: однако не просто безъ ограниченія, но съ кротостію. Ибо, не прерывая словъ Апостола, сообрази то, что сказано далѣе. Сказавши, *не примѣшайтесь*, онъ прибавилъ: *и не яко врага имѣйте его, но наказуйте яко же брата.* Видишь ли, какъ онъ повелѣваетъ ненавидѣть худое дѣло, а не человѣка? такъ! разрушать связь между людьми есть дѣло діавола, который сильно старается истребить между нами любовь, для того чтобы пресѣчь путь къ исправленію, и удержать того въ заблужденіи, а тебя во враждѣ, и такимъ образомъ заградить и тебѣ и ему путь ко спасенію. Если врачъ будетъ ненавидѣть и убѣгать боля-

щаго, а болящій отвращаться отъ врача: то можетъ ли болящій выздоровѣть, когда ни онъ не будетъ призывать врача, ни врачь не будетъ приходить къ нему? но почему, спрашиваю тебя, ты отвращаешься и убѣгаешь грѣшника? По тому ли, что онъ нечестивъ? но по этому—то и должно приходить къ нему: надобно лѣчить, чтобъ уврачевать больнаго. Хошябъ онъ страдалъ даже неисцѣлимою болѣзнію: однако ты имѣешъ повелѣніе дѣлать свое дѣло, сколько можешь. Іуда также одержимъ былъ неизлѣчимою болѣзнію; но Богъ не переставалъ врачевать его. По сему и ты также не ослабѣвай. Хотя, приложивъ все стараніе ты и не освободишь его отъ нечестія: однако получишь награду такъ, какъ будто успѣшно выполнилъ свое дѣло, заставишь невѣрнаго еще удивляться твоей снисходительности, и такимъ образомъ прославишся Богъ. Положимъ что ты производишь чудеса, воскрешаешь мертвыхъ, и дѣлаешь другое что либо подобное: однако язычники никогда не будутъ удивляться тебѣ столько, какъ тогда, когда увидятъ тебя кроткимъ, снисходительнымъ и показывающимъ пріязнь. А это не малый подвигъ добродѣтели; ибо многіе изъ нихъ отстанутъ такимъ образомъ наконецъ отъ порока, потому, что ни что такъ неможетъ привлечь къ добродѣтели какъ любовь. За чихъ, я разумѣю за знаменія и чудеса, они станутъ еще съ завистію преслѣдовать тебя, а за любовь будутъ уважать и любить тебя, а любя примутъ мало по малу и истину.—

ЖИЗНЬ ХРИСТІАНИНА ВО ХРИСТѢ.

Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ (Гал. 2, 20). Такъ говоритъ о себѣ св. Апостолъ Павелъ; такъ жить,— жить въ духѣ Іисуса Христа, сознавать въ себѣ Его Божественную жизнь,— долженъ и всякій совершенный Христіанинъ. *Аще кто духа Христова не имать, сей нѣсть Его* (Римл. 8, 9).

Что значитъ жить въ духѣ Іисуса Христа, имѣть жизнь Его въ себѣ, жить во Христѣ? значитъ исполняяться чувствованіями, подобными Его святѣйшимъ чувствованіямъ, любить Бога и человѣковъ такъ, какъ, по сказанію Евангельскому, любилъ Онъ, смотрѣть на міръ и на назначеніе человѣка, здѣсь и по ту сторону гроба, какъ смотрѣлъ Онъ. *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ* (Фил. 2, 5).

Предъ взоромъ того, въ комъ обитаетъ божественный духъ Христовъ, исчезаютъ всѣ призраки, порожденные обольщеніями чувственности; онъ различаетъ видимость отъ существеннаго и не находитъ болѣе противорѣчій въ произшествіяхъ жизни, которой всѣ части прежде темныя, для него проясняются; онъ не видитъ болѣе во гробѣ страшнаго владѣнія смерти: онъ увѣренъ, что здѣсь и тамъ живетъ Іис. Христосъ, Владыка жизни и побѣдитель смерти. Бѣдствія не сокрушаютъ его духа; болѣзни, поражая смертную природу его, не возмущаютъ въ немъ существа безсмертнаго. По слѣдамъ своего Спасителя и Господа, онъ идетъ съ любовію, и готовъ предать душу свою въ руки Его— съ радостію.

Іис. Христосъ, говоря о Богѣ, имѣлъ въ виду Отца ко одному народу

Іудейскому, а всеобщаго Отца, котораго безмѣрная любовь объемлетъ всѣ свои творенія.

Представляешь ли ты себѣ, Христіанинъ, Бога въ этомъ величіи, съ этой возвышенной точки зрѣнія? правда, ты часто призывалъ Его подъ именемъ Отца; но какъ любилъ ты Его? Не такъ ли, какъ только твоего отца, покровителя твоему семейству и друзьямъ твоимъ? Ты не вполнѣ представлялъ его себѣ какъ Отца всѣхъ человѣковъ и всѣхъ Его тварей. Иначе, какъ просилъ бы ты у Него того, что полезно тебѣ одному, а вредно другому? Какъ, въ молитвѣ своей, забывалъ бы счастіе прочихъ существъ? Какъ испрашивалъ бы духа святыни, духа любви, а потомъ мучилъ бы подобныхъ себѣ изъ корыстолюбія, унижалъ бы ихъ по гордости?

Отче нашъ! — такъ научилъ насъ призывать Бога Іис. Христосъ, и самъ Онъ молился за всѣхъ человѣковъ и за самыхъ враговъ своихъ. Между тѣмъ есть Христіане, хвалящіеся истиннымъ Богопознаніемъ, которые преслѣдуютъ ненавистію тѣхъ, которые не однихъ съ ними мнѣній, не одного съ ними вѣроисповѣданія! Они забыли, что Богъ ихъ есть Богъ и Іудеевъ и язычниковъ, что Онъ о всѣхъ милосердуетъ и всѣхъ хощетъ привесть въ царство Сына любве своея.

Іис. Христосъ смотрѣлъ на все твореніе какъ на одно цѣлое. Онъ называлъ вселенную домомъ Отца своего, гдѣ есть обители для всѣхъ существъ разумныхъ, какъ чадъ Его (Іоан. 14, 2).

Хочешь ли ты жить въ Іис. Христѣ? Составь себѣ о вселенной сію же возвышенную и единственно истинную идею. Что смотришь ты на землю, какъ на единственное жилище духа твоего и на вещи земныя, какъ истинныя, необходимыя сокровища для души твоей? Нѣтъ! въ пространствахъ вселенной есть милліоны лучшихъ обителей, которыя совершеннѣе земли нашей, и есть высшій, невидимый намъ, міръ духовный, несравненно лучшій, прекраснѣйшій міра видимаго: и все это одинъ домъ Отца нашего!

Если бы ты мыслилъ подобно Іис. Христу; то привязывался ли бы къ землѣ, какъ будто Богъ обитаетъ только на ней? Трепеталъ ли бы ты при мысли о смерти, какъ будто душа твоя, оставляя свое жилище земное, со всѣмъ изгоняется изъ пространнаго дома отеческаго? Плакалъ ли бы неутѣшно при гробѣ твоихъ любезныхъ, какъ бы они все теряли, оставивъ преходящія радости настоящей жизни? Уже ли ты не знаешь, что удалясь отъ тебя, они не удаляются изъ дому Отца нашего? Можетъ ли быть существенное раздѣленіе для тѣхъ, которые живутъ въ одномъ дому отеческомъ? Смерть братій нашихъ есть только путешествіе, которое предприняли они для посѣщенія другихъ членовъ великаго семейства Божія.

Іис. Христосъ смотрѣлъ на всѣ разумныя существа, сотворенныя по образу Божію, какъ на своихъ братьевъ, и весь родъ человѣческій почиталъ однимъ семействомъ. *Иже аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ, той братъ мой, и сестра, и мати ми есть* (Матѳ. 12, 49). Такимъ образомъ Онъ не поставлялъ истиннаго родства въ связяхъ крови, но въ сходствѣ и еди-

ненiи душъ между собою и съ Богомъ. Онъ пришелъ въ мiръ даровать намъ счастiе, не какъ существамъ просто тѣлеснымъ, но какъ существамъ назначеннымъ для жизни духовъ; Онъ основалъ не земное царство, а небесное, для спасенiя душъ человѣческихъ, и не усвоялъ предметамъ чувственнымъ цѣны непомѣрной. Скорбiю исполнялось Его сердце, когда Онъ видѣлъ людей все дѣлающихъ для одного тѣла и удовольствiй внѣшнихъ, и очень мало— для внутренняго, духовнаго существа своего. И Онъ часто, и въ многоразличныхъ выраженiяхъ, повторялъ имъ: вы сотворены не для того, чтобъ жертвовать существомъ нетлѣннымъ, которое живетъ въ васъ, предметамъ тлѣннымъ, которые внѣ васъ. Вы не созданы для того, чтобъ заботиться о красѣ одеждъ, о богатствѣ, о честяхъ и достоинствахъ земныхъ: все это только средства, данныя вамъ Богомъ, чтобы вы употребляли ихъ согласно съ волею Божiею и трудились для блага братiй своихъ. Что пользы человѣку, аще мiръ весь пріобрящетъ, душу же свою опщетитъ?— Вы неможете работать Богу и мамонѣ (Мат. 6, 24). Неможете заключить вашихъ мыслей и желанiй въ наслажденiяхъ жизни земной, и, въ тоже время, трудиться для спасенiя душъ своихъ.

Такъ мыслилъ, такъ училъ и жилъ Iис. Христосъ. Не много значили для Него богатство и бѣдность. Источникъ Его счастiя былъ въ душѣ Его. Онъ часто не имѣлъ гдѣ главы подклонити; но этого не почиталъ Онъ несчастiемъ. Народъ хотѣлъ возвесть Его на престолъ Давидовъ; но Онъ уклонялся и скрывался отъ такихъ желанiй народа, мечтающаго объ одномъ величiи земномъ. Взирая къ небесному и вѣчному, духъ Его не былъ привязанъ ни къ чему земному и временному. Онъ не пощадилъ для блага человѣковъ самой жизни своей: съ небольшимъ 30 лѣтъ провелъ Онъ въ здѣшней жизни, и предалъ жизнь свою въ жертву для искупленiя человѣчества. Убiйцы могутъ, говорилъ Онъ, убить тѣло, но не могутъ умертвить души. Познай же, Христiанинъ, что все что есть у тебя внѣ, тлѣнно или смертно, а что въ тебѣ, то нетлѣнно и безсмертно. И потому, пока духъ твой въ тѣлѣ, исполняй обязанности относительно природы чувственной; но выше всего поставляй обязанности къ душѣ твоей. Пользуйся земными благами; но не дѣлай изъ нихъ существенной потребности для духа. Когда ты лишаешься удовольствiй, теряешь временныя выгоды, видишь смерть любимой тобою особы, и это производитъ въ тебѣ неутѣшную скорбь; то, значитъ, духъ твой еще не возвышенъ къ свободѣ истинной, а порабощенъ чувственному. Тогда нѣтъ въ тебѣ святыхъ мыслей и чувствованiй Iис. Христа.

Ты нехочешь освободить самъ себя отъ мiрскихъ привязанностей? Но время будетъ отнимать у тебя удовольствiя за удовольствiями, и дастъ невольно почувствовать тебѣ, что ничто не остается у тебя на всегда, кромѣ тебя самаго. Посмотри на твой домъ, на твое имѣнiе: быть можетъ, въ немногiе годы все это будетъ похищено огнемъ, войною или другими бѣдствiями. Посмотри на твое тѣло: быть можетъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно будетъ на ложѣ, сокрушенное болѣ-

знію и обезображенное. Посмотри на твоего отца, на твою мать, на супругу или супруга, на дѣтей твоихъ, на всѣхъ любимыхъ тобою: быть можетъ, въ теченіе этого же года ты будешь провожать гробъ ихъ. Души ихъ, любящія тебя, остаются: а тѣла ихъ возвращаются въ землю, изъ которой они взяты.

И такъ если ты хочешь пріять образъ мыслей и чувствованій Іис. Христа, то представляй себѣ Бога Отцемъ всѣхъ твореній, вселенную какъ одинъ домъ отеческій и всѣхъ человѣковъ какъ браній твоихъ, и сообразно съ сими высокими идеями провождай жизнь твою. Воодушевленный сколь высокими мыслями и чувствованіями, можешь ли ты унизить себя до страстей низкихъ и ненавидѣть человѣковъ, которыхъ Отца ты призываешь? можешь ли также неутѣшно скорбѣть о потерѣ близкихъ къ твоему сердцу, или трепетать при мысли о своей смерти, когда ты совершенно увѣренъ, что души не престаютъ обитать въ дому Отца? Будешь ли высоко цѣнить земное счастіе и всѣ мірскія преимущества, зная что все это спарѣетъ и вешаетъ подобно одеждѣ? Напротивъ, не долженъ ли ты всегда жить и дѣйствовать въ духѣ вѣры, упованія и любви Іисусъ Христовой?

О! буди жизнію моею, Спаситель и Господь, Слово открывающее намъ Отца, вождь заблуждшихъ душъ, Свѣтъ духовнаго міра! Да будетъ жизнь твоя моею жизнію; мысли твои да будутъ мыслями моими, желанія и чувствованія мои — подобными твоимъ святымъ желаніямъ и чувствованіямъ, и молитва моя да будетъ подобна твоей молитвѣ. Тогда, при всѣхъ злоключеніяхъ, я буду въ силахъ сохранять спокойствіе и миръ души. При видѣ самыхъ лютыхъ страданій, я буду молиться: Отче мой! аще возможно, да мимо идетъ отъ мене чаша сія! и въ тоже время присовокуплю: обаче не моя воля, а твоя да будетъ! Въ глубокомъ смиреніи, я покорюсь всесвятой волѣ Отца небеснаго, съ преданностію сына поклонюсь Ему, и возвеселюсь, сознавая, что я всегда принадлежу Отцу моему. Такимъ образомъ я могу сказать вмѣстѣ со всѣми истинно любящими Господа: *никтоже насъ себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ; аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. 14: 7. 8).

Не одолжайте совѣтами Господа Бога нашего.

Іюд. 8, 16.

Такимъ образомъ не въ 18-мъ только и 19-мъ столѣтіи, а и во времена Юдифы, не въ Парижѣ только, или Лейпцигѣ, а и въ бѣдномъ и маломъ Веѳилѣ были люди, кои позволяли себѣ безразсудную дерзость давать совѣты самому Господу Богу, и даже считать это за одолженіе! — такъ склоненъ человѣкъ совѣтовать! О, если бы онъ такъ склоненъ былъ принимать благіе совѣты, по крайней мѣрѣ отъ самаго Господа Бога! — Бѣдный человѣкъ, къ сожалѣнію, и въ самомъ дѣлѣ весьма склоненъ принимать совѣты: но, отъ кого? — отъ змія губителя, который доселѣ всѣмъ и каждому твердитъ: *не смертію ум-*

рете; будете, яко боги;— отъ плоти и крови, кои непрестанно шепчутъ въ уши: *ямы и піемы; утрѣ бо умремъ*. Наслушавшись сихъ-то пагубныхъ совѣтовъ, человѣкъ, какъ бы въ вознагражденіе себѣ, хочетъ потомъ и самъ быть совѣтникомъ;— и кому же? *Господу Богу!*

Кто хочетъ одолжать совѣтами Бога?—

Богословъ, который полагаетъ самъ и силится доказать для другихъ, что дѣло спасенія падшаго рода человѣческаго моглобы обойтись безъ крестной смерти за грѣхи людей Сына Божія, что для сего достаточно проповѣди, покаянія, и милосердія Божія.

Философъ, который отчаянными теоріями силится показать, что міръ долженъ былъ произойти изъ Бога такимъ, а не другимъ образомъ;— что управленіе вселенною должно происходить не по другимъ какимъ-либо законамъ, какъ по тѣмъ, кои чертитъ наша земная мудрость.

Политикъ, который своими соображеніями думаетъ обнять все будущее, подвести подъ выкладки всемірныя событія, дать направленіе царствамъ и народамъ, означить своимъ именемъ свой вѣкъ.

Всякой человѣкъ, который подобно старѣйшинамъ Веениѣскимъ, (Юдиф. 8, 11) ожидаетъ увидѣть въ судьбѣ своей участіе провидѣнія Божія непремѣнно въ извѣстномъ, ему угодномъ, видѣ, а въ случаѣ не полученія того или другаго блага, думаетъ, что онъ оставленъ Богомъ.

Какъ доходятъ до безумной дерзости совѣтовать Богу?— Путемъ, по видимому, вѣденія, а въ самомъ дѣлѣ невѣжества. Воображаютъ, что видятъ все насквозь; а въ самомъ дѣлѣ не видятъ самой первой истины, что Богъ видитъ безконечно болѣе всѣхъ насъ, что пути Его отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли.

Кто уразумѣ умъ Господень?— кто посему и *совѣтникъ Ему бысть?—*

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ФИВІИ— ПЕРПЕТУИ И ФЕЛИЦІИ (*).

По смерти Святаго Мученика Поликарпа, Епископа Смирнскаго, намѣстниками Провинцій воздвигнуто было въ Римской Имперіи новое на Христіанъ гоненіе, которое съ особенною силою обнаружилось въ Африкѣ. Въ числѣ многихъ Мучениковъ, пострадали здѣсь за вѣру;— въ правленіе Императора Септимія Севера, 203 года;— двѣ Христіанки, удивившія своимъ мужествомъ и твердостію духа самихъ мучителей. Одна изъ нихъ, Фивія— Перпетуа, принадлежала къ знатнѣйшей фамиліи одного Мавританскаго города, получила отличное воспитаніе и находилась въ замужествѣ, приличномъ своему происхожденію. Она была въ цвѣтущемъ возрастѣ, двадцати двухъ лѣтъ, имѣла отца, мать, двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ, какъ и она сама, былъ только оглашенъ святымъ ученіемъ Евангельскимъ, и одного сына, грудного младенца. Другая, Фелиція, была изъ состоянія рабовъ. Ее, Фивію и другихъ нѣкоторыхъ Христіанъ:— Сатура, Ревоката, Сатурнила и Секундула, взяли въ одно время и въ одномъ мѣстѣ и отвели въ Карѳагенъ. Едва Перпетуа

(*) Historiae Ecclesiasticae veteris monumenta praecipua Vol 1 p. 1. Berolini 1820.

была взята подъ стражу, какъ Христіанка, отецъ ея,— знатный гражданинъ своего города и преданный языческимъ Богамъ,— поспѣшилъ къ ней съ намѣреніемъ заставить ее отрещись Христіанства. Причиною сего были: отчасти родительская нѣжность, отчасти стыдъ, что смерть дочери положитъ пятно на его фамилію. Послѣ продолжительныхъ и усильныхъ увѣщаній его, Фивія наконецъ сказала: „Отецъ мой! видишь ли эту чашу?“ Вижу, отвѣчалъ онъ. „Можно ли, продолжала она, назвать ее иначе, нежели какъ называютъ?“ Нѣтъ, сказалъ онъ. „Такъ, могу ли я, будучи Христіанкою, называть себя иначе?“ При семъ несчастный отецъ вышелъ изъ себя. Его гнѣвъ не находилъ границъ; съ неистовствомъ бросился онъ на свою дочь и, послѣ ужаснаго тиранства, оставилъ ее. Чрезъ нѣсколько дней за тѣмъ, Фивія получила святое крещеніе. Положеніе ея въ темницѣ было ужасно, доколѣ Діаконы Терцій и Помпоній деньгами не упросили начальника темницы дать ей мѣсто болѣе сносное.

Во время своего заключенія Фивія имѣла видѣніе, въ которомъ открывалась будущая ея участь. Она видѣла мученическую свою кончину подъ образомъ лѣствицы, которая вела на небо, и которая по обѣимъ сторонамъ обставлена была копьями, мечами, кинжалами и всякими орудіями насильственной смерти, такъ что по ней не иначе можно было итти, какъ съ величайшею осторожностію. Внизу лѣствицы лежалъ ужасный драконъ. Тутже видѣла она, какъ по лѣствицѣ всходилъ мученикъ Сатуръ, и слышала какъ онъ съ высоты ея взывалъ: „Перпетуа! Я ожидаю тебя. Во имя Іисуса, гряди на дракона“. Примѣръ и гласъ Сатура одушевили ее. Она смѣло ступила на голову дракона, страшно изгибавшагося у ногъ ея, и узрѣла себя на небѣ, у Христа, среди Святыхъ.

Послѣ этаго видѣнія, скоро пронесся слухъ, что она должна итти на судъ съ прочими, заключенными съ нею, Христіанами. Это опять привело ея отца въ темницу, и онъ говорилъ, повергшись къ ея ногамъ, обливаясь слезами и лобызая ея руки: „Дочь моя! сжалься надъ моими сѣдинами; сжалься надъ твоимъ бѣднымъ отцемъ, если я могу называться имъ.... Не сіи ли дрожащія руки носили и лелѣяли тебя до цвѣтущаго твоего возраста?... Я любилъ тебя болѣе всѣхъ твоихъ братьевъ; не предавай же меня позору и презрѣнію!“ Сѣдины отца, его слезы и просьбы привели въ жалость сердце страдалицы, но не поколебали ея твердости. Рыдая вмѣстѣ съ нимъ, она утѣшала его: „Любезный отецъ мой! мы находимся во власти Божіей, а не своей... Что угодно Ему, то и будетъ!“ На другой день ее повлекли предъ судилище. Великое множество народа стекалось туда отвсюду. Христіане должны были исповѣдывать предъ градоначальникомъ свою вѣру; дошла очередь и до Фивіи. Въ это время отецъ ея внезапно явился изъ толпы съ грудным ея младенцемъ. „Сжалься, говорилъ онъ со слезами, сжалься надъ своимъ дитятемъ!“ Плачевный видъ старика, обливающаго слезами малолѣтняго младенца, тронулъ и самаго Судію, и онъ сталъ уговаривать ее: „пощади сѣдые волосы твоего отца, сжаль-

ся надъ своимъ сыномъ; принеси жертву Императору!“ Но когда она мужественно отвѣчала, что, какъ Христіанка она сего не сдѣлаетъ: то ее осудили, бросить дикимъ звѣрямъ. Послѣ сего ее опять отвели въ темницу. Сострадательные Христіане, движимые любовію, посѣщали ее во множествѣ.— Начальникъ темницы, постоянно наблюдавшій чистоту и святость ихъ поведенія, былъ наконецъ побѣжденъ и самъ силою вѣры Христіанской, и потому давалъ всевозможное послабленіе своимъ узникамъ.

Фелиція, заключенная въ темницу беременною, боялась, чтобы это обстоятельство не попрепятствовало ей умереть за Христа, вмѣстѣ съ другими мучениками.— По Римскимъ законамъ казнь женщины въ такихъ случаяхъ воспрещалась.— Но страхъ ея не оправдался; незадолго до мученической своей кончины, она разрѣшилась отъ бремени. Болѣзни рожденія обнаруживались мучительными ея стонами. На это ей замѣтили: „если ты такъ страдаешь теперь; что же будетъ, когда повергнутъ тебя звѣрямъ, въ случаѣ, если не захочешь принесть жертвы? „она отвѣчала: „Теперь я терплю свои страданія; а тогда Другой будетъ во мнѣ терпѣть; потому что за Него я буду страдать.“

Наконецъ возсіяло вожделѣнное для Мучениковъ утро ихъ побѣды. Изъ темницы повлекли ихъ въ Амфитеатръ. Съ достоинствомъ и радостію они текли туда, какъ бы на небо. Перпетуа шла медленно: въ ея лицѣ выражалось душевное спокойствіе; взоръ ея, по временамъ устремлявшійся къ небу, горѣлъ пламеннымъ желаніемъ скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Женихомъ душъ Христіанскихъ. У входа въ Амфитеатръ хотѣли облечь Святыхъ Мучениковъ въ украшеніе языческихъ жрецовъ, дабы казнь ихъ сдѣлать торжественнѣе. Но Перпетуа мужественно воспротивилась сему. „Мы, говорила она, лишаемся жизни за то, что не хотѣли касаться никъ чему языческому; освободите же насъ и въ смерти отъ этаго бремени.“ Правота сего требованія была признана. Святые Мученики были введены на бой безъ украшеній. Въ легкой одеждѣ поставлена была Перпетуа предъ дикаго вола, который, схвативъ ее на свои рога, металъ то вверхъ, то внизъ, разорвалъ ея одежду и повредилъ головный уборъ. Скромно покрылась она остатками своей одежды и оправила уборъ на головѣ, чтобы въ день своего торжества и славы не быть съ растрепанными власами. Вставъ, она подала руку Фелиціи, которую также свирѣпое животное успѣло повергнуть на землю. Народъ вызвалъ ихъ обратно. Перпетуа, обратясь къ Христіанкамъ, бывшимъ въ толпѣ зрителей, сказала: „Стойте твердо въ вѣрѣ, любите другъ друга и не скорбите о нашихъ страданіяхъ.“ Между тѣмъ на Святаго Сатура выпущенъ былъ Леопардъ, и страшно изранилъ его... Полуживаго вынесли его съ мѣста боя. Начальникъ тюрмы, сдѣлавшійся уже Христіаниномъ, подошелъ къ нему. „Прощай! сказалъ ему Сатуръ, помни мою вѣру; это зрѣлище да укрѣпитъ тебя!“ Вмѣстѣ съ симъ онъ, омочивъ свое кольцо въ рану, подалъ ему какъ залогъ своей любви.

Кровожадный народъ велѣлъ возвратиться святымъ женамъ для того, чтобы болѣе продлить свое звѣрское удовольствіе. Скоро раздался дикій его

крикъ, требовавшій ихъ опять. Давъ прощальное лобзаніе мира другъ другу, онѣ получили смертный ударъ отъ руки Гладіатора. 7-Маія скончались сіи рѣдкія жены, не только побѣдившія естественный ужасъ къ такой страшной смерти, но и восторжествовавшія надъ естественною привязанностію къ лицамъ, самымъ любезнымъ для сердца человѣческаго. Блаженный Августинъ въ своемъ словѣ, на день ихъ рожденія въ вѣчную жизнь, говоритъ: „ихъ имя уже выражаетъ ихъ награду. Ибо для какой награды мученики терпятъ свои страданія, какъ не *для вѣчнаго блаженства?*“ (*)

Изъ устъ младенецъ совершилъ еси хвалу.

За восемь съ небольшимъ лѣтъ— пишетъ одинъ почтенный отецъ семейства— отправился я изъ Бомбая (города, принадлежащаго Англичанамъ въ Остъ— Индіи) съ семействомъ въ поле и расположился палаткою близъ прекрасной рощи. Малолѣтняя дочь моя, не имѣвшая тогда и 5-ти лѣтъ, пошла въ сопровожденіи слуги, имѣвшаго за ней надзоръ, въ рощу и наконецъ она и онъ пришли къ развалинамъ древняго Индѣйскаго храма. Слуга, оставивъ дитя и удалясь въ сторону, началъ молиться предъ каменнымъ идоломъ, находившимся надъ дверями храма. По возвращеніи его, дитя, съ свойственною ему невинностію, спросило: „Сами, (такъ называли слугу) для чего ты это дѣлалъ?“ О, Миссъ, это мой Богъ! „Твой Богъ, Сами, твой Богъ? Но такой Богъ неможетъ ни слышать, ни видѣть, ни ходить, это не Богъ, а камень! Вотъ мой Богъ, такъ видитъ все!“ Мы оставались, говоритъ далѣе отецъ, четыре мѣсяца въ этомъ уединенномъ мѣстѣ. Сами продолжалъ ходить молиться къ храму, а дитя не оставляло обличать его идолопоклонство. Слуга, очень любившій дитя, узнавъ, что оно отправится въ Европу, сказалъ ему: что будетъ дѣлать бѣдный Сами, когда его Миссъ уѣзжаетъ въ Англію? У Сами нѣтъ ни отца, ни матери!... На это дитя отвѣчало: „Сами, люби моего Бога и Онъ будетъ тебѣ и Отцомъ и матерью.“ Старикъ, со слезами на глазахъ, обѣщалъ любить. Въ такомъ случаѣ, сказало оно, ты долженъ учить мои молитвы; и научило его молитвѣ Господней, Символу вѣры, утреннимъ и вечернимъ своимъ молитвамъ. Съ сего времени поведеніе слуги, и до того похвальное, еще болѣе улучшилось; благодать св. Духа содѣлала его избраннымъ сосудомъ своимъ.

(*) Латинскія имена: Perpetua, Felicitas— означаютъ *вѣчное блаженство*.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры, 3 Августа 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцовъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 23. НЕДѢЛЯ 15 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. СЕНТЯБРЯ 4. 1838.

Апостолъ: 2 Коринѳ. 3, 6—15. Евангеліе: Матѳ. 22, 34—46.

ИЗЪ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

ЖИЗНЬ ПОСЕЛЯНЪ.

У нихъ нѣтъ этихъ сладострастныхъ зрѣлищъ (какія видимъ въ городахъ), ни конскихъ рыстаній, ни женъ любодѣйницъ, ни другой какой-либо молвы жишейской; не причастны они никакому любострастію; а живетъ у нихъ, какъ дома, совершенное смиренномудріе. Причиною сему то, что ведутъ они жизнь трудолюбивую, училищемъ добродѣтели и смиренномудрія имѣютъ воздѣлываніе земли,— искуство, самимъ Богомъ прежде всѣхъ художествъ человѣку заповѣданное (Быт. 2, 15). Какъ пріятно видѣть, когда каждый изъ нихъ сперва закладываетъ воловъ въ ярмо, и проводитъ глубокія бразды, а потомъ назидаетъ души своихъ домашнихъ, усердныя къ нему; иногда истребляетъ терніе и волчецъ на поляхъ, а иногда искореняетъ плевелы несогласія и другихъ беззаконій, зараждающіяся въ сердцахъ своего семейства. Не такъ они стыдятся своего ремесла, какъ живущіе въ городѣ: они стыдятся праздности, вѣдая, что праздность наставница всякаго зла, древняя содѣйственница всякому

беззаконію. Они—наилучшіе учители любомудрія, не видомъ и одеждою, а дѣломъ и словомъ. Обыкновенно же наши, такъ называемые, философы, ничѣмъ не лучше позорищныхъ дѣйствователей; показываютъ свое любомудріе только хламидою, брадою и хитономъ: земледѣльцы напротивъ, покинувъ жезлъ и прочее наружное убранство любомудрія, украшаютъ душу свою прямымъ и полезнымъ знаніемъ для человѣка. Если спросить кого изъ нихъ о содержаніи и силѣ Боговѣденія (о чемъ свѣтскіе мудрецы иногда спорятъ по пустому съ превеликимъ шумомъ и многословіемъ): онъ дастъ тебѣ благоразумный отвѣтъ, не съ безразсудною опрометчивостію, но со тщаніемъ. Безсмертіе души, отчетъ за всѣ дѣла нашей жизни, необходимость предстать нѣкогда на страшный судъ Божій — они не только содержатъ твердо въ мысляхъ, но и жизнь свою располагаютъ такъ, чтобъ не подвергнуть себя истязанію. Зная изъ Писанія, что въ мірѣ все *суета суетствій* (Еккл. 1, 2), они не устремляются ни на какой блескъ его; о Богѣ же умѣютъ умствовать наипаче то, что Онъ повелѣлъ дѣлать. Пройди писанія древнихъ философовъ, а съ другой стороны послушай, какъ умствуетъ поселянинъ, правый сердцемъ: увидишь, каково у него правомудріе, и каково у тѣхъ глупословіе въ умствованіяхъ. Ибо нѣкоторые изъ философовъ не признаютъ никакого Провидѣнія въ свѣтѣ; утверждаютъ, что міръ сей ни кѣмъ не сотворенъ; другіе, извращая добрую нравственность, сказываютъ, что добродѣтель сама собою всегда недостаточна, но что для человѣка нужны сокровища, благородство, наружный блескъ: напротивъ поселяне не сомнѣваются о Провидѣніи и будущемъ судѣ; о мірѣ увѣрены, что онъ произведенъ изъ ничего всемогуществомъ Божіимъ; и о всѣхъ другихъ предметахъ любомудрствуютъ весьма благоразумно, хотя и не получили ни какого свѣтскаго образованія. Кто не признаетъ здѣсь могущества Христова, которое неученыхъ и простыхъ людей сдѣлало столько превосходнѣе хвалящихся мірскою премудростію, сколько совершенные мужи своимъ разсудкомъ превосходятъ малыхъ дѣтей? Мнимые философы, украшая себя титлами и громкими названіями, хотя и являютъ, кажется, въ рѣчахъ своихъ блистательное нѣкое витійство: но нерѣдко случается, что мысль у нихъ въ превеликой слабости и безобразіи; по этому ихъ громкія названія, ихъ притворное краснословіе не приносятъ имъ ни какой пользы. У поселянъ все дѣлается не такъ: ихъ разумъ, наполнясь духовною мудростію, употребляется ими единственно на то, чтобы жизнь свою провождать безпорочно. У нихъ нѣтъ сластолюбивыхъ женъ, ни лишнихъ одеждъ, ни красокъ, придающихъ лицу мнимое благообразіе; всякое поврежденіе нравовъ, всякое наружное притворство удалено отъ нихъ; по этому и семейство свое скорѣе и легче приводятъ они къ послушанію и благонравію. Какъ сами исполняютъ, такъ и другимъ внушаютъ, исполненное любомудрія, завѣщаніе Павла:

имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ (1 Тим. 6, 8.). У нихъ не въ употребленіи, такъ называемые, благовонные духи, иногда со всѣмъ помрачающіе разумъ: но земля представляетъ имъ свою свѣжесть цвѣтовъ, которая пріятнѣе и искуснѣе устроена всякихъ благовонныхъ духовъ. По этому у нихъ сколько духъ бодръ, столько же и тѣло здорово; они удалили отъ себя всякую роскошь, и употребляютъ пищу столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Не станемъ же презирать ихъ за ихъ наружность, а подивимся ихъ любомудрію. Какая польза въ наружномъ одѣяніи, если душа находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, бывъ лишена духовной одежды? О совершенствѣ человѣка надобно судить не по его платью, не по тѣлу, но хвалить и удивляться ему должно по его душѣ, коей красоту можешь ты видѣть въ этихъ простолюдинахъ,—выражаемую ихъ словами, ихъ понятіемъ о Богѣ и вещахъ, и благорасположеніемъ ихъ нравовъ (*).

СВЯТЫЕ СТОЛПНИКИ.

Между различными образами подвижнической жизни одинъ изъ самыхъ трудныхъ и необыкновенныхъ былъ образъ жизни Столпниковъ. Ему удивлялись самые строгіе подвижники, и очень немногіе рѣшались вступать на столь жестокій путь духовнаго самоумерщвленія. Повѣствуютъ, что когда первый избралъ себѣ этотъ родъ подвижничества св. Симеонъ, инокъ Сирійскій, то многіе изъ Отцевъ пустынныхъ не знали, что думать объ этомъ новомъ средствѣ умерщвлять плоть свою и благоугождать Богу, и послали нѣкоторыхъ изъ братій вопросить Симеона: почему онъ уклоняется отъ обыкновеннаго рода жизни, избраннаго древними Отцами? Между тѣмъ они разсуждали такъ: если по требованію нашему Симеонъ сойдетъ со столпа, то такое послушаніе будетъ признакомъ Богоугоднаго образа жизни; а если не сойдетъ, то это будетъ значить, что родъ жизни Симеоновой не отъ Бога. Посланные объявили Столпнику волю Отцевъ, и тотчасъ увидѣли, что смиренный подвижникъ сдѣлалъ движеніе чтобъ оставить столпъ свой. Тогда они сказали Симеону: „дерзай и мужайся; стояніе твое отъ Бога!“— и оставили святаго Столпника продолжать начатый имъ подвигъ (a).

Необычайное подвижничество Симеона не осталось безъ подражателей. Они были очень рѣдки: но начиная съ 5-го вѣка можно находить ихъ въ каждомъ столѣтіи— до 12-го.

Къ 5-му вѣку относятся: Симеонъ 1-й, жившій до 460 года (память его Сент. 1), и Даніилъ, ближайшій подражатель его, жившій во времена Льва Великаго (память пр. Даніила Декабр. 11).

Въ 6-мъ вѣкѣ находимъ Столпниковъ Іоанна, Игумена въ одномъ Монастырѣ Сирійскомъ, упоминаемаго въ житіи пр. Симеона Дивногорца,

(*) Изъ 19-й Бесѣды къ Антіохійскому народу.

(a) Evagr. L. I. c. 13.

и самаго Симеона Дивногорца (а), жившаго при Юстиніанѣ и далѣе (См. Чет. Мин. Маія 24).

Въ 7-мъ вѣкѣ жилъ пр. Алипій Столпникъ, при Иракліи (См. Чет. Мин. Ноябр. 26).

Къ 8-му и частію 9-му вѣку относится Ѳеодосій, Столпникъ близъ Едесса, упоминаемый въ житіи св. Ѳеодора, Епископа Едесскаго (Іюл. 9).

Въ 10-мъ вѣкѣ извѣстенъ Лука Столпникъ, спасавшійся въ Халкидонѣ (См. о немъ Декабр. 11).

Въ 12-мъ в. жилъ Никита, нашъ отечественный Столпникъ, уроженецъ Переяславля Залѣсскаго (См. о немъ Прологъ, Маія 24).

О жизни и подвигахъ святыхъ Столпниковъ можно сказать вообще то, что говоритъ Евагрій о жизни св. Симеона, перваго Столпника (б): подражая во плоти жизни Силъ небесныхъ, они отрѣшали себя отъ предметовъ земныхъ; дѣлая насиліе естеству, тяготѣющему долу, устремлялись горѣ, и, стоя между небомъ и землею, призывали Бога и славословили Его вмѣстѣ съ Ангелами, отъ земли вознося къ Богу молитвы за всѣхъ, а съ неба низводя на людей горнее благословеніе.— Главное начало всей духовной жизни ихъ можно, на языкѣ Пророковъ, назвать, *предстояніемъ предъ Богомъ* (4 Царст. 17, 1), разумѣя это предстояніе въ самомъ точномъ и тѣсномъ смыслѣ.

Что были столпы Святыхъ, какъ не кресты особеннаго рода, на которыхъ они распинали плоть свою? На высотѣ столповъ, которые простирались иногда до 40 лактей (в), въ тѣсномъ пространствѣ малой келліи, имѣвшей не болѣе 2-хъ лактей ширины, они стояли часто безъ всякаго покрова днемъ и ночью, подъ знойнымъ небомъ во время лѣта, подъ дождями и снѣгомъ во время зимнее, съ удивительнымъ, превышающимъ силы человѣческія, терпѣніемъ перенося всѣ воздушныя перемѣны. И такое стояніе продолжалось не дни, а многіе годы, даже многія десятилѣтія (г)! Отъ долговременнаго стоянія ноги подвижниковъ опекали, загнивали, покрывались ранами и червями; зной опалялъ лице ихъ; холодъ проникалъ во всѣ члены (д): но ничто не отвлекало ихъ отъ Богомыслія и любви Божіей. Очень рѣдко сходили они съ столповъ своихъ. Только о Никитѣ

(а) Былъ еще третій Симеонъ Столпникъ, какъ видно изъ слѣдующаго тропаря въ 6-й пѣсни канона Субботы сырной: „Небо четверосвѣтильное явися на земли, дважды двое сіе Симеонское единомысліе, иже *на столпѣхъ тріе*, и единъ юродивый.“ Но житія сего третьяго Симеона не находимъ ни въ Четіи Минеи, ни въ Прологѣ. Память его полагаютъ Іюля 26, находя здѣсь, въ Греческихъ мѣсяцословахъ, Симеона Пресвитера и Архимандрита (См. Acta SS. Генв. 5, въ спискѣ Symeon Stylita).

(б) L. I. c. 16.

(в) Симеонъ 1-й стоялъ сначала на столпѣ въ 4 лактя въ высоту, потомъ— въ 12 лактей, 20, 36 и наконецъ 40 лактей.

(г) Симеонъ 1-й стоялъ на различныхъ столпахъ около 50 (по другимъ около 30) лѣтъ, Симеонъ 2-й около 70, Алипій 53 года, Ѳеодосій болѣе 50 лѣтъ, Лука 45 года.

(д) Пр. Даніилъ, стоявшій на столпѣ близъ Чернаго моря, въ одну жестокую зиму, до того покрылся льдомъ, что ученики Святаго едва могли отогрѣть его и привесть въ чувство.— Имп. Левъ, знавшій Преподобнаго, велѣлъ послѣ сего устроить св. мужу небольшой покровъ, котораго онъ прежде не имѣлъ.—

Столпникѣ пишется, что онъ, имѣя столпъ свой близъ Церкви, прокопалъ узкій ходъ подъ стѣну Церковную и этою стезею ходилъ въ Церковь на молитву. Но о другихъ Столпникахъ извѣстно, что они перемѣняли мѣсто развѣ тогда только, когда нужно было взойти на новый столпъ или когда призывала ихъ общественная нужда Церкви. Такъ пр. Даніилъ, въ царствованіе Василиска, отметавшаго Соборъ Халкидонскій, для мира Церкви, сходилъ съ столпа и былъ въ Цареградѣ, гдѣ однакожъ не могъ ходить, а былъ носимъ.— Пригвоздивъ такимъ образомъ плоть свою къ столпу, Святые, сверхъ того, старались изнурять ее необыкновеннымъ постомъ и бодрствованіемъ, такъ что многіе изъ нихъ вкушали пищу чрезъ три дня и даже чрезъ недѣлю, и принимали кратковременный покой, склонясь на перекладину въ столпѣ или на перила. Сего мало: они возлагали на себя еще желѣзныя цѣпи или препоясывались по нагому тѣлу власяною веревкою, которая вгрызалась въ тѣло ихъ. О св. Никитѣ Столпникѣ пишутъ, что желѣзная цѣпь на немъ до того была исчищена трудами его, что нѣкоторые корыстолюбцы почли ее золотою и убили Старца, чтобы овладѣть мнимымъ золотомъ. Но какіе труды на столпѣ? отвѣтъ на это находимъ въ житіи пр. Симеона, перваго Столпника. Одинъ свидѣтель подвиговъ его разказывалъ Ѳеодориту (который также былъ очевидѣцъ Симеона и описалъ его подвиги), что онъ однажды рѣшился сосчитать частые поклоны, которые полагалъ на столпѣ своемъ Преподобный; насчиталъ 1244, и не могъ долѣе смотрѣть на высоту столпа,— а Святый все еще продолжалъ свои молитвенные поклоны. О томъ же Святомъ пишутъ, что онъ всю ночь и день до 3-хъ часовъ пополудни стоялъ на молитвѣ, потомъ предлагалъ приходящимъ къ нему поученіе, занимался ихъ больными, ихъ нуждами и просьбами, а по захожденіи солнца опять обращался на молитву. Почти такое же расположеніе времени было и у Симеона 2-го, съ тѣмъ только различіемъ, что этотъ новый Столпникъ время послѣ 3-хъ часовъ посвящалъ еще чтенію и составленію поученій писанныхъ. Всего удивительнѣе то, что этотъ Симеонъ началъ необыкновенную жизнь на столпѣ еще 6-ти лѣтъ, близъ наставника своего, Игумена Іоанна столпника, и въ не многіе годы превзошелъ его твердостію своихъ подвиговъ.

Но такое умерщвленіе плоти, такое насиліе природѣ, не есть ли, скажутъ, дѣйствительное убійство своей плоти, безвременное сокращеніе своей жизни? нѣтъ! непомѣрные подвиги не только не сокращали жизни Святыхъ Столпниковъ, но, казалось, еще продолжали ее: Столпники, при всѣхъ изнуреніяхъ плоти своей, достигали глубокой старости, жили 75 лѣтъ (какъ Симеонъ 2-й), 100 лѣтъ (Симеонъ 1-й) и даже болѣе (Ѳеодосій). А еслибы столь великіе подвиги и дѣйствительно сокращали жизнь подвижниковъ, то и тогда какое имѣли бы мы право называть это убійствомъ преступнымъ? въ угожденіе ли прихотямъ людей, по волѣ ли своихъ страстей умерщвляли Столпники плоть свою? нѣтъ! они дѣлали это для искорененія страстей своихъ, для очищенія и возвышенія своего духа, для того,

чтобъ достойно приготовить безсмертное существо свое къ вѣчному соединенію съ Богомъ. Самое же очевидное свидѣтельство богоугодности ихъ подвиговъ есть то, что Господь, награждая своихъ подвижниковъ, исполнялъ ихъ необыкновенными духовными дарованіями. На этомъ свидѣтельствѣ мы хотимъ болѣе остановить вниманіе читателей.

Всѣ чтимые Церковію Столпники имѣли даръ чудотвореній,— молитвами своими исцѣляли больныхъ и изгоняли бѣсовъ. Уже это одно доказываетъ святость великихъ подвижниковъ. Но еще болѣе видна святость ихъ въ томъ, что они старались прикрывать дарованія свои смиреніемъ. Такъ Симеонъ 1-й, врачуя болящихъ, строго, подъ опасеніемъ возвращенія къ нимъ болѣзни, запрещалъ имъ говорить: Симеонъ исцѣлилъ насъ, а приказывалъ говорить только: Богъ исцѣлилъ насъ. Св. Даніилъ, неподалеку отъ столпа коего устроена была Церковь и въ ней положена часть мощей Симеона Столпника, всегда, когда приносили къ нему больныхъ, отсылалъ ихъ къ мощамъ преп. Симеона, гдѣ они, молитвами обоихъ Столпниковъ, и получали исцѣленіе.

Возвышенные надъ землею тѣломъ, а еще болѣе духомъ, святые Столпники имѣли весьма обширный кругъ духовнаго зрѣнія: имѣли даръ прозорливости; видѣли событія отдаленныя; провидѣли будущее. Однажды собравшійся народъ вокругъ столпа Симеона 1-го, ожидалъ, по обыкновенію, его благословенія. Святый казался въ это время погруженнымъ въ Богомысліе и молитву; и очень долго не обращался къ народу. Всѣ наконецъ подумали, что св. Старецъ скончался, и начали плакать по духовномъ отцѣ своемъ. Но Симеонъ, бывшій въ это время въ состояніи иступленія, какъ бы пробудился отъ сна, началъ говорить и объявилъ, что онъ духомъ былъ на морѣ, видѣлъ тамъ погибающій большой корабль, везшій на себѣ 300 человѣкъ, и что этотъ корабль теперь, по милости Божіей, спасенъ. Вотъ изъ многихъ одинъ примѣръ духовной прозорливости сего Святаго: случилось страшное землетрясеніе; св. Старецъ молился съ народомъ объ отвращеніи грознаго гнѣва Божія, и землетрясеніе престало. Тогда Симеонъ обратился къ народу и сказалъ, что изъ великаго множества окружающихъ его людей, Богъ услышалъ молитву одного изъ нихъ, и указалъ на простаго поселянина (котораго добродѣтель состояла въ томъ, что онъ всѣ доходы свои, пріобрѣтаемые честными трудами, дѣлилъ на три части: одну для бѣдныхъ, другую для уплаты подати, а третью для своего семейства).

Представимъ нѣсколько опытовъ и пророческаго духа св. Столпниковъ. Тотъ же Симеонъ 1-й, за два года до событія, предвидѣлъ засуху, голодъ и язву. Онъ же видѣлъ однажды два жезла, ниспадшіе съ неба, изъ коихъ одинъ палъ на Востокъ, а другой на Западъ, и предсказалъ, что варвары возстанутъ и нанесутъ зло — одни восточной, другіе западной Имперіи. Преп. Даніилъ предвидѣлъ великое бѣдствіе угрожающее Цареграду, и совѣтовалъ Царю и Патріарху совершать общественное моленіе объ отвращеніи грядущаго гнѣва Божія. Святаго не послушали, и — страшный пожаръ истребилъ великую(

часть столицы. Симеонъ 2-й предсказалъ нашествіе Хоздроя, Царя Персидскаго, на Антіохію, и даже предузналъ судьбу многихъ лицъ (однихъ смерть отъ меча, другихъ плѣнъ и освобожденіе отъ плѣна); онъ же предвидѣлъ и предсказалъ великое землетрясеніе, нанесшее большой вредъ Антіохіи и другимъ городамъ на востокѣ.

Живя почти однимъ духомъ, Столпники жили не столько въ земномъ, сколько въ духовномъ мірѣ: потому не удивительно, что духовный міръ часто открывался ихъ взору. Они терпѣли самыя сильныя нападенія отъ духовъ злобы; но и сильнѣйшую помощь получали изъ свѣтлаго духовнаго міра. Всѣ они имѣли силу изгонять бѣсовъ; видѣли явно козни ихъ; иногда связывали ихъ молитвою (на пр. св. Никита Столпникъ); иногда видѣли, какъ сопровождаютъ людей, то темные, то свѣтлые духи (примѣръ въ житіи Ѳеодосія Столпника). Особенно же часты были духовныя видѣнія Симеону 2-му, отъ младенчества Столпнику. Еще бывъ отрокомъ, онъ сподобился видѣть самаго Господа, который явился ему въ отроческомъ же видѣ и укрѣпилъ его противъ всѣхъ нападеній діавольскихъ. — Необыкновенная жизнь всѣхъ святыхъ Столпниковъ была *позорищемъ для міра, для Ангеловъ и человѣковъ* (1 Кор. 4, 9).

Столь удивительные подвиги и столь возвышенный духъ Столпниковъ могли ли оставаться безъ пользы для другихъ? стоя на столпахъ своихъ, отрѣшенные отъ всего земнаго, Святые не забывали братій своихъ — человѣковъ, и приносили имъ несравненно болѣе пользы, нежели самые дѣятельные и трудолюбивые, такъ называемые у насъ, друзья человѣчества. Къ св. Симеону 1-му стекались во множествѣ люди различныхъ состояній, Христіане и язычники, изъ отдаленныхъ странъ — изъ Аравіи, изъ Персіи, изъ Арменіи, Иверіи, и весьма многіе изъ невѣрныхъ обращались ко Христу, и крестились иногда по двѣсти, по триста и по тысячѣ человѣкъ въ одинъ день. Князья Аравійскіе приходили просить благословенія у Симеона; Варанъ, Царь Персидскій, — гонитель Христіанства, — уважалъ св. Столпника; Цари Христіанскіе слушались его совѣтовъ. — Подобныя благотворныя дѣйствія производили и всѣ святые Столпники, дѣлая, по временамъ, столпы свои священными каѳедрами, съ которыхъ предлагали поученія народу. О Симеонѣ 2-мъ пишутъ, что онъ еще въ отрочествѣ получилъ благодать учительства, и, по волѣ Игумена, нерѣдко предлагалъ братіи поучительныя слова; а испросивъ молитвою, въ день Пятидесятницы, Духа премудрости, сдѣлался и духовнымъ писателемъ на столпѣ. Многіе изъ приходящихъ оставались жить близъ столь великихъ Наставниковъ, устрояли вокругъ столповъ ихъ ограды и монастыри и дѣлались сами наставниками и образцами духовныхъ подвиговъ для другихъ. — И такъ не погрѣшимъ, если назовемъ святыхъ Столпниковъ пустыннымъ свѣтомъ міра, градомъ стоящимъ верху горы, и свѣтильникомъ на свѣщницѣ. Свѣтъ ихъ свѣтился предъ человѣками; многія тысячи видѣли добрыя дѣла ихъ и прославляли Отца небеснаго!

ПРАЗДНОСЛОВІЕ.

Каждый изъ насъ имѣетъ естественную наклонность изливать наполняющія его мысли и чувства въ душу ближняго посредствомъ слова. Мудрый сынъ Сираховъ заповѣдуетъ намъ не только не предаваться безпечно этой наклонности, но сколько возможно, ограничивать употребленіе священнаго дара слова и хранить уста свои безмолвіемъ. *Словесемъ твоимъ положи вѣсъ и мѣру, и устомъ твоимъ сотвори дверь и запору.* (Сир. 28, 29).

Когда ты, слѣдуя влеченію сердца, говоришь, не полагая словамъ твоимъ мѣры и вѣса,— ты забываешь, что такое есть слово, и какъ далеко могутъ простираться его дѣйствія. *Слово есть мысль, перенесенная въ звуки, чтобы быть достояніемъ другихъ.* И такъ внимай прежде, *кому* ты сообщаешь свои мысли. Увлекаясь чувствами и словомъ, ты легкомысленно обнаруживаешь внутренность твоей души, открываешь другому свои понятія, намѣренія и желанія, предположенія, страсти и наклонности, характеръ, отношенія и состояніе, слѣд. отверзаешь ему входъ въ душу твою. Кому?— Можетъ быть врагу, клеветнику, льстецу, празднослову, соблазнителю, обманщику. Ибо скажи мнѣ: почему ты знаешь: не злоупотребитъ ли онъ твоею довѣренностію, не воспользуется ли открытыми въ тебѣ слабостями, не поставитъ ли тебя во множество непріятныхъ отношеній?— Ты скажешь: я бесѣдую искренно только съ искреннимъ. Смотри же, внимай и въ такомъ случаѣ, *что* ты сообщаешь ему. Слово твое заключаетъ въ себѣ мысль. Если твой собесѣдникъ приметъ ее отверстою душею, то она водворится въ ней, породитъ въ ней множество другихъ мыслей и чувствъ по роду своему и по образу своему, войдетъ, можетъ быть, во весь кругъ его жизни. Благо тебѣ, если слова твои чисты и спасительны! Но если ты, отъ своего сердца или отъ другихъ, внушаешь ему сомнѣнія въ священныхъ истинахъ религіи, нечистыя правила или злыя расположенія: то ты сообщаешь душѣ его, можетъ быть, еще чуждое ей, зло, возмущаешь его совѣсть, растлѣваешь сердце его ядомъ. Возлюбленный! душа моя исполнена была радостнаго довѣрія и любви къ ближнимъ, какъ моимъ братіямъ: ты пришелъ ко мнѣ оскорбленный своимъ собратомъ, въ чувствѣ негодованія перелилъ въ меня понятія о ихъ коварствѣ, злобѣ и недоброжелательствѣ,— и съ тѣхъ поръ желчь ненависти и подозрѣній отравили мою душу. Проникнутый чувствомъ своей бѣдности, я ставилъ себя ниже всѣхъ и хранилъ святое смиреніе: ты пришелъ ко мнѣ, простеръ льстивое слово о моихъ достоинствахъ, славѣ моего имени, о знакахъ всеобщаго ко мнѣ уваженія, обратилъ взоръ на себя моего гордаго Я,— и съ тѣхъ поръ вѣтры надмѣнія и честолюбія колеблютъ мою грудь. Взирая на житейское море, воздвигаемое бурею напастей, я любилъ дѣтскимъ упованіемъ находить такое пристанище въ лонѣ Промысла и любви Отца Небеснаго: ты пришелъ ко мнѣ, раздраженный судьбою, указалъ на слабость человѣческихъ силъ, на бѣдствія праведныхъ и благополучіе злыхъ, на зло всюду разлитое въ мірѣ,— и заботы, страхи, подозрѣнія и безнадежность

возмутили мой миръ душевный.— На что ты, возлюбленный, такъ неосторожно льешь въ уста мои эту желчь и ядъ, за чѣмъ не щадишь меня? Ты сознаешь, какъ самая твердая душа воспріимчива къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, какъ легко прививаются къ ней чужія понятія и правила, сколько одно неосторожное слово можетъ возбудить въ ней пагубныхъ помысловъ и движеній.— Чтожъ, если языкъ твой содѣлался орудіемъ обращающимся безсознательно къ сообщенію всѣхъ и всего? Ты легкомысленно передаешь все другому, другой третьему и такъ далѣе: и не симъ ли образомъ падаютъ въ обществѣ чести, возжигаются злобы, возбуждаются страсти, сѣются соблазны, сплетаются козни, расторгаются узы,— словомъ: распространяется всякой видъ зла?— Измѣряя мысленно сію обширность грѣха и бѣдствій, разливаемыхъ въ обществѣ многословіемъ, съ сердечнымъ движеніемъ восклицаетъ сынъ Сираховъ: *кто дастъ ми во уста мои хранилище, и на устнѣ мои печать разумну, да не падуся отъ нихъ, и языкъ мой да непогубитъ мя?* (— 22, 31.) Такъ, самое благоразуміе внушаетъ тебѣ обуздывать свой языкъ и полагать словамъ своимъ вѣсъ и мѣру.

Но войди глубже въ себя и вникни: откуда происходитъ многоглаголаніе? что даетъ языку твоему эту удобообращательность и неутомимость, съ какими ты повѣдаешь другимъ свои впечатлѣнія и мысли? Это не внушенія ума, а по большой части нечистыя побужденія чувственности, невоздержаніе, бездѣйствіе здраваго ума, разсѣяніе мыслей, тщеславіе, незнаніе себя, отсутствіе страха Божія, и чистоты сердечной, потворство страстямъ. Кто ослабляетъ тѣло постомъ, у того члены ищутъ покоя, а не движенія; у кого занятъ умъ, тотъ погружается во глубину мысли, а не развлекается суесловіемъ; кто подавилъ въ себѣ тщеславіе, тотъ не подстрекается суетнымъ желаніемъ блистать словами; кто позналъ себя, тотъ сокрушается и плачетъ, а не многословитъ; кто обнятъ страхомъ Божіимъ, тотъ безмолвствуетъ, дабы не согрѣшить языкомъ; кто хранитъ сердце свое, тотъ тѣмъ болѣе обуздываетъ языкъ. Почему давать полную свободу этому гибкому члену, значитъ потворствовать тѣмъ порокамъ сердца, коими онъ приводится въ движеніе,— воспитывать ихъ въ себѣ, усиливать свою чувственность, *воспалять*, по выраженію Ап. Іакова, внутренній *кругъ жизни*. (— 3, 6). Вотъ почему говоритъ онъ: ежели кто изъ васъ думаетъ, что онъ благочестивъ, но не обуздываетъ языка своего, у того пустое благочестіе. (—1, 26). Въ самомъ дѣлѣ тогда оно состоитъ у него въ однихъ случайныхъ расположеніяхъ сердца, кои столь же легко уступаютъ мѣсто другимъ нечистымъ движеніямъ, сколь легко раждаются сами;— есть не дѣятельное стремленіе духа къ Богу, а невольно и случайно пробуждающееся влеченіе твари къ Творцу. Подъ личиною сего благочестія во всей силѣ живетъ грѣхъ, чрезъ языкъ исходитъ въ міръ и тысящекратно плодится и размножается на погибель ближнихъ.

Напротивъ кто связалъ языкъ свой безмолвіемъ, тотъ, по выраженію Іоанна Лѣствичника, однимъ ударомъ

разсѣкъ крѣпко сплетенный узелъ пороковъ, стяжалъ цѣлый сонмъ добродѣтелей. Ибо кто обуздываетъ этотъ малый членъ тѣла, тотъ укрощаетъ и всѣ тѣ сердечныя побужденія, коими онъ приводится въ движеніе,— какъ-то: тщеславіе, злобу, легкомысліе, человѣкоугодіе, нечестіе; слѣд. приобрѣлъ полное господство надъ собою и есть *совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло.* А по мѣрѣ того, какъ духъ приобрѣтаетъ власть надъ собою, онъ болѣе и болѣе приходитъ въ себя, и тогда-то открывается въ немъ глубина его существа, а вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ самопознанія и покаянія, начало всѣхъ благихъ помысловъ, чувствъ и добродѣтелей. „Благоразумное молчаніе, продолжаетъ святый списатель Лѣствицы, есть матерь молитвы, возвращеніе отъ грѣховнаго плѣну, стражъ душевнаго пламени, надзиратель помысловъ, соглядатай мысленныхъ враговъ, плачевная темница, слезный источникъ, побужденіе къ воспоминанію о смерти, живое представленіе вѣчной муки, тщательное воображеніе страшнаго суда, вина душеспасительныя печали, врачъ дерзости, тщеславнаго ученія непріятель, приращеніе ума, учитель размышленій, нечувствительный въ добродѣтеляхъ успѣхъ, непримѣтное на небо возхожденіе.“ Вотъ для чего святые подвижники вѣры и благочестія убѣгали общества человѣческаго, углублялись въ пустыни или затворялись въ своихъ келліяхъ, и иногда на всю жизнь запечатлѣвали уста свои молчаніемъ.

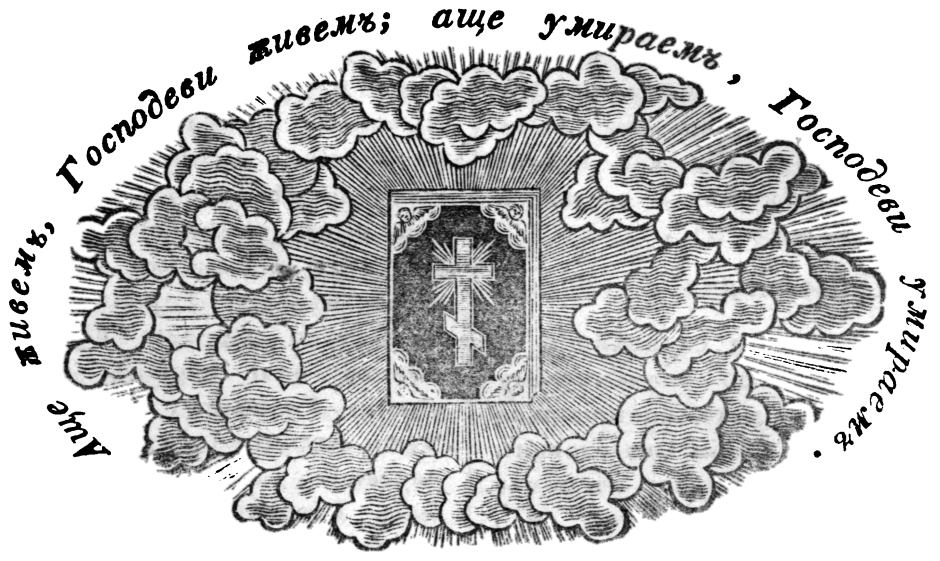
Возлюбленный! связанъ будучи священными узами общежитія, ты не можешь наложить на себя великаго обѣта безмолвія. Но, какъ Христіанинъ, ты можешь и долженъ въ употребленіи каждой твоей силы и способности, тѣмъ паче въ употребленіи высокаго дара слова, искать душевной пользы и спасенія. И такъ если ты хочешь предохранить себя отъ тѣхъ безчисленныхъ золъ, кои отвнѣ навлекаетъ намъ празднословіе, положи словамъ твоимъ *вѣсъ*— внимай, что говоришь, *и мѣру*— помни, сколько долженъ говорить; если хочешь подавить въ душѣ своей грѣхъ, *сотвори устомъ твоимъ дверь и запору*,— заграждай ихъ, сколько можно чаще, молчаніемъ; а если нужно говорить тебѣ, то *да исходитъ изъ устъ* твоихъ *токмо еже есть благо къ созиданію вѣры*, да слово твое *дастъ благодать слышащимъ* (Еф. 4, 29).

Когда сонъ бываетъ легче и пріятнѣе?—

1) Послѣ говѣнія и поста.
2) Послѣ усильной и теплой молитвы.
3) Послѣ сердечнаго примиренія со врагомъ.
4) Послѣ исповѣди, принесенной отъ сердца.
5) Послѣ труднаго опыта самоотверженія.
6) Послѣ дѣлъ милосердія.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 10 Августа 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Сворцевъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 24. НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ВОЗДВИЖЕНІЕМЪ. СЕНТЯБРЯ 11. 1838.

Апостолъ: 2 Кор. 6, 1—10. Евангеліе: Матѳ. 14—30.

О ПОСЛАНІИ СВ. АПОСТ. ПАВЛА КЪ ЕФЕСЕЯМЪ (*).

I. Особенности посланія къ Ефесеямъ.

Посланіе къ Ефесеямъ, по ученію и слогу, сходное съ прочими посланіями Апостола Павла, имѣетъ слѣдующія особенныя принадлежности:

а) Все посланіе, такъ сказать, проникнуто духомъ молитвы. Въ немъ Апостолъ какбы не учитъ, но благодаритъ Бога (1, 3 и д.), молится, (1, 16. 3, 14.) славословитъ, (3, 21.), умоляетъ вѣрующихъ (3, 13. 4, 1.), проситъ ихъ молиться о всѣхъ, о себѣ самихъ и о немъ (6, 18 и дал.).

б) Съ намѣреніемъ и особенною полнотою раскрываетъ тайну призыванія язычниковъ (2, 11—3, 12.).

в) Многими чертами описываетъ Церковь (1, 22. 23. 2, 20—22. 3, 10. 21. 4, 4 и д. 16. 5, 25 и дал.).

г) Отклоняя отъ пороковъ, исчисляетъ ихъ съ особенною полнотою (но не съ подробностію), не столько противополагая каждому добродѣтель, но и предспавляя для каждой добродѣтели свои побужденія (4, 20—5, 20).

д) возвышаетъ бракъ (5, 22—33).

(*) Оно читается въ Церкви послѣ 18-й нед. по 50 цѣ.

е) описываетъ подробно всеоружіе духовное (6, 10—17).

Вообще, при всей необширности сего посланія, можно извлечь изъ него довольно полное катехизическое ученіе.

Ближайшее сходство посланія къ Ефесеямъ можно находить съ посланіемъ къ Колоссянамъ. Сіи два посланія, во многихъ мѣстахъ, служатъ одно другому объясненіемъ.

II. О Ефесеяхъ.

Ефесъ, въ древности славнѣйшій и богатѣйшій городъ, по знаменитому въ немъ храму Діаны, могъ почитаться столицею язычества въ Азіи. Онъ славенъ былъ и мудростію языческою: въ немъ, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ (*), славились Пиѳагоръ, Парменидъ, Зенонъ, Демокритъ; здѣсь родился Гераклитъ. Во время же Христіанства, Ефесъ прославился пребываніемъ въ немъ Ап. Павла, просвѣтителя сего града, Тимоѳея, Епископа, и Іоанна Богослова, пріявшаго здѣсь кончину. Въ этомъ же городѣ, (431 г.) былъ третій Вселенскій Соборъ.

Жители Ефеса, во время Павлово, были не только язычники, но и Іудеи, имѣвшіе здѣсь свою Синагогу (Дѣян. 18, 19). Св. Павелъ, во второе свое Апостольское путешествіе (около 54-го года), возвращаясь изъ Коринѳа въ Іерусалимъ, былъ въ Ефесѣ, проповѣдалъ въ Синагогѣ; но не остался на долго, а обѣщался, если будетъ угодно Богу, въ другой разъ посѣтить Ефесъ. Вмѣсто его остались и учили въ этомъ городѣ Акила и Прискилла, также Аполлосъ Іудеянинъ (Дѣян. 18, 24). Въ третіе путешествіе, Апостолъ исполнилъ свое обѣщаніе. Первые, пріобрѣтенные имъ для Церкви Христовой, были 12 человѣкъ, имѣвшихъ одно крещеніе Іоанново, которымъ Павелъ преподалъ крещеніе во имя Христово и—Духа Святаго (Дѣян. 19, 1—7). Въ Синагогѣ училъ три мѣсяца спокойно; но потомъ, по причинѣ невѣрія и ожесточенія нѣкоторыхъ Іудеевъ, отдѣлилъ отъ нихъ учениковъ своихъ и чрезъ два года возвѣщалъ Евангеліе въ училищѣ нѣкоего Тиранна. Въ это время не только жители Ефеса, но многіе изъ другихъ странъ слышали здѣсь ученіе Господне, Іудеи и язычники. Чѣмъ сильнѣе было въ Ефесѣ суевѣріе и нечестіе, тѣмъ сильнѣйшія употребилъ Господь орудія вѣры и благочестія. Руками Апостола производились столь обильныя чудеса, что даже посредствомъ платковъ и полотенецъ, бывшихъ на его тѣлѣ, исцѣлялись болящіе и изгонялись демоны. Самая сила тьмы невольно прославляла силу Христову. Такъ, когда седмь сыновъ Іудейскаго первосвященника Скевы, осмѣлились тѣмъ же именемъ, какъ и Павелъ, изгонять бѣсовъ, злой духъ столько устрашилъ дерзскихъ заклинателей, что и другіе стали съ большимъ благоговѣніемъ почитать имя Христово. Сила тьмы ослабѣвала примѣтнымъ образомъ: многіе изъ волшебниковъ обратились и, принесши волшебныя книги къ ногамъ Апостола, сожгли принесенныхъ книгъ на 50,000 драхмъ сребра. Самый храмъ Діаны колебался и темнѣлъ отъ силы и свѣта ученія Павлова. Опасеніе, чтобъ храмъ богини не палъ совершенно, а вмѣстѣ и корыстолюбіе заставили среброкована Димитрія, торговавшаго сребряными изображеніями Діаннина храма, возбу-

(*) Въ предисловіи къ бесѣдамъ на посл. къ Ефес.

дить мятежъ въ городѣ противъ Апостола: но сей мятежъ былъ утишенъ однимъ книжникомъ и не могъ поколебать Церкви Христовой, здѣсь основанной. По изшествіи Апостола отсюда въ другія страны, здѣсь оставались *пресвитеры* (Дѣян. 20, 17.), а слѣдовательно была Церковь благоустроенная. Возвращаясь изъ своего путешествія въ Іерусалимъ, Апостолъ имѣлъ трогательнѣйшее свиданіе и прощаніе съ Ефесскими Пастырями въ Милетѣ. Напомнивъ, какихъ трудовъ стоило ему насажденіе у нихъ вѣры, св. Павелъ объявилъ имъ, что они не увидятъ его болѣе; заповѣдалъ имъ внимать себѣ и всему стаду, и предрекъ, что, *по отшествіи его, внидутъ къ нимъ волцы тяжцы, не щадящіи стада* (Дѣян. 20, 29. 30.).

III. Время посланія.

Чтобы опредѣлить время, когда писано посланіе къ Ефесеямъ, замѣтимъ слѣдующія обстоятельства:

Апостолъ находится въ узахъ за язычниковъ (3, 1. 13. 4, 1. 6, 20.);— точно въ тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и во время писанія посланія къ Колоссянамъ (Кол. 4, 3. 18. 1, 24. 25.).

Посланіе весьма сходно и по ученію, и по выраженіямъ, и въ порядкѣ ученія съ посланіемъ къ Колоссянамъ, о которомъ не сомнѣваются, что оно писано Апостоломъ въ первыхъ узахъ его Римскихъ. Тотъ же Тихикъ приноситъ посланіе къ Ефесеямъ, какъ и къ Колоссянамъ, и тѣми же словами представляется отъ Апостола какъ той, такъ и другой Церкви (Еф. 6, 21. 22. Кол. 4, 7. 8.). Потому говоритъ Ѳеодоритъ: „въ тоже время къ Ефесеямъ и къ Колоссянамъ писалъ Божественный Апостолъ.“ (*)

И такъ весьма вѣроятно, что Апостолъ пишетъ изъ первыхъ своихъ узъ Римскихъ (около 62 г. по Р. Х.). Сіе видно также изъ надежды его смѣло проповѣдывать Евангеліе (6, 19. 20.). Въ послѣднихъ узахъ, Апостолъ пророчествуетъ о скоромъ исходѣ своемъ (2 Тим. 4, 6 и д.).

IV. Случай и намѣреніе посланія.

Апостолъ похваляетъ вѣру Ефесеянъ и любовь ихъ ко всѣмъ святымъ (1, 15.), и нигдѣ не упрекаетъ ихъ въ порокахъ дѣйствительныхъ, а только предохраняетъ ихъ отъ пороковъ возможныхъ (4, 17 и д.), такъ какъ и отъ всякаго вѣтра ученія (4, 14.). По всему видно, что тяжкіе волки, о которыхъ предрекъ Ефесеямъ св. Павелъ, не могли много повредить сему святому стаду (**). И такъ, или по одной Апостольской ревности, безъ другихъ особенныхъ побужденій (подобно тому какъ прощаясь училъ Ефесеянъ, отходя въ Іерусалимъ), пишетъ къ Ефесской Церкви посланіе,— для большаго утвержденія учениковъ своихъ въ вѣрѣ, или сему посланію предшествовали и особенныя обстоятельства, которыя впрочемъ ясно не упомянуты въ немъ. Если позволены догадки въ семъ случаѣ; то вѣроятно, что Апостолъ и прежде сего писалъ къ Ефесеямъ краткое посланіе. Это можно заключать изъ словъ (гл. 3, 3):

(*) Предисл. на посланіе къ Колосс.

(**) См. также Апок. 2, 2. 6. И св. Игнатій пишетъ къ Ефесеямъ: „Знаю, что приходили нѣкоторые съ злымъ ученіемъ. Но вы не позволили имъ разсѣевать оное между вами.“ (Посл. къ Ефес. §. 9.).

якоже преднаписахъ вмалѣ (что вѣроятнымъ почитаетъ и св Златоустый). Симъ предположеніемъ можно изъяснить и то, почему нѣтъ въ посланіи привѣтствій особенныхъ. Изъ втораго посланія къ Коринѳянамъ видимъ, что Апостолъ пиша къ тойже Церкви въ другой разъ, вскорѣ послѣ перваго, не употребляетъ привѣтствій особенныхъ.

Въ семъ краткомъ посланіи своемъ, Апостолъ кратко упомянулъ о тайнѣ призыванія язычниковъ (Еф. 3, 3.): нынѣ пространнѣе говоритъ о томъ же предметѣ. По возвращеніи посланнаго, онъ получилъ извѣстіе о доброй вѣрѣ Ефесеянъ (1, 15.), о скорби ихъ по немъ (3, 13. 6, 21.), такожде о ихъ обстоятельствахъ: посему-то посылаетъ Тихика для утѣшенія ихъ и объясненія имъ *его* (Ап. Павла) обстоятельствъ, но не поручаетъ посланному узнать *о ихъ* обстоятельствахъ (6, 21. 22. сравни Кол. 4, 8.).

По вѣрнымъ извѣстіямъ, какъ и по своему, прежнему, опытному познанію Ефесеянъ, Апостолъ былъ весьма доволенъ добрымъ состояніемъ ихъ Церкви, предвидѣлъ, конечно, и будущіе труды ихъ и побѣды надъ врагами (Апок. 2, 2. 3.): потому во всемъ посланіи господствуетъ духъ торжественный, благословляющій Бога, благодарящій, молящійся, радостный, возвышающійся къ тайнамъ и ведущій къ высшимъ добродѣтелямъ.

Какъ въ это время, не только язычники, но и Іудеи могли много вредить спасенію обращенныхъ изъ язычниковъ, (что было въ пребываніе и самаго Павла въ Ефесѣ); то Апостолъ, въ ободреніе и утвержденіе Христіанъ языческихъ, пространнѣе описываетъ тайну призыванія язычниковъ.

Между вѣрующими могли быть несогласія, особливо по причинѣ лжеучителей, мало уважавшихъ истинныхъ Пастырей и любившихъ вымыслы языческіе (1 Тим. 1, 3. 4. 7.): потому въ посланіи многими чертами описывается единство, составъ и святость Церкви.

Въ такомъ большомъ языческомъ городѣ, какъ Ефесъ, безъ сомнѣнія много было соблазновъ; было пагубное ученіе Николаитовъ (Ап. 2, 6). Врачество и предостереженіе отъ сего зла, кромѣ правилъ о чистотѣ нравовъ, есть и высокое ученіе о бракѣ Христіанскомъ.

Нигдѣ, можетъ быть, съ такою силою и хитростію не ополчался діаволъ, какъ въ сей Азіатской столицѣ язычества. Потому подробно описывается всеоружіе духовное.

Наконецъ Апостолъ зналъ, что Ефесеяне не будутъ болѣе видѣть его и отъ устъ его учиться: потому старался собрать, сколько можно, болѣе истинъ вѣры и благочестія, для всегдашняго руководства учениковъ своихъ. Оттого посланіе сіе столь обильно общими, для всѣхъ вѣрныхъ нужными, истинами (*).

V. Содержаніе и порядокъ посланія.

Итакъ главная цѣль посланія: утвердить Ефесеянъ въ истинномъ ученіи и обязанностяхъ Христіанскихъ (4, 1.). Соотвѣтственно сей цѣли, Апостолъ *вопервыхъ* изъясняетъ, въ чемъ состоитъ ихъ *званіе*, — изображаетъ существо, цѣль и плоды Христіанской

(*) См. выше *объ особенностяхъ посланія*.

вѣры (въ первыхъ трехъ главахъ); *потомъ* научаетъ ихъ *достойно ходити званія*, соотвѣтствовать духу и цѣли Христовой вѣры жизнію и нравами (въ послѣднихъ трехъ главахъ).

Частнѣйшее изложеніе содержанія можно представить въ слѣдующихъ чертахъ:

Послѣ *вступленія*, (1, 1. 2.).

I. Вѣроученіе. Описаніе *званія* Христіанъ, или существа, цѣли и плодовъ Христіанской Вѣры.

1) Предварительное и сокращенное изображеніе сего въ благодарной молитвѣ Апостола къ Богу (1, 3—14.).

а) Благодать избавленія и оправданія въ Іис. Христѣ (1, 3—8),

б) Соединеніе въ Немъ всего, и въ особенности Іудеевъ и Язычниковъ (1, 9—14.),

2) Пространнѣйшее и честнѣйшее изложеніе того же предмета (1, 15—гл. 3 *до конца*).

а) Дѣйствія Благодати искупленія и оправданія (1, 15—2, 10.),

б) Дѣйствія Благодати призывающей и соединяющей язычниковъ въ единую Церковь (2, 11—гл. 3 *до конца*).

II. Нравоученіе.

Увѣщаніе: *достойно ходити званія*.

1) Хранить единство вѣры и духа, (4, 1—16.) (соотвѣтственно Благодати соединяющей всѣхъ во едино).

2) Стараться о совершенствѣ жизни и нравовъ Христіанскихъ (4, 17. 6, 9.) (сообразно съ благодатію искупленія и оправданія). И

а) *вопервыхъ*: убѣгать суеты и пороковъ языческихъ (4, 17—5, 21.),

б) *потомъ*: съ вѣрностію исполнять должности общежительныя (5, 22—6, 9.).

Заключеніе. Возбужденіе вѣрныхъ къ твердости и постоянству въ искушеніяхъ и молитвѣ (6, 10—20.).— Утѣшеніе чрезъ Тихика (6, 21. 22.).— Апостольское благословеніе (6, 22. 24.).

СЛОВО

НА ДЕНЬ ВСЕМІРНАГО ВОЗДВИЖЕНІЯ ЧЕСТНАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ.

Приступая нынѣ къ поклоненію Кресту Христову, я думаю, Брат., каждый желалъ бы услышать что-либо съ сего Креста для своего назиданія. Но, крестъ— безмолвенъ!.. Безмолвенъ по тому, что съ него единожды и на всегда все изречено съ Голгоѳы: тамъ произнесена проповѣдь, которую должно слушать народамъ и вѣкамъ, до скончанія міра. По сему, желая слышать поученіе со Креста, надобно, Бр., перенестись для сего благоговѣйною мыслію на гору крестную, стать у подножія Распинаемаго Господа и внимать тому, что изходитъ изъ устъ Его. Такимъ образомъ можно услышать собственную проповѣдь своего Спасителя и Господа, и Крестъ Его не будетъ казаться безмолвнымъ. Чтобы облегчить для васъ сіе святое дѣло, я приму лице повѣствователя, и постараюсь представить послѣднія изреченія Господа со Креста, сколько можно, въ яснѣйшемъ для васъ свѣтѣ.

Седмь разъ разверзались уста Господа на Крестѣ, какъ бы по числу тѣхъ седми громовъ, кои будутъ гремѣть, по свидѣтельству Тайновидца, предъ кончиною міра (Апок. 10, 3). Три первыя

изреченія касаются болѣе тѣхъ лицъ, кои окружали Господа въ послѣднія минуты Его; четыре послѣднія выражаютъ прямо собственное состояніе Его на Крестѣ. Но, обратимся къ самому Кресту Христову.—

Послѣ разнообразныхъ страданій во дворѣ Каіафы, въ преторіи Пилата, и во дворцѣ Ирода,— послѣ изнурительнаго шествія подъ Крестомъ на Голгоѳу, наконецъ наступила минута казни. Древо утверждено въ землѣ. Послѣднія одежды совлечены. Распинаемый вознесенъ на Крестъ. Руки и ноги простерты. Ужасный млатъ стучитъ. Кровь потоками льется на землю.... Что сказалъ бы въ сію минуту, на семъ мѣстѣ, самый Архангелъ?..— Богочеловѣкъ кротко возводитъ очи къ небу и, въ слухъ всѣхъ, молится. О чемъ?— объ отмщеніи врагамъ, о защищеніи своего дѣла, о ниспосланіи себѣ терпѣнія?— Нѣтъ, *Отче*, вѣщаетъ Онъ, *отпусти имъ; невѣдятъ бо, что творятъ!*— не вѣдятъ!— такъ! Римскій воинъ— распинатель не зналъ, что дѣлалъ, бывъ только слѣпымъ орудіемъ повелѣній своего прокуратора— Пилата; Іудейская чернь не вѣдала, что творила, наущенная льстивыми и вмѣстѣ грозными внушеніями своихъ слѣпыхъ вождей и владыкъ; самъ Синедріонъ, при всей безнравственности своей, не зналъ навѣрное, что посягаетъ теперь на жизнь своего истиннаго Мессіи. *Аще бо быша разумѣли*, скажемъ словами Апостола, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Сколько однако же преступленій было въ этомъ невѣденіи,— особенно въ тѣхъ, кои такъ легко могли все увѣдать, и сто разъ смежали очи, чтобы ничего невидѣть!— И все это совершенно забыто Распинаемымъ!— Сколько, при самомъ невѣденіи, рѣзкихъ слѣдовъ преднамѣреннаго лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагахъ и гонителяхъ Іисусовыхъ личную злобу къ Нему, явное желаніе ожесточить казнь, и безъ того ужасную, обезславить Крестъ, самъ по себѣ поносный?— Но и это все пренебрежено Распинаемымъ!— А люттѣйшія болѣзни при пронзеніи рукъ и ногъ,— не достаточно ли было ихъ однихъ, чтобы самое первое чувство въ распинаемомъ сосредоточить теперь на Немъ самомъ, на Его собственныхъ страданіяхъ?— Но распинаемый Богочеловѣкъ возносится духомъ превыше всего; забываетъ свой Крестъ и свою смерть;— и, какъ Первосвященникъ по чину Мелхиседекову, едва возносится на Крестъ, какъ совершаетъ молитву о врагахъ своихъ: *Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ!*... О, кто по сей одной чертѣ неузнаетъ въ Распинаемомъ Агнца Божія, закалаемаго за грѣхи всего міра?— А вмѣстѣ съ симъ кто изъ истинныхъ послѣдователей Его не дастъ обѣта, быть кроткимъ къ врагамъ своимъ?— Кто ни разу въ жизни не простилъ своему врагу во имя Распятаго Спасителя своего, молившаго на Крестѣ о врагахъ своихъ, тотъ не Христіанинъ!—

Отъ распинателей и враговъ взоръ Господа со Креста обратился на Матерь и Ученика— друга, кои, не удерживаемые никакимъ страхомъ, получили наконецъ возможность приблизиться сквозь толпы народа ко Кресту такъ, что были видимы съ него. Въ другое время, въ другомъ мѣстѣ такое усердіе и такая близость могли бы служить въ утѣшеніе: но теперь, но здѣсь!... Взглядъ на безутѣшныхъ,

растерзанныхъ скорбію, Матеръ и Ученика, былъ новымъ источникомъ страданій для любвеобильнаго сердца Сына.— Но въ эномъ ли сердцѣ не достанетъ мужества и любви къ своимъ приснымъ?— Когда нужно было сотворить чудо всемогущества, Господь сказалъ Матери— на бракѣ въ Канѣ Галилейской: *не у пріиде часъ мой* (Іоан. 2, 3)! На бракѣ Голгоѳскомъ пріиде часъ всему! Взглянувъ на Матеръ, Господь немедленно сказалъ: *Жено, се сынъ твой!* Потомъ Ученику: *се Мати твоя!* Большаго утѣшенія нельзя было преподать со креста ни Матери, ни другу... Равно какъ, Брат., нельзя было оставить большаго вразумленія намъ о святости отношеній родственныхъ и дружескихъ. Въ самомъ дѣлѣ, размыслите: если Сынъ Божій, до самой смерти своей, являлся любвеобильнымъ Сыномъ своей Матери, постояннымъ другомъ своего Ученика; то какое званіе или какія отношенія могутъ уволить насъ отъ исполненія святаго долга любви къ нашимъ приснымъ по родству или дружбѣ?— Когда Крестъ не воспрепятствовалъ сдѣлать завѣщанія, обезпечивающаго самое земное состояніе оставляемой Матери: то что можетъ препятствовать намъ пещись о судьбѣ тѣхъ, кои останутся послѣ нашей кончины?— Апостолъ Христовъ давно замѣтилъ и изрекъ, что— нерадящій *о присныхъ своихъ, вѣры отрекся и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8)!—

Молитвою за враговъ, любвеобильнымъ завѣщаніемъ къ приснымъ, казалось, обняты, были со креста объ крайности любви чистой. Но оставалось еще мѣсто въ срединѣ— у самаго сердца, не прободеннаго еще копіемъ, но само собою отверстаго для всѣхъ. Кто же займетъ сіе мѣсто?— Кающійся— разбойникъ. Два злодѣя были распяты— одинъ одесную, а другой ошуюю— именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы распятіе Господа сдѣлать поноснѣе въ глазахъ цѣлаго Іерусалима: что нужды до сего любви, которая *вся покрываетъ?* (1 Кор. 13, 7). Одинъ изъ сихъ *обѣшенныхъ* молитъ помянуть его во царствіи,— и будетъ помянутъ сей же часъ.— Царь сего царства самъ теперь на крестѣ въ ужасныхъ мукахъ: что нужды и до сего? Пригвожденныя ко кресту руки не возпрепятствуютъ Владыкѣ жизни и смерти отверсть для кающагося, заключенный его грѣхами, Рай.— *Днесь со Мною будеши въ Раи*, отвѣчалъ Господь на молитву кающагося разбойника.— О, кто не увидитъ паки по сей одной чертѣ единороднаго Сына, которому вся Отецъ предалъ въ руки Его, который и на крестѣ остается Владыкою жизни и смерти, Господомъ Рая и Ада? Я уже не говорю о забвеніи при семъ Господомъ собственныхъ страданій: слыша царственныя слова: *днесь со Мною будеши въ Раи*, невольно думаешь, что слышишь ихъ не со Креста, а съ престола Царскаго.— Вотъ что значитъ, Брат., дѣлать свое дѣло, *дондеже день есть* (Іоан. 9, 4), дондеже есть послѣдній лучъ сего дня. Вотъ какъ можно святить самыя послѣднія минуты жизни, самыя страданія свои, самую борьбу съ смертію— дѣлами любви къ ближнимъ!— Блаженъ, кто подобно Спасителю своему, можетъ заключить на смертномъ одрѣ послѣднее употребленіе дара слова какимъ-либо словомъ назиданія или утѣшенія къ своимъ собратіямъ!

Судя по симъ тремъ изреченіямъ со Креста,— по молитвѣ за распинателей, по завѣщанію Матери и Ученику, по обѣтованію Рая разбойнику, можно было подумать, что Распятый Богочеловѣкъ самъ не терпитъ никакихъ мученій. Увы, сіи мученія были ужасны!— Однимъ изъ непосредственныхъ дѣйствій крестной казни въ распинаемыхъ было то, что кровь, остановленная въ естественномъ круговращеніи, устремлялась къ сердцу, производя мучительнѣйшее томленіе сердца и жажду. Сіе-то томленіе и сію-то крестную жажду претерпѣвалъ теперь единородный Сынъ Божій... Въ томъ, кто съ такимъ самоотверженіемъ доселѣ забывалъ всѣ свои страданія, достало бы, безъ сомнѣнія, и теперь мужества сокрыть ихъ въ себѣ самомъ: но къ чему бы послужила сія сокровенность креста, который и безъ того заключаетъ столько Таинствъ?— Вселенная должна была знать, земнородные должны были слышать изъ устъ самой всемірной жертвы, чего стоитъ очищеніе грѣховъ всего міра.— И сынъ человѣческій всегда являлся тѣмъ, чѣмъ былъ: радовался, когда была причина радости, плакалъ, когда находился у гроба Лазаря, или смотрѣлъ на Іерусалимъ, погибающій во грѣхахъ. Посему и теперь, палимый смертною жаждою, Богочеловѣкъ громко воскликнулъ: *жажду!*... Для утоленія именно сей потребности въ распятыхъ люди сострадательные имѣли обыкновеніе приносить разныя питія. Но злоба враговъ Іисусовыхъ, почла за долгъ преогорчить для него и сіи малыя капли утѣшенія. Вамъ извѣстно, Брат., какъ и чѣмъ утолена была жажда Господа— оцетомъ и желчію!. Блаженны мы, если не утоляемъ ее тѣмъ же—доселѣ! Ибо Господь доселѣ жаждетъ— нашего спасенія!— И что другое составляютъ для Него грѣхи наши, какъ не оцетъ съ желчію?—

Уже, по болѣзненному восклицанію *жажду!* можно было видѣть, Брат., что мученія пречистой плоти Господа достигли крайней степени страданій человѣческихъ. Но, какъ жертвѣ за грѣхи всего міра, Ему предстояло еще одно, лютѣйшее страданіе, коего никто изъ насъ не можетъ понести,— такая мука, коей не въ состояніи произвести вся злоба и могущество человѣческія. Кто же произвелъ? Отецъ! самъ Отецъ! Его правосудіе!... Будучи едино со Отцемъ по Божеству, Богочеловѣкъ, среди самихъ жестокихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій могъ изъ сознанія сего единства получать силы и утѣшеніе въ облегченіе свое. Карающее въ лицѣ его грѣхи людей правосудіе потребовало, чтобы и сей источникъ утѣшенія былъ загражденъ совершенно; и онъ загражденъ! Отецъ, самъ Отецъ оставилъ наконецъ Сына!— Не разлучаясь отъ человѣчества, Божество сокрылось такъ въ душѣ распятаго Богочеловѣка, что человѣчество Его предано было всѣмъ ужасамъ безпомощной скорби и Онъ обрѣлся, яко единъ отъ насъ. Такое чувство оставленія, въ такія минуты, было верхомъ мученій уже не для пречистаго тѣла токмо, а и для святѣйшей Души и духа. Ибо, что предполагало такое оставленіе? Все, что можетъ предположить мысль человѣческая самаго ужаснаго и безутѣшнаго. Духъ Сына человѣческаго, подобно плоти, не могъ не изнемочь подъ тяжестію сего внутренняго, уже не человѣческаго, а вполнѣ— Божественнаго Креста. Но

другаго Симона Киринейскаго не было и не могло быть: это былъ Крестъ нераздѣлимый.— Что же дѣлаетъ изнемогающій подъ симъ Крестомъ Богочеловѣкъ? Оставленный Отцемъ, Онъ паки обращается ко Отцу и вопіетъ: *Боже, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?* Оставилъ Ты, который всегда былъ со Мною, оставилъ Меня, который жилъ для единаго Тебя и умираю за имя Твое!... отвѣта не было!— Отецъ не внималъ Сыну! О, Брат., чувствуете ли всю крайность сего неисповѣдимаго страданія за васъ вашего Спасителя? сіи-то ужасныя минуты еще св. Давидъ называлъ *мученіями Адовыми*. Ибо и въ Адѣ нѣтъ люшѣйшаго мученія, какъ совершенное оставленіе мучимыхъ Богомъ. Примѣшимъ же, Брат., какъ должно поступать и намъ въ минуты подобнаго оставленія насъ благодатію Божіею, и куда обращаться за помощію и утѣшеніемъ: къ тому же Господу, который оставляетъ насъ. Посредствомъ сердечной молитвы мы паки возвратимся въ объятія его Отеческой любви.

Оставленіе Отцемъ было послѣднимъ пламенемъ для всесозженія Крестной жертвы. Послѣ сего не оставалось уже ни на землѣ, ни во Адѣ, чтобы еще можно было перенести, и чтобы не было перенесено. По сему, когда часъ ужаснаго оставленія прошелъ, умирающій Богочеловѣкъ въ слухъ всѣхъ воскликнулъ: *совершишася!* Такое слово, Брат., коего одна вѣчность покажетъ всю широту и всю силу. Ибо, сколько само св. Писаніе ни открываетъ намъ велпкаго плана премудрости Божіей о спасеніи грѣшнаго рода человѣческаго и всего міра Крестною смертію Сына Божія, но мы все еще далеко не видимъ всѣхъ основаній и всѣхъ слѣдствій сего безпримѣрнаго снисхожденія къ намъ любви Божественной. Съ Сіона, если дастъ Господь намъ взойти на него, съ Сіона узримъ то, что совершилось для насъ на Голгофѣ. Но, на Сіонъ, Брат., будетъ дано взойти только тѣмъ, кои, подобно Спасителю, могли сказать предъ смертію, что и въ ихъ жизни совершалась вся воля Божія о нихъ, совершилась по крайней мѣрѣ та всеблагая воля, чтобы мы отходили изъ сего міра, если не съ чистотою Праведниковъ, то съ покаяніемъ и вѣрою кающихся грѣшниковъ.

За симъ Господь еще разъ возрѣлъ на небо, и сказалъ: *Отче, вѣ руцѣ твои предаю духъ мой; и, преклонь главу, предаде духъ!*

Таковы были послѣднія слова Господа со Креста!— такова его Крестная проповѣдь!—

Каковы-то, Брат., будутъ наши послѣднія слова и достанется ли намъ произнести что-либо предъ нашею смертію?..— По крайней мѣрѣ мы должны быть всегда готовы къ смерти и стараться отходить изъ сего міра такъ, чтобы самая кончина наша была свидѣтельствомъ нашея вѣры и любви ко Господу, и, если можно, поученіемъ для нашихъ ближнихъ. Возлюбленный Спаситель нашъ, какъ вы сами видѣли, подаетъ намъ къ тому примѣръ наилучшій. Онъ ли не страдалъ на крестѣ? его ли смерть не была ужасна и даже поносна въ очахъ міра? но, зрите, какое терпѣніе, какая любовь къ ближнимъ, какая преданность въ волю Божію!— Подобно сему надобно умирать и каждому изъ насъ!— надобно отходить изъ сего міра безъ ропота и съ терпѣніемъ Христіанскимъ, устроивъ, по

вожжности, судьбу присныхъ своихъ, простивъ отъ всего сердца всѣмъ врагамъ своимъ, ознаменовавъ исходъ свой какими-либо дѣлами любви къ бѣдствующей братіи, предавъ на конецъ духъ и все существо свое во всеблагую волю Того, кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Поелику же, Господь нашъ былъ безгрѣшенъ и святъ, а мы, какъ бы не укоризненно ни старались вести жизнь свою, всегда совершаемъ не мало вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій; то, вмѣстѣ съ симъ, каждому надобно отходить изъ сего міра съ духомъ сокрушенія о грѣхахъ своихъ, съ живою вѣрою въ заслуги Искупителя, съ твердою рѣшимостію въ новомъ мірѣ продолжать жизнь новую и благодатную.

Сему поучаетъ насъ нынѣ безмолвный, повидимому, Крестъ Христовъ!— Аминь.

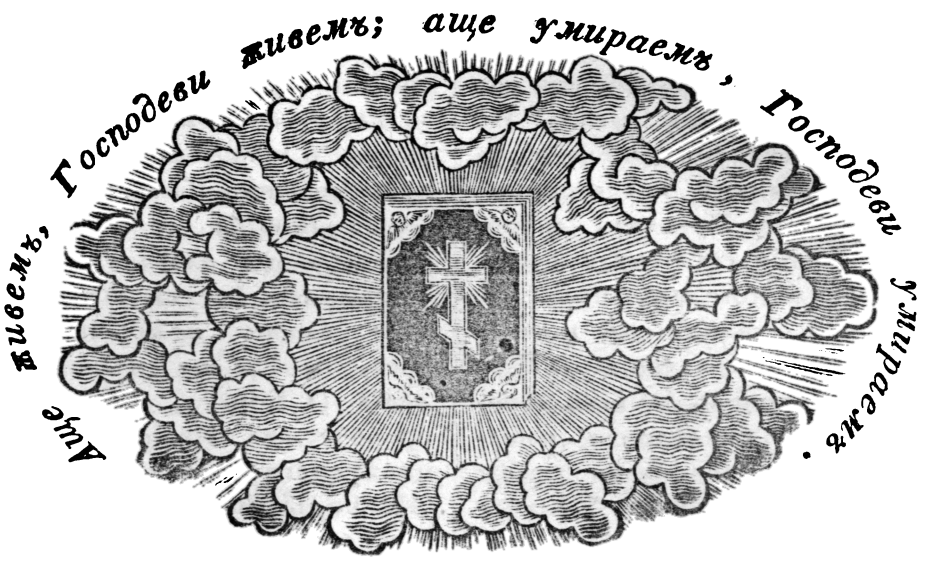
Горе сшивающимъ возглавійцы подъ всякій локоть руки, и сотворяющимъ покрывала подъ всякую главу всякаго возраста, еже развратити души! Іезек. 13, 18.

Истинный Пророкъ говоритъ это о лжепророкахъ, которые *развращали сердце праведнаго неправедно, и укрѣпляли руцѣ беззаконнику, еже отнюдь не обратитися ему отъ пути его злаго, и живу быти ему* (—22.). И такъ не только можно, но и непремѣнно должно говорить тѣмъ, которые къ тому призваны, въ слухъ другихъ, въ слухъ всякаго возраста и всякаго состоянія самыя строгія истины Евангельскія. *Горе мнѣ есть*, говоритъ Апостолъ, *аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16)! Какое же горе тѣмъ, которые станутъ благовѣствовать только угодное страстямъ человѣческимъ, поддѣлывать слово Божіе льстивымъ, краснорѣчіемъ? горе, горе имъ! они развращаютъ души; они, успокоивая совѣсть грѣшниковъ, и себя и ихъ приготовляютъ къ смерти вѣчной!

Но, любезный читатель! горе и намъ съ тобою, если мы извиняемъ грѣхи свои, заглушаемъ упреки совѣсти нашей шумомъ міра и страстей, если сами себѣ составляемъ возглавія подъ всякій локоть руки и покрывала подъ всякую главу всякаго возраста!.. Какимъ образомъ? главу нашу, если она еще юная, покоимъ на той ложной мысли, что юношескія страсти суть слабости извинительныя; главу въ возрастѣ мужескомъ извиняемъ множествомъ заботъ и суетъ мірскихъ, какъ будто онѣ болѣе необходимы намъ, чѣмъ спасеніе душевное; а главу сѣдую, старческую, защищаемъ отъ совѣсти самою немощію лѣнивой плоти а иногда и тою необходимостью, которую сами же произвели грѣховными привычками.— Не значитъ ли это укрѣплять руки себѣ, еже отнюдь не обратишися отъ пути злаго и живу быти?—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 17 Августа 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцовъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 25. НЕДѢЛЯ ПО ВОЗДВИЖЕНІИ. СЕНТЯБРЯ 18. 1838.

Апостолъ: 2 Коринѳ. 6, 16—18, 7, 1. Евангеліе: Матѳ. 15, 21—28.

ПРАЗДНИКЪ ВОЗДВИЖЕНІЯ ЧЕСТНАГО КРЕСТА.

Всемірное Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня есть одинъ изъ важнѣйшихъ Христіанскихъ праздниковъ. Первоначальное учрежденіе его, относится къ 4 вѣку. Константинъ Великій, пораженный чуднымъ видѣніемъ Креста, возымѣлъ благочестивое желаніе найти то самое древо, на которомъ распятъ былъ Спаситель міра. По его распоряженію, въ 326 году Императрица Елена отправилась въ Палестину и, послѣ многихъ усилій, при содѣйствіи силы небесной и Патріарха Іерусалимскаго Макарія, исполнила святое намѣреніе свое. Древо креста Господня, сокрытое Іудеями подъ языческимъ капищемъ, было обрѣтено, извлечено изъ нѣдръ земныхъ, и *воздвигнуто* для всемірнаго поклоненія. Съ того времени положено начало празднику Воздвиженія животворящаго Креста. Но окончательное установленіе его принадлежитъ 7 вѣку. Въ 614 году, Персидскій Царь Хозрой, овладѣвши Іерусалимомъ, вмѣстѣ съ прочими сокровищами, найденными въ храмѣ, похитилъ и древо креста. Однакожъ, по прошествіи 14 лѣтъ, оно было возвращено сыномъ его, Сироемъ, и принесено сперва въ Константинополь, а потомъ въ Іерусалимъ,

гдѣ принято съ живѣйшею радостію, при всеобщихъ восклицаніяхъ.

Поелику Императрица Елена обрѣла честный Крестъ Христовъ во время пасхальной недѣли; то праздникъ Воздвиженія въ восточной Церкви прежде совершался на другой день пасхи. Но въ 7-мъ столѣтіи съ воспоминаніемъ обрѣтенія Креста соединили воспоминаніе возвращенія его отъ Персовъ, и тогда оба сіи событія составили одинъ праздникъ Воздвиженія, названный въ Греческой Церкви *всемірнымъ и великимъ Христіанскимъ праздникомъ*. Онъ совершается 14 Сентября, по всей вѣроятности, въ день послѣдняго событія, и вмѣстѣ день храмоваго праздника Церкви, построенной въ 335 году Константиномъ великимъ въ Іерусалимѣ, для храненія въ ней Креста Господня. На западѣ сей праздникъ, извѣстный подъ именемъ *обрѣтенія св. Креста* и совершаемый 3 Маія, сдѣлался всеобщимъ уже въ 6 вѣкѣ; а до того времени совершался только въ одномъ Римѣ. Празднованіе Воздвиженію Креста продолжается 9 дней: начинается 13, а оканчивается 21 Сентября. Но приготовленіе къ нему начинается еще съ 1 Августа; ибо съ сего дня поются уже ирмосы изъ канона Воздвиженія на такъ называемой *катавасіи*, что продолжается до 21 Сентября, включительно.

Церковная служба Воздвиженію составлена изъ пѣснопѣній и священнодѣйствій, частію торжественныхъ, а частію умилительныхъ. Наканунѣ праздника, въ день обновленія Іерусалимскаго храма послѣ варварскаго разоренія, на великой вечерни читаются три *пареміи*, примѣненныя къ случаю: 1-я изъ книги Исхода, объ усла-

жденіи горькихъ водъ Мерры посредствомъ древа, указаннаго Богомъ Моисею, которое знаменуетъ чудодѣйственную силу древа Крестнаго, услаждающаго всѣ горести во время земнаго странствія нашего къ небесному Іерусалиму;— 2-я изъ притчей Соломоновыхъ, о пріобрѣтеніи и превосходствѣ премудрости, безъ сомнѣнія, *премудрости Божіей въ тайнѣ сокровенной*, премудрости *слова крестнаго*, то есть, ученія объ Іисусѣ Христѣ распятомъ, *иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 30. 2, 7);— 3-я изъ пророчества Исаіи, о славѣ Креста, именуемаго здѣсь *мѣстомъ ногъ* Божіихъ (Ис. 60, 13), и о необходимости духовнаго Іерусалима, или Церкви Христовой, для спасенія народовъ. Изъ числа 9-ти стихиръ, поемыхъ на *литіи*, сочинителемъ первыхъ трехъ, какъ явствуетъ изъ надписаній, былъ Андрей Іерусалимскій, Епископъ Критскій, четвертой— Ѳеофанъ Исповѣдникъ, жившій въ концѣ 8 и началѣ 9-го столѣтій, пятой— Кипріанъ, коего время жизни неизвѣстно, шестой и седмой— Левъ Деспотъ, вѣроятно, Императоръ Левъ мудрый, составившій нѣкоторыя пѣснопѣнія для употребленія въ Церкви, осьмой и девятой— Анатолій, Патріархъ Константинопольскій, жившій въ 5 вѣкѣ. Изъ стихиръ стиховныхъ, послѣдняя принадлежитъ Іоанну Монаху, то есть, Дамаскину. Канонъ, положенный на утрени въ день Воздвиженія и начинающійся словами: *крестъ начертавъ Моисей*, состоитъ изъ самыхъ величественныхъ и благогласныхъ пѣснопѣній, въ коихъ изображаются спасительныя дѣйствія и торжество Кре-

ста Господня. Онъ есть твореніе Космы Іерусалимскаго, Епископа Маюмскаго.

На Литургіи, предъ малымъ входомъ, поются *антифоны*, заимствованные изъ Псалмовъ 21, 73 и 98; а вмѣсто *трисвятаго* возглашается пѣснь: *Кресту твоему, покланяемся Владыко, и святое Воскресеніе твое славимъ*,— пѣснь, усвоенная исключительно тѣмъ днямъ, которые посвящены воспоминанію Креста Христова. Въ дневномъ Евангеліи, отъ Іоанна, описываются осужденіе на смерть и распятіе Спасителя, и нѣкоторыя послѣдующія событія. Церковныя поученія древнихъ Пастырей на праздникъ Воздвиженія служатъ доказательствомъ, что онъ первоначально установленъ вдругъ послѣ обрѣтенія Креста св. Еленою. Особыя проповѣди на сей праздникъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Златоуста, Максима Тавринскаго, Кирилла Александрійскаго, Исидора Пелусіотскаго, Софронія Іерусалимскаго, Андрея Критскаго, Ѳеофана Студійскаго. Кромѣ того, о немъ упоминаютъ: св. Амвросій Медіоланскій въ надгробной рѣчи Ѳеодосію, св. Кириллъ Іерусалимскій въ огласительномъ словѣ и св. Павлинъ въ посланіи къ Северу.

Въ ряду Богослужебныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ день Воздвиженія, особенно достопримѣчателенъ одинъ, коимъ изображаются самыя событія, послужившія поводомъ къ учрежденію празднества. Во время всенощнаго бдѣнія, установлено Церковію *торжественное поклоненіе Кресту*. Приготовленіе къ сему обряду начинается послѣ малой вечерни. Крестъ святый, обложенный благовонными травами, съ приличною церемоніею износится тогда изъ жертвенника въ олтарь однимъ изъ пресвитеровъ и полагается на престолѣ, на мѣстѣ Евангелія. Подъ конецъ утрени, послѣ великаго славословія, настоятель Церкви, въ полномъ священномъ облаченіи, подъемлетъ съ престола приготовленный Крестъ на свою главу; потомъ, въ сопровожденіи сослужащихъ съ кадильницами и свѣчами, при особенномъ колокольномъ звонѣ, износитъ его изъ Алтаря на царскими вратами, но тѣсными сѣверными дверьми, какъ бы изъ нѣдръ земли, и останавливается въ Церкви на предолтарномъ амвонѣ. Тамъ, при возглашеніи краткихъ молитвъ о всеобщемъ спасеніи, онъ медленно склоняется съ нимъ *долу*, а послѣ такимъ же образомъ воздвигается; между тѣмъ клиръ, во все сіе время, протяжно поетъ: *Господи помилуй*, понижая голосъ по мѣрѣ склоненія Креста, и возвышая по мѣрѣ возвышенія его. Съ таковымъ поклоненіемъ обращается настоятель ко всѣмъ четыремъ странамъ, осѣняя Крестомъ всѣ концы міра, и напослѣдокъ опять обращается къ востоку въ пятый разъ, при молитвѣ о всякой душѣ Христіанской. По окончаніи сего обряда, св. Крестъ полагается на налоѣ и совершается всеобщее поклоненіе ему, при установленныхъ пѣснопѣніяхъ. Впрочемъ полный обрядъ Воздвиженія Креста въ великой Россіи имѣетъ употребленіе только въ нѣкоторыхъ, преимущественно же первопрестольныхъ храмахъ, а въ другихъ бываетъ одно поклоненіе Кресту, выносимому священниками на средину Церкви, при окончаніи всенощнаго бдѣнія. Симъ обрядомъ указывается на дѣйствія, бывшія при обрѣтеніи св. Креста и при возвращеніи его отъ Персовъ. При томъ и другомъ случаѣ Патріархъ Іерусалимскій, на возвышенномъ мѣстѣ,

воздвигалъ, или возносилъ древо Крестное для показанія его народу и осѣнялъ имъ всѣ страны; народъ же, какъ говоритъ преданіе, при каждомъ подъятіи повергался *ницъ* и восклицалъ: *Господи помилуй!*

Въ честь Распятаго на Крестѣ и для возвышенія благоговѣнія къ празднеству, оно соединено съ постомъ, и донынѣ составляющимъ необходимую принадлежность его. Сія особенность получила начало отъ Императора Ираклія, который, возвративъ изъ Персіи св. Крестъ, несъ его въ храмъ на раменахъ своихъ, въ простой одеждѣ и съ необувенными ногами, сообразно тому уничиженному состоянію, въ какомъ Сынъ Божій, шествуя на вольную страсть, влачилъ сей самый Крестъ по стогнамъ Іерусалимскимъ; почему и заповѣдано день возвращенія его провождать въ постѣ. Церковь запрещаетъ въ сей день употребленіе мясъ сыра и даже рыбы, но дозволяетъ *утѣшеніе братіи отъ елея и вина и прочихъ снѣдей овощныхъ*. Къ особенностямъ праздника Воздвиженія должно отнести и то, что онъ одинъ только, изъ числа такъ называемыхъ *Господскихъ*, посвященъ воспоминанію событія не изъ Евангельской Исторіи. Притомъ, кромѣ празднованія въ 14 день Сентября, для большей торжественности празднуются еще особо два ближайшіе къ нему воскресные дня: *недѣля предъ Воздвиженіемъ и недѣля по Воздвиженіи*, каковое преимущество усвояется только не многимъ важнѣйшимъ праздникамъ. Важность его равномѣрно доказывается и тѣмъ, что, если онъ случится въ Воскресный день, то во время Богослуженія, по Церковному Уставу, ничто Воскресное не поется, и даже не читается Евангеліе Воскресное, а совершается вся служба праздника; также оставляется и воспоминаніе успенія св. Іоанна Златоуста, послѣдовавшаго въ сей самый день; оно переносится на 13 число Ноября, *Воздвиженія ради честнаго Креста, праздника Господскаго*, какъ сказано въ Уставѣ. Въ общемъ кругѣ Церковномъ, праздникъ сей, какъ первый послѣ осенняго равноденствія, составляетъ эпоху, съ которой начинаются нѣкоторыя измѣненія въ повседневномъ Богослуженіи. По принятому въ Россіи обычаю, симъ днемъ оканчиваются всенощныя бдѣнія съ вечера; отселѣ они совершаются утромъ до недѣли св. Пасхи.

Въ празднованіи Воздвиженія Церковное торжество нѣкоторымъ образомъ соединено съ Государственнымъ, каковому соединенію положилъ начало, вѣроятно, Императоръ Ираклій. Вся служба Воздвиженію, кромѣ духовнаго радованія, проникнута звуками патріотическаго, побѣднаго восторга. Въ пѣсняхъ своихъ Церковь славитъ Крестъ, какъ залогъ побѣдъ, и молитъ Бога о дарованіи православнымъ Монархамъ непрерывныхъ торжествъ надъ врагами. Извѣстный тропарь праздника: *Спаси, Господи, люди твоя*, повторяется при всѣхъ Государственныхъ празднествахъ, какъ пѣснь царственная по превосходству. Въ послѣднія времена, съ праздникомъ Воздвиженія соединено воспоминаніе *Священнаго Союза* Европейскихъ Монарховъ, образовавшагося по плану Императора Александра I. Актъ сего союза, подписанный въ Парижѣ 14 Сентября 1815 года, посвященъ Кресту и, по установленію, ежегодно въ тотъ же самый день чи-

шается во всѣхъ Церквахъ Россійской Имперіи. Въ нравственномъ отношеніи, празднованіе въ честь Воздвиженія Креста Господня и поклоненіе животворящему Древу, на которомъ Христосъ распятъ былъ для нашего спасенія, напоминаютъ Христіанину о обязанности самоотверженія и *распятія плоти* своей *со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити*, говоритъ Спаситель, *да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ми* (Лук. 9, 23. Марк. 8, 34. Матѳ. 16, 24); *И иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ мене не грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 38).

И сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніи, сооживи Христомъ,—и съ Нимъ воскреси, и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ.

Ефес. 2, 5. 6.

Такова безконечная любовь къ намъ Божія! Недовольно было ей простить намъ согрѣшенія для искупительной смерти Сына Божія: съ симъ величайшимъ даромъ она соединяетъ и всѣ, еще высшія дарованія, какія только можетъ вмѣстить природа человѣческая. Чего не вмѣстило чистое человѣчество во Христѣ Іисусѣ? оно препрославлено, обожено и посаждено на престолѣ Славы. Потому неистощимая любовь Божія усвояетъ и намъ не одну спасительную смерть Богочеловѣка, но и Его воскресеніе, Его вознесеніе на небо и посажденіе на небесныхъ. *И сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніи*, говоритъ Апостолъ, *сооживи Христомъ, и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ*.

Что значитъ это спосажденіе наше на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ, это *наше* вознесеніе? Изглаголать сію высокую тайну для нашего разумѣнія могъ развѣ одинъ тотъ, который возносился, еще пребывая на земли, до третіяго неба и который, живя здѣсь, жилъ не столько земною жизнію, сколько небесною. Но тотъ же Апостолъ говоритъ и намъ: *горняя мудрствуйте* (Кол. 3, 2), и даже молится, да дастъ намъ Богъ *просвѣщенна очеса сердца—увѣдѣти, кое есть упованіе званія Его, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ* (Ефес. 1, 16—18.). И такъ, надѣясь на молитву Бож. Апостола, дерзнемъ и мы размыслить о нашемъ вознесеніи, или о возвышеніи человѣчества нашего къ небесному.

Апостолъ самъ приводитъ насъ къ нѣкоторому понятію о нашемъ вознесеніи съ І. Христомъ. Онъ, говоря о прославленіи Богочеловѣка и о посажденіи Его одесную Бога, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства, присовокупляетъ: *и вся покори подъ ногъ Его, и того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его—исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Ефес. 1, 21—23.).—І. Христосъ есть высочайшая Глава всѣхъ вѣрующихъ, а вѣрующіе, или вся Церковь Христіанская есть тѣло Его:—но можетъ ли тѣло не участвовать въ той жизни, которою наслаждается глава? могутъ ли и вѣрующіе не изобиловать тѣми Божественными силами, которыми исполненъ высочайшій ихъ Первообразъ, вознесенный на самый престолъ Божества? Такъ! Св. Церковь, подъ Божественною Главою сво-

ею, и есть *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ*. Отъ престола Славы, отъ высочайшаго источника Благодати ліются на нее непрестанно *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, и сіи силы оживляютъ, возбуждаютъ силы природы человѣческой, освящаютъ ее и возвышаютъ къ небесному и божественному. Не таковы ли силы въ таинствахъ св. Церкви? Что иное въ нихъ, какъ не живое, непрестанное сношеніе всѣхъ вѣрующихъ съ Божественною Главою своею? Не подаются ли намъ въ нихъ, силы обоженнаго человѣчества І. Христова? Кромѣ того въ Церкви дѣйствуетъ животворящая и воскрешающая сила слова Божія; дѣйствуютъ ученія и примѣры Святыхъ Божіихъ; дѣйствуютъ многообразно, небесною силою, самые Святые Божіи человѣки; дѣйствуютъ и небесныя силы духовъ, посылаемыхъ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе. Но сколько еще, невѣдомыхъ намъ и по имени, силъ святыхъ дѣйствуетъ въ великомъ тѣлѣ Христовомъ, дѣйствуетъ для возвышенія облагодатствованной природы человѣческой! Такимъ образомъ духовное небо отвсюду окружаетъ св. Церковь, какъ вещественное небо — шаръ земный.

Гдѣ явственнѣе можемъ видѣть возвышеніе человѣчества къ небесному? Въ Исторіи св. Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, не очевидно ли здѣсь то, какъ мертвые прегрѣшеньми оживляются, воскресаютъ съ І. Христомъ и спосаждаются съ Нимъ на небесныхъ? Что было человѣчество до явленія въ немъ Благодати Христовой? Область темная, исполненная мерзостями идолопоклонства, всякаго суевѣрія, нечестія и всѣхъ возможныхъ беззаконій. Но вотъ, среди этой тьмы, зажигается небесный свѣтъ въ Іудеи, распространяется въ другія страны вселенной: и тьма исчезаетъ, свѣтъ Божій озаряетъ цѣлые народы; идолы истребляются и уступаютъ мѣсто безчисленнымъ Храмамъ Христовымъ; суевѣріе уступаетъ мѣсто Божественной Вѣрѣ, нечестіе и беззаконіе — святости и благочестію! Церковь Христова не могла не встрѣтить многихъ враждебныхъ силъ себѣ; возстаютъ противъ нее лютыя гоненія повсюду: но какъ бы для того только, чтобъ вѣрующіе еще болѣе очищались отъ привязанности ко всему земному и болѣе вознеслись къ небесному. И вотъ являются безчисленные воины Христовы, всѣмъ жертвующіе для верховнаго Царя своего, и своею мученическою кровію еще болѣе напаяютъ, посѣянныя на земли, сѣмена безсмертной жизни. Еще не престали гоненія; — и возжигаются новыя свѣтила небесной жизни — въ пустыняхъ, въ горахъ и вертепахъ: это люди, оставившіе всѣ прелести міра, подвергшіе себя добровольно всѣмъ лишеніямъ и скорбямъ для Царства небеснаго, и во плоти провождавшіе жизнь безплотныхъ! Наконецъ, и въ мірѣ, лучшіе умы познаютъ всю благотворность святой Вѣры Іисусовой; — и вотъ являются великіе образцы Христіанскихъ добродѣтелей на престолахъ Царскихъ и въ хижинахъ земледѣльцевъ, на поляхъ брани и въ жилищахъ мира, среди богатства и великолѣпія мірскаго и среди бѣдности, на одрахъ болѣзней и смерти: всѣ отношенія общественныя, всѣ званія и состоянія въ мірѣ освящаются и какъ бы сливаются въ одно священное званіе Христіанъ — гражданъ небесныхъ! Что потомъ? даже Исторія

возвышенія человѣчества повторяется у многихъ другихъ народовъ, во всѣхъ вѣкахъ послѣдующихъ; являются новые Апостолы и мученики, святые отшельники и пустынножители, святые Цари и Пастыри Церкви, являются избранные Божіи во всѣхъ состояніяхъ.

Мы неможемъ рѣшить, сколько и какъ возвышается человѣчество и нынѣ силою Вознесшагося на небо и вся къ Себѣ влекущаго. Не скажемъ, чтобъ наша большая утонченность ума и вкуса была доказательствомъ большаго совершенства Христіанскаго: нѣтъ! совершенство Христіанское свидѣтельствуется не успѣхами наукъ и искуствъ, а совершенствомъ жизни, силою и плодами любви къ Богу и человѣкамъ. Но съ другой стороны, если видимъ нынѣ утонченность и большую силу страстей и развращенія человѣческаго, не можемъ сказать, чтобъ силы Благодати теперь были скуднѣе, нежели прежде. Апостолъ говоритъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова Благодать* (Рим. 5, 20): и потому нѣтъ сомнѣнія, что если въ однихъ усиливается невѣріе, нечестіе и беззаконіе, то въ другихъ тѣмъ болѣе свѣтлѣетъ вѣра, возвышается благочестіе и добродѣтель. Довольно знать намъ, и мы въ томъ можемъ быть совершенно увѣрены, что Благодать и нынѣ одна и таже, такъ какъ І. Христосъ, *пребывающій* съ Церковію *до скончанія вѣка, вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр 13, 8): и нынѣ тѣже средства благодатныя, тѣже таинства въ Св Церкви, тоже самое слово Божіе, тѣже и святые помощники намъ небесные, или даже еще большее число ихъ, нежели было въ вѣкахъ прежнихъ. Знаемъ также и то, что возвышеніе человѣчества должно продолжаться до скончанія вѣка; что между тѣмъ, какъ, по словамъ таинновидца, *обидяй, будетъ обидѣть еще, сквернный сквернится еще*, напротивъ *праведный будетъ творить правду еще, и святый святится еще* (Ап. 22, 11); и что на конецъ, силою Вседѣйствующаго и Всесовершающаго, не только природа человѣческая, но и вся видимая природа измѣнится въ природу безсмертную небесную.

Особенно мы, чада православной Церкви, не можемъ жаловаться на недостатокъ благодатныхъ средствъ. Не окружены ли мы священными памятниками благочестія нашихъ предковъ? не дышемъ ли святынею, отъ нетлѣнныхъ мощей угодниковъ Божіихъ исходящею? не вспомоществуетъ ли успѣхамъ вѣры само Христолюбивое правительство наше? не предшествуетъ ли намъ въ благочестіи самъ Благочестивѣйшій Монархъ нашъ и вся Высочайшая фамилія Его? не украшается ли отечество наше и нынѣ новыми благолѣпными храмами и св. Обителями?—Отечество наше видимо возвышается во всѣхъ отношеніяхъ, по своей жизни Государственной: уже ли не возвышается оно и въ жизни Божіей, духовной?— О! не дай Богъ намъ того гибельнаго счастія, которое было бы въ разногласіи съ совершенствомъ Христіанскимъ!— нѣтъ! есть, безъ сомнѣнія, и нынѣ Христіане истинные, есть во всѣхъ состояніяхъ и званіяхъ: но кто они? мы не можемъ указать на нихъ,—потому что мы не сердцевѣдцы; но можемъ сказать то, каковы они.

Есть у насъ обители, и въ нихъ, безъ сомнѣнія, есть люди, живущіе небесною жизнію. Это тѣ, которые оставили міръ не наружно только, но

и внутренно; они не знаютъ нашего мірскаго корыстолюбія, посвятивъ себя нестяжательности и нищетѣ духовной; не знаютъ нашего сластолюбія, обрекши себя святому дѣвству и строжайшему воздержанію; не знаютъ честолюбія и гордости, исполняя свои обѣты смиренія и послушанія. Все сердце ихъ отдано Господу и духъ ихъ питается святыми помыслами, словомъ Божіимъ и молитвами.

Есть у насъ Пастыри, и между ними тѣ, которые истинно достойны названія Пастырей добрыхъ, преемниковъ не власти токмо, но и духа Апостольскаго. Это тѣ, которые пасутъ не себя, а стадо Христово, и готовы положить за него души свои; тѣ, которые учатъ насъ не словомъ только, но и примѣромъ святой Христіанской жизни; тѣ, которые какъ отцы болѣзнуютъ и пекутся о духовныхъ чадахъ своихъ и, непрестанными молитвами своими, низводятъ на насъ благословеніе небесное.

Есть, конечно, небесные граждане и въ мірскихъ состояніяхъ гражданскихъ. Въ состояніяхъ высшихъ это тѣ, которые чѣмъ болѣе возвышены надъ другими, тѣмъ болѣе смиряютъ себя предъ Богомъ и человѣками; которые сіяютъ не столько титулами и отличіями внѣшними, сколько добродѣтелями и высокими качествами духа; чѣмъ болѣе имѣютъ силы и власти тѣмъ болѣе производятъ добра для ближнихъ своихъ,— которыхъ всѣхъ любятъ они, какъ братій своихъ, которымъ служатъ отеческою заботливостію не только о потребностяхъ ихъ житейскихъ, но и о духовныхъ, и подаютъ въ себѣ высшій примѣръ благочестія Христіанскаго.

Кто небесные граждане въ нашихъ состояніяхъ среднихъ? это люди, занимающіеся честными промыслами, ремеслами и торговлею, но недѣлающіе изъ того пагубныхъ сѣтей для душъ своихъ, уповающіе, по ученію Апостола, не на богатство, но на Бога жива, и богатѣющіе дѣлами добрыми болѣе, нежели благами земными (1 Тим. 6, 17. 18). Если богатство течетъ къ нимъ, они не прилагаютъ къ нему сердца своего, и безпокоятся не о томъ, какъ болѣе преумножить богатство, а о томъ, какъ наилучшимъ образомъ употребить его въ славу Божію и во благо ближнихъ. А, если богатство оставляетъ ихъ, они не оставляютъ и тогда уповать на Господа, и смиренно говорятъ съ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъя! аще благая пріяхомъ отъ Господа, то злыхъ ли нестерпимъ?*

Наконецъ и въ низшихъ состояніяхъ есть предъ Богомъ, высокіе по благочестію, Христіане. Таковы на прим. земледѣльцы, живущіе сами и насъ питающіе отъ земли, но очень хорошо знающіе, что какъ земля ихъ питается отъ неба, такъ и душа человѣческая;— которые, засѣвая поля свои сѣменами земными, засѣваютъ и молитвою, а на нивѣ сердецъ своихъ возращаютъ сѣмена слова Божія и плоды Христіанскихъ добродѣтелей. Таковы и тѣ вѣрные служители господъ своихъ, которые увѣрены, что они, служа имъ по волѣ Божіей, служатъ тѣмъ самому Господу, служатъ имъ не изъ страха человѣческаго, а по страху Божію, съ любовію и усердіемъ, и, не имѣя свободы гражданской живутъ и дѣйствуютъ по свободѣ Евангельской, какъ свободники Христовы.

Такъ, Брат., есть избранные Божіе повсюду, хотя они большею частію

не замѣтны для міра. И какъ не быть имъ! ими держится и міръ: не для нихъ ли милуетъ Господь и грѣшниковъ? не по ихъ ли молитвамъ мы сами живемъ и благоденствуемъ?—Есть на земли люди живущіе небесною жизнію, духомъ всегда пребывающіе съ Господомъ, и гдѣ сокровище ихъ, тамъ и сердце ихъ: что же мы сердцемъ тяготѣемъ къ земли и духомъ къ плоти, а не устремляемъ и духъ и сердце къ небесному? *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*. Если мы еще мертвы грѣхами; то Благодать вопіетъ къ намъ: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ и освѣститъ тя Христосъ!* А если уже началась въ насъ новая жизнь, духовная; то Благодать призываетъ насъ къ высшему званію, и словами Апостола Павла напоминаетъ намъ: *аще воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя*.

ВѢРА И ЗНАНІЕ.

СВИДАНІЕ 2-Е.

В. Здравствуй, любезный собратъ!

З. Благодарю за титулъ! Только прошу почитать его за одинъ титулъ,— неболѣе.

В. Какъ? Не успѣли породниться, и уже отпираться отъ родства?

З. Нѣтъ, не отпираюсь; но не хочу и заперетъ себя въ немъ.

В. Кто тебя думаетъ сажать въ крѣпость?—

З. Но, и оковы вѣры стоятъ чего-нибудь.

В. Оковы?—Скажи лучше прекрасныя рамы, кои придаютъ величіе картинѣ, безъ коихъ она теряется въ пустотѣ.

З. Неизмѣримой картинѣ какая нужда въ золотыхъ рамахъ?—

В. Чегожъ тебѣ хочется?

З. А вотъ чего: хотя я и произошло вмѣстѣ съ тобою, вѣрою; можетъ быть, отчасти, и отъ подобной тебѣ— вѣры: только настоящее положеніе мое и самая природа не терпятъ вѣры. Я знаю и— существую!—

В. А я такъ вѣрю, что мы можемъ всегда жить вмѣстѣ, если не какъ мать съ сыномъ, такъ по братски.

З. Чтожъ изъ того, что ты вѣришь? мнѣ надобно видѣть.

В. А ты въ этомъ отчаеваешься?—

З. По крайней мѣрѣ не вижу.

В. Такъ вѣра поможетъ видѣть.

З. Знаю, что ты будешь проповѣдывать; да не то мнѣ надобно.

В. Скажи мнѣ одно: разставшись на всегда съ вѣрою, ты въ самомъ дѣлѣ будешь все вдругъ видѣть и знать?—

З. Вотъ еще вопросъ! Разумѣется не *все*, тѣмъ паче *не вдругъ*: но я буду идти во всемъ до очевидности.

В. Какимъ образомъ?—

З. Посредствомъ размышленія и сужденій.

В. Добраго пути! но скажи, пожалуй, почему ты такую силу приписываешь своимъ сужденіямъ?—

З. Потому, что они истинны.

В. А какъ узнать, что они истинны?

З. Всегда, когда сходны съ законами ума.

В. По этому все сходное съ законами ума для тебя истинно?—

З. Разумѣется.

В. А почему такъ?—

З. Потому, что законы ума выражаютъ истину.

В. Ты это можешь доказать?

З. Нѣтъ, это выше доказательствъ: не будь этого, такъ не будетъ и истины.

В. Прекрасно!— Смотри же теперь само, на чемъ окончательно утверждаются всѣ твои сужденія, чрезъ кои ты думаешь доходить до истины.

З. Да, если угодно, на вѣрѣ, только— въ умъ человѣческій.

В. Видишь же, что безъ вѣры тебѣ никакъ нельзя обойтись.

З. Съ этою вѣрою я никогда не разстанусь.

В. Бѣдное! такъ ты вѣришь въ умъ человѣческій, а въ умъ Божій не хочешь вѣрить?—

З. Кто тебѣ сказалъ это?

В. Иначе почему же ты не вѣришь вѣрѣ, которая отъ Бога?

З. Съ тобою всегда дойдешь до вѣры: ты такъ уже создана.

В. Нѣтъ, я беру вѣру не изъ себя, а изъ тебя.

З. Не спорю, что въ основаніи моихъ умствованій всегда лежитъ вѣра въ умъ: но больше— ни на шагъ. Тутъ мы сходимся съ тобою; а больше— нигдѣ.—

В. Я не держу тебя; оставайся съ вѣрою въ умъ; только отъ ума вѣдь еще далеко до, любимой твоей, абсолютной истины.

З. Конечно не близко.

В. Между твоимъ умомъ и бытіемъ самыхъ вещей бездна не проходимая.

З. Знаю, лучше твоего.

В. Какъ же ты перешагнешь эту пропасть?—

З. Помощію умозаключенія.

В. Какаго?

З. Самаго простаго: я предполагаю, что законы бытія вещей и законы нашего ума согласны между собою и выражаютъ другъ друга.

В. Предполагаешь, слѣдовательно, еще не знаешь?

З. Конечно.

В. Не знаешь, слѣдовательно, вѣришь?

З. Положимъ.

В. Вѣришь не меньше, какъ въ предуставленную Богомъ гармонію всей природы?—

З. Не даромъ не хотѣло я вступать съ тобою въ разговоръ: теперь кругомъ вѣра!—

В. Не бойся этого круга; онъ лучше и просторнѣе всѣхъ твоихъ клѣточекъ, или силлогизмовъ.

З. Ты, пожалуй, отыщешь еще квадратуру этаго круга.

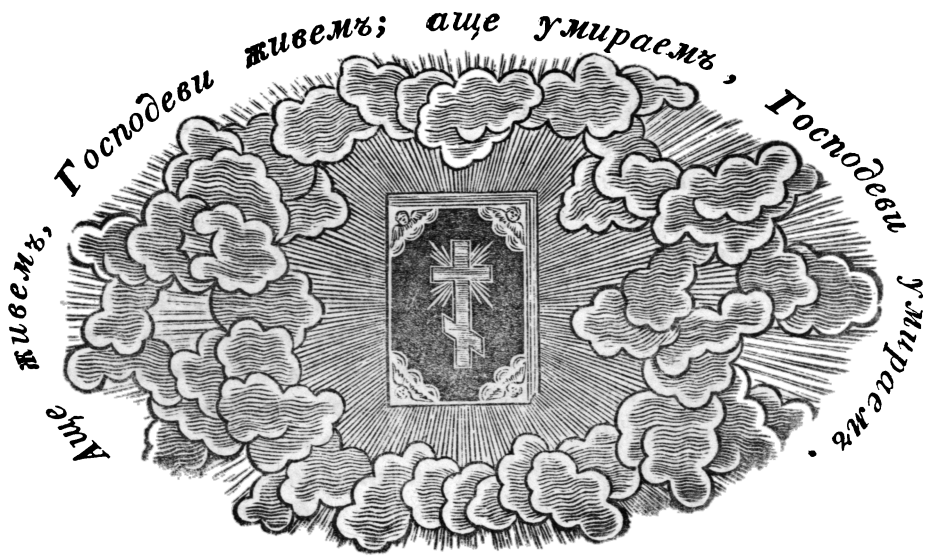
В. А почему не такъ?

З. Въ другое время: прощай!

В. Не забудь, по крайней мѣрѣ, что *знаніе не только отъ вѣры, но безъ вѣры и быть не можетъ; что гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и знанія*.—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 24 Августа 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцовъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 26. НЕДѢЛЯ 18 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. СЕНТЯБРЯ 25. 1838.

Апостолъ: 2 Кор. 9, 6—11. Евангеліе: Лук. 5, 1—11.

Софія и ея дщери, Вѣра, Надежда и Любовь (*).

Прекрасны и удивительны по всему сіи святыя Мученицы— мать съ тремя юными дщерями. Прекрасны имена ихъ; прекрасны личныя свойства ихъ; прекрасна готовность ихъ подъ вѣнецъ мученичества; прекрасно исповѣданіе ихъ предъ мучителемъ; прекрасны и самыя подвиги ихъ мученичества!

Имя Матери, *Софія (премудрость)*, есть имя матери всѣхъ добродѣтелей Христіанскихъ, о которой сказалъ Соломонъ; что она *честнѣйши есть камней многоцѣнныхъ, всяко же честное недостойно ея есть* (Притч. 3, 15), и что она *вѣ путехъ правды ходитъ и посредѣ стезь оправданія живетъ* (— 8, 20). Имена трехъ дщерей Софіи: *Вѣра, Надежда*—и *Любовь*, суть имена трехъ Евангельскихъ добродѣтелей, которыя объемлютъ всѣ совершенства истиннаго Христіанина (1 Кор. 13, 13). Замѣчательно, что имена трехъ дѣвъ—Мученицъ для того, чтобъ значеніе ихъ было всякому ощутительно, переводятся на разные языки такъ, какъ бы они не были именами собственными. По Гречески Мученицы называются: Πίστις, Ἐλπὶς, Ἀγάπη; по Римски: Fides, Spes, Charitas; у насъ: *Вѣра, Надежда, Лю-*

(*) Память ихъ 17 Сентября.

бовь; у Коптовъ: Basenes, Helis, dhani (*).

Личныя свойства святой Софіи и ея дщерей были не менѣе прекрасны, какъ и имена ихъ. Софія украшалась всѣми тѣми свойствами, которыя приписываетъ Ап. Іаковъ Софіи, или премудрости, свыше сходящей, говоря что она *первѣе чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17). Оставшись вдовою въ Римѣ, во времена, когда еще весьма сильно было язычество (2-мъ вѣкѣ), она умѣла сохранить дочерей своихъ отъ всѣхъ обольщеній свѣта, и вдохнула въ нихъ духъ истиннаго благочестія Христіанскаго. Дочери ея упражнялись въ чтеніи св. Писанія, въ молитвахъ, въ домашнихъ трудахъ; украшались скромностію, смиреніемъ и особенно тѣми добродѣтелями, которыхъ имена онѣ носили; славились не только красотою, но и удивительнымъ разумомъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. Старшая (Вѣра) имѣла только 12 лѣтъ, средняя — 10, а меньшая 9, когда Имп. Адріанъ захотѣлъ самъ видѣть это прекрасное семейство.

Благочестивая Софія, давно уже обручившая дщерей своихъ Жениху небесному, и зная, что ихъ ожидаетъ мученичество, съ большею тщательностію приготовляла ихъ къ вѣнцу мученическому, нежели съ какою другая мать готовитъ дочерей своихъ къ вѣнцу брачному. Позванная къ Царю, она тотчасъ, вмѣстѣ съ дщерями, обратилась на молитву и просила вышней помощи на подвигъ мученичества; а потомъ, когда имъ дано было два дни на приготовленіе, все это время употребила на святыя увѣщанія и наставленія своихъ дщерей. Мудрая мать изобразила имъ предстоящій подвигъ какъ время брака ихъ, возвысила сердца ихъ къ красотамъ небеснымъ, воспламенила въ нихъ желаніе вѣчнаго соединенія съ Господомъ и святыми, описала суету всѣхъ здѣшнихъ благъ и удовольствій, противъ всѣхъ ужасовъ мученической смерти вооружила юныхъ дѣвъ упованіемъ на всесильную помощь Благодати, и такимъ образомъ произвела то, что святыя дщери ея ничего такъ не желали, какъ предать себя на мученія изъ любви къ небесному Жениху душъ ихъ.

Что могло поколебать такую рѣшимость исповѣдницъ Христовыхъ? Царь, удивляясь красотѣ и разуму юныхъ дѣвъ Христіанскихъ, предложилъ имъ честь называться дщерями Царскими и пользоваться всѣми почестями и благами на землѣ, если онѣ оставятъ Христіанство и поклонятся идоламъ; а въ противномъ случаѣ грозилъ имъ жесточайшими мученіями и лютою смертію. Но святыя дѣвы, ни сколько не колеблясь и не затрудняясь въ выборѣ предлагаемыхъ имъ — съ одной стороны честей, а съ другой ужасныхъ мученій — отвѣчали, что онѣ знаютъ одного Отца небеснаго, Ему желаютъ онѣ угождать, Его ищутъ любви, а идоловъ презираютъ, и готовы на всѣ мученія за вѣру въ Господа и Бога, Іисуса Христа.

Ужасны были мученія, коимъ подвергъ святыхъ дѣвъ раздраженный тиранъ Римскій. Всѣ онѣ претерпѣли

(*) См. Acta SS. 1 Августа. Въ этотъ день полагается память св. Мученицъ въ Мѣсяцословѣ у западныхъ.

самыя безчеловѣчныя біенія и терзанія (старшей сестрѣ отрѣзаны были даже сосцы), а потомъ повергаемы были то на раскаленную желѣзную рѣшетку, то въ кипящую смолу, то въ разженную печь. Но въ столь ужасныхъ истязаніяхъ великодушныя дѣвы не испустили ни одного жалобнаго крика, молчали, какъ бы не чувствуя страданій. Испытанія же огненныя, казалось, были только очищеніемъ для Мученицъ, и болѣе просвѣтляли въ нихъ тѣ добродѣтели, которыхъ именами онѣ украшались. Въ каждой изъ нихъ явилась во всей силѣ и вѣра и надежда и любовь Христіанская,— та чудесная вѣра, которая, по слову Ап. Павла, *угашаетъ силу огненную* (Евр. 11, 34), та святая надежда, которая, по слову тогоже Апостола, *не посрамляетъ* (Римл. 5, 5), и которая, какъ говоритъ св. Давидъ, *ходя посреди сѣни смертной, не боится зла* (Псал. 22, 4), и та божественная любовь, о которой сказалъ высокій пѣснопѣвецъ: *крѣпка яко смерть любы;— вода многа не можетъ угасити любве и рѣки не потопятъ ея* (Пѣсн. 8, 6. 7). Наконецъ мечь скончалъ дивные подвиги страдалицъ и препослалъ ихъ къ полученію вѣнцевъ небесныхъ.— Гдѣ была въ это время доблественная мать? здѣсь же, на мѣстѣ мученій! и не только могла она съ твердостію стоять, смотря на страданія своихъ дщерей; но и своими молитвами и увѣщаніями старалась укрѣплять въ подвигахъ мученичества каждую изъ нихъ: она не страдала тѣлесно,— погребши святыхъ дѣвъ, она въ тихой молитвѣ оставалась надъ гробомъ ихъ три дня и здѣсь же мирно предала духъ свой Богу;— но, какъ страдалица по сердцу и какъ наставница Мученицъ, достойно именуется также мученицею и прославляется Церковію вмѣстѣ съ ея святыми дщерями.

ИЗТОЛКОВАТЕЛЬНАЯ БЕСѢДА I-Я НА ЕВАНГЕЛІЕ (*).

Евангеліе, по самому значенію слова сего, есть благая, радостная вѣсть. И какая другая вѣсть, братіе, можетъ быть радостнѣе для сердецъ нашихъ, какъ не извѣстіе о вѣчномъ спасеніи нашемъ? Всѣ прочія вѣсти суть отъ земли и земныя; а сія вѣсть отъ неба и небесная. Давно замѣчено, и очень естественно, что для людей, находящихся въ чужой странѣ, весьма занимательны вѣсти изъ ихъ отечества. Если же Отечество земное столь близко къ сердцу сыновъ его, кольми паче для насъ, странниковъ и пришельцовъ на земли, должна быть занимательна спасительная вѣсть изъ истиннаго Отечества нашего на небеси?

И отъ кого сія вѣсть? Отъ Бога Отца нашего небеснаго, Бога любви и милосердія, Бога щедротъ и всякой утѣхи.

Кто есть вѣстникъ благій? *Единородный Сынъ* Божій *сый въ лонѣ Отчемъ* (Іоан. 1, 18.), вѣчный— *ископрутникъ* (Евр. 7, 22.) и Ходатай о родѣ человѣческомъ предъ престоломъ правды Божіей, который по неизреченному человѣколюбію своему, по благоволенію Бога Отца, пришелъ возвѣстить всѣмъ земнороднымъ милосердіе Его, и отъ неизчерпаемыхъ сокровищъ любви его излить на насъ небесныя благословенія.

(*) Высокопреос. Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

Какое содержаніе сей вѣсти? Откровеніе превѣчнаго, премудраго и премилосердаго совѣта Св. Троицы о спасеніи падшаго во Адамѣ рода человѣческаго. Откровеніе вѣчной неизреченной любви Бога Отца, которою *Онъ такъ возлюбилъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16.). Откровеніе безпредѣльнаго человѣколюбія Бога Сына, по которому Онъ благоволилъ принять на себя плоть человѣческую, яко вѣчный испоручникъ за родъ человѣческій, взялъ на себя грѣхи міра; яко Искупитель его, принесъ всего себя въ умилостивительную жертву на олтарѣ крестномъ; яко Божественный Ходатай кровію и смертію своею примирилъ человѣковъ съ Богомъ; принесъ всесовершенное удовлетвореніе, оскорбленной грѣхами рода человѣческаго, правдѣ Божіей; яко Спаситель отъ вѣчной смерти, стеръ жало ея воскресеніемъ своимъ; врата неба, заключенныя преступленіемъ Адама, отверзъ для человѣковъ, первый вознесшись съ плотію на небо; и сѣдя одесную Бога, вѣчно ходатайствуетъ о насъ. Откровеніе всемогущей благодати Духа святаго, силою коея производитъ Онъ въ сердцахъ человѣческихъ покаяніе и вѣру во Іисуса Христа, душамъ вѣрующихъ даетъ новую истинную жизнь, сообщаетъ свои божественныя силы, сражаться съ грѣховными склонностями и побѣждать ихъ; свѣтомъ своимъ, наставляетъ ихъ на всякую истину; очищаетъ ихъ отъ всякія скверны, изъ грѣшниковъ творитъ святыхъ, и достойныхъ вѣчнаго сообщенія съ Богомъ всесвятымъ.

Какая наконецъ цѣль сего благовѣствованія? Да мы *вѣруемъ, яко Іисусъ есть Христосъ, есть Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имамы во имя Его.* (Іоан. 20, 31.)

Видите, братіе, можетъ ли что нибудь быть пріятнѣе и радостнѣе сей благой вѣсти? и можно ли слушать ее съ холоднымъ сердцемъ?

Знали цѣну сего благовѣстія ветхозавѣтные праведники, кои съ святымъ нетерпѣніемъ ожидали откровенія его. *Но по вѣрѣ умроша, непріемше обѣтованій; и только издалеча видѣвше ихъ, и цѣловавше, и исповѣдавше, яко странніи и пришелцы суть на земли* (Евр. 11, 13). Іисусъ Христосъ, обличая невѣріе и хладнокровіе Іудеевъ, съ каковымъ они слушали Евангеліе Его, говоритъ: *Авраамъ, отецъ вашъ, радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой: и видѣ и возрадовася* (Іоан. 8, 56). Ублажая Учениковъ своихъ, которые съ простотою сердца слушали отъ него откровеніе таинъ благовѣстія царствія Божія, глаголетъ: *Блажени очи видящіи, яже видите; глаголю бо вамъ: яко мнози Пророцы и Царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Лук. 10, 23. 24) Тоже откровеніе и тѣхъ же таинъ благовѣстіе царствія Божія и наша недостойная ушеса слышатъ, слушая Евангеліе, Апостолами и учениками Іисуса Христа написанное и Церкви его, для сохраненія и для преподаванія, преданное. Съ такимъ же убо святымъ желаніемъ, съ такою же простотою и всецѣлою вѣрою и намъ надлежитъ слушать оное, съ какимъ сердцемъ слушали ученики Христовы, ежели мы хотимъ истинно разумѣть его.

Въ началѣ бѣ Слово.

Іоан. 1, 1.

Святый Іоаннъ, въ самомъ началѣ благовѣствованія своего, указуетъ намъ божественнаго Искупителя нашего, Единороднаго Сына Божія, Іисуса Христа, называя его *Словомъ*. И Моисей первую книгу Ветхаго Завѣта начинаетъ реченіемъ: *вѣ началѣ*,— такъ какъ Іоаннъ свое благовѣствованіе. Но Моисей описываетъ происхожденіе всѣхъ тварей изъ ничтожества, изъ небытія въ бытіе; потому и говоритъ: *вѣ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю*. (Быт. 1, 1.). А Іоаннъ излагаетъ вѣчное, безначальное бытіе Сына Божія; потому и говоритъ: *вѣ началѣ было Слово*. (Іоан. 1, 1.). Видите разность выраженій, изъ которыхъ очевидно открывается и разность смысловъ. Смыслъ словъ Моисеевыхъ есть тотъ, что *вѣ началѣ*, то-есть, прежде всего, Богъ сотворилъ небо и землю, которыя дотолѣ со всемъ не существовали,— а потомъ прочія твари. А смыслъ словъ Іоанновыхъ есть сей: что *вѣ началѣ*, то есть, прежде всѣхъ временъ, прежде всѣхъ вѣковъ, былъ и есть Сынъ Божій, *Слово* Отчее, отъ котораго и небо и земля и всѣ твари получили свое начало.

И Слово бѣ къ Богу.

Евангелистъ, показавъ вѣчное существованіе Сына Божія, открываетъ превѣчное Его начало и рожденіе отъ Бога Отца, и нераздѣльное единство естества Его со Отцемъ, говоря: *и Слово было у Бога*. Прежде всѣхъ вѣковъ былъ Сынъ, и былъ *у Бога* Отца, *сый вѣ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.); отъ котораго превѣчно раждается, яко естественный и *единородный Сынъ* Его, съ которымъ всегда нераздѣльно пребываетъ, яко *единосущный Ему* (Іоан. 10, 30). Не сказалъ святый Богословъ: *Слово было* въ Богѣ, но *у Бога*. Чтобы чрезъ сіе явственнѣе показать свойство лица Сыновняго, и истинно отличить отъ онаго лице Отчее. Ибо и православная Церковь, и мы съ нею, вѣруемъ въ единаго Бога Отца нерожденнаго, и Сына отъ Отца рожденнаго, и святаго Духа, отъ Отца исходящаго; исповѣдуемъ— святую, единосущную и нераздѣльную Троицу, не раздѣляя естества— ибо Богъ Единъ есть, но и несмѣшивая лицъ, ибо Богъ есть тріипостасенъ, какъ тотъ же святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ въ первомъ соборномъ посланіи своемъ: *Тріе суть свидѣтельствующіе на небеси: Отецъ, Слово и св. Духъ, и сіи тріе едино суть* (1 Іоан. 5, 7).

И Богъ бѣ Слово.

Наперсникъ Христовъ преясно возвѣщаетъ, что Слово, о которомъ онъ говоритъ, есть *Богъ*. И симъ реченіемъ: *Богъ бѣ Слово*, полагаетъ въ сердцахъ вѣрующихъ первое и главное основаніе православной вѣры. Ибо на семъ основывается вся надежда нашего спасенія, что Спаситель не Ангелъ, ни человѣкъ, но Сынъ Божій; по тому и заслуги Іисуса Христа Божественную имѣютъ важность, въ оправданіи вѣрующихъ предъ престоломъ правды Божіей, что *Онъ есть истинный Богъ* (1 Іоан. 5, 20). Потому и страданія и смерть Его на крестѣ *искупили насъ отъ клятвы закона* (Галат. 3, 13), что страдавшій и распятый на крестѣ есть Богочеловѣкъ. Потому и Божественная

кровь Его очищаетъ истинно-вѣрующихъ *отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 7), что Богъ во плоти излилъ оную для умилостивленія оскорбленной грѣхами нашими правды Божіей. Изъ того открывается неизреченная и безпредѣльная любовь Бога Отца къ намъ грѣшнымъ, что Онъ *Сына своего непощадилъ, но за насъ всѣхъ предалъ Его* (Рим. 8, 32) въ жертву за спасеніе наше.— Почему и вѣровать въ Божество Іисуса Христа столь необходимо, что невѣрующіе лишаются всякой надежды ко спасенію. *Вѣруяй въ Сына* (Іоан. 3, 36), говоритъ святый Іоаннъ, *имать животъ вѣчный; а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан 3, 36). Послѣ сего кто изъ вѣрующихъ усумнится, что *Слово*, о которомъ Евангелистъ говоритъ, есть Сынъ Божій и Богъ? Но чтобы небесную сію истину глубже впечатлѣть въ мысляхъ нашихъ, и во глубинѣ сердецъ нашихъ насадить Божественный сей догматъ, святый Богословъ, продолжая, вѣщаетъ:

Сей бѣ искони къ Богу.

Іоан. 1, 2.

Сей Сынъ Божій и Богъ, Слово Отчее, былъ *искони*, т. е. въ началѣ, отъ вѣчности, и всегда *у Бога* Отца, яко единосущный Ему, и яко превѣчно отъ Него рожденный. Не было времени, въ которое бы Сынъ не былъ у Отца и со Отцемъ. У человѣковъ прежде отецъ, потомъ сынъ,— но не тако у Бога. Но вѣчно и безначально Сынъ купно со Отцемъ. Глубокая сія тайна Божества не умомъ человѣческимъ постигается, но вѣрою яснымъ словесамъ Божіимъ пріемлется.— Богомудріи святые Отцы Церкви поясняютъ сіе нѣкоторымъ подобіемъ въ солнцѣ. Какъ лучь солнечный никогда безъ свѣта не является, такъ никогда не былъ Отецъ безъ Сына, но всегда купно. Неправильно будетъ, если скажемъ, что прежде видимъ лучь, а потомъ свѣтъ: нечестиво, если и вѣровать такъ будемъ, что прежде былъ Отецъ, а потомъ Сынъ. Ибо весьма ясно возвѣщаетъ Евангелистъ: *Сей бѣ искони у Бога.* Что и подтверждаетъ, глаголя:

Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть.

Іоан. 1, 3.

Все сотворено Сыномъ, и нѣтъ ни одного существа, ни одной вещи, которая бы не Имъ сотворена была. *Вся*, то-есть, и небо, и земля, и море, и все, что въ нихъ живетъ и движется и есть. Что самое и Апостолъ Павелъ, говоря о Христѣ, утверждаетъ: *яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти, всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася.* (Колос. 1, 16). Слыша же сіе: *вся Тѣмъ быша*, не подумаемъ, аки бы Богъ Отецъ употребилъ Сына своего къ сотворенію міра такъ, какъ художникъ орудіе; не буди то— но симъ означается, что Богъ Отецъ въ соединеніи и въ содѣйствіи Сына и Духа Святаго сотворилъ *вся*. *Словомъ* бо *Господнимъ Небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся силы ихъ* (Псал. 32, 6), свидѣтельствуетъ царствующій Пророкъ. Сими убо словами представивъ намъ Божественный Евангелистъ Сына и Слово Божіе всемогущимъ и твор-

цемъ всѣхъ тварей, и прочія божественныя Его свойства, описываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ.

Іоан. 1, 4.

Въ семъ Сынѣ и Словѣ Божіи отъ вѣчности была и есть *жизнь*. Онъ есть источникъ жизни и самая жизнь. Въ Немъ жизнь: ибо есть податель жизни всѣмъ живущимъ; въ Немъ жизнь: ибо блюдетъ и хранитъ жизнь всѣхъ живущихъ. Всѣ живущія твари имѣютъ жизнь, заимственную отъ Него.— Единъ Сынъ Божій имѣетъ *жизнь въ себѣ*, и отъ сея жизни, яко отъ присносущаго источника, сообщаетъ жизнь и Ангеламъ и человѣкамъ и всѣмъ живущимъ тварямъ. *Въ Томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*. Сынъ Божій есть и *жизнь* человѣкамъ и *свѣтъ*, какъ ихъ Творецъ, и какъ ихъ Спаситель. Какъ Творецъ,— Онъ создавши изъ *персти земной* (Быт. 2, 7), тѣло перваго человѣка, *вдунулъ въ лице его дыханіе жизни*— и отъ сего вдохновенія Адамъ *оживотворился*, и получивъ душу разумную и словесную, получилъ вмѣстѣ способность сообщать такую же жизнь потомкамъ своимъ (Быт. 1, 28). Разумъ же въ душѣ всякаго человѣка есть *свѣтъ* (Притч. 20, 37), просвѣщающій его въ распознаніи добра и зла. Какъ Искупитель: человѣкъ созданъ безсмертнымъ и по душѣ и по тѣлу (Быт. 2, 17.—3, 22), и былъ бы таковымъ, ежели бы ходилъ вѣрно во свѣтѣ заповѣдей Господнихъ. Но грѣхъ имъ содѣянный, умерщвляетъ и душу и тѣло— умерщвляетъ душу, не уничтожая ея бытія, но лишая ея свѣта истиннаго Богопознанія, безъ котораго человѣкъ есть какъ бы мертвъ, и столько же мало способенъ къ истинной, святой, духовной и Богоугодной жизни, какъ мертвецъ неспособенъ къ движенію. Умерщвляетъ тѣло, разлучая его съ душею, и обращая въ землю, изъ которой оно создано. Сынъ Божій спасая людей отъ грѣховъ ихъ, оживотворяетъ паки и души и тѣлеса ихъ. Оживотворяетъ души вѣрою, просвѣщая ихъ свѣтомъ истиннаго Богопознанія— и, сообщая имъ новыя Божественныя силы къ святой благочестивой, добродѣтельной и Богоугодной жизни, какъ бы вновь созидаетъ ихъ. Потому истинновѣрующихъ Апостолъ Павелъ называетъ *новою тварію* (2 Кор. 5, 17), *созданными на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ* (Ефес. 2, 10). Оживотворяетъ тѣла; ибо *пріидетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Посему Іисусъ Христосъ самъ о себѣ глаголетъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (Іоан. 11, 25). Воскресеніе: ибо, воскресши изъ мертвыхъ, воскресилъ падшее человѣческое естество. Животъ: ибо даровалъ человѣкамъ вѣчную жизнь. Онъ же есть и свѣтъ человѣкамъ, какъ самъ говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (— 8, 12). Свѣтомъ убо наперсный ученикъ Іисусовъ провозвѣстивши Сына Божія, описываетъ потомъ, что творитъ сей Свѣтъ.

И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.

Іоан. 1, 5.

Какая та была тьма? и какъ она необъяла свѣта?— Тьма есть грѣхъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *от-*

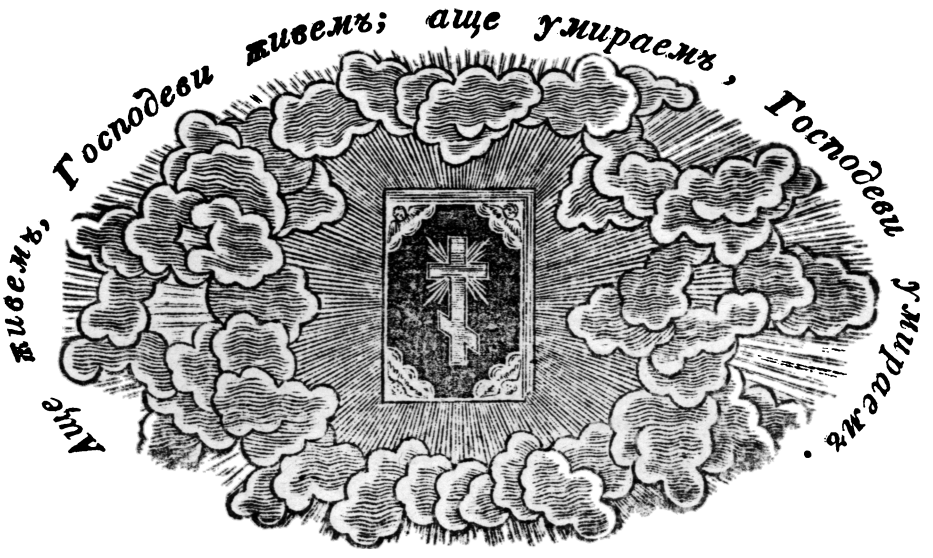
ложимъ убо дѣла темная; (Рим. 13, 12.) и паки: *не пріобщайтеся къ дѣломъ неплоднымъ тьмы, паче же и обличайте* (Ефес. 5, 11). Грѣхъ называется тьмою, какъ помрачающій умъ человѣка, и лишающій его распознанія. Въ сей тьмѣ грѣха, прежде воплощенія Сына Божія, сидѣли люди, изключая малое число истинныхъ Израильтянъ, которые вѣрою въ обѣтованнаго Спасителя издали видѣли зарю сего Свѣта. *Бѣсте бо иногда*, свидѣтельствуетъ Апостолъ, *тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (—ст. 8). Когда же благоволилъ Богъ послать Сына своего единороднаго въ міръ: тогда *сущимъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй свѣтъ возсія; людіе ходящіи во тьмѣ видѣша свѣтъ велій* (Мат. 4, 16. Исаіи 9, 2),— свѣтъ истиннаго Богопознанія, свѣтъ истинной вѣры, свѣтъ нелицемѣрной добродѣтели. Сей свѣтъ и донынѣ чрезъ благовѣстіе Евангельское сіяетъ во тьмѣ сердецъ нашихъ. Сіяетъ во всѣхъ странахъ и во вѣки сіять будетъ. *Іисусъ бо Христосъ вчера и днесь той-же и во вѣки* (Евр. 13, 8). Сіе то значитъ вышепомянутое реченіе: *И свѣтъ во тьмѣ свѣтится.* Но какъ тьма не объяла его? Сынъ Божій, истинный свѣтъ, хотя принялъ на себя плоть нашу со всѣми немощами естества нашего— но кромѣ грѣха. *Иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (1 Петр. 2, 22). Тьма, то есть, грѣхъ необъяла его— немогла приближиться и прикоснуться къ свѣту, *Святому святыхъ*— (Дан. 9, 24); и нетокмо необъяла Его— но Онъ побѣдилъ тьму, сокрушилъ Царство князя тьмы, начальника грѣха, діавола— и не для себя точію побѣдилъ, но и вѣрующимъ далъ силу побѣдить сію тьму, и изъ сыновъ тьмы содѣлаться сынами свѣта въ настоящей жизни благодати начинательно, а въ будущей жизни славы совершительно— ея же жизни быти причастниками и насъ грѣшныхъ да сподобитъ Отецъ небесный, Ему же, *Отцу свѣтовъ* (Іак. 1, 17), купно съ Сыномъ и святымъ Духомъ, буди благодареніе и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Примѣръ нестяжательности.

Въ Лаврѣ Туррійской былъ одинъ Старецъ весьма неспяжательный. Однажды пришелъ къ нему нищій— просить милостыни. Старецъ на сей разъ не имѣлъ ничего, кромѣ одного хлѣба, который тотчасъ вынесъ и подалъ нищему. Но нищій сказалъ: „не хочу хлѣба, дай мнѣ платье!“ Старецъ, желая уврачевать его душу, взявши за руку, ввелъ его въ свою келью. Нищій ничего не видя въ ней, кромѣ того, что было на самомъ Старцѣ, и удивляясь добродѣтели его, развязалъ свой мѣшокъ, высыпалъ среди кельи все, что въ немъ было и сказалъ: „возми это добрый старецъ, а мнѣ Богъ дастъ.“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры, 31 Августа 1858 г.
Цензоръ, Протоіерей Іоаннъ Скворцевъ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 27. НЕДѢЛЯ 19 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ОКТЯБРЯ 2. 1838.

Апостолъ: 2 Кор. 11, 31—32. 12, 1—9. Евангеліе: Лук. 6, 31—36.

ПОКРОВЪ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ НАДЪ РОССІЕЮ.

Какъ православная Греція издревле почитала Богоматерь своею особенною покровительницею, которой Константинъ Великій посвятилъ и новую столицу свою—Константинополь: такъ и Христіанская Россія, съ самыхъ первыхъ временъ, чтила туже небесную Царицу, какъ первую свою Покровительницу и защитницу. Великіе Князья наши Ей посвятили первые, знаменитѣйшіе, храмы: храмъ Десятинный—Владиміровъ украшался Ея святымъ именемъ; Соборъ Софійскій Ярославовъ храмовымъ праздникомъ славитъ Рождество Ея; великая Кіевопечерская Церковь посвящена памяти Ея Успенія и сохраняетъ съ древнѣйшихъ временъ чудотворную Икону Успенія, которою, какъ говоритъ преданіе, сама Богоматерь благословила св. Обитель Кіевопечерскую, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все отечество наше. Посвящая храмы имени Богоматери, Россія посвящала Ей и особенныя торжества, или праздники. Къ нимъ, прежде всего должно отнести праздникъ Покрова пресв. Богородицы. Извѣстно, что въ самой Греціи нѣтъ сего праздника, а въ Россіи онъ существуетъ съ

древнѣйшихъ временъ. Почему весьма вѣроятно, что въ Прологѣ (Октября 1-го) слѣдующія слова о праздникѣ Покрова принадлежатъ одному изъ нашихъ древнихъ Митрополитовъ Кіевскихъ, учредившему этотъ праздникъ въ Россіи: „Се убо егда „слышахъ (разумѣется сказаніе о явленіи Богоматери святымъ: Андрею и Епифанію въ храмѣ Влахернскомъ), помышляхъ, какъ страш„ное и милосердное видѣніе и паче на„дѣянія и заступленія нашего — бысть „безъ празднества. — Восхотѣхъ, да „не безъ праздника останется свя„тый покровъ твой, Преблагая“ и проч.

Къ праздникамъ въ честь Богоматери, собственно Россійскимъ, относится еще праздникъ Иконы Казанской, Октября 22 и Іюля 8, а сверхъ того относятся и многіе другіе, болѣе мѣстные у насъ, праздники въ честь различныхъ иконъ Богородицы — чудотворныхъ. Великое множество самыхъ сихъ иконъ, по всей Россіи извѣстныхъ, доказываетъ также особенное покровительство Пресвятой Дѣвы православному отечеству нашему.

Изъ безчисленнаго множества чудесъ Покрова Богоматери надъ Россіею припомнимъ здѣсь только нѣкоторыя, особенно достопамятныя въ Исторіи отечества нашего.

Въ 1170 году Новгородцамъ угрожала совершенная гибель. Сильное войско, подъ предводительствомъ храбраго Мстислава Андреевича, окружало и тѣснило Новгородъ до того, что близокъ былъ роковый часъ для Новгородцевъ. Но въ ночь, предъ рѣшительнымъ сраженіемъ, Архіепископъ Новгородскій Іоаннъ получилъ откровеніе, и наученный имъ, въ день сраженія вынесъ чудотворную Икону Богоматери изъ Церкви св. Спаса, что на Ильинской улицѣ, и поставилъ ее на городскомъ укрѣпленіи. Тогда открылось дивное зрѣлище: Икона сама обратилась лицемъ къ городу и источала слезы. Это *знаменіе* милосердія Божіей Матери воодушевило Новгородцевъ; и ихъ мужество, соединенное съ благочестіемъ, доставило имъ совершенную побѣду. Въ память сего событія установлено празднество въ 27 день Ноября (а) — въ честь Иконы *знаменія* Пресв. Богородицы.

Не менѣе достопамятно чудо отъ Иконы Костромской, называемой *Ѳедоровскою* (б), бывшее въ 13-мъ вѣкѣ. Татары, опустошавшіе Россію, приступили и къ Костромѣ. Тогда Князь Василій Костромскій, отражая Богопротивныхъ враговъ, противопоставилъ имъ чудотворную Икону Богоматери Ѳедоровскую. Враги, увидѣвъ огненные лучи, исходившіе отъ св. Иконы, поражены были страхомъ и предались бѣгству (в).

Во время Татарскаго нашествія спасенъ и Смоленскъ защитою Богоматери. По сказанію Лѣтописи Костромской, когда Батый пришелъ

(а) См. Прологъ 27 Ноябр. и Чет. Мин. Сент. 7-го.

(б) *Ѳедоровскою* она названа потому, что на канунѣ дня ея явленія въ 1239 году нѣкоторые въ Костромѣ видѣли св. Ѳеодора Страшилата, пронесшаго сію Икону чрезъ городъ. Князь Василій Костромской обрѣлъ ее, 16 Авг., на древѣ, во время охоты.

(в) См. Прологъ Мар. 14.

къ Смоленску, одинъ причетникъ слышалъ голосъ отъ св. Иконы Богородичной, повелѣвающій ему найти во градѣ Св. Меркурія и призвать его во храмъ. Здѣсь предъ Иконою, получивъ наставленіе Богоматери, Меркурій изшелъ ночью въ станъ враговъ и убилъ въ числѣ многихъ исполина Татарскаго. Наконецъ когда насталъ день и Татары приступили къ городу, они увидѣли съ Меркуріемъ множество молніеносныхъ воиновъ а вмѣстѣ съ ними величественную, солнцеобразную Жену, и, убивъ одного св. Меркурія, бѣжали со страхомъ.

Побѣда Донская надъ Мамаемъ одержана съ помощію тойже Пресв. Защитницы Россіи. Герой Донскій отъ вѣры Донскаго войска вѣрою же принялъ въ даръ Икону Богоматери: и сею *вѣрою обратилъ вѣ бѣгство полки чуждихъ* (Евр. 11, 34) (а).

Славна въ Исторіи нашей осада Пскова 1581 года; дивны подвиги героевъ нашихъ, отразившихъ грозныя силы Баторія. Но и этою славною побѣдою Россія одолжена своей небесной Покровительницѣ. Уже стѣны Псковскія падали, враги вторглись въ городъ, и наши храбрые воины начали отступать. Тогда благочестивый герой, князь Скопинъ — Шуйскій, указалъ отступающимъ на Образъ Богоматери и мощи св. Всеволода; Россіяне воскликнули: не предадимъ Богоматери и св. Всеволода! и — враги были прогнаны!

Достопамятна для отечества нашего и икона Тихвинская. Обитель, ее хранящая, нѣсколько разъ отражала нападенія Шведовъ. Повѣствуютъ, что въ 1613 г., когда Шведы устремились на св. обитель, бывшіе въ ней хотѣли уже бѣжать и унесть съ собою чудотворную Икону; но никакъ не могли сдвинуть ея съ мѣста. Заключивъ изъ сего, что Богоматерь не хочетъ оставлять обители, Россіяне отрядили нѣсколько человѣкъ для осмотра силъ непріятельскихъ. И что жъ? небольшой отрядъ показался Шведамъ столь великимъ войскомъ, что они пришли въ страхъ и бѣжали. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь весьма уважалъ икону Тихвинскую. Предъ нею молился онъ, когда хотѣлъ заключить миръ съ Швеціею, и съ помощію Богоматери заключилъ его благополучно, 1617 года (б).

Но знаменитѣйшая изъ всѣхъ въ нашей Исторіи отечественной, безъ сомнѣнія, есть Икона Владимірская, украшающая Московской Соборъ Успенскій. Ее почитаютъ современною Иконѣ *Пирогощей*, вывезенной изъ Царяграда, и даже за одно съ нею (в). Андрей Георгіевичь Бого-

(а) Вѣра къ тойже Иконѣ Донской способствовала и Царю Ѳедору Іоанновичу, 1691 г., въ побѣдѣ надъ Крымцами — на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Донской Монастырь. См. Чет. Мин. и Прол. Авг. 19.

(б) См. Прол. Іюн. 26.

(в) Въ лѣтописяхъ, говоритъ Исторіографъ Карамзинъ, сказано о Иконѣ Владимірской: „иже принесоша въ единомъ кораблѣ съ Пирогощею изъ Царяграда“ Г. Полевой почитаетъ обѣ Иконы за одну (Ист. Р. Н. Т. 3. стр. 26). — Во имя св. Богородицы Пирогощей Мстиславъ въ 1131 г. заложилъ храмъ въ Кіевѣ. Въ пѣсни о полку Игоревѣ говорится: „Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй „Богородицы Пирогощей“

любскій вывезъ ее изъ Вышгорода 1155 года въ Суздальскую землю и, построивъ городъ Боголюбовъ близъ Владиміра и Церковь во имя Рождества Богоматери, внесъ Икону въ новосозданную Церковь. Съ этою Иконою онъ выходилъ противъ Болгаръ 1164 г. и одержалъ надъ ними побѣду. Перенесенная потомъ во Владиміръ, святая Икона была уже прославлена многими чудесами пресвятой Дѣвы, когда Московитяне прибѣгли къ ней съ своими молитвами при нашествіи Тамерлана (1395 г.). Сынъ героя Донскаго, В. Кн. Василій Дмитріевичь возложилъ всю надежду на помощь Богоматери и для ободренія столицы велѣлъ перенесть св. Икону изъ Владиміра въ Москву. Все Духовенство, Бояре и народъ срѣтили ее 26 Авг. (на мѣстѣ гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій), съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами молились о спасеніи, и не обманулись въ своей надеждѣ на помощь Пресвятой Заступницы. Лѣтописцы пишутъ, что Тамерланъ видѣлъ во снѣ высокую гору и съ вершины ея идущихъ многихъ Святителей съ златыми жезлами, а надъ ними, на воздухѣ, величественную и благолѣпную Жену съ лицами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ устремились на Тамерлана. Врагъ Россіи, гонимый небеснымъ гнѣвомъ, удалился (а). Икона Владимірская послѣ сего поставлена была на всегда въ Успенскомъ Соборѣ и въ честь ея установленъ праздникъ 26 Августа. И въ послѣдующія времена Россія нерѣдко обращала на нее молитвенные взоры, особенно во дни общественныхъ бѣдствій. Предъ нею молился В. Кн. Іоаннъ Васильевичь, при нашествіи Ахмата (1480 г.), и въ честь ея установилъ празднество Іюня 23, когда избавился отъ враговъ (б). Предъ нею Царь Іоаннъ Васильевичь заставлялъ присягать воеводъ своихъ, которыхъ посылалъ спасать Псковъ (1581 г.), и взялъ съ нихъ клятву въ томъ, что они ни за что не предадутся Баторію. Предъ Ея же священнымъ ликомъ Патріархъ Іовъ, въ то время, какъ мятежники свергли съ престола Царя Ѳеодора Борисовича и присягнули Лжедимитрію, въ послѣдній разъ свидѣтельствовалъ истину, когда, сложивъ съ себя панагію и положивъ ее къ чудотворной Иконѣ, воскликнулъ: „здѣсь, предъ сею Иконою, удостоенъ я сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры; теперь вижу бѣдствіе Церкви, торжество обмана и ереси: Матери Божія! спаси православіе!“ Къ этой Иконѣ прибѣгали вѣрные съ моленіемъ и во время междуцарствія. По свидѣтельству Пролога, въ это время Иконѣ же Владимірской одолжена Москва своимъ спасеніемъ (в). Войска наши, собранныя для избавленія Москвы, занятой Поляками, приготовляли себя къ сраженію постомъ и молитвами къ Богоматери. Въ тоже время въ самой Москвѣ, въ видѣніи Греческому Архіепископу Арсенію, предвозвѣщено было

(а) См. Прол. Авг. 26.

(б) См. Прол. и Чет. Мин. Іюн. 23.

(в) См. Прол. Окт. 22 Но въ мѣсяцословахъ этотъ день посвященъ чудотворной Иконѣ Казанской, которой и избавленіе Москвы приписывается. О Казанской Иконѣ См. Прол. Іюл. 8.

что по молитвамъ Богородицы и святыхъ Чудотворцевъ Московскихъ, Богъ предастъ столицу православнымъ. Такимъ образомъ воинство православное, укрѣпившись молитвами и еще болѣе ободренное вѣстію объ откровеніи Арсенію, смѣло пошло на враговъ и исхитило изъ рукъ ихъ Москву (Окт. 22, 1613 г.), гдѣ и праздновало побѣду свою предъ Иконою Владимірскою.

Не благодать ли Богомашери, изливаемая отъ чудотворной Ея Иконы, покрывала воиновъ нашихъ и на поляхъ Бородинскихъ? съ намъ Богъ, восклицали Россіяне въ великую годину искушенія и съ нами Божія Матерь!— и воины наши безстрашно шли противъ всемірнаго врага, имѣя среди себя залогъ покровительства небеснаго въ иконѣ Владимірской, а Московитяне, зная, что эта святыня Россіи оставила Москву, оставляли столицу съ твердою надеждою возвратить ее опять съ помощію Богомашери.

Кто изъ православныхъ и нынѣ не прибѣгаетъ къ святымъ иконамъ Божіей Матери? не Ей ли посвящаются у насъ великолѣпнѣйшіе храмы? и самое большее собраніе молящихся бываетъ не во дни ли празднествъ въ честь Ея? Ей, покровительницѣ Россіи, любятъ православные приносить Акаѳистово пѣніе; Ее прославляютъ какъ избранную Воеводу, избавительницу отъ злыхъ. Въ честь Ея они особенно любятъ пѣть, извѣстный почти каждому въ Россіи, Тропарь: Заступнице усердная, Маши Господа Вышняго, за всѣхъ молиши Сына твоего Христа Бога нашего, и всѣмъ творити спасшися, въ державный твой покровъ прибѣгающимъ! Всѣхъ насъ заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже въ напастехъ и въ скорбехъ и въ болѣзнехъ обремененныхъ грѣхи многими, предстоящихъ и молящихся тебѣ умиленною душею, и сокрушеннымъ сердцемъ, предъ пречистымъ твоимъ образомъ со слезами, и невозвратно надежду имущихъ на тя, избавленія всѣхъ золъ. Всѣмъ полезная даруй, и вся спаси Богородице Дѣво: ты бо еси Божественный Покровъ рабомъ Твоимъ!

О МОЛИТВѢ ІИСУСОВОЙ.

Молитва, говорятъ святые Отцы, есть пища души, есть дыханіе духа. Потому св. Апостолъ заповѣдуетъ *непрестанно молиться* (1 Сол. 5, 17). Но нельзя всякому непрестанно молиться въ такомъ смыслѣ, какъ молимся мы напр. въ храмахъ Божіихъ, молимся утромъ и вечеромъ. При томъ не всякой умѣетъ молиться собственными молитвами, не всякой даже способенъ читать чужія молитвы. Итакъ, чтобы не лишиться Христіанину ни на одну минуту духовной пищи и дыханія, чтобы не томиться ему голодомъ и не издыхать безъ молитвы, святые Отцы заповѣдали всѣмъ непрестанно повторять въ умѣ своемъ слѣдующую краткую молитву, которую назвали они Іисусовою: „*Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!* Вотъ ихъ наставленіе объ этомъ (1).

(1) Выбрано изъ *Добротолюбія*, Ч. II. изд. греч.

„Знай, говоритъ одинъ св. Отецъ, что умъ твой не долженъ никогда находиться въ молчаніи и праздности, но пусть онъ непрестанно упражняется и поучается, читая молитву: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя! и ни когда не перестаетъ отъ сего. Ибо это занятіе, удерживая умъ отъ разсѣянія, охраняетъ его и дѣлаетъ неприкосновеннымъ для нападеній вражіихъ, и возводитъ его, день со дня выше, въ желаніе и любовь Божественнаго."

„Долженъ Монахъ, говоритъ другой св. Отецъ,— ѣстъ ли онъ, или пьетъ, сидитъ или служитъ, путешествуетъ или что-либо другое дѣлаетъ,— непрестанно повторять: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя! Ибо сія память о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ можетъ обличить живущій въ насъ грѣхъ и истребить его; сія память можетъ возбудить на брань всю силу вражію, живущую въ сердцѣ, побѣдить ее и искоренить мало по малу. Имя Господа Іисуса, проникнувъ во глубину сердца, смиритъ змія, водворившагося тамъ, а душу спасетъ и оживотворитъ. Непрестанно будь съ именемъ Господа Іисуса, да вмѣститъ сердце твое Господа, а Господь сердце твое, и будутъ оба они едино. Всякой помыслъ и всякое дѣйствіе лукаваго побѣждай призываніемъ Господа нашего Іисуса Христа. Не ищи ничего другаго, кромѣ милости отъ Господа славы, ищи же съ смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, и взывай съ утра до вечера, а если можно и во всю ночь: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя! и принуждай умъ свой къ такому занятію даже до смерти. Не отдаляй отъ Бога сердца своего, но храни и имѣй его всегда не разлучнымъ съ памятію Господа нашего Іисуса Христа,— доколѣ не водрузится внутри сердца имя Христово; и думай только о томъ, чтобы вселился въ тебя Христосъ."

„Іисусова память, говоритъ еще одинъ Отецъ, да соединится съ дыханіемъ твоимъ; Іисусова память да спитъ вмѣстѣ съ тобою; Іисусовымъ именемъ поражай враговъ: ибо ни на небѣ, ни на земли нѣтъ крѣпче сего оружія."

„Душа, учитъ другой Отецъ, возлетѣвши по смерти на воздухъ ко вратамъ небеснымъ, и имѣя съ собою и за себя Іисуса, не боится и тамъ враговъ, но дерзновенно, какъ теперь, будетъ говорить съ ними и тогда, только да неослабѣваетъ она до исхода своего вопіять ко Христу Іисусу день и ночь. Кто не имѣетъ чистой молитвы для борьбы съ помыслами, тотъ подобенъ воину, не имѣющему оружія на брань. Молитвою же я называю непрестанное въ душѣ своей призываніе Іисуса Христа, коимъ врагъ, тайно нападающій, поражается и опаляется. Блаженъ поистиннѣ тотъ, кто такъ прилѣпленъ къ Іисусу молитвою въ умѣ, такъ часто произноситъ имя Его въ сердцѣ, какъ воздухъ прикасается тѣлу, или какъ пламень свѣчѣ. Солнце, проходя надъ землею, производитъ день, а святое и честное имя Господа Іисуса, часто сіяя въ умѣ, раждаетъ безчисленныя солнцевидныя мысли."

„Кто хочетъ разумно подвизаться, тотъ долженъ непрестанно молиться чисто и неразсѣянно: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя! доколѣ, чрезъ вселеніе имени Христова въ сердцѣ, и умъ неполучитъ просвѣщенія:

ибо, по словамъ св. Діадоха, кто славному и многовожделѣнному имени Господа Іисуса непрестанно поучается во глубинѣ сердца, тотъ можетъ иногда видѣть просвѣщеннымъ умъ свой. Когда же исполнится сіе, то отселѣ, Божіею помощію, и всю Богоугодную жизнь свою, ходя во свѣтѣ и будучи сынами свѣта, мы будемъ провождать непреткновенно и не впадая въ заблужденія, какъ говоритъ свѣтоподатель Іисусъ: *дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете* (Іоан. 12, 36); и еще: *Азъ есмь свѣтъ міру: ходяй по мнѣ, не имать ходити во тьмѣ, но имать свѣтъ животный* (Іоан. 8, 12). И Давидъ вопіетъ къ Господу: *во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35, 10), и Божественный Павелъ говоритъ: *Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ.* (2 Кор. 4, 6). Ибо истинновѣрующіе, будучи просвѣщаемы Господомъ Іисусомъ Христомъ, какъ всесвѣтлымъ и не угасаемымъ свѣтильникомъ, видятъ то, что превыше чувствъ; имъ, какъ чистымъ сердцемъ, отверзаются небесныя врата жизни и совершенства равноангельнаго, и какъ бы отъ солнца получаютъ они свѣтъ, дабы судить, разсуждать, прозирать, предвидѣть и т. под. Вообще получаютъ они совершенное откровеніе и обнаруженіе безвѣстныхъ таинъ, исполняются преестественною Божественною духовною силою, такъ что этою преестественною силою и самыя тѣла ихъ облегчаются, грубая плоть утончается и воспаряетъ отъ земли. Озаренные сею просвѣтительною силою св. Духа, нѣкоторые святые Отцы, будучи еще во плоти, какъ невещественные и безтѣлесные, проходили сухими ногами не проходимыя рѣки и моря, долгіе и требующіе многаго времени пути совершали въ одно мгновеніе, и произвели другія различныя чудеса. И когда они стояли на молитвѣ, то святыя и честныя тѣла ихъ, какъ бы крылатыя, возвышались отъ земли, такъ какъ бы онѣ, — чудное дѣло! — были пресуществлены и измѣнены въ Божественную природу богодѣйственною дланію обитавшей въ нихъ силы и Благодати; по кончинѣ же нѣкоторыхъ и честныя тѣла ихъ остались нетлѣнны.“

Яко узрю небеса, дѣла перстъ твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси.

Псал. 8, 4.

Одинъ древній языческій Философъ (*) разсуждалъ такимъ образомъ: Если бы нѣкоторые люди жили сначала подъ землею, никогда не видя того, что видимъ мы на землѣ, и слышали только, что есть нѣкоторое Божество; а потомъ, открывъ входъ на поверхность земли, вышли бы изъ своихъ сокровенныхъ жилищъ на мѣста нами обитаемыя: что чувствовали бы они, увидѣвъ внезапно землю, моря и небо, узрѣвъ солнце и его свѣтъ, разливающійся по всему небу, а по наступленіи ночи — все небо испещренное звѣздами, возрастаніе и умаленіе свѣтлаго круга луны, восхожденіе и захожденіе небесныхъ свѣтилъ и ихъ, всегда неизмѣнное, теченіе? Безъ сомнѣнія, они тогда помыслили бы, что существуютъ Боги и что все это есть произведеніе ихъ. — Такъ разсуждалъ естествословъ язы-

(*) Аристотель у Цицерона De nat. Deor. II. c. 37.

ческій, разсматривая удивительное зданіе вселенной. Какъ же долженъ разсуждать естествословъ Христіанскій, которому уже давно извѣстно, что все сотворено словомъ Божіимъ и словомъ же Божіимъ все содержится? Такъ же какъ и благочестивый мудрецъ Израильскій. Онъ не только позналь всемогущую руку Творца въ твореніи, но и чувствовалъ все величіе благости Его къ человѣку, почти непримѣтному въ безконечной области творенія, и восклицалъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его?* Сознавая величіе Божіе, сознавалъ и свою низость и ничтожество, и, падая въ прахъ предъ Создателемъ, покланялся Ему.

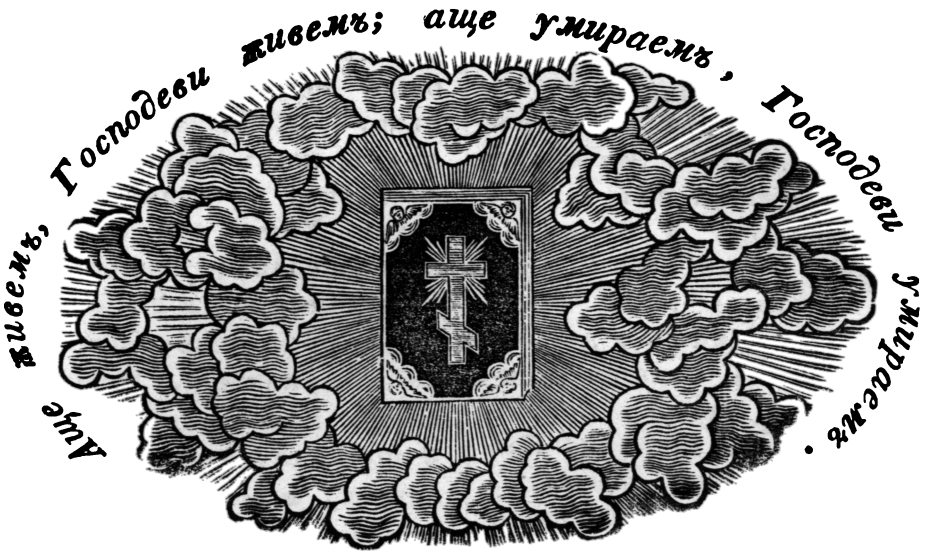
Христіанинъ! Ты не изъ земнаго вертепа изведенъ на свѣтъ для созерцанія чудныхъ дѣлъ Божіихъ, но изведенъ изъ несравненно мрачнѣйшаго царства грѣха и смерти въ царство свѣта Благодати и любви Христовой. Просвѣщенный симъ небеснымъ свѣтомъ, посмотри вокругъ себя и надъ собою. Неизмѣрима высота небесъ: но *по высотѣ небесней отъ земли, утвердилъ есть Господь милость свою на боящихся Его*. Безконечно пространство вселенной: но *елико отстоятъ востоцы отъ запада, удалилъ есть отъ насъ беззаконія наши* (Псал. 102, и. 12). О Боже! что мы среди безчисленныхъ міровъ твоихъ? И ты возлюбилъ насъ до того, что не пощадилъ и Сына своего единороднаго для спасенія душъ нашихъ, созданныхъ по образу твоему! Велики, необъятны дѣла всемогущества твоего; но еще болѣе — безконечна любовь и благость твоя къ намъ грѣшнымъ!—

Расточи гордыя мыслію сердца ихъ. Лук. 1, 51.

Вотъ средство у Премудрости Божіей къ наказанію гордыхъ! для сего не нужно никакихъ усилій, никакихъ особенныхъ мѣръ: довольно одной мысли — ихъ же собственнаго сердца. *Расточи мыслію сердца ихъ*. Какъ мысль расточаетъ гордыхъ? весьма естественно и вмѣстѣ необходимо. У смиреннаго сердце какъ глубокій кладязь, въ коемъ вода стоитъ тихо, зыблясь отъ вѣянія Благодати Божіей, отражая въ себѣ полный ликъ духовнаго солнца, и источая изъ себя токи благихъ мыслей и дѣлъ. А у гордаго сердце какъ горный кипучій родникъ, который, падая съ утеса на утесъ, разлетается непрестанно въ брызгахъ. Разлетаясь сами, мысли гордыхъ расточаютъ ихъ самихъ. Увлекаясь то тѣмъ, то другимъ высокомѣрнымъ замысломъ, гордый непрестанно, такъ сказать, раздробляется на части, расточаетъ напрасно свои силы, способности и самое время. Покушаясь на многое, превыше силъ, онъ нерѣдко падаетъ и разбивается. Еще сильнѣе дѣйствуетъ сей законъ разточенія въ приложеніи ко многимъ гордымъ. Имъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ. Мысли сердца ихъ идутъ, на перекоръ одна другой, и заставляютъ ихъ не терпѣть другъ друга. *Расточи гордыя мыслію сердца ихъ*.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 7 Сентября 1858 г.
Цензоръ, Р. Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 28. НЕДѢЛЯ 20 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ОКТЯБРЯ 9. 1838.

Апостолъ: Гал. 1, 11—19. Евангеліе: Лук. 7, 11—16.

СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО О ЛИХОИМСТВѢ (*).

Господь сказалъ: *хотящаго отъ тебе заяти не отвращи* (Матѳ. 5, 42); а сребролюбецъ, видя человѣка, который падаетъ предъ нимъ на колѣна, который у ногъ его умоляетъ,— и чего не употребляетъ отъ униженія, чего не говоритъ?— сребролюбецъ несжаливается надъ бѣднякомъ, страждущимъ безвинно; не смотритъ на подобное себѣ естество, не внимаетъ мольбамъ, стоитъ непреклоненъ и неумолимъ; его не убѣждаютъ просьбы, не трогаютъ слезы; онъ безпрестанно отказывается, божится и клянется, что не только не имѣетъ денегъ, но будто и самъ ищетъ человѣка, у котораго бы занять; ложь утверждаетъ божбою; къ злой торговлѣ безчеловѣчія прибавляетъ клятвопреступленіе. Когда же проситель упомянетъ о ростѣ, только намекнетъ о закладѣ: росповщикъ, нѣсколько потупивъ глаза, улыбается; припоминаетъ, будто бы отецъ несчастнаго былъ ему другъ и любимецъ; а вотъ посмотримъ, говоритъ онъ, нѣтъ ли у насъ гдѣ завалившагося серебра, которое, помнится, положилъ у меня одинъ человѣкъ съ тѣмъ, чтобъ отдать въ ростъ. Правда, онъ назначилъ

(*) Изъ Бесѣды на 14-й Псаломъ.

тяжкіе проценты: но мы сколько нибудь облегчимъ ихъ, и наложимъ поменьше. Обольщая бѣднаго такими вымыслами, онъ беретъ съ него письменное обязательство, и, къ отягощительной нищетѣ, отнимаетъ у него и свободу. Но скажи мнѣ пожалуй: не уже ли ты ищешь денегъ и прибытковъ у бѣдняка, который ничего не имѣетъ? если бы онъ могъ сдѣлать тебя богатымъ, чего бы ему искать у дверей твоихъ? онъ пришелъ искать вспоможенія, и нашелъ врага; искалъ врачевства, получилъ отраву. Гдѣ надобно было облегчить нищету, ты удвояешь ее, желая отнять и послѣднее имѣніе. Какъ земледѣльцы молятъ Бога о дождѣ для умноженія своихъ посѣвовъ: такъ ты ищешь скудости и нищеты человѣческой, чтобы имѣть больше прибытка отъ своихъ денегъ.

Пій воды отъ своихъ сосудовъ (Притч. 5, 15): то есть, расчитывай свое имущество; неходи на чужіе колодези, а отъ своего, хотя малаго, родника избирай способы для жизни; неходи къ чужимъ дверямъ; ибо *чужій студенецъ* въ самомъ дѣлѣ *тѣсенъ есть* (Прит. 23, 27). Не имѣй дѣла съ заимодавцемъ, который притѣснитъ тебя; не допускай, чтобы онъ искалъ тебя, какъ нѣкоей добычи. Заемъ, начало лжи, бываетъ причиною неблагодарности и клятвопреступленія. Иныя рѣчи бываютъ тогда, когда должникъ занимаетъ: иныя тогда, когда отъ него требуютъ заятаго. Тогда онъ говоритъ: „я почитаю себя несчастнымъ, что занялъ у тебя; я могъ бы въ тѣ поры и безъ тебя сыскать какую нибудь помощь въ моей бѣдности. Ты мнѣ далъ деньги почти насильно; золото твое было нечисто, а деньги поддѣльныя.“ Если заимодавецъ— твой другъ, такъ не теряй дружбы; если не другъ, не дѣлайся его подчиненнымъ. Хотя ты теперь и бѣденъ, но свободенъ; взявши въ займы не обогатишься, а свободу потеряешь. Должникъ есть рабъ заимодавца и рабъ купленый. Псы усмиряются, когда имъ даютъ; а заимодавецъ, и получая, ссорится; непрестанно лаетъ, и все больше и больше взыскиваетъ. Ты клянешься,— онъ невѣритъ, выпытываетъ, распрашиваетъ о твоихъ доходахъ. Выдешь изъ дома, онъ тебя завлекаетъ къ себѣ и поноситъ; скроешься въ домѣ, онъ стоитъ на дворѣ, стучитъ въ двери, срамитъ тебя при твоей женѣ, обличаетъ при друзьяхъ, ни слова не даетъ выговорить на площади. „Крайняя нужда, скажешь; и нѣтъ ни какого иного способа достать денегъ, кромѣ займа.“ Какая же польза отъ того, что ростовщикъ далъ тебѣ на день? завтра опять явится къ тебѣ нищета твоя, какъ нѣкій скороходъ, и таже самая нужда усугубится. Не взявши въ займы ты равно будешь бѣденъ и завтра какъ нынѣ; а взявши большій понесешъ вредъ отъ наростающей лихвы. Нынѣ тебя никто не осуждаетъ за то, что ты бѣденъ; это не вольное зло: а если подвергнешься добровольно процентамъ, всякъ будетъ смотрѣть на тебя, какъ на безумца.

Младенческій разумъ—не содержать себя въ жизни тѣмъ, что есть; младенческій разумъ—пускается въ неизвѣстныя надежды и терпѣть явный неоспоримый вредъ. Ты богатъ? Не бери въ займы. Бѣденъ? опять не бери; потому что если у тебя всего довольно, ты не имѣешь нужды занимать: если ничего неимѣешь, тебѣ нечѣмъ будетъ долгъ отдать. Не предавай жизни своей на раскаяніе, чтобъ не похвалить тебѣ дни свои, бывшіе прежде твоихъ долговъ. Мы бѣдняки однимъ тѣмъ и разнимся отъ богатыхъ, что у насъ меньше заботъ: они покоя не имѣютъ, безпрестанно суетятся; а мы смѣемся надъ ними, бывъ сами безпечальны и спокойны. Но входящій въ долги вмѣстѣ и бѣденъ, и въ великомъ безпокойствѣ; всегда въ раздумьѣ, не спитъ ночью, не спитъ и днемъ; иногда цѣнитъ въ мысляхъ свое имѣніе, иногда—пышные домы и помѣстья богачей, одежды встрѣчающихъ, столовые приборы и украшенія тѣхъ, у кого пируетъ. „Если бы все это было мое, говоритъ онъ самъ себѣ, я продалъ бы за столько-то и освободился бы отъ процентовъ.“ Одно и тоже у него на сердцѣ ночью, однѣ и тѣже мысли занимаютъ его днемъ. Если постучатъ въ двери, должникъ прячется подъ кровать. Если кто нечаянно пришелъ, у него сердце содрогнулось. Залаетъ ли песъ на дворѣ, онъ обливается потомъ и озирается, куда бы ускользнуть. Когда наступаетъ срокъ платежа, онъ заботится о томъ, какъ бы солгать, какъ бы ульстить заимодавца притворнымъ извиненіемъ. Ни одинъ борецъ не бѣгаетъ такъ отъ ударовъ противника, какъ должникъ отъ встрѣчи съ заимодавцемъ, укрывая свою голову за стѣны и столпы. Размышляетъ не только какъ взять, но и какъ отдать. Скажешь: „Какъ же пропитать себя?“ имѣешь руки, знаешь какое нибудь ремесло: нанимайся, служи; для жизни много промысловъ, много способовъ. Ты немощенъ? проси. Если же просить почитаешь за стыдъ; то еще стыднѣе, взявши въ займы, не отдать. Впрочемъ больше видимъ, что не тѣ входятъ въ долги, которые дѣйствительно бѣдны (да кто бы имъ и повѣрилъ?), но занимаютъ такіе люди, которые предаются расточительности, безплодной роскоши,—люди, рабски угождающіе женскимъ прихотямъ. „Мнѣ нужно дорогое платье,—говоритъ жена,—золотые уборы; дѣти требуютъ хорошей и приличной одежды; слугъ тоже надобно одѣть получше; для стола нужны сладкія кушанья. Оказывающій услугу женѣ, не успѣвши очистить первые долги, занимаетъ вторично, и на короткое время похвалившись чужимъ, послѣ рыдаетъ и о своемъ. Ахъ, сколько людей погубило чужое имѣніе! Сколько такихъ, которые, бывъ обогащены на минуту какъ во снѣ, повергнись въ бѣдствія и злоключенія! „Однако многіе и чрезъ займы обогатились,“ скажешь ты. А я думаю, что больше такихъ должниковъ, которые сами себя умертвили. Ты видишь обогатившихся, а не исчисляешь самоубійцъ, которые, не терпя срама отъ взысканій, предпочли жизни поносную смерть. Видѣлъ я жалост-

ное зрѣлище.... дѣтей свободныхъ, влекомыхъ на продажу за отцовскіе долги.— Ты не въ силахъ оставить имѣнія своимъ дѣтямъ? покрайней мѣрѣ не отнимай у нихъ благородства. Оставь имъ свободу — одно это сокровище, одинъ этотъ залогъ, который ты самъ получилъ отъ родителей. За отцовскую скудость ни кто не былъ обвиненъ: а долгъ отцовскій влечетъ въ темницу. Не оставляй заемныхъ писемъ, какъ проклятія отцовскаго, которое переходитъ на дѣтей и внуковъ.

Слышите вы, богачи, какіе мы даемъ совѣты нищимъ, по причинѣ вашего безчеловѣчія! Потому что когда ты берешь огромной ростъ, это есть безчеловѣчіе, превосходящее всѣ виды человѣконенавидѣнія: получаешь прибыль отъ злоключеній другаго; умножаешь сребро отъ слезъ, давишь нагаго, бьешь алчущаго; въ тебѣ нѣтъ никакого сожалѣнія, никакого уваженія даже къ родству страждущаго. И такіе прибытки называешь человѣколюбивыми! *горе глаголющимъ горькое сладкое* (Исаіи. 5, 20), и человѣконенавидѣніе именующимъ человѣколюбіемъ! Земледѣлецъ, сжавши колосья, не ищетъ сѣмени подъ корнемъ: а ты и плоды имѣешь, и вершинъ не покидаешь. Садишь безъ сѣменъ, жнешь не посѣявши. Неизвѣстно, кому собираешь. —

ПОУЧЕНІЕ

ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ НЕД. 20-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Якоже приближися ко вратомъ града, и се изношаху умерша, сына единородна матери своей, и та бѣ вдова, и народъ отъ града много съ нею. Лук. 7, 12.

Въ какомъ бѣдственномъ и безнадежномъ состояніи была мать — вдова, упоминаемая нынѣ въ Евангеліи! У ней былъ одинъ сынъ, и уже въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ она могла надѣяться отъ него скорой помощи. Но въ то время, какъ она утѣшалась этою сладкою надеждою, когда радовалась, смотря на единственнаго сына, достигшаго уже лѣтъ юношескихъ, Богу угодно было вдругъ лишить ее сей радости, этого послѣдняго утѣшенія: юноша, сынъ ея, умеръ. И вотъ бездыханное тѣло юноши уже износятъ къ могилѣ; носящіе мертваго исходятъ изъ вратъ города: скоро злополучная мать не будетъ видѣть и смертныхъ останковъ своего дражайшаго сына! — Такъ! судя по человѣчески, нельзя было не сказать тогда, что для несчастной вдовы — матери все теперь кончено! Но здѣсь-то, гдѣ не льзя было ожидать никакой помощи ни отъ людей ни отъ всѣхъ силъ природы, здѣсь-то и началось дѣйствіе Божественное, дѣйствіе высшее человѣка и всей природы. Въ то самое время, когда износили умершаго изъ града, Владыка жизни и смерти приближился ко вратамъ тогоже града. Первое слово Его было слово утѣшенія: *видѣвъ* плачущую мать *Господь, милосердова о ней*

и рече ей: не плачи! Потомъ Жизнодавецъ приступаетъ ко одру: *и приступль коснуся во одрѣ, носящіи же сташа.* И вотъ настала торжественная минута! Народъ сопровождавшій Іисуса Христа во градъ, и народъ шедшій за мертвецемъ изъ града, всѣ останавливаются, и въ глубокомъ молчаніи взираютъ на Спасителя. И въ сію-то минуту глубокой тишины и безмолвія раздается животворный, творческій гласъ Богочеловѣка: *юноше! тебѣ глаголю, востани!*—И мертвый восталъ; *и сѣде мертвый, и начатъ глаголати.*

Такъ совершилось преславное чудо воскресенія Наинскаго юноши. Воскресшій тѣломъ, безъ сомнѣнія, воскресъ и духовно, увѣровавъ, вмѣстѣ съ матерію своею, въ Божественнаго Спасителя міра. Столь великое чудо не могло не произвесть и въ народѣ благой перемѣны духовной. Что же произведетъ оно въ нашихъ сердцахъ, послѣ того какъ мы слышали повѣствованіе о немъ Евангельское?

Много душевной пользы произведетъ и въ насъ это чудо Божественное, если мы не смежимъ очей вѣры для него и не заградимъ слуха сердечнаго.

Обратимъ вопервыхъ вниманіе на самое дѣйствіе воскрешенія юноши. Вотъ образъ и нашего, будущаго, воскресенія! Тотъ же Господь, который сказалъ мертвому юношѣ: юноше, тебѣ глаголю, востани! нѣкогда речетъ ко всѣмъ умершимъ, лежащимъ въ нѣдрахъ земли. *Грядетъ часъ,* говоритъ Господь, *въ онь же вси сущіи во еровѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія: и изыдутъ сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5, 28. 29). Та же сила, которая воскресила Наинскаго юношу можетъ воскресить и всѣхъ умершихъ; потому что возвращеніе жизни какъ одному, такъ и всѣмъ умершимъ, равно превышаетъ всѣ силы естества и есть дѣло одного всемогущества Божія. Сверхъ сего, воскресеніе юноши образуетъ намъ и то духовное воскресеніе, которому надлежитъ совершиться въ каждомъ изъ насъ, если мы не желаемъ остаться подъ властію смерти вѣчной. Какъ Наинскаго юношу исхитила смерть изъ объятій матери, такъ и насъ грѣхъ исхитилъ изъ объятій Благодати Божіей. И мы готовы были всѣ къ вѣчному погребенію, или лучше, къ вѣчной смерти, еслибъ не срѣтилъ насъ милостію своею Господь и Спаситель нашъ, еслибъ Онъ своею смертію не исхитилъ насъ у смерти вѣчной и не возвратилъ насъ въ лоно любви и благости Божіей. Но, какъ по грѣхамъ нашимъ мы и нынѣ держимся въ плѣну духовной смерти, то Благодать Господа во всю жизнь нашу не престаетъ пробуждать насъ отъ сна и смерти, и вопіетъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14).

Обратимся и къ народу, предъ которымъ совершено столь славное чудо. Евангеліе повѣствуетъ, что и съ Іисусомъ Христомъ шло во градъ великое множество людей: *и съ Нимъ идяху ученицы Его мнози и народъ многъ;* и сопровождавшихъ тѣло умершаго юноши, спутниковъ вдовы матери, было также очень много: *и народъ отъ града многъ съ нею.* И такъ чудо произведено предъ множествомъ, сошедшагося изъ различныхъ мѣстъ, народа, не при двухъ или трехъ, но при великомъ множествѣ свидѣтелей.

Для чего такъ? Не только для того, чтобъ тѣмъ достовѣрнѣе было сіолъ ясное свидѣтельство Божественной силы Спасителя, но и для того, чтобъ тѣмъ болѣе было духовной пользы отъ дѣйствія Его всемогущества. Евангеліе говоритъ, что весь народъ, видѣвшій это чудо, возбужденъ былъ къ славословію Божію: *пріятъ же страхъ всѣхъ, и славляху Бога, глаголюще: яко Пророкъ великій воста въ насъ, и яко посѣти Богъ людей своихъ.* Такъ чудодѣйственная сила Божія гдѣ ни дѣйствуетъ, всегда имѣетъ самую благотворную цѣль для человѣчества, и тамъ не расточаетъ чудесъ, гдѣ не предвидитъ никакой отъ нихъ пользы. Почему, спрашиваютъ, не творитъ Господь и для насъ столько чудесъ, сколько творилъ Онъ для древнихъ? Потому, скажемъ, что, по премудрости своей, Онъ не видитъ нужды или пользы отъ многихъ чудесъ въ наше время, а потому и совершаетъ чудеса рѣдко — тамъ, гдѣ они могутъ производить истинную пользу. Впрочемъ можемъ ли сказать, что Господь не творилъ и не творитъ для насъ чудесъ? всѣ прежніе чудеса ни сотворены ли и для насъ? — слыша или читая о нихъ, мы также можемъ пользоваться, какъ и очевидцы. Не сотворилъ ли Господь для насъ величайшаго изъ всѣхъ чудъ, не явилъ ли славнѣйшаго воскресенія? — Онъ самъ, вкусивъ за насъ смерть, явилъ намъ свое Божественное воскресеніе, и излилъ благодатныя силы свои по всей вселенной. Не дѣйствуетъ ли Благодать его и нынѣ во Святой Церкви, не дѣйствуетъ ли и въ нашихъ сердцахъ, желая произвесть въ каждомъ чудо духовнаго воскресенія? — но это, скажутъ, чудеса невидимыя, неощутительныя. — И такъ, скажемъ мы, если ко всему этому люди нечувствительны, *аще Моисея и Пророковъ*, или лучше, самаго гласа Божія благодатнаго *непослушаютъ, то и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры* (Лук. 16, 31).

Обратимся еще къ самой вдовѣ — матери, для которой ближайшимъ образомъ произведено было чудо воскресенія. Мы видѣли, какъ она была несчастна и безпомощна, и какой великой удостоилась милости Божіей. Познаемъ изъ сего, сколь милосердъ Господь къ людямъ бѣдствующимъ. Онъ Отецъ сиротъ и вдовъ; Онъ утѣшитель плачущихъ, врачь болящихъ, помощникъ безпомощнымъ; скорѣе забудетъ мать дитя свое, нежели Отецъ небесный забудетъ единаго изъ малыхъ сихъ, которые всѣми оставлены въ мірѣ. Правда, Онъ не всѣмъ вдовамъ, лишающимся единственныхъ сыновъ, помогаетъ такъ, какъ помогъ Онъ вдовицѣ Наинской; не всѣхъ утѣшаетъ такъ, какъ утѣшилъ сестръ Лазаря, воскресивъ брата ихъ; не всѣхъ чудесно исцѣляетъ отъ болѣзней; не всѣмъ слѣпцамъ отверзаетъ очи; не всѣмъ разслабленнымъ говоритъ: возми одръ твой и иди въ домъ свой! Но Онъ всѣмъ готовъ помочь, всѣхъ готовъ утѣшить многими другими, какими угодно Его премудрости и благости, средствами. Не пріемлетъ ли Онъ лишающихся дѣтей или родителей подъ свое покровительство, и не часто ли мы видимъ, что бѣдные живутъ лучше богатыхъ, дѣти безъ родителей воспитываются и дѣлаются людьми полезнѣйшими для общества? не даетъ ли Онъ лишеннымъ очей тѣлесныхъ иногда такихъ очей душевныхъ, которымъ удивляются самые просвѣщенные? не предлагаетъ ли всѣмъ свои благодатныя средства для исцѣленія

болѣзней души; такъ что и самый развращенный человѣкъ можетъ спастись и сдѣлаться примѣромъ добродѣтельной жизни для многихъ? такое исцѣленіе души, такое оживленіе человѣка мертваго духомъ, есть также чудо и притомъ большее, нежели исцѣленіе болящихъ тѣломъ, воскрешеніе умершихъ. Кто же осмѣлится сказать послѣ сего, что Богъ къ нему немилостивъ? нѣтъ! ты самъ не хочешь Его милости, или не того хочешь, что для тебя полезно. Предайся Господу съ вѣрою и возложи на Него все упованіе сердца: тогда ты познаешь, сколь благъ Господь, и сколь *благо прилѣплятися Богови, полагати на Господа упованіе* (Псал. 72, 28).

Посмотри еще на примѣръ вдовы Наинской. Онъ поучаетъ насъ, что не должно отчаяваться и тогда, когда не видимъ ни откуду помощи и утѣшенія. Кто въ мірѣ могъ помочь матери, лишившейся единственнаго сына? могла ли она надѣяться, что сынъ ея воскреснетъ? могла ли знать, что въ то самое время, когда будутъ выносить сына ея къ погребенію, встрѣтится ей тотъ, который имѣетъ власть надъ жизнію и смертію,— встрѣтится и умилосердится надъ нею? подлинно, съ нею случилось то, чего она нисколько не могла надѣяться, никакъ не могла предвидѣть. Должно однакожъ полагать, что въ сердцѣ ея была вѣра и упованіе на Бога: иначе Господь не оказалъ бы ей столь великой милости. Должно думать, что, провожая тѣло сына своего, она проливала не слезы отчаянія, а только слезы любви матерней, и, не видя никакой помощи отъ человѣкъ, тѣмъ болѣе предавала себя милосердію Божію. И вотъ надежда ея на Бога исполнилась такъ, какъ не могла она надѣяться! Такъ и намъ не должно никогда терять упованія на Господа. Напротивъ, чѣмъ менѣе остается намъ, на что надѣяться въ мірѣ, тѣмъ болѣе будемъ надѣяться на всесильную помощь Божію. Будемъ увѣрены, что вѣрующимъ и любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благая, и что даже потерявъ все, мы не всего лишаемся, потому что Господь съ нами, для котораго возможно все. Не будемъ однакожъ требовать чудесъ отъ Бога. Вдовица, упоминаемая въ Евангеліи, не требовала чуда, а заслужила чрезвычайную помощь Божію смиреніемъ и покорностію волѣ Божіей. Вотъ единственное средство и для насъ получить милость Божію. Смиренный и покорный волѣ Божіей никогда не погибнетъ, никогда не останется безъ помощи вышней.

Смиритеся убо, всѣ бѣдствующіе и нуждающіеся въ помощи, *смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время,— всю печаль вашу возвергше нань, яко Той печется о васъ* (Іак. 5, 6).

РАЗВАЛИНЫ.

„Возвращаясь изъ Азіи, и плывя отъ Эгины къ Мегарѣ,— писалъ одинъ благоразумный язычникъ въ утѣшеніе своему другу, лишившемуся единственной дочери,— я началъ разсматривать вокругъ лежащія области: позади меня была Эгина, впереди Мегара, по правую сторону Пирей, по лѣвую Коринѳъ; эти города были нѣкогда самыми цвѣтущими, а нынѣ разрушены и представляютъ глазамъ однѣ развалины. Увы, ничтожные смертные размышлялъ я самъ съ собою, мы крушимся и досадуемъ, если кто нибудь изъ насъ, кратковременныхъ, умеръ или убитъ, между тѣмъ какъ здѣсь, на одномъ

мѣстѣ, лежатъ поверженные трупы столькихъ народовъ! повѣрь мнѣ, другъ мой, прибавилъ онъ, эта мысль много подкрѣпила унылый духъ мой."— Въ самомъ дѣлѣ есть нѣкое, хотя и грустное, ободреніе для духа въ мысли о падшемъ величіи и великихъ городовъ, и великихъ людей, и великихъ народовъ. Взглядъ на развалины какого нибудь Мемфиса, или Пальмиры, или Ѳивъ, погружаетъ путешественника въ глубокія размышленія. Часто одно имя древней Спарты, древняго Вавилона и Египта измѣняютъ самое ве елое расположеніе духа въ тихую задумчивость. Марій, сидящій на развалинахъ Карѳагена, Пророкъ Іеремія, оплакивающій раззоренный Іерусалимъ, и вмѣстѣ съ собою заставляющій рыдать осиротѣлые пути Сіона,— народъ Іудейскій вмѣстѣ съ священниками и старѣйшинами плачущій плачемъ великимъ надъ полуистлѣвшею книгою закона, или надъ развалинами храма Соломонова,— это такія явленія, которыя по цѣлымъ часамъ могутъ занимать душу, и давать самые назидательные уроки. И есть люди, которые посвящаютъ цѣлые годы, иногда цѣлую жизнь на то, чтобъ открывать развалины старинныхъ городовъ; объяснить значеніе, мѣсто и время полуистертой монеты, угадать— какого ордена обломки найденной колонны, проголковать непонятное слово или непонятный отрывокъ въ старинной лѣтописи, прочесть древнія письмена Египетскія, называемыя гіероглифами.

Отъ развалинъ городовъ и храмовъ обратимся къ себѣ самимъ. Падшій человѣкъ не есть ли развалина, замѣчательнѣйшая и огромнѣйшая изъ всѣхъ, какія только есть на земномъ шарѣ, и, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ. Всѣ дары и преимущества, которыми онъ обладаетъ теперь, не суть ли одни обломки, свидѣтельствующіе только о томъ, что нѣкогда онъ былъ— созданіе полное, великое и совершенное? Нашъ умъ, наша воля, наши другія способности, называемыя творческими, что иное суть, какъ не темные, непонятные отрывки изъ книги первоначальнаго бытія человѣческаго? Иначе откуда и зачѣмъ такая темнота, неопредѣленность, разногласіе въ ученіи философовъ о душѣ и ея силахъ? Если же развалины бездушныхъ зданій невольно погружаютъ насъ въ глубокую задумчивость и размышленіе: тѣмъ болѣе мы должны углубляться мыслями въ развалины собственнаго существа нашего. Изыскатель древностей не щадитъ ни трудовъ, ни времени, чтобъ возстановить правильное чтеніе испорченной и полуистлѣвшей хроники, очистить и объяснить образъ, оттиснутый на монетѣ. Менѣе ли должно трудиться каждому изъ насъ, чтобы возстановить правильное употребленіе способностей нашихъ, очистить и просвѣтлить образъ Божій, напечатлѣнный въ нашей природѣ? Возвратившіеся изъ плѣна Вавилонскаго Израильтяне плакали надъ развалинами храма Соломонова,— воспоминая прежнее его великолѣпіе. Сколько слезъ надобно пролить грѣшнику надъ падшимъ храмомъ души своей, сколько надобно употребить вздоховъ и моленій къ Искупителю, да пріидетъ и созиждетъ разрушенное въ насъ, обновитъ ветхое!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 14 Сентября 1858 г.
Цензоръ, Р. Семинаріи, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 29 НЕДѢЛЯ 21 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ОКТЯБРЯ 16. 1838.

Апостолъ: Гал. 2, 16—20. Евангеліе: Лук. 8, 5—15.

ИЗЪ СВ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

О воспитаніи дѣтей.

Юный отрокъ подобенъ дскѣ, приготовленной для написанія картины; что живописецъ изобразитъ— доброе или худое, святое или грѣшное, Ангела или бѣса,— то и останется на ней. Такъ и дитя; какое родители дадутъ ему воспитаніе, къ какимъ нравамъ пріучатъ его— богоугоднымъ или богоненавистнымъ, къ ангельскимъ или бѣсовскимъ,— съ такими будетъ оно и жизнь свою провождать. Бѣлое полотно не измѣнитъ того цвѣта и краски, въ которую омочено сначала; сосудъ не теряетъ своего запаха— дурнаго или хорошаго— которымъ онъ прежде напитался. Таково и воспитаніе дѣтей. По этому необходимо издѣтства пріучать ихъ къ добру, употребляя угрозы и ласки..... Св. Златоустъ уподобляетъ юность пылкому и неукротимому коню. Чѣмъ удержишь коня, если не браздами, уздою и томленіемъ? равнымъ образомъ и юность требуетъ страха и наказанія. *Любяй сына своего, частитъ емъ раны* (Сир. 30, 1). Родители должны не только сами воспитывать и учить своихъ дѣтей добродѣтелямъ,— но и приставлять къ нимъ искусныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, которые хра-

нили бы дѣтское здоровье и преподавали бы полезныя науки; которые наблюдали бы всѣ слова ихъ и поступки, ихъ сѣдѣніе и востаніе, ихъ хожденіе и стояніе, ихъ разговоры съ другими. „Пылка молодость, говоритъ св. Златоустъ, и требуетъ многихъ наставниковъ, учителей, пѣстуновъ, надсмотрщиковъ и воспитателей. Для ословъ пастуха, для муловъ хорошаго приставника отыскиваемъ: а не смотримъ на то, что всего благороднѣе, не заботимся, комубы ввѣрить сына своего для храненія цѣломудрія его.“ — Страшную вещь повѣствуетъ св. Григорій Двоесловъ въ своемъ разговорѣ съ Петромъ діакономъ, въ книгѣ 4-й гл. 18: „Для многихъ дѣтей, говоритъ онъ, затворяется входъ въ царство небесное, если они худо воспитаны. За три года передъ симъ, въ нашемъ городѣ Римѣ, одинъ, извѣстный всѣмъ, человѣкъ имѣлъ сына, — ребенка лѣтъ пяти, мнѣ кажется. Отецъ слишкомъ любилъ своего малютку и воспитывалъ безъ всякаго наказанія. Безпрестанно ласкаемый, и никогда не получая выговоровъ, ребенокъ привыкъ къ сквернословію; изрыгалъ хулы на людей, на священныя вещи; изрыгалъ хулы, — ужасно сказать, — насамое величіе Божіе; а отецъ ни сколько не возбранялъ ему. Ты помнишь моровую язву, которая за три года назадъ опустошала нашъ Римъ?.. Въ это время избалованный сынъ разболѣлся къ смерти; отецъ держалъ его на лонѣ своемъ. При послѣднемъ издыханіи дитяти, злые духи пришли, — такъ свидѣтельствующіе бывшіе при кончинѣ ребенка, — пришли взять душу его: увидѣвши ихъ, малютка пришелъ въ неизъяснимый трепетъ, закрывалъ глаза, но кричалъ: „отними меня, отецъ, отними у нихъ;“ но, испуская ужасныя вопли, прятался лице въ пазуху отца, и хотѣлъ укрыться. Несчастный родитель, смотря на трепещущаго сына, спрашивалъ: что онъ видитъ? — „Черные люди пришли, отвѣчалъ сынъ, и хотятъ меня взять.“ Сказавъ это, онъ началъ извергать срамныя и богохульныя слова, къ которымъ привыкъ, которыя одни, вѣроятно, и зналъ; и съ этими словами извергнулъ душу свою“. Сія повѣсть св. Григорія да устрашитъ родителей, воспитывающихъ дѣтей своихъ худо, безъ наказанія, допускающихъ смалолѣтства привыкать къ небогоугоднымъ дѣламъ и словамъ. Поистинѣ такіе родители и сами, вмѣстѣ съ невоспитанными дѣтьми, преданы будутъ праведнымъ судомъ Божіимъ вѣчнымъ мукамъ. Какъ Хамъ съ юнымъ сыномъ Хананомъ былъ проклятъ Ноемъ (Быт. 9, 25); такъ и они услышатъ отъ Бога: *отыдите отъ мене проклятіи* (*)!—

О ДОЛГѢ МАТЕРЕЙ КОРМИТЬ ДѢТЕЙ СОБСТВЕННЫМЪ МОЛОКОМЪ.

Рече же Сарра: смѣхъ мнѣ сотвори Господь: иже бо аще услышитъ, обрадуется со мною. И рече: кто возвѣститъ Аврааму, яко млекомъ питаетъ отрока Сарра, яко

(*) Лѣтоп. Час. I. стр. 218—220.

родихъ сына въ старости моей? и возрасте отрока и отдоено бысть: и сотвори Авраамъ угрежденіе велів, въ онь же день отдоися Исаакъ сынъ его (Быт. 21, 6—8). „Доишь дѣтище Сарра." Съ разрѣшеніемъ неплодства, Господь Богъ чудесно даровалъ Саррѣ и обильное млеко въ персяхъ ея. Да научатся отселѣ матери, что онѣ сами должны питать младенцевъ своими сосцами, а не отдавать ихъ инымъ женамъ—кормилицамъ; эту должность наложилъ на нихъ и Богъ и природа, давши имъ сосцы, какъ нѣкіе сосуды полные, да питаютъ свое рожденіе. И не безъ грѣха бываетъ тѣмъ матерямъ, которыя, безъ какихъ нибудь уважительныхъ причинъ, отдаютъ младенцевъ своихъ кормилицамъ, а сами не хотятъ питать. Не безъ грѣха: потому что отсюда происходитъ великій вредъ. Младенецъ, питающійся молокомъ не своей матери, а иной жены, бываетъ нездоровъ, и скоро умираетъ; а хотя и будетъ живъ, однако будетъ немощенъ: потому что чужое молоко не свойственно младенцу; оно отъ инаго (хотя и тождественнаго) тѣла, а не отъ того, отъ котораго младенецъ родился, и не такъ полезно, какъ молоко истой матери. Напротивъ питаемый млекомъ собственной матери, младенецъ бываетъ здоровъ и, когда выростетъ, бываетъ крѣпокъ тѣломъ и остроуменъ: такъ утверждаютъ естествоиспытатели. (Плиній книга 28-я гл. 9). Младенцы, ссущіе сосцы кормилицъ, вмѣстѣ съ молокомъ сосутъ и недуги ихъ, и дурные навыки и обычаи ихъ: будетъ больная кормилица, будетъ больной и младенецъ, ею питаемый. Если кормилица гнѣвлива, яра, злобна, другоненавистна: такова будетъ и тотъ, кого она сосцами кормитъ. Если кормилица піянива, любострастна, безстыдна, похотлива: такова поистинѣ будетъ и питомецъ ея, когда пріидетъ въ возрастъ. Дитя, воспитанное не матернимъ млекомъ, пришедши въ возрастъ, не будетъ имѣть къ матери такой любви, какую имѣютъ воспитанные млекомъ собственныхъ матерей. А дѣти, мало имѣющія любви къ матери, мало отдаютъ ей и почтенія. Да пристыдятъ матерей, не своимъ молокомъ питающихъ дѣтей своихъ, безсловесныя животныя: каждый скотъ, каждый звѣрь, всякъ изъ нихъ неввѣряетъ своихъ исчадій иному питать, но которая родила, та и кормитъ своими сосцами: а родъ человѣческій оставляется отъ собственныхъ матерей, невѣдомо для чего! (*)

ПРИМѢРЫ ОБРАЩЕНІЯ

ПОСЛѢ ВЕЛИКИХЪ ГРѢХОПАДЕНІЙ.

И слово Божіе и Церковная Исторія представляютъ намъ многіе примѣры великихъ грѣшниковъ, обновленныхъ покаяніемъ и достигшихъ высокой степени святости, доказывая самыми опытами, что нѣтъ грѣха побѣждающаго человѣколюбіе Божіе, и что чѣмъ болѣе умножается грѣхъ, тѣмъ преизобильнѣе является Благодать, влекущая грѣшника ко спасенію. Все это представляется намъ не съ тѣмъ, какъ говоритъ Ап. Па-

(*) Лѣт. Час. 2. стр. 104. 105.

велъ, чтобы мы еще болѣе утверждались во грѣхѣ, да Благодать пріумножится (Римл. 6, 1), но, безъ сомнѣнія, для того, чтобъ ни одного изъ насъ грѣшника не лишить здѣсь надежды на милосердіе Божественнаго Спасителя и всѣхъ, если возможно, подвигнуть къ истинному покаянію. Безчисленны примѣры грѣшниковъ, блуждавшихъ по стезямъ разврата, внѣ благодатнаго царства Божія, и потомъ Благодатію обращенныхъ и введенныхъ въ царство небесное. Но не мало и такихъ грѣшниковъ, которые уже были просвѣщены свѣтомъ вѣры, потомъ впадали въ самые тяжкіе грѣхи, и опять возставали и восходили на высокіе степени совершенства духовнаго. Примѣры этого рода грѣшниковъ ближе къ намъ, нежели примѣры перваго рода: и потому мы ограничимся здѣсь описаніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ обращенія, къ намъ ближайшихъ. А чтобы, сколько возможно, болѣе видѣть пространство дѣйствій Благодати, мы разсмотримъ 1-е, примѣры обращенія тѣхъ, которые еще не были совершенно утверждены въ благодатной жизни,—по крайней мѣрѣ, не достигли совершенствъ высшихъ,—и осквернены были самыми тяжкими грѣхами, 2-е, примѣры покаянія тѣхъ, которые стояли уже на высокой степени духовнаго совершенства, но съ сей высоты низвергались грѣхами почти до ада.

I.

Примѣръ перваго рода грѣшниковъ можно находить, въ ветхомъ завѣтѣ, въ Манассіи, Царѣ Іудейскомъ, а въ новомъ—въ Коринѳскомъ кровосмѣсникѣ. Манассія, сынъ благочестиваго Езекіи, оставшись, послѣ отца, на престолѣ его 12 лѣтнимъ, скоро совращенъ былъ на путь нечестія и дошелъ до самой крайней степени грѣховъ языческихъ. При немъ идолы поставлены были не только на всѣхъ улицахъ Іерусалима, но и въ самомъ храмѣ Божіи, и проливалась кровь многихъ невинныхъ (4 Царств. гл. 21). Но слово Божіе свидѣтельствуетъ, что и онъ, когда плѣненъ былъ въ Вавилонъ, тамъ раскаялся и гласъ покаянія его былъ услышанъ Богомъ: *взыска лице Господа Бога своего, и смирися зѣло предъ лицемъ Бога отецъ своихъ, и помолися къ Нему: и послуша его, и услыша вопль его* (2 Пар. 33, 12. 13). Возвратясь на царство, Манассія старался истребить слѣды своего прежняго нечестія. Въ кровосмѣсникѣ Коринѳскомъ слово Божіе указываетъ намъ также великаго грѣшника. Ап. Павелъ говоря о немъ пишетъ къ Коринѳянамъ: *отнюдь слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яковоже ни во языцѣхъ именуется, яко нѣкоему имѣти жену отчу* (1 Кор. 5, 1); и полагаетъ беззаконнику самое крайнее наказаніе: *предати таковаго сатанѣ во измождженіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (— 5). Но тоже слово Божіе показываетъ намъ и плоды покаянія столь великаго грѣшника. Въ другомъ посланіи къ Коринѳянамъ Апостолъ изъявляетъ Пастырское милосердіе къ кающемуся, и проситъ Коринѳянъ, чтобъ и они возвратили къ грѣшнику Христіанскую любовь братскую (2 Кор. 2, 7— 10).

Обращаемся къ примѣрамъ изъ Исторіи Церковной.

1. Кто не знаетъ житія Преподобной Маріи Египетской? осквернен-ная прежде безчисленными грѣхами,

до какой чистоты и святости достигла она своимъ, почти 50 лѣтнимъ покаяніемъ въ пустынѣ заІорданской (а)!—Подобный примѣръ видимъ въ Египетской же женѣ, Таисіи (б). Обольстительная красота ея была причиною и разоренія и погибели душевной для безчисленныхъ юношей. Но чрезвычайной грѣшницѣ Благодать Божія послала и чрезвычайное средство спасенія. Преп. Пафнутій, узнавъ о погибельной жизни Таисіи, облекается въ мірское одѣяніе, входитъ въ домъ блудницы, и подъ предлогомъ, что онъ стыдится людей, отводитъ ее въ сокровенный покой. Здѣсь обращаетъ вниманіе Таисіи на всевѣдѣніе Божіе, открываетъ развратительницѣ страшный судъ Божій и вѣчныя казни, ее ожидающія, и доводитъ грѣшницу до слезъ раскаянія. Слѣдствіемъ сего было то, что блудница, собравъ всѣ свои богатства, сожгла ихъ всенародно, удалилась въ женскій монастырь и три года провела въ затворѣ, оплакивая грѣхи свои. Преп. Павелъ Препростый видѣлъ послѣ сего уготованный на небѣ прекрасный одръ и вѣнецъ, и когда подумалъ онъ, что все это готовится отцу его Антонію В, услышалъ, что не Антонію, а покаявшейся Таисіи уготована столь дивная награда.

2. Примѣръ обращенія въ другомъ родѣ грѣховъ представляетъ тотъ юноша, котораго поручилъ Ап. Іоаннъ Богословъ Епископу одного Азійскаго града, и который, сдѣлавшись впослѣдствіи начальникомъ разбойниковъ, возвращенъ былъ на путь покаянія самимъ Апостоломъ (в). Подобный разбойникъ, и также начальникъ разбойничьей шайки, былъ Давидъ въ пустынѣ Ермопольской (г). Благодать коснулась сердца его, безъ пособій человѣческихъ. Давидъ размысливъ о погибельномъ состояніи своемъ, самъ оставилъ все, почти насильно принудилъ Игумена, въ одномъ монастырѣ, постричь его въ монашество, и здѣсь показалъ столь великое покаяніе, что превзошелъ всѣхъ своимъ воздержаніемъ и смиреніемъ, сподобился видѣть Архангела, возвѣстившаго ему прощеніе отъ Господа, и получилъ даръ чудотвореній.

3. Въ житіи св. Василія Великаго находимъ примѣръ еще инаго грѣшника обращеннаго. Слуга одного Сенатора, разжегшись плотскою любовію къ дочери своего господина, прибѣгъ къ пособію волшебника, согласился отречься отъ Христа, предать себя сатанѣ и дать въ томъ своеручное писаніе, только бы достигнуть ему желаемаго. Попущеніемъ Божіимъ желаніе Богоотступника дѣйствительно совершилось: онъ получилъ въ жену себѣ дочь господина. Но чрезъ нѣсколько времени жена его, узнавъ, что онъ не причащается св. Таинъ и не ходитъ въ Церковь, исторгла у него признаніе въ ужасномъ грѣхѣ, и донесла о томъ Великому Василію. Святитель не усумнился ободрить надеждою на милосердіе Господне и сего столь необычайнаго и ужаснаго измѣнника Благодати; затворилъ его въ одномъ мѣстѣ внутри священной ограды; помогалъ его покаянію своими молитвами, и наконецъ чрезъ 40 дней, послѣ

(а) Память ея Апр. 1. См. о ней въ журналѣ нашемъ прошлаго года стр. 408.

(б) См. о ней Чет. Мин. Окт. 8.

(в) См. о семъ юношѣ Воскр. Чтенія за прошедшій годъ стр. 199.

(г) См. о всемъ Чет. Мин. Сент. 6.

многихъ, бывшихъ грѣшнику, страшныхъ искушеній отъ діавола, повелъ кающагося въ Церковь. По приглашенію св. Архипастыря собрался народъ, совершилъ всенощное моленіе и утромъ былъ свидѣтелемъ дивнаго зрѣлища. Святитель, не смотря на всѣ, даже явныя, усилія діавола исхитить добычу свою изъ рукъ Святаго, ввелъ кающагося во храмъ и велѣлъ Христіанамъ дотолѣ не опускать поднятыхъ къ небу рукъ, пока не будетъ отдано пагубное рукописаніе отступника. И вотъ, при многократномъ восклицаніи народа: Господи помилуй! рукописаніе показалось летящимъ по воздуху и вдано въ руки св. Василія. Великій Святитель тотъ же часъ раздралъ это свидѣтельство грѣха, и торжествуя вмѣстѣ съ Ангелами обрѣтеніе погибшаго, совершилъ Литургію, и сподобилъ причащенія св. Таинъ покаявшагося грѣшника (а).

II.

Приступаемъ къ описанію примѣровъ покаянія такихъ людей, которые впадали въ тяжкіе грѣхи уже послѣ того, какъ они стояли на высокой степени совершенства духовнаго. Но здѣсь прежде всего просимъ читателей, для собственнаго ихъ спасенія, обращать вниманіе не столько на великіе грѣхи Святыхъ, сколько на великое ихъ покаяніе, и нисколько не унижать мысленно тѣхъ, которые, бывъ подобострастными намъ человѣками, падали, но покаяніемъ возвеслись къ достоинству Ангеловъ. Слово Божіе и Исторія Церкви представляетъ намъ слѣдующіе примѣры паденія и востанія Святыхъ для того, чтобъ мы всего менѣе надѣялись на собственныя силы наша, и на всемъ пути спасенія ограждали бы себя смиреніемъ и совершеннымъ упованіемъ на одну всесильную Благодать Божію.

Примѣры, которые прежде всего укажемъ, — это въ ветхомъ завѣтѣ Давидъ, а въ новомъ Ап. Петръ. На какой высотѣ стоялъ Давидъ прежде своего сугубаго паденія, можно судить потому, что онъ еще съ юныхъ лѣтъ удостоенъ былъ особенныхъ даровъ Божіихъ, помазанъ священнымъ елеемъ, невредимо прошелъ многія искушенія и наконецъ, какъ Царь и Пророкъ, удостоенъ былъ высокихъ откровеній Божіихъ (См. 2 Цар. гл. 7). Велико было его паденіе, когда онъ отнялъ у Уріи жену, а самаго Урію подвергъ вѣрной смерти на сраженіи; но велико и покаяніе Давида! доказательство сего въ его покаянномъ псалмѣ, проникнутомъ духомъ вѣры и глубочайшаго смиренія (б) и въ той смиренной покорности волѣ Божіей, съ которою перенесъ онъ всѣ постигшія его бѣдствія, особенно гоненіе сына своего Авессалома. Высоко стоялъ и Ап. Петръ, любимый ученикъ Іис. Христа, удостоенный, съ немногими, особенной довѣренности Господа, первый исповѣдавшій Его, какъ Сына Божія, и пріявшій отъ Него обѣтованіе о ключахъ царствія небеснаго. Послѣ сего, трекратное отреченіе Петрово, безъ сомнѣнія, есть грѣхъ самый тяжкій, грѣхъ, на которой падало осужденіе самаго Господа: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ моимъ иже на небесѣхъ* (Матѳ.

(а) См. Чет. Мин. Генв. 1.

(б) См. изъясненіе псалма 50-го въ Воскр. Чт. прош. года стр. 409 и дал.

10, 33). Но поспѣшное покаяніе Петра спасло его отъ совершенной погибели, и вознесло опять на высоту прежнюю. Тотчасъ послѣ грѣха своего, Петръ, начавшій плакать горько, былъ совершенно прощенъ по воскресеніи Господа, и за пламенную любовь свою къ Спасителю удостоенъ былъ опять Его довѣренности (См. Іоан. 21, 15 и дал.).

Вотъ еще подобные примѣры паденія и возстанія изъ Исторіи Святыхъ.

1. Марія, племянница пр. Аврамія затворника, съ 7-ми лѣтъ начала духовную жизнь подъ руководствомъ святаго дяди своего, и затворенная, подобно ему, въ особой келліи, 20 лѣтъ провела въ духовныхъ подвигахъ (а). Можно ли было ожидать послѣ сего того страшнаго грѣхопаденія, которое съ нею случилось? Не напрасно Аврамій видѣлъ во снѣ змія, поглотившаго чистую голубицу: Марія, обольщенная однимъ молодымъ инокомъ, впала въ грѣхъ любодѣянія, ушла изъ затвора и сдѣлалась извѣстною всѣмъ блудницею. Но къ утѣшенію Аврамія, Богъ показалъ ему и другое видѣніе: Аврамію снилось, что поглотившій голубицу змій разсѣлся и изъ чрева его вышла голубица въ прежней чистотѣ своей. Узнавъ мѣстопребываніе своей племянницы, Преподобный облекается въ воинскую одежду, покупаетъ деньгами входъ къ блудницѣ, разрѣшаетъ даже съ нею на вино и мясо; но отведши ее въ сокровенное мѣсто, вдругъ открываетъ предъ ней лице свое, приводитъ ее въ стыдъ и смущеніе, отеческими увѣщаніями и слезами доводитъ ее до слезъ покаянія, внушаетъ ей надежду на милосердіе Божіе, принимаетъ на себя ея грѣхи и возвращаетъ ее на прежній путь спасенія. Марія, покаявшаяся, не только была прощена отъ Бога, но и удостоилась получить даръ исцѣленій.

2. Преп. Іаковъ постникъ (въ Финикіи) 50 лѣтъ подвизался въ постѣ и молитвахъ, исцѣлялъ болѣзни, изгонялъ бѣсовъ своею молитвою и, казалось, совершенно побѣдилъ всѣ свои страсти (б). Одна блудница, подкупленная врагами Святаго, сказавшись ему заблудившею странницею изъ монастыря, упросила Преподобнаго сохранить ее въ ночное время въ келліи; потомъ, притворясь больною, заставила его взять елей для помазанія мнимо болящей. Святый, чтобъ оказать человѣколюбіе и вмѣстѣ сохранить всю чистоту внутренняго цѣломудрія, развелъ предъ женщиною огонь и лѣвую руку свою опустивъ въ пламень, правою помазывалъ елеемъ притворно больную; и симъ поступкомъ своимъ произвелъ то, что блудница, увидѣвъ сожженные персты Пр. Іакова, раскаялась въ грѣхахъ своихъ, приняла Христіанство (она была еще невѣрная) и вступила въ женскій монастырь. Какъ велико было послѣ сего паденіе Іакова!—Одна дѣвица, изъ которой онъ изгналъ бѣса, оставлена была на три дня въ его келліи. По всей вѣроятности, Іаковъ въ это время вознесъ себя мыслію, какъ великаго чудотворца, и былъ ужасно наказанъ за свою духовную гордость. Благодать сокрылась, и онъ забылся до того, что сдѣлалъ насиліе исцѣленной дѣвицѣ, а потомъ, боясь послѣдствій грѣха, умертвилъ ее и бросилъ въ рѣку. Погубившій благодать, Іаковъ

(а) См. о ней въ Чет. Мин. Окт. 29.

(б) См. о немъ Чет. Мин. Мартъ 4.

рѣшился наконецъ идти въ міръ. Но на пути, встрѣтясь съ однимъ благочестивымъ мужемъ и услышавъ отъ него проповѣдь покаянія, грѣшникъ пришелъ въ себя; потомъ заключилъ самъ себя въ одномъ гробѣ, и 10 лѣтъ оплакивалъ въ немъ умершую душу свою. Случились въ той странѣ бездождіе и долговременная буря. Во время всенароднаго моленія открыто было Епископу, что бѣдствія тогда престанутъ, когда помолится святый, живущій во гробѣ. И дѣйствительно, какъ скоро убѣдили кающагося Іакова выдти изъ гроба и обратиться съ молитвою къ Богу, тотчасъ пролился благотворный дождь и затихла опустошительная буря. Такъ торжественно засвидѣтельствовалъ Господь истинное обращеніе падшаго! Въ тоже время возвратились къ Іакову и прежніе дары чудотвореній.

3. Ѳеофилъ, икономъ соборной Церкви въ одномъ Киликійскомъ городѣ, былъ истинно благочестивымъ и совершенно безкорыстнымъ служителемъ Церкви, и притомъ столько смиреннымъ, что отказался отъ предлагаемаго ему Архіерейства (а). Но когда, при новомъ Епископѣ, по клеветамъ враговъ своихъ, онъ отставленъ былъ отъ должности, уныніе довело его до страшной крайности: съ помощію одного волшебника, онъ прибѣгъ къ пособію злыхъ силъ, даже отрекся Христа и Божіей Матери и утвердилъ свое отреченіе своеручнымъ писаніемъ. Скоро однакожъ, когда онъ принялъ прежнюю должность, совѣсть его пробудилась. Ѳеофилъ, затворясь въ одномъ храмѣ Богоматери, сорокодневнымъ покаяніемъ умилостивилъ Матерь Божію, удостоился Ея явленія и ходатайства предъ Господомъ, и услышалъ изъ устъ Ея прощеніе. Во свидѣтельство сего прощенія возвращено было ему и пагубное рукописаніе, которое онъ въ послѣдствіи сожегъ во храмѣ, исповѣдавъ грѣхъ свой предъ Епископомъ и народомъ.

Быть можетъ, примѣры столь строгаго покаянія падшихъ устрашатъ кого-либо до того, что онъ будетъ бояться покаянія. Таковый пусть припомнитъ себѣ разбойника, покаявшагося на крестѣ и прощеннаго почти въ одну минуту. Господь знаетъ мѣру силъ каждаго и назначаетъ каждому свое. Онъ прощаетъ грѣхи и за маловременный подвигъ покаянія, если только оно искренно и невозвратно. Въ заключеніе вотъ еще примѣръ изъ житія Святыхъ:

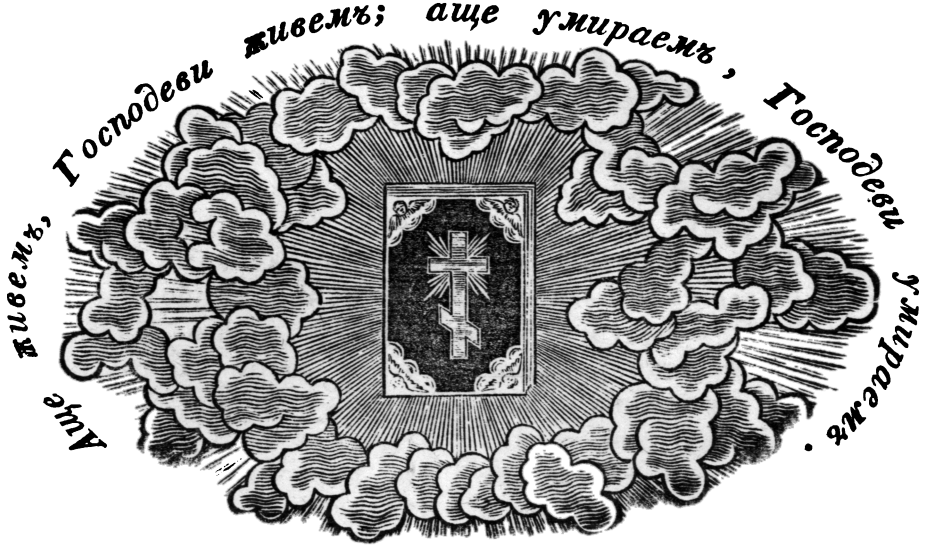
Таисія (отличная отъ упомянутой выше), истощивъ все имѣніе свое на благотворенія нищимъ и монастырямъ, впала въ убожество; потомъ развратными людьми доведена была до развратной жизни. Отцы одного монастыря узнавъ о томъ, послали къ ней старца Іоанна Колову, который и обратилъ ее на путь покаянія. Таисія, оставивъ все мірское, послѣдовала за старцемъ въ пустыню, но, не достигши ни одного монастыря, въ первую ночь заснула на пути сномъ смерти. Погибла ли она, не успѣвъ достойно покаяться въ грѣхахъ своихъ? Нѣтъ! Старецъ, пробудясь въ полночь, увидѣлъ надъ Таисіею свѣтоносный путь къ небу и Ангеловъ возносящихъ душу, столь недавно раскаявшейся грѣшницы (б).

(а) См. Чет. Мин. Іюн. 28.

(б) См. о семъ Чет. Мин. Маія 10.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 21 Сентября 1858 г.
Цензоръ, Р. Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 30. НЕДѢЛЯ 22 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ОКТЯБРЯ 23. 1838.

Апостолъ: Гал. 6, 11—18. Евангеліе. Лук. 16, 19—31.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

Изъясненіе Церковной молитвы: *Благословенъ Богъ, питаяй мя* и пр., читаемой при трапезѣ. (*)

Похваляю иноковъ, обитателей пустынь, и дивлюсь имъ. Послѣ обѣда или лучше послѣ ужина, — потому что они и не знаютъ обѣдовъ, — послѣ ужина они, возсылая къ Богу нѣкоторыя благодарныя пѣсни, воспоминаютъ и слово Апостола: *воздастъ комуждо по дѣломъ его.* Если желаете слышать пѣснь ихъ, что-бы самимъ вамъ повторять ее всегда, я предложу всю оную пѣснь священную. Вотъ слова ея: *Благословенъ Богъ, питаяй мя отъ юности моея, даяй пищу всякой плоти. Исполни радости и веселія сердца наша, да всегда всяко довольство имуще, избыточествуемъ во всяко дѣло благо о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Нимъ же Тебѣ слава, честь и держава со св. Духомъ, во вѣки. Аминь. Слава Тебѣ Господи: слава Тебѣ святый: слава Тебѣ Царю, яко далъ еси намъ брашно въ веселіе. Исполни насъ св. Духа, да обрящемся предъ Тобою благоугодни, и непосрамлени, егда воздаси комуждо по дѣломъ его.*

(*) Сокращенно изъ 55-й Бесѣды на Евап. Матѳ.

ждо по дѣломъ его (см. чинъ о панагіи). Надобно восхищаться всею этой пѣснію, особенно же окончаніемъ ея. Поелику столъ и пища обыкновенно разслабляютъ и обременяютъ: то иноки какъ нѣкую узду налагаютъ на душу слова Апостольскія, воспоминая ей время суда. Они знали, чему подвергся Израиль отъ тучной трапезы: *Яде и насытися,— и отвержеся возлюбленный* (Втор. 32, 15). По этому и иноки изъ опасенія, чтобъ не отвергнуться, насладившись трапезою, или паче постомъ,— потому что самая трапеза ихъ есть постъ,— напоминаютъ себѣ страшное судище и день оный. Если же иноки, имѣютъ нужду въ такомъ напоминаніи,— иноки, которые для сохраненія своего цѣломудрія изнуряютъ себя постами, поверганіемъ на землю, бдѣніями, вретищемъ и другими безчисленными способами: то какъ мы можемъ вести жизнь цѣломудренную,— мы, которые предлагаемъ трапезы, угрожающія безчисленными опасностями, которые со всѣмъ не молимся ни въ началѣ, ни въ концѣ стола?

Дабы и намъ избѣжать опасностей, изъяснимъ всю оную пѣснь, чтобы, видя пользу отъ ней, и сами всегда воспѣвая ее при нашихъ трапезахъ, мы могли укротить застарѣлыя страсти свои, могли ввести въ домы наши обычаи и законы оныхъ ангеловъ. *Благословенъ Богъ:* симъ исполняютъ они заповѣдь Апостольскую, повелѣвающую: *все, еже аще творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ* (Кол. 3, 17). Послѣ того приносится благодареніе Богу не за одинъ только день извѣстный, но за всю жизнь: *питаяй Мя*, говоритъ пѣснь, *отъ юности моея*. Здѣсь содержится ученіе любомудрія; ибо когда питаетъ Богъ, то пещись не надобно. Если бы Царь обѣщалъ давать тебѣ ежедневную пищу, ты былъ бы безпечаленъ: тѣмъ болѣе надобно быть свободнымъ отъ заботъ, когда подаетъ Богъ, и все изливаетъ тебѣ какъ изъ источника. Далѣе— чтобы ты не подумалъ, будто иноки приносятъ благодареніе только за себя однихъ, они прибавляютъ: *даяй пищу всякой плоти*. Они благодарятъ за весь міръ; и, какъ отцы всей вселенной, возносятъ хвалы за всѣхъ, и всѣхъ возбуждаютъ къ искреннему братолюбію. За симъ слѣдуетъ прошеніе: *исполни радости и веселія сердца наша*. Какой радости? житейской? Нѣтъ; если бы хотѣли житейской радости, они не устремлялись бы на вершины горъ и въ пустыни, не одѣвались бы во вретище; они говорятъ о радости, ничего не имѣющей общаго съ настоящею жизнію, о радости Ангельской, небесной. И той радости просятъ они не просто, а напротивъ съ великимъ искусствомъ; ибо не говорятъ: *даждь*, но, *исполни*; и не говорятъ: *насѣ*, но, *сердца наша;* потому что истинная радость есть радость сердца. *Да всегда всяко довольство имуще*. Смотри, какъ здѣсь исполняется оное Евангельское слово: *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. Сего самаго довольства просятъ они для духовной пользы; ибо говорятъ:

да избыточествуемъ во всяко дѣло благо. Не сказали: да творимъ только должное, но просятъ возможности исполнять больше повелѣннаго; ибо это значитъ *да избыточествуемъ.* Далѣе — отъ Бога просятъ одного довлѣющаго въ своихъ нуждахъ, а сами хотятъ повиноваться не столько, сколько довлѣетъ, напротивъ со многимъ избыткомъ, и во всѣхъ дѣлахъ. Вотъ свойство рабовъ благодарныхъ, характеръ истинныхъ мудрецовъ — всегда избыточествовать во всемъ. Потомъ воспоминая свою немощь, и вѣдая, что безъ вышней помощи нѣтъ истинной доблести, они присовокупляютъ: *о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Нимже Тебѣ слава, честь и держава во вѣки. Аминь.* Оканчиваютъ молитву также, какъ начали, и по томъ кажется начинаютъ снова. Они слѣдуютъ примѣру Апостола (Гал. I, 4. Рим. I, 25), славословіемъ начиная, славословіемъ оканчивая, и опять имъ же начиная снова; по этому и говорятъ: *слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, Святый, слава Тебѣ, Царю, яко далъ еси намъ брашно въ веселіе.* Ибо должно славить и благодарить не только за великія блага, но и за малыя. Но смотри, какъ по благодареніи за брашно, они молятъ о большемъ дарѣ, и не остаются при однѣхъ жизненныхъ потребностяхъ, а восходятъ выше небесъ, и говорятъ: *исполни насъ св. Духа.* Ибо невозможно вести себя наилучшимъ образомъ тому, кто не исполненъ благодатію Духа также точно, какъ не возможно ничто доблестное или великое тому, кто не получилъ помощи Христовой. Посему какъ прежде сказавши *да избыточествуемъ во всяко дѣло благо,* они прибавили: *о Христѣ Іисусѣ:* такъ и здѣсь говорятъ: *исполни насъ Духа святаго, да обрящемся предъ Тобою благоугодни и непосрамлени.* Мы, говорятъ, не заботимся о срамѣ предъ людьми; нисколько не обращаемъ вниманія на то, что скажутъ о насъ люди, смѣясь надъ нами, понося насъ: весь подвигъ нашъ, чтобъ не посрамиться *тогда.* Говоря сіе, они воспоминаютъ и огненную рѣку, и воздаяніе и почести. Не сказали: *да не будемъ мучими,* но, *да не посрамлени предъ Тобою:* для насъ гораздо страшнѣе геенны, если мы окажемся раздражившими Господа. Поелику же сіе многихъ, особенно утучнѣвшихъ, не устрашаетъ, то они прибавляютъ наконецъ: *егда воздаси комуждо по дѣломъ его.* Вотъ какую пользу доставили намъ странніе пришельцы оные, жители пустыни, или лучше граждане небесные; ибо мы странніе для неба, жители земли; а они наоборотъ.

Послѣ сей пѣсни, исполненные глубокаго умиленія, проливая теплыя и обильныя слезы, они отходятъ ко сну, и спятъ столько, сколько нужно для малаго успокоенія; потомъ опять ночи превращаютъ во дни, пребывая въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Не одни мужчины, но и женщины привыкаютъ у нихъ къ такому любомудрію, побѣждая немощь естества своего премножествомъ усердія. И такъ устыдимся, мы мужи, крѣпости женъ, и престанемъ шлять въ однихъ помыслахъ о настоящемъ; взыщемъ постоянныхъ и безсмертныхъ благъ,

и жизни никогда не старѣющейся. Можно и въ городѣ живущему ревновать иноческому любомудрію; можно и жену имѣющему, и въ домѣ обитающему и молиться, и поститься, и сокрушаться: Христіане временъ Апостольскихъ жили въ городахъ, а показывали благоговѣніе пустынножителей. Пророки имѣли женъ, имѣли домы: однако это ни сколько не вредило добродѣтели ихъ. Ревнуя имъ, будемъ всегда благодарить Господа, всегда пѣть Ему, навыкать цѣломудрію и прочимъ добродѣтелямъ; постараемся ввести въ города наши любомудріе, обитающее въ пустыняхъ.

СЛОВО

НА ДЕНЬ КАЗАНСКІЯ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

За три седмицы передъ симъ мы совершали празднество въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы: событіе весьма радостное само по себѣ, но намъ— Россіянамъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ бы чуждое; ибо оно послѣдовало въ Греціи, за цѣлое тысящелѣтіе до нашего времени. Празднуя въ честь Покрова Взбранной Воеводы надъ Византіею, весьма естественно было подумать: а къ намъ Пресвятая Дѣва такъ же ли милостива, какъ къ единовѣрнымъ Византійцамъ? Можно ли въ Исторіи отечества нашего указать на какой-либо случай, подобный Покрову Пресвятыя Богородицы надъ Цареградомъ?—Настоящій день, Брат., служитъ отвѣтомъ на это, и отвѣтомъ самымъ радостнымъ. Ибо мы празднуемъ нынѣ по такому случаю, который самымъ явственнымъ образомъ показываетъ, что Покровъ Матери Божіей простертъ надъ нашимъ отечествомъ. Во славу пресвятыя Дѣвы и для умноженія духовной радости о семъ позвольте, Брат., изложить передъ вами событіе сіе, хотя въ главныхъ его чертахъ.

За два столѣтія предъ симъ отечество наше было постигнуто однимъ изъ величайшихъ несчастій: на престолѣ Россійскомъ пресѣкся родъ Царей Рюрикова дома. Что легче, по видимому, какъ изъ многихъ милліоновъ людей избрать одного на Царство?— Но опытъ показалъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ избрать Царя изъ подданныхъ. Престолъ не долго оставался празднымъ; но кто ни восходилъ, не могъ сидѣть на немъ. Тщетно Годуновъ напрягалъ всѣ силы ума и искусства, истощалъ всѣ средства любви и страха: ни что не могло замѣнить недостатка права наслѣдственнаго. Запятнанный подозрѣніемъ въ истребленіи послѣдней отрасли Царскаго дома, онъ вскорѣ палъ, можно сказать, предъ однимъ именемъ святаго Отрока, имъ закланнаго, которое противупоставилъ ему самозванецъ. Что сіе чудовище не могло замѣнить кого-либо на престолѣ,— нечего и говорить. Иное дѣло было съ низложителемъ его— Шуйскимъ. Все, казалось, призывало его на престолъ: и знаменитость рода, и многочисленность связей, и давніе подвиги, и недавній опытъ мужества и любви къ отечеству; но не призванный небомъ, столько же разъ измѣнявшій истинѣ, какъ и свидѣтельствовавшій за истину,— и онъ возшелъ на престолъ только для того, чтобы съ высоты его сойти въ плѣнъ и могилу. Наконецъ настаютъ

времена полнаго междуцарствія, тѣ времена, коихъ образецъ—въ адѣ; ибо тамъ вѣчное междуцарствіе. Но для нашихъ сосѣдей недруговъ это былъ самый благопріятный случай къ торжеству надъ нами. Область за областію отторгается отъ Россіи на Югѣ и Сѣверѣ: Польша хочетъ намъ дать своего, Швеція своего—Царя. Мы сами, изнуренные безначаліемъ и междусобіемъ, начинаемъ думать, что и для прекращенія домашней крамолы и соперничества, и для отклоненія внѣшнихъ браней, нѣтъ другаго лучшаго средства, какъ возвесть на престолъ Россіи одного изъ потомковъ Ягеллоновыхъ. Уже въ Московскихъ Храмахъ возглашается имя Владислава..... уже пол-Россіи за нимъ....

„Но иноземной ли, насильственно поставленной, главѣ быть въ мирѣ съ Русскимъ сердцемъ?.. Разновѣрцу ли возсѣсть на престолѣ св. Владиміра, украшаться бармами Мономаха?“ Такъ мыслили тѣ, въ коихъ еще не подавленъ былъ духъ Русскій смутами отечественными и кознями иноземными. „Станемъ за святую Русь, за домъ Пресвятыя Богородицы, за чудотворцевъ Алексія, Фотія и Филиппа; продадимъ женъ и дѣтей, но освободимъ отечество!“ воскликнулъ истинный сынъ отечества на брегахъ Волги;— и гласъ его, какъ гласъ Архангела Воскресителя, пробуждаетъ умы и сердца помертвѣвшія. Инокъ Палицынъ, Гражданинъ Мининъ, Боляринъ Пожарскій,—какъ бы самимъ небомъ избранные представители всѣхъ сословій,— возстаютъ на брань противу враговъ, собираютъ ополченіе, и грядутъ освободить изъ рукъ враговъ сердце отечества—Москву. Рать священная, коей подобной не было ни прежде, ни послѣ; но какъ многаго не достаетъ ей! Она должна взять твердыни, защищаемыя врагомъ и многочисленнымъ и упорнымъ, который твердо знаетъ, что, съ побѣдою надъ нею, за нимъ останется все Царство Русское, съ потерею сраженія должно кончиться его владычество надъ нами самымъ плачевнымъ образомъ; а между тѣмъ у сей рати не достаетъ средствъ къ своему содержанію, не достаетъ самаго оружія, и, что всего важнѣе, не достаетъ единодушія и въ воинахъ и въ вождяхъ. Вотъ истощены уже послѣднія средства къ содержанію, кои доставляла св. Обитель Сергіевская; вотъ значительная часть рати, волнуемая кознями самолюбцевъ, уже оставила станъ отечественный, и готова стать за враговъ. Духъ мужества, воспламенявшій воиновъ православныхъ, упадаетъ. Самое время начинаетъ помогать врагамъ; наступаютъ осеннія непогоды, столь благопріятныя для осажденныхъ, и столь пагубныя для осаждающихъ. Еще одинъ неудачный приступъ, одинъ междуусобный споръ;—и первая вьюга зимняя развѣетъ послѣднія остатки рати священной.— „Прости свобода отечества! прости Кремль священный!“ такъ, вѣроятно, мыслилъ и говорилъ не одинъ сынъ отечества, „мы сдѣлали все для освобожденія васъ; но, вѣрно, Богу неугодно принять жертвы нашей и благословить оружіе наше побѣдою.“

Между тѣмъ сія чистая жертва давно уже была принята въ воню благоуханія. И какъ ей было не быть принятой, когда она, какъ увидимъ послѣ, вознесена была къ престолу Благодати самою Преблагодатною Дѣвою?— Провидѣніе медлило благо-

словить побѣдою оружіе православнаго воинства, чтобы успѣхи брани не были приписаны собственному мужеству. Посему когда всѣ надежды земныя пали; когда оставался одинъ шагъ до отчаянія: помощь небесная обнаружилась во всей непререкаемой очевидности. Какимъ образомъ?— Внемлите, и возблагоговѣйте предъ небесною Заступницею!)

Среди осажденной столицы, между врагами, въ тяжкомъ плѣну и еще тягчайшемъ недугѣ, томился одинъ изъ маститыхъ Первосвятителей, который, прибывъ съ востока, нашелъ въ Москвѣ себѣ второе отечество. Близкій къ небу по своему сану, онъ еще ближе былъ къ нему по своимъ добродѣтелямъ; посему и удостоился быть посредникомъ между небомъ и землею. Среди полночной тишины, вдругъ келлія его наполняется свѣтомъ необыкновеннымъ, и онъ зритъ предъ собою св. Сергія Радонежскаго. „Арсеній,“ рекъ Преподобный болящему, „ваши и наши молитвы услышаны; предстательствомъ Богоматери судъ Божій объ отечествѣ преложенъ на милость; заутра Москва будетъ въ рукахъ осаждающихъ и Россія спасена.“ Какъ бы въ подтвержденіе пророчества, болящему старцу вдругъ возвращается здравіе и крѣпость силъ. Радостная вѣсть о семъ, переходя изъ устъ въ уста, немедленно проникаетъ за стѣны града—къ воинству православному, и воспламеняетъ его непреодолимымъ мужествомъ. Дерзая о имени Взбранной Воеводы, Христолюбивое воинство не видитъ болѣе предъ собою никакихъ непреодолимыхъ преградъ; враги, не смотря на свое ожесточеніе, не могутъ болѣе стоять на твердыняхъ,— и Кремль въ рукахъ Россіянъ. Благоговѣя предъ небесною помощію, благодарное воинство, въ слѣдующій день воскресный, совершаетъ торжественное молебное вшествіе въ возвращенную столицу; на встрѣчу ему исходитъ тотъ самый святитель, который удостоился пріять вѣсть о помощи свыше. Изнесенная имъ чудотворная икона Богоматери казалась для всѣхъ зрящихъ на нее не мертвою иконою, а живымъ изображеніемъ Взбранной Воеводы, о имени которой одержана побѣда. Падая на землю и проливая слезы, всякой стремился освятить себя прикосновеніемъ къ чудотворному лику. И чтобы память о столь чудесномъ явленіи Покрова пресвятыя Дѣвы надъ отечествомъ не ослабѣла отъ времени, положено единодушно творить ежегодно торжественное воспоминаніе его въ настоящій день.

(Судите сами послѣ сего, какъ важенъ день сей для отечества! Это день чудеснаго освобожденія Россіи отъ рабства иноземнаго и крамолъ внутреннихъ, день пакибытія земли Русской. Если бы престольный градъ остался въ рукахъ враговъ; то, по всей вѣроятности, осталась бы въ рукахъ ихъ и вся Россія: но Москва осталась бы въ плѣну, если бы не приспѣло на помощь заступленіе пресвятыя Дѣвы; ибо земныя средства были истощены всѣ. Посему день настоящій есть истинный день Покрова Пресвятыя Богородицы надъ нашимъ Отечествомъ.

Послѣ сего нельзя не спросить: что обратило на предковъ нашихъ матерній взоръ небесной Покровительницы и приблизило къ нимъ Ея дивную по-

мощь?— Обратили, конечно, болѣе всего молитвы Угодниковъ Божіихъ, каковы: Св. Сергій, Алексій, Петръ, Фотій, Кипріанъ и прочіе Чудотворцы Россійскіе, кои, во время бѣдствій ихъ земнаго отечества, не преставали молить о его спасеніи Господа и подвигли на ходатайство о немъ самую Матерь Его. Но, Израильскій народъ имѣлъ нѣкогда неменѣе за себя ходатаевъ предъ Богомъ въ лицѣ своихъ почившихъ праотцевъ и Пророковъ; однакоже былъ преданъ въ руки враговъ, и наконецъ совсѣмъ отвергнутъ. И Господь самъ предваритально объявилъ чрезъ пророка: *аще предстанутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ моимъ; нѣсть душа моя къ людемъ симъ* (Іер. 15, 1). Значитъ и молитвы Святыхъ за земножителей не всегда бываютъ услышаны. Почему же услышаны были молитвы святыхъ за Россію?— По тому, что когда святые молились за Израиля, самъ Израиль не молился Богу отцевъ, а покланялся богамъ инымъ; а наши предки не знали боговъ иныхъ, а какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, обращались за помощію къ единому и тому же Богу отцевъ своихъ, къ Его Пречистой Матери, и Святымъ Угодникамъ. Но къ Богоматери, замѣтимъ, что къ Богоматери еще обращались и враги наши тогдашніе, владѣвшіе Москвою, и желавшіе завладѣть Россіею; ибо и они были и суть Христіане: почему же Она вняла молитвамъ не ихъ, а Россіянъ, и оказала отечеству нашему такую дивную помощь?— Потому вопервыхъ, что вѣроисповѣданіе тогдашнихъ враговъ нашихъ, хотя и Христіанское, но несовершенно чистое, страдающее отъ смѣшенія догматовъ небесныхъ съ преданіями человѣческими; потому во вторыхъ, что враги наши дѣлами ниспровергали то, во что вѣровали устами, ибо нещадили нетолько мирныхъ хижинъ, но и самыхъ храмовъ Божіихъ, дерзновенно ругаясь святынѣ; потому наконецъ, что незаконно силились овладѣть Россіею, и, идя противъ нашего Царя, не оказывали должнаго повиновенія и своему Монарху, чѣмъ въ послѣдствіи унизили и погубили собственное свое отечество. Не безъ слабости и недостатковъ, конечно, были и предки наши, за что и подверглись великимъ бѣдствіямъ и дошли было до послѣдней крайности; но и среди самыхъ жестокихъ бѣдствій, въ самой крайности обстоятельствъ, они умѣли сохранить вѣру въ Царя Небеснаго и вѣрность Царямъ земнымъ: свидѣтель сего ихъ безпримѣрное усердіе, съ коимъ они все охотно отдавали за домъ Пресвятыя Дѣвы, за престольный градъ и отечество. И вотъ Матерь Божія, видя ихъ покаяніе, смиреніе, усердіе къ святынѣ и самоотверженіе, преклонилась къ милосердію, а, преклонившись сама, преклонила и Сына своего на помощь намъ. Се тайна Ея спасительнаго покрова надъ Россіею!—

Чему поучаетъ насъ сія тайна?— Тому во первыхъ, чтобы никогда не терять вѣры ко спасенію отечества, какимъ бы искушеніямъ и бѣдствіямъ судьбамъ Всевышняго ни угодно было подвергнуть его. Премудрость Божія любитъ народы ей угодные, равно какъ и людей, ей любезныхъ, искушаетъ бѣдствіями, дабы тѣмъ болѣе очистить, укрѣпить и возвысить ихъ. Народъ Россійскій, какъ показываетъ Исторія его, есть одинъ изъ такихъ народовъ. Сколько разъ приближался онъ, по видимому, къ концу сво-

его существованія! и всегда воскресалъ со славою! И всегда, при семъ воскресеніи, являлись съ своимъ заступленіемъ, какъ Ангелы Божіи, святые Чудотворцы Россійскіе; являлась — сама Матерь Божія. Послѣ сего можно ли терять когда-либо надежду на спасеніе отечества?—

Поучаетъ во вторыхъ настоящій день всѣхъ насъ силѣ усердныхъ молитвъ предъ Богомъ, а особенно молитвъ Святыхъ за насъ. Не напрасно Св. Сергій сказалъ Арсенію: „ваши и наши молитвы услышаны.“ Это значитъ, что безъ молитвъ земныхъ не были бы услышаны и молитвы небесныя; равно какъ безъ небесныхъ не были бы, конечно, приняты молитвы земныя. Посему во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ отечества нашего, или нашихъ собственныхъ, молитва должна быть первымъ и послѣднимъ нашимъ средствомъ ко спасенію. Молясь сами, мы должны воздвизать на молитву за насъ и угодниковъ Божіихъ, памятуя, что *много можетъ молитва праведника* (Іак. 5, 16). Тѣмъ паче должны мы прибѣгать подъ кровъ Преблагословенныя Дѣвы, которая всегда была и пребудетъ утѣшительницею всѣхъ, притекающихъ съ вѣрою къ Ея заступленію и творящихъ по сей вѣрѣ.

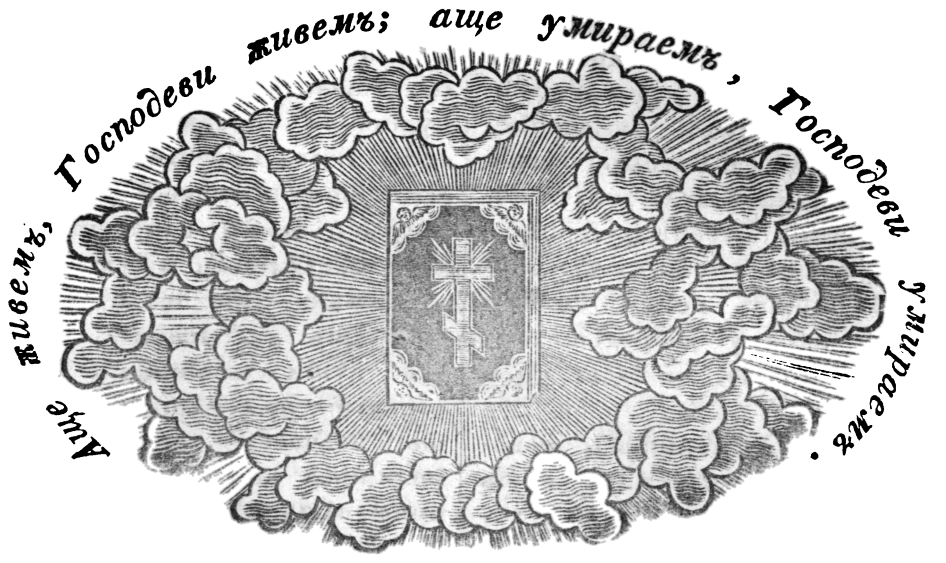
Я говорю творящихъ по вѣрѣ. Ибо еще повторю: въ Матери Божіей возносили молитвы и тогдашніе враги наши, но не пріяли отъ Нея помощи; по тому, что не поступали сообразно своей вѣрѣ, а предавались всякой нечистотѣ и оскорбляли Святыню. Посему, кто желаетъ удостоиться благодатнаго Покрова Ея, долженъ возносить къ Ней, вмѣстѣ съ молитвою, если не добрыя дѣла свои, то покрайней мѣрѣ живую Вѣру, смиреніе и покаяніе. Это послѣдній урокъ для всѣхъ насъ отъ настоящаго празднества нашего!— Аминь.

ИСТИННО БЛАГОРОДНЫЙ КУПЕЦЪ.

Два купца имѣли между собою продолжительную и сильную вражду, возраставшую, день — ото-дня, болѣе и болѣе. Жестоко преслѣдуя другъ друга, они изыскивали всѣ случаи и всѣ способы ко взаимному вреду. Наконецъ одинъ изъ нихъ, болѣе послушный гласу совѣсти и Религіи, вознамѣрился, посредствомъ великодушія, сдѣлать врага другомъ себѣ. Чтожъ онъ предпринимаетъ для сего? то, на что, въ наше время, едвали бы какой купецъ рѣшился. Тѣхъ, которые хотѣли купить у него что-нибудь, онъ отсылаетъ къ своему врагу подъ тѣмъ предлогомъ, что у него нѣтъ требуемыхъ товаровъ, или, что у врага они лучше и дешевле. Когда узналъ это его врагъ, то столько былъ тронутъ благородствомъ духа своего противника, что тотчасъ примирился съ нимъ отъ всего сердца.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 28 Сентября 1858 г.
Цензоръ, Р. Семинаріи, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 31. НЕДѢЛЯ 23 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ОКТЯБРЯ 30. 1838.

Апостолъ: Ефес. 2, 4—10. Евангеліе: Лук. 8, 26—39.—

МЫСЛИ СВ. ОТЦЕВЪ О МОЛИТВѢ.

„Кто возвѣщаетъ духовное ученіе, говоритъ св. Макарій Великій, не вкусивъ и не испытавъ онаго, тотъ подобенъ человѣку, который, никогда не вкушавъ меду, старается другимъ изъяснить, какова его сладость.“[1] И такъ, благочестивый читатель, пусть скажутъ тебѣ о молитвѣ тѣ блаженные мужи, которые жили духовною жизнію и съ великимъ Макаріемъ могли говорить о себѣ, что они „въ нѣкоторыя времена приходили въ полную мѣру совершенства, вкушали и на самомъ дѣлѣ ощущали тотъ вѣкъ, знали изъ опыта, каковъ совершенный человѣкъ.“[2] Вотъ ихъ мысли о молитвѣ:

„Молитва, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, есть привлеченіе помощи, источникъ спасенія, сокровище упованія, пристанище, защищающее отъ волненій, свѣтъ находящимся во тьмѣ, укрѣпленіе немощныхъ, покровъ во время искушеній, помощь въ тяжкой болѣзни, щитъ ограждающій на брани, стрѣла изощренная противъ враговъ, словомъ: всѣ великія блага приходятъ отъ молитвы. Молитва есть радость, возсылающая благодареніе.“[3]

1 Слово 5 *о водвореніи ума.*

2) Слово 6 *о любви.*

3) Слово *о томъ, что способствуетъ человѣку приближаться къ Богу.*

„Молитва, говоритъ св. Ѳеодоръ Едесскій, есть стѣна твердая, пристанище покойное, стражъ добродѣтелей, страстей пагуба, крѣпость души, чистилище разума, утружденныхъ покой, плачущихъ утѣшеніе. Молитва есть бесѣда съ Богомъ, вещей невидимыхъ созерцаніе, желаемыхъ исполненіе, Ангельское наслажденіе, привлеченіе благъ, вещей уповаемыхъ осуществленіе. Потщись всѣми силами пріобрѣсть сію царицу добродѣтелей. Молись днемъ и ночью, въ часы унынія и благодушія.“ 4)

„Начало духовной молитвы, говоритъ св. Григорій Синайскій, есть дѣйствіе, или очистительная сила духа, и таинственное священнодѣйствіе ума. Средина — сила просвѣтительная и созерцаніе. Конецъ — восхищеніе ума къ Богу. Молитва у начинающихъ есть какъ бы огнь веселія, отъ сердца исходящій, у совершенныхъ — какъ свѣтъ изливающій благоуханіе. Или: молитва есть проповѣданіе Апостоловъ, дѣйствіе вѣры, или лучше, непосредственная вѣра, осуществленіе надежды, явленіе любви, Ангельское движеніе, сила безплотныхъ, занятіе и веселіе ихъ, благовѣствованіе Божіе, удостовѣреніе сердца, надежда спасенія, признакъ освященія, доказательство святости, познаніе Бога, явленіе крещенія, баня очищенія, залогъ св. Духа, радость Іисусова, веселіе души, милосердіе Божіе, знакъ примиренія, печать Христова, лучь умнаго солнца, заря сердецъ, утвержденіе Христіанства, явленіе примиренія Божія, Божія благодать, Божія премудрость; или лучше, начало самой премудрости, занятіе Монаховъ, жизнь безмолвниковъ, причина покоя, свидѣтельство Ангельской жизни. И нужно ли говорить болѣе? — Молитва есть Богъ, производящій все во всѣхъ. Ибо кто производитъ все о Христѣ Іисусѣ, тотъ одну имѣетъ силу со Отцемъ, Сыномъ и Духомъ святымъ.“ 5)

„Что для тѣла свѣтъ солнца, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, то для души молитва. Несчастіе для слѣпаго — не видѣть солнца: тѣмъ больше несчастіе для Христіанина — не молиться непрестанно и молитвою не призывать въ душу свѣтъ Христовъ. Во время молитвы мы бесѣдуемъ съ Богомъ. Она есть занятіе общее человѣку съ Ангелами; ею вступаемъ мы въ ихъ общество, дѣлаемся соучастниками ихъ жизни, состоянія, достоинства, благородства, мудрости, разумѣнія. Кто не молится Богу и не имѣетъ усердія непрестанно бесѣдовать съ Нимъ, тотъ мертвъ, бездушенъ, безсмысленъ. Какъ тѣло наше безъ духа мертво и смрадно: такъ и душа не усердная къ молитвѣ, мертва, несчастна, смрадна. Молитва есть нѣкоторая духовная и божественная одежда, облекающая души наши великимъ благообразіемъ и красотою. Она жизнь человѣка дѣлаетъ правильною и стройною, не допускаетъ въ душу ничего низкаго и непристойнаго, поселяетъ отвращеніе къ порочнымъ наслажденіямъ. Никто безъ молитвы не можетъ проводить жизнь

4) Св. Ѳеодора Едесскаго *сто весьма душеполезныхъ главъ*. Добротолюбіе. Ч. IV. стр. 116. Изд. тред. (Хр. Чт. 1825. Ч. XVII).

5) Св. Григорія Синайскаго *весьма полезныя главы*. Добротол. Ч. I. стр. 76. Изд. тред. (см Хр. Чт. 1824. Ч. XVI).

добродѣтельную. Что можетъ быть больше и божественнѣе молитвы? Она есть нѣкоторое противувидѣе для тѣхъ, кои больны душею. Молитва есть оружіе непобѣдимое, твердая оборона какъ противъ одного врага, такъ и противъ многихъ тысячъ. Всѣ мы имѣемъ такую же нужду въ молитвѣ, какую деревья въ водѣ. Молитвы суть нервы души. Какъ тѣло нервами держится, движится, стоитъ, живетъ, связывается; а по пресѣченіи ихъ разстроивается и распадается: такъ и души святыми молитвами держатся, бываютъ стройны и удобно совершаютъ путь благочестія. Если ты лишишь себя молитвы, сдѣлаешь тоже, какъ если рыбу вымешь изъ воды. Ибо какъ рыба живетъ водою, такъ ты молитвою. Чрезъ нее, какъ чрезъ воду, ты выплываешь на верхъ, восходишь къ небесамъ, приближаешься къ Богу. Молитва дѣлаетъ людей храмами Христовыми. Что въ царскихъ домахъ золото, драгоцѣнные камни, мраморъ, то молитва въ домахъ Христовыхъ. Молитва есть вина спасенія, ходатаица безсмертія души, необоримая стѣна Церкви, безопасное охраненіе, страшна демонамъ, спасительна благочестивымъ. Что въ строеніи дома основаніе, то въ душѣ молитва.“[6])

„Молитва, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, есть — по свойству своему — сопребываніе и соединеніе человѣка съ Богомъ; по дѣйствію — стояніе міра, примиреніе съ Богомъ, мать слезъ и вмѣстѣ дщерь, очищеніе грѣховъ, мостъ среди искушеній, защита отъ скорбей, пресѣченіе внутренней брани, Ангельское занятіе, пища всѣхъ безплотныхъ, будущее веселіе, непрерывная дѣятельность, источникъ добродѣтелей, причина дарованій, невидимое преспѣяніе, пища души, просвѣщеніе ума, оружіе противъ отчаянія, утвержденіе въ упованіи, избавленіе отъ печали, богатство Монаховъ, сокровище безмолвниковъ, испребленіе гнѣва, зерцало духовнаго успѣха, наставница умѣренности, откровеніе будущаго, знаменіе славы. Молитва для молящагося есть судилище и испытаніе, есть судъ Господень прежде будущаго суда.“[7])

„Молитва, говоритъ св. Нилъ, есть бесѣда ума съ Богомъ, произращеніе кротости и незлобія, свидѣтельство радости и благодаренія, отгнаніе печали и уныніе. Молитва есть крайній степень разумѣнія для ума, есть восхожденіе ума къ Богу. Если ты Богословъ, долженъ истинно молиться, и если ты истинно молишься, ты Богословъ. Когда твой умъ усильно стремится къ Богу, удаляется какъ бы отъ плоти и отвращается отъ того, что представляютъ чувства, или память, или помыслы, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ исполненъ радости и благоговѣнія: въ то время будь увѣренъ, что ты приблизился къ началу молитвы. Если ты истинно молишься, получишь великое удостовѣреніе въ этомъ: Ангелы придутъ къ тебѣ, какъ къ Даніилу, и откроютъ тебѣ причины событій. Знай, что святые Ангелы побуждаютъ насъ къ молитвѣ и вмѣстѣ съ нами пред-

6) Том. II. 1 и 2 Слова *о молитвѣ*. стр. 778 и дал. Изд. Моск.

7) Св. Іоан. Лѣствичн. *лѣствица*, степень 28. Доброл. Ч. II. стр. 56.

стоять, радуясь и молясь за насъ. Молись тихо и не возмущайся помыслами,— и ты будешъ подобенъ птенцу орлему, парящему въ высоту. Молитва есть самое приличное достоинству ума занятіе, или самое лучшее и правильнѣйшее употребленіе ума. Какъ хлѣбъ есть пища тѣлу, а добродѣтель душѣ: такъ пища уму есть духовная молитва. Блаженъ умъ, стяжавшій совершенное терпѣніе въ молитвѣ!“[8])

„Если хочешь, говоритъ еще одинъ Богомудрый Отецъ, въ тѣлѣ какъ безтѣлесный служить Богу, стяжи непрестанную тайную молитву въ сердцѣ твоемъ, и душа твоя, прежде смерти, будетъ какъ Ангелъ.“[9])

Какъ первенствующіе Христіане проводили день воскресный?

Іустинъ Мученикъ, опровергая клеветы, взводимыя язычниками на воскресныя собранія Христіанъ, оставилъ намъ драгоцѣнный памятникъ того, какъ первенствующіе Христіане проводили день воскресный. Вотъ слова его: „Въ день, посвященный язычниками солнцу и называемый нами днемъ Господнимъ, всѣ мы въ городахъ и деревняхъ собираемся въ одно мѣсто, читаемъ изъ писаній пророческихъ и Апостольскихъ столько, сколько позволяетъ время, назначенное для Богослуженія; по окончаніи чтенія, предстоятель предлагаетъ поученіе, содержаніе котораго берется изъ прочитаннаго предъ симъ; потомъ всѣ мы поднимаемся на своихъ мѣстахъ и вмѣстѣ творимъ молитвы не только о самихъ себѣ но и о другихъ, кто бы они ни были, и заключаемъ молитвы братскимъ привѣтствіемъ и лобызаніемъ другъ друга. Послѣ сего предстоятель беретъ хлѣбъ, вино и воду, и воздавъ хвалу Отцу и Сыну и святому Духу, благодаритъ Бога за сіи дары, которыми онъ насъ ущедрилъ, и весь народъ возглашаетъ: *Аминь*. Діаконы раздѣляютъ потомъ освященные хлѣбы, вино и воду, между присудствующими вѣрными и относятъ ихъ къ отсутствующимъ. Мы принимаемъ сіи дары, продолжаетъ св. Мученикъ, не какъ обыкновенную пищу и питіе, но какъ истинное тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа. По окончаніи сей священной трапезы, богатые удѣляютъ отъ избытковъ своихъ милостыню и предстоятель раздаетъ оную вдовицамъ, сирымъ, больнымъ, заключеннымъ, страннымъ и вообще всѣмъ бѣднымъ братіямъ.“

СЛОВО

на день празднества Преблагословенней Владычицѣ нашей Богородицѣ, чудотворныя ради иконы Ея Казанскія, за избавленіе Москвы отъ Литвы.

Святая Всероссійская Церковь созвала нынѣ насъ къ прославленію Имени Преблагословенныя Матери Божія, и поклоненію Ея чудодѣйственному Образу, *Казанскимъ* именуемому. Поучительное и всерадостное для сыновъ Россіи торжество! Поучительное,— ибо на-

8) Сз. Нила *о молитвѣ*—Доброт. Ч. IV. стр. 161 и дал.

9) Доброт. Ч, II. стр. 60 наобор.

ставляетъ чадъ примѣромъ благочестивыхъ отцевъ своихъ, восписывать всякій успѣхъ силѣ Божіей; всерадостное,— ибо упованіе на помощь небесную увѣнчано вожделѣннымъ благопоспѣшествомъ; поучительное, ибо токмо вѣра и благочестіе служили руководствомъ, день сей праздновать и позднему потомству, также какъ праздновала оный православная Церковь въ первомъ движеніи признательныхъ ко Господу сердецъ; всерадостное, говорю, торжество,— ибо радость его обьемлетъ Церковь, Престолъ, и цѣлое отечество; поучительное,— ибо малая горсть изнуреннаго воинства, лишенная надежнаго вождя, ободренная единымъ упованіемъ на помощь Вышнюю, и предстательство Божія Матери, воодушевилась крѣпкимъ мужествомъ, подвиглась на истребленіе враговъ, и восторжествовала надъ ними; радостнѣйшее торжество,— ибо православіе нашей Церкви осталось неприкосновеннымъ, наслѣдіе Престола незыблемымъ, достояніе народа изторгнуто изъ жадныхъ рукъ и посвящено отечественному благу; обольстители потеряли надежду владычествовать надъ хранимою Богомъ Россіею, съ того времени, какъ сердца сыновъ Вѣры предали себя всецѣло водительству небеснаго Промысла.

Благословенные сыны Россіи! Опыты чуднаго избавленія совершались, и совершаются до нынѣ надъ вами въ годину искушеній, тѣми же самыми чувствованіями упованія на Бога, коими преисполнены были благочестивыя сердца отцевъ вашихъ. Блажени убо уповающіи на Господа! Чтобы не посрамились намъ въ надеждѣ нашей на Бога, яко сынамъ истиннаго Церкви и любезнаго Отечества Россіи, размыслимъ кратко о силѣ Христіанскаго упованія, по приличію торжества.

Упованіе, или надежда, есть неослабная и постоянная увѣренность въ ниспосланіи свыше необходимыхъ для насъ благъ и всякія отъ Бога помощи. Сія добродѣтель есть истинное утѣшеніе въ скорбяхъ житейскихъ, якорь, на коемъ утверждается совѣсть при ощущеніи грѣховнаго состоянія,— зерцало души, прозрѣвающей въ наслѣдіе жизни безсмертныя.

Упованіе на Бога спасительно вопервыхъ для насъ въ скорбяхъ временныя жизни. Многіе думаютъ, что въ несчастіи могутъ утѣшать ихъ друзья, подобные намъ человѣки. Такъ и праведный Іовъ, когда лишился земныхъ благъ, и лежалъ на гноищи, искалъ отрады въ бесѣдѣ съ друзьями своими; но принесли ли они ему желаемое утѣшеніе? Со всѣмъ нѣтъ! Если же друзья, въ собственномъ смыслѣ сего слова, не сильны освободить насъ отъ тяжести скорби: то не суетно ли будетъ упованіе, возлагаемое нами не рѣдко на сыновъ человѣческихъ, благопріятствующихъ намъ въ счастіи, а дѣлающихся глухими и нѣмыми къ жалобамъ нашимъ, когда испытываемъ мы горестную участь? Посему-то Христіанину всего безопаснѣе уповать на Того, кто носитъ всяческая глаголомъ силы Своея, силенъ оживотворить мертвенное, укрѣпить немощное, дать бытіе несущему, восполнить всякій въ насъ недостатокъ, утѣшить насъ во всякой скорби и печали.

Но не возможно, скажутъ, для слабаго, колеблющагося человѣческаго;

сердца, равнодушно переносить бремя несчастія безъ состраданія ближняго, а по крайнѣй мѣрѣ не всякъ способенъ воодушевлять себя мужествомъ среди скорбей. Такъ мудрствовать свойственно болѣе язычникамъ, нежели Христіанамъ. Наученные Богомъ, не должны ли нести крестъ свой съ терпѣніемъ, не должны ли въ бѣдствіяхъ бодрствовать и мужаться взирая напримѣръ Вождя своего, Іисуса Христа? Не оставилъ ли Онъ живаго примѣра для нихъ той непреложной истины, что токмо упованіемъ постигаются вожделѣнныя обѣтованія грядущихъ небесныхъ благъ, превосходящихъ всякое человѣческое разумѣніе? *Упованіемъ*, говоритъ Апостолъ, *спасохомся; упованіе же видимое нѣсть упованіе: аще ли его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ* (Рим. 8, 24. 25). Тогда изчезаетъ всякая мысль надѣянія на себя, когда глубоко проникаетъ насъ чувство преданности воли Божіей, никогда насъ не посрамляющей.

Упованіе утѣшительно и для грѣшника, познающаго свое окаянство. Доколѣ онъ будетъ взирать на себя, какъ на преступника, который долженъ быть истязанъ за нарушеніе Закона предъ лицемъ безконечнаго Правосудія; дотолѣ, смущенный духъ его не найдетъ внутренняго мира: мысль, что безмѣрно оскорбилъ нелицепріятнаго Судію, что тяжесть грѣховъ его не заслуживаетъ помилованія,— будетъ содержать его въ непрестанномъ страхѣ и отчаяніи.

Кто же можетъ разсѣять сію страшную и мрачную мысль въ грѣшникѣ? Единъ Ходатай Бога и человѣковъ, пролившій кровь Свою за очищеніе всего міра, призвавшій въ царство свое мытарей и беззаконниковъ, введшій въ рай самаго разбойника. Если Онъ по милосердію своему, рукою матери нашей Церкви, преподаетъ божественное Тѣло и Кровь Свою къ освященію и обновленію душъ и тѣлесъ нашихъ: то никто претекающій къ Нему съ упованіемъ не долженъ сомнѣваться, что получитъ прощеніе грѣховъ, примирится съ оскорбленнымъ правосудіемъ небеснымъ: *Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя,* ободрялъ себя Пророкъ въ чувствѣ грѣховнаго души состоянія,— *уповай на Бога, яко исповѣмся Ему; спасеніе лица моего, и Богъ мой* (Псал. 41, 6.).

Упованіе равно необходимо для насъ, стремящихся къ безсмертію. Ибо единъ вѣренъ, обѣщавый намъ: *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Матѳ. 24, 35.). Онъ говоритъ каждому вѣрующему въ Него: *буди вѣренъ до смерти и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. 2, 10.). Непощадѣвый Единороднаго Сына своего, но предавшій за насъ, не все ли съ Нимъ дастъ намъ? Всѣ мы во Іисусѣ Христѣ содѣлались сынами Отца небеснаго; не ужели будемъ малодушествовать и не имѣть дерзновенія, свойственнаго чадамъ Божіимъ? Стойте крѣпко въ сей мысли, Христіане, и не колеблитесь среди обуреваній житейскихъ и соблазновъ міра сего, ослабляющихъ въ душѣ чаяніе блаженства грядущаго, стойте на упованіи, какъ на якорѣ твердомъ и крѣпкомъ, который введетъ васъ во внутреннѣйшіе завѣсы, куда Предтеча о насъ вошелъ Іисусъ Христосъ (Евр. 6, 19.). Если вы, по сродной человѣческому естеству немощи, не имѣете сыновняго дерзновенія, Святымъ Божіимъ

свойственнаго, если чувствуете себя недостойными услышанія прошеній и воздыханій вашихъ Живущимъ во свѣтѣ неприступномъ; то и въ семъ случаѣ не предавайтесь унынію; вы имѣете предстателей предъ Богомъ подобострастныхъ вамъ человѣковъ, но святою жизнію прешедшихъ въ небесныя Обители. Они, подобно Ангеламъ, радуются о спасеніи вашемъ, и невидимо къ оному указываютъ путь, и молитвы ваши слышанными творятъ предъ Богомъ. Вы имѣете всесильную Заступницу, ублажаемую нынѣ Церковію, премилосердую Матерь Бога нашего; Она упованіе Христіанъ непостыдное, стѣна непреоборимая съ вѣрою притекающихъ къ ней, и взывающихъ: *все упованіе наше на Тя возлагаемъ, Мати Божія, сохрани насъ подъ кровомъ Твоимъ*. (*) Аминь.

Осень.

Свѣтило дня сходитъ съ высотъ неба и уклоняется на югъ; яркій блескъ лица его тускнѣетъ; направленіе лучей къ поверхности обитаемаго нами полушарія становится косвеннѣе; окружающая насъ атмосфера хладѣетъ; ночи дѣлаются длиннѣе и сумрачнѣе; дни — короче и туманнѣе; деревья повергаютъ листья къ корнямъ своимъ, обнажаютъ верхи свои и поникаютъ долу; поля блекнутъ; пастбища опустѣваютъ; птицы разстаются съ гнѣздами и кустами и ищутъ безопаснѣйшаго пріюта; животныя скрываются въ своихъ логовищахъ или прячутся около жилищъ человѣка; человѣкъ, изъ обитателя полей и садовъ, дѣлается жителемъ мирныхъ хижинъ или великолѣпныхъ чертоговъ; — настаетъ пора года, которая въ ряду періодическихъ измѣненій нашей планеты называется *осенью*, — время мрачное, которое, отъ сопровождающихъ его ненастій, дѣлается даже несносныхъ! Эта пора года тѣмъ непріятнѣе, что влечетъ за собою другую, еще болѣе суровую, — за осенью наступаетъ зима, когда вся природа цѣпенѣетъ въ узахъ смерти: сугробы снѣга тяготятъ землю; кучи льду сковываютъ рѣки и моря, а жестокая стужа удерживаетъ и стѣсняетъ дыханіе живыхъ существъ, — повсюду въ природѣ безжизненность, вездѣ смерть!

Такія времена бываютъ и въ жизни человѣка. Поражаетъ болѣзнь, наступаетъ старость! Онѣ лишаютъ насъ красоты лица и свѣжести силъ; тѣло больнаго и престарѣлаго чернѣетъ; кожа сжимается и покрывается морщинами; руки преклоняются къ землѣ; ноги слабѣютъ; кровь стынетъ; жизнь гаснетъ: — какъ тогда мрачно на душѣ! Какъ тяжело на сердцѣ! — Это, поистинѣ, время моей и твоей, возлюбленный братъ, осени, которое тѣмъ ужаснѣе, что напоминаетъ намъ о приближеніи нашей хладной зимы: дряхлая старость, болѣзни суть предвѣстницы и предтечи смерти; а смерть кому не страшна? Даже бѣднякъ и одинокій нерѣдко ея страшится. Что же сказать о тѣхъ, которые окружены благами міра и связаны узами знакомства, дружбы и родства? Какъ должна быть нестерпима старость, страшна болѣзнь

(*) Изъ Бесѣдъ Преосв. Кирилла, Архіепис. Каменец-Подольскаго.

и ужасна смерть для богатыхъ и сильныхъ земли, для отцовъ и матерей семейства, для друзей и подругъ!—

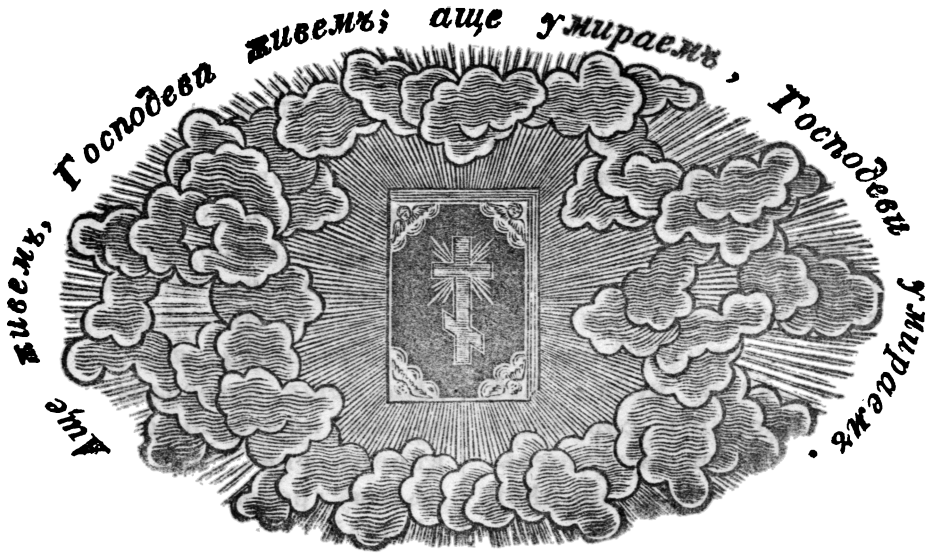
Но вотъ снова солнце возвышается надъ нашими главами; хладная атмосфера земли нагрѣвается; снѣгъ таетъ; льдины разбиваются; рѣки освобождаются отъ своего покрова; поля обнажаютъ свои вершины; несется къ небу пѣніе жаворонка; на холмахъ и долинахъ просвѣчиваетъ зелень, а деревья одѣваются листьями. Что за новое явленіе въ природѣ? Это начало новой ея жизни— появленіе весны; что было, то будетъ опять: опять раскинется передъ нами богатоубранная ткань природы; опять предстанутъ намъ пушистые луга, зеленѣющія рощи, цвѣтущіе сады, роскошныя нивы, обильныя пастбища,— опять жизнь, опять веселіе!—

Тоже будетъ и съ тобою, сынъ персти! Остановится на нѣкоторое разстояніе времени колесо твоей жизни; сойдетъ на время плоть твоя въ утробу земли— нашей общей матери; полежатъ не много бренныя кости твои въ хладной могилѣ: но труба Ангела возвѣститъ разсвѣтъ новаго дня, и ты явишься подъ новымъ небомъ, на новой землѣ. Природа видимая въ семъ случаѣ во многомъ уступаетъ тебѣ: ея будущая весна часто бываетъ хуже прошедшей; а твоя весна ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Ибо, по описанію тайновидца Іоанна, на новой землѣ и подъ новымъ небомъ будетъ градъ святый, Іерусалимъ новый, сходящій съ неба, какъ невѣста, украшенная своему жениху; градъ этотъ не будетъ требовать солнца и луны,— ибо слава Божія просвѣтитъ его и свѣтильникъ ему Агнецъ; это скинія, въ которой вселится съ людьми самъ Богъ! (Апок. Іоан. 21, 1. 2. 4. 6).

Итакъ, возлюбленный о Христѣ братъ, не унывай въ болѣзни, не грусти въ старости, не страшись смерти! Смерть для тебя есть не что иное, какъ новое рожденіе. Ты уже разъ родился, и вотъ тебѣ свободнѣе на лицѣ земли, нежели какъ было въ утробѣ матери. Родишься еще разъ, и получишь уже полную свободу; ибо чрезъ смерть перейдешь въ тотъ градъ, въ которомъ отрѣшишься отъ всякаго земнаго бремени— отъ скорби, болѣзни и смерти: тамъ *отбимет Богъ всяку слезу отъ очію, и смерти не будет ктому; ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будет ктому; яко первая мимоидоша* (Апок. 21, 4);— войдешь въ состояніе той свободы, которую купилъ для насъ Сынъ Божій своею кровію; но *аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни есте* (Іоан. 8, 36).—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 5 Октября 1838 г.
Цензоръ, Р. Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 32. НЕДѢЛЯ 24 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. НОЯБРЯ 6. 1838.

Апостолъ: Ефес. 2, 14—21. Евангеліе: Лук. 8, 40—56.

Небеса повѣдаютъ славу Божію. Пс 18, 1—5.

Какъ повѣдаютъ? голоса не имѣютъ, устъ лишены, языкомъ не надѣлены: какъ же повѣдаютъ?—однимъ видомъ своимъ. Посмотри на ихъ красоту, на ихъ величіе, возвышенность, устройство,—на этотъ видъ, который въ теченіи столькихъ вѣковъ остается неизмѣннымъ;—и ты услышишь голосъ небесъ, проповѣдающій тебѣ о Творцѣ ихъ и чрезъ одно воззрѣніе на нихъ заставляющій тебя покланяться тому, Кто произвелъ столь прекрасное и удивительное дѣло. Небо безмолствуетъ, но видъ его говоритъ громогласнѣе всякой трубы,—съ тѣмъ только различіемъ, что онъ говоритъ намъ не чрезъ слухъ, а чрезъ очи наши,—чрезъ такое чувство, которое по своей природѣ передаетъ намъ понятіе о предметахъ гораздо точнѣе и явственнѣе. Если бы небо поучало о Творцѣ чрезъ книги и письмена; въ такомъ случаѣ одинъ только знающій книги и письмена могъ бы разумѣть поученіе неба, а человѣкъ простой и неученый неполучилъ бы никакой пользы; одинъ богачъ былъ бы въ состояніи покупать книги небесныя, а бѣдному не зачто было бы купить.

Теперь напротивъ всякой человѣкъ, находящійся на земли, разумѣетъ поученіе неба, слышитъ гласъ его. Въ эту книгу съ равнымъ удобствомъ можетъ смотрѣть и простой и премудрый, и богатый и бѣдный; и куда бы кто ни зашелъ, вездѣ можетъ взирать на небо, отвсюду можетъ почерпать уроки для себя. Потому-то Пророкъ и говоритъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихъ же не слышатся гласи ихъ*. Это значитъ: нѣтъ народа, нѣтъ языка, который бы немогъ понимать рѣчей неба; всѣ живущіе на землѣ могутъ слышать голосъ его; для всѣхъ вразумительны не только вѣщанія неба, но рѣчи дня и ночи. *День дни отрыгаетъ глаголъ, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ*. Чѣмъ возвѣщаетъ? неизмѣннымъ порядкомъ. Какъ нѣкія сестры дружныя, получивши отцовское наслѣдство, живутъ въ совершенной любви между собою безъ всякихъ упрековъ: такъ день и ночь, раздѣляя между собою годъ на равныя части, всегда наблюдаютъ свои уставленные предѣлы, не мѣшая другъ другу. День никогда не бываетъ длиннѣе обыкновеннаго зимою; ночь никогда не бываетъ длиннѣе лѣтомъ; столько вѣковъ прошло, а день и ночь всегда сохраняютъ одинаковое разстояніе и пространство времени, не уменьшая его, ни увеличивая. Если ты умѣешь любомудрствовать, то неможешь неудивляться тому, Кто изначала положилъ непремѣнныя границы дня и ночи. Услышьте сіе вы, сребролюбцы, и желающіе чужаго добра, и подражайте равенству дня и ночи. услышьте горделивцы, высокоумные, не хотящіе другимъ уступить первенства надъ собою: день уступаетъ ночи, и не выходитъ изъ своихъ предѣловъ; а ты, всегда наслаждаясь почестями, не хочешь сообщать ихъ своимъ собратіямъ. *Небеса повѣдаютъ славу Божію* своимъ наружнымъ видомъ; а мы должны проповѣдывать ее нетолько словами, но и самымъ молчаніемъ; такъ что бы жизнь наша и обращеніе были свѣтомъ, приводящимъ всѣхъ въ удивленіе. *Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша, и прославлятъ Отца вашего, иже на небесахъ*. Когда какой иновѣрецъ увидитъ, что ты кротокъ, цѣломудренъ, украшенъ всякою добродѣтелію, то скажетъ: „поистинѣ великъ Богъ Христіанскій, ученіемъ своимъ сдѣлавшій Христіанъ изъ людей Ангелами! Они не дѣлаютъ упрековъ, когда ихъ безславятъ; терпѣливо сносятъ, когда ихъ бьютъ; молятся за тѣхъ, кто обижаетъ ихъ. Они никого непочитаютъ врагомъ своимъ, не воспламеняются гнѣвомъ, не умѣютъ кощунствовать, не покушаются лгать, не дерзаютъ нарушать клятву, и даже вовсе не употребляютъ ее; но лучше хотятъ лишиться языка, чѣмъ выпустить изъ устъ хотя одно клятвенное слово.“ Постараемся, чтобы самые невѣрные говорили о насъ такимъ образомъ. (*)

(*) Св. Іоанна Златоуст. изъ 9 Бесѣды къ Антіох. народ

ОБРЯДЫ ХРИСТІАНСКАГО ПОГРЕБЕНІЯ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Все, что служитъ къ истинной пользѣ и усовершенію человѣчества, къ избавленію его отъ бѣдъ и къ утѣшенію, и особенно къ достойному приготовленію его къ лучшей жизни, безсмертной, Христіанство или принесло вновь или прежнее освятило и возвысило. Сюда, между прочимъ, должно отнесть и то дѣло человѣколюбія, которое совершается у всѣхъ народовъ въ отношеніи къ умершимъ. Христіанство, принявъ нѣкоторые обряды погребенія отъ древнѣйшихъ временъ, или очистило ихъ отъ суевѣрій, или украсило новымъ священнымъ благолѣпіемъ, одушевило ихъ своими чувствованіями и своею вѣрою, возвысило ихъ къ высшему духовному значенію. Древніе Христіане очень хорошо понимали, что тѣло умершаго собрата ихъ есть зерно для нивы Божіей, назначенное для славнаго прозябенія въ жизнь безсмертную, знали, что оно есть храмъ освященный Благодатію: и потому воздавали великое уваженіе умершимъ при ихъ погребеніи. „Не должно, говоритъ Августинъ (а), презирать и бросать тѣла усопшихъ вѣрныхъ, которыя какъ орудіе употреблялъ Духъ св. ко всякому доброму дѣлу. Если отеческая одежда, перстень и тому подобнѣмъ любезнѣе бываютъ потомкамъ, чѣмъ больше у нихъ любви къ родителямъ: то никакъ не должно презирать тѣлъ, которыя гораздо намъ свойственнѣе и ближе къ намъ, нежели одежды.“ И усердіе Христіанъ къ умершимъ было столь велико, что его не охлаждали самыя гоненія. Во времена самыхъ люотыхъ гоненій, Христіане, съ опасностію для своей жизни, исполняли долгъ свой къ пострадавшимъ за вѣру. Евтихіанъ, Пресвитеръ Римскій, какъ пишется въ житіи его, погребъ своими руками 342 Мученика. Аспурій, Сенаторъ Римскій, тѣло Муч. Марина несъ на своихъ плечахъ съ мѣста казни для погребенія (б). Такое усердіе къ Мученикамъ нерѣдко доводило служившихъ имъ самихъ до мученичества. Даже во время язвы Христіане не оставляли своего служенія умершимъ. Діонисій, Епископъ Александрійскій, свидѣтельствуетъ (в), что, во время бывшей въ Египтѣ язвы, братія погребали умершихъ отъ язвы и что это многимъ стоило жизни.

Благочестивое усердіе къ умершимъ братіямъ не могло не выражаться въ благочестивыхъ дѣйствіяхъ. Оттого мы видимъ, что Христіанское погребеніе издревле было соединяемо съ священными обрядами, составляло всегда зрѣлище умилительное, поучительное, не ослабляющее духа, но его возвышающее и укрѣпляющее. Это было служеніе умершимъ ближнимъ, соединенное съ Богослуженіемъ. Слѣдующее описаніе древнихъ обрядовъ Христіанскаго погребенія лучше можетъ объяснить сказанное.

1. *Служеніе при смерти.* Изъ свидѣтельства Св. Діонисія Александрійскаго видно, что Христіане приготовляли умирающихъ, закрывая имъ глаза и смыкая уста, а потомъ, тотчасъ по смерти, омывали тѣла умершихъ

(а) De civ. D. L. I. c. 13.

(б) Евсев. L. VII. c. 16.

(в) Евсев. L. VII c. 22.

водою (обрядъ, отъ Евреевъ перешедшій къ Христіанамъ. См. Дѣян. 9, 37). Погребальныя одежды были различны. Астурій тѣло муч. Марина облекъ бѣлою драгоцѣнною одеждою. Импер. Константинъ облеченъ былъ по смерти въ порфиру съ другими Царскими украшеніями. (а) Св. Аѳанасій пишетъ (б), что въ Египтѣ облекали тѣла умершихъ въ льняныя покрывала. Вообще одѣянія умершихъ были новыя, которыя по Златоусту (в) образуютъ новое одѣяніе безсмертія.

2. *Служеніе по смерти до погребенія.* Издревле тѣла Христіанъ усопшихъ полагались въ деревянныхъ ковчегахъ и поставлялись въ церкви, гдѣ и хранились за стражею до погребенія (г). Но эта стража была бодрствованіемъ молящихся. Во все время пребыванія гроба въ церкви, Христіане занимались пѣніемъ псалмовъ. Такъ св. Григорій Нисскій пишетъ (д), что надъ тѣломъ умершей сестры его Макрины пѣніе псалмовъ продолжалось во всю ночь, подобно тому, какъ предъ праздникомъ Мучениковъ. Августинъ (е), описывая погребеніе своей матери, говоритъ: „Еводій взялъ псалтирь и началъ пѣть псаломъ, которому мы отвѣтствовали всѣмъ домомъ: Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи.“

3. *Служеніе при самомъ погребеніи.* Самое погребеніе совершалось также съ псалмопѣніемъ, какъ это предписано и въ Заповѣдяхъ Апостольскихъ: „Погребая умершихъ износите ихъ съ псалмами, если они были вѣрными въ Господѣ: ибо честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его.“ (ж) Златоустъ въ одной бесѣдѣ приводитъ самыя слова изъ нѣкоторыхъ псалмовъ, которые были пѣты при погребеніяхъ, какъ то: Ты еси прибѣжище мое отъ скорби, обдержащія мя (Псал. 31, 7); обратися душе моя въ покой твой (114, 6); не убоюся зла, яко Ты со мною еси (22, 4) (з). Іеронимъ пишетъ (и), что при погребеніи одной благодѣтельной и знаменитой Христіанки, Павлы, псалмы пѣты были на разныхъ языкахъ, а описывая кончину Фабіолы къ Океану говоритъ, что при погребеніи ея гремѣли псалмы и позлащенные верхи храмовъ колебало въ высотѣ Аллилуія. Пространнѣе же описываетъ псалмопѣнія и молитвы погребенія св. Діонисій Ареопагитъ (і). Сначала, говоритъ онъ, народъ поетъ благодарную пѣснь Богу, приведшему усопшаго къ желанной наградѣ за побѣду. Потомъ предстоятель молится и благодаритъ Бога за то, что Онъ укрѣпилъ усопшаго пребыть въ Богопознаніи и Христіанскомъ воинствованіи до смерти. Далѣе Діаконъ читаетъ изъ св. Писанія о воскресеніи, и воспѣваетъ приличныя чтенію псалмы. Архидіаконъ отпускаетъ оглашенныхъ и поминаетъ святыхъ усопшихъ, прося о причисленіи къ нимъ умершаго и всѣмъ—

(а) Евсев. vita Const. IV. 66.
(б) Въ жизни Пр. Антон.
(в) Бес. 116 въ Т. VI.
(г) Тѣло Имп. Константина, положенное въ златой ковчегъ, хранилось сначала въ Царской палатѣ а потомъ уже отнесено было въ Церковь. Евсев. vita Const. IV. 66.
(д) Въ житіи Макрины.
(е) Confess. L. IX. c. 12.

(ж) Кн. 6, гл. 3.
(з) Бес 4 на Евр.
(и) Epit Paulae. ep. 27.
(і) Церк. Іерарх. гл. 7.

блаженной кончины во Христѣ. Предстоятель молится надъ умершимъ, да проститъ ему Господь всѣ грѣхи, по немощи человѣческой содѣланные, и да преселитъ его во святый свѣтъ, въ страну живыхъ, въ нѣдра Авраама, Исаака и Іакова, въ мѣсто, отнюдуже удалена всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе. Совершивъ же молитву, даетъ усопшему цѣлованіе мира, возливаетъ на него елей (а), и предаетъ тѣло землѣ. Книга Заповѣдей Апостольскихъ сохранила намъ одну молитву при погребеніи вполнѣ. Она есть слѣдующая. „Безсмертный по естеству „и нескончаемый, отъ кого произошло „все безсмертное и смертное; человѣка „животное разумное, гражданина міра „содѣлавшій по строенію смертнымъ „и обѣщавшій ему безсмертіе; Еноху и „Иліѣ не попустившій испытать смерти! „Боже Авраама, Боже Исаака и Боже „Іакова! Ты Богъ не мертвыхъ а „живыхъ; ибо души всѣхъ живы у „Тебя и духи праведныхъ въ рукѣ твоей, которыхъ не коснется мука, ибо „всѣ освященные подъ руками твоими. „Самъ и нынѣ призри на раба сего, „котораго избралъ Ты и пріялъ въ „другую область, и прости ему, если „что согрѣшилъ онъ волею или неволею; и приставивъ къ нему Ангеловъ „благихъ, и учини его въ нѣдрѣ Патріарховъ, Пророковъ и Апостоловъ и „всѣхъ отъ вѣка угодившихъ Тебѣ, „гдѣ нѣтъ печали, скорби и воздыханія, „но гдѣ мѣсто благочестивыхъ спокойное и мирная земля правыхъ и видящихъ тамъ славу Христа твоего, „чрезъ котораго Тебѣ честь, благословеніе, благодареніе и поклоненіе во „св. Духѣ во вѣки. Аминь.“ Церковь допускала и нѣкоторое выраженіе скорби въ псалмахъ, но скорби умѣренной, растворенной духомъ вѣры и упованія Христіанскаго; но запрещала плачь неумѣренный, особенно же осуждала тѣхъ, которые, слѣдуя языческому обычаю, нанимали плакальщицъ. Златоустъ сильно возставалъ противъ этого обычая, и ослушникамъ грозилъ даже отлученіемъ отъ Церкви, сравнивая поступокъ ихъ съ идолопоклонствомъ (б).

Было обыкновеніе при погребеніи говорить рѣчи, въ которыхъ описывались для подражанія добродѣтели усопшаго (в). Иногда, по приличію времени, при погребеніи совершалась Литургія, напр. надъ Константиномъ В. (г), надъ матерію Августина, Монникою (д) и надъ самимъ Августиномъ (е). При совершеніи погребенія и при выносѣ тѣла употреблялись кажденіе, или куреніе ѳиміама, и свѣчи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ еще Тертулліанъ, писатель 3-го вѣка (противъ язычн. гл. 42). Наконецъ, съ особенною почестію, износили тѣло до могилы. Это дѣлали иногда самые почетные люди. Іеронимъ

(а) Этому елею даетъ св. Діонисій таинственное значеніе. „Помазаніе, говоритъ, елеемъ совершаемаго (т. е. при крещеніи) возвышало его къ священнымъ подвигамъ; теперь же возливаемый елей означаетъ то, что усопшій уже окончилъ и совершилъ священные подвиги, да такъ, по повелѣнію св. Духа, почіетъ отъ всѣхъ трудовъ своихъ.“

(б) Бес. 4 на Евр.

(в) Евсевій говорилъ рѣчь надъ Константиномъ В; Григорій Назіанзенъ въ память своему отцу, Кесарію—брату и Горгоніи, сестрѣ; Григорій Нисскій—Мелетію, Еп. Антіохійскому.

(г) Eus. vit Const. IV. 71.

(д) Confess. IX. 12.

(е) Possid. vit. August. c. 13.

сказываетъ, что Павлу несли Епископы Палестинскіе. Св. Григорій Нисскій самъ о себѣ говоритъ, что онъ съ однимъ Епископомъ и другими изъ Клира несъ гробъ Макрины. Св. Григорій Назіанзенъ пишетъ, что святаго Василія В. выносили святые (т. е. освященные мужи) (а).

4. *Служеніе послѣ погребенія*. И совершивъ священный долгъ погребенія, Христіане не прерывали духовной связи своей съ отшедшими въ другую жизнь братіями. Молитвы, коими сопровождали они ихъ при погребеніи, продолжались и послѣ погребенія. Всѣ древнія Литургіи свидѣтельствуютъ, что у всѣхъ Христіанъ издревле приносились за усопшихъ божественная жертва и молитвы. Сверхъ того изъ книги Апостольскихъ Заповѣдей видно, что Христіане древніе совершали поминовенія по усопшимъ въ 3-й, 9-й, 40-й день по ихъ смерти и ежегодно въ день ихъ кончины. Тамъ именно сказано: „да совершаются третины по усопшимъ въ псалмахъ, чтеніяхъ и молитвахъ ради того, кто воскресъ въ третій день; также дѣвятины, въ воспоминаніе оставшихся и усопшихъ, и день сороковый по примѣру древнему: ибо такъ оплакивалъ народъ Моисея; наконецъ день годичный въ память его (усопшаго)." Имп. Іустиніанъ въ одной новеллѣ своей (— 132, гл. 3) упоминаетъ о тѣхъ же дняхъ поминовенія усопшихъ. Съ молитвами соединялись и милостыни за усопшихъ. Св. Златоустый весьма хвалитъ (б) этотъ обычай въ своей паствѣ. Іеронимъ тоже похваляя въ Паммахіѣ, лишившемся жены (в), говоритъ: „другіе на могилы супругъ сыплютъ фіялки, розы и пр: Паммахій напаяетъ священный прахъ и почтенныя кости бальзамомъ милостыни." Въ ежегодныхъ поминовеніяхъ устроялись обѣды и угощаемы были служители Церкви и бѣдные. Но Отцы строго осуждали излишество такихъ пированій. Пирующіе такимъ образомъ, говоритъ Августинъ (г), погребаютъ сами себя надъ погребенными. Не запрещалось носить и траура по умершихъ. Но тѣ заслуживали большее одобреніе у Отцевъ, которые или со всѣмъ не употребляли траура, или употребляли только на малое время. Іеронимъ хвалитъ одного Христіанина (д) за то, что онъ лишась двухъ дочерей, не болѣе 40 дней носилъ плачевную одежду, и что умершую жену свою провожалъ не какъ умершую, а какъ отправляющуюся въ путь. А св. Кипріанъ (е) почитаетъ даже не приличнымъ Христіанину облекаться въ одежды черныя тогда, какъ отшедшіе ко Господу, братія ихъ облеклись тамъ въ одежды бѣлыя.

Достоинъ наконецъ примѣчанія и благочестивый обычай приносить въ память усопшихъ коливо, или пше-

(а) Въ древности не было обычая погребать Христіанъ въ самой церкви. Златоустъ говоритъ, (въ бес. 26 на 2 Коринѳ.), что самъ Имп. Константинъ В. погребенъ былъ только при дверяхъ церковныхъ. Исключенія были рѣдки. Такъ Имп Аркадій повелѣлъ погребсть въ церкви св. Епифанія по тому уваженію, что онъ, проживъ 115 лѣтъ, тѣмъ самымъ какъбы превзошелъ законы человѣческіе.

(б) Бес. 32 на Матѳ.
(в) Ep. 26 ad Pammach.
(г) De mor. Eccl. c. 34.
(д) Ep. 34 ad Iulian.
(е) De mortalit.

ницу подслащенную медомъ и украшенную разными плодами. Знаменованіе сей пшеницы есть Апостольское: она, по изъясненію учителей Церкви, напоминаетъ намъ о пшеницѣ мѣлъ на нивѣ Божіей, имѣющей нѣкогда прозябнуть, какъ учитъ Ап. Павелъ (1 Кор. 15, 37. 42), къ жизни новой, безсмертной. Но и самый обычай приносить эту пшеницу въ память усопшихъ, вѣроятно, близокъ къ временамъ Апостольскимъ. Вилсамонъ въ толкованіи на 4-е правило Апостольское говоритъ: „какимъ образомъ приготовленное (коливо) на память святыхъ и умершихъ и украшенное разнаго рода плодами приносится къ олтарю, узнаешь о томъ изъ молитвы Вел. Аѳанасія, читаемой за умершихъ,“ — т. е. молитвы составленной еще въ 4-мъ вѣкѣ. Хотя этой молитвы недошло до насъ; но что она была и происходила отъ св. Аѳанасія, въ томъ ручается и важность Вилсамона, отличнаго знатока церковныхъ древностей, и то, что вообще извѣстно мнѣніе св. Аѳанасія о пользѣ молитвъ и приношеній за умершихъ, который притомъ любилъ брать сравненія изъ природы внѣшней, для объясненія таинъ міра духовнаго. Вотъ замѣчательныя слова сего Великаго Отца Церкви, которыя могутъ служить доказательствомъ здѣсь сказаннаго: „какъ въ то время, когда виноградная лоза цвѣтетъ на полѣ, ощущаетъ запахъ ея и вино заключенное (въ сосудѣ), и вмѣстѣ съ нею процвѣтаетъ; такъ и души грѣшныхъ причащаются нѣкоего благодѣянія отъ принесенной за нихъ безкровной жертвы и отъ благотворенія, какъ знаетъ то и повелѣваетъ самъ Владыка живыхъ и мертвыхъ, Богъ нашъ“ (а).

ЧУДОДѢЙСТВЕННАЯ СИЛА ПОКАЯНІЯ.

Мы читаемъ, (б) что истинное покаяніе возвращаетъ человѣку всецѣло милость Божію, возвращаетъ и дары чудодѣйственные, которые онъ имѣлъ прежде своего грѣхопаденія; но вотъ еще примѣръ, изъ котораго увидимъ, что покаяніе само по себѣ иногда производитъ чудеса, хотябы кающійся и не имѣлъ прежде особеннаго дарованія Божія.

Въ Едесѣ, во время Пр. Ѳеодосія столпника, (в) одинъ богатый и благочестивый мужъ, желая совершеннѣе служить Богу, оставилъ все имѣніе свое, жену и троихъ дѣтей, и, удалясь въ Іерусалимъ, принялъ монашество въ обители св. Саввы. Жена его долго плакала по своемъ мужѣ; потомъ, наставленная видѣніемъ во снѣ, сама начала помышлять о спасеніи души своей и, съ однимъ больнымъ младенцемъ своимъ (два старшіе сына ея отошли ко Господу), пошла за наставленіемъ къ Пр. Ѳеодосію.

Но едва совершила она половину пути, младенецъ умеръ на рукахъ ея. Лишившись такимъ образомъ послѣдняго утѣшенія, несчастная мать предалась такой неутѣшной горести, что готова была у всякаго встрѣчающагося ей просить жизни своему единственному сыну. Первая встрѣтившаяся ей была блудница. Мать, нисколько не

(а) Къ Антіоху на 34 вопр

(б) Въ житіяхъ Святыхъ.

(в) См. Чет. Мин. Іюл. 9. Эту повѣсть разсказывалъ самъ пр. Ѳеодосій Ѳеодору, Еп. Едесскому.

размышляя о своемъ поступкѣ, тотчасъ кладетъ ей на руки мертвое дитя свое и со слезами проситъ, чтобъ она помолилась о возвращеніи жизни умершему. Чтожъ дѣлаетъ грѣшница? сначала чувствуя все свое недостоинство, и сознаваясь въ грѣхахъ своихъ, она уклоняется отъ прошенія плачущей матери; а потомъ, убѣжденная слезами ея, обращается къ востоку, и обливаясь слезами произноситъ слѣдующую молитву: „Господи! хотя я, по грѣхамъ моимъ, недостойна и того, чтобъ взирать на высоту небесную; но по примѣру древней блудницы, плакавшей у ногъ Твоихъ, дерзаю и я умолять твое человѣколюбіе. Не смѣю просить Тебя о прощеніи безчисленныхъ грѣховъ моихъ; молю о семъ непорочномъ младенцѣ: даруй жизнь ему, Господи, даруй не для меня, а для этой благочестивой рабы твоей! Если я, жестокая и немилостивая, не могу не сострадать ея скорби, то не тѣмъ ли паче Ты, по естеству милостивый и человѣколюбивый, будешь милосердымъ къ твоему созданію?“ — Такая молитва, исшедъ отъ сокрушеннаго покаяніемъ сердца грѣшницы, произвела тоже, что и молитва праведнаго: я, говоритъ Преп. Ѳеодосій, видѣлъ въ это время, съ столпа моего, великій свѣтъ сошедшій съ неба и осіявшій молящуюся грѣшницу, умершаго младенца и мать его. Дитя воскресло. Обѣ женщины, пораженныя столь необыкновеннымъ событіемъ, оставили міръ, заключились въ одномъ монастырѣ и содѣлались святыми угодницами Божіими; а воскресшій сынъ, достигши совершеннаго возраста, показалъ такія добродѣтели, что удостоился избранія въ санъ Епископскій и былъ Патріархомъ Іерусалимскимъ.

Кто есть побѣждаяй міръ, токмо вѣруяй, яко Іисусъ есть Сынъ Божій? 1 Іоан. 5, 5.

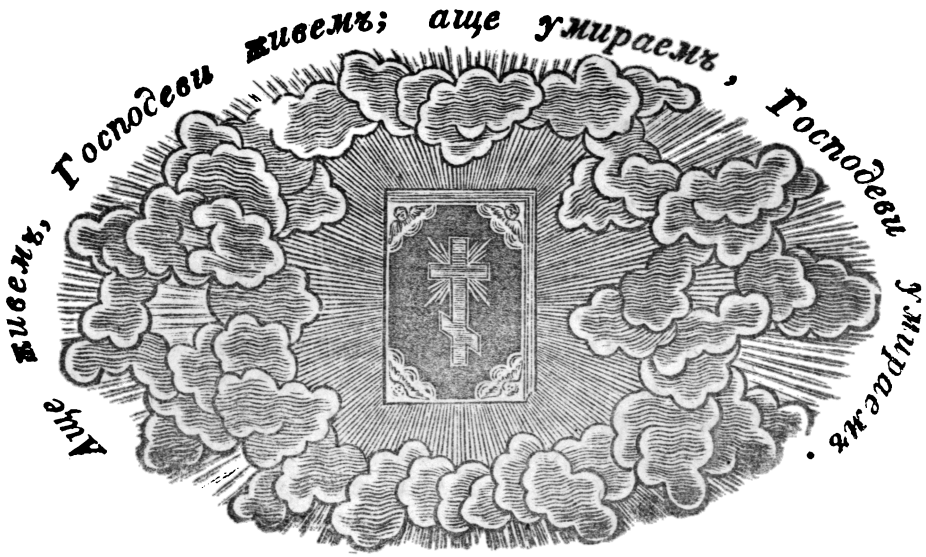
Кто когда либо могъ преодолѣть міръ, его пройственную похоть (1 Іоан. 2, 16), его зло, его обольщенія? или Христіанинъ или никто!

Пусть воспанутъ герои языческіе, и пусть на судѣ совѣсти исповѣдаютъ: побѣдили ли они міръ? окажется, что всѣ они не побѣдители, а побѣжденные, что чѣмъ славнѣе, величественнѣе были побѣды ихъ, тѣмъ они сами — мнимые побѣдители — болѣе рабольпствовали міру и его похотямъ, тѣмъ болѣе принесено ими жертвъ міру, — принесено міру, а не Тому, кому единственно приносить должно жертвы. Напротивъ, герой Христіанинъ, повидимому, побѣждается міромъ, который преслѣдуетъ его, томитъ въ оковахъ и темницахъ и умерщвляетъ. Но языческій міръ могъ все отнимать у Христіанина, а сокровища небеснаго, — его вѣры, его добродѣтели отнять не могъ. Доблестный страдалецъ за Вѣру все переносилъ и всѣмъ жертвовалъ для сохраненія своей Вѣры: онъ жертвы свои приносилъ не міру, а Богу; міръ не имѣетъ въ немъ ничего своего, чѣмъ могъ бы похвалиться.

Токмо вѣруяй, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, и укрѣпляемый благодатію Сына Божія, *есть побѣждаяй міръ!*

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 12 Октября 1858 г.
Цензоръ, Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Рим. 14, 8.

№ 33. НЕДѢЛЯ 25 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. НОЯБРЯ 13. 1833.

Апостолъ: Ефес. 4, 1—6. Евангеліе: Лук. 10, 25—37.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ВЕЛИКОЙ ЕКТЕНІИ (*)

НА ОСНОВАНІИ ИЗРЕЧЕНІЙ СВ. ПИСАНІЯ.

1. *Миромъ Господу помолимся.*

Егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого; да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша (Марк. 11, 25). Хощу, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія (1 Тим. 2, 8).

(*) *Ектенія*, по словозначенію, есть *протяженное* или *напряженное* моленіе. Названіе *великой* придается той молитвѣ или Ектеніи, которою начинаются у насъ вечерня, утреня и самая Литургія. Она отличается отъ такъ называемой *малой Ектеніи*, начинающейся словами: *паки и паки миромъ Господу помолимся*, и содержащей въ себѣ собственно только два прошенія, между тѣмъ какъ въ первой, Великой Ектеніи, заключается 12 прошеній.— И всякое моленіе св. Церкви имѣетъ основаніе свое въ словѣ Божіи; но въ Великой Ектеніи находимъ не только основаніе Богодухновенное, но и самой порядокъ прошеній весьма сходный съ порядкомъ Божественной молитвы, или Господней. Какъ въ молитвѣ: *Отче нашъ*, такъ и въ Великой Ектеніи, прежде молимся о предметахъ, ближайшимъ образомъ споспѣшествующихъ славѣ Божіей, а потомъ о нуждахъ нашихъ житейскихъ и о избавленіи отъ всякихъ

2. О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ.

Богъ упованія да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣрѣ (Римл. 15, 13). Миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да исполнитъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ (Фил. 4, 7).

3. О мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ Церквей, и соединеніи всѣхъ.

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки.— Сіе во добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити (1 Тим. 2, 1. 3. 4).

Не престаю благодаря о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ (Еф. 1, 16). Молимся о вашемъ совершеніи (2 Кор. 13, 9). Яко мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ (1 Сол. 3, 8), во единомъ дусѣ и единодушнѣ сподвизающеся по вѣрѣ благовѣствованія (Фил. 1, 27). Тому (*Богу Отцу*) слава въ Церкви о Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ (Еф. 3, 21).

И иныя овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ; и будетъ едино стадо и единъ Пастырь (Іоан. 10, 16). Да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ; да и міръ вѣру имѣтъ, яко Ты мя послалъ еси (— 17, 21).— Да святится имя твое, да пріидетъ Царствіе твое! (Матѳ. 6, 9. 10)

4. О святѣмъ храмѣ семъ, и съ вѣрою и благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входящихъ въ онь.

Не хвалю, яко не на лучшее, но на худшее совираетеся (1 Кор. 11, 17); да не въ грѣхъ сходитеся (—34); но исполняйтеся духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви (Еф. 5, 18. 19). Сохрани ногу твою, егда аще идеши въ домъ Божій, и близъ (буди) еже слушати (Еккл. 4, 17).

5. О святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ,— о всемъ притѣ и людехъ.

Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо вдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе. Молитеся о насъ. (Евр. 13, 17. 18). Споспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу (Римл. 16, 30), да Богъ отверзетъ намъ двери слова (Кол. 4, 2. 3). Знайте труждающихся у

золъ и напасшей. Вмѣсто призыванія молитвы Господней, для Ектеніи служитъ первый возгласъ священника: *Благословенъ Богъ нашъ;* а вмѣсто заключенія— окончательный возгласъ: *Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава, честь и поклоненіе* и пр.

васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы, и имѣйте ихъ по преизлиха въ любви за дѣло ихъ (1 Сол. 5, 12. 13).

6. *О Благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, Великомъ Государѣ нашемъ* и пр.

Взыщите мира земли,— и молите Господа за ня, яко въ мирѣ ихъ будетъ миръ вамъ (Іерем. 29, 7). Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія,— за Царя, и иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. 2, 1. 2). И помолятся о немъ (*Благочестивомъ Царѣ*) выну, весь день благословятъ его (Псал. 71, 15).

7. *О пособити и покорити подъ ногѣ ихъ всякаго врага и супостата.*

Да обрящется рука твоя всѣмъ врагомъ твоимъ; десница твоя да обрящетъ вся ненавидящія тебе (Псал. 20, 9).

Богъ мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ (Римл. 16, 20).

8. *О градѣ семъ, всякомъ градѣ, странѣ, и вѣрою живущихъ въ нихъ.*

Да помолится (*Первосвященникъ*) о себѣ, и о домѣ своемъ, и о всемъ сонмѣ сыновъ Израилевыхъ (Лев. 16, 17).

Будите бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ (Еф. 6, 18).

9. *О благорастворенiи воздуха, и изобилiи плодовъ земныхъ, и временѣхъ мирныхъ.*

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь (Матѳ. 6, 11).

Молитеся другъ за друга.— Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ, и молитвою помолися, да не будетъ дождь, и не одожди на земли лѣта три и мѣсяцъ шесть; и паки помолися, и небо дождь даде и земля прозябе плодъ свой (Іак. 5, 16— 18).

10. *О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасенiи ихъ.*

Смиритеся подъ крѣпкую руку Божію, да вы вознесетъ во время, всю печаль вашу возвергше нань, яко Той печется о васъ.— Тѣже страсти случаются вашему братству, еже въ мірѣ (1 Пет. 5, 6. 7. 9). Молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете (Іак. 5, 16).

11. *О избавитися намъ отъ всякія скорби, енѣва и нужды.*

Не введи насъ въ напасть, но избави насъ отъ лукаваго (Матѳ. 6, 13).

Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть (Мат. 26, 41).

12. *Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, твоею благодатію.*

Явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ (Тит. 2, 11). Благодатію есте спасени (Еф. 2, 5). Да приступаемъ убо съ дерзновеніемъ къ престолу Благодати, да пріимемъ милость, и благодать обрящемъ во благовременну помощь (Евр. 4, 16). Совершенно уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ (1 Петр. 1, 13).

Пресвятую, пречистую, преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу, со всѣми Святыми помянувше, сами себе и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.

Призрѣ на смиреніе рабы своея: себо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди; яко сотвори Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его (Лук. 1, 48 49).

Святые вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія (Евр. 11, 33).

Мнѣ еже жити, Христосъ, и еже умрети, пріобрѣтеніе есть (Фил. 1, 21).

Животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ (Кол. 3, 3).

Азъ есмь лоза, вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, той сотворитъ плодъ многъ (Іоан. 15, 5).

Сынъ Божій пріиде, и далъ есть намъ (свѣтъ и) разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ: сей есть истинный Богъ и животъ вѣчный (1 Іоан. 5, 20).

СЛОВО

НА ДЕНЬ СОБОРА АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧИХЪ БЕЗПЛОТНЫХЪ СИЛЪ.

Празднующимъ въ честь высокихъ и благотворныхъ Лицъ, всего ближе и пріятнѣе въ продолженіе празднества бесѣдовать между собою о сихъ Лицахъ. Посему, Брат., и я намѣренъ побесѣдовать нынѣ съ вами о св. Архангелахъ. Священныя изображенія ихъ всегда предстаютъ очамъ вашимъ въ семъ храмѣ, посвященномъ ихъ имени; но они стоятъ на такой высотѣ, что многіе съ трудомъ могутъ возводить туда взоръ и не въ состояніи различать всего, чѣмъ отличается изображеніе каждаго Архангела. Посему слово наше можетъ быть не безплоднымъ для слуха вашего дополненіемъ и изъясненіемъ того, что всегда видитъ здѣсь ваше око. Только не ожидайте, Брат., отъ меня въ семъ случаѣ какихъ либо собственныхъ умозрѣній о мірѣ Ангельскомъ: съ сего свящ. мѣста должно слышаться одно то, что открываютъ намъ касательно Ангеловъ слово Божіе и сказанія тѣхъ Богомудрыхъ

мужей, вои не напрасно именуются отъ самой Церкви *собесѣдниками Ангеловъ*.

Ублажаемыя нынѣ Церковію Лица называются Архангелами, или главными и первыми изъ Ангеловъ; потому что они суть вожди и Начальники ликовъ Ангельскихъ. Ибо и на небѣ, Брат., не смотря на взаимную любовь, радость и блаженство всѣхъ и каждаго, нѣтъ однако же того равенства, коего нѣкоторые, по крайнему неразумію, ищутъ на землѣ; и тамъ одни начальствуютъ и предстоятъ, другіе повинуются и послѣдуютъ. Существенное и полное равенство находится только между тремя Лицами пресв. Троицы: Богомъ Отцемъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ.

Хотя число Ангеловъ крайне велико, *тьмы темъ*, по выраженію Писанія; но Архангеловъ только седмь. *Азъ есмь единъ отъ седьми Святыхъ Ангеловъ*,— такъ говорилъ Архангелъ Рафаилъ праведному Товиту,— *иже приносятъ молитвы святыхъ и входятъ предъ славу Вседержителя* (Тов. 12, 15). И св. Іоаннъ, въ своемъ дивномъ Апокалипсисѣ, изрекая благодать и *миръ Церквамъ отъ Сущаго, и иже бѣ, и грядущаго*, изрекаетъ потомъ благословеніе и отъ седми духовъ, иже *предъ Престоломъ Его суть* (Апок. 1, 4).

Отчего главныхъ Ангеловъ, только седмь— не менѣе и неболѣе?— Это тайна творенія, довѣдомая Господу и Творцу Ангеловъ. Мы съ благоговѣніемъ можемъ примѣтить только при настоящемъ случаѣ, что седмеричное число составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ законовъ произхожденія и бытія тварей и въ мірѣ духовномъ и въ мірѣ вещественномъ. Ибо, возримъ ли на Царство Благодати?— Обрѣтаемъ седмь даровъ Духа св., седмь таинствъ. Посмотримъ ли на Царство природы?— Находимъ седмь лучей свѣта, седмь тоновъ звука, седмь дней творенія и пр.

Изъ числа седми верховныхъ Духовъ св. Церковь первымъ признаетъ Михаила; почему и настоящее празднество именуется Соборомъ Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. *Кто, яко Богъ?* означаетъ имя его; кто, яко Богъ? выражаютъ собою и всѣ дѣла его. Онъ первый возсталъ противъ Люцифера, когда сей возсталъ противъ Вседержителя. Извѣстно, чѣмъ кончилась эта первая ужасная брань— низверженіемъ Денницы съ неба. Съ тѣхъ поръ Михаилъ не престаетъ ратоборствуя за славу Творца и Господа всяческихъ, за дѣло спасенія рода человѣческаго, за Церковь и чадъ ея: почему и изображается всегда въ воинственномъ видѣ, съ копіемъ или мечемъ въ рукѣ, имѣя подъ ногами Дракона, то есть, духа злобы. Бѣлая хоругвь, украшающая верхъ копія его, означаетъ неизмѣнную чистоту и непоколебимую вѣрность Ангеловъ Царю небесному: а крестъ, коимъ оканчивается копіе, даетъ знать, что брань съ царствомъ тьмы и побѣда надъ нимъ самыми Архангелами совершается во имя Креста Христова, совершается посредствомъ терпѣнія, смиренія и самоотверженія. Посему для тѣхъ, кои украшаются именемъ перваго изъ Архангеловъ, всего приличнѣе, отличаться ревностію по славѣ Божіей, вѣрностію Царю небесному и Царямъ земнымъ, всегдашнею бранею противъ порока и нечестія, и всегдашнимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ.

Второе мѣсто въ ряду Ангеловъ принадлежитъ Гавріилу: имя, означающее *силу Божію*. Поелику у небожителей названіе всегда выражаетъ самую вещь; то Архангелъ сей въ дѣлѣ служенія спасенію человѣческому является особенно провозвѣстникомъ и служителемъ Всемогущества Божія. Такъ — имѣетъ ли открыться сила Божія въ чудесномъ зачатіи Предтечи отъ престарѣлыхъ родителей? — Вѣсть о семъ зачатіи возлагается на Гавріила. Имѣетъ ли произойти безсѣменное зачатіе самаго Сына Божія? — честь благовѣстія о семъ достается паки Гавріилу. Сей же Архангелъ, по мнѣнію Богомудрыхъ мужей, посланъ былъ для подкрѣпленія Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ, и для возвѣщенія Богоматери ея всечестнаго Успенія. Посему Церковь именуетъ его *служителемъ чудесъ*. Но, служа чудесамъ, онъ потому самому есть особенный служитель и таинъ Божіихъ: ибо одно предполагаетъ другое. Посему когда нужно было нѣкогда открыть Даніилу Пророку будущія событія, то онъ слышалъ гласъ: *Гавріиле! скажи видѣніе сему* (Дан. 8, 16). Имѣя въ виду таковое служеніе Гавріила, св. Церковь изображаетъ его, иногда съ Райскою въ рукѣ вѣтвію, которая принесена имъ была Богоматери, а иногда въ правой рукѣ съ фонаремъ, внутрь коего горитъ свѣща, а въ лѣвой — съ зерцаломъ изъ ясписа. Изображаетъ съ зерцаломъ — поелику Гавріилъ есть вѣстникъ судебъ Божіихъ о спасеніи рода человѣческаго; изображаетъ съ свѣщею въ фонарѣ, поелику судьбы Божія бываютъ сокрыты до времени исполненія ихъ, и, по самомъ исполненіи, постигаются только тѣми, кои неуклонно смотрятъ въ зерцало слова Божія и своей совѣсти. Такимъ образомъ если кому, то носящимъ имя Гавріила прилична та *вѣра Божія* (Мар. 11, 23), для коей, по слову самаго Спасителя, нѣтъ ничего невозможнаго; и если отъ кого, то отъ нихъ должно быть, какъ можно далѣе, то наказаніе, которое за скудость вѣры принужденъ былъ наложить нѣкогда сей Архангелъ на Отца Предтечи (Лук. 1, 20).

Рафаилъ, или помощь и исцѣленіе Божіе, есть имя третіяго Архангела; имя потому самому любезное всѣмъ страждущимъ. Въ св. Писаніи есть цѣлая книга, въ коей описывается, какъ сей Архангелъ, въ видѣ человѣка сопутствовалъ праведному Товіи, освободилъ отъ злаго духа его невѣсту, возвратилъ зрѣніе его престарѣлому отцу, Товиту, и потомъ вознесся отъ нихъ на небо. Почему сей Архангелъ и изображается съ сосудомъ врачебнымъ въ лѣвой рукѣ, а правою ведущій Товію. Весьма поучительны слова, сказанныя симъ Архангеломъ при разлученіи съ семействомъ Товиина. *Благо молитва со постомъ и милостынею и правдою*, вѣщалъ Рафаилъ, *милостыня бо отъ смерти избавляетъ, и тая очищаетъ всякъ ерѣхъ. Егда молился еси ты и невѣстка твоя Сарра, азъ приношахъ память молитвы вашея предъ Святаго: и егда погребалъ еси мертвыя, подобнѣ присутствовахъ тебѣ; и егда не лѣнился еси востати и оставити обѣдъ твой, да отшедъ покрыеши мертваго, не утаился еси мене благотворяй, но со тобою бѣхъ.* (Тов. 12, 8. 9. 12—14). — Посему кто желаетъ сподобиться небесной помощи Рафаила, тому первѣе всего надобно самому быть милостиву къ бѣдствующимъ. Милостивые скорѣе всего бываютъ помилованы сами. Тѣмъ

паче добродѣтель милосердія и сердоболія должна отличать носящихъ имя Рафаила: иначе у нихъ небудетъ духовнаго союза съ своимъ Архангеломъ.

Четвертаго Архангела изображаютъ съ мечемъ, обращеннымъ противу персей, а въ шуйцѣ— съ пламенемъ, низпускающимся долу; а имя его Урiилъ, то-есть, свѣтъ, или огнь Божій. Какъ Ангелъ свѣта, онъ просвѣщаетъ умы людей откровеніемъ истинъ, для нихъ полезныхъ; какъ Ангелъ огня Божественнаго, онъ воспламеняетъ сердца любовію къ Богу и потребляетъ въ нихъ нечистыя привязанности земныя. Итакъ это вашъ Архангелъ, люди, посвятившіе себя наукамъ! Какъ отрадно должно быть для васъ знать, что ночныя бдѣнія и труды ваши надъ собраніемъ познаній, освѣщаются не однимъ стихійнымъ мерцаніемъ отъ лампады, а и свѣтомъ отъ пламенника Архангела. И вотъ, конечно, источникъ многихъ, истинно полезныхъ и великихъ открытій въ области наукъ!—Тѣхъ открытій, о коихъ сами сдѣлавшіе ихъ замѣчаютъ, что они приходили на умъ внезапно, какъ бы по откровенію свыше. Удивительно ли приходить внезапнымъ озаренiямъ свыше, когда есть особый Архангелъ свѣта и познаній?— Чего однакоже можно ожидать отъ сего премірнаго наставника?— Откровенія таинъ природы, превышающихъ нашъ разумъ и наши нужды? Предвозвѣщенія будущихъ событій, или чего-либо подобнаго? Нѣтъ, это дѣло не Архангела. Послушайте, что отвѣчалъ Урiилъ одному благочестивому, но слишкомъ любознательному мужу, когда онъ, въ жару страсти къ познаніямъ, желалъ увѣдать отъ него тайну міроправленія Божественнаго. Архангелъ не отрекся отвѣчать на вопросы, но потребовалъ, чтобы Ездра (такъ назывался сей мужъ) сдѣлалъ для него прежде одно изъ трехъ: взвѣсилъ пламень огня, или указалъ начало вѣтра, или возвратилъ прошедшій день. Когда Ездра отрекся невозможностію сдѣлать это, то Архангелъ сказалъ: *„аще бых̀ вопросилъ тя, коль многого жилищ̀ есть в̀ сердцѣ морскомъ̀, или коль много жилъ̀ есть надъ̀ твердiю небесною, или кiя суть предѣлы райскiя; негли отвѣщалъ̀ бы ми еси: в̀ бездну не снидохъ̀, ни в̀ Адъ̀ еще, ниже на небеса когда взыдохъ̀. Нынѣ же о семъ̀ не вопросихъ̀ тя, точiю о огни, и о вѣтрѣ и дни, в̀ оньже еси пребывалъ̀, и безъ̀ сихъ̀ вещей быти не можеши; и ты о сихъ̀ ничтоже ми отвѣщалъ̀ еси. Ты сихъ̀ убо, яже твоя суть, и со тобою возрастша, познати не можеши, и какъ̀ сосудъ̀ твой возможетъ̀ вмѣстити пути Вышняго?“* — (3 Езд. 4, 7— 11). Замѣтьте урокъ сей люди, преданные наукамъ, и не забывайте, по примѣру вашего Архангела, быть служителями не одного свѣта истины, а и огня Божественной любви. *Разумъ̀ кичитъ̀; одна любы созидаетъ̀.* (1 Кор. 8, 1).

Пятый Архангелъ есть верховный служитель молитвы, и называется Салафiилемъ. Чистая и пламенная молитва сама можетъ служить вмѣсто Херувима для души, охраняя ее отъ всѣхъ враждебныхъ силъ. Но каковы наши молитвы?— Слабы, крашки, нечисты, холодны. И вотъ, Господь, зная, сколь необходима для каждаго изъ насъ молитва, даровалъ намъ цѣлый ликъ Ангеловъ молитвенныхъ съ ихъ вождемъ Салафiилемъ, да чистымъ дохновеніемъ устъ своихъ согрѣва-

ютъ наши хладныя сердца и подвизаютъ ихъ на молитву, да вразумляютъ насъ, о чѣмъ когда и какъ помолимся, да возносятъ самыя прошенія наши ко престолу благодати. Когда увидите, Браш., на иконѣ Архангела, стоящаго въ молитвенномъ положеніи, съ очами, потупленными долу, съ руками, приложенными съ благоговѣніемъ къ персямъ;—то знайте, что это Салафіилъ. А, видя въ такомъ положеніи самаго Архангела молитвы, старайтесь сами, во время молитвы быть всегда въ положеніи, приличномъ молящемуся. Приличномъ—говорю; ибо у многихъ нѣтъ и сего. Смотря на то, какъ иные изъ насъ молятся, подумаешь, что они не просятъ, а пеняютъ и угрожаютъ тому, у кого просятъ. Это ли молитва?...—

У шестаго Архангела въ десницѣ златой вѣнецъ, а въ шуйцѣ бичь изъ трехъ червленныхъ вервій. Это потому, что обязанность сего Архангела съ ликомъ Ангеловъ, ему ввѣренныхъ, есть поощрять наградою благъ вѣчныхъ и защищать именемъ святыя Троицы и силою креста Христова людей, труждающихся въ различныхъ родахъ служенія во славу Божію: почему онъ и называется Эгудіилъ, или хвала Божія. Между нами нѣтъ людей, носящихъ это имя; за то всякой изъ насъ, отъ мала до велика, обязанъ жить и трудиться для славы Божіей: и коль скоро труждается надъ симъ волосшину, то быть не можетъ, чтобы не встрѣчалъ при семъ различныхъ препятствій. Ибо на нашей грѣшной землѣ, среди насъ грѣшныхъ людей, всякое благое дѣло ничье не совершается, какъ съ трудомъ, а многія—съ великимъ и тяжкимъ. Что нужды? Господь и Владыка нашъ *не обидливъ забыти никакого благаго дѣла* нашего и никакого *труда любве* (Евр. 6, 10) во имя Его: чѣмъ больше подвигъ, тѣмъ выше и свѣтлѣе награда. Въ десницѣ Архангела не напрасно вѣнецъ: это награда для воина, который во время брани не щадитъ жизни за Церковь и отечество, а во время мира *никого* же *обидитъ*, *доволенъ своими оброки* (Лук. 3, 14); для Градоправителя, который не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняй ввѣренный ему градъ,—для Судіи, который твердо держитъ вѣсы правды, судитъ безъ лицепріятія сира и смиренна; это награда для Пастыря Церкви, право правящаго слово истины, для домовладыки, подающаго примѣръ Богобоязненности своимъ домашнимъ, для раба, несущаго съ вѣрою и терпѣніемъ свой жребій.

Послѣднему Архангелу,—послѣднему по порядку, а не по достоинству и силѣ,—Богомудрые учители Церкви даютъ названіе Варахіила. Это Ангелъ благословеній Божіихъ, какъ-то означаетъ его имя и выражаетъ тотъ видъ, въ какомъ представляется онъ на св. иконахъ; ибо его изображаютъ со множествомъ цвѣтовъ розовыхъ въ нѣдрахъ его одежды. Поелику благословенія Божія различны, то и служеніе сего Архангела многообразно: чрезъ него ниспосылается благословеніе домочадія и благоустройства семейственнаго; чрезъ него пріемлется благословеніе плодовъ земныхъ; чрезъ него сподобляются благословенныхъ успѣховъ въ купляхъ, и прочихъ дѣлахъ житейскихъ. Но когда сподобляются?—Тогда, безъ сомнѣнія, когда земныя благословенія хотятъ принимать для стяжанія благословеній небесныхъ и вѣчныхъ:

когда на пр. желаютъ имѣть чадъ, дабы воспитать ихъ въ страхѣ Божіемъ; ожидаютъ обилія плодовъ земныхъ, дабы подѣлиться ими съ бѣдностію, истаивающею отъ глада; ищутъ умноженія доходовъ, дабы имѣть возможность украсить храмъ Божій, призрѣть сираго, искупить должника невиннаго, и тому подобное. Въ противномъ случаѣ Господь не пошлетъ, и Архангелъ не принесетъ благословенія. Какъ же, скажете, міролюбцы, совершенно забывшіе Бога, пользуются иногда всѣми дарами счастія земнаго?— Для нераскаянныхъ—это даръ гнѣва, а не любви Божественной: служителемъ сихъ даровъ— не Архангелъ, а тотъ міродержитель тьмы вѣка сего, который самому Сыну Божію дерзнулъ сказать: *сія вся дамъ ти, аще падъ поклонишимися!*— (Матѳ. 4, 9)

Таковъ Соборъ Архангеловъ!— Таковъ по отношенію къ намъ и нашему спасенію!— Ибо, каковъ онъ въ превѣчной небесной силѣ, лѣпотѣ и величіи своемъ, этого не дано теперь знать намъ. Узримъ, когда сподобимся стать одесную престола Божія, и войти въ самый соборъ Ангеловъ. Я говорю: *войти;* ибо человѣкъ, по разумѣнію многихъ Учителей Церкви, для того и созданъ, (тѣмъ паче для того возсозданъ) чтобы восполнить собою въ сонмѣ Ангеловъ тотъ недостатокъ, который произошелъ чрезъ отпаденіе отъ свѣтлаго лика ихъ Люцифера съ его воинствомъ.

Посему празднуя Соборъ Архангеловъ и Ангеловъ, мы должны, Брат., помышлять и о нашемъ будущемъ собраніи къ нимъ. Одно изъ двухъ неизбѣжно: надобно, непремѣнно надобно, быть нѣкогда или въ соборѣ Ангеловъ, или среди скопища духовъ отверженныхъ. Кто можетъ рѣшиться на послѣднее?— Но, желая перваго, надобно заблаговременно приготовлять себя къ сожитію съ Ангелами чрезъ стяжаніе мыслей и чувствъ Ангельскихъ. Ибо и на землѣ, тѣмъ паче на небѣ, живутъ въ мирѣ и постоянномъ союзѣ токмо тѣ, кои стремятся къ единой и тойже цѣли, и оживлены единымъ и тѣмъ же духомъ. Аминь.

ПОКАЯНІЕ РАЗБОЙНИКА.

Въ царствованіе Императора Маврикія, въ концѣ 6-го в., во Ѳракіи былъ разбойникъ столько злобный и сильный, что никто не могъ схватить и связать его. Благочестивый Императоръ употребилъ наконецъ для усмиренія сего неукротимаго звѣря силу христіанскаго милосердія: послалъ къ нему свой крестъ, увѣряя его, чтобъ онъ не боялся придти къ Царю. Разбойникъ пришелъ, и съ раскаяніемъ палъ къ ногамъ Императора. Но чрезъ нѣсколько дней впалъ въ болѣзнь и отведенъ былъ въ больницу. Здѣсь, въ сновидѣніи, видѣлъ онъ страшный судъ; и возбудясь отъ сна и почувствовавъ близкую смерть свою, отъ всей души обратился съ молитвою къ Спасителю грѣшниковъ., „Владыко человѣколюбче!— „говорилъ онъ въ молитвѣ— какъ пре„жде спасъ Ты разбойника, такъ и „нынѣ удиви милость твою на мнѣ, „и пріими плачь мой на семъ одрѣ „смертномъ. Господи, не ищи у меня „ничего болѣе; у меня нѣтъ уже „времени, чтобъ уплатить мои долги „безчисленные: Ты самъ милосердіемъ „твоимъ потреби мои прегрѣшенія.“ Съ молитвою въ такомъ духѣ, нѣсколько часовъ текли слезы кающагося и ото-

чали платокъ, которымъ онъ утирался. Наконецъ престали течь слезы, потому что престало биться и сердце кающагося: разбойникъ скончался. Въ это время старшій врачъ имѣлъ слѣдующее видѣніе во снѣ: ему представилось, что множество муриновъ пришло къ постелѣ разбойника и принесло хартіи съ означеніемъ грѣховъ его; принесены были и вѣсы, на одной сторонѣ которыхъ положены были хартіи муриновъ. Тогда Ангелы спрашивали другъ друга: что положить намъ на другую сторону вѣсовъ, когда нѣтъ болѣе десяти дней съ того времени, какъ разбойникъ обратился? Но вотъ, говорятъ они, у него есть платокъ омоченный слезами! и—этотъ платокъ положили на вѣсы. Какъ скоро это было сдѣлано, хартіи съ грѣхами поднялись вверхъ и разсыпались. Ангелы единогласно воскликнули: побѣдило человѣколюбіе Божіе! и взяли душу разбойника съ собою; а мурины со стыдомъ и воплемъ бѣжали. Проснувшись, врачь спѣшитъ къ одру умирающаго; находитъ тѣло разбойника еще неостывшимъ, но уже бездыханнымъ, и платокъ, омоченный слезами, лежащій на глазахъ умершаго, и узнаетъ отъ присутствовавшихъ здѣсь послѣдніе часы жизни покаявшагося грѣшника. Послѣ сего беретъ съ собою платокъ съ глазъ скончавшагося и, пришедши къ Императору, говоритъ: восхвалимъ Бога, Государь! который во время царствованія твоего спасъ разбойника!

Описавшій этотъ случай увѣряетъ, что все описанное имъ есть истина; но— присовокупляетъ— „добро есть „готовити себе, и предварати страш„ный онъ часъ смерти покаяніемъ.“(*)— Истинно то, что милосердіе Божіе пріемлетъ и краткое, но чистосердечное, раскаяніе, и что нѣкоторые начали и совершили покаяніе уже на одрѣ смертномъ; но кто можетъ быть увѣренъ, что у него будетъ нѣсколько часовъ предъ смертію, въ которые онъ можетъ покаяться? Будетъ ли у меня и одна минута предсмертная, въ которую я могъ бы съ чувствомъ помолиться и раскаяться во грѣхахъ моихъ?— не знаю. *Будите убо готови; бдите, яко не вѣсте дне ни часа, въ онъже пріидетъ* Судія къ вамъ или вы къ Судіи!

Притча одного великаго старца.

Три проводника къ Царю.

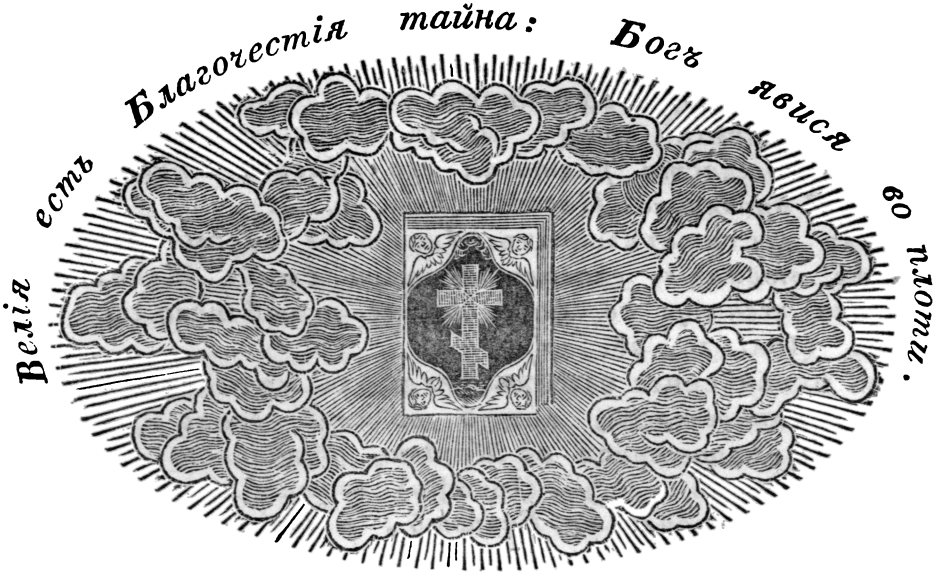
Нѣкто имѣлъ нужду быть у Царя и искалъ, кто бы могъ ввести его въ палаты Царскія. Одинъ сказалъ ему: я пойду съ тобою, но доведу тебя только до половины пути. Другой говорилъ: иди со мною, и я доведу тебя до самыхъ палатъ. Третій наконецъ объявилъ, что онъ не только представитъ просителя Царю, но и будетъ ходатайствовать за него предъ Царемъ.

Изъясненіе. Первый проводникъ есть постъ, доводящій до половины спасительнаго пути; вторый— чистота, доводящая до небесъ, а третій— смиреніе, которое приводитъ спасаемаго къ самому Богу.

(*) Прол. Окт. 17.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 19 Октября 1858 г
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 34. НЕДѢЛЯ 26 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. НОЯБРЯ 20. 1838.

Апостолъ: Ефес. 5, 9—19. Евангеліе: Лук. 12, 16—21.

ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ И ХАРАКТЕРА БОГОМАТЕРИ, ПО УКАЗАНІЮ СВ. ПИСАНІЯ.

Вѣра въ обѣтованія Божественныя. *Блаженна вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголанныимъ ей отъ Господа!* (Лук. 1, 45).

Постоянная духовная вдительность надъ собою. *И вшедъ къ ней Ангелъ, рече: радуйся благодатная: Господь съ тобою: благословена Ты въ женахъ!— Она же видѣвши, смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе?—* (Лук. 1, 28. 29).

Преданность въ волю Божію. *Рече Маріамъ: се раба Господня; буди Мнѣ по глаголу твоему!* (Лук. 1, 38).

Цѣломудріе. *Рече же Маріамъ ко Ангелу: како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* (Лук. 1, 34).

Всегдашняя внимательность къ путямъ промысла Божія. *И вси слышавшіи дивишася о глаголанныхъ отъ пастырей къ нимъ. Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы своемъ.* (Лук. 2, 18. 19).

Признательность къ благодѣяніямъ Божіимъ. *И рече Маріамъ: величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко сотвори мнѣ величіе сильный, и свято имя Его.* (Лук. 1, 46. 47. 49).

Усердіе къ молитвѣ и благочестивымъ занятіямъ. *Сіи* (Апостолы) *вси бяху терпяще единодушно, въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею, Матерію Іисусовою, и съ братіею его.* (Дѣян. 1, 14).

Усердное посѣщеніе свящ. мѣстъ и неопустительное наблюденіе праздниковъ. *И хождаста родителя его (Іисуса Христа) на всяко лѣто во Іерусалимъ, въ праздникъ Пасхи.* (Лук. 2, 41).

Совершенная нестяжательность. *Іисусъ же видѣвъ Матерь, и ученика стояща, его же любляше, глагола Матери своей: Жено, се сынъ твой! Потомъ глагола ученику: се мати твоя! и отъ того часа поятъ ю ученикъ во своясн.* (Іоа. 19, 26. 27).

Благодушное перенесеніе самыхъ трудныхъ житейскихъ обстоятельствъ. *И идяху вси написатися, кождо во свой градъ. Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи написатися съ Маріею, обрученною ему женою, сущею непраздною* (Лук. 2, 3. 5.)— (Іосифъ) *востав, поятъ отрока и Матерь его нощію, и отъиде во Египетъ; и бѣ тамо до умертвія Иродова* (Матѳ. 2, 14, 15).

Непоколебимое мужество среди величайшихъ искушеній и скорбей. *Стояху же при крестѣ Іисусовѣ Мати Его, и сестра Матере Его, Марія Клеопова и Марія Магдалина* (Іоан. 19, 25).

Увѣренность въ покровительствѣ Божіи всѣмъ благочестивымъ. *Милость его въ роды родовъ боящимся его.* (Лук. 1, 50).

Чистая любовь къ истинному благу своего отечества. *И рече Маріамъ: величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ. Яко воспріятъ Израиля, отрока своего, помянути милости, яко же глагола ко отцемъ нашимъ, Аврааму и сѣмени его до вѣка* (Лук. 1, 46. 47. 54. 55).

Материнская заботливость. *И видѣвше его* (Іисуса Христа), *дивишася: и къ Нему Мати Его рече: чадо, что сотвори нама тако? се отецъ твой и азъ болящe искахомъ тебе* (Лук. 2, 48).

Усердіе и почтительность къ сродникамъ. *Востави Маріамъ,— иде въ горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ; и вниде въ домъ Захаріинъ, и цѣлова Елисаветъ* (Лук. 1, 39. 40).

Усердіе къ чужимъ. *Званъ же бысть Іисусъ и ученицы Его на бракъ. И недоставшу вину, глагола Мати Іисусова къ Нему: вина не имутъ* (Іоан. 2, 2. 3).

Смиреніе. *Яко призрѣ на смиреніе рабы своея: се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* (Лук. 1, 48).

СЛОВО

НА ДЕНЬ СОБОРА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА.

Кто со вниманіемъ покланялся св. Иконѣ Архистратига Михаила, въ честь коего мы нынѣ празднуемъ, тотъ не могъ не замѣтить, что Архангелъ сей изображается всегда въ грозномъ и воинственномъ видѣ. На главѣ его видишь шлемъ, въ рукѣ мечь или копіе, подъ ногами дракона, имъ поражаемаго. Что значитъ это? Уже ли безъ меча нельзя ходить безопасно и на небѣ? Или престолъ Царя Небеснаго имѣетъ нужду въ охраненіи, подобно престоламъ Царей земныхъ?— Или Ангелы на то созданы, чтобы сражаться?—

Нѣтъ, Брат., престолъ Всемогущаго непоколебимъ, какъ вѣчность. Сонмы чистѣйшихъ духовъ сотворены не для брани и побѣдъ, а для славословія, мира и блаженства. Такъ было въ началѣ: такъ было бы и всегда; если бы одинъ изъ самыхъ первыхъ духовъ не открылъ въ себѣ самомъ источника зла, брани и нестроенія, и не возмутилъ тишины небесной. Не знаемъ, какъ низпалъ онъ до безумія воспять проциву Всевышняго; но востадъ! По естественной ли зависимости воинства отъ вождя, или по духу взаимнаго прельщенія, но въ слѣдъ за симъ возмутителемъ устремилось множество и другихъ духовъ.—Для Всемогущаго Творца не было и не могло быть при семъ опасности: но міръ духовный поколебался; могъ весь превратиться въ самомъ основаніи своемъ. Это была бы потеря тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе излито на міръ духовный даровъ и совершенствъ, чѣмъ выше его предназначеніе. И вотъ, въ сію-то рѣшительную минуту, когда цѣлому небу предстояла опасность обратиться въ адъ,—изъ среды же Ангеловъ является поборникъ славы Божіей и защитникъ чести самаго міра Ангельскаго. *Кто, яко Богъ?*—восклицаетъ Михаилъ къ собратіямъ своимъ; и вмѣстѣ съ ними устремляется на безумнаго возмутителя и клевретовъ его. Не вдругъ одержана побѣда; ибо Люциферъ, какъ верховный изъ Ангеловъ, обладалъ великими совершенствами: но наконецъ сила добра превозмогла надъ силою зла; денница свергнутъ съ неба; а Михаилъ и Ангелы его остались на всегда побѣдоносными слугами Царя Небеснаго.— Съ тѣхъ поръ (это было до созданія человѣка и, вѣроятно, еще до сотворенія видимаго міра), съ тѣхъ поръ въ рукахъ Михаила мечь, а подъ ногами его драконъ; ибо Сатана, и сверженный съ неба, не престаетъ воевать противъ небожителей.

Не много опытовъ Михаиловой брани указуетъ намъ потомъ св. Писаніе (ибо оно весьма рѣдко поднимаетъ завѣсу, сокрывающую отъ насъ міръ духовный; и когда поднимаетъ, то показываетъ болѣе то, что радуетъ и воодушевляетъ, нежели то, что можетъ устрашать и приводить въ недоумѣніе); но сіи немногія указанія таковы, что заставляютъ предполагать о многомъ. Такъ Апостолъ Іуда въ посланіи своемъ (9) сказываетъ, что Архангелъ Михаилъ препирался нѣкогда съ діаволомъ по кончинѣ Моисея за тѣло его, которое діаволъ, вѣроятно, искалъ обратить въ предметъ обожанія для Израильтянъ, а Михаилъ внушилъ погребсти такъ, что *не увѣда никтоже погребенія его.* (Второз. 34. 6). Такое

благотворное отношеніе Михаила къ лицу Моисея, конечно, не ограничивалось попеченіемъ о судьбѣ тѣла его, а простиралось на всю жизнь, на все многообразное и многотрудное служеніе его, и особенно на законодательство, которое, по выраженію св. Стефана, произошло *устроеніемъ Ангельскимъ*. (Дѣян. 7, 53). Судя по сему, Ангелъ, *глаголавшій* съ Моисеемъ *на горѣ синайстѣй* (7, 38.) долженъ быть не другой кто, какъ Михаилъ. И поелику законоположеніе Синайское было весьма не по сердцу сатаны,— почему онъ и старался всячески содѣлать народъ Израильскій недостойнымъ чести быть народомъ Божіимъ;— то Михаилу, во время устроенія Моисеемъ Церкви Іудейской, безъ сомнѣнія, не мало было случаевъ извлекать противъ него мечь и принимать удары въ его главу.

Особенно же открылся случай къ сему, когда сатана, не за долго до пришествія Христова, какъ бы предчувствуя наступающую рѣшительную опасность для своей темной области, воздвигъ противъ Іудейскаго народа и Церкви злочестиваго Антіоха, наустивъ его искоренить совершенно вѣру и законъ Моисеевъ. Въ сіе время спасеніе избраннаго народа и Церкви никакъ не могло быть совершено одними естественными средствами. Посему еще Даниилу дано было созерцать въ видѣніи, какъ Михаилъ *востанетъ въ сіе время за сыновъ людей Божіихъ*. (Дан. 12, 1). Слѣдствіемъ сего-то невидимаго заступленія отъ Архангела, безъ сомнѣнія, было то, что горсть ревнителей закона, предводимыхъ Маккавеями, въ состояніи была обращать въ бѣгство и разсѣвать не однократно многочисленныя полчища Антіоховы. Маккавеи побѣждали Сиріанъ потому, что въ тоже время поражалъ сатану и клевретовъ его Михаилъ. Посему Архангела сего можно, по справедливости, назвать Ангеломъ защитникомъ народа Іудейскаго, Архистратигомъ Церкви Ветхозавѣтной.—

Воинственное служеніе Церкви Михаила не окончилось однакоже съ Церковію Ветхозавѣтною. Въ двенадцатой главѣ Апокалипсиса Іоаннова читаемъ, что, по убѣжаніи отъ змія въ пустыню жены, облеченной въ солнце, то-есть, Церкви Христовой, *брань бысть на небеси съ симъ зміемъ*. (Апок. 12, 6.) Кто же паки брался съ нимъ? *Михаилъ и Ангелы* Его. Не сего мѣста и не настоящаго времени дѣло— опредѣлять: на какой вѣкъ Христіанства упадаетъ время этой брани?— на вѣкъ ли послѣдняго, жесточайшаго гоненія на первенствующую Церковь Діоклитіанова? или на вѣка волненій, произведенныхъ потомъ въ Церкви еретиками? или на времена новѣйшаго отпаденія отъ вѣры цѣлыхъ народовъ?— для цѣли нашей довольно примѣтить, что брань сія, по упорству враговъ и важности послѣдствій, походила на оную первую брань на небѣ. Ибо, и послѣ сей брани говорится о сатанѣ, что онъ сверженъ съ неба и съ Ангелами его, сверженъ такъ, что уже отселѣ и *мѣста необрѣтеся имъ къ тому на небеси* (Апок. 12, 8); то-есть, пресѣчена, вѣроятно, всякая возможность проникать, силою или хитростію, въ высшія и лучшія области мірозданія. Значитъ, Михаилъ есть Архистратигъ и Церкви Новозавѣтной такъ же, какъ былъ Архистратигомъ Церкви Ветхозавѣтной.

Болѣе сего нѣтъ въ словѣ Божіемъ указаній на брань Михаила съ діаволомъ; но, и безъ особаго указанія

можно съ достовѣрностію присовокупить, что брань сія должна ожесточиться въ высшей степени предъ концемъ міра. Ибо тоже св. Писаніе открываетъ намъ, что тогда діаволъ, *вѣдый, яко время мало имать*, (Апок. 12, 12) употребитъ всю силу и всю хитрость противу царства свѣта, и явится, въ лицѣ Антихриста, въ такомъ могущественномъ и увлекательномъ видѣ, что, еслибы возможно было, то имъ прельстились бы и самые избранные. (Мат. 24, 24). При такой опасности для царства свѣта можетъ ли почить въ бездѣйствіи мечь Архангела, тотъ мечь, который отъ начала міра никогда непочивалъ и при меньшихъ опасностяхъ?

Послѣ всего сказаннаго понятно, Брат., почему въ такомъ воинственномъ видѣ изображается такое благотворное существо, каковъ прославляемый нами Архангелъ. Видъ сей долженъ приводить въ ужасъ врага Божія, а не насъ слугъ Божіихъ, какъ то однакоже бываетъ съ нѣкоторыми изъ чадъ Церкви, по ихъ неразумію. Сообразно достоинству и величію силы своей, какъ первый изъ Архангеловъ, Михаилъ есть защитникъ болѣе всей Церкви, нежели каждаго члена ея порознь: но многіе опыты чудеснаго заступленія его свидѣтельствуютъ, что побѣдоносный вождь силъ небесныхъ не почитаетъ чуждымъ своего достоинства принимать подъ защиту свою всякаго, кто только съ вѣрою молитъ его о помощи. Посему въ кругѣ Церковномъ есть даже особый день, назначенный для благодарнаго воспоминанія таковыхъ чудесъ Михаиловыхъ (*). Тѣмъ паче мы, выну молящіеся въ семъ, посвященномъ имени его, храмѣ, тѣмъ паче Брат., мы можемъ быть увѣрены, что охранительный мечь Архангела сего будетъ всегда за насъ, коль скоро мы не будемъ питать въ себѣ преступнаго союза съ тѣмъ врагомъ, котораго онъ всегда преслѣдуетъ.—Ибо, Брат., бесѣдуя о брани Михаила съ діаволомъ, должно наконецъ привести вамъ на память и то, что брань сія совершается нетолько внѣ, а и внутрь насъ. И въ каждомъ изъ насъ есть свой внутренній, домашній, древній змій; есть и внутренній архистратигъ, его постоянно преслѣдующій. Внутренній змій сей есть, прирожденная всѣмъ намъ, наклонность ко злу, та несчастная тлетворная похоть, которая, *зачеши*, по замѣчанію Апостола, *раждаетъ грѣхъ*, а чрезъ него *производитъ и смерть* (Іак. 1, 15). А внутренній архистратигъ,—это наша совѣсть, которая, доколѣ руководится словомъ Божіимъ и Благодатію, не престанно гласитъ во уши сердца нашего: кто, яко Богъ и его святой законъ?— непрестанно преслѣдуетъ змія— грѣховную похоть— страхомъ суда Божія и мукъ вѣчныхъ. Не будемъ же сокрывать, грѣть и питать въ себѣ сего внутренняго змія; дадимъ нашему архистратигу, при каждомъ появленіи жала его, поражать его въ самую главу. Безъ сей вѣрности нашему внутреннему архистратигу не приспѣетъ къ намъ на помощь и Архистратигъ внѣшній. Ибо ополчаться за спасеніе людей есть долгъ самый пріятный для Ангеловъ и побѣдоноснаго вождя ихъ: но за спасеніе какихъ людей? не всѣхъ, а токмо *боящихся Господа* (Псал. 33, 8). Аминь.

(*) 6 Сент.

Звѣздное небо.

Псал. 8, 4. 5.

Когда солнце, утопая въ океанѣ золотосребрянаго свѣта, оставляетъ наше полушаріе, чтобы пролить жизнь и свѣтъ въ другихъ странахъ; и когда мракъ, постепенно увеличиваясь, скрываетъ наконецъ отъ глазъ нашихъ красоты горъ, полей и лѣсовъ: тогда открывается новое зрѣлище, величіемъ и блескомъ своимъ превосходящее все, что ни имѣетъ земля прекраснаго. Возведите въ это время взоры ваши къ своду небесному, который распростертъ надъ главами нашими; посмотрите на эти свѣтлыя лампады, которыя горятъ тамъ — въ лазурной синевѣ неба. Чье сердце не будетъ исполнено, въ эти минуты, восторга и удивленія? Чей глазъ можетъ равнодушно взирать на это торжественное великолѣпіе небесъ?.. Оно удивляло нѣкогда предковъ нашихъ, такъ что въ изумленіи отъ сего величія, они приклоняли колѣна свои предъ сонмами звѣздъ, и думали видѣть въ нихъ своихъ боговъ — хранителей. Оно вдохновляло нѣкогда и священнаго Пѣвца Израильскаго, коего вдохновенная псалтырь не одинъ возвѣстила псаломъ во славу Творца, *исчитающаго звѣзды, и всѣмъ имъ имена нарицающаго*. И сіи свѣтила, которыя за нѣсколько тысящелѣтій видимы были предками нашими въ томже порядкѣ, и въ томже величіи какъ и теперь, каждый день вращаются, по видимому, около земли нашей; не старѣются, не разрушаются, и въ неутомимой дѣятельности своей кажутся вѣчно — юными и живыми. Великому Творцу вселенныя недостаточнымъ казалось, чтобы красота небесная была всегда однообразною; Онъ восхотѣлъ, чтобы сводъ небесный непрестанно разнообразился; и — вотъ, въ каждую четверть года, являются особенныя группы звѣздъ въ пространствѣ небесномъ.

Мы не имѣемъ доселѣ, и безъ сомнѣнія, никогда небудемъ имѣть средствъ исчислить всѣхъ блестящихъ свѣтилъ безпредѣльнаго небеснаго пространства. Каждое новое усовершеніе зрительной трубы открываетъ зрѣнію нашему множество такихъ свѣтилъ, которыхъ даже вооруженный глазъ человѣческій никогда прежде невидывалъ. Лучи отъ нѣкоторыхъ звѣздъ достигаютъ нашей земли не менѣе, какъ въ тысячу лѣтъ, не смотря на то, что свѣтъ пробѣгаетъ по 384,000 миль въ одну секунду! а отъ нѣкоторыхъ свѣтилъ небесныхъ свѣтъ, вѣроятно, еще и недостигъ до насъ. Какъ же изумительно — огромна должна быть вселенная, и какъ невыразимо — безпредѣльно должно быть могущество Творца, засѣявшаго всюду бездны ея такими величественными свѣтилами!

Въ пространствѣ небесъ есть звѣзды двойныя и даже тройныя, которыя для простаго глаза кажутся однимъ свѣтиломъ; но вооруженный глазъ открываетъ въ нихъ совокупленіе двухъ и болѣе пылающихъ шаровъ, движущихся одинъ около другаго въ такихъ огромныхъ кругахъ, что для прохожденія ихъ потребно имъ иногда 1200 лѣтъ! — Безъ сомнѣнія, эти звѣзды, или лучше сказать солнцы, не напрасно изливаютъ свѣтъ свой, и каждая изъ нихъ, подобно нашему солнцу, сопровождается своимъ сонмомъ планетъ, которыя какъ тѣла темныя, вѣроятно, скрыты отъ зрѣнія

нашего въ блескѣ дневныхъ свѣтилъ своихъ. Бѣлая полоса, растянутая по всему небу, и извѣстная намъ подъ именемъ *млечнаго пути*, состоитъ изъ тьмы подобныхъ же неподвижныхъ звѣздъ, кои, по ужасной отдаленности своей, кажутся намъ слившимися во едино.

Но какъ ни велико пространство, занимаемое звѣздами неподвижными, какъ ни безмѣрно число ихъ: однако и тѣ, которыя кажутся намъ слитыми въ млечномъ пути, и разсыпанными въ другихъ странахъ неба, вѣроятно, составляютъ только малую часть вселенной. Далеко за границами видимой нами сверди небесной — находится, конечно, еще столько же безчисленныхъ звѣздныхъ группъ: глазъ человѣческій самъ собою ихъ не видитъ; но посредствомъ зрительной трубы усматриваетъ небольшія, бѣловатыя, подобныя туману пятна, которыя астрономы и называютъ *туманными пятнами*. По наблюденіямъ ихъ, такихъ пятенъ видимо болѣе двухъ тысячъ, и каждое изъ нихъ должно состоять изъ безчисленнаго множества неподвижныхъ звѣздъ.

Такова необъятная бездна міровъ, которые Всемогущій разсѣялъ предъ очами нашими въ пространствахъ небесныхъ! ужасныя массы сіи движутся или покоятся въ этихъ пространствахъ, не опираясь ни какихъ столпахъ, неподдерживаясь никакими цѣпями, вращаясь — ни на чемъ, — безъ малѣйшаго разстройства и перерыва, и притомъ такъ вѣрно, съ такою точностію и порядкомъ! Величіе и необъятность сихъ предметовъ непостижимы для самаго пламеннаго воображенія. Что предъ этими ужасными громадами міровъ наше солнце съ одинадцатью планетами своими и четырьмя тысячами кометъ? неболѣе, какъ капля предъ океаномъ! — А земля и человѣкъ?.... *яко узрю небеса — дѣла перстъ твоихъ, луну и звѣзды, яже ты основалъ еси: Господи, что есть человѣкъ яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его!* (Псал. 8, 4. 5). Такъ говорилъ нѣкогда вѣнценосный Пророкъ Израильскій, обтекая изумленнымъ взоромъ своимъ сводъ небесный. Такъ говорили и всѣ великіе астрономы, преклоняясь предъ величіе Зиждителя міровъ, изумляясь Его всемогуществу и премудрости, и не дерзая произносить Его имени иначе, какъ только съ глубочайшимъ благоговѣніемъ (*).

Это небо, подавляющее всякое воображеніе необъятнымъ числомъ и огромностію блистящихъ міровъ своихъ, какъ много возвѣщаетъ оно высокихъ и утѣшительныхъ для сердца человѣческаго истинъ! — въ ясную ночь, когда тихое мерцаніе звѣздъ и спокойствіе благорастворенаго воздуха вызываетъ васъ подъ свѣтлый сводъ небесный, взгляните на этотъ безпредѣльный куполъ, какъ бы покоющій въ объятіяхъ своихъ дремлющую землю: не символъ ли это благодѣющаго Промысла, покоющаго въ нѣдрахъ своихъ милліоны міровъ, съ отеческою заботливостію призирающаго на тварей своихъ и дающаго безчисленному ихъ множеству *животъ, дыханіе и вся?*.... Иногда духу вашему нужно успокоиться отъ земныхъ заботъ и страданій, или утѣшиться послѣ тяжкихъ потерь и

(*) Славный Ньютонъ обнажалъ всегда голову, когда должно было ему произнесть имя Божіе.

лишеній: возведите очи свои горѣ, и— свѣтлое небо напомнитъ вамъ о другомъ мірѣ, въ которомъ не будетъ уже ни плача, ни вопля, ни воздыханія; духъ вашъ при семъ самъ собою вознесется къ Создателю и успокоится вѣрою въ объятіяхъ Его благости.— Иногда смерть подобныхъ намъ, мраки гроба и ужасы могилы наводятъ на душу вашу сомнѣніе въ обѣтованномъ отъ Бога безсмертіи: взгляните только на эти свѣтлыя небеса, усѣянныя милліонами блестящихъ свѣтилъ; и— предъ глазами вашими осуществятся слова Спасителя: *въ дому Отца моего обители многи суть* (Іоан. 14, 2). Проводя умный взоръ вашъ по этимъ свѣтлымъ мірамъ, къ коимъ съ такою силою стремится духъ вашъ, силясь разорвать узы плоти, вы почувствуете не земное произхожденіе души вашей и скажете съ Апостоломъ: точно *наше* истинное *житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20); удѣлъ человѣка не земля— а небо.

ПРИТЧА СВ. ЕФРЕМА. (*)

Господинъ, купивъ за рѣкою поле, раздѣлилъ его на участки для обработыванія рабамъ своимъ. Одни тотчасъ послушались господина и переправясь чрезъ рѣку, начали обработывать свои участки, а другіе никакъ не хотѣли переѣзжать чрезъ рѣку. Чтожъ дѣлаетъ добрый господинъ съ непослушными? Онъ угощаетъ ихъ, и, когда они упоенные заснули, велитъ перевезть ихъ на другой берегъ рѣки и положить каждаго на своей части. Проснувшись и узнавъ назначенныя себѣ мѣста, многіе были тронуты добротою господина, и принялись съ усердіемъ за свое дѣло. Но одинъ рабъ, лукавый и лѣнивый, не только не принялся за свое дѣло, но все время спалъ проводилъ во снѣ, такъ что взошло терніе надъ нимъ и дикая трава покрыла его. Когда господинъ пришелъ посмотрѣть работы рабовъ своихъ, онъ похвалилъ и наградилъ трудившихся, а лѣниваго предалъ заслуженному имъ наказанію.

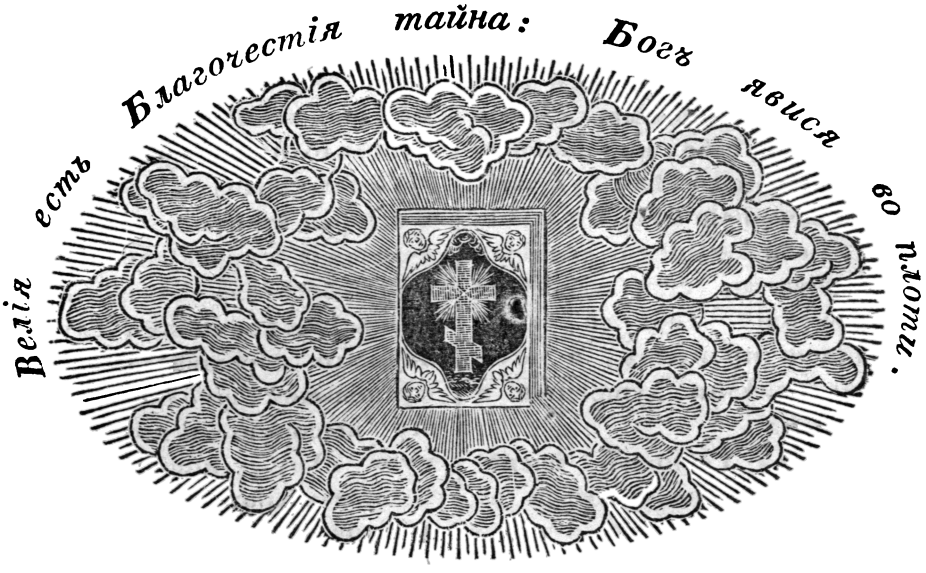
Изъясненіе. Благій господинъ есть Господь нашъ Іис. Христосъ; поле—вѣра; упоеніе— молва (*); рѣка— прелесть и богатство міра; послушные рабы— праведники; пробудившіеся отъ упоенія и обратившіеся къ своему долгу— грѣшники покаявшіеся, а рабъ лѣнивый тотъ, кто отвергаетъ Благодать и не радитъ о своемъ спасеніи.

(*) Прологъ, Ноябр. 30.

(*) По смыслу притчи, это должно означать тѣ средства Благодати, которыми она заставляетъ насъ забывать прелести міра и возбуждаетъ къ покаянію.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 26 Октября 1858 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іереміи.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 35. НЕДѢЛЯ 27 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. НОЯБРЯ 27. 1838.

Апостолъ: Колос. 2, 4—11. Евангеліе: Лук. 14, 16—24.

ПОКЛОНЕНІЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦѢ. (*)

Пріидите, поклонимся Царицѣ нашей, Богородицѣ.

Пріидите, поклонимся Дѣвѣ Маріи, Царицѣ нашей, Богородицѣ.

Пріидите, поклонимся и припадемъ къ самой Госпожѣ Дѣвѣ Маріи, Царицѣ нашей, богородицѣ.

Покланяюся Тебѣ, пресвятая Богородице, твоимъ рождествомъ явльшая намъ свѣтъ истинный, Царице небу и земли, надежде ненадежднымъ, помощнице немощнымъ, и ходатаице всѣмъ грѣшнымъ, Ты мя покрый и заступи отъ всѣхъ бѣдъ, и нуждъ душевныхъ и тѣлесныхъ: и буди ми, молюся, заступница святыми твоими молитвами.

Покланяюся твоему безгрѣшному зачатію и рожденію отъ святыхъ ти родителей, Іоакима и Анны, и молю тя, Госпоже моя: даждь ми житіе безгрѣшно зачати, и родити покаяніе.

Покланяюся твоему введенію во Церковь Господню, прилѣтствовавшая Отроковице, и молю Тя свѣте мой: Церковь мя содѣлай святому Духу молитвами твоими.

Покланяюся благовѣщенію твоему, пречистая Дѣво, егда дѣйствіемъ святаго Духа, со гласомъ Архангельскимъ зачала еси Слово Отчее, и молю Тя,

(*) Св. Димитрія Ростовскаго.

свѣте мой: мнѣ отчаянному благовѣсти спасеніе.

Покланяюся рожденію твоему, егда воплотила и родила еси Христа Спаса міру: и бысть Матн Богу отъ всея твари славима, и превозносима, и молю тя свѣте мой: являй себе мнѣ Матерь милосерду, и нынѣ и во вѣкъ будущій.

Покланяюся и почитаю болѣзни твоя, яже претерпѣла еси во время вольныя страсти Сына твоего, егда собысться Симеоново пророченіе: Тебѣ же самой оружіе душу твою пройдетъ, и молю Тя, свѣте мой: болѣзни душевныя и тѣлесныя избави мя.

Покланяюся тебѣ, Госпоже, воспоминая радость твою, юже имѣла во время воскресенія Сына твоего, и молю Тя, свѣте мой: радости духовныя не лиши мене.

Покланяюся честному и славному успенію твоему, и молю тя, свѣте мой: успи страсти моя плотскія помощію твоею.

Пресвятая Владычице Богородице, пріими сіе малое моленіе, и принеси е Сыну твоему и Богу нашему, да спасетъ и просвѣтитъ Тебе ради душы наша.

АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ (*).

Послю тя отверсти очи ихъ да обратятся отъ тьмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ и достояніе во святыхъ вѣрою яже въ Мя (Дѣян. 26, 18).

Св. Апостолъ Андрей происходилъ изъ Виѳсаиды, небольшаго Галилейскаго города, на западномъ берегу Іордана.—Какъ бы предчувствуя будущее служеніе свое, которое требовало совершеннаго самоотверженія, онъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, послѣдовалъ за св. Предтечею въ пустыню Іорданскую. Тамъ, вмѣстѣ съ великимъ учителемъ своимъ, онъ ожидалъ явленія міру Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Проповѣдь Іоаннова, уравнивавшая въ самыхъ грубыхъ сердцахъ строптивая въ правая и острая въ пути гладки, тѣмъ удобнѣе очистила и просвѣтила душу св. Андрея, и приготовила въ немъ одного изъ самыхъ ревностныхъ слугъ для наступавшаго царства Мессіи. Изъ сей-то пустынной школы, св. Андрей изнесъ ту высокую и вмѣстѣ простосердечную вѣру, которая доставила ему честь—быть первымъ сыномъ благодатной новозавѣтной Церкви, и первозваннымъ Апостоломъ Христовымъ.—Когда Іоаннъ торжественно указалъ въ Іисусѣ Христѣ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра; св. Андрей немедленно послѣдовалъ за нимъ. Не соблазняло его, какъ мудрецовъ Іудейскихъ, ни Галилейское происхожденіе Спасителя, ни бѣдный и уничиженный видъ Его. Съ какою, напротивъ, радостію, самъ, едва только сдѣлавшись ученикомъ І. Христа, онъ возвѣщалъ уже о Немъ другимъ, чаявшимъ явленія Мессіи: *обрѣтохомъ Мессію, иже сказается Христосъ* (Іоан. 1, 41)! За сію-то вѣру, І. Христосъ, кажется, удостоивалъ первозваннаго ученика своего, особенной близости къ себѣ (Іоан. 12, 21. 22).

По вознесеніи І. Христа на небо, получивъ обѣщаннаго Утѣшителя, Духа св., Апостолы, сообразно повелѣнію своего Господа, должны были проповѣдать Евангеліе всей твари. Древнее преданіе говоритъ, что, предъ разсѣяніемъ изъ Іерусалима, всѣ они соединились,

(*) Память его 30 Ноябр.

въ послѣдній разъ въ одной пещерѣ; и тамъ, по внушенію Духа Божія, составили, такъ называемый, Апостольскій символъ вѣры, какъ планъ будущей всемірной проповѣди, и что при этомъ, какъ нѣкогда Израильтяне при наслѣдованіи обѣтованной земли, по жребію раздѣлили между собою вселенную. Жребіемъ св. Апостола Андрея были обширныя страны Виѳиніи и Пропонтиды, Греціи и Македоніи, Ѳракіи и Скиѳіи.

Обширное поморіе древняго Эвксинскаго Понта было первымъ поприщемъ Апостольскаго служенія св. Андрея между язычниками. Онъ прошелъ его во всю длину, отъ Трапезонта и Синопа до Византіи, посѣтилъ Неокессарію, Самосаты и множество другихъ городовъ, всюду благовѣствуя Христа и насаждая Церкви. Часто Апостольскіе труды его вознаграждаемы были ужасными страданіями: въ Синопѣ, язычники, раздраженные смѣлымъ обличеніемъ идолослуженія, подвергли Апостола тяжкимъ мученіямъ, и едва не лишили его жизни; но Благодать Божія чудесно сохранила его для благовѣствованія Евангелія другимъ странамъ, а вѣрные ученики проводили его до Херсона. Основавъ здѣсь Церковь, св. Андрей рѣшился предпринять новое Апостольское путешествіе. Доселѣ онъ проповѣдывалъ І. Христа просвѣщеннымъ народамъ древняго міра; теперь предъ нимъ открыты были обширныя страны занимаемыя дикими, воинственными племенами, чуждыми гражданской образованности, однимъ словомъ, тѣ непроходимыя пустыни Скиѳіи, во глубь которыхъ не дерзали проникать и самые завоеватели. Но ни трудность подвига, ни опасности, которыя угрожали въ сихъ странахъ, не могли устрашить первозваннаго Апостола Христова. Сопутствуемый нѣсколькими учениками, онъ отплылъ изъ Херсона вверхъ по Днѣпру, и — пустыни Скиѳіи услышали въ первый разъ имя Христово. Тогда-то, по сказанію Нестора (*), св. Андрей, плывя мимо горъ, на которыхъ въ послѣдствіи построенъ Кіевъ, *возлюби мѣсто*. Прекрасное мѣстоположеніе, высокія горы и обширный видъ, открывающійся съ нихъ на окрестныя страны, привлекли вниманіе Апостола; онъ вышелъ изъ ладіи своей на берегъ; свѣтлый взоръ его, сквозь мракъ временъ отдаленныхъ, провидѣлъ будущее величіе Христіанской Россіи; и Онъ, проникнутый Духомъ Божіимъ, благословилъ священные холмы Кіева; водрузилъ на одномъ изъ нихъ Крестъ; — и, обратясь къ ученикамъ своимъ, сказалъ: „*на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великъ имать быти, и Церкви многи имать Богъ воздвигнути*.“..... Чрезъ 12 вѣковъ потомъ, въ память славнаго пророчества, сооружена была на семъ мѣстѣ Церковь во имя Воздвиженія Честнаго Креста, замѣненная въ половинѣ прошедшаго столѣтія великолѣпнымъ храмомъ, воздвигнутымъ достойною дщерію Петра Великаго, въ честь самаго Первозваннаго Апостола. Преданіе говоритъ, что св. Апостолъ не ограничился благовѣствованіемъ Евангелія однимъ только южнымъ странамъ нынѣшней Россіи, но что онъ простеръ побѣдное слово свое до самыхъ береговъ озера Ильменя. — Благовѣствивъ, такимъ образомъ, слово Божіе послѣднимъ концамъ тогда извѣстнаго міра, Апостолъ, по преданію, былъ потомъ въ Римѣ. Былъ также (прежде или послѣ сего) въ Визан-

(*) Лѣтоп. по Кенигсб. списку. стр. 8.

тіи, гдѣ поставилъ перваго ея Епископа Стахія.

Но ни лѣта, ни тяжкіе подвиги Апостольства не погасили въ св. Андреѣ ревности къ распространенію Царства Христова. Онъ восхотѣлъ, подъ конецъ дней своихъ, возвѣстить еще слово крестное и просвѣщеннымъ Еллинамъ, какъ возвѣщалъ доселѣ варварамъ въ пустыняхъ Скиѳіи, и для сего отплылъ въ Ахаію, которая должна была сдѣлаться послѣднимъ поприщемъ Апостольскихъ трудовъ его. Свѣтъ небесный, внезапно озарившій лице Апостола при самомъ вступленіи его въ предѣлы Ахаіи, былъ предвѣстникомъ и залогомъ того невечерняго свѣта, къ которому, въ скоромъ времени, онъ имѣлъ быть воззванъ. Посѣтивъ многіе города Греціи, св. Андрей прибылъ въ Патры Ахайскіе, (нынѣшній Патрасъ). Тогда, уже свирѣпствовало первое гоненіе на Христіанъ, воздвигнутое Нероном: не смотря на то, высокая проповѣдь Апостола и чудодѣйственная сила его надъ болящими и бѣсноватыми, въ краткое время привлекли многихъ ко Христу; храмы языческіе замѣтно пустѣли, а число Христіанъ непрестанно умножалось. Раздраженный симъ, правитель области, Эгей заключилъ св. Андрея въ темницу; но любовь вѣрныхъ не оставила Апостола и въ заключеніи: множество народа ежедневно стекалось къ темницѣ внимать вдохновенной проповѣди Андрея, такъ что правитель, опасаясь народнаго волненія, поспѣшилъ осудить Апостола на крестную смерть. Когда св. Андрей приведенъ былъ туда, гдѣ приготовленъ Крестъ: то увидѣвъ его издали, громко воззвалъ: „радуйся „кресте, плотію Христовою освященный! „Прежде, нежели возшелъ на тебя Го„сподь мой, ты страшенъ былъ для „земнородныхъ; но теперь, когда ты „вмѣстилъ въ себя любовь небес„ную; быть распростертымъ на тебѣ, „есть даръ. Знаютъ вѣрные, сколько „сокрыто въ тебѣ щедротъ, сколько уго„товано за тебя наградъ. Безбоязненно и „весело иду я къ тебѣ; но и ты съ „веселіемъ и радостію пріими меня, „ученика распявшагося на тебѣ Господа. „Я всегда любилъ тебя, и горѣлъ желаніемъ обнять тебя Облаженный кресте, „пріявшій великолѣпіе и красоту отъ „членовъ Господа, многократно мною же„ланный и неусыпно искомый, возми меня „отъ среды человѣковъ, и вручи Учи„телю моему. Пусть отъ тебя полу„читъ меня Тотъ, кто чрезъ тебя искупилъ меня“ (*). Два дня продолжались крестныя страданія св. Андрея; во все это время онъ не переставалъ поучать толпы народа, окружавшія крестъ его; подъ конецъ втораго дня, небесный свѣтъ озарилъ лице его; и страдалецъ мирно отошелъ ко Господу въ 30-й день Ноября, при восхожденіи солнца, около 70 года по Р. Х. Пресвитеры и діаконы Ахайской Церкви погребли его, и передали Церкви исторію мученичества его въ небольшомъ посланіи, которое дошло до нашихъ временъ.— Въ царствованіе Константина Великаго, св. мощи Первозваннаго Апостола, вмѣстѣ съ мощами св. Тимоѳея, спутника Апостола Павла, торжественно были перенесены изъ Патръ Ахайскихъ въ Константинополь, и положены тамъ въ великолѣпномъ храмѣ св. Апостоловъ.

(*) Посл. Пресвит. и діак Ахай. Церкви.

Таковъ былъ первый провозвѣстникъ православія и славы твоей, благословенная Россія!— И отечество наше не забываетъ своего великаго Апостола: во имя его оно устрояетъ великолѣпные храмы; во имя его вѣнчаетъ заслуги знаменитыхъ сыновъ своихъ. Да будетъ память Первозваннаго священною и для каждаго православнаго сына Россіи; крестъ, которымъ онъ благословилъ насъ, да утвердится въ сердцахъ нашихъ, и да воздвигнутся, по пророчеству Апостола, *Церкви многи* въ насъ самихъ!

ЧЕМУ ПОУЧАЕТЪ ОСЕНЬ?—

Остановимъ ли вниманіе на внѣшнемъ видѣ осени, или на томъ, что совершается въ продолженіи ея человѣкомъ, въ томъ и другомъ случаѣ встрѣтимся съ мыслями весьма назидательными.

Какъ привлекателенъ былъ видъ природы весною! Какъ роскошно убранство ея лѣтомъ! И полевая *лилія* одѣта была тогда, какъ, по замѣчанію Спасителя, ни самъ Соломонъ никогда не облачался во всей славѣ своей. Но, гдѣ теперь это богатство? этотъ плѣнительный видъ? Нѣсколько холодныхъ ночей все перемѣнило. Пріятное разнообразіе зелени и цвѣтовъ уступило мѣсто одному, мертвообразному цвѣту;— и одежда деревъ сдѣлалась подобною рубищу, которое распадается при каждомъ порывѣ вѣтра. Скоро и все будетъ обнажено; и тамъ, гдѣ подъ каждымъ древомъ была сѣнь, останется одно голое быліе.

Такое превращеніе богатства въ бѣдность не повторяется ли и въ жизни человѣческой? И если бы повторялось съ тою медленностію и правильностію, съ какою бываетъ въ жизни природы, насъ окружающей!— А то—нынѣ владыка и повелитель, а завтра подсудимый, ищущій милости и взора сострадательнаго; нынѣ обладающій богатымъ имуществомъ, незнающій куда собирать плоды, а завтра не имѣющій гдѣ подклонить главу; нынѣ цвѣтущій здоровьемъ, во всей крѣпости силъ, зрѣлости ума и дѣйствіи, а завтра безжизненнѣе осенняго цвѣта, желтѣе осенняго листа. Предавайся послѣ сего земнымъ надеждамъ и земному счастію, отдавай душу и сердце мірскимъ обычаямъ и забавамъ, роднись навсегда съ землею и ея суетами, забывай для сего Бога и вѣчность!— О, какъ самые страстные міролюбцы среди превратностей счастія бываютъ озлоблены пропажу благъ земныхъ!— Но, не озлобляться надлежало бы въ семъ случаѣ, а благодарить Творца, что Онъ превратностію всѣхъ видовъ земнаго счастія непрестанно воззываетъ насъ къ снисканію благъ вѣчныхъ, блаженства неувядаемаго.

Къ сей цѣли явно направлено и все теченіе нашей земной жизни. Съ лѣтами, какъ съ лѣтомъ, сами собою преходятъ и опадаютъ не только цвѣты юности, но и листья и плоды мужескаго возраста: чести престаютъ казаться блистательными; богатство и стяжанія не доставляютъ прежняго удовольствія; связи и знакомства обращаются въ узы тягостящія; празднества и собранія теряютъ цѣну; любимыя мечты воображенія разсѣеваются; живость чувствъ слабѣетъ; око уже *не проситъ видѣти, ухо слышати;* на самое сердце отчасу менѣе и менѣе всхо-

дитъ пожеланій. Человѣкъ съ продолженіемъ лѣтъ становится подобенъ осеннему древу, которое съ каждымъ днемъ теряетъ что-либо. И о сей-то истинѣ разительно напоминаетъ намъ каждая осень. Для чего напоминаетъ? Дабы мы пользовались радостями и удовольствіями жизни такъ, какъ пользуемся цвѣтами весенними и тѣнію древесною лѣтомъ. Мы съ удовольствіемъ успокоиваемся въ этой тѣни и срываемъ плоды, висящіе надъ нашею головою. Но какъ безразсуденъ былъ бы тотъ, кто, по надеждѣ на множество плодовъ, рѣшился бы въ сей тѣни поселиться на всегда, въ надеждѣ всегда имѣть готовую пищу надъ головою!— Первая осень со всею суровостію вывела бы его изъ этой дѣтской мечтательности. Столько же безразсуденъ и тотъ, кто захотѣлъ бы остаться навсегда подъ сѣнію благъ міра сего: ибо и эта сѣнь изчезнетъ подобно древесной. Надобно заранѣе думать о другомъ, надежнѣйшемъ кровѣ; надобно заблаговременно запасать другихъ плодовъ для пищи ума и сердца.

Научая такимъ образомъ насъ не полагаться на прочность земнаго счастія, и напоминая о преклонныхъ лѣтахъ жизни, насъ ожидающихъ, осень съ другой стороны располагаетъ насъ къ благодушному перенесенію бурь и превратностей жизни, обнаруживая предъ нами ихъ необходимость и пользу.

Эта мрачная суровость воздуха, эта внезапная перемѣна тепла и холода, пишины и вѣтровъ, этотъ печальный и угрюмый видъ облаковъ, то разсѣянныхъ, то представляющихъ непроницаемую завѣсу, нерѣдко изливающихъ дождь, всегда почти угрожающихъ имъ,— это влажное состояніе поверхности земной, затрудняющее движеніе людей и вещей, наконецъ этотъ видъ постепеннаго обнаженія и какъ бы умиранія природы;— какъ много людей, кои не желали бы всего этого видѣть въ осени! Съ какою охотою промѣняли бы они множество продолжительныхъ осеннихъ ночей на нѣсколько ночей лѣтнихъ, множество коротькихъ осеннихъ дней хотя на небольшое число дней Майскихъ!— И однакоже, что есть для насъ непріятнаго въ осени, то самое составляетъ ея цѣну и достоинство въ составѣ года. Отнимите навсегда осеннія непогоды;— и земля скоро не въ состояніи будетъ представить убранства для новой весны, плодовъ для новаго лѣта. Осень своею суровостію, своимъ мракомъ, своею влажностію, своими превращеніями, земными и воздушными, возстановляетъ истощенныя лѣтнимъ плодоношеніемъ силы земли и служитъ для нея удобреніемъ на будущій годъ. Посему-то земледѣлецъ страшится, когда осень похожа на лѣто, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ тѣхъ мрачныхъ облаковъ, коихъ одно появленіе приводитъ въ уныніе прихотливаго сына счастія, незнакомаго съ источниками собственнаго изобилія и своихъ наслажденій.

Не такъ ли и святые Божіе человѣки, познавшіе во всей силѣ назначеніе земной жизни— служить пріуготовленіемъ для вѣчности, молили нерѣдко Господа, чтобы онъ повелѣлъ сокрыться солнцу счастія, надъ ними сіявшему, и послалъ на нихъ бурю и хладъ? Чтобы испыталъ и искусилъ сердце ихъ, *разжегъ* несчастіемъ *утробы ихъ* (Псал. 138, 24. 25), дабы видѣть, *аще есть* еще въ нихъ какой-либо *путь беззаконія*? Святые Божіе человѣки

столько же боялись продолжительности радостей земныхъ, сколько земледѣлецъ боится продолжительнаго бездождія: ибо знали, что сердце наше, подобно землѣ, подъ непрестаннымъ солнцемъ счастія, можетъ ожесточать и дѣлаться безплоднымъ.— Далеко намъ до совершенства сихъ людей Божіихъ, до ихъ самоотверженія и вѣры! По крайней мѣрѣ не будемъ слишкомъ бояться несчастій, и начнемъ переносить ихъ равнодушнѣе. Явно, что всѣ несчастія направляются Промысломъ Божіимъ противъ нашего чувственнаго, грѣховнаго человѣка. Да не остаются же они безполезными для человѣка внутренняго, для нашей души и совѣсти. А то, что бываетъ?— Мы не менѣе страдаемъ, и ничего не получаемъ отъ страданій; плоть теряетъ и духъ не пріобрѣтаетъ!— Нетерпѣливость наша наиболѣе возмущается среди искушеній тѣмъ, что мы не видимъ скоро ихъ цѣли, не ощущаемъ вдругъ ихъ благотворности. Но и осеннія бури безполезны для самой осени, тѣмъ безполезнѣе кажутся для слѣдующей потомъ зимы: и однакоже онѣ никогда не остаются безъ благотворныхъ послѣдствій для будущей весны и лѣта. И съ нашею осенью не все оканчивается, и насъ ожидаетъ весна въ другомъ мірѣ: тамъ откроется польза того, что казалось безполезнымъ для насъ здѣсь. Въ ожиданіи сего, будемъ имѣть среди искушеній, хотя столько терпѣнія, сколько имѣетъ его земледѣлецъ среди бурь осеннихъ.

Отъ внѣшняго вида осени обратимся къ тому, что дѣлается въ продолженіе ея человѣкомъ. Тутъ опять не мало уроковъ для жизни и поведенія.

Осень есть время собранія плодовъ и запасовъ на зиму, и вмѣстѣ время сѣянія для будущей весны и лѣта: долгъ, вѣрно исполняемый всѣми среди осени года, но многими, къ сожалѣнію, вовсе забываемый среди осени жизни. Еще Соломонъ замѣтилъ *лукавство подъ солнцемъ*, по коему иной человѣкъ *есть единъ и нѣсть втораго, ни сына, ниже брата; и однакоже нѣсть конца труду его, ниже око его насыщается богатства*. (Еккл. 4, 8). Вмѣсто того, чтобы, слѣдуя указанію преклонныхъ лѣтъ, остановиться на полѣ жизни своей въ размышленіи, окинуть внимательнымъ взоромъ прошедшую свою дѣятельность, принять сообразно слабѣющимъ силамъ новый образъ дѣйствій, употребить остатокъ жизни на собраніе плодовъ ея для вѣчности; вмѣсто исполненія сего священнаго долга, какъ многіе, и достигши осени жизни, продолжаютъ жить такъ, какъ жили прежде, не думая, что есть *время каждой вещи подъ небесемъ*, есть *время садити*, и есть *время собрати* (Еккл. 3, 1— 5). Оттого что бываетъ?—Старость, могшая быть благословенною и служить мирнымъ переходомъ къ жизни нестарѣющейся за гробомъ, проходитъ въ прежнихъ суетахъ и заботахъ о земномъ; и смерть восхищаетъ внезапно, среди замысловъ и мечтаній юношескихъ, такихъ людей, коимъ давно бы надлежало быть, по совѣту Апостола, *и требующими міра, якоже нетребующе* (1 Кор. 7, 31).

Какъ жалокъ былъ бы тотъ земледѣлецъ, который началъ бы осенью дѣлать то, что дѣлается только весною и лѣтомъ!— Такъ достоинъ слезъ и человѣкъ приближающійся къ старости, но не оставляющій замысловъ

юности, не хотящій расташься съ многопопечительностію лѣтъ среднихъ. Тотъ по справедливости долженъ терпѣть гладъ и хладъ зимній, кто осенью не приготовилъ для себя пищи, одежды и тѣплаго крова. Не на кого жаловаться и тѣмъ старцамъ, кои, застигнутые зимою жизни, будучи не въ состояніи согрѣваться солнцемъ счастія земнаго, питаться чувственными радостями, терпятъ въ душѣ жестокой гладъ и хладъ. Кто запрещалъ запастись во время огнемъ любви къ Богу и предметамъ вѣчнымъ, собрать въ пищу сердца поболѣе благихъ воспоминаній, святыхъ мыслей, чистыхъ воображеній, развить въ себѣ внутренній міръ, который могъ бы замѣнить міръ внѣшній, постепенно болѣе ускользающій отъ чувствъ,— начать жить въ духѣ, независимо отъ внѣшнихъ предметовъ, тою жизнію, которая ожидаетъ всѣхъ насъ за гробомъ?—

Да скажетъ же каждый, къ кому можетъ это относиться, да скажетъ съ Соломономъ: *кому азъ труждаюся, и лишаю душу мою — благостыни* (Екк. 4, 8)? лишаю тогда, когда уже мнѣ скоро ничего не останется, кромѣ души?— И, влекомый не преодолимымъ теченіемъ потока времени, да обратится отъ неблаговременной многопопечительности о земномъ *къ единому на потребу!*

Но, есть между людьми и другой недостатокъ, противный тому, о которомъ говорили мы, и, отъ котораго также учитъ насъ предостерегать себя осень. Это наклонность къ недѣятельности, по коей нѣкоторые люди, достигши осени своей жизни, оставляютъ всякое сѣяніе на будущее, всякой трудъ на пользу ближнихъ. Для нихъ уже не будетъ другой весны и другаго лѣта: за чѣмъ же имъ еще сѣять и трудиться?— имъ нуженъ покой, одинъ покой по ихъ трудахъ; ими собрано довольно житейскаго запаса про остатокъ своей жизни; послѣ сего они не хотятъ ничего и никого знать болѣе, тѣмъ паче дѣлать что либо и трудиться, тѣмъ паче терпѣть что либо. Какъ, добрые, но заблуждающіе люди! Развѣ съ вами, съ вашимъ лѣтомъ и осенью окончится всякое лѣто и осень? Для васъ, когда васъ не было еще на свѣтѣ, сѣяли и трудились;— и вы должны сѣять и трудиться для тѣхъ, кои грядутъ въ слѣдъ васъ. Посмотрите на поля осеннія, и вразумитесь! Кто изъ земледѣльцевъ увѣренъ совершенно, что онъ будетъ живъ слѣдующею весною? Не бываетъ ли, что посѣянное отцемъ, пожинается рукою сына, или даже чуждою! И однакоже сѣяніе не прекращается. Не случается ли, что посѣянное осенью, не является вовсе весною и лѣтомъ? и однакоже сѣяніе не прекращается. Ужели однимъ земледѣльцамъ суждено представлять собою этотъ примѣръ вѣры въ будущее, этотъ образецъ дѣятельности, неограниченной собственною личностію? Да пробудитъ же примѣръ сей чувство святаго долга любви къ ближнимъ въ тѣхъ, кои думаютъ, что осень ихъ жизни принадлежитъ имъ однимъ, что они ничѣмъ уже не обязаны на пользу подобныхъ себѣ. Нѣтъ, кто бы вы ни были, думающіе такимъ образомъ, вы до конца жизни обязаны трудиться во славу Бога и на пользу человѣчества; этотъ священный долгъ ни когда не слагается; увольненіе отъ сего служенія никто не можетъ дать вамъ, кромѣ одной смерти.

Извѣстно, что представляютъ такіе люди въ извиненіе своей заключенности въ себѣ самихъ: во первыхъ прошедшіе труды свои и ослабѣніе силъ. Но, кто и требуетъ отъ преклонныхъ лѣтъ той дѣятельности, коею отличаются юность и мужество? Пусть по крайней мѣрѣ такіе люди не представляютъ изъ себя хладныхъ зрителей на поприщѣ нуждъ и бѣдствій человѣческихъ, даютъ, хотя по временамъ, знать ближнимъ своимъ, что у нихъ, среди превратностей жизни, сохранилось еще сколько нибудь сердца человѣческаго.— Ваши силы ослабѣли отъ трудовъ долговременныхъ; для васъ опасно новое напряженіе силъ? щадите ихъ; но смотрите, не продолжаютъ ли они въ прежней, и, можетъ быть, даже большей мѣрѣ, истощаться по требованію страстей и замысловъ самолюбія? Не много людей оканчиваютъ преждевременно жизнь отъ напряженія силъ во благо ближнихъ. Какъ много напротивъ такихъ, кои умираютъ преждевременно отъ напряженія силъ по требованію самолюбія и страстей!— Иные, чувствуя силу долга всегда трудиться на пользу человѣчества, затрудняются тѣмъ, чѣмъ бы они, въ преклонныхъ лѣтахъ, могли быть ему полезны; не знаютъ, какой избрать для сего родъ и образъ дѣйствій, послѣ того, какъ они сошли съ поприща служенія и жизни общественной. Незнаніе весьма подозрительное, чтобъ не сказать болѣе!— Какъ будто Евангеліе не указуетъ круга дѣйствій, для всѣхъ и всегда открытаго, то есть, круга добродѣтелей Христіанскихъ! Если кругъ сей кажется для васъ чуждымъ, тѣмъ нужнѣе вступить въ него: ибо изъ него только можно безопасно прейти въ кругъ вѣчности. Устраните только многочисленные мѣлкіе виды вашего самолюбія,— бросьте ничтожные разчеты приличій и прихотей житейскихъ; сойдите съ той высоты гордости, на коей ваша глава теряется въ облакахъ и не можетъ видѣть, что происходитъ во кругъ васъ долу;— и вы тотчасъ увидите себя на безмѣрномъ полѣ нуждъ и бѣдствій человѣческихъ. Одинъ взоръ на нихъ скажетъ, что можно и должно дѣлать вамъ: гдѣ оказать милосердіе, кому подать совѣтъ, кого предостеречь, гдѣ ободрить и утѣшить. Поелику вы много видѣли, много испытали, много трудились и терпѣли; то къ вашимъ словамъ и дѣйствіямъ всегда окажутъ больше вниманія; и вы безъ усилій можете дѣлать то, что другіе не сдѣлали бы и съ усиліемъ. Одно у недѣятельныхъ для блага ближняго старцевъ похоже на дѣйствительное оправданіе; это рѣшимость заняться самими собою, пріуготовиться къ переходу въ другой міръ, къ отчету предъ престоломъ Небеснаго Судіи. Но, дѣйствія въ пользу ближнихъ нисколько не препятствуютъ тому, и суть самое лучшее пріуготовленіе къ вѣчности. Самъ Спаситель, готовясь идти на Крестъ, только нѣсколько минутъ употребилъ на молитву въ Геѳсиманіи, а все прочее время посвятилъ на утѣшеніе и наставленіе учениковъ. И не любви ли къ ближнимъ первѣе всего потребуютъ отъ насъ у престола вѣчнаго Судіи?

Такимъ образомъ нѣтъ ни одного предлога, по коему въ преклонныхъ лѣтахъ можно было бы Христіанину ограничиться однимъ собою и забыть благо ближнихъ. Нѣтъ, съ наступле-

ніемъ осени своей жизни, онъ долженъ оставить заботы юности и мужества,— подобно какъ земледѣлецъ оставляетъ труды весны и лѣта,— и устремить мысли, чувства и дѣла свои къ единому на потребу: но подобно земледѣльцу, сѣющему для будущаго года, долженъ продолжать, по возможности, сѣять для вѣчности, и служить на пользу своимъ ближнимъ дѣлами любви Христіанской.

Взглянемъ наконецъ на осень самымъ проспымъ взоромъ. Какое чувство пробуждается въ душѣ и самаго образованнаго и самаго простаго человѣка при видѣ осенней природы? Какое то чувство сожалѣнія о несовершенствѣ видимой природы, о низхожденіи съ лучшаго на худшее, о возвратѣ ея какъ бы назадъ, объ истощаніи всѣхъ силъ ея, о тлѣнности всего великолѣпія ея. Но вмѣстѣ съ симъ возбуждается въ душѣ тайное, непреодолимое желаніе, чтобы этотъ видъ истощанія прешелъ единожды и на всегда, чтобы наступила когда либо такая весна и лѣто, за коими не слѣдовало бы новой осени и зимы.

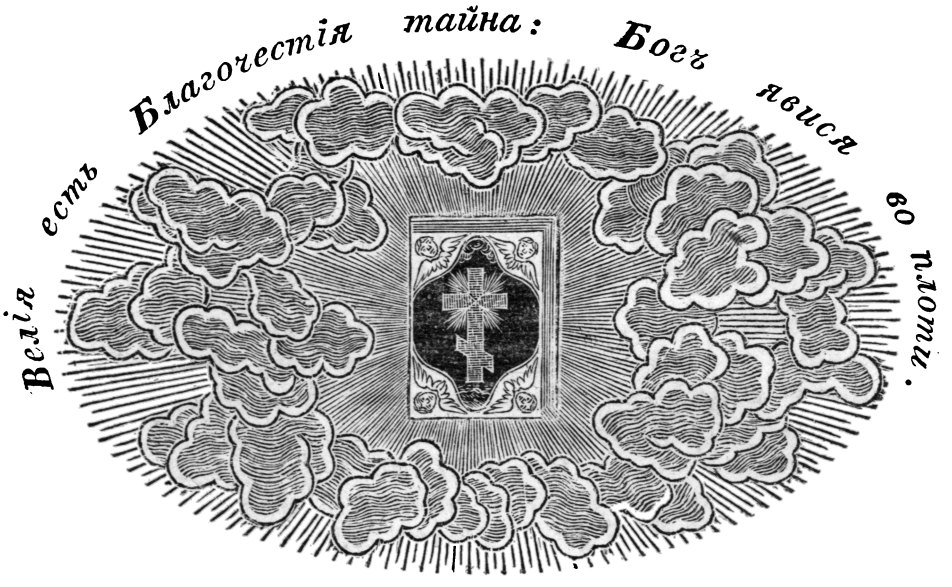
Напрасно ли возбуждаетъ природа въ душѣ нашей сіи чувства своимъ осеннимъ видомъ? Нѣтъ; св. Писаніе ясно досказываетъ намъ то, о чемъ безмолвная природа только намѣкаетъ. Будетъ время, когда разрушительной осени и зимы не будетъ, такъ какъ разрушительныхъ временъ нѣкогда не было. Все, что есть несовершеннаго и тяготящаго насъ теперь въ перемѣнахъ временъ, и въ отношеніи всѣхъ стихій къ человѣку, все это есть слѣдствіе не первоначальнаго устройства природы, а паденія человѣческаго, и допущено на время, пока продолжится эдемское изгнаніе человѣка на землѣ. По истеченіи же предопредѣленнаго срока сего изгнанія, съ окончаніемъ настоящаго міра; когда человѣку возвращено будетъ прежнее райское состояніе, и когда вмѣстѣ съ нимъ вся тварь изведена будетъ отъ настоящей *работы истлѣнія во свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 21):— все это— вся мрачность временъ и суровость стихій уничтожится, какъ уничтожаются принадлежности временной темницы, по выпущеніи изъ нея всѣхъ узниковъ.

Что не подражаемо для діавола?

Однажды преподобный Макарій Египет., собравши въ пустынѣ нѣсколько финиковыхъ вѣтвей для корзинокъ, возвращался въ свою келію. На пути встрѣчается съ нимъ діаволъ, въ образѣ человѣка, съ серпомъ въ рукахъ, и подымаетъ серпъ съ намѣреніемъ поразить Святаго. Но сила Божія возбранила ему; и діаволъ воскликнулъ: Макарій, много бѣды терплю я, стараясь превзойти тебя! Я все то дѣлаю, что и ты; ты постишься, и я отнюдь ничего не ѣмъ; ты бодрствуешь, и я никогда не сплю. Однимъ только ты меня превосходишь.... Чѣмъ спросилъ Макарій. Смиреніемъ, отвѣчалъ діаволъ,— и исчезъ.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 2 Ноября 1858 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 36. НЕДѢЛЯ 28 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ДЕКАБРЯ 4. 1838.

Апостолъ: Евр. 11, 9—10. 17—40. Евангеліе. Мат. 1, 1—25.

ЧТЕНІЕ И СЛУШАНІЕ СЛОВА БОЖІЯ

I. *необходимо*

Для пастырей.

Внемли чтенію, утѣшенію, ученію (*писалъ Ап. Павелъ къ Тимовею, оставленному въ Ефесѣ, для управленія тамошнею Церковію*): въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, да преспѣяніе твое явлено будетъ; сіе бо творя и самъ спасешися, и послушающіи тебе (1 Тим. 4, 13. 15. 17).

Для вождей народа.

И будетъ, егда сядетъ (*Царь*) на престолѣ власти своея, да напишетъ себѣ второзаконіе сіе въ книзѣ отъ жерцовъ Левитовъ, и да будетъ съ нимъ, и да чтетъ ю во вся дни житія своего, да научится боятися Господа Бога своего, и хранити вся заповѣди сія и оправданія сія, творити я (Втор. 17, 18. 19). Да не отступитъ книга закона сего отъ

устъ твоихъ (*Іис. Навина*), и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная: тогда благоуспѣеши, и исправиши пути твоя, и тогда уразумѣеши (Іис. Нав. 1, 8).

Для народа.

Читайте законъ сей предъ всѣмъ Израилемъ во уши ихъ; соберите люди, мужи и жены, и дѣти, и пришельца, иже во градѣхъ вашихъ, да услышатъ и научатся боятися Господа Бога вашего, и послушаютъ творити вся словеса Закона сего (Втор. 31, 11. 12).

Для каждаго семейства.

Да будутъ словеса сія, яже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей; и да накажеши ими сыны твоя, и да возглаголеши о нихъ сѣдяй въ дому, и идый путемъ, и лежа, и востая; и навяжеши въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколебима предъ очима твоима (Втор. 6, 6—8. См. и 11, 18 и дал.).—Вѣмъ, яко заповѣсть (*Авраамъ*) сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ: и сохранятъ пути Господни творити правду и судъ (Быт. 18, 19).

II. *весьма полезно.*

Всяко писаніе Богодухновенно, и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 16. 17). Елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній упованіе имамы (Римл. 15, 4).

Свѣтильникъ заповѣдь Закона, и свѣтъ, и путь жизни, и обличеніе, и наказаніе (Прич. 6, 20. 21). Свѣтильникъ ногама моима Законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ (Псал. 118, 105). Законъ Господень непороченъ, обращаяй души; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы; заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи (Псал. 18, 8. 9).—Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, духъ суть, и животъ суть (Іоан. 6, 63). Заповѣдь Его животъ вѣчный есть (Іоан. 12, 50). Испытайте писанія, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный (Іоан. 5, 39).

Явленіе словесъ твоихъ просвѣщаетъ и вразумляетъ младенцы (Псал. 118, 130). Паче всѣхъ учащихъ мя разумѣхъ, яко свидѣнія твоя поученіе мое есть; паче старецъ разумѣхъ, яко заповѣди Твоя взыскахъ (Псал. 118, 99. 100).—Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ;—но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь: и будетъ яко древо насажденое при исходищихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ (Псал. 1, 1—3).

III. *пріятнѣе всего.*

Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимъ! Благъ мнѣ законъ устъ твоихъ паче тысящъ злата и сребра (Псал. 118, 103. 72). Оправданія Господня права, веселящая сердце, вожделѣнны паче злата и камене честна многа, и сладша паче меда и сота (Псал, 18, 9. 11).—Коль возлюбихъ законъ твой, Господи! весь день поученіе мое есть (Псал. 118, 97).

О ДРЕВНИХЪ ПРАЗДНИКАХЪ ВЪ ЧЕСТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ.

Празднуя нынѣ память св. Великомученицы Варвары, святыя Мощи которой, какъ залогъ Вѣры и благочестія, предала намъ православная Греція еще тогда, когда мы учились у нея вѣрѣ,—залогъ, который сами древніе наставники наши Греческіе получили отъ временъ древнѣйшихъ (а), мы какъ бы невольно переносимся мыслію въ священную Христіанскую древность.—Такъ ли праздновали дни, подобные настоящему, Отцы наши, какъ празднуемъ мы? Какъ свидѣтельствовали они свое благоговѣніе предъ тѣми священными предметами, которые предали намъ какъ драгоцѣннѣйшее духовное наслѣдіе? Вмѣстѣ съ памятію Великомученицы, мы желали бы воскресить и память древнихъ почитателей ея и другихъ святыхъ Мучениковъ и Мученицъ, для того, чтобъ научиться намъ достойно праздновать память св. Мучениковъ и лучше цѣнить оставленныя намъ сокровища Мощей ихъ. Побесѣдуемъ же нынѣ о древнихъ праздникахъ въ честь святыхъ Мучениковъ.

(а) Мученичество св. Варвары относится къ 3-му вѣку по Р. Х.

Нѣтъ сомнѣнія, что древнѣйшіе у Христіанъ праздники установлены были въ честь самаго Господа нашего, Іисуса Христа. Но какіе древнѣйшіе праздники были въ честь Святыхъ? Исторія Церкви свидѣтельствуетъ, что эти праздники въ память святыхъ Мучениковъ. Церковь, порожденная божественною кровію Господа, возрастала потомъ и укрѣплялась святою кровію Мучениковъ. И эта кровь, духовно плодоносная, какъ лучшее богатство и украшеніе Церкви, была и однимъ изъ первыхъ предметовъ ея духовнаго торжества и веселія. Оттого древніе Христіане тщательно замѣчали тѣ дни, въ которые изливалась кровь и восходили на небо души святыхъ Мучениковъ, и свято сохраняли память сихъ дней. Въ каждой Церкви, во времена гоненій, были свои нотаріи, или памятописцы, которые изреченія и подвиги св. Страдальцевъ предавали письменамъ; въ каждой сохранялись свои записки этого рода, свои дневники, или святцы. Св. Кипріанъ и будучи въ изгнаніи заботился о вѣрности такихъ записокъ; онъ и оттуда писалъ къ своему клиру, чтобъ онъ вѣрно замѣчалъ тѣ дни, въ кои отходятъ Мученики, для того, чтобъ послѣ

совершать о нихъ годичную память (а).

Кого изъ Мучениковъ прежде всѣхъ начала прославлять Церковь? По всей вѣроятности Апостоловъ, которые почти всѣ заключили подвиги свои смертію мученическою. Извѣстно, что въ Римѣ, гдѣ пострадали Апостолы Петръ и Павелъ, съ древнѣйшихъ временъ совершалась память ихъ въ одинъ день, 29 Іюня. Безъ сомнѣнія, память и другихъ Апостоловъ совершалась тотчасъ по кончинѣ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они пострадали, а потомъ передаваема была и другимъ Церквамъ. Драгоцѣнна также была для Церквей память мужей Апостольскихъ, на прим. Священномучениковъ Игнатія и Поликарпа. Но и другіе Мученики, многіе, дѣлались извѣстными и прославлялись во всѣхъ Церквахъ Христіанскихъ, какъ это видно изъ того, что многіе изъ нихъ и нынѣ прославляются какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ (б). Вѣроятно, съ первыми Мучениками послѣ Апостоловъ Церковь начала совершать память и Святыхъ Младенцевъ, за Христа избіенныхъ отъ Ирода. Объ нихъ писалъ еще Оригенъ (в) (въ 3 вѣкѣ): „Ихъ и память всегда по достоин-„ству совершается въ Церкви, по чину „Святыхъ, какъ первыхъ Мучениковъ, „избіенныхъ за Христа." Къ тѣмъ же временамъ должно отнесть и память Маккавеевъ,— Мучениковъ ветхозавѣтныхъ. (г) Такъ Церковь старалась собирать повсюду священные примѣры въ наставленіе, утѣшеніе и ободреніе чадъ своихъ! Но какъ, при всемъ томъ, Церковь не могла имѣть свѣдѣнія о всѣхъ Мученикахъ, то желая воздать всѣмъ имъ свою почесть, она установила праздникъ всѣхъ св. Мучениковъ, который былъ извѣстенъ еще въ 4-мъ вѣкѣ. Изъ одной бесѣды (д) св. Златоуста видно, что этотъ праздникъ былъ вскорѣ послѣ Пятидесятницы и, вѣроятно, въ тотъ же день, какъ и нашъ праздникъ всѣхъ Святыхъ, т. е. въ 7-й день послѣ дня Пятидесятницы. „Еще не прошло, говоритъ Златоустъ, „*семи* дней послѣ того какъ совер-„шали мы праздникъ Пятидесятницы „и вотъ опять встрѣчается намъ „хоръ Мучениковъ."

Какое высокое понятіе имѣли древніе о мученической смерти, видно изъ самаго названія, какое они усвояли днямъ кончины святыхъ Мучениковъ. Они называли эти дни *днями рожденія* (γενέθλια, natalitia) Мучениковъ, такъ что это названіе было въ древности какъ бы техническимъ и употреблялось на самыхъ Соборахъ. (е) „Дни смерти суть дни рожденія"— какая глубокая мысль! какое прекрасное чувство Вѣры и упованія Христіанскаго! Св. Златоустъ, изъясняя это названіе, говоритъ, что смерть Мучениковъ не есть смерть, а жизнь, конца не имѣющая. (ж) Другой учитель Церкви (з) предлагаетъ слушателямъ слѣдующее объясненіе: „когда ты слы-„шишь, возлюбленный, о дняхъ рожде-„нія Мучениковъ, помышляй не о томъ „днѣ, въ которомъ раждаются на зе-

(а) Ep. 57 ad cler.

(б) Въ мѣсяцесловахъ нашихъ и западныхъ многіе Мученики общи. напр. В. Мч. Варвары, въ нѣхъ и другихъ, 4 Декабря, Архид. Стефанъ у насъ 27 Дек. у западныхъ 26, и пр.

(в) Hom. 3 de divers.

(г) См. выше въ N. 18 стр. 152.

(д) Бес. 74 о Мученикахъ всего міра.

(е) Собора Лаодикійскаго прав. 5.

(ж) Бес. 43 о Муч. Варлаамѣ.

(з) Петръ Хрисологъ, Serm. 129.

„мли во плоти, а о томъ, въ кото-
„рый раждаются отъ земли на небо,
„отъ трудовъ къ успокоенію, отъ иску-
„шеній къ покою, отъ мученій къ ра-
„достямъ, неизмѣннымъ, постояннымъ
„и вѣчнымъ, отъ мірскихъ смѣховъ
„къ вѣнцу и славѣ.“ Это названіе Христіанской смерти, и другое названіе, также употребляемое у Христіанъ *(блаженное успеніе)*, отнимаютъ весь страхъ у смерти, дѣлаютъ ее для истинновѣрующаго даже желательною, и онъ говоритъ съ Апостоломъ: *Я желаю разрѣшитися и со Христомъ быти; мнѣ, еже умрети, пріобрѣтеніе есть* (Фил. 1, 23. 21).

Столь высокое понятіе о Христіанской смерти одушевляло преимущественно праздники въ память святыхъ Мучениковъ. Исторія древней Церкви Христіанской представляетъ намъ слѣдующее умилительное зрѣлище. Вотъ, во времена лютыхъ гоненій, Христіане идутъ за городъ, удаляются въ пещеры и подземные ходы. Что влечетъ ихъ туда? тамъ почиваютъ страдальческія тѣла воиновъ Христовыхъ, сокрытыя отъ злобы язычниковъ. Здѣсь подражатели геройской вѣры Мучениковъ благодарятъ за нихъ Господа, молятся о укрѣпленіи самихъ себя на подвиги за вѣру, молятся о всемъ мірѣ и за самыхъ гонителей своихъ. Моленія начавшись съ вечера продолжаются во всю ночь. Всѣ собравшіеся Христіане здѣсь же вкушаютъ Господню вечерю, устрояютъ трапезу любви, и наконецъ отходятъ отъ святыхъ гробовъ, съ новою бодростію въ духѣ, въ свои домы. Такъ совершались праздники въ честь св. Мучениковъ во времена гоненій. Но вотъ гоненія престаютъ; распространяется всюду вожделѣнный миръ Церкви; грады и веси украшаются обширными и богатыми храмами Христовыми. Между тѣмъ, въ извѣстные дни, Христіане тысячами исходятъ изъ городовъ на поля. За чѣмъ? опять для того, чтобъ воздать честь св. Мученикамъ. Тамъ, надъ гробами ихъ, устроены уже молитвенные домы и храмы, которые называются у Христіанъ Мартиріями, Гробницами, Памятями (Memoriae) и Трофеями. Это, какъ говоритъ св. Златоустъ въ одной бесѣдѣ (а), Христово стадо исходитъ на обильное духовное пастбище. Здѣсь, послѣ св. Писанія, Христіане внимательно слушаютъ чтеніе о подвигахъ Мучениковъ, — чтеніе которое одно, послѣ слова Божія, любятъ они во храмахъ (б). Здѣсь преимущественно ліются потоки духовнаго краснорѣчія знаменитыхъ Пастырей. „Смерть Мучениковъ, учитъ
„св. Златоустый, есть наставленіе
„для вѣрныхъ, дерзновеніе Церквей,
„утвержденіе Христіанства, разруше-
„ніе смерти, доказательство безсмер-
„тія, посрамленіе демоновъ, осужденіе
„діавола, ученіе любомудрія, побужде-
„ніе къ презрѣнію вещей сего міра,
„путь къ благамъ будущимъ, утѣше-
„ніе въ бѣдахъ, насъ обдержащихъ,
„случай и поощреніе къ терпѣнію, ис-
„точникъ и мать всякаго блага. Ко-
„гда ты увидишь Мучениковъ прези-
„рающихъ всю жизнь, то, хотябы
„ты былъ несмысленнѣе всѣхъ, по-
„лучишь высшее разумѣніе, посмѣешь-
„ся роскоши, презришь богатства и

(а) Бес. 67 о св. Дрозидѣ.

(б) Всякое другое чтеніе во храмахъ запрещается, Соб. Карѳ. 3 прав. 47.

„пожелаешь пребывать нам (на небе-
„сах). Если ты угнѣтаемъ нище-
„тою или терпишь другія бѣдствія,
„обрати взоръ на горесть мученій,
„претерпѣнныхъ Мучениками, и ты
„почувствуешь достаточное утѣше-
„ніе во всѣхъ бѣдахъ своихъ. Потому-
„что я преимущественно люблю памя-
„ти Мучениковъ; люблю я всѣ та-
„кія воспоминанія, а особенно люблю
„тѣ, въ которыхъ предлагаются намъ
„подвиги Мученицъ. Ибо чѣмъ немощ-
„нѣе сосудъ, тѣмъ большая благодать,
„славнѣе торжество, свѣтлѣе побѣ-
„да, не по слабости пола подвизав-
„шихся, а по тому, что врагъ по-
„бѣждается тѣмъ, чѣмъ онъ побѣ-
„дилъ. Древле діаволъ умертвилъ Адама
„посредствомъ дѣвы; а Христосъ по-
„слѣ Дѣвою же одолѣлъ діавола (а).
„Здѣсь и царь отлагаетъ свою діа-
„диму, пребываетъ въ гробницѣ Муче-
„ника и проситъ себѣ освобожденія
„отъ опасностей и побѣды надъ вра-
„гами (б).— Кто хочетъ похвалить
„святыхъ Мучениковъ? да подражаетъ
„Мученикамъ (в).— Вы претворили ночь
„въ день посредствомъ священной все-
„нощной: не претворяйте же дня въ
„ночь посредствомъ піянства и любо-
„дѣйныхъ пѣсень“ (г). При гробахъ
Мучениковъ (внѣ храмовъ) позволя-
лось Христіанамъ устроять и тра-
пезы и благочинным пиршествомъ за-
мѣнять безчинныя языческія пирова-
нія. Тотъ же св. Учитель, отклоняя
слушателей своихъ, Антіохійцевъ, отъ
пиршествъ языческихъ (въ предградіи
Антіохійскомъ, Дафне) говоритъ: „если
„ты хочешь удовольствія; то что
„пріятнѣе сего (церковнаго) собранія?
„что любезнѣе духовнаго зрѣлища,
„членовъ твоихъ, сонма братій тво-
„ихъ? Но ты желаешь быть участ-
„никомъ и тѣлесной трапезы? Послѣ
„сего собранія, ты можешь близъ
„мученическаго храма, подъ смоковни-
„цею, подъ виноградною лозою, и до-
„ставишь успокоеніе тѣлу, и быть
„безъ осужденія отъ совѣсти. Ибо
„Мученикъ, который здѣсь предъ оча-
„ми твоими, находящійся близъ тебя
„и предстоящій твоей трапезѣ, не
„попускаетъ удовольствію твоему раз-
„ливаться въ грѣхъ“ (д).

Впрочемъ Пастыри позволяли та-
кія праздничныя трапезы тогда толь-
ко, когда видѣли на нихъ умѣренность,
благочестіе и благотворительность къ
бѣднымъ. Напротивъ, когда замѣчали
злоупотребленія, излишество и роскошь
праздничныхъ пиршествъ, то стара-
лись прекратить не только злоупо-
требленія, но и самыя пиршества. Такъ
Августинъ пишетъ о св. Амвросіи,
что онъ со всѣмъ упразднилъ такія
пиршества въ своей Церкви (е). Онъ
же (Августинъ) просилъ и Аврелія Карѳа-
генскаго о прекращеніи ихъ въ Цер-
квахъ Африканскихъ (ж).

Этого, кажется, довольно для вра-
зумленія и наставленія нашего. Не
имѣемъ ли и мы описаній подвиговъ
мученическихъ? Чтеніемъ сихъ душе-
полезныхъ повѣстей почтимъ память
св. Мучениковъ: это чтеніе сильно
укрѣпитъ и нашу слабую вѣру. По-
чтимъ память ихъ молитвами и пѣ-

(а) Бес. 67 о св. Дрозидѣ.
(б) Бес. 1 на Псал. 48.
(в) Бес. 73 о Варлаамѣ Муч.
(г) Бес. 59 о Мученикахъ.
(д) Бес. 47 на св. Юліан.
(е) Confess. VI c. 2.
(ж) Ep. 64 ad Aurel.

снопѣніями духовными, соединяясь духомъ съ ними, торжествующими нынѣ на небесахъ побѣду свою надъ плотію, міромъ и діаволомъ. Почтимъ и благотвореніями бѣдствующимъ, воспоминая то, какъ сами святые Мученики, еще при жизни, благотворили своимъ братіямъ, томящимся въ темницахъ, а по смерти благотворятъ всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ къ св. мощамъ ихъ. И это будетъ истинное, въ духѣ Христіанъ древнихъ, празднованіе въ честь святыхъ Мучениковъ!

СЛОВО

НА ДЕНЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ.

Вѣнецъ невѣсты Христовой, нынѣ торжественно нами ублажаемой, блистаетъ многими драгоцѣнными камнями; то есть, великими подвигами мученическими и великими дарами духовными: но наиболѣе блистаетъ въ семъ вѣнцѣ и привлекаетъ благоговѣйный взоръ всѣхъ одно многоцѣнное перло. Это пріятый свыше Великомученицею даръ — спасать отъ внезапной болѣзни и наглыя смерти всякаго, кто съ вѣрою и любовію притекаетъ къ Ея о томъ ходатайству предъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Брат., кто, слушая съ умиленіемъ Акаѳистово пѣніе въ честь св. Варвары, не останавливалъ особеннаго благоговѣйнаго вниманія на тѣхъ мѣстахъ его, въ коихъ упоминается о семъ дивномъ и благотворномъ дарѣ! — Кто изъ насъ, обращаясь къ Ней съ молитвою, не испрашивалъ у Нея, первѣе и послѣ всего, защиты отъ внезапной болѣзни и наглой смерти? — И такъ, воспоминая нынѣ торжественно подвиги Великомученицы, подойдемъ благоговѣйною мыслію ближе къ вѣнцу Ея, и разсмотримъ это многоцѣнное перло.

Я говорю: *многоцѣнное;* ибо что нужнѣе для каждаго изъ насъ, какъ отойти изъ сей жизни совершенно приготовленными къ жизни новой, ожидающей насъ за гробомъ? Отойти, то есть, очистившися благодатію Божіею отъ всѣхъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, — принесши въ нихъ истинное покаяніе? — Но, бренность жизни нашей такъ велика, что многіе предъ исходомъ изъ сего міра не успѣваютъ даже помыслить о своихъ грѣхахъ и возвести покаяннаго взора на небо; отходятъ по сему самому предъ небеснаго Судію со всѣми нечистотами земной жизни, въ такомъ состояніи, въ какомъ они не посмѣли бы явиться предъ земнаго начальника. Посему возможность быть защищену отъ внезапной смерти принадлежитъ къ числу самыхъ желанныхъ возможностей для каждаго, кто только хотя мало дорожитъ спасеніемъ бѣдной души своей.

Но гдѣ достать сей драгоцѣнной возможности? — Кто въ состояніи остановить руку Ангела смерти, надъ нами подъятую? Безъ сомнѣнія, не земные врачи, а единъ тотъ Врачь душъ и тѣлесъ, у коего *не изнеможетъ никакой елеолъ* (Лук. 1, 37), который какъ одинъ *даетъ всѣмъ жизнь и дыханіе* (Дѣян. 17, 25), такъ единъ можетъ и продлить ихъ, когда и сколько Ему угодно. Посему св. Церковь, при каждомъ Богослуженіи, между небольшимъ числомъ, необходимыхъ для каждаго изъ насъ, прошеній, помѣщаетъ прошеніе и о кончинѣ *безболѣзненной, непостыдной и мирной.*

Прошеніе крайне утѣшительное! но собственное недостоинство непозволяетъ многимъ быть увѣренными, что сила сего прошенія воздѣйствуетъ и надъ ними. По немощи вѣры нашей, желалось бы имѣть у престола Божія какого-либо ближайшаго къ намъ споручника и ходатая, который бы, такъ сказать, взялъ на свои руки жизнь нашу, обязался защитить насъ отъ всякаго вида внезапной смерти.

И вотъ, такого то споручника жизни и смерти нашей, по благости Божіей, каждый изъ насъ можетъ имѣть въ лицѣ прославляемой нами Великомученицы. Претерпѣвъ за возлюбленнаго Жениха своего всѣ роды мученій самыхъ люпыхъ, предъ самымъ концемъ жизни своей, она имѣла все право просить у Него многихъ и разныхъ даровъ: но просила единаго дара — спасенія отъ наглой болѣзни и внезапной смерти всякаго, о томъ ея просящаго.— Что побудило Великомученицу къ такому прошенію? Побудила, безъ сомнѣнія, пламенная любовь Ея къ бѣдствующему человѣчеству, для коего, какъ мы видѣли, ничто такъ не нужно, и вмѣстѣ ничто такъ иногда не трудно, какъ имѣть предъ смертію достаточное время для покаянія. А ближайшимъ образомъ къ подобному прошенію могло расположить Великомученицу воспоминаніе о собственной нѣкогда опасности отъ наглой смерти. Извѣстно, когда угрожала Ей сія опасность: тогда, какъ безчеловѣчный отецъ ея, выслушавъ отъ ней надъ банною купѣлію исповѣданіе св. Тройцы, вдругъ устремился на нее съ мечемъ. Великомученица спаслась отъ сего меча сначала бѣгствомъ, а потомъ чудеснымъ сокрытіемъ въ каменной скалѣ. Что не отъ простаго страха смерти происходило это бѣгство, доказательствомъ сего то непоколебимое мужество, съ коимъ она перенесла потомъ множество самыхъ люпыхъ мученій. Почему же уклонилась она отъ меча?— По тому, безъ сомнѣнія, что эта смерть была преждевременная, и воспрепятствовала бы совершить ей все то, что она совершала потомъ во славу Возлюбленнаго Жениха своего. И вотъ, теперь, идя съ радостію подъ тотъ мечь, отъ коего прежде убѣгала со страхомъ, св. Великомученица воспоминаетъ прежнее положеніе свое, чувствуетъ, какая великая разность, изыйти изъ сего міра съ полнымъ пріуготовленіемъ, и быть восхищену туда внезапно;— и отъ полноты вѣры въ силу небеснаго Жениха своего, отъ избытка любви къ человѣчеству, дерзаетъ просить у Него дара — оказывать туже драгоцѣнную милость другимъ, какою воспользовалась нѣкогда сама.—

Услышано ли сіе прошеніе?— Услышано; ибо самъ Господь милосердія и щедротъ говоритъ: *вся, елика аще молящеся, просите, вѣруйте, яко пріимете, и будетъ вамъ* (Мар. 2, 24): а въ комъ сильнѣе могла быть вѣра, какъ не въ св. Великомученицѣ, и когда, какъ не въ послѣдній часъ Ея— подъ мечемъ?— Услышано; ибо сама св. Церковь, отъ древнихъ временъ до нынѣ, постоянно усвояетъ Ей даръ спасать отъ внезапной смерти; а кто можетъ лучше и вѣрнѣе цѣнить дарованія чудесныя, какъ не св. Церковь, которая сама есть всегдашняя хранительница и раздаятельница дарованій благодатныхъ?— „Но есть ли, спросить кто-либо, опытныя доказательства на сіе“?— Есть возлюблен-

ный, и въ такомъ числѣ, что самое множество ихъ не позволяетъ намъ пересказать теперь ихъ подробно. Кто желаетъ знать о семъ, тому стоитъ только разгнуть жизнь св. Великомученицы, при коей помѣщаются сказанія о дивныхъ опытахъ Ея защиты отъ внезапной смерти.— Но, за чѣмъ доказательства изъ мертвыхъ книгъ? Обратимся къ живымъ, непререкаемымъ свидѣтелямъ, обратимся ко всему граду, въ коемъ живемъ, обратимся къ цѣлой обители, въ коей теперь находимся. Кто не знаетъ, что губительная язва, въ разныхъ видахъ, не разъ вторгалась во градъ нашъ, и производила въ немъ величайшія опустошенія? Но св. обитель, въ коей почиваютъ мощи Великомученицы, всегда оставалась цѣлою и невредимою, безъ всякихъ особенныхъ средствъ къ защитѣ. Что это, какъ не всенародный опытъ чудеснаго заступленія свыше?—

Послѣ сего намъ остается только пользоваться съ вѣрою и любовію драгоцѣннымъ даромъ Великомученицы спасать отъ внезапной смерти. Какъ пользоваться?— Такъ ли, чтобы, въ надеждѣ на чудесную защиту Ея, не брать никакихъ мѣръ предосторожности, не радѣть о своемъ здравіи, позволять себѣ все, что сокращаетъ жизнь и губитъ наши силы? Нѣтъ; это значило бы искушать силу Божію, поставлять св. Великомученицу въ необходимость благопріятствовать невоздержной и порочной жизни. Такъ ли, чтобы по надеждѣ на чудесное спасеніе отъ внезапной смерти, отлагать со дня на день свое приготовленіе къ смерти, жить, не думая о концѣ жизни, и о томъ отчетѣ, который ожидаетъ всѣхъ насъ за гробомъ?— Нѣтъ, это значило бы явно идти вопреки своего спасенія, злоупотреблять помощію св. Божіихъ человѣковъ, заставлять Великомученицу благопріятствовать нераскаянности во грѣхахъ. Всѣ таковые не имѣютъ никакаго права надѣяться на Ея помощь. „Въ противномъ случаѣ,— скажетъ кто-либо,— за чѣмъ и спужать своими прошеніями Великомученицѣ“? За тѣмъ, что при всѣхъ нашихъ предосторожностяхъ, при всемъ нашемъ воздержаніи, все еще можетъ быть множество— непредвидимыхъ и неотвратимыхъ— случаевъ, въ коихъ жизнь наша можетъ подвергнуться смертной опасности. О предохраненіи отъ сихъ-то опасностей мы должны молить Великомученицу:—и она, безъ сомнѣнія, предохранитъ или избавитъ насъ отъ нихъ; коль скоро мы будемъ молить Ея о томъ съ вѣрою и любовію, молить для того, чтобы, спасаемые Ею отъ смерти временной, тѣлесной, могли, чрезъ покаяніе, спасти себя отъ смерти духовной и вѣчной. Аминь.

И молиша Его много, да не пошлетъ ихъ вонъ страны. Бѣ же тутъ при горѣ стадо свиное велiе пасомо: и молиша Его всѣ бѣси глаголюще, пошли ны во свинiя, да въ ня внидемъ.

Марк. 5, 10—12.

Какая ужасно жалкая молитва! просить какъ особенной милости— позволенія войти на пребываніе въ стадо свиней: можетъ ли быть участь презрѣннѣе?— и кто же проситъ такой

жалкой милости? безплотные духи, кои обитали нѣкогда на небѣ, обладали величайшею силою и властію, выну блаженствовали во свѣтѣ лица Божія.

Вотъ что значитъ грѣхъ! ибо грѣхъ свергнулъ Сатану и Ангеловъ его съ неба; грѣхъ сдѣлалъ ихъ столь несчастными, что позволеніе войти въ стадо свиней составляетъ для нихъ великую милость.

Въ одномъ ли мірѣ духовъ грѣхъ производитъ такое ужасное превращеніе? нѣтъ;—вездѣ, гдѣ только можетъ появиться хотя тѣнь грѣха. Съ намѣреніемъ говоримъ: *тѣнь*. Въ мірѣ вещественномъ, среди твореній неразумныхъ, нѣтъ грѣха въ собственномъ его видѣ; поелику нѣтъ и свободы: но и здѣсь можетъ быть тѣнь грѣха,— уклоненіе отъ лучшихъ законовъ бытія къ менѣе совершеннымъ. Ибо каждая тварь можетъ со всею точностію слѣдовать образцовой формѣ своей породы; можетъ и уклоняться отъ нея, не достигать, такъ сказать, своего предназначенія вполнѣ. Это самое мы называемъ тѣнію грѣха.

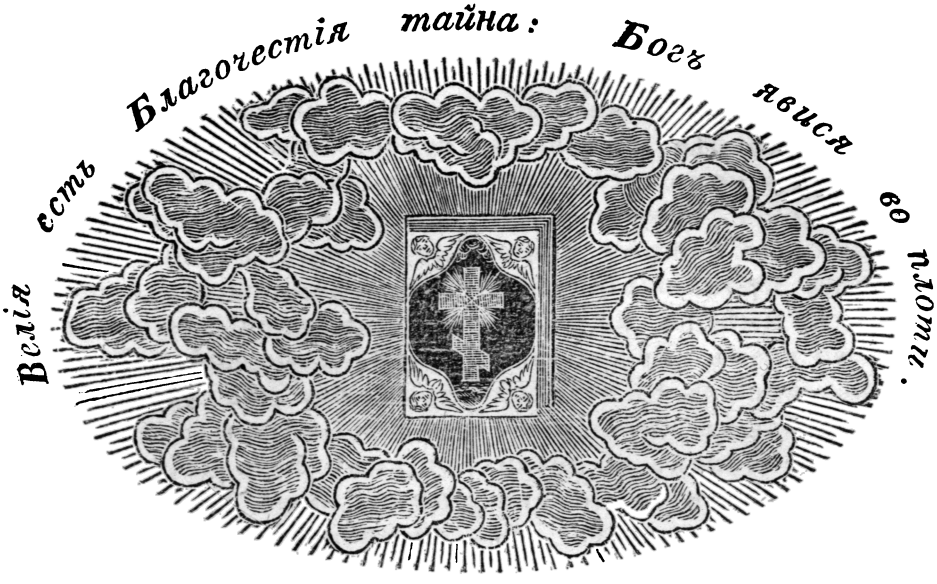
Что же производитъ сія тѣнь?— Всегда— сопровождается несовершенствомъ, безобразіемъ, слабостію, бренностію. Возмите кристаллъ съ неправильными гранями, съ незаконнымъ, такъ сказать, изломомъ: въ немъ нѣтъ надлежащей чистоты и блеска; онъ ломокъ и малоцѣненъ. Посмотрите на растѣніе, уклоняющееся отъ образца своей породы: оно мало-росло, криво, безобразно; менѣе приноситъ плодовъ, живетъ не такъ долго. Обратите вниманіе на животныхъ, произшедшихъ отъ неестественнаго смѣшенія породъ: они бываютъ также малорослы, слабы, и не способны къ продолженію своего рода.—

Производя такимъ образомъ безобразіе и разрушеніе на обоихъ концахъ мірозданія,— въ мірѣ духовъ и въ мірѣ вещественномъ, грѣхъ съ особенною свирѣпостію обнаруживаетъ ядовитую силу свою въ средоточіи творенія, гдѣ стоитъ человѣкъ. Какъ существо, связующее между собою видимое и тѣлесное съ невидимымъ и духовнымъ, какъ сокращеніе всего сотвореннаго, человѣкъ потому самому способенъ и къ самому высшему блаженству и къ самому большему несчастію. Посему грѣхъ никого такъ не губитъ, какъ человѣка. И въ мірѣ вещественномъ и въ мірѣ духовномъ грѣхъ произвелъ смерть; но въ первомъ одну тѣлесную, въ послѣднемъ одну духовную: въ человѣкѣ грѣхъ произвелъ смерть сугубую: тѣлесную и духовную. Въ самомъ адѣ будетъ едва ли не отраднѣе злому духу, нежели нераскаянному грѣшнику: ибо духъ будетъ мучиться однимъ духомъ; а грѣшный человѣкъ — духомъ и тѣломъ.—

Итакъ, человѣкъ, бойся болѣе всего грѣха: это первый и послѣдній врагъ твой!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 9 Ноября 1838 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

№ 37. НЕДѢЛЯ 29 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ. ДЕКАБРЯ 11. 1858.

Апостолъ: Гал. 1, 11—19. Евангеліе: Мат. 2, 13—23.

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О ТОМЪ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО СОБЛАЗНЯТЬ БЛИЖНИХЪ.

Что Апостолъ Павелъ сказалъ Коринѳянамъ о предохраненіи братій отъ соблазна, тоже самое еще приличнѣе можно сказать намъ, пренебрегающимъ спасеніе ближняго. Тогда происходило это отъ слабости соблазнявшихся; а у насъ не то бываетъ: мы дѣлаемъ такіе грѣхи, которые соблазняютъ даже сильныхъ. Такъ, когда мы притѣсняемъ, похищаемъ, предаемся любостяжанію и съ свободными людьми поступаемъ, какъ съ невольниками, то кого это не можетъ соблазнить? не говори мнѣ, что соблазняемый тобою есть какой нибудь ремесленикъ; но представляй себѣ то, что онъ вѣрный и братъ твой. Мы ученики рыболововъ, мытарей и скиноторцевъ; ученики Того, который воспитывался въ домѣ текшона и невѣсту его удостоилъ избрать своею Матерію, который лежалъ въ ясляхъ, повитый пеленами, и не имѣлъ гдѣ приклонить главу, который много путешествовалъ, даже до утомленія, и получалъ пропитаніе отъ другихъ. Размышляй о семъ, и пышность человѣческую считай за ни-

что. Напротивъ, признавай братомъ своимъ и скинотворца, и того, который ѣздитъ на колесницѣ, имѣетъ тысячи слугъ и разгоняетъ встрѣчающихся на торжищѣ; даже перваго болѣе почитай братомъ, нежели послѣдняго: ибо приличнѣе называть братомъ того, въ комъ усматривается болѣе подобія. А кто болѣе подобенъ рыболовамъ? Тотъ ли, который снискиваетъ пропитаніе дневною работою, не имѣетъ ни слуги, ни жилища и во всемъ нуждается, или тотъ, кто живетъ съ великою пышностію и дѣлаетъ противное законамъ Божіимъ? И такъ не презирай того, кто справедливѣе можетъ называться братомъ твоимъ: ибо онъ болѣе подобенъ Апостоламъ. Но ты скажешь, что онъ уподобляется Апостоламъ не самопроизвольно, а по необходимости; поелику дѣлаетъ это безъ участія своей воли. Изъ чего ты такъ заключаешь? Развѣ не слышалъ словъ Спасителя: *не судите, да не судими будете* (Мат. 7, 1)? А дабы тебѣ увѣриться, что онъ дѣлаетъ это не по необходимости, пойди къ нему и давай ему тысячи талантовъ золота; ты увидишь, что онъ отвергнетъ ихъ. Если же онъ, не получивши богатства отъ предковъ, отвергаетъ его и тогда, когда бы могъ получить и обратить его въ свою собственность: то это служитъ сильнымъ доказательствомъ того, что онъ презираетъ богатство. Іоаннъ былъ сынъ весьма бѣднаго Зеведея; однако мы не можемъ изъ сего заключать, что его бѣдность была принужденная. И потому, когда увидишь дровосѣка или кузнеца, загорѣвшаго отъ огня; то не презирай, а почитай его за это. Петръ также препоясывался, бралъ неводъ и ловилъ рыбу по воскресеніи Господа. Но что я говорю о Петрѣ? Самъ Павелъ, послѣ столь многихъ путешествій и по совершеніи толикихъ чудесъ, останавливался въ мастерской скинотворцевъ и сшивалъ у нихъ кожи; не смотря на то, Ангелы уважали его, а демоны трепетали. Онъ даже не стыдился говорить: *требованію моему и сущимъ со мною послужистѣ руцѣ мои сіи* (Дѣян. 20, 34). И не только не стыдился, но еще хвалился этимъ. Кто же, спросишь ты, можетъ нынѣ сравниться съ Павломъ по добродѣтели? Знаю, что никто; однако посему не должно презирать людей, живущихъ въ наше время. Когда ты для Христа почитаешь кого нибудь, даже самаго послѣдняго, но вѣрнаго; то ты по справедливости почитаешь его. Если бы пришли къ тебѣ военачальникъ и простой воинъ, приближенные къ Царю, и ты принялъ бы ихъ обоихъ въ своемъ домѣ; то въ лицѣ котораго изъ нихъ, по твоему мнѣнію, ты болѣе почтилъ бы Царя? явно, что въ лицѣ воина: поелику военачальникъ, и безъ Царской дружбы, имѣетъ много такого, что можетъ побудить тебя оказать ему сію честь; а простой воинъ не имѣетъ ничего другаго, кромѣ царскаго благоволенія. По сему-то Богъ повелѣлъ намъ призывать на вечери и пиршества хромыхъ, увѣчныхъ и не могущихъ воздать взаимно; ибо таковыя благотворенія большею частію оказываются собственно для Бога. Если же ты принимаешь у себя какого

нибудь великаго и знатнаго человѣка; то благодѣяніе твое не со всѣмъ чисто, потому что въ немъ участвуетъ нерѣдко, съ твоей стороны, нѣкоторое тщеславіе, именно то, что ты самъ облагодѣтельствованъ имъ и чрезъ него пріобрѣтаешь у другихъ болѣе значительности. Дѣйствительно, я могъ бы указать многихъ, которые для того услуживаютъ людямъ, прославившимся святостію, дабы при посредствѣ ихъ войти въ большую довѣренность у начальниковъ, и чрезъ то привести въ лучшее состояніе свои дѣла и семейства, требуютъ отъ нихъ взаимно разныхъ милостей; потому лишаются награды за свои услуги, когда оказываютъ ихъ съ такимъ расположеніемъ. Кто здѣсь ищетъ отъ Бога воздаянія за труды свои, и дѣлаетъ добро для выгодъ земныхъ, тотъ теряетъ часть своей награды; а кто ищетъ нетлѣнныхъ вѣнцевъ небесныхъ, тотъ заслуживаетъ гораздо болѣе уваженія, подобно Лазарю, получившему всѣ блага на небесахъ; подобно тремъ отрокамъ, которые предъ тѣмъ временемъ, когда были ввержены въ печь, говорили: *есть Богъ на небесѣхъ, силенъ избяти насъ. Аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. 3, 17. 18); подобно Аврааму, который возвелъ на гору сына своего, дабы тамъ принести его въ жертву, и сдѣлалъ это не потому, чтобы ожидалъ какой-либо награды, но потому, что поставлялъ величайшую и единственную награду для себя въ повиновеніи Господу. Станемъ и мы подражать имъ: ибо, если съ такимъ же расположеніемъ будемъ все дѣлать; то получимъ обильное воздаяніе благъ и удостоимся блистательныхъ вѣнцевъ, коихъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа.—

(Изъ 20-й бесѣды на 1 Посл. къ Коринѳ.)

СЛОВО

въ день Тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича.

И сотворилъ есть насъ Цари и Іереи Богу и Отцу своему.

Апок. 1, 6.

Какое человѣколюбіе Господа нашего Іисуса Христа! Какое богатство и величіе благодати Его! Онъ далъ намъ Царей и Іереевъ отъ Бога Отца своего: Царей по сердцу Божію, защитниковъ и ревнителей святой вѣры — вмѣсто прежнихъ, гонителей вѣры и мучителей Христіанъ; — Святителей, Пастырей добрыхъ, вѣрныхъ служителей своихъ — на мѣсто хищныхъ волковъ, Іереевъ идольскихъ, служителей сатаны. Кто не прославитъ Его за то особенно нынѣ, когда мы торжествуемъ и Тезоименитство Благочестивѣйшаго Государя нашего, Царя истинно Христова, мудростію и благочестіемъ великаго, силою и славою превознесеннаго, и намять великаго Святителя, Николая чудотворца, свѣтлаго образца Святителей Христовыхъ? Но вотъ и еще побужденіе благодарить и славить намъ

Господа: Онъ не только далъ намъ Царей и Іереевъ отъ Бога Отца своего, но и насъ самихъ даетъ Цари и Іереи Богу и Отцу своему. *И сотворилъ есть насъ Цари и Іереи Богу и Отцу своему: тому слава и держава во вѣки вѣковъ!*

Да не подумаетъ кто-либо, чтобы одна милость Божія исключала или уменьшала другую. Нѣтъ, дарованіе намъ Царей и Святителей, и дарованіе намъ самимъ царства и священства,— это двѣ милости, одна другую возвышающія и утверждающія. Истина сего яснѣе откроется, если мы раскроемъ понятіе того царства и того священства, которыя даруются всякому истинно вѣрующему.

Сотворилъ есть насъ Цари— Богу и Отцу своему Чтобы уразумѣть это царственное достоинство Христіанина, взойдемъ мыслію къ высокому небесному званію. Извѣстно, что въ словѣ Божіи сравнивается это званіе съ достоинствомъ Царскимъ: вѣрующіе называются сынами и наслѣдниками Царствія (Матѳ. 13, 38. Іак. 2, 5.); побѣждающимъ обѣщается сѣдѣніе на престолѣ вмѣстѣ съ Іис. Христомъ (Апок. 3, 21). На какую это славу, власть и силу указываетъ намъ слово Божіе? Какая честь и власть для человѣка тамъ, гдѣ будетъ *Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28), гдѣ Ему единому будутъ воздаваемы отъ всѣхъ честь и слава во вѣки вѣковъ? И надъ кѣмъ царствовать тамъ человѣку? противъ какихъ враговъ оказывать силу? Враговъ тамъ нѣтъ; и послѣдній врагъ— смерть, тамъ уже не существуетъ (1 Кор. 15, 54). Тамъ полное торжество добра надъ зломъ, жизни надъ смертію, духа надъ плотію. Но это самое,—Брат., и выше всякой чести, силы и власти.—Какое здѣсь добро безъ зла? Какой побѣдитель выше смерти? Какой властелинъ не имѣетъ слабостей плоти?—Тамъ Богъ всяческая во всѣхъ. Но потому-то и высокъ будетъ человѣкъ, что въ немъ возсіяетъ совершенный образъ Божій; потому покорны будутъ ему всѣ силы естества, что воля его будетъ всесовершенно покоиться во всесвятой волѣ Вседержителя. Впрочемъ, что сказать объ этомъ болѣе? *Не у явися*, говоритъ Ап. Іоаннъ, *что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2),— Ему, которому *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18).

Если же столь несказанно велика будущая слава рабовъ Божіихъ; то не должны ли сіять въ нихъ и здѣсь признаки царства небеснаго? Правда, въ очахъ міра истинные рабы Христовы часто низки и презрѣнны: но не таковы они въ очахъ Божіихъ. *Не бойся, малое стадо*, говоритъ къ нимъ Господь, *яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ Царство* (Лук. 12, 32). Не смотрите, каковы они по внѣшности; познайте, что они по внутреннему человѣку. Они облечены въ небесную багряницу— оправданіе Христово (Гал. 3, 27), въ сердцѣ ихъ сіяетъ обрученіе св. Духа (2 Кор. 1, 22),— вѣрный залогъ будущихъ благъ, имъ уготованныхъ; имъ служатъ Ангелы (Евр. 1, 14), и притомъ самые высокіе,— выну видящіе лице Отца небеснаго (Матѳ. 18, 10); были опыты, что имъ повиновались и силы природы. Духомъ своимъ не

выше ли они всего земнаго? Все славное и великое въ мірѣ что значитъ предъ силою вѣры и любви Христіанской? Слово Божіе увѣряетъ, что ихъ — истинныхъ рабовъ Божіихъ — *не достоинъ весь міръ* (Евр. 11, 38).

Такъ, скажутъ намъ, добродѣтель Христіанская въ существѣ своемъ есть высокая сила, царственная: но можетъ ли она царскую силу свою являть видимо въ каждомъ? — О еслиби она была въ каждомъ! тогда всѣ увѣдѣли бы царскую силу и власть ея. Возьмемъ въ примѣръ любовь Христіанскую. Не напрасно называется законъ любви *закономъ Царскимъ* (Іоан. 2, 8). О еслибъ этотъ одинъ законъ сохраняли всѣ! „Если бы," говоритъ св. Златоустъ (а), „любовь вездѣ обрѣталася преизбыточно, какія бы проистекали блага! Не было бы нужды „ни въ законахъ, ни въ судилищахъ, „ни въ наказаніяхъ. Если бы всѣ любили и были любимы: никто бы не „обиждалъ ни чѣмъ никого, но и убійства, и брани, и междоусобія, и хищенія, и лихоимства, и вся злая истребилися бы." Таковы царскія дѣйствія любви! Желаете знать, какую даетъ она силу тѣмъ, кого соединяетъ? — Гдѣ „любовь," — привожу опять слова Златоустаго, — „тамъ единъ бываетъ множественъ: если бо единодушны будутъ два или десять, уже „единъ не единъ есть, но каждый изъ „нихъ бываетъ десятерократнымъ, и „обрящешь въ десяти единаго, и въ „единомъ десять." (б) Чтожъ, если ихъ тысящи? Въ каждомъ найдешь силу тысящей. И что еще? въ каждомъ любящемъ найдешь и силу Божію всемогущую: ибо *пребываяй въ любви въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16).

Этого, кажется, довольно, чтобъ уразумѣть, какая царственная сила Христіанина. Обратимся къ другому высокому свойству его. — *Сотворилъ есть насъ — Іереи Богу и Отцу своему.*

Чрезъ грѣхъ человѣкъ лишился права приступать къ престолу Благодати; Святое Святыхъ небесное сдѣлалось для него недоступнымъ, — что и изображалъ Ветхій Завѣтъ, возбраняя входъ въ земное Святое Святыхъ всѣмъ, кромѣ одного первосвященника: ибо это значило, по замѣчанію Апостола, что *не у явися святыхъ путь, еще первѣй скиніи имущей стояніе* (Евр. 9, 8). Но когда великій Архіерей, прошедый небеса, Священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову, т. е. и Царь и Священникъ (Евр. 7, 17), принесъ за всѣхъ великую жертву свою, тогда отверзлось для всѣхъ вѣрующихъ въ Него Святое Святыхъ небесное: это между прочимъ означало, во время смерти Господней, и раздраніе завѣсы, сокрывавшей во храмѣ Святое Святыхъ (Матѳ. 25, 51). Теперь всѣ мы, говоритъ Апостолъ, *имѣемъ дерзновеніе входити во святая кровію Іис. Христовою, путемъ новымъ и живымъ.* (Евр. 10, 19). Теперь приступили мы *къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 22. 23). Таково теперь священное званіе Христіанина: ему даровано духовное священство предъ Богомъ. Не таково ли было и первоначальное назначеніе чело-

(а) Въ словѣ о любви (между избранными его словами).
(б) Въ томъ же словѣ.

вѣка, до его паденія? ему надлежало быть священнодѣйствующимъ предъ Богомъ, надлежало возносить отъ себя и отъ всѣхъ тварей чистую жертву хвалы и благодаренія общему всѣхъ Создателю. Такую же, конечно, жертву будутъ возносить избранные Божіи и тамъ, со тьмами Ангеловъ, во градѣ Бога живаго, Іерусалимѣ небесномъ.

Что же здѣсь? и здѣсь, говоритъ Ап. Петръ, вы *яко каменіе живо зиждитеся вѣ храмъ духовенъ, священительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іис. Христомъ*. Но здѣсь, кромѣ жертвы хвалы и благодаренія, требуются отъ Христіанина и другія жертвы Богу. Вотъ какъ разсуждаетъ о семъ Вселенскій учитель, св. Златоустый. Въ одной бесѣдѣ своей, онъ, исчисливъ различныя жертвы Ветхозавѣтныя, говоритъ, что на мѣсто всѣхъ ихъ въ Новомъ Завѣтѣ установлена одна жертва Христова. Но присовокупляетъ: „имѣемъ и мы въ себѣ самихъ различ„ныя жертвы, не тѣ которыя со„вершаются по закону, а тѣ, кото„рыя приличны Благодати Евангель„ской (а)." Таковыхъ жертвъ исчисляетъ онъ до 10-ти видовъ: таковы, кромѣ жертвы Евхаристіи, жертва мученическая (Римл. 12, 1), т. е. принесеніе тѣла или жизни въ жертву Богу, жертва молитвы (Псал. 140, 2), жертва воскликновенія (Псал. 26, 6), или славословія, жертва правды (Псал. 4, 6),— милостыни (Іак. 1, 27), хвалы (Псал. 49, 14), проповѣданія (Рим. 15, 16), или благовѣствованія Христова, особенно такова жертва сокрушенія духа и смиренія (Псал. 50, 18). Дѣйствительно, Брат., если любовь Христіанская имѣетъ свойство царское, то свойство священства духовнаго преимущественно выражается другою главною добродѣтелію Христіанскою— смиреніемъ и самоотверженіемъ, добродѣтелію, которая творитъ изъ всего существа нашего жертву, благоугодну Богови, которая освящаетъ и всѣ прочія добродѣтели. Кто можетъ быть угоднѣе Господу нашему, *кроткому и смиренному сердцемъ* (Матѳ. 11, 29), кто имѣетъ большее дерзновеніе предъ престоломъ Его, какъ не тотъ, который всѣ добродѣтели свои увѣнчалъ смиреніемъ?— „Если и грѣхъ," говоритъ св. Златоустый, „соединенъ „будетъ со смиренномудріемъ то те„четъ столь удобно, что и правду „сущую съ киченіемъ превосходитъ и „предваряетъ," (разумѣетъ св. Учитель смиреніе мытаря, поставленное выше фарисеевой правды). Если же смирен„номудріе совокупимъ съ правдою: куда „не пріидетъ? непремѣнно станетъ у „самаго престола Божія, посреди Анге„ловъ, со дерзновеніемъ многимъ (б)."

Таково царское достоинство и таково духовное священство истиннаго Христіанина. И вотъ для этого царства и священства духовнаго установлены Царство и Священство видимыя. Для чего Господь *полагаетъ помощь на сильнаго* (Псал. 88, 20)? Для того, да каждый изъ насъ обрѣтаетъ готовую помощь въ нуждахъ. Да обрѣтаетъ самая Церковь помощь противъ враговъ своихъ видимыхъ, и да *всѣ тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2.). Для чего *возно-*

(а) Бес. на Псал. 95.

(б) Слово о смиренномудріи.

сиѣ Господь избраннаго отъ людей своихъ? Дабы тѣмъ удобнѣе было возноситься всѣмъ избраннымъ Божіимъ отъ Царства земнаго къ Царству небесному. Для чего установлено священство? *Къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. 4, 12); для того, чтобъ всѣ желающіе находили готовое освященіе себѣ въ нѣдрахъ Церкви, чтобъ знали правильный чинъ служенія Богу, чтобъ всѣ чада Церкви составляли едино тѣло Христово, одно освященное Царство Божіе. Такъ происходитъ родъ, истинно *избранный, Царское священіе, языкъ святый, люди обновленія* (1 Петр. 2, 9).

Но царство и священство видимыя не предоставлены всѣмъ и каждому. Какъ одинъ Богъ *поставляетъ Царей, владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ дастъ е* (Дан. 4, 14); такъ *никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь священства, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ* (Евр. 5, 9). Между тѣмъ духовное царство и священство Евангеліе предлагаетъ всѣмъ. Отъ насъ зависитъ или принять это высокое достоинство, или нѣтъ.— Хочешь ли, Христіанинъ, стяжать его? Всѣ средства къ тому тебѣ открыты,— и подъ благотворною сѣнію Державы Христіанской, и подъ священнымъ кровомъ Церкви православной. Воцари умъ свой надъ страстями, духъ надъ плотію, и приноси въ смиреніи духовныя жертвы Господу. Научись здѣсь управлять собою, навыкни служить Господу со страхомъ: тогда вѣрный въ малѣ поставленъ будешь надъ многими во Царствіи небесномъ; тогда внидешь и въ чертогъ славы, во Святая Святыхъ, туда, гдѣ вѣчныя славословія Царю вѣчному составятъ вѣчную радость твою. Аминь.

ОТЧАСТИ РАЗУМѢВАЕМЪ.

Такъ уже 18 вѣковъ провозглашаетъ Вѣра, а бѣдный разумъ доселѣ не слышитъ сего, и нерѣдко кричитъ, что вѣра несовмѣстна съ разумомъ. Нѣтъ, Вѣра *разумѣваетъ* также какъ и разумъ, разумѣваетъ еще лучше разума то, что разумѣваетъ, только разумѣваетъ — *отчасти*. А разумъ, который все берется разумѣть и истолковать, — развѣ все и совершенно разумѣетъ? Кругъ познаній, какъ и шаръ земной, не имѣетъ ли своихъ, недоступныхъ изслѣдованію — полюсовъ? На самой срединѣ познаній, какъ подъ экваторомъ, нѣтъ ли земель, куда еще не ступила нога ни одного мыслителя? — *Отчасти* — есть удѣлъ всѣхъ нашихъ познаній, удѣлъ неизбѣжный не только для земнаго бытія, а, по всей вѣроятности, и для вѣчнаго. Всевѣдущъ Единъ Богъ.—

Напрошивъ, если сравнить *отчасти — разумѣваемъ* Вѣры *сотчасти — разумѣваемъ* разума; то послѣднее во многихъ отношеніяхъ окажется тѣснѣе и бѣднѣе перваго. Для совершеннаго убѣжденія въ семъ стоитъ только взять одно простое оглавленіе предметовъ, входящихъ въ составъ Вѣроученія Христіанскаго, и предметовъ, надъ коими трудится Философія: сличивъ одно съ другимъ, вы увидите, что кругъ Вѣроученія гораздо обширнѣе круга Философіи, что первое обнимаетъ много такихъ, весьма важныхъ, сторонъ

бытія человѣка и вещей, до коихъ Философія не доходитъ и дойти... не смѣетъ.

Нѣсколько чертъ изъ жизни преосвященнаго Тихона I., Епископа Воронежскаго (*).

Преосвященный Тихонъ, бывши еще Епархіальнымъ Архіереемъ Воронежскимъ и Елецкимъ, изъ всѣхъ городовъ ввѣренной ему Епархіи, преимущественно любилъ городъ Елецъ, какъ издревле славящійся благочестіемъ и усердіемъ жителей къ храмамъ Божіимъ, и нерѣдко называлъ его Сіономъ. Бывъ на паствѣ, онъ часто посѣщалъ сей городъ, а потомъ, живя на покоѣ въ Задонскомъ Монастырѣ (въ 38-ми верстахъ отъ Ельца), съ особеннымъ благоволеніемъ принималъ въ своей келліи нѣкоторыхъ изъ гражданъ Ельца.— Почему неудивительно, что тамъ сохранились многія достопамятныя сказанія о семъ незабвенномъ и примѣрномъ, по духовной жизни и ученію, Архипастырѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ мы передаемъ здѣсь въ духовную пользу нашимъ читателямъ.

Одинъ изъ гражданъ Елецкихъ, Косма И. С. пользовался преимущественною довѣренностію Преосвященнаго Тихона, и часто бывалъ у него въ Задонскѣ. Однажды, на 6-й недѣли В. Поста, Косма приглашенъ былъ къ Преосвященному, и не смотря на опасный, по причинѣ разлива рѣкъ, путь прибылъ къ нему. Преосвященный въ это время чувствовалъ нѣкое сильное душевное смущеніе и уныніе: но свиданіе и бесѣда съ благочестивымъ Космою столько были пріятны Святителю, что онъ сдѣлался даже веселъ, и пригласилъ Космy и Схимонаха Митрофана, котораго также особенно любилъ, на другой день къ постному столу своему. День этотъ былъ пятница. Послѣ стола у Преосвященнаго, Митрофанъ зная, что другъ его, Косма, не будетъ съ нимъ въ праздникъ Ваій, вздумалъ угостить своего гостя приготовленною на праздникъ рыбою. Но когда друзья сѣли раздѣлить трапезу, вдругъ увидѣли предъ собою Преосвященнаго, который неожиданно вошелъ въ келлію Митрофана. Это такъ смутило обоихъ друзей, что они не знали какъ извиниться предъ Владыкою, а Митрофанъ палъ предъ нимъ на колѣна. Тогда благій Архипастырь, знавшій хорошо добрую жизнь Космы и Митрофана, сказалъ: „садитесь, я васъ знаю; любовь выше поста.“ Потомъ, чтобы еще болѣе успокоить смятенныхъ, самъ нѣсколько отвѣдалъ ухи ихъ. Эта Пастырская благость тѣмъ была чувствительнѣе для обоихъ, что имъ очень хорошо извѣстна была строгость жизни Преосвященнаго, который не только не употреблялъ рыбы во время В. Поста, но въ понедѣльникъ, среду и пятокъ не употреблялъ даже никакого масла.

Слѣдующее сказаніе показываетъ другую пастырскую добродѣтель того-же Святителя,— смиреніе. Однажды,— такъ разсказывалъ самъ Преосвященный упомянутому Космѣ,— пришли къ нему мысли высокоумія, которыхъ долгое время не могъ онъ отогнать отъ себя. Борясь съ этими мыслями сидѣлъ онъ на своемъ крыльцѣ. Вдругъ видитъ бѣгущаго изъ Церкви одного

(*) Изъ рукописныхъ сказаній о немъ, хранящихся у одной почтенной Христіанки.

юродиваго (Каменева), окруженнаго мальчиками, который, пробѣгая мимо Преосвященнаго, ударилъ его по щекѣ и сказалъ на ухо: „не высокоумь.“ Я, говоритъ Преосвященный, въ туже минуту почувствовалъ, что бѣсъ высокоумія отступилъ отъ меня. Въ благодарность за это врачевство, смиренный Святитель опредѣлилъ Каменеву пенсію, по 5 коп. въ день, которую и выдавалъ ему до самой кончины своей.

Люди, имѣющіе духовный вкусъ, найдутъ душевную пользу и въ слѣдующихъ сказаніяхъ, которыя доказываютъ особенную близость людей, живущихъ въ Богѣ, къ міру духовному.

Въ одно время Преосвященный чувствовалъ столь сильную головную боль, что не могъ вставать съ постели. Нѣтъ сомнѣнія, что душа болящаго искала тогда отрады въ одной молитвѣ. И вотъ онъ слышитъ надъ головою своею пѣніе Ангельское, сладость котораго ни съ чѣмъ несравненна. Боль головная тотчасъ утихла, и съ этого времени никогда уже не тревожила Преосвященнаго.

За три года предъ кончиною своею, онъ же Преосвященный разсказывалъ одному изъ благочестивыхъ мужей, что нѣкто, извѣстный ему человѣкъ, каждый день полагалъ по три земные поклона, говоря: скажи ми, Господи, кончину мою,— и былъ гласъ ему на упренней зарѣ, тихо произнесшій: „въ день недѣльный.“ Описывающій здѣсь приводимые случаи замѣчаетъ, что это точно такъ и случилось: Преосв. Тихонъ I. скончался въ день недѣльный. (*)

(*) 1783 г. Авг. 13-го.

Незадолго предъ кончиною же, незабвенный Архипастырь призвалъ къ себѣ вышесказаннаго Косму и пересказалъ ему слѣдующій сонъ: я видѣлъ, говорилъ Преосвященный, среди монастыря необычайно высокую лѣствицу, которой верхъ скрывался въ облакахъ; ее окружало множество народа. Вдругъ подводятъ меня къ этой лѣствицѣ и велятъ восходить по ней: и я, сколько ни отговаривался отъ сего слабостію силъ моихъ, долженъ былъ повиноваться велѣнію. За мною послѣдовалъ и народъ, и подсаживалъ меня все выше и выше, такъ что я не чувствовалъ никакой усталости. Наконецъ, когда я подходилъ къ самымъ облакамъ, проснулся.— Благочестивый Косма, по требованію Преосвященнаго, такъ исполковалъ этотъ сонъ: лѣствица, говорилъ онъ, означаетъ путь въ царство небесное; крутизна и высота ея— тѣсноту и прискорбія пути сего; легкость восхожденія по лѣствицѣ есть дѣйствіе Благодати Божіей облегчающей труды праведныхъ; послѣдующій за нами народъ суть избранные Божіи, слушающіе ваши наставленія и имъ послѣдующіе, а поддерживающіе васъ въ восхожденіи тѣ, которые будутъ совершать поминовеніе по душѣ вашей. Преосвященный выслушавъ такое полкованіе сна, проливая слезы, сказалъ Космѣ: „такъ я и самъ тоже думаю; только прошу о семъ никому не говорить; я чувствую приближеніе кончины моей.“

Сему Святителю, пишетъ достовѣрный сказатель, городъ Елецъ много обязанъ исправленіемъ своей нравственности. Архипастырь своими наставленіями и увѣщаніями много способствовалъ къ истребленію въ этомъ городѣ,

издревле существовавшихъ, кулачныхъ боевъ, безчинныхъ пиршествъ на масляницѣ, народныхъ сборищъ и пьянства при качеляхъ (особенно 29 и 30 Іюня и 20 и 21 Іюля), сборищъ, которыя сопровождались иногда самыми несчастными паденіями людей съ качелей.— Въ память благодѣяній и любви къ гор. Ельцу Архипастыря, тамошніе граждане совершаютъ доселѣ по усопшемъ благодѣтелѣ своемъ паннихиду ежегодно, 16 Іюня и 13 Августа. Паннихида совершается не только въ Задонскѣ, но и въ самомъ Ельцѣ, не частно, а торжественно, не смотря на то, что гор. Елецъ давно уже не принадлежитъ къ Воронежской Епархіи. *Правды мужей милостивыхъ незабвены. Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребени быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь* (Сирах. 44, 9. 13. 14).

Притча.

Слѣпой и хромой, стражи виноградника (*).

Одинъ господинъ, отправляясь въ путь, поставилъ въ виноградникѣ своемъ двухъ стражей, слѣпца и хромаго, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ни тотъ ни другой не могли обрывать винограда. Но когда плоды созрѣли, и слѣпый узналъ, отъ своего зрячаго товарища, о богатствахъ господскаго сада, то придумалъ слѣдующее средство, чтобы воспользоваться ими: сталъ носить на себѣ хромаго и заставилъ его обрывать плоды виноградника.—

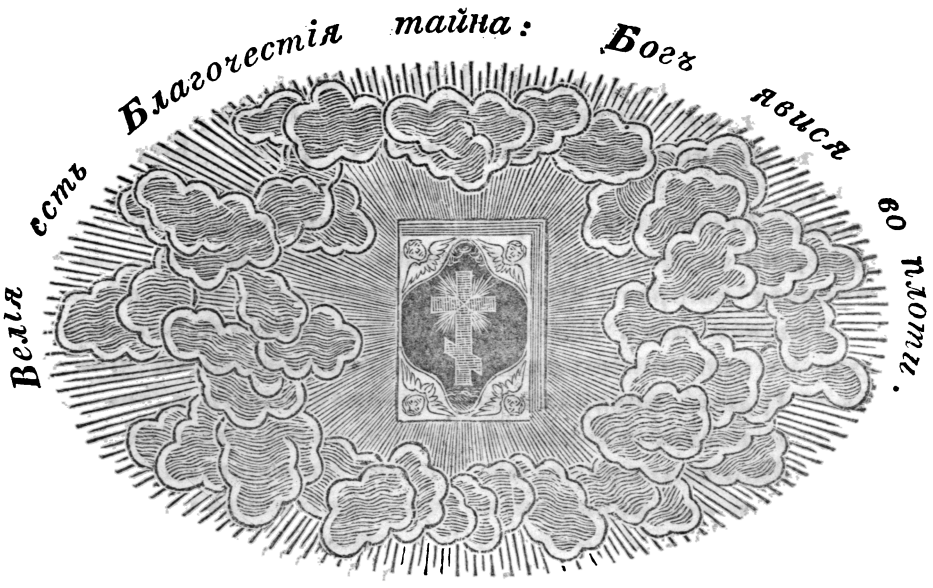
Наконецъ возвращается господинъ; видитъ слѣды похищенія въ саду своемъ, и призываетъ къ отвѣту обоихъ стражей. Слѣпецъ сталъ слагать всю вину на хромаго, говоря, что онъ безъ послѣдняго, по слѣпотѣ своей, не могъ бы найти и дороги въ саду; храмой напротивъ обвинялъ одного слѣпца, потому что безъ него первый не могъ доставать плодовъ. Но извиненія были тщетны: господинъ велѣлъ опять посадить хромаго на плеча слѣпцу, и, въ этомъ положеніи, обоихъ бить безъ милости.

Изъясненіе. Слѣпый стражъ есть душа, хромый— тѣло человѣка. Какъ та и другая часть существа человѣческаго здѣсь согрѣшаютъ совокупно; то Господинъ виноградника, Судія всѣхъ человѣковъ, на страшномъ судѣ своемъ, осудитъ на мученіе и тѣло и душу вмѣстѣ.

(*) Прол. Сентябр. 28.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 16 Ноября 1858 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Іереміи.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 38. НЕДѢЛЯ 30 ПРЕДЪ РОЖ. ХРИСТОВЫМЪ. ДЕКАБРЯ 18. 1838.

Апостолъ: Евр. 11, 9, 10. 17—40. Евангеліе. Матѳ. 1, 1—25.

Предпразднуимъ людіе Христово рождество, и, умъ вознесше, къ Виѳлеему вознесемся мыслію, и узримъ въ вертепѣ веліе таинство: отверзеся бо Едемъ, отъ Дѣвы чистыя Богу происходящу, совершенъ сый тойже въ Божествѣ и человѣчествѣ. Тѣмже воззовемъ: святый Боже Отче безначальный, святый крѣпкій, Сыне воплотивыйся, святый безсмертный, утѣшительный Душе: Тройце святая слава тебѣ.

СВ. ПРОРОКЪ АГГЕЙ (*).

Аггей (Евр. Хаггай,— радостный, веселый торжествующій), десятый изъ числа, такъ называемыхъ, меньшихъ Пророковъ. Время своего пророческаго служенія Аггей самъ ясно опредѣляетъ въ своей книгѣ; это второй годъ царствованія Дарія сына Истаспова, вступившаго на престолъ Персидскій послѣ Камбиза, преемника Кирова, и 15-й послѣ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго. О другихъ обстоятельствахъ своей жизни Пророкъ не говоритъ ничего: но его молчаніе восполняютъ писатели Христіанскіе. По сказанію

(*) Память его 16 Декаб.

Епифанія, Дороѳея и Исидора, Аггей родился въ Вавилонѣ и вышелъ изъ плѣна еще въ молодыхъ лѣтахъ; умеръ въ Іерусалимѣ и погребенъ съ великою почестію въ гробницахъ священническихъ; почему и догадываются, что онъ происходилъ отъ колѣна Левіина.

Богъ воззвалъ Аггея къ Пророческому служенію, по случаю прекратившагося строенія втораго храма, дабы ободрить унывавшихъ Іудеевъ и побудить ихъ къ окончанію начатаго строенія.—Іудеи, возвратясь изъ плѣна, прежде всего, на мѣстѣ разрушеннаго Соломонова храма, начали строить новый—съ ревностію и усердіемъ (1 Ездр. 3, 8—10). Къ несчастію, въ это дѣло благочестія вмѣшались Самаряне: доказывая сродство свое съ Іудеями, они хотѣли участвовать и въ построеніи храма. Іудеи, горькимъ опытомъ дознавшіе, какъ гибельно для нихъ сообщеніе съ разновѣрцами, рѣшительно отвергли предложеніе Самарянъ. Посрамленные Самаряне старались всячески препятствовать Іудеямъ, и своими происками сдѣлали то, что работы храма при Артаксерксѣ (Камбизѣ) были остановлены вооруженною рукою (1 Ездр. 4, 5. 7). Іудеи, встрѣтивъ препятствіе своей благочестивой ревности, устремили всю свою дѣятельность на другіе предметы; занялись строеніемъ и украшеніемъ собственныхъ домовъ, полагая, что время строить храмъ еще не приспѣло (Агг. 1, 2). Подобныя размышленія и удовлетвореніе жизненнымъ потребностямъ, становившееся трудным по причинѣ не плодородія мало по малу охладили въ нихъ прежнюю благочестивую ревность: они оставались безпечными къ недокончанному храму и тогда, какъ препятствія прекратились, опасности со стороны враговъ миновались. Домъ Божій оставался въ развалинахъ уже не по злобѣ необрѣзанныхъ, но по нерадѣнію самихъ чтителей Іеговы. Въ сіе-то время является Аггей къ безпечнымъ Іудеямъ: то обличеніемъ и угрозами, то обѣтованіемъ помощи Божіей и предреченіемъ славы новаго храма, убѣждаетъ ихъ немедленно приступить къ окончанію, давно начатаго, строенія храма.

Книга Пророка Аггея состоитъ изъ четырехъ пророческихъ рѣчей: въ первой изъ нихъ Пророкъ обличаетъ нерадѣніе Іудеевъ о храмѣ Божіемъ; доказываетъ, что нерадѣніе сіе причиною недостатка и скудости во всемъ, претерпѣваемыхъ Іудеями: отъ того засухи и голодъ, отъ того неудачны всѣ дѣла Іудеевъ, что они дѣлаютъ не то, что надлежало бы дѣлать прежде всего (—1, 1—11). Во второй проповѣди Пророкъ предсказываетъ великую славу новаго храма, въ ушѣшеніе тѣхъ Іудеевъ, кои помнили еще красоту и величіе храма Соломонова, предъ которымъ основанія новаго храма казались какъ бы несущими (—2, 1—10). Въ третьей рѣчи своей Пророкъ отъ лица Божія побуждаетъ къ усердію въ построеніи храма; ибо безъ сердечнаго усердія къ Богу и Его дому всѣ ихъ приношенія, пожертвованія и труды будутъ нечисты предъ Богомъ и непріятны Ему (—11—20). Четвертая

рѣчь содержитъ обѣтованіе Божіе о избраніи Зоровавеля и его потомства (— 21—24).

Пророкъ Аггей, предрекая будущую славу втораго храма, предсказываетъ, между прочимъ, что въ сей храмъ пріидетъ *таяніе языковъ* (— 2, 7), что въ немъ даруетъ Богъ *миръ*. Въ семъ предсказаніи и древніе Іудейскіе толковники и Отцы Церкви единодушно усматривали пророчество о пришествіи Мессіи при существованіи втораго храма. Въ справедливости сего мнѣнія убѣждаетъ съ одной стороны изображеніе необыкновенной славы втораго храма. Извѣстно что второй храмъ и великолѣпіемъ и богатствомъ уступалъ во многомъ храму, построенному Соломономъ: чѣмъ же могъ онъ быть славнѣе послѣдняго? Извѣстно также, что во второмъ храмѣ не было уже ни Кивота Завѣта Господня — видимаго залога всегдашняго присутствія Божія, ни чудодѣйственнаго жезла Ааронова, ни златой стамны съ чудесною манною, ни Богописанныхъ скрижалей Завѣта: — недостатки, которые могли быть восполнены съ преизбыткомъ только присутствіемъ Мессіи. Съ другой — самое наименованіе необыкновеннаго посѣтителя храма — *таяніе языковъ*, подъ которымъ св. Писатели В. Завѣта всегда изображали Мессію даетъ разумѣть что Пророкъ говоритъ о семъ Божественномъ лицѣ.

Время исполненія сего пророчества давно уже прошло; храмъ Іерусалимскій воспріималъ неоднократно подъ кровъ свой, неузнаннаго Іудеями подъ покровомъ плоти, Господа всяческихъ; стѣны его оглашались многократно и изъ устъ самаго Миродавца, и изъ устъ св. Апостоловъ благовѣствованіемъ Евангельскаго мира, пріобрѣтеннаго крестною смертію Іисуса Христа; но сей миръ, не приняшый Іудеями, почилъ на языкахъ, узнавшихъ во І. Христѣ вѣками ожиданнаго Искупителя міра. Храмъ Іудейскій, какъ не нужный болѣе памятникъ обѣтованій Божіихъ, когда они уже исполнились на дѣлѣ, — разрушенъ до основанія, и своими развалинами засвидѣтельствовалъ исполненіе пророчества Аггеева. По сему-то доказательство о пришествіи Мессіи противъ Іудеевъ, заимствованное изъ пророчества Аггеева, Отцы Церкви почитали не отразимымъ.—

ЦАРСКІЕ ЧАСЫ

ПРЕДЪ ПРАЗДНИКОМЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА (*).

Праздникъ Рождества Христова, между прочимъ, имѣетъ ту особенность, что въ навечеріи онаго совершаются торжественно, такъ называемые, *Царскіе* часы, отличные отъ обыкновенныхъ повседневныхъ Церковныхъ службъ, извѣстныхъ подъ именемъ часовъ. Часы сіи сдѣлались извѣстными въ Церкви около временъ Іерусалимскаго Патріарха Софронія, который написалъ для нихъ нѣсколько трогательныхъ пѣсней. Царскими называются они потому, что древніе

(*) Совершаются или на канунѣ праздника, или (какъ нынѣ) въ Пятокъ, если праздникъ бываетъ въ Воскресенье или Понедѣльникъ.

Императоры Греческіе, а въ послѣдствіи времени и Россійскіе Самодержцы, съ особенною торжественностію приходили слушать ихъ; почему въ концѣ часовъ возглашается многолѣтіе Царямъ, съ полнымъ ихъ титуломъ. Въ сихъ Часахъ обыкновенные псалмы и стихиры замѣнены псалмами, тропарями, и стихирами, приличными наступающему празднеству.

И по содержанію и по священной важности — отправленія, Часы въ навечеріи Рождества Христова заслуживаютъ все благочестивое вниманіе Христіанъ, и вполнѣ достойны наименованія *Царскихъ*. Важнѣйшіе изъ древнихъ Пророковъ, предвозвѣстившихъ явленіе Бога во плоти, соединены въ нихъ въ одно и какъ бы вмѣстѣ съ хорами Ангеловъ привѣтствуютъ снишествіе на землю Того, котораго они такъ пламенно желали узрѣть. Прежде всего слышится вдохновенная псалтырь св. Богоотца Давида, сквозь сумракъ вѣковъ отдаленныхъ ясно созерцавшаго будущее величіе Божественнаго потомка своего: *Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ; изліяся благодать во устнахъ твоихъ; сего ради благословитъ тя Богъ во вѣкъ.— Препояши мечь твой по бедрѣ твоей сильне, красотою твоею и добротою твоею, и наляцы и успѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды, и наставитъ тя дивно десница твоя* (Пс. 44). Онъ воспѣваетъ его предвѣчное рожденіе: *изъ чрева прежде денницы родихъ тя* (Псал. 109, 3). Видитъ, какъ иноземные ца; и привѣтствуютъ дарами новорожденнаго Царя Царей, и народы спѣшатъ укрыться подъ сѣнію благодатнаго Царства его: *Царіе Ѳарсійстіи и острови дары принесутъ, Царіе Аравстіи и Сава, дары приведутъ и поклонятся Ему вси Царіе земстіи, вси языцы поработаютъ Ему* (Псал. 71). Воспѣваетъ наконецъ миръ и благоденствіе сего славнаго царства: *да воспріимутъ горы миръ людемъ и холмы правду; судитъ нищимъ людскимъ, и спасетъ сыны убогихъ и смиритъ клеветника; возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира..... будетъ имя Его благословенно во вѣкъ, прежде солнца пребываетъ имя Его, и благословятся въ немъ вся колѣна земная, вси языцы ублажатъ Его* (Псал. 71, 3. 4. 7 и 77).

Вслѣдъ за вдохновенными псалмами Давида, слышатся гласы древнихъ Пророковъ: Михея, предвозвѣстившаго рожденіе въ Виѳлеемѣ великаго Вождя Израилева; Іереміи, предузрѣвшаго Востокъ, свыше грядущій озарить вселенную новымъ свѣтомъ; и особенно дивное пророчество Исаіи, за семь вѣковъ предузрѣвшаго безсѣменное зачатіе Богочеловѣка: *слышите доме Давидовъ* .... восклицаетъ сей — какъ называютъ его Отцы Церкви — Евангелистъ Ветхаго Завѣта — *самъ Господь дастъ вамъ знаменіе: се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ ..... съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покаряйтеся, услышите до послѣднихъ земли, могущіи покаряйтеся.... Отрока родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, егоже начальство бысть на рамѣ Его, и нарекется имя Его великаго совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпокъ, Властитель, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка....* (Исаіи гл. 7. 8 и 9).

Свѣтлыя видѣнія древнихъ пророковъ смѣняются прогательнымъ повѣствованіемъ Евангелистовъ о первыхъ минутахъ земной жизни Господа Младенца, и словами Боговдохновеннаго

Павла, раскрывающими догматическую и нравственную мысль праздника. Въ промежуткахъ сихъ чтеній, пѣснь церковная, живая и торжественная болѣе, нежели въ обыкновенныхъ службахъ,— то, въ видѣ гимна, изумляется, славитъ, призываетъ небо и землю къ хвалѣ Всевышнему, то, какъ молитва, изливается въ святыхъ чувствахъ благодаренія и покорности Создателю вселенной, то представляетъ лица изъ временъ самаго событія дѣйствующими и трогательно бесѣдующими. Большая часть сихъ пѣсней принадлежитъ славному витіи Христіанскому, Іерусалимскому Патріарху Софронію.

Самое отправленіе Царскихъ Часовъ отзывается особенною торжественностію. Оно начинается изнесеніемъ чрезъ царскія врата св. Евангелія изъ алтаря, внѣ котораго оно лежитъ во все продолженіе часовъ, какъ бы въ знаменіе того, что раждающійся Спаситель теперь уже не таится, какъ нѣкогда во мракѣ вертепа, но лежитъ во свѣтѣ всѣмъ языкамъ. Предъ свящ. Евангеліемъ воскуряется ѳиміамъ въ воспоминаніе смирны и ливана, принесенныхъ мудрецами востока въ даръ Божественному младенцу. Въ древней Константинопольской Церкви, Государь вшедши въ церковь, прежде всего преклонялся предъ св. Евангеліемъ. Лице его, въ эти минуты, прекрасно напоминало собою тѣхъ восточныхъ царей или мудрецовъ, которые, отложивъ земное свое величіе, смиренно повергались нѣкогда предъ убогою колыбелью Господа— Младенца. Перенося такимъ образомъ мысль вѣрующихъ въ первыя минуты явленія Сына Божія на земли, и живописуя предъ очами ихъ событія, окружавшія колыбель Спасителя міра, Царскіе Часы наилучшимъ образомъ располагаютъ душу къ живѣйшему чувствованію благодѣяній Господа Іисуса Христа, и предуготовляютъ ее къ празднованію, достойному и Христіанина и праздниковъ Христіанскихъ.

ОБОЗРѢНІЕ
ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ЦЕРКВИ ПОДЗАКОННОЙ (*).

I. *Преобразованіе Церкви при Моисеѣ.*

Внявъ стонамъ угнѣтеннаго игомъ Египетскимъ народа своего, Богъ является Моисею на горѣ Хоривѣ; гласомъ изъ пламени горящей, но несгарающей, купины повелѣваетъ ему итти въ Египетъ для избавленія народа своего отъ бѣдствій; открываетъ ему величественное имя свое *Сый* и вооружаетъ его чудесами. Соединясь на пути съ братомъ своимъ Аарономъ, великій посланникъ Божій предстаетъ предъ Фараона; проситъ у него позволенія народу Еврейскому совершить Богослуженіе въ пустыни; получаетъ горделивый отказъ; творитъ предъ Царемъ чудеса жезломъ своимъ, и, за непреклонность ожесточеннаго повелителя, поражаетъ Египетъ 10-ю чудесными казнями. Послѣдняя изъ нихъ— избіеніе чрезъ Ангела, въ одну ночь, всѣхъ первенцевъ Египетскихъ, сокрушаетъ наконецъ упорство Фараона, а вмѣстѣ и оковы рабства Египетскаго. Египтяне сами побуждаютъ Евреевъ оставить Египетъ, и они, приготовлен-

---

(*) Изъ недавно изданнаго Краткаго Начертанія Исторіи Церкви Ветхозавѣтной. Кіевъ 1838 г. въ Университетской Типографіи.—

ные къ пути пасхальною жертвою, которую ѣли съ жезлами въ рукахъ и въ одеждахъ путешественниковъ, выступаютъ изъ Египта въ числѣ 600,000 мужей, въ 15-й день Нисана (а), со всѣмъ своимъ имуществомъ (б). Но Фараонъ, жалѣя о потерѣ рабовъ, гонится за Евреями съ войскомъ. Тогда чудодѣйственный жезлъ Моисея поражаетъ Чермное море, и оно открываетъ дно свое для перехода Израильтянъ и для поглощенія Египтянъ, за ними слѣдовавшихъ. По ту сторону моря, воспѣвъ благодарную пѣснь Богу, Евреи идутъ по пустынѣ, очевидно предводимые и сохраняемые Богомъ. Нѣкое древо, показанное Богомъ Моисею, услаждаетъ имъ горькія воды Мерры; въ пустынѣ *Синѣ* начинаетъ для нихъ сходить съ неба, по утрамъ, необыкновенная пища— *манна*, а въ Рафадинѣ жезлъ Моисея изъ камня изводитъ источникъ воды для жаждущихъ. На путешественниковъ нападаютъ Амаликитяне, и побѣждаются не столько оружіемъ Евреевъ, сколько молитвою Моисея, во время сраженія воздвигавшаго руки свои къ небу на горѣ. Насталъ 50-й день по исходѣ изъ Египта. Тогда Богъ благоволилъ торжественно вступить въ завѣтъ съ цѣлымъ народомъ. Гора Синайская воспылала отъ сошествія на нее Іеговы; громы и трубные звуки потрясли землю, и въ слухъ народа провозглашены были 10 заповѣдей Божіихъ. Моисей на Синаѣ пріемлетъ законы для благоустройства Церкви и гражданскаго общества. Потомъ народъ, при олтарѣ изъ 12 камней, окропляется жертвенною кровію и клянется въ послушаніи Богу. Посредникъ между Богомъ и народомъ восходитъ опять на Синай; сорокъ дней пребываетъ здѣсь въ бесѣдѣ съ Богомъ, и получаетъ двѣ скрижали закона (в). Но въ сіе время нетерпѣливый народъ нарушаетъ завѣтъ свой съ Богомъ: считая Моисея погибшимъ, сливаетъ себѣ золотаго тельца, и покланяется ему какъ Богу. Гнѣвъ Божій грозитъ истребить за то весь народъ. Моисей хотя молитвою удерживаетъ готовую казнь, но самъ, сошедъ съ горы, не можетъ безъ сильнаго негодованія смотрѣть на безчинныхъ идолопоклонниковъ, ликующихъ вокругъ своего идола; разбиваетъ Богописанныя скрижали, сокрушаетъ и превращаетъ въ прахъ идола, и до 3000 виновныхъ предаетъ мечу Левитовъ. Послѣ сего онъ поспѣшаетъ опять на гору, проводитъ на ней 40 дней безъ пищи, и молится съ такою силою, что желаетъ самъ изглажденъ быть изъ книги жизни, для спасенія народа. Богъ возвращаетъ милость свою народу; Ангелъ *лица Божія* оставляется ему предводителемъ, а для большаго увѣренія въ томъ, слава Божія является Моисею самымъ торжественнымъ образомъ, и ему даются новыя скрижали закона. Сошедъ съ горы, Боговидецъ блистаетъ видѣнною имъ славою, и долженъ былъ покрывать лице свое предъ народомъ (г).

(а) Это начало церковнаго года Евреевъ. 15-й день *Нисана* соотвѣтствуетъ Мартовскому полнолунію (первому послѣ весенняго равноденствія). Слѣдующіе мѣсяцы послѣ *Нисана* у Евреевъ: *Ииръ* или *Іяръ*, *Сиванъ*, *Ѳаммузъ*, *Авъ*, *Елулъ*, *Тисри*, *Булъ* или *Мархешванъ*, *Каслевъ*, *Тебетъ*, *Шебатъ*, *Адаръ*, и дополнительный мѣсяцъ— *Веадаръ*. Началомъ экономическаго года считался Тисри, или 7-й въ году церковномъ.

(б) Исх. гл. 5—13.

(в) Исх. гл. 14—17. 19—31.

(г) Исх. гл. 32—34.

Такъ совершилось великое преобразованіе Церкви. Цѣлый народъ былъ совершенно отдѣленъ отъ другихъ народовъ и освященъ быть хранителемъ Божественныхъ постановленій; внутренній законъ изложенъ былъ внѣшно на скрижаляхъ: Церковь получила постоянныя правила для Богослуженія—законъ обрядовый, извѣстное священное мѣсто—походный храмъ или Скинію, постоянное священство и законы гражданскіе. Завѣтъ Божій хотя представлялъ видъ завѣта дѣлъ, но въ существѣ своемъ онъ былъ тотъ же завѣтъ благодати. Ибо строгость закона была допущена для того, чтобъ тѣмъ болѣе возчувствовали человѣки свою немощь естественную и нужду въ благодати, а обряды были только сѣнію и образами благъ грядущихъ (а). Весь законъ былъ подобенъ покрывалу Моисееву (б), подъ коимъ сокрывалась слава Благодати.

II. *Странствованіе 40-лѣтнее въ пустынѣ.*

По учрежденіи новаго порядка въ Церкви, Богъ велъ народъ свой далѣе по пустынѣ. Малодушный народъ, по своенравію и прихотямъ своимъ, многократно ропщетъ на Бога и на Моисея. Богъ то исполняетъ требованія малодушныхъ, то наказуетъ непокорныхъ (в). Приблизясь къ землѣ обѣтованной, Евреи посылаютъ въ нее 12 соглядатаевъ; по возвращеніи ихъ чрезъ 40 дней, узнаютъ о великой силѣ, о множествѣ и ростѣ обитателей Палестины, и приходятъ въ такой страхъ и безуміе, что хотятъ избрать себѣ новаго вождя, и возвратиться въ Египетъ. Богъ осуждаетъ за то весь народъ 40 лѣтъ странствовать въ пустынѣ; возвѣщаетъ, что никто отъ 20-лѣтняго возраста, изъ вышедшихъ изъ Египта, не увидитъ земли обѣтованной, кромѣ двухъ вѣрныхъ Богу соглядатаевъ, Іисуса Навина и Халева, а 10 прочихъ, своими малодушными разсказами, бывшихъ причиною народнаго возмущенія, въ тоже время поражаетъ внезапною смертію. Тщетно народъ хотѣлъ измѣнить опредѣленіе Божіе: покушенія ихъ вторгнуться въ землю обѣтованную были напрасны; отраженные ея жителями, они принуждены были возвратиться къ Чермному морю (г). Отсюда подвигаясь медленно, въ 37 лѣтъ, они только 17 разъ перемѣняли мѣсто (д). Почти всѣ исшедшіе изъ Египта пали въ пустынѣ. Въ 40-й годъ, на границахъ Идумеи, умерла сестра Моисеева, Маріамъ, и самимъ Аарону и Моисею суждено было умереть внѣ земли обѣтованной, за то, что сіи вожди народа оказали нѣкогда предъ народомъ нѣкоторое маловѣріе при изведеніи воды изъ камня (е). На горѣ Оръ Ааронъ торжественно былъ разоблаченъ, передалъ первосвященство сыну своему Елеазару, и скончался. Моисей, предъ смертію своею, еще являлъ въ себѣ силу Божію. Онъ побѣдилъ Царя Арадскаго, попомъ Сіона, Царя Аморрейскаго и Ога, Царя Васанскаго. Моавитяне и Мадіанитяне вмѣсто оружія хотѣли противопоставить Евреямъ проклятія волхва Валаама: но три

(а) Евр 10, 1, Колос. 2, 17.
(б) 2 Кор. 3, 13—18.
(в) См. Числ. гл. 11.
(г) Числ. гл. 13 и 14.
(д) См. исчисленіе станововъ. Числ. гл. 33.
(е) Числ. 20, 10, 11.

раза восходилъ Валаамъ на мѣсто заклинаній, и три раза, вмѣсто проклятій, произносилъ благословенія на народъ Божій, и даже пророчествовалъ о *Звѣздѣ*, имѣющей возсіять отъ Іакова Но послѣ тотъ же Валаамъ, ослѣпленный дарами, обольщеніями женъ Мадіамскихъ вовлекъ Евреевъ въ идолопоклонство, за что 24,000 погибло у нихъ отъ язвы. Ревнитель благочестія, Финеесъ, сынъ Елеазара, съ 12,000 избранныхъ, отмстилъ Мадіанитянамъ, и истребилъ ихъ вмѣстѣ съ Валаамомъ (а).

Готовясь къ смерти, Моисей назначилъ преемникомъ своимъ *Іисуса Навина*; завоеванныя земли (по ту сторону Іордана) отдалъ во владѣніе племенамъ Рувимову и Гадову и полуплемени Манассіи; далъ наставленія касательно овладѣнія и раздѣленія земли обѣтованной. Потомъ созываетъ Израильтянъ; въ сильной рѣчи описываетъ благодѣянія Божіи, доселѣ имъ явленныя; повторяетъ законъ; угрожаетъ проклятіями нарушителямъ его и возвѣщаетъ благословенія вѣрнымъ; пророчествуетъ о Великомъ Пророкѣ, или Мессіи, и о судьбѣ народа; наконецъ восходитъ на гору Нававъ, обозрѣваетъ все пространство земли обѣтованной, и отходитъ духомъ въ другую жизнь. Мѣсто погребенія его сокрыто было отъ суевѣрнаго народа (б).

III. *Насажденіе Церкви въ землѣ обѣтованной.*

Духъ, дѣйствовавшій въ Моисеѣ, чудодѣйствовалъ и въ его преемникѣ. По повелѣнію Іисуса Навина, жрецы поднимаютъ Ковегъ завѣта, вступаютъ въ Іорданъ, и воды его, остановясь вверху, открываютъ свободный путь всему ополченію Израильскому. Перешедъ Іорданъ и совершивъ законные обряды, Навинъ ведетъ полки къ Іерихону, ежедневно обходитъ съ Ковчегомъ вокругъ стѣнъ его, а въ седьмый день обходитъ крѣпость седмикратно и, при звукѣ трубъ и кликѣ народа, видитъ паденіе стѣнъ города, и все предаетъ въ немъ мечу и огню: одна только *Раавъ*, спасшая прежде сего двухъ Еврейскихъ соглядатаевъ отъ поисковъ Царя Іерихонскаго, была пощажена съ своимъ семействомъ. При семъ нѣкто Ахаръ, вопреки волѣ Божіей, утаилъ у себя вещи, взятыя имъ въ Іерихонѣ: по сей причинѣ первый приступъ Евреевъ къ Гаю былъ неудаченъ; когда же преступленіе было открыто и очищено казнію виновнаго, то Богъ возвратилъ благословеніе оружію ихъ. Жители Гаваона успѣли обмануть побѣдителей видомъ дальнихъ странниковъ и заключили съ ними клятвенный союзъ. Обманъ былъ открытъ (в), но Евреи не измѣнили своей клятвѣ, и, защищая своихъ союзниковъ, побѣдили Царя Іерусалимскаго и четырехъ другихъ Царей. Такимъ образомъ скоро завоевана была вся южная часть Палестины, а потомъ и сѣверная, посредствомъ побѣды надъ Царемъ Асорскимъ. Въ 6 лѣтъ истребленъ 31 Царь, и земля очищена для народа Божія: только немногіе города, особенно въ

(а) Числ. гл. 20—25. 31—36.

(б) См. кн. Второзаконія.

(в) Гаваонитны, въ наказаніе имъ, опредѣлены въ рабскія должности, и въ послѣдствіе времени считались при Скиніи подъ именемъ *Нетинеевъ* (данныхъ).

странахъ приморскихъ, были оставлены. Послѣ сего Іисусъ Навинъ раздѣлилъ землю по жребію 9-ти колѣнамъ съ половиною, не получившимъ своихъ удѣловъ при Моисеѣ (а), и старался утверждать не только жилище, но и благочестіе народа. Предъ смертію своею, онъ, подобно Моисею, созывалъ Евреевъ, напоминалъ имъ благодѣянія къ нимъ Божіи и убѣждалъ твердо хранить вѣру въ Бога отцевъ своихъ, отъ котораго одного они должны были надѣяться помощи, безопасности и благоденствія (б).

СЛОВО

НА ИЗБРАНІЕ ИЗЪ ДВОРЯНСТВА СУДЕЙ ДЛЯ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

И помолившѐся рѣша: Ты, Господи сердцевѣдче всѣхъ, покажи егоже избралъ еси отъ сею двою единаго, пріяти жребій служенія сего и Апостольства (Дѣян. 1, 24).

Чувствую, что примѣръ избранія, какой представляю вамъ, Благор. Мужи, изъ слова Божія, слишкомъ высокъ и далеко превосходитъ всѣ обыкновенныя избранія человѣческія. Это такое избраніе, въ которомъ избирателями были мужи Богодухновенные, Святые Апостолы, а предметомъ избранія былъ также Апостолъ, чрезвычайный учитель вселенной, очевидный свидѣтель Господа нашего Іис. Христа, одинъ изъ первыхъ служителей Его благодатнаго Царствія и даже одинъ изъ будущихъ Судей на вселенскомъ судилищѣ Христовомъ (Матѳ. 19, 28). Но въ этомъ столь высокомъ примѣрѣ вотъ что останавливаетъ все наше вниманіе и можетъ дать намъ, при настоящемъ случаѣ, самое поучительное правило: мужи Богодухновенные, друзья Іисуса Христа (Іоан. 15, 14. 15), не рѣшаются одни, сами собою, избрать своего сослужителя, а, посредствомъ молитвы, передаютъ избраніе самому Господу, сердцевѣдцу: *и помолившѐся рѣша: Ты, Господи сердцевѣдче всѣхъ, покажи егоже избралъ еси!* Что значитъ сіе? то, Благ. Мужи, что избраніе тогда только совершенно непогрѣшительно, свято, когда избираетъ самъ Господь сердцевѣдецъ, а не человѣкъ, тщетно надѣющійся на одну свою прозорливость, на одни свои познанія, человѣкъ, самъ по себѣ, всегда подверженный заблужденіямъ и погрѣшностямъ. Что же нужно, чтобъ и наши избранія были сколько возможно непогрѣшительны, святы? нужно, чтобъ они имѣли всего менѣе человѣческаго, и всего болѣе Божіяго, чтобъ столько были чисты, благонамѣренны, благочестивы, дабы удостоились отъ самаго Господа Его благословенія и благодатнаго утвержденія.

Не смѣю преподавать вамъ, просвѣщенные мужи, наставленія отъ самаго себя: что должно дѣлать вамъ, и чего не дѣлать, чтобъ избранія ваши были благоугодны Господу; а поста-

---

(а) См. кн. Іисуса Навина.

(б) Ближе всѣхъ къ Идумеи (на югѣ) поселились колѣна: Іудино и Симеоново, далѣе къ сѣверу— Веніаминово и Дановo, въ срединѣ Палестины: Ефремово и половина Манассіина, еще далѣе— Иссахарово и Завулоново, а наконецъ— къ Финикіи и Сиріи— Нефѳалимово и Аспрово. Колѣно Левіино не получило особеннаго удѣла, а получило по нѣсколько городовъ въ другихъ колѣнахъ (всего 48 городовъ и 6 городовъ убѣжищныхъ).

раюсь указать нужное наставленіе въ словѣ Божіи, — въ томъ же святомъ примѣрѣ избранія Апостольскаго.

Избирая своего великаго сослужителя Апостолы дѣйствовали ли съ своей стороны сами, или ожидали только манія свыше? дѣйствовали и, какъ бы съ намѣреніемъ преподать своимъ примѣромъ наставленіе намъ, употребили всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ достойному избранію. Вопервыхъ старѣйшій изъ Апостоловъ, св. Петръ изъ слова Божія показываетъ собранію важность предстоящаго избранія, изъясняетъ что на это есть непремѣнная воля Божія, выраженная въ пророчествѣ Псалма: *епископство его да пріиметъ иной* (Псал. 108, 8). Вотъ первый урокъ! Прежде всего должно размыслить о важности предстоящаго избранія и о важности того общественнаго служенія, для котораго избираются достойные; должно быть увѣреннымъ, что и на это избраніе есть всесвятая воля Божія, — ибо *нѣсть власть аще не отъ Бога* (Римл. 13, 1), — и что служеніе, для котораго избираете достойныхъ, есть не только служенію Государю и отечеству, но и служеніе Богу: ибо сказано блюстителямъ правды въ Царствѣ: *не человѣческій судъ вы творите, но Господень* (2 Парал. 19, 6).

Возвысивъ умы и сердца собранія къ волѣ Божіей, Св. Ап. Петръ заключаетъ рѣчь свою слѣдующимъ предложеніемъ избирателямъ: *подобаетъ убо отъ сходившихся съ нами мужей во всяко лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ — свидѣтелю воскресенія Его быти съ нами единому отъ сихъ.* Вотъ изъ какого круга избираютъ св. Апостолы великаго служителя ко благу небеснаго на земли Царствія, т. е. Церкви Христовой: изъ круга неотлучныхъ послѣдователей самаго Царя сего Царствія, служившихъ уже прежде и сохранившихъ вѣрность и любовь къ Нему — *во всяко лѣто, въ неже вниде и изыде Господь Іисусъ* въ нихъ, *начатъ отъ крещенія Іоаннова даже до дне вознесенія на небо.* Да будетъ кругъ и вашего избранія, избранные мужи, въ тѣхъ, которые уже извѣстны благородному обществу вашему служеніемъ Царю и отечеству, между людьми, всегда, во всѣхъ случаяхъ, оказывавшими нелицемѣрную вѣрность и искреннюю любовь къ священному Помазаннику Божію. Это главное условіе къ тому, чтобъ избраніе было свято и угодно Господу, который самъ повелѣлъ воздавать *Кесарева Кесареви* какъ и *Божія Богови* (Матѳ. 22, 21) и устами Апостола говоритъ: *противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Римл. 13 2). Противникъ власти и недостоинъ никакой въ обществѣ власти; противникъ власти — противникъ Богу: какъ же будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе? что принесетъ онъ обществу и себѣ самому, кромѣ зла и пагубы? *Сокрушеніе и озлобленіе на путехъ* таковыхъ людей, *и пути мирнаго не познаша* (Римл. 3, 16. 17).

Но послѣдуемъ далѣе за ходомъ избранія Апостольскаго. *И поставиша два: Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ, и Матѳія.* Избираются немногіе изъ многихъ, по своимъ добродѣтелямъ извѣстнѣйшіе всему Христіанскому обществу. Іосифъ, прозывавшійся Варсавою, назывался еще *Іустомъ*, то-есть *Правдивымъ:* такое,

конечно, было общее мнѣніе объ одномъ избираемомъ! Нѣтъ сомнѣнія, что подобное сему мнѣніе было и о другомъ, который ставится на равнѣ съ первымъ. Это указываетъ намъ еще степень, на которую избраніе человѣческое должно возвышаться — до избранія Божія. Изъ круга вѣрныхъ да избираются вѣрнѣйшіе и извѣстнѣйшіе по своимъ добродѣтелямъ гражданскимъ и Христіанскимъ. Правдивый — Іустъ и благочестивый Матѳій достойны высшаго служенія общественнаго. Только тѣ, которыхъ исполняетъ и движетъ во всѣхъ дѣлахъ ихъ любовь къ правдѣ и благу общему, и одушевляетъ страхъ Господень, имѣютъ благодать у Вога и человѣковъ, заслуживаютъ довѣренность общую и могутъ непостыдно и безгрѣшно быть представлены, на утвержденіе въ служеніи, самому Господу.

Наконецъ святые избиратели, сдѣлавъ съ своей стороны все должное, осмѣливаются уже предать избраніе свое на окончательное избраніе и утвержденіе Господа. И помолившеся рѣша: *Ты, Господи сердцевѣдче всѣхъ, покажи егоже избралъ еси отъ сею двою единаго пріяти жребій служенія сего и апостольства.* О еслибы, съ такимъ же дерзновеніемъ, могли и вы, Благородное Сословіе, представить Господу вами избираемыхъ, — на Его высочайшее утвержденіе! Много, конечно, значитъ и то, когда избранные представляются на утвержденіе высшему начальнику земному: такимъ образомъ избраніе еще болѣе очищается. Но очищается ли совершенно? — Нѣтъ, почтенные избиратели! отъ васъ, какъ мужей благородныхъ и Христіанъ просвѣщенныхъ требуется болѣе: явите такое избраніе, которое было бы достойно благоволительнаго взора самаго Сердцевѣдца, Его одобренія, Его благодатнаго утвержденія. Тогда избраніе будетъ совершенно чисто, свято, и — благословенное свыше — содѣлается источникомъ благословеній и истинныхъ благъ для народа и для васъ самихъ.

Не такого ли избранія желаете и вы сами, благородные сыны отечества? Что значитъ то, что вы предъ начатіемъ вашего дѣла молитвенно призываете помощь Всевышняго? и что значитъ священная присяга, которую вы готовитесь приносить предъ Всевидящимъ и Всесвятымъ? То, что вы призываете самаго Господа быть свидѣтелемъ вашихъ совѣщаній и избраній, призываете въ помощь Его всепромыслительную премудрость, которая говоритъ: *Мой совѣтъ и утвержденіе, мой разумъ, моя же крѣпость: мною Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8, 14. 15), и поставляете сами себя въ ближайшее присутствіе того, кто сказалъ: *Азъ Господь испытуяй сердца и искушаяй утробы, еже воздати комуждо по пути его, по плодомъ изобрѣтеній его* (Іерем. 17, 10). Такъ свято начинаемое дѣло свято и да продолжается и совершится! Да не возмутятъ святаго расположенія, сердецъ вашихъ какія-либо страсти; да удаляется изъ благороднаго сословія вашего низкая вражда и зависть, презрѣнное ласкательство и недоброжелательство, и весьма неблагородныя чувства — честолюбіе и корыстолюбіе, и да вѣщаютъ въ васъ только любовь къ Государю и отечеству, любовь къ порядку, правосудію и благу общему, и да будетъ правителемъ всѣхъ дѣйствій вашихъ — священный страхъ Божій! — Одушевляясь сими чувствами,

не оставляй, почтенный избиратель, молитвеннаго настроенія сердца твоего и при самомъ дѣйствіи избранія; но и тогда, какъ полагаешь ты жребій одобренія или неодобренія твоему собрату, сердечнымъ окомъ взирай ко Господу и въ чистой совѣсти говори Ему: *Ты, Господи сердцевѣдче всѣхъ, покажи егоже избралъ еси,* Ты самъ управи, освяти и утверди наше избраніе! Аминь.

ПРИТЧИ ПРЕП. АРСЕНІЯ (*).

Ангелъ показалъ мнѣ, говорилъ Преп. Арсеній, человѣка сѣкущаго дрова и складывающаго ихъ въ одно бремя. Этотъ человѣкъ неразъ пытался поднять свою ношу, но вмѣсто того, чтобъ уменьшить ее, онъ прикладывалъ къ ней новыя дрова. Въ другомъ мѣстѣ показанъ былъ мнѣ человѣкъ, стоящій у колодезя, черпающій воду и льющій ее въ худую кадку. Сколько ни наливалъ онъ воды, она тотъ же часъ вытекала вонъ. Еще увидѣлъ я храмъ и двухъ мужей, которые силились внести въ него бревно. Они несли дерево не въ длину, а уставя его поперегъ дверей, и потому никакъ не могли войти во храмъ.

Изъясненіе. Первый человѣкъ означаетъ тѣхъ, которые прилагаютъ грѣхи къ грѣхамъ своимъ и не хотятъ оставить ихъ. Вторый есть тотъ, который и творитъ дѣла добрыя и не хочетъ покинуть грѣха, и такимъ образомъ никакой не получаетъ пользы для души своей. Два мужа послѣдніе изображаютъ тѣхъ, которые дѣлаютъ добро съ гордостію и не хотятъ ходить во смиреніи путемъ духовнымъ: они необходимо остаются внѣ Царствія небеснаго.

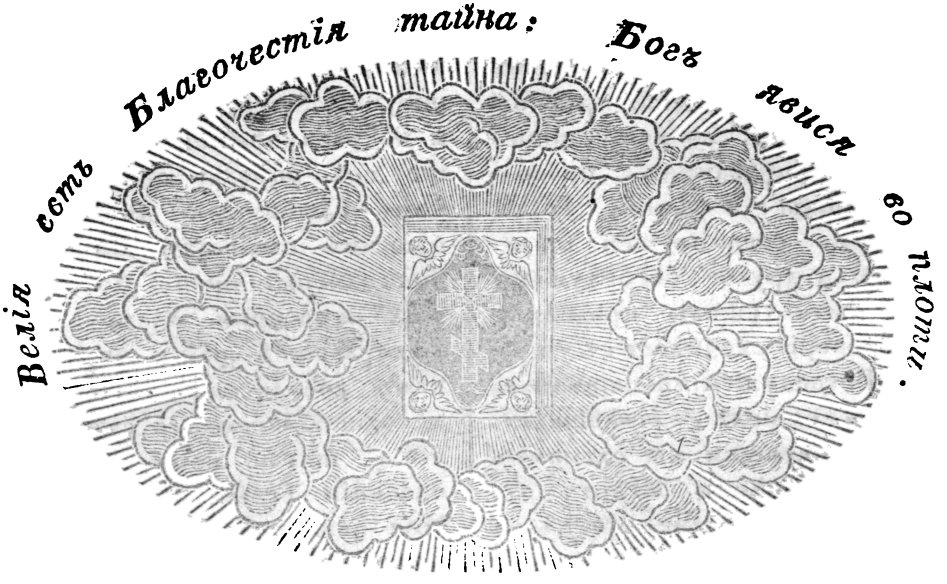
(*) Прологъ, Декабр. 3.

Что есть смерть?—

Одна истинная Христіанка, находясь при концѣ своей жизни, пересказала своему, довѣренному по христіанству, другу слѣдующее: „въ прошлую ночь, во всей явственности, явилась мнѣ во снѣ покойная сестра моя, и сказала съ невыразимою добротою: любезная сестра! ты слишкомъ страшишься близкой твоей смерти: хочешь ли знать, что такое смерть?“— „Ахъ, да, отвѣчала я,— скажи, что такое смерть? Мнѣ такъ бываетъ тяжело, когда я подумаю о ней.“ „Хорошо, любезная, я покажу тебѣ, что такое смерть! Смотри, вотъ *она!* Тутъ явившаяся тихо склонилась на софу; и тотчасъ изъ ея тѣла изшелъ чрезвычайно тонкой свѣтлой образъ человѣческій: то была— смерть. Тутъ *я* пробудилась.“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 23 Ноября 1858 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 39. ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. ДЕКАБРЯ 25. 1838.

Апостолъ: Галат. 4, 4—7. Евангеліе: Мат. 2, 1—12.

Придите возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе: средостѣніе градежа разрушися, пламенное оружіе плещи даетъ, и Херувімъ отступаетъ отъ древа жизни, и азъ райскія пищи причащаюся, отъ негоже прогнанъ быхъ преслушанія ради: неизмѣнный бо Образъ Отечь, Образъ присносущія Его, зракъ раба пріемлетъ, отъ неискусобрачныя Матере прошедъ, не преложеніе претерпѣвъ, еже бо бѣ пребысть, Богъ сый истинен, и еже не бѣ пріятъ, человѣкъ бывъ человѣколюбія ради. Тому возопіимъ: рождейся отъ Дѣвы Боже помилуй насъ.

БОГОСЛУЖЕНІЕ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Торжественный звонъ колоколовъ нынѣ ранѣе обыкновеннаго пробуждаетъ тебя, Христіанинъ, и призываетъ во храмъ Божій на утреннее славословіе. Не обманись востань и идши туда вмѣстѣ съ твоимъ семействомъ. Событіе, которое мы нынѣ торжественно воспоминаемъ, случилось еще ранѣе; Господь нашъ родился въ то время, когда Виѳлеемскіе пастыри были на стражѣ нощной при стадѣ своемъ (Лук. 2, 8). Пастыри удостоились слышать благовѣстіе Ангела и

славословіе небесное: иди и ты къ стаду Христову, и изъ устъ Церкви услышишь тоже благовѣстіе и тоже славословіе.

Утрени непосредственно предшествуетъ нынѣ Великое Повечеріе. Вотъ свидѣтельство на то, что древніе братія и отцы наши во всю ночь, на этотъ великій праздникъ, продолжали свои молитвы и пѣнія. Повечеріе обыкновенно соединяется съ вечернею; но то и другое богослуженіе въ древности было столь продолжительно, что повечеріе сходилось съ утренею, и всѣ три Богослуженія составляли, въ собственномъ смыслѣ, *всенощную*.

На великомъ повечеріи мы слышимъ пѣніе пророческой пѣсни Исаіи: *Съ нами Богъ*. Это торжественная пѣснь пѣхъ, которые сознаютъ присутствіе среди себя Господа — Еммануила. За обыкновенными псалмами великаго повечерія начинается *литія*, или всенародное служеніе, которое совершалось всегда среди народа, иногда подъ открытымъ небомъ, а нынѣ совершается въ притворѣ, или въ первой, отъ входа, части храма. Здѣсь внимаемъ мы сладкимъ пѣснямъ св. Дамаскина. Онъ призываетъ небо и землю, Ангеловъ и человѣковъ — къ торжеству духовному и къ совокупному пѣнію: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ! — Исполнилось чаяніе языковъ; пришелъ спасающій насъ отъ рабства діавольскаго; возсіялъ свѣтъ для омраченныхъ; принялъ плоть имѣющій обновить истлѣвшаго Адама. Вотъ волхвы, приведенные свѣтлою звѣздою, покланяются безлѣтному Младенцу! — На *стиховнѣ стихиры* (такъ называемыя по тому, что соединяются съ особенными, приличными случаю, *стихами* изъ св. Писанія) принадлежатъ Патріархамъ Константинопольскимъ Герману (8-го в.) и Анатолію (5-го в.). „Великое и преславное чудо совершилось нынѣ, — такъ поютъ святые Учители, — Дѣва раждаетъ, и утроба не повреждается, Слово пріемлетъ плоть, и не разлучается отъ Отца. — Пріидите всѣ народы поклонитеся рожденному Спасителю душъ нашихъ!“ Къ пѣснямъ святыхъ Патріарховъ присовокупляетъ преп. Дамаскинъ: „нынѣ узы осужденія Адамова разрѣшаются, отверзается рай, упраздняется змій; какъ древле жена, обольщенная зміемъ, исходатайствовала смерть всякой плоти, такъ нынѣ жена же — начало спасенія всему міру. Младенецъ изъ Нея рожденный запечатлѣваетъ дѣвство рожденіемъ, повитый пеленами разрушаетъ сѣти грѣха, и немощнымъ младенчествомъ своимъ врачуетъ болѣзни Евы. — Слава схожденію твоему, едине Человѣколюбче!“

На *утрени* еще болѣе торжественности въ церковныхъ пѣсняхъ, особенно тогда, какъ совершается *полиелей* и прочтется св. Евангеліе о Рождествѣ Господа. Евангеліе отъ Матѳея повѣствуетъ, какъ Ангелъ разрѣшилъ недоумѣніе св. Іосифа, Обручника, изъяснивъ, что зачатое во чревѣ пресв. Дѣвы есть отъ Духа Святаго; воспоминаетъ пророчество Исаіи: *Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*, и наконецъ возвѣщаетъ радостное событіе: *роди Сына своего первенца, и нарече имя ему Іисусъ*. Слава тебѣ, Господи, слава Тебѣ! — отвѣтствуетъ ликъ, и вскорѣ, по руководству святыхъ Космы Маіумскаго и Іоанна Дамаскина, начинаетъ славить рожденнаго Господа двумя стихотвореніями, или *канонами*:

„Христосъ раждается, славьте! Христосъ съ небесъ, срѣтайте! Христосъ на земли, возноситесь!“ — Такъ начинаются каноны и изображаютъ какъ блага, или плоды рождества Христова — предметъ славословій и благодаренія, такъ и то, какимъ образомъ должно срѣтать Христа, къ намъ грядущаго, и возноситься отъ земнаго.

„Премудрый Создатель грядетъ обновить истлѣвшаго человѣка; воплотившись, отъемлетъ проклятіе отъ несчастной утробы Евы (пѣснь 1). Съ плотію, воспріятою, соединяется естество Божественное; изъ Виѳлеема исходитъ сѣдящій на раменахъ херувимовъ, и воцаряется надъ всѣми (п. 3). Отъ колѣна Іудина возсіялъ Христосъ — чаяніе языковъ, звѣзда отъ Іакова (п. 4). Богъ мира послалъ намъ великаго совѣта Ангела, подающаго миръ; — Христосъ вписывается въ число рабовъ Кесаревыхъ, чтобы содѣлать насъ, рабовъ грѣха, свободными; уничтожаетъ силу душегубителя; соединяетъ міръ съ существами невещественными (п. 5). Возлежитъ въ яслѣхъ Владыка чистѣйшихъ силъ; является младенцемъ Отецъ будущаго вѣка, Богъ крѣпкій и Вседержитель. Богъ Слово укрѣпляетъ наше естество, не могшее сохранить древняго союза, и предлагаетъ вторый союзъ, неразрушимый страстями (п. 6). Благословенъ Онъ, Богъ отцевъ нашихъ, прославленный Ангелами и Виѳлеемскими пастырями; благословенъ, носящій подъ покровомъ тѣла богатство Божества, и низлагающій гордый и буйный грѣхъ міра (п. 7). Онъ пришелъ возвратить естество человѣческое съ пустынныхъ холмовъ на цвѣтущую нажить (п. 8). Мы видимъ уже не тѣни и образы, а свѣтъ истины (п. 9).“ — Вотъ предметы славословія и благодаренія!

Тѣже каноны, наставляя насъ достойно срѣтать Христа и возноситься, научаютъ пѣть и молиться: „Пѣвцевъ твоихъ, незыблемо утвержденныхъ на основаніи вѣры, вознеси, Всевидящій и Блаженный, превыше грѣха (п. 3). Народы, избѣгшіе пагубы врага непримиримаго, возносите руки съ похвальными пѣснями, почитая единаго Христа, Благодѣтеля (4). Приди, Христе, очисти насъ омраченныхъ дѣлами темными, и покажи намъ удобную стезю, по которой могли бы мы достигнуть славы (п. 5). Какъ Іона во глубинѣ морской, и я, уязвленный стрѣлами мучителя, взываю къ Тебѣ, Христе, истребителю зла: скоро приди во мнѣ безпечному (п. 6). — О Матерь Дѣва! хотя и трудно намъ составлять любовію пѣсни, но даруй намъ силу по нашему усердію. Даруй намъ благодать, непорочная Дѣво, поклониться Божественной славѣ (п. 9).

Радостныя *хвалитныя* пѣсни заключаетъ слѣдующая, кратко изображающая все существо праздника, пѣснь: „Нынѣ Христосъ въ Виѳлеемѣ раждается отъ Дѣвы; нынѣ безначальный начинается, и Слово воплощается; небесныя силы радуются и земля съ людьми веселится; волхвы приносятъ Владыкѣ дары; пастухи дивятся Рожденному, а мы непрестанно вопіемъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, къ человѣкамъ благоволеніе!“ Наконецъ все утреннее пѣніе заключается *великимъ славословіемъ*, которое особенно прилично настоящему празднику, потому что начинается тѣмъ же славословіемъ Ангельскимъ: слава въ выш-

ихъ Богу, — воспѣтымъ въ часъ рождества Спасителя.

На *Литургіи* поются приличные празднику *Антифоны*, или стихи, поемые на обоихъ клиросахъ попеременно. Стихи перваго Антифона избраны изъ Псалма 102-го, который есть благодареніе Господу за чудеса, явленныя Имъ во благо Церкви: *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, повѣмъ вся чудеса твоя.* Къ каждому стиху ликъ присовокупляетъ моленіе къ Спасителю: „молитвами Богородицы, Спасе, спаси насъ.“ Второй Антифонъ заимствуется изъ псалма 111-го, въ которомъ описывается особенное благоволеніе Божіе къ людямъ благочестивымъ: *Блаженъ мужъ боялся Господа, въ заповѣдехъ Его восхощетъ зѣло.* Къ стихамъ прилагается опять моленіе къ Спасителю: „Спаси насъ, Сыне Божій, рождейся отъ Дѣвы, поющія тя.“ Третій Антифонъ составляется изъ стиховъ 109 псалма, изображающаго благодатное царство Мессіи Господа: *Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене.* Здѣсь воспоминается и предвѣчное рожденіе Сына Божія: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя.* Ликъ, послѣ каждаго стиха, поетъ тропарь праздника: „Рождество твое, Христе Боже нашъ.“

Вмѣсто *Трисвятаго* поется нынѣ: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.“ Это напоминаетъ намъ то, что въ древности наканунѣ настоящаго праздника (такъ какъ и пропивъ другихъ великихъ праздниковъ) крещались оглашенные, а на самый праздникъ въ первый разъ слушали всю Литургію и причащались, вмѣстѣ съ другими вѣрными, святыхъ Таинъ. Пѣснію крещенія Церковь привѣтствовала когда новорожденныхъ чадъ своихъ.

Апостолъ (Галат. 4, 4 и дал.) указуетъ намъ на цѣль воплощенія Сына Божія: *Егда пріиде конечина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго, раждаема отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріимемъ.* А *Евангеліе* (Матѳ. 2, 1 и дал.), повѣствуя о пришествіи въ Іерусалимъ и въ Виѳлеемъ Волхвовъ и о поклоненіи ихъ новорожденному Царю — Младенцу, научаетъ и насъ покланяться Ему, который есть свѣтъ и благословеніе для всѣхъ народовъ.

Вмѣсто *Достойно есть* ликъ поетъ ирмосъ 9-й пѣсни: „Таинство странное вижу и преславное.“

Наконецъ, чтобы какъ первою, такъ и послѣднею мыслію нашею нынѣ было преславное, и вмѣстѣ самое смиренное, рожденіе Господа, Церковь напутствуетъ насъ въ домы слѣдующимъ *отпустомъ:* „Иже въ вертепѣ родившійся и во яслѣхъ возлегій спасенія нашего ради, Христосъ, истинный Богъ нашъ, — помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ.“

Исполненный сполъ радостною и спасительною мыслію облѣнится ли участвовать и въ вечернемъ славословіи — въ честь Рожденнаго для спасенія нашего Господа? Пусть, раздѣливъ радость свою съ семействомъ и съ другими, близкими къ его сердцу, поспѣшитъ онъ и на вечернее Богослуженіе праздника. Здѣсь опять услышитъ онъ много поучительнаго и радостнаго.

На *Стихирахъ*, предъ вечернимъ входомъ, (на *Господи воззвахъ*) такъ изображается дѣйствіе спасительной тайны рождества Христова: „Средо-

сѣнiе ограды разрушено, пламенное оружiе обращается вспять; Херувимъ отступаетъ отъ древа жизни, и я причащаюсь райской пищи: ибо Образъ Отца, Образъ Его присносущiя пріемлетъ видъ раба.— Свѣтъ отъ Свѣта, Сіяніе Отца! Ты просвѣтилъ всю тварь. Что принесемъ Тебѣ, Христе, явившійся для насъ человѣкомъ на земли?— Каждая изъ тварей твоихъ приноситъ тебѣ благодареніе: Ангелы— пѣніе, небеса— звѣзду, волхвы— дары, пастыри— удивленіе, земля вертепъ, пустыня— ясли, а мы приносимъ Матерь— Дѣву. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!“

Послѣ входа поется великій *прокименъ* (предположительный стихъ (*): „Кто Богъ великій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!“ Понятно, на какое величіе Божіе указываетъ нынѣ торжественная пѣснь сія: это величіе Сына Божія въ Его неизреченномъ смиреніи. Величайшее чудо являетъ Онъ намъ въ своемъ немощномъ младенчествѣ— чудо Божественной любви Его къ роду человѣческому! Кто могъ такъ возлюбить насъ? кто могъ низойти до такого глубокаго уничиженія, чтобы насъ возвысить отъ земнаго къ небесному? Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ?—

На *стиховнѣ* прекрасныя пѣсни Дамаскина возвышаютъ умы и сердца молящихся. „Нынѣ обновляется естество и Богъ содѣлывается человѣкомъ, пребывая тѣмъ, что былъ и пріемля, чѣмъ не былъ.— Господь, имѣющій престолъ— небо, положился въ ясляхъ, окруженный воинствами Ангеловъ снизошелъ пастухамъ.— Какъ изречь великое таинство? Безплотный воплощается, Слово облекается веществомъ, невидимый— видимъ, неосязаемый осязается, Сынъ Божій дѣлается сыномъ человѣческимъ,— сѣдящій на Херувимахъ возлежитъ въ ясляхъ.— Господи, слава Тебѣ!“

Благочестивый Христіанинъ! сколько духовныхъ сокровищъ можешь ты нынѣ изнесть изъ храма въ домъ твой! Слагай Богомудрыя слова Церкви въ сердцѣ твоемъ; повторяй ихъ и дома, и благоговѣйно размышляй о высокихъ и восхитительныхъ истинахъ, повѣданныхъ тебѣ Церковію. Все это разольетъ новый свѣтъ въ душѣ твоей и укрѣпитъ духовныя силы твои на пути спасенія.

(*) Онъ предполагается другимъ стихамъ изъ св. Писанія, которые обыкновенно читаются Діакономъ

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ ИЗБАВЛЕНІЯ ЦЕРКВИ И ДЕРЖАВЫ РОССІЙСКІЯ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ГАЛЛОВЪ И СЪ НИМИ 20-ТИ ЯЗЫКЪ.

И преклони небеса (Господь), *и сниде.* Псал. 17, 10.

Два сошествія Божія торжественно воспоминаемъ мы нынѣ, Христіане— Россіяне. Преклони небеса Господь, и сниде на землю въ Божественномъ воплощеніи своемъ; *яко дождь на руно* (Псал. 71, 6), сошелъ Онъ тихо и смиренно во утробу св. Дѣвы и явился младенцемъ въ Виѳлеемѣ, намъ по всему— кромѣ грѣха— подобнымъ человѣкомъ, да побѣдитъ врага человѣковъ, исполина адскаго. Онъ же, Царь Царей и верховный Правитель всѣхъ царствъ сошелъ во дни наши къ намъ другимъ образомъ, сошелъ,— чтобы избавить возлюбленный народъ

свой — Россіянъ отъ ига исполина земнаго. Такъ! это Онъ сошелъ тогда въ сердце Россіи, поражая страхомъ гнѣздившіяся тамъ полчища враговъ; Его это духъ одушевилъ все воинство православное, возбудилъ весь народъ Россійскій, подвигъ противу врага всемірнаго самыя силы природы: *и возремѣ со небесе Господь, и Вышній даде гласъ свой; и ниспосла стрѣлы, и разсѣя я, и молніи умножи, и смяте я* (Псал. 17, 14. 15).

Два сошествія Божіи воспоминаемъ въ одинъ день: почему? Потому что они имѣютъ внутреннюю связь между собою, хотя разстояніе времени между ними болѣе 18 вѣковъ. Точно имѣютъ связь между собою: нужно только смотрѣть на всѣ великія событія въ родѣ человѣческомъ изъ одного главнаго средоточія ихъ — величайшаго изъ всѣхъ явленій въ мірѣ — явленія Бога во плоти; и — мы примѣтимъ эту связь, увидимъ во всѣхъ великихъ событіяхъ руку Божію, всѣмъ управляющую и все направляющую къ великой цѣли царства Іисусъ — Христова. — Посвятимъ нынѣ нѣсколько минутъ на размышленіе объ этой связи всемірныхъ событій съ единымъ главнымъ, — явленіемъ на земли Іисуса Христа.

Явленіе Бога во плоти, *велія*, говоритъ Апостолъ, *благочестія тайна* (1 Тим. 3, 16): это великая тайна и во всей Исторіи рода человѣческаго и всего міра; это средоточіе всего великаго въ родѣ человѣческомъ. Всѣ всемірныя произшествія на земли можно назвать, какъ нерѣдко и называетъ ихъ св. Писаніе, сошествіями Божіими на землю, — сошествіями, потому что для Вѣчнаго и неограниченнаго и не можетъ быть другаго сошествія, какъ торжественное явленіе силы, правды, премудрости, благости и другихъ высочайшихъ совершенствъ Его. До явленія Сына Божія на земли, всѣ сошествія Божіи были приготовленіемъ къ этому совершеннѣйшему и величайшему изъ всѣхъ сошествій. Что же должны быть сошествія Божіи послѣ того? послѣдствія, и какъ бы продолженіе того-же единственнаго сошествія Божія. И въ самомъ дѣлѣ, Бр., было ли бы какое сошествіе Божіе на грѣшную, отверженную землю нашу, если бы отъ вѣчности не предположено было одно великое сошествіе Сына Божія? Было бы, но одно: сошествіе Божіе гнѣвное, для потребленія земли съ ея преступнымъ владыкою, — человѣкомъ!

Что всѣ сошествія Божіи, всѣ великія событія до временъ Спасителя были приготовленіемъ людей, къ Его пришествію, на это есть ясныя указанія въ самомъ словѣ Божіи. Господь сходилъ еще въ рай по паденіи человѣка, да возвѣститъ грѣшнику судъ правды а вмѣстѣ и судъ милости — обѣтованіе о будущемъ побѣдительномъ Сѣмени жены; сходилъ въ водахъ потопныхъ для потребленія обвѣтшавшаго въ беззаконіяхъ человѣчества и для возрожденія своей Церкви, основанной на вѣрѣ въ тоже всеспасное Сѣмя жены; сходилъ для смѣшенія языковъ, дабы отдѣлить туже Церковь отъ лукаваго единомыслія (Прем. 10, 5) гордыхъ столпотворителей; сходилъ въ знаменіяхъ и откровеніяхъ къ Праотцамъ, сходилъ въ громахъ и пламени на Синай, сходилъ въ многихъ другихъ чудесахъ и въ пророчествахъ: и все для того, чтобъ предуготовить путь Христу и путь ко Христу.

Весь Законъ, говоритъ Апостолъ, былъ *пѣстуномъ во Христа* (Гал. 3, 24) и имѣлъ *сѣнь грядущихъ благъ* новозавѣтныхъ (Евр. 10, 1). Приготовлялись ли другіе народы къ этому великому явленію Божію? Безъ сомнѣнія. Кромѣ древняго преданія о грядущемъ избавителѣ міра,— преданія разсѣяннаго по всюду,— въ свое время сношенія народа Іудейскаго съ другими народами не могли не питать *чаянія языковъ* (Быт. 49, 10). Этого мало: и другимъ народамъ возвѣщалось иногда слово Божіе, напр. Ниневитянамъ посредствомъ Іоны; и другимъ народамъ ниспосылалось иногда пророчество. Вспомнимъ пророческое сновидѣніе, ниспосланное Навуходоносору, и объясненное прор. Даніиломъ. Это пророчество само по себѣ подтверждаетъ нашу истину: изъ него видно, что всѣ древнія важнѣйшія царства въ мірѣ составляли одинъ истуканъ, который какъ бы сберегалъ мѣсто для возрастанія Камени, имѣвшаго основать по всюду совершеннѣйшее царство Божіе (Дан 2, 44).

Наконецъ Камень отторгается отъ горы, безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ; Сынъ Божій преестественно раждается отъ пресв. Дѣвы. Что послѣ сего представляютъ всѣ великія событія послѣдующія? Изчезновеніе истукана древняго и возрастаніе Божественнаго Камени; постепенное разрушеніе всѣхъ силъ и царствъ, враждебныхъ Іисусу Христу, и распространеніе Его Царства благодатнаго. Вѣра Христіанская торжествуетъ надъ Іудействомъ, которое сокрушается вмѣстѣ съ своею столицею; торжествуетъ надъ язычествомъ въ цѣлой имперіи Римской, которая вся подчиняется власти Христовой; торжествуетъ надъ молчищами ересиковъ, еще болѣе утверждаясь отъ ихъ колебаній; побѣждаетъ и смягчаетъ грубость народовъ дикихъ, побѣдителей Рима, образуя изъ нихъ новыя царства Христіанскія; являетъ несокрушимую силу свою въ самомъ разрушеніи Царства Византійскаго, сохраняя древнюю чистоту свою и среди народа ей враждебнаго. И что еще? какой дивный промыслъ Божій о Церкви православной! Въ тоже время, когда оружіе поклонниковъ лжепророка смиряетъ ее на востокѣ, она, вмѣстѣ съ Царствомъ, возвышается въ нашемъ отечествѣ, свергая иго поклонниковъ тогоже лжепророка и видя обращеніе многихъ изъ нихъ, изъ тьмы ихъ, къ свѣту Христову.— Но кто исчислитъ всѣ побѣды истинной Вѣры, всѣ явленія силъ Господа нашего Іис. Христа? надъ какими силами враждебными не торжествовала истинная Церковь? и надъ какими врагами еще остается торжествовать ей?— Но врата адовы еще не затворились; и не пришло еще время торжествовать надъ послѣднимъ врагомъ— смертію: поэтому съ каждымъ вѣкомъ являются враги Церкви новые. И вотъ новая, опаснѣйшая враждебная сила явилась въ нашъ вѣкъ, хвалящійся своимъ просвѣщеніемъ!

Царство, недавно отвергшееся не только земной власти, но и небесной, потомъ хотя опять призвавшее вѣру Христову, но отдавшее судьбу свою въ руки мужа, для котораго не было ничего священнѣе собственнаго его имени и славы, который для возвышенія славы своей готовъ былъ унизить самую Церковь, его воспитавшую,— какъ послѣ и поругался ей въ лицѣ ея первосвященника,— это царство, обладающее всѣми средствами

природы, искусства и просвѣщенія, господствующее въ цѣлой Европѣ и почти надъ всею Европою, предводимое однимъ изъ величайшихъ, такъ называемыхъ, геніевъ міра, вдругъ поднимаетъ двадесять народовъ, и идетъ опустошить землю твою, Россія, сокрушить грады, осквернить святые храмы твои. Боже! какая великая опасность уже не для одного царства нашего, но и для твоего царства на земли, для твоей святой православной Церкви!— Мы знаемъ, Бр., какъ пагубно и для отечества и для Церкви нашей даже отдаленное вліяніе извѣстнаго намъ, славнаго вольномысліемъ своимъ, царства: что же было бы, еслибъ допущено было самое ближайшее вліяніе на насъ тогоже царства?— Но, Богохранимая страна, хранилище святаго православія! мужайся: Еммануилъ, Господь силъ съ тобою! Къ тебѣ прилично было обратить тогда слово пророческое: *И собрашася на тя языцы мнози, глаголюще: порадуемся и возрятъ на Сіонъ очи наши. Сіи же не разумѣша помышленія Господня и не домыслишася совѣта Его, яко собра ихъ яко снопы гумены. Востани и измлати ихъ, дщи Сіонл; яко рогы твоя положу желѣзны и пазокти твоя положу мѣдяны, и истончиши люди мнози, и возложиши Господеви множество ихъ, и крѣпость ихъ Господеви всея земли* (Мих. 4, 11—13). Дѣйствительно, врагами устлана была земля наша; точно, Россіи дана была крѣпость желѣзная для сокрушенія гордыни врага всемірнаго. Почему такъ? почему именно Россіи? Потому что она какъ первая блюстительница православія, есть тотъ Сіонъ святый, отъ котораго изыти долженъ законъ правды Божіей и для другихъ народовъ. Православная Россія восторжествовала, и ея торжество было торжество вѣры, и достойно вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, кто поступилъ бы такъ, какъ поступила Россія, одушевляемая великимъ по вѣрѣ Самодержцемъ своимъ? *Возложи Господеви множество* враговъ *и крѣпость ихъ Господеви всея земли.* Ему единому воздала она честь и славу, а другимъ принесла, купила неисчетными жертвами своими, миръ, свободу законную и благоденствіе, возстановила Царей и царства, самимъ врагамъ своимъ даровала миръ и великодушное прощеніе; она же наконецъ явила и тотъ, безпримѣрный въ исторіи, Союзъ Государей священный, который торжественно призналъ единымъ Самодержцемъ всѣхъ Царствъ Господа І. Христа и въ основаніи своей политики положилъ Его Евангеліе. Такъ, на мѣсто всемірной гордости, явилось всемірное Христіанское смиреніе; на мѣсто невѣрія и суемудрія— вѣра вселенская и повиновеніе Евангелію, на мѣсто браней и потрясеній всемірныхъ возсіялъ *на земли миръ и слава въ вышнихъ Богу!*

И такъ *славу въ вышнихъ Божію и на земли миръ*, воспѣтыя при рожденіи Спасителя Ангелами, прилично воспѣть и въ воспоминаніе избавленія Церкви и державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Прилично убо и торжествовать оба событія совокупно.

Чему же научаютъ насъ оба настоящія воспоминанія Церкви? Мы познаемъ изъ нихъ, что всего великаго въ родѣ человѣческомъ одно великое средоточіе— явленіе Господа во плоти. Но не должно ли быть подобное тому средоточіе и въ жизни каж-

даго изъ насъ, Христіане? непремѣнно такъ. Явленіе І. Христа въ насъ самихъ должно быть средоточіемъ всей нашей жизни. Господь или еще не вселился въ насъ своею животворною благодатію или уже вселился, т. е. мы или еще не возрождены его жизнію, или уже возрождены. Въ первомъ случаѣ вся наша дѣятельность должна быть приготовленіемъ къ этому спасительному явленію въ насъ Господа; во второмъ— всѣ дѣла наши должны быть послѣдствія этого явленія. Кто принялъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и вѣрою обѣтованіе о Побѣдителѣ змія адскаго, кто погрузилъ не только въ водахъ крещенія, но и въ слезахъ покаянія грѣхи свои, кто отдѣлилъ себя отъ среды лукавствій свѣта, поставилъ себя подъ страхомъ закона Божія и внимая сердечно слову Божію откровенному возжелалъ навсегда быть Христовымъ: тотъ довольно уже приготовленъ къ принятію въ себя І. Христа; и Господь не умедлитъ открыться въ немъ. А кто уже соединился съ Господомъ и живетъ Его жизнію, тотъ могущественно поражаетъ все возносящееся на разумъ Божій; тотъ распинаетъ плоть свою со страстьми и похотьми, преподѣждетъ всѣ козни и обольщенія міра и діавола; тотъ дѣлается наконецъ и для другихъ примѣромъ и орудіемъ спасенія, подобно тому какъ Отечество наше, спасши себя вѣрою и упованіемъ на Господа, само послужило во спасеніе многихъ народовъ. Аминь.

Съ нами Богъ!—

Болѣе, нежели за 700 лѣтъ до Воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, Пророкъ Исаія, предсказывая Царю и народу Іудейскому спасеніе отъ угрожавшихъ нападеніемъ сильныхъ враговъ, въ ободреніе ихъ далъ слѣдующее знаменіе: *Се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Еммануилъ* (—7, 14).

Знаменіе пророческое могло бы обратиться въ знаменіе прерѣкаемо, если бы Духъ Святый не указалъ намъ на исполненіе сего знаменія. *Се же все бысть*, говоритъ Духъ Святый устами Евангелиста, *да сбудется реченное отъ Господа Пророкомъ глаголющимъ: Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Матѳ. 1, 23).

И св. Церковь, дабы и засвидѣтельствовать истину событія древнимъ пророчествомъ, и истину пророчества запечатлѣть благовѣстіемъ о настоящемъ событіи, при наступленіи благознаменитаго дня Рождества Господня, торжественно возглашаетъ пророчество громогласнѣйшаго изъ Пророковъ, за каждымъ стихомъ онаго повторяя Богонареченное имя Рожденнаго отъ Дѣвы, такъ хорошо выражающее предметъ и причину радостнаго празднованія настоящаго праздника: *съ нами Богъ!*

Вопрошалъ нѣкогда въ удивленіи Соломонъ, создавшій Іеговѣ храмъ и увидѣвшій славу Господню, исполнившую оный: *Аще истинно вселится Господь съ человѣки на земли?* Но здѣсь болѣе видѣнія Соломонова! Не слава Господня, но самъ Господь славы нисходитъ на землю! Единородный Сынъ, отъ вѣчности сущій въ нѣдрѣ Отца небеснаго, по исполненіи временъ раждается отъ Жены и дѣлается сыномъ

человѣческимъ. *Сый сіяніе славы и образъ существа Божія* воспріемлетъ образъ раба и пріискреннѣ приобщается человѣческой природы. Обитающій на небесахъ во славѣ, вселяется съ человѣками на землѣ: земля уподобилась небу и наполнилась славою Господнею. *Еммануилъ! съ нами Богъ!*

Какой небесный праздникъ для всей земли!

Пусть Іудеи повѣрятъ своему Пророку, который громогласно нынѣ вопіетъ: *Отрока родися намъ, и Сынъ дадеся намъ, Отрока, Его же начальство бысть на рамѣ Его; и мира Его нѣсть предѣла; и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпокъ, Властелинъ, Начальникъ мира, Отецъ будущаго вѣка!*

Пусть и язычники, если не вѣрятъ нашимъ Пророкамъ, послушаютъ по крайней мѣрѣ своихъ. Пусть послушаютъ пророка Валаама, предрекающаго, что *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова* (Числ. 24, 17); или поучатся у современныхъ празднуемому нами событію, которые *служа звѣздамъ отъ звѣздъ и научались кланятьея Ему одному — Солнцу правды и вѣдать, что Онъ одинъ есть истинный Востокъ свыше* (тропарь празд.).

Сугубо воспѣваютъ нынѣ пѣснь пророческую сыны Россіи. Сугубо торжествуютъ они настоящій день, не только какъ чада Вѣры и Церкви, но и какъ сыны державы Россійской, благодарно воспоминая, какъ Господь сотворилъ милость съ Отцами нашими и воздвигъ рогъ спасенія намъ въ дому Божественнаго Отрока своего — Еммануила, который, по избавленіи насъ отъ руки враговъ невидимыхъ, предъ очами всѣхъ народовъ явилъ спасеніе и отъ видимыхъ враговъ, дабы мы небоязненно служили Ему въ святости и правдѣ, во вся дни жизни нашей, и съ пророкомъ пѣли Ему пѣснь побѣдную: *Страха ихъ не убоимся, ниже смутимся; Господа же Бога нашего того освятимъ, и Той будетъ намъ въ страхъ. И аще будемъ надѣяться на Него, будетъ намъ во освященіе. И будемъ уповать на Него и спасемся Имъ: яко съ нами Богъ!*

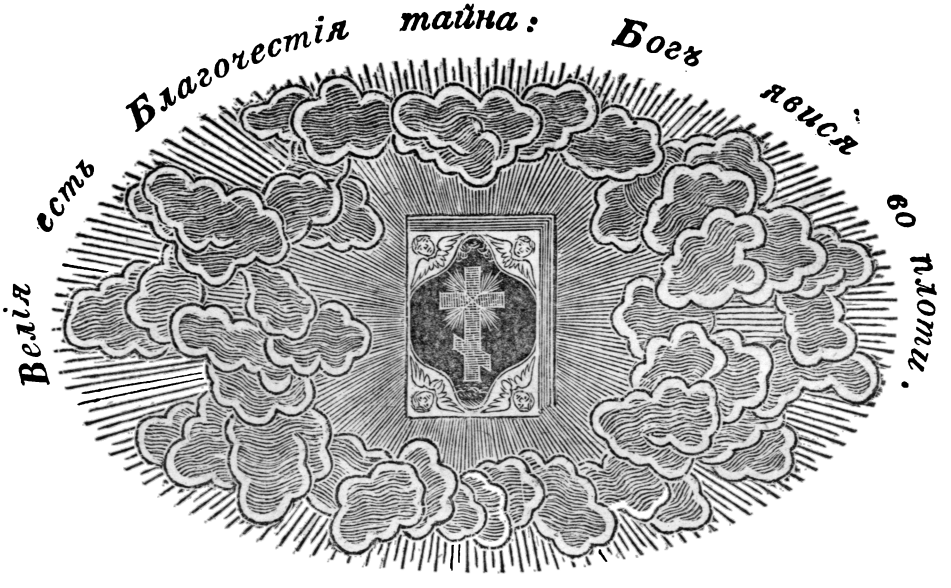
Съ нами Богъ! Всѣ предѣлы земли видѣли, что съ нами Богъ. Злоумышляйте убо народы, но посрамитесь: ибо съ нами Богъ. Слушайте, всѣ отдаленныя земли! Ополчайтесь, но посрамитесь: ибо съ нами Богъ. Совѣщайте совѣщанія, но они разрушатся: ибо съ нами Богъ. Изрекайте повелѣнія, но они не совершатся: ибо съ нами Богъ!

Да привѣтствуютъ убо нынѣ сыны Церкви и отечества другъ друга пророческимъ привѣтствіемъ: *съ нами Богъ!* И привѣтствуемые да отвѣтствуютъ: *воистину съ нами Богъ!* — Воистину съ нами Богъ на земли; о если бы мы удостоились быть съ Богомъ на небеси (*)!

(*) *Съ нами Богъ* поется дважды въ день Рождества Господня: предъ утреннею, на великомъ повечеріи; и по совершеніи Бож. Литургіи, предъ благодарственнымъ молебномъ о избавленіи Церкви и Державы Россійской отъ нашествія Галловъ и пр.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 30 Ноября 1838 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 40. НОВЫЙ ГОДЪ. ЯНВАРЯ 1. 1839.

ОБРѢЗАНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО, ІИСУСА ХРИСТА, И ПАМЯТЬ ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

Апостолъ: Тим. 4, 5—8. Евангеліе. Мар. 1, 1—8.

Не устыдѣся всеблагій Богъ, плотскимъ обрѣзаніемъ обрѣзатися: но даде самаго себе образъ и начертаніе всѣмъ ко спасенію: ибо закона Творецъ законная исполняетъ, и Пророковъ пророченія, яже о Немъ. Иже вся содержай горстію, и пеленами повивыйся, Господи слава тебѣ!

на Вел. Вечер. ст. 2.

ТАЙНА СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛИ.

Кто есть человѣкъ, хотяй живота, любяй дни видѣти блага? Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти. Уклонися отъ зла, и сотвори благо: взыщи міра, и пожени и. Очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ. Лице же Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ. Воззваша праведніи, и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избави ихъ. Близъ

Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ. Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь. Хранитъ Господь вся кости ихъ, ни едина отъ нихъ сокрушится. Смерть грѣшниковъ люта, и ненавидящіи праведнаго прегрѣшатъ. Избавитъ Господь души рабъ своихъ, и не прегрѣшатъ вси уповающіи на Него.

Псал. 33, 18—23.

ТАИНСТВО ОБРѢЗАНІЯ.

Осьмой день послѣ великаго праздника — Рождества Христова — Церковь посвящаетъ на празднованіе *обрѣзанія* Господа нашего, Іисуса Христа; ибо Онъ дѣйствительно въ осьмой день послѣ своего рожденія, былъ обрѣзанъ, и въ тоже время воспріялъ сладчайшее имя Іисуса, или Спасителя (Лук. 2, 21).

Но что такое было обрѣзаніе, — кѣмъ и когда оно установлено, — какую имѣло и теперь имѣетъ силу?

Обрѣзаніе было священнымъ обрядомъ во времена Ветхаго Завѣта, и совершалось надъ осмидневными младенцами мужескаго пола; оно въ употребленіи, какъ священное дѣйствіе, и теперь — у Евреевъ.

Священный обрядъ сей установленъ былъ нѣкогда самимъ Богомъ, въ семействѣ Авраама. Господь такъ возлюбилъ сего праведнаго мужа, что обѣщалъ ему многочисленное, какъ звѣзды, потомство, не смотря на неплодіе жены его Сарры, — возвеличеніе его имени, — благословеніе въ немъ всѣхъ народовъ, — усвоеніе его племени земли Ханаанской, и наконецъ — что всего важнѣе — рожденіе отъ его племени Избавителя міра. Старецъ девятидесяти девяти лѣтъ, обреченный, какъ можно было думать, самою уже природою на безплодіе, особенно при естественной неспособности къ чадородію супруги его Сарры, проситъ у Бога знаменія въ подтвержденіе обѣтованія о потомствѣ. Богъ, снисходя желанію Авраама, торжественно вступаетъ съ нимъ въ завѣтъ (Быт. 15, 9. 10), и потомъ — чрезъ нѣсколько времени — назначаетъ видимою и потомственною печатію своего завѣта *обрѣзаніе*, которому сперва немедленно долженъ былъ подвергнуться Авраамъ, и весь мужескій полъ его дома, а послѣ каждый новорождаемый отъ его сѣмени. Заповѣдь обрѣзанія дана была съ такою строгостію что всякой изъ рода Авраамова, необрѣзанный въ извѣстный, опредѣленный срокъ, назначенъ былъ на потребленіе отъ своего рода (Быт. 17, 1 — 14). Заповѣдь обрѣзанія повторена была потомъ цѣлому народу Еврейскому, чрезъ Моисея (Левит. 12, 3), который дозналъ собственнымъ опытомъ всю важность сего Божественнаго постановленія еще прежде, нежели сдѣлался законодателемъ, когда Богъ угрожалъ ему смертію за необрѣзаніе сына (Исход. 4, 24—2).

Обрѣзаніе въ Ветхомъ Завѣтѣ имѣло силу таинства, подобно таинству Агнца пасхальнаго. Оно, знаменовало: въ предшествующемъ ему состояніи — нечистоту и порчу природы человѣческой; въ его предметѣ и времени — исправленіе поврежденія чрезъ Мессію, имѣвшаго родиться безъ мужа; въ самомъ образѣ дѣйствія — внутреннее обрѣзаніе, или умерщвленіе плотскаго и рожденіе духовнаго человѣка. Видимое вступленіе въ общество вѣрующихъ совер-

шалось, равно какъ и теперь совершается у Евреевъ, чрезъ сіе св. дѣйствіе, и всѣхъ необрѣзанныхъ Евреи почитали и теперь почитаютъ, хотя уже по одному предразсудку, нечистыми.

У насъ — Христіанъ ветхозавѣтное таинство обрѣзанія уступило мѣсто высшему таинству, котораго оно было только прообразованіемъ, — Крещенія. Это ясно можно видѣть изъ словъ Апостола Павла къ Колоссянамъ: Вы *обрѣзани бысте*, говоритъ учитель языковъ, *обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во обрѣзаніи Христовѣ: споребшеся Ему крещеніемъ* (— 2, 11 — 12). И съ тѣхъ поръ, какъ Апостолы, вступивъ въ званіе учителей слова, начали исполнять повелѣніе Крещенія, торжественно данное имъ воскресшимъ Господомъ (Матѳ. 28, 19), обрѣзаніе утратило всю свою силу. Оно имѣетъ у насъ значеніе только иносказательное — внутренняго обрѣзанія сердца и чувствъ отъ всего нечистаго (Дѣян. 7, 51. Римл. 2, 28—29), и служитъ важнѣйшимъ доказательствомъ того, что должно крестить и младенцевъ. —

ПОКЛОНЕНІЕ ІИСУСУ ХРИСТУ ВОЛХВОВЪ И БѢГСТВО ЕГО ОТЪ ИРОДА ВО ЕГИПЕТЪ (*).

Рождшуся же Іисусу въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода Царя, се волсви отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися Ему (Мат. 2, 1, 2). —

Такъ Іисусъ Христосъ, воплощенное Слово Бога Отца, въ самомъ рожденіи своемъ показуетъ, что Онъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9), — что Онъ пришелъ спасти всѣхъ, и призвать въ царство небесное вся племена и языки. Премудрость Божія различными образами зоветъ человѣковъ ко спасенію. Еще до воплощенія своего, Іисусъ Христосъ чрезъ многія сотни лѣтъ призывалъ Израильтянъ чрезъ пророковъ; — по воплощеніи призвалъ Виѳлеемскихъ пастырей чрезъ Ангеловъ; — а язычниковъ призываетъ теперь чрезъ звѣзду, о которой за долго предсказано было чрезъ Валаама: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля* (Числ. 24, 17). И *волхвы*, т. е. мудрецы, занимавшіеся наблюденіемъ явленій небесныхъ, узрѣвши чудесную звѣзду, безъ отлагательства предпріемлютъ далекій путь, — безъ страха являются въ столицѣ Ирода, и явственно проповѣдуютъ рожденіе истиннаго Царя Іудейскаго. Не явно ли, что это благословенные начатки обращенія всѣхъ языковъ въ единую Церковь Іисуса Христа? —

Слышавъ же Иродъ Царь смутися, и вся Іерусалима съ нимъ, и собравъ вся первосвященники и книжники людскія, вопрошаше отъ нихъ: гдѣ Хри-

(*) Изъ историческихъ бесѣдъ Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Кіевскаго. —

стосъ раждается? Они же рекоша: въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ. Тако бо писано есть Пророкомъ. И ты Виѳлееме, земля Іудова, ничимъ же меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди моя, Израиля (Матѳ. 2, 3— 6).

Казалось, что проповѣдь Волхвовъ о рожденіи, столь долго ожиданнаго Израилемъ, Избавителя, произведетъ всеобщую радость во Іерусалимѣ, и что жители его, услышавъ эту вѣсть, всѣ поспѣшатъ на поклоненіе Ему:— а происходитъ со всемъ напротивъ!— Услышавъ радостную вѣсть, Иродъ Царь *смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ*. Смущается Иродъ, боясь, что рожденный Младенецъ отыметъ у него царство— и въ семъ смятеніи собираетъ первосвященниковъ и книжниковъ, дабы узнать, гдѣ Христосъ, по пророчествамъ, долженъ родиться: но какая преступная холодность и невѣріе въ сихъ вождяхъ Израиля!— правда, они даютъ Ироду отвѣтъ о мѣстѣ рожденія Спасителя; но вмѣсто того, чтобы спѣшить на поклоненіе Ему, предаются, по прежнему, занятію собственными своими видами. Почему такъ? Потому что души, окованные пристрастіемъ къ земнымъ благамъ, не способны къ пріятію благой вѣсти царствія небеснаго!—

Тогда Иродъ тай призва волхвы, и испытоваше отъ нихъ время явльшіяся звѣзды; и, послав ихъ въ Виѳлеемъ, рече: шедше испытайте извѣстно о отрочати; егда же обрящете, возвѣстите ми, яко да и азъ шедъ поклонюся Ему (Матѳ. 2, 7. 8).

Какъ рано князь тьмы устрояетъ свои ковы противъ Спасителя! Едва родился Онъ— и кровожадный Иродъ, при первой вѣсти о Его рожденіи, полагаетъ уже въ душѣ своей намѣреніе погубить Его. Съ лестію призываетъ онъ тайно волхвовъ,— съ лестію распрашиваетъ о времени явленія чудесной звѣзды,— съ лестію посылаетъ въ Виѳлеемъ, дабы удобнѣе произвесть въ дѣйство Богоубійственное намѣреніе свое.

Они же, послушавше Царя, идоша; и се звѣзда, юже видѣша на востоцѣ, идяше предъ ними, дондеже пришедши ста верху, идѣже бѣ Отрочя. Видѣвше же звѣзду, возрадовашася радостію велію зѣло. И пришедше въ храмину, видѣша Отрочя съ Маріею Матерію Его, и падше поклонишася Ему, и отверзше сокровища своя, принесоша ему дары: злато, и ливанъ и смирну (Матѳ. 2, 9— 11).—

Съ такою же простотою вѣры волхвы идутъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ на поклоненіе Іисусу, съ какою шествовали они изъ страны своея во

Іерусалимъ. И Богъ, по вѣрѣ ихъ посылаетъ имъ въ путеводителя ту же звѣзду, которую видѣли они на востокѣ. По указанію ея, они вскорѣ обрѣтаютъ искомаго ими Царя. Такъ, кто искренно ищетъ истины, тотъ непремѣнно обрѣтаетъ оную! Волхвы въ младенцѣ, въ убогой хижинѣ, въ объятіяхъ Маріи покоющемся, видятъ Бога, и боголѣпное воздаютъ Ему поклоненіе;— видятъ въ немъ Спасителя и Искупителя рода человѣческаго,— и приносятъ Ему дары: *злато*, яко Царю,— *ливанъ*, или благовонную масть для кажденія, яко Богу,— *смирну*, яко Богочеловѣку, божественною смертію своею пришедшему искупить человѣковъ. Такъ истинное вѣденіе и мудрость пріобрѣтается тогда, когда человѣки всю мудрость свою полагаютъ у ногъ смиреннаго Іисуса!

И вѣсть пріемше во снѣ, не возвратитися ко Ироду,— инымъ путемъ отъидоша во страну свою (Мат. 2, 12).

Примѣръ весьма разительный, какъ Господь избавляетъ отъ напасти тѣхъ, которые въ простотѣ сердца предаются совершенно водительству Его промысла. Коварный Иродъ положилъ уже въ злобномъ сердцѣ своемъ— погубить, по возвращеніи во Іерусалимъ, можетъ быть и волхвовъ съ проповѣдуемымъ ими новорожденнымъ Царемъ Іудейскимъ; но Богъ чудеснымъ откровеніемъ своимъ указуетъ имъ другой путь, для безопаснаго возвращенія въ страну свою.

Отшедшимъ же волхвомъ, се Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: востав поими Отроча и Матерь Его, и бѣжи во Египетъ; и буди тамо, донделе реку ти: хощетъ бо Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Е; онъ же востав, поятъ Отроча и Матерь Его нощію,— и отчиде во Египетъ. И бѣ тамо до умертвія Иродова,— да сбудется реченное отъ Господа Пророкомъ, глаголющимъ: отъ Египта воззвахъ Сына моего (Мат. 2, 13— 15).—

Такъ рано начинаетъ страдать за насъ Спаситель нашъ! Такъ рано начинаются на Него гоненія!— Еще Онъ младенецъ— но отъ злобы Ирода принужденъ бѣжать изъ земли рожденія своего въ землю чуждую. Но для чего Господь и Творецъ всѣхъ бѣжитъ отъ преслѣдованія презрѣнной твари? Для чего всемогуществомъ своимъ не караетъ злобнаго Царя? Здѣсь сокрывается тайна глубокаго уничиженія Іисуса Христа, нашего ради спасенія. Онъ пришелъ не карать злодѣевъ, но спасать грѣшниковъ. Принявъ на себя естество человѣческое, Онъ принялъ всѣ немощи его, кромѣ грѣха. Въ состояніи уничиженія своего отложилъ употребленіе Божественной власти и силы:— потому и видимъ мы Его здѣсь яко обыкновеннаго младенца, бѣгствомъ спасаемаго отъ угрожавшей опасности. Сверхъ того пребываніе его во Египтѣ не осталось безплоднымъ, какъ замѣчаетъ Святый Златоустъ. Въ сей странѣ, въ которой господ-

ствовало суевѣріе и многобожіе паче всѣхъ странъ земли, Онъ положилъ основаніе той вѣры и благочестія, которою въ послѣдствіи просіяли великіе Антоніи, Макаріи, Аѳанасіи, и другіе безчисленные Святые. Пребываніе тамъ превѣчнаго Младенца было предвѣстіемъ, что пустыни Египетскія содѣлаются нѣкогда убѣжищемъ многихъ отшельниковъ, во плоти Ангельскую жизнь совершавшихъ.—

Но что дѣлаетъ коварный Иродъ во время бѣгства Спасителя во Египетъ?

Тогда Иродъ видѣвъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зѣло; и, пославъ, изби вся дѣти сущія въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижайше; по времени, еже извѣстно испыта отъ волхвовъ. Тогда сбысться реченное Іереміемъ Пророкомъ, глаголющимъ: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачъ, и рыданіе и вопль многъ; Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть. (Матѳ. 2, 16–18).

Обладаемый мучительною страстію властолюбія, Иродъ, видя, что коварное намѣреніе его— найти чрезъ волхвовъ достопокланяемаго Младенца, дабы послѣ умертвить Его, осталось неудачнымъ,— прибѣгаетъ къ другому адскому средству. Чтобъ не избѣгнулъ смерти искомый имъ Младенецъ, повелѣваетъ избить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и въ окресностяхъ его, начиная отъ двухъ лѣтъ и ниже. Жалостное дѣтоубійство сіе задолго провидѣлъ духомъ св. Пророкъ Іеремія, (Іерем. 31. 15.) и въ лицѣ Рахили, супруги Іакова, умершей въ Рамѣ, родоначальницы печальныхъ матерей избіенныхъ младенцевъ, представилъ не утѣшныя ихъ вопли и рыданія о потерѣ чадъ своихъ. Вотъ святые начатки Мучениковъ, пострадавшихъ за Христа въ Его и своемъ младенчествѣ,— крестившихся въ своей крови, и на зарѣ дней своихъ преселившихся въ блаженныя обители Отца небеснаго! Но мучителя ихъ скоро постигла праведная месть отъ Бога.

Умершу же Ироду, се Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу во Египтѣ, глаголя: востав поими Отрочя и Матерь Его и иди въ землю Израилеву: изомроша бо ищущіи души Отрочяте. Онъ же востав, поятъ Отрочя и Матерь Его; и пріиде въ землю Израилеву. Слышавъ же, яко Архелай царствуетъ во Іудеи вмѣсто Ирода отца своего, убояся тамо ити. Вѣстъ же пріемъ во снѣ, отъиде въ предѣлы Галилейскія; и пришедъ вселися во градѣ нарицаемѣмъ Назаретъ,— яко да сбудется реченное Пророки, яко Назорей наречется. (Матѳ. 2, 19–23).

Не долго спустя послѣ безчеловѣчнаго дѣтоубійства, Иродъ лишился

жизни,— а съ нею и царства. Достовѣрный Историкъ Іосифъ Флавій, повѣствуя объ ужасной и отвратительной кончинѣ его, замѣчаетъ, что всѣ современники его ясно увидѣли небесное мщеніе на семъ нечестивомъ Царѣ; ибо, изъяденъ будучи червьми, извергнулъ онъ нещастную душу свою. По смерти его, Святый Іосифъ съ Преблагословенною Дѣвою Маріею и съ Превѣчнымъ Младенцемъ, по извѣщенію Ангела Господня, безопасно возвратились изъ Египта въ землю Израилеву. Но боясь оставаться во Іудеи, чтобъ пребываніемъ своимъ не подать случая къ новому гоненію на Іисуса Христа отъ Архелая сына Иродова, по указанію того же Ангела, отходятъ въ Галилею, и основываютъ постоянное жилище свое въ Назаретѣ— гдѣ Сынъ Божій Іисусъ Христосъ послѣ сего провелъ время жизни своей до тридцатилѣтняго возраста. Всевышній и премудрый промыслъ Божій такъ предъустроилъ, чтобъ Іисусъ Христосъ обиталъ имянно въ Назаретѣ; и потому *Назорееміъ* назывался, по предсказанію Пророковъ. Двоякое имѣетъ значеніе Назорей: *цвѣтъ* и *святый*. Касательно цвѣта, предсказалъ о Христѣ Исаія: *и изыдетъ жезлъ отъ корене Іессеева, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ*. (Исаи 11, 1.) И безъ сомнѣнія Христосъ произошелъ отъ корене Іессеева: ибо Матерь Его Пресвятая Дѣва была отъ колѣна Давида, сына Іесеева; былъ и *цвѣтомъ*, ибо благовоніемъ своея добродѣтели облагоухалъ всю вселенную. О *Святомъ* же предсказалъ Пророкъ Даніилъ: *и помажется Святый Святыхъ*.— (Даніил. 9, 24). Кто же это *Святый Святыхъ*, кромѣ самаго Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія, источника Святыни,— Который ради насъ воплотился, и по плоти *помазанъ* (Евр. 1, 9) Духомъ Святымъ,— пріялъ *все исполненіе* (Кол. 1, 19. 2, 9.) даровъ Духа Святаго, для сообщенія оныхъ вѣрующимъ въ Него (Іоан. 1, 16)?—

Потщимся, братіе, и мы насажденный въ душахъ нашихъ благодатію крещенія *цвѣтъ* добродѣтели и святости блюсти всѣми силами и всѣмъ тщаніемъ. На сей-то живоносный цвѣтъ въ сердцахъ нашихъ безпрерывно воздвигаетъ гоненіе врагъ спасенія нашего, стараясь истребить его, то обольщеніями міра сего лукаваго, то похотями плоти нашея, то ядовитыми и смертоносными тайными внушеніями своими. Едино есть средство избѣгать коварныхъ сѣтей его — убѣгать внутрь сердца своего и прибѣгать къ Богу въ молитвахъ, слѣдовать вѣрно гласу слова Его, которое безопасно введетъ насъ въ вѣчное жилище Святыхъ— еже буди всѣмъ намъ улучити благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же, купно со Отцемъ и Святымъ Духомъ, честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ИМПЕРАТОРЪ ВАЛЕНТЪ И ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ,

или

ЗЕМНОЕ МОГУЩЕСТВО И СИЛА ВѢРЫ И ДОБРОДѢТЕЛИ.

Императоръ Валентъ, какъ извѣстно, былъ ослѣпленъ ересію Арія, состоявшею въ томъ, чтобы почитать Іисуса Христа не за единороднаго Сына Божія, единосущнаго и во всемъ равно-

честнаго Отцу и св. Духу, а только за первое и высочайшее изъ всѣхъ твореній, посредствомъ коего созданы всѣ прочія существа. Пользуясь своею властію, Валентъ весьма много дѣлалъ въ пользу Аріанъ и во вредъ православнымъ. Между главными мѣрами къ ослабленію православія было изгнаніе изъ Церкви православныхъ Епископовъ и замѣненіе ихъ Аріанскими. Среди сего жалкаго превращенія порядка и мира церковнаго, Архіепископъ Каппадокійской Церкви, славный умомъ, познаніями и добродѣтелями, естественно обращалъ на себя особенное вниманіе, какъ правовѣрныхъ, кои надѣялись имѣть въ немъ оплотъ православія, такъ и Аріанъ, кои видѣли въ немъ главную препону своимъ замысламъ. И точно, подвигнуть свѣтильникъ сей съ мѣста не легко было для самаго повелителя востока: по этому Василій оставался на своемъ престолѣ, когда вокругъ его уже многіе мѣста Епископскія были наполнены Аріанами. Но, вотъ Императору предстоитъ походъ въ Сирію; и онъ, до побѣдъ надъ врагами Имперіи, рѣшается ознаменовать его побѣдой надъ Архіепископомъ Каппадокійскимъ.

Начать дѣло сіе поручено было Префекту Модесту. Рыкающій левъ сей, пріѣхавъ въ Кесарію прежде Императора, тотчасъ приказалъ потребовать къ себѣ Св. Василія. Св. Василій явился предъ него съ обыкновеннымъ своимъ веселымъ и спокойнымъ видомъ, какъ будто звали его на праздникъ, а не на судъ. Модестъ, окруженный Ликторами съ прутьями и топорами въ рукахъ, съ начала обошелся съ Св. Василіемъ почтительно, и весьма льстивымъ образомъ убѣждалъ его исполнить волю Императора: принять Аріанство. Но когда увидѣлъ средство сіе безуспѣшнымъ, то принялъ грозный видъ, и, въ чрезвычайной досадѣ, не удостоивъ Св. Василія и имени Епископа, сказалъ: Василій! что это? какъ смѣешь ты упорствовать противъ столь великаго Императора, притомъ одинъ, и такъ нагло?

Св. Василій. Къ чему это? Какое мое упорство? какая наглость? Я не понимаю.

Модестъ. Ты не хочешь принять вѣры Императора, не смотря на то, что всѣ ее приняли, всѣ убѣдились въ ней.

Св. Василій. Мой Императоръ не хочетъ того. Да и я не хочу покланяться ни какой твари: я самъ тварь Божія.

Модестъ. А насъ (указывая, вѣроятно, и на другихъ знатныхъ людей, которые съ нимъ были) за что ты почитаешь?

Св. Василій. Ни за что, когда вы дѣлаете такія повелѣнія.

Модестъ. Развѣ не важно принадлежать къ нашей сторонѣ, и быть съ нами въ дружествѣ?

Св. Василій. Вы вельможи, и притомъ отличные, — не отвергаю: однакожъ вы не выше Бога. Почтительно быть съ вами въ общеніи; вы Божіи твари: впрочемъ не почтительнѣе, какъ и съ подчиненными мнѣ. Ибо Христіанство славно не по чествамъ, а по вѣрѣ.

Слова сіи сильно взволновали Префекта. Онъ разсердился еще болѣе, всталъ съ своего стула, и началъ говорить съ Св. Василіемъ самымъ суровымъ образомъ. Какъ? и ты не боишься власти моей?

Св. Василій: Чего бояться мнѣ? Что ты мнѣ сдѣлаешь? Что могу я потерпѣть?

Модестъ. Что можешь? Все, что находится въ моей власти.

Св. Василій. Что такое? говори.

Модестъ. Я прикажу описать въ казну твое имѣніе, сослать тебя въ ссылку, отдать на мученіе, предать смерти.

Св. Василій. Грози чѣмъ нибудь другимъ, если можешь; а это мнѣ вовсе не гроза.

Модестъ. Какъ? почему?

Св. Василій. Потому, что у кого нѣтъ имѣнія, у того нельзя и описывать его въ казну. У меня только эта власяница, въ которой хожу, и нѣсколько книгъ. Развѣ ихъ потребуешь? Ссылки я не считаю ссылкою. Потому что я не привязанъ ни къ какому мѣсту. Эту страну, въ которой живу, я не почитаю своею; и всякую другую, куда бросятъ меня, почту моею. Вся земля Божія; а я переселенецъ и странникъ Его. Мучить меня нельзя: у меня почти совсѣмъ нѣтъ тѣла. Развѣ первый ударъ назовешь мученіемъ? это въ твоей волѣ. Что касается до смерти, то она будетъ мнѣ благодѣяніе. Потому что она скорѣе приведетъ меня къ Богу, для котораго я живу, служу и самою большею частію уже умеръ.

Префектъ, приведенный такимъ отвѣтомъ въ изумленіе, невольно воскликнулъ: такъ смѣло никто еще не говорилъ съ Модестомъ!

Св. Василій сказалъ: вѣроятно тебѣ не случалось еще имѣть дѣло съ Епископомъ, иначе ты услышалъ бы то же. Ибо во всѣхъ другихъ случаяхъ мы бываемъ, по закону Божію, кротки, смиреѣе всякаго, и не только предъ Высочайшею властію, но и предъ самыми низкими людьми не гордимся. Когда же идетъ дѣло о славѣ Божіей, тогда все прочее для насъ ничто. Мы смотримъ только на нее одну.

Обыкновенно что-то чудное происходитъ съ человѣкомъ, образованнымъ по духу міра, когда какой-нибудь благочестивый мужъ является предъ нимъ въ настоящей силѣ вѣры. Онъ получаетъ электрическій ударъ, который потрясаетъ его, и хотя не грѣетъ, однако мягчитъ, и вижимаетъ потъ. Гордый и своенравный Модестъ, при всемъ посрамленіи своемъ отъ Св. Василія, смягчилъ жестокость свою и, отпуская его съ ласкою, сказалъ ему: я даю тебѣ время на размышленіе до слѣдующаго утра, и совѣтую не подвергаться явной опасности. Но Св. Василій, откланиваясь, сказалъ: мнѣ не нужно времяни на размышленіе. Я и завтра буду таковъ же, каковъ сего дня.

На другой день Модестъ, остыженный своею безуспѣшностію, не смѣлъ сдѣлать новаго нападенія на Св. Василія одинъ; но пригласилъ къ себѣ Оберкухмейстера, Демосѳена, который также и самъ имѣлъ на то повелѣніе отъ Императора. Сей дерзкій человѣкъ, котораго бездушное многословіе могло почитаться у нѣкоторыхъ великимъ краснорѣчіемъ, вступилъ въ Богословской споръ съ просвѣщеннымъ Архіепископомъ, и полагалъ, что непремѣнно одержитъ побѣду. Онъ говорилъ много: Св. Василій слушалъ и не соглашался. Наконецъ Демосѳенъ сдѣлалъ въ раз-

говорѣ своемъ грубую ошибку противъ Грамматики. Св. Василій усмѣхнулся, и сказалъ: нашъ Демосѳенъ и безъ Грамматики! Слова сіи взбѣсили Демосѳена. Онъ сыпалъ всякаго рода ругательства и угрозы на Василія; но Св. Василій сказалъ: твое дѣло судить о кушаньяхъ, а не объ ученіи Божественномъ, для котораго у тебя совсѣмъ нѣтъ ни смысла, ни вкуса.

Между тѣмъ Валентъ прибылъ въ Кесарію, и Модестъ немедленно донесъ ему, что Настоятель здѣшней Церкви побѣдилъ ихъ; что надъ нимъ ни мало не дѣйствуютъ ни угрозы, ни ласки, ни доказательства; и что должно потому употребить насиліе, а угрозами ничего не сдѣлаешь.

Валентъ, выслушавъ подробно все, что было сдѣлано съ Св. Василіемъ, и какъ все то онъ принялъ, почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе, досадовалъ на самаго себя, и не велѣлъ дѣлать ему никакого насилія. Такимъ образомъ, хотя большая перемѣна произошла въ Валентѣ, но она была не болѣе, какъ и въ желѣзѣ, которое хотя отъ огня и перемѣняется, однакожъ все остается желѣзомъ. Онъ чувствовалъ истину на сторонѣ Св. Василія; однакожъ не оставилъ Аріанства, по той причинѣ, что тогда — ему было бы стыдно!! Онъ началъ только искать случая, чтобъ изъявить Св. Василію свое уваженіе.

Случай скоро представился: наступилъ торжественный праздникъ *Богоявленія*. Валентъ, въ сопровожденіи своихъ тѣлохранителей, вошелъ во храмъ, гдѣ Св. Василій совершалъ Богослуженіе, и сталъ между правовѣрными мірянами, показывая такимъ образомъ какъ бы свое общеніе съ Св. Архіепископомъ. Собраніе во храмѣ было многолюднѣйшее. Громкое и стройное пѣснопѣніе, чрезвычайное множество народа, необычайный всюду порядокъ, видъ Св. Архіепископа, который совсѣмъ не обратилъ вниманія на пришедшихъ, но, устремивъ свой взоръ и духъ къ олтарю и Богу, стоялъ не подвижно, также боязливое и благоговѣйное положеніе окружавшихъ Св. Архіепископа Священниковъ и Діаконовъ, до того поразили Императора, что у него потемнѣло въ глазахъ и вскружилась голова. Это впрочемъ замѣтили еще очень не многіе; но когда онъ вознамѣрился представить на жертвенникъ свое приношеніе, и когда никто изъ духовныхъ не подходилъ къ нему, чтобы принять оное изъ рукъ его (ибо неизвѣстно еще было, согласится ли на то Св Василій); то всѣ увидѣли, что съ нимъ было очень дурно. Онъ началъ шататься на ногахъ своихъ, и непремѣнно упалъ бы, естьли бы нѣкто изъ служителей олтаря не поддержалъ его рукою.

Св. Василій, видя, что Императоръ предлагаетъ приношеніе не съ гордостію, а со смиреніемъ, восхотѣлъ лучше нѣсколько ослабить строгость Церковныхъ постановленій, нежели остыдить его при всемъ народѣ. Онъ принялъ его приношеніе самъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего Императоръ опять пришелъ въ Церковь къ Св. Василію, и слушалъ его поученіе; потомъ выпросилъ себѣ у него позволеніе войти въ олтарь, гдѣ и вошелъ въ желанный разговоръ съ нимъ. Св. Василій долго и съ чрезвычайною силою говорилъ ему объ истинномъ ученіи Вѣры. Императоръ

слушалъ его весьма внимательно, и, казалось, несомнѣнно призналъ сторону Св. Василія дѣйствительно правовѣрною. Онъ сдѣлался весьма благосклоненъ къ правовѣрнымъ; велѣлъ прекратить гоненіе на нихъ; предоставилъ Св. Василію право поставлять въ малую Арменію Епископовъ, и сдѣлалъ большія пожертвованія на его богадѣльню.

Но сія Императорская перемѣна и милость продолжались не долго. Едва прошло нѣсколько дней, какъ униженная гордость придворныхъ и хитрость Аріанскихъ Епископовъ успѣли снова возбудить въ Императорѣ гнѣвъ на Св. Василія,— и онъ подписалъ ссылку Св. Архіепископу.

Велико было торжество для Аріанъ! Глубока печаль у правовѣрныхъ! Вѣроятно потому, чтобъ не произошло возмущенія въ народѣ, Св. Василій долженъ былъ, по указу, выѣхать изъ города въ первую ночь еще до разсвѣта. Св. Василій не любилъ много готовиться ни къ какому путешествію; по сему не дѣлалъ никакого приготовленія и къ настоящему. Ночь пришла, повозку уже подали, Св. Григорій и другіе друзья Святаго тѣснились къ нему, чтобъ еще увидѣть его, можетъ быть, въ послѣдній разъ, и проститься съ нимъ.

Но Богъ очевиднымъ образомъ вступился за Святаго, и всемогуществомъ своимъ тотчасъ далъ всему теченію дѣлъ совсѣмъ иной видъ. Въ сію самую ночь Валентиніанъ Галатій, шестилѣтній сынъ Императора, сдѣлался опасно боленъ отъ простуды. Императоръ призвалъ искуснѣйшихъ врачей; но врачи отказали въ надеждѣ. Онъ самъ усердно молился Богу, многократно повергаясь на землю; но тщетно. При семъ вдругъ вошла Императрица, встревоженная ужаснымъ сновидѣніемъ и терзаемая скорбію о потерѣ сына своего, и сказала своему супругу, что болѣзнь сына послана въ наказаніе за оскорбленіе, сдѣланное Архіепископу. Императоръ, стыдясь своего поступка съ Св. Василіемъ, не могъ послать къ нему отъ самаго себя; но просилъ приближеннѣйшихъ своихъ, чтобъ они пошли къ нему, и убѣдили его придти помолиться о сынѣ его.

Св. Василій тотчасъ пошелъ во дворецъ, и, едва онъ вошелъ въ покои, дитя почувствовало ощутительное облегченіе. Въ Императорѣ возбудилась надежда, но не надолго. Ибо Св. Василій обѣщалъ ему выздоровленіе сына подъ тѣмъ условіемъ, естьли онъ будетъ воспитывать его въ православномъ ученіи; естьли отдастъ его крестить православному Священнику; естьли обратится къ православной Вѣрѣ самъ, и естьли будетъ стараться о соединеніи Церквей. Разстроенный Императоръ искренно согласился на условіе. Св. Василій началъ молиться, и младенецъ сталъ здоровъ.

Хотя такимъ образомъ сынъ Императора былъ спасенъ очевидно молитвами Св. Василія; однакожъ приближенные къ нему Аріане нашлись, и при сей очевидности, такъ подѣйствовать на него, что онъ не сдержалъ своего слова. Безъ сомнѣнія внушено Императору, что сынъ его прошелъ опасный пунктъ болѣзни еще до молитвъ Св. Василія!! Онъ отдалъ сына своего крестить Аріанскому Епископу, послѣ чего дитя опять разболѣлось по прежнему, и умерло.

Аріане и прежде сего весьма ожесточены были на Св. Василія за его пре-

пятствія ихъ дѣйствіямъ; но съ сего времени онъ сталъ для нихъ какъ терпъ въ окѣ. Они употребили всѣ хитрости, и расположили Императора вновь сослать его въ ссылку. Докладъ былъ представленъ, и Императоръ взялся за простъ, чтобы подписать его; но простъ переломилась въ рукѣ его. Онъ взялъ другую; но и та отказалась служить неправдѣ. Онъ взялъ третью; но и третья переломилась. Трепетъ сильно овладѣлъ имъ; онъ разорвалъ представленную бумагу, и оставилъ Св. Архіепископа въ покоѣ.

Не много спустя послѣ сихъ происшествій, подвергся сильной болѣзни Префектъ Модестъ, который такъ много нападалъ на Св. Василія. Вспомнивъ о злыхъ поступкахъ своихъ противъ Св. Архіепископа, онъ послалъ униженно просить его къ себѣ; изъявлялъ предъ нимъ глубокое раскаяніе, умолялъ его о прощеніи себя, и просилъ ходатайствовать о себѣ, чтобы Богъ продлилъ жизнь его. Св. Василій молился, и Префектъ выздоровѣлъ. Съ сего времени Префектъ сей имѣлъ глубокое уваженіе къ Св. Василію. Посредствомъ его Св. Василій сдѣлалъ весьма много добра и Св. Церкви, и частнымъ людямъ.

ПРОПОВѢДЬ НОВАГО ГОДА.

Рцы кѡ людемъ симѣ: сія глаголетъ Господь Богъ: се Азъ даю предъ вами путь живота и путь смерти.

Іерем. 21, 8.

Вотъ предстоитъ намъ новый годъ, какъ чуждый, облеченный покрываломъ, призракъ, угрюмый и таинственный, съ недовѣдомыми жребіями въ рукѣ. Онъ предстоитъ, какъ посланникъ Божій и гласомъ Пророка говоритъ: *сія глаголетъ Господь: се Азъ даю предъ вами путь живота и путь смерти.*

Даю предъ вами путь живота. Если ты рѣшаешься вступить на него, то будь увѣренъ, ты будешь наслаждаться постояннымъ счастіемъ. На этомъ пути ты не найдешь ни мучительнаго раскаянія, ни горестныхъ послѣдствій опрометчивости, ни досады на безуспѣшность своихъ предпріятій: среди всѣхъ поношеній ты будешь пользоваться честію, при всемъ неблагопріятствѣ счастія пребудешь веселъ, и въ бѣдности богатъ; въ болѣзняхъ своихъ ты будешь радоваться; если друзья вѣроломно оставятъ тебя, ты не будешь сѣтовать, и когда на груди твоей умретъ любезнѣйшій для тебя изъ смертныхъ, ты будешь предвкушать блаженное безсмертіе. Чего выше подъ солнцемъ можешь ты желать отъ жизни? Всѣ прочіе дары счастія, прочіе наилучшіе часы, приуготовляемые тебѣ Промысломъ, будутъ уже не болѣе; какъ приложеніемъ къ тому неизмѣримому сокровищу радостей, которое найдешь ты на этомъ пути жизни.

Ты не знаешь его— этаго пути? То, что говорится здѣсь, кажется тебѣ холодною, скучною проповѣдію?— Мнѣ жаль тебя; но я предрекаю тебѣ: придетъ въ твоей жизни часъ, который, какъ внезапно упавшій лучь молніи, страшнымъ блескомъ озаритъ для тебя эти слова. Нынѣ ты читаешь эти строки и безпечно отлагаешь ихъ въ сторону; но внезапно

настигнетъ часъ, который ужасно напомнитъ тебѣ о нихъ, и о томъ пути живота, который они тебѣ наименовали. Ты еще благодушествуешь и не знаешь, откуда можетъ притти къ тебѣ несчастіе; но что, если въ этотъ наступающій годъ тебѣ предназначено лишиться чести и достоинства и содѣлаться посмѣшищемъ твоихъ враговъ? что, если этотъ годъ долженъ быть для тебя рѣшительнымъ годомъ, въ который ты, съ ближними твоими, быстро или постепенно низпадешь въ состояніе нищеты и бѣдности, коихъ ты не зналъ дотолѣ? Что если въ этотъ годъ дражайшее для тебя на землѣ лице ты увидишь предъ собою хладнымъ трупомъ? Что, если твоя собственная смерть уже не такъ далека, какъ ты воображаешь въ сію самую минуту, и ты внезапно, орошаемый слезами твоего семейства, сомкнешь глаза на вѣки?— Знаешь ли ты тотъ путь живота, на которомъ, будучи выше всякой судьбы, ты могъ бы сквозь всѣ житейскія бури пронести невредимо твое счастіе?

Оставь же тотъ путь, которымъ ты шелъ доселѣ, и обычный твой образъ мыслей, который для твоего собственнаго, постояннаго спокойствія, нужно тебѣ оставить. Умри для прошедшаго и претворись въ новое существо; разрѣши духъ твой въ Божественный духъ Іисуса Христа, который говоритъ въ тебѣ: *Азъ есмь путь, истина и животъ*.

Новый годъ предстоитъ намъ, какъ посланникъ Божій и гласомъ Пророка говоритъ: *сія глаголетъ Господь: се Азъ даю предъ вами путь живота и путь смерти*.

Такъ! новый годъ открываетъ мнѣ и путь смерти! Всякая минута его есть новый шагъ ко гробу. Но мнѣ угрожаетъ еще другая смерть, не смерть моего тѣла, а духа.

Знаешь ли ты этотъ путь въ смерти?— Это путь грѣха. Самый грѣхъ есть смерть моего духа; мои страсти, моя привязанность ко всему чувственному, дѣлаютъ уже мое собственное тѣло гробомъ моего духа. Духъ, нося въ себѣ Божественный законъ, мертвъ, если вмѣсто его дѣйствуютъ въ насъ одни пожеланія, возникающія изъ плоти и крови; онъ мертвъ, если вмѣсто вѣчности поставляетъ себѣ цѣлію одни минутныя наслажденія; если я заключаю союзъ не съ Богомъ, а съ бренными вещами; если, вмѣсто владычества надъ самимъ собою, постоянства, смиренномудрія и доброжелательства къ другимъ, я нахожу въ себѣ одно бездушное благоразуміе, которое занимается разборомъ обстоятельствъ.

Знаешь ли ты путь къ смерти?— озрись, смертный, на ту дорогу, по которой ты шелъ, и на которой еще нынѣ, при началѣ новаго года жизни, стоишь ты. Ты былъ дѣятеленъ въ прошедшемъ году и много произвелъ. Но кто это дѣйствовалъ? Ты ли самъ или твоя чувственность, бывшая владычицею твоего духа? Ты усердно трудился для пріобрѣтенія пропитанія, для пріумноженія твоего имущества; но и животное трудится, снискивая себѣ пищу. Ты никого не оболгалъ, не обокралъ, не обманулъ: потому что ты боялся это сдѣлать, или дорожилъ своею честію въ мнѣніи людей. И ты принесъ свою лепт-

ту для общей пользы: потому что не могъ поступить иначе, не подавши повода къ нареканію. Ты съ состраданіемъ помогъ нуждающемуся въ помощи: потому что это для тебя было легко, и что ты, по врожденному мягкосердечію и чувствительности, не можешь равнодушно взирать на несчастіе. Ты примирился съ тѣмъ или другимъ врагомъ: потому что для тебя выгодно было примириться съ нимъ,— ты опасался, чтобы онъ не препятствовалъ тебѣ въ достиженіи другихъ твоихъ цѣлей. Ты подалъ тому или другому добрый совѣтъ: потому что это тебѣ ничего не стоило и поелику тѣмъ ты обязывалъ его къ себѣ.— Но былъ ли ты при всемъ этомъ на пути живота? что дѣйствовало въ тебѣ?

Положи руку на сердце, вспомни Всевѣдущаго, который прозираетъ твою душу, какъ свѣтлую каплю росы, и отвѣчай самому себѣ правдиво и искренно: былъ ли ты столько добръ, какъ ты часто воображалъ себѣ это? Всегда ли ты избѣгалъ того, что отвергало твое лучшее чувство? Чуждался ли ты тѣхъ пороковъ, кои такъ хорошо умѣлъ осуждать въ другихъ? Отказывался ли ты всего болѣе отъ самыхъ обыкновенныхъ и любимыхъ своихъ грѣховъ? Оставался ли въ спокойномъ самочувствіи, когда все раздражало тебя ко гнѣву? Помогалъ ли ты и тогда, когда тебѣ самому отказывали въ помощи? Любилъ ли ты всего искреннѣе добродѣтель, когда соблазнъ угрожалъ тебѣ наибольшею опасностію? Забывалъ ли свою пользу, когда пожертвованіемъ ея ты могъ бы сдѣлать другому гораздо большее добро? Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ думалъ ли ты прежде о благѣ твоихъ сочеловѣковъ, нежели о самомъ себѣ? Ты безмолвствуешь и покрываешься стыдомъ?— Оглянись на ту дорогу, по которой ты шелъ: это былъ путь не живота, а смерти.

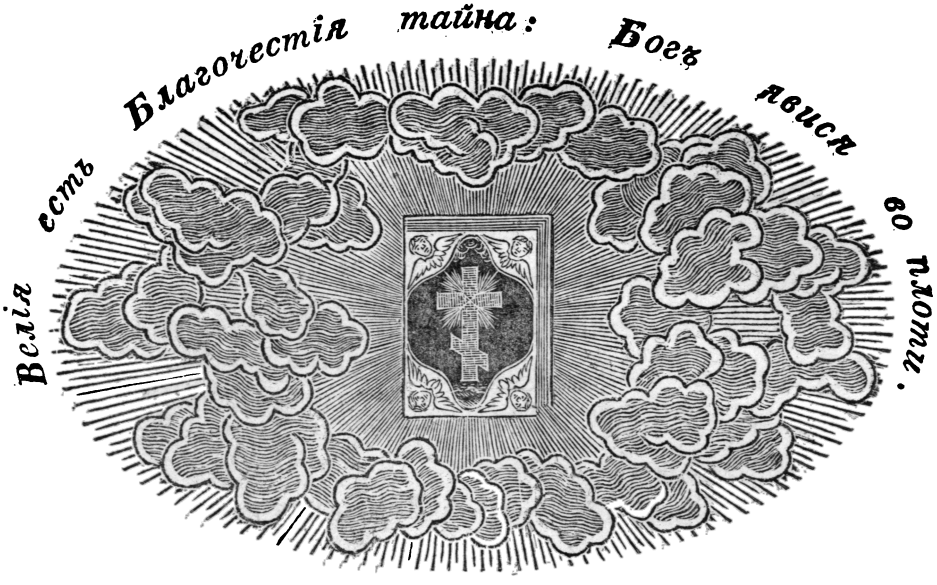
О Боже мой, Отче мой! Покрой забвеніемъ ту жизнь, которую я прожилъ, и дай мнѣ св. Духа Твоего для той, которая мнѣ предстоитъ.

СКОЛЬКО ТЕБѢ ЛѢТЪ?—

Въ одномъ человѣкѣ произошла необыкновенная перемѣна съ того времени, какъ онъ началъ посѣщать Церковь. Простое любопытство заставило его прійти туда: но первая проповѣдь произвела надъ нимъ спасительное дѣйствіе; и онъ сдѣлался истиннымъ Христіаниномъ. Два года спустя, когда онъ опасно заболѣлъ, послали за священникомъ. На вопросъ послѣдняго: сколько больному лѣтъ? онъ отвѣчалъ: „только два года.“ Только два года? возразилъ священникъ. „Да, я считаю жизнь мою съ того времени, какъ научился знать Господа Іисуса, и жить по его Евангелію: осьмнадцать прежнихъ лѣтъ моихъ протекло— въ смерти!“

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 7 Декабря 1856 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

№ 41. НЕДѢЛЯ (33) ПО ПРОСВѢЩЕНІИ. ГЕНВАРЯ 8. 1839.

Апостолъ: Ефес. 4, 7— 13. Евангеліе: Матѳ. 4, 12— 17.

Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, явльшагося Христа.

Въ навеч. Богоявленія Тропарь 1.

ПРОПОВѢДЬ ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ И КРЕЩЕНІЕ ОТЪ НЕГО ІИСУСА ХРИСТА (*).

Между тѣмъ, какъ Господь Іисусъ Христосъ, послѣ неизреченнаго рожденства своего отъ Пречистой Дѣвы Маріи, послѣ боголѣпнаго поклоненія Ему волхвовъ, послѣ бѣгства отъ гоненія Ирода во Египетъ и возвращенія оттуда въ землю Израилеву, обиталъ въ маломъ градѣ Назаретѣ, и проходилъ всѣ возрасты жизни человѣческой, освящая ихъ собою,— Предтеча Его Іоаннъ съ самаго младенчества воспитывался въ пустыняхъ, до времени явленія своего Израилю. До тридцатилѣтняго возраста Іоаннъ проводилъ Ангельскую жизнь свою въ пустыни, въ совершенномъ уединеніи отъ міра,— ни съ кѣмъ изъ человѣковъ не имѣя общенія, бесѣдовалъ съ единымъ Богомъ. Духъ Святый, исполнившій его дарами

(*) Изъ историческихъ бесѣдъ Высокопр. Филарета, Митрополита Кіевскаго.—

своими еще во чревѣ матернемъ, научалъ его и пріуготовлялъ къ великому служенію провозвѣстника Царствія Благодати.

Въ пятое надесять лѣто владычества Тиверія Кесаря, обладающу Понтійскому Пилату Іудеею, и четвертовластвующу Галилеею Ироду, Филиппу же брату его четвертовластвующу Итуреею и Трахонитскою страною, и Лисанію Авілинією четвертовластвующу, при Архіереи Аннѣ и Каіафѣ, бысть глаголъ Божій ко Іоанну, Захаріину сыну, въ пустыни (Лук. 3, 1. 2) —

Съ особенною точностію замѣчаетъ святый Евангелистъ Лука время явленія Предтечи Господня ко Израилю, какъ самое важнѣйшее въ событіяхъ Церкви, — въ которое собственно начинается Новый Завѣтъ Благодати и Евангелія, и оканчивается Ветхій Законъ. Время сіе, и по свидѣтельству языческихъ писателей, было такое, въ которое развращеніе нравовъ человѣческихъ достигло высочайшей степени, — что можно видѣть изъ характеровъ упомянутыхъ Евангелистомъ обладателя Рима и начальствующихъ Іудейскою землею, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ властей. Тиверій, Римскій Императоръ, извѣстенъ своею жестокостію, — Пилатъ осужденіемъ на смерть Іисуса Христа, — Иродъ убіеніемъ Крестителя, — Архіереи Анна и Каіафа распятіемъ самаго Спасителя и Господа. — Въ сіе то время повсемѣстной глубокой тьмы и мрака, когда растлѣнное грѣхами естество человѣческое было на краю бездны погибели, начинаетъ сіять во тьмѣ заря *Свѣта истиннаго* (Іоан. 1, 9), — воплощеннаго Сына Божія, Спасителя и обновителя естества нашего. Но гдѣ начинаетъ сіять сія живоносная заря? въ пустыни. *Бысть глаголъ Божій ко Іоанну, сыну Захаріину, во пустыни. Во пустыни* обиталъ Іоаннъ; ибо развращенный міръ недостоинъ былъ имѣть его своимъ гражданиномъ. *Во пустыни* возглаголалъ къ нему Богъ; ибо гласъ его среди шума страстей, волнующихъ *во злѣ лежащій мірѣ* (1 Іоан. 5, 19), — не слышенъ.

И пріиде Іоаннъ во всю страну Іорданскую, проповѣдуя въ пустыни Іудейстѣй крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ, и глаголя: покайтеся! приближибося Царствіе небесное (Лук. 3, 3. — Мат. 3, 1. 2). —

По глаголу Божію явился Предтеча Благодати ко Израилю, дабы возвѣстить ему скорое пришествіе и явленіе самаго Источника благодати, обѣтованнаго Царя Израильтянъ, Спасителя отъ грѣховъ ихъ, — и дабы приготовивъ людей къ достойному срѣтенію и принятію Его. Богъ Отецъ небесный послалъ Іоанна проповѣдать покаяніе и крестить водою, въ знаменіе того, что грядущаго Царя не иначе должно и можно срѣтить и принять, какъ съ раскаяннымъ духомъ и очищеннымъ сердцемъ. Посему первымъ гласомъ и содержаніемъ всей проповѣди Іоанна было: *покайтеся! приближибося Царствіе небесное*.

Проповѣдь сія была совершенно новая и совсѣмъ неожиданная для Іуде-

евъ. Они ожидали царства — но земнаго. Ожидали Мессію Царя, облеченнаго силою, славою и богатствомъ міра сего. Въ ослѣпленіи своемъ мечтали, при открытіи царства Мессіи, быть обладателями свѣта и сокровищей его; а о признаніи грѣховъ своихъ въ сокрушеніи сердца, о внутреннемъ и всецѣломъ обращеніи къ Богу, о исправленіи сердецъ своихъ, — словомъ, — о покаяніи — совсѣмъ недумали. Провозвѣстникъ обѣщаннаго царства Христова начинаетъ проповѣдь свою совсѣмъ вопреки ихъ надеждамъ. Онъ возвѣщаетъ царство приближившееся и уже наступившее, но не земное, а небесное — духовное; Царство Бога въ сердцахъ человѣческихъ, — царство Іисуса Христа внутрь насъ, которое Онъ благодатію своею утверждаетъ въ сердцахъ истинно кающихся и вѣрующихъ въ Него, разрушая въ нихъ владычество грѣха и смерти, и насаждая въ нихъ истинную вѣру, нелицемѣрную добродѣтель, чистую любовь къ Богу и ближнему, и Ангелоподобную святость; — Царство Божіе, которое начинается въ Церкви воинствующей на земли, и совершается въ Церкви торжествующей на небеси — царство, въ которомъ нераскаянные грѣшники никакъ и никогда не могутъ имѣть участія.

Таково было начало Евангелія Іисуса Христа Сына Божія; таковъ былъ первый гласъ Предтечи Его, о которомъ предсказалъ Исаія Пророкъ: *гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Исаіи 40, 3). — Приготовьте покаяніемъ путь Господу, хотящему пріити въ сердца ваши и царствовать въ нихъ. Развращенныя и испорченныя души ваши исправьте: — тогда Онъ пріидетъ и воцарится въ васъ къ истинному и нескончаемому блаженству вашему.

Но не словомъ точію, а и самымъ дѣломъ проповѣдывалъ Іоаннъ покаяніе, будучи самъ совершеннымъ образцемъ строгой, воздержной и святой жизни.

Самъ же Іоаннъ, говоритъ Евангелистъ, *бѣ облеченъ власы велблюжди, и поясъ усменъ о чреслѣхъ его, ядый акриды и медъ дивій* (Матѳ. 3, 4. Марк. 1, 6).—

Одежда его была власяная, поясъ кожаный, въ знаменіе умерщвленія въ немъ всѣхъ похотей плотскихъ. Пища пустынная. Подъ словомъ *акриды* нѣкоторые изъ отцовъ Церкви разумѣютъ вершины древъ и травъ, растущихъ въ пустыни; а нѣкоторые — особенный родъ насѣкомыхъ, употребляемыхъ въ снѣдь тамошними жителями; *медъ дивій*, т. е. лѣсный, составляемый дикими пчелами. Пища необыкновенная, приличная единственному проповѣднику покаянія, — такъ что Іисусъ Христосъ сказалъ объ немъ: *пріиде Іоаннъ ни ядый, ни пія* (Матѳ. 11, 18). — И сколь дѣйствительна была проповѣдь его!

Тогда исхождаше къ нему Іерусалима, и вся Іудея, и вся страна Іорданская, и крещахуся вси во Іорданѣ рѣцѣ отъ него, исповѣдающе грѣхи своя (Матѳ. 3, 5. 6 Марк. 1, 5).—

Не тщетенъ былъ гласъ божественнаго проповѣдника. На проповѣдь его, облеченную силою Духа Святаго, стеклось безчисленное множество Іудеевъ. По гласу его всѣ крестились во Іорданѣ и исповѣдывали грѣхи свои. Нечаянное явленіе его изъ пустыни, какъ бы съ неба, необыкновенная святость жизни его, возбудили во всѣхъ желаніе видѣть его и слышать его ученіе, даже и въ тѣхъ, которые отвергли оное.

Бысть же въ онѣхъ днехъ, егда крестишася вси людіе, пріиде Іисусъ отъ Назарета Іудейскаго на Іордань ко Іоанну, креститися отъ него (Марк. 1, 9. Лук. 3, 21. Мат. 3, 13).—

По прошествіи шести мѣсяцовъ отъ начала проповѣди и крещенія Іоаннова, когда всѣ приходящіе къ нему, всякаго возраста и состоянія люди, крестились,— пришелъ къ нему изъ Назарета креститься Іисусъ Христосъ среди всего народа. Но для чего безгрѣшный приходитъ креститься во Іорданѣ вмѣстѣ съ грѣшниками? Источникъ и податель всякой чистоты и святости имѣлъ ли нужду въ очищеніи себя водою?— Не для своего очищенія и освященія приходитъ Спаситель креститься въ водѣ, но чтобъ собою освятить воду и содѣлать ее очистительною отъ скверны грѣховныхъ для всѣхъ грѣшниковъ, въ спасительномъ таинствѣ Крещенія; чтобы какъ крещенію Іоаннову, такъ и крещенію всѣхъ служителей Церкви Божіей до скончанія вѣка, сообщить Божественную силу крещенія не только водою, но и Духомъ Святымъ, очищающимъ, подобно огню, души крещаемыхъ отъ всякаго грѣха, и дарующимъ имъ новую благодатную жизнь. Ибо по силѣ крещенія самаго Іисуса Христа во Іорданѣ, всѣ Христіане, когда крестятся, крестятся Духомъ Святымъ.

Іоаннъ же возбраняше Ему, глаголя: Азъ требую Тобою креститися; и Ты ли грядеши ко мнѣ (Мат. 3, 14)?

Предтеча Господень съ самаго младенчества своего до пришествія къ нему на Іорданъ Спасителя, не видѣлъ Его и незналъ, живя въ пустыни— какъ самъ о себѣ говоритъ у Еванг. Іоанна: *и азъ не вѣдѣхъ Его* (Іоан. 1, 33).— Но при первомъ воззрѣніи на Господа и Спасителя своего, тотчасъ Его узналъ, по внутреннему откровенію Духа Святаго— которымъ онъ будучи исполненъ, еще во чревѣ матери своей, взыгралъ на гласъ привѣтствія Преблагословенной Дѣвы Маріи къ Елисаветѣ. И съ какимъ чувствомъ трепетной радости и глубокаго уничиженія предъ Господомъ своимъ, признаетъ онъ свое недостоинство? Я, говоритъ, имѣю нужду креститься отъ Тебя Духомъ Святымъ;— и Ты ли, податель Его и Господь мой, идеши— къ послѣднему рабу?

Отвѣщавъ же Іисусъ, рече къ нему: остави нынѣ; тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду—и остави Его (Мат. 3, 15) —

Велико было смиреніе Іоанна, яко человѣка, по святости своей, величайшаго— изъ всѣхъ рожденныхъ женами;

но безпредѣльно велико смиреніе Іисуса Христа, яко Богочеловѣка.— И смиреніе Предтечи долженствовало уступить смиренію самаго Господа Искупителя. *Остави нынѣ*, говоритъ Онъ— Крестителю. Не препятствуй Мнѣ креститься отъ тебя вмѣстѣ съ грѣшниками, которыхъ Я пришелъ спасти. *Тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду.* Съ такимъ смиреннымъ повиновеніемъ Отцу Небесному надлежитъ и тебѣ и Мнѣ исполнить всю волю Его для спасенія грѣшниковъ.— Такъ начинаетъ Спаситель дѣло спасенія нашего, уничижая себя предъ рабомъ, *Господь сый всѣхъ!* Такъ Онъ и совершитъ сіе дѣло,— *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ,— смиривъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 6. 7. 8).—

Тогда крестися Іисусъ отъ Іоанна во Іорданѣ, и взыде абіе отъ воды; и се, молящуся, отверзошася Ему небеса,— и видѣ Іоаннъ Духа Божія, сходяща тѣлеснымъ образомъ, яко голубя, и грядуща на Него; и се гласъ съ небесе бысть, глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ (Матѳ. 3, 16. 17. Марк. 1, 10 11. Лук. 3, 21. 22. Іоан. 1, 32).—

Безгрѣшный, подобно грѣшникамъ, пріемлетъ отъ Іоанна крещеніе, дабы содѣлать его спасительнымъ для грѣшниковъ. Погружается во Іорданѣ пречистымъ тѣломъ своимъ, и водному естеству отъ Себя сообщаетъ силу очищенія грѣховъ нашихъ и освященія въ святомъ таинствѣ крещенія, которое Онъ въ сіе время установилъ своимъ примѣромъ для всѣхъ, вступающихъ въ святую Церковь Его. По погруженіи тотчасъ выходитъ изъ воды,— и первое Его по крещеніи дѣйствіе есть ходатайственная о насъ грѣшникахъ молитва къ Отцу небесному. И какая, братіе, всемогущая молитва любвеобильнаго Спасителя нашего! Она первая отверзаетъ небеса, бывшія нѣсколько тысячъ лѣтъ затворенными для всѣхъ человѣковъ, со времени преступленія прародителями въ раю заповѣди Божіей. *И се, молящуся, отверзошася Ему небеса.* Молитва Спасителя отверзла небеса, заключенныя грѣхомъ прародителей, и открыла для всѣхъ человѣковъ входъ въ небесное Царство.— Ради Его всесильной молитвы Отецъ небесный слышитъ и пріемлетъ возсылаемые къ Нему молебные вопли и отъ насъ недостойныхъ грѣшниковъ, вѣрующихъ въ Него. На Его всесвятую молитву, изъ отверстыхъ небесъ, отъ Бога Отца сходитъ Духъ Святый, и почиваетъ на Немъ. Отецъ небесный ниспосылаетъ Ему всѣ сокровища даровъ Духа Святаго, для раздаянія оныхъ во спасеніе грѣшникамъ. Сходитъ Духъ Святый въ видѣ *голубя*,— въ знаменіе чистоты своей и презельной любви къ человѣкамъ; въ знаменіе примиренія человѣковъ съ Богомъ, земли съ небомъ,— подобно какъ по окончаніи всемірнаго потопа голубица съ масличною во устахъ вѣтвію возвѣстила Ною прекращеніе гнѣва Божія и наводненія (Быт. 8, 8—11). На ходатайственную о насъ

молитву Іисуса Христа Отецъ небесный отвѣтствуетъ въ слухъ Іоанна Крестителя: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ!* Все благоволеніе Отца небеснаго вѣчно почиваетъ на единородномъ Сынѣ Его Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; и ради Его божественныхъ заслугъ Отецъ милосердія благоволитъ къ грѣшному роду человѣческому; ради Его вочеловѣченія продолжаетъ Онъ и бытіе міра, *сіяетъ солнце свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мат. 5, 45); ради Его вѣчнаго о насъ ходатайства у престола правды Божія, ниспосылаетъ намъ и временныя и вѣчныя блага.— Такъ началось дѣло спасенія рода человѣческаго явленіемъ и дѣйствіемъ всея Святыя Тройцы: Отца и Сына и Святаго Духа!—

Христіане братія! крещеніе Іисуса Христа есть образомъ и нашего крещенія. Когда святая Церковь Его пріемлетъ насъ отъ плотскаго рожденія въ материя нѣдра свои, и чрезъ служителей своихъ крещаетъ водою, во имя Отца и Сына и Святаго Духа; тогда, на ходатайственныя ея о насъ молитвы, и намъ, возраждаемымъ вѣрою—духовнымъ рожденіемъ, отверзается входъ въ царствіе небесное. Ради Божественныхъ заслугъ Іисуса Христа, и на насъ, отъ Отца небеснаго, посылаются дары Духа Святаго, очищающаго души наши отъ грѣховъ, съ которыми мы раждаемся,— и дарующаго намъ новую жизнь и благодатныя силы для добродѣтельнаго и святаго житія. Отецъ небесный ради возлюбленнаго единороднаго Сына своего и насъ всыновляетъ Себѣ, и обращаетъ къ намъ отеческое благоволеніе свое. И блаженъ тотъ, кто сохранитъ великій крещенія даръ непорочень и чистъ святымъ и добродѣтельнымъ житіемъ своимъ!— Таковый обрящетъ отверстую дверь царствія небеснаго, и будучи облеченъ въ брачную одежду, внидетъ въ Божественный чертогъ, и во свѣтлости Святыхъ возрадуется неизглаголанною радостію блаженства и славы.—

Но увы,— кто изъ насъ похвалится, что онъ сохранилъ во всей чистотѣ небесный сей даръ, не осквернилъ грѣхами своими свѣтлую ризу Божественнаго крещенія? И грѣхи наши не заключили ли паки для насъ входа въ небесное Царствіе, въ которое, по непреложному слову Божію, *ничто же внидетъ скверно* (Апок. 21, 27.)? Но сокровища милосердія Божія не истощимы. Для возвращенія потерянной грѣхами Благодати крещенія, Господь Іисусъ Христосъ оставилъ намъ грѣшнымъ вѣрное средство,— слезное покаяніе. Грѣшникъ, потерявшій безцѣнное сокровище благодати крещенія, подобенъ купцу, который въ волнующемся морѣ претерпѣлъ кораблекрушеніе и лишился всего своего богатства; осталась для него единая дска отъ корабля, за которую онъ, ухватившись, можетъ сохранить жизнь свою, и достигнуть пристанища.— Сія дска есть слезное покаяніе.

Емлемся, братіе, за сію спасительную доску всею силою вѣры и сокрушенія нашего о прошедшихъ грѣхахъ. Безпредѣльно милосердый Отецъ нашъ услышитъ вопли кающихся сердецъ нашихъ, и паки отверзетъ намъ входъ въ царствіе свое. Аминь.

ВОДООСВЯЩЕНІЕ.

Духовное значеніе и употребленіе воды у Христіанъ современно происхожденію Божественной ихъ Вѣры. Самъ Спаситель далъ ей важное мѣсто между Христіанскими символами, когда сравнивалъ Евангельское ученіе съ живою водою. Но особенно высокое значеніе получила сія стихія чрезъ установленіе таинства крещенія, которое освящено примѣромъ Іисуса Христа, крестившагося отъ Іоанна въ струяхъ Іорданскихъ. Въ семъ крещеніи Господнемъ Церковь издревле видѣла не только первообразъ духовнаго возрожденія въ купѣли крещенія, но и дѣйствительное освященіе всей водной стихіи прикосновеніемъ къ ней воплощеннаго Божества. Таковое вѣрованіе ея изображается въ пѣсни, донынѣ воспѣваемой въ праздникъ Богоявленія: *днесь водѣ освящается естество!* Отсюда же можно производить и существующій въ Христіанствѣ обрядъ *водоосвященія* или *водосвятія*, который есть какъ бы продолженіе, или распространеніе освятительныхъ дѣйствій, бывшихъ при крещеніи Спасителя въ Іорданѣ. При совершеніи сего обряда призывается благословеніе Божіе на воду и сообщается ей особенная благодатная сила на душевную и тѣлесную пользу вѣрующихъ. Главная принадлежность его состоитъ въ троекратномъ погруженіи въ воду Креста, съ приличнымъ молитвословіемъ и пѣснопѣніемъ, во образъ крещенія Богочеловѣка и бывшаго при семъ явленія св. Троицы. Въ восточной Церкви Водоосвященіе бываетъ двоякое, *Великое и Малое*.

Великое Водоосвященіе совершается въ навечеріе праздника Богоявленія, а потомъ и въ самый праздникъ, предметомъ коего служитъ воспоминаніе крещенія Іисуса Христа въ Іорданѣ. Оно называется великимъ по особенной торжественности обряда и для отличія отъ малаго, которое можетъ совершаться во всякое другое время. Обычай освящать воду въ навечеріе Богоявленія есть одинъ изъ самыхъ древнихъ въ Христіанской Церкви. Изъ свидѣтельства Никифора (кн. XI. гл. 28) видно, что на востокѣ она освящалась въ сіе время еще въ V вѣкѣ; а изъ сказаній Златоуста (Бес. XXIV. о крещ. І. Х.) о чудесномъ дѣйствіи воды, почерпаемой вѣрными въ полночь предъ праздникомъ Богоявленія, можно заключать, что Великое Водоосвященіе въ навечеріи сего праздника получило начало по крайней мѣрѣ съ 4-го вѣка. Но, когда и по какимъ причинамъ введено въ обыкновеніе освящать воду еще въ самый праздникъ Богоявленія, неизвѣстно. Можно однакожъ думать, что и сіе обыкновеніе есть древнее и даже современно первому. Всего вѣроятнѣе, что подъ праздникъ Богоявленія, въ первыя времена, освящали воду для крещенія новообращенныхъ Христіанъ, которое тогда совершалось преимущественно въ сей день; отъ чего и праздникъ назывался иногда *днемъ* и *праздникомъ свѣтовъ* или *святыми свѣтами*. Въ самый же день Богоявленія совершаемо было Водоосвященіе въ воспоминаніе крещенія Спасителева въ Іорданѣ. Въ послѣдствіи, хотя прекратилось обыкновеніе крестить новообращенныхъ преимущественно предъ праздникомъ Богоявленія; но обычай освящать воду въ сіе время остался неприкосновеннымъ.

Обрядъ Великаго Водоосвященія въ навечеріе праздника совершается при концѣ литургіи, соединяемой въ то время съ вечернею, послѣ такъ называемой *заамвонной* молитвы, или при концѣ вечерни, когда литургія съ нею несоединяется, и при томъ большею частію среди церкви. Въ самый же день Богоявленія, онъ совершается по совершенномъ окончаніи литургіи. При чемъ принято правиломъ совершать его не въ церкви, а подъ открытымъ небомъ, на рѣкахъ, источникахъ или колодцахъ. Торжественное шествіе къ мѣсту Водоосвященія извѣстно у насъ подъ именемъ *хода на Іорданъ*. Обрядъ начинается въ церкви пѣніемъ стиховъ въ честь крестившагося Спасителя: *Гласъ Господень на водахъ вопіетъ*, и пр. Вмѣстѣ съ симъ, главный священнослужитель, предшествуемый прочимъ духовенствомъ съ Хоругвями, Евангеліемъ иконами и кадильницами, при колокольномъ звонѣ, исходитъ изъ церкви къ мѣсту, назначенному для священнодѣйствія, неся на главѣ св. крестъ. Здѣсь, по прекращеніи пѣснопѣній, продолжающихся во все время шествія, читаются три *пареміи* изъ пророчества Исаіи: о напоеніи жаждущей пустыни Іордановой, о изобиліи и блаженствѣ обращающихся къ Богу, и о духовной радости піющихъ изъ источника спасенія. Потомъ прочитывается мѣсто изъ перваго посланія Павлова къ Коринѳянамъ о прообразовательномъ значеніи перехода Израильтянъ чрезъ Чермное море, и краткое сказаніе Евангелиста Марка о крещеніи Іисуса Христа; за симъ слѣдуетъ великая *Ектенія*, распространенная особыми, совершаемому обряду приличными, моленіями объ освященіи воды наитіемъ св. Духа, о низпосланіи ей благословенія Іорданова, о дарованіи душевнаго и тѣлеснаго исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою піющимъ сію воду, и пр. По окончаніи Ектеніи, первый священнодѣйствующій, тайно прочтя молитву о предварительномъ очищеніи его самаго, громогласно произноситъ освятительную молитву, начинающуюся словами: *Великій еси Господи, и чудна дѣла твоя, и никтоже слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ твоихъ!* Исчисливъ великія дѣла Божіи, явленныя въ мірѣ и человѣческомъ родѣ, онъ троекратно благословляетъ воду, и при каждомъ дѣйствіи призываетъ на нее благодать св. Духа. Потомъ, упомянувъ о нѣкоторыхъ примѣрахъ благотворнаго дѣйствія ея въ древнія времена, молитъ о спасеніи царствующаго Государя, всей фамиліи его и св. Синода, и заключаетъ молитву приличнымъ возгласомъ. Наконецъ погружаетъ въ воду троекратно святый Крестъ и при каждомъ погруженіи, вмѣстѣ съ сослужащими, возглашаетъ тропарь праздника: *во Іорданѣ крещающуся тебѣ Господи*. За симъ бываетъ цѣлованіе Креста всѣми предстоящими и кропленіе ихъ освященною водою, съ приличнымъ пѣснопѣніемъ, которое продолжается и при обратномъ шествіи священнослужителей въ церковь.

Малое Водоосвященіе совершается съ меньшею торжественностію. Оно не усвоено исключительно никакому дню, но можетъ быть отправляемо во всякое время, по принятому обыкновенію или по желанію вѣрующихъ, и при томъ не въ опредѣленномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, но вездѣ, гдѣ признается нужнымъ, въ церкви, въ домахъ, подъ открытымъ небомъ. Есть однакожъ въ нашей Церкви особенные дни, въ

которые положено совершать сей обрядъ торжественно на рѣкахъ или источникахъ. Это бываетъ дважды въ годъ: въ среду на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи, въ день Преполовенія, и въ праздникъ Происхожденія честныхъ древъ, въ первый день Августа. Сверхъ того, малое Водоосвященіе въ нѣкоторыхъ церквахъ отправляется въ праздникъ Срѣтенія Господня и въ дни храмовыхъ праздниковъ; а въ домахъ бываетъ оно при основаніи или освященіи зданій, и въ другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ. По расположенію обряда, оно имѣетъ сходство съ Великимъ Водоосвященіемъ; только здѣсь не бываетъ никакихъ примѣненій къ крещенію Спасителя, кромѣ прошенія о низпосланіи освящаемой водѣ благословенія Іорданова. Священнодѣйствующій, въ маломъ облаченіи, съ крестомъ и кадильницею, исходитъ къ назначенному для Водосвятія мѣсту, гдѣ, послѣ обычнаго начинательнаго молитвословія, поются краткіе, но многочисленные тропари въ честь пресвятой Богородицы. За симъ читается Апостолъ изъ посланія Павлова къ Евреямъ о единствѣ освящающаго Христа съ освящаемыми вѣрными; а изъ Евангелія—повѣствованіе Іоанна о цѣлебной силѣ овчей купѣли въ древнемъ Іерусалимѣ. На великой ектеніи, къ обыкновеннымъ прошеніямъ, присовокупляются нѣкоторыя особыя, приспособленныя къ случаю и заимствованныя изъ обряда крещенскаго Водоосвященія. Въ освятительной молитвѣ, отличной отъ молитвы, при Великомъ Водосвятіи читаемой, испрашивается исцѣленіе недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и дарованіе спасенія живымъ и умершимъ, предстательствомъ преблагословенной Дѣвы Маріи, небесныхъ Силъ, Апостоловъ, Святителей и Чудотворцевъ Безсребренниковъ; при чемъ вода троекратно благословляется рукою священнодѣйствующаго. Во время погруженія Креста возглашается тропарь воздвиженія: *Спаси, Господи, люди твоя.* Потомъ произносится краткая Ектенія и молитва объ отвращеніи бѣдствій, и оканчивается обрядъ обычнымъ отпустомъ. Весь составъ сего обряда показываетъ то намѣреніе церкви, чтобы въ освящаемой стихіи подать вѣрующимъ исцѣленіе отъ недуговъ и скорбей душевныхъ, врачуемыхъ молитвою. По сей-то причинѣ всѣ почти церковныя пѣсни при маломъ Водоосвященіи обращены непосредственно къ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, которая издревле именуется *Живоносным источникомъ и радостію всѣхъ скорбящихъ.* Нѣкоторыя пѣсни показываютъ даже, что сей обрядъ назначенъ первоначально для совершенія въ храмѣ, посвященномъ Богоматери; напр. слѣдующая пѣснь: „Водами одождивый Христе „источникъ исцѣленій, во всечестнѣмъ „Храмѣ Дѣвы днесь, твоего благосло„венія окропленіемъ, отгонявши не„дуги немощствующихъ, врачу душъ „и тѣлесъ нашихъ."

Вода, благословенная обрядомъ великаго или малаго освященія, называется *Святою*, и имѣетъ важное значеніе и обширное употребленіе у всѣхъ Христіанъ, соединяющихъ внутреннее Богослуженіе съ внѣшнимъ. Они признаютъ въ ней благодатную силу, низводимую молитвами при ея освященіи и вѣрою употребляющихъ ее. Таковая сила въ высшей степени усвояется нашею Церковію именно той водѣ, которая благословляется обрядомъ вели-

каго Водоосвященія въ навечеріе и въ самый день праздника Богоявленія. Ее по преимуществу называютъ *святынею*, или *агіасмою*, а иногда *великою агіасмою*, въ отличіе отъ воды, освящаемой въ другія времена, при другихъ случаяхъ. Въ просторѣчіи же она обыкновенно называется *крещенскою* водою, по имени праздника, въ который освящается. Вѣрующіе употребляютъ ее съ великимъ благоговѣніемъ, вкушаютъ не иначе, какъ до принятія пищи, особенно во время болѣзней, хранятъ со тщаніемъ въ продолженіи цѣлаго года, кропятся и знаменуются ею въ исцѣленіе души и тѣла. Сію же воду положено давать вкушать тѣмъ, которые, по церковнымъ правиламъ, отлучаются на извѣстное время отъ причащенія тѣла и крови Христовой. Вѣра и опытъ утверждаютъ православныхъ въ томъ мнѣніи, что вода, освященная великимъ обрядомъ, никогда не подвергается порчѣ, если почерпается съ молитвою и хранится съ благоговѣніемъ. Тоже самое свойство приписывается водѣ, взятой изъ рѣки или изъ источника въ полночь предъ праздникомъ Богоявленія. Древность обычая почерпать воду въ сіе время, а равно и древность вѣрованія касательно неповрежденности ея, подтверждаются свидѣтельствомъ Златоуста, изъ котораго видно, что въ его вѣкъ то и другое существовало въ Антіохіи. „Сей есть „день, говоритъ онъ, въ оньже (Іисусъ „Христосъ) крестился и водъ освя„шилъ естество. Сего ради и въ полу„нощи на праздникъ сей вси, почерпше „воду, въ домы относятъ, соблюдаютъ „и чрезъ лѣто всецѣлое хранятъ: по„неже днесь освятились воды, и зна„меніе бываетъ явственное, нерастлѣ„вающуся водъ оныхъ естеству долго„тою времени; но на лѣто всецѣлое „и два и три многащи лѣта, днесь „почерпаемой водѣ, цѣлой и новой про„бывающей, и по толицѣмъ времени „нынѣ отъ источниковъ емлемымъ „водамъ сравняющейся.“ (*) Между благочестивыми обычаями, кои наблюдаются во время великаго водоосвященія, достойно еще замѣчанія начертаніе крестовъ на дверяхъ, окнахъ и другихъ болѣе открытыхъ мѣстахъ дома для охраненія его отъ гибельнаго вліянія враговъ Креста Христова. Это дѣлается большею частію въ навечеріе праздника Богоявленія, послѣ освященія воды.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Итакъ лѣто старое уже прешло, кануло въ бездну вѣчности,— и мы съ торжествомъ срѣтили лѣто новое. Но и грядущій годъ такъже мимоидетъ, такъже присоединится къ годамъ и вѣкамъ, сливающимся въ вѣчности,— и, вмѣсто радости и торжества, мы и ему посвятимъ то скорбное воспоминаніе, съ какимъ взираемъ на все прошедшее невозвратное; прейдетъ подобно старому лѣту и вся наша чреда земная, и мы станемъ наконецъ предъ лицемъ вѣчности!— Для чего же призваны мы Богомъ въ настоящую жизнь временную, для чего суждено намъ быть свидѣтелями постоянной смѣны и игры жизни съ смертію? Неужели къ тому чтобы съ безотчетною радостію встрѣчать каж-

(*) Бес. 24, о крещ. І. Х.

дую новую минуту, день, часъ, годъ, а потомъ предаваться скорбному чувству суеты, когда все это уносится въ бездну прошедшаго? Для того ли все приходитъ и преходитъ въ насъ и вокругъ насъ, чтобы мы съ жадностію простирали руки къ будущему, и видѣли только, какъ оно измѣняетъ нашему чаянію и подобно вѣтру уходитъ невозвратно? Стань на время каждый у потока суетныхъ дѣлъ человѣческихъ, войди во внутреннюю храмину души своей;—и ты увидишь, что жизнь временная дарована тебѣ для цѣли гораздо высшей, а не для одного созерцанія суетнаго прехожденія вещей.

Все что насъ окружаетъ, постоянно преходитъ, собственное наше тѣло измѣняется, и въ каждое мгновеніе оно уже не таково, какимъ было прежде; но, при всѣхъ перемѣнахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, мы сознаемъ себя нынѣ также, какъ сознавали прежде, чувствуемъ въ себѣ нѣчто постоянное неизмѣнное. Вся природа никогда непреходитъ опредѣленной степени совершенства; но мы постоянно стремимся къ новому совершенству.— Наша неизмѣняемость и постоянное стремленіе къ совершенству—вотъ вѣщій голосъ духа, который говоритъ каждому, что вся наша жизнь земная есть только приготовленіе къ вѣчности, путь ко граду нерукотворенному, Іерусалиму небесному. Любвеобильный Господь хочетъ содѣлать насъ причастниками своей славы, привести къ вѣчному и неразрывному союзу съ собою, и для того продолжаетъ нашу жизнь временную, чтобы мы готовились и постепенно восходили къ тому блаженству которое для насъ уготовано. Итакъ, Христіанинъ каждая минута, каждый часъ твоей жизни долженъ быть мѣриломъ твоего совершенства духовнаго; все что насъ окружаетъ, чѣмъ мы владѣемъ и пользуемся по милости Божіей, должно быть только средствомъ къ возрастанію нашего внутренняго человѣка. Вспомни каждый, кто вступилъ уже въ жизнь общественную, время твоего воспитанія; оно есть совершеннымъ подобіемъ нашего воспитанія для вѣчности. У насъ были учители, были товарищи, были книги, бесѣды; теперь, одно удалилось отъ насъ, отъ другаго мы сами удалились; что же послѣ всего этого осталось неразлучно съ нами? Остались только мы сами, съ тою степенью внутренняго совершенства, котораго достигли въ продолженіе воспитанія. Точно также и вся настоящая жизнь, весь міръ земной, есть мѣсто нашего воспитанія для вѣчности. Все что служитъ намъ здѣсь, что удовлетворяетъ наши потребности временныя—все прейдетъ, оставитъ насъ у гроба; только духъ безсмертный съ своими дѣлами прейдетъ Іорданъ смерти!

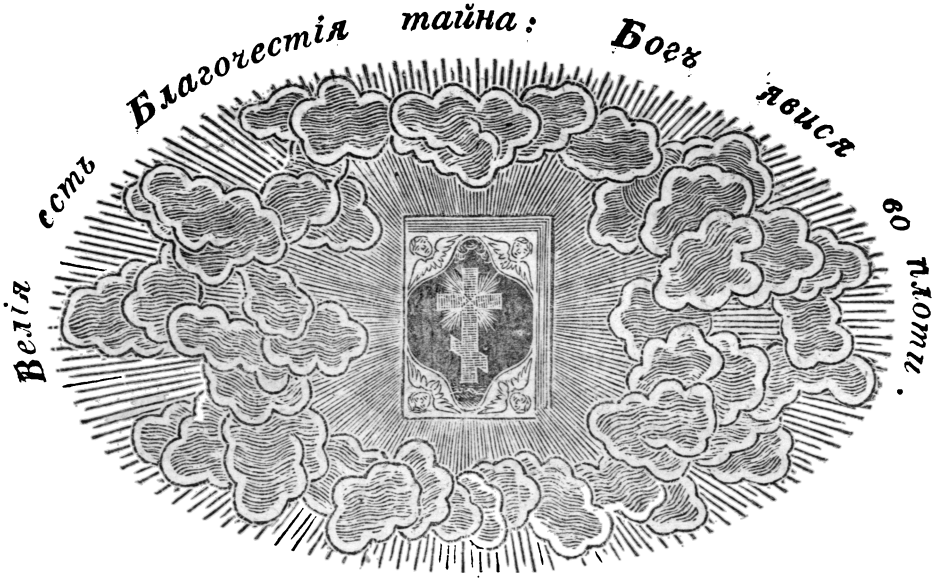
Обратись же теперь каждый къ прошедшей жизни своей, и посмотри: много ли ты успѣлъ сдѣлать добраго, какъ приготовился къ небесному званію? Въ мірѣ все исполняетъ свое назначеніе; рѣки несутъ свои волны въ дань морямъ; земля вращается вокругъ своего средоточія; растѣнія выходятъ изъ земли и стремятся къ солнцу. И у насъ есть солнце, вѣчное Солнце правды; и намъ дарована Божественная сила, влекущая насъ къ духовному средоточію всѣхъ разумныхъ существъ: какъ же мы повиновались ей въ продолженіе нашей жизни?

Богъ далъ намъ дни дѣланія; какъ же мы готовились къ вѣчной субботѣ? Много ли исполнили дѣлъ человѣколюбія, милосердія? Часто ли прощали обиды? Заботились ли о чистотѣ помысловъ и желаній? Старались ли о благѣ общемъ, какъ собственномъ? Исполнялиль долгъ, къ которому призвалъ насъ Богъ и отечество, по любви, по совѣсти? Если все это мы оставляли безъ вниманія въ продолженіе прошедшей жизни, то оно для насъ потеряно;— и недумай, чтобы время потерянное можно было восполнить новыми дѣлами. Нѣтъ, каждое мгновеніе назначено для дѣланія, также какъ каждая минута въ распѣніи опредѣлена для прозябенія; и— все что можешь ты сдѣлать добраго въ будущемъ будетъ принадлежать уже будущему. Не воображай, что дѣла твои также проходятъ, какъ проходитъ время; нѣтъ, каждый поступокъ твой, каждая мысль, каждое дѣло доброе или злое, которое повидимому ты износишь изъ себя, къ тебѣ же возвращается, начертывается неизгладимо на твоемъ сердцѣ и составляетъ твое духовное существо. Отчего нечестивый бѣгаетъ ниединому же гонящу? Оттого, что грѣхи и беззаконія, нѣкогда имъ содѣянныя, но закрывавшіяся во глубинѣ его души, снова входятъ въ его сознаніе и терзаютъ его совѣсть. Но придетъ время, когда всѣ твои дѣла должны открыться предъ лицемъ Бога и человѣковъ— въ день всеобщаго откровенія и суда. Подумай же каждый, чѣмъ загладить всѣ прошедшія грѣхопаденія; принимай съ благоговѣніемъ средства даруемыя Церковію къ очищенію души, доколѣ благость Божія долготерпитъ и даруетъ тебѣ время въ будущемъ.

Будущее! Сколько на основаніи его каждый изъ насъ строитъ плановъ и предначертаній, сколько питаетъ мыслей и надеждъ! но— горькая для однихъ и утѣшительная для другихъ— истина непреложна, что срочное время нашей дѣятельности мимоидетъ. Каждый часъ будетъ отнимать у насъ одно благо за другимъ, и на предѣлахъ настоящей жизни мы останемся также одни, какъ одни вошли въ нее. Соединимъ же съ размышленіемъ о прошедшей жизни, рѣшимость не забывать въ будущемъ высокаго назначенія нашего, и для него единственно дѣйствовать. Чего не въ состояніи будетъ исполнить наша немощь, то совершитъ въ насъ вседѣйствующая благодать Божія. Не забудемъ также, что рѣшимость наша не должна ограничиваться однимъ началомъ настоящаго года. Каждый часъ въ жизни, есть нѣкоторымъ образомъ новое лѣто; по этому каждый часъ, мы должны памятовать, что сдѣлали, и что должны дѣлать.—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 14 Декабря 1858 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 42 НЕДѢЛЯ (34) О МЫТАРѢ И ФАРИСЕѢ. ГЕНВАРЯ 15. 1839.

Апостолъ: Тим. 3, 10—15. Евангеліе: Лук. 18, 10—14.

Не помолимся фарісейски братіе: ибо возносяй себе смирится. Смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски пощеніемъ зовуще: очисти ны, Боже, грѣшныя. Тріод. Пост. сш. 1.

МЫСЛИ СВ. ОТЦЕВЪ

I. О необходимости чтенія слова Божія.

Св. Златоустъ, въ одной бесѣдѣ своей (*) научая, что не должно довольствоваться слушаніемъ поученій въ Церкви, а нужно читать св. Писаніе и въ домѣ, говоритъ: „Никто не представляй мнѣ извиненій столь смѣшныхъ, постыдныхъ и достойныхъ осужденія: я (говорятъ) завлеченъ въ судебный процессъ; я занятъ дѣлами общественными; я художникъ, и мнѣ нужно трудами доставать себѣ хлѣбъ; я имѣю жену; я обремененъ дѣтьми; мнѣ нужно заботиться о моемъ семействѣ; я мірянинъ, не мое дѣло читать св. Писаніе, а дѣло тѣхъ, которые отверглись міра и удалились въ пустыню. Жалкій человѣкъ, что говоришь ты? Не твое дѣло читать св.

(*) Бес. 6 о Лазарѣ.

„Писаніе потому, что ты развле-„ченъ безчисленными заботами? На-„прошивъ, по причинѣ твоихъ за-„нятій, тебѣ и должно читать Пи-„саніе, и это нужнѣе тебѣ, неже-„ли имъ, которые удалились отъ „міра, чтобъ жить тамъ для Бога. „Отшельники, свободные отъ дѣлъ и „заняпій жизни гражданской, утвер-„дивъ пребываніе свое въ пусты-„нѣ, не имѣя сообщенія ни съ кѣмъ, „занимаясь Христіанскимъ любому-„дріемъ во всякой тишинѣ и спокой-„ствіи и будучи какъбы на брегѣ, „внѣопасности,— наслаждаются вели-„кою безопасностію. А мы, живущіе „среди волненій и бурь этой жизни, „мы, которымъ такъ трудно не „впадать въ безчисленныя погрѣш-„ности, имѣемъ крайнюю нужду въ „непрестанной помощи и подкрѣ-„пленіи посредствомъ наставленій „и утѣшеній св. Писанія.“ Тотъ же святый Учитель не извиняетъ и бѣдныхъ, кои, по бѣдности, не хотятъ имѣть священныхъ книгъ: ибо, говоритъ, св. Писаніе нужнѣе для нихъ, нежели тѣ орудія, которыя каждый бѣднякъ достаетъ себѣ для своего ремесла (а).

Блаж. Іеронимъ почитаетъ необходимымъ чтеніе св. Писанія для самыхъ дѣтей, и, дѣлая наставленіе одной Христіанкѣ— матери, какъ воспитывать малолѣтнюю дочь, пишетъ (б), чтобъ дочь ея начинала изученіемъ Псалтири; затѣмъ переходила къ книгамъ Соломона и Іова, а потомъ къ Евангеліямъ; далѣе читалабы Дѣянія и Посланія, а наконецъ изучала бы Пророковъ, Пятикнижіе и другія священныя книги, и что, когда воспламенится въ душѣ ея чистый огнь небесной любви, она будетъ способною и къ чтенію Пѣсни Пѣсней (в). Тотъ же Отецъ, пиша къ одной благочестивой дѣвѣ, совѣтуетъ ей каждый день постоянно прочитывать извѣстное число стиховъ изъ Писанія, и не отходить ко сну, пока этого не сдѣлаетъ (г).

О тойже необходимости для каждаго Христіанина читать слово Божіе разсуждая св. Григорій Папа, пишетъ (д): „что такое св. Писа-„ніе, какъ не посланіе (письмо) „Бога всемогущаго, которое благо-„волилъ Онъ дать своей твари? „Еслибы ты получилъ писаніе Госу-„даря; то, въ какомъ мѣстѣ и въ „какое время это ни случилось бы, „ты не сталъ бы откладывать чте-„нія этого писанія, не успокоился „бы и не сталъ бы спать прежде, „нежели узналъ бы, что повелѣваетъ „тебѣ его Царское Величество. Но „вотъ Царь неба, Господь Ангеловъ „и человѣковъ послалъ тебѣ писа-„нія, относящіяся къ собственной „твоей жизни;— и ты не брежешь чи-„тать ихъ, между тѣмъ какъ ты „долженъ имѣть самое ревностное „желаніе, чтобы узнать, что они „въ себѣ содержатъ.“

(а) Бес. 10 на Іоанна.
(б) Hieron. ad Laetam.
(в) Подобнымъ образомъ совѣтуетъ онъ и Гавденціи воспитывать дочь свою. Когда, говоритъ, она достигнетъ семилѣтняго возраста, то пусть учитъ на память Псалмы, а къ 12 лѣтамъ изучитъ книги Соломона, Евангеліе, Посланія Апостольскія и пр. (Ep. ad Gaudent.)
(г) Ep. ad Furiam.
(д) Ep. 40 l. 4.

II. О пользѣ того же чтенія.

Всѣ Отцы находили и указывали другимъ въ словѣ Божіи необходимую пищу и спасительное врачевство для души. Св. Амвросій пишетъ: „какъ земля исполнена врачевствъ противъ болѣзней шѣлесныхъ; такъ Писаніе полно врачевствъ противъ болѣзней душевныхъ.— Оно для насъ все: и врачевство, и свѣтъ, и вода, омывающая наши скверны, и источникъ всѣхъ нашихъ благъ.“— Въ немъ же святый Пастырь находитъ пищу для всякаго приличную: „есть въ немъ, говоритъ, и брашно „болѣе твердое, на пр. Законъ и „Евангеліе, и есть болѣе нѣжное и „пріятное, какъ Псалмы.“ (а)

Св. Василій В. чтеніе св. Писанія почитаетъ однимъ изъ наилучшихъ средствъ научиться исполненію своихъ обязанностей. Онъ же учитъ: „полезно и необходимо научаться каждому изъ Писаній, что „свойственно его состоянію, чтобы „болѣе утвердиться въ благочестіи „и чтобы не попустить возобладать „надъ собою правиламъ міра.“ (б)

Св. Златоустъ говоритъ, что одинъ взглядъ на священную книгу удерживаетъ отъ грѣха тѣхъ, которые взираютъ на нее съ почтеніемъ, и что самое прикосновеніе къ Евангелію можетъ дать лучшее направленіе нашимъ мыслямъ и желаніямъ; если же кто употребитъ внимательное чтеніе, то душа его, обрѣтаясь какъ бы во святилищѣ божественномъ, обращаясь съ Богомъ при чтеніи Его слова, дѣлается болѣе чистою и совершенною (в).

Блаженный Августинъ, который чтенію св. Писанія обязанъ былъ самымъ обращеніемъ своимъ, сознается, что книги философовъ хотя сдѣлали душу его болѣе ученою, но въ тоже время — и болѣе надменною; а св. Писаніе, напротивъ, смирило, говоритъ, и умягчило мой духъ и дало ему почувствовать различіе между тщеславною увѣренностію въ собственныхъ силахъ и смиреннымъ признаніемъ своей слабости (г). Въ словѣ Божіи видитъ онъ истинное благо для всѣхъ: „гордыхъ поражаетъ оно своею высотою; лѣнивыхъ возбуждаетъ важностію предметовъ, о которыхъ разсуждаетъ; „трудолюбивыхъ упражняетъ своими трудностями; разумныхъ пи„таетъ своимъ свѣтоноснымъ ученіемъ“ (д).

Св. Григорій Папа въ письмѣ къ Леандру, Архіеп. Севилльскому, (посылая ему свое нравоученіе на книгу Іова) замѣчаетъ, что св. Писаніе заключаетъ въ себѣ тайны, способныя упражнять умы просвѣщеннѣйшіе, но содержитъ въ себѣ и истины ясныя, могущія питать простыхъ и менѣе ученыхъ; что на поверхности его есть пища для питанія младенцевъ, а въ сокровенныхъ глубинахъ есть то, что можетъ приводить въ удивленіе умы самые высокіе. Оно подобно рѣкѣ, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

(а) in Ps. 36. 37. 118.
(б) Письмо 1 къ Григор. Наз. и Правил. вопр. 95.
(в) Бес. 6. о Лазар.
(г) Confess. VII, 20.
(д) De Civ. D. XV. 25.

столь мелка, что и агнецъ можетъ переходить ее; а въ другихъ столь глубока, что и слону нужно тамъ плыть. Въ другомъ мѣстѣ (а) св. Папа пишетъ: „я убѣдительно прошу васъ съ особенною „ревностію заниматься словами Творца вашего — ежедневно. Познайте „въ словахъ Божіихъ, каково къ „вамъ сердце Божіе, чтобы вамъ „устремиться съ большимъ жаромъ „къ благамъ вѣчнымъ, и чтобы душа „ваша воспламенилась самымъ сильнымъ желаніемъ блаженства небеснаго. — Это чтеніе разогрѣваетъ „наше сердце и не допускаетъ, чтобы „погасла любовь наша, или ослабилъ ее хладъ нечестія." (б)

III. О сладости того же чтенія.

Св. Амвросій говоритъ, что въ чтеніи св. Писанія мы находимъ наше торжество и нашу радость, и что находитъ въ этомъ чтеніи удовольствіе, значитъ быть мудрымъ (в).

Нужно, говоритъ св. Василій В. (г), чтобъ душа наша, какъ невѣста премудрости Божіей, находила все свое удовольствіе въ чтеніи Писанія, которое прямо ведетъ ее къ Жениху ея.

Св. Григорій Назіанзинъ почитаетъ это удовольствіе самымъ первымъ и главнымъ: „если намъ „позволено искать какихъ-либо удовольствій въ этой жизни; то это „въ одномъ чтеніи слова Божія." (д)

(а) Ep. 40.
(б) Hom. 15 in Ezech.
(в) De fide resurr.
(г) О дѣвствѣ.
(д) Слово 38.

Блаж. Іеронимъ, наставляя одну Христіанку, какъ проводить время въ молитвѣ и чтеніи, пишетъ: „упражненіе въ чтеніи Писанія должно почитать не трудомъ обременительнымъ, но утѣхою души „и драгоцѣннѣйшею ея пищею." (а)

(а) Ad Demetriad.

БОЖЕСТВЕННОЕ МЛАДЕНЧЕСТВО И ОТРОЧЕСТВО ИИСУСОВО (*).

Послѣ возвращенія изъ Египта въ Галилею, Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ преблагословенною Матерію своею и съ святымъ обручникомъ ея Іосифомъ, въ безопасности отъ гоненія искавшихъ погубить Его, въ тишинѣ домашней жизни и въ сокровеніи отъ міра, проводилъ время младенчества, отрочества и юношества до притцатилѣтняго возраста, въ маломъ и незнатномъ градѣ Назаретѣ. Время сіе Святый Евангелистъ Лука описываетъ въ краткихъ, но весьма назидательныхъ для вѣры и жизни нашея словахъ.

Отроча же, говоритъ, *растяше и крѣпляшеся духомъ, исполняяся премудрости, и Благодать Божія бѣ на Немъ* (Лук. 2, 40).

Видите, братіе, до чего простерлось человѣколюбіе Единороднаго Сына Божія! Господь и Царь славы для спасенія человѣковъ сокрываетъ славу Божества своего подъ смиреннымъ покровомъ плоти нашея, содѣлавшись самъ человѣкомъ. Всемогущій Господь

(*) Изъ бесѣдъ Высокопр. Филарета, Митрополита Кіевскаго.

силъ, для возстановленія насъ немощныхъ, дѣлается самъ младенцемъ. Всесовершенный, всякаго совершенства источникъ и податель, для совершенія спасенія нашего, благоволитъ возрастать постепенно тѣломъ и укрѣпляться духомъ. *Пріобщившись пріискренѣ плоти и крови* (Евр. 2, 14—18), Онъ благоволилъ быть *по всему подобенъ братіи своей*— человѣкамъ, которыхъ пришелъ спасти. Благоволилъ пріобщиться и немощамъ младенчества, и слабостямъ отрочества, и искушеніямъ юношества, дабы собою освятить всѣ возрасты жизни человѣческой,— какъ излагаетъ глубочайшую тайну смотрѣнія сего св. Апостолъ Павелъ: *отнюду же долженъ бѣ во всемъ подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣренъ Первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскіе; въ немъ же бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 17, 18). Іисусъ Христосъ благоволилъ на себѣ испытать всю бѣдность и всѣ немощи жизни человѣческой;— и тако содѣлался милосердымъ Спасителемъ всѣхъ. *Не имамы бо Архіерея*, говоритъ тотъ же Апостолъ, *не могуща спострадати немощемъ нашимъ, но искушенна по всяческимъ, по подобію, развѣ грѣха* (— 4, 15). Но при всемъ Его подобіи человѣкамъ, кто изъ человѣкъ подобенъ Ему? Превѣчный Младенецъ, Богочеловѣкъ возрастаетъ постепенно и тѣломъ и духомъ, не такъ какъ обыкновенно растутъ младенцы— человѣки.— Человѣки и зачинаются и раждаются во грѣхахъ (Псал. 50, 7); потому и младенчество ихъ подвержено бываетъ разнымъ недугамъ и болѣзнямъ:— Іисусъ Христосъ, безгрѣшный въ пречистомъ зачатіи и рожденіи,— возрастаетъ тѣломъ постепенно, переходя изъ младенчества въ отрочество, изъ отрочества въ юношество, изъ юношества въ мужество,— но безъ всякихъ болѣзней и недуговъ;— ибо онъ не имѣлъ грѣха, который есть начало и корень всѣхъ болѣзней. Человѣки возрастаютъ духомъ, пріобрѣтая постепенно новыя о вещахъ понятія, новыя познанія,— или посредствомъ воспитанія, или посредствомъ ученія, или посредствомъ собственныхъ опытовъ:— Іисусъ Христосъ Богочеловѣкъ въ самомъ зачатіи во чревѣ Дѣвы *исполненъ благодати и истины*— (Іоан. 1, 14) по словамъ Евангелиста Іоанна;— *въ Немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровена* (Колос. 2, 3), говоритъ св. Апостолъ Павелъ. Онъ и младенцемъ будучи былъ Всевѣдущій и Всемогущій;— но не открывалъ своего всевѣденія и всемогущества. Не постепенно пріобрѣталъ Онъ премудрость и вѣденіе; но постепенно, по мѣрѣ возраста тѣлеснаго, открывалось *сокровенное въ Немъ сокровище премудрости и разума* и силы, какъ изъясняетъ св. Григорій Богословъ. Тако Превѣчное *Отроча растяше и крѣпляшеся духомъ, исполненъ сый премудрости,— и благодать Божія бѣ въ Немъ и на Немъ.*

И хождаста родителя его, продолжаетъ Евангелистъ, *на всяко лѣто во Іерусалимъ въ праздникъ пасхи* (Лук. 2, 41).

Достойно подражанія благочестіе родителей Іисуса, съ какovымъ они исполняли законъ Божій, повелѣвавшій всякому Израильтянину трикраты въ годъ являться предъ лице Божіе въ

храмъ Іерусалимскій, для поклоненія Господу и принесенія ему жертвы. Хотя они могли опасаться новаго гоненія отъ Архелая, сына Иродова, на младенца Іисуса, который и въ пути, и въ Іерусалимѣ всегда не разлучно былъ съ ними; но божественное семейство сіе, поручая себя промыслу Божію, хотѣло подать примѣръ будущимъ временамъ, съ какою точностію должны вѣрующіе исполнять законъ Божій, и съ какимъ попеченіемъ родители обязаны чадъ своихъ посвящать Богу съ самыхъ младыхъ лѣтъ, и въ первое основаніе воспитанія ихъ полагать благочестіе.—

И егда бысть двюнадесяте лѣтъ, восходящимъ имъ во Іерусалимъ, по обычаю праздника, и скончавшимъ дни, возвращающимся имъ, оста отрокъ Іисусъ во Іерусалимѣ: и не разумѣ Іосифъ и Мати Его; мнѣвше же Его въ дружинѣ суща, преидоста дне путь, и искаста Его въ сродницѣхъ и знаемыхъ; и, не обрѣтше Его, возвратишася во Іерусалимъ, взыскающе Его (Лук. 2, 42—45).

До двѣнадцатилѣтняго возраста своего Іисусъ Христосъ всегда возвращался изъ Іерусалима въ Назаретъ съ Преблагословенною Маріею своею и Іосифомъ. Но достигши двѣнадцати лѣтъ, при возвращеніи ихъ, по окончаніи праздника Пасхи, остался одинъ во Іерусалимѣ, съ святымъ нѣкимъ нетерпѣніемъ желая начать дѣло спасенія человѣческаго, и заранѣе излить нѣкоторый лучь божественной премудрости своей въ столицѣ Іудейскаго Царства. Онъ сокрылъ свое намѣреніе отъ Пресвятой Матери своей и Іосифа, зная, что любовь ихъ къ Нему не позволила бы имъ разлучиться съ Нимъ.— Съ заботливостію и болѣзнію сердечною искали они прелюбезнаго Отрока, то между спутниками, возвращающимися съ праздника, то между сродниками и знакомыми,— но не нашедши Его, паки возвратились во Іерусалимъ, повсюду ища Его:— и гдѣ наконецъ его обрѣтаютъ?

И бысть по трієхъ днехъ, обрѣтоста Его въ Церкви, сѣдящаго посредѣ учителей, и послушающаго ихъ, и вопрошающаго ихъ (Лук. 2, 46).

Не въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, по обычаю легкомысленныхъ отроковъ, обрѣтаютъ они божественнаго Отрока Іисуса, но *въ Церкви* Божіей,— и притомъ посреди учителей, какъ кроткаго и смиреннаго Отрока, слушающаго старѣйшихъ,— какъ Господа, вопрошающаго самихъ учителей.

Ужасахуся же вси, продолжаетъ Евангелистъ, *послушающіи Его, о разумѣ и о отвѣтѣхъ Его* (Лук. 2, 47).

Едва Іисусъ Христосъ, будучи еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, являетъ первый лучь сокровенной въ немъ Божественной премудрости,— уже самыхъ учителей приводитъ въ удивленіе и ужасъ о разумѣ своемъ. И не только учители, не знавшіе Его, но и Пресвятая Дѣва съ Іосифомъ изумились, уви-

дѣвши Его въ толь юномъ возрастѣ учителемъ самихъ учителей.

И видѣвши Его, дивистася; и къ Нему Мати Его рече: Чадо! что сотвори нама тако? Се отецъ твой и азъ, болящеи, искахомъ тебе (Лук. 2, 48).

Кто изъ матерей имѣлъ такового сына, какъ Пресвятая Дѣва Марія? Кто изъ матерей имѣлъ и такую любовь къ сыну, какую имѣла Преблагословенная паче всѣхъ женъ? По сему-то чувству горячайшей любви своей къ Сыну и Спасителю своему, вопрошаетъ Она божественнаго Отрока, изъявляя Ему болѣзнь сердца своего и скорбь Іосифа о неизвѣстности пребыванія Его въ теченіе трехъ дней.

И рече къ нима: что яко искаста Мене? Не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца моего, достоитъ быти Ми? (—ст. 49.)

Вотъ какія первыя слова слышимъ мы изъ отроческихъ медоточныхъ устъ Спасителя нашего! Слова преисполненныя назиданія и утѣшенія. Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ Матери своей: почто вы искали Меня? или вы не знаете, что Мнѣ должно быть въ домѣ и въ дѣлѣ Отца моего? Какъ сынъ съ любовію отвѣчаетъ матери своей; но какъ Господь и Спаситель наставляетъ и самую Матерь свою, какъ бы такъ говоря: напрасно вы искали Меня между сущниками, между сродниками и знакомыми: Мнѣ надлежитъ быть въ храмѣ, который есть *домъ* небеснаго *Отца моего*, и заниматься дѣломъ спасенія человѣческаго, для котораго Я посланъ отъ Отца.— Какое и для насъ, братіе, наставленіе въ томъ, чтобы мы учащали посѣщать храмы Божіи, и главнымъ дѣломъ всея жизни нашея поставляли дѣло спасенія нашего, и дѣло званія, на которое каждый изъ насъ промысломъ Отца небеснаго призванъ! Какое вмѣстѣ и утѣшеніе, что Спаситель нашъ всѣ желанія свои и всю любовь свою обращаетъ къ совершенію спасенія нашего!

И та не разумѣста глагола, егоже глагола има (Лук. 2, 50).

Не уразумѣли Матерь Божія и Іосифъ словъ Христовыхъ— не потому, чтобы они не знали, что Онъ пришелъ спасти человѣческій родъ, но потому, что имъ еще неизвѣстно было, какимъ образомъ совершитъ Онъ спасеніе наше. Ибо Спаситель и самой Матери своей не вдругъ открывалъ всѣ тайны Божественнаго посольства своего, но постепенно, по премудрой благости своей щадя свойственную Ей человѣческую немощь;— такъ какъ и ученикамъ своимъ не вдругъ открылъ Онъ со всею ясностію о крестной смерти своей, но уже при наступленіи ея.

И сниде съ нима, и пріиде въ Назаретъ; и бѣ повинуяся има (Лук. 2, 51).

Изливши первый лучь свѣта Божественной премудрости своей, Іисусъ Христосъ паки возвращается въ Назаретъ;— и въ тишинѣ святой семейственной жизни сокрываетъ себя до самаго того времени, когда, по волѣ

Отца небеснаго, надлежало Ему вступить въ ходатайственное дѣло служенія спасенію рода человѣческаго. Но какое безпредѣльное смиреніе Спасителя, что Онъ, Господь сый всѣхъ, повинуется Матери своей и попечителю своему, и, какъ замѣчаютъ святіи Отцы, вспомоществуетъ ему въ простомъ ремеслѣ древодѣльства, которымъ праведный Іосифъ трудолюбно снискивалъ и себѣ и святой Дѣвѣ, и самому Спасителю пропитаніе! Какой великій для насъ урокъ повиновенія старѣйшимъ, а особенно для дѣтей—послушанія своимъ родителямъ!

И Мати Его соблюдаше вся глаголы сія въ сердцы своемъ.

Іисусъ Христосъ повинуется Матери своей, какъ Сынъ Ея;— Премудрая и и Пресвятая Матерь тщательно слушаетъ и соблюдаетъ въ сердцѣ своемъ всѣ живоносныя слова Его, какъ Господа и Спасителя своего; содѣловая симъ спасеніе свое.

И Іисусъ преуспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человѣкъ (Лук. 2, 52).

Симъ заключаетъ Евангелистъ повѣствованіе свое о младенчествѣ, отрочествѣ и юношествѣ Іисуса Христа. По мѣрѣ тѣлеснаго возраста, болѣе и болѣе являлась Божественная премудрость Спасителя, и открывались святѣйшія свойства души Его, любезныя Богу и человѣкамъ.

Такъ воплощенный единородный Сынъ Божій, смиривъ себя спасенія ради нашего, прошелъ возрасты жизни человѣческой, освятилъ ихъ собою, и показалъ вѣрующимъ въ Него совершеннѣйшій образецъ, какъ намъ надлежитъ, по мѣрѣ продолженія жизни нашей, безпрерывно возрастать въ духовной, благодатной жизни!—

Взирающе убо *на начальника и совершителя вѣры* нашея *Іисуса, да течемъ*, Братіе, съ усердіемъ и *терпѣніемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1. 2.) добродѣтели и святыни, *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* Ефес. 4, 13). Аминь.

АРХИДІАКОНЪ СТЕФАНЪ (*).

Стефанъ, по происхожденію Еврей, по вѣрѣ новообращенный Христіанинъ, былъ мужъ временъ Апостольскихъ и даже сожитель Апостоловъ въ Іерусалимѣ. Исторія его жизни, очень краткая, но весьма замѣчательная, становится извѣстною со времени избранія его въ званіе Діакона.

Въ первенствующей, Апостольской Церкви, члены которой не имѣли ничего собственнаго, а что имѣли, полагали къ ногамъ Апостоловъ и питались отъ одной трапезы,— однажды произошелъ ропотъ: вдовицы Еллино-Евреевъ, по небреженію о нихъ Евреями, не получали себѣ должнаго при ежедневномъ раздаяніи потребностей. Апостоламъ ли прилично и досужно было разбирать подобныя неудовольствія, которыя могли случаться весьма часто?— Посему совѣтомъ ихъ положено было, для предотвращенія безпорядковъ въ трапезѣ на будущее время,

(*) Память его 27 Дек.

избрать семь мужей, извѣданныхъ по жизни и исполненныхъ св. Духа и мудрости, и поставить ихъ для присмотра за этимъ дѣломъ. Избраніе состоялось: избранные рукоположены и наименованы Діаконами (служителями), и Стефанъ былъ первымъ между ними. Въ послѣдствіи всѣ Діаконы получили право участвовать въ служеніи и при совершеніи таинствъ, а нѣкоторые и проповѣдывать.

Такому свѣтильнику, каковъ Стефанъ, мало было свѣтить при однѣхъ трапезахъ. Господу Богу угодно было воззвать его на высшій свѣщникъ — проповѣданія слова и чудотворенія. Стефанъ проповѣдалъ и дѣлалъ великія чудеса и знаменія въ народѣ. Это важное обстоятельство поставило его на ряду съ Апостолами и прославило такъ, какъ только могутъ быть прославлены вѣрующіе на земли и на небѣ.

Закоренелые въ своемъ невѣріи Іудеи (изъ Либертинцевъ, Александрійцевъ, Киликіанъ и Азійцевъ), безъ сомнѣнія, по случаю проповѣди Стефана, вступили съ нимъ въ споръ; но не могли противостоять мудрости и Духу, съ которыми онъ говорилъ. Злоба, особенно — пристыженная, мстительна; — она, для удовлетворенія себѣ, употребляетъ все возможное. Что же нужно было сдѣлать, чтобы въ самомъ началѣ попрать служителя Слова, столь сильнаго въ словѣ? Оклеветать или уличить его, — хотя противъ своей совѣсти, — въ хулѣ на Моисея и на Бога и въ неуваженіи ко святому Храму. Это средство, послѣднее и сильнѣйшее, — употреблено было для обвиненія самаго Іисуса! Егоже употребили теперь и противъ св. Стефана: онъ взятъ и приведенъ въ Синедріонъ (Еврейское судилище) какъ врагъ Бога и народа Еврейскаго. Здѣсь, уничижаемый отъ людей, онъ удостоивается видимой славы отъ Бога: члены Синедріона, *воззрѣвше нань, видѣша лице его яко лице Ангела Божія* (Дѣян. 6, 15). Кажется, этого одного достаточно было бы къ загражденію устъ сопротивныхъ. Но ожесточеніе готово судить и осуждать самихъ Ангеловъ!

Стефана, какъ обыкновенно подсудимаго, спрашиваютъ. Невинный, но ищущій оправданія себѣ одному, защищалъ бы себя въ такомъ случаѣ просто, ссылаясь только на свои слова и поступки. Но Ангелоподобная душа Стефана въ оправданіи себя предъ людьми искала оправданія своимъ гонителямъ предъ Богомъ. Рѣчь, въ которой защищаетъ себя невинный проповѣдникъ (Дѣян. 7, 2 — 55), вся направлена къ вразумленію противниковъ и къ обращенію ихъ на путь истины, для собственнаго ихъ спасенія. Содержаніе ея — исторія Евреевъ отъ Авраама до Соломона; направленіе ея къ цѣли — защищеніе и вразумленіе слушателей — судей. Ее можно сократить и представить, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ внѣшняго вида, болѣе приспособляясь къ общему духу ея, слѣдующимъ образомъ:

„Богъ, еще въ лицѣ Авраама, особенною любовію возлюбилъ насъ — Евреевъ, умножилъ народъ нашъ въ Египтѣ, избавилъ его отъ притѣсненій Фараоновыхъ, оградилъ его законами, ввелъ въ землю обѣтованную, позволилъ ему соорудить храмъ для призыванія святѣйшаго Своего имени — такъ думать и говорить о Богѣ значитъ ли хулить Его? — Моисей, еще съ младенчества

удостоенный особеннаго избранія Божія, творилъ чудеса, былъ путеводителемъ предковъ нашихъ въ пустынѣ, принесъ намъ откровенный законъ Бога нашего съ Синая — что въ такихъ мысляхъ и словахъ о Моисеѣ хульнаго противъ Моисея?— У отцевъ нашихъ въ пустынѣ была скинія свидѣтельства; въ послѣдствіи замѣнилъ ее храмъ, построенный Соломономъ: но Всевышній живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ,— небо, какъ говоритъ Пророкъ, престолъ Ему, земля подножіе ногъ Его— думая и говоря такимъ образомъ о храмѣ, я выражаю ли какоелибо неуваженіе къ нему?— Но не быть послушнымъ ни Богу, ни Моисею, безъ сомнѣнія, значитъ нехвалить, а хулить Бога и Моисея:— а отцы наши въ этомъ согрѣшили, когда были въ пустынѣ, слывъ тельца и веселясь предъ дѣломъ рукъ своихъ! Не внимать истиннымъ проповѣдникамъ истинной славы храма, даже преслѣдовать и убивать ихъ— значитъ вовсе неуважать храма:— а предки наши кого изъ Пророковъ— проповѣдниковъ будущей славы храма— не гнали? Много ли спаслось отъ ихъ неистовства изъ предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника? „Да и вы, люди жестоковыйные и съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! и вы не всегда ли упорствуете противъ св. Духа, подобно отцамъ вашимъ? Что вы сдѣлали? Вы предали и убили *Праведника*, котораго Богъ издавна обѣтовалъ роду нашему,— котораго слушать, какъ Пророка, заповѣдалъ вамъ самъ Моисей,— который есть солнце нашего храма, славнаго доселѣ однѣми только тѣнями прообразованій. Инакъ не я, а вы— хулители Бога и Моисея,— вы не чтите храма, столь теперь славнаго, не чтите такъ, какъ бы надлежало чтить его!“

Отъ такихъ словъ Стефана раздиралось сердце у гонителей его, и они скрежетали на него зубами. „Чтобы подкрѣпить юнаго подвижника для тягчайшаго подвига, который уже предстоялъ ему, а вмѣстѣ чтобы сильнѣе подѣйствовать на совѣсть гонителей,— Стефану, въ духѣ ревности Иліиной воззрѣвшему на небо, является въ отверстыхъ небесахъ слава Божія и Іисусъ, стоящій одесную Бога Дѣя. 7, 5). Явленіе важнѣйшее, котораго никто доселѣ не удостоивался! Таинновидецъ указываетъ на него врагамъ своимъ, какъ на послѣдній способъ къ ихъ убѣжденію. Надежда напрасная! Жестоковыйные кричатъ, затыкаютъ свои уши и единодушно устремляются на предстоящую имъ жертву. „Отселѣ взоръ благоговѣйнаго неблюдителя, взирая на Стефана, встрѣчаетъ то, чему подобное, въ отношеніи къ жестокости, онъ могъ видѣть на одной Голгоѳѣ,— слухъ его благоговѣйно поражается тѣмъ, что могъ слышать, развѣ только со Креста отъ великаго Страдальца Голгоѳскаго. Святаго Діакона и Апостола изводятъ внѣ града и побиваютъ камнями. „Усиліе погубить простирается до того, что губители, для большей удобности, снимаютъ съ себя одежды и полагаютъ ихъ у ногъ Савла. Савла!— Это тотъ Савлъ, который послѣ будетъ величайшимъ Учителемъ языковъ... Послѣдняя минута настала,— и страдалецъ Стефанъ, еще побиваемый, предаетъ духъ свой Господу Іисусу, какъ Сей предавалъ свой духъ Отцу небесному на Голгоѳѣ: *Господи Іисусе*, взывалъ Стефанъ, *пріими духъ мой!* Наконецъ, *преклонь колѣна, возопи еласомъ великимъ: Господи,*

не постави имъ (убійцамъ) ерδха сего. И сія рекъ успе. Душа Ангельская! Какъ она сходна съ душею Богочеловѣка, молившагося на крестѣ за своихъ распинателей!

„Кровь первенца изъ Мучениковъ новозавѣтныхъ была росою небесною для сѣмени слова Евангельскаго. Проповѣдники Евангелія, хотя были разсѣяны смертію Стефана, но еще съ большимъ успѣхомъ начали преносить слово Христово по всей Іудеи и далѣе. Такъ *Стефанъ* (имя его значитъ *вѣнецъ*), сдѣлавшись новымъ украшеніемъ побѣднаго вѣнца Христовой Церкви, сдѣлался и новою силою ея противъ невѣрія и нечестія.

Аще предамъ тѣло мое во еже сожещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть. 1 Кор. 13, 3.

Возможно ли, чтобъ вѣрующій, предавши себя за вѣру на мученія, остался безъ всякой пользы?— Возможно, говоритъ Ап. Павелъ, если онъ не имѣетъ любви Христіанской. Кто теряетъ любовь, теряетъ и все; кто враждуетъ противъ ближняго, не можетъ быть, въ тоже время, другомъ Христовымъ.

Вотъ примѣръ изъ Исторіи Мучениковъ, который можетъ служить доказательствомъ сказанной истины.

Въ Антіохіи были два друга: священникъ Саприкій и Никифоръ, простолюдинъ. По какому-то случаю вражда раздѣлила ихъ и усилилась до того, что они не могли смотрѣть одинъ на другаго. По времени, Никифоръ позналъ грѣхъ свой, и послалъ одного изъ знакомыхъ своихъ просить прощенія у Саприкія; но Саприкій не хотѣлъ мириться. Никифоръ посылалъ къ нему, съ тою же просьбою, въ другой, и въ третій разъ, и также безъ успѣха. Наконецъ самъ пришелъ въ домъ къ прежнему другу своему, и, падши къ ногамъ его, говорилъ: Отецъ! ради Господа нашего, прости меня!— Саприкій и тогда не хотѣлъ примириться съ Никифоромъ.

Между тѣмъ внезапно открылось гоненіе на вѣрныхъ (при Валеріанѣ и Галліенѣ). Саприкій взятъ былъ, и сдѣлался исповѣдникомъ Христовымъ. Преторъ, которому представили его, предложилъ ему избрать одно изъ двухъ: или принесть богамъ жертву, или идти на мученія и смертную казнь. Саприкій избралъ послѣднее. Его подвергли жестокимъ мученіямъ: и онъ перенесъ ихъ съ твердостію. Наконецъ повели его на смертную казнь.

Никифоръ, узнавъ о семъ, поспѣшилъ проститься съ мученикомъ, и встрѣтивъ его на пути, палъ къ ногамъ его и говорилъ: мученикъ Іисусъ Христовъ! прости меня. Саприкій ничего не отвѣчалъ ему. Потомъ Никифоръ забѣжалъ на другую улицу и предъ выходомъ изъ города, опять молилъ Саприкія: прости меня, мученикъ Іисуса Христа! прости меня теперь, когда ты получаешь вѣнецъ отъ Господа! Вражда и здѣсь связала языкъ Саприкія. Ликторы при семъ говорили Никифору: мы никогда не видали такого глупаго, какъ ты: что ты просишь милости у того, кто скоро будетъ безъ головы? Но Никифоръ отвѣчалъ имъ: „вы не знаете, а знаетъ Богъ, чего прошу я у исповѣдника Христова.“ На самомъ мѣстѣ казни, еще повторилъ Никифоръ свое прошеніе; но и

могда не могъ преклонить къ миру ожесточеннаго Саприкія. Чѣмъ же кончилась столь упорная ненависть?— Дивное и страшное дѣло!— Исповѣдникъ Христовъ, претерпѣвшій за вѣру мученія, столь близкій уже къ вѣнцу мученическому, ослѣпленный враждою противъ ближняго, вдругъ измѣнился во врага Христова и сдѣлался Богоотступникомъ!

Ликторы говорятъ Саприкію: становись на колѣна, и мы отрубимъ тебѣ голову! тогда Саприкій, какъ бы помѣшавшись въ умѣ, спросилъ: за что?— за то, говорятъ ему, что ты не хотѣлъ приносить богамъ жертвы, и презрѣлъ повелѣніе Императоровъ.— Нѣтъ, вскричалъ Саприкій, я исполняю повелѣніе Императоровъ, я иду принесть богамъ жертву!— Такъ исполнились на немъ слова Ап. Іоанна: *ненавидяй брата своего во тмѣ есть, и во тмѣ ходитъ, и не вѣсть камо идетъ, яко тма ослѣпи очи его* (1 Іоан. 2, 11). Никифоръ, пораженный такою внезапною измѣною вѣрѣ, говорилъ Саприкію: да сохранитъ Богъ тебя, братъ мой, отъ такого отступничества; не отрекайся Господа; не отвергай вѣнца Его, претерпѣвши столько мученій! но тьма, ослѣпившая душевныя очи братоненавистника, казалось, еще болѣе его омрачила; и— *ненавидяй брата* остался *въ* духовной *смерти* (1 Іоан. 3, 14). Никифоръ, видя непреклонность измѣнника вѣры, громко сказалъ Ликторамъ: я Христіанинъ! я вѣрую во имя Господа нашего Іис. Христа; и такъ меня казните вмѣсто Саприкія. Ликторы донесли о семъ Претору, и св. Никифоръ (*). въ награду за братолюбіе и смиреніе, получилъ вѣнецъ мученическій, потерянный непримиримымъ во враждѣ Саприкіемъ.

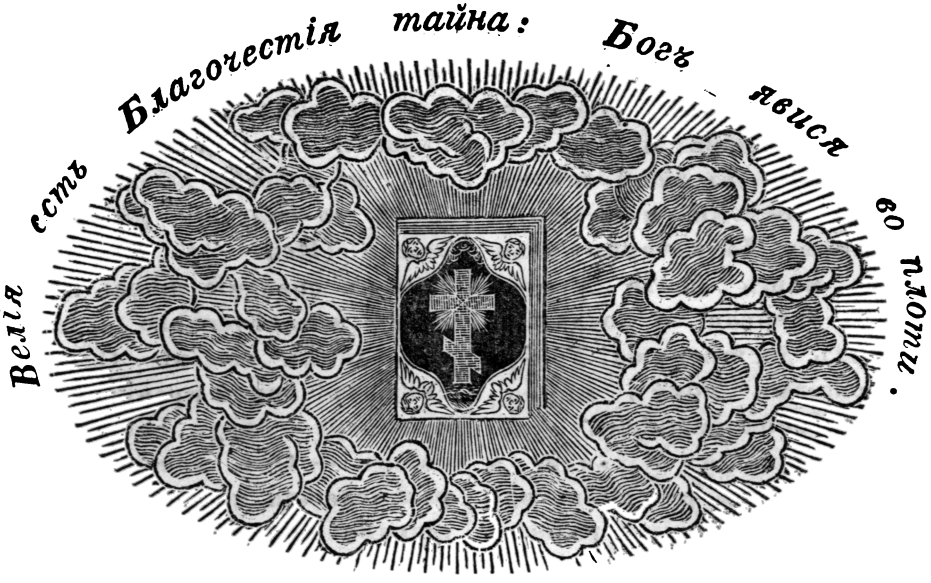
Христіанская нестяжательность.

Когда къ одному языческому Философу шелъ въ ночное время воръ: то онъ сказалъ ему: „я и днемъ ничего здѣсь невижу, а ты хочешь видѣть ночью.„ Слова, рѣзко выражающія нестяжательность философскую. Но нестяжательность Христіанская еще выше. Св. Макарій, когда тать пришелъ обокрасть его, самъ пособилъ ему скудные пожитки свои вынести изъ келліи и положить на коня. „Ничего, думалъ при семъ св. Мужъ, не внесли мы въ этотъ міръ, ничего и не вынесемъ.“ Сколько высокой философіи заключается въ этой простой мысли!

(*) Память его совершается 9-го Февраля.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 21 Декабря 1858 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

1 Тим. 3, 16.

№ 43. НЕДѢЛЯ (35) О БЛУДНОМЪ СЫНѢ. ЯНВАРЯ 22. 1839.

Апостолъ: Коринѳ. 6, 12—20. Евангеліе: Лук. 15, 11—32.

Познаимъ братіе таинства силу; отъ грѣха бо ко отеческому дому востекшаго блуднаго сына, преблагій Отецъ, предьусрѣтъ, лобзаетъ и паки своея славы познаніе даруетъ, и таинственное вышнимъ совершаетъ веселіе, закалая телца упитаннаго, да мы достойно сожительствуемъ, заклавшему же человѣколюбному Отцу, и славному заколенію, Спасу душъ нашихъ. На вех. сш. 2.

НЫНѢ ОТПУЩАЕШИ РАБА ТВОЕГО.

Лук. 2, 29—32.

Благочестивый Симеонъ, по откровенію знавшій, что онъ еще прежде смерти своей увидитъ Спасителя міра, дождался наконецъ вожделѣннаго, предсказаннаго ему, времени. Внутренній, знакомый святому Старцу, голосъ говоритъ ему, чтобъ онъ шелъ во храмъ: и Симеонъ приходитъ. Здѣсь видитъ онъ на рукахъ Пресвятой Дѣвы Младенца; тотъ же внутренній голосъ опять говоритъ ему: и—маститый Старецъ въ восторгѣ!— Онъ съ радостію пріемлетъ Младенца на свои руки; приближаетъ Его къ своему сердцу; исполняется св.

Духа; и, то подъемля взоръ къ небу, то опуская на Божественнаго Младенца, говоритъ:

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ.— Се тотъ блаженный часъ, о которомъ предсказалъ Ты мнѣ, Владыка жизни и смерти! Теперь нѣтъ уже нужды держать меня въ этой жизни. Слабый старецъ, могу ли я служить здѣсь Божественному Помазаннику твоему?— Отнынѣ нѣтъ болѣе у меня цѣлей на земли: первая и послѣдняя цѣль желаній моихъ достигнута! Теперь отойду я къ отцамъ моимъ мирно, съ совершеннымъ спокойствіемъ духа. Ахъ! кого оставляю я Израилю и всему міру?.. Иду, съ радостію иду благовѣствовать величайшую радость праотцамъ и отцамъ моимъ!

Яко видѣстѣ очи мои спасеніе твое.— Мнѣ предсказанно было не видѣть смерти, доколѣ не увижу Христа Господня. И вотъ, я вижу Его! вижу Того, кого столь пламенно желали видѣть святые Патріархи и Цари наши. Очи мои видятъ Спасителя человѣковъ,— этого безцѣннаго Младенца, котораго держу я на рукахъ моихъ, у сердца моего!— О Господи! не блаженнѣе ли я теперь Авраама, который здѣсь же, на горѣ Морія, видѣлъ только образъ Христа твоего? не блаженнѣе ли Моисея, который на горѣ Нававъ видѣлъ только ту прекрасную страну, гдѣ надлежало явиться предсказанному имъ великому Пророку, видѣлъ,— и отошелъ въ другую жизнь; уже ничего не видѣвъ болѣе?—съ чѣмъ сравню я блаженство мое? О Боже! я вижу не издалеча, вижу здѣсь,— въ объятіяхъ моихъ,—и вижу не образъ, не сѣнь, но самое *спасеніе Твое!*

Еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей.— О еслибы увидѣли, познали это *спасеніе* всѣ народы! Въ Немъ, этомъ Младенцѣ, уготовано спасеніе для всѣхъ ихъ. Се Тотъ, о которомъ Ты, Боже, говорилъ устами Пророка твоего, Тотъ, которому сказалъ Ты: *дахъ тя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли* (Иса. 49, 6). Не для однихъ Іудеевъ спасеніе твое: нѣтъ, для всего рода человѣческаго, для всѣхъ— до послѣднихъ земли!— О всеблагій Отецъ свѣтовъ! какой прекрасный свѣтъ вижу я теперь— предъ смертію моею, какой свѣтъ!— Онъ возсіяваетъ здѣсь; онъ разливается по всей Іудеи, онъ распространяется на всѣ народы!

Свѣтъ во откровеніе языковъ.— Свѣтъ для язычниковъ, разгоняющій гибельную тьму ихъ, свѣтъ, *глаголющій сущимъ во узахъ: изыдите! и сущимъ во тьмѣ: открыйтеся!* (Иса. 49, 9)! Сей небесный свѣтъ откроетъ язычникамъ Бога истиннаго и Спасителя ихъ, для нихъ теперь недовѣдомаго; откроетъ и ихъ самихъ для свѣта истины, коей они не знали, которую доселѣ отвергали, ходя въ помраченіи ума своего.—Но этотъ свѣтъ отсюда, изъ сей святой страны Патріарховъ и Пророковъ! Это свѣтъ изъ тебя, бѣдное, униженное, но хранящее въ себѣ сокровище, дражайшее всего міра,— изъ тебя, Богоправимое отечество мое!— И вотъ я вижу теперь то, что предвидѣли и съ торжествомъ воспѣвали святые Пророки наши, вижу величайшую, несравненную славу Израиля!

И славу людей твоихъ, Израиля— Чѣмъ болѣе можетъ прославиться воз-

любленный народъ твой, Боже Авраама, Исаака и Іакова? Велики, славны чудеса твои, доселѣ въ немъ явленныя; дивны, свѣтоносны откровенія твои, которыми наставлялъ Ты отцевъ нашихъ; благословенны и премудры всѣ дѣла твои, коими столько вѣковъ совершалось благо и спасеніе наше: но вотъ чудо большее всѣхъ чудесъ! вотъ откровеніе, предъ которымъ всѣ другія откровенія— заря предъ солнцемъ! вотъ совершеніе, и вкупѣ начало всего великаго и славнаго!— Что можно болѣе принесть во благо всего человѣчества? Пусть другіе народы приносятъ наилучшіе плоды ума, прекрасныя произведенія искуствъ, богатѣйшіе дары природы: избранный народъ твой приноситъ человѣчеству плодъ жизни, плодъ спасенія!— Это верхъ славы Израиля! Отъ востокъ солнца до западъ— народы всѣхъ странъ, отнынѣ и до вѣка— всѣ роды прославятъ Патріарховъ нашихъ, непостыдно надѣявшихся на грядущаго Избавителя міра; прославятъ Пророковъ нашихъ, непогрѣшительно предсказавшихъ Его явленіе; прославятъ, ублажатъ всесвятую Матерь Еммануила; прославятъ и Боголѣпно почтутъ Его самаго,— твою, о Іегова, Божественную, вѣчную славу!

Такъ, Владыко Господи! очи мои видятъ и руки мои осязаютъ теперь жизнь всего міра, свѣтъ всего міра, славу, богатство, утѣху Израиля и всѣхъ вѣрующихъ.— Я это чувствую, я положилъ уже это сокровище въ сердце мое, соединился съ нимъ духомъ моимъ: и уже нѣтъ болѣе для меня земной жизни! чувствую, что я открываюсь для жизни новой, безконечной.—Иду туда! И совершенно увѣренъ, что отхожу во отраду, въ мѣсто твоего покоя вѣчнаго.— *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ!*

ПРИТЧА О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

Возвеселитижеся и возрадовати подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бѣ, и оживе; и изгибълъ бѣ, и обрѣтеся.

Лук. 15, 32.

Притча о блудномъ сынѣ есть картина самая трогательная и вмѣстѣ удобопонятная, гдѣ ничто для насъ не чуждо, гдѣ все раскрывается само собою, гдѣ каждый читаетъ свою собственную жизнь, и безъ всякаго истолкователя легко узнаетъ самаго себя и восклицаетъ: этотъ грѣшникъ заблудшій, этотъ сынъ расточительный, это— я! а сей Отецъ добрый и нѣжный, но не смотря на то оставленный, это— Богъ!

Но если притча столь проста и поразительна для каждаго, то не менѣе того спасительно и глубоко назиданіе, изъ нея вытекающее. Какое удивительное соединеніе картинъ пріятныхъ и ужасныхъ, мыслей страшныхъ и усладительныхъ! Съ одной стороны горькіе плоды страсти, ужасныя слѣдствія порока, безконечная пропасть, въ которую повергаетъ нечестіе; съ другой восхитительная радость о возвращеніи въ домъ отеческій, неоцѣнимыя дѣйствія покаянія, неизглаголанное блаженство добродѣтели; съ одной стороны плачевныя заблужденія грѣшника, въ которомъ беззаконіе равно его бѣдствію; съ другой умилительная картина благости Божіей, открывающей намъ свое сердце, дабы спасать наше:— есть ли глубина драгоцѣннѣе этой, есть ли источникъ, болѣе

обильный назиданіемъ и вразумленіемъ? Вотъ убо во что мы должны теперь углубиться. Разсмотримъ, Бр., при благодатной помощи св. Духа, двоякое дѣйствіе настоящей притчи, и какъ бы двѣ бездны: бездну бѣдствія и паденій души невѣрной—и а пути преступномъ: *мертва бѣ и изгибла бѣ;* и бездну милосердія и радости въ обращеніи души, возрожденной благодатію: *оживе и обрѣтеся.*

I.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына; и рече юнѣйшій ею отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія. Замѣтьте выраженіе: этотъ сынъ былъ младшій, *юнѣйшій.* Братъ его, болѣе возрастный, пользующійся большею опытностію, оставался въ повиновеніи и находилъ въ томъ свое счастіе. Разсудокъ болѣе зрѣлый научалъ его управлять своими наклонностями и чувствовать всю бѣдственность, неразлучную съ независимостію. Но этотъ примѣръ не вразумляетъ молодаго безумца.—И въ самомъ дѣлѣ размышляетъ ли юность? Будучи безразсудна, она покушается на все на удачу; будучи слѣпа, простираетъ свои желанія свыше силъ; нетерпѣливая,—она внемлетъ только внушеніямъ страсти; пылкая,—она стремится къ предмету, который льститъ ей; непредусмотрительная— она вся въ настоящемъ и будущаго нѣтъ для нея. О юность! восклицаетъ блаженный Августинъ, тебя называютъ цвѣтомъ жизни, счастливымъ возрастомъ, весною нашихъ дней; а ты не что иное, какъ ослѣпленіе и буйство... Какія обольщенія не играютъ тобою? И что за необходимость, чтобы твоя самонадѣянность равнялась твоему невѣдѣнію; чтобы ты—не внимательное къ примѣрамъ и наставленіямъ—не научалось болѣе осмотрительности и покорности? Въ наши дни часто говорятъ, что удовольствія должны имѣть свое время, и что юность должна миновать. Какъ?—Не ужели эта сила, этотъ огонь, этотъ преизбытокъ чувства даны намъ для суетныхъ прихотей, для развратa и истощанія отъ безумной любви?.. Да, юность должна миновать, и, безъ сомнѣнія гораздо быстрѣе, нежели мы думаемъ! Цвѣтокъ скоропреходящій, красующійся на зарѣ, не узритъ вечера. Такъ! ты проходишь, мимолетная юность; но беззаконія остаются, но ихъ роковыя слѣды неизгладимы, но преступныя наклонности не исторгаются, но время сокровиществовать и богатѣть для неба изчезаетъ невозвратно. Несчастные юноши! какъ вы любите обольщать себя! Будете ль вы имѣть когда нибудь довольно слезъ, дабы оплакать тѣ заблужденія, которыя совращаютъ и губятъ васъ? *И рече юнѣйшій:*

Отче мой! даждь ми достойную часть имѣнія. Неблагодарный сынъ! Если это твой отецъ, то на что оставлять его, для чего отравлять дни его своимъ отшествіемъ? Такъ ли ты награждаешь его за искреннія попеченія и нѣжныя заботы?—И куда идти, куда бѣжать отъ отца? Гдѣ болѣе найдешь ты обилія и пріятности, какъ не въ его домѣ? Кто лучше его раздѣлитъ съ тобою твои удовольствія и труды? Кто дастъ тебѣ совѣты съ большею откровенностію, съ большимъ участіемъ? Ты бѣжишь его, какъ тирана, какъ врага,—этого добраго отца, любящаго тебя болѣе, нежели ты любишь самъ себя,—и не видишь, что величайшій и опаснѣйшій врагъ твой—ты самъ, твоя неопытность, твое легко-

мыслію, твое пылкое воображеніе. Ты хочешь быть господиномъ: но вникнулъ ли ты въ это слово? умѣешь ли управлять самимъ собою? знаешь ли то, что тебѣ знать должно?

Но, если поведеніе блуднаго Сына въ отношеніи къ его отцу, кажется намъ столь безразсуднымъ и жестокимъ, то какъ назовемъ поведеніе наше, когда, увлекаясь упоеніемъ порока, мы попираемъ ногами твои, о Боже, законы и твои благодѣянія,—мы—Твои дѣти, дѣло рукъ Твоихъ, Твои наслѣдники, Твой образъ? Христіане! слышалили вы гласъ возмущенія нашихъ безумныхъ страстей противу Бога? Если онъ не слышимъ бываетъ на устахъ нашихъ, то тѣмъ не менѣе наше сердце въ своей глубинѣ вопитъ: *Кто есть всемогущій, да поработаемъ Ему?* (Іов. 21, 15). Пусть Онъ будетъ Богомъ міра, я самъ буду себѣ богомъ; пусть Онъ будетъ владыкою моей жизни, я хочу быть владыкою моего сердца; на что мнѣ Его дары? для меня довольно однѣхъ удовольствій... Брат., мои! этотъ языкъ производитъ въ васъ трепетъ; вы считаете его теперь языкомъ безумія и неистовства: но мы, мы эти безумные, эти неистовые!

Раздѣлъ конченъ, и сынъ расточительный получаетъ часть своего наслѣдства. Вотъ онъ уже безъ ига, безъ свидѣтеля, безъ совѣтника, безъ хранителя, безъ отца, словомъ таковъ, какимъ быть желалъ. Онъ отходитъ, удаляется безъ всякой цѣли, кромѣ той, чтобы удалиться: *отиде на страну далече*.

Не се ли плачевная исторія грѣшника, который не довольствуясь тѣмъ, что поднялъ знамя возмущенія противу Бога, желалъ бы еще, еслибы то можно было, и забыть Его на всегда и доставить себѣ страшное спокойствіе въ беззаконіи? Всѣ связи, которыя соединяютъ грѣшника съ Богомъ, онъ прерываетъ; всѣ мысли о Немъ, вновь проявляющіяся, удаляетъ; всѣ нравственныя правила своего воспитанія заглушаетъ. Онъ бѣжитъ далеко отъ добрыхъ примѣровъ, его обвиняющихъ, далеко—отъ спасительныхъ совѣтовъ искренняго друга, далеко отъ святыхъ храмовъ, видъ коихъ смущаетъ его, далеко отъ всякой религіи, угрозы коей тревожатъ его; онъ страшится, избѣгаетъ самаго себя, дабы никогда не остаться на единѣ съ своимъ разумомъ и вѣрою. Гдѣ ты? гласитъ ему непрестанно Богъ, какъ нѣкогда первому преступнику. Думаешь ли убѣжать отъ меня, потому что убѣжалъ отъ самаго себя,—и, для обмана своей совѣсти, думаешь ли увѣрить себя, что ушелъ отъ моего взора? *Гдѣ еси?* Но не внемля этому гласу Господню, онъ бѣжитъ, ограждается своими зрѣлищами, удовольствіями и играми отъ преслѣдованія божественнаго. Онъ хочетъ положить бездну между собою и Богомъ. Несчастный! Онъ успѣлъ; онъ достигаетъ того страшнаго спокойствія, къ которому такъ долго стремился: годъ—отъ года беззаконія умножаются; вѣра уже не дѣйствуетъ болѣе; внушенія совѣсти безмолвны; душа мало по малу теряетъ чувство своихъ грѣховъ; день—ото-дня онъ заходитъ далѣе въ область нечестія, слѣдуетъ путями неизвѣстными туда, откуда нѣтъ уже исхода: *отиде на страну далече*.

Что же происходитъ съ безразсуднымъ юношею въ странѣ отдаленной? Увы! его встрѣчаютъ тамъ всѣ несча-

стія, какія предсказывалъ ему отецъ,— всѣ, какія и самъ онъ долженъ былъ предвидѣть. Роскошь и удовольствія скоро поглотили его богатое наслѣдіе; нѣсколько лѣтъ разврата расточаетъ имѣніе, которое собрала постоянная умѣренность отца его. Грѣхъ разрушаетъ все; въ немъ бичь семействъ и злополучіе каждаго въ частности: но опустошенія, которыя онъ производитъ извнѣ, есть только слабый образъ смерти, наносимой имъ душѣ: *и расточи имѣніе свое живый блудно*.

Когда блудный сынъ расточилъ все, продолжаетъ Евангеліе, тяжкій гладъ постигъ эту страну; онъ началъ также томиться гладомъ: *и той начатъ лишатися*. Что это за страна? Это міръ,— страна безводная, пожирающая своихъ жителей; прибѣжище нечестія, гдѣ постоянно смѣняются суета и бѣдность; это страна, гдѣ всѣ желаютъ и никто не доволенъ. Здѣсь нѣтъ ничего существеннаго, все преходитъ въ однѣхъ мечтахъ, все только зрѣлище для глазъ, а для сердца все пусто; обѣщанія міра лживы, дружество вѣроломны, часто радости его одинъ обманчивый шумъ, пышность прикрываетъ скуку, удовольствія оканчиваются отвращеніемъ, сокровища никого и никогда не сдѣлали счастливымъ; и, перемѣняя состояніе, тамъ перемѣняютъ только бѣдствія:— *и бысть глади крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися*.

Несчастія блуднаго сына возрастаютъ постепенно; изъ крайней бѣдности онъ подвергся рабству: *прилѣпися единому отъ жителъ*. Несчастіе неизбѣжное! Онъ оставилъ отца, такъ долженъ имѣть господина. Злоупотребляя нашею свободою, мы работаемъ для своихъ узъ, и теряемъ это высокое преимущество, коль скоро хотимъ безразсудно возвысить и распространить его. Не уважать законовъ и зависимости, оставлять сердце на произволъ страстей, не значитъ быть свободнымъ. Нѣкогда, говоритъ блаженный Августинъ, я хотѣлъ достигнуть такой свободы; но, дѣлая все чего хотѣлъ, я достигалъ всегда того, чего не желалъ: мысль глубокая, выражающая въ одномъ словѣ участь грѣшника! Сколько онъ удовлетворяетъ страстямъ, столько же готовитъ себѣ тяжкихъ узъ. Живя всегда одними жертвами наслажденій, будучи рабомъ чужихъ страстей, рабомъ своихъ же рабовъ, всю жизнь свою онъ дѣлаетъ плачевнымъ доказательствомъ того, что истинная свобода не свергаетъ съ себя ига, но носитъ его честно; что единственное средство сохранить ее состоитъ въ ограниченіи ея, что свободенъ только служащій Богу и что, въ существѣ дѣла, быть свободнымъ, значитъ дѣлать то, что должно, а не быть въ возможности дѣлать все, что угодно. *Прилѣпися единому отъ жителъ*.

И какъ поступаетъ этотъ домовладыка съ сыномъ преступнымъ? Онъ ему поручаетъ стадо животныхъ самыхъ нечистыхъ. *И посла его на села своя пасти свиніи*. Вотъ ужасный образъ скотскихъ страстей, пресмыкающихся долу! Познайте въ немъ то крайнее паденіе, которымъ рано или поздо оканчиваетъ свою дѣятельность человѣкъ безнравственный. Паденіе способностей и талантовъ. Казалось онъ рожденъ былъ для славы и чести своего дома: доброта сердца, кротость характера, возвышенныя правила, благородныя наклонности,— все обнаруживало въ немъ

то, что производитъ судьбу великую и счастливую; но эти лестныя предзнаменованія изчезли. Несчастная страсть затьмила это блестящее злато, мысли суетныя и низкія заняли мѣсто мыслей благородныхъ и великихъ .— Паденіе чувствъ. Точно такъ какъ блудный сынъ желалъ насытиться самою грубою пищею, грѣшникъ нисходитъ до того, что желаетъ участи животныхъ, не имѣющихъ другаго правила, кромѣ инстинкта, другаго руководства, кромѣ слѣпой наклонности; и, подавляя въ себѣ послѣднюю искру разума и всего человѣческаго, онъ даже гордится постыдными страстями своего сердца.— Паденіе чести. Кто этотъ презрѣнный человѣкъ, коего одно имя есть уже безславіе? Это преступный нечестивецъ, который, начавъ ни во что ставить потерю своей невинности, подъ конецъ сталъ безчувственъ къ потерѣ собственнаго достоинства; забылъ вдругъ и то, чѣмъ онъ обязанъ другимъ, и, то чѣмъ долженъ самому себѣ; дошелъ до того, что сталъ презирать собственное безславіе, также какъ презираетъ угрызенія совѣсти!— Паденіе тѣла. Смотрите на его здоровье поврежденное, на его живой трупъ, преданный въ добычу тлѣнію; смотрите, какъ его лице безстыдно носитъ печать грѣха!— Паденіе возраста. Если блудный сынъ представляется намъ такъ низкимъ, увлеченный опрометчивостію, извиняемый молодостію, доведенный на край бездны неопытностію; то въ какомъ состояніи представится намъ міролюбецъ, который сѣдѣетъ въ преступленіяхъ? Какое зрѣлище можетъ болѣе внушить ужаса и состраданія, какъ не видъ развратника съ бѣлыми волосами, который поддерживаетъ себя одними чудовищными ухищреніями, унижаетъ себя своими желаніями, не могши исполнить ихъ на самомъ дѣлѣ, и, кажется, хочетъ бороться съ самою природою, дабы продолжать свои безчинія до самыхъ дверей гроба?

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ погибельное состояніе грѣшника, увѣримся, Братія, что никто изъ смертныхъ не успѣетъ самъ собою остановиться, увлекшись беззаконіями на дно адово, что съ потерею невинности теряется нерѣдко самое чувство покаянія, что наконецъ одно изъ величайшихъ бѣдствій есть оставленіе Бога. Да разумѣемъ же теперь, какъ вожделѣнно возвратиться къ Нему. Узрѣвъ въ заблужденіяхъ преступнаго сына поводъ къ нашему страху, поищемъ, въ его возвращеніи, ободренія и утѣшенія нашей скорби.

II.

Наконецъ сынъ преступный углубляется въ самаго себя: *во себе же пришедъ*. Лучь свѣта проникъ въ его сердце; онъ началъ чувствовать великость своего бѣдствія, негодовать на свои собственныя узы. Онъ видитъ теперь міръ такимъ, каковъ онъ есть; всѣ предметы, обольщавшіе его, сбрасываютъ съ себя ложныя украшенія. Озирается съ ужасомъ вспять, разсматриваетъ въ мысляхъ всѣ потерянные труды свои, всѣ свои безумныя дѣла и всѣ тяжкія пожертвованія, исторгнутыя у него страстію; вопрошаетъ себя наконецъ со вздохомъ, какъ могъ онъ такъ дорого купить свое бѣдствіе и поношеніе?— Что я сдѣлалъ безумный? Я обѣщалъ себѣ постоянныя удовольствія въ жилищѣ непостоянства,

свободу — въ области рабства! О, если бы я внимательно разсматривалъ предметы моихъ удовольствій, если бы я ближе зналъ міръ, прежде нежели вступилъ въ него: сколько предотвратилъ бы я огорченій и раскаяній? *Вѣ себе же пришедъ*.

Это первое дѣйствіе благости Божіей къ грѣшнику. Она ставитъ его лицемъ къ немуже самому; указываетъ его постыдное безобразіе; побуждаетъ возненавидѣть самаго себя; обнажаетъ ему всѣ ужасы его души; открываетъ всю глубину пучины, въ которую ввергло его беззаконіе; бросаетъ страшный свѣтъ на его заблужденія, и, зараждаетъ въ немъ, чувствомъ бѣдствія, сильное желаніе освободиться отъ него. О человѣкъ! обратись къ твоему сердцу, и — истина тотчасъ возсіяетъ, обольщенія изчезнутъ, разсудокъ приметъ свою силу, пробужденная вѣра изнесетъ великій гласъ, возвѣщающій спасеніе, и ты тотчасъ ощутишь, что для возвращенія къ Богу нужно прежде всего войти въ самаго себя: *вѣ себе же пришедъ*.

Беззаконія преступнаго сына еще не омыты слезами; но онъ начинаетъ уже новую жизнь. За свѣтомъ, открывшимъ ему суетность благъ, имъ искомыхъ, наступаетъ полдень, указующій всю цѣну благъ истинныхъ, имъ потерянныхъ. Уже сердце перенесло его къ тому крову, подъ которымъ онъ родился. Онъ призываетъ его въ своихъ сѣтованіяхъ, вселяется въ него своими желаніями. О домъ отчій! восклицаетъ онъ, когда увижу я твои мирныя стѣны? Ахъ! съ того времени какъ я тебя оставилъ, я блуждалъ подобно объюродѣвшему отъ бѣдствія къ бѣдствію! О дни моего дѣтства, дни тишины и свободы, радости и невинности! кто возвратитъ мнѣ васъ, дни счастія чистаго, которое вкушалъ я на лонѣ отца моего, когда наслаждался его ласками, а онъ моею невинностію? Увы! наемникъ, который служитъ ему, счастливѣе меня; онъ живетъ въ обиліи; онъ пользуется великодушіемъ домовладыки, а я — злополучный бѣглецъ — скитаюсь въ отверженіи, я, — завидую его участи, упитанъ однимъ безславіемъ и поношеніемъ: *азѣ же гладомъ гиблю!* —

Это второе дѣйствіе милосердія Божія. Озаривъ грѣшника, оно перемѣняетъ его, возвышаетъ его чувствованія, дѣлаетъ его желанія небесными; за раскаяніемъ оно вводитъ любовь; влагаетъ предварительно въ сердце чувство божественнаго блаженства; даруетъ алчбу и жажду правды, — истинное свойство чадъ Божіихъ, и заставляетъ его чувствовать, что тамъ нѣтъ ничего, гдѣ нѣтъ Бога, что для нашего сердца, нужны блага болѣе обширныя, нежели міръ, и что та несчастная душа, въ которой не живетъ Богъ, всегда будетъ томиться жаждою: *азѣ же гладомъ гиблю*.

Такое возвышенное расположеніе души можетъ прекратить преступленія самыя ужасныя. Послушаемъ опять блуднаго сына. Несчастный, продолжаетъ онъ, что я буду дѣлать, куда обращусь? окруженный со всѣхъ сторонъ или бѣдностію или беззаконіемъ, несносный для другихъ, не могши сносить самаго себя, въ какую сторону направлю стопы мои? — Но могу ли колебаться еще долѣе? Развѣ я не имѣю отца? *Возставъ иду ко отцу моему*, и припаду къ ногамъ его..

Я знаю глубину его сердца, его милосердіе неистощимое; слезы, пролитыя имъ при моемъ отшествіи, говорятъ мнѣ о слезахъ, которыя онъ прольетъ при моемъ возвращеніи. Я не ручаюсь за моихъ прежнихъ друзей, не надѣюсь даже на моего брата. Но отецъ мой, ахъ, онъ всегда скажетъ, что я сынъ его, и голосъ его крови возопіетъ сильнѣе, нежели моя неблагодарность: *возставъ иду ко отцу моему!*

Поступайте такъже и вы, грѣшники, коихъ удерживаетъ ложный страхъ; возстаньте, спѣшите къ Богу, тецыте ко Отцу вашему. Почему вѣрѣ вашей не быть также живою, какъ вѣра заблуднаго сына? Если такое довѣріе къ отцу, намъ кажется справедливымъ и похвальнымъ; то почему не будетъ такимъ же и наше самоврученіе Богу?— Богу, отъ котораго нисходитъ всяко отечество, Богу— Отцу превосходящему всѣхъ отцовъ, Богу— давшему и образовавшему въ насъ сердце такъ любвеобильное, такъ чувствительное? Если человѣкъ любитъ такъ сильно, не смотря на все свое ничтожество, если его чувство готово сдѣлать чудеса для спасенія дѣтей; то чего чудеснаго не сдѣлаетъ Всемогущій для спасенія своей погибающей твари?

Люди маловѣрные, приступите наконецъ съ сыновнимъ расположеніемъ сердца и напечатлѣйте въ немъ глубоко тѣ утѣшительныя истины, что упованіе на Бога никогда не останется тщетнымъ, что этотъ судія есть Отецъ, что его сердце ходатайствуетъ о нашемъ спасеніи, и что твердо уповать на Него значитъ— всѣмъ обладать у Него; *иду ко отцу моему!*

Но упованіе не ослѣпляетъ сына блуднаго, оно оживляетъ его раскаяніе, а не самонадѣянность. Какія ни слышалъ бы онъ обличенія, они никогда не сравняются съ обличеніями его собственнаго сердца. Не нужно, чтобы обвинитель обнаружилъ его, чтобы свидѣтель подтверждалъ, чтобы судія обвинилъ его;— онъ самъ свой обвинитель, самъ свидѣтель, самъ судія. Онъ напередъ уже подвергается къ ногамъ досточтимаго виновника дней своихъ, и говоритъ: Отче мой, я согрѣшилъ на небо и предъ тобою, узнаешь ли твоего сына въ семъ печальномъ рубищѣ? твоего сына?.. Несчастный, что говорю я? Могу ли я еще носить это имя? Не потерялъ ли я правъ сына, потерявъ его чувствованія? Нѣтъ, я недостоинъ болѣе этого имени— сладостнаго и любезнаго, прими меня въ число твоихъ наемниковъ; для меня довольно чести быть и съ ними; ибо они пребыли тебѣ вѣрны. *Сотвори мя яко единаго отъ наемникъ.*

Вотъ расположеніе души, обращающейся къ Богу, и сердца новаго, только что претвореннаго благодатію; сердца воздыхающаго и обличающаго себя постоянно, сердца сокрушеннаго и смиреннаго, которое выну имѣетъ грѣхъ свой предъ собою, и полагаетъ всю свою надежду въ сѣтованіи и слезахъ. Ахъ! что была бы надежда безъ сихъ чувствованій, какъ не новая дерзость, новая самонадѣянность? Потому-то далеки отъ Бога всѣ самонадѣянные, которые болѣе взыскуютъ, нежели надѣются, болѣе полагаются дерзновенно на его благость, нежели ввѣряютъ себя оной, которые имѣютъ несчастіе невѣдать, что грѣхъ дѣлаетъ человѣка недостойнымъ всего, что одно смиреніе наше составляетъ нашу

силу, что есть ли Богъ даруетъ прощеніе, то— однимъ тѣмъ, которые не прощаютъ сами себѣ: *сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ*.

Безутѣшный отецъ преступнаго сына постоянно воздыхалъ о немъ; и въ сердцѣ своемъ постоянно носилъ его образъ. То проходя по распутіямъ, то восходя на горы, подобно матери Товіи, онъ призывалъ сына воплями и слезами;— все напоминало его. Видя молодаго человѣка, счастливаго дарованіями и благонравіемъ, такъ, говорилъ онъ, сынъ мой, покорный моимъ наставленіямъ, утѣшалъ бы мою старость; видя несчастнаго, безъ пристанища, въ презрѣніи, постигнутаго ужасною бѣдностію, онъ взывалъ со вздохомъ: быть можетъ до такого состоянія дошелъ теперь и сынъ мой. Тогда, какъ онъ предавался такимъ мучительнымъ размышленіямъ, завидѣлъ вдали сына: *еще же ему далече сущу, узрѣ его*. Какъ проницателенъ взоръ любви отчей! Все препятствовало узнать сына,— и черты обезображенныя, и юность увядшая, и рубище изодранное, его прикрывавшее; но не смотря на такую перемѣну, подъ сею печальною внѣшностію, отецъ тотчасъ узнаетъ своего сына, такъ давно отшедшаго. При видѣ его, утроба въ немъ тронулась, сердце всколебалось въ самой глубинѣ своей: *и милъ ему бысть*. И чтожъ? ни гнѣва, ни негодованія. Чувство увлекаетъ отца, онъ не владѣетъ болѣе своими движеніями, не можетъ удержать себя, летитъ, бѣжитъ, стремится, къ этому другому себя— самаго! *и текъ*. Желая не терпѣливо облегчить сердце отъ тяжкаго чувства, которое объемлетъ и подавляетъ его, онъ забываетъ и достоинство своего званія и слабость своихъ лѣтъ; онъ стремится, и первый переступаетъ разстояніе между имъ и сыномъ; *и текъ*. Но что онъ будетъ говорить ему? Онъ говоритъ ему слезами, онъ заключаетъ его въ свои объятія, онъ прижимаетъ его къ своему сердцу! *нападе на выю его и облобыза его*. Великій Боже! И такъ не сомнѣнно— Ты себя изобразилъ въ сихъ чертахъ трогательныхъ? Я знаю теперь ту живую ревность и попеченія твоей благодати, я вижу теперь эту любовь, предваряющую меня, любовь попечительную, которую безпокоитъ малѣйшее медленіе, любовь крѣпкую, которая прощаетъ все, о чемъ я плачу, удостоиваетъ меня даже особеннаго благоволенія, не смотря на грѣховныя пятна, покрывающія меня, которая желаетъ обратить меня не жестокостію укоризнъ, но избыткомъ милости, и, поражаясь болѣе моимъ несчастіемъ, нежели преступностію, пріемлетъ еще на себя всю тяжесть примиренія. Боже мой! воскликну здѣсь съ блаженнымъ Августиномъ, пусть тотъ безмолвствуетъ въ хвалахъ твоихъ, кто не постигъ твоего безконечнаго милосердія. Не такъ я благоговѣю предъ Тобою за то, что Ты управляешь теченіемъ звѣздъ, будучи началомъ порядка; не такъ за то, что правишь вселенною, будучи Премудростію; не такъ за то, что меня хранишь, будучи Источникомъ жизни, какъ за то, что Ты меня предваряешь, будучи моимъ Владыкою, не осуждаешь будучи судіею моимъ взыскуешь меня, не имѣя ни въ комъ нужды, кромѣ себя самаго. *Нападе на выю его и облобыза его.*

Здѣсь, брат. мои, представимъ себѣ, что преступный сынъ введенъ въ домъ отчій, достигъ конца золъ, далекъ отъ смятеній и бурь, столько возмущавшихъ его жизнь. Какая минута! Тщетно умъ желалъ бы описать ее, когда сердце едва въ силѣ чувствовать. Это состояніе души, когда она, переходя отъ обуреваній порока къ тихому пристанищу добродѣтели, видитъ наконецъ себя въ мирѣ съ Богомъ и съ собою. Какъ путникъ, достигшій пристани послѣ долговременнаго и бурнаго плаванія; какъ несчастный плѣнникъ, взирая на разрѣшеніе своихъ тяжкихъ узъ, она счастлива, она отдыхаетъ и чувствуетъ въ себѣ возрожденіе новой жизни. Состояніе сладостное и восхитительное! Это не просто удовольствіе или радость, это нѣчто небесное, это миръ превосходящій всякій умъ, это любовь, услаждающая всѣ труды и оживляющая всѣ пожертвованія, это глубокая увѣренность, что она избрала благую часть, что ничто въ мірѣ несравнится съ состояніемъ добродѣтели, и что одинъ день, проведенный въ дому Божіемъ лучше тысячи въ селеніихъ грѣшничихъ, — это тайны Господни, это тайны твоей благодати, о Боже, и обиліе утѣшеній, хранимыхъ Тобою въ сокровищницѣ твоихъ милостей для всѣхъ служащихъ тебѣ.

Но добрый отецъ не ограничивается однимъ примиреніемъ; ахъ! его радость такъ велика, что неможетъ не обнаружиться: всѣ слуги участвуютъ въ его веселіи; приносятъ сыну дорогія уборы, украшавшія его въ прекрасныя дни невинности; налагаютъ на его перстъ знакъ его важности и свободы; уготовляется великое торжество и звукъ музыкальныхъ орудій возвѣщаетъ всей окрестности, что время слезъ прошло, что потерянный сынъ обрѣтеся, что тотъ, который умеръ — было — возсталъ: *мертвъ бѣ и оживе*.

Какой избытокъ наслажденій и радости для несчастнаго грѣшника, когда онъ, облеченный въ правду, видитъ не только забвеніе своихъ преступленій, но и возстановленіе всего достоинства; когда изъ сосуда поношенія онъ дѣлается сосудомъ чести, предметомъ радости неба и благословеній земли; когда во всякомъ священнодѣйствіи, во всякомъ таинствѣ онъ усматриваетъ священный залогъ своего примиренія; когда, упокоенный за трапезою чадъ Божіихъ, участвуетъ въ мирѣ небесномъ, гдѣ все жизнь, все безсмертіе, и когда, по величію обѣтованій настоящихъ, онъ постигаетъ величіе гораздо высшее обѣтованій грядущихъ. Возвеличи, душе моя Господа, обогатившаго тебя всѣмъ Собою и въ несказанномъ обиліи милосердія какъ бы тогда только вполнѣ блаженнаго, когда дѣлается твоимъ благомъ, твоимъ стяжаніемъ, твоимъ вѣнцемъ: *Благослови, душе моя, Господа, вѣнчающаго тя милостію и щедротами!* (Пс. 102, 1. 4).

Христіане! при видѣ столь кроткаго отца, который повергается на выю преступнаго сына, осыпаетъ его милостями, торжествуетъ въ ликахъ его возвращеніе, и мы, въ свою очередь, преклонимъ колѣна, умилимся въ невидимомъ присутствіи Отца небеснаго, и соберемъ, сколько можно болѣе, силы и слабости, стыда и любви, свѣта и тьмы, нищеты и даровъ, дабы осудить свои

преступленія, дабы сокрушить сердца свои, и безпредѣльнымъ раскаяніемъ заслужить, нѣтъ— пріять о имени Спасителя туне даруемое полное примиреніе. Аминь.

СМЕРТЬ, ВЕЛИКАЯ НАСТАВНИЦА ЛЮДЕЙ.

Смерть есть плодъ грѣха; но Благостію Божіею она же обращена для насъ во врачество противъ грѣха. Смерть есть проповѣдница покаянія и великая наставница людей. Одна она многихъ приводитъ къ самопознанію. Гордымъ и тщеславнымъ говоритъ: вы ничтожны, вы земля и пепелъ! Сластолюбцевъ, преданныхъ страстямъ своимъ до безчувствія, приводитъ въ чувство; исторгаетъ у нихъ вздохи и слезы раскаянія и производитъ въ нихъ отвращеніе даже къ тому, что прежде почитали они верхомъ своего счастія. Богатымъ доказываетъ, что они нищи и наги, что имъ ничего не принадлежитъ, не принадлежитъ и та горсть земли, копорая покроетъ имъ очи. Хвалящимся красотою она представляетъ свое мрачное зеркало и въ немъ показываетъ всю страшную гнусность ихъ. Краснорѣчивая, правдивая и сильная проповѣдница! Кого ничѣмъ нельзя убѣдить, того убѣждаетъ смерть. На что никто не рѣшается, то совершаетъ она. Кому никто не смѣлъ показать истины, тому показываетъ ее перстъ смерти.— Она есть врагъ человѣчества, потому что разрушаетъ жизнь его: но этотъ врагъ, правдивый и нелицемѣрный, не лучше ли многихъ нашихъ друзей? Не онъ ли говоритъ намъ чистую истину и отводитъ насъ отъ многихъ золъ? Не онъ ли предупреждаетъ множество безаконій и обезоруживаетъ самыя сильныя и зловредныя страсти?— Богачъ замышляетъ новыя средства къ обогащенію себя, средства соединенныя съ обидою ближнимъ; но ему внезапно слышится гласъ: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе!* (Лук. 12, 20)— и— вредные замыслы сходятъ съ богачемъ въ могилу. Горделивый строитъ планы и рѣшается возвысить себя и прославить, хотя бы это стоило слезъ и крови для многихъ тысячъ; но вдругъ приходитъ смерть къ нему; *изыдетъ духъ его, и онъ возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его* (Псал. 145, 4). Такъ нерѣдко, гибелью одного, смерть спасаетъ отъ погибели тысячи.— Самыя ужасныя страсти, самые гордые замыслы людей смерть заключаетъ въ одну кучу земли и ставитъ на ней слова: *здѣсь покоится....*

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 28 Декабря 1858 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНИЕ

Еф. 5, 14.

№ 11. НЕДѢЛЯ (36) МЯСОПУСТНАЯ. ЯНВАРЯ 29. 1859.

Апостолъ: Кор. 8, 8—13. 9, 1—2. Евангеліе: Мат. 25, 31—46.

Отверзошася Божественнаго покаянія преддверія: приступимъ усердно, очистивше тѣлеса, брашенъ и страстей отложенія творяще, яко послушницы Христа, призвавшаго міръ въ царствіе небесное, десятины всего лѣта приносяще всѣхъ Царю, яко да и воскресеніе Его любовію узримъ.

Понед. сыр. на Утр. сѣдал. по 2-мъ стихосл.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ (*). ВЪ ИЗГНАНІИ.

Въ мірѣ скорбни будете (Іоан. 16, 33), говорилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ будущимъ проповѣдникамъ Евангелія; *нѣсть рабъ болій Господа своего; аще мене изгнаша и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20). Истина сихъ словъ, оправданная опытомъ многихъ проповѣдниковъ Евангелія, оправдалась и въ жизни великаго Учителя Церкви, св. Іоанна Златоустаго. Вознесенный на высоту престола Пастыреначальническаго,— съ

(*) Память его Генваря 27.

полнымъ сознаніемъ важности своего долга,— онъ не могъ равнодушно смотрѣть на пороки роскошной столицы древняго міра; порокъ съ своей стороны не могъ равнодушно терпѣть обличеній Проповѣдника покаянія. Рано или поздо, но неминуемо должна была открыться борьба добродѣтели съ нечестіемъ, которая въ настоящей жизни, по непостижимымъ судьбамъ промысла Божія, оканчивается нерѣдко мнимымъ торжествомъ послѣдняго. Св. Златоустъ, при свѣтѣ Евангелія, не страшился открывать самыхъ сокровенныхъ пороковъ людскихъ, и, разоблачая ихъ отъ ложной ослѣпительной личины, выставлялъ въ собственномъ постыдномъ ихъ видѣ. Вполнѣ владѣя даромъ дѣйствовать на сердце, трогать совѣсть людей, онъ со всею силою пробуждалъ ихъ отъ нравственнаго усыпленія, обращалъ непрестанно взоры ихъ на самихъ себя. Отсюда естественное слѣдствіе: тѣ, въ которыхъ любовь къ добру еще не погасла, и которыхъ св. Пастырь руководилъ по пути покаянія къ тихому пристанищу душевнаго мира и спокойствія, полюбили и отъ всего сердца уважали св. Златоуста; напротивъ тѣми, которые ненавидѣли свѣта, и для которыхъ проповѣдь его была какъ мечь обоюду острый, онъ былъ преслѣдуемъ и гонимъ. Св. Пастырь видѣлъ умножавшееся постоянно число и злобу враговъ своихъ, предчувствовалъ угрожающую ему опасность;— и, не смотря ни на что, продолжалъ дѣлать свое дѣло: „Я готовъ, говорилъ онъ, про„лить кровь свою, лишь бы могъ „сколько нибудь воспрепятствовать „распространенію зла. Нисколько не „безпокоитъ меня ненависть и злоба „враговъ моихъ; одно у меня на „сердцѣ — исправленіе моихъ слуша„телей.“ Не станемъ пересказывать, какими средствами князь тьмы вооружался противу неустрашимаго Проповѣдника истины (*): довольно того, что злоба наконецъ восторжествовала. Незаконнымъ образомъ составленный Соборъ, частію изъ явныхъ враговъ св. Златоуста, частію изъ обольщенныхъ и обманутыхъ Епископовъ, подвергъ суду св. Мужа. Явныя клеветы, злобно перетолкованныя слова и поступки его были поставлены ему въ вину;— и великій Учитель Церкви, на шестомъ году своего Епископскаго служенія, осужденъ въ заточеніе!

Когда друзья его,— сорокъ Епископовъ, сѣтовали вокругъ него; онъ былъ совершенно спокоенъ и даже веселъ.— „Молитесь, братія „мои,“ говорилъ имъ св. Златоустъ ожидавшій съ часу на часъ прибытія чиновника съ Указомъ объ изгнаніи его;— „и если вы любите „Христа; но пусть каждый изъ „васъ не оставляетъ своей пас„ствы,— для меня. Я могу сказать „теперь съ Павломъ: время отше„ствія моего близко. Послѣ многихъ „предстоящихъ мнѣ страданій, я „отойду изъ сей жизни: ибо Я „хорошо вижу покушенія противъ „меня сатаны, который не можетъ „долѣе сносить моей проповѣди, „направленной противъ его царства. „Поминайте только меня въ молит-

(*) Желающій найдетъ подробный разсказъ о семъ въ жизнеописаніи св. Іоанна Златоустаго въ Четіихъ Минеяхъ (Ноября 13), или въ Христ. чтеніи за 1821 годъ часть 4 стр. 257 и проч.

„вахъ вашихъ.“ Слезы окружающихъ были отвѣтомъ на сіи слова. „Не „плачьте, братія мои,— продол- „жалъ св. Пастырь; вы раздираете „мое сердце: *мнѣ, еже жити, Хри- „стосъ, и еже умрети, пріобрѣте- „ніе*. Вспомните, что говорилъ я „вамъ всегда: настоящая жизнь „наша есть путешествіе, въ ко- „емъ надобно перенести и хорошее „и худое. Она подобна торгу, гдѣ „мы покупаемъ и продаемъ, чтобъ „съ пріобрѣтеніемъ возвратиться въ „отечество.“ „Но мы жалѣемъ о „Церкви, возразилъ одинъ изъ Епи- „скоповъ, которая лишается своего „Учителя.“ Златоустъ отвѣчалъ: „Я не былъ первымъ учителемъ Цер- „кви, и не буду послѣднимъ. Павелъ „былъ обезглавленъ, но оставилъ по „себѣ Тита, Аполлоса, Тимоѳея и „многихъ другихъ.“— При взглядѣ на народъ, который въ слезахъ и скорби окружалъ домъ Епископскій и наполнялъ Церковь, любвеобильное сердце Пастыря исполнилось состраданія. Онъ еще разъ явился въ храмѣ, который такъ часто оглашался его словомъ, и, ободряя и утѣшая печальную паству, говорилъ: „Сильны „волны, жестока буря!— Но, я не „боюсь потопленія; ибо стою на „камнѣ. Пусть свирѣпѣетъ море;— „не сокрушитъ оно камня! пусть „воздымаются волны;—не поглотятъ „онѣ корабля Іисусова! Скажите, „чего бояться мнѣ?— Смерти?— *мнѣ „еже жити Христосъ, и еже умрети, „пріобрѣтеніе* (Филип. 1, 21). Ссылки?— „*Господня земля и исполненіе ея* „(Псал. 23, 1). Описи имѣнія?— *ни „тоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, „яко ниже изнести что можемъ* „(1 Тим. 6, 7). Я презираю страхъ „міра сего, и посмѣваюсь надъ его „благами; не боюсь нищеты, и не „желаю богатства; не страшусь „смерти, и не пристрастенъ къ жиз- „ни, развѣ только для вашего успѣ- „ха..... Я имѣю залогъ Господа, „и не на мои силы полагаюсь; я „имѣю Его писаніе. Оно мнѣ опора, „оно мнѣ крѣпость, оно мнѣ спокой- „ная пристань. Пусть вся земля „придетъ въ смятеніе!— У меня есть „письмо; его читаю я: слова въ „немъ для меня стѣна и ограда. „Какія слова?— *Азъ съ вами есмь „во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. „28, 20). Христосъ со мною, кого „мнѣ бояться? Пусть поднимаются „на меня волны, пусть море, пусть „неистовство сильныхъ!—все это— „слабѣе паутины. И еслибы не вы „останавливали меня своею любовію, „я нынѣ же удалился бы отсюда. Я „всегда молюсь: да будетъ воля „Твоя, Господи! не какъ хочетъ „тотъ или другой, но какъ Ты „хочешь. Вотъ моя крѣпость, вотъ „мой камень неподвижный, вотъ „моя тростъ неколеблемая! да будетъ „что угодно Богу! если угодно „Ему оставить меня здѣсь, благо- „дарю Его. Буду благодарить Его, „гдѣ Онъ ни захочетъ поставить „меня“.— Обращаясь потомъ къ на- роду,— въ пламенныхъ выраженіяхъ, исполненныхъ отеческой нѣжности и любви, св. Пастырь старался вдунуть ему тоже мужество, коимъ одушев- ленъ былъ самъ.— Простившись такимъ образомъ съ своею паствою, Злато- устъ съ спокойнымъ духомъ пошелъ въ изгнаніе.— Но на сей разъ Господу не угодно было принять отъ св.

Мужа жертву самоотверженія; ему надлежало принести другую,— совершеннѣйшую. Тяжело было оставить свою Паству, которую возлюбилъ онъ отеческою любовію, о которой говорилъ самъ: „какъ „могу я забыть васъ? вы мнѣ „родные, вы жизнь моя, вы моя слава; „вы мнѣ отцы, вы мнѣ братія, вы дѣ„ти мои, вы члены мои, вы тѣло „мое, вы свѣтъ мой, и лучше свѣта!“ Но добрый Пастырь не видѣлъ еще торжественнаго выраженія усердія къ себѣ своей паствы, не видѣлъ еще полнаго торжества любви пасомыхъ къ своему пастырю;— и ему дано было насладиться симъ торжествомъ, чтобы паки востребовать его въ жертву.

Въ слѣдующую ночь по изгнаніи св. Златоуста случившееся сильное землетрясеніе въ Константинополѣ, потрясло совѣсть Императора и Императрицы: на другой день послы за послами отправлялись въ слѣдъ за изгнаннымъ Пастыремъ, чтобъ опять возвратить его сиротствующей паствѣ. Несмѣтное множество народа наполнило берегъ, проливъ Константинопольскій покрылся судами не терпѣливо желающихъ узрѣть своего Пастыря; съ зажженными свѣтильниками и пѣніемъ священныхъ пѣсней признательная паства срѣтила и сопровождала св. Іоанна до престольной его Церкви; самые Евреи и язычники съ непритворною радостію раздѣляли торжество вѣрующихъ. Златоустъ былъ тронутъ до глубины души симъ зрѣлищемъ. Какъ низложенный съ престола, онъ не хотѣлъ было войти въ Церковь: но любовь Паствы превозмогла. „Стань на свою каѳедру, преподай „намъ миръ, скажи намъ слово!“ кричалъ ему народъ со всѣхъ сторонъ;— и любовь Пастыря повиновалась. „Благословенъ Богъ!— ска„залъ св. Златоустъ взошедъ въ „Церковь;— такъ говорилъ я, когда „удалялся отъ васъ, такъ говорю „и теперь, такъ не переставалъ гово„рить и тамъ..... Я благодарилъ „Бога при изгнаніи, благословляю „Его при возвращеніи..... Благосло„венъ Богъ, удалявшій меня, благо„словенъ Онъ и возвратившій меня!— „Благословенъ Богъ, попустившій на „меня бурю, и благословенъ Онъ, „удалившій ее!..... Смотрите, что „сдѣлали коварства враговъ!— уси„лили расположеніе, воспламенили „усердіе, пріобрѣли тысячи, кото„рые возлюбили меня. Донынѣ меня „любили только мои, а теперь и Іудеи „уважаютъ меня. Они надѣялись „отлучить меня отъ моихъ, но „присоединили чужихъ.— Какой миръ „произвели ихъ коварства! Какую „пригоповили славу!“..... Но сію-то славу, единственное утѣшеніе на землѣ для проповѣдниковъ истины, св. Златоустъ и долженъ былъ принести въ жертву Господу; и Господь не умедлилъ потребовать отъ него сей жертвы. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ великій учитель Церкви паки осужденъ былъ на изгнаніе, продолжавшееся уже до конца его жизни.

Въ сіи-то предсмертные годы искушеній св. Златоуста, среди многихъ и тяжкихъ страданій, обнаружилось все величіе святой души его.— Онъ былъ сосланъ въ отдаленное мѣсто въ Арменіи, называемое Кукузомъ. На пути сюда

должно было выперпѣть множество оскорбленій отъ враговъ, не престававшихъ преслѣдовать его и въ изгнаніи. Съ слабымъ здоровьемъ онъ преселенъ былъ въ суровый климатъ, и жилъ тамъ въ безпрестанной опасности отъ нападенія жестокихъ варваровъ — Исаврянъ. Среди зимы, окруженный со всѣхъ сторонъ варварами, онъ долженъ былъ искать убѣжища въ малой Крѣпости Арабисской. Но истины вѣры всегда одушевляли его и сообщали ему такую силу и крѣпость, что онъ и въ этомъ бѣдственномъ состояніи, забывая совершенно о себѣ самомъ, дѣйствовалъ только для духовной пользы другихъ; — старался о распространеніи слова Божія между варварами и не переставалъ утѣшать скорбящихъ друзей своихъ Константинопольскихъ, на которыхъ послѣ него излилась вся злоба враговъ его. Золотыя слова его, которыя писалъ онъ въ утѣшеніе друзей, покажутъ намъ, что возвышало и укрѣпляло душу его среди всѣхъ его страданій. —

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Константинопольской Діакониссѣ Олимпіадѣ онъ пишетъ: „смотря „на настоящія бѣдствія Церкви, „я не теряю однакоже надежды на „лучшее, когда воспоминаю о Вла„дыкѣ міра, который не искусствомъ „побѣждалъ бурю, но единымъ мано„веніемъ усмирялъ вѣтры. — Что Онъ „дѣлаетъ сіе не въ самомъ началѣ „бѣдствій — это Его законъ. Онъ „попускаетъ бѣдствіямъ дойти до „высочайшей степени; и, когда мно„гіе начинаютъ отчаяваться, Онъ „творитъ чудо, и такимъ образомъ „являетъ свое всемогущество, испы„туя терпѣніе страждущихъ. И „такъ не унывай духомъ: одно „только знаю я истинное бѣдствіе — „это грѣхъ; все другое — коварство, „ненависть, обманъ, клевета, зло„словіе, изгнаніе, отнятіе иму„щества, смерть, война — хотябъ по„съ цѣлымъ міромъ, — все это — ни„что“! Исчисливъ потомъ многіе примѣры Божественныхъ дѣйствій изъ свящ. Писанія, которое служило для него единственнымъ руководствомъ при разсматриваніи всѣхъ произшествій, — источникомъ упованія и утѣшенія, — онъ продолжаетъ: „Ты видѣла здѣсь мудрость „и чудеса Божіи, Его любовь и „попеченіе о людяхъ. И такъ не „смущайся и не страшись ничего, „всегда и за все благодари Бога, „благословляй Его, умоляй и проси. „Для Господа нашего нѣтъ ничего „труднаго, хотя бы все пришло въ „крайнюю погибель. Онъ возставляетъ падшихъ, заблудшихъ наста„вляетъ на путь истинный, раз„рѣшаетъ и оправдываетъ обреме„ненныхъ тысячью грѣховъ, ожи„вляетъ и воскрешаетъ умершихъ..... „И когда сравнишь добро со зломъ, „увидишь много, если не явныхъ зна„меній и чудесъ, но весьма много по„хожаго на чудеса, много очевидныхъ „доказательствъ промышленія и по„мощи Божіей. Предоставляю тебѣ „самой сдѣлать сіе; ибо это прекра„сное занятіе избавитъ тебя отъ „суетнаго сѣтованія и доставитъ „великое утѣшеніе.“

Для утѣшенія и укрѣпленія страждущихъ и гонимыхъ друзей своихъ, св. Златоустъ написалъ особенное сочиненіе; въ которомъ изложилъ

ну великую, любимую имъ мысль, что „кто самъ себѣ не вредитъ, тому никто вредить не можетъ.“ „Для того-то, говоритъ онъ здѣсь, „св. Писаніе и начертало намъ вели„кую и возвышенную картину жиз„ни древнихъ — отъ Адама до Хри„ста; для того описываетъ намъ „и падшихъ и увѣнчанныхъ; чтобъ „примѣромъ тѣхъ и другихъ убѣ„дить насъ въ той истинѣ, что „кто самъ себѣ не вредитъ, тому „никто другой вредить неможетъ. „Ибо никакая крайность обстоя„тельствъ, никакая перемѣна вре„мени, никакія бѣдствія — будь ихъ „тысяча — ничто не можетъ поко„лебать мужественнаго, трезваго и „бдительнаго; напротивъ безпечному, „пустившемуся на зло, который „самъ о себѣ не заботится, и ты„сяча спасительныхъ средствъ не „помогутъ.“ Указавъ на примѣръ трехъ отроковъ въ пещи и Даніила, онъ продолжаетъ: „но ты скажешь „что Богъ былъ съ ними, и спасъ „ихъ отъ пламени? — Правда; но „если и ты съ своей стороны все „сдѣлаешь, то вѣрно Богъ сдѣлаетъ „все и для тебя. — И я удивляюсь „имъ и хвалю ихъ не по тому и „не за то, что они попрали пламень, „побѣдили силу огня; а потому что „готовы были пострадать за исти„ну и въ узахъ и въ огнѣ .... По„бѣда ихъ началась еще тогда, „когда они, съ мужествомъ и сво„бодою представши предъ Царя, гово„рили: *не требѣ намъ о глаголѣ семъ „отвѣщати тебѣ. Есть бо Богъ нашъ „на небесѣхъ, Емуже мы служимъ, „силенъ избавити насъ отъ пещи, огнемъ „горящія, и отъ руку твоею избавити „насъ, Царю. Аще же ли ни; вѣдомо „да будетъ тебѣ, Царю, яко богомъ „твоимъ неслужимъ, и образу зла„тому, егоже поставилъ еси, не кла„няемся* (Дан. 3, 16—18.).... Что „огонь устыдился тѣлъ ихъ, рас„торгъ узы, забылъ собственное „дѣйствіе, и печь огненная содѣла„лась источникомъ прохладныхъ „водъ; — это было чудо благодати „Божіей. Но подвижники поставили „трофей, одержали побѣду, укра„сились вѣнцемъ и провозглашены „побѣдителями на небѣ и на землѣ „тотчасъ какъ только вошли въ „пламень.“ — Съ тою же цѣлію св. Златоустъ написалъ другое, про„страннѣйшее, сочиненіе для тѣхъ, кои, взирая на неповинныя стра„данія благочестивыхъ и мнимое тор„жество порочныхъ, соблазнялись тѣмъ, приходили даже къ ропоту и отчаянію. Таковыхъ малодушныхъ людей св. Златоустъ не иначе назы„ваетъ, какъ больными, и свое сочи„неніе предлагаетъ имъ вмѣсто враче„ства. Какъ опытный врачь духов„ный, онъ сначала изыскиваетъ при„чину сего недуга и ее-то первѣе ста„рается искоренить. „Какая причина „такой болѣзни? вопрошаетъ онъ: — „это заботливая и суетная пыт„ливость, дѣтское желаніе знать „причины всего, что происходитъ, „безстыдное усиліе постигнуть не „постижимые и неизреченные пути „безконечнаго и неизслѣдимаго Про„мысла Божія..... Не безразсудно ли, „не крайнее ли безуміе: — когда врачь „рѣжетъ насъ, жжетъ и даетъ горь„кія врачества, мы не испытыва„емъ, терпѣливо повинуемся ему, „даже благодаримъ его, не смотря

„на то, что послѣдствія всего этого „неизвѣстны для насъ, что подобными операціями часто доводятъ „больныхъ до смерти; напротивъ „стараемся постигнуть безпредѣльную, неизреченную, неизслѣдимую „и непостижимую премудрость Божію, силимся разгадать, почему „и для чего то или другое бываетъ такъ или иначе, зная твердо, что премудрость сія непогрѣшаетъ, что благость Божія „безпредѣльна, промышленіе Его неизреченно, что все ниспосылаемое „Имъ, ведетъ къ благой и полезной „цѣли, только бы мы сами не препятствовали тому,— что Онъ не „желаетъ ничьей погибели, но всѣмъ „хочетъ спастися?— Не крайнее ли „это безуміе, что мы хощимъ судить Того, Который одинъ хочетъ и можетъ насъ спасти,— „судить въ самомъ началѣ, не дождавшись даже конца происшествій?.... Я разумѣю— конца „не въ настоящей жизни, хотя онъ „часто открывается и здѣсь,— но „въ жизни будущей; ибо та и другая жизнь одну имѣютъ цѣль— „наше спасеніе и прославленіе. Онѣ „раздѣлены временемъ, но соединены цѣлію. Такъ зима и весна смѣняютъ одна другую, но та и другая одну имѣютъ цѣль— созрѣніе „плодовъ: тоже бываетъ и съ нами. И такъ когда видишь Церковь въ разсѣяніи, и крайнемъ утѣсненіи, лучшихъ членовъ ея гонимыми, убиваемыми, самыхъ предстоятелей въ изгнаніи, взирай не „на это одно, но и на то, что послѣдуетъ за симъ,— на воздаяніе „награды, почести и вѣнцы: ибо „*претерпѣвый до конца, той спасенъ „будетъ* (Матѳ. 10, 22)..... Для чего, „спросишь, Богъ попускалъ и попускаетъ столько опасностей, столько искушеній, такія навѣты?— „Вотъ причина тому: настоящая „жизнь наша похожа на гимнастическое училище, есть мѣсто сраженія и борьбы, есть очистительная печь.— Художники бросаютъ „золото въ печь, подвергаютъ его „дѣйствію огня, чтобъ сдѣлать „чище и драгоцѣннѣе. Воспитатели атлетовъ упражняютъ ихъ во „многихъ тяжкихъ трудахъ, сражаются съ ними какъ самые жестокіе непріятели, дабы чрезъ „подобныя упражненія содѣлать ихъ „крѣпкими, ловкими, способными къ „отраженію непріятельскихъ нападеній. Такъ поступаетъ съ нами и Богъ „въ настоящей жизни: желая содѣлать душу способною къ добродѣтели, Онъ поражаетъ ее, испытуетъ и подвергаетъ искушеніямъ, дабы чрезъ сіе слабые и „склонные къ паденію укрѣпились, „твердые содѣлались еще тверже „и неприступнѣе для козней и паденій діавола, чтобы всѣ наконецъ были способны къ полученію будущихъ благъ: *ибо скорбь „терпѣніе содѣваетъ, терпѣніе же „искусство*, говоритъ св. Павелъ."

Наконецъ добродѣтельная жизнь, пріобрѣтшая св. Іоанну уваженіе и въ самомъ изгнаніи, снова возбудила ненависть враговъ его. Они исходатайствовали у Императрицы Указъ, которымъ изгнанный Златоустъ осужденъ на новое изгнаніе въ Питіунтъ близъ Колхиды, на берегу Чернаго моря. Отправленные для

его чиновники получили особенный приказъ обходиться строже съ своимъ узникомъ и представить его къ мѣсту назначенія въ опредѣленное число дней, не взирая на трудность дорогъ. Знаменитый Пастырь Константинопольскій долженъ былъ идти пѣшій три мѣсяца, то при несносномъ жарѣ солнечномъ, то подъ проливнымъ дождемъ — безъ отдыха и перемѣны платья. Такое путешествіе совершенно истощило и безъ того слабое здоровье св. Златоуста. Почувствовавъ на пути приближеніе смерти, онъ упросилъ проводниковъ своихъ остановиться, перемѣнилъ измокшее и замаранное платье на бѣлое; пріобщился св. Таинъ и оставилъ міръ сей, который не былъ его достоинъ, съ словами: „слава Богу за все!“ — съ сими любимыми имъ словами, которыя часто повторялъ онъ въ жизни, о которыхъ во время страданій своихъ говорилъ: „слова эти — „убійственный ударъ для сатаны, „а для того, кто произноситъ ихъ, „во всякой бѣдѣ, во всякомъ несча„стіи, служатъ обильнѣйшимъ ис„точникомъ надежды и упѣшенія. „Какъ только произнесешь ихъ, „тотчасъ разсѣевается всякое об„лако печали.“ —

Бросьте въ отдаленнѣйшій уголъ земли человѣка, который внутри себя носитъ богатство высшаго міра — Царствіе Божіе; окружите его всѣми возможными бѣдствіями: — ничто не поколеблетъ внутренняго спокойствія его духа; ибо свѣтъ, жизнь и сила Божественная всегда и вездѣ не разлучны съ нимъ. *Умрохомъ бо, говорятъ о себѣ сіи небесные человѣки, — и животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ во Бозѣ, а покоя мертвыхъ ничто въ свѣтѣ не потревожитъ!* —

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ тя Христосъ.

Еф. 5, 14.

По милосердію Господа, мы, бращ., опять приблизились къ св. поприщу поста и покаянія. Нѣкоторые изъ среды насъ, кои вмѣстѣ съ нами въ прошедшемъ году приступали къ исповѣди и св. Трапезѣ, восхищенные Ангеломъ смерти, стоятъ теперь предъ престоломъ правды Божіей, а мы стоимъ паки предъ престоломъ милосердія; за ними или предъ ними, двери чертога Царскаго уже затворились, а предъ нами еще отверсты; ихъ жребій, можетъ быть, уже рѣшенъ невозвратно, а нашъ — еще въ собственныхъ рукахъ нашихъ. Возблагодаримъ же, бращ., Господа, не погубившаго насъ со беззаконьми нашими, и снова дарующаго намъ всѣ средства къ покаянію! —

Какъ и чѣмъ возблагодаримъ? — Не укоснительнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ сихъ самыхъ средствъ къ своему спасенію. Говоря такимъ образомъ, я не предполагаю, бращ., чтобы кто-либо изъ васъ проводилъ прежнія Четыредесятницы не по Христіански, тѣмъ паче чтобы кто-либо намѣренно удалялся св. Таинствъ Церкви; напротивъ я увѣренъ, что каждый изъ васъ каждый годъ притекалъ къ св. Алтарю для принятія отпущенія грѣховъ и для

таинственнаго соединенія съ Господомъ и Спасителемъ нашимъ чрезъ причащеніе Тѣла и Крови Его; думаю даже, что все сіе каждый разъ не оставалось безплоднымъ для души вашей, и оставляло благотворный слѣдъ во всей вашей жизни.... Но, Брат., не смотря на все это, позвольте намъ, духовнымъ врачемъ, предложить вамъ нынѣ одинъ вопросъ: столько разъ приходя во врачебницу духовную, толикократно проходя весь курсъ врачеванія сердечнаго, такъ много разъ исходя изъ храма Божія, повидимому, оправданными и исцѣленными,— чувствовали ли вы хотя единожды совершенное здравіе душевное? И, если чувствовали, то долго ли продолжалось сіе драгоцѣнное чувство?...— И здѣсь, я не предполагаю, Брат., чтобы вы послѣ седмидневнаго говѣнія и воздержанія, вдругъ сдѣлались безгрѣшными (это святой удѣлъ тѣхъ, кои уже разрѣшились отъ узъ плоти и крови);— но вы должны были послѣ того быть, какъ можно свободнѣе отъ грѣха; въ васъ подобало произойти рѣшительной перемѣнѣ на лучшее; свѣту Благодати надлежало въ вашей душѣ быть подобно солнцу утреннему, восходить выше и выше, разогнать всѣ облака заблужденій, изсушить всѣ протоки чувственности, чтобы наконецъ произвесть полный день Боговѣденія и благочестія. Такъ ли все это было съ вами?— Замѣчали ль вы въ себѣ послѣ подвига поста и покаянія постоянное удаленіе отъ міра и приближеніе къ Богу, ослабленіе и изчезновеніе прежнихъ худыхъ навыковъ, и вступленіе на ихъ мѣсто обычаевъ благихъ и Христіанскихъ?— не трудно отвѣчать на сей вопросъ, если все это въ васъ происходило и происходитъ. Человѣкъ, выздоровѣвшій отъ тяжкой болѣзни, не затруднится сказать; здоровъ ли онъ? Даже начавшій только выздоравливать, тотчасъ скажетъ, что онъ выздоравливаетъ. А изъ насъ, Брат., не правда ли, что для многихъ весьма трудно отвѣчать на вопросъ: оздравѣли ли они духомъ и совѣстію?— Многіе, даже принуждены съ горестію сознаться, подобно древнимъ Израильтянамъ, что въ нихъ происходитъ противное: *ждахомъ мира, и не бяху блага: времене уврачеванія, и се болѣзнь!* (Іер. 8, 15). Предъ каждымъ пощеніемъ, исповѣдію и причащеніемъ, мы надѣялись получить чрезъ нихъ здравіе душевное; принимали сіи таинства съ радостію; между тѣмъ до нынѣ остаемся тѣ же, что были прежде: души наши хладны къ добру и наклонны ко злу; прежнія страсти во всей прежней, можетъ быть, большей силѣ; совѣсть съ тѣми же язвами, сердце съ тою же тяжестію; весь внутренній человѣкъ нашъ еще мертвъ, или крайне разслабленъ. *Ждахомъ мира, и не бяху блага; времени уврачеванія; и се болѣзнь!..*

Что значитъ сіе? *Еда нѣсть ритины въ Галаадѣ? или врача нѣсть тамо? Чесо убо ради нѣсть исцѣлена рана дщере людей моихъ* (Іер. 8, 22)? вопрошалъ нѣкогда Пророкъ, видя болѣзненное состояніе народа Израильскаго.— *Еда нѣсть ритины въ* нашемъ духовномъ *Галаадѣ?*— вопросимъ, Брат., васъ и мы, имѣя въ виду, доселѣ продолжающуся, неисцѣльность душъ вашихъ? Ужели, вся немощная врачующая, рука Божія сократилась, и таинства св. Церкви потеряли свою силу?— Или пастыри Церкви, изрекая вамъ прощеніе, изрекали его не отъ сердца? Нѣтъ, про-

щенное *здѣсь*, не воспомянется и *тамъ*; если только вы сами не оживите его повтореніемъ прежнихъ грѣховъ. Или Спаситель, преподавая вамъ тѣло и кровь, преподавалъ чуждыя, а не свои собственныя? Нѣтъ, Онъ не откажется отъ своего Тѣла и своей Крови, если только вы умѣли сохранить сей даръ. Множество людей, подобныхъ вамъ, еще тягчайшихъ грѣшниковъ, пользуясь сими же самими средствами, успѣли омыться отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ, уврачеваться совершенно отъ проказы адской, содѣлались святыми, Богоугодными, и теперь приготовляются въ мирѣ окончить земное поприще свое, или уже наслаждаются Благодатію помилованія въ царствѣ славы: а вы, пользуясь столько разъ сими же самыми средствами, остаетесь доселѣ на одрѣ духовной смерти, или влачите жалкіе остатки жизни духовной въ узахъ грѣха!— Что значитъ сіе?...

Ахъ, Брат., не то ли самое, на что жаловался нѣкогда тотъ же Пророкъ, взирая на отчаянное состояніе Вавилона. Вавилонъ, говорилъ онъ, падаетъ; день суда и казни для него близокъ, неизбѣженъ. Но, кто виною?— Вавилону ли недоставало средствъ къ отвращенію бѣдствія? *У* него ли не было врачевства и обязаній на рану? И мы всѣ употребили ихъ надъ нимъ; но безъ пользы. *Врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ!* (Іер. 51, 9). Такъ можетъ быть, Брат.; и о насъ давно вѣщаютъ предъ престоломъ правды Божіей Ангелы хранители наши: Ты, Господи, приставилъ насъ блюсти души и тѣла ихъ; руководить и подкрѣплять ихъ на пути къ небу: самъ зриши, опущено ли нами что-либо, могущее просвѣтить ихъ умъ, возбудить и согрѣть ихъ сердце, удержать стопы ихъ на пути къ погибели? Но, что могутъ содѣлать для нихъ всѣ средства ко спасенію, всѣ наши усилія и попеченія; когда они или отвергаютъ ихъ съ гордостію, или употребляютъ съ нерадѣніемъ?— *Врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ;* не исцѣлѣлъ потому, что возлюбилъ свою грѣховную рану, непрестанно растравляетъ ее новыми беззаконіями, рѣшился жить и умереть во грѣхахъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, брат., какъ употребляемъ мы врачевства духовныя, какъ приступаемъ къ самому рѣшительному изъ нихъ— къ исповѣди и св. причастію?— приступаемъ почти всѣ, какъ къ средству временному, а не какъ къ мѣрѣ рѣшительной; смотримъ на святѣйшее таинство, какъ на обрядъ благочестивый, полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а не какъ на таинство пакибытія, которое должно переродить насъ совершенно на всю жизнь. А посему и приступаемъ, хотя съ приготовленіемъ, но поверхностнымъ, не проникающимъ до глубины нашего духа, до корня зла, въ насъ живущаго;— пріемлемъ тѣло и кровь Христову, хотя съ благоговѣніемъ, но нисколько не помышляя о тѣхъ чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ, коимъ подобаетъ произойти въ насъ; отходимъ отъ престола Благодати съ благими мыслями, но отнюдь не съ твердою рѣшимостію измѣниться въ своей жизни совершенно; кратко: говѣемъ, исповѣдуемся, причащаемся *во оставленіе грѣховъ* прошедшихъ, не думая объ оставленіи грѣховнаго поведенія,— *въ жизнь* благую *вѣчную*, не помышляя о жизни добродѣтельной на землѣ.

Можно ли же ожидать рѣшительнаго исцѣленія на всегда, когда во все и не думаютъ о семъ исцѣленіи? Но, такъ поступаютъ еще лучшіе изъ насъ. Что сказать о прочихъ исповѣдникахъ и причастникахъ?— Оставленіе на нѣсколько дней обыкновенныхъ дѣлъ и занятій, хожденіе въ продолженіи сего времени въ Церковь, потомъ нѣсколько минутъ, употребленныхъ на исповѣдь, потомъ нѣсколько минутъ— на причащеніе,— за тѣмъ нѣсколько благочестивыхъ мыслей и сердечныхъ вздоховъ,— вотъ все говѣніе, вся жертва Богу!— А потомъ?— немедленное возвращеніе къ прежнимъ дѣламъ, опять тотъ же родъ жизни, опять прежнія забавы, тѣже грѣховные утѣхи, тоже служеніе страстямъ самымъ постыднымъ. Скажите, чего ожидать послѣ такого, можно сказать, машинальнаго говѣнія? Развѣ машинальныхъ же плодовъ; и они точно бываютъ: нѣсколько животныхъ спасается въ это время отъ закланія; нѣсколько худыхъ привычекъ остается безъ удовлетворенія; уста не произносятъ прежнихъ срамныхъ словъ, взоры не блуждаютъ нѣсколько времени по прелестямъ міра, самое сердце не подавляемое заботами, начинаетъ биться покойнѣе. Но; потомъ зло, на время стѣсненное, еще болѣе раскрывается и свирѣпѣетъ; съ поверхностно покаявшимися бываетъ тоже, что съ больными, послѣ превратнаго врачеванія: болѣзнь ожесточается болѣе и болѣе.

Сами чувствуете, брат.; что я не преувеличиваю дѣла, не увеличиваю нашей вины, а изображаю все, какъ есть. Для чего изображаю?— Для того; что теперь снова открывается курсъ врачеванія духовнаго. Если пойдемъ прежнимъ путемъ, то достигнемъ и цѣли прежней, то-есть, никакой не достигнемъ. Опять раны совѣсти закроются на время съ тѣмъ, чтобы послѣ разкрыться еще больше, опять сложимъ тяжесть грѣховъ, чтобы потомъ поникнуть подъ нею еще ниже. Что же наконецъ выйдетъ изъ такого образа дѣйствованія?— То, что мы врачуясь всю жизнь, наконецъ умремъ во грѣхахъ нашихъ. И для нѣкоторыхъ это несчастіе еще, можетъ быть, не такъ близко: они будутъ имѣть нѣсколько Четыредесятницъ для уврачеванія душы своей; а для нѣкоторыхъ *судъ* уже *написанъ* (Псал. 149, 8.) и *Судія предъ дверми* (Іак. 5, 9). Я хочу сказать; Брат., что какъ ни не велико число насъ, теперь здѣсь находящихся, но, безъ сомнѣнія, есть между нами такіе, для коихъ наступающая Четыредесятница наступаетъ въ послѣдній разъ. Кто сіи; обреченные жертвы смерти?— Можетъ быть ты; слуш., наименѣе теперь думающій о семъ; можетъ быть я, возвѣщающій тебѣ сію грозную, но спасительную для всѣхъ насъ истину.

И такъ, брат., всѣ соединимся нынѣ въ искренномъ желаніи своего спасенія,— всѣ вступимъ въ святое поприще покаянія; какъ бы оно отверзалось предъ нами въ первый и послѣдній разъ. И оно точно будетъ для насъ первымъ и послѣднимъ, коль скоро мы въ продолженіи его измѣнимся совершенно и оставимъ на всегда нашу грѣховную жизнь. Ибо, сколько бы кто прежде ни каялся, но если не исцѣлѣлъ душею, то онъ исцѣлѣетъ въ первый разъ. А кто получитъ здравіе, тому, если не потеряетъ его, не нужно будетъ получать его

въ другой разъ, а только хранить и укрѣплять его.

Господи и Владыко живота нашего! Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ! Ты, который отверзъ предъ нами недостойными дверь покаянія! Самъ изведи насъ всемощною десницею твоею изъ Египта духовнаго рабства и введи въ пустыню св. поста! Чтобы ни ожидало насъ въ сей пустынѣ, мы предаемъ Тебѣ души и сердца наши; руководи насъ столпомъ облачнымъ, или огненнымъ, питай манною, или напаяй мерою;— токмо введи насъ въ Ханаанъ небесной чистоты и Богоподобія. Аминь.—

Три друга.

У одного человѣка было три друга. Двухъ изъ нихъ онъ любилъ отъ всей души; посвящалъ имъ всѣ свои силы и готовъ былъ страдать за нихъ: но третьему очень мало оказывалъ знаковъ любви своей. Этого человѣка позвали къ Царю, которому онъ былъ долженъ тмою талантовъ. Тогда онъ обратился къ любезнѣйшимъ друзьямъ своимъ, прося у нихъ помощи. Но первый другъ его тотчасъ отрекся отъ дружбы, сказавъ что у него есть другіе друзья, съ которыми онъ будетъ веселиться, и далъ безпомощному другу только два рубища на путь его. Другой другъ сказалъ: мнѣ теперь недосужно идти съ тобою, потому что у меня есть свои нужды; и такъ я провожу тебя не много и возвращусь. Наконецъ несчастный пошелъ къ третьему, менѣе другихъ, любимому другу. Этотъ принялъ его съ отверстыми объятіями и сказалъ, что онъ и за малые знаки дружбы заплатитъ ему истиннымъ усердіемъ, проводитъ его до самаго Царя и будетъ тамъ ходатайствовать за своего друга.

Изъясненіе. Первый другъ есть богатство, которое оставляетъ намъ въ часъ смерти однѣ погребальныя одежды; второй другъ— наше семейство и сродники, которые провожаютъ насъ только до гроба; третій другъ есть вѣра съ дѣлами добрыми: онъ одинъ истинный помощникъ нашъ за гробомъ.

Кіевъ, Въ Тип. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 4 Января 1859 г.
Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 45. НЕДѢЛЯ (37) СЫРОПУСТНАЯ. ФЕВРАЛЯ 5. 1839.

Апостолъ: Рим. 13, 11—14. 14, 1—4. Евангеліе: Мат. 6, 14—21.

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЕ (*)

И егда исполнишася дніе очищенія ею, по закону Моисееву, вознесоста родители Іисуса во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ, яко же есть писано въ законѣ Господни: яко всякъ младенецъ мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви наречется; и еже дати жертву, по реченному въ законѣ Господни, два горличища или два птенца голубина (**Лук. 2, 22—24.— снес. Исход. 13, 12.— Левит. 12, 6—8**).

По закону Моисееву, родильницы въ теченіе сорока дней не могли являться въ Церковь Божію; по прошествіи сего времени, они обязаны были явиться въ храмъ, и отъ Священника принять очистительную молитву. Пречистая Матерь Божія и Дѣва Марія подвер-

(*) Изъ Историч. Бесѣдъ Высокопр. Филарета, Митрополита Кіевскаго.

гается сему закону не потому, чтобы имѣла нужду въ очищеніи, родившая безсѣмянно Источникъ чистоты и святости, но дабы исполнить законъ Божій, и показать совершенный образецъ благочестія и смиренномудреннаго повиновенія воли Божіей. Посему она подобно прочимъ женамъ Израильскимъ, вмѣстѣ съ святымъ обручникомъ Іосифомъ, приноситъ превѣчнаго Младенца Іисуса во Храмъ Іерусалимскій *поставить Его предъ Господемъ*: ибо, по закону Божію, всякой первенецъ мужескаго полу посвящаемъ былъ Богу, какъ Ему единому принадлежащій; родители обязаны были искуплять его, давая въ Церковь малое количество сребра, и сверхъ того долженствовали въ благодарность Богу принесть въ жертву — богатые агнца, а бѣдные два горличища или два птенца голубиныхъ. Смыслъ сего закона весьма важное имѣетъ значеніе. Чадородіе есть даръ Божій: кому же принадлежитъ первый плодъ, какъ не Богу, даровавшему его? Сверхъ того законъ искупленія первенцовъ напоминалъ Израильтянамъ чудесное ихъ изшествіе изъ Египта, когда Ангелъ Господень умертвилъ всѣхъ первенцовъ Египетскихъ, а Израильскихъ пощадилъ (Исход. 13). — Дабы исполнить сей законъ и Пресвятая Матерь Божія и Дѣва Сына своего Первенца посвящаетъ Богу. Искупителя рода человѣческаго искупляетъ; по бѣдности приноситъ въ жертву два птенца голубиныхъ за Того, котораго Отецъ небесный отдалъ въ жертву за спасеніе человѣковъ. Въ такомъ смиреніи приходитъ въ первый разъ во Іерусалимъ Господь и Спаситель нашъ, — и кто Его срѣтаетъ? Одинъ только благочестивый старецъ Симеонъ и осьмидесятичетырехлѣтняя вдовица Анна, въ постѣ и молитвѣ безотлучно пребывавшая при Церкви.

И се бѣ человѣкъ во Іерусалимѣ, емуже имя Симеонъ; и человѣкъ сей праведенъ и благочестивъ, чая утѣхи Израилевы; и Духъ бѣ святъ въ немъ; и бѣ ему обѣщано Духомъ святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня. И пріиде духомъ въ Церковь (Лук. 2, 25—27).

Всѣ благочестивые Патріархи и святые мужи Ветхозавѣтной Церкви съ святымъ нетерпѣніемъ ожидали пришествія обѣщаннаго Спасителя Израиля, и паче всего желали видѣть Его. — *Авраамъ, отецъ вашъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ къ Іудеямъ, *радъ бы былъ, аще бы видѣлъ день мой* (Іоан. 8, 56); — *Мнози пророцы и царіе, восхотѣша видѣти, яже вы видите* (Лук. 10, 24). — Онъ же говоритъ къ ученикамъ своимъ: но *всѣ они умерли не пріявъ обѣтованія, но издалеча видѣвше и цѣловавше* (Евр. 11, 13). — Подобно и праведный Симеонъ просилъ Господа, чтобъ дожить ему до сего вожделѣннаго часа, — и за благочестіе его Духъ святый обѣщалъ исполнить желаніе его, прежде смерти своей увидѣть Іисуса Христа. И вотъ, по внушенію сего святаго Духа, праведный Старецъ приходитъ въ Церковь въ то самое время, когда преблагословенная Марія и Іосифъ принесли въ оную Іисуса — и срѣтаетъ въ ней Избавителя міра; потому и уставленный Церковію въ воспомина-

ніе сего праздникъ называется: *Срѣтеніе Господне*.

И егда введоста родителя Отроча Іисуса, сотворити по обычаю законному о Немъ; и той пріемъ его на руку своею, и благослови Бога (Лук. 2, 27. 28).—

Тотъ же Духъ Святый, который привелъ праведнаго Симеона въ Церковь для срѣтенія Іисуса Христа, указалъ ему сего превѣчнаго Младенца, держимаго въ объятіяхъ Пречистой Дѣвы Маріи. И съ какою неизреченною радостію святый Старецъ узрѣлъ Его, и пріялъ на руки свои! Съ какою безпредѣльною благодарностію къ Богу, удостоившему его сего несравненнаго счастія, воспѣлъ радостную пѣснь! *и благослови Бога и рече:*

Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей; свѣтъ во откровеніе языкомъ, и славу людей твоихъ Израиля (Лук. 2, 29—32).—

Да умру отнынѣ, понеже видѣхъ лице твое (Быт. 46, 30)— въ восторгѣ радости сказалъ Патріархъ Іаковъ, увидѣвши возлюбленнаго сына своего Іосифа, котораго онъ считалъ умершимъ, и совсѣмъ не чаялъ его видѣть: но еще съ большею радостію воспѣлъ праведный старецъ Симеонъ, увидѣвши очами своими столь долго ожиданнаго Спасителя міра: *Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ; яко видѣста очи мои спасеніе твое!* Увидѣвши Спасителя, котораго столь сильно желалъ видѣть, онъ уже не хочетъ болѣе жить; всѣ желанія его исполнились. Съ миромъ духовнымъ, съ полнымъ упованіемъ улучитъ блаженную вѣчность вѣрою въ пришедшаго Спасителя, и съ радостію оканчиваетъ онъ временную жизнь. Очи его видѣли Спасителя всѣхъ людей, Просвѣтителя не только Іудеевъ, но и язычниковъ— Царя Израилева, прославившаго избранный народъ свой рожденіемъ своимъ отъ него: чего еще оставалось ему желать? Съ такимъ миромъ, надеждою и радостію разрѣшаются отъ узъ плоти сея души праведныхъ! Кому изъ насъ, братіе, не желательно улучить таковую блаженную кончину? Но блаженная кончина есть плодъ праведной, добродѣтельной и благочестивой жизни. Чтобъ улучить оную, надлежитъ, подобно праведному Симеону, первѣе всего и болѣе всего желать узрѣть Спасителя своего, хотя не плотскими, но умными очами сердца;— когда узримъ Его, тогда и мы съ миромъ и радостію возляжемъ на смертный одръ— и *прейдемъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24).— Вѣрно слово Его: *аще кто любитъ Мене, и заповѣди моя соблюдетъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ* (14, 21— 23).— Но обратимся къ словамъ Евангелиста:

И бѣ Іосифъ и Мати Его чудящася о глаголемыхъ о Немъ. (Лук. 2, 33).—

Удивлялись Іосифъ и Матерь Божія словамъ Симеона о превѣчномъ Младенцѣ, не по незнанію своему, что Онъ

есть Спаситель міра, но по смиренномудрію своему, и по чувству глубочайшаго благоговѣнія къ Богу, удостоившему Дѣву Марію быть Матерію таковаго Сына, а Іосифа — попечителемъ Его.

И благослови я Симеонъ; и рече къ Маріи Матери Его: Се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Ісраили, и въ знаменіе прекаемо; (и Тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе) яко да откроются отъ многихъ сердецъ помышленія (ст. 34. 35).—

Что глаголеши Старче праведный? Тотъ ли *лежитъ на паденіе многимъ во Израили*, который есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, свѣтъ языковъ, и слава Израиля* (Іоан. 1, 9)?— Тотъ ли *лежитъ на паденіе*, который пришелъ возставить падшее естество человѣческое? Тотъ ли *лежитъ на паденіе*, который въ первый разъ пришелъ во храмъ Божій, дабы принесть себя въ жертву за спасеніе всѣхъ человѣковъ? Но слова Симеона вѣрны; ибо суть глаголы Духа святаго. Іисусъ Христосъ пришелъ возставить всѣхъ падшихъ, и спасти всѣхъ погибшихъ: но Онъ не спасаетъ насъ безъ насъ. Онъ пришелъ просвѣтити всѣхъ, и свѣтитъ всѣмъ: но тѣ только просвѣщаются, которые, во смиреніи сердца своего, признавая слабость и заблужденіе ума своего, вѣруютъ свѣтоноснымъ и спасительнымъ глаголамъ Его. Онъ пришелъ избавить и спасти всѣхъ отъ грѣховъ;— но тѣ только избавляются отъ грѣховнаго ига, которые съ сердцемъ сокрушеннымъ раскаяваются и исповѣдуютъ грѣхи свои, и съ вѣрою ищутъ прощенія у милосердія Его. Онъ пришелъ возставить всѣхъ падшихъ, даровать всѣмъ благодатныя силы содѣлаться добродѣтельными, благочестивыми и святыми;— но тѣ только пріемлютъ сіи дары, которые, признавая немощь свою, неотступно просятъ у Него духовныхъ силъ, вѣрно исполняя живоносныя заповѣди Его. Симъ-то во смиреніи духа вѣрующимъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ кающимся, съ сыновнимъ страхомъ и любовію молящимся,— Іисусъ Христосъ *лежитъ на возстаніе* изъ тьмы во свѣтъ, изъ невѣрія въ вѣру, изъ грѣха въ добродѣтель и святость, изъ немощи въ силу, изъ смерти въ жизнь вѣчную. Но Онъ же *лежитъ* и *на паденіе* тѣмъ, которые, гордясь своимъ умомъ и темною земною мудростію, не вѣруютъ свѣтоноснымъ глаголамъ Его, и любя тьму, не пріемлютъ Его свѣта; *на паденіе* тѣмъ, которые, при всей внутренней нечистотѣ и гнусности сердецъ своихъ, превозносясь ложными добродѣтелями своими, не признаютъ своихъ грѣховъ и не ищутъ у Него спасенія отъ нихъ; *на паденіе* тѣмъ, которые, надѣясь или на силу свою, или на славу свою, или на богатство свое, безъ страха нарушаютъ заповѣди Его, и вмѣсто того, чтобъ исполнять волю Божію, святую и совершенную, слѣдуютъ своей злой и развращенной волѣ. Такъ Іисусъ Христосъ *лежитъ на паденіе и на возстаніе многимъ;*— и какъ вѣрно исполнились сіи слова праведнаго Симеона на Іудеяхъ! гордые ихъ законоучители и книжники, хвалящіеся ложными добродѣтелями фарисеи, превозносящіеся силою и славою своею Архіереи и Князи,

ожидавшіе видѣть въ Мессіи Царя побѣдоноснаго и облеченнаго мірскою славою и богатствомъ, а истиннаго Мессію—смиреннаго и уничиженнаго Іисуса—отвергшіе, не пали ли за невѣріе и гордость? Но возстали смиренные рыбари, кающіеся мытарѣ, слабыя жены, всею вѣрою принявшіе Его, и всею любовію прилѣпившіеся къ Нему. *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8);—и нынѣ и всегда тѣ же падаютъ, и тѣ же возстаютъ; вѣрно слово Его—*всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется.—Се лежитъ сей на паденіе и востаніе многимъ во Израили!* (Лук. 18, 14).

И въ знаменіе прекаемо, продолжаетъ Симеонъ, *яко да откроются отъ многихъ сердецъ помышленія.* Іисусъ Христосъ *лежитъ въ знаменіе прекаемое*, т. е. въ лицѣ Его, и во всей Его жизни и дѣлахъ, умъ человѣческій, неозаренный свѣтомъ вѣры,—сердце каше не привыкшее безусловно исполнять заповѣдей Божіихъ, и самолюбіе наше, безпрерывныя находятъ противорѣчія. Для ума человѣческаго не постижимо, какъ Спаситель нашъ есть и Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, и безначальный Сынъ Бога Отца, и получившій начало бытія сынъ Дѣвы, и не вмѣстимый небомъ и землею, и вмѣщающійся въ тѣсныхъ яслѣхъ; и содержащій въ рукѣ своей всю вселенную, и держимый руками старца Симеона.—Не постигая сего умъ безъ вѣры, противорѣчитъ тайнамъ спасенія и не вѣруетъ имъ; но при свѣтѣ вѣры изчезаютъ сіи противорѣчія: озаренные сіяніемъ ея, мы вѣруемъ симъ тайнамъ, не постигая ихъ; ибо знаемъ, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго (Марк. 10, 27).—

Для растлѣннаго сердца человѣческаго спасительныя и живоносныя заповѣди Іисуса Христа кажутся весьма тягостными и невозможными къ исполненію—потому оно безпрерывно имъ противорѣчитъ; но при надеждѣ на всемогущую силу благодати Его, которая *въ немощехъ совершается* (2 Кор. 12, 9), изчезаетъ сіе противорѣчіе: и для истинно вѣрныхъ сердецъ заповѣди Евангельскія *тяжки не суть* (1 Іоан. 5, 3); *иго Христово* для нихъ *благо, и бремя Его легко* (Мат. 11, 30).—

Для развращеннаго самолюбія нашего послѣдованіе крестной жизни Іисуса Христа представляется несноснымъ. Намъ бы хотѣлось, чтобъ путь въ Царствіе небесное могли мы совершить въ безпрерывныхъ радостяхъ и удовольствіяхъ и, не вкусивъ отъ горькой чаши креста Христова, преселиться въ небо для вѣчныхъ наслажденій. Потому самолюбіе наше безпрерывно противорѣчитъ пути креста, единому вводящему въ вѣчную жизнь. Но противорѣчіе сіе изчезаетъ при изліяніи въ сердца наши истинной любви къ Богу, для которой крестъ Спасителя есть вожделеннѣе всѣхъ сокровищей свѣта, и сладчае всѣхъ радостей міра. Такъ Іисусъ Христосъ *лежитъ въ знаменіе прекаемое*, которымъ испытываются и истинная вѣра, и истинное повиновеніе, и истинная любовь наша къ Богу!

И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе, говоритъ праведный Симеонъ къ Дѣвѣ Маріи. Кому, кажется, болѣе приличествовало въ безпрерывной радости провождать жизнь, какъ не Пресвятой и Преблагословенной Дѣвѣ Маріи,—Матери Спасителя, Источника и Подателя вѣчной радости? Но Симеонъ предвѣщаетъ Ей не удовольствія и весе-

лія, а скорби, которые, подобно острому мечу, проникнутъ всю святую Ея душу — *и Тебѣ самой душу оружіе пройдетъ:* и чьи скорби и страданія могутъ сравняться съ болѣзнію материнаго Ея сердца, когда Она, стоя при крестѣ Спасителя и Сына своего, была зрителницею его безпредѣльныхъ страданій и поносной смерти? Какъ же послѣ сего мы, бѣдные грѣшники, осквернённые беззаконіями, можемъ жаловаться, когда милующая насъ десница Божія, посѣщаетъ бѣдствіями и скорбями, спасенія ради душъ нашихъ? *Его же любитъ Богъ, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Евр. 12, 6. Прит. 3, 12).

Прилѣпимся, Братіе, всею силою вѣры и любви нашея къ Богу и Спасителю нашему, — да будетъ онъ намъ *на востаніе* — въ жизни сей — отъ вѣры въ вѣру, отъ силы въ силу, а по кончинѣ нашей — въ жизнь вѣчную. Аминь.

СЛОВО

О ПОСТѢ 1-Е.

Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу и воззовите ко Господу усердно.

Іоил. 1, 14.

Для чего при началѣ Поста, по слову Пророка, надлежало вострубить трубою и проповѣдать цѣльбу? — Казалось бы, постъ требуетъ противнаго: благоговѣйнаго молчанія, или возвѣщенія тихаго, — проповѣди не объ исцѣленіи, а о смиреніи и воздержаніи. — Трубятъ трубою, когда хотятъ дать знать о чемъ-либо далеко стоящимъ, или тяжело слышащимъ; проповѣдуютъ исцѣленіе такимъ больнымъ, кои думаютъ, что они совершенно здоровы и не имѣютъ нужды во врачеваніи, или отчаяваются получить его. Итакъ, вѣрно всѣ таковые люди были въ древнемъ Израилѣ. — Въ Израилѣ новомъ — между Христіанами, гдѣ столько духовнаго свѣта, столько благочестивыхъ опытовъ и Божественныхъ силъ для духовныхъ подвиговъ, казалось бы менѣе мѣста для сомнѣній о необходимости и пользѣ св. Поста. Но, по ближайшемъ разсмотреніи дѣла, и здѣсь труба пророческая оказывается неизлишнею. — И въ насъ, какъ въ древнихъ Израильтянахъ, чувственный человѣкъ ни противъ чего не возстаетъ такъ, и съ своею силою и съ своимъ безсиліемъ, какъ противъ св. Поста. Посѣщать Богослуженія, приступать къ Исповѣди, принимать св. Таины, для сего — каяться, молиться, воздыхать и плакать, — на все это охотно соглашаются иногда люди самые чувственные; но подчинить себя правиламъ воздержанія, предписываемымъ Церковію, возложить на себя иго св. Поста, — это кажется для многихъ, изъ самыхъ нехудыхъ Христіанъ, слишкомъ тяжелымъ, не нужнымъ, даже опаснымъ. Такимъ образомъ св. Постъ изъ друга, какимъ бы надлежало ему быть для всѣхъ, превращается для нѣкоторыхъ едва не во врага: вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ нему, какъ къ врачевству, бѣгутъ отъ него, какъ отъ болѣзни. Сами чувствуете, брат., можемъ ли мы, духовные врачи, быть хладнокровными зрителями такого положенія дѣлъ? — Итакъ не удивитесь, если мы воспріимемъ на время трубу, указуемую Пророкомъ, и посвятимъ нѣ-

сколько минутъ на разобраніе несчастной тяжбы между нашею чувственностію и цѣльбоносною силою св. Поста.—

Я сказалъ, что противъ св. Поста чувственный человѣкъ нашъ возстаетъ и съ своею силою и съ своимъ безсиліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, послушайте тѣхъ, кои не любятъ Поста; одни изъ нихъ говорятъ: „я могу не поститься, для меня нѣтъ нужды въ постѣ, чего другіе желаютъ достигнуть чрезъ постъ, у меня то самое есть безъ поста." Явно, что это голосъ силы— мнимой или истинной— увидимъ послѣ. Другіе говорятъ совершенно другое: „постъ могъ быть для меня полезенъ, но я не могу поститься; это средство весьма дѣйствительное, но оно выше моей немощи." Такъ говоритъ, явно, безсиліе— мнимое или истинное— также увидимъ послѣ.— Сообразно съ симъ, обратимъ Брат., вниманіе прежде на сильныхъ, а потомъ на безсильныхъ нелюбителей св. Поста.—

Что есть люди, кои менѣе другихъ имѣютъ нужду въ постѣ,— это не сомнѣнно: какъ можно сравнять въ семъ отношеніи сына роскоши— богача Евангельскаго, и сына нищеты Лазаря? Кромѣ сего извѣстное сложеніе тѣла, образъ воспитанія, особенный родъ жизни и занятій, извѣстное настроеніе духа дѣлаютъ нѣкоторыхъ людей, въ отношеніи къ добродѣтели, безъ поста почти такими, какими другіе могутъ содѣлаться только посредствомъ продолжительныхъ постовъ. Все это справедливо: но, не менѣе вѣрно, Брат., и то, что всѣ такіе, скажемъ не обинуясь, весьма счастливые въ отношеніи къ дѣлу своего спасенія, люди имѣютъ нужду въ Постѣ. Для убѣжденія въ семъ ихъ самихъ, довольно предложить имъ одинъ слѣдующій вопросъ: имѣютъ ли они нужду въ покаяніи? Признаютъ ли себя грѣшниками? Больными духомъ и сердцемъ, и потому имѣющими нужду въ исцѣленіи своея совѣсти?— Безъ сомнѣнія.— Но есть ли какая-либо болѣзнь, которая врачевалась бы пресыщеніемъ? для коей не было бы нужно воздержаніе и діета?— Въ отношеніи къ тѣлу— нѣтъ: а въ отношеніи къ душѣ— можетъ быть?— Намѣреваясь врачевать отъ чего-либо плоть свою, вы будете прибѣгать къ воздержанію и лишеніямъ, а, приступая къ врачеванію души, будете позволять чреву своему все, что угодно? Не странное ли противорѣчіе?— Сдѣлаемъ уступку; согласимся, что постъ во все не нуженъ вамъ (чего однако же быть не можетъ) какъ оплотъ противъ чувственности и пороковъ; такъ онъ нуженъ вамъ, какъ ограда вашихъ добродѣтелей: вы не надѣетесь чрезъ него пріобрѣсти что-либо для духа, такъ возьмите его въ помощь, чтобы не потерять пріобрѣтеннаго. Адамъ въ раю былъ не ниже васъ совершенствомъ; возмнилъ обойтись безъ поста;— и что вышло?— Лотъ среди самаго Содома процвѣталъ добродѣтелями; внѣ Содома сложилъ съ себя постъ;— и что произошло?— Положимъ, что вы и безъ поста не впадете въ пороки грубые; но если впадете и не въ грубые безъ поста, и это важный вредъ: ядъ тонкій и медленный все ядъ, и вы никогда не рѣшитесь принимать его. И какъ поступаете вы, думающіе теперь обойтись безъ поста, когда находитъ какая-либо всеобщая опасная болѣзнь? Надѣясь на свою силу и крѣпость, оставля-

ете ли вы предосторожности? напротивъ, вы часто берете ихъ болѣе, нежели люди слабые. А зараза грѣха для васъ ничего не значитъ?— Когда всѣ ограждаютъ себя спасительными учрежденіями Церкви, вы думаете безопасно провождать духовную жизнь, продолжая удовлетворять пожеланіямъ чувственности?— И что это наконецъ за сила духа, которая выражаетъ себя рабствомъ плоти?— Что это за здравіе души и тѣла, которое не можетъ обойтись безъ крика и вопля закалаемыхъ живопныхъ? Ты и безъ поста твердъ въ правилахъ добродѣтели? Покажи же эту силу и твердость въ обузданіи твоихъ чувственныхъ пожеланій. И безъ поста думаешь быть истиннымъ Христіаниномъ? Докажи же своею покорностію распоряженіямъ общей матери Церкви, что ты точно сынъ ея, а не противникъ. Ты говоришь, что имѣешь и безъ поста искреннюю любовь къ ближнимъ?— Какъ же ты не боишься, явно нарушая правила поста, подать имъ поводъ къ соблазну? Не такъ поступалъ Апостолъ, дѣйствительно сильный духомъ и искренно любившій ближнихъ: *аще*, говоритъ онъ, *брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса вовѣки.* (1 Кор. 8, 13). Вотъ истинная сила духа и любовь къ ближнимъ! То самое наконецъ, что непостящійся произвольно отдѣляется отъ всего сонма православныхъ чадъ Церкви постящихся есть уже весьма худой признакъ. Добродѣтельному Урію предложено было нѣкогда, во время брани Израильтянъ съ Амаликитянами, войти на время въ свой домъ для успокоенія; но онъ съ чувствомъ святаго негодованія отвѣчалъ; *Кивотъ Божій, и Израиль, и Іуда пребываютъ въ кущахъ, азъ же вниду ли въ домъ мой ясти и пити?* (2 Цар. 11, 10). А вы, мнимо сильные духомъ, хотите поступать напротивъ! Кивотъ Божій въ Церкви покрытъ завѣсою печали, весь Израиль и Іуда въ кущахъ,— всѣ православные сыны Церкви постятся; а вы располагаетесь ясти и пити?—

Другихъ противниковъ поста я назвалъ безсильными, потому что, въ отраженіи отъ себя благодѣятельной силы поста, они опираются на свою немощь. „Я,— обыкновенный отзывъ таковыхъ,— я по немощи своей не могу поститься, хотя бы и хотѣлъ.“ Что отвѣчать таковымъ? Упрекать ли ихъ въ немощи? Да не будетъ! мы призваны врачевать немощное. Не можете поститься, сколько желали бы; поститесь, сколько можете: такимъ образомъ сами увидите, что вы можете гораздо болѣе, нежели думаете. Намѣреніе св. Церкви не наложить на коголи бо чрезъ постъ новую, а сложить чрезъ него со всѣхъ прежнюю тяжесть. Только смотри, въ чемъ состоитъ сія невозможность поститься?— не въ тяжести ли нѣкоторой и непріятности для чувственнаго человѣка отъ первыхъ дѣйствій поста?— Но это неизбѣжное слѣдствіе почти всѣхъ врачевствъ, въ ихъ первомъ дѣйствіи; въ этомъ состоитъ самая врачебная сила ихъ, что они сначала ослабляютъ больныхъ, даже кладутъ въ постель, чтобы потомъ возвратить имъ силу и здоровье. Не удивительно, что и постъ начинаетъ свое дѣйствіе тѣмъ, что ослабляетъ нашего скоточеловѣка;— въ семъ самомъ цѣлебная сила поста; но на этомъ всего менѣе должно останавливаться и брать изъ сего побужде-

ніе для сложенія съ себя поста. Надобно быть терпѣливымъ, продолжать употребленіе врачевства, и смотрѣть, что будетъ далѣе. Смѣемъ увѣрить васъ, брат., что чѣмъ вы будете терпѣливѣе и постояннѣе въ употребленіи св. Поста; тѣмъ скорѣе увидите его благотворное надъ собою дѣйствіе. По прошествіи первыхъ припадковъ негодованія отъ раздражительности чувственнаго человѣка, лишеннаго обычной пищи,— тяжесть тѣла будетъ проходить, смущеніе чувствъ замѣнится тишиною сердечною, горечь врачевства постепенно обратится въ сладость такъ, что наконецъ даже чувственный человѣкъ вашъ не въ состояніи будетъ сказать ничего противъ поста, и самъ охотно подпишетъ свой приговоръ.

„Но, я долженъ въ семъ случаѣ опасаться за свое здоровье, мое сложеніе слишкомъ слабо и разстроено.“— Это возраженіе самое употребительнѣйшее и, по видимому, самое благовидное въ устахъ нашего чувственнаго человѣка. Не будемъ ослаблять и его— дадимъ ему напротивъ всю силу. Вѣримъ, люб. собратъ, что твое опасеніе основательно, что отъ поста можетъ потерпѣть нѣсколько здоровье твоего тѣла; но— если ты за сію жертву получишь здравіе души?— *Ужели* послѣднее менѣе перваго? ужели ты не согласишься промѣнять крѣпость тѣла на силу духа?— Если такъ, то ты, явно, печешся болѣе о тѣлѣ, нежели о душѣ,— мѣняешь небо на землю; ты, скажемъ прямо,— не желаешь своего спасенія... Но я чувствую, что такой языкъ слишкомъ возвышенъ для многихъ изъ насъ. Увы, отъ нынѣшнихъ Христіанъ нельзя требовать, чтобы они согласились промѣнять прямо землю на небо!— Пойдемъ другимъ путемъ. Ты опасаешься постомъ разстроить слабое здоровье?— Чтожъ, если мы скажемъ тебѣ, что благоразумный постъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ возстановленію самаго разстроеннаго здоровья? Намъ духовнымъ врачамъ съ трудомъ повѣрятъ въ семъ случаѣ: спросите тѣлесныхъ врачей, и они скажутъ вамъ тоже самое, увѣрятъ, что симъ однимъ способомъ— постомъ, благоразумно употребляемымъ, можно врачевать самыя опасныя и неисцѣльныя болѣзни,— что вообще сей, если угодно такъ назвать, методъ врачеванія особенно дѣйствителенъ въ тѣхъ недугахъ, отъ коихъ страдаетъ нынѣшнее человѣчество.—

Хотите ли брат., видѣть отчасти, какъ именно св. Постъ дѣйствуетъ къ возстановленію силъ нашего тѣла?— Чтобы заставить васъ полюбить постъ изъ самыхъ чувственныхъ выгодъ его для здравія тѣлеснаго, я оставлю на время тонъ проповѣдника и приму голосъ естествоиспытателя. Тѣло наше не напрасно сравнивается съ машиною, искусно устроенною. Движеніе сей машины заводится и поддерживается двумя способами: дыханіемъ и питаніемъ. Дыханіе есть нѣчто непрестанно дѣйствующее, безъ чего нельзя жить. Тутъ нѣтъ мѣста посту; хотя и здѣсь весьма полезна умѣренность. Питаніе не таково; оно необходимо, но по временамъ; непрестанное питаніе причинило бы смерть. Это самое есть уже указаніе самой природы на постъ, какъ на средство къ поддержанію здравія. Притомъ питаніе есть вещь многосложная въ своемъ производствѣ: нельзя безъ изумленія видѣть, сколько работы тѣлу надъ пищею, чтобы превратить ее въ сокъ и кровь. Какъ ни прочно

устроены для сего органы питанія, но отъ непрестанной работы они утомляются и ослабѣваютъ до того, что не въ состояніи бываютъ отправлять своего дѣла, какъ должно. Отсюда разстройство органовъ питанія; а отселѣ необозримое полчище болѣзней. Посему одна изъ главныхъ цѣлей науки врачебной есть возстановленіе должнаго дѣйствія органовъ питанія. Но какъ возстановить его? Первѣе и надежнѣе всего — отнятіемъ причины болѣзни, то-есть, прекращеніемъ работы изнуренныхъ органовъ питанія. Это самое внушаетъ намъ сама природа, лишая насъ при болѣзняхъ каждый разъ побужденія къ пищѣ, и производя отвращеніе къ ней. Надобно только повиноваться ей, и тотчасъ обращаться къ посту. Призванный, во время, сей врачь скоро поправляетъ все дѣло, самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Не имѣя новаго матеріала для работы, органы пищеваренія во время поста докончиваютъ всѣ прежніе уроки свои, продолжаютъ потреблять все, съ разныхъ временъ остававшееся, и что остаткомъ своимъ тяготило ихъ и все тѣло. Истощивъ свой собственный запасъ, сіи органы собираютъ и употребляютъ запасные соки, находящіеся по всему тѣлу, кои, оставаясь долго безъ употребленія и перемѣны, также необходимо портятся и портятъ тѣло; истощивъ и это, обращаютъ свое дѣйствіе на самихъ себя, исправляютъ такъ сказать, и поновляютъ на досугѣ весь свой снарядъ, скрѣпляютъ ослабѣвшее, возбуждаютъ отъ безчувствія уснувшее, стягиваютъ разширенное, отверзаютъ заглохшее, и такимъ образомъ приводятъ себя въ состояніе дѣйствовать правильно снова. Поелику же отъ органовъ питанія зависитъ весь составъ тѣла; то благотворныя дѣйствія, въ нихъ совершающіяся, быстро отзываются во всемъ тѣлѣ: обращеніе крови и соковъ нервныхъ становится правильнѣе и свободнѣе;— излишки и недостатки въ разныхъ видахъ исчезаютъ; жизненная сила, подавляемая тяжестію, истощенная непрестанною работою, пробуждается, оживаетъ, и дѣлается способною исправлять сама собою самыя важныя поврежденія. А такимъ образомъ непримѣтно проходятъ самыя упорныя болѣзни.—

Послѣ таковыхъ дѣйствій поста на здравіе тѣла,— а я не увеличилъ, а развѣ много ослабилъ ихъ, желая въ описаніи ихъ избѣжать, что не для всѣхъ понятно,— не въ правѣ ли мы, братія, измѣнить теперь свой голосъ,— и вмѣсто того, чтобы защищать постъ отъ жалующихся на слабость здравія, предложить его имъ, какъ самое главное врачевство?— Вамъ жаль вашего тѣлеснаго состава, вашего слабаго сложенія? Сжальтесь же надъ нимъ дѣйствительно, и призовите на помощь св. Постъ, котораго требуетъ самая природа тѣла вашего. Какъ? Вы даете покой машинамъ въ вашихъ работныхъ храминахъ; и недадите его никогда своему чреву? Вы погашаете по временамъ лампаду, чтобы дать время очистить ее; и хотите, чтобы внутрь васъ непрестанно горѣлъ огонь, и чтобы, не смотря на сіе, тамъ было все всегда чисто?— Пусть бѣдный стомахъ вашъ узнаетъ, хотя изрѣдка, что надъ нимъ благоразумный владыка, дающій ослабу, а не тиранъ, изнуряющій непрестанною работою. Въ награду за сіе вы получите не тягость и слабость, коихъ столько опасаетесь,

и кои скоро пройдутъ; а крѣпость, живость, легкость и чувство здравія, коего вы не имѣете. Самый позывъ на пищу, испорченный отъ непрестаннаго пресыщенія, сдѣлается живѣе, тоньше, благороднѣе, и удовлетвореніе его будетъ сопровождаться гораздо большимъ удовольствіемъ, теперь для васъ вовсе недовѣдомымъ.—

Въ заключеніе сего изображенія благотворныхъ дѣйствій св. Поста для самаго тѣла, неизлишнимъ почитаю брат., указать вамъ наконецъ на примѣры людей, кои не одну четыредесятницу, а всю жизнь провождали въ постѣ. Сколько бы вы думаете жили они?— Умирали преждевременно? Не достигали послѣднихъ предѣловъ жизни?— Нѣтъ, большею частію, далеко переходили за нихъ: иной жилъ восемдесятъ, другой девяносто, иной болѣе ста лѣтъ.

Послѣ сего для самыхъ живоплюбивыхъ, самыхъ чувственныхъ людей ничего болѣе не остается, какъ облобызать воздержаніе, и возлюбить св. Постъ. Аминь.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ВЕЛ. ПОСТЪ.

Пріиде постъ, мати цѣломудрія, обличитель грѣховъ, проповѣдникъ покаянія, жительство Ангеловъ, и спасеніе человѣковъ; вѣрніи возопіимъ: Боже, помилуй насъ. Стих. на Утр. въ Понед. 1-й Нед. В. П.

Ангелъ небесный сходитъ къ намъ; святый вѣстникъ, посланникъ Божій приближился. Наступаетъ время св. Поста; время покаянія самое благопріятное. Какъ грозенъ и суровъ видъ твой, посланникъ Божій!— но, всматриваясь прилежнѣе; видимъ не гнѣвъ, а благость въ очахъ твоихъ и желаніе истиннаго блага всѣмъ человѣкамъ. Страшенъ гласъ твой; но страшенъ только для плотскаго человѣка нашего: гласъ твой гласъ Божій, благовѣствующій намъ путь спасенія. Ты вопіешь: *уготовайте путь Господень, правы сотворите стези Бога нашего* (Иса. 40, 3); *покайтеся, приближися бо царствіе небесное*.

Можетъ ли быть вѣстникъ важнѣе этого? можетъ ли быть вѣсть радостнѣе, вожделѣннѣе вѣсти царствія небеснаго? Оно близко къ намъ: *приближися царствіе небесное*. Оно готово принять насъ на всегда въ свои блаженныя нѣдра; готово сдѣлать насъ своими гражданами вѣчными— здѣсь на земли, и тамъ на небеси; оно готово— если мы готовы; если мы того искренно желаемъ. Желаемъ ли мы того?— Повторимъ этотъ важный вопросъ, взирая на вѣчную цѣль бытія нашего: желаемъ ли мы того? О! какъ не желать! Кто захотѣлъ бы остаться внѣ царствія небеснаго на всю вѣчность? Кто желалъ бы самъ своей вѣчной погибели?— Если же такъ; то ужели захотимъ мы умереть во грѣхахъ, умереть безъ истиннаго покаянія?— И намъ всѣмъ нужно покаяніе, потому что всѣ мы грѣшники; оно всего нужнѣе намъ, потому что это единственное, неизмѣнное условіе для того, чтобъ не остаться намъ внѣ царствія небеснаго.— О какъ важенъ вѣстникъ, проповѣдающій намъ покаяніе!

Будемъ ли мы слушать его, и послушаемся ли гласа его?— Сколько

такихъ вѣстниковъ уже приходило ко мнѣ, и всѣ они отошли отъ меня,— нѣтъ, лучше сказать, они прогнаны мною, прогнаны моею нераскаянностію! Они, всѣ прежніе годы, дни и часы мои— отошли въ вѣчность, и тамъ свидѣтельствуютъ о моей нечувственности— предъ престоломъ Вѣчнаго! Но вотъ, всемилосердый Господь даруетъ мнѣ еще великаго вѣстника; еще слышу я гласъ призывающій меня къ покаянію. Знаю ли, что это не послѣдній для меня вѣстникъ спасенія? Очень можетъ быть, что въ слѣдъ за нимъ, если я отвергну его, тотчасъ, внезапно, явится другой вѣстникъ, несравненно страшнѣе для меня,— посланникъ не милости, а грозной правды Божіей— смерть!— Что же? буду ли я слушать, нынѣ посылаемаго, спасительнаго вѣстника? послушаюсь ли гласа его?

Но отъ меня потребуется многихъ пожертвованій; мнѣ нужно будетъ отказаться отъ любимыхъ привычекъ и удовольствій; должно перемѣнить обыкновенный образъ моей жизни. Какъ рѣшиться? какъ обречь себя на всѣ строгости покаянія?— Такъ же, какъ мы рѣшаемся переносить всѣ строгія предписанія врачей, когда хотимъ освободиться отъ тяжкой, опасной болѣзни. Мы знаемъ, что чѣмъ долѣе будемъ отвергать врачевство, тѣмъ болѣе усилится болѣзнь и скорѣе приближитъ насъ къ смерти: не тоже ли съ душею въ состояніи грѣховномъ? Болѣзнь ея еще опаснѣе, гибельнѣе, смертоноснѣе. И чѣмъ далѣе откладываемъ мы покаяніе, тѣмъ сильнѣе дѣлается врагъ спасенія нашего, тѣмъ труднѣе преодолѣть намъ грѣховные склонности и страсти наши. Не только съ каждымъ годомъ, но съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ прибываетъ какъ бы новый слой, новая кора къ ветхому человѣку нашему, а человѣкъ духовный тѣмъ болѣе слабѣетъ, истощается: слабѣетъ воля, помрачается разумъ разстроивается чувство, теряя всякой вкусъ къ предметамъ духовнымъ, божественнымъ. Чего же будемъ ждать съ нашею нераскаянностію?—

Болѣе ли труда, лишеній, пожертвованій требуетъ отъ насъ покаяніе, чѣмъ врачеваніе тяжкой болѣзни тѣлесной? Правда, духовная болѣзнь несравненно труднѣе, опаснѣе болѣзней тѣла: но и Врачь души силою своею безконечно превосходитъ всѣхъ врачей тѣлесныхъ. Благодать Господа нашего и Спасителя всесильна, и подается намъ туне; она сама ищетъ насъ, сама вопіетъ къ намъ: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ!* и готова излить на душевныя раны наши свой бальсамъ небесный, готова пролить во все существо наше свои силы животворящія. Чего требуется съ нашей стороны? Одного искренняго, рѣшительнаго желанія. Требуется, чтобъ мы возлюбили свое спасеніе, и возненавидѣли погибельный грѣхъ; требуется, чтобъ сердечно предали себя Врачу Божественному и отказались, навсегда отреклись отъ злобнаго врага душъ нашихъ, ищущаго совершенной погибели нашей. Если и на это мы не рѣшаемся; то напрасно говоримъ, что не желаемъ сами себѣ погибели!

И когда лучше всего грѣшнику начать путь истиннаго покаянія? Нѣтъ лучшаго для того времени, какъ св. Постъ. Нынѣ все располагаетъ насъ къ самосознанію, къ умиленію, къ слезамъ раскаянія, къ подвигамъ во спасеніе. Св. Церковь руководствуетъ насъ

къ тому своими покаянными Псалмами и молитвами, своими священнодѣйствіями, выражающими духъ сокрушенія и печали по Бозѣ; она приводитъ намъ въ примѣръ великихъ грѣшниковъ, давно обратившихся и уже принятыхъ въ Царство небесное; она представляетъ намъ знаменія страданій Спасителя нашего, понесшаго всѣ горести и мученія за грѣхи наши. Пойдемъ во храмъ: тамъ увидимъ многихъ смиренныхъ грѣшниковъ преклоняющихъ колѣна и проливающихъ слезы. *Уже ли мы не почувствуемъ сами духа умиленія?* уже ли мы одни останемся хладными, безчувственными? Въ продолженіе всей св. Четыредесятницы, многіе смиренные мытари, молящіеся во храмѣ, возвратятся въ домы свои оправданными. Уже ли мы захотимъ остаться въ числѣ гордыхъ Фарисеевъ, не знающихъ нужды покаянія?

Нѣтъ! когда все располагаетъ насъ къ покаянію, расположимъ и мы себя къ этому спасительному врачеванію духовному. Расположимъ къ тому и тѣло и душу.

Лучшее расположеніе тѣла къ покаянію есть воздержаніе, котораго требуетъ отъ насъ св. Постъ. Отвергнемъ избранныя яства; удалимся отъ шумныхъ собраній свѣтскихъ; оставимъ всѣ чувственныя утѣхи и удовольствія. Не масти благовонныя, а пепелъ долженъ быть на главахъ нашихъ; не смѣхи и веселыя пѣсни, а сѣтованіе и плачь нынѣ намъ приличны. Кто веселится, кто предается сластолюбію, когда оплакиваетъ потерю друга или сына или отца? А наша потеря еще драгоцѣннѣе: намъ должно оплакивать погибающую душу нашу!

Располагая къ покаянію душу, смиримъ себя, удержимъ страсти, представимъ предъ лице наше всѣ неправды и грѣхи наши; поставимъ себя предъ всевидящія очи правосудія Божія. Приготовленіе къ покаянію не менѣе важно, какъ приготовленіе къ смерти, къ другой — вѣчной жизни. Что желали бы мы сдѣлать въ часъ смерти нашей, отходя въ вѣчность? Тоже сдѣлаемъ теперь, готовясь принесть совершенное покаяніе. Примиримся со всѣми, кого мы обидѣли, или кто намъ причинилъ неудовольствіе. Будемъ помнить только то, что мы грѣшники, что мы прогнѣвали Господа и молиться: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!* Какъ, отходя въ вѣчность, мы желали бы упразднить въ себя всякое пристрастіе къ земному и стремиться только къ небесному и вѣчному; такъ и теперь, приступая къ покаянію, къ началу новой, Богоугодной жизни, презримъ все прельщающее чувственность, возбуждающее страсти, и возбудимъ въ себѣ жажду спасенія и жизни въ Богѣ и Спасителѣ нашемъ. Умирая, мы желали бы передать послѣдніе совѣты и наставленія тѣмъ, которые къ намъ близки: сдѣлаемъ это и теперь, готовясь умереть грѣху. Укажемъ и домашнимъ нашимъ путь истины и добродѣтели Христіанской, и сами въ себѣ покажемъ имъ примѣръ истиннаго благочестія. Наконецъ, не желалъ ли бы ты, Христіанинъ, умереть съ Крестомъ въ рукахъ и съ Евангеліемъ твоего Господа? Предложи и теперь Крестъ Спасителя предъ очи твои, и святое Евангеліе да будетъ всегда отверсто предъ тобою — въ наставленіе тебѣ и домашнимъ твоимъ!

Аминь глаголю вамъ, яко никто же есть, иже оставитъ домъ, или родители, или братію, или сестры, или жену, или чада, царствія ради Божія, иже не пріиметъ множицею во время сіе, и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный. Лук. 18, 29. 30.

Одинъ богатый гражданинъ Константинопольскій, призвавъ своего сына и указавъ ему на свои богатства, сказалъ: что хочешь, чтобъ я оставилъ тебѣ: это ли богатство или Христа? Достойный сынъ Христолюбиваго отца, зная всю тщету земнаго имѣнія, отвѣчалъ, что онъ избираетъ Христа. Послѣ сего отецъ раздалъ все имѣніе нищимъ, такъ что сынъ, оставшись по смерти отца безъ всякаго наслѣдства, принужденъ былъ скитаться и терпѣть бѣдность, не теряя впрочемъ надежды своей на Господа. И Господь, обѣщавшій и *во время сіе* вознаграждать жертвующихъ Ему имѣніемъ и сродниками, вскорѣ послалъ богатѣйшую награду благочестивому юношѣ. Въ томъ же Константинополѣ жилъ другой богатый и знаменитый мужъ имѣвшій единородную дочь. Посовѣтовавшись съ благочестивою супругою своею, онъ положилъ не выдавать дочери въ замужство, кому бы то ни было, по одному богатству жениха, а отдать ее человѣку благочестивому, хотя бы и бѣдному. И такъ, помолившись Богу, родители рѣшились избрать женихомъ дочери того, кого перваго увидятъ входящимъ въ Церковь. По устроенію Промысла случилось, что первый вошелъ въ Церковь тотъ Христолюбивый юноша, который предпочелъ Господа всему имѣнію богатаго отца своего. Такимъ образомъ потерявшій имѣніе и родителей нашелъ себѣ добрую жену, а съ нею богатѣйшее имѣніе и новыхъ родителей (а).

ПОКАЯНІЕ ВСЕГДА СПАСИТЕЛЬНО.

Женщина, бѣжавшая изъ одного монастыря (въ Солунѣ), нѣсколько лѣтъ провела въ развратной жизни. Наконецъ, увидя всю опасность грѣховнаго состоянія, пошла опять въ свой монастырь, чтобы тамъ покаяться; но у самыхъ вратъ обители упала и умерла. Какая участь души ея, только что вступившей на путь покаянія? Одному Епископу открыто было слѣдующее видѣніе: Ангелы держали душу грѣшницы, а демоны состязались съ ними, утверждая, что эта душа, не успѣвшая покаяться, принадлежитъ имъ. Но Ангелы отвѣчали, что Богъ уже видѣлъ сердце грѣшницы, преклонившееся къ покаянію, и что если она не продолжила покаянія, то это потому, что не въ ея власти было жить долѣе. Услышавъ это, духи злобы съ посрамленіемъ бѣжали (б).

(а) Прологъ, Марш. 27.
(б) Прол. Іюл. 14.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 11 Января 1850 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 16. НЕДѢЛЯ (I ПОСТА) ПРАВОСЛАВІЯ. ФЕВРАЛЯ 12. 1839.
Апостолъ: Евр. 11, 24—26. 32—40. 12, 1. Евангеліе: Іоан. 1, 43—51.

Пречистому образу Твоему покланяемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ, Христе Боже: волею бо благоволилъ еси плотію взыти на крестъ, да избавиши, яже создалъ еси, отъ работы вражія. Тѣмъ благодарственно вопіемъ Ти: радости исполнилъ еси вся, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ. Недѣли 1-й поста тропарь.

ЧУДО ОТЪ ОБРАЗА СПАСИТЕЛЕВА.

На 7-мъ вселенскомъ Соборѣ, окончательно утвердившемъ Православіе вселенской Церкви, которое мы торжествуемъ въ первую недѣлю великаго поста, было читано, въ подтвержденіе иконопочитанія, слѣдующее замѣчательное повѣствованіе о чудѣ отъ образа Спасителева.

Въ Сирійскомъ городѣ Виритѣ, наполненномъ Іудеями, близъ огромной ихъ Синагоги, жилъ одинъ Христіанинъ. Свято чтя, завѣщанное ему православными предками его, преданіе о покло-

нeніи святымъ изображеніямъ, онъ поставилъ въ небольшой храминѣ своей Икону, представлявшую Спасителя во весь ростъ человѣческій. По истеченіи нѣкотораго времени, ему понадобилось болѣе обширное помѣщеніе; и онъ продалъ небольшую храмину свою Іудеянину и перешелъ въ другой домъ; но взявъ изъ прежняго своего жилища всѣ свои вещи, онъ,— по особенному распоряженію всеблагаго Промысла, который *хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и во разумъ истины пріити*,— забылъ объ иконѣ Спасителя, бывшей тамъ. Іудеянинъ поселяется въ купленной имъ храминѣ и, по обычной Евреямъ невнимательности ко внутренности своихъ жилищъ, не замѣчаетъ забытаго Христіаниномъ образа. Однажды приходитъ къ нему въ гости единовѣрецъ его и, во время ужина, замѣчаетъ, оставленную Христіаниномъ, икону, обращаетъ на нее вниманіе хозяина дома и съ негодованіемъ говоритъ ему: „какъ ты, будучи „Іудеяниномъ, держишь у себя этотъ образъ?“ Осыпавъ, потомъ ругательствомъ святое изображеніе, онъ съ поспѣшностію уходитъ къ старѣйшинамъ и доноситъ имъ о такомъ неслыханномъ у нихъ произшествіи Старѣйшины, подозрѣвая, конечно, что Іудеянинъ, у котораго находилась икона, тайно исповѣдуетъ Христа, и всегда ревностные къ своей вѣрѣ, спѣшатъ удостовѣриться въ донесенномъ имъ; приходятъ въ домъ Евреянина и дѣйствительно находятъ у него икону І. Христа. Оскорбленные такимъ поступкомъ своего единовѣрца, они изгоняютъ его изъ Синагоги и, съ одной стороны по наслѣдственной враждѣ ко Христу, съ другой— желая предостеречь отъ подобнаго поступка прочихъ Іудеевъ, стараются унизить, въ глазахъ ихъ, икону Спасителя и въ неистовствѣ восклицаютъ: „какъ поступили предки наши съ І. Назарянииномъ, такъ поступимъ и мы съ Его изображеніемъ.“ И вотъ, они начинаютъ изрыгать безчисленныя ругательства на Божественное изображеніе, плюютъ въ лице, заушаютъ, бьютъ палкою по главѣ святаго образа Христова, прободаютъ гвоздями изображенные на иконѣ руки и ноги Его, напоеваютъ образъ пречистыхъ устъ Господнихъ уксусомъ съ желчію; пронзаютъ потомъ ребра Его: и вдругъ совершается великое таинство,— изъ пронзеннаго, на иконѣ, мѣста истекаетъ большое количество крови и воды, какъ это было въ то время, когда одинъ изъ воиновъ пронзилъ копіемъ ребро Богочеловѣка Іисуса, распятаго на крестѣ. Но какъ тогда, такъ и теперь, ослѣпленные неистовствомъ и невѣріемъ, Іудеи не познали силы Божіей и чудо совершенное предъ глазами ихъ, не вдругъ вразумило ихъ и обратило ко Христу.

Пораженные, впрочемъ, такимъ дивнымъ явленіемъ, и желая повѣрить бывшее у Христіанъ, преданіе о цѣлебной и живоносной силѣ крови и воды, истекшей изъ пречистыхъ ребръ Христовыхъ, во время Его распятія,— чтобы въ случаѣ противнаго дѣйствія въ настоящее время, имѣть поводъ къ порицанію Христіанъ,— они собираютъ въ сосудъ кровь и воду, истекшую отъ образа Спасителева и спѣшатъ узнать дѣйствіе ихъ надъ больными. И какъ безпредѣльна снисходительность Божія даже къ самымъ врагамъ Креста Христова! *родъ лукавый*, не довольствуясь однимъ чудомъ, еще *знаменія ищетъ*; и Богъ совершаетъ его, только бы

вразумить невѣрующихъ и обратить ихъ на путь истины. Такъ для любви Божіей дорого спасеніе человѣка! Приносятъ разслабленнаго отъ рожденія, мажутъ его, собранною въ сосудъ кровію и водою, и больной тотчасъ исцѣляется; дѣлаютъ подобный опытъ надъ слѣпыми и бѣсноватыми, и происходитъ тоже спасительное дѣйствіе. Слухъ объ этомъ распространяется по всему городу, отвсюду стекается множество людей, одержимыхъ всякаго рода болѣзнями, и чудодѣйственная кровь и вода врачуетъ всѣхъ ихъ. Пораженные такими чудесами, всѣ Іудеи, жившіе въ городѣ, познаютъ свое ослѣпленіе, и вотъ старѣйшины ихъ, весь народъ, жены и дѣти, проливая слезы истиннаго раскаянія, преклоняютъ колѣна предъ образомъ Спасителя, прославляютъ І. Христа и обращаются къ вѣрѣ въ Него. Они идутъ потомъ къ Епископу Христіанской Церкви и просятъ у него крещенія. Епископъ, наставивъ ихъ вѣрѣ, содѣлалъ всѣхъ ихъ чадами Христовой Церкви. Тогда Синагога Іудейская была обращена въ Церковь Христову и весь городъ, прославляя Бога, торжествовалъ это, поистинѣ, дивное событіе.

(Изъ сочиненій Аѳанасія В. Tom. 4. edit. Colon. 1686. an.)

ЦЕРКОВНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ АНАѲЕМЫ.

Въ настоящую недѣлю *православія*, Церковь наша, подражая древнимъ Соборамъ, восхваляетъ ревнителей православной Вѣры, а еретиковъ и отступниковъ поражаетъ *анаѳемою*. При семъ одни могутъ спросить: что значитъ анаѳема? какая сила сего церковнаго наказанія? Другіе возразятъ: согласно ли это наказаніе съ духомъ Христовой Церкви, съ духомъ любви и мира?— Слѣдующее краткое объясненіе можетъ служить отвѣтомъ на сіи вопросы.

У древнихъ писателей слово *Анаѳема* употреблялось и въ добромъ и худомъ значеніи. Оно значило и то, что посвящалось Богу, и то, что назначалось къ истребленію или отвергалось,— подобно тому, какъ у Евреевъ слово *Херемъ* употреблялось и о вещахъ посвященныхъ Богу (Лев. 27, 28. Числ. 18, 14) и о томъ, что отвергалось, или потреблялось (Втор. 7, 26) (а). Первое значеніе анаѳемы производится отъ Греческаго глагола Ἀνατίθημι, *возлагаю, предаю*, и отсюда— *посвящаю*. Второе значеніе Златоустъ производитъ отъ того же понятія *предавать* и говоритъ (противъ Аномеевъ, изъясняя слова Апостола: 1 Кор. 16, 22): „что иное означаетъ (Апостолъ) словомъ *анаѳема*, какъ не то, что такой-то *предается* діаволу?“ Но Церк. Историкъ Сократъ (Кн. 7. гл. 34), находя въ томъ же словѣ понятіе *возношенія* и *возвышенія*, сравниваетъ анаѳему съ объявленіями правительства, *возвышаемыми*, или *выставляемыми* на столбахъ. Замѣчательно еще, что Церковные писатели, употребляя слово *анаѳема* постоянно въ худомъ его значеніи, отличаютъ отъ него другое подобное слово— *анаѳима*, которому придаютъ одно значеніе доброе. По изъясненію Златоуста (б), послѣднее значитъ то, что посвящается Богу и отъ чего воздерживаются по благого-

(а) Близко къ сему, двоякимъ значеніемъ своимъ, наше слово *клятва* (присяга и проклятіе).

(б) 16 Бес. на посл. къ Римл.

вѣнію, а первое означаетъ то, что отлучается отъ Церкви и отъ чего удаляются, по опасности сообщенія (в).

И такъ что значитъ *анаѳема* по употребленію Церкви? Это есть самой высшей степени церковное наказаніе и значитъ отсѣченіе преступника отъ тѣла Христовой Церкви. Кто далъ Церкви право употреблять это наказаніе? Самъ Божественный Основатель и Глава ея, Господь Іис. Христосъ, который сказалъ: *Аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17). Можно уподобить это наказаніе тому, которое употреблялъ Ап. Павелъ, *предавая* нѣкоторыхъ *сатанѣ* (1 Кор. 5, 5. 1 Тим. 1, 20) (г), что, безъ сомнѣнія, не меньше значитъ, какъ и отлученіе виновныхъ отъ союза церковнаго.

Изъ Церковной Исторіи извѣстно, что слово *анаѳема* введено въ употребленіе на Соборахъ еще въ 4-мъ вѣкѣ, и что анаѳемѣ предавались вообще всѣ нераскаянные противники Церкви, еретики и раскольники, не только міряне, но и духовные, даже Патріархи и Папы (на прим. П. Онорій за моноѳелитскую ересь, на 6-мъ Вселенскомъ Соборѣ). Изъ правилъ видно, что отлученные отъ Церкви лишались и нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ: съ ними запрещено вступать въ бракъ; ихъ не велѣно принимать въ свидѣтельство (д). Употреблялась анаѳема и на Соборахъ Церкви Россійской, и въ такихъ же случаяхъ, какъ на Соборахъ восточныхъ. Такъ въ 15-мъ вѣкѣ проклинались у насъ еретики жидовствующіе, въ 16-мъ — послѣдователи Литовскаго Аптекаря, въ 17-мъ мятежные раскольники. А сверхъ того анаѳема произносилась у насъ и противъ внутреннихъ враговъ отечества, съ благомъ коего весьма тѣсно соединяется благо православной Церкви, — на прим. противъ самозванцевъ и противъ измѣнника Мазепы.

Какое значеніе даетъ анаѳемѣ наша Церковь, и какъ употребляетъ это наказаніе, о томъ довольно объяснено въ Духовномъ Регламентѣ. Здѣсь

а) Анаѳема, какъ наказаніе высшей степени, отличается отъ меньшаго Церковнаго наказанія, или временнаго *отлученія* отъ св. Таинъ. Первое сравнивается съ казнію смертною, а послѣднее съ арестомъ.

б) Дѣйствіе анаѳемы изображается такъ: „анаѳемою отсѣкается человѣкъ отъ мысленнаго тѣла Христова, „то-есть отъ Церкви, и кто му не „Христіанинъ пребываетъ, отчужденъ „отъ наслѣдія всѣхъ благъ, смертію „Спасителевою намъ пріобрѣтенныхъ.“

в) Признается достойнымъ анаѳемы тотъ, кто явно хулитъ имя Божіе, или св. Писаніе, или Церковь, или другимъ образомъ явно грѣшитъ, не только не стыдясь своихъ дѣлъ, но и величаясь ими, и притомъ, за всѣми мѣрами исправленія, остается упрямымъ и гордымъ. „Ибо не просто за „грѣхъ подлежитъ анаѳемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія „и власти Церковной, съ великимъ „соблазномъ немощныхъ братій, и что „тако воню безбожія издаетъ отъ себе.“

(в) См. Suicer. подъ сл. Ἀνάθεμα

(г) Ап. Павелъ употреблялъ и самое слово *анаѳема* въ значеніи отлученія отъ Христа и отъ Царства Божія. Римл. 9, 3. 1 Кор. 16, 22. Галат. 1, 8. 9.

(д) См. Соб. Карѳаг. прав. 21 и 128 (въ Кормчей).

г) Излагаются правила о томъ, какъ предварительно поступать съ подлежащимъ анаѳемѣ. Предписывается: 1) увѣщевать его чрезъ духовника, чтобы принесъ покаяніе и причастился св. Таинъ при народѣ; 2) если не послушаетъ, то Епископу призвать его къ себѣ и при духовникѣ также сдѣлать ему увѣщаніе; 3) если не пойдетъ къ Епископу, то опять чрезъ духовника, но уже съ другими особами духовными и свѣтскими (особенно же пріятелями виновнаго), дѣлать ему увѣщаніе; 4) когда и это тщетно, то повторить подобное посольство; 5) Протодіакону въ праздничный день извѣстить народъ о нераскаянномъ грѣшникѣ, да помолятся о немъ и да увѣщаваютъ его; 6) и послѣ сего не приступать къ анаѳемѣ, а описать все дѣло и представить св. Синоду.

д) Торжественное преданіе нераскаяннаго анаѳемѣ предписано совершать слѣдующимъ образомъ: Послѣ того, какъ получится соизволеніе на то св. Синода, Архіерей велитъ Протодіакону въ Церкви всенародно прочитать особенную формулу, или образъ анаѳематствованія, въ которой изъясняется, что такой-то нераскаянный грѣшникъ отсѣкается отъ Церкви, и, доколѣ истинно не раскается, дѣлается чуждымъ заслугъ Спасителя нашего, что его, отлученнаго, не должно допускать къ таинствамъ и въ Церковь, а если онъ силою войдетъ въ Церковь, то священнику оставлять всякую церковную службу (кромѣ литургіи), пока преданный анаѳемѣ не удалится. и что это наказаніе падаетъ только на него одного а не на семейство его. когда оно не участвуетъ въ его нераскаянности. Потомъ листъ съ такимъ объявленіемъ прибивается къ церковнымъ дверямъ или одного каѳедральнаго собора или всѣхъ Церквей въ Епархіи, по разсужденію св. Синода.

е) Изверженному дается право возвратиться опять къ Христовой Церкви. Если онъ придетъ въ чувство, то ему назначается публичное предъ Епископомъ покаяніе, и всенародно въ Церкви читается надъ нимъ разрѣшеніе.

ж) Но если изверженный начнетъ еще ругать церковную анаѳему, или даже вредить Епископу и другимъ духовнымъ, то предоставлено Епископу жаловаться св. Синоду, а Синоду, по разысканіи истины, просить суда у Правительства гражданскаго и у самаго Государя.

Послѣ сего кто скажетъ, что Церковное употребленіе анаѳемы противно духу любви и мира? Церковь желаетъ мира и спасенія всѣмъ чадамъ своимъ; и потому возмутителя и врага общественной тишины отсѣкаетъ отъ своего общества. Она употребляетъ данную ей власть— вязать и рѣшить, подобно Ап. Павлу, на созиданіе, а не на разореніе (2 Кор. 10, 8. 13, 10); и потому, извергая преступника изъ своего общества, имѣетъ цѣлію спасеніе его самаго. Пусть восчувствуетъ онъ всю тяжесть грѣха своего и обратится къ покаянію: Церковь готова опять принять его. Такъ поступаетъ она, подражая тому же Апостолу, который предалъ преступника сатанѣ *во изможденіе плоти, да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5); а когда виновный раскаялся, то опять возвратилъ его въ Церковь Христову (2 Кор. 2, 7. 8).

СЛОВО
О ПОСТѢ 2-Е.

Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, воззовите ко Господу усердно.

Іоил. 1, 14.

Приглашеніе сіе такъ ясно, брат., что его можно было понять съ перваго раза. И однакоже Пророкъ, не смотря на краткость своего пророчества и разнообразіе предметовъ, о коихъ предлежало ему говорить. обращаетъ его къ народу Еврейскому дважды (Іоил. 2, 15). Ежели и слово пророческое о постѣ, слово сильное и живое вдохновеніемъ Божественнымъ, имѣло нужду въ повтореніи для того, чтобъ достигнуть своей цѣли: тѣмъ паче нужно, чтобы наше слово, которое богато однимъ усердіемъ къ вѣчному благу душъ вашихъ, отзывалось иногда объ одномъ и томъ же предметѣ въ слухъ вашъ нѣсколько разъ. Еслибы мы даже иногда простерли усердіе свое и до нѣкоего излишества: то и въ семъ случаѣ, молимъ васъ, нетяжко пріимите насъ. Ибо, скажемъ словами Апостола, мы проповѣдуемъ вамъ, не яко да сами *искусни явимся, но да вы доброе сотворите; мы же яко неискусни будемъ* (2 Кор. 13, 7).

Итакъ, послѣдуя слову пророческому, обратимся паки къ св. посту, и какъ въ прошедшій разъ мы видѣли благотворное дѣйствіе его на самый нѣлесный составъ нашъ, такъ теперь посмотримъ на то, какъ онъ врачуетъ души и сердца наши.

Одно изъ самыхъ лучшихъ одобреній врачевству, коль скоро оно употребляется всѣми; это знакъ, что всѣ, или по крайней мѣрѣ весьма многіе, испытали надъ собою его благодѣтельную силу. Смотрите же теперь, гдѣ нѣтъ поста?— У Іудея— постъ, у Магометанина— постъ, у язычника— постъ; въ Индіи постятся, въ Китаѣ постятся, постятся даже у дикихъ народовъ. Что могло расположить народы, столь противоположные, полюбить столь противное чувственности нашей средство, какъ не твердое убѣжденіе въ его общеполезности?— И откуда это убѣжденіе въ пользѣ поста, какъ не отъ испытанія ея на самомъ дѣлѣ? За другія средства могли стоять или умозрѣніе, или естественныя наклонности, или выгода: за постъ кто и что станетъ?— Одинъ опытъ. И этотъ опытъ, надобно сказать, въ отношеніи къ посту, такъ великъ, что простирается далѣе предѣловъ человѣчества. Ибо что не постится на землѣ?— Животные?— И они постятся, пребывая по временамъ безъ пищи, а нѣкоторые наблюдая въ семъ какъ бы нѣкую заповѣдь въ извѣстныя времена. Растенія?— И у нихъ есть постъ; ибо они не всегда равно получаютъ соки изъ земли, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вкушая весьма малую пищу. Самая земля пріемлетъ на себя въ урочныя времена видъ постящейся; а иногда, на пр. во время засухи и зимы, подвергается какъ бы особенно наложенному на нее посту.

Для чего такая всеобщность поста въ природѣ?— Для возстановленія изнуренныхъ силъ. Казалось бы питаніе должно подкрѣплять и возстановлять силы всего живущаго, и однакоже одного питанія недостаточно для сего: нуженъ постъ, какъ возстановитель силъ самаго питанія.

Послѣ сего уже не трудно судить, можетъ ли обойтися падшій человѣкъ безъ сего все возставляющаго средства, то-есть, поста?— Напротивъ, для человѣка постъ есть, можно сказать, природное средство къ возстанію. Ибо съ чего началось и въ чемъ состояло первое паденіе наше? Въ томъ, что мы, въ лицѣ прародителя нашего, не соблюли поста. Если бы постъ былъ сохраненъ въ Раю, говоритъ одинъ Учитель Церкви, то мы и доселѣ не были бы изгнаны изъ рая; а мы можемъ сказать, что если бы постъ былъ сохраняемъ и внѣ рая, то мы паки давно приблизились бы къ Эдему. Ибо съ чего и теперь начинается паденіе каждаго изъ насъ?— съ нарушенія заповѣди о постѣ. Не соблюлъ поста во взорѣ и слухѣ?— Потеряна чистота сердца. Не соблюдено поста въ мысляхъ и умозрѣніи?— Отворена дверь вольномыслію и невѣрію. Нарушенъ постъ въ желаніяхъ?— Дѣлаешься рабомъ любостяжанія и гордости. Пренебреженъ постъ языка и устъ?— Вышелъ кощунъ и празднословъ. А что наконецъ бываетъ, когда постъ и воздержаніе во все удаляются отъ трапезы? Въ такомъ случаѣ нерѣдко прилагаются скотомъ несмысленнымъ даже такіе люди, коимъ, повидимому, суждено было быть выше человѣчества. Что же брат., послѣ сего дивнаго, если Церковь, принимая васъ на свои руки для врачеванія духовнаго въ настоящее время, первѣе всего посредствомъ поста, старается затворить и изсушить главный источникъ зла, насъ снѣдающаго?—

Постъ однимъ появленіемъ своимъ уже разсѣеваетъ многочисленную толпу безпорядковъ и соблазновъ: сравните нынѣшніе дни съ прошедшею недѣлію; гдѣ прежде были безчинныя собранія, тамъ тишина и порядокъ; не видно людей, безчестящихъ природу человѣческую; не слышно кликовъ, раздирающихъ цѣломудренный слухъ; каждый идетъ степенно къ своему дѣлу; встрѣчается ли съ кѣмъ либо, не заводитъ пустыхъ рѣчей; даже споритъ ли, споритъ мирно, даже гнѣвается ли, гнѣвается умѣренно. Если бы кто, видѣвши городъ прежде, посмотрѣлъ на него теперь, и не зналъ, что наступилъ св. постъ; то подумалъ бы, что съ нами произошло какое-либо чудо. А въ чемъ это чудо? Въ постѣ. Затворенъ источникъ зла, и сами собою изсякли протоки. Безъ сомнѣнія, такая благотворная перемѣна въ городѣ предполагаетъ перемѣну на лучшее и въ домахъ; и тамъ теперь все должно быть тише и благообразнѣе: мужъ менѣе терпитъ отъ сварливой и упрямой жены; жена не столько страдаетъ отъ гордаго и нечувствительнаго мужа; дѣти менѣе преданы шумнымъ играмъ; слуги не такъ развлекаются услугами, не столько воздыхаютъ отъ прихоти господъ; самимъ домашнимъ животнымъ, болѣе теперь ослабы; самыя бездушныя вещи, употребляемыя обыкновенно въ хозяйствѣ, какъ бы отдыхаютъ. Все это произвелъ постъ однимъ появленіемъ своимъ.

Но, это еще только предначинательное дѣйствіе врачевства; при дальнѣйшемъ правильномъ употребленіи поста, вмѣстѣ съ другими духовными врачевствами, онъ проникаетъ до самой глубины проказы грѣховной, и возвращаетъ человѣку здравіе душевное не на нѣсколько дней, или недѣль, а на

всю жизнь. Чтобы видѣть, какимъ образомъ происходитъ все сіе, низойдемъ мыслію къ самому главному источнику зла, насъ снѣдающаго.

Отъ чего мы, и желая быть добрыми, слѣдовать во всемъ закону Божію, остаемся рабами своихъ похотей и страстей? Отъ того, что въ насъ превращенъ порядокъ вещей:— тѣло, должно служить орудіемъ души и быть въ полномъ подчиненіи разсудку; а у насъ душа служитъ орудіемъ тѣла и рабствуетъ его наклонностямъ. Мало сего: плоть, господствуя надъ духомъ, употребляя его непрестанно по своимъ чувственнымъ, нечистымъ видамъ, до того ослабляетъ и унижаетъ духъ, что онъ не въ состояніи бываетъ служить даже хорошимъ орудіемъ для тѣла, самъ грубѣетъ, плотянѣетъ, даже во все теряется и какъ бы изчезаетъ; смотря на такихъ людей, мы невольно бываемъ принуждены вопрошать: есть ли въ такомъ и такомъ человѣкѣ душа?— Самъ Господь, когда посмотрѣлъ предъ потопомъ на подобныхъ людей, то нашелъ, что они— одна плоть. *Неимать духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

Послѣ сего, явно, братіе, что то средство должно назвать превосходно дѣйствующимъ для нашего исправленія, коимъ наиболѣе освобождается духъ изъ подъ рабства плоти. А когда такъ, то скажите сами, что первѣе и наиболѣе можетъ содѣйствовать сему освобожденію, какъ не св. постъ?— Чувственный человѣкъ наиболѣе преданъ пищи и питію; чрево, по выраженію Апостола, есть его *богъ:* и вотъ этотъ самый кумиръ ниспровергается самымъ первымъ дѣйствіемъ поста, который посему всегда, какъ ни появляется, есть уже знаменіе владычества духа надъ плотію, есть вѣстникъ освобожденія его отъ рабства. Чѣмъ далѣе и строже соблюдается постъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ свобода духа: кто въ состояніи лишать себя, когда только захочетъ, во все пищи, тотъ явно еще болѣе въ состояніи лишить себя пищи роскошной, тому еще легче обойтись безъ вредныхъ для чистоты сердца зрѣлищъ, безъ шумныхъ и убійственныхъ игръ, безъ чтенія соблазнительныхъ и пустыхъ книгъ, безъ щегольства въ нарядахъ и пр. А такая возможность располагать собою и ограничивать себя уже сама по себѣ весьма много значитъ: ибо ея то и не достаетъ у многихъ, и отъ сего-то недостатка многіе, не смотря на доброту сердца и множество благихъ чувствованій, весь вѣкъ проводятъ въ явномъ рабствѣ плоти и міру, слѣпымъ прихотямъ и страстямъ. Доставляя такую свободу духу и такое владычество надъ тѣломъ, св. Постъ упрочиваетъ все сіе тѣмъ, что съ одной стороны отнимаетъ у тѣла многія, вредныя для духа, качества, съ другой даетъ духу силу и крѣпость для поддержанія своего святаго достоинства. Сравните свое тѣло до поста и послѣ поста, даже непродолжительнаго; вы увидите, что самая тяжесть его значительно измѣнилась. Въ слѣдствіе поста тѣло наше получаетъ легкость и удободвижимость: кто едва могъ преклонить главу для выраженія своея покорности предъ своимъ Создателемъ, тотъ свободно уже можетъ повергаться предъ нимъ на землю въ духѣ покаянія. За легкостію слѣдуетъ умиреніе всѣхъ чувствъ тѣлесныхъ; безчинныя взыранія плоти, отъ коихъ часто страдаютъ самые лучшіе изъ людей, незнакомыхъ съ постомъ, изче-

заютъ сами собою, какъ кипѣніе въ сосудѣ, подъ коимъ потущенъ огонь; яростныя движенія при неудовольствіяхъ и огорченіяхъ, если не прекращаются вовсе, то теряютъ силу, какъ стрѣлы, пускаемыя изъ лука, у коего опущена тетива. Облегченное, умиренное такимъ образомъ тѣло, вмѣсто того, что самой духъ прежде доводило до огрубѣнія и оплотянелости, само тонѣетъ, и какъбы одухотворяется, съ охотою слѣдуетъ за всѣми движеніями духа, легко переноситъ подвиги любви и самоотверженія, начинаетъ, по выраженію Давида, радоваться *о Бозѣ живѣ* и *утренневать ко Храму святому*. Посему когда приходитъ самая смерть для разлученія души отъ тѣла; то найдя ихъ въ законномъ отношеніи другъ къ другу, не видя, чтобы духъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ узами плоти, совершаетъ разлученіе ихъ скоро и тихо, не употребляя для сего люпыхъ потрясеній и страданій. Самое тлѣніе не смѣетъ простерть обычнаго ему облака смрада на тѣло, освященное постомъ: составъ его разрѣшается въ чистотѣ, какъ весенній снѣгъ при сіяніи утренняго солнца.

Уже посему можете судить, брат., какъ должно быть хорошо душѣ подъ осѣненіемъ св. Поста. Воспріявъ владычество надъ плотію, не связуемое его требованіями и прихотями, она начинаетъ новую, себѣ сродную жизнь и дѣятельность. Попеченія ея уже не устремляются на удовлетвореніе однѣмъ нуждамъ чувственнымъ; время, дотолѣ траченное въ удовольствіяхъ, проводится или въ Богомысліи или въ подвигахъ любви и смиренія. Каждая способность души является послѣ поста въ другомъ, лучшемъ видѣ; зеркало совѣсти, не затемняемое дыханіемъ плоти, становится чище и отражаетъ въ себѣ гораздо яснѣе Законъ Божій и беззаконія наши, даетъ видѣть самыя незначительныя пятна, самыя невеликія уклоненія съ Царскаго пути долга; воля принимаетъ силу на управленіе всего корабля души, и, сосредоточенная въ дѣлѣ спасенія, прямо устремляетъ его къ вѣчному пристанищу; воображеніе, не загроможденное образами нуждъ и утѣхъ плотскихъ, живописуетъ предметы священные: крестъ и страданія Спасителя, страшный судъ, блаженство праведныхъ и мученія грѣшныхъ; память вѣрнѣе отдаетъ свой залогъ, не скрываетъ пеленою забвенія прежнихъ грѣховъ, пренебреженныхъ уроковъ Промысла, опущенныхъ случаевъ къ самоисправленію, неисполненныхъ обѣтовъ; разсудокъ легче и связнѣе судитъ о предметахъ духовныхъ, скорѣе рѣшаетъ недоумѣнія совѣсти, громче свидѣтельствуетъ о нуждѣ примиренія съ Богомъ и приуготовленія себя къ вѣчности; въ сердцѣ является теплота и проторгается источникъ святыхъ чувствованій, отъ коихъ невольно текутъ очистительныя слезы покаянія; вкусъ очищается, получаетъ отвращеніе не только къ грубымъ, но и утонченнымъ наслажденіямъ плоти, и наклонность къ радостямъ и утѣшеніямъ духовнымъ; словомъ, вся дума со всѣми ея мыслями, желаніями, намѣреніями, чувствами принимаетъ направленіе высшее, тонѣетъ, сосредоточивается, живѣетъ, одухотворяется: Весь человѣкъ измѣняется на лучшее. Посему, когда наступаетъ время употребленія другихъ духовныхъ врачествъ: Исповѣди, св. Причащенія, то они находятъ уже человѣка приготовленнымъ. Благо-

дать Божія, на разчищенномъ постомъ полѣ, спокойно совершаетъ свое сѣяніе и жатву въ жизнь вѣчную.

Изображая такимъ образомъ благотворныя дѣйствія Поста, я брат., какъ сами видите, ограничиваюсь самыми очевидными, обыкновенными и, такъ сказать, неизбѣжными его дѣйствіями, ограничиваюсь потому, чтобы представить его въ удобопріемлемомъ для каждаго изъ васъ видѣ. Какихъ чудесъ не открылось бы засимъ, если бы, идя по лѣствицѣ опытовъ Святыхъ людей, мы рѣшились взойти на самый верхъ, и оттуда посмотрѣть, что производилъ, и слѣд. что можетъ производить св. Постъ. Вы увидѣли бы, какъ Моисей, послѣ четыредесятидневнаго поста, дѣлается способнымъ принять на Синаѣ законъ, среди громовъ, молній и бурь;— какъ Илія, послѣ такого же поста, удостоивается на Хоривѣ видѣть славу Божію, и потомъ самъ возносится съ плотію на небо на колесницѣ огненной;— какъ Предтеча воспитывается постомъ въ человѣка, болѣе коего *не восста въ рожденыхъ женами;*— какъ самъ Спаситель не прежде исходитъ на подвигъ спасенія всего міра, какъ приготовившись четыредесятидневнымъ постомъ въ пустынѣ;— какъ Апостолы пребываютъ въ постѣ, ожидая сошествія св. Духа, и снова предаются посту предъ каждымъ важнымъ дѣломъ;— какъ Свѣтильники Церкви, Василій, Григорій Златоусты находятъ въ постѣ неистощимый елей для горѣнія на свѣщницѣ Церкви;— какъ обращаются къ посту, за духовною помощію, самые вожди народа, Равно-Апостольные Константины, Іустиніаны, Владиміры;— какъ постъ образуетъ цѣлый сонмъ Ангеловъ во плоти, коихъ святые и нетлѣнные тѣлеса составляютъ драгоцѣнное сокровище нашего града. Но, о всѣхъ сихъ чудесахъ св. Поста намъ довольно упомянуть: это доля избранныхъ Божіихъ; для насъ достаточно, если постъ послужитъ къ исцѣленію собственной души нашей отъ язвъ грѣховныхъ. И онъ послужитъ къ сему, если мы возлюбимъ его сердечно, если, возлюбивъ, будемъ благоразумно употреблять сіе врачевство. Благоразумно, говорю; ибо не должно сокрывать, что врачевство св. Поста, какъ и всякое врачевство, можетъ быть употребляемо неправильно, и, употребляемое такимъ образомъ, можетъ, подобно всякому врачевству, не приносить пользы, даже обращаться во вредъ.

Послѣ сего, брат., если для васъ дорого здравіе душевное, вы по необходимости должны спросить: какъ надобно поститься, чтобы получить всю духовную пользу отъ поста?— Но вопросъ сей такъ важенъ, что разрѣшеніе его не можетъ быть поверхностнымъ; и потому мы займемся имъ въ слѣдующій разъ. А до того времени, молимъ васъ— размыслить о слышанномъ и начать повѣрять то, сколько можно, собственнымъ вашимъ опытомъ, который, безъ сомнѣнія, откроетъ вамъ гораздо болѣе, нежели сколько можно было, по краткости времени, сказать вамъ отсюда. Аминь.

СЛОВО
ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ТАИНЪ.

Наконецъ поприще св. говѣнія вами окончено: за малый подвигъ пощенія и молитвословій вы пріяли вчера отпущеніе грѣховъ; а нынѣ удосто-

лись причаститься самаго Тѣла и самой Крови Господа. Видите ли теперь разность служенія міру и Богу?— Чувствуете ли, какъ благъ Господь къ кающимся грѣшникамъ?— Многіе изъ васъ блуждали на странѣ чуждой, служили богамъ инымъ, а Онъ, при маломъ обращеніи вашемъ къ Нему, пріялъ всѣхъ васъ какъ чадъ, облекъ одеждою невинности, и ввелъ въ свѣтлый чертогъ свой. Міръ истощалъ ваши силы, изъѣдалъ, можно сказать, вашу плоть и кровь; а Господь Спаситель напиталъ всѣхъ васъ собственнымъ Тѣломъ и собственною Кровію. Возблагодарите же вмѣстѣ съ нами Господа, падите еще разъ предъ симъ престоломъ славы и любви Его, изреките снова обѣтъ, быть вѣрными Ему до смерти, и поспѣшите оправдать вѣру свою жизнію!— Пусть міръ узнаетъ, что вы не напрасно разставались съ нимъ, что вы не безплодно провели здѣсь время, что вы точно были во врачебницѣ душъ и сердецъ.

И міръ тотчасъ узнаетъ сіе, коль скоро вы останетесь вѣрными своимъ обѣтамъ. Я не говорю, что вы сдѣлаетесь совершенно безгрѣшными (это удѣлъ тѣхъ, кои уже разрѣшились отъ узъ плоти и крови); но, вы постоянно будете стараться быть какъ можно свободны отъ грѣха. Дѣло спасенія отнынѣ начнетъ быть главнымъ дѣломъ вашимъ, коему подчинятся всѣ прочія дѣла и занятія; чистота сердца и совѣсти содѣлается такимъ сокровищемъ, коимъ вы будете дорожить паче всѣхъ отличій и пріобрѣтеній; мысль о пріуготовленіи себя къ вѣчности будетъ занимать васъ каждый день, утро и вечеръ. Въ слѣдствіе сего, во всей жизни вашей и во всѣхъ отношеніяхъ должна произойти великая перемѣна: многое изъ того, что прежде трогало, занимало васъ, будетъ оставлено навсегда; и напротивъ многое, о чемъ вы вовсе не думали, или думали мало, чего вы вовсе не дѣлали, или дѣлали рѣдко,— теперь будетъ любимымъ вашимъ занятіемъ; гдѣ вы прежде были высокомѣрны, горды, тамъ увидятъ васъ кроткими и смиренными; въ чемъ не соблюдалось никакой умѣренности, тамъ наступитъ воздержаніе; многіе изъ друзей, можетъ быть, придутъ въ совершенное забвеніе, а нѣкоторые изъ враговъ или людей нелюбимыхъ содѣлаются друзьями. А смотря на все это всѣ, знавшіе васъ, принуждены будутъ сказать, что вы не тѣ, что прежде, что съ вами произошла необыкновенная перемѣна— на лучшее, на святое, на Богоугодное.—

Излишнее ли, брат., мы обѣщаемъ за васъ, говоря такимъ образомъ?— Не сего ли самаго вы сами искали у подножія сего святаго Алтаря? не за здравіемъ ли душевнымъ приходили къ намъ?— Прощеніе изречено, завѣтъ съ Богомъ возстановленъ, спасеніе принято: вашъ долгъ теперь сохранить принятое. Дары Господа нераскаянны, да будетъ нераскаянно и покаяніе ваше!— Безъ сомнѣнія, для сего потребуется съ вашей стороны немало усилій; надобно будетъ вытерпѣть различныя искушенія, принести не одну жертву, разорвать много нечистыхъ узъ, сражаться иногда со грѣхомъ до крови: ибо, если когда, то теперь міръ нападетъ на васъ съ своими соблазнами; плоть возстанетъ и съ своею силою и съ своимъ безсиліемъ, самъ духъ зла

бы ожесточится вобрани противу васъ. Но, званія святаго причастницы! развѣ вы сами думали когда либо торжествовать побѣду безъ сраженія со врагами спасенія? Развѣ міръ, коему служили вы, не требовалъ отъ васъ непрестанныхъ принужденій самимъ себѣ, развѣ плоть не заставляла приносить себѣ тяжкихъ жертвъ, развѣ духъ злобы даромъ предлагалъ *вся царствія міра?*— Такъ дорого покупая доселѣ собственную погибель, пожалѣете ли вы чего либо теперь для пріобрѣтенія собственнаго спасенія?— Пожалѣетъ ли чего либо для сего самъ Господь и Спаситель вашъ, когда уже преподалъ вамъ самое Тѣло и Кровь свою?— Нѣтъ, если Его благодать преслѣдовала васъ, когда вы блуждали по строптивымъ путямъ грѣха, когда нагло измѣняли вашей совѣсти и Его святому закону; то теперь, когда вы обратились къ Нему всецѣло и навсегда, когда всѣмъ сердцемъ будете любить Его и сражаться за Него,— теперь сія всемощная Благодать проліется надъ вами всѣми благословеніями, будетъ непрестанно вразумлять и наставлять васъ, укрѣплять и утѣшать, хранить и оживлять. И такъ, воодушевитесь мужествомъ, соберите всѣ благіе помыслы и чувства, сосредоточьте всѣ силы ума и воли въ дѣлѣ вашего спасенія;— и начните, немедленно начните совершать его.

Если бы для сего потребовалось чего либо снова съ нашей стороны,— вразумленія ли, утѣшенія ли, молитвы, или новой исповѣди; приходите за симъ, когда угодно; требуйте смѣло всего, что для васъ нужно, не щадите ни времени, ни покоя нашего: мы на то призваны; ваше спасеніе есть нашъ долгъ, наша пища, нашъ покой, наша радость и спасеніе.

Паче же всего обращайтесь, какъ можно чаще, съ сердечною молитвою къ самому Врачу душъ и сердецъ, Господу Іисусу. Онъ самъ началъ въ васъ дѣло спасенія, Онъ самъ одинъ можетъ и совершить его— и совершитъ, непремѣнно совершитъ, если вы не воспрепятствуете тому своею невѣрностію. Аминь.—

Стадо овецъ и дикія козы.

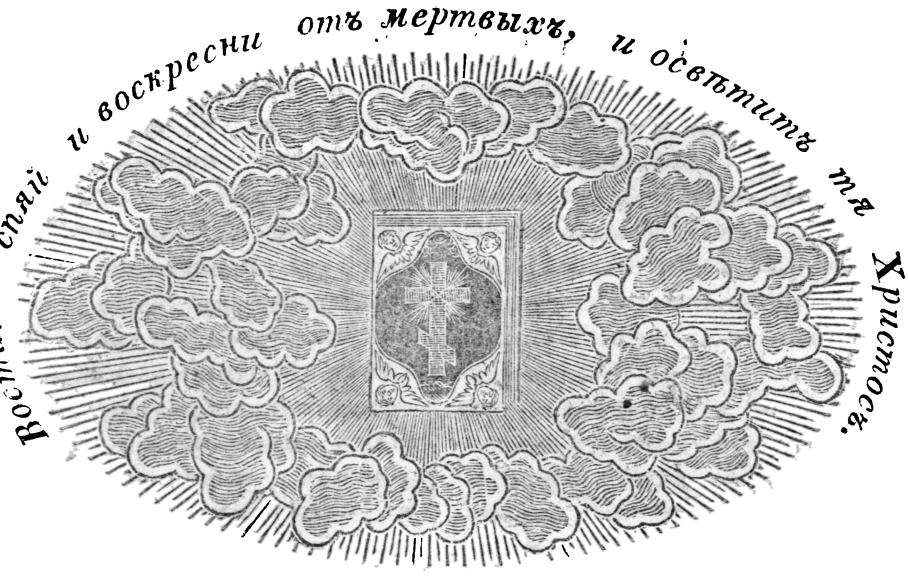
У богатаго человѣка было большое стадо овецъ, которое пастухи его пасли въ дубравѣ. Въ той же дубравѣ было много и дикихъ козъ, изъ которыхъ нѣкоторыя присоединились къ стаду овецъ и наслись вмѣстѣ съ ними. Но пастухи, допустивъ козъ къ стаду, мало смотрѣли за ними; оттого многія изъ нихъ отошли опять къ дикимъ стадамъ своимъ и уже не возвращались къ овцамъ.

Изъясненіе. Богатый человѣкъ значитъ Іисуса Христа; овцы суть правовѣрные чада Его Церкви; пастыри— Епископы и пресвитеры; дубрава— міръ; дикія козы— еретики и язычники. Если Пастыри, присоединивъ еретиковъ и язычниковъ къ Церкви, послѣ не брегутъ о обращенныхъ; то послѣдніе легко возвращаются къ своимъ прежнимъ обычаямъ и оставляютъ стадо Христово (*).

(*) изъ Пролога.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 18 Января 1859 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 47. НЕДѢЛЯ 2 ВЕЛ. ПОСТА ФЕВРАЛЯ 19. 1859.

Апостолъ: Евр. 1, 10—14. 2, 1—3. Евангеліе: Мар. 2, 1—12.

ПОХВАЛА СВ. ОТЦЕВЪ ПСАЛТИРИ.

Святые и Богомудрые Отцы такъ высоко цѣнили и такъ сильно любили священную книгу хваленій и Псалмовъ Давидовыхъ, что не находили довольно словъ, дабы восхвалить ее. Прочитаемъ ихъ похвалы Псалтири, и убѣдимся почаще брать въ руки эту, у многихъ забытую внѣ храмовъ, а между тѣмъ драгоцѣнную и святую книгу.

„Все, что есть полезнаго во всѣхъ книгахъ св. Писанія, говоритъ св. Василій Великій, заключаетъ въ себѣ одна книга Псалмовъ. Она пророчествуетъ о будущемъ, воспоминаетъ о прошедшемъ, предписываетъ правила жизни, указываетъ, что должно дѣлать; словомъ: Псалтирь есть нѣкая всеобщая сокровищница благихъ наставленій; и всякой найдетъ въ ней съ избыткомъ, что для него полезно. Она врачуетъ и застарѣлыя язвы душевныя, и тому, кто получилъ свѣжую рану, подаетъ скорое исцѣленіе; подкрѣпляетъ немощное, охраняетъ здравое, истребляетъ страсти. Псаломъ доставляетъ спокойствіе душѣ, производитъ миръ, укрощаетъ бурные и мятежные помыслы. Онъ смягчаетъ душу гнѣвливую, уцѣломудриваетъ любострастную. Псаломъ заключаетъ дружбу,

соединяетъ раздѣленныхъ, примиряетъ враждующихъ. Ибо кто можетъ почитать врагомъ своимъ того, кто однимъ съ нимъ гласомъ хвалитъ Бога? Псаломъ прогоняетъ демоновъ, призываетъ помощь Ангеловъ, есть оружіе пропитъ ночныхъ страховъ, успокоеніе среди трудовъ дневныхъ. Онъ есть для малолѣтныхъ — крѣпость, для юныхъ — красота, для старыхъ — утѣшеніе, для женъ — самое благолѣпное украшеніе. Онъ пустыни населяетъ, торжища дѣлаетъ скромными. Псаломъ для начинающихъ (жизнь Христіанскую) есть начало, для успѣвающихъ въ ней — преспѣяніе, для совершенныхъ — утвержденіе. Онъ есть голосъ Церкви, имъ праздники свѣтлы; онъ производитъ *печаль по Богѣ*: ибо и изъ каменнаго сердца исторгаетъ слезы. Псаломъ есть занятіе Ангеловъ, жизнь на небѣ, духовный ѳиміамъ. Чему не наставитъ тебя Псалтирь? — Ты научишься изъ нея и отличному мужеству, и строгому правосудію, и постоянному воздержанію, и совершенной мудрости, и образу покаянія, и полному терпѣнію; словомъ: ты научишься изъ нея всему доброму. Тамъ есть совершенное Богословіе; есть пророчество о пришествіи Іисуса Христа во плоти, есть угроженіе судомъ Божіимъ. Тамъ внушается надежда воскресенія, страхъ мученій. Тамъ обѣщается слава, открываются тайны; все есть въ книгѣ Псалмовъ, какъ въ великой и всеобщей сокровищницѣ." (*)

„Во всемъ священномъ Писаніи дышитъ благодать Божія, разсуждаетъ св. Амвросій, но въ сладкой книгѣ Псалмовъ дышитъ она преимущественно. Богу пріятно, когда не только славословятъ, но и умилостивляютъ Его псалмами. Исторія наставляетъ, законъ учитъ, пророчество предвозвѣщаетъ, нравоученіе убѣждаетъ: а книга Псалмовъ успѣваетъ во всемъ этомъ, и есть нѣкоторая полная врачебница спасенія человѣческаго. Кто бы ни читалъ ее, всякой можетъ найти въ ней то врачество, котораго именно требуютъ язвы его. Вникни въ нее кто хочетъ: какъ въ нѣкоторомъ училищѣ душъ, какъ на нѣкоторомъ позорищѣ добродѣтелей, ты найдешь тамъ изображеніе всякаго рода подвиговъ и можешь избрать тотъ, къ которому почитаешь себя болѣе способнымъ, который легче доставитъ тебѣ вѣнецъ..... Псаломъ укрощаетъ гнѣвъ, прогоняетъ скуку, облегчаетъ скорбь, есть оружіе во время ночи, учитель во время дня, защита отъ страха, святое празднованіе, образъ покоя, залогъ мира и согласія. Онъ, подобно лирѣ, различными и разнотонными звуками одну воспѣваетъ пѣснь. При восходѣ дня раздается и вечеромъ звучитъ Псаломъ. Онъ сладокъ всякому возрасту, приличенъ всякому полу. Старики поютъ его, забывая суровость старости; долговременною печалію угнетенные повторяютъ его, съ сердечнымъ услажденіемъ; молодые люди воспѣваютъ его, не возбуждаясь къ любострастію; юноши поютъ безъ всякой опасности со стороны пылкаго возраста и не искушаясь нечистыми пожеланіями; даже молодыя женщины имѣютъ его въ устахъ своихъ не нарушая приличной скромности; дѣвицы нѣжнымъ голосомъ поютъ гимнъ Богу, безъ ущерба стыдливости.

(*) Hom. in 1 Ps. Tom. 1. pag. 90 и 91. edit. Bened.

Его любитъ возрастъ отроческій, младенческій находитъ въ немъ удовольствіе, хотя и склоненъ къ забавамъ. Игривымъ тономъ его важные уроки удобнѣе сообщаются, нежели ученымъ преподаваніемъ. Цари поютъ псалмы, забывая высокое свое могущество; полководцы воспѣваютъ ихъ. народъ восклицаетъ; всѣ стараются имѣть въ успахъ то, что всѣмъ полезно. Псалмы поются въ домахъ, на торжищахъ повторяются. Безъ труда ихъ заучать можно, съ удовольствіемъ хранить въ памяти. Псаломъ разномыслящихъ соединяетъ, спорющихъ соглашаетъ, обиженныхъ примиряетъ. Псаломъ есть служеніе Ангеловъ, небесное упражненіе, духовная жертва. Псалму и камни внимаютъ: ибо когда Псаломъ поется, тогда и каменные сердца смягчаются; я видѣлъ, какъ плакали отъ него самые жестокосердые, смягчались самые немилостивые. Въ Псалмахъ есть и назиданіе и вмѣстѣ пріятность. Они поются и доставляютъ удовольствіе, изучаются и подаютъ наставленіе. Чего не найдешь ты, читая Псалмы? Въ нихъ читаю я пѣснь о Возлюбленномъ и воспламеняюсь святою любовію; научаюсь тайнамъ Божіимъ, усматриваю откровеніе Благодати, нахожу свидѣтельства воскресенія, познаю обѣщанныя блага. Въ нихъ научаюсь я убѣгать грѣха, каяться о проступкахъ. И такъ, что есть Псалтирь, какъ не органъ добродѣтелей?“ (а)

„Книга Псалмовъ,“ пишетъ Аѳанасій Великій, достойна особеннаго вниманія и занятія предъ другими книгами св. Писанія. Всякой, читающій ее, можетъ найти въ ней, какъ бы въ раю, все то, что для него нужно и полезно. Книга сія, кажется мнѣ, ясно и подробно излагаетъ всю жизнь человѣческую, всѣ состоянія духа, всѣ движенія ума, и нѣтъ ничего у человѣка, чего бы она не содержала въ себѣ. Хочешь ли ты каяться и исповѣдываться, угнетаетъ ли тебя скорбь и искушеніе, гонятъ ли тебя или строятъ противъ тебя ковы, уныніе ли овладѣло тобою или безпокойство, или что нибудь подобное терпишь; стремишься ли ты къ преспѣянію въ добродѣтели и видишь, что врагъ препятствуетъ тебѣ; желаешь ли хвалить, благодарить, славословить Господа?— въ Божественныхъ Псалмахъ найдешь наставленіе касательно всего этого.“ (б)

„Ни что столько не способно, говоритъ св. Златоустъ, воспоргать душу, окрылять ее, отрѣшать отъ земли, освобождать отъ узъ плоти, возбуждать къ любомудрію и презрѣнію житейскаго, какъ Божественная пѣснь, стройно и мѣрно сложенная. Богъ далъ намъ Псалмы, чтобы они были для насъ источникомъ и удовольствій и пользы. Отъ Псалмовъ великая польза, великое благо; они доставляютъ освященіе, научаютъ высокому любомудрію. Пѣніе Псалмовъ очищаетъ душу того, кто поетъ ихъ; Духъ св. осѣняетъ его своимъ наитіемъ. Кто призываетъ Давида съ его гуслями, тотъ призываетъ самаго Іисуса Христа. Хотя бы ты не понималъ смысла Псалмовъ, пусть однакожъ уста твои навыкнутъ читать ихъ: ибо самый языкъ

(а) Ambros in Ps. 1 praef. Tom. 1. pag. 788. seq. Edit. Bened.

(б) Athan. Epis. ad Marcel. Tom. 1. pag. 960, 962. Edit. Morel.

освящается словами Псалмовъ, когда они читаются съ готовымъ и усерднымъ расположеніемъ духа. (а) Въ Псалмахъ научаемся мы весьма многимъ полезнымъ вещамъ. Давидъ говоритъ тебѣ и о настоящемъ и обудущемъ; о видимыхъ и не видимыхъ тваряхъ. Онъ учитъ тебя и объ Іисусѣ Христѣ, и о воскресеніи, и о будущей жизни, и о покоѣ праведныхъ, и о мукахъ грѣшныхъ; сообщаетъ тебѣ и нравственное ученіе и догматическое; словомъ: въ Псалтири найдешь ты безчисленныя блага. Ты впалъ въ искушеніе?— найдешь въ ней самое лучшее утѣшеніе. Впалъ во грѣхи?— найдешь безчисленныя врачества. Впалъ въ бѣдность или несчастіе? Увидишь тамъ много пристаней. Если ты праведникъ,— пріобрѣтешь оттуда самое надежное подкрѣпленіе; если грѣшникъ,— самое дѣйствительное утѣшеніе. Если тебя надмѣваютъ добрыя дѣла твои,— тамъ научишься ты смиренію. Если грѣхи твои повергаютъ тебя въ отчаяніе,— тамъ найдешь для себя великое ободреніе. Если ты имѣешъ на главѣ царскій вѣнецъ, или отличаешься высокою мудростію,— Псалмы научатъ тебя быть скромнымъ. Если ты богатъ и славенъ,— Псалмопѣвецъ убѣдитъ тебя, что на земли нѣтъ ничего великаго. Если ты пораженъ скорбію,— услышишь утѣшеніе. Видишь ли ты, что нѣкоторые здѣсь недостойно наслаждаются счастіемъ?— научишься не завидовать имъ. Видишь ли, что праведные терпятъ бѣдствія наравнѣ съ грѣшными?— получишь объясненіе этого. Каждое слово тамъ заключаетъ въ себѣ безпредѣльное море мыслей.“ (б)

(а) in Ps. XLI. Tom. V. Edit. Bened.

(б) In Ep. ad Rom. Hom. XXVIII. p. 727, 728.

„Псалмопѣніе, заключимъ словами св. Ефрема Сиріанина, да будетъ въ устахъ твоихъ непрестанно. Богъ, призываемый въ Псалмахъ, отженетъ отъ тебя демоновъ и освятитъ тебя. Псалмопѣніе есть просвѣщеніе души, освященіе тѣла. Будемъ, Братія, пѣть Псалмы непрестанно,— и дома, и въ пути, и ложась спать, и вставая. Псалмопѣніе— радость Боголюбцевъ; оно отгоняетъ празднословіе, умѣряетъ смѣхъ, напоминаетъ судъ, душу возвышаетъ къ Богу, Ангеламъ сликовствуетъ. Гдѣ поются Псалмы съ умиленіемъ, тамъ Богъ съ Ангелами.“ (в)

ДРЕВНЕЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ.

Обычаи древней Христіанской Церкви, поучительные всѣ вообще, особенно поучительны тѣ, которые относятся къ св. Четыредесятницѣ, самому древнѣйшему и священнѣйшему посту Христіанскому. Не почитаемъ нужнымъ изображать ихъ пространно: полагаемъ, что и слѣдующее, краткое, указаніе на нихъ дастъ пріятную и полезную пищу для ума и сердца благочестивыхъ читателей.

Св. Четыредесятница въ древности была временемъ, въ которое

1. Оглашенные ближайшимъ образомъ приготовлялись къ святому крещенію. Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ (г) къ нимъ: „настоящее время есть время исповѣданія.— Всякую человѣческую заботу отвергни отъ себя, ибо теперь должно пещись тебѣ о душѣ.— Столько лѣтъ провелъ ты въ

(в) Еф. Сир. *наказ. о Псалмопѣніи*, стр. 102 на об.

(г) Оглашен. 1, 5.

суетныхъ трудахъ для міра: не потрудишься ли сорока дней въ молитвахъ для души твоей?“

2. Кающіеся, совершивъ иногда нѣсколько лѣтъ на различныхъ степеняхъ покаянія, готовились къ принятію торжественнаго церковнаго разрѣшенія въ грѣхахъ своихъ. День св. Пасхи былъ обычнымъ днемъ для сего разрѣшенія, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ св. Григорія Нисскаго (а): „въ настоящій „день благоприлично не только при„водить къ Богу тѣхъ, которые по„средствомъ благодати крещенія пре„образились возрожденіемъ, но и тѣхъ, „которые, покаяніемъ и обращеніемъ отъ „мертвыхъ дѣлъ, опять восходятъ на „живый путь, руководитъ къ спаса„ющей надеждѣ, которой отчуждились „они посредствомъ грѣха.“— Извѣстно, что сорокодневный постъ издревле почитался самымъ приличнымъ временемъ для покаянія, для очищенія духовнаго и для приготовленія къ принятію особенныхъ даровъ Божіихъ.

3. Вѣрные приготовлялись къ достойному причащенію св. Таинъ. „Многіе говоритъ св. Златоустъ (б), приступали къ св. Тайнамъ просто, и какъ случалось, особенно въ сіе время, въ которое Христосъ предалъ таинство: потому отцы зная, сколько происходитъ вреда отъ такой небрежности, сошедшись назначили сорокъ дней для поста, молитвъ, слушанія, собраній, дабы всѣ мы, тщательно очистивъ себя въ сіи дни молитвами, милостынею, постомъ, бдѣніемъ, слезами, исповѣданіемъ и другими добрыми дѣлами, могли потомъ, по возможности съ чистою совѣстію, приступить.“

4. Постились всѣ Христіане. Въ той же бесѣдѣ, изъ которой заимствованы предъидущія слова Златоустаго, онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Четыредесятницу, и безъ напоминанія и наставленія, каждый, даже нерадивый, постится, наставляемый самымъ временемъ.

5. Тѣ, которые, по немощи тѣлесной, не могли содержать поста строгаго, должны были усугубить другія дѣла благочестія и любви Христіанской. „Кто принимаетъ пищу и не можетъ поститься, учитъ Вселенскій Учитель (в), да подаетъ обильнѣйшую милостыню, да покажетъ непрестанную молитву, да имѣетъ большую готовность къ слушанію словъ Божіихъ: въ этомъ не можетъ препятствовать ему немощь тѣла. Да примиришся съ врагами, всякое злопамятство да отженетъ отъ души своей.“

6. Тѣ, которымъ не препятствовала поститься немощь тѣла, не вкушали никакой пищи до вечера, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Василія В: (г) „ты ожидаешь вечера для принятія пищи, а цѣлый день проводишь въ судахъ“...

7. Скоромной пищи, т. е. сыра, яицъ и мяса совсѣмъ не употребляли вѣрные. „Мы постимся, говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій (д), воздерживаясь отъ вина и мясъ.“ Соборъ Трулльскій, въ правилѣ 56, употребляющихъ

(а) Послан. къ Летою.
(б) Бес. 52 въ Г. V
(в) Злат. Бес. 10 на Быт.
(г) Въ словѣ о постѣ.—Беллармінъ (T. IV. de bon. oper. L. 2. c. 2. замѣчаетъ, что этотъ обычай продолжался въ самой Римской Церкви до 12-го вѣка.
(д) Оглаш. 4, 27.

въ великій постъ сыръ, яица и мясо, осуждаетъ на отлученіе отъ Церкви. Валсамонъ, Патріархъ Антіохійскій, пишетъ, что въ Четыредесятницу никому не позволяется вкушать мяса, и что объ этомъ было спрашиваемо на Соборахъ, но позволенія не дано (е).

8. Въ самой постной пищѣ Христіане должны были наблюдать умѣренность. Отцы съ силою обличали тѣхъ, которые старались разнообразить и приправлять свою постную пищу, а напротивъ учили избытокъ ея отдавать бѣднымъ.— „Постясь, отдадимъ обѣдъ въ руки бѣднаго.— Рука бѣднаго есть сокровищница Христова: ибо что получаетъ нищій, то принимаетъ Христосъ (ж).“ Оригенъ пишетъ (з), что онъ нашелъ въ одной книгѣ изреченіе Апостольское: „блаженъ, кто еще постится для того, чтобы питать бѣднаго: постъ его весьма пріятенъ Богу.“

9. Ежедневно бывали Христіане въ Церкви и слушали поученія. Изъ бесѣдъ св. Златоуста на кн. Бытія и словъ къ Антіохійскому народу видимъ, что святый учитель продолжалъ свои поученія чрезъ всю четыредесятницу. И въ одной бесѣдѣ (и) онъ требуетъ отъ Христіанъ плодовъ таковыхъ ежедневныхъ поученій. „Не того только требуется, чтобъ мы ежедневно собирались, о томъ же непрестанно слушали и всю четыредесятницу постились“ и пр.

10. Запрещалось совершеніе Литургіи во всѣ дни, кромѣ субботъ и дней воскресныхъ (і). Вселенскій соборъ 6-й (въ прав. 52) предписываетъ въ прочія дни, если нужно, совершать литургію преждеосвященную.

11. Позволялось нѣкоторое облегченіе отъ поста только въ субботы и воскресенья. Златоустъ сравниваетъ сіи два дня въ недѣли съ мѣстами отдохновенія для путешественниковъ. „Господь, говоритъ (к), даровалъ намъ (въ сихъ дняхъ) покой, дабы постящіеся— и для тѣла нѣсколько ослабили труды поста и духъ ободрили, и по прошествіи сихъ двухъ дней съ новою бодростію продолжали свое прекрасное путешествіе.“

12. Не совершались праздники. Соборъ Лаодикійскій въ правилѣ 51-мъ пишетъ: „не должно въ Четыредесятницу праздновать въ честь Мучениковъ, а совершать память ихъ въ субботы и дни воскресные.“

13. Запрещено было совершать браки, и праздновать дни рожденія. См. прав. 52 тогоже Собора.

14. Запрещены были зрѣлища и публичныя игры. Это находимъ не только въ поученіяхъ Отцевъ, но и въ законахъ Императоровъ. (л)

15. Христіанскіе Императоры запрещали судебныя истязанія и тѣлесныя наказанія. Только въ случаяхъ важнѣйшихъ было исключеніе изъ сего правила. Такъ Феодосій II велитъ производить судебныя изслѣдованія о разбойникахъ Исаврянахъ, не смотря на самую Четыредесятницу и Пасху: ибо, говоритъ, болѣе милосердія въ томъ, чтобы открыть злые замыслы и со-

(е) Ep. de jciunio, у Кошелер. Monum. Eccl. gr. T. 11.
(ж) Злат. слово 8 о постѣ и милости.
(з) Бес. 10 на Левит.
(и) Бес. 11 на Быт.
(і) Соб. Лаодик. пр. 49.
(к) Бес. 11 на Быт.
(л) Cod. Theod. L. XV. tit. 5 l. 5.

хранить жизнь невинныхъ, нежели въ острочкѣ суда по причинѣ святости времени. (м)

16. Въ самыхъ городахъ все было тихо и благочинно. „Нынѣ, говоритъ св. Златоустъ объ Антіохіи, городъ нашъ подобенъ цѣломудренной, благолѣпной и разумной благородной женщинѣ (н).— Не услышишь, чтобъ ночью пѣли, не увидишь, чтобъ днемъ шатались пьяные, кричали, дрались: вездѣ глубокая тишина." (о)

17. Иноки удалялись въ дальнія пустыни и шамъ въ строжайшемъ постѣ, въ бдѣніи и молитвахъ провождали все время до самаго окончанія Четыредесятницы. (п)

СЛОВО
О Постѣ 3-е

Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, возовите ко Господу усердно.

Іоил. 1, 14.

Освятите постъ!— Но, развѣ постъ самъ по себѣ не святъ, что его надобно освящать?

Нѣтъ, Братіе, постъ самъ въ себѣ святъ и чистъ, а бываетъ не святъ по причинѣ нашей нечистоты, подобно тому какъ чистый и золотой сосудъ теряетъ чистоту и благолѣпіе отъ прикосновенія къ нему рукъ и устъ нечистыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на постящихся: одинъ, предавшись посту, думаетъ не ядѣніемъ яствъ вознаградить закону и правдѣ Божіей за свои грѣхи, и, въ ложномъ мечтаніи о своей святости, позволяетъ себѣ презирать, какъ грѣшниковъ, всѣхъ, кто не постится подобно ему:— не нужно ли освятить такой— гордѣливый постъ— смиреніемъ? Другой, въ жару благочестивой, но необдуманной ревности, вдругъ предается посту до того, что дѣлаетъ себя не способнымъ къ исправленію дѣлъ своего званія:— не должно ли и сей— не разумный— постъ освятить благоразуміемъ Христіанскимъ?— Третій, ограничивая постъ тѣломъ и его нуждами, ни сколько не думаетъ о пощеніи духовномъ, о поздержаніи отъ страстей, о дѣлахъ любви и благочестія: и сей односторонній и безплодный постъ, явно, требуетъ освященія посредствомъ внутренняго самоотверженія, Богомыслія, молитвы и благотворительности.—

Итакъ, братіе, желая освятиться посредствомъ поста, освятимъ прежде, по слову Пророка, самый постъ. Какимъ образомъ? Во первыхъ, освобожденіемъ нашего поста отъ неправильныхъ понятій о немъ, кои превращаютъ его и отнимаютъ у него силу; во вторыхъ— правильнымъ употребленіемъ нашихъ пощеній и ближайшимъ направленіемъ къ ихъ цѣли; наконецъ, соединеніемъ поста съ другими дѣлами вѣры и любви.

Мы назвали св. постъ врачествомъ для души. Такое понятіе о постѣ уже не мало помогло намъ въ изображеніи его благотворныхъ дѣйствій. Сего же понятія о постѣ, не смотря на про-

(м) См. Cod. Th. L. IX. tit. 35 l. 4 5 и 7.

(н) Бес. 2 на Быт.

(о) Бес. 1 о Аннѣ. (въ Т. IV.)

(п) Свидѣтельство на сіе можно найти въ житіяхъ святыхъ, на прим. въ житіи пр. Зосимы, обрѣтшаго Марію Египетскую. Подобные примѣры были и у нашихъ Россійскихъ иноковъ, какъ читаемъ въ житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго.

стому; достаточно будетъ и теперь, дабы вывести изъ него всѣ главныя правила, кои должно соблюдать намъ во время поста.

Постъ есть врачевство для души и тѣла; посему тотъ былъ бы въ жалкомъ заблужденіи, кто, понадѣясь на силу своего поста, возмнилъ бы найти въ немъ одномъ средство къ примиренію съ Богомъ, къ удовлетворенію закону и правдѣ Божіей, къ вознагражденію за свои грѣхи, къ уплатѣ долга совѣсти. Врачеваніемъ своихъ болѣзней не платятъ своихъ долговъ, не вознаграждаютъ обидъ, причиненныхъ кому-либо, не примиряются съ закономъ. Преступникъ, исцѣленный отъ болѣзни посредствомъ чего бы то ни было, все — преступникъ. Для освобожденія отъ угрожающей казни нужно не здоровье, а со всѣмъ другое — оправданіе, или помилованіе. — Вы знаете, Кѣмъ и какъ доставлено всѣмъ намъ это Божественное оправданіе и вмѣстѣ помилованіе, — заслугами и крестною смертію Сына Божія, за насъ подъятою. Посему кто возмнилъ бы безъ вѣры въ заслуги и смерть Спасителя, однимъ постомъ удовлетворить на судѣ правдѣ Божіей за свои грѣхи, тотъ симъ самымъ показалъ бы совершенно ложное понятіе и о правдѣ Божіей и о своихъ грѣхахъ. Какое удовлетвореніе закону Божію въ томъ, что мы не вкушаемъ пищи? Всесвятой правдѣ Божіей, оскорбленной нашими гр. ами, не могутъ удовлетворить самыя добродѣтели наши; ибо всѣ онѣ суть непремѣнный долгъ нашъ. Ей удовлетворяетъ, какъ мы сказали, одна смерть Сына Божія, за насъ подъятая. Посему, чтобы нашъ постъ былъ дѣйствителенъ и благопріятенъ Господу, мы должны удалять отъ него всякое понятіе, какъ о жертвѣ за грѣхи, и представлять его только средствомъ къ ослабленію въ насъ пагубной наклонности къ чувственности и постыднаго рабства плоти, и вмѣстѣ съ симъ должны, какъ можно болѣе, освящать его вѣрою въ заслуги Искупителя, которая одна, усвояя ихъ душѣ нашей, симъ самымъ оправдываетъ насъ предъ Богомъ. Вотъ первое освященіе поста вѣрою и упованіемъ!

Постъ есть врачевство для души и тѣла; посему и тотъ, явно, поступилъ бы вопреки самому существу поста, кто, соблюдая постъ, думалъ бы, что потому самому онъ имѣетъ право превозноситься надъ всякимъ, кто не постится, подобно ему. Гордятся ли множествомъ лекарствъ, или продолжительнымъ употребленіемъ ихъ? — Напротивъ, это часто почитаютъ нужнымъ скрывать. За чѣмъ же ты будешь превозноситься своимъ постомъ? — Если онъ великъ; то это знакъ, что ты малъ. Если онъ продолжителенъ; то безъ сомнѣнія, потому, что болѣзнь твоя упорна, или здравіе не надежно. Чѣмъ тутъ превозноситься? — Ближній твой не постится, подобно тебѣ? Можетъ быть, онъ уже здравъ духомъ и не имѣетъ нужды въ семъ врачевствѣ; можетъ быть, это врачевство принимается имъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ принимаешь ты. Хотя бы онъ былъ духовно мертвъ безъ врачевства, тобою употребляемаго: все ты можешь и долженъ только сожалѣть и молиться о немъ, а не гордиться тѣмъ, что ты постигъ силу врачевства и употребляешь его, какъ должно. Но ты никакъ не можешь употреблять его, какъ должно, доколѣ не освятишь своего поста смиреніемъ. Ибо общая

болѣзнь человѣчества, которую ты предпринялъ врачевать въ себѣ постомъ и покаяніемъ, главнымъ образомъ состоитъ въ самолюбіи и гордости. Посему-то св. Церковь никогда такъ громко и многократно не молитъ Господа, какъ во время поста, о томъ, чтобы Онъ даровалъ каждому изъ насъ *зрѣти своя прегрѣшенія и не осуждати брата своего.* Стоитъ онъ? своему Господеви стоитъ. Падаетъ? своему Господеви падаетъ. Всякъ долженъ смотрѣть за собою: стоитъ ли онъ,— не падаетъ ли онъ?— Это второе, необходимое освященіе поста— смиреніемъ!—

Постъ есть врачевство для души и тѣла; посему его надобно и употреблять какъ врачевство. Какъ употребляются лекарства? Большею частію не вдругъ, а постепенно, въ извѣстной мѣрѣ. Употребленіе всего врачевства вдругъ, во многихъ случаяхъ, причинило бы смерть. Постъ, по самому существу своему, принадлежитъ къ врачевствамъ, употребляемымъ не вдругъ. Посему тотъ поступилъ бы безразсудно, кто, рѣшившись прибѣгнуть къ посту для врачеванія своей души, вдругъ лишилъ бы себя пищи на слишкомъ долгое время. Вмѣсто пользы, отсюда можетъ произойти вредъ; такимъ образомъ постящійся сдѣлается неспособнымъ къ дѣламъ званія своего, ослабѣетъ, даже можетъ подвергнуть опасности свою жизнь. Тогда что пользы?— одно нареканіе на постъ. Святые подвижники постились весьма долгое время: но какъ?— Пріучивъ себя къ тому постепенно. Парить за сими орлами къ облакамъ могутъ только, подобные имъ, орлы; для насъ довольно начать приподниматься отъ земли. Усовершимся въ полетѣ? Тогда стремись выше и далѣе.

Что еще наблюдаютъ при употребленіи врачевствъ?— Соразмѣряютъ ихъ съ возврастомъ, тѣлосложеніемъ и другими обстоятельствами врачуемаго. Тоже надобно наблюдать и при употребленіи поста. Безразсудно было бы малолѣтному, или престарѣлому, или немощному возложить на себя такой постъ, какой могутъ переносить только возрастные, крѣпкіе и полные жизнію. Св. Церковь, какъ чадолюбивая матерь, не забыла обратить вниманіе на все сіе; и какъ сама уставила правила снисхожденія примѣнительно къ положенію постящихся, такъ поставила въ обязанность дѣлать тоже самое духовнымъ Отцамъ, при наложеніи на кающихся поста, въ видѣ Епитимій. Послѣ сего намъ остается только быть внимательными къ своему положенію, и пользоваться благоснисходительнымъ руководствомъ св. Церкви и ея Пастырей. Это третіе освященіе поста— благоразумнымъ употребленіемъ его, по мѣрѣ своихъ силъ и нуждъ!—

Постъ есть врачевство для души; посему во время поста надобно смотрѣть не на одно тѣло, а паче на душу. И при врачеваніи тѣлесныхъ недуговъ, состояніе души много значитъ; потому врачи и совѣтуютъ, при употребленіи лекарствъ, наблюдать какъ можно болѣе душевнаго спокойствія, не думать о томъ или другомъ предметѣ, стараться занимать воображеніе тѣмъ, что есть лучшаго. Кольми паче нужно все это при употребленіи поста. Какое вредное было бы противорѣчіе— тѣло лишать пищи, а душѣ въ тоже время позволять предаваться мірскимъ помысламъ, яростнымъ движеніямъ, поры-

вамъ самолюбія или ненависти! Это значило бы другою рукою разрушать то, что насаждается и созидается одною.

Спросите: какія занятія особенно приличны посту?— Во первыхъ молитва, общественная и домашняя; потомъ самоиспытаніе или изслѣдованіе своей жизни и совѣсти, размышленіе о предметахъ вѣры, особенно о жизни и ученіи, страданіяхъ и смерти за насъ нашего Спасителя; далѣе— примиреніе со всѣми врагами и прощеніе обидъ, дѣла человѣколюбія и благотворительности,— чтеніе слова Божія и душеспасительныхъ книгъ, бесѣда съ людьми благочестивыми, и тому подобное. Каждое изъ сихъ средствъ помогаетъ дѣйствію поста, увеличиваетъ его силу, услаждаетъ его горечь, и такимъ образомъ освящаетъ нашъ постъ.

Наконецъ постъ есть врачевство сильное и необходимое, но вмѣстѣ съ симъ отнюдь не единственное, а приуготовительное къ другимъ, высшимъ, духовнымъ врачевствамъ; посему, предаваясь посту, надобно всегда имѣть въ виду дальнѣйшую цѣль, то-есть, покаяніе, исповѣдь и причащеніе св. Таинъ. Постъ долженъ помочь тебѣ первѣе всего выйти изъ подъ власти чувственности, уничтожить силу и власть плотскихъ страстей, дать свободу и удобность обозрѣть свою жизнь, узнать, какъ можно вѣрнѣе, язвы своей совѣсти, найти главную страсть, тебя снѣдающую,— расположить искренно искать отъ ней изцѣленія,— рѣшиться однажды и на всегда— начать жизнь добродѣтельную. Если сего нѣтъ, то постъ, значитъ, еще не доставилъ тебѣ существенной пользы, и надобно или усугубить его, или исправить. Надобно усугубить его, или исправить и въ такомъ случаѣ, если постясь, ты не приблизился духомъ къ своему Спасителю, не почувствовалъ нужды въ заслугахъ Его, не ощутилъ духовнаго глада къ насыщенію себя Божественною трапезою тѣла и крови Его, не слышалъ еще въ себѣ гласа любви Его, призывающей къ соединенію съ Нимъ.

Какъ ни кратки и просты сіи правила поста, мною предложенныя, но если мы будемъ, брат., наблюдать ихъ постоянно во время нашего пощенія; то-есть, если будемъ растворять постъ нашъ вѣрою, смиреніемъ и молитвою, будемъ соразмѣрять его съ силами и потребностями нашими, будемъ постясь тѣлесно, поститься въ тоже время и духовно: то постъ нашъ будетъ святъ и благоугоденъ Господу, и послужитъ въ освященіе душъ и тѣлесъ нашихъ.

Между тѣмъ изъ самыхъ наставленій о постѣ, мною предложенныхъ, уже вы видите, брат., какъ нужно каждому изъ васъ, вступая на поприще поста, со всею основательностію, размыслить предварительно о томъ, какъ ему поститься? отъ чего особенно воздержаться? до чего простерть лишеніе? Чѣмъ и какъ занять себя въ это время? Для многихъ присемъ случаѣ можетъ еще открыться нужда въ совѣщаніи съ людьми, опытными въ духовныхъ подвигахъ. Не пренебрегайте, молимъ васъ, симъ важнымъ средствомъ; пріимите трудъ найти для себя благоразумнаго руководителя. Когда мы предпринимаемъ лечить какую нибудь важную болѣзнь тѣла, сколько бываетъ у насъ предварительныхъ размышленій! Готовы, если бы можно было, созвать врачей со всего свѣта! А приступая къ вра-

чеванію души — дѣлу такъ важному, котораго слѣдствія простираются на всю вѣчность, — думаемъ произвести сіе безъ особеннаго размышленія, на скоро, поверхностно, какъ бы дѣло шло объ уврачеваніи какого-либо домашняго животнаго! Послѣ сего удивительно ли, что самыя превосходныя средства духовнаго врачеванія, представляемыя намъ св. Церковію, не приносятъ пользы, и употребленіе ихъ, оставаясь безъ плода, служитъ нерѣдко къ нареканію на самыя средства?

Да не будетъ сего ни съ кѣмъ изъ васъ, возлюбленніи! Да содѣлается св. постъ спасительнымъ врачевствомъ для душъ и тѣлесъ вашихъ! Пророкъ, коего слова мы каждый разъ полагали въ основаніе собесѣдованій нашихъ о постѣ, имѣлъ утѣшеніе живописать потомъ благотворныя дѣйствія, кои постъ, покаяніе и молитва, имъ заповѣдуемыя, произвели надъ его слушателями. Ничего не приписывая слабому слову нашему, но всего ожидая отъ всемощнаго дѣйствія благодати Божіей, избравшей насъ недостойныхъ въ служеніе слова, и мы дерзаемъ уповать, что, по окончаніи поприща св. поста, съ наступленіемъ святыхъ дней Воскресенія Христова, когда намъ должно будетъ изображать качества человѣка, воскресшаго со Христомъ и обновленнаго благодатію, — мы будемъ имѣть, драгоцѣнное для насъ, утѣшеніе, если не указать на кого-либо изъ васъ въ примѣръ духовнаго обновленія, то по крайней мѣрѣ имѣть его въ виду. Аминь.

Милуяй нища взаимъ даетъ Богу.

Никому изъ заимодавцевъ не возвращается такъ вѣрно его сокровище, какъ тѣмъ, кои одолжали бѣдныхъ. Долгъ ихъ платится рукою промысла Божія невидимо и въ этой жизни, но видимо и торжественно по смерти. Вотъ доказательства сего послѣдняго воздаянія.

Славный просвѣщеніемъ и пастырскими добродѣтелями Синезій Епископъ Птолемаидскій, жившій въ 5-мъ вѣкѣ, послѣ многихъ усильныхъ стараній, успѣлъ наконецъ обратить ко Христу язычника Философа Евагрія, друга своего, съ которымъ онъ, бывъ еще самъ язычникомъ, провелъ лѣта юности въ занятіяхъ науками. Сомнѣнія въ нѣкоторыхъ истинахъ Вѣры Христіанской, не совмѣстность ихъ съ гордымъ умомъ мыслителя, долго преграждавшія путь Евагрію ко вступленію въ царство Христово, не оставили его во все и по вступленіи. „Милосердіе къ бѣднымъ есть моя обязанность, сказалъ онъ однажды Епископу, бесѣдуя съ нимъ уже по принятіи крещенія; награда за благотвореніе — свѣтлая радость, сладостное утѣшеніе души: но вѣра говоритъ, что милуяй нища взаимъ даетъ Богу, получитъ онъ Него долгъ свой на небесахъ. — Какъ можно убѣдиться въ этомъ? — Чѣмъ докажешь, что сокровище, разданное мною бѣднымъ при крещеніи, уплатится мнѣ на небѣ? Поручишься ли мнѣ письменно за вѣрность сего воздаянія?“ — Даю собственноручное свидѣтельство въ томъ, что сокровище твое будетъ уплачено, сказалъ святитель Евагрію; — толь-

ко вѣруй, что всѣ обѣтованія святой нашей Религіи непреложны. Евагрій, получивъ желанное рукописаніе, хранитъ его съ возможнымъ тщаніемъ, и, почувствовавъ наконецъ приближеніе кончины, приказываетъ дѣтямъ тайно положить его съ нимъ во гробъ.— Чрезъ три дня по смерти, умершій является Епископу, проситъ открыть его гробъ и взять свое рукописаніе, увѣряя, что сокровище, которое отдалъ онъ бѣднымъ, ему уплачено;— во свидѣтельство чего онъ собственноручно подписался на свиткѣ, съ нимъ положенномъ. Святитель не зналъ, что съ умершимъ положено его рукописаніе; призвавши дѣтей, онъ узнаетъ отъ нихъ о сей тайнѣ, потомъ разсказываетъ имъ о сновидѣніи своемъ; и призвавъ клиръ, пригласивъ честнѣйшихъ гражданъ и сановниковъ, идетъ въ сопровожденіи ихъ ко гробу Евагрія и, открывъ его, находитъ собственноручный свитокъ,— подъ строками его-слова, только— что написанныя рукою умершаго, заключавшія свидѣтельство въ томъ, что долгъ, на полученіе котораго изъ сокровищъ небесныхъ онъ бралъ сіе рукописаніе, ему дѣйствительно уплаченъ.

Писатель сей Исторіи говоритъ, что онъ слышалъ о семъ произшествіи въ Александріи отъ Леонтія, приходившаго туда для рукоположенія во Епископа Церкви Киринейской— мѣста рожденія и воспитанія Синезія, и что во свидѣтельство достовѣрности сказаннаго указывалъ на свитокъ найденный во гробѣ Евагрія, доколѣ еще хранимый въ Киринеи, въ ризницѣ Церковной.

Будемъ удѣлять отъ сокровищъ своихъ бѣднымъ братіямъ, дабы и намъ по смерти получить долгъ свой отъ Господа.

ПОЧЕМУ ПРАВЕДНЫЕ УМИРАЮТЪ ИНОГДА СМЕРТІЮ ЗЛОЮ, А ГРѢШНИКИ ДОБРОЮ?

Одинъ отшедьникъ, пришедши въ городъ продать свое рукодѣліе, видѣлъ погребеніе, извѣстнаго всѣмъ по злымъ качествамъ, вельможи и удивлялся тому, что беззаконника провожали съ великою честію церковною и гражданскою. Еще болѣе поразило его то зрѣлище, какое онъ увидѣлъ возвратясь въ пустыню: благочестивый старецъ, наставникъ отшельника, лежалъ тамъ растерзанный гіеною. Господи, взывалъ осиротѣвшій пустынникъ, почему это злой вельможа сподобился столь славной смерти, а этотъ святый мужъ растерзанъ звѣремъ? Плачущему явился Ангелъ и сказалъ: „не плачь по твоемъ учителѣ. Злой вельможа имѣлъ одно доброе дѣло и за то сподобился честнаго погребенія; но награда его только здѣсь, а тамъ ожидаетъ его казнь за всѣ злыя дѣла его. Напротивъ твой наставникъ, хотя во всемъ угоденъ былъ Богу, однако и у него былъ одинъ порокъ, отъ котораго онъ и очищенъ злою смертію.“ (*)

(*) Прол. Іюл. 21.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 25 Января 1859 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 48. НЕДѢЛЯ (3-я ПОСТА) КРЕСТОПОКЛОННАЯ. ФЕВРАЛЯ 26. 1839.

Апостолъ: Евр. 4, 14—16. 5, 1—6. Евангеліе: Мар. 8, 34—38. 9, 1.

ЦЕРКОВНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ПЯТИКНИЖІЯ МОИСЕЕВА.

Новозавѣтная Церковь, изъ сокровищницы слова Божія какъ новозавѣтнаго, такъ и ветхозавѣтнаго, питающая насъ ежедневно, нынѣ въ св. Четыредесятницу питаетъ насъ словомъ Божіимъ въ большей мѣрѣ, начиная отъ самой первой книги Библейской и проводя насъ почти чрезъ все св. Писаніе. Потому и мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на эту сокровищницу св. Духа, нынѣ въ наибольшемъ пространствѣ намъ отверзаемую. На первый разъ обратимся къ первымъ книгамъ Библіи, или пятикнижію Моисея, и укажемъ преимущественно на Церковное ихъ употребленіе.

I

Содержаніе книги Бытія.

Книга Бытія описываетъ сотвореніе міра, блаженство и паденіе человѣка, размноженіе рода человѣческаго до потопа и послѣ потопа, жизнь Патріарховъ Авраама, Исаака, Іакова и Іосифа.

Мѣста, заимствуемыя изъ книги бытія для чтенія при Церковномъ Богослуженіи.

Книга Бытія почти всецѣло прочитывается въ продолженіе св. Четыредесятницы. На вечерняхъ великопостныхъ первая паремія постоянно заимствуется изъ сей книги. Сверхъ того отсюда же заимствуются Пареміи, которыя читаются на вечерняхъ или всенощныхъ бдѣніяхъ нѣкоторыхъ праздниковъ, какъ то: А) *Просвѣщенія, или крещенія. Первая Паремія* берется изъ 1 главы, ст. 1—13. о придневномъ твореніи, конечно потому, что происхожденіе видимаго свѣта служитъ образомъ внутренняго благодатнаго просвѣщенія въ сердцахъ вѣрующихъ (2 Кор. 4, 6), при посредствѣ слова Божія. А воды, подъ вліяніемъ носившагося надъ ними Духа Божія, то отдѣляемыя отъ тьмы, то осіяваемыя свѣтомъ, то возвышаемыя до неба и въ послѣдствіи дающія жизнь, очевидно изображаютъ различныя дѣйствія таинства крещенія. *Вторая Паремія* на сей праздникъ берется изъ гл. 32, 1—10. Описываемый здѣсь переходъ Іакова чрезъ Іорданъ, вступленіе въ отеческую землю, и въ тоже время полученное новое имя— Израиля, ясно указуютъ, что Іисусъ, чрезъ Крещеніе свое въ той же рѣкѣ, вступилъ въ служеніе роду человѣческому съ именемъ Сына Божія, торжественно засвидѣтельствованнымъ отъ Бога Отца. Б) *Обрѣзанія Господня.* Паремія на сей праздникъ содержитъ установленіе обрѣзанія, заповѣданное Богомъ Аврааму (Быт. 17, 1—14). В) *Вѣ недѣлю Ваій, или входа Іисуса Христа вѣ Іерусалимъ.* Чтеніе изъ 49, 1—12 объ Іудѣ, привязывающемъ къ превосходной лозѣ *жребя свое и жребца осляте своего,* очевидно, имѣетъ отношеніе *къ ослицѣ и жребяти привязаннымъ.* (Матѳ. 21, 2),— по толкованію Святыхъ отцевъ, образующимъ Іудеевъ и язычниковъ,— отвязаннымъ, по повелѣнію Господа для входа въ Іерусалимъ, то-есть, въ новозавѣтную Церковь, и тамъ паки привязаннымъ къ живоносной лозѣ,— Іисусу Христу (Іоан. 15, 1). Г) *Вѣ Великую Субботу,— предпраздственный день Воскресенія Христова.* Чтеніе о жертвоприношеніи Исаака (Быт. 22, 1—8), въ теченіе трехъ дней умерщвляемаго произволеніемъ отца, и отъ смерти возвращаемаго къ жизни, есть ясная *притча,* или изображеніе смерти и воскресенія Іисуса Христа (Евр. 11, 19). Д) *Вѣ дни праздниковъ Богородичныхъ.* Чтеніе заимствуется изъ Бытія 18, 10—17 о видѣнной Іаковомъ чудесной лѣствицѣ, соединявшей небо съ землею, и тѣмъ прообразовавшей Божію Матерь, которая и называется отъ Святыхъ Отцевъ *лѣствицею небесною, еюже сниде Богъ, и мостомъ преводящимъ сущихъ отъ земли на небо.* Е) *Вѣ недѣлю святыхъ Отецъ.* Въ сіи дни читается повѣствованіе объ освобожденіи плѣннаго Лота Авраамомъ (Быт. 14, 13—20). Побѣда, пріобрѣтенная отцемъ вѣрующихъ съ помощію его домочадцевъ и другихъ, приглашенныхъ имъ союзниковъ, служитъ образцемъ торжества, какое всегда получала Христова Церковь надъ своими врагами, при помощи какъ Святыхъ Отцевъ Ветхозавѣтныхъ, преемственно отъ Авраама до Христа сохранившихъ въ чистотѣ залогъ вѣры, такъ и Святыхъ Отцевъ Ново-

завѣтныхъ, защищавшихъ православѣріе на Соборахъ.

II.

Содержаніе книги Исхода.

Въ книгѣ Исхода повѣствуется о бѣдственномъ состояніи Евреевъ въ Египтѣ, о рожденіи, воспитаніи и призваніи Моисея, объ исходѣ народа Божія изъ земли страданій подъ явнымъ водительствомъ Божіимъ, о Синайскомъ законодательствѣ и о построеніи Скиніи.

Мѣста изъ книги Исхода заимствуемыя для чтенія при Церковномъ Богослуженіи.

1. На вечерняхъ Страстной седмицы первая Паремія заимствуется изъ книги Исхода: а) *въ понедѣльникъ*— чтеніе о размноженіи и притѣсненіи Евреевъ въ Египтѣ (Исх. 1, 1—20). б) *во вторникъ*— чтеніе о избавленіи Моисея отъ воды и усыновленіи его дочерью Фараона (Исх. 2, 5—10). в) *въ среду*— чтеніе о бѣгствѣ Моисея въ землю Мадіамскую и его сопружествѣ (Исх. 2, 11—22). г) *въ четвертокъ*— чтеніе о приготовленіи Еврейскаго народа къ слышанію закона при горѣ Синайской (Исх. 19, 10—19). д) *въ пятокъ*— чтеніе заключаетъ молитву Моисея, чтобы Богъ, простивъ согрѣшившихъ идолослуженіемъ Израильтянъ, не лишилъ ихъ впредь своего водительства, и явилъ ему новымъ образомъ славу свою (Исх. 33, 11—23). е) *въ субботу, предпраздственный день Пасхи, первая Паремія* содержитъ установленіе Пасхи (Исх. 12, 1—11), которою такъ ясно изображается закланіе Іисуса Христа. Ибо Онъ, по слову Апостола Павла, есть истинная *Пасха, пожертая за насъ* (1 Кор. 5, 7), или, по слову Предтечи. *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). *Вторая Паремія* заключаетъ въ себѣ переходъ Израильтянъ чрезъ Чермное Море, погибель враговъ ихъ и благодарственную пѣснь спасенныхъ (Исх. 13, 20—22. гл. 14 и 15, 1—19). Прообразовательный смыслъ сихъ произшествій прекрасно выраженъ въ 1-мъ ирмосѣ канона на св. Пасху: *Воскресенія день просвѣтимся людіе! Пасха, Господня Пасха: отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси Христосъ Богъ насъ преведе, побѣдную поющія.*

Пѣснь Моисея: *Поимъ Господеви, славно бо прославися* (Исх. 15, 1—19) читается на утреняхъ предъ первою пѣснію Церковныхъ каноновъ, и служитъ основою перваго ирмоса.

Сверхъ того изъ книги Исхода заимствуются Пареміи на слѣдующіе праздники: а) *введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.* Чтеніе содержитъ исторію о постановленіи и освященіи Скиніи, которую наполнила слава Господня (Исх. 40, 1—34). По толкованію Церковныхъ Учителей, Скинія прообразовала Божію Матерь, которая съ трехлѣтняго возраста живя въ храмѣ, въ послѣдствіи удостоилась сама быть скиніею, или вмѣстилищемъ Невмѣстимаго. б) *Срѣтенія Господня.* Въ Пареміи на сей день излагается законъ о посвященіи первенцевъ Богу (Исх. 13, 1—15), законъ, въ слѣдствіе котораго самъ законодатель Іисусъ Христосъ принесенъ былъ во храмъ (Лук.

2, 22, 23). в) *крещенія Господня.* Въ двухъ Пареміяхъ на сей день (Исх. 12, 15—29. 15, 22—27.) говорится о переходѣ Израильскаго народа чрезъ Чермное море и вступленіи въ пустыню, въ которой онъ срѣтилъ искушеніе. Если переходъ Израильтянъ чрезъ море, по изъясненію Апостола Павла (1 Кор. 10, 2), означалъ крещеніе во Христа рукою Моисея, то повѣствованіе о семъ таинственномъ дѣйствіи прилично воспоминанію того дня, въ который самъ установитель крещенія—Іисусъ Христосъ пріемлетъ оное отъ руки Іоанна, и вскорѣ за тѣмъ, удалившись въ пустыню, выдерживаетъ сорокодневное искушеніе. г) *Преображенія Господня.* Въ двухъ Пареміяхъ на сей праздникъ говорится о возваніи Моисея на гору Синайскую, гдѣ онъ имѣетъ бесѣду съ Богомъ (Исх. 24. 12—18) и удостоивается видѣть славу Божію (Исх. 28, 11—23. 34, 1—8). Все это такъ ясно указуетъ на бесѣду и славу Ѳаворскую. д) *Честнаго и животворящаго креста Господня.* Читается повѣствованіе объ услажденіи горькихъ водъ Мерры, чрезъ вложеніе въ нихъ нѣкоего, показаннаго Богомъ Моисею древа (Исх. 15, 12—27. 16, 1). Симъ знаменуется сила Креста Христова, который прелагаетъ во благочестіе невѣрующія сердца язычниковъ (канонъ на Воздвиженіе, пѣснь 4, тропарь 1), и который для вѣрующихъ услаждаетъ горести сей жизни. Въ 20 главѣ сей книги заключается Десятословіе.

III.

Содержаніе книги Левитъ.

Книга Левитъ со всѣми подробностями излагаетъ обрядовые, до ветхозавѣтнаго служенія относящіеся, законы и обязанности священническаго чина, въ который избирались изъ колѣна Левіина.

Чтеніе изъ книги Левитъ при Церковномъ Богослуженіи.

Въ день *Церковнаго новолѣтія* (1-го Сентября) *и воспоминанія Полтавской побѣды* (27 Іюня), чтеніе берется изъ 26-й главы о томъ, что Богъ избранному своему народу обѣщаетъ плодородіе, миръ, и побѣды надъ врагами подъ условіемъ, если онъ будетъ исполнять Его заповѣди; въ противномъ же случаѣ угрожаетъ гладомъ, моромъ, войною и другими бѣдствіями.

IV.

Содержаніе книги Чиселъ.

Книга Чиселъ называется симъ именемъ потому, что содержитъ исчисленіе Израильскаго народа по колѣнамъ (гл. 1—4), во 2-й годъ странствованія, и новое исчисленіе въ послѣдній годъ (гл. 26); сверхъ того перечень всѣхъ произшествій, начиная отъ втораго мѣсяца втораго года, по исходѣ Евреевъ изъ Египта, до одинадцатаго мѣсяца въ сороковомъ году ихъ странствованія по Аравійской пустынѣ; короче—исчисляетъ произшествія съ Евреями отъ горы Синая до предѣловъ земли Ханаанской.

Мѣста изъ сей книги заимствуемыя для чтенія при Церковномъ Богослуженіи.

1. *На день Рождества* заимствуется изъ сей книги Паремія (Числ. 24, 3—9. 17—18), содержащая пророчество Валаама о народѣ Божіемъ, гдѣ Мессія изображается слѣдующими чертами: (7) *изыдетъ человѣкъ отъ сѣмени его и обладаетъ языки многими.* (9) *Возлегъ, почи, яко левъ: кто: возбудитъ его* (см. Апок. 5, 5)? *Благословляющіи Тя, благословени, и проклинающіи Тя, прокляти.* (17) *Возсіяетъ звѣзда отъ Іакова.* Отцы Церкви разумѣютъ сіе объ Іисусѣ Христѣ, который Захаріею въ Евангеліи называется *Востокомъ свыше* (Лук. 1, 7. 5), и рожденіе коего возвѣстила Волхвамъ чудесная звѣзда (Матѳ. 2, 2).—2. *На день Святыя Пятидесятницы, или сошествія св Духа.* Паремія изъ сей книги повѣствуетъ (Числ. 11, 16. 17. 24—29), какъ 70 старѣйшинъ, избранные Богомъ, для облегченія правительственнаго бремени Моисеева, получили св. Духа и въ слѣдъ за тѣмъ стали пророчествовать. Это такъ ясно сходствуетъ съ описаніемъ сошествія св. Духа на Апостоловъ (Дѣян. гл. 2).

V.

Содержаніе Второзаконія.

Книга Второзаконія содержитъ, послѣ краткой исторіи сорокалѣтняго путешествія Евреевъ, повтореніе, изъясненіе и дополненія законовъ, данныхъ отъ Бога сему народу, вскорѣ по изшествіи его изъ Египта, также Божія благословенія исполнителямъ, проклятія и наказанія нарушителямъ законовъ, торжественное возобновленіе завѣта съ Богомъ, избраніе Іисуса въ преемники Моисея, торжественную пѣснь послѣдняго о будущей судьбѣ народа,—благословеніе всѣхъ колѣнъ Израильскихъ, и наконецъ кончину сего пророка и вождя (которая вписана рукою другаго свящ. писателя, можетъ быть, Іисуса Навина).

Мѣста, заимствуемыя изъ сей книги для чтенія при Церковномъ Богослуженіи.

1. *Во дни Господскихъ праздниковъ вообще, напр: въ день празднованія нерукотворенному образу Спасителя,* изъ сей книги заимствуется двѣ пареміи (Втор. 4, 1. 6. 7. 9—15 и гл. 5, 1—6. 10—23. 26. 25. гл. 6, 3—5. 13. 18). Онѣ содержатъ Моисеево убѣжденіе народу Израильскому,—отъ всего сердца любить и почитать единаго истиннаго Бога, который, преимущественно предъ всѣми народами, благоволилъ дать ему мудрый и спасительный законъ на горѣ Синайской, гдѣ народъ самъ слышалъ гласъ Господа, хотя образа Его не видалъ, и за исполненіе сего закона обѣщаются особенныя богатыя милости. Симъ чтеніемъ во дни Господскихъ праздниковъ новозавѣтная Церковь даетъ разумѣть, что мудрый и благодѣтельный законодатель, глаголавшій къ народу Израильскому, не иной кто былъ, какъ Спаситель всего человѣческаго рода Іисусъ Христосъ, который въ послѣдокъ дній въ лицѣ своемъ благоволилъ явить намъ образъ существа Божія (Евр. 1, 3).

2) *Въ Недѣлю св. Праотецъ, Отецъ и трехъ Святителей* берутся двѣ Пареміи, изъ коей въ первой (Втор. 1, 8—17) говорится о избраніи началь-

никовъ и судей народа Израильскаго въ пособіе Моисею; а во второй (Втор. 10, 14—21) о томъ, что Господь, ради благочестивыхъ отцевъ сего народа, любитъ и благочестивое ихъ сѣмя. Очевидно въ сихъ чтеніяхъ предлагается урокъ Христіанамъ, чтобы они подражали вѣрѣ и добродѣтели св. Отцевъ и Наставниковъ,

3. Пророческая и обличительная пѣснь Моисея: *внуши небо и возглаголю* (Втор. гл. 32), читается предъ второю пѣснію каноновъ на утрени во св. Четыредесятницу, и всегда служитъ основою втораго ирмоса.

КРЕСТЪ,

УЧИЛИЩЕ ПОКАЯНІЯ И БЛАГОЧЕСТІЯ.

Всѣ важнѣйшія дѣйствія Церкви ознаменованы св. Крестомъ. Церковь преимущественно нынѣ, въ св. Четыредесятницу, преднаписываетъ сіе священное знаменіе предъ очами нашими. Почему такъ? Потому что Крестъ есть совершеннѣйшее училище покаянія и благочестія; потому что въ немъ весьма ясно изображены для насъ всѣ главныя истины Богопознанія и самопознанія, въ немъ видны основаніе Христіанскаго упованія и образецъ истинной любви и Богоугодной дѣятельности.

Не судихъ вѣдѣти что въ васъ, пишетъ Апостолъ къ Коринѳскимъ ученикамъ своимъ (1 Кор. 2, 2), *точію Іисуса Христа, и сего распята.* Одну истину крестную желаетъ онъ внушить имъ. Почему? потому что истина Креста заключаетъ въ себѣ всѣ другія истины и есть какъ бы источникъ и основаніе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы лучше познали Бога, самихъ себя и пріобрѣли вѣрный взглядъ на всѣ твари? Во свѣтѣ Креста Господня мы узрѣли истинный свѣтъ. Тщетно мудрецы міра силились составить себѣ вѣрное понятіе о Богѣ. Они уподобляли Его себѣ самимъ, не уподобивъ напередъ себя Богу. Если разуму ихъ и удавалось нѣсколько проникать въ святилище Богопознанія, то нечистота сердца не давала имъ видѣть полной истины. Потому, *разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце* (Римл. 1, 21). Нужно было посрамить, отвергнуть сію безплодную мудрость, погубить премудрость премудрыхъ (1 Кор. 1, 19): и Высочайшая Премудрость избрала для сего буйство Креста. *Бога никтоже видѣ, нигдѣ же: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. 1, 18). Онъ исповѣдалъ Его преимущественно на Крестѣ. Здѣсь явился Богъ всѣми совершенствами своими. На Голгоѳѣ болѣе открылъ Онъ себя нежели на Синаѣ. Не гласы грома раздавались здѣсь, возвѣщая страшное правосудіе Божіе, не дымилась гора, не горѣла отъ молній Бога Синаина; не угрожала смерть всѣмъ предстоящимъ Іеговѣ: словомъ, не было здѣсь тѣхъ ужасовъ, которые древле приличны были строгости законной. Но были ужасы другіе, еще большіе. Здѣсь закалалась всемірная жертва, возжигалась страшнымъ огнемъ вѣчной правды. Здѣсь проходили всѣ ужасы смерти и вся тяжесть гнѣва Божія. Но сіи ужасы не угрожали погибелію міру, тяжесть гнѣва Божія не хотѣла подавить родъ

человѣческій. Здѣсь одинъ страдалъ, одинъ за всѣхъ человѣковъ. И кто страдалъ? самъ Законодатель Синайскій, вѣчный Сынъ Божій!— Страдалъ для того, чтобы притупить въ Себѣ всѣ стрѣлы гнѣва Божія, чтобы побѣдить нашу смерть, очистить, упразднить нашъ грѣхъ, и открыть намъ, въ Себѣ же, новый путь, чистѣйшую истину и блаженную жизнь.— Какое высокое откровеніе Божества! Вотъ бездна благости и любви Божіей къ человѣку, и вмѣстѣ вотъ страшное величіе правосудія, потребовавшаго такой безконечной жертвы за грѣхи наши! а въ семъ дивномъ соединеніи любви и правосудія на крестѣ какая глубина премудрости Божественной! Вокругъ креста сотрясается природа, воскресаютъ мертвые, въ глубинѣ его разрушается адъ, въ высотѣ— отверзается рай, а въ широтѣ соединяются народы въ единую Церковь: вотъ дѣйствія всемогущества, силы животворящей, вездѣприсущей и все совершающей.— И чего не открывалъ бы намъ Крестъ о Божествѣ? Вѣра созерцаетъ на немъ и тайну троичности Божіей— въ Сынѣ, приносящемъ на немъ Себя въ жертву, Отцѣ, пріемлющемъ сію жертву и въ Духѣ святомъ, совершающемъ ее и распространяющемъ на всѣхъ вѣрующихъ.

Другой важный урокъ Креста есть урокъ самопознанія. Человѣкъ, забывъ Бога, забылъ и себя самаго. Позабывъ свою виновность предъ Богомъ, онъ нерадѣлъ о своемъ исправленіи; забывъ высокость существа и назначенія своего, приложился скотомъ несмысленнымъ. И вотъ на Крестѣ уготовано намъ врачевство, которое сильно отверзть очи наши, да видимъ сами себя въ истинномъ видѣ. Просвѣщенные Крестомъ, мы видимъ страшную бездну погибели, въ которую низвергъ насъ грѣхъ; не можемъ не видѣть и безобразія природы человѣческой, растлѣнной грѣхомъ; не можемъ не сознавать и крайняго безсилія ея— невозможности ей самой исправить, оживотворить себя. Все это видимъ мы и сознаемъ при свѣтѣ Креста. Такъ! пострадалъ ли бы за насъ самъ Сынъ Божій, еслибъ мы сами могли спасти себя? низошелъ ли бы Онъ до такой глубины истощанія, до самой смерти и ада, еслибъ наше паденіе не было столь же глубоко, и въ природѣ нашей сѣмя зла могло быть упразднено естественною силою нашего добра? Но тоже снисхожденіе къ намъ любви Божіей показываетъ и то, какъ драгоцѣненъ человѣкъ въ очахъ ея. Въ человѣкѣ падшемъ погребено сокровище дражайшее всего міра— образъ Божій: и сію драгоцѣнную драхму пришелъ взыскать на землѣ самъ Первообразъ нашъ— высочайшій Образъ ипостаси Отчей (Евр. 1, 3), Сынъ Божій! Какъ же должно быть велико назначеніе наше, какія сокровища ожидаютъ насъ въ вѣчности, въ дому славы Отца нашего! Чего не могутъ ожидать вѣрующіе на небѣ, послѣ того, какъ на землѣ столь пріискреннѣ соединилось Божество съ человѣчествомъ? *Иже убо своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся дарствуетъ?* (Римл. 8, 32)— *Или міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть*, говоритъ къ вѣрующимъ Апостолъ (1 Кор. 3, 22).

Столь высокія и животворныя истины Креста не только просвѣщаютъ разумъ, но еще болѣе дѣйствуютъ на сердце, производя въ немъ тотъ на-

чатокъ жизни, который есть собственно покаяніе. Просвѣщенная Крестомъ вѣра, естественно соединяется съ духовнымъ мужествомъ, съ непоколебимою надеждою и святою любовію Христіанскою.

Со всѣхъ сторонъ противостоятъ опасности вѣрующему. Путь ко спасенію усѣянъ терніемъ, проходитъ среди искушеній внутреннихъ и внѣшнихъ, исполненъ врагами. Чѣмъ подкрѣпить и обезопасить себя на столь трудномъ поприщѣ?— Крестомъ. Въ немъ вся надежда Христіанина, помощь, сила, оружіе. Имъ сражается онъ съ міромъ, плотію и діаволомъ. Это единственное знамя воиновъ Христовыхъ, за которымъ они неуклонно слѣдуютъ. Это столпъ облачный и огненный, и покрывающій ихъ и освѣщающій и руководствующій. Какъ жезлъ Моисеевъ, Крестъ изводитъ страдальцамъ воду изъ камня для утоленія жажды ихъ, какъ древо при водахъ Мерры, услаждаетъ имъ всякую горечь. Во всѣхъ бѣдствіяхъ, при всѣхъ опасностяхъ они взираютъ на Крестъ; воспоминаютъ страданія Господа; къ Нему, вождю и подвигоположнику своему, взираютъ они; предъ Нимъ изливаютъ слезы и молитвы свои, и— пріемлютъ новыя силы къ понесенію всякаго креста, имъ посылаемаго; подобно Апостолу Павлу, радуются въ страданіяхъ и говорятъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли или тѣснота, или гоненіе, или глади, или нагота, или бѣда, или мечъ?— Во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Римл. 8, 35. 37). На Крестъ своего Спасителя и Господа взираетъ Христіанинъ и тогда, когда, по немощи плоти, падаетъ и чувствуетъ въ себѣ жало грѣха. Какъ одно воззрѣніе на мѣднаго змія въ пустынѣ изцѣляло Израильтянъ отъ угрызеній змінныхъ, такъ и воззрѣніе съ вѣрою на Крестъ врачуетъ наши душевныя раны, прекращаетъ и истребляетъ смертоносное дѣйствіе грѣховнаго яда. Наконецъ на самомъ одрѣ смертномъ, когда ничто уже въ мірѣ не можетъ помочь намъ, одинъ Крестъ можетъ утѣшить, ободрить воодушевить насъ. Христіанинъ послѣдніе взоры свои обратитъ на него, какъ на первое и послѣднее прибѣжище свое, и съ отрадною мыслію о крестной побѣдѣ надъ смертію и адомъ, безъ сожалѣнія оставитъ настоящую жизнь, увѣренный, что тамъ ожидаетъ вѣрующаго новая жизнь съ Господомъ, сладкій плодъ Креста Его!

Какъ научаетъ насъ Крестъ любви и благой дѣятельности?— Яснѣе, выразительнѣе, нежели на древнихъ скрижаляхъ закона, изображены на немъ заповѣди любви къ Богу и ближнему. Онѣ изображены кровію любви и милосердія. *Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21): какой образъ любви можетъ быть совершеннѣе, свѣтлѣе, возвышеннѣе, и болѣе исполненъ духа и силы? Совершеннѣйшее повиновеніе волѣ Отца небеснаго и любовь къ человѣкамъ, полагающая за нихъ душу свою: таковъ высочайшій образецъ совершенства духовнаго, сіяющій на Крестѣ! Взирая на него, Христіанинъ воспоминаетъ молитву самаго Господа: Отче! не моя, но твоя воля да будетъ,— и самъ молится: Отче нашъ! да будетъ воля твоя яко на небеси и на земли! Воспомина-

етъ и то, какъ Великій Крестоносецъ, на пути крестномъ, забывалъ собственныя страданія и говорилъ Израильтянкамъ: себе плачите и чадъ вашихъ; какъ,—пригвождаемый ко кресту,—молился за распинателей: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ; какъ съ самаго креста призвалъ въ Царствіе небесное разбойника; какъ заботился о Божественной матери своей и возлюбленномъ ученикѣ своемъ; словомъ, какъ помышлялъ Онъ единственно о спасеніи человѣчества, и успокоился тогда только, когда рекъ: *совершишася!* Такъ и я долженъ, говоритъ Христіанинъ, забывая свои горести, заботиться о благосостояніи братій моихъ,—такъ и я долженъ прощать враговъ моихъ и за нихъ молиться; такъ—желать всѣмъ спасенія, такъ всѣхъ любить, всѣмъ благотворить: такъ долженъ я жить и умереть!—Тотъ же Крестъ напоминаетъ намъ и то, что должны дѣлать мы въ отношеніи къ самимъ себѣ. Смотря на него, припомнимъ слова Апостола: *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал 5, 24). *Помышляйте себе мертвыхъ грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 6, 11).

Но въ краткомъ очеркѣ нельзя изобразить всей силы и полноты ученія крестнаго. Приникай, Христіанинъ, самъ въ тайну Креста, размышляй о ней чаще и внимательнѣе; и ты найдешь въ Крестѣ Господа твоего болѣе пользы и мудрости, нежели во всѣхъ писаніяхъ мудрецовъ земныхъ; познаешь ту спасительную премудрость, которой поучались отъ Креста Апостолы, Мученики и всѣ Святые, и обрѣтешь самыя силы благодатныя, которыми они спасались и спасали другихъ.

СЛОВО
О ИСПОВѢДИ.

Во грѣсѣхъ твоихъ сталъ еси предо Мною и въ неправдахъ твоихъ. Азъ есмь, Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся. Глаголи ты грѣхи твоя прежде, и да оправдишися.

Исаі. 43, 24—26.

Для Всевѣдущаго ли были неизвѣстны грѣхи и беззаконія, коими народъ Израильскій покрытъ былъ, по выраженію Пророка, отъ главы до ногъ?—и Премилосердый опредѣлилъ уже простить и изгладить грѣхи Израиля, и не поминать болѣе беззаконій его. Между тѣмъ премудрость Божія въ непремѣнное условіе помилованія поставляетъ, чтобы милуемый Израиль не только созналъ свои грѣхи, не только разлюбилъ и отвергъ ихъ на всегда, но и чтобы исповѣдалъ ихъ въ слухъ всѣхъ. *Глаголи ты грѣхи твоя прежде, и да оправдишися.*—Для чего это предварительное исповѣданіе грѣховъ?—для того, дабы явно было, что Израиль помнитъ всѣ грѣхи свои, и вѣдаетъ всю тяжесть ихъ,—что Онъ ненавидитъ неправды свои и потому не хочетъ болѣе сокрывать ихъ отъ правосудія Божественнаго.

Послѣдуя сему, и св. Церковь требуетъ, брат., отъ насъ въ настоящіе дни не одного внутренняго покаянія въ грѣхахъ нашихъ, а и внѣшней исповѣди ихъ предъ служите-

лями Алтаря. Будемъ ли, по гласу самолюбія нашего, прерѣкать сему благотворному требованію, или ослаблять выполненіе его?— Но, что значило бы, или не довѣрять самому врачу душъ и сердецъ нашихъ, или не желать искренно собственнаго исцѣленія отъ проказы грѣховной. Нѣтъ, возлюбленніи, если уже врачеваться, то— врачеваться: оставимъ всѣ суетныя мудрованія плоти, сбросимъ всѣ покровы самолюбія и ложнаго стыда; и явимся къ купѣли покаянія такими, какими входили въ купѣль крещенія— *нагими!*.

А чтобы намъ болѣе полюбить врачевство св. исповѣди, для сего разсмотримъ: когда началась исповѣдь? кто и для чего установилъ сіе таинство? что во всѣ времена было удѣломъ тѣхъ, кои или не приносили исповѣди, или приносили, но не отъ сердца?—

Когда началась исповѣдь?— Вопросъ самый простой, но, въ отвѣтъ на него, я долженъ повести васъ далеко, далеко— въ рай!— Да, брат., исповѣдь райскаго происхожденія; и можетъ быть, еслибы мы принесли надлежащимъ образомъ первую исповѣдь въ Раю; то не были бы принуждены, въ изгнаніи изъ рая, горько каяться теперь всю жизнь. Помните ли, что послѣдовало за паденіемъ нашихъ первыхъ прародителей?— Надлежало послѣдовать смерти;— ибо ясно сказано было: *во онь же аще день снѣсте отъ него* (запрещеннаго древа) *смертію умрете* (Быт. 11, 17). Между тѣмъ (такъ благоустроило безпредѣльное милосердіе Творца!) послѣ паденія предстала уязвленному грѣхомъ человѣку не смерть, а жизнь,— самъ Господь жизни и смерти: *и услышаста гласъ Господа Бога, ходяща въ раи, по полудни* (Быт. 3, 8). Для чего является самъ Господь въ такія рѣшительныя для насъ минуты?— Для принятія отъ насъ— падшихъ исповѣди. *Адаме,* говоритъ онъ, *гдѣ еси?* Могъ ли всевѣдущій незнать, гдѣ былъ Адамъ? Но Премилосердый хотѣлъ возбудить падшаго человѣка къ сознанію своего бѣдственнаго состоянія, дабы симъ сознаніемъ расположить его къ исповѣданію своего грѣха, къ прошенію и принятію помилованія. Но, увы, мы не поняли ни явленія, ни гласа Божія! Отъ явленія сокрылись, на гласъ отвѣчали не чистосердечнымъ признаніемъ грѣха, а преступнымъ извиненіемъ его: *и рече Адамъ: жена юже далъ ми еси, та ми даде отъ древа, и ядохъ* (Быт. 3, 12); *жена же рече: змій прельсти мя.* То-есть, мы думали вину паденія возложить не только на змія, даже на самаго Бога, только бы извинить себя самихъ! Такъ окончилась, или лучше сказать, такъ превращена была нами самая первая исповѣдь! Вы знаете, что было слѣдствіемъ такого нераскаянія: худые исповѣдники посланы на всегдашнюю— тяжелую— эпитемію до смерти— внѣ Едема!..

И послѣ сего несчастнаго опыта первой исповѣди, неисчетный въ благости Господь не оставилъ грѣшниковъ. Первенецъ Адама, Каинъ умерщвляетъ своего брата: грѣхъ явенъ, преступленіе ужасно;— чего ожидать, кромѣ наказанія? Между тѣмъ, вмѣсто казни, открывается исповѣдь, которая самымъ началомъ своимъ указывала на благой конецъ. Паки является самъ— Господь!— и какъ начинается исповѣдь— братоубійцы? не угрозами, не обличеніями, а отеческимъ вопросомъ: *гдѣ есть Авель братъ*

твой?— Но, увы, такой избытокъ милосердія вызвалъ наружу паки одно ожесточеніе: вмѣсто смиреннаго признанія въ грѣхѣ, несчастный отвѣчалъ: *еда стражъ есмь брату моему* (Быт. 4, 9)? Извѣстно, что было плодомъ и сего несчастнаго злоповѣданія: *стеня и трясыйся будеши на земли*,— сказано худому исповѣднику!—

Не смотря на крайнее ожесточеніе погрязавшаго во злѣ первобытнаго міра, наступленіе ужасной казни его потопомъ, такъ же предварено было зовомъ къ покаянію и исповѣди. 120 лѣтъ гремѣлъ спасительный зовъ сей изъ устъ Ноя,— и гремѣлъ напрасно. Поелику явно стало, что никто уже не явится для принесенія исповѣди; то волны потопныя смыли нераскаянное племя съ лица земли.

Предъ разсѣяніемъ всѣхъ людей по лицу земли за столпотвореніе Вавилонское, предъ потребленіемъ Содома и Гоморры огнемъ небеснымъ— не было исповѣди. Но почему не было? Не по недостатку въ пріемлющихъ исповѣдь, а посовершенному отсутствію исповѣдающихся. Въ оба сіи— несчастнѣйшіе случаи Господь самъ, по свидѣтельству св. Бытописателя, сходилъ съ неба видѣть, точно ли грѣхи и нераскаянность людей превысили всякую мѣру долготерпѣнія; и безъ сомнѣнія, готовъ былъ принять милостиво всякой гласъ покаянія. Но, вмѣсто сего гласа, услышалъ одинъ вопль грѣховъ, восходящій до небесъ; и потому допустилъ правосудію своему поразить нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Когда премудрость Божія нашла потомъ средство спасти отъ конечнаго потребленія вѣру и благочестіе, заключивъ откровенія свои въ одномъ племени народа Израильскаго, и оградивъ сей народъ закономъ, и установленіями,— милосердіе Божіе не умедлило воздвигнуть среди сего народа священное судилище покаянія и милосердія. Предъ дверьми Скиніи свидѣнія, а потомъ— храма всегда было множество исповѣдниковъ, кои принося за грѣхи свои различныя жертвы, возлагали на главу ихъ свои руки, исповѣдывали грѣхи свои, и такимъ образомъ, по силѣ вѣры въ будущую всемірную за грѣхи людей жертву Сына Божія, принимали оставленіе грѣховъ (Лев. 4, 29). Кромѣ сего, каждый годъ, въ день очищенія, при собраніи всего народа, совершалось великимъ Первосвященникомъ таинственное исповѣданіе грѣховъ всего Израиля (3 Цар. 21, 27).

При особенныхъ случаяхъ, являлись и чрезвычайныя лица для принятія исповѣди: такъ, Пророкъ Наванъ посланъ былъ самимъ Богомъ обличить Давида, и, по принятіи отъ него исповѣди, объявилъ ему помилованіе отъ лица Божія; такъ Ахаавъ принесъ покаяніе и исповѣдь, по обличеніи его Пророкомъ Иліею.

Поелику, не смотря на всѣ частныя и всенародныя исповѣди, народъ Израильскій, съ продолженіемъ времени, болѣе и болѣе дѣлался недостойнымъ высокаго жребія своего: то, предъ пришествіемъ на землю самаго врача душъ и тѣлесъ, посланъ былъ уготовать путь ему Предтеча. Его— вся жизнь и все служеніе состояло въ проповѣди покаянія, и въ принятіи исповѣди отъ кающихся. *Исхождаше*, говорится въ Евангеліи, *къ нему вся Іерусалима, и Іудея, и вся страна Іорданская, и крещахуся въ Іорданѣ отъ него, исповѣдающе вся грѣхи своя* (Матѳ. 3, 5). Іоаннъ не былъ, подобно Священникамъ Іудейскимъ, безмолвнымъ слыша-

телемъ исповѣданія грѣховъ; онъ встрѣчалъ и напутствовалъ исповѣдающихся наставленіями. Хотите ли выслушать одну изъ краткихъ проповѣдей Его?— Внемлите! *Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези его! Всяка дебрь да исполнится, и всяка гора да смирится! И будутъ стропотная въ правая и острая въ пути гладки, и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе. Глаголаше исходящимъ народомъ креститися отъ него: порожденія ехидновы! кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва? Сотворите убо плоды достойны покаянія: и не начинайте глаголати въ себѣ, отца имамы Авраама. Глаголю бо вамъ, яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо не творящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается. И вопрошаху его народи глаголюще: что убо сотворимъ? Отвѣщавъ же глагола имъ: имѣяй двѣ ризѣ, да подастъ неимущему; и имѣяй брашна, такожде да творитъ* (Лук. 3, 5—11).

Наконецъ является самъ *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29), Господь Іисусъ. Онъ съ самаго начала возгласилъ въ слухъ всѣхъ, что *нѣсть воля предъ Отцемъ Его, да погибнетъ и единъ отъ* самыхъ *малыхъ* (Мат. 18, 14); *пріидите*, говорилъ Онъ, *вси труждающіися и обремененные, и Азъ упокою вы.* И дѣйствительно доставлялъ покой всѣмъ, кто приходилъ къ Нему съ вѣрою и покаяніемъ. Какъ сердцевѣдецъ, Онъ не имѣлъ нужды, чтобы кто свидѣтельствовалъ предъ Нимъ о томъ, что есть въ каждомъ человѣкѣ,— какая его жизнь и каковы грѣхи: однакоже предварялъ отпущеніе грѣховъ вопросомъ: *хощеши ли цѣлъ быти* (Іоан. 5, 6)? *Вѣруеши ли въ Сына Божія* (Іоан. 9, 35)? И отпущеніе грѣховъ сопровождалъ наставленіемъ: *иди и отнюдь не согрѣшай;— да негорше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14)! Самымъ послѣднимъ дѣломъ Господа на крестѣ была исповѣдь разбойника, а по воскресеніи однимъ изъ главныхъ дѣлъ— исповѣдь Петра, отвергшагося во время его страданій.

Великій *Святитель исповѣданія нашего* (Евр. 3, 1). долженъ былъ, по совершеніи дѣла спасенія нашего, взойти на небо, дабы *предстать лицу Божію о насъ*; но покаяніе и исповѣдь— со всею силою заслугъ Его, остались на землѣ. Какъ ни драгоцѣнны ключи царствія, стяжаннаго смертію Его; но, поелику мы имѣемъ въ нихъ непрестанную нужду; то, еще до смерти своей, Онъ передалъ ихъ Апостоламъ, сказавъ: *вся, елика разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Мат. 16, 19). Посему первенствующая Церковь представляетъ множество примѣровъ покаянія и исповѣди. Апостолы Христовы такъ же не взяли съ собою ключей Царствія на небо; доказательствомъ тому множество мѣстъ въ писаніяхъ ихъ, гдѣ они ученикамъ и пріемникамъ своимъ заповѣдаютъ продолжать великое дѣло примиренія съ Богомъ грѣшниковъ, и для сего даютъ право *вязать и рѣшить* совѣсти.

Ревность и усердіе Христіанъ первыхъ вѣковъ сдѣлали то, что исповѣдь была у нихъ дѣйствіемъ всенароднымъ, въ коемъ принимала участіе вся Церковь. Кающійся исповѣдывалъ грѣхи свои предъ всѣми, и въ знакъ раскаянія, всенародно проходилъ различныя степени покаянія съ такимъ самоотверженіемъ, которое нынѣ изумляетъ

Христіанъ самыхъ ревностныхъ. Избытокъ святой ревности дошелъ до того, что всенародное исповѣданіе грѣховъ, столь похвальное по его побужденію, начинало дѣлаться опаснымъ, по немощи слуха многихъ. Посему Богомудрые Пастыри Церкви, особенно св. Златоустъ, поспѣшили привести сію ревность въ должные предѣлы, обративъ исповѣдь изъ всенародной въ частную, предъ однимъ духовнымъ отцемъ, какою она безъ перемѣны остается и донынѣ.

Видите ли теперь когда произошла исповѣдь?— она современна нашему паденію. Видите ли, чье дѣло исповѣдь?— Это дѣло милосердія Божія, *не хотящаго да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ*. Видите ли, на чемъ утверждается дѣйствительность исповѣди? она всецѣло утверждается на Божественныхъ заслугахъ нашего Ходатая, особенно на Его крестной смерти за насъ. Видите ли наконецъ, чего требуется отъ исповѣдающихся?— Требуется искренняго раскаянія во грѣхахъ, живой вѣры въ заслуги Спасителя нашего, и твердой рѣшимости блюстися отъ грѣховъ на все будущее время. Поелику отпаденіе наше отъ Бога и низпаденіе во глубину грѣховъ, изъ коей мы желаемъ возстать чрезъ исповѣдь, есть тайна, которую никто разрѣшить не можетъ; поелику искупленіе насъ заслугами Сына Божія есть такъ же тайна, превышающая все наше разумѣніе; поелику наконецъ самая перемѣна души и сердца нашего на лучшее, послѣ покаянія и исповѣди, есть нѣчто таинственное, не подходящее подъ вычисленія нашего бѣднаго разсудка: то исповѣдь, по всей справедливости, называется таинствомъ, то-есть, такимъ дѣйствіемъ, коего сущность превышаетъ силу нашего постиженія, и должно быть принимаемо вѣрою, дознаваемо наиболѣе опытомъ.

„Все сіе справедливо, скажетъ кто-либо, но почему бы исповѣди несовершаться во глубинѣ духа, предъ однимъ Богомъ?— зачѣмъ тутъ посредники люди?“ Зачѣмъ, возлюбленный, что ты самъ— человѣкъ! справедливо, что исповѣдь приносится единому Богу; но надобенъ ли тебѣ на твою исповѣдь отвѣтъ отъ Бога, или не надобенъ?— Если ты искренно раскаеваешься въ томъ, что огорчилъ своего Владыку, Творца и Благодѣтеля; то отвѣтъ на твою исповѣдь долженъ быть для тебя крайне дорогъ. Какъ же отвѣчать тебѣ? являться для сего самому Богу, какъ Онъ являлся въ Раю нашимъ прародителямъ? Но сего, я думаю, и самъ никто изъ грѣшниковъ не потребуетъ. Или посылать къ тебѣ Пророка, какъ посланъ былъ Наванъ къ Давиду?— Но, для сего не достало бы всѣхъ Пророковъ.— Или творить какое-либо особое знаменіе въ отвѣтъ на твою исповѣдь?— Но такимъ образомъ не было бы конца знаменіямъ, и міръ превратился бы въ зрѣлище для любопытства. Итакъ, если для тебя нуженъ отвѣтъ отъ Бога на твою исповѣдь предъ Нимъ; то благодари Его благость за то, что ты каждый разъ можешь слышать сей отвѣтъ изъ устъ своего духовнаго отца.—

„Но моя совѣсть, подумаетъ иной, можетъ служить для меня отвѣтомъ?“ То-есть, подсудимый будетъ самъ изрекать себѣ помилованіе!— естественно ли это?— Если ты истинно каешься; то совѣсть твоя, первѣе и болѣе всего, имѣетъ нужду въ успокоеніи отъ тебя. Въ семъ случаѣ успокоительный голосъ не только служителя Алтаря, даже

простаго человѣка весьма дорогъ, и не рѣдко спасаетъ отъ отчаянія. „А когда такъ, скажешь еще, то я могу обратиться за симъ къ кому-либо изъ ближайшихъ ко мнѣ людей, заслужившихъ мое довѣріе.“ — Обратиться за тѣмъ, чтобы услышать изъ устъ его прощеніе отъ лица Божія? Дерзнетъ ли ближній твой, если онъ въ самомъ дѣлѣ благочестивъ, принять на себя столь великое дѣло? — И какая разница услышать увѣреніе въ милосердіи Божіемъ отъ обыкновеннаго человѣка, и услышать его торжественно изъ устъ служителя Алтаря, который уполномоченъ на то самимъ Господомъ храма? „Поврайней мѣрѣ ограничиться бы общею исповѣдію предъ Священникомъ и общимъ разрѣшеніемъ отъ него всѣмъ исповѣдающимся?“ — Такъ, возлюбленный, и поступили нѣкоторыя общества Христіанскія, отдѣлившіяся отъ Святой, соборной и Апостольской Церкви; а теперь начинаютъ горько жалѣть о своемъ необдуманномъ поступкѣ. И какъ не жалѣть? Что сказали бы о тѣхъ больныхъ, кои явившись предъ врача, въ слухъ себя однихъ исповѣдали свои болѣзни, и думали, что они сдѣлали все, что нужно? Что сказали бы и о врачѣ, который всѣмъ больнымъ безъ разбора предложилъ бы одно, или два лѣкарства? — Если въ болѣзняхъ тѣлесныхъ нужна подробная исповѣдь; то какъ удалить ее безъ вреда отъ болѣзней душевныхъ? —

Само собою разумѣется, братіе, что Исповѣдь предъ священнослужителемъ нисколько не препятствуетъ исповѣдямъ частнымъ — по взаимному Христіанскому довѣрію. Напротивъ таже св. Церковь, которая вмѣняетъ каждому въ непремѣнный долгъ исповѣдываться предъ священникомъ, весьма часто повторяетъ совѣтъ Апостола: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваши и молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете* (Іак. 5, 16). Кто препятствуетъ выполнять спасительный совѣтъ сей? — и много ли однакоже между нами такихъ, кои выполняютъ его? — Если у насъ существуетъ взаимная откровенность и дружеская исповѣдь; то развѣ на соблазнъ и на грѣхъ...

Нисколько такъ же не препятствуетъ исповѣдь предъ Священникомъ сокрушенному самоисповѣданію грѣховъ своихъ предъ Богомъ. Напротивъ самоисповѣданіе сіе есть лучшее и необходимое приготовленіе къ исповѣданію грѣховъ предъ Священникомъ; есть одно изъ превосходнѣйшихъ средствъ къ уврачеванію ежедневныхъ грѣхопаденій нашихъ; и мы ничѣмъ не можемъ лучше окончить нашего собесѣдованія о исповѣди, какъ пригласивъ васъ къ употребленію сего средства. А чтобы кто-либо не оставилъ его, за недостаткомъ руководства; то указуемъ всѣмъ и каждому, на *Молитву Исповѣданія къ Богу человѣка, полагающаго начало спасенія*, составленную и оставленную, можно сказать, въ духовное наслѣдіе для всѣхъ истинно кающихся св. Димитріемъ Ростовскимъ. Въ семъ Исповѣданіи каждый найдетъ не только указаніе, какъ приносить ежедневное исповѣданіе Богу во грѣхахъ, но и самое исповѣданіе, и, дерзну сказать, самое покаяніе и милость Божію. Аминь.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 1 Февраля 1849 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 49. НЕДѢЛЯ 4-Я ВЕЛ. ПОСТА, МАРТА 5. 1839.

Апостолъ: Евр. 6, 13—20. Евангеліе: Мар. 9, 17—31.

О КНИГѢ ПРИТЧЕЙ.

Между поучительными чтеніями изъ св. Писанія, какія предлагаетъ намъ Церковь во время св. Четыредесятницы, мы слышимъ почти ежедневно (кромѣ субботъ и дней воскресныхъ В. Поста) чтеніе изъ книги *Притчей* (*). Она вся направлена къ тому, чтобы *уразумѣти правду истинную и судъ* (сужденіе) *исправляти* (—1, 3), и въ основаніе совершенства человѣка полагаетъ страхъ Божій: *начало премудрости страхъ Господень* (—1, 9). Потому весьма прилично читать и слушать эту книгу тѣмъ, которые желаютъ исправить образъ мыслей и чувствованій своихъ, и обновиться внутренно силою Духа Божія, а слѣдовательно и тѣмъ, которые желаютъ спасительно провесть нарочитые дни поста и покаянія.

Объ этомъ драгоцѣнномъ памятникѣ Богодарованной мудрости величайшаго изъ Царей древняго на-

(*) Одна изъ паремій на вечерняхъ В. Поста всегда заимствуется изъ Притчей: въ 1-ю недѣлю—изъ гл. 1, 2 и 3-й, во 2-ю—изъ—3, 5 и 6-й, въ 3-ю—изъ—8, 9 и 10-й, въ 4-ю—изъ—11, 12, 15 изъ—14, въ 5-ю—изъ—14, 15, 16 и 17-й въ 6-ю—18-й и 19, 21, 25 и 31-й.

рода Божія мы предлагаемъ, въ настоящемъ случаѣ, нашимъ читателямъ нѣсколько мыслей и свѣдѣній.

Въ третьей книгѣ Царствъ, въ описаніи славы и мудрости Соломоновой, сказано: *и изглаголаша Соломонъ три тысящи притчей* (3 Цар. 4, 32). По всей вѣроятности, здѣсь разумѣются изреченія премудраго Царя краткія, но полныя мыслей, самыя поучительныя и достопамятныя. Какъ же тѣ изреченія, какія содержатся въ книгѣ Притчей, точно этого рода,— большею частію, краткія; то весьма основательно почитаютъ ихъ за наилучшую часть упомянутыхъ трехъ тысячъ притчей Соломоновыхъ, какую угодно было провидѣнію Божію сохранить для Церкви.

Когда и кѣмъ были собраны эти драгоцѣнныя перла мудрости Царя Богопросвѣщеннаго? Разсматривая различныя части книги Притчей, видимъ, что они собраны въ настоящій составъ не въ одно время и не одною рукою. Первая, большая часть книги, т. е. до гл. 25-й, имѣетъ надписаніе: *Притчи Соломона, сына Давидова, иже царствова во Израили* (—1, 1). Должно полагать, что они собраны при самомъ Соломонѣ: это видно особенно изъ того, что часть сія имѣетъ предисловіе (—1, 1—6), указующее цѣль Притчей,—предисловіе, какое прилично могло произойти отъ самаго составителя притчей, а не отъ собирателя ихъ. Слѣдующая часть (гл. 25 до гл. 30) имѣетъ другое надписаніе, въ которомъ говорится, что сіи притчи собраны при Езекіи друзьями сего благочестиваго Царя Іудейскаго. Есть весьма вѣроятное мнѣніе, что главнымъ собирателемъ былъ Пророкъ Исаія, извѣстный Богодухновенный совѣтникъ и наставникъ Царя Езекіи. Глава 30-я, по Еврейскому тексту, надписана такъ: *изреченія Агура, сына Іакеева.* Думаютъ, что этотъ Агуръ былъ также собирателемъ притчей Соломона (самое имя—*Агуръ*, значитъ: собиратель). Потомъ, глава 31-я, въ Еврейскомъ подлинникѣ, имѣетъ особенное надписаніе: *изреченія Лемуила Царя. Лемуилъ* значитъ посвященнаго Богу, и есть, какъ полагаютъ, имя того же Соломона, который еще имѣлъ, Богомъ дарованное, имя *Іедедеи*, возлюбленный Богу (2 Цар. 12, 25), а въ книгѣ Екклезіаста называетъ самъ себя *Екклезіастомъ* (проповѣдникомъ).

Въ самомъ началѣ книги представляется отецъ, или наставникъ, призывающій сына, или ученика, къ прекраснымъ урокамъ премудрости, а въ главѣ 8-й изображается сама премудрость проповѣдницею. Это изображеніе достойно преимущественнаго вниманія, потому что здѣсь премудрость олицетворяется въ такихъ высокихъ чертахъ, которыя могутъ приличествовать одной Премудрости ипостасной, т. е. Сыну Божію, *Слову* (Іоан. 1, 1), *первороженному всея твари* (Кол. 1, 17), *Божіей силѣ и Божіей премудрости* (1 Кор. 1, 24). Премудрость, по описанію Соломона, есть вѣчна и строительница вселенной: *Господь стяжа мя начало путей своихъ въ дѣла своя; прежде вѣкъ основа мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити.— Егда готовяше небо, съ нимъ бѣхъ,— бѣхъ*

при Немъ устроля (— 8, 22—29). Отъ нея происходятъ и разумъ, и сила и власть, и всякое благо: *мой совѣтъ и утвержденіе, мой разумъ, моя же крѣпость; Мною Царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду.— Азъ любящія мя люблю, и ищущіи Мене обрящутъ благодать. Богатство и слава моя есть, и стяжаніе многихъ и правда* и пр. (8, 14—21). *исходи мои, исходи живота, и уготовляется* (т. е. ищущимъ ее) *хотѣніе* (благоволеніе) *отъ Господа; согрѣшающіи же въ Мя, нечествуютъ на своя души, и ненавидящіи Мя, любятъ смерть* (8, 35. 36). Въ слѣдующей главѣ паже премудрость представляется устрояющею великій домъ и въ немъ— пиръ, или богатую трапезу для всѣхъ, желающихъ премѣнить свое неразуміе на божественное вѣдѣніе. И здѣсь нельзя не узнать Божественнаго Начальника Царства Божія, который *сотвори вечерю велію, изва многи* (Лук. 14, 16). Какъ Премудрость, у Соломона въ притчахъ, призываетъ *съ высокимъ проповѣданіемъ* (съ Евр. *съ городскихъ высотъ*) неразумныхъ и требующихъ ума (9, 3—5); такъ и великій домовладыка, въ притчѣ І. Христа, повелѣваетъ рабу своему: *изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи сѣмо* (Лук. 14, 21). Весьма замѣчательны слова: *премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь* (9, 1). Нѣтъ сомнѣнія, что домъ Божественной премудрости есть Церковь. Но что значитъ седмь столповъ этого дома? Есть седмеричное число духовъ Божіихъ (Апок. 1, 4); есть седмь звѣздъ въ десницѣ Царя Церкви (Ап. 1, 16); есть седмь свѣтильниковъ златыхъ, между которымъ Онъ ходитъ (Ап. 4, 5); есть седмь даровъ св. Духа (Иса. 11, 1. 2) и пр. Все это, безъ сомнѣнія, имѣетъ близкое отношеніе къ Церкви, составляя или небесное или земное ея богатство, украшеніе и утвержденіе, и можетъ быть названо столпами великаго храма вѣчной Премудрости. Но въ Церкви Новозавѣтной примѣчательно еще то, что постоянныхъ орудій благодати, низводящихъ на вѣрующихъ различные дары св. Духа, и органовъ правительственной воли Божіей въ Церкви вселенской также число седмеричное: седмь таинствъ и седмь Вселенскихъ Соборовъ. Наконецъ, описаніе самаго пира премудрости весьма близко указываетъ на ту божественную трапезу благодати, которую уготовилъ намъ Господь своею крестною, спасительною смертію: премудрость *закла своя жертвенная и растворі въ чаши своей вино, и уготова свою трапезу* (9, 2). Припомнимъ здѣсь, что крестное жертвоприношеніе, вмѣсто вина, растворило намъ кровь Богочеловѣка, и сія кровь текла изъ ребра Его вмѣстѣ съ водою. Припомнимъ и ту Божественную трапезу, отъ которой Церковь питаетъ насъ тѣломъ и кровію нашего Спасителя.

Послѣ сего, столь важнаго во всей книгѣ, мѣста, которое написано рѣчію непрерывною, связною, слѣдуютъ, большею частію, изреченія краткія, неимѣющія между собой необходимой связи. Нельзя показать кратко содержанія ихъ. Но благочестивый читатель или

слушатель притчей можетъ найти въ нихъ наставленіе и совѣтъ, обличеніе и ободреніе, мудрыя правила для жизни общественной и частной, правила добродѣтелей и нравственныхъ и гражданскихъ и церковныхъ; словомъ: *сихъ послушавъ, мудрый премудрѣе будетъ, а разумный строительство* (душевное) *стяжетъ* (1, 5). Мы обыкновенно любимъ припоминать и повторять изреченія отцевъ нашихъ, а особенно людей знаменитыхъ: не съ большею ли пользою можно употреблять такимъ образомъ изреченія премудрѣйшаго изъ Царей, которыя внушены ему самимъ Духомъ Божіимъ, излившимъ на него даръ необыкновенной мудрости?—Въ концѣ книги представляется довольно обширная рѣчь Соломона: это прекрасное изображеніе доброй жены, которое на Еврейскомъ языкѣ расположено по порядку алфавитному. Какъ въ началѣ книги полагается въ основаніе всѣхъ добродѣтелей страхъ Божій, такъ и здѣсь, въ концѣ, тотъ же страхъ Господень представляется наилучшимъ украшеніемъ жены добродѣтельной. „Пустое красота, ничтожна доброта лица; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы.“

Выпишемъ нѣсколько поучительныхъ изреченій для кающихся.

Вотъ какъ описывается гибельное состояніе грѣшника:

Сѣявый злая, пожнетъ злая; язвцу же дѣлъ своихъ совершитъ (22, 8). *Путіе нечестивыхъ отъ земли погибнутъ; пребезаконніи же изринутся отъ нея* (2, 22). *Клятва Господня во дворѣхъ нечестивыхъ* (3, 33). *Всегубительство нанечестивыя устремляется, не хотятъ бо творити праведная* (21, 7). *Нечестіемъ свою душу отбѣгнютъ* (1, 19). *Бѣгаетъ нечестивый ни единому же гонящу* (28, 1).

Еще ужаснѣе состояніе тѣхъ, которые закоснѣваютъ во грѣхахъ и оспаются въ нераскаяніи:

Егда пріидетъ нечестивый во глубину золъ нерадитъ; находитъ же ему безчестіе и поношеніе (18, 3). *Не исцѣляяй себе въ своихъ дѣлѣхъ, братъ есть погубляющему себе самаго* (18, 9). Нераскаяннымъ говоритъ Премудрость: *Понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не вниmасте; но отметаете моя совѣты: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба.— Будетъ бо, егда призовете Мя, Азъ же не послушаю васъ; взыщутъ Мене зліи, и не обрящутъ. Возненавидѣша бо премудрость, словесе же Господня не пріяша; ниже хотѣша внимати моимъ совѣтомъ, ругахуся же моимъ обличеніемъ. Тѣмже снѣдятъ своихъ путей плоды, и своего нечестія насытятся* (1, 24—31).

Каковъ тотъ, кто покаявшись опять обращается на прежніе грѣхи?

Якоже песъ, егда возвратится на своя блевотины, и мерзокъ бываетъ; тако безумный своею злобою возвращся на свой грѣхъ (26, 11).

СЛОВО

ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

Послѣдней пощенія и моленій, настали и день покаянія: время уже явиться на

судъ духовный для исповѣданія своихъ грѣховъ. Въ суды мірскія являются, чтобы оправдывать себя, въ судилище духовное приходятъ съ тѣмъ, чтобы обвинять себя. Тамъ наибольшею свободою пользуется тотъ, кто наиболѣе успѣлъ доказать свою невинность; здѣсь наибольшее помилованіе тому, кто наиболѣе признаетъ свою грѣховность.— Что значитъ сіе? толи, что на небѣ любятъ менѣе правду, нежели на землѣ?— Нѣтъ, на судѣ небесномъ не можетъ устоять самый Ангелъ: предъ очами Господа, по выраженію Пророка, нечисто само солнце. Если убо мы, слабые и долупреклонные, можемъ стоять на семъ судѣ, и не падать; если мы, оскверненные и нечистые, можемъ являться предъ сей взоръ и не изчезать; то потому, что съ нами поступаютъ не по строгости правды и закона, а по одному чистому милосердію. Почему не поступаютъ по строгости правды?— Потому, что по сей правдѣ уже поступлено; потому, что законъ уже удовлетворенъ за насъ во всей его силѣ; потому, что всѣ долги наши уже оплачены сполна; потому наконецъ, что самая казнь, коей всѣ мы подлежали за возмущеніе противъ Царя небеснаго, уже перенесена за насъ. Вы знаете, брат., кто оказалъ намъ сію многообразную, безцѣнную и безпримѣрную услугу? Спаситель и Господь нашъ, Іисусъ Христосъ. Вамъ извѣстно и то, какъ преложенъ Имъ для насъ гнѣвъ небесный на милость? это сдѣлано Его страданіями и крестною смертію за насъ. Послѣ сего, брат., приступая къ судилищу исповѣди, вы первѣе всего поспѣшите облечь себя живою вѣрою въ заслуги нашего Искупителя. Безъ сего Таинство исповѣди будетъ не въ отпущеніе, а въ обличеніе грѣховъ. Какъ осмѣлится исповѣдать грѣхи въ слухъ небеснаго Судіи, если око вѣры не будетъ зрѣть о страну Его ходатая и споручника?— Какъ и служитель Алтаря дерзнетъ изречь вамъ миръ, если не будетъ на васъ знака мира— всепримиряющей крови Агнца?— Нерастворенныя вѣрою, слова исповѣди, и съ вашей и съ его стороны, не взойдутъ на небо, а разсѣются въ воздухѣ, и падутъ на землю. Безъ вѣры ни васъ не услышитъ Господь, ни вы не услышите Господа.

Одушевившись вѣрою, вы постараетесь, брат., освободиться, посредствомъ исповѣди, отъ всей тяжести грѣховъ какъ можно полнѣе, совершеннѣе и невозвратнѣе. За чѣмъ скрывать бѣдность духовную?— Тутъ кто болѣе откроетъ свою нищету, тотъ болѣе пріиметъ. Къ чему таить язвы совѣсти? Здѣсь кто полнѣе обнаружитъ ихъ, тотъ вѣрнѣйшее получитъ врачевство. И отъ кого таиться?— Судія и Спаситель нашъ— всевѣдущъ; Онъ давно знаетъ не только всѣ дѣла, но и всѣ помышленія наши, не только все прошедшее, но и все наше будущее. Посему для Него во все не нужна и исповѣдь наша. Но, она необходима для насъ,— для того, чтобы мы имѣли побужденіе глубже вникнуть въ свое состояніе, тверже узнать самихъ себя, свою жизнь и свои недуги, чтобы имѣли случай сильнѣе возненавидѣть грѣхъ, видя какъ тяжело открывать его; чтобы путемъ устнаго исповѣданія какъ бы извергли всю скверну беззаконій изъ внутренности души и сердца. Нежеланіе открыть грѣхъ, есть уже сильный признакъ, что ты не разлюбилъ грѣхъ, и не хочешь растаться

съ нимъ. Когда бы ты увидѣлъ у себя за пазухой змѣю; то сталъ ли бы прятать ее? не тотчасъ ли бы употребилъ всѣ силы, чтобы бросить ее отъ себя, какъ можно далѣе, хотя бы это было предъ лицемъ цѣлаго свѣта?— Въ случаѣ невозможности сдѣлать это самому, не сталъ ли бы кричать и звать всѣхъ на помощь?— Но, грѣхъ для души тоже, что змѣя для тѣла. Посему, кто дозналъ ядовитость его, тотъ готовъ исповѣдать его предъ лицемъ неба и земли, только бы скорѣе освободиться отъ него. Такъ и поступали древніе исповѣдники. Они каялись не предъ однимъ духовникомъ, а предъ цѣлою Церковію, каялись не разъ, а въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и даже годовъ.—

И кто мы, служители Алтаря, чтобы стыдиться насъ? Не подобные ли вамъ грѣшники? Стыдитесь Ангеловъ хранителей вашихъ, а не насъ. Мы сами готовы исповѣдать предъ вами свои грѣхи, и молимъ васъ молиться не за себя только, но и за насъ, да возможемъ непостыдно предстоять и предстательствовать завасъ у престола Благодати.

Принесши исповѣданіе во грѣхахъ своихъ, вы пріимите прощеніе во имя Господа Іисуса. Это совершается, повидимому, такъ просто, такъ легко, такъ скоро, что плотской человѣкъ нашъ даже отъ избытка сей милости можетъ взять поводъ къ безстрашію и ненаказанности, можетъ возмнить, что грѣхъ есть нѣчто не важное, когда въ немъ стоитъ только признаться, чтобы получить прощеніе. Для прогнанія отъ себя сей опасной мысли, вы будете помнить, брат., что сія простота Исповѣди, сія легкость примиренія, сія скорость прощенія, суть только видимыя, что на самомъ дѣлѣ все это происходитъ далеко не такъ, какъ кажется,— вы вспомните, что для произведенія сей простоты исповѣди, нужно было самой Премудрости Божіей измыслить планъ спасенія людей, величайшій по обьему, не скончаемый по продолженію, непостижимый по началу и основанію;— что для произведенія сей легкости въ примиреніи грѣшника съ Богомъ нужно было подвигнуться самому всемогуществу Божію, и вмѣстѣ съ собою подвигнуть небо и землю, время и вѣчность;— что для произведенія сей скорости прощенія, нужно было сосредоточить всѣ мученія ада надъ очистительною жертвою, принесенною за грѣхи міра на Голгоѳѣ. Послѣ сего поводъ къ соблазну уничтожится самъ собою. Какъ бы ни былъ простъ и безукрашенъ св. налой, предъ коимъ будетъ совершена исповѣдь, вы станете предъ нимъ, какъ Израиль стоялъ предъ Синаемъ; какъ бы ни было мало Евангеліе и крестъ, отъ коихъ изречено будетъ вамъ помилованіе, вы отойдете отъ нихъ, какъ Апостолы отходили съ Голгоѳы.

Да, брат., если вы намѣрены принести покаяніе истинное (а не истинное для чего и приносить?),— то покаяніе, которое совершается въ краткое время, но дѣйствуетъ на всю вѣчность; если, говорю, намѣрены примириться съ Богомъ не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ: то вы отойдете изъ судилища покаянія не съ разсѣянною мыслію о томъ, кто и какъ васъ исповѣдывалъ,— не съ однимъ холоднымъ признаніемъ, что вами исполненъ долгъ

Церкви и совѣсти,— не съ одною поверхностною рѣшимостію быть съ сихъ поръ лучше и избѣгать грубыхъ пороковъ. Нѣтъ, вы возвратитесь изъ дома Божія, какъ возвратились бы изъ дома Царева тяжкія государственные преступники, кои, явившись туда для услышанія приговора на смерть, вдругъ услышали помилованіе и забвеніе ихъ преступленій:— возвратитесь съ глубочайшимъ чувствомъ благодарности ко Спасителю душъ вашихъ,— съ твердою рѣшимостію посвятить Ему и Его закону всю остальную жизнь, съ вѣчнымъ, нераскаяннымъ отвращеніемъ отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ,— съ скорымъ, неудержимымъ стремленіемъ вознаградить и изгладить все, что возможно.

Да сбудутся сіи совѣты и благожеланія надъ всѣми вами! Да дастъ вамъ самъ Господь духъ умиленія и сокрушенія о грѣхахъ вашихъ!— О семъ молимъ и не престанемъ молить Его всемогущую Благодать за васъ. Аминь.

СЛОВО

О ПРИЧАЩЕНІИ 1-Е

ВЪ СУББОТУ 1-Й НЕДѢЛИ ВЕЛ. ПОСТА НА УТРЕНИ.

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ, такъ прогательно изображающей силу истиннаго покаянія, видимъ, что любвеобильный отецъ, по возвращеніи къ нему заблуждшаго сына,— въ знакъ совершеннаго примиренія съ нимъ и возвращенія ему всей любви отеческой,— немедленно устроятъ вечерю столь свѣтлую, что старшій сынъ не могъ снести сего торжества безъ ропота и неудовольствій. Что же бы, брат., сказалъ сей взыскательный сынъ, еслибы посмотрѣлъ на ту Божественную вечерю, которую Отецъ небесный устрояетъ нынѣ для насъ, по случаю нашего возвращенія къ Нему съ распутій міра?.. Давно ли многіе изъ насъ блуждали внѣ дома отеческаго, ижди-вая, по произволу страстей, дары природы и Благодати?— Еще нѣтъ седмицы, какъ мы обратили лице свое прямо къ дому отеческому; вчера только произнесли исповѣданіе во грѣхахъ своихъ; несовершили еще, въ знакъ раскаянія, ни единаго благаго дѣла; и вотъ, намъ возвращена уже одежда невинности, объявлено торжественно прощеніе и милость;— а нынѣ устрояется для насъ уже и трапеза въ дому Отчемъ. И какая трапеза? Не изъ *тельца упитаннаго* (Лук. 15, 27), а изъ Агнца, *закланнаго прежде сложенія* міра (1 Петр. 1, 20),—изъ тѣла и крови Сына Божія!— Какъ мы не полагали мѣры грѣхамъ нашимъ, такъ Господь еще болѣе не полагаетъ мѣры милосердію своему. Ибо что предъ симъ чудемъ любви всѣ прочія чудеса всемогущества и премудрости Божіей? Что манна съ неба? Что вода изъ камня? Это можно сказать, есть продолженіе самой тайны воплощенія! ибо, если *велія благочестія тайна, яко Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16;) то не меньшая тайна, когда Онъ, посредствомъ причащенія насъ тѣломъ и кровію своею, является во плоти нашей.—

Обозрѣвать ли сію тайну во всѣхъ ея глубинахъ?—Но для сего надлежало бы-мнѣ имѣть очи и языкъ, а вамъ— слухъ Ангельскій. Для назиданія всѣхъ насъ достаточно будетъ, если мы только— вопервыхъ разсмотримъ, какъ пріуготовлялась сія Божественная трапеза, какъ въ свое время учредилась, и какъ, учрежденная,

хранилась до нашихъ временъ; во вторыхъ обратимъ вниманіе на то, что намъ преподается на сей трапезѣ, и какъ намъ должно приступать къ ней?—

Поелику божественный Агнецъ, коего мы причащаемся въ Евхаристіи, закланъ, по замѣчанію Апостола, еще *прежде сложенія міра*,—то-есть, въ предопредѣленіи Бога Отца и Его собственномъ;—то отъ самаго сложенія міра начали являться и знаменія не только сего закланія, но и будущаго вкушенія закланнаго. Что было самое древо жизни въ раю съ плодами его, какъ не первый прообразъ нашей Божественной трапезы? Могло ли древо само по себѣ доставлять безсмертіе человѣку, еслибы не было символомъ истиннаго *древа животнаго* (Апок. 2, 7), Сына Божія, въ коемъ единомъ, по свидѣтельству св. Іоанна, *животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. 1, 4)?— Посему-то еще блаженный Августинъ называлъ райское древо жизни Таинствомъ; а мы можемъ назвать его символомъ *таинства причащенія*.

Для народа Израильскаго, по избраніи его въ народъ Божій, двѣ особенно вещи весьма ясно прообразовали таинство Евхаристіи: *манна и Агнецъ пасхальный*.

Извѣстно, какимъ образомъ получалась манна: она сходила каждое утро, кромѣ субботы, съ неба, и составляла главную пищу для народа Израильскаго, во время странствованія его въ пустынѣ. По такому происхожденію манны, еще Псалмопѣвецъ назвалъ ее *хлѣбомъ Ангельскимъ* (Псал. 77, 25). Но, манна выражала болѣе, нежели пищу Ангельскую: она предъизображала тѣло и кровь Богочеловѣка. Посему-то самъ Спаситель, когда говорилъ Іудеямъ о будущемъ преподаніи имъ въ снѣдь своего тѣла и крови, то прямо указалъ при семъ на манну: *отцы ваши ядоша манну въ пустынѣ, и умроша. Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе; аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. 6, 48— 51).

Агнецъ пасхальный, прообразуя собою крестную смерть Сына Божія съ ея спасительными дѣйствіями для насъ, еще яснѣе манны изображалъ будущую Божественную трапезу Новаго Завѣта. Вкушая его, Израильтяне спаслись, какъ извѣстно, отъ Ангела истребителя, который посланъ былъ поразить Египетъ: а мы, вкушая тѣло и кровь Господа, спасаемся отъ злобы міродержителя тьмы вѣка сего, который, по выраженію Апостола, *яко левъ ходитъ, искій кого поелотити* (1 Петр. 5, 8). Кромѣ сего, пасхальный Агнецъ самыми подробностями свящ. обряда, съ коимъ снѣдался, весьма живо изображалъ многія обстоятельства страданій и смерти Господа; такъ, на пр. его надлежало печь цѣлымъ, не раздробляя и несокрушая ни одной кости, что, по замѣчанію Ев. Іоанна, въ самомъ точномъ смыслѣ исполнилось потомъ надъ Агнцемъ Божіимъ, взимавшимъ грѣхи міра на Голгоѳѣ; ибо воины *не пребили ли* Ему *голеней*, хотя за тѣмъ и приходили.

Столь ясныхъ и величественныхъ прообразованій уже довольно было для того, чтобы всѣхъ истинныхъ Израильтянъ приготовить къ принятію со всею вѣрою новой, таинственной трапезы, которая имѣла явиться въ Новомъ Завѣтѣ, подъ видомъ Евхаристіи. Но, чтобы еще болѣе приуготовить къ ней умы и серд-

ца, Спаситель самъ предварительно обращалъ вниманіе своихъ слушателей на крайнюю нужду всего человѣчества въ новомъ, высшемъ и лучшемъ питаніи, нежели каковы были манна и Агнецъ пасхальный, и прямо объявлялъ, что сіе питаніе должно составиться изъ собственнаго Тѣла и собственной Крови Его, кои Онъ имѣлъ принести въ жертву за животъ міра. Одну бесѣду Его о семъ, сохраненную Еванг. Іоанномъ, можно назвать приготовительною проповѣдію къ причащенію: посему самому вы не откажитесь выслушать ее теперь со всѣмъ вниманіемъ.

Случаемъ къ сей проповѣди было чудесное насыщеніе Господомъ пяти тысячь народа пятью хлѣбами. Такое чудо заставило народъ многочисленными толпами ходить за Нимъ по пустынѣ съ цѣлію, чтобы снова увидѣть отъ Него подобное знаменіе. Замѣтивъ такую наклонность къ чувственному питанію, Спаситель почелъ за нужное возвести умъ и сердце своихъ слушателей къ исканію пищи высшей, и вмѣстѣ указать имъ, гдѣ можно найти сію пищу.— *Отвѣщавъ Іисусъ рече: аминь, аминь глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе; но яко ясти есте хлѣбы, и насытистеся. Дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный, еже Сынъ человѣческій вамъ дастъ.*— Кто непожелаетъ такого брашна? посему народъ вдругъ отвѣчалъ: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія?*—*Отвѣща же Іисусъ и рече имъ: се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Его же посла Онъ. Рѣша же Ему: кое убо Ты твориши знаменіе, да видимъ и вѣру имемъ тебѣ? что дѣлаеши? Отцы наши ядоша манну въ пустыни, якоже есть писано: хлѣбъ съ небесе даде имъ ясти.* То-есть, народъ хотѣлъ, въ доказательство божественности Спасителя, видѣть отъ Него новое чудо, подобное маннѣ, низведенной съ неба Моисеемъ. И вотъ, сіе-то самое желаніе народа новой манны дало случай Спасителю предложить ему ученіе о маннѣ — тѣла и крови своея. *Рече убо имъ Іисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ, не Моисей дастъ вамъ хлѣбъ съ небесе: но Отецъ мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе.* Такое обѣщаніе еще болѣе усилило алчбу народа: *Рѣша убо къ немu: Господи, всегда даждь намъ хлѣбъ сей! Рече же имъ Іисусъ: Азъ есмь хлѣбъ животный; грядый по Мнѣ не имать взалкатися: и вѣруяй въ Мя не имать вожаждатися никогдаже* (Іоан. 6, 26—56. Ничего не могло быть величественнѣе языка сего, но для людей чувственныхъ Онъ показался даже не имѣющимъ смысла. *Роптаху убо Іудеи о Немъ, яко рече: Азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе. И глаголаху: не сей ли есть Іисусъ сынъ Іосифовъ, Его же мы знаемъ отца и матерь: како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снидохъ?* То-есть, Іудеи приняли вышесказанныя слова Спасителя въ самомъ чувственномъ и грубомъ видѣ. Что же Господь?— Онъ указалъ только на источникъ ихъ маловѣрія, и продолжалъ свою проповѣдь. *Отвѣща убо Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою. Никто же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Азъ есмь хлѣбъ животный. Отцы ваши ядоша манну въ пустынѣ, и умроша. Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ясть, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный иже сшедый съ небесе: аще кто*

снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки. И хлѣбъ егоже азъ дамъ, плоть моя есть, юже азъ дамъ за животъ міра (Іоан. 6, 41—44—48—51).

Такое прямое и сильное указаніе на свое тѣло, какъ на брашно, возбудило еще болѣе недоумѣнія въ чувственныхъ слушателяхъ, кои думали, что имъ дано будетъ въ пищу тѣло Іисуса Христа въ томъ самомъ видѣ въ какомъ оно было предъ ними. *Прякоуся убо между собою жидове, глаголюще: како можетъ сей намъ дати плоть свою ясти?* Но, Господь несмотря на сіе, опять еще сильнѣе и раздѣльнѣе подтвердилъ сказанное прежде. *Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте Плоти Сына человѣческаго, ни піете Крове Его, живота не имате въ себѣ Ядый мою Плоть, и піяй мою Кровь: имать животъ вѣчный, и азъ воскрешу его въ послѣдній день Плоть бо моя истинно есть брашно, и Кровь моя истинно есть пиво. Ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ — якоже посла мя живый Отецъ, и азъ живу Отца ради: и ядый Мя и той живъ будетъ Мене ради. Сей есть хлѣбъ сшедый съ небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки* (53—58). Послѣ сихъ словъ нельзя было уже сомнѣваться въ томъ, что обѣщается дѣйствительное вкушеніе тѣла и крови Учителя. Но это показалось такъ страннымъ для многихъ изъ самыхъ учениковъ Господа, что они нетольно пристали къ Іудеямъ, говоря: *жестоко есть слово сіе, и кто можетъ послушати его* (60)? Но, Господь, не смотря на сіе, опять подтвердилъ истину своихъ словъ во всей ихъ силѣ, присовокупивъ только, что глаголы, кои они слышатъ отъ Него, *духъ и животъ суть;* почему и не должно брать ихъ въ томъ плотскомъ видѣ, въ какомъ брали ихъ соблазнившіеся ученики (61—65). Даже и послѣ, когда не малое число учениковъ, не вразумившись объясненіемъ Учителя, соблазнились Его проповѣдію до того, что *идоша вспять, и кътому не ходяху съ Нимъ* (66; Богочеловѣкъ и тогда нисколько не перемѣнилъ своей бесѣды, а только спросилъ оставшихся двенадесять: *еда и вы хощете идти?* То-есть, явно, готовъ былъ, такъ сказать, скорѣе отпустить отъ себя и послѣднихъ учениковъ, какъ ни дороги они были для Него, нежели разставаться съ предметомъ проповѣди, не открывъ всему міру Божественной пищи — Тѣла и Крови своей.

Что должны мы, брате, взять для себя въ особенное назиданіе изъ сей проповѣди Спасителя? То вопервыхъ, что вкушеніе тѣла и крови Его не есть что-либо для насъ неважное, безъ чего можно обойтися, а нѣчто существенно нужное, необходимое для всѣхъ насъ, такое, безъ чего нельзя имѣть живота вѣчнаго. А печальное событіе съ учениками Спасителя, такъ сильно соблазнившимися ученіемъ Его о тѣлѣ и крови своей, какъ о духовномъ брашнѣ, должно дать знать намъ, что, приступая къ Божественной трапезѣ, всего менѣе должно предаваться собственнымъ мыслямъ и недоумѣніямъ, а слѣдовать прямо за словами и обѣщаніемъ Господа, какъ бы онѣ ни казались намъ высокими и неудобоисполнимыми. Впрочемъ, теперь, когда мы видимъ въ какомъ видѣ преподается тѣло и кровь Господа, опасенія Капернаумскихъ Іудеевъ, думавшихъ, что ихъ будутъ питать тѣломъ и кровію

человѣческою, въ собственномъ ихъ видѣ, не могутъ имѣть и мѣста.

Истинные ученики *слова животнаго* не преткнулись однакоже и тогда о высоту сего слова, какъ оно ни было невмѣстительнымъ для многихъ. Петръ на вопросъ Спасителя: *Еда и вы хощете идти?* рѣшительно отвѣчалъ за всѣхъ: *Господи, къ комуидемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 68). Что это былъ не одинъ порывъ святаго чувства души, не одно мгновенное изліяніе любви къ Учителю, показало самое дѣло. Ибо когда пришло время самому Учителю отъ слова обратиться къ дѣлу, то-есть, преподать самое тѣло и самую кровь, въ ученикахъ не обнаружилось тогда ни малѣйшаго недоумѣнія. Памятуя обѣщаніе Учителя преподать имъ сіе Божественное брашно, они приняли его со всею вѣрою и любовію, безъ всякаго недоумѣнія, безъ всякихъ вопросовъ.

Это произошло на послѣдней вечери пасхальной, въ навечеріе страданій и смерти Господа. Среди многихъ знаменательныхъ и трогательныхъ обрядовъ сей вечери? Спаситель взялъ хлѣбъ, благословилъ его, преломилъ; но подавая его ученикамъ, вмѣсто обыкновенныхъ словъ, сказалъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое!* (Матѳ. 24, 26) Больше небыло ничего сказано; ибо и небыло нужды говорить болѣе, поелику ученики знали уже твердо, что кто не вкуситъ сего таинственнаго брашна,— *не узритъ живота*. Подобнымъ образомъ, взявъ по вечери чашу, и подавая ее ученикамъ, Господь сказалъ: *пріимите, и пійте изъ нея вси: сія есть кровь моя, Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливается во оставленіе грѣховъ!* (Матѳ. 26, 28). И ученики, вразумленные въ таинство прежде, опять въ безмолвіи причастились крови своего Учителя и Господа. *Сіе творите*, присовокупилъ Господь, *во мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19), давая чрезъ сіе знать, что это таинство не на сей только случай, не въ знакъ прощанія съ учениками, а навсегда, въ знакъ вѣчнаго пребыванія Его со всѣми вѣрующими, *до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20).

Можно представить, какъ драгоцѣннымъ должно было сдѣлаться повтореніе сего таинства для учениковъ Іисусовыхъ, когда они разлучились съ Нимъ, по вознесеніи Его на небо!— Таинственный хлѣбъ и вино, или лучше сказать, тѣло и кровь Богочеловѣка, содѣлались единственнымъ брашномъ, коимъ питались святыя души ихъ, укрѣпляясь на все великое, многотрудное и святое. *По вся дни терпяще*, такъ говоритъ книга дѣяній Апостольскихъ о Апостолахъ, *единодушно во Церкви ломяще по домомъ хлѣбъ, пріимаху пищу во радости и простотѣ сердца* (Дѣян. II, 46). Приходили ли куда на труды Апостольскіе? Первымъ дѣломъ было воспомянуть съ вѣрными смерть Господа и пріобщиться святой трапезы любви. Отходили ли куда и прощались *со чадами* по вѣрѣ? Послѣднимъ знакомъ единодушія было опять воспомянуть смерть Господа, преломить таинственный хлѣбъ и вкусить отъ чаши завѣта? Ожидали ль сошествія св. Духа? Причащались. Приготовлялись ли на исповѣданіе имени Іисуса предъ тиранами, или на мученіе и смерть? Причащались. Страдали ль отъ болѣзней, и искали исцѣленія? Причащались. Евхаристія была всѣмъ для всѣхъ. Посему самому, не смотря на

важность таинства, обрядъ совершенія его долго оставался въ первобытной простотѣ. Молились, каялись во грѣхахъ, плакали,— и пріобщались. Св. Павелъ первый соединилъ съ Евхаристіею проповѣдь; потомъ присоединилось пѣніе различныхъ псалмовъ и чтеніе различныхъ мѣстъ св. Писанія. Апостолъ Іаковъ совокупилъ все сіе въ опредѣленный видъ литургіи; а св. Василій Великій, Златоустъ и Григорій Двословъ дали ей наконецъ тотъ видъ, въ коемъ она совершается до нынѣ.

Нужно ли говорить о достоинствѣ святаго труда ихъ?— Что-либо лучшее нашей Литургіи увидимъ, развѣ когда только будемъ на небѣ. Здѣсь на святой проскомидіи, во время пріуготовленія Божественныхъ даровъ, символически предъизображается жизнь и крестная смерть Сына Божія, подобно тому какъ они были предъизображены въ символахъ и обрядахъ Ветхаго Завѣта. Потомъ, въ первой части литургіи, при выходѣ изъ Алтаря священнодѣйствующихъ съ Евангеліемъ, Спаситель самъ какъ бы снова является въ міръ и исходитъ на проповѣдь, которая слышится потомъ въ чтеніи Апостола и Евангелія. За симъ, при второмъ выходѣ изъ Алтаря священнодѣйствующихъ со святыми дарами, представляется послѣднее шествіе Господа во Іерусалимъ на страданіе и крестную смерть, послѣ чего, среди различныхъ молитвъ, какъ бы повторяется послѣдняя вечеря Господа съ учениками, слышатся самыя слова его, сказанныя Апостоламъ о тѣлѣ и крови Его, и совершается самое таинство Евхаристіи чрезъ призываніе на св. Дары благодати пресвятаго Духа. Въ послѣдней части Литургіи, съ новымъ отверзтіемъ Царскихъ вратъ, какъ бы видимо отверзается гробъ Господень для воскресенія, и самое небо для принятія Воскресшаго, что самое чувственно изображается обратнымъ перенесеніемъ останка св. Даровъ съ престола на жертвенникъ. Такимъ образомъ, кто съ полнымъ вниманіемъ присутствуетъ при Литургіи, тотъ каждый разъ видитъ предъ собою, можно сказать, всю земную жизнь Господа, отъ начала до конца.

Такъ, предуготовлялась Божественная трапеза тѣла и крови Христовы, такъ учредилась въ свое время, и такъ сохранилась до нашихъ дней!— Много вѣковъ прошло въ приготовленіи ея; много вѣковъ минуло и въ украшеніи ея! Оттого-то языческіе предки наши, когда увидѣли въ первый разъ совершеніе Литургіи; то подумали, что ихъ какимъ-либо чудомъ преставили на небо.

Велика честь была бы, брат., еслибы насъ, съ нашимъ недостоинствомъ, допустили только къ созерцанію толикихъ таинъ. Но, вотъ, мы всѣ призываемся нынѣ къ самому вкушенію Божественной трапезы!— *Видите* убо, дерзну сказать съ Апостоломъ, *видите, какову любовь далъ есть намъ Отецъ!* Для чего далъ? для того, отвѣществуетъ Апостолъ, *да чада Божія нарекомся и будемъ* (1 Іоан. 3, 1). Дабы преизбыткомъ любви отеческой къ намъ произвести въ насъ сыновнюю любовь къ Нему. Останемся ли убо хладными и среди сего пламени Божественной любви? Да небудетъ! Ибо сильнѣйшихъ средствъ къ согрѣянію и оживленію любовію сердца нашего не найдемъ у самой любви Божественной. Аминь.

Да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою; воздѣяніе руку моею, жертва вечерняя.

Псал. 140.

„Псаломъ сей почти всѣ знаютъ,— говорилъ св. Златоустъ о Христіанахъ своего времени;— всѣ поютъ его часто, отъ юности до глубокой старости; хотя не многіе понимаютъ совершенно смыслъ его. И не напрасно отцы положили ежедневно возглашать сію духовную пѣснь: она есть нѣкое врачевство духовное, есть родъ умилостивительной жертвы, которою мы каждый вечеръ должны очищать грѣхи свои, содѣваемые нами, впродолженіе дня, дома, либо на торжищѣ, либо въ другомъ мѣстѣ.“ Въ самомъ дѣлѣ пѣснь сына Іессеева, воспѣтая имъ во дни бѣдствій, весьма трогательна. Потому-то Христіанская Церковь первые стихи сего Псалма ввела въ ежедневное употребленіе при своей вечернѣй службѣ; положила ихъ въ основаніе цѣлъ новозавѣтнымъ пѣснямъ, кои наименовала *стихирами на Господи воззвахъ*; и Богодухновенные стихи Давидовы всегда находятъ сочувствіе въ благочестивой душѣ Христіанина, какъ бы ни часто повторяли ихъ. Но они особенно кажутся умилительными и возбуждаютъ духъ молитвенный, когда въ св. и великую Четыредесятницу поются на Литургіи преждеосвященныхъ. Голосъ церковнаго пѣвца, благоговѣйное стояніе на колѣнахъ всѣхъ присутствующихъ во храмѣ Божіемъ, время покаянное, сознаніе своей духовной бѣдности— все заставляетъ грѣшника вопіять ко Господу молитвою Давида.

Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою! Ничто столько для насъ не нужно, какъ истинная молитва; и самая молитва никогда не бываетъ такъ нужна, какъ во дни поста и покаянія. По этому Церковь положила сей вторый стихъ псалма цѣлъ съ самаго начала, потомъ повторитъ его послѣ каждаго изъ слѣдующихъ стиховъ, и имъ же наконецъ заключитъ пѣніе; ибо въ немъ молимся о самой молитвѣ,— да *исправится* она и да направится прямо къ престолу Отца небеснаго, *какъ струя ѳиміама жертвеннаго*, въ тихій вечеръ, прямо течетъ къ небу. Одно изъ величайшихъ несчастій нашихъ состоитъ въ томъ, что наша молитва доселѣ не восходила къ лицу Божію; мы молились, но сія молитва разсѣевалась, какъ дымъ, отъ бури страстей нашихъ, не достигая неба: да взыдетъ она хотя нынѣ— въ сіи дни покаянія— неуклонно къ Тебѣ, Господь и Судія нашъ! Какъ узники, обремененные цѣпями, мы воздѣваемъ руки свои къ небу, на которое не достойны взирать: но да будетъ смиренное *воздѣяніе рукъ* нашихъ благоугодно предъ Тобою, какъ благоугодна была *жертва вечерняя*, ежедневно приносившаяся тебѣ въ скиніи и въ храмѣ Соломоновомъ. *Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою!*

Господи воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! Подъ симъ воззваніемъ разумѣется не устный крикъ, какъ бы онъ ни былъ громокъ и силенъ, замѣчаетъ св. Златоустъ,— но крѣпкій вопль сокрушеннаго сердца, умиленный голосъ души, которая вся превращается въ единую пламенную молитву, и всѣми силами вопіетъ къ Спасителю: *вонми гласу моленія моего!* Поспѣши ко мнѣ на помощь! Не дай погибнуть самой молитвѣ моей!— *да*

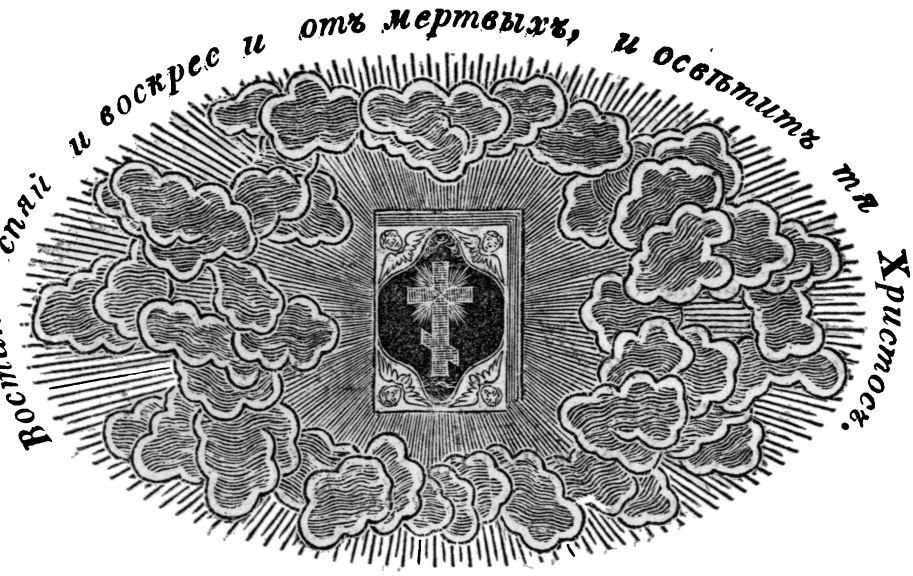
исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою!

Положи, Господи, храненіе устомъ моимъ, и дверь огражденія о устнахъ моихъ! Давидъ просилъ стражей языку своему, для того, чтобы отъ тяжкихъ бѣдствій жизни не возроптать на участь свою; для того, что и при дворѣ Саула, и въ пещерѣ Одоллямской, и въ ущеліяхъ Енгадди были злые совѣтники, которые возбуждали его поднять ропотъ и возмущеніе противъ Царя—гонителя. Но у грѣшника, каковы всѣ мы, и безъ несчастій жизни, и безъ злыхъ совѣтниковъ, по одной злой волѣ языкъ остришся, какъ бритва. Милосердый Создатель, почтивъ насъ даромъ слова, симъ самымъ возвысилъ насъ надъ всѣми тварями земными: но что дѣлаемъ мы изъ сего боголѣпнаго дара? По выраженію Апостола, лѣпоту неправды,—огонь, пожирающій и нашу и чужую жизнь, скверну всего тѣла нашего (Іак. 3, 6—8). Въ словѣ Божіемъ сказано: *аще кто въ словѣ не согрѣшаетъ сей совершенъ мужъ* (2), а мы ни чѣмъ такъ много и такъ тяжко не согрѣшаемъ, какъ нашимъ языкомъ. Не часто ли гортань наша бываетъ гробомъ отверстымъ, въ которомъ мы погребаемъ самыя благія дѣянія нашихъ ближнихъ? Какъ же не молиться всякому изъ насъ: *поставь Господи стражу при языкѣ моемъ, охраняй двери устъ моихъ*, изъ которыхъ, какъ изъ пропасти, льется хуленіе на дѣла Твои и на дѣла моихъ ближнихъ. Не лишай меня дара слова; ибо страшно быть человѣку безсловесною тварію: но положи преграду моимъ злымъ словамъ, и даждь слово благо во уста мои, слово хвалы и молитвы къ Тебѣ, мой Боже, да выну *исправится молитви моя, яко кадило предъ Тобою!*

Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ! Внутреннее слово наше бываетъ еще злѣе и лукавѣе; *отъ сердца*, говоритъ Спаситель, *исходятъ помышленія злая*. Но самое злое изъ злѣйшихъ помышленій есть то, когда мы внутренно *непщуемъ вины о грѣсѣхъ*. т. е. измышляемъ извиненія во грѣхахъ, оправдываемъ свои пороки; когда согрѣшая тяжко, говоримъ въ сердцѣ: мы не согрѣшили! И не это ли извиненіе грѣховъ своихъ есть любимая бесѣда у грѣшныхъ съ своимъ лукавымъ сердцемъ? Поэтому-то приступая къ престолу благодати, всего чаще намъ должно вопіять ко Господу: *не попусти уклониться сердцу нашему въ злыя помышленія!* этими лукавство, ложно оправдывающее грѣхи наши! Ибо молитва наша тогда только благопріятна предъ Тобою, Господи, когда въ ней изливается сокрушенное сердце съ чувствомъ мытарева смиренія и покаянія, и когда она совершенно чужда фарисейскаго осужденія своихъ ближнихъ и самохвальства.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 8 Февраля 1869 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 50. НЕДѢЛЯ 5-Я ВЕЛ. ПОСТА, МАРТА 12. 1839.

Апостолъ: Евр. 9, 11—14. Евангеліе: Мар. 10, 32—45.

Желающе Божественныя Пасхи причаститися, не отъ Египта, но изъ Сіона грядущія, грѣховный квасъ отъимемъ покаяніемъ; препояшимъ чресла наша умерщвленіемъ сластей; украсимъ ноги сапогми, возбранителными отъ всякаго дѣла лукаваго, и утвердимся палицею вѣры; не ревнуимъ врагомъ Владычняго креста, Боготворяще чрево, но послѣдуимъ постомъ, на діавола побѣду намъ показавшему, Спасу душъ нашихъ.

Въ четвер. 1-я нед. вечер. на стіхов. стіх. 1-я.

ИСКУШЕНІЕ ИИСУСА ХРИСТА ВЪ ПУСТЫНѢ ОТЪ ДІАВОЛА. (*)

Въ тридесять лѣтъ возраста своего по плоти, Господь Іисусъ Христосъ крестился отъ Іоанна во Іорданѣ, какъ говоритъ св. Евангелистъ Лука: *и бѣ Іисусъ яко лѣтъ тридесяти* (Лук. 3, 23),— *начиная творити же и учити* (Дѣян. 1, 1).—До сего возраста, въ которомъ человѣческія силы обыкновенно достигаютъ зрѣлости, Богочеловѣкъ благоволилъ проводить жизнь свою въ сокровеніи отъ міра, во градѣ Назаретѣ. Послѣ крещенія, въ которомъ Онъ торжественно по-

(*) Изъ историческ. Бесѣдъ Высокопр. Филарета, Митрополита Кіевскаго.—

священъ Богомъ Отцемъ и святымъ Духомъ въ ходатайственное о насъ служеніе, тотчасъ начинаетъ совершать дѣло спасенія нашего. Начинаетъ прежде самъ *творить*, исполнять всю волю Отца небеснаго, и потомъ уже *учить* тому же и другихъ, показуя собою образъ всѣмъ истиннымъ учителямъ въ Церкви Его, и всѣмъ вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ. Какъ Онъ началъ сіе величайшее Божественное дѣло, повѣствуютъ о семъ Евангелисты:

Іисусъ же исполнь Духа Свята, возвратися отъ Іордана; и возведенъ бысть Духомъ въ пустыню, искуситися отъ діавола (Лук. 4, 1.—Мат. 4, 1).—

Іисусъ Христосъ пришелъ спасти родъ человѣческій отъ грѣховъ. Но чтобъ спасти его, надлежало ему сразиться съ сильнымъ начальникомъ грѣха, духомъ злобы, діаволомъ,—побѣдить его, и тако исхитить насъ изъ темной области сего князя тьмы, и ввести въ блаженную обитель свѣта. Для сего Онъ по крещеніи, исполненный силою Духа Святаго, поспѣшно отходитъ въ пустыню, и, какъ истинный начальникъ и вождь нашъ, первый начинаетъ единоборство съ жесточайшимъ врагомъ спасенія нашего, дабы и въ насъ возбудить бодрость къ мужественному начинанію съ нимъ брани. И какъ начинаетъ Онъ сію духовную борьбу? *Постомъ и молитвою.*

И бѣ тамъ въ пустыни днiй четыредесять искушаемъ [illegible], и бѣ со звѣрми, и не ястъ ничесоже во дни тыя (Марк. 1, 13.—Лук. 4, 2).—

Четыредесять дней и столько же нощей Искупитель нашъ провелъ въ глубокой пустыни, единъ, лишенный всякаго пособія и утѣшенія со стороны человѣковъ, обращаясь со звѣрьми, ни какой не вкушая пищи и питія.

Источникъ чистоты и святости, безгрѣшный, *Святый святыхъ*, не для своего очищенія принялъ на себя толико трудный и продолжительный подвигъ поста и уединенія, но для насъ бѣдныхъ грѣшниковъ, дабы своимъ постомъ загладить преступленіе прародителей нашихъ, содѣланное въ раю непозволеннымъ вкушеніемъ отъ запрещеннаго древа. Презѣльная любовь Его къ намъ заставила Его терпѣть алчбу и жажду, сносить ужасъ пустыни, и брань съ искусителемъ діаволомъ,—дни и нощи проводить въ молитвѣ и воздѣніи: дабы и намъ слабымъ членамъ Его сообщить силы и крѣпость ко вступленію въ подобный трудъ и борьбу, съ неустрашимымъ мужествомъ; дабы и наши слабые подвиги на пути спасенія, нашъ ничтожный постъ и наши грѣшныя молитвы освятить и содѣлать пріятными Богу Отцу небесному; дабы обогатить насъ вѣчными благами, и стяжать для насъ безконечное сокровище заслугъ, изъ котораго бы мы, яко изъ неизчерпаемаго источника, могли съ избыткомъ почерпать для себя то, чего намъ не достаетъ.

И постився днiй четыредесять, и скончавшимся имъ, послѣди взалка (Мат. 4, 2.—Лук. 4, 2).

Сорокъ дней и нощей пребывать безъ пищи и питія—свыше силъ человѣческихъ. Постились столько времени Моисей и Илія; но какъ имъ самъ Богъ назначилъ таковый постъ,—то Онъ

же и сохранилъ ихъ своею всемогущею силою. Іисусъ Христосъ, яко человѣкъ, чувствовалъ алчбу во всѣ четыредесять дней, но, яко вмѣстѣ Богъ, божественною силою своею и силою Духа Святаго сохранилъ сорокодневное воздержаніе.— По окончаніи же сорока дней *взалкалъ*, т. е. почувствовалъ необходимую для себя потребность въ пищѣ. И сіе-то время сильной алчбы діаволъ избралъ для искушенія Его.

И приступль къ Нему искуситель, діаволъ, рече: аще Сынъ еси Божій, рцы да каменіе сіе хлѣбы будутъ (Матѳ. 4, 3.— Лук. 4, 3).—

Хитрый искуситель является ко Іисусу Христу подъ личиною добраго совѣтника. Подъ видомъ состраданія къ алчущему, предлагаетъ Ему лукавый совѣтъ свой, какъ бы такъ говоря: Богъ по крещеніи твоемъ во Іорданѣ назвалъ тебя Сыномъ своимъ возлюбленнымъ. Такъ для чегожъ тебѣ мучить себя голодомъ, ежели ты Сынъ Божій? Скажи, чтобъ камни сіи сдѣлались хлѣбомъ, и утоли свою алчбу. Діаволу хотѣлось или исторгнуть у Спасителя тайну Божества Его, сокрытаго подъ смиренною одеждою плоти и немощей человѣческихъ; или поколебать Его вѣрность къ Богу Отцу въ совершеніи назначеннаго Ему подвига поста. Таковую хитрость употребилъ онъ удачно надъ обольщеніемъ праматтери нашей Евы и праотца Адама,— склонивъ ихъ къ невоздержному вкушенію отъ запрещеннаго плода, съ нарушеніемъ вѣрности Богу.— *Что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго* (Быт. 3, 1)?— Были первыя лукавыя слова его къ Евѣ; но, одержавъ побѣду лестію надъ первымъ человѣкомъ, онъ побѣжденъ Сыномъ человѣческимъ, благословеннымъ сѣменемъ жены.

Іисусъ же отвѣщавъ, рече: писано есть: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ (Матѳ. 4, 4).—

Отвѣтомъ своимъ Спаситель сокрываетъ отъ Діавола Божество свое, но открываетъ всемогущество Бога, который можетъ и безъ хлѣба сохранить жизнь тѣхъ, кои всѣмъ сердцемъ уповаютъ на Него, и со всею вѣрностію соблюдаютъ Его слово,—какъ Онъ могъ въ теченіе сорока лѣтъ пропитать цѣлый народъ Израильскій въ пустыни манною.— Іисусъ Христосъ отвѣтъ свой заимствуетъ изъ священнаго Писанія, дабы и намъ показать самый вѣрнѣйшій способъ побѣждать искушенія сатаны словомъ Божіимъ, которое, по словамъ Апостола Павла, есть *мечь духовный* (Ефес. 4, 17).

Тогда поятъ Его діаволъ во святый градъ Іерусалимъ, и постави Его на крилѣ церковнѣмъ, и глагола Ему: аще Сынъ еси Божій, верзися низу. Писано бо есть: яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя; и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою (Матѳ. 4, 5. 6.—Лук. 6, 9. 10. 11).—

Не узнавъ Божества Іисуса Христа, діаволъ со большею дерзостію приступаетъ къ Нему, и, уничиженный насъ ради, Сынъ Божій попущаетъ ему взять себя, и изъ пустыни перенесть во Іерусалимъ, и поставить на вершинѣ храма. Лукавый искуситель, не успѣвъ уловить Его въ сѣть невѣрности къ Богу и невоздержанія, простираетъ другую опаснѣйшую сѣть тщеславія, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ. Ежели ты Сынъ Божій, говоритъ Ему, и такъ крѣпко и совершенно надѣешься на Бога Отца твоего,— то для чегожъ тебѣ скрываться въ неизвѣстности и въ удаленіи отъ людей? Покажи всенародно, въ столицѣ Іудейской, свое достоинство, и надежду свою на Бога докажи верженіемъ себя внизъ. Тебѣ нечего опасаться смерти отъ сего верженія, ибо и въ словѣ Божіемъ написано: что Богъ повелитъ Ангеламъ своимъ сохранить тебя цѣла и не вредима,— они возмутъ тебя на руки, и ты даже ноги своей не ушибешь объ камень (Псал. 90, 11). Подобнымъ льстивымъ обѣщаніемъ искуситель успѣлъ возбудить въ неосторожной Евѣ гордое желаніе не принадлежащей ей чести.— *Не смертію умрете*, говорилъ онъ къ ней, *но будете яко бози* (Быт. 3, 4. 5).— Но смирившій себя для заглажденія гордости прародителей, смиреніемъ своимъ побѣдилъ гордость сатаны.

Рече же ему Іисусъ: паки писано есть: не искусиши Господа Бога твоего (Матѳ. 4, 7).—

Искушать Господа Бога — значитъ безъ нужды, и безъ воли Божіей, по суетному честолюбію, вдаваться въ очевидную опасность жизни, въ гордой надеждѣ, что Богъ сотворитъ чудо для сохраненія насъ. Богъ въ словѣ своемъ запрещаетъ сіе, какъ дѣло нечестивое.— Святые, которымъ Богъ сообщаетъ даръ чудотворенія, суть люди, паче всѣхъ смиренномудрѣйшіе. Они, творящи чудеса, не изъ желанія творить ихъ, но изъ глубочайшаго повиновенія Богу, для единой славы имени Его и для спасенія ближнихъ своихъ. По сему божественному смиренію и Господь Іисусъ отвѣщаетъ искусителю, не соглашаясь на лукавый совѣтъ его: *писано есть: не искусиши — Господа Бога твоего* (Второз. 6, 16).

Паки поятъ Его діаволъ на гору высоку зѣло, и показа Ему вся царствія міра, въ часть времянну, и славу ихъ; и глагола Ему: тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ; яко мнѣ предана есть,— и, ему же аще хощу, дамъ ю; ты убо аще, падъ, поклонишися предо мною, будутъ тебѣ вся (Матѳ. 4, 8. 9.— Лук. 4, 5. 6. 7).—

Въ третію сѣть силится уловить Господа Іисуса лукавый искуситель, въ сѣть властолюбія, сребролюбія, пышности и роскоши міра. Поемлетъ Его на гору высокую — *во часѣ времянѣ*: т. е. въ самое коротокое время, показываетъ Ему всѣ царства міра, во всемъ блескѣ ихъ сокровищъ и славы. Показываетъ не самыя царства — ибо и нѣтъ на земли такой горы, съ которой бы можно было видѣть всѣ Государства, и взоръ человѣческій не можетъ такъ далеко простираться, чтобъ узрѣть ихъ, но, какъ излага-

ютъ Отцы Церкви, представляетъ очамъ Спасителя образы всѣхъ царствъ міра, по свойственной сатанѣ хитрости.— Въ гордынѣ своей приписываетъ себѣ надъ ними власть. Нагло и безстыдно требуетъ себѣ боголѣпнаго поклоненія отъ Іисуса Христа,— обѣщая всю власть свою отдать Ему. Спаситель, съ безпредѣльнымъ терпѣніемъ попущалъ діаволу искушать себя, доколѣ искушенія его касались лично до Него; но коль скоро искуситель коснулся до чести Бога Отца, единородный Сынъ Его, по ревности къ Его славѣ, съ праведнымъ негодованіемъ и властію отвѣчаетъ:

Тогда глагола ему Іисусъ: иди за мною сатано! т. е. отыди отъ Меня, и не смѣй являться болѣе предъ лице мое! *писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Ему единому послужиши* (Мат. 4, 10).—

И скончавъ все искушеніе діаволъ, остави Его, и отъиде отъ Него до времене:— и се! Ангели приступиша и служаху Ему (Лук. 4: 13. Мат. 4, 11).—

Въ трехъ искушеніяхъ діавола Іисусъ Христосъ побѣдилъ его. Но сіи три, какъ главныя, заключаютъ въ себѣ всѣ прочія виды искушеній: ибо три суть коренные грѣха, изъ которыхъ всѣ прочіе, какъ вѣтви отъ корней своихъ, происходятъ: невоздержаніе, тщеславіе и алчность къ стяжанію власти и земныхъ сокровищъ. Святый Апостолъ Іоаннъ Богословъ называетъ ихъ *похотію плоти, похотію очесъ и гордостію житейскою*, глаголя: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 15. 16).— Почему Спаситель, побѣдивъ сатану въ сихъ трехъ искушеніяхъ, побѣдилъ всѣ его козни,— и въ знаменіе и какъ бы въ награду за сію побѣду, Отецъ небесный послалъ къ нему Ангеловъ для служенія Ему.

Тако Іисусъ Христосъ, начальникъ и совершитель вѣры нашея, началъ совершать дѣло спасенія нашего!— и какое для насъ, братіе, утѣшеніе, что мы *имамы Архіерея, могущаго спострадати немощемъ нашимъ,— искушена по всячески по подобію, развѣ грѣха; да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу; въ немъ же бо пострада, самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 4, 15. 11, 17. 18)!— Во всегдашнее воспоминаніе сорокодневнаго пощенія Спасителя, святая Церковь, еще во времена Апостоловъ, установила постъ святыя четыредесятницы, который во всѣ времена, отъ всѣхъ истиннолюбящихъ Господа Іисуса Христа, провождаемъ былъ съ особеннымъ благочестіемъ, святостію и благоговѣніемъ.

Взирающе убо на Начальника и совершителя вѣры нашея Іисуса, гордость всякую отложше, и удобь обстоятельный грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ (Евр. 9, 1. 2).— Врагъ спасенія нашего, дерзнувшій искушать самаго Господа Іисуса, оставитъ ли насъ безъ искушенія? И мы въ крещеніи получаемъ дары Духа Святаго для того, чтобы посредствомъ ихъ сражаться съ духомъ злобы, неусыпно ищущимъ погибели нашея,—

побѣдить его козни, и за побѣду получить неувядаемый вѣнецъ славы — въ сожитіи съ блаженными духами Ангельскихъ чиновъ.

Іисусъ Христосъ, попустивъ діаволу искушать себя, открылъ коварныя его сѣти, въ которыя онъ уловляетъ неосторожныхъ, и вмѣстѣ показалъ оружія намъ, дабы мы, зная ихъ, удобно могли побѣждать его.

Хощетъ ли онъ лукавый уловить насъ въ сѣть невоздержанія, плотоугодія и сластолюбія, дабы отнять у насъ безцѣнное сокровище той чистоты, невинности и цѣломудрія, съ которымъ мы выходимъ изъ купѣли крещенія? — вооружимся противъ него *постомъ и молитвою*, въ сыновнемъ на Господа упованіи; — и мы вѣрно останемся побѣдителями.

Простираетъ ли онъ для уловленія насъ сѣть тщеславія, дабы, родивши въ насъ гордое о самихъ себѣ мнѣніе, заставить насъ, съ потерею спасенія нашего, искать суетныхъ честей міра, и, вмѣсто истинной славы сыновъ Божіихъ, низринуть насъ въ бездну вѣчнаго посрамленія? — вооружимся противъ него Христіанскимъ смиренномудріемъ, — и избѣгнемъ отъ его козней.

Сѣтію ли сребролюбія, роскоши и пышности мірской силится онъ вовлечь насъ въ погибель, дабы, заставивъ насъ, съ нарушеніемъ правды и съ обидою ближнихъ, накоплять себѣ сокровища земныя, ввести насъ въ духовное идолослуженіе? — вооружимся противъ него любовію къ Богу, и несомнѣнною надеждою получить отъ Господа вѣчныя, неизреченныя блага, неотъемлемыя сокровища въ царствіи Его небесномъ; — и Господь Іисусъ Христосъ укрѣпитъ слабыя силы наши — да, содѣлавъ насъ побѣдителями грѣха, сотворитъ наслѣдниками вѣчныя своея славы. Аминь.

МОЛИТВА СВЯТАГО ЕФРЕМА.

Молитвъ св. Ефрема дошло до насъ болѣе 50-ти, не включая въ это число его духовныхъ пѣсней и гимновъ. Нѣкоторыя изъ нихъ съ древнихъ временъ употребляются въ нашей Церкви. Извѣстнѣйшія: на повечеріи молитва къ пресвятой Богородицѣ — *нескверная, неблазная;* въ псалтири — послѣ 5-й кафисмы; третія молитва на сонъ грядущихъ къ пресвятому Духу; и она же послѣ 20-й кафисмы, съ нѣкоторыми измѣненіями. Ни одна изъ нихъ у насъ не надписана: а потому подъ молитвою св. Ефрема обыкновеннѣе разумѣемъ мы молитву: *Господи и Владыко живота моего!*

Сія краткая молитва употребляется Церковію только въ дни поста и покаянія, и, не смотря на свою краткость, употребляется отлично предъ другими церковными молитвами, совершаемыми въ тѣ же дни.

а) Она читается ежедневно, въ собственные дни поста, и при томъ на каждомъ Богослуженіи; слѣдовательно девятикратно въ день, по числу девяти Богослуженій Церковныхъ.

б) Она читается не простымъ чтецомъ или церковнослужителемъ, подобно другимъ молитвамъ, неоднократно повторяемымъ въ дни св. поста, но Священникомъ.

в) Кромѣ того съ нею соединены, такъ называемые великіе поклоны.

г) Наконецъ Церковь отличила ее своимъ чиноположеніемъ, касательно способа совокупнаго чтенія ея и

поклоненія (*); чего не сдѣлала ни съ какою другою молитвою.

Начало сего употребленія молитвы св. Ефрема, восходитъ къ временамъ глубокой древности. Оно древнѣе Устава нашей Церкви; ибо онъ въ *законоположеніи о поклонахъ* явно ссылается на древнѣйшіе уставы Греческіе. Оно можетъ быть древнѣе и сихъ послѣднихъ; потому что въ древнѣйшихъ изъ нихъ говорится о молитвѣ святаго Ефрема, какъ уже извѣстной и находившейся въ употребленіи. А именно въ нихъ упоминается, что приносившіе покаяніе въ святую четыредесятницу, творили три великихъ *метаніа*, или поклона, произнося молитву святаго Ефрема; и что простымъ и некнижнымъ предписано было только повторять краткую молитву: *Боже милостивъ ми буди грѣшному*, которая нынѣ чинается съ малыми поклонами.

Посему весьма вѣроятно, что начало употребленія молитвы св. Ефрема, а можетъ быть и законоположенія о великихъ поклонахъ, если не современно самому творцу ея; то по крайней мѣрѣ не далеко отъ времени его жизни.

Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, уныніа, любоначалія и празднословія не даждь ми.

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми рабу Твоему.

Ей, Господи Царю! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

Не даждь мнѣ, Господи, *духа праздности* въ дѣлахъ званія моего,— въ краткіе дни жизни моей; особенно *духа усыпленія* (Римл. 2, 8) и бездѣйствія въ великомъ дѣлѣ спасенія моего, въ сіи святые дни поста и покаянія; не дай,— да не пройдутъ они и нынѣ, не сотворивъ спасенія моего, какъ уже сколько разъ проходили прежде.— Не дай мнѣ *духа уныніа*, когда я, увидѣвъ нужду въ обращеніи на путь жизни, стану чувствовать, какъ онъ тѣсенъ и прискорбенъ для тѣла и для духа моего, и усматривать, сколь я далекъ еще отъ цѣли пути моего; не дай,— да не уклонюсь съ пути жизни на распутія смерти.— Когда же, при помощи твоей, преодолѣю духъ праздности и уныніа, и пойду по тѣсному и скорбному пути покаянія,— о! не дай мнѣ тогда *ни духа любоначалія*, да не паду отъ высокоумія, отъ коего такъ глубоко палъ одинъ изъ Ангеловъ, и не погублю плодовъ покаянія моего; *ни духа празднословія*, да не согрѣшу языкомъ моимъ, когда по долгу званія моего, долженъ буду возвѣщать брапіи моей

(*) Великіе поклоны, говорится въ церковномъ Уставѣ, сей имутъ образъ твореніа, егда съ молитвою св. Ефрема творятся. Егда время приближится сн. великимъ поклонамъ быти, тогда кійждо воздѣвъ руцѣ, купно чувственныя и умныа очи возводитъ къ Богу. Таже начинаетъ молитву со умиленіемъ, страхомъ Божіимъ и слезами (аще имаетъ и дарованіе слезъ) и такожде молится молитвою св. Ефрема глаголя: *Господи и Владыко живота моего*,— стои право и не уклонно зря къ Богу душевно и тѣлесно; и, совершивъ молитву, творитъ поклонъ великій.— Таже восклонився и ставъ право (паки управився, якоже и прежде) душевно и тѣлесно зря къ Богу, молится, глаголя вторую часть молитвы святаго Ефрема: *Духъ же цѣломудріа;* и окончивъ, паки творитъ поклонъ великій.— И восклонився второе, глаголетъ третію часть молитвы: *Ей Господи Царю;* и совершивъ ю, паки творитъ третій поклонъ великій. (См. законоположеніе о поклонахъ.)

глаголы живота вѣчнаго, или въ часы молитвы, возносить къ Тебѣ гласъ благодаренія и исповѣданія моего.

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми рабу твоему.

Даруй мнѣ рабу твоему *духъ цѣломудрія*, дабы я могъ побѣждать имъ безстыдный духъ глаголанія и оглаголанія брата моего. Даруй мнѣ рабу твоему *духъ смиренномудрія*, дабы небесною силою его могъ я низвергнуть въ себѣ духъ любоначалія. Даруй мнѣ рабу твоему *духъ терпѣнія*, духъ кротости и мужества, дабы мнѣ отражать столь частыя нападенія разслабленнаго и разслабляющаго духа унынія. Наипаче же не лиши меня раба твоего *духа Божественной любви* твоей, присноживой и приснодѣйствующей, дабы дѣйствіемъ силы ея восторжествовать мнѣ не только надъ духомъ праздности, но и надъ всѣми подобными духами, и прейти отъ смерти въ истинную жизнь твою.—

Но, *владыко живота моего!* я не могу прейти отъ смерти къ жизни, если Ты не даруешь мнѣ благодати твоей—*зрѣть мои прегрѣшенія*, исповѣдать ихъ предъ братіями моими, особенно со всею искренностію открыть ихъ предъ духовнымъ врачемъ грѣховныхъ язвъ моихъ, дабы мнѣ получить отъ него духовное врачевство. Но и послѣ сего я не могу *прейти отъ смерти во животъ* (1 Іоан. 3, 14), если Ты не даруешь мнѣ благодати твоей—*не осуждать братій моихъ*, но простить имъ отъ всего сердца согрѣшенія ихъ предо мною, и не осуждать ихъ за прегрѣшенія ихъ предъ Тобою. Самъ мнѣ даруй все сіе; ибо безъ Тебя я не могу ничего. *Ей Господи Царю! даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего.*

Даруй мнѣ и зрѣть свои прегрѣшенія, и исповѣдывать ихъ, и исповѣдывая осуждать себя. Даруй мнѣ и не зрѣть прегрѣшенія ближнихъ моихъ, и не исповѣдывать ихъ и не осуждать ихъ; но прежде, нежели примирюсь съ Тобою въ таинствѣ покаянія, примириться въ совѣсти моей съ ближними моими, и искреннею любовію обнять всѣхъ ихъ, яко братій моихъ, и жить уже не себѣ, но Тебѣ, въ Тебѣ, и Тобою.

О! будь, Владыко живота моего, не только владыкою, но и жизнію жизни моей, душею души моей, и дыханіемъ духа моего! не для сего ли Ты и призвалъ меня къ жизни въ Адамѣ; не для сего ли воззвалъ къ новой жизни во Іисусѣ Христѣ; не для того ли наконецъ ввелъ въ сіи святые дни поста, покаянія, исповѣди и причащенія, чтобы мнѣ войти въ жизнь твою и жить уже о Тебѣ? Ей, Господи Царю, для сего!

Благословенъ убо Ты, Господи и Владыко живота моего, сотворившій меня и даровавшій мнѣ жизнь! Благословенъ Ты, Господи и Владыко живота моего, возставновившій меня по паденіи моемъ и обновившій жизнь мою водами паки—бытія, банею крещенія! Благословенъ Ты, Господи и Владыко живота моего, не оставившій меня и нынѣ послѣ толикократнаго паденія, но врачующій мои язвы и обновляющій жизнь мою банею покаянія! Благословенъ Ты нынѣ—въ сіи святые дни спасенія и обновленія моего; *благословенъ Ты и во вѣки вѣковъ!* Аминь.

СЛОВО

О ПРИЧАЩЕНІИ 2-Е

НА ЛИТУРГІИ ВЪ СУББОТУ 1-Я НЕДѢЛИ ВЕЛ. ПОСТА.

Когда Израильтянамъ, во время странствованія ихъ въ пустынѣ Синайской, ниспослана была въ первый разъ съ неба манна; то они, невидавъ никогда подобнаго зрѣлища, въ недоумѣніи вопрошали другъ друга: *что есть сіе?* и Моисей въ слухъ всѣхъ долженъ былъ отвѣчать: *се хлѣбъ, егоже даде вамъ Господь ясти!* (Исход. 16, 15). О нашей маннѣ, брат., хотя она такъ же нисходитъ съ неба, и стократъ чуднѣе манны Еврейской, нѣтъ нужды вопрошать: *что есть сіе?* Ибо мы всѣ, отъ мала до велика, твердо знаемъ, что въ Евхаристіи подъ видомъ хлѣба пріемлется самое пречистое Тѣло, а подъ видомъ вина — самая пресвятая Кровь Христова. И отъ кого знаемъ о семъ? Не отъ Моисея, не отъ Павла, или Іоанна, (хотя и ихъ слова божественны), а отъ самаго Господа и Спасителя нашего. Онъ самъ, питающій насъ тѣломъ и кровію своею, Онъ самъ сказалъ намъ о семъ со всею ясностію. Ему ли не знать тѣла и крови своей? Или не умѣть назвать ихъ ясно?..—

Еслибы кого-либо и за симъ приводила въ недоумѣніе великость дара, тотъ вспомни о величіи и любви къ намъ Даятеля: даръ великъ, но Даятель несравненно больше!— Въ самомъ дѣлѣ, кто сотворилъ самый хлѣбъ и вино, самое тѣло и кровь, тому трудно ли подъ видомъ хлѣба дать тѣло, а подъ видомъ вина — кровь? Съ другой стороны, кто отдалъ за насъ не только тѣло, но и душу свою на Голгоѳѣ на мученія самыя ужасныя, тотъ, удивительно ли, если даруетъ намъ свое тѣло и свою кровь снова — безъ всякаго новаго мученія и страданій для Него, и съ новою величайшею пользою для насъ?— И хлѣбу и вину не въ первый разъ забывать свою ограниченность: не на питано ли пятью хлѣбами пять тысячъ народа такъ, что, по насыщеніи, осталось еще двенадцать кошницъ, то-есть, болѣе, нежели сколько было до вкушенія? И вода необращалась ли въ кровь, по слову Моисея, въ Египтѣ, и въ вино — по волѣ Спасителя, на бракѣ — въ Канѣ Галилейской?— Обратись каждый къ самому себѣ, — и въ себѣ увидишь нѣчто подобное: ибо разнородная пища и питіе, нами пріемлемыя, ежедневно прелагаются въ наше тѣло и кровь. Даже можно сказать, что закономъ подобнаго преложенія или пресуществленія, держится въ бытіи все разнообразіе внѣшней природы. Ибо оно происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ того, что одинъ видъ тварей непрестанно переходитъ въ другой, изъ низшаго въ высшій, и обратно.— Что же удивительнаго, если самъ Творецъ, въ таинствѣ Евхаристіи, производитъ — разумѣется, безконечно высшимъ образомъ — то, что, подъ извѣстными условіями, происходитъ въ самомалѣйшемъ изъ его твореній?—

Но какая, скажешь необходимость въ семъ чудесномъ преложеніи хлѣба въ тѣло, а вина въ кровь? Таже, какая и во всѣхъ прочихъ чудесахъ.— Чудо пресуществленія совершается въ помощь твоей немощи. Ибо, не смотря на Божественность дара, кто изъ насъ былъ бы въ состояніи принять тѣло и кровь Спасителя, если бы они подавались намъ въ ихъ собственномъ видѣ? Лѣтописи церковныя свидѣтельствуютъ, что,— для вра-

земленія ли невѣрія, или по другимъ таинственнымъ причинамъ,— Агнецъ на святой трапезѣ принималъ иногда видъ младенца, а хлѣбъ и вино обращались въ видимое тѣло и кровь. Но, вмѣсто радости о чудѣ, священнодѣйствующіе въ ужасѣ отступали отъ свящ. трапезы, и св. Церковь принуждена была писать на сей случай правила успокоительныя. Имѣя въ виду сіе, Премудрость Божія положила питать насъ брашномъ небеснымъ не иначе, какъ подъ видомъ брашна земнаго.

Спросишь, можетъ быть, еще: „какимъ образомъ прославленное тѣло Спасителя, пребывая съ душею, какъ учитъ св. Писаніе, одесную Бога Отца, и небудучи вездѣсуще, можетъ находиться на каждомъ святомъ жертвенникѣ: и съ другой стороны, какъ сіе же тѣло и кровь, непрестанно раздаваемыя, не подлежатъ умаленію?“ А какъ, возлюбленный, свѣтитъ солнце? Вездѣсуще ли оно? Нѣтъ. Оставляетъ ли оно когда-либо свое мѣсто на небѣ? Никогда. А между тѣмъ свѣтъ и теплота отъ солнца вездѣ, вездѣ жизнь и радость. И вчера ли, или съ третьяго дня начало свѣтить такимъ образомъ солнце? Нѣтъ, со времени этого болѣе шести тысячъ лѣтъ. Однакоже солнце нисколько не умаляется въ своемъ кругѣ, не истощается въ своей силѣ. И такъ, вотъ можно сказать, съ неба отвѣтъ тебѣ на вопросъ твой! Что возможно солнцу, то трудно ли для Того, коему легче возжечь новое солнце на небѣ, нежели намъ съ тобою засвѣтить свѣчу? — Этотъ же примѣръ — солнца можетъ объяснить сравнительно и то, какъ тѣло Христово пребываетъ цѣлымъ, хотя хлѣбъ въ таинствѣ Евхаристіи раздробляется и раздѣляется непрестанно: ибо возми зеркало, и поставь противъ солнца, — въ немъ отразится весь кругъ солнца; разбей зеркало, и возми какой угодно изъ остатковъ его, и поставь противъ солнца, — опять увидишь въ немъ весь кругъ солнца. —

Но довольно недоумѣній и отвѣтовъ; — спросимъ лучше: какая цѣль столь великаго таинства? — Цѣль величайшая, Божественная! *ядый мою плоть и піяй мою кровь*, говоритъ самъ Спаситель, *во Мнѣ пребываетъ и Азъ во немъ* (Іоан. 6, 56). Быть едино съ Господемъ всяческихъ есть верхъ совершенства для насъ; — и, вотъ на сей-то верхъ восходимъ мы посредствомъ таинства причащенія: ибо кто причащается тѣла и крови Христовой, тотъ посему самому уже не можетъ не быть въ тѣснѣйшемъ соединеніи со Христомъ. Правда, со Христомъ можно и должно соединяться и духомъ, такъ какъ и сказано: *прилѣпляйся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17): но, человѣкъ состоитъ не изъ духа только, а и тѣла; самъ Господь принялъ отъ естества нашего не одну душу, а и тѣло. Посему для соединенія съ Нимъ всецѣлаго и совершеннаго потребно соединеніе не только по духу, а и по плоти. Какъ же произвести его? Съ нами тѣлесно Господь соединился тѣмъ, что пріялъ, можно сказать, отъ всѣхъ насъ плоть человѣческую; а мы съ Нимъ соединяемся тѣлесно тѣмъ, что пріемлемъ отъ Него въ Евхаристіи плоть и кровь Его собственныя. Союзъ обоесторонній, самый полный, и потому самому тѣснѣйшій и неистощимый по его послѣдствіямъ. По силѣ сего союза какъ Онъ — Спаситель нашъ есть *кровный* намъ; такъ мы есмы *отъ плоти и отъ костей Его* (Еф. 5, 30). Поелику

же съ естествомъ человѣческимъ въ Спасителѣ нашемъ соединено само Божество со всею полнотою совершенствъ; то, соединяясь такимъ образомъ со Христомъ, мы *причащаемся*, по выраженію Апостола, *самаго Божественнаго естества* (2 Пет. 1, 4).

Плоды сего обоженія раскроются для насъ во всей полнотѣ и силѣ своей — тамъ, на новой землѣ и подъ новымъ небомъ: но и здѣсь, въ этой жизни, они такъ велики и чудесны, что выходятъ даже изъ круга разумѣнія нашего бѣднаго разсудка. Внемлите!— Кто вкушаетъ тѣла Христова, какъ должно, тотъ вопервыхъ таинственно насыщается на всю вѣчность; равнымъ образомъ кто піетъ кровь Христову, какъ должно, тотъ удовлетворяетъ жаждѣ своей также на всю вѣчность. Дивитесь словамъ моимъ? Но такъ говорю не я, а Тотъ, чьего тѣла и крови мы причащаемся: *Азъ есмь хлѣбъ, ерядый ко мнѣ не имать взалкатися, и вѣруяй въ Мя, не имать вжаждатися* (Іоан. 6, 35). И что впрочемъ въ сей истинѣ такъ страннаго? Не такъ ли и въ обыкновенномъ употребленіи вещей, что кто вкусилъ чего-либо самаго сладкаго, у того надолго изчезаетъ охота ко всему прочему, менѣе пріятному?— Что же выше и, если можно такъ сказать, питательнѣе тѣла и крови Сына Божія? Когда сіе Божеств. брашно не въ состояніи насытить сердца человѣческаго, то что другое можетъ наполнить его? И не уже ли ему алкать и жаждать вѣчно?— Если намъ трудно насытиться тѣломъ и кровію Господа; то это не потому, чтобы наше сердце было слишкомъ пространно, а потому, что оно закрыто, и не можетъ вмѣстить Господа, дабы насытиться Имъ на всегда. Но посмотрите на Святыхъ Божіихъ!— *Что ми есть на небеси*, восклицаетъ одинъ изъ нихъ, который притомъ не причащался трапезы Господней такъ видимо, какъ мы, а приступалъ къ ней только въ духѣ и созерцаніи, *что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли: Ты еси Боегъ сердца моего, часть моя Боже во вѣкъ!* (Псал. 72, 25). То-есть, какъ бы такъ сказалъ Давидъ: не хочу ничего ни на небѣ, ни на землѣ; ибо Ты одинъ для меня все!—

Второе особенное дѣйствіе таинства причащенія состоитъ въ томъ, что причащающійся тѣла и крови Христовой бываетъ свободенъ отъ смерти. Опять дивитесь! Выслушайте же опять слова Спасителя: *Азъ есмь хлѣбъ животный*, такъ говорилъ Онъ Іудеямъ, *отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша; сей есть хлѣбъ, сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ясть не умретъ* (Іоан. 6, 48—50). И чтобы кто не подумалъ, что это сказано наскоро, безъ особенной цѣли, и потому не должно быть принимаемо строго, Спаситель туже самую мысль выражаетъ потомъ другими, подобными словами: *Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесе, аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (51). Мало сего: Спаситель указываетъ потомъ на причину и на самое основаніе, почему должно быть такъ, а не иначе; то-есть, почему истинный причастникъ тѣла и крови Христовой не можетъ подлежать смерти. *Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради, и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради.* Отецъ мой,— какъ бы такъ говорилъ Господь,— есть жизнь высочайшая и всесовершенная, и источникъ всякой жизни; а какъ

Я отъ Него пришелъ, и есмь съ Нимъ едино; то и во Мнѣ таже самая жизнь, и Я есмь источникъ жизни для всего живущаго. Но кто вкушаетъ Тѣло и Кровь мою, тотъ соединенъ со Мною подобно тому, какъ я соединенъ съ Отцемъ; посему и въ немъ не можетъ не быть жизни, тѣмъ паче не можетъ быть смерти: *и той живъ будетъ Мене ради*. Видите силу умозаключенія Христова? Причащающійся не можетъ умереть потому самому, почему не можетъ подлежать смерти самъ Онъ!—

Но, какъ же, скажете, умираютъ самые Святые?— А, кто сказалъ вамъ, что Святые умираютъ?— На языкѣ св. Церкви, (а языкъ Церкви одинъ имѣетъ силу въ семъ случаѣ) смерть Святыхъ никогда не называется смертію, а успеніемъ и преставленіемъ. И совершенно правильно!— Ибо такъ называемая смерть Святыхъ со всѣмъ не то, что смерть для насъ, а, можно сказать, со всѣмъ противное. Ибо для насъ смерть во первыхъ есть предметъ ужаса и отвращенія, а для Святыхъ— предметъ желанія и радости. *Желаю*, говоритъ св. Павелъ, *разрѣшитися и со Христомъ быти* (Фил. 1, 24); *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24)? Видишь, что Апостолъ называетъ смертію? не смерть,— она для него избавленіе,— а настоящую жизнь свою. Во вторыхъ часъ смерти для насъ есть часъ обнаруженія всей нашей слабости, всего лишенія, начало нашего не бытія для міра: а для Святыхъ смерть есть время наибольшаго открытія ихъ совершенствъ, начало ихъ небеснаго царствія со Христомъ. Ибо, по смерти они дѣлаются ходатаями предъ Богомъ за цѣлые народы, начинаютъ являть такія дѣйствія, коимъ дивится весь міръ.— По самому тѣлу своему Святіи Божіи въ смерти видимо торжествуютъ надъ смертію; ибо тогда, какъ наши тѣла чрезъ малое число дней предаются тлѣнію, и симъ тлѣніемъ гонятъ всѣхъ отъ себя, самыхъ ближнихъ нашихъ,— тѣла святыхъ остаются невредимыми въ продолженіи тысящелѣтій, и на воню мура ихъ стекаются грады и веси. Послѣ сего, суди самъ, правильно ли сказано о причащающемся во истину Тѣла и Крови Христовой, что онъ не умретъ, а будетъ жить во вѣки?— Если онъ не остается на всегда въ этой бренной жизни, въ этомъ бренномъ тѣлѣ; то потому, что оставаться въ нихъ навсегда было бы для него не наградою, а тяжкимъ наказаніемъ.

Третій чрезвычайный плодъ причащенія Тѣла и Крови Христовой, по слову самаго же Спасителя, состоитъ въ томъ, что они служатъ для причащающагося ближайшимъ залогомъ его будущаго Воскресенія въ жизнь вѣчную. *Ядый мою плоть и піяй мою кровь*, говоритъ Спаситель, *имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 54). Тутъ, пожалуй, опять мѣсто вопросу: отчего воскресеніе усвояется особенно тѣмъ, кои причащаются Тѣла и Крови Христовы? Не принадлежитъ ли оно и всѣмъ умирающимъ, по сказанному: *грядетъ часъ, вонъже вси сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25. 28)?— Такъ, всѣ воскреснутъ; но не одинаково, не только по цѣли,— ибо одни воскреснутъ для мученій, а другіе для блаженства вѣчнаго,—

но и по образу воскресенія; ибо одни воскреснутъ по силѣ одного всемогущества, имѣющаго на нихъ воздѣйствовать; а другіе по силѣ сего всемогущества и вмѣстѣ по дѣйствію внутренняго благодатнаго предрасположенія къ воскресенію и жизни вѣчной. Посему въ словахъ Спасителя: *Азъ воскрешу его*, хотя они сказаны, повидимому, просто и вообще, надобно предполагать особенную силу и особенную мысль. *Азъ воскрешу его*:— то-есть, Я самъ, а не труба Архангела; воскрешу его, какъ живой членъ собственнаго моего тѣла, съ коимъ Я неразрывно соединенъ, и въ коемъ жилъ доселѣ, который существенно никогда и не умиралъ, ибо пребывалъ во Мнѣ и Азъ въ немъ. Я воскрешу, или паче возбужду его, какъ возбуждаютъ отъ сна: только явлюсь міру, и онъ самъ воспрянетъ и устремится ко Мнѣ не удержимо; ибо въ немъ— Тѣло и Кровь моя, ибо Я и онъ— *едино!*" Съ сей стороны на причащеніе Тѣла и Крови Христовой должно взирать, брат., какъ на особенное нѣкое пріуготовленіе насъ къ будущему нашему воскресенію. Будучи сами нетлѣнны и живоносны, Тѣло и Кровь Христовы вносятъ съ собою и въ наше тѣло сѣмя безсмертія, и служатъ къ изгнанію изъ него того ужаснаго *сѣмени тли*, которое всѣялось въ него отъ плода запрещеннаго. Посему-то еще св. Игнатій Богоносецъ называлъ Евхаристію *врачествомъ безсмертія*.

Слѣдовательно, можетъ подумать при семъ кто-либо, такъ какъ дѣйствія лекарствъ зависитъ отъ исправнаго пріема ихъ; то стоитъ только чаще приступать ко причащенію св. таинъ, дабы достигнуть всѣхъ чудесно-благодатныхъ дѣйствій сего таинства." Нѣтъ, возлюбленный, и еще повторю нѣтъ. Тебя смущаетъ примѣръ лекарства; но присмотрись къ нему получше, и ты самъ увидишь противное. Исправный пріемъ лекарствъ дѣйствуетъ сильно; но всегда ли? Нѣтъ, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда принимаемыя устами лекарства пріемлются и усвояются и внутрь насъ нашими органами питанія, и разливаются отъ нихъ правильно по всему составу тѣла, а наипаче по тѣмъ его частямъ, кои особенно страдаютъ отъ болѣзни, и служатъ для нея сѣдалищемъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть, когда нѣтъ сего внутренняго усвоенія лекарствъ; когда они не соединяются съ нашими соками и кровію: то сколько ни принимай лекарствъ самыхъ лучшихъ, пріемъ ихъ не поможетъ здоровью, а еще обратится во вредъ. Подобное сему разумѣй и о Евхаристіи. Чтобы врачевство Тѣла и Крови Христовы оказало надъ нами все свое дѣйствіе, для сего, кромѣ пріятія ихъ устами тѣлесными, надобно, чтобы они были приняты устами сокрушеннаго и смиреннаго сердца, чтобы посредствомъ живой вѣры вошли во внутренность нашего существа, чтобы, растворенныя любовію, соединились съ силами нашего духа, чтобы благодатію Духа святаго обратились въ тѣло и кровь нашу. Безъ сего, хотя бы ты непрестанно приступалъ къ Святой трапезѣ, хотя бы ничего другаго не вкушалъ, кромѣ Тѣла и Крови Христовой, они не произведутъ надъ тобою своихъ дѣйствій благодатныхъ; ибо не усвоены тобою.

Что нужно для сего усвоенія? То самое, на что указали мы сей

часъ. Для сего потребно во первыхъ искреннее сознаніе своего недостоинства, живое чувство своей духовной и тѣлесной бѣдности, отъ коего происходитъ гладъ и жажда Тѣла и Крови Христовой, какъ единаго брашна, могущаго насытить насъ, какъ единаго врачевства, могущаго исцѣлить недуги наши. Симъ чувствомъ смиренія существо наше упраздняется отъ всего враждебнаго Божественному врачевству, пріуготовляется внутрь насъ для него мѣсто и отверзается ему входъ. Требуется во вторыхъ живая вѣра въ Господа Іисуса Христа и Его ходатайственные заслуги, въ дѣйствительность Тѣла и Крови Его въ Евхаристіи, и въ благодатную силу ихъ на освященіе души и тѣла нашего. Сею вѣрою, какъ духовными устами, пріемлется божественная манна, и усвояется всѣмъ силамъ существа нашего. Требуется въ третьихъ живая любовь къ Спасителю, которая сраствоpяя, такъ сказать, теплотою своею наше тѣло и кровь съ Его Тѣломъ и Кровію, усвояетъ намъ послѣднія и обращаетъ въ нашу вѣчную собственность. Требуется наконецъ святая рѣшимость, по таинственномъ соединеніи со Христомъ, оставаться на всегда живыми членами Его, блюстись отъ всякія скверны плоти и духа, и ходить достойно новаго высокаго званія своего. Сею рѣшимостію запечатлѣвается дѣйствіе Божественнаго врачевства, и предотвращается возвратъ болѣзни.—

Се требованія Тѣла и Крови Христовы! Можемъ ли сказать, чтобы какое-либо изъ нихъ было не нужно, или неудобоисполнимо?— Со смиреніемъ убо, съ вѣрою, съ любовію, и съ твердою рѣшимостію блюстись отъ грѣха, приступимъ, возлюбленные, къ чашѣ Завѣта;— да тако причастницы жизни вѣчныя будемъ! Аминь.—

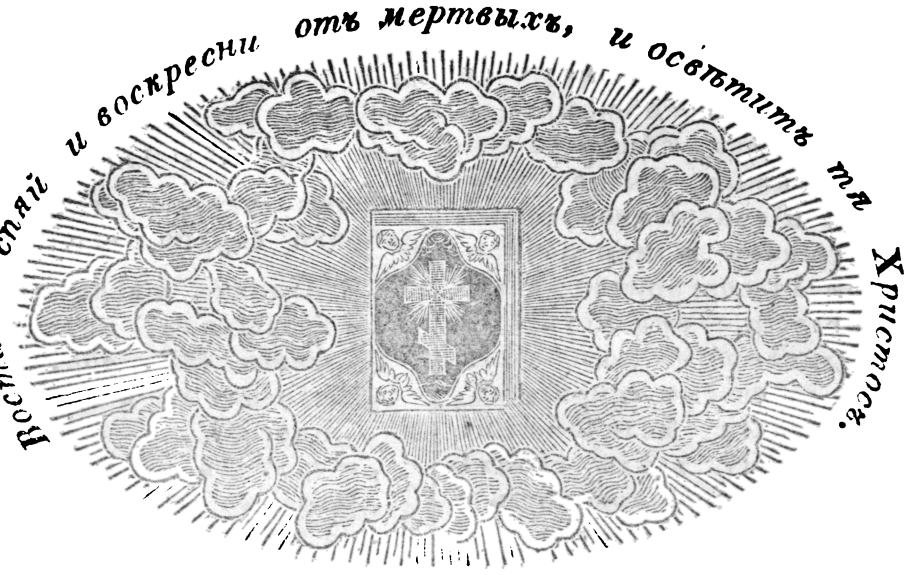
Понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе. Матѳ. 25, 40.

Братъ, имѣвшій двѣ одежды,— новую и ветхую, просящему у него нищему сначала отдалъ ветхую, а потомъ, разсудивъ что въ лицѣ нищаго проситъ Христосъ, ветхую одежду взялъ себѣ, а нищему подалъ новую. Въ послѣдствіи благодѣтельный братъ узналъ, что одежда, имъ отданная, продана, и, увидѣвъ ее на женщинѣ, сильно опечалился, думая, что милостыня его не принята Господомъ. Когда же онъ въ этой скорби заснулъ, вдругъ видитъ самаго Господа, облеченнаго въ ту одежду, которая отдана нищему. Господь пробуждаетъ спящаго; и братъ, открывъ глаза, увидѣлъ необыкновенный свѣтъ въ своей храминѣ и услышалъ слѣдующія слова отъ Господа: „Не печалься, и вѣрь, что когда ты отдалъ одежду нищему, Я принялъ ее самъ (*).

(*) Прол. Іюл. 31.

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 15 Февраля 1859 г.
Академіи Инспекторъ, Архимандритъ Димитрій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 51. НЕДѢЛЯ 6-Я ВЕЛ. ПОСТА, ИЛИ ВАЙЙ, МАРТА 19. 1839.

Апостолъ: Фил. 4, 4—9. Евангеліе: Іоан. 12, 1—18.

ПРАВЕДНЫЙ И МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ІОВЪ.

Св. Церковь, располагая насъ къ созерцанію спасительныхъ страданій Господа нашего, въ продолженіе страстной седмицы, на пареміяхъ, предлагаетъ сказаніе о праведномъ и многострадальномъ Іовѣ. Безъ сомнѣнія, въ примѣрѣ ветхозавѣтнаго святаго страдальца, она такимъ образомъ указываетъ намъ предизображеніе страданій самаго Богочеловѣка и вмѣстѣ путь креста, по которому какъ шествовали спасаемые въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ должны шествовать и всѣ спасаемые Новаго Завѣта. Это указаніе да обратитъ на праведнаго Іова вниманіе и нашихъ благочестивыхъ читателей. Вмѣстѣ съ ними раскроемъ мы священную книгу о Іовѣ и постараемся собрать въ одно изображеніе главнѣйшія черты столь примѣчательнаго, ветхозавѣтнаго святаго мужа.

Представимъ себѣ Іова I. въ состояніи, предшествующемъ его бѣдствіямъ, II. въ состояніи страданій и III. послѣ страданій. Это откроетъ намъ IV и тѣ черты, въ которыхъ можно созерцать нѣкоторое сходство страдальца Іова съ высочайшимъ Страдальцемъ, понесшимъ на себѣ грѣхи и наказанія наши.

I.

Іовъ, жившій, по всей вѣроятности, во времена патріархальныя (до Моусея), былъ великій мужъ въ Аравіи, близкой къ Месопотаміи (въ землѣ Уцъ),— знаменитѣйшій на востокѣ. Имѣя богатыя стада, множество слугъ, и счастливое семейство,— семь сыновъ и три дочери, которые жили въ совершенномъ между собою согласіи,— онъ могъ считаться счастливѣйшимъ домовладыкою. Любимый въ своемъ семействѣ, вмѣстѣ пользовался величайшимъ уваженіемъ къ нему всѣхъ своихъ согражданъ. Вотъ что говоритъ о семъ самъ Іовъ:

„Когда я выходилъ къ воротамъ
„города,
„и на площадяхъ поставлялся мнѣ
„стулъ;
„Юноши, увидѣвъ меня, скрыва-
„лись,
„а старики вставали и стояли;
„Вельможи переставали говорить,
„и руку полагали себѣ на уста.
(29, 7—9)—
„Меня слушали, и еще ожидали,
„и въ ожиданіи моего совѣта мол-
„чали;
„Послѣ моихъ словъ уже не раз-
„суждали болѣе,
„и радовались, когда я говорилъ
„къ нимъ.
„Какъ земля жаждущая ждетъ до-
„ждя,
„такъ они ожидали словъ моихъ.“
(29, 21—23)

Но не богатство и знатность рода, и даже не одинъ умъ и мудрость Іова возбуждали во всѣхъ глубочайшее къ нему уваженіе. Еще болѣе заслуживалъ онъ уваженія по своимъ высокимъ добродѣтелямъ. *И бѣ*, говоритъ Писаніе, *человѣкъ онъ истиненъ, непорочен, праведенъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (1, 1).

Вотъ черты человѣколюбиваго, добраго сердца его:

„Я плакалъ о всякомъ печальномъ,
„и воздыхалъ, видя мужа въ бѣд-
„ствіи (30, 25).
„Отказалъ ли я когда нищимъ въ
„просьбѣ,
„и томилъ ли глаза вдовы?
„И одинъ ли я ѣлъ хлѣбъ мой,
„не ѣлъ ли его и сирота?—
„Немощные не благословляли ли
„меня,
„и не согрѣвались ли шерстію овецъ
„моихъ? (31, 16. 17. 20)

Съ человѣколюбіемъ и милосердіемъ соединялъ онъ правосудіе.

„Я спасалъ убогаго отъ руки силь-
„наго,
„и сиротѣ безпомощному помогалъ.
„Былъ окомъ слѣпому,
„и ногою хромому,
„Нищимъ былъ отцемъ,
„и вникалъ въ дѣло человѣка мнѣ
„незнакомаго;
„Беззаконныхъ же сокрушалъ челю-
„сти
„и изъ зубовъ ихъ исторгалъ по-
„хищенное (29, 12. 15—17).
„Презрѣлъ ли я дѣло слуги моего
„или служанки моей,
„когда они судились предо мною?
„Не тотъ же ли образовалъ во
„чревѣ и его, кто меня?
„Не одинъ ли создалъ насъ въ

„упробѣ? (31, 13. 15)

При всемъ богатствѣ, Іовъ не былъ къ нему пристрастенъ,

„Поставлялъли я золото себѣ под-
„порою,
„и надѣялся ли на камни драго-
„цѣнные?
„Радовался ли я, что богатства
„у меня много,
„и рука моя пріобрѣла довольно?“
(31, 24. 25)

Онъ хранилъ строжайшее цѣломудріе.

„Я положилъ завѣтъ съ очами
„моими,
„чтобъ и не смотрѣть на дѣвицу
„(31, 1).
„Сердце мое прельщалось ли чужою
„женою,
„и сидѣлъ ли я при дверяхъ ея?“
(31, 9)

Замѣтимъ еще главную добродѣтель, или основаніе всѣхъ добродѣтелей,— страхъ Божій. Іовъ, среди язычниковъ, былъ вѣрнымъ чтителемъ Бога истиннаго.

„Видя солнце, какъ оно свѣтитъ,
„и мѣсяцъ, какъ онъ величествен-
„но ходитъ,
„Прельстился ли я въ тайнѣ серд-
„ца моего
„и цѣловалъ ли руку устами (*)?“
(31, 26. 27).

Духъ благочестія Іовъ старался поселить и въ дѣтей своихъ. Потому каждую недѣлю обыкновенно приносилъ за нихъ жертву Богу, говоря: можетъ быть сыновья мои согрѣшили и что-либо худое помыслили о Богѣ (1, 5)?

Таковъ былъ Іовъ во дни своего счастія!— Теперь посмотримъ на праведника въ то время, когда со всѣхъ сторонъ стѣснили его ужаснѣйшія бѣдствія.

II.

Для большаго возвышенія добродѣтелей Іова, премудрость Божія допустила совершиться надъ нимъ самой жестокой участи. Сатана лишаетъ его всѣхъ благъ и радостей въ мірѣ: въ одинъ день погибли всѣ стада Іова; въ тотъ же день развалины дома подавили всѣхъ дѣтей его. И вотъ нѣсколько вѣстниковъ, одинъ за другимъ, приносятъ ужасныя вѣсти; нѣсколько стрѣлъ, одна за другой, вонзаются въ сердце Іова. Что же праведникъ? Падаетъ на землю, покланяется предъ Богомъ, и говоритъ: „я нагъ вышелъ изъ чрева матери моей, нагъ и отойду. Господь мнѣ далъ, Господь и взялъ: да будетъ благословенно имя Господне!“— Чрезъ нѣсколько времени новое бѣдствіе постигаетъ благочестиваго мужа. Люшая проказа поражаетъ его и все тѣло покрываетъ гнойными струпами. Невыносимая боль тѣла и ужасная туга сердца до того мучитъ Іова, что жена его, не могши выносить страданій мужа, желаетъ ему смерти и, чтобъ скорѣе призвать ее, совѣтуетъ ему произнесть хулу на Бога. Но для праведнаго такое предложеніе несноснѣе всякой болѣзни. „Что ты говоришь, возражаетъ Іовъ, какъ говоришь какая нибудь

(*) Цѣловать руку изъ почтенія къ солнцу или лунѣ— было древнѣйшій видъ идолопоклонства.

безумная? Мы принимали добро отъ руки Господни: почему не принять намъ и зла?“ — Къ довершенію бѣдствій Страдальца, находятся люди — прежде уважавшіе его — которые теперь смѣются надъ нимъ, презираютъ его; самые близкіе не хотятъ смотрѣть на него; рабы не слушаютъ его (19, 13—19).

„Гнушаются мною, чуждаются „меня,
„Небоятся плевать мнѣ въ лице“ (30, 10).

Наконецъ три друга приходятъ, повидимому, утѣшить несчастнаго. Іовъ жалуется предъ ними на лютость своихъ мученій, и отъ нестерпимой боли проклинаетъ день своего рожденія (гл. 3). Но друзья, вмѣсто того, чтобы утѣшать страдальца, наперерывъ стараются доказать ему, что онъ самъ заслужилъ свои страданія и равняютъ его съ беззаконниками. И вотъ чего не можетъ вынесть праведникъ! — Оскорбленное, столь горькими упреками, добродѣтельное сердце его сильно опровергаетъ обвиненія друзей. Іовъ предается всей чувствительности своей, и въ жалобахъ своихъ теряетъ умѣренность, — въ чемъ и самъ сознается.

„О если бы кто взвѣсилъ горесть „мою,
„и болѣзни мои положилъ бы на „вѣсы;
„Онѣ вѣрно перетянули бы песокъ „морскій: —
„Оттого слова мои такъ злы“ (6, 2. 3).

И онъ проситъ пощады у немилосердыхъ обвинителей.

„Помилуйте меня, помилуйте меня, „друзья мои,
„ибо рука Божія разитъ меня“ (19, 21).

Впрочемъ сколь ни сильны выраженія скорби Іова, во всѣхъ однакожъ словахъ его видѣнъ человѣкъ глубоко проникнутый чувствомъ благочестія. Святый мужъ изъявляетъ твердую надежду свою на высочайшаго Помощника.

„Я знаю, что живъ Искупитель „мой!“

и даже увѣренъ, что

„Послѣ того какъ тѣло мое будетъ „сокрушено,
„я изъ плоти моей увижу Бога.“ (19, 25. 26)

Благоговѣетъ предъ непостижимыми путями Провидѣнія, и въ одномъ этомъ благоговѣніи поставляетъ истинную мудрость человѣка.

„Одинъ Богъ знаетъ пути пре- „мудрости,
„и Онъ видитъ мѣсто ея, — —
„А человѣку сказалъ: се страхъ „Божій есть — премудрость
„и удаленіе отъ зла — разумъ!.“ (28, 23. 28).

Наконецъ самъ Богъ является и говоритъ къ Іову. Божественный перстъ указываетъ ему на дивныя дѣла премудрости въ твореніи. И смятенное сердце Праведника опять вступаетъ въ свои предѣлы. Смиренный Іовъ повергается во прахъ и не смѣетъ болѣе жаловаться.

„Вотъ я ничтоженъ, что стану „отвѣчать Тебѣ?
„Руку мою полагаю на уста мои!“ (40, 4).

И самъ себя сравниваешъ съ землею и пепеломъ (42, 6).

III.

Явленіе Божіе, грозное и вмѣстѣ благоволительное и милостивое, даровало новую жизнь поверженному во прахъ страдальцу. Душа Іова, смятенная мрачными и горестными чувствованіями, прояснилась, ощутивъ въ себѣ опять миръ и благодать Божію. Самъ Богъ призналъ несправедливость обвиненій противъ праведника и возвѣстилъ обвинителямъ, что только по ходатайству Іова проститься имъ грѣхъ ихъ. Незлобивый праведникъ простилъ виновныхъ и молитвою своею испросилъ имъ прощеніе у Бога. Такъ добродѣтель, очищенная искушеніями и поставленная выше всѣхъ подозрѣній діавольскихъ и человѣческихъ, торжествовала!

За возвращеніемъ мира душѣ, слѣдовало и здравіе тѣла и благосостояніе внѣшнее. Богъ сугубо вознаградилъ Іова за всѣ прежнія потери: благословилъ его богатымъ имуществомъ, вдвое большимъ прежняго; благословилъ и счастіемъ семейственнымъ, даровавъ ему опять семь сыновъ и три прекраснѣйшія дщери; благословилъ и долгоденствіемъ, такъ что Праведникъ, послѣ страданій своихъ, жилъ еще 140 лѣтъ и видѣлъ потомковъ своихъ до четвертаго рода. Можно представить себѣ, сколько — при такомъ благословеніи Божіи, въ столь продолжительное время — добродѣтель, искушенная и утвержденная, произвела новыхъ плодовъ и сколько посѣяла добра для будущаго!

Извѣстно по крайней мѣрѣ то, что добродѣтели Іова сохранялись въ памяти позднѣйшаго потомства. Во времена плѣна самъ Богъ воспоминаетъ о Іовѣ Іудеямъ, поставляя его на равнѣ съ величайшими праведниками — Ноемъ и Даніиломъ (Іезек. 14, 14. 20); а въ Новомъ Завѣтѣ Ап. Іаковъ представляетъ тогоже ветхозавѣтнаго страдальца Христіанамъ въ примѣръ великодушнаго терпѣнія (Іак. 5, 11). Христіанская Церковь, еще съ 3-го вѣка, читаетъ книгу Іову при общественномъ Богослуженіи въ недѣлю страстей Христовыхъ. Замѣчательно и то мнѣніе древнихъ о семъ святомъ мужѣ, которое сохранилось намъ въ переводѣ Іова Греческомъ. Разумѣемъ приписку въ концѣ книги, взятую, какъ намъ сказано, изъ *Сирскія книги: писано же есть паки востати ему, сѣ ними же Господь возставитъ и*. Здѣсь новая нѣкоторая слава на земли обѣщается Іову. И не безъ основанія полагаютъ, что это славное воспаніе съ другими избранными есть участіе въ томъ востаніи святыхъ изъ гробовъ своихъ, которое было въ часъ смерти Спасителя, и въ томъ явленіи воскресшихъ *многѣмъ* — въ Іерусалимѣ, которое послѣдовало по воскресеніи Господа (Матѳ. 27, 52. 53).

IV.

Удивительно ли послѣ сего, что нѣкоторые изъ Отцевъ Церкви (*) искали въ Іовѣ прообразовательнаго сходства съ страждущимъ, и послѣ страданій прославляемымъ Спаси-

(*) На пр. Исидоръ и Григорій В.

шелемъ міра? Если столь торжественно показаны родамъ грядущимъ, въ столь знаменитомъ мужѣ древности, всѣ черты истинно вѣрующаго; то не надлежало ли въ немъ же отразиться и сѣни грядущихъ, новозавѣтныхъ событій? Лице Іова, столь примѣчательное, было достойно того, какъ лице истинно благочестиваго мужа, имѣвшаго твердую надежду на Искупителя (19, 25), великаго образца добродѣтелей и мужа знаменитѣйшаго, память котораго должна была перейти въ роды.

На праведнаго Іова направлены всѣ стрѣлы сатаны, который однакожъ тщетно совершаетъ на немъ злобу свою. Святѣйшій святыхъ также былъ искушаемъ сатаною, который наконецъ воздвигъ на Него всѣ силы свои, но совершивъ злобу свою, тѣмъ сильнѣе сокрушенъ и посрамленъ самъ.

Іовъ оставляется въ бѣдствіи своими присными. І. Христосъ, въ годину искушенія, оставленъ своими учениками.

Іовъ внѣ дома своего, на гноищи; І. Христосъ внѣ Іерусалима, на Голгоѳѣ.

Страдалецъ ветхозавѣтный терпитъ поруганія и сравнивается съ беззаконниками. Страдалецъ Голгоѳскій несравненно болѣе терпѣлъ поруганій, и со беззаконными вмѣнился.

Древній любимецъ Божій подвергается не только внѣшнему, но и внутреннему, глубочайшему искушенію, преданный своей человѣческой немощи. Единородный Сынъ Божій искушенъ былъ *по всяческимъ*, и на крестѣ оставленъ — самимъ Отцемъ.

Богъ явясь Іову, оправдываетъ его и пріемлетъ его ходатайство за согрѣшившихъ. Богъ Отецъ, пріявъ жертву Сына своего, даруетъ оправданіе Ему, не для Него самаго, а для всѣхъ вѣрующихъ, и пріемлетъ Его ходатайство за всѣхъ грѣшниковъ.

Іовъ послѣ страданій дѣлается еще сильнѣе и знаменитѣе. Спаситель послѣ крестной смерти пріемлетъ всяку власть на небеси и на земли.

Изъ словъ Іова (19, 26) видно, что онъ надѣялся видѣть Бога, по смерти, облекшись опять плотію: и если древнее мнѣніе о воспаніи Іова справедливо; то онъ могъ дѣйствительно увидѣть изъ плоти своей Бога — въ лицѣ воскресшаго Богочеловѣка. Въ этомъ новомъ прославленіи Іова можно видѣть нѣкоторый образъ высочайшаго прославленія того, кто нынѣ съ плотію возсѣдитъ одесную Бога.

Впрочемъ замѣтимъ, что должно искать въ Іовѣ не столько образа Спасителя, сколько образца спасаемыхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, ветхозавѣтный праведникъ имѣетъ столько поучительныхъ чертъ, что всякій, и безъ посторонняго указанія, можетъ видѣть ихъ — въ жизни и дѣлахъ сего святаго мужа.

Аллилуіа.

Въ составѣ Псалтыри есть двадцать псалмовъ, называемыхъ въ нашемъ Церковномъ Уставѣ *хвалитными* (104—106, 110—117, 134, 135, 144—150), которые иногда начинаются, и

почти всегда оканчиваются хвалебнымъ восклицаніемъ: *аллилуіа*, что значитъ— *хвалите Бога!* Почему псалмы сіи— въ отличіе отъ прочихъ, иногда каждый порознь, иногда нѣсколько въ совокупности, именовались у Евреевъ словомъ— *аллилуіа*. Въ послѣднемъ смыслѣ Евреи дѣлили *аллилуіа* на малое и великое: послѣднее составляли 113—117 псалмы. Хвалитные псалмы, воспѣваемы были въ особенно торжественныхъ случаяхъ, на пр. великое *аллилуіа* пѣвали по снѣденіи агнца Пасхальнаго. При пѣніи ихъ въ храмѣ пѣвцами, заключительное восклицаніе— *аллилуіа* возглашалъ весь сонмъ народа хоромъ (Псал. 105, 48. въ Русск. перев.).

Отъ Іудеевъ священная пѣснь— *аллилуіа*, какъ законное наслѣдіе, перешла вмѣстѣ съ Псалтырью къ Христіанамъ, у которыхъ она и сама по себѣ— въ отдѣльности отъ псалмовъ хвалитныхъ,— составила особенную пѣснь, и вошла, какъ часть, въ составъ Богослуженія. Такъ она употреблялась, по свидѣтельству св. Григорія В. (Epist. 63), сначала въ Іерусалимской, потомъ въ Римской, а наконецъ и во всѣхъ прочихъ Церквахъ. Особеннымъ побужденіемъ къ тому могло быть величественное изображеніе торжества небесной Церкви въ Апокалипсисѣ (19, 1–6). *Слышахъ*, говоритъ св. Тайновидецъ, *еласъ велій народа многа на небеси, глаголющаго: аллилуіа, спасеніе, и слава, и честь Господу нашему.... И второе рѣша: аллилуіа!... И падоша двадесять и четыри старцы, и четыри животна, и поклонишася Богови, сѣдящему на престолѣ, глаголюще: Аминь, аллилуіа! И еласъ изыде отъ престола, глаголющъ: пойте Богу нашему вси раби его, и боящіися его, и маліи и велицыи; и слышахъ яко еласъ народи многа, и яко еласъ водъ многихъ, и яко еласъ еромовъ крѣпкихъ, глаголющихъ: аллилуіа!* По сей, конечно, причинѣ пѣснь эта названа Херувимскою; ибо четыре животныя, видѣнныя св. Іоанномъ, суть, по изъясненію Пророка Іезекіиля (10, 20), Херувимы. По сей же причинѣ она почиталась всегда торжественною, величественною и священною. По сказанію блаж. Августина (а), въ нѣкоторыхъ Церквахъ ее воспѣвали только во дни пятдесятницы; а по свидѣтельству Созомена (б)—въ Римской Церкви ее пѣли только въ первый день Пасхи. На одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ западныхъ (4-мъ Толедскомъ) даже запрещено было пѣть ее во дни поста и сѣтованія. Впрочемъ въ Церквахъ восточныхъ она воспѣвалась не только во всѣ Воскресные и праздничные дни, но и во всякое другое время,— при совершеніи таинствъ, напр. Миропомазанія (в), при погребеніи усопшихъ (г), и была столь общеупотребительна и извѣстна всѣмъ, что по свидѣтельству блаж. Іеронима, жившаго на Востокѣ (д), и простой земледѣлецъ пѣлъ ее за сохою; а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ былъ обычай— пѣніемъ *аллилуіа* созывать въ Церковь. Равнымъ образомъ и въ Испанской Церкви, до введенія въ нее Римскихъ обрядовъ, *аллилуіа* пѣли ежедневно при каждомъ Богослуженіи (е). Такимъ об-

(а) Avgust. Epist. CXIX ad Jannuar. c. XVII.
(б) Sozom. Hist. lib. VII, c. XIX.
(в) Дионис. Ареоп. о Церк. Іерарх. гл. IV. § 18.
(г) Hieronym. Epist XXX, c. 4.
(д) Hieronym. Epist. XVIII, ad. Marcel Epist. XXVII, Epitach. Paulae. c. 18.
(е) Isidor. de offic. lib. I, c. XIII.

разомъ, изъ торжественной и радостной, пѣснь сія содѣлалась общеупотребительною, приличною всякому времени и случаю. По словамъ блаж. Августина (ж), ее не позволено было переводить съ Еврейскаго на другіе языки; потому что она сколько священна (ибо св. Писатели Новаго Завѣта употребляютъ ее безъ перевода),— столько же употребительна и извѣстна всякому.—

Въ нашей Церкви священная пѣснь *Аллилуіа* слышится весьма часто, и при ежедневномъ Богослуженіи, и при отправленіи различныхъ свящ. требъ. Въ честь Пресвятыя Троицы она почти всегда поется или читается троекратно,— и употребляется двояко: или 1). въ совокупности съ псалмами, или 2). какъ особенная пѣснь.

1). При чтеніи Псалтыри— возглашеніе Аллилуіа, по древнему Іудейскому обычаю, служитъ заключеніемъ или нѣсколькихъ псалмовъ (напр. при чтеніи каѳизмъ, шестопсалмія и часовъ); или одного псалма (напр. послѣ предначинательнаго псалма на вечерни, при молебныхъ пѣніяхъ и паннихидахъ); или наконецъ послѣ каждаго стиха псалма (напр. при пѣніи поліелейныхъ псалмовъ). Во всѣхъ сихъ случаяхъ, исключая послѣдняго, къ троекратному *аллилуіа* присовокупляется стихъ: *слава тебѣ Боже*,— и всегда предшествуетъ ему, а иногда послѣдуетъ малое славословіе. Такъ пѣвали псалмы въ древности, какъ свидѣтельствуетъ Кассіанъ (з), и въ Римской Церкви и на востокѣ, особенно Египетскіе пустынники.

(ж) Augst. Epist. 178.
(з) Institut. lib. II, c. 2. 8.

2. Какъ особенная пѣснь,— Аллилуіа поется всегда безъ прибавленія стиха: *слава тебѣ Боже*, и употребляется кромѣ частныхъ случаевъ какъ-то при моленіяхъ за усопшихъ, при совершеніи нѣкоторыхъ таинствъ, и въ акаѳистахъ) а) при Литургіи и b) на Утрени во время четыредесятницы.) а.) Въ продолженіе Литургіи священная пѣснь *Аллилуіа* пять разъ оглашаетъ слухъ нашъ: 1) На маломъ входѣ съ Евангеліемъ, когда священникъ молится, *да сотворитъ Господь со входомъ нашимъ входу св. Ангеловъ быти, сослужащихъ намъ и со славословящихъ благость Божію*,— вѣрующіе, желая и сами участвовать въ славословіи Ангельскомъ, и возбуждая другъ друга величественнымъ воззваніемъ: *пріидите поклонимся* и проч. воспѣваютъ Ангельскую пѣснь: *Аллилуіа!* 2) Между чтеніемъ Апостола и Евангелія, въ которыхъ возвѣщается намъ слово Божіе,— Церковь земная въ подражаніе небесной, гдѣ по сказанію св. Тайновидца на гласъ, исходящій отъ престола Божія, весь сонмъ небожителей возглашаетъ: Аллилуіа,— воспѣваетъ тоже небесную пѣснь. По той же причинѣ пѣніе *Аллилуіа* въ семъ случаѣ сопровождается кажденіемъ; ибо св. Іоаннъ Богословъ видѣлъ, что, при славословіяхъ небожителей, Ангелъ возлагаетъ ѳиміамъ на Алтарь (Апок. 8, 3) (и). 3) На великомъ входѣ, при перенесеніи даровъ съ жертвенника на престолъ, когда *Царь царствующихъ, и Господь Господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ*,

(и) По свидѣтельству Боны (Rer. liturgic. lib. II, c. 6, 11. 14.) обычай пѣть—*аллилуіа* между чтеніемъ Апостола и Евангелія былъ въ древле не только въ восточныхъ но и во всѣхъ западныхъ Церквахъ.

предходятъ же ему чини Ангельстіи, лица покрывающе и вопіюще пѣснь: Аллилуіа, — и вѣрующіе, срѣтая грядущаго къ нимъ Царя славы, воспѣваютъ Ему туже Херувимскую пѣснь. Въ семъ случаѣ предшествуетъ ей разительное предисловіе: *иже Херувимы тайно образующе* и проч., сочиненное и введенное въ Литургію, по сказанію Кедрина, благочестивымъ Императоромъ Юстиніаномъ, для возбужденія въ предстоящихъ живѣйшаго благоговѣнія къ наступающему священнодѣйствію. Въ великую Субботу предисловіе Юстиніаново замѣняется другимъ, разительнѣйшимъ: *да молчитъ всяка плоть человѣча* и проч. 4). При раздаваніи освященныхъ даровъ, по свидѣтельству св. Златоуста (i), въ древности пѣли псаломъ 144, который заключается хвалебнымъ воззваніемъ: — Аллилуіа! Въ послѣдствіи времени для пѣнія въ сіе время начали избирать стихи изъ различныхъ псалмовъ, по приличію каждому дню, называемые *причастными*: но хвалебное окончаніе 144-го псалма осталось на всегда, и присовокупляется къ каждому причастному стиху, хотя бы онъ былъ заимствованъ и не изъ хвалитнаго Псалма. 5) Въ заключеніи Литургіи, вѣрующіе умоляя Господа, чтобы уста ихъ, освященные пріятіемъ тѣла и крови Его, навсегда исполнены были хвалою Ему, паки воспѣваютъ хвалебную Ангельскую пѣснь: Аллилуіа!

3). На Утренни, — во дни поста, особенно св. Четыредесятницы обыкновенный тропарь замѣняется троичною пѣснію, которая заключается Серафимскимъ восклицаніемъ: *святъ, святъ, святъ!* потому и предшествующій тропарю стихъ: *Богъ Господь и явися намъ, благословенъ грядый во имя Господне*, (который составленъ изъ двухъ полустишій 117-го хвалитнаго псалма и относится собственно къ Іисусу Христу,) замѣняется хвалебнымъ окончаніемъ тогоже 117-го псалма: *Аллилуіа*, относящимся къ всей Пресвятой Троицѣ. — Какъ бы въ соотвѣтствіе тому, и вмѣсто полнаго канона въ четыредесятницу поется *трипѣснецъ*. Симъ постановленіемъ св. Церковь во дни покаянія хочетъ возвести умы и сердца предстоящихъ не къ Іерусалиму земному, гдѣ во срѣтеніе Господа воспѣвали: благословенъ грядый! но къ Іерусалиму небесному, къ страшному престолу Божію, окруженному тмами темъ чиновъ Ангельскихъ, вопіющихъ Ему пѣснь: *Аллилуіа!* —

(i) Chrisost. Homil. in psalm. 144.

СВ. ІОСИФЪ, КАКЪ ОБРАЗЪ ІИСУСА ХРИСТА СТРАЖДУЩАГО И ПРОСЛАВЛЯЕМАГО (*).

Въ Исторіи св. Іосифа можно видѣть ясныя черты, поставляющія его въ ближайшее отношеніе съ достопокланяемымъ лицемъ Іисуса Христа. Двѣ половины жизни сего ветхозавѣтнаго праведника: одна бѣдственная, другая славная, видимо предъизображаютъ собою состояніе уничиженія и славы Іисуса Христовой. Замѣтимъ нѣкоторыя черты сего сходства, по указанію отцевъ Церкви.

Іосифъ — сынъ, преимущественно предъ прочими братьями любимый отцемъ своимъ, Іаковомъ (Быт. 37, 3). Іисусъ Христосъ есть сынъ Бога Отца

(*) Посему и память его совершается въ понедѣльникъ страсн. седмицы.

возлюбленный, о немже благоволи (Мат. 3, 17).—

Іосифъ посылается къ братьямъ своимъ и *овцамъ Іакова* (Б. 37, 14). Іисусъ Христосъ посылается *ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мат. 15, 24).—

Іосифъ, пришедши къ братьямъ, находитъ въ нихъ враговъ своихъ. Іисусъ Христосъ приходитъ на землю къ человѣкамъ, коихъ, по милосердію, благоволилъ содѣлать своими братіями,—и они его отвергаютъ: *во своя пріиде, и свои его непріяша* (Іоан. 1, 11).—

Іосифъ страждетъ отъ зависти своихъ братьевъ. Зависть Іудеевъ обращается въ источникъ неисчислимыхъ золъ для Іисуса Христа; *зависти ради онъ предается* и на смерть (Мат. 27, 18).—

Іосифъ продается иноплеменникамъ. Іисусъ Христосъ продается *за тридесять сребренниковъ* (Мат. 26, 15.), *и предается языкомъ* (Мат. 20, 19).—

Въ Египтѣ, Іосифъ обвиняется, какъ рабъ невѣрный и непокорный; хотя самъ господинъ его не призналъ справедливости принесенной на него жалобы. Іисусъ Христосъ осуждается какъ возмутительный рабъ Кесаря; хотя Пилатъ признаетъ Его вполнѣ невиннымъ (Лук. 23, 14).—

Іосифъ претерпѣваетъ трехлѣтнее (*) заключеніе въ узахъ и темницѣ. Въ семъ также можно находить нѣкоторое подобіе тридневнаго пребыванія Іисуса Христа въ сердцѣ земли, или во гробѣ.—

Заключенный въ темницѣ Іосифъ возвѣщаетъ узникамъ, одному помилованіе, а другому рѣшительное осужденіе и погибель. Іисусъ Христосъ еще на крестѣ одному изъ двухъ разбойниковъ, распятыхъ съ нимъ, возвѣщаетъ спасеніе, потомъ сошедши съ креста во адъ, узникамъ его проповѣдуетъ свободу и избавленіе (1 Пет. 3, 9).

Освобожденный изъ темницы Іосифъ поставляется надъ домомъ и цѣлымъ царствомъ Фараоновымъ; облекается въ новую одежду, возсѣдаетъ на Царской колесницѣ; почитается всеобщимъ колѣнопреклоненіемъ, украшается высокимъ именемъ тайноистолкователя; и, вошедъ во вся права, ему данныя, является спасителемъ Египтянъ и Евреевъ. Іисусу Христу, по воскресеніи изъ мертвыхъ, *дается всякая власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18); смиренная одежда плоти Его измѣняется въ прославленную; Ему нарекается отъ Бога Отца *Имя паче всякаго имене*, которое Апостолы, подобно *конемъ въ колесницѣхъ Фараоновыхъ* (Пѣс. 1, 8) быстро проносятъ во вся страны міра; предъ Нимъ преклоняется всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Фил. 2, 10); Имъ совершается спасеніе Іудеевъ и язычниковъ.—

Іосифъ, питая хлѣбомъ, поработилъ Фараону весь Египетъ (Б. 47, 21). Іисусъ Христосъ, питая вѣрующихъ *хлѣбомъ животнымъ*, своимъ Тѣломъ и Кровію,—*покоритъ всяческая Отцу своему* (1 Кор. 15, 28).—

(*) Б. 40, 4. 41, 1.

ЧАСЫ ВЕЛИКАГО ПЯТКА.

Послѣдній день жизни важенъ и въ жизни каждаго человѣка; тѣмъ паче важенъ въ жизни—Богочеловѣка: посему всѣ четыре Евангелиста особенно занимаются описаніемъ событій сего

послѣдняго дня. По указанію ихъ, въ немъ преимущественно знаменательны и важны четыре времени: *утро*— время совѣта Архіереевъ и старѣйшинъ Іудейскихъ, осудившихъ Господа Іисуса на смерть (Матѳ. гл. 27, ст. 1); *часъ третій*– время осужденія Его на судѣ Пилата; *часъ шестый*— время крестныхъ страданій, и *часъ девятый*— время смерти Господа и необыкновенныхъ явленій въ природѣ. Времена сіи Церковь освятила ежедневнымъ воспоминаніемъ, и, еще въ первые вѣки Христіанства, она учредила повседневную службу, извѣстную подъ именемъ Часовъ, которая состоитъ изъ псалмовъ, тропарей, кондаковъ и молитвъ, и которую иноки въ обителяхъ, а особенно пустынножители совершали почастямъ, отдѣляя для извѣстнаго часа дня ту часть ея, которая соотвѣтствуетъ ему своимъ наименованіемъ и содержаніемъ.

Служба сія особенно важна, трогательна и поучительна въ тотъ день, который своими чрезвычайными событіями и подалъ поводъ къ установленію ея, т. е. въ *великій пятокъ*. Самое время этого дня— время смерти Богочеловѣка, невольно располагающее къ скорби и сѣтованію, придаетъ ей умилительный тонъ и необыкновенно высокое значеніе. Къ тому-жъ и сама она въ этотъ день въ своемъ составѣ и отправленіи имѣетъ много особеннаго, какъ со стороны внѣшней, такъ и со стороны внутренней.

Со стороны *внѣшней*— она имѣетъ тогда высшую степень торжественности. Въ древней Греческой Церкви часы великаго пятка, равно какъ часы въ навечеріи рождества Христова и Богоявленія Господня, отпѣвались въ придворной Церкви въ присутствіи Государя. Оттуда и получили часы сіи названіе часовъ *царскихъ* (*), которое они и нынѣ сохраняютъ въ нашей православной Церкви, потому что совершаются торжественно и посѣщаются нашими благочестивыми Царями.

Со стороны *внутренней*, т. е. со стороны своего содержанія и отправленія, часы великаго пятка представляютъ полную и живую картину дня смерти Божественнаго Страдальца. Начинаются они изнесеніемъ изъ Алтаря предъ царскія врата св. Евангелія, которое, оставаясь предъ ними на приготовленномъ для сего мѣстѣ во все продолженіе часовъ, являетъ взору предстоящихъ страждущаго Господа,— то въ дворѣ Каіафы, то въ преторіи Пилата, то на пути къ Голговѣ, то на крестѣ. Сіи же различныя состоянія Божественнаго Страдальца имѣлъ въ виду сочинитель часовъ великаго пятка, св. Кириллъ, Архіепископъ Александрійскій. Примѣняясь къ нимъ, онъ замѣнилъ обыкновенные псалмы, тропари и стихиры другими, приличными событіямъ сего дня, присоединивъ къ нимъ чтенія изъ Пророковъ, Апостоловъ и Евангелистовъ такія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ послѣднимъ событіямъ Геѳсиманіи, Іерусалима и Голговы, и расположивъ все это въ такомъ порядкѣ, что каждый часъ Церковной службы соотвѣтствуетъ своимъ содержаніемъ тому-же часу послѣдняго дня уничиженной жизни Богочеловѣка.

Такъ, *на первомъ часѣ*, за пророческими и прообразовательными псалмами, слѣдуютъ такія церковныя пѣсни,

(*) Куропалатъ о чинополож. Великія Церк. и двора гл. 6, ст. 12 и 13.

въ которыхъ большею частію воспоминаются событія Геѳсиманской ночи: взятіе Іисуса, разсѣяніе учениковъ и поступокъ Петра, по поводу коего Спаситель изрекъ ему сіи слова: *или мнится ти, яко не могу нынѣ умолити Отца моего, и представитъ ми вящше, неже двана десяте легеона Ангелъ* (Матѳ. 26, 53)? Далѣе — читается мѣсто изъ пророка Захаріи (гл. 11), предрекшаго разореніе завѣта Божія съ Іудеями и предательство Іуды: *пріиму жезлъ мой добрый, и отверегу его, еже разорити завѣтъ мой, егоже завѣщахъ ко всѣмъ людемъ... и поставиша мзду мою тридесять сребренникъ.* Потомъ приводятся слова Ап. Павла къ Галатамъ (гл. 5), въ которыхъ онъ выражаетъ, что въ крестѣ Спасителя заключается и величайшая слава и верховное блаженство Христіанина: *мнѣ да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего І. Христа, имже мнѣ міръ распяся и азъ міру... и елицы правилому симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость.* Наконецъ предлагается изъ Евангелія Матѳея исторія тѣхъ великихъ событій, которыя начались во дворѣ Каіафы и окончились на Голгоѳѣ.

На *третьемъ часѣ* воспоминается судъ надъ Господомъ и осужденіе Его на крестную смерть. Послѣ псалмовъ, изображающихъ состояніе души невинно преслѣдуемаго Давида и симъ предобразующаго невинностраждущаго Христа, Церковь въ своихъ необыкновенно трогательныхъ пѣснях то укоряетъ неблагодарныхъ Іудеевъ: *Господи, осудиша Тя Іудее на смерть... иже Чермное море жезломъ прошедши.. и иже отъ камене медъ ссавши;* — то воспоминаетъ отверженіе и раскаяніе Петра: *страха ради Іудейска, другъ твой и ближній Петръ отвержеся, Господи, и рыдая сице вопіяше: слезъ моихъ не премолчи, рѣхъ бо сохранити вѣру, щедре, и не сохранихъ;* — то живописуетъ удивленіе умныхъ воинствъ, взирающихъ на вѣнецъ и на багряницу поруганія; — то влагаетъ слово жалости и невинности въ уста Искупителя осужденнаго: *за кое дѣло хощете Мя распяти, Іудее? яко разслабленная ваша стяенухъ, зане мертвецы аки отъ сна возставихъ, кровоточивую исцѣлихъ, Хананею помиловахъ.* Потомъ изъ пророка Исаіи (гл. 50), чтеніе представляетъ изображеніе того величайшаго Праведника, который идетъ на вольную смерть, не противясь и не противоглаголя, — *плещи свои вдаетъ на раны, и ланитъ свои на заушенія, лица же своего не отвращаетъ отъ студа заплеваній.* Здѣсь же Апостолъ Павелъ (къ Римл. гл. 5) раскрываетъ тайну смерти Богочеловѣка, показывая причину ея, побужденіе и плоды; а Евангелистъ Маркъ снова вводитъ насъ въ преторію Пилата и поставляетъ на крестномъ пути, идущемъ оттуда къ Голгоѳѣ.

На *шестомъ часѣ* взоръ нашъ поражается изображеніемъ состоянія души вознесеннаго на крестъ и изнемогающаго на немъ подъ тяжестію грѣховъ нашихъ Божественнаго Страдальца. Самъ Страдалецъ выражаетъ скорбь души своей о окаменѣніи человѣческихъ сердецъ: *людіе мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ вамъ стужихъ? слѣпцы ваши просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа суща на одрѣ исправихъ: людіе мои, что сотворихъ вамъ?* Предстаетъ и Апостольскій ликъ съ об-

личеніемъ невѣжества законоположниковъ Израильскихъ, Іудеевъ и Фарисеевъ: *се храмъ, егоже вы разористе,—се Агнецъ, его же вы распясте!* Сзываются всѣ вѣрующіе, какъ бы для учиненія суда надъ беззаконными предателями: *пріидите, Христоносніи людіе, видимъ, что совѣща Іуда со Священники беззаконными.* Вслѣдъ за симъ снова предстаетъ Исаія, живописующій страданія Искупителя: *нѣсть вида Ему, ниже славы: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ... яко отвращшеся лице Его, безчестно бысть, и не вмѣнися* (гл. 52 и 53); а Ап. Павелъ (къ Евр. гл. 2), показываетъ, что для сихъ страданій за грѣхи наши Сынъ Божій и принялъ естество наше: *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и той пріискренъ пріобщися тѣхже, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь, діавола.* Наконецъ, проповѣдь Ветхаго и Новаго Завѣта заключаетъ Евангелистъ Лука своимъ повѣствованіемъ о страданіяхъ Божественнаго Учителя.—

Такой же порядокъ службы и на *послѣднемъ часѣ.* Трогательныя пѣсни Церкви напоминаютъ здѣсь страшныя явленія природы, послѣдовавшія за смертію Богочеловѣка и въ живописныхъ противоположностяхъ представляютъ Его Божественное величіе: *ужасъ бѣ видѣти небесе и земли Творца на крестѣ висяща, солнце померкшее, день же паки въ нощь преложшійся и землю изъ гробовъ возсылающу тѣлеса мертвыхъ... Днесь виситъ на древѣ, иже на водахъ землю повѣсивый: вѣнцемъ отъ терніа облагается, иже Ангеловъ Царь; въ ложную багряницу облачится, одѣваяй небо облаки; заушеніе пріятъ иже во Іорданѣ свободивый Адама; гвоздьми пригвоздися Женихъ Церковный, копіемъ прободеся Сынъ Дѣвы.* Пророкъ Іеремія символически предрекаетъ отмщеніе за смерть Праведника (гл. 2); Ап. Павелъ указываетъ обновленный кровію путь во Святая (Евр. гл. 10); а Евангелистъ Іоаннъ еще разъ представляетъ намъ крестный путь Господа Іисуса.

Таковы по своему содержанію часы великаго пятка! Они вполнѣ объемлютъ Исторію событій сего дня и представляютъ ее въ такомъ видѣ, что и умъ и сердце и чувство находятъ въ нихъ въ обиліи нужную для себя пищу. Кто со вниманіемъ выслушаетъ умилительные псалмы Давида, трогательныя пѣсни Церкви и назидательныя чтенія боговдохновенныхъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта, предлагаемыя здѣсь Церковію; тотъ не съ холоднымъ чувствомъ будетъ предстоять гробу Спасителя и не изъ одного обыкновенія будетъ лобызать Его безцѣнныя язвы.—

СЛОВО

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВ. ТАЙНЪ.

Куда пошли изъ за тайной вечери Апостолы?—Пошли съ Учителемъ и Господомъ своимъ въ Геѳсиманію, чтобы тамъ бдѣть и молиться, страдать и уповать? А куда пошелъ Іуда? Онъ пошелъ одинъ, къ врагамъ Іисусовымъ, за спирою и слугами, чтобы взять и предать имъ своего Учителя и Господа. Отъ одной и той же трапезы,—какіе два различныхъ плода!.. Изъ одного и того же мѣста—какіе два противуположныхъ пути!..

Куда привелъ путь Апостоловъ? Сначала въ Геѳсиманію и на Голгоѳу, а потомъ на Елеонъ, потомъ въ Сіонскую горницу, потомъ — на небо... А путь Іудинъ? Онъ привелъ сначала въ чертоги Каіафы, потомъ завелъ было несчастнаго на нѣкоторое мгновеніе ко храму, но потомъ и скоро, привелъ къ погибельному древу, а потомъ — въ Адъ!.. До того различна была участь первыхъ причастниковъ Тѣла и Крови Христовы!—

Идетъ ли кто нынѣ путемъ Апостоловъ? Идетъ — тотъ, кто, причастившись Тѣла и Крови Христовы, почитаетъ себя чрезъ то самое не разрывно и на всегда соединеннымъ со Христомъ; а посему слѣдуетъ за нимъ всюду, куда не поведетъ Онъ, на Ѳаворъ или въ Геѳсиманію; кто, принадлежа Спасителю своему всѣмъ существомъ своимъ, старается уподобляться Ему во всемъ, — мыслитъ такъ, какъ мыслилъ Онъ, говоритъ такъ, какъ говорилъ Онъ, живетъ и умретъ, какъ жилъ и окончилъ жизнь — Онъ.

Нейдетъ ли кто и нынѣ путемъ Іудинымъ? Идетъ — тотъ, кто принимая Тѣло и Кровь Господа въ Евхаристіи, принимаетъ ихъ какъ простой хлѣбъ и вино, и не почитаетъ себя чрезъ то ничѣмъ не обязаннымъ своему Спасителю, кто въ храмѣ показуетъ еще нѣкое уваженіе къ Святынѣ и, когда говорятъ о грѣхахъ и измѣнѣ закону, готовъ, подобно Іудѣ, спросить: *не я ли Господи?* а за храмомъ явно покланяется міру и его кумирамъ, продаетъ безстыдно вѣру и законъ, стыдъ и совѣсть. — Вотъ и нынѣ путь Апостоловъ и путь Іудинъ!—

Предъ вами оба пути: и одинъ какой-либо не премѣнно избрать должно. *Иже хощетъ со мною, на мя есть*, сказалъ самъ Господь. Ишакъ, съ кѣмъ вы? Съ кѣмъ, — не здѣсь и теперь — въ храмѣ, а тамъ, гдѣ встрѣтитъ васъ искушеніе, гдѣ, можетъ быть, надобно будетъ, или пріять честь и богатство неправедныя, или идти на крестъ за правду?.. Но, вы уже избрали, что должно; — каждый изъ васъ сказалъ: я не дамъ Тебѣ лобзанія Іудина! Смотрите: недавайте же сего адскаго лобзанія; иначе оно будетъ жечь уста и сердце ваши пламенемъ адскимъ.. Каждый изъ васъ обѣщалъ исповѣдать Господа, подобно благоразумному разбойнику: смотрите — исповѣдайте же! въ случаяхъ къ сему не будетъ недостатка; ибо міръ и теперь тотъ же, что былъ прежде. Благоразумный разбойникъ, еслибы ему досталось сойти съ Креста живымъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ бы всю оставшуюся жизнь Господу, и содѣлался бы ревностнѣйшимъ изъ учениковъ Его. Посвятимъ и мы все остальное время жизни нашей Господу; дабы въ часъ смерти услышать: днесь со мною будеши въ раи! Аминь.—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 22 Февраля 1859 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Еф. 5, 14.

№ 52. СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА. 1839.

СВ. ЗЛАТОУСТА

О ВЕЛИКОЙ (СТРАСТНОЙ) СЕДМИЦѢ (*).

Мы называемъ седмицу сію *великою* не по долготѣ дней ея, которыхъ есть другіе продолжишельнѣе, и не по числу дней, которымъ она ни сколько не разнится отъ другихъ седмицъ, но потому, что въ сіи дни великія дѣла совершены Господомъ. Въ эту седмицу, называемую великою, сокрушено всегдашнее тиранство діавола, упразднена смерть, связанъ крѣпкій и сосуды его расхищены, изглажденъ грѣхъ, отнято прокляmіе, отверзся рай, небо престало быть непреступнымъ, человѣки соединились съ Ангелами, средостѣніе разрушено, ограда разорена, Богъ мира умиротворилъ горнее и земное.

Вотъ почему называется седмица сія великою. Она есть глава всѣхъ прочихъ седмицъ, а ея глава есть великая суббота. Потому-что въ ней многіе усугубляютъ свои подвиги: одни умножаютъ посты, другіе—священныя бдѣнія, иные творятъ обильнѣйшія милостыни; симъ прилежаніемъ къ дѣламъ добрымъ и большимъ благочестіемъ жизни они свидѣтельствуютъ величіе благодѣяній Божіихъ, намъ явленныхъ. Ибо какъ въ то время, когда Господь воздвигъ Лазаря, срѣтившіе Его Іерусалимляне самымъ множествомъ своимъ свидѣтельствовали,

(*) Изъ Бес. на Псал. 145.

что Онъ воскресилъ мертваго, и усердіе изшедшихъ на срѣтеніе было показаніемъ чуда; такъ ваше усердіе въ сію великую седмицу есть свидѣтельство и показаніе величія дѣлъ, въ ней совершенныхъ. Нынѣ не изъ одного города исходимъ во срѣтеніе Христу, не изъ одного Іерусалима; но исходятъ во срѣтеніе Ему безчисленныя Церкви по вселенной, не пальмовыя вѣтви держа и потрясая, а принося Владыкѣ Христу милостыню, человѣколюбіе, добродѣтель, постъ, слезы, молитвы, бдѣніе и всякое благочестіе. И не мы одни почитаемъ, но и Цари вселенной чтутъ сію седмицу. Они почитаютъ ее особеннымъ образомъ, дая свободу всѣмъ должностнымъ людямъ отъ занятій общественныхъ, да, свободные отъ того, проводятъ всѣ дни сіи въ служеніи духовномъ. Они заключили и двери судилищъ: да престанутъ, говорятъ, всѣ тяжбы, всякій видъ ссоры и наказанія, да успокоятся нѣсколько руки служителей казни. Владыка совершилъ дѣла свои во благо всѣхъ; да будетъ же и отъ насъ рабовъ Его нѣчто доброе.

БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ.

Когда Господь нашъ І. Христосъ, совершивъ тайну смотренія Божественнаго, почилъ мирнымъ сномъ смерти въ уединенномъ саду Іосифа: то въ священный день субботы никто не дерзалъ нарушать святѣйшаго покоя его; самая стража стояла какъ бы для того, чтобъ охранять въ нѣдрахъ своихъ сей покой и ничьи слезы нелились надъ гробомъ Жизнодавца. Сами любвеобильныя мироносицы жены *въ субботу умолчаша по заповѣди* (Лук. 23, 56). Но не молчитъ нынѣ св. Церковь, воспоминая эту великую субботу субботъ,— безпримѣрную во всемъ мірозданіи; ибо знаетъ, что страдавшій и погребенный область имать пріяти душу свою также, какъ и положилъ ее, и потому, источая слезы любви и благодарности къ положившему душу свою за други свои, къ гробу его, заключающему въ себѣ чаяніе языковъ и всей твари, созываетъ въ пѣсняхъ своихъ и небо и землю, и Ангеловъ и человѣковъ, окружаетъ его и свѣтлымъ облакомъ древнихъ свидѣтелей, за цѣлыя тысящелѣтія провидѣвшихъ спасительную страсть Искупителя человѣковъ, и соборомъ новозавѣтныхъ провозвѣстниковъ, какъ бы дающихъ, предъ гробомъ Распятаго, отчетъ въ своей всемірной проповѣди о крестѣ и воскресеніи.

Церковныя пѣснопѣнія въ этотъ день начинаются съ самаго глубокаго утра и продолжаются цѣлый день преемственно, такъ, что послѣднія пѣсни Вел. субботы сливаются съ первыми звуками торжественнаго: Христосъ воскресе! Важность и особенность дня побудила благочестивыхъ составителей церковной службы въ В. субботу, дать ей тотъ особенный, трогательный и вмѣстѣ величественный видъ, который поражаетъ насъ теперь въ православныхъ храмахъ.

Утреннее Богослуженіе, по совершеніи обыкновенныхъ псалмовъ, начинается пѣснями, посвященными воспоминанію снятія съ креста и погребенія Господа. Вмѣсто аромашовъ и плащаницы, коими благочестивые Іосифъ и Никодимъ послужили усопшему Господу, Церковь приноситъ теперь ко гробу Его трогательную надгробную пѣснь, которая поется сонмомъ Священнослужителей предъ

лежащею среди Церкви плащаницею. Сія пѣснь состоитъ изъ 176 тропарей, изъ коихъ каждому предшествуетъ одинъ изъ стиховъ 118 псалма, въ которомъ Пророкъ, такъ живо и величественно изобразилъ судьбу праведника,— вѣрнаго истинѣ закону Божію, гонимаго завистію и злобою людей беззаконныхъ. Въ слѣдъ за симъ, предъ тѣмъ же гробомъ Спасителя, среди Церкви, поется канонъ В. субботы,— твореніе высокое по мыслямъ и чувствамъ, трогательное и по самому напѣву. Кому не извѣстны прекрасные ирмосы, сложенные благочестивою женою Кассіею: „волною морскою, скрывшаго древле, и проч.?“— Кромѣ ея, въ составѣ сего канона участвовали два Епископа: знаменитый пѣвецъ Христіанской Церкви Косма Маюмскій и Маркъ Идрунтскій. Между множествомъ другихъ прекрасныхъ пѣсней, которыми такъ богата заутреня В. субботы, вниманіе Христіанина не можетъ не остановиться на тѣхъ вдохновенныхъ стихирахъ, которыя поются на *Хвалитехъ:*

„Днесь содержитъ гробъ Содержащаго дланію тварь; покрываетъ камень, покрывшаго добродѣтелію небеса; спитъ животъ, и адъ трепещетъ, и Адамъ отъ узъ разрѣшается.“

„Что зримое видѣніе? кое настоящее упокоеніе? Царь вѣковъ иже страстію совершивъ смотреніе, во гробѣ субботствуетъ, новое намъ подая субботство.“

„Пріидите видимъ животъ нашъ во гробѣ лежащъ, да во гробѣхъ лежащія оживитъ...“

Но самая торжественная минута заутрени въ В. субботу наступаетъ послѣ великаго славословія. Священнослужители въ полномъ священномъ облаченіи, при звонѣ колоколовъ и печальномъ пѣніи: Святый Боже, поднимаютъ плащаницу изъ среды Церкви, и чрезъ царскія двери вносятъ ее во святый Алтарь; тамъ, на горнемъ мѣстѣ, они останавливаются на нѣсколько времени въ знаменіе того, что Господь распятый и погребенный плотію, никогда не разлучается по Божеству отъ Отца, покоющагося во святилищѣ храма на Херувимахъ. Изъ алтаря она износится опять въ Церковь, и попомъ въ сопровожденіи всѣхъ вѣрныхъ обносится во кругъ ея три раза,— въ память тридневнаго пребыванія І. Христа во гробѣ. Этотъ священный, многознаменательный обрядъ, самъ собою возводитъ мысль къ тому времени, когда благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло Господа, переносилъ его въ сообществѣ другихъ благочестивыхъ лицъ, съ Голгоѳы въ свой уединенный садъ. Но тогда Іосифъ, погребая Господа, погребалъ, конечно, вмѣстѣ съ нимъ и надежду увидѣть опять любимаго Учителя; теперь, Церковь, надъ гробомъ Спасителя торжественно исповѣдуетъ, въ высокомъ видѣніи Пророка Іезекіиля, свою надежду не только на востаніе Господа, но и на воскресеніе всѣхъ членовъ благодатнаго Его царства. *Бысть на мнѣ рука Господня и изведе мя Духомъ Господнимъ и постави мя посредѣ поля, и сіе бяше полно костей человѣческихъ, и рече ко мнѣ: сыне человѣчь прорцы на кости сія и речеши имъ: кости сухія слышите слово Господне: тако глаголетъ Господь Адонаи костемъ симъ: се азъ приношу на васъ духа жизни, и дамъ на васъ жилы и на веду на васъ плоти и протяну на васъ кожу, и дамъ въ васъ духа моего, и живи будете, и познаете,*

яко азъ есмь Господь и проч. (Іезек. 37, 1—14). Она изъясняетъ тайну страданій и смерти Христовой въ чтеніи изъ посланія Апост. Павла къ Коринѳянамъ (1 Кор. 5, 6—8); и потомъ заключаетъ утреннее Богослуженіе повѣствованіемъ Евангелиста Матѳея о запечатаніи гроба Христова и приставленіи стражи къ нему. Евангеліе отнесено на самый конецъ заутрени, можетъ быть потому, что она оканчивается съ разсвѣтомъ дня, и съ разсвѣтомъ же дня, явились нѣкогда Архіереи и Фарисеи къ Пилату *глаголюще: господи, помянухомъ, яко льстецъ Онъ рече, еще сый живъ, по тріехъ днехъ востану:—повели убо утвердити гробъ до третіяго дне* (Матѳ. 27, 63. 64).—Вообще въ пѣснопѣніяхъ и обрядахъ заутрени въ В. субботу, Церковь изображаетъ погребеніе Іисуса Христа, изъясняя вмѣстѣ и тайну его страданій.

Другой видъ принимаетъ она на литургіи В. субботы. Здѣсь она уже предается предчувствію близкаго воскресенія Христова, а потому ея обряды становятся свѣтлѣе и торжественнѣе, ея пѣсни славятъ уже или всемогущее изшествіе Господа во адъ, разрѣшившее столько оковъ вѣковыхъ, или его дивное воскресеніе изъ мертвыхъ.—Литургія въ этотъ день, какъ и на канунѣ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ праздниковъ Христіанскихъ, совершается—Василія Великаго. Послѣ стихиръ на *Господи воззвахъ*, въ которыхъ Церковь такъ слышимо выразила стоны ада, поражаемаго во главу Великимъ Потомкомъ Евы, предлагаются 15 чтеній изъ ветхаго завѣта, въ которыхъ заключаются или прообразованія страданій, смерти и воскресенія Христова, или же пророчества о наступленіи благодатнаго царства Мессіи. Предлагаемъ здѣсь содержаніе сихъ чтеній примѣнительно къ дню:

Первое,—изъ книги Бытія (1, 1—13), о первыхъ трехъ дняхъ мірозданія, прообразовавшихъ три великіе дня, въ которые Спаситель страданіемъ и смертію своею возсоздалъ міръ, покорившійся суетѣ чрезъ грѣхъ человѣка.

Второе,—изъ Пророка Исаіи (60, 1—16), о появленіи новаго свѣта и славы Господней надъ Іерусалимомъ, къ которому отвсюду стекаются цари, племена и языки съ богатствами своими, поклоняясь самому мѣсту, на которомъ стояли ноги Мессіи.

Третіе,—изъ книги Исхода (12, 1—11), о закланіи агнца пасхальнаго, который былъ прообразованіемъ Спасителя—Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1, 29. 19, 36).

Четвертое,—изъ книги Пророка Іоны, (вся книга). На тридневное пребываніе его во чревѣ китовомъ самъ Спаситель указываетъ, какъ на прообразованіе тридневнаго пребыванія своего въ сердцѣ земли (Матѳ. 12, 40).

Пятое,—изъ книги Іисуса Навина (5, 10—15), о первой Пасхѣ въ земли Ханаанской и прекращеніи манны потому случаю, что Израильтяне, въ этотъ день вкусили уже отъ плодовъ земли обѣтованной. Эти событія таинственно напоминаютъ о прекращеніи всѣхъ ветхозавѣтныхъ таинствъ и обрядовъ послѣ того, какъ *наша Пасха заны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. 5, 7) и Христіане причастились истинныхъ новозавѣтныхъ таинствъ.

Шестое,—изъ книги Исхода (13, 1—31. 15, 1—19), о изведеніи Израильтянъ изъ Египта и чудесномъ переходѣ ихъ чрезъ Чермное море подъ руководствомъ Моисея, который былъ прообразованіемъ Спасителя, избавившаго

родъ человѣческій изъ подъ власти діавола, и невредимо теперь проводящаго вѣрныхъ своихъ сквозь врата смерти, которыми самъ Онъ прежде прошелъ.

Седьмое.— изъ книги Пророка Софоніи (3. 8—15) объ отверженіи Іудеевъ, о собраніи новой Церкви изъ всѣхъ языковъ и ея благоденствіи подъ управленіемъ Мессіи.

Осьмое— и *девятое*,— изъ 3-й и 4-й книги Царствъ (3. Ц. 17, 8—24. 4 Ц. 4, 8—37) о воскрешеніи Иліею сына Сарептской вдовы и Елисеемъ сына одной Соманской жены. Эти, воззванные къ жизни отроки, были начаткомъ и прообразованіемъ того всеобщаго воскресенія, къ которому родъ человѣческій призванъ чрезъ смерть и воскресеніе, І. Христа.

Десятое,— изъ книги Пророка Исаіи (61 10. 11. 62, 1—5), который всю новозавѣтную Церковь призываетъ къ веселію, потому, что самъ Господь облекаетъ ее въ ризу спасенія, обѣщаетъ быть защитникомъ и хранителемъ ея во вѣки, и таинственно сочетается съ нею, какъ юноша съ дѣвою.

Одинадцатое,— изъ книги Бытія (22, 1—18), о принесеніи Исаака въ жертву, котораго несовершившееся закланіе было прообразованіемъ того великаго крестнаго жертвоприношенія, которое совершилось на Голгоѳѣ.

Двенадцатое,— изъ книги Пророка Исаіи (61, 1—19) о великомъ посольствѣ на землю Сына Божія для благовѣствованія нищимъ и исцѣленія сокрушенныхъ сердцемъ, для проповѣданія плѣненнымъ свободы и утѣшенія плачущихъ, для возвѣщенія лѣта Господня пріятнаго.

Тринадцатое,— изъ книги того же Пророка (63, 11—19. 64, 1—5) о потребленіи враговъ Мессіи отъ появленія славы Божіей.

Четырнадцатое,— изъ книги Пророка Іереміи (31, 31—34) о поставленіи Новаго вѣчнаго Завѣта съ людьми на мѣсто Ветхаго, и благодатномъ распространеніи между людьми истинныхъ понятій о Богѣ.

Наконецъ *пятнадцатое*,— изъ книги Пророка Даніила (3, 1—24) о чудесномъ избавленіи отъ огня трехъ друзей его, вброшенныхъ въ огненную печь, и прообразовавшихъ, спасеніемъ своимъ, невредимое изшествіе Спасителя изъ нѣдръ земныхъ.

Въ древней Церквѣ оглашенные, обыкновенно принимали въ этотъ день крещеніе; оттого на Литургіи въ В. субботу читается Апостолъ о таинственномъ знаменованіи крещенія. Въ слѣдъ за симъ чтеніемъ, раздается надъ гробомъ Спасителя первый воскресный гимнъ: *воскресни Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ!* При этомъ пѣніи Священнослужители измѣняютъ черныя печальныя ризы на свѣтлыя, и Церковь благоговѣйно внемлетъ потомъ повѣствованію Евангелиста о воскресеніи Господа. Но Господь и по воскресеніи своемъ таинственно приноситъ за насъ Божественную жертву свою— въ таинствѣ тѣла и крови своей: Церковь, исповѣдуя сіе, съ благоговѣніемъ восклицаетъ вмѣсто обыкновенной Херувимской пѣсни:

„Да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ! Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися, и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему лицы Ангельстіи со всякимъ началомъ и властію, многоочитіи Херувими и шестокрилатіи Серафими, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: Аллилуіа!“

По окончаніи Литургіи бываетъ благословеніе хлѣбовъ, свящ. обрядъ, который во всякое другое время совер-

шается только среди всенощной, а теперь слѣдуетъ за Литургіею, потому что въ древнія времена, въ обителяхъ, въ тоже самое время начиналось чтеніе Дѣяній Апостольскихъ, почему подвижники подкрѣпляли себя освященнымъ хлѣбомъ на новые всенощные подвиги молитвенные. У насъ, это чтеніе начинается съ наступленіемъ вечера, но продолжается такъ же всю ночь. Набожнѣйшіе изъ Христіанъ считаютъ обязанностію проводить всю эту ночь безъисходно во храмѣ при гробѣ Спасителя. Это прекрасное обыкновеніе отзывается самою глубокою древностію. Такъ нѣкогда Константинъ великій всю эту ночь провелъ въ храмѣ, въ священномъ благоговѣніи и молитвахъ, и самъ предлагалъ поученіе къ собравшемуся народу.— Въ полночь оканчивается чтеніе Дѣяній Апостольскихъ, и совершается полунощница съ канономъ В. субботы. Съ окончаніемъ ея, Священнослужители относятъ плащаницу въ св. Алтарь и полагаютъ ее на престолѣ; надъ упраздненнымъ гробомъ Спасителя раздается торжественная пѣснь: воскресеніе твое Христе Спасе Ангелы поютъ на небесѣхъ и проч., и наступаетъ— великій день воскресенія!

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ (*)

Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси; всесожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси; тогда рѣхъ: се иду— еже сотворити волю твою, Боже.

Евр. 10, 5—7. Псал. 39, 8—9.

Привожу вамъ, на память, бр., то мѣсто изъ посланія Ап. Павла ко Евреямъ, въ которомъ онъ любомудрствуетъ съ вѣдущими законъ о необходимости жертвы Христовой. Онъ, умѣвшій быть всѣмъ для всѣхъ, любомудрствуетъ съ Евреями по ихъ же началамъ, и такимъ образомъ убѣждаетъ ихъ въ первой и важнѣйшей истинѣ Христіанства.— Нынѣ другіе слушатели, съ другими началами и понятіями; нынѣ преимущественно любятъ все повѣрять началами разума, или объяснять истины вѣры сходствомъ ихъ съ истинами естествознанія. Можноли же и съ нынѣшними любомудрами говорить о той же великой истинѣ вѣры нашей? Да! св. Вѣра Христова не боится разума, и она, безчисленными опытами, доказала уже, что ей удобно покорять и разумъ, какъ и силы природы, власти своей. И такъ я— не надѣясь впрочемъ на свои силы, а на твою силу, единственный Учитель нашъ, Господи Іисусе!— избираю тотъ же предметъ для настоящаго собесѣдованія, и желаю поговорить съ вами, бр., о необходимости жертвы за насъ Христовой, какъ съ Христіанами умствующими.

Почему избираю этотъ предметъ нынѣ, въ день Благовѣщенія? Потому, что настоящій день, день воплощенія Сына Божія, и былъ приготовленіемъ или свершеніемъ того спасительнаго Тѣла, которое, по разуму Ап. Павла, свершено Богомъ въ замѣнъ всѣхъ жертвъ и приношеній, день, въ которой исполнилось предвѣчное слово Сына Божія ко Отцу: *се, иду еже сотворити волю твою, Боже!* Къ этому располагаетъ меня еще и то, что вотъ, почти непосредственно за настоящимъ днемъ, слѣдуютъ тѣ дни, въ которыя Церковь торжественно воспоминаетъ намъ самое приношеніе

(*) Произнесено 1858 г. въ Церкви Академической.

за насъ страшной Божественной жертвы.

Искупительная жертва за грѣхи наши требовалась всесвятою правдою Божіею, которая есть также вѣчное существенное свойство Божіе, какъ и благость. Почему требовалась? спрашиваютъ воспитанники разума; уже ли любовь Божія, безконечная, не могла простить человѣка безъ жертвы, безъ удовлетворенія?— Отвѣчаемъ, вопрошая ихъ взаимно: какъ вы хотите, чтобы Богъ простилъ человѣка? такъ ли, какъ иногда прощаемъ мы другихъ? Мы прощаемъ согрѣшеніе ближнему, а самаго грѣха въ немъ не изглаждаемъ; прощаемъ, но не исправляемъ совершенно грѣшника. Судите же: можетъ ли такъ прощать Богъ? Его прощеніе есть полное возвращеніе милости виновному, изліяніе на него любви своей, блаженное соединеніе съ Нимъ на всю вѣчность, и такого прощенія всещѣлаго, безъ сомнѣнія, желаютъ и тѣ, которые спрашиваютъ: для чего требовалась искупительная жертва? А такое прощеніе, такое соединеніе существа всесвятаго съ человѣкомъ, осквернennымъ грѣхами, очевидно, невозможно безъ очищенія грѣшника, безъ упраздненія въ немъ силы грѣха, словомъ: безъ нравственнаго возрожденія природы человѣческой. И вотъ почему необходима была искупительная за насъ жертва. Потому, бр., что она есть и единственное врачевство для поврежденнаго человѣчества. При этомъ, конечно, никто уже неспроситъ: почему нужно врачевство больному? не можетъ ли онъ быть здравымъ безъ возвращенія ему здравія?— И такъ мнѣ остается объяснить только то, что жертва искупительная есть точно необходимое врачевство для поврежденнаго человѣчества.

Беру для объясненія простое сравненіе. Представьте тѣло совершенно, во всѣхъ частяхъ своихъ, поврежденное, отъ ногъ до главы покрытое язвами, отъ плоти до костей и мозговъ проникнутое ядовитымъ болѣзненнымъ началомъ, и измыслите врачевство этому истлѣвающему тѣлу. Отсѣкать ли зараженные члены, чтобы спасти все тѣло? но отсѣкать должно всѣ члены, потому что всѣ они проникнуты заразою. Приложить ли живительный пластырь къ язвамъ наружнымъ? но не возможно исцѣленіе наружной болѣзни если нѣтъ ни одной здравой силы внутри тѣла. Дадимъ ли врачевство внутрь? Потому опять, что нѣтъ въ тѣлѣ ни одной здравой жизненной силы, ничего не поможетъ сила внѣшняя; если остается во всей силѣ ядъ внутренній, то онъ все, пріемлемое внутрь, будетъ превращать въ свое тлетворное начало. Теперь понятно всякому, и незнакомому съ искусствомъ врачебнымъ и съ внутреннимъ устройствомъ нашего тѣла, что для исцѣленія поврежденнаго тѣла необходимо быть въ немъ хотя одному главному члену совершенно здравому, чтобы онъ пріявъ врачевство, мало по малу, сообщилъ силу его и прочимъ членамъ, изгнавъ изъ нихъ ядъ болѣзни и замѣнивъ его началомъ жизненнымъ. И вотъ чего не доставало и чего требовалось въ поврежденномъ человѣчествѣ для его уврачеванія. Весь родъ человѣческій есть единое великое тѣло, въ которомъ дѣйствуютъ однѣ жизненныя силы, раскрываясь каждая по свойству своему. Такъ представляютъ его и нынѣшніе любомудры, и хвалятся, что они изобрѣли это воз-

вышенное представленіе. Но слово Божіе давно уже научило насъ такъ представлять все человѣчество, изображая намъ перваго человѣка, какъ главу одного великаго тѣла, и производя изъ него и жизнь и смерть нашу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грѣховную порчу. *Яковъ перстный*, Адамъ, говоритъ Апостолъ, *таковы и перстніи*, всѣ потомки Адама (1 Кор. 15, 48); *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть; и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Римл. 5, 12). Это великое тѣло, поврежденное въ главѣ своей, повреждено и во всѣхъ частяхъ своихъ, ядомъ грѣха и смерти заражено и по душѣ и по тѣлу. Потому и здѣсь невозможно было исцѣленіе, когда не было ни въ одномъ членѣ совершенно здравой жизненной силы. Любовь Божія, желавшая пощадить, спасти погибающаго человѣка, искала, такъ сказать, по всюду этого здраваго члена, съ которымъ могла бы она соединиться для блага всего человѣчества, чрезъ который пролила бы жизнь свою во всѣхъ насъ, мертвыхъ грѣхами, искала и долго, очень долго, не находила: *призрѣ съ небесе на сыны человѣческія видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога? вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго* (Рим. 3, 11. 12).

Усматривая такимъ образомъ для спасенія человѣчества необходимость единаго члена здраваго, и новой такъ сказать главы, новаго сердца въ этомъ великомъ тѣлѣ, не трудно уразумѣть, почему Спаситель человѣковъ долженствовалъ быть человѣкъ же, единъ отъ насъ, какъ бы членъ человѣчества, но членъ совершенно здравый, безъ малѣйшей порчи грѣховной. Но и этого всего еще недостаточно для спасенія человѣчества. Не забудемъ, при нашемъ сравненіи человѣчества съ тѣломъ, что это великое тѣло существуетъ не совокупно въ одно время, а наполняетъ времена послѣдовательно, и что ядъ грѣха и смерти никакъ нельзя уврачевать однѣми силами естества, потому что смерть противна естеству, а грѣхъ, какъ зло нравственное, внѣ всей области естественныхъ законовъ. Новая здравая глава человѣчества, своими жизненными силами, долженствовала дѣйствовать на родъ человѣческій не въ одномъ настоящемъ, но и въ будущемъ и даже въ прошедшемъ времени,— слѣдовательно дѣйствовать силою, свойственною одному Вѣчному, превысшему всѣхъ законовъ времени; новой главѣ человѣчества надлежало преодолѣть и грѣхъ и смерть, и потому быть превыше всѣхъ силъ и законовъ естества. Вотъ почему Спаситель нашъ долженствовалъ быть не просто человѣкомъ, а вмѣстѣ и истиннымъ Богомъ.

И вотъ я уже показалъ, что Спаситель нашъ, единственное врачество и оживленіе человѣчества, долженствовалъ быть жертвою. Ибо что значитъ преодолѣть грѣхъ нашъ, побѣдить смерть нашу? Не менѣе, Бр., какъ быть за насъ жертвою, принять на себя Спасителю нашему тяжесть грѣховъ всего рода человѣческаго съ ихъ страшными послѣдствіями,— принять наказанія и самую смерть, дабы вмѣсто грѣховъ сообщить намъ свою праведность, свои болѣзни и мученія обратить намъ въ исцѣленіе, клятву нашу измѣнить въ благословеніе, смерть— въ истинную жизнь. *Единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни* (Рим. 5, 18); *Христосъ*

искупилъ ны есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва (Гал. 3, 13). *Его же язвою исцѣлѣсте* (1 Петр. 2, 24). Такъ и въ обыкновенномъ тѣлѣ не можетъ здравый членъ не страдать, когда изгоняютъ изъ прочихъ членовъ вещество болѣзненное; и когда даютъ врачевство горькое, то не прежде ли всего вкушаетъ горечь его глава? Въ самыхъ растеніяхъ можно видѣть необходимость врачевства посредствомъ страданія: такъ для поправленія худаго дерева заставляютъ посстрадать доброе, отрѣзывая отъ добраго вѣтвь и прививая ее къ дереву худому, чтобы первое сообщило ему свои хорошіе жизненые соки

Послѣ сего понятно и то, почему правдѣ Божіей не угодны были всѣ наши жертвы и приношенія, и между тѣмъ она же ихъ отъ насъ требовала. Не угодны были жертвы обрядовыя: *не возможно бо крови юнчей и козлей отпущати грѣхи* (Евр. 10, 4), и страданія такихъ жертвъ, сами по себѣ, нисколько не могли облегчить страданій, нами заслуженныхъ по грѣхамъ нашимъ. Не угодны были даже приношенія дѣлъ законныхъ; потому что, приносимыя отъ нечистыхъ, они не могли быть чистыми и совершенными. Какъ врачевство въ тѣлѣ, всецѣло зараженномъ ядовитою болѣзнію, самыя благія заповѣди обращались въ человѣчествѣ въ смерть: *и обрѣтеся ми*, говоритъ Апостолъ, *заповѣдь, яже во животъ, сія во смерть* (Римл. 7, 10). Но тѣхъ и другихъ жертвъ и приношеній требовала правда Божія: требовала потому что они могли питать и питали вѣру въ единую спасительную жертву Христову. *Весь законъ*, по замѣчанію Апостола, долженствовалъ быть *пѣстуномъ во Христа, да отъ вѣры оправдимся* (Гал. 3, 24).

Здѣсь желалъ бы я изобразить вамъ, брат., тотъ дивный порядокъ, какимъ искони уготовлялась Божественная для насъ жертва; желалъ бы глубже прозрѣть въ преславныя тайны царства Божія: *но къ симъ кто доволенъ?* Но и обозрѣвая поверхностно времена, предшествовавшія явленію Господа во плоти, нельзя не видѣть *сѣни ерядущихъ благъ*, предварившей *тѣло Христово* (Кол. 2, 17). Отъ перваго благовѣщенія о Немъ: *сѣмя жены сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15), до послѣдняго: *се зачнеши и родиши сына, и нарещеши имя Ему: Іисусъ* (Лук. 1, 31), сколько чудесъ, пророчествъ, прообразованій, предвозвѣщавшихъ откровенія одной и той же тайны спасенія нашего! Можно видѣть и то, какъ одна избраннѣйшая отрасль рода человѣческаго особенно очищалась и какъ бы отреблялась для того, чтобъ она могла наконецъ произвесть тотъ прекрасный цвѣтъ человѣчества, отъ котораго долженствовалъ произойти Божественный плодъ, драгоцѣннѣйшій плодовъ древа жизни. Изъ всѣхъ народовъ отдѣляется одинъ народъ избранный, и чудеснымъ промысломъ Божіимъ воспитывается; въ этомъ народѣ дѣлаются новыя отдѣленія: избирается мужественное племя Іудино, въ немъ избирается родъ Давида, и на степени достоинства царскаго воспитывается то благостію, то правдою Божіею, то прославляется, то смиряется, окружается бѣдствіями и дивно сохраняется. Наконецъ этотъ царственный родъ, повидимому, совсѣмъ скрывается въ неизвѣстности: но здѣсь то, въ смиреніи своемъ, онъ и производитъ благодатный цвѣтъ человѣчества, который созрѣваетъ въ бѣдномъ Назаретѣ. И вотъ великій посланникъ неба привѣтствуетъ сей цвѣтъ, Духъ Св. осѣняетъ, и

въ утробѣ пренепорочной Дѣвы зачинается Божественный плодъ!— Оеслибы человѣчество могло сознать, какое безцѣнное сокровище въ немъ теперь заключается!

Слава Богу— Еммануилу! это и дано сознать всякому истинно вѣрующему. Въ этомъ сознаніи все благо и счастіе наше, вся мудрость и добродѣтель, вся слава и честь. *Или не знаете себе, яко Іисусъ Христосъ въ васъ есть, развѣ точію чимъ неискусни есте* (1 Кор. 13, 6)? Соединенная съ человѣчествомъ, искупительная жертва дѣйствуетъ во всѣхъ вѣрующихъ своею спасительною силою; пворитъ ихъ членами таинственнаго тѣла своего; подобно лозѣ виноградной содержитъ ихъ какъ вѣтви, питаетъ и живитъ. Блаженъ, кто живою вѣрою соединенъ съ симъ древомъ жизни истинной! *Иже будетъ во мнѣ, и Азъ въ немъ*, говоритъ Господь, *той сотворитъ плодъ многъ*, и *плодъ* его *пребудетъ* (Іоан. 15, 5. 16). Аминь.

ІУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

Слухъ объ осужденіи Синедріономъ І. Христа на смерть заставилъ содрогнуться весь Іерусалимъ и, можетъ быть, многихъ изъ упорнѣйшихъ враговъ Его: но самое сильное дѣйствіе произвелъ въ томъ человѣкѣ, отъ коего въ настоящемъ случаѣ всего менѣе можно было ожидать чувствительности — въ Іудѣ! — Какъ бы отъ нѣкоего чуда, предатель сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Самое сильное и мучительное раскаяніе наполнило всю его душу, и овладѣло имъ до того, что онъ, незная что дѣлать, рѣшился на самый отважный поступокъ — идти къ Первосвященникамъ, возвратить гибельные сребренники и всенародно свидѣтельствовать, что онъ согрѣшилъ тяжко, *предавъ кровь неповинную!* — Трудно было надѣяться тронуть симъ поступкомъ (хотя онъ самъ по себѣ былъ весьма трогателенъ) сердце судей — враговъ Іисусовыхъ: но ученикъ предатель хотѣлъ по крайней мѣрѣ сдѣлать для спасенія преданнаго имъ Учителя все, что могъ — желалъ удовлетворить этимъ собственному чувству, облегчить сколько нибудь нестерпимое бремя грѣха, подавлявшее его душу. Первосвященники приняли раскаяніе Іуды и его свидѣтельство о невинности Іисуса съ презрительною холодностію людей, кои, занимаясь исполненіемъ законовъ, не имѣютъ времени обращать вниманія на порывы мечтательной чувствительности. Ни одинъ не захотѣлъ спорить съ Іудою о невинности его Учителя (всего менѣе признаваемой личными врагами Іисуса); но ни одинъ не взялся пролить капли елея на растерзанное сердце его. „Что намъ, отвѣчали, до твоего поступка? — смотри самъ. Ты согрѣшилъ, (если согрѣшилъ) ты и долженъ отвѣчать!“ Такъ холодно говорили уста, хотя сердце кипѣло злобою на Іуду за его всенародное раскаяніе и свидѣтельство о Іисусѣ, кои бывъ самою великою похвалою осужденному, были вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимымъ упрекомъ неправеднымъ судіямъ Его.—

Бѣдный предатель, огорченный упрекомъ Священниковъ, дѣйствительно обратилъ весь взоръ на себя самаго, — но взоръ отчаянія, предъ коимъ такъ скоро является и такъ кажется пріятною — смерть!.. Въ смятеніи чувствъ, онъ повергаетъ принятые сребренники въ храмѣ, спѣшитъ въ уединенное мѣсто, и тамъ, на древѣ, задушаетъ въ себѣ жизнь тѣлесную, давно задушивъ духовную. Но ужасная картина сія, начатая

рукою отчаянія, какъ бы съ намѣреніемъ продолжается перстомъ карающаго Провидѣнія: висящее тѣло упадаетъ стремглавъ внизъ, средина расторгается на части, и являются внутренности!— (Дѣя. 1, 18).

Первосвященники, по свидѣтельству св. Матѳея, не согласились положить въ корванъ церковный сребренниковъ Іудиныхъ: ибо закономъ запрещено было давать и принимать въ Церковь деньги нечистыя; а это была цѣна крови!— Вмѣсто сего, съ общаго совѣта, куплено у одного горшечника пустое за городомъ мѣсто для погребенія странниковъ, можетъ быть и Іудеевъ, кои, во многихъ тысячахъ приходя во святый градъ, оканчивали нерѣдко тамъ земное поприще свое, а болѣе, кажется, язычниковъ, коимъ какъ по мнѣнію Іудеевъ нечистымъ, приличествовало и мѣсто нечистое. Гласъ народа, въ коемъ такъ часто выражается гласъ Божій, далъ вскорѣ сему кладбищу соотвѣтственное имя, назвавъ его: Акелдама, то-есть, мѣстомъ крови.

Такимъ образомъ, по замѣчанію Евангелиста, исполнились древнія предсказанія Пророковъ о предателѣ и плодахъ предательства: тридесять сребренниковъ приняты какъ „цѣна цѣненнаго, его же цѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ,“ и отданы на землю горшечника, какъ то еще издревле открылъ Господь вѣрнымъ рабамъ своимъ. — (Зах. 11, 12. 13.)

Сбылось, замѣчаетъ св. Петръ, и слово Давида о томъ, кто, *ядый хлѣбы, возвеличилъ запинаніе* (Дѣя. 1, 20. Псал. 68, 26): *дворъ его остался пустъ*,— въ безмолвное жилище мертвыхъ!— Въ окрестностяхъ Іерусалима и нынѣ показываютъ слѣды села крови.

Но, кто укажетъ слѣды жизни несчастнаго сопряжителя его?— обозначитъ истинный характеръ сына погибельнаго? проникнетъ тайну его лица и предательства?— Лице съ перваго взгляда ужасное, и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной, разительной противоположности съ достопокланяемымъ лицемъ Сына человѣческаго! Каиниты, конечно, жестоко заблуждали, почитая Іуду за его предательство, совершенное яко бы по тому, что онъ одинъ изъ Апостоловъ обладалъ прозрѣніемъ въ тайну спасенія человѣческаго смертію Сына Божія: но несогласно съ истиною поступилъ-бы и тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть во всей прошедшей жизни бывшаго Апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его, почти четырех-лѣтнее, пребываніе съ Іисусомъ, *среди напастей и искушеній* (Лук. 22, 28.), когда многіе другіе оставляли Его (1 Іоан. 6, 65—7). Такое постоянство достается въ удѣлъ не всякому. Сильное раскаяніе во грѣхѣ, всенародное признаніе въ немъ во храмѣ, и торжественное свидѣтельство о невинности, осужденнаго уже Іисуса, подвергавшее Іуду многимъ непріятнымъ послѣдствіямъ,— такъ же громко свидѣтельствуютъ, что въ душѣ предателя еще была совѣсть, что рука его умѣла не принимать только, а и повергать сребренники. Не присоединись къ раскаянію отчаяніе, встрѣться съ идущимъ изъ храма предателемъ горькій плачь Петровъ;—и мы, можетъ быть, увидѣли бы въ Искаріотѣ ревностнѣйшаго провозвѣстника Христа, имъ преданнаго, полагающаго за Него, подобно прочимъ Апостоламъ, душу свою. Все это и многое другое заставляло еще Отцевъ Церкви думать, что душа Іуды не чужда была многихъ добрыхъ чувствованій: почему онъ и былъ принятъ въ Апостолы

и причисленъ къ лику двенадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Искаріота былъ зародышъ гибельной страсти сребролюбія. То и другое — и похвальная и предосудительная сторона его характера могли равно расположить его слѣдовать за Іисусомъ. Гдѣ болѣе, какъ не въ Его святомъ обществѣ, какъ не въ Его божественныхъ бесѣдахъ, было пищи для всѣхъ благихъ помысловъ и чувствованій? — При комъ, какъ не при Немъ — Мессіи — Царѣ всего міра, удобнѣе казалось удовлетворить и свою жажду къ сребру? — И вотъ, Искаріотъ въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ. Особенныя дарованія, коими обладалъ онъ, вскорѣ отличаютъ его отъ другихъ; и онъ причтенъ къ лику двенадесяти. — Быть не можетъ, чтобы Іисусъ, избравшій своихъ Апостоловъ послѣ всенощной молитвы, среди собесѣдованій съ Отцемъ, не видѣлъ, что онъ избираетъ своего предателя. — *Вѣдяше искони, кто есть предаяй Его,* — и однако же избралъ его! избралъ — да сбудется писаніе, *яко никто же отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный!* — (Іоан. 17, 12).

Постоянная, непосредственная близость къ Іисусу — должна была, по свойству сердца человѣческаго, произвести одно изъ двухъ, — или подавить совершенно страсть сребролюбія въ сердцѣ Іуды и сдѣлать его совершенно чистымъ, подобно прочимъ ученикамъ, или произвести въ немъ тайную, постепенно возрастающую скуку отъ святаго общества Іисусова, заставить его, убѣгая свѣта, такъ ярко сіявшаго предъ очами и освѣщавшаго всѣ шаги его, болѣе и болѣе погружаться въ собственную тьму, предаться совершенно страсти. — Къ несчастію, надъ Іудою сбылось во всей силѣ послѣднее. Тогда, какъ прочіе ученики, вступивъ въ святое общество Іисусово, оставляли, такъ сказать, свою собственную жизнь, и со дня на день болѣе и болѣе начинали жить Божественною жизнію учителя; — Іуда остался съ своею гибельною самостоятельностію. Въ его умѣ продолжался мракъ невѣрія; въ его сердцѣ лежалъ ледъ самолюбія: онъ продолжалъ жить собственною жизнію, противуположною жизни Учителя. Средоточіемъ сей противуположности была страсть къ деньгамъ, столь противная духу нищеты и самоотверженія Сына человѣческаго. Носимый Искаріотомъ, ящикъ сдѣлался ковчегомъ завѣта для сребролюбца, изъ котораго сатана давалъ ему свои откровенія; — вся область тьмы обратилась на сію душу, находя въ ней убѣжище и твердыню противъ того, кто пришелъ разрушить дѣла діаволя. Когда Сынъ Божій восходилъ отъ одного подвига къ другому, несчастный сынъ погибели низпадалъ отъ лукавства къ лукавству, отъ измѣны къ измѣнѣ. Все злое тѣмъ глубже внѣдрялось въ душу Іуды, что долженствовало оставаться тайною его совѣсти: со внѣ онъ былъ Апостолъ, и вѣроятно, самый ревностный ...

Учитель, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ средства къ исцѣленію недугующаго ученика. Свидѣтельство тому — послѣдняя Вечеря. Сколько трогательныхъ и сильныхъ намековъ къ покаянію! въ Евангеліи Іоанновомъ сохранились и другіе слѣды особеннаго вниманія Іисусова къ состоянію души Іудиной. Но по причинѣ заключенія чувствъ сердца, занятаго страстію, все доброе оставалось на ея поверхности; — не было принято и не могло обращаться въ сокъ и жизнь духовную. Прикосновеніе — самое легкое и дружеское — врачующей руки къ ранѣ, производило одно внутреннее содроганіе и боль. —

Можетъ быть не разъ Искаріотъ, выводимый изъ терпѣнія своею страстію, подобно другимъ думалъ оставить Іисуса. Но невидимые узы все еще держали его до предопредѣленнаго времени; внутренній голосъ сильно еще говорилъ за Учителя. Могла говорить въ пользу пребыванія съ Іисусомъ и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видѣть Іисуса—Мессію. Іуда—какъ ни тяжело было принуждать себя непрестанно,—принуждалъ и оставался!...—

Послѣднія событія, возбудившія и въ прочихъ ученикахъ чаяніе о близкомъ воцареніи *Учителя*, въ Іудѣ должны были потрясти всю душу надеждою и страхомъ. Теперь, думалъ Іуда, не далѣе должна рѣшиться *Его*,—по крайней мѣрѣ *моя* участь! Время подумать рѣшительно о своемъ будущемъ состояніи. Что же слышитъ сребролюбецъ отъ Учителя въ продолженіи всѣхъ послѣднихъ дней?— Частыя предсказанія о Его будущихъ страданіяхъ, и—ни слова—о его царствѣ и наградахъ ученикамъ! „Первосвященники и Фарисеи собираются для совѣщаній, берутъ мѣры, осуждаютъ насъ на смерть; а мы ходимъ туда и сюда безъ дѣла, проводимъ дни и ночи ни надъ чѣмъ. Прекрасное общество,— но оно не по Іудѣ, коему нужно чѣмъ жить. Я не ихъ, и они не мои! Каждый пойдемъ своимъ путемъ!“ Но нельзяли извлечь, шепталъ демонъ, послѣдней пользы изъ твоего почти четырехлѣтняго пребыванія съ сими людьми?— Синедріонъ весьма дорожитъ узнаніемъ мѣстопребыванія Іисусова: почему не употребить въ свою пользу сего вызова? указаніе мѣстопребыванія не причинитъ большаго вреда учителю, а тебѣ послужитъ въ пользу. Посмѣютъ ли стражи наложить руки на Іисуса? не въ первой разъ имъ возвращаться отъ Него безъ успѣха. Даже, если бы они захватили Его; то, во время праздника, попричинѣ народа, не посмѣютъ причинить Ему ничего худаго; дѣло окончится чѣмъ-либо неважнымъ,— по всей вѣроятности— удаленіемъ Іисуса въ Галилею; а ты можешь получить награду и отличить себя въ глазахъ фарисеевъ“.

Адская мысль принята,— и ученикъ предатель весь занятъ сатаною! Не ищите послѣ сего согласія въ его дѣйствіяхъ;— это значило бы искать порядка въ адѣ. Пусть Каіафа не будетъ обѣщать ему ничего болѣе 30 сребренниковъ;,—сребренники сіи покажутся ему горами золота. Вырваться скорѣе изъ Рая— обратившагося въ темницу,— кончить, кончить дѣло,— вотъ чего хочетъ душа Іудина,— живущій въ ней діаволъ!

Но дѣло кончено!— Учитель въ рукахъ книжниковъ! Посредствомъ неимовѣрной поспѣшности они успѣваютъ въ продолженіи ночи сдѣлать два собранія, выслушать лжесвидѣтелей, произнести осужденіе, предать осужденнаго Пилату на распятіе. Вѣсти о всѣхъ сихъ событіяхъ, подобно громовымъ ударамъ, отдаются въ душѣ Іудиной. Разродившись предательствомъ, освободившись отъ усильныхъ дѣйствъ сатаны, (который теперь достигъ своего въ Іудѣ),—душа предателя сдѣлалась теперь какъ бы праздною и доступною чувству забытаго долга. И какой ужасный голосъ раздается въ пустотѣ сей!— Все доброе, на время забытое, въ тысячѣ видахъ возникаетъ опять, тѣснится въ сердце, подавляетъ, разрываетъ его— самою полнотою своею Іуда одно видитъ, одно слышитъ: смерть Учителя! Для него нѣтъ болѣе

стыда и скрытности; всѣ расчеты, самая страсть изчезла, какъ адское привидѣніе: осталась одна совѣсть съ мученіями! Дружеское участіе въ семъ положеніи какаго-либо священника,— какого-либо— человѣка, можетъ быть, остановило бы душу, готовую упасть въ адъ. Отъ нѣсколькихъ минутъ зависѣло все. Что же слышитъ самоосужденный предатель?— „смотри самъ,“— говорятъ ему съ презрѣніемъ. О, я хорошо вижу, думаетъ онъ въ отчаяніи, чего стоитъ подобное мнѣ чудовище: *око за око, кровь за кровь,*— говоритъ самъ законъ;— и первое древо служитъ ему орудіемъ казни надъ самимъ собою.

Послѣ сего уже стократъ *уѣве было, дабы не родился*, ужасно несчастный, *человѣкъ сей!*—

Но речетъ кто: „аще писано есть пострадати Христу сіе, то чего ради порицаетъ Іудѣ; писанія бо сотворилъ есть?“

„Но не тѣмъ изволеніемъ, а отъ лукавства. Аще же не изволеніе его испытывати будеши, то и діавола отъ согрѣшенія свободиши. Но нѣсть сіе, нѣсть. Безчисленныхъ бо достойны суть мукъ и сей и онъ, аще и вселенная спасеся. Не преданіе бо Іудино спасеніе намъ содѣла, но Христова премудрость и Его художествива богатство, иныхъ лукавства въ пользу намъ употребляя. Речеши: „аще и Іуда не предалъ бы, инъ не предалъ ли бы?“—И что сіе на предложеніе? „Яко аще распяшися Христу подобаше, чрезъ нѣкоего подобаше, речеши: аще чрезъ нѣкоего, чрезъ такова человѣка всячески: аще же бы вси были блази, не содѣялося бы смотрѣніе о насъ.“ Не буди; самъ бо Всепремудрый вѣдяше, како устроити полезная намъ, и сему не собывшуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради, да не кто возмнитъ, яко служи преда смотрѣнія бысть Іуда, окаеваетъ его.“ (*)

(*) Злат. бесѣд. 81. на Матѳ.

Конецъ 2-го года.

Богу нашему слава во вѣки вѣковъ!—

Кіевъ. Въ Типог. К. Лавры, съ дозволенія Дух. Цензуры 28 Февраля 1850 г.
Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ Іеремія.